

А.Левитин-Краснов, В.Шавров

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ
СМУТЫ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 9

Анатолий Левитин
Вадим Шавров

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ

КРУТИЦКОЕ ПАТРИАРШЕЕ ПОДВОРЬЕ

Москва

INSTITUT GLAUBE IN DER 2. WELT

Küsnacht (Schweiz)

1996

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 9

(работа над серией ведется с 1991 г.)

Редакционная коллегия тома:

кандидат искусствоведения, доцент протоиерей Валентин ЧАПЛИН
(Крутицкое Патриаршее Подворье, Москва)
профессор Дмитрий Владимирович ПОСПЕЛОВСКИЙ
(Университет Западного Онтарио, Канада)
Профессор Вильям ван дер БРЕККЕН
(Теологический факультет Утрехтского Университета, Голландия)
Профессор Эрих БРИНЕР
(Институт «Вера во втором мире», Швейцария)
кандидат исторических наук Александр Юрьевич ПОЛУНОВ
(Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова)
Илья Владимирович СОЛОВЬЕВ
(Крутицкое Патриаршее Подворье, Москва)
Валентин Арсеньевич НИКИТИН
(Отдел по религиозному образованию и катехизации
Московского Патриархата, Москва)
кандидат богословия игумен Иннокентий (ПАВЛОВ)
(Библейско-Богословский Институт, Москва)
кандидат исторических наук Модест Алексеевич КОЛЕРОВ
Священник Сергей ИЛЬИН (Германия)

*В издании книги принимала участие «Фирма Алеся»
Оригинал-макет изготовлен издательством Библейско-Богословского
Института (Москва)*

Ответственные за выпуск книги

Гнатченко А. Н., Вановский Д. В., Беденко Д. В., Пичугин А. В. (сотрудники Крутицкого Патриаршего Подворья), Богданов Ю. Н., художник В. Н. Сергутин.

Предисловие

Без обращения к книге А.Э.Левитина и В.М.Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты» невозможно обойтись серьезному исследователю истории Русской Православной Церкви XX столетия. Трудно определенно сказать, чем в большей степени является этот труд – историческим источником или капитальным исследованием, но важность его и с историографической и с источниковедческой точки зрения велика. Изданные Институтом «Вера во втором мире» в 1978 г. «Очерки» заняли исключительное по своей значимости место в новейшей церковно-исторической литературе, но, к сожалению, доступ к этой книге в силу ряда обстоятельств оказался весьма ограничен.

Заранее предугадывая неоднозначное отношение к публикуемой впервые в России книге А.Левитина и В.Шаврова, необходимо сделать некоторые предварительные замечания. Один из авторов – А.Э.Левитин – подчеркивал, что руководящим принципом при работе над «Очерками» было стремление говорить правду, «без вульгарного приспособления к политическим режимам и человеческой теплохладности». В этой книге он, по его словам, произносил суд прежде всего над самим собой. «Я не придавал никогда никакого значения суду человеческому, будь то суд государства, общества или отдельных лиц, – не признаю и не принимаю никакого суда, кроме Суда Божия и суда совести. И творчество – проявление этого суда».

Нельзя не учитывать этой позиции автора. В известном смысле перед нами не только исследование, но и «человеческий документ», не свободный от личных пристрастий и даже субъективных оценок. Это и понятно, ибо сам А.Э.Левитин был не только свидетелем, но иногда и непосредственным участником описываемых в «Очерках» событий. Необходимо подчеркнуть также, что у самих авторов не было единомыслия по целому ряду вопросов. Различна, например, их оценка личности и деятельности епископа (в обновленчестве «митрополита») Антонина (Грановского), имеются и другие расхождения. Надо подчеркнуть, что издатели в свою очередь не могут согласиться с целым рядом положений, высказанных в книге. Однако ни о какой «цензуре» по отношению к авторскому тексту, являющемуся памятником эпохи, не могло даже идти и речи.

При подготовке к печати труда А.Э.Левитина и В.М.Шаврова редак-

ционная коллегия серии «Материалы по истории Церкви» столкнулась с проблемой, поставленной в свое время протопресвитером Александром Шмеманом в книге «Исторический путь Православия». Речь шла об отношении православного человека к прошлому и о боязни истории Церкви из-за «соблазнов и разочарований»¹. Веря в то, что сила Православия в правде, о. Александр Шмеман не побоялся останавливать внимание читателей на падениях и человеческих грехах, имевших место в истории Церкви. Эту точку зрения разделяют члены редакционной коллегии нашей серии.

История «обновленчества» послеоктябрьского периода во многом дает поводы для таких «соблазнов и разочарований». Но знать ее необходимо и судить о ней можно только на основании источников и добросовестных исследований, к числу важнейших относится и предлагаемая читателям работа, хотя, как мы уже замечали, и не лишенная определенного субъективизма.

*

История обновленческого движения в Русской Церкви XX столетия может быть разделена на два периода, границей между которыми стали события революции 1917 г. и работа Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. Вплоть до падения самодержавной власти положение Российской Православной Церкви было весьма далеким от той радужной картины, которую рисуют нам некоторые позднейшие историки и особенно публицисты². Статистические данные о количестве действующих в царской России церквей, монастырей и служащего в них духовенства еще не дают исчерпывающей характеристики внутрицерковного положения накануне событий февраля – октября 1917 г. Серьезное рассмотрение источников и целого ряда новейших исследований в этой области показывает, что уже накануне XX столетия Российская Православная Церковь находилась в состоянии серьезного кризиса.

Этот кризис имел в своей основе утвердившиеся в результате реформ Петра I нарушения канонического строя Церкви, тесную зависимость ее от государственной власти, доходящую в отдельных случаях до прямого диктата со стороны последней, попрание начал соборности в церковной жизни и утрату церковной свободы. Видимым проявлением этого неблагополучия являлось падение религиозности населения, усиление религиозного безразличия и рост сектантства, – словом, постепенная утрата священноначалием своего прежнего авторитета в обществе.

Это неблагополучие тревожило многих представителей духовенства и церковной общественности, часть из которых, наблюдая за ростом негативных тенденций в церковной среде, стремилась бороться с нарастающими недугами путем обличения очевидно, не осознавая, что эти средства недостаточны для отпавших из церковной ограды а также для людей, в глазах которых духовенство и иерархия по тем или иным причинам потеря-

¹ Шмеман Александр, протопресвитер. Исторический путь православия. Париж, 1985, с. 387.

² См., например, Тальберг Н. История Русской Церкви, т.2, Джорданвилль, 1959.

ли свой нравственный авторитет. Другая часть стремилась исправить положение через «обновление Церкви», осуществление реформ, направленных на восстановление канонического бытия Русской Церкви, утверждение начал соборности церковного управления, освобождение Церкви из слишком тесных объятий государства.

Далеко не все участники движения за церковное обновление того времени имели реформаторский пыл, присущий послеоктябрьскому обновленческому расколу. Среди дореволюционного обновленческого движения было немало сторонников церковной свободы, ратовавших за восстановление патриаршества и созыв церковного Собора.

Необходимость перемен ощущалась и в среде иерархии, о чем свидетельствуют «Отзывы епархиальных архиереев по вопросам церковных преобразований» 1906 г.¹ Обратимся к некоторым примерам.

Видный петербургский протоиерей Михаил Чельцов, осужденный в 1922 г. на смерть вместе со Святителем Петроградским митрополитом Вениамином (Казанским) и принявший мученическую кончину, писал в 1907 г. в своей работе «Сущность церковного обновления»: «Обновление не есть проявление нового, — это было бы творением, рождением; обновлять можно только то, что существует. (...) Обновление не есть отказ от прежде бывшего, зачеркивание и творение совершенно нового явления: оно есть воззвание к жизни того, что есть или что было и что быть должно, но почему-либо замерло (...) Обновление не перерождает и внутренней сущности того или иного явления, не производит в ней внутреннего переворота: оно выявляет эту сущность, доставляя все способы к ее обнаружению, раскрытию, процветанию (...) Но обновление не есть замазывание прорех, заплатка на старом (...) и идти оно может не путем репрессий, насилия, через гром и бурю (...)» И далее: «Церковное обновление имеет своим объектом не Церковь в ее трансцендентальной сущности, даже и не в земной ее святости, а Церковь, со стороны выражающего ее во вне человеческого ее элемента». «Церковные обновленцы всеми жилами своего существа связали себя с так называемой исторической Церковью. Они крепко убеждены, что было одно Богоявление и другого не будет (...) Отсюда задачей для церковных обновленцев является не пересоздание Церкви как Божественного установления, а возрождение ее со стороны ее человеческого элемента...»²

По мнению о. Михаила Чельцова, «нужны реформы, а не реформация», «нужна не революция церковная, а эволюция, хотя и самая последовательная и строго проведенная». «Реформы церковные, как и все вообще церковное обновление, должны произойти исключительно на основах и в духе Евангелия Христова и древне-вселенской практики.» (...) Свободная Церковь должна быть свободной не только от государственных тисков, но и от опеки, свободной во всех своих внутренних жизнепроявлениях (...) Необходимо добиваться реформирования и церковного управления, церковной жизни на основах соборности и единства».

¹ См. об этом подробнее: *Зернов Н.М.* Реформы русской Церкви и дореволюционный епископат. — «Путь», 1931, № 34, с. 3-15.

² *Чельцов Михаил, священник.* Сущность церковного обновления. СПб, 1907, с. 5, 6, 9.

Другой видный петербургский священник о. Константин Агеев (также, как и о. М. Чельцов убиенный большевиками) писал о необходимости утверждения начал соборности в церковной жизни, при которой все слои церковного общества, включая приходское духовенство и мирян, должны чувствовать свою ответственность за Церковь. Однако, по мнению о. Агеева, «в отношении церковной жизни подлинно нельзя идти в неизвестную пустыню без ковчега завета. И мы недостойными устами повторим прекрасные слова Вселенского Собора Ефесского: Да перестанет новшество вторгаться в древность! С другой стороны, твердо помним и исповедуем, что Церковь православная утверждается на предании, но на предании истины, а не на предании лжи»¹. Это значит, что необходимая и неотложная реформа Церкви должна состоять в восстановлении «во внешних формах жизни» живой Апостольской традиции. О. Константин Агеев выступал также за освобождение Церкви от государственной зависимости, за подлинную церковную свободу, основанную на соборности.

Идею церковной свободы проповедывали в своем знаменитом «манифесте» 32 столичных (петербургских) священника, заявившие о себе особой запиской под заглавием «О необходимости перемен в русском церковном управлении». «Только Церковь, свободная в исповедании полноты своего самосознания, во внутреннем строе своем, в служении слова своего, в управлении всех дел своих и всего ей вверенного, только свободно самоуправляющаяся Церковь может поддерживать в совокупности чад своих полную, сыновне чистую веру в себя и вполне обладать необходимым для осуществления ее высокого божественного призвания голосом, от которого горели бы сердца человеческие»². «Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы Церковь возвратила себе всю силу плодотворного влияния на все стороны жизни человеческой и всю мощь своему голосу. А для этого она должна вернуть себе прежде всего свободу, искони ей принадлежавшую и определенную строем священных канонов, пренебрегаемых и забываемых, но не могущих утратить своей исконной для себя обязательности». (...) Свободный строй жизнедеятельности церковной не может подлежать усмотрению человеческому, не может быть сочинен так или иначе, ибо во всех основаниях и во всех главнейших подробностях он точно определен восходящим к апостольским временам преданиям, увековечен строем канонических постановлений, сохраняющим в этой части своей обязательную на все времена силу и значение, но представляющим необходимый простор для согласных с ним приспособлений к условиям места и времени. Восстановление свободы церковной не может и не должно быть совершено иначе, как чрез восстановление действенности ограждающих эту свободу священных канонов во всей полноте их и чистоте (...) Итак, стремление к свободе церковной есть, как и должно быть, только стремление к восстановлению начертанного канонами строя церковного самоуправления, в основном и существенном навсегда неотменяемого, ибо этим охраняется свобода Церк-

¹ Агеев К. Сущность церковного обновления. СПб, 1907, с. 13.

² «О необходимости перемен в высшем церковном управлении. Мнение группы столичных священников». СПб., 1905, с.2.

ви вселенской, единой в веках, и без него Поместные Церкви не могли бы сохранить обязательный характер вселенского единства»¹. Столичные иереи также выступили за соборность управления, основанную на широко развитой жизни приходов, и особенно подчеркивали, что «достигнуть великой и святой цели восстановления канонической свободы православной церкви в России» можно только «через нарочито для сего созданный поместный собор русской Церкви»².

Эти пространные цитаты из сочинений представителей дореволюционного движения за церковное обновление приведены нами не случайно. Знакомство с книгой А.Левитина и В.Шаврова, по нашему мнению, поможет читателям увидеть те глубокие различия, которые существовали между дореволюционным движением за церковное обновление и советскими «обновленцами». До революции мы видим протест против государственного пленения Церкви и засилья светского чиновничества в синодальном руководстве. Советские «обновленцы», напротив, желали государственной опеки и соглашались на контроль безбожного большевистского «обер-прокурора» из ГПУ, роль которого исполнял тогда Е.А.Тучков. Эту «пошлость и фальшь политического приспособленчества» живоцерковников и других групп «советских обновленцев» не приняло подавляющее большинство церковного народа. До революции мы встречаем стремление к восстановлению канонов, у живоцерковников – призыв к их попранию, до революции – протест против архиерейского произвола, бесправия священников и мирян, в обновленческом расколе – отражение узкословных интересов белого клира, жажда власти, готовность идти к ее достижению через измену и предательство своих собратьев, бунт против законного священноначалия, избранного Поместным Собором.

Конечно, и среди дореволюционного обновленческого движения были различные оттенки во мнениях и даже диаметрально противоположность во взглядах. Были «христианские социалисты» и мечтатели об открытии «новой церкви Св. Духа». Однако их влияние на церковную жизнь оставалось не столь значительным и о существовании их мы знаем большей частью благодаря близости некоторых их представителей к органам либеральной печати.

Революционные события и заседания Поместного Собора 1917-1918 гг. привели к возникновению качественно новых условий жизни Церкви. Эта новизна заключалась не столько в установлении нового государственного порядка, сколько в том, что соборный разум церковный начал подлинное обновление Церкви. Самый факт возврата к соборному строю, привлечение к активной жизни в Церкви широких слоев народа Божия, восстановление патриаршества и другие реформы высшего церковного управления, а также долгожданное освобождение Церкви от государственного плена – вот что создало новые условия существования. Это обновление Церкви привело к сплочению церковного народа вокруг своих пастырей, укреплению веры, постепенному возврату к ней широких слоев интеллигенции, да

¹ «О необходимости перемен...», указ. соч., с. 4, 5, 67.

² Там же, с. 8.

и всего общества. По свидетельству современника (профессора И. А. Стратонова) в послереволюционной России нельзя было не заметить «общерелигиозного подъема в массах. Храмы наполнились молящимися, при этом среди молящихся не было того преобладания женского пола, которое замечалось до революции. Исповедь получила особое значение, стала развиваться и эпитимийная практика. (...) Церковные праздники привлекали огромное количество народа. Церковная жизнь к 1920 г. восстановилась полностью, а может быть, даже превзошла старую, дореволюционную. Вне всякого сомнения, что внутренний рост церковного самосознания верующего русского общества достиг такой высоты, равной которой не было последние два столетия в русской церковной жизни. Церковная власть в церковном обществе, которое в значительной степени она церковно воспитала, встала на недосягаемую высоту»¹.

Но вот появились новые люди, образовавшие своего рода «церковную партию» и поставившие свой разум выше разума соборного. Были здесь и карьеристы, жаждущие власти и удовлетворения своего уязвленного самолюбия. Были искатели «третьего завета», реформаторы, желавшие перестроить церковную жизнь соответственно своим взглядам и суждениям, были и крайние модернисты. Беда многих из них заключалась в том, что в своей реформаторской деятельности они зачастую руководствовались не столько церковными нуждами, сколько политическими мотивами или сословными интересами белого духовенства. Лишенные ясного церковного сознания эти «советские обновленцы» готовы были ради достижения своих целей использовать все дозволенные и даже недозволенные средства. «Живцы». Так называли верные Церкви чада этих людей и их последователей. Раскол. Так названа их деятельность церковной историей. Этот раскол был лишь одним из многих в то время церковных расколов в России и за рубежом. Внешне он отличался от остальных, но, несмотря на кажущуюся диаметрально противоположность по сравнению, например, с зарубежным карловацким расколом, и тот и другой имели как бы общую основу. «Если зарубежные иерархи примкнули к крайне правому лагерю, — пишет И. А. Стратонов, — то представители белого клира, живоцерковники, пошли на сближение с господствующим в это время в России социально-политическим уклоном. Те и другие, став игрушкой политических страстей, в равной степени забыли свой долг перед Церковью: долг послушания церковной власти. (...) Разницы, по существу, между этими двумя течениями нет и не может быть, так как исходный пункт того и другого отщепенства один и тот же: преобладание политических устремлений над церковным сознанием. Политическое различие этих течений не делает их, с церковной точки зрения, разными: окрасятся они в красный цвет или в черный, или в какой-либо другой — одно несомненно, что они стараются тщательно стереть с себя цвета Русской Церкви, а все остальное имеет значение политическое, а не церковное»².

¹ Стратонов И. А. Русская церковная смута. 1921-1931 гг. в кн. «Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии». М., 1995, с. 36.

² Стратонов И. А. указ. соч., с. 73-74.

«Анализируя причины церковных смут, – пишет митр. Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, – пытаюсь понять тайные пружины нестроений, терзающих православный люд, необходимо прежде всего уяснить, что корень всяческих бед человеческих – гордыня и ее производные: тщеславие, своеволие, сребролюбие, любоначалие, гнев... «От высокомерия происходит раздор», – говорит Священное Писание (Притч. 13:10), «Надменный разжигает ссору» (Притч. 28:25), «Беззакония ваши произвели разделение» (Ис. 59:2)»¹. Вот почему, несмотря на таланты некоторых обновленческих лидеров, поддержку властей, всевозможные уловки за ними не пошел народ Божий. Тысячи мучеников, прославленных и неизвестных, собственной кровью подтвердили свою преданность Христу и Его Святой Церкви. И хотя агония послереволюционной «обновленческой» схизмы длилась долго – конец ее был закономерен.

*

История послереволюционного обновленческого раскола не была обойдена вниманием исследователей, причем одним из первых среди них был уже не раз упоминавшийся нами И.А.Стратонов. Однако ко времени написания его книги «советское обновленчество» продолжало еще существовать, и потому оценка автора ограничивалась определенными историческими рамками, естественно, без учета дальнейшей эволюции «обновленческих» группировок.

В 1927 г. в Варшаве вышла книга известного русского канониста профессора С.В.Троицкого «Что такое Живая Церковь?». В ней предпринята обстоятельная попытка проанализировать историю, идеологию и устройство обновленческой группы «Живая Церковь», а также дать ее характеристику с точки зрения учения Св.Православной Церкви. Для современного историка чрезвычайно важно то, что проф. С.В.Троицкий опирался в своем исследовании на множество материалов, опубликованных в 1920-е гг. в эмигрантской печати, а также на личные свидетельства эмигрантов, бывших в свое время в контакте с лидерами «советского обновленчества». Следует упомянуть также полемическую брошюру архиепископа Мефодия «О Живой Церкви», (Харбин, 1926 г.), к сожалению, оставшаяся недоступной автору этих строк.

В СССР история обновленческого раскола специально рассматривалась некоторыми советскими авторами. В 1970 г. появилась книга А.А.Шишкина «Сущность и критическая оценка обновленческого раскола в русской православной церкви» – единственная монография, посвященная этой теме². Концепция советской школы наиболее рельефно отражена в книге Н.Гордиенко «Современное русское православие»³ и в соответствующем разделе коллективной монографии «Русское православие. Вехи истории», явив-

¹ *Иоанн (Снычев), митрополит.* Стояние в вере. Очерки церковной смуты. СПб, 1995, с. 7.

² *Шишкин А.А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола в Русской православной церкви. Казань, 1970.

³ *Гордиенко Н.С.* Современное русское православие. Л., 1988, с. 39.

шейся, надо полагать, последним словом атеистических авторов коммунистического времени.

Грубая фальсификация и агитационно-антицерковный характер – вот основная отличительная черта едва ли не всех трудов по новейшей истории Церкви, составленных советскими историками-марксистами. Чего стоят, например, высказывания о том, что «подавляющее большинство священнослужителей и мирян одобрило новую ориентацию церкви (обновленческую. – *И.С.*), отвечавшую интересам верующих трудящихся и создавшую нормальные условия для удовлетворения ими своих религиозных потребностей в новых общественных условиях»¹. На самом деле, как это станет видно и из текста печатаемых теперь «Очерков», часть церковного сообщества по различным причинам не разобралась поначалу в сущности этого движения и не сумела разглядеть факта узурпации группой обновленческих лидеров высшей церковной власти. Однако очень скоро обновленческие храмы стали пустеть. Н.Гордиенко старается представить дело так, что именно поддержка советского режима живоцерковниками всех мастей была главным фактором, определившим «приток масс» в обновленческую церковь. С другой стороны, он утверждает, что «только на путях политической переориентации церкви можно (было. – *И.С.*) если не предотвратить, то хотя бы замедлить углубление кризиса традиционного русского православия». Таким образом, читателей уверяют в том, что воззрения прихожан Русской Православной Церкви практически совпадали с точкой зрения ГПУ – НКВД, для которого, действительно, в те годы решающую роль во многом играли политические убеждения.

В другом советском исследовании читаем, что широкая программа реформ, выдвинутая обновленческой церковью, «включала в себя пересмотр всех сторон церковной жизни: догматов, этики, литургики, канонического права и т.д. Конечная цель этих реформ состояла в устранении всех тех наслоений в православном вероучении и церковной практике, которые обуславливали защиту духовенством интересов эксплуататорских классов и создание идеологической основы для перехода на позиции отстаивания интересов рабочих и крестьян»². Главная причина краха обновленчества, по мнению авторов цитируемой книги, «состоит в том, что они проводили модернизацию православия, не сообразуясь с характером религиозного сознания».

Как видим, все здесь поставлено с ног на голову. Эти странные (по меньшей мере) выводы не могут быть объяснены только фальсификацией в угоду известному политическому направлению безбожной власти. Нужно говорить о непонимании советскими исследователями самой сути вопроса об обновленческом расколе, их невежестве в религиозных вопросах и полном отсутствии церковного сознания.

В других трудах доперестроечного времени обновленцам уделялось относительно мало внимания. Л.Регельсон в своей известной книге «Траге-

¹ «Русская православная церковь. Вехи истории». М., 1989, с. 632.

² Добренъков В.И. Радугин А.А. Христианская теология и революция. М., 1990, с. 300.

дия Русской Церкви» сосредоточил внимание на гонениях на Церковь со стороны безбожников и на критике некоторых действий заместителя патриаршего местоблюстителя митр. Сергия (Страгородского). Нельзя, однако, не согласиться с его выводом о том, что «обновленчество, несмотря на все его эффектные нововведения, в своих духовных корнях было течением глубоко реакционным, ибо возвращалось к преодоленным Церковью формам существования: церковно-государственной симфонии и синодально-бюрократическому управлению. Но если раньше на эти формы можно было смотреть как на промежуточные и несовершенные, то возврат к ним перед лицом воинствующего антихристианства приводил к неизбежному духовному краху»¹. Причины массового отпадения епископата в обновленческий раскол (по приведенным в книге данным более 60 православных епископов были вовлечены в обновленческую организацию) Л.Регельсон видит в том, что архиереи не смогли «... вместо академической учености и лжесмирненного послушания любой администрации» проявить «ясное и глубокое экклезиологическое сознание и способность, оказавшись без руководства церковной власти, к самостоятельному и уверенному возглавлению своих епархий»². Надо подчеркнуть, что многие факты, которые приводит Л.Регельсон в своем труде (особенно в «хронологической» его части), были взяты им из появившихся (тогда еще в самиздате) «Очерков» Левитина и Шаврова. На эти же данные главным образом опирается в своем сочинении бывший клирик Московского Патриархата В.Русак³.

Митр. Иоанн (Снычев) в опубликованных в последнее время сочинениях также не рассматривал специально историю обновленческого раскола⁴. М.Зеленогорский в монографии, посвященной жизни и деятельности архиеп. Андрея (Ухтомского) уделяет внимание некоторым аспектам истории обновленческого движения и характеристике позиции владыки Андрея в отношении этого раскола⁵. Фрагментарно освещается история борьбы с обновленчеством в недавно вышедшем I томе книги «Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты»⁶. Заслуживает упоминания труд архиеп. Сергия (Ларина), до сего дня не опубликованный и известный исследователям в рукописи. Сам автор труда, в прошлом обновленческий епископ, после принесения покаяния (в 1944 г.) был принят в общение с Матерью-Церковью как монах, но впоследствии получил каноническое рукоположение во епископы.

¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917-1945. Париж, 1977, с. 96.

² Там же, с. 84.

³ Русак В. Свидетельства обвинения. Джорданвилл, 1987 (в вых. данных указано: Москва, 1980 г.).

⁴ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви 20-30 годов XX столетия. Сортавала, 1993, во втором издании – «Стояние в вере. Очерки церковной смуты». СПб, 1995; его же, «Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк». СПб, 1993. Краткая история обновленческого раскола изложена митр. Иоанном: История Русской Церкви при патриархе Тихоне. – «Вестник Ленинградской духовной академии», 1990, № 1, с. 7-17.

⁵ Зеленогорский М.Л. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея. М., 1990.

⁶ «Патриарх Тихон и история русской церковной смуты». СПб, 1994, т. 1.

Краткие биографии обновленческих лидеров и перечень их епархий, а также некоторые другие сведения об этом расколе можно найти в книге «Акты Святейшего Патриарха Тихоны и позднейшие документы о преемстве Высшей Церковной Власти. 1917-1943»¹.

Историю обновленчества довольно подробно освещает протоиерей Владислав Цыпин в учебном пособии по истории Русской Церкви (1917-1990 гг.). По его мнению, появившиеся в Церкви в годы гражданской войны модернистские группировки «подхватили идейное наследие «группы 32 священников»². Еще более последовательно эта мысль выражена указанным автором в сборнике «Сети «обновленного православия», носящем откровенно полемический характер. К сожалению, характеризуя деятельность «группы 32 столичных священников», о. В.Цыпин не подкрепил свои доводы ссылкой на документы или на источники, хотя позиция еп. Антония (Храповицкого), впоследствии видного расколочальника, (лидера карловацкого раскола) подкреплена необходимой цитатой и сноской.

О. Владислав Цыпин полагает также, что на обновленцах-радикалах лежит «часть вины» за то, что император Николай II не допустил созыва Поместного Собора Русской Церкви, опасаясь, «как бы Собор ни приобрел направления, параллельного тому, который выбран был Государственной Думой двух первых созывов»³.

В «послесловии к статье» о. Владислава Цыпина анонимный составитель сборника «Сети «обновленного православия» указывает на «попытки реабилитации отдельных деятелей обновленческого движения (...) до и после событий 1917 г.» Любопытно, что г-н составитель относит к категории обновленцев и Георгия Гапона и свящ. Григория Петрова. Очевидно составителю неизвестно, что последний уже «реабилитирован», причем не «в последнее время», а на Поместном Соборе 1917-1918 гг., на что указано, между прочим, в учебнике того же о. Владислава Цыпина, к сочинению которого и написано «послесловие». Из этого примера лишний раз становится ясно, что время для окончательной оценки («суда» или «реабилитации») дореволюционного движения за церковное обновление еще не настало.

Профессор Д.В.Поспеловский в своих исследованиях новейшего периода истории Русской Церкви уделил большое внимание не только фактам обновленческого движения, но и выяснению его предпосылок, симптомов и причин. В статье, опубликованной на страницах «Вестника Русского Христианского Движения», он приводит интересные данные о том, что из 32 членов «группы столичных священников» участников послереволюционного обновленческого раскола оказалось лишь шестеро. «Из других дореволюционных церковных радикалов или хотя бы умеренно левых мы встречаем лишь Грановского, архиепископа Евдокима (Мещерского) и прикнувшего к возрожденным в 1917 г. обновленцам Введенского. Гораздо

¹ «Акты Святейшего патриарха Тихоны и позднейшие документы о преемстве Высшей Церковной Власти. 1917-1943». М., 1994.

² Цыпин Владислав. Русская Православная Церковь. 1917-1990. М., 1994.

³ См. статью о. Владислава Цыпина в сб «Сети «обновленного православия». М., 1995.

больше было у них бывших черносотенцев – например, Красницкий и Платонов, (...) спасавших теперь свою шкуру верной службой новым хозяевам»¹.

По мнению Д.В.Поспеловского, согласному с суждениями протопресвитеров Иоанна Мейендорфа и Александра Шмемана, трагедия русского православия XX века состояла в том, что «... в основном правильные идеи обновления и оживления Церкви проповедовались недостойными людьми, проводились в жизнь грязными и даже преступными руками»².

В своем капитальном исследовании «Русская Православная Церковь в XX веке» Д.В.Поспеловский высказывает мысль о том, что предпосылками появления обновленческого раскола были «травматические последствия церковной реформы Петра I» и распространение так называемого ученого монашества. Некоторая часть духовенства остро переживала стесненность своего положения вследствие безраздельного господства небрачного епископата. Укрепление советских обновленцев Поспеловский справедливо связывает со стремлением советской власти подорвать Церковь изнутри. Причины их краха заключались в том, что пришедшие в Церковь после революции люди не желали поддерживать богоборческую коммунистическую власть³.

В заключение укажем, что историю обновленческого раскола можно проследить и на основании целого ряда публикаций документов из советских архивов. К их числу относится, например, публикация документов М.И.Одинцова в книге «Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг.» (М., 1995), а также двухтомный сборник «Русская Православная Церковь в советское время» (М., 1995)

Илья Соловьев.

¹ *Поспеловский Д.В.* Обновленчество. Переосмысление течения в свете архивных документов. – Вестник РХД, № 168, с. 219.

² Там же, с. 221.

³ *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

Предисловие к швейцарскому изданию

Это было в июне 1960 года. В журнале «Наука и религия» появилась статья обо мне «Духовный отец Вадима Шаврова».

Статья готовилась долго, и уже за полгода до ее появления меня выкинули из школы, где я работал учителем. После же того, как она была напечатана, я лишился моего негласного сотрудничества в «Журнале Московской Патриархии». Редактор развел руками, сказал: «Простите, больше не могу!»

Что делать? И тут я вспомнил о том, что в Куйбышев был как раз это время назначен новый архиерей – архиепископ Мануил Лемешевский, о котором я с детства слышал как о хорошем, независимом, глубоко религиозном человеке. Написал своему близкому другу, старому самарцу Борису Михайловичу Горбунову – воспитаннику митрополита Антония Храповицкого, бывшему секретарю самарского земства: «Пойдите к владыке Мануилу, расскажите о моем положении. Может быть, даст мне какую-нибудь работу». Через три дня – телеграмма: «Готовьтесь к отъезду в Куйбышев. Деньги высылаю». И я поехал. В этот колоритный город, дорогой мне уже тогда по ряду воспоминаний, стоящий на берегу чудесной русской реки. 10 июля 1960 года состоялась моя встреча с владыкой. Архиепископ (впоследствии митрополит) Мануил, несмотря на свои 76 лет, не утратил ни почти юношеской живости в движениях и манерах, ни живого острого ума.

«Мы пережили эпоху, насыщенную множеством драматических событий, – говорил владыка, – и вот умрем мы, несколько человек, оставшихся в живых, и ничего от этой эпохи не останется. Надо писать работу об обновленческом расколе. Я знаю, мы с вами разойдемся в оценке многих личностей и событий, но все равно пишите. Только каждую главу присылайте мне. О средствах к жизни не беспокойтесь. Деньги посылать вам буду ежемесячно через Бориса Михайловича».

Таково было начало этой работы. В Москве в работу вовлекся мой верный друг и товарищ Вадим Шавров. Он достал мне многие ценные документы, разыскал многих еще живых тогда свидетелей и (самое главное) популяризировал эту работу среди церковных людей. Каждая глава мгновенно после написания распространялась в Москве, Ленинграде и в

других городах Советского Союза. Все это благодаря огненной энергии моего друга и соавтора.

Уже в шестидесятых годах первый том проникает за границу и печатается отрывками в «Новом журнале» (в Нью-Йорке) и в журнале «Возрождение» в Париже. Журнал «Посев» в 1974 году напечатал также мой очерк «Закат обновленчества», который входит в качестве приложения в состав работы. Ныне «Очерки по истории русской церковной смуты» впервые появляются полностью (все три тома с приложениями).

Книга не утратила актуальности не только потому, что о многих событиях здесь говорится впервые, но и потому, что проблема церковной реформации волнует всех без исключения верующих людей (независимо от конфессиональной принадлежности).

Что касается авторов, то они руководствовались следующими тремя принципами:

1. Говорить правду, никого не идеализируя и никого не шельмуя.

2. Авторы приветствуют истинное обновление Церкви в духе Евангелия Христова.

3. Авторы с презрением отвергают вульгарное приспособленчество к политическим режимам и к человеческой теплохладности, ибо это есть величайший соблазн и опошление христианства.

Правда Божия – всегда, везде и во всем. Больше же всего в Церкви Христовой.

И хочется закончить это вступление словами замечательного русского поэта Федора Сологуба:

Посягнуть на Правду Божью
То же, что распять Христа,
Заградить земною ложью
Непорочные уста!

Да не будет этого нигде и никогда – и особенно в Церкви Божией.

А. Левитин-Краснов
26 августа 1977 г.
Люцерн

Том I

*Религиозной молодежи – нашей смене,
нашей надежде – с глубоким уважением
и любовью посвящают свой скромный
труд авторы.*

«– Пригласите свидетеля Белавина!

В зале перерыв движения, а затем все замерло. Часовой распахнул дверь. Медленно входит высокий, стройный человек. Белая борода. Жиденькие седые волосы, черная шелковая ряса. На груди скромная серебряная иконка. И никаких знаков отличия.

– Ваши, гражданин, имя, отчество, фамилия?

– Василий Иванович Белавин.

– Патриарх Тихон?

– Да, Святейший патриарх всея Руси...»

(Ашевский П. И. святейший и правительствующий. – Известия ВЦИК, 1922, 6 мая, №99.)

Тридцать восемь лет назад были написаны эти строки, и уже в труху превратилась газетная бумага, на которой они были отпечатаны. И вот снова, как тогда, слышится голос: «Введите...» – и вновь стоит перед суровым судом давно умерший патриарх. И на этот раз уже не как свидетель, а как подсудимый, и рядом с ним его современники – друзья и враги – те, кто его обвинял, и те, кто тогда сидел за судейским столом.

Для всех наступил суд истории. «Сильна, как смерть»; – можно сказать про нее, и нет ни одного человека, который не подлежал бы ее суду; даже тех, чьи имена забыты, судит история, если не лично, то в лице того поколения, к которому они принадлежали. Однако, если суд истории могуществен и суров, как и всякий другой суд, то он так же, как и всякий людской суд, не гарантирован (увы!) от ошибок и несправедливостей.

«Как вы думаете, что скажет об этом история?» – спрашивает один из героев пьесы Шоу. «Наверное, солжет, по обыкновению», – отвечает на этот вопрос устами другого персонажа автор. Эти слова великого скептика пусть будут предостережением в начале этой работы.

Не лгать! Говорить правду, всю правду, ничего, кроме правды, как бы горька и трудна она ни была, и да поможет в этом Бог!

25 августа 1960 г.

Начало

Мучителен, сложен, зигзагообразен путь обновленческого движения в России. Дело обновления Церкви – дело в своей основе святое и чистое, и у его истоков стояли чудесные, кристально чистые люди. «Как обновить наши церковные силы?» – озаглавил одну из своих статей величайший русский мыслитель Владимир Сергеевич Соловьев. И вся его жизнь – это страстная, вдохновенная проповедь обновления христианства, очищения его от грубых, средневековых подделок и извращений; проповедь построения на земле Царствия Божия – Царства правды, добра и красоты. Об обновлении Церкви непрестанно говорили и писали ученики Вл. Соловьева, которые составляли блестящую плеяду замечательных мыслителей. Стихийным порывом к обновлению христианства была охвачена и русская литература от Достоевского и Толстого до Мережковского и Блока.

И в среде русского духовенства постепенно проникает стремление к обновлению Церкви.

«Наличность либерального реформаторского движения, – писал В.И. Ленин в 1905 году, – среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение даже получило свое название: «новоправославное движение». (Ленин В.И. Собр. соч. Изд. 3-е, т.7, с.84-85.)

Трагическая фигура архимандрита Михаила (Семенова) – чистого, бескорыстного человека, горячего энтузиаста и добродетельного монаха, запутавшегося в противоречиях эпохи и причудливо соединившего в конце жизни старообрядчество со свободным христианством, заслуживает самого горячего сочувствия со стороны всех честных людей.

«Даже и не будучи полным единомышленником о. Михаила, – писал о нем знаменитый религиозный мыслитель, – можно заметить, сколь резко отличается он на фоне православного духовенства, в особенности же монашеского. В его статьях и брошюрах чувствуется подлинная религиозность, палящее дыхание религиозной муки, напряженность постоянных религиозных исканий, тревога мятущейся мысли. Его душе близки социальные нужды нашего времени, и ему свойственно понимание социальных

задач христианства, сложных и трудных задач, так называемого христианского социализма. Его ухо слышит те стоны нужды и горя, к которым так глухи чиновники в митрах и клобуках», — так характеризовал его С.Н.Булгаков (*Булгаков С.Н. Духовенство и политика. — Товарищ, 6 декабря 1906 г., письмо в редакцию по поводу дела о. архимандрита Михаила*).

«Совет представителей студентов Петроградской духовной академии постановил по поводу увольнения профессора Академии архимандрита о.Михаила выразить признательность и благодарность о.Михаилу как открытому и честному борцу за свободу, в котором монашеская ряса не уничтожила человеческого достоинства», — так характеризовали о. Михаила его ученики (*Русское слово, 1906, 8 декабря, №134, с. 4*).

О. Григорий Спиридонович Петров, епископ Антонин Грановский и Андрей Ухтомский, думские священники оо. Тихвинский, Огнев, Афанасьев, тифлисский мужественный пастырь о. Иона Брехничев и другие — более практические, чем о. Михаил Семенов, хотя и менее талантливые и вдохновенные, чем он, деятели дореволюционного обновленчества так же заслуживают уважения за свою смелую борьбу с церковной казенщиной. Они много способствовали тому, что «обновление Церкви» стало одним из популярных лозунгов в либеральной интеллигентской среде.

Здесь можно очень многое сказать об исторической обстановке тех лет, но это не входит в наши задачи. Темой настоящей работы не является характеристика русского обновленчества в дореволюционное время. Следует все же указать на то, что уже в дореволюционном обновленчестве очень ясно ощущаются те внутренние противоречия, которые пронизывают впоследствии обновленческий раскол. Обновленческие лозунги, став модными после 1905 года, разумеется, тесно сочетались с освободительным движением, которое развертывалось в стране. Деятели церковного обновления иногда примыкали к крайним радикальным партиям: так, о. Михаил Семенов был лишен сана за свою принадлежность к народным социалистам, о. Григорий Петров был близок к трудовикам, а священники II Государственной Думы во главе с о. Тихвинским примыкали к социал-демократическим кругам. Все же в целом обновленческое движение между двумя революциями протекало в русле кадетского либерализма, лишь очень редко выходя за его рамки. В какой-то мере это способствовало его популяризации в интеллигентской среде; в то же время это обуславливало буржуазное опошление обновленческих идей. Если внимательно читать обновленческие документы (типа «Записки 32 петербургских священников», появившейся в 1905 году) и резолюции епархиальных съездов этого периода, можно легко заметить, как великие идеи Вл. Соловьева об универсальном, всестороннем духовном обновлении заменяются требованиями об ограждении прав приходского духовенства. «Палящее дыхание религиозной муки» неожиданно превращается в скулеж по поводу мелких доходов сельских батюшек, а все грандиозное дело церковного обновления оборачивается,

по меткому выражению епископа Антонина, в «стачку попов, бунтующих против своего начальства».

В этой атмосфере формировалось мировоззрение будущих деятелей обновленческого раскола.

Александр Иванович Введенский – главный лидер и самый значительный обновленческий теоретик – до конца своей жизни (несмотря на мгновенные изумительные взлеты) все же оставался типичнейшим представителем того церковного интеллигентского либерализма, который сформировался в предреволюционные годы и который иногда колко назывался «церковным кадетством»¹.

Александр Иванович Введенский, который начал свою деятельность в предреволюционные годы, а затем стал центральной фигурой обновленческого раскола, является в то же время связующим звеном между дореволюционным реформаторским «новоправославным» движением и обновленческим расколом. К характеристике этого во всех отношениях замечательного человека мы сейчас и обратимся.

Он родился в г. Витебске 30 августа (12 сентября н.с.) 1889 года в семье учителя латинского языка, вскоре ставшего директором гимназии. В честь Александра Невского, память которого празднуется в этот день, новорожденный назван был Александром. Будущий вождь обновленческого раскола был обладателем не совсем обычной родословной. Его дед Андрей был псаломщиком Новгородской епархии; по слухам, он был крещеным евреем из кантонистов. Человек порывистый и необузданный, Андрей к концу жизни стал горьким пьяницей и погиб при переходе ранней весной через Волхов; семейное предание рассказывает, что, цепляясь за ломкий вешний лед и уходя под воду, псаломщик читал себе отходную. Его сын Иван Андреевич Введенский получил от своего отца противоречивое наследство: духовную фамилию Введенский и ярко выраженную иудейскую внешность; необузданно пылкий нрав и блестящие способности. Окончив Духовную семинарию, сын сельского псаломщика поступил на филологический факультет Петербургского университета и затем надел вицмундир гимназического учителя. В памяти Александра Ивановича осталось, как его отец дослужился до звания действительного статского советника и как ликовала по этому поводу вся семья: выделившись из «колокольного» дворянства, Введенские юридически причислялись к «благородному» русскому сословию, хотя настоящие дворяне, разумеется, с иронией поглядывали на своих новых собратьев. Мать будущего обновленческого первоиерарха Зинаида Саввишна была обыкновенной провинциальной дамой среднего буржуазного круга, незлой и неглупой. Быт семьи директора витебской гимназии мало чем отличался от быта тысячи подобных провинциальных семейств, раскиданных по бесконечным русским просторам, все члены этой семьи были самыми обыкновенными средними интеллигентами; на этом

¹ Как известно почти всем друзьям и врагам авторов, один из них является непосредственным учеником А.И. Введенского и лично близким ему человеком. Относясь с уважением и любовью к памяти своего учителя, я, однако, полностью отрешаюсь от всяких личных пристрастий и буду говорить правду и только правду. (А.Л.)

фоне неожиданно, как метеор, сверкнула яркая талантливая личность, в которой самым причудливым образом переплетались самые, казалось бы, несовместимые черты.

С недоумением смотрели на него родные и знакомые; все поражало их в странном мальчике. Наружность отдаленных еврейских предков неожиданно повторилась в сыне витебского директора в такой яркой форме, что его никак нельзя было отличить от любого из еврейских детишек, которые ютились на витебских окраинах; он был больше похож на еврея не только чем его отец, но и сам его дед. Задумчивый и вечно погруженный в книги, он как-то странно выходил моментами из своего обычного состояния молчаливой замкнутости, чтобы совершить какой-либо эксцентрический, сумасбродный поступок. «Введенский – странный, странный ребенок», – говорили о нем гимназические учителя, коллеги папаша. Но всего страннее была религиозность, экстравагантная, порывистая, неудержимая... она началась в раннем детстве; с семи лет с ним произошло что-то необычное, диковинное, о чем он говорил потом очень редко, как-то вскользь, с большой неохотой. «Семи лет я имел видение в храме», – сказал он мне однажды, когда мы говорили о книге Джемса «Многообразие религиозного опыта», и тотчас перевел разговор на другую тему. Не было в городе более религиозного гимназиста, чем Саша Введенский; каждый день перед гимназией он посещал раннюю обедню; во время литургии приходил в экстаз, молился с необыкновенным жаром и плакал; худое тело высокого не по летам гимназиста сотрясало от рыданий, а молящиеся, вероятно, смотрели на него с изумлением и про себя говорили: «чудак, юродивый!» И дома он много и долго молился. Однажды попалась ему книга – «Идит» Достоевского, и он прочел ее залпом, не отрываясь, в один присест. Девяти лет прочитал он роман «Воскресение» в запрещенном заграничном издании и послал в Ясную Поляну негодующее послание; обиделся за главу о евхаристии. Еще в раннем детстве он выучился (очень легко и быстро) играть на рояле и уже в одиннадцать лет разыгрывал довольно сложные вещи, так что многие считали его вундеркиндом. Очень рано потерял он отца, но отцовскую смерть перенес довольно равнодушно, зато еще более привязался к матери, которую нежно любил до самой ее смерти (в 1939 году), и, пользуясь правами епископа, после ее кончины причел ее к лику блаженных.

По окончании гимназии Александр Иванович поступает в Петербургский университет (на филологический факультет), и с этого времени сразу же в его жизни наступает период бурной деятельности. Так же, как в Витебске, каждый день он бывает в церкви, в храме Великомученицы Екатерины на Васильевском острове; с удивлением хозяйка квартиры (он жил на 1-й Линии) отмечает, что в комнате молодого студента всегда горит лампада. В университете он увлекается больше всего философией (тогда историко-филологический факультет был одновременно и философским). «Есть только две области после религии, которые доставляют наслажде-

ние: гносеология и музыка», – часто говорит он впоследствии. И музыкой занимается он неустанно, с увлечением, не зная границ, каждый день по три-четыре часа играет на фортепиано, разучивая Шопена и Листа, которые на всю жизнь остались его любимыми композиторами. В 1910 году совершил он летом, вместе со своим товарищем, молодым студентом консерватории певцом Ливером, гастрольную поездку по провинции, заезжая в самые глухие губернские и уездные уголки. Через пятнадцать лет (в 1925 году) совершил он по примерно тому же маршруту другое турне в качестве митрополита-апологета, только на этот раз он не играл на рояле, а потрясал стены филармоний и провинциальных лекториев своими речами на диспутах.

В университете у Введенского был близкий друг однокурсник Владимир Пишулин – тоже экзальтированно-религиозный юноша монашеского типа: впоследствии Введенский сделает его священником и епископом, а потом (14 августа 1926 года) его бывший товарищ со слезами, публично, в храме, отречется от него и его дела и будет считать полученное им из рук Введенского епископство величайшим грехом своей жизни. В дореволюционные годы, когда многие из петербургских интеллигентов были охвачены богоискательством, молодой студент Введенский становится частым гостем в салоне Мережковского и Гиппиус. Модные писатели обращают внимание на оригинального студента-филолога. Завязываются литературные связи, появляются новые знакомства, и тут вдруг неожиданно оказывается, что мечтательный богоискатель обладает бешеной энергией и совершенно исключительной способностью натиска... В его голове рождается грандиозный план – выяснить причины неверия русской интеллигенции путем анкетного опроса работников интеллектуального труда в России. Задумав этот план, молодой Введенский начинает, как угорелый, носиться по редакциям газет и журналов, поднимает на ноги литераторов, профессоров, членов Государственной Думы, земских деятелей. В конце концов ему удается заинтересовать своим планом либеральное «Русское слово»; в газете появляется соответствующее обращение за подписью «А.И.Введенский». Начинается газетная шумиха, граничащая с сенсацией; на анкету откликаются тысячи людей. Скоро, правда, выясняется, что произошло забавное недоразумение: большинство читателей приняло безвестного студента за его прославленного однофамильца профессора философии А.И.Введенского. Посыпались обвинения в мистификации, так что молодому человеку пришлось выступить с печатным заявлением, что он не виноват в том, что другие носят его фамилию, имя и отчество. Так или иначе, было заполнено несколько тысяч анкет, и на основе этих данных Александр Иванович пишет свою первую статью «Причины неверия русской интеллигенции», помещенную в журнале «Странник» за 1911 год. Эта статья, блестящая по форме и глубокая по содержанию, является великолепным историческим документом¹.

Для истории обновленческого движения эта статья интересна тем,

¹ Все произведения Введенского стали в настоящее время библиографической редкостью. Мы, однако, твердо уверены, что потомство вырвет их из забвения.

что здесь как бы пунктиром намечено основное направление деятельности знаменитого проповедника и апологета. В основе массового распространения неверия лежат два факта: кажущееся несоответствие религиозных догматов с прогрессом науки и глубокая испорченность духовенства – отсюда две линии, по которым затем направляется деятельность будущего идейного вождя обновленчества: апологетика (примирение религии и науки) и реформаторство (обновление церкви). О том, насколько успешно были им выполнены эти две задачи в рамках обновленческого движения, мы расскажем на следующих страницах наших очерков, а пока отметим, что в этом труде двадцатитрехлетнего автора, быть может, проявилась и основная слабость его как деятеля. Есть что-то символическое в том, что его первая статья посвящена русской интеллигенции: всегда и во всем – и в своих реформах, и в своей апологетической деятельности – он имел в виду прежде всего русского дореволюционного интеллигента: все его речи, проповеди, произведения предназначаются для рафинированной интеллигентской публики (все остальные слои общества порой как-то выпадают из его поля зрения), вот почему его деятельность в двадцатых-тридцатых годах, несмотря на весь новаторский пафос, все же имела привкус какого-то анахронизма.

Следующие годы ознаменовались в жизни Александра Ивановича рядом важных событий: в 1912 году он женится по страстной любви на молоденькой девушке, дочери провинциального предводителя дворянства, и с этого момента начинается запутанный и зигзагообразный путь его личной жизни¹.

В это время он принимает решение стать священником. Чем руководился петербургский студент-литератор, принимая такое решение? Впоследствии он часто говорил о том, что пошел в церковь, имея твердое намерение «стать реформатором». «Я шел в церковь с твердым намерением сокрушить казенную церковь, взорвать ее изнутри», – слышал один из авторов очерков от него не раз. Вряд ли, однако, он действительно ставил перед собой такие четкие и ясные цели. Натура эстетическая, порывистая, экспансивная, он был человеком минуты, легко поддающимся настроению. Религиозная настроенность, свойственная ему с детства, богоискательские веяния эпохи – все это, вместе с неясными честолюбивыми намерениями, создало тип честолюбивого религиозного мечтателя, в котором искренний порыв сочетался с почти болезненной жадой самоутверждения. Так или иначе с 1913 года окончивший в это время университет молодой Введенский начинает обивать архиерейские пороги. В церковных кругах, однако, встретили нового кандидата в священники холодно и недоверчиво: всюду, где он появлялся, его подвергали томительным консисторским бюрократическим процедурам, а затем отказывали под каким-либо благовидным пред-

¹ Мы не упоминали бы про это, если бы сплетни и пересуды о личной жизни А.И. Введенского не пережили бы его и не оставались бы до сего дня любимой темой церковного мещанства. Скажу кратко: покойный был несчастен в личной жизни в силу сложившихся обстоятельств. Он страдал от ненормальных условий, в которых протекала его семейная жизнь. «Мне очень повезло по службе, – говорил он мне как-то раз с мукой на лице, – и страшно не повезло в личной жизни». Во всяком случае, он до конца своих дней оставался верным другом и помощником своей первой жены и нежным отцом своих многочисленных детей. (А.Л.)

логом. «Представьте себе, – говорил он впоследствии, – они, оказывается, считали меня революционером и думали, что я добиваюсь места священника, чтобы вести революционную пропаганду».

Тогда энергичный и талантливый искатель священства предпринимает смелый шаг – он является в Петербургскую духовную академию и заявляет о своем желании кончить ее экстерном. (Факт неслыханный в то время.) Тогдашний ректор Петербургской академии епископ Анастасий принял просителя ласково и иронически: «Что вам, собственно, от нас нужно, молодой человек?» – «Знаний». – «Ну, полно вздор нести – это после университета-то?» – «Я хочу стать священником, но меня нигде не берут, так вот я решил приобрести диплом Духовной академии». – «Вот это другой разговор. Правильно, молодой человек, вы нахал – так и надо – сдавайте». Вероятно, и академический значок мало бы ему помог, если бы не встреча с протопресвитером военно-морского духовенства Г.Шавельским. «Тот с радостью меня принял, не побоялся», – вспоминал через тридцать лет Введенский. Перед самой войной, в июле 1914 года, А.И.Введенский наконец достиг своей цели и был рукоположен епископом Гродненским Михаилом в пресвитерский сан и назначен священником в один из полков, стоявших под Гродно, а через несколько недель грянула мировая война.

Мы уделили столь много места этому малоизвестному периоду биографии Александра Ивановича не только потому, что все детали в жизни крупного деятеля представляют большой интерес для историка, но и потому, что биография Введенского – это в какой-то мере биография того движения, наиболее выдающимся представителем которого он является. Как в капле воды, в этом малоизвестном периоде его жизни отражается зреющее в некоторых кружках богоискательской интеллигенции течение, которое пробивает себе дорогу и в духовенство; там, в духовенстве, оно претерпевает ряд существенных изменений, и в первую очередь теряет ту декадентскую окраску, которая так характерна для религиозных исканий эпохи; декадентство, однако, осталось навсегда одной из существенных черт Александра Введенского, как человека и как деятеля. Уже во время первой литургии, которую он совершал на другой день после рукоположения, произошел знаменательный эпизод. Когда во время Херувимской песни новопоставленный иерей, стоя с воздетыми руками, начал читать текст Херувимской песни, молящиеся остолбенели от изумления не только потому, что о.Александр читал эту молитву не тайно, а вслух, но и потому, что читал он ее с болезненной экзальтацией и с тем характерным «подвыванием», с которым часто читались декадентские стихи. Опомившись от мгновенного изумления, епископ Гродненский Михаил, стоявший на клиросе, стремительно вошел в алтарь: «Не смей, немедленно прекратить, нельзя так читать Херувимскую!»

Надо сказать, что до конца жизни А.И.Введенский находился под сильнейшим влиянием декадентства, и если страстная тоска по правде,

ощущение безвыходности, бессмысленности обыденной жизни, переплавленные могучим ораторским талантом, создавали изумительные, потрясавшие слушателей проповеди, то идейная спутанность, смещение моральных ценностей, свойственные декадентству, способствовали поразительной (как увидим ниже) беспринципности, свойственной этому сложному человеку. Двухлетняя служба в качестве полкового священника, а затем перевод (в 1916 г.) в Петербург в качестве священника в аристократическую церковь Николаевского кавалерийского училища – таковы основные вехи служебной биографии священника Введенского в период мировой войны.

В то время как обновленческий «Златоуст», идя своим зигзагообразным и петлистым путем, продвигался в церкви, готовился к своей деятельности и другой крупный обновленческий деятель – Александр Иванович Боярский. Путь Боярского был менее сложен, чем путь Введенского, хотя он представлял из себя не менее характерную фигуру. Родившись около 1885 года в семье священника, Боярский по окончании Духовной семинарии поступает в Петербургскую духовную академию. Здесь, еще на первых курсах, он проявляет горячий интерес к рабочему вопросу. В 1906 году Александр Иванович – студент второго курса Духовной академии – впервые появляется среди рабочих Спасо-Петровской мануфактуры. В то время в среде петербургской духовной интеллигенции к рабочим относились с некоторым страхом. «О рабочих, – вспоминал Боярский, – говорили как о богохульниках, людях, которые только что живьем не едят попов». Однако с первой же беседы молодой студент приобретает популярность в рабочей среде. (См.: Вестник труда, Петроград, 1918, 12 мая, с. 1; *Боярский А.И.* Среди рабочих.). Народник, человек практической сметки, хорошо знающий жизнь, умевший и любивший просто и понятно говорить о самых сложных вещах, Боярский пользовался огромным уважением в рабочей среде. Окончив Академию, он становится священником в Колпино (под Петроградом) в рабочем поселке при Ижорском заводе. Смелый новатор, Боярский примыкал к крайним радикалам и был убежденным сторонником ориентации церкви на рабочий класс и приверженцем церковных реформ. Он проводил два-три раза в неделю тематические беседы, которые по существу превращались в своеобразный народный университет, предназначенный для молодых рабочих.

В конце войны происходит знакомство двух Александров Ивановичей – между ними возникает крепкая идейная и личная дружба. Солидная, кряжистая фигура высокого, широкоплечего чернобородого А.И.Боярского представляла собой разительный контраст по сравнению с порывистым, дерганым, худосочным невrastеником А.И.Введенским. «Священник Боярский, – писал известный кадет, впоследствии сменовеховец Н.А.Гредескул, – говорит просто, задушевно, спокойно, без экзальтации; со своей речью он близко подходит к слушателю. По временам он не только физически, но и духовно спускается с кафедры, оставляет тон оратора и говорит как бы не с массой, а с каждым в отдельности. И это создает моменты

особой убедительности его речи. Свящ. Введенский более нервен, приподнят, экзальтирован. Его речь – не беседа, а настоящая ораторская речь. Он все время перед массой и не в уровень с ней, а сверху, на возвышении. Он не убеждает, а проповедует. Его речь не распадается на отдельные эпизоды, а течет как одно целое, устремленное к своему финалу. И этот финал – не тихий спуск мысли после ее спокойного развития, а бурный подъем к наиболее эффектному выражению. Речь Введенского на митинге была кончена кричащим голосом и патетическими словами» (*Гредескул Н.А.* Переворот в церкви. – Красная газета, 1922, 28 мая, №117, с.5).

К этим двум петербургским священникам примыкал еще третий, о. Иван Федорович Егоров – священник из Введенской церкви, что против Царскосельского вокзала. Идеалист и бесребреник, малорослый, скромный, о. Егоров отличался огромной эрудицией и был великолепным, влюбленным в свое дело преподавателем Закона Божия. Будучи практическим деятелем, подобно о. Боярскому, стремясь как можно больше приблизить христианство к жизни, о. Егоров отличался в то же время мистической настроенностью, которой был совершенно чужд Боярский. О. Егоров умер в 1920 году от сыпного тифа и потому только не сыграл в событиях 20-х годов той роли, которая ему предназначалась его товарищами; однако он был крупнейшей фигурой в дореволюционном обновленчестве – в петербургском триумvirате он играл роль связующего звена между «рабочим батюшкой» Боярским и утонченным декадентствующим эстетом Введенским. «Это была замечательная дружба трех иереев, пожалуй, невиданная в истории церкви, которая, однако, дала очень мало, гораздо меньше, чем могла бы дать», – со вздохом говаривал, вспоминая этот период своей жизни, А.И.Введенский.

В Петрограде развивал также свою деятельность молодой литератор, будущий священник и активный обновленческий деятель Евгений Христович Белков. Сын почтенного петербургского протоиерея, Евгений Белков в это время подвизался в качестве беллетриста, пишущего рассказы из духовного быта под псевдонимом «Х.Толшемский». Известный интерес представляет принадлежащий его перу сборник «В мире рясы» (Петроград, 1916). Рассказы этого сборника, написанные в том же ключе, что и повести Потапенко и Гусева-Оренбургского, заслуживают внимания своей резкой критикой высшего духовенства и монашества. Таков рассказ «У игумена», в котором изображается беглый каторжник, сумевший в короткий срок, при помощи подкупа и интриг, стать игуменом захолустной обители. Это резкое антимонашеское выступление в устах одного из будущих обновленческих корифеев предвосхищает антимонашескую демагогию «Живой Церкви».

Наш обзор предыстории обновленческого раскола был бы неполон, если бы мы не остановились еще на одном лице. Речь идет о богатырской фигуре епископа Антонина (Грановского). Мы не случайно употребили этот эпитет. Всякому, кто когда-либо видел Антонина, сразу приходило на

ум это слово. Огромный рост, зычный громоподобный голос, резкие порывистые движения, обнаруживавшие большую физическую силу, внешность свирепого араба – все это как бы подавляло в первый момент любого из его собеседников. Это впечатление еще более усиливалось у всякого, кто его слушал или читал его произведения. Беспощадная смелость мысли, суровая прямота характера в сочетании с глубиной ума; стиль тяжелый, запутанный, носящий на себе отпечаток своеобразной, ни на кого не похожей личности – епископ Антонин был (как бы ни относиться к его деятельности), бесспорно, очень крупным человеком. На его похоронах один из ораторов сравнивал его с Василием Великим. Мы сравнили бы его с Оригеном. Подобно Адамантову учителю, Антонин был страстным правдоискателем, экстравагантнейшим человеком, великим богословом и, подобно Оригену, всю жизнь ходил по краю пропасти, все время находясь на волоске от ереси.

Александр Андреевич Грановский родился в 1860 году на Украине. Нам, к сожалению, очень мало известно о его юношеских годах. Однако, видимо, молодость его была мятежной и богатой приключениями; он много путешествовал, изучал восточные языки и, что совсем необычно, изучил их в совершенстве, занимался археологией, видимо, менял профессии; лишь в 1891 году, в 31 год, он окончил со званием магистранта Киевскую духовную академию. Одновременно Александр Андреевич принял монашество с наречением ему имени Антонин и был назначен помощником инспектора Киевской академии. Очень быстро поссорившись с начальством, после грандиозного скандала (скандал был вообще его стихией), иеромонах Антонин переводится в Москву, с большим понижением, в качестве смотрителя Донского духовного училища, чтобы через несколько лет, после очередной ссоры, вернуться снова в Киев смотрителем Киево-Подольского духовного училища. За это время иеромонах Антонин (благодаря своему несдержанному, порывистому характеру) приобрел себе бесчисленных врагов; однако приобрел себе и верного друга в лице архиепископа Финляндского Антония Вадковского. Когда Антоний Вадковский становится митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским, перед Антонином неожиданно открываются широкие перспективы. В 1899 году он переводится в Петербург, возводится в сан архимандрита и становится старшим цензором Петербургского духовного цензурного управления. На этой должности архимандрит прославился своим либерализмом: он не только пропускал в печать все, что поступало на его утверждение, но находил особое наслаждение в том, чтобы ставить свою визу на литературных произведениях, запрещенных гражданской цензурой.

В 1902 году выходит в свет его магистерская диссертация («Книга пророка Варуха». Репродукция. СПб. 1902), блестяще защищенная им на заседании совета Киевской духовной академии 18 декабря 1902 года. Эта работа является событием не только в русской, но и в мировой экзегетике. Как известно, Книга пророка Варуха дошла до нас в греческом переводе и

потому не принадлежит к каноническим книгам Ветхого Завета. Попытки немецких экзегетов Френкеля и Пресснера воспроизвести еврейский оригинал, основываясь на анализе греческого текста, не дали никаких положительных результатов. Эту же задачу поставил перед собой Антонин. Не ограничиваясь, однако, греческим текстом, Антонин привлек тексты сирский – пешито, сирозигзаплический, арабский, коптский, эфиопский, армянский и грузинский. После скрупулезнейшего грамматического (морфологического, синтаксического) анализа Антонин приходит к выводу, что часть этих текстов переведена не с греческого, а с еврейского (впоследствии утерянного) подлинника. Такими текстами, в частности, являются сирский пешито, арабский и коптский. Основываясь на этих текстах (по его мнению, более древних, чем греческий текст, и более близких, чем он, к подлиннику), Антонин реставрирует древнееврейский пратекст, который помещен на с. 396-404 его труда. Восстановленный таким образом через несколько тысячелетий оригинал произвел сенсацию не только в христианских, но и в еврейских кругах: ученые раввины всего мира комментировали эту книгу.

Через несколько месяцев после присуждения Антонину звания магистра богословия, 22 февраля 1903 года, последовал указ о возведении старшего члена Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета в сан епископа Нарвского с присвоением ему наименования третьего викария Санкт-Петербургской епархии (см.: Церковные ведомости, 1903, №9, с. 57), а 28 февраля 1903 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры была хиротония нового епископа, которую совершали митрополиты Антоний Петербургский и Владимир Московский, епископы Владикавказский Владимир, Таврический Николай, Саратовский Иоанн, Тамбовский (будущий экзарх Грузии) Иннокентий и епископ Ямбургский (будущий Святейший патриарх Московский и всея Руси) Сергий.

«Испарения будней сгущаются, – говорил в своей речи на наречении Антонин, – и в мире тяжело дышится. Оттого, быть может, люди наших дней, не довольствуясь ароматом риз епископа, прикасаются к житейским его одеждам, желая, чтобы сила от него исходила и проявлялась во внешней, видимой деятельности». (Прибавление к «Церковным ведомостям», 1903, №9, с. 869.) «Возьми же от меня сей жезл пастырский и иди твердо предстоящим тебе путем вождя дружины Христовой», – говорил ему в своей речи при вручении архиерейского жезла митрополит Антоний (там же, с. 371).

Это был венец карьеры епископа Антонина, которая была вскоре разбита благодаря независимости его характера. Небосклон стал заволакиваться тучами очень скоро: выступая в комиссии по выработке законов о печати под председательством сенатора Кобеко, епископ Антонин, к всеобщему изумлению, высказался за полную, ничем не ограниченную свободу печати с совершенным уничтожением всякой цензуры. Одновременно председатель Цензурного комитета говорил всем и каждому, что не видит ника-

кого смысла в своей должности и занимает ее только для того, чтобы саботировать свои обязанности. Все это сопровождалось едкими выпадами по адресу власть имущих; митрополиту Антонию (человеку либеральному, гуманному и тактичному) приходилось с невероятным трудом сглаживать резкие выходы своего неугомонного викария.

1905 год страшно подействовал на впечатлительного и отзывчивого к общественным бедствиям епископа. Его речь перед панихидой о жертвах Порт-Артура проникнута искренней болью. «Господи! – сотрясал стены Казанского собора своим громовым голосом епископ. – Прими же цену стольких страданий и стольких взятых от нас жизней во облегчение жития оставшихся». (Церковный вестник, 1905, №2, с.34-35.) На 9 января епископ Антонин откликнулся письмом в редакцию газеты «Слово» (Слово, 1905, 21 января, №43), в котором горько оплакивает невинных людей, павших на улицах Петербурга. После 17 октября он опускает из чина поминования слово «самодержавнейший», а в декабре 1905 года публикует в газете «Слово» новую статью, утверждая, что неограниченная монархия есть учреждение дьявольского происхождения.

В шуме революционных бурь все это сходило с рук; однако в 1907 году, как только в стране «восстановилось спокойствие», фрондирующему епископу немедленно припомнили все его выступления. По личному повелению Николая II в 1908 году епископ Антонин был уволен на покой с пребыванием в Сергиевой Пустыни под Петербургом. О своих злоключениях он рассказывает следующее: «26 января говорит Николай Извольскому: передайте кому следует, чтобы Антонин оставил службу. Митрополит все же тормозил, сколько мог, мою отставку. Наконец, в один прекрасный день Извольский говорит митрополиту: скажите Антонину, чтоб до пятницы подал прошение, а иначе в пятницу будет уволен без прошения, потому что два члена Синода – Серафим Орловский и Гермоген Саратовский – уже знают о воле Царского Села. Пришлось подать. Был на покое до 1913 года. 22 декабря 1913 года говорит Николай Саблеру: ну, я вижу, Антонин – хороший человек, так позаботьтесь о нем, устройте на службу. Стали думать, куда меня деть – хотели в Уфу, да потом вспомнили, что Елизавета Федоровна, великая княгиня, там монастырь построила – может приехать – и нашли другую дыру, куда меня сунуть – Владикавказ. А через два года и оттуда вышибли по болезни. Уже после революции, в 1919 году, когда жил я на покое здесь, в Москве, стал я опять проситься, чтобы меня куда-нибудь послали, да мои старые товарищи по Питеру Арсений, Кирилл и Никандр мне говорят: «Эх ты, балда, да разве тебе можно предоставить какое-нибудь место!» (Известия ВЦИК, 1923, 11 августа, №179, с.4.)

К этому следует добавить, что Антонин был строгим монахом, вел аскетический образ жизни и отличался общедоступностью: дверь его кельи была открыта для всех в любое время дня.

История не определяется желаниями людей, но историю делают люди – и в каждом историческом деятеле отражается его эпоха. И в тех

лицах, о которых шла речь в этой главе, очень ярко отразилось революционное предгрозьё. Никогда, ни раньше, ни после, в Русской Церкви не могли появиться (и не появлялись) люди, подобные Введенскому, Боярскому, Антонину Грановскому. Их появление означало, что вся русская жизнь (в том числе и Церковь) развивается под знаком наступающей революции.

Теперь мы будем говорить о революции...

Рассказ митрополита Нестора

С тарейший русский иерарх, Высокопреосвященный митрополит Нестор поделился с нами воспоминаниями о своих встречах с епископом Антонином (Грановским). Эпизоды, которые запечатлелись в памяти владыки-митрополита, столь характерны, что мы решили поделиться ими с читателем*.

«Познакомился я с епископом Антонином, – вспоминает митрополит, – еще будучи иеромонахом, когда я приехал с Камчатки в Петербург, жил в Александро-Невской Лавре; там же жил и епископ Антонин (это было еще при митрополите Антонии Вадковском – и он был викарием). Вот как-то раз заходят ко мне епископы Никандр, Кирилл и другие и говорят: «Идем, идем на именины к Антонину». Я говорю: «Да нет, это неудобно, да там одни епископы». А они мне: «Нет, нет, идемте – все очень хотят, чтоб вы были». И мы пошли, целая компания, и во главе епископ Сергей (будущий патриарх) – ему говорят: «Вы должны говорить приветственную речь». Пришли – выстроились в ряд: хозяин высоченный, на нас смотрит сверху вниз. Тогда владыка Сергей вынимает из одного кармана огурец, из другого – блюдце для огурца, кладет огурец на блюдце и говорит:

Пресвященная поэта,
На-ко тебе это!

...И вот через несколько лет, в 1918 году, был я в Москве, на Соборе, в сане епископа Камчатского. Уже не помню как – случайно или намеренно – попал я в Богоявленский монастырь; говорят мне: здесь Антонин живет на покое. Решил я его посетить. Подхожу к келье, прочел входную молитву, как полагается, – слышу его голос: «Кто там – входи!»

Вхожу – Боже, что я увидел! Сидит на кровати больной, худой, изможденный, косматый, страшный: рубаха на нем – черная, как смола. Кругом хаос, объедки, битая посуда, черепки. «Да вот, – говорит, – болел; все меня забыли – не до меня. Как это еще вы зашли?»

«Владыко, дорогой, – я говорю, – не могу я вас так оставить, скажу про вас Святейшему патриарху, устроим вас в больницу».

Рассказал я патриарху Тихону. Он забеспокоился: «А я-то с делами

¹ Епископ Антонин писал очень неплохие стихи духовного и светского содержания.

* См. примечания в конце книги.

упустил из вида. Спасибо, что сказали». И отсчитал довольно большую сумму керенками. «Прибавьте к своим, устройте, – говорит, – его в больницу». Нашел я больницу частную – снял для него отдельную комнату; поехал на извозчике за Антоном – привез его в больницу. Он – ничего, тихий тогда был, никого не осуждал. Потом в больнице я его посещал, он благодарил, его вымыли-вычистили.

Вдруг через некоторое время, во время заседания Собора (в Лиховом переулке), приносят мне письмо от Антона. Благодарит меня сердечно и пишет: «А теперь я исчезаю – и не ищите меня больше».

Я прибежал в больницу – что такое? Говорят: да, вот так; вдруг владыка оделся и ушел. И куда – неизвестно».

Революция

«Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим нуждам данной эпохи. Во-вторых, соответствующий общественный строй не должен заграждать дороги личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время», – говорит Г.В. Плеханов в одной из своих работ, посвященных философии истории (*Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. М., 1941, с.33*).

Такой эпохой для вождей обновленчества явилось время после февраля 1917 года.

Февральские дни – светлое, весеннее, незабываемое навеки время. Пало тысячелетнее здание монархии, свобода, рожденная за сто с лишним лет перед тем, при звуках «Марсельезы» во Франции, пришла «наконец на север». «Ах, свобода, свобода! даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?» – говорит у Чехова учитель Буркин, заканчивая этими словами свой рассказ о похоронах Беликова. И это имеет свой глубокий смысл: свобода и люди в футлярах – непримиримые враги; при веянии свободы лопаются все футляры – так было и в 1917 году. Синодальный футляр, в который была укутана веками Православная Церковь, превратился в труху в первые же дни революции. Растерянность, граничащая с паникой, охватила круги высшего духовенства. Отстранение двух митрополитов (московского и петербургского); водворение в Синоде опереточного В.Н.Львова в качестве обер-прокурора, роспуск Синода и назначение нового состава из совершенно случайных, никем на это (кроме Львова) не уполномоченных лиц, – все это привело в первые месяцы после февраля к фактическому параличу церковной власти. В этой обстановке разворачивается в довольно широких масштабах деятельность обновленческих лидеров. Церковная реформация после февраля шла двумя путями: первый путь – это официальная «реформация», руководимая В.Н.Львовым. Ее лидер – крупный самарский помещик, примыкавший в IV Думе к националистам (партия Столыпина), войдя перед революцией в «желтый блок», получил во Временном правительстве портфель обер-прокурора, так как в кругу своих единомышленников в Думе

имел репутацию специалиста по церковным делам. Между тем быть специалистом по каким бы то ни было делам он никак не мог: человек удивительно поверхностный, ни к чему, кроме произнесения либеральных речей, не способный и комически самовлюбленный, он представлял собой совершенно карикатурную фигуру: есть что-то роковое в том, что русская церковная реформация начала с оперетки. Помимо мальчишеских скандалов с архиереями Львов решил заняться и пропагандой: под его высоким покровительством организуется «Церковно-общественный вестник», взявший своим девизом лозунг: «Свободная церковь в свободном государстве». Во главе «Вестника» стоял молодой профессор-историк Петербургской духовной академии Б.В.Титлинов. Одним из главных участников журнала был также протопресвитер Г.Шавельский. Наиболее крупной в этой всплывшей на миг группе был, несомненно, Б.В.Титлинов. Крупный эрудит в области церковной истории, человек острого, скептического ума и холодного темперамента, колкий и надменный, он представлял собой тип светского человека, случайно, помимо воли, благодаря происхождению и образованию, связанного с церковью. Европейец с головы до ног, он не переносил варварских нравов русского духовенства, из которого вышел. В качестве панацеи от всех зол он предлагал «демократические реформы», в силу которых и сам не верил. Короче говоря, в февральские дни церковь из рук чиновников вицмундирных попала в руки чиновников в пиджаках, умевших говорить громкие слова о «новой эре», но таких же холодных, ограниченных, не имевших в себе ни одной искры религиозного энтузиазма, как и их предшественники. Гораздо более жизнедеятельной и интересной была другая группа реформаторов, в центре которой находился питерский триумvirат.

У Александра Ивановича Введенского февральские дни ассоциировались с домом №67 на Гороховой улице. В этом доме жил почтенный, либеральный петроградский протоиерей Михаил Степанович Попов. Его квартиру Александр Иванович любил называть колыбелью обновленческого движения, никогда не забывая, в порядке иронической шутки, прибавить, что в доме напротив, №64, жил за год до этого человек, также игравший немалую роль в церковных делах: Григорий Ефимович Распутин. О. Михаил Попов (в будущем обновленческий архиепископ, рукоположенный в 1923 году, последовательно занимал кафедры Детскосельскую, Рязанскую и Тихвинскую, умер на покое в тридцатых годах) был человеком скромным и молчаливым. Единственным увлечением о.Михаила была благотворительность. Эта деятельность развила в нем интерес к социальным проблемам и сблизила его с питерским трио.

В начале марта 1917 года на квартиру к о. Михаилу пришли отцы И.Ф.Егоров и А.И.Введенский. По их просьбе хозяин должен был их познакомить со своим довольно известным однофамильцем, членом IV Государственной Думы, протоиереем о. Дмитрием Яковлевичем Поповым. О. Дмитрий Попов представлял собой также колоритную личность. Зырянин по национальности, он был страстным просветителем, который горячо

стремился к тому, чтобы внедрить грамотность и культуру в свой родной, темный и отсталый, народ. Старый земский деятель и общественник, о. Попов с радостью согласился принять участие в организации Союза демократического духовенства и мирян, как это предложили ему Введенский и Егоров. Началась кипучая организационная работа, и через несколько дней старый петроградский протоиерей о. А.П.Рожественский открыл на Вере́йской улице (недалеко от дома, в котором жил Введенский) первое учредительное заседание союза. Союз состоял из нескольких десятков молодых либеральных столичных батюшек, большею частью с академическими значками.

Помимо тех лиц, которые были названы выше, в Союз входили протоиерей Лисицын, протоиерей из церкви Спаса на Бочарной улице, с Выборгской стороны, о. Павел Раевский, принимавший участие в обновленческом движении 1905 года, поставивший еще тогда свою подпись под знаменитой запиской 32 священников, требовавших реформ¹.

Характерно, что одним из деятельнейших членов союза был свящ. Венустов (впоследствии тихоновец). Союз принял либеральную программу, избрал председателем протоиерея Рожественского, а секретарем – Введенского и начал «действовать». Действовали, впрочем, в основном те же трое: Боярский, Введенский и Егоров – и деятельность их состояла, главным образом, в бесконечных выступлениях на различных митингах, собраниях, конференциях и т.д. Изредка они помещали статьи в «Церковно-общественном вестнике». В то время, когда различные союзы, группы, партии росли каждый день десятками, как грибы после дождя, никто на новорожденный союз не обратил никакого внимания. «А как относилось к вам высшее духовенство?» – спросил однажды у Александра Ивановича один из авторов. «Они считали ниже своего достоинства нас замечать», – ответил Введенский.

Единственным исключением был, видимо, епископ Уфимский Андрей. Этот иерарх, резко выделявшийся среди своих собратьев, вполне заслуживает того, чтобы посвятить ему особое исследование*. Здесь же мы ограничимся самой беглой его характеристикой. Отпрыск старинного рода князей Ухтомских, он с детства отличался горячей религиозностью, которая еще усилилась благодаря трагическому случаю, происшедшему с ним в детстве. Преосвященный Андрей был увлекающимся и ищущим человеком. В начале своей деятельности он увлекался теософией и спиритизмом, периодически помещая в мистических журналах статьи за подписью «Князь-инок». После 1905 года потомок князей Ухтомских неожиданно увлекся революционным движением, почти открыто выражал свои симпатии эсерам и резко выступал против Распутина. В то же время он оставался горячим молитвенником и страстным приверженцем церковного обновления. Епископ Андрей играл видную роль в «революционном» Синоде, в который он был кооптирован В.Н.Львовым. Епископ Андрей заинтересовался

¹ Впоследствии обновленческий архиерей. Рукоположен в марте 1927 года в Казанском соборе во епископа Кронштадтского. Одновременно был ректором Ленинградского богословского института. Затем архиепископ Лодейнопольский. В 30-х годах обновленческий митрополит Ярославский, умер в 1939 году.

Союзом демократического духовенства, стал его покровителем и ввел его руководящих деятелей к В.Н.Львову. В июне 1917 года происходит случай, который потом часто ставили в вину главарям Союза. Передаем здесь слово А.И.Введенскому, пусть он сам расскажет об этом.

«Вызывают в один прекрасный день нас всех троих (т.е. Введенского, Боярского, Егорова) к Львову, и он нам говорит: вы едете сегодня на фронт. Я едва жену успел об этом известить. Приезжаем на другой день поздно вечером в Ставку. Вводят нас в кабинет начальника штаба генерала Алексеева. Входим с трепетом: здесь мозг русской армии – тогда еще это ощущение было живо. Поднимается нам навстречу пожилой, осанистый генерал, знакомый по тысячам портретов. Говорит легко и свободно, со сдержанным волнением: «Вам придется ехать на фронт, на самые опасные участки. Имейте в виду, что армия разложена полностью, армии больше нет. Одна из наших надежд – это вы, духовенство. Поезжайте, может быть, вы сумеете что-то сделать. Предупреждаю, вы идете на подвиг, потому что мы не можем гарантировать даже вашу безопасность...» И мы поехали в зону обстрела. Бросили меня на самый гиблый участок – туда, где солдаты сплошь бегут из окопов. Устроили митинг. Я говорил с жаром. Начал с того, что раньше, при царизме, я не призывал бы их идти в бой. Кончил. Взрыв аплодисментов. «Качать его!» Это единственный раз в жизни меня качали; пренеприятное ощущение. Голова кружится, и все в животе переливается, а потом понесли на руках. Из какого-то чистенького домика выходит ксендз, смотрит испуганно: видит, солдаты тащат какого-то священника, руки и ноги у меня болтаются в воздухе – впечатление, верно, такое, что меня разрывают на части...»

После этой поездки о Введенском заговорили. В августе он участвует в Совещании представителей русской интеллигенции в Москве, а вскоре назначается членом так называемого Предпарламента в качестве представителя от демократического духовенства. Каждый день, и по несколько раз в день, петроградское трио выступает на митингах и докладах; особенно часто выступает Введенский. Он все более левеет, он захлебывается в волнах собственного красноречия, он уже и слышать не хочет о буржуазной республике, ему нужен социализм, но вот уже и эсеровского социализма ему мало... он высказывается за левых эсеров, дружит с анархистами... На заседании Предпарламента, когда обсуждается вопрос о том, какие партии должны участвовать в Предпарламенте, все русские партии или только социалистические, – он стремительно вскакивает с места: «Социалистов, социалистов, одних только социалистов!» («На правых скамьях, – говорит газетный отчет, – смех, крики: шут гороховый! Большевики ослаблились от удовольствия...»)

Но вот грянули громы октября: история оказалась не живописным веселым реву под аплодисментные плески, а суровой драмой. Первое время все шло по инерции: продолжались митинги и доклады, петроградское трио участвует в выборах в Учредительное собрание. На протяжении года выхо-

дит ряд левоцерковных журналов: «Голос Христа», «Божья Нива», «Соборный разум» и «Вестник труда». К концу 1917 г. прогрессивное петроградское духовенство (следует назвать те же три имени и упоминаемого выше о.Евгения Белкова, успевшего к тому времени стать священником) организует кооперативное издательство «Соборный разум». В уцелевшей типографии на Лиговке, против вокзала, печатаются брошюры и журналы.

О чем думали, что говорили, о чем писали тогда вожди обновленчества? К их чести следует сказать, что политика не потушила окончательно в их сердцах мистического, религиозного пламени. В этом отношении интересен номер журнала «Божья Нива», вышедший в феврале 1918 г. Весь номер целиком посвящен памяти о.Иоанна Кронштадтского. В журнале представлены различные оттенки церковной мысли: в неожиданном соседстве с именами обновленческих лидеров мелькает имя консервативного церковного публициста Е.Поселянина (Погожева).

Статья А.И.Введенского «Божественная литургия и Иоанн Кронштадтский» представляет огромный интерес для характеристики ее автора. Введенский начинает юношеским воспоминанием. Однажды в Витебске он присутствовал на служении знаменитого протоиерея. Рассказав о своем впечатлении, Введенский заявляет, что Иоанн Кронштадтский – вечный пример для священнослужителей.

«Конечно, – говорит автор, – дело не во внешней копировке его манер, а в создании в себе такого же литургийного творчества, огненного предстояния перед страшным Престолом Вседержителя, чем был так переполнен о.Иоанн. Ибо природа подлинного религиозного чувства такова, что она меньше всего считается с внешностью. Экстаз есть высшая форма молитвенного воспарения к Богу, а во внешности он может разразиться эпилептическими судорогами. Когда в душу входит Христос, тогда говорит праведник».

«Я погибаю от любви и схожу с ума», – так закричал раз Иоанн Златоуст в церкви. Когда евхаристия своим храмом имеет достойную душу, тогда неизглаголанная радость потрясает ее. «Отойди от меня, оставь одного, потому что я опьянел от Христа», – сказал однажды Сергей Радонежский своему ученику после причастия. Так бывало и с о. Иоанном. Он чудно изменялся за литургией. Иногда это бывало странно окружающим. Бывало, что после пресуществления даров о.Иоанн в духовном восторге рукоплескал перед престолом. Странно? Но не призывает ли канон Богородицы «восплескать руками во славу Божественную»? Мы холодны и безрадостны, и нам непонятны те радости, которыми Господь награждает подлинно его любящих. И была у о. Иоанна каждая литургия – праздник Пасхи. Сейчас у нас намечаются всякие церковные реформы. Намечается и богослужбная реформа. Несомненно, что центральный ее пункт – литургия. Говорят об изменении текста, об общем пении и т.д. Все это, может быть, и так, и все это, может быть, и нужно. Но самое главное – влить молитвенный порыв, молитвенную радость, молитвенное творчество в небесную литургию. Так, чтоб она была

подлинным радостным порывом в вечность, чтобы небо было низведено на землю. Чтобы Христос подлинно, живо и действительно объединил всех и вся. И путь этот предрекан литургийным творчеством о. Иоанна» (Божья Нива, № 3-5, с. 37).

Однако основной заботой петроградского трио являлись политические дела. «Что являлось тогда вашей целью?» – спросил я¹ однажды Александра Ивановича. «Создание христианско-социалистической партии», – быстро ответил он.

Горячим сторонником вовлечения духовенства в политику на стороне социализма являлся отец Иван Федорович Егоров. В брошюрах «Пастырь церкви и политическая жизнь страны», «Нельзя молчать и ожидать» он энергично высказывается против нейтралитета духовенства в классовой борьбе. Всюду и везде пастырь церкви должен быть застрельщиком в борьбе за правду, за освобождение сырых и убогих от векового гнета. В своей основной работе «Православие и жизнь в нем», посвященной проблеме преподавания Закона Божия, о.Егоров с большой силой говорит о необходимости для церкви быть в гуще жизни, всегда и всюду отстаивать справедливость. Он предвидит возникновение великого вселенского религиозного движения, которое стихийно возникнет в массах и охватит весь мир. Он горячо говорит о счастье быть предтечей религиозного возрождения и обновления человечества. Вдохновенному пастырю не суждено было прожить долго: он умер, как сказано выше, через два года, успев основать особое течение «Религия в сочетании с жизнью», которое просуществовало до 1927 года, однако своими пророческими прозрениями И.Ф.Егоров обеспечил себе светлую память в грядущих поколениях, которые разыщут и высоко поднимут его светлое имя.

Работы А.И.Введенского этого времени также заслуживают внимания. В 1918 году вышли в издании общества «Свободный разум» следующие брошюры: «Паралич церкви», «Социализм и религия» и «Анархизм и религия». Возьмем для примера эту последнюю работу А.И.Введенского. В первой части автор отмечает внутреннее сродство анархизма с субъективным идеализмом. Их главная точка соприкосновения – индивидуализм. «Если Кант, – говорит Введенский, – сравнивает себя с Коперником, то анархисты могут требовать для себя еще более славных венцов, так как то, что Кант завоевал для теоретической миссии, они пытаются претворить в конкретный факт» (с.21). Из русских анархистов А.И.Введенский цитирует Сологуба², Шатова, Грава и других. Разбирая их взгляды, А.И.Введенский констатирует родство христиан с анархистами в признании бесконечной ценности каждой человеческой личности и цитирует по этому поводу слова Афанасия Великого: «Христос вочеловечился, чтобы мы обожествились». Но далее Введенский отмечает полную противоположность анархизма и христианства в методах: «Христианство никогда не скажет: как можно больше динамита! Оно выведет другое требование: как можно больше любви! Любовь – пусть это будет тот динамит, который взорвет всю не-

¹ А.Э.Левитин (Краснов).

² Ф.Сологуб в 1905-1908 гг. выступал как мистический анархист.

правду социальной действительности! Любовь – пусть это будет тот огонь, в котором сгорит все, мешающее подлинной, поистине божественной свободе человека! Тогда на земле не только будет царить, как об этом мечтает анархист Грав, справедливость и свобода, которые он пишет с большой буквы, но будет прямо рай» (с.47). Все это очень красиво и правильно, только, к сожалению, очень малоконкретно.

Гораздо более практически пытается подойти к социальным вопросам А.И.Боярский в своей работе «Церковь и демократия» (Спутник христианина-демократа, Петроград, 1918). Брошюра начинается с обозрения положения церкви до революции: констатируется, что она была в угнетенном положении, превращенная в служанку господствующих классов, изолированная от борьбы за интересы народных масс.

Автор указывает, что все же церковь пользуется в народе огромным авторитетом, доказательством чему является, между прочим, тот факт, что на выборах в Учредительное собрание в Петрограде церковный список вышел на четвертое место (с.13-14). Церковь должна принимать активное участие в строительстве новой жизни: «Без Христа, – говорит автор, – не было и не будет истинной свободы, равенства, братства» (с.14). Политическая платформа разворачивается о.Боярским в 4-й главе – «Современные политико-экономические вопросы при свете христианского церковного сознания». «Церковь Христова, – начинается глава, – содержащая всю полноту Христовой Вечной истины, не может быть низводима до уровня политической партии» (с.17). Однако церковное сознание имеет свое мнение о насущных вопросах, и это мнение может быть выражено в следующих 13 пунктах:

1. Государственный строй. Соборный (коллективный) разум должен лежать в основе государства: какая бы то ни было единоличная, бесконтрольная власть категорически отвергается.

2. Отрицание наступательной (агрессивной) войны.

3. Отрицание смертной казни.

4. Отрицание сословий.

5. Равноправие женщин.

6. Труд как основа жизни – не должно быть ни одного нетрудящегося человека.

7. Седьмой параграф называется «Кооперация и капитализм». Автор высказывается за замену капиталистической собственности на орудия производства собственностью кооперативной. Кооперативы должны состоять из рабочих.

8. Восьмой параграф называется «Богатство и бедность». Здесь доказывается, что истинный христианин не может быть богатым. Подтверждая это положение евангельскими текстами, о. Боярский остроумно замечает, что если какой-нибудь капиталист захочет руководствоваться христианскими нормами в своем хозяйстве, он разорится ровно через два дня.

9. Восьмичасовой рабочий день.

10. Земля объявляется общей собственностью. У помещиков земля должна быть отобрана; однако здесь же о. Боярский делает наивную оговорку, выражая надежду (с. 29), что крестьяне не будут «обижать других землевладельцев» – под этими другими землевладельцами, вероятно, подразумеваются в первую очередь сельские батюшки.

11. Одиннадцатый параграф посвящен общей собственности. Здесь о. Боярский высказывается за культивирование и всяческое поощрение общинных форм собственности; в качестве примера приводится община, созданная Иваном Алексеевичем Чуриковым в Вырице под Петроградом. «Общность имущества, – говорит о.Александр, – ценна с христианской точки зрения как выражение духовного единства, как его завершение» (с.31).

12. Свобода совести.

13. Тринадцатый пункт озаглавлен «Методы борьбы со злом». Сущность этого пункта может быть выражена тремя словами: «Исключительно мирные методы».

«Такова, – заканчивает свою брошюру «рабочий батюшка», – платформа свободного сына православной церкви» (с. 32).

Как видно из этой брошюры, о.Боярский не даром так долго вращался в среде питерского пролетариата, он не только учил ижорских рабочих уму-разуму, но и сам многому от них научился. «Платформа свободного сына православной церкви» приближалась к точке зрения значительной части тогдашнего пролетариата.

Перед расколом

Церковь Христова, воинствующая на земле и торжествующая на небесах, – нет на земле слов более чудесных, понятий более возвышенных, образов более прекрасных. Из всех концов земли, из всех краев вселенной собраны миллионы людей, соединенные сверхъестественной связью – силой, исходящей от сына еврейского плотника, распятого при Тиверии, Сверхчеловека, Спасителя мира Иисуса Христа – Единородного Сына Божия.

И основа церкви – борьба. Борьба со злом и неправдой, борьба за спасение людей, за Царствие Божие, грядущее в силе.

Борьба – основа человеческой жизни. «В борьбе крепнет убеждение и способность его отстаивать», – говорит известный русский мыслитель П.Л.Лавров (Исторические письма, 1870, с. 83). И вот, в течение почти тысячелетия Русская Православная Церковь не знала борьбы: привыкнув отождествлять себя с государством Российским, она и не знала никаких врагов, кроме тех, которых имело государство. Люди, горевшие священным огнем, звавшие на борьбу за осуществление евангельских идеалов, принуждались к молчанию. «Обществу, – говоря опять словами Лаврова, – угрожает опасность застоя, если оно заглушит в себе критически мыслящие личности» (там же, с. 66).

Застой и кладбищенская тишина царили в русской церкви в дореволюционные времена. Февраль пробудил от векового сна русскую церковь – и после первых месяцев растерянности она переживает совершенно новые, никогда раньше не виданные радостные события.

По всей Руси веет крылатая весть: скоро будет Собор, который исцелит язвы церкви, даст ей новое каноническое устройство, откроет новые перспективы для ее деятельности. Летом 1917 года происходят выборы епископов – явление невиданное на Руси (если не считать Новгородскую республику). В июне 1917 года такие выборы увидела древняя Москва. Как уже было сказано выше, в первые же дни революции был уволен на покой митрополит Московский Макарий (человек праведной жизни, но крайний консерватор). Решено было назначить ему преемника демократическим путем, всенародным тайным голосованием. 19 июня собрался в Кремле Епархиальный съезд, члены которого были избраны на приходских собраниях. 20 июня на кремлевской площади, перед соборами, была

поставлена урна, в которую члены Епархиального съезда опускали избирательные бюллетени. После окончания голосования урна была внесена в алтарь Успенского собора, и (после проверки бюллетеней) архиепископ Ярославский Агафангел вышел на амвон, чтобы объявить имя нового первосвященника церкви московской. Несколько тысяч человек, затаив дыхание, напрягли слух, ожидая с нетерпением, кто будет избран. Это нетерпение было понятно, если учесть, что впервые за 1000 лет истории русской церкви одним из главных кандидатов в митрополиты был выдвинут мирянин, светский человек А. Д. Самарин.

Александр Дмитриевич – представитель славянофильской династии (племянник знаменитого славянофила Ю. Ф. Самарина и сын Д. Ф. Самарина, также известного славянофила) – пользовался огромной популярностью среди московской интеллигенции. Будучи очень религиозным человеком консервативного склада, А. Д. Самарин с юных лет выступал в качестве церковного публициста: в 90-е годы он приобретает известность своей резкой полемикой с В. С. Соловьевым, которая ведется им со строго православных позиций. Репутация строго православного деятеля обеспечивает ему влиятельное положение в московском земстве и назначение в 1913 году на пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода. На этом посту А. Д. Самарин проявляет необыкновенную стойкость и принципиальность. «Это личное назначение царя, – пишет П. Н. Милюков, – оказалось неудачным для власти, потому что Самарин, человек правых убеждений, был слишком честен и непреклонен в своих религиозных убеждениях и мешал извилистой и нечистой церковной политике, корни которой через Распутина восходили к императрице». (Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. 2, с. 205.)

Ореолу борца против распутищины был обязан А. Д. Самарин столь необычным выдвижением своей кандидатуры на московскую митрополичью кафедру¹. Он получил очень большое количество голосов: из 800 членов съезда за Самарина голосовало 303 человека, за архиепископа Виленского и Литовского Тихона – 481 человек, остальные 16 голосов распределялись между архиепископами Платоном, Антонием, Арсением и епископом Андреем. Через некоторое время подобным же образом был избран митрополитом Петроградским викарный епископ Вениамин, пользовавшийся популярностью за свое благочестие и общедоступность. Митрополичьи выборы произвели огромное впечатление на народ. (См.: Московский церковный голос, 1917, 5 июля, № 17-18, ст. «Избрание первосвященника церкви московской».) 28 августа 1917 года, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, был открыт I Всероссийский Поместный Собор.

Задачи этого Собора были сформулированы еще за 36 лет до того следующим образом: «Будущий Собор Русской Церкви, – писал в 1881 году Владимир Сергеевич Соловьев, – должен торжественно исповедать, что Истина Христова и церковь Его не нуждаются в принудительном единстве форм и насильственной охране и что евангельская заповедь любви и

¹ В принципе выдвижение мирянина в епископы вполне возможно, если кандидат соответствует каноническим требованиям, что и было в данном случае (Самарин не был женат). Однако подобный факт не имел прецедентов за последние тысячу сто лет.

милосердия прежде всего обязательна для церковной власти. Отказавшись, таким образом, от внешней полицейской власти, церковь приобретает внутренний нравственный авторитет, истинную власть над душами и умами. Не нуждаясь более в вещественной охране со стороны светского правительства, она освободится от его опеки и станет в подобающее ей достойное отношение к государству» (Соловьев В.С. Собр. соч., т. 3, с.382-383. Ст. «О духовной власти в России»).

Собор 1917-1918 гг., собравшись в самый разгар революции, принял ряд постановлений, которые санкционировали новое положение церкви в государстве, признал свободу политических убеждений за сынами церкви, восстановил в священном сани лишенных его за сопротивление царской власти: митрополита Арсения Мацеевича, умершего в 1772 году, и тогда еще здравствовавшего о. Г.С.Петрова, признал необходимость ряда церковных реформ, – в этом его положительное значение. Огромное историческое значение имеет также восстановление Собором патриаршества и реформа управления.

11 ноября 1917 года совершилось восстановление на Руси патриаршества: дряхлый, слепой схимник Алексий* из Зосимовой пустыни вынул из урны, стоящей у иконы Владимирской Божией Матери, жребий с именем избранника Русской Церкви. Как известно, из трех кандидатов, выдвинутых Собором, патриархом был избран московский митрополит Тихон, призванный за 6 месяцев перед этим на митрополичью кафедру. 21 ноября (4 декабря), в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, была совершена интронизация вновь избранного патриарха; и в истории Русской Церкви открылась новая страница, связанная с первосвятительством Тихона, Святейшего патриарха Московского и всея Руси.

Патриарх Тихон – не было, пожалуй, в Русской Церкви имени, вызывавшего столь бурные споры, имени, столь обожаемого и столь хулимого, имени, покрытого такой всемирной славой – и столь поруганного и униженного. Теперь, однако, когда 35 лет¹ отделяют нас от дня его смерти и когда уже давно улеглись страсти, вызванные церковной смутой, можно спокойно и беспристрастно оценить личность и историческое значение покойного Первосвятителя Русской Церкви. По иронии судьбы, патриарх Тихон, который был в силу обстоятельств одним из самых драматических лиц в истории Русской Церкви, являлся обладателем на редкость спокойного темперамента и был очень уравновешенным, добродушным, мягким человеком. И биография его до избрания на патриаршество развивалась по одной прямой линии.

Василий Иванович Белавин родился 19 января 1865 года в семье священника, в гор. Торопце Псковской губернии. В спокойной обстановке крохотного провинциального городка прошло детство будущего патриарха. В то время город Торопец насчитывал всего 5 тысяч жителей, находился в 22 верстах от железной дороги и, по существу, мало чем отличался от деревни. Отец будущего патриарха был, однако, довольно образованным

¹ Писалось в 1960 г.

человеком, и Василий Иванович поступил в духовное училище с хорошей подготовкой. Физически крепкий, веселый, остроумный мальчик был любимцем своих сверстников; наделенный от природы хорошими способностями, он был одним из лучших учеников, любил читать и писать стихи – привычка, которая у него осталась и впоследствии, даже тогда, когда он уже был патриархом. По окончании Псковской духовной семинарии выпускник Василий Белавин в числе лучших воспитанников посылается в Петербургскую духовную академию, которую он окончил в 1888 году со званием кандидата богословия. В Академии он близко сошелся с ректором, епископом (будущим митрополитом) Антонием Вадковским, о котором он сохранил навсегда теплые воспоминания. На последнем курсе ему пришлось познакомиться и с новым инспектором, экспансивным, талантливым иеромонахом, которого тогда в академических кругах называли «малым Антонием» и который уже тогда вынашивал планы восстановления патриаршества на Руси. Именно благодаря неукротимой энергии «малого Антония» впоследствии будет восстановлено патриаршество, – и в тот самый момент, когда он должен будет вступить на патриарший престол, жребий укажет на его бывшего ученика Тихона, – и митрополит Антоний Храповицкий, имеющий за собой соборное большинство, тут же смиренно признает свое поражение и публично поклонится своему бывшему ученику до земли.

По окончании Академии Василий Иванович, не принимая духовного сана, возвращается в свою родную Псковскую семинарию в качестве учителя французского языка (Ярославские епархиальные ведомости, 1914, 5 января, №1). Каков был облик будущего патриарха в то время? На этот вопрос отвечает воспоминание одного из его учеников по Псковской семинарии Бориса Царевского. Однажды молодой учитель побывал в доме его родителей. «Ты посмотри, какие у него глаза, – говорила мать Царевского своей дочери после ухода В.И.Белавина, – чистые, ясные, как у голубя». – «От него веет таким теплом и добродушием, и он такой умный», – отозвалась дочь. Допивавший стакан чаю батюшка деловито предостерег женскую половину, что расчеты на него как на жениха очень плохи. «Его, Василия Ивановича, когда он был студентом, прозвали «патриархом», и дорога ему в монахи. Вы не смотрите, что он говорун и веселый такой» (*Царевский Б.* Наш Первосвятитель. – Соборный разум, №1-2, с. 18-19.).

Действительно, в 1891 году Василий Иванович принимает монашеский постриг с именем Тихона; тогда же он был рукоположен епископом Псковским и Порховским Гермогеном в иеромонахи. О.Тихон продолжает преподавать в Псковской семинарии: только теперь он преподает уже не французский язык, а основное, потом нравственное и догматическое богословие. Он искренно увлекается своим делом и впоследствии, будучи уже архиепископом Ярославским, часто берет для проверки кипы тетрадей из семинарии. Мягкий и либеральный учитель заслужил особую любовь учеников за свою вежливость и «кротость»: он никогда никому не ставил оценок ниже 4 и 5. Иеромонах Тихон делал обычную карьеру ученого

монаха: в 1892 году он становится архимандритом и назначается ректором Холмской духовной семинарии. 19 октября 1897 года о.Тихон был рукоположен во епископа Люблинского.

Его речь на наречении, очень простая и ясная, сильно отличается от витиеватых речей его собратьев. «Когда-то в дни ранней юности, – говорил будущий патриарх, – епископское служение представлялось мне, – да и мне ли одному, – состоящим из почета, поклонения, силы, власти – ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почет, власть, а дело, труд, подвиг» (Приб. к «Церковным ведомостям», 1897, №43, с.1560-1561).

А на другой день в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры был торжественно посвящен в епископы будущий патриарх. Рукоположение совершили: митрополит С.-Петербургский и Ладожский Палладий, архиепископы Казанский Арсений и Финляндский (будущий митрополит Петербургский) Антоний, епископ Нарвский Иоанн и епископ Гурий. Епископа Тихона с нетерпением ждал его начальник архиепископ Варшавский Флавиан – множество различных дел ожидало его в беспокойном Царстве Польском, которое всегда было самым уязвимым местом Российской империи. Епископу все же пришлось задержаться на несколько дней в Петербурге – ровно настолько, чтобы принять участие в рукоположении настоятеля Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря архимандрита Вениамина и епископа Ямбургского. Пройдет немногим более четверти века, и рукоположенный 25 октября (через несколько дней после Тихона) Вениамин Муратовский возглавит номинально обновленческий раскол и станет юридическим центром для всех борющихся с тихоновской церковью.

На месте своего нового служения епископ Тихон заслужил всеобщее одобрение. Вежливый и тактичный епископ умело смягчал антагонизм между польским и русским населением и осторожно налаживал отношения с униатами. Благодушный и религиозный, он очень любил служить и произносить проповеди: за свое одиннадцатимесячное служение в Люблине он произнес 120 речей.

14 сентября 1898 года епископ Тихон неожиданно назначается экзархом Северной Америки и переезжает в Нью-Йорк. Благодаря природному такту он сумел ужиться и в этих, столь чуждых ему условиях, многое сделал для расширения русской епархии и, между прочим, основал под Нью-Йорком русский монастырь.

25 января 1907 г. епископ Тихон назначается в Ярославскую епархию, которой он мирно и спокойно правил до 1914 года при помощи двух своих друзей: Иосифа (Петровых), которого он сумел выдвинуть епископом Рыбинским, и своего келейника иеромонаха Серафима Самойловича, впоследствии архиепископа Углицкого, – характерно, что обоим впоследствии было суждено сыграть крупную роль в истории русской церкви.

В 1908 году архиепископ Тихон, будучи в Петербурге, имел свидание с о.Иоанном Кронштадтским в Вауловском скиту Иоанновского монастыря. Старый и больной протоиерей, вопреки этикету, первый закон-

чил беседу следующими словами: «Теперь, владыко, садитесь вы на мое место, а я пойду отдохну». (Церковные ведомости, 1918, 14 июля, №23-24, с.706-707.) Эту случайную фразу впоследствии всячески обыгрывали духовные ораторы в своих панегириках патриарху, желая этим сказать, что о. Иоанн Кронштадтский как бы назначил Тихона своим преемником в качестве религиозного вождя русского народа.

3 января 1914 года будущий патриарх был назначен архиепископом Виленским и всея Литвы; в этом сане он пребывал до июля 1917 года, когда, как мы видели, он был избран на Московскую митрополицию кафедрю. Что из себя представлял патриарх Тихон в дореволюционное время как общественный деятель? Его враги впоследствии усиленно распространяли (и устно и печатно) слухи о том, что патриарх до революции якобы примыкал к черносотенцам. Следует сказать, что история совершенно это не подтверждает: ни в одной речи, произнесенной патриархом, ни в одной статье, напечатанной в епархиальных ведомостях тех городов, где он святительствовал, нельзя найти ни малейших следов черносотенства. Правда, будучи в Вильно, он, как и большинство архиереев, числился почетным членом местного отделения «Союза русского народа». Однако никогда никакого участия в работе Союза он не принимал. Что касается приветствия председателя Виленского отделения СРН Кандауровой, в котором она говорит об особой роли архиепископа, которую он играл якобы в Союзе (это приветствие впоследствии всячески использовали враги патриарха), то эту тираду истерички следует отнести к обычным словословиям такого рода, в которых льстивые «восторги» смешиваются с женской экзальтацией.

Люди, близко знавшие патриарха до революции, говорят, наоборот, о его либерализме и терпимости, что очень идет к его мягкой и гуманной натуре. Так, например, архиепископ Тихон положительно отзывался об М.М.Тарееве – смелом богослове-новаторе, которого не выносила официальная церковь. «Что ты, что ты, – возмутился преосвященный Тихон, – рассказывает его ученик Б.Царевский, – какой он неправославный? Православие тем и хорошо, что оно способно многое включить в свое глубокое русло» (Соборный разум, 1918, с.19). Очень интересен для характеристики патриарха его отзыв об увольнении митрополита Макария на покой. «По его мнению, если бы всеми уважаемый старец-митрополит и был виноват в том соприкосновении со «старцем» Распутиным, в котором его обвинял этот барин, на время надевший красную рубашку (Львов), не ему все же выступать с обличениями и кричать и топтать ногами на святителя.

– Зачем преосвященный Макарий все-таки подал прошение об отставке? – заметил я.

– То-то все мы лакеи! – с горечью воскликнул владыка. – Веками унижений приучены к покорности! Ну да не все, слава Богу! Скорее бы конец всему этому!

Последние фразы были связаны с такой глубокой горечью, что я искренно покаялся в душе, что неосторожно затронул его наиболее болезненные раны».

(Там же, с.19). Таков был человек, которому 21 ноября 1917 года была вверена Русская Православная Церковь.

✓ Наряду с патриархом был избран также Священный Синод, состоявший из 6 человек: митрополитов Антония Харьковского, Арсения Новгородского, Сергия Владимирского, Платона Одесского, архиепископов Анастасия Кишиневского и Евлогия Волынского. На случай смерти членов Синода было избрано также шесть заместителей (кандидатов в члены Синода): митрополит Петроградский Вениамин, архиепископы Таврический Димитрий, Могилевский Константин, Тамбовский Кирилл, епископы Вятский Никандр и Пермский Андроник (Церковные ведомости, 1918, №21-22, с.633). В качестве «нижней палаты» был избран также Церковный совет, состоявший из представителей белого духовенства и мирян.

Избрание патриарха было встречено повсюду верующими с восторгом. Правда, А.И.Введенский в своей известной книге «Церковь и государство» вспоминает, что в январе 1918 г. он якобы имел беседу с протопресвитером Г.Шавельским, во время которой было высказано намерение уже тогда отколоться от патриарха. Никакими конкретными данными это намерение, однако, не подкрепляется; скорее всего, мы здесь имеем дело с одним из тех разговоров, которые (как говорят французы) сочиняют, спускаясь с лестницы.

Как вел себя, однако, торопецкий попович, попавший на патриарший престол? Надо сказать, что, будучи патриархом, Тихон очень мало изменился. Спокойствие, добродушие, чувство юмора не покидали его никогда в жизни. Если позволительно привести здесь литературную аналогию, покойный патриарх был удивительно похож на Кутузова, каким его изображает Л.Н.Толстой в романе «Война и мир». Скромный, простой русский человек с ясным практическим умом и добрым сердцем – таким оставался до смерти патриарх Тихон. Чтобы дать представление об его личности, приведем несколько эпизодов, связанных с его поездкой летом 1918 года в Петроград (29 мая – 3 июня 1918 г.). «Сотрудник одной из петроградских газет спросил патриарха, что доносится к нему со всех сторон России. Патриарх после некоторого раздумья лаконически ответил: «Вопли». (Церковные ведомости, 1918, 14 июля, №23-24, с.691.) Отвечая на экзальтированную речь прот. Н.С.Рудницкого (председателя правления братства православных приходов), патриарх сказал: «Я слышал сейчас, что братство объединяет людей, готовых на подвиги исповедничества, мученичества, готовых на смерть. Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет. Задача братства не в том только, чтобы воодушевлять на мучения и смерть, но и наставлять, как надо жить, указать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наше упование – это жизнь, а не смерть и могила». (Там же, с.696.) «Церковь должна быть свободна от бюрократического порядка», – говорил он тогда же. Здесь, в Петрограде, он встречается в первый раз с обновленцами; на Стремянной улице, в зале собраний при церкви Св.Тро-

ицы, делегация общества «Соборный разум», состоящая из четырех человек (свящ. Е.Белкова, прот. М.Попова, прот. К.Околовича и секретаря В.И.Лебедева), вручила ему адрес. «Да... это – хорошо... теперь все стало соборное – и церковь соборная, и Россия соборная, и разум соборный», – сказал патриарх» (Соборный разум, №6-7, с.13).

Вообще патриарх очень терпимо относился к реформаторам: в Москве, в храме Василия Блаженного, подвизался свящ. о. Роман Медведь, известный своей независимостью, который не раз публично заявлял, что он по ряду вопросов не согласен с патриархом. В церкви Тихона Амафунтского на Арбате служил о. Иван Борисов, настроенный примерно так же, наконец, при патриархе развивал свою деятельность о. Владимир Быков – крупный биолог, принявший сан. О. Владимир смело реформировал богослужение и скандализировал консерваторов своими оригинальными проповедями-беседами. Патриарх ему покровительствовал и даже отвел ему для богослужения одну из церквей Зачатьевского монастыря на Остоженке. Следует также упомянуть об имевшей место в 1919 году попытке создать Рабоче-крестьянскую христианско-социалистическую партию, задуманную священником Гребневской церкви, что на Лубянке, впоследствии ренегатом, С.Калиновским. Патриарх благословил священника на создание этой партии с крайне левой программой, и лишь по независящим от патриарха обстоятельствам партия не была создана. Наконец, патриарх смотрел сквозь пальцы на деятельность Антонина, который после революции как с цепи сорвался: проживая на покое в Заиконоспасском монастыре (на Никольской), совершая литургию посреди храма, читал евхаристические молитвы вслух, кроил и перекраивал богослужение, изменяя его каждый день...

*

Мы охарактеризовали деятельность патриарха в бурные революционные годы (1917-1921 гг.), и забыли мы такую «мелочь»: знаменитые антисоветские воззвания патриарха и его деятельность в качестве одного из вождей антисоветских сил в стране. Остановимся и на этой стороне его деятельности. На предыдущих страницах мы старались дать совершенно объективную характеристику патриарха Тихона, как деятеля и как человека. Как видит читатель, патриарх Тихон был умным и добрым человеком, который, однако, являлся типичным представителем дореволюционного русского духовенства, – таким он был и по своим воззрениям, и по своим вкусам, и по своему психическому складу. Странно было бы ожидать от этого человека, чтобы он рассуждал, как марксист, да еще большевик, и приветствовал бы Октябрьскую революцию: тогда он не был бы главой русского духовенства. Отражая позицию русского духовенства и почти всей тогдашней русской интеллигенции (даже таких людей, как А.М.Горький, Куприн, Скиталец и другие), патриарх выступил против Советского правительства с рядом воззваний: с крещенским воззванием 6/19 января

1918 года, в котором он выступил с протестом против кровавых эксцессов, с воззванием против Брестского мира, а также с резким письмом В.И.Ленину, написанным к первой годовщине Октября, в котором содержалось требование всеобщей амнистии. Что характерно для всех этих воззваний? Прежде всего отметим, что патриарх, в противоположность некоторым священникам, нигде не восстает против социалистических и коммунистических принципов, ни даже против революции как таковой, — он восстает, главным образом, против эксцессов и против отдельных актов Советского правительства (Брестский мир). Правда, иногда патриарх не видит за деревьями леса и не желает замечать тех огромных исторических сдвигов, которые несет Октябрьская революция, но это, конечно, не его вина, а его беда — следствие той среды, в которой он вырос и развивался; это результат вековой позиции русского духовенства.

«История — не Невский проспект», — говорил в свое время Н.Г.Чернышевский. Головокружительный рывок сделала история в 1917 году, следствием этого явился глубокий раскол в русском народе и обществе, — этот раскол пролегал глубокой щелью в каждой семье, в каждом городе, каждом медвежьем уголке: все в России разделилось на приемлющих и неприемлющих революцию. Должна была расколоться и Русская Православная Церковь. И раскол Церкви наступил в весенние дни 1922 года.

Раскол

Важно не зная, важно не слово, на нем написанное, важна мысль знаменосца. Чтобы удобнее было рассмотреть эту мысль, надо уяснить себе, в чем состоит процесс, при помощи которого люди прячут иногда под великие слова весьма скверные вещи», – писал сто лет назад П.Л.Лавров (Исторические письма, 1870, с.136).

Двадцатый век кишит примерами, подтверждающими эти слова известного русского социолога. Обновленческий раскол является одним из таких примеров. В предыдущих главах мы показали, как медленно, но верно растет обновленческое движение в Русской Церкви в предреволюционные годы и во время революции. Нет ничего удивительного в том, что это движение усилилось сразу после Октября. И сразу же мы видим знаменательное явление: в обновленческом движении появляются новые, нравственно растленные типы.

В этом отношении характерна так называемая «владимирщина» – раскол, произведенный в 1919 году бывшим архиепископом Пензенским Владимиром Путятой. Руководитель этого раскола является одной из самых омерзительных личностей в истории Русской Церкви; вполне заслуженно, за свои тяжкие грехи против нравственности, он был лишен сана – и поднял после этого в своей бывшей епархии смуту. Характерно, однако, что он прикрывался обновленческими лозунгами, говорил о своем желании «приблизить церковь к евангельским идеалам». Владимиру Путяте и его ближайшему стороннику иеромонаху Иоанникию Смирнову принадлежит сомнительная «честь»: они первые в Русской Церкви стали пользоваться в борьбе с идейными противниками методами политического доноса. Главной их заботой было завоевать доверие властей – и нельзя сказать, чтобы эти усилия остались совершенно безрезультатными. В 1919 году представитель властей созвал в пензенском кафедральном соборе местное духовенство и потребовал в ультимативной форме, чтобы они признали Владимира своим архиепископом; на тех, кто не признал Владимира (к чести пензенского духовенства, таких было большинство), обрушились репрессии. Дело приняло столь серьезный оборот, что пришлось вмешаться самому В.И.Ленину. Ленин приказал немедленно освободить всех арестованных, а делегации, прибывшей из Пензы, заявил, что «Владимир Путята – это пиявка, присосавшаяся к советской власти».

Еще более курьезный характер носил так называемый «царицынский раскол», или «илиодоровщина». Возглавлялся этот раскол знаменитым черносотенцем иеромонахом Илиодором Труфановым. Знаменитый в дореволюционное время деятель из «Союза русского народа», прославленный своими скандалами и близостью к Распутину, Илиодор неожиданно сделался ярким «революционером». Явившись в 1920 году в Царицын, опираясь на кучку своих старых поклонников и поклонниц, он объявил себя со свойственной ему экстравагантностью патриархом всея Руси и главой новой церкви. Рассыпавшись в комплиментах по адресу советской власти, недавний черносотенный «трибун» провозгласил здравицу в честь «красных славных орлов, выклевавших глаза самодержавию». «Слава орлам! Слава орлам! Слава орлам!» – истерически выкрикивал он, кланяясь на все четыре стороны. Затем Илиодор приступил к «реформам». Выбрав из числа своих сторонников 12 человек, он провозгласил их «российским синодом» – и тут же придумал членам синода особый титул: Ваше достоинство (как же можно без титула?). Затея Илиодора носила, однако, слишком откровенно авантюрный характер, чтобы просуществовать долго; через несколько лет все лопнуло, как мыльный пузырь: даже самые ярые поклонники царицынского патриарха в нем разочаровались, и сам Илиодор вскоре покинул Царицын.

Эти два эпизода из эпохи гражданской войны являются зловещим прологом к обновленческому расколу – здесь в карикатурном виде сказываются все наиболее отрицательные черты обновленчества: авантюризм, моральная нечистоплотность и сикофанство.

Что делали, однако, в это время настоящие, идейные обновленцы? Питерское трио в этот период несколько притихло (в своей книге «Церковь и государство» Введенский называет это время «мертвым периодом»), но отнюдь не прекратило своей деятельности. Особую популярность приобретает в это время в Петрограде священник Введенский. В 1919 году ему пришлось пережить несколько неприятных событий: была закрыта церковь Николаевского кавалерийского училища, и ее настоятель очутился в положении безработного. В течение нескольких месяцев он должен был перебиваться кое-как, жить случайными заработками; одно время даже торговать газетами. Свой вынужденный досуг молодой священник использует довольно своеобразно. Он сдает экстерном курс в ряде высших заведений: таким образом, за короткий срок он приобрел, кроме имеющихся у него двух, еще шесть дипломов (юриста, биолога, физика и т.д.).

Вскоре Введенский получает назначение настоятелем Захарие-Елизаветинской церкви (на Захарьевской ул.) и в то же время становится приближенным митрополита Петроградского Вениамина. Сопровождая владыку во время его поездок по епархии, о. Александр всюду (на митрополичьих служениях) произносит проповеди. В 1921 году он (несмотря на молодость) возводится в сан протоиерея. В то же время он непрерывно выступает на разного рода диспутах. Во время диспутов происходят иной

раз острые инциденты, характерные для этого бурного времени. В качестве примера можно привести диспут 7 мая 1918 года, который происходил в Тенишевском училище: тема диспута была дана очень колоритно: «Борьба с Богом». Главными докладчиками были Введенский и Шпицберг – глава тогдашней антирелигиозной пропаганды. Когда начал говорить Введенский, группа учащихся заявила протест против того, что слушают попа. Большинство, однако, постановило предоставить слово Введенскому. После этого неожиданно выскочил на сцену матрос, обвешанный пулеметными лентами, и истерически выкрикнул, обращаясь к Введенскому, размахивая наганом: «Ваш Бог негодяй! Его расстрелять надо!» Последующая речь Введенского, однако, покорила многих, она закончилась шумными аплодисментами публики (Соборный разум, 1918, №5-7).

Все эти годы Введенский ни на минуту не оставлял своих планов церковной реформы. Уже в это время он становится частым гостем в Смольном: стучится там во все двери, добываясь разрешения на создание широкой обновленческой организации. Наконец в 1919 году он удостоился аудиенции у «самого» Зиновьева, возглавлявшего тогда Петроградский Совет. Эти два человека уселись друг против друга в одном из кабинетов Смольного и в течение часа обсуждали перспективы развития Русской Церкви. Введенский предложил конкордат – широкое соглашение между Советским правительством и реформированной Православной Церковью¹. Г.Зиновьев дал следующий ответ: «Конкордат в настоящее время вряд ли возможен, но я не исключаю его в будущем, так как вообще являюсь сторонником свободы вероисповеданий и, как вы знаете, делаю все от меня зависящее, чтобы избежать каких-либо ненужных обострений в отношениях с церковью у нас в Петрограде. Что касается вашей группы, то мне кажется, что она могла бы быть зачинателем большого движения в международном масштабе. Если вы сумеете организовать нечто в этом плане, то, я думаю, мы вас поддержим».

А.И.Введенский тех дней довольно рельефно и близко к истине обрисован Н.К.Чуковским в его автобиографическом романе «Юность» (это признал, между прочим, и сам Введенский). «Священник был очень худ, высок, слегка сутул, – читаем мы в этом романе, – наружность его показалась Грише довольно странной, и он внимательно к нему приглядывался. Красивое, молодое, нерусское лицо. Армянин, что ли, или грек? Острая подстриженная бородачка чрезвычайной черноты. Горбатый, изогнутый нос, очень тонкий. Смуглые щеки, большие зеленоватые глаза с необыкновенно ярким белком, в котором было что-то женственное и вместе с тем баранье. Черные длинные вьющиеся волосы из-под серой шляпы... Наша цель – конкордат, – сказал священник, – и на конкордат они пойдут». (Чуковский Н. Юность. Ленинград, 1930, с.103-104.)

«Нет, ошибки быть не может, – читаем мы в другом месте романа, – это тот же самый священник... Но теперь он был без шляпы, и поверх рясы у него на груди висело серебряное распятие. «Так, так, – задумчиво сказал

¹ Все сведения об этом периоде жизни А.И.Введенского и о его встрече с Зиновьевым я черпаю из тех очень откровенных бесед, которые я имел с А.И.Введенским во время нашей совместной жизни с ним в Ульяновске (1918-1919).

о.Сергий, ни к кому не обращаясь, — революция — это подвижничество... Робеспьер был мистик», — загадочно прибавил он» (с. 128-129).

В 1920 году питерское трио понесло тяжелую потерю: умер от сыпного тифа И.Ф.Егоров; за год до смерти он организовал особую церковную группу, состоявшую из его бывших учеников по гимназии, под названием «Религия в сочетании с жизнью». Эта группа, формально не отделяясь от церкви, проводила свои беседы и богослужения под руководством И.Ф.Егорова в особом помещении на Загородном проспекте. После смерти Егорова его ученики избрали себе руководителя из своей среды, и, так как митрополит отказался рукоположить его в священнический сан, молодые люди сами произвели «хиротонию» и, таким образом, отделившись от православной церкви, образовали самосвятскую, самочинную группу.

В Колпине непрерывно проповедовал А.И.Боярский, который образует также небольшой «кружок друзей церковной реформации». В Москве, как сказано выше, «реформаторы» группируются вокруг отдельных священнослужителей (Антонина Грановского, Вл.Быкова, С.Калиновского и т.д.).

Подобные тенденции проявляются и в провинции. Особый интерес представляет «лебедянский инцидент». В 1919 году в гор. Лебедяни Харьковской губернии появился молодой священник о. Константин Смирнов. О. Смирнов был человеком не совсем обычной биографии: происходя из харьковских дворян, он получил хорошее образование и окончил Киевский университет. Близко познакомившись с архиепископом Харьковским Антонием Храповицким, Смирнов увлекается богоискательством и в 1919 году принимает сан священника. Приехав на приход, о. Смирнов сразу принимается за реформы. Во-первых, он совершенно меняет обычный порядок богослужения: совершая все богослужения, полагающиеся по уставу (повечерие, полунощница и т.д.), о. Смирнов восстанавливает ряд обрядов, уже давно исчезнувших из церковного обихода: мытье престола в Страстной четверг, омовение ног на иерейском богослужении и т.д. Наконец, он принимается за исправление богослужебных книг: «елей мира» — вместо «милость мира» на литургии и т.д. Категорически отказавшись подчиниться архиерею, требовавшему прекратить эти новшества, о. Смирнов подвергается запрещению в священнослужении. Не обращая никакого внимания на это запрещение, он продолжает совершать богослужение: одновременно он апеллирует к патриарху. Отказавшись подчиниться и патриарху, о. Смирнов обращается к нему с открытым письмом (изданным затем отдельной брошюрой: *Смирнов К.* Открытое письмо б. патриарху Тихону. Лебедянь, 1923). В этом письме о. Смирнов излагает свою довольно сумбурную программу церковных реформ и, подтверждая свой отказ подчиниться патриарху, заявляет о своем намерении апеллировать к Собору. Самое интересное, что о. Смирнов все время оставался горячим поклонником митрополита Антония Храповицкого, называя его «ближним сердцу святителем», и даже (вопреки канонам) демонстративно поминал его во

время богослужения, хотя митрополит Антоний давно уже не был его епархиальным архиереем. Впоследствии о. Смирнов становится довольно крупным обновленческим деятелем и основателем особой группировки «Древнеапостольская церковь».

Можно упомянуть также о курьезном обращении группы провинциального духовенства к В.И. Ленину; авторы этого обращения просили председателя Совнаркома избавить их от притеснений высшего духовенства и от «унизительной внешности». Управделами Совнаркома Бонч-Бруевич добросовестно доложил Ленину об этом обращении. «Эти люди, кажется, принимают меня за парикмахера», – со смехом, как рассказывает Бонч-Бруевич, сказал Ленин.

Все эти разрозненные церковные группировки ждали только какого-нибудь внешнего толчка, чтобы объединиться и произвести церковный раскол. Таким толчком явились события 1921–1922 гг.

Эмигрантский Собор в Карловцах 1921 г.*, провозгласивший главной целью Русской Церкви восстановление монархии, способствовал, как известно, обострению отношений между советской властью и Церковью. Решения Карловацкого Собора вызвали протест и со стороны многих религиозно настроенных интеллигентов. Духовенство осуждали

За то, что толченым стеклом
Они посыпают гвоздиные раны России;
Молясь шепотком за романовский дом,
Шипят по Соборам кутейные змии –

так писал в то время известный поэт Н. Клюев.

И наконец поворотным пунктом в истории Русской Церкви советского времени явились события, связанные с изъятием церковных ценностей в пользу голодающих. Мы не будем подробно излагать всех обстоятельств, касающихся голода в Поволжье и изъятия ценностей, так как об этом уже очень много в свое время писалось. Молодым читателям, не помнящим того времени, скажем, что картины голода в Поволжье, который начался осенью 1921 года, были поистине кошмарными: они поражают даже нас, переживших ленинградскую голодную зиму 1941/42 гг. Достаточно сказать, что людоедство стало в те дни в Поволжье массовым явлением – на людей, как на диких зверей, расставлялись силки; под самым Саратовом, в 2-3 километрах от города, зверски убивали пешеходов, которые становились затем жертвами людоедов; попадались полностью вымершие деревни. В этой обстановке вопрос об изъятии церковных ценностей возник вполне естественно. Конечно, позиция, занятая патриархом, запретившим отдавать ценности, не была разумна, как признавал впоследствии и сам патриарх Тихон.

Когда люди в кожаных куртках вошли в храмы, чтобы изъять серебряные и золотые чаши, масса верующих бросилась на защиту ценностей; волна инцидентов прокатилась по стране. На столбцах газет появились громовые статьи против церковников, начались аресты священников – вся

Церковь пришла в движение. Карьеристы и конъюнктурщики, как всегда, еще более накаляли атмосферу, подливали масло в огонь, стремясь во что бы то ни стало заработать на этом политический капитал. Особенно лез вон из кожи некий Мих.Горев, статьи которого, наполненные призывами к расправе с духовенством, не сходили тогда со столбцов центральной прессы. Читатели его статей, злых и хлестких, вероятно, очень удивились бы, если бы узнали, что всего четыре года назад антирелигиозный вития сам был священником. Мало того, свящ. Галкин, писавший после революции под псевдонимом Мих.Горев, был в свое время приближенным митрополита Питирима и завсегдаем у «благочестивого старца» Распутина; дулумы и осиповы¹ должны считать его своим предтечей: они вполне равны ему по злобе и по моральным качествам.

Таково было внешнее положение Церкви к началу 1922 года. Как мы указывали выше, в то время духовенство, как и все остальные слои населения, было расколото по вопросу – принимать или не принимать советскую власть. Подавляющее большинство питало глубокую антипатию к советской власти; только незначительное меньшинство духовенства признавало (и то с большими оговорками) положительную роль некоторых революционных преобразований. Однако в 1922 году политическое положение столь резко изменилось, что лишь очень немногие решались бросить открытый вызов власти. Среди духовенства обозначился довольно значительный слой людей, которые хотели найти какое-то взаимопонимание с советской властью; при этом, разумеется, большие надежды возлагались на «нэповскую эволюцию большевизма». Изъятие ценностей явилось оселком для испытания политических убеждений тогдашнего духовенства: «приемлющие» высказывались за безоговорочную передачу всех ценностей, «неприемлющие», не отрицая, конечно, необходимости помощи голодающим, отказывались отдавать священные предметы в руки антирелигиозной власти и вообще не хотели, чтобы помощь голодающим происходила через Советское правительство. Деятельность «неприемлющих» выражалась, главным образом, в распространении патриаршего воззвания.

В это время на страницах советской прессы и с церковных кафедр выступают «приемлющие». А.И.Введенский в Петрограде с бешеной энергией начинает вести агитацию в пользу передачи ценностей. Он начал с того, что произнес потрясающую проповедь о муках голодающего народа и в искреннем порыве, на который он порою был способен, сняв с себя серебряный наперсный крест, положил его на блюдо «Помгола». («Действовал, – вспоминал он через 20 лет в интимном дружеском разговоре, – без предварительного стовора с кем-либо, лишь по природной экспансивности характера».) Вскоре в «Красной газете» появляется письмо А.И.Введенского о помощи голодающим. 15 марта 1922 года в «Известиях» появляются письма с призывами о помощи голодающим архиепископа Костромского Серафима (Мещерякова) и московского священника о.Иоанна Борисова (№60, с.5). 23 марта появляются аналогичные воззвания архие-

¹ Ренегаты-расстриги последнего времени.

пископа Тихона Воронежского и епископа Антонина (Грановского). Как и всегда, Антонин занял наиболее резкую и прямую позицию. Высказавшись за помощь голодающим и приведя в пример царя Давида, который насытил свой голод и голод спутников жертвенными хлебами, он выступает за то, чтобы представители верующих были включены в «Комитет помощи голодающим» («Помгол»). «Если стучатся в души, – пишет он, – то позволительно желание взглянуть одним глазком на то, что делается в связи с отзвуком, который получается от этого стука». (Известия, 1922, 23 марта, №66, с.5.)

В Кремле не остались глухи к этому требованию. 23 марта 1922 года Антонин Грановский был приглашен к Михаилу Ивановичу Калинин, и епископу было сделано предложение вступить в члены ЦК КомПомгола.

«Ваше святейшество! – писал Антонин патриарху Тихону. – На днях я был приглашен к Председателю ВЦИК (он же председатель «КомПомгола») Михаилу Ивановичу Калинин и получил от него предложение вступить в число членов Комитета помощи голодающим. Из беседы с Калининым я вынес следующее заключение. Правительство решило твердо и неуклонно утилизировать церковные ценности, и никакие возражения и протесты не остановят этой меры, а только создадут напряжение и отягощение для оппозиции. Власти, однако, желают избежать ненужных осложнений. И им желательно присутствие в Помголе представителя верующих, который мог бы с Вашими указаниями предупреждать ненужное раздражение и оскорбление чувства верующих. Я высказал собеседнику, что, насколько я осведомлен об общем настроении верующих, правительственная мера не встречает сочувствия у православных масс не потому, что бы верующие не хотели помочь правительству в борьбе с голодом или отдать ценности им запрещала их религиозная совесть, а единственно потому, что у этих масс нет решительно никакого доверия к лозунгу, под которым проводится эта мера. Верующие тревожатся, что церковные ценности могут пойти на иные, узкие и чуждые их сердцам цели. И эта-то неуверенность и опасение заставляют верующих настораживаться и придерживать церковное достоинство. Если бы эти опасения можно было рассеять, то пропорционально их ослаблению усиливалась бы и возрастала отзывчивость верующих к предпринимаемой мере и добротство. М.И.Калинин на это ответил, что вторая и главная цель приглашения меня в КомПомгол – это желание дать верующим через меня возможность контролировать поступление ценностей, их валютную реализацию и превращение в хлеб для голодающих. Считая, что подобное желание властей оберечь нравственное чувство верующих заслуживает всякой похвалы и что, если мне будут обеспечены все способы наблюдения и контроля за движением церковных ценностей от выемки их из храмов до поступления в голодные желудки в качестве хлеба, то это внесет огромное успокое-

ние, утишит взволнованное море верующих сердец, даст нравственное удовлетворение религиозному чувству и даже может согреть его и создать в народе одушевленный подъем жертвы, я принял сделанное мне предложение. О чем через Вас, Ваше святейшество, я хочу осведомить всех верующих. Вместе с тем испрашиваю Вашего по предмету моего вступления в ПомГол отзыва.

*Вашего Святейшества меньший брат во Христе,
епископ Антонин.*

29 марта 1922 г.»

(Известия, 1922, 30 марта, с.5.)

В эти бурные месяцы оформляется так называемая «Петроградская группа прогрессивного духовенства». В этой группе, помимо старых деятелей типа Введенского, Белкова и Боярского, появляются новые люди. Первым программным документом группы является декларация о помощи голодающим, подписанная всеми членами группы, от 24 марта 1922 года.

«События последних недель, — говорится в декларации, — с несомненностью установили наличие двух взглядов среди церковного общества на помощь голодающим. С одной стороны, есть верующие, принципиально (по тем или иным богословским или небогословским соображениям) не хотящие при оказании этой помощи пожертвовать некоторые ценности. С другой стороны, есть множество верующих, готовых, ради спасения умирающих, пойти на всевозможные жертвы, вплоть до превращения в хлеб для голодного Христа и церковных ценностей. (Голодающий это Христос, Ев. Матф. гл.25, 31-46.) О необходимости всемерно прийти на помощь голодным и церковными ценностями со всей апостольской ревностью высказались авторитетные святители церкви: архиепископ Евдоким, архиепископ Серафим, архиепископ Митрофан и ряд других иерархов, а также многие священники. Молва недобрая и явно провокационная объявляет лиц священного звания, так мыслящих, предателями, подкупленными врагами церкви. Судьей их пусть будет Бог и собственная совесть. Однако то явно не христианское настроение, что владеет многими и многими церковными людьми, настроение злобы, бессердечия, клеветы, смещения церкви с политикой и т.п. понуждает нас заявить следующее. Ни для кого из лиц знающих не секрет, что в церкви всегда бывала часть принадлежащих к ней не сердцем, духом, а только телом. Вера во Христа не пронизала всего их существа, не понуждала их действовать и жить по этой вере. Думается, что среди именно этой части церковников господствует злоба, которая явно свидетельствует об отсутствии в них Христа. Болит от этого сердце, слезами исходит душа... Братья, сестры о Господе! Ведь умирают люди. Умирают старые, умирают дети. Миллионы обречены на гибель. Неужели еще не дрогнуло сердце ваше? Если с нами Христос, то где же любовь Его ко всем — близким и далеким, друзьям и врагам? Где любовь, которая, по слову Божию, выше закона? Где любовь, что готова прервать все преграды, лишь бы помочь? Ведь именно такой любви научил нас Господь. Не-

ужели это непонятно? Бессердечие, человеческие расчеты, так печально выявившиеся в связи с голодом, принуждают нас определенно сказать: нет, нам, христианам, надо строить жизнь только по заветам Христа. В частности, по вопросу о церковных ценностях мы полагаем, что нравственный, христианский долг наш идти на эту жертву. Ведь в принципе на это благословил нас и патриарх Тихон и митрополит Вениамин и другие архиереи. Верующие охотно придут на помощь государству, если не будет насилия. (О чем же и заверяют нас представители власти.) Верующие отдадут, если надо, даже самые священные сосуды, если государство разрешит церкви под самым хотя бы строгим контролем им самим кормить голодных, о возможности чего говорили представители власти. Так будем же готовы на жертвы! и решительно отойдем от тех, кто, называя себя христианами, в данном вопросе смотрит иначе и, таким образом, зовет на путь равнодушия к умирающим от голода и даже на преступный, Христом запрещенный путь насилия в деле защиты церковных ценностей. Церковные люди! Одно лишь печальное недоразумение разделило нас по этому вопросу. Мы должны со взаимной любовью, с взаимным уважением, с горячей любовью к гибнущим от голода братьям нашим помочь им всем, даже жизнью своей. Этого ждет Христос!

Протоиереи: Иоанн Альбинский, Александр Боярский, Александр Введенский, Владимир Воскресенский, Евгений Запольский, Михаил Попов, Павел Раевский.

Священники: Евгений Белков, Михаил Гремячевский, Владимир Красницкий, Николай Сыренский.

Диакон Тимофей Скобелев».

(Известия, 1922, 29 марта, №71, с.2.)

Стиль этого документа не оставляет никаких сомнений в том, что его автором является А.И.Введенский (отдельные фразы почти дословно взяты из его тогдашних проповедей). Из 12 священнослужителей, подписавших заявление, шесть примыкают к обновленческому движению еще в дореволюционное время (Ал.Боярский, Мих.Попов, Павел Раевский, Евгений Белков и Николай Сыренский). В то же время здесь появляются шесть новых имен – среди них следует особо отметить имя свящ. Красницкого, который через два месяца неожиданно становится одним из главных вождей раскола.

Владимир Дмитриевич Красницкий родился в 1880 г. на Украине, в семье сельского священника. После окончания семинарии он становится студентом Петербургской духовной академии. Дельный и сметливый, он уже на семинарской скамье выделяется среди товарищей. В противоположность другим обновленческим лидерам Владимир Дмитриевич отнюдь не был человеком бунтарского типа. Еще в семинарии он пользуется репутацией благонадежнейшего семинариста, прислуживает в алтаре и является

любимцем начальства. В Академии он работает над рефератом «Обличение социализма», в основе которого лежит тезис: «Социализм от дьявола». Еще будучи студентом, он становится членом «Союза русского народа», а по окончании Академии назначается священником в церковь «Союза русского народа» в Петербурге.

Ловкий и беззастенчивый карьерист, Красницкий никогда не отличался разборчивостью в средствах: в 1912 году, во время дела Бейлиса, он неоднократно заявлял, что «евреи употребляют в ритуальных целях христианскую кровь». После революции В. Д. Красницкий служил в качестве второго священника в Князь-Владимирском соборе на Петроградской стороне. Совершенно оттеснив на задний план престарелого настоятеля о. Михаила, Красницкий становится фактическим настоятелем древнего петроградского собора. Видимо, подготавливая себе на всякий случай позиции к отступлению, о. Красницкий (наряду со священнослужением) поступает в 1920 году в одно из учреждений на Петроградской стороне в качестве бухгалтера.

От петроградского трио и других обновленцев Красницкий всегда, до марта 1922 года, держался в стороне и никогда ни в какие отношения со своими будущими товарищами не вступал. «Хотел бы я знать, – вспоминал А. И. Введенский, – откуда взялся этот тип. Никогда ни в одной обновленческой группировке не участвовал, никто из нас его не знал, вдруг появляется на одном из наших совещаний – для чего? Зачем? Оказывается, он что-то там делает, кого-то тоже собирает». Действительно, новый приверженец обновленческого течения мало походил на своих товарищей: если те были типичными интеллигентами, мятущимися и расхлябанными, то священник Красницкий был человеком совершенно другого типа: поклонник твердой власти, деятельный администратор, домовитый хозяин, он воплощал в себе тот тип умного, хладнокровного, прижимистого кулака, который нашел отражение в художественной литературе XIX века – некоторых зарисовках Эртеля и других. Осанистый, с умным, слегка курносом лицом, спокойные, медлительные жесты, певучий голос с небольшим украинским акцентом, образцовые чистота и порядок в небольшом деревянном домике в Успенском переулке, где он жил, – трудно было представить себе что-нибудь более противоположное церковно-литературной богеме, представителями которой являлись Введенский и Белков.

Что привело Красницкого в первые месяцы 1922 года к союзу с Введенским, Боярским и Белковым, которых он не любил и которые его не любили? Как уже было сказано, Красницкий был карьеристом – человеком, который всегда ставит на лошадь, которая имеет наибольшие шансы на выигрыш. Однако такое объяснение было бы все-таки упрощенным.

Начать с того, что карьерист Красницкий был, несомненно, искренне верующим человеком. В 1926 году, через четыре года после описываемых событий, один из авторов однажды присутствовал на литургии, которую совершал Красницкий. Он служил тогда без диакона, и в алтаре Князь-

Владимирского собора присутствовали только двое: он и я (Левитин А.Э.). Причастившись, он с потеплевшим лицом снял с престола крест и евангелие и, отойдя к жертвеннику, подозвал меня к себе. «Сейчас ты еще ребенок, тебе только одиннадцать лет, и у тебя еще нет настоящих грехов, – говорил мне священник, покрывая меня епитрахилью, – молись же сейчас, когда ты стоишь в алтаре, обо всем, чего ты хочешь, – Бог исполнит все!» Такую фразу мог произнести только искренне верующий человек. Можно указать также и на то, что тогда, когда карьера его лопнула так же внезапно, как и началась, он не ушел из церкви и предпочел тяжелое существование кладбищенского священника прямому предательству церкви, – в противоположность калиновским и платоновым, осиповым и дулуманам. И думается мне, что деятельность Красницкого надо объяснять не столько его личными качествами, сколько глубоко вкоренившейся идеей – нерушимого единства церкви и государства.

Церковь не может существовать без поддержки государства, думал студент Духовной академии Красницкий в 1910 году и шел в «Союз русского народа». Церковь не может существовать без поддержки государства, думал священник В.Д.Красницкий в 1922 году и начал выполнять приказы гражданской власти, мало заботясь о том, насколько они соответствуют его совести. К сожалению, эта философия оказывала все большее влияние на обновленческий раскол и, как увидим ниже, вскоре стала его основой и способствовала быстрому перерождению мечтателей и энтузиастов в политических дельцов и карьеристов. Чего изволите? – этот древний лозунг становился с 1922 года главной линией поведения обновленческих лидеров.

Вместе с Красницким в петроградскую группу пришло еще два человека. Настоятель Матвеевской церкви о.Иоанн Альбинский (безвольный, добродушный старичок, находившийся целиком под влиянием Красницкого); священник той же церкви о.Михаил Гремячевский (человек того же типа, что и Красницкий – хозяйственный, энергичный, администратор и карьерист); Евгений Запольский (человек честный, искренний, по-настоящему сочувствующий голодающим), и молодой диакон-энтузиаст Тимофей Скобелев – таков состав петроградской группы в эти дни. Как сказано выше, в первые же дни после декрета об изъятии церковных ценностей группа развила энергичную деятельность.

Но необходимо остановиться на положении, которое сложилось в первые месяцы 1922 года в Петрограде.

Во главе Петроградской церкви стоял митрополит Вениамин – человек, известный своей трагической судьбой. Поэтому о нем надо сказать подробнее. Митрополит Вениамин – в миру Василий Павлович Казанский – родился в 1873 году в полудикой тогда Олонецкой губернии (Карелии), в семье бедного сельского священника. Он учился в Олонецкой духовной семинарии, которую окончил и его старший брат – впоследствии член IV Государственной Думы, примыкавший там к октябристам. Посту-

пив после окончания семинарии в Петроградскую духовную академию, Василий Павлович примыкает к либералам-общественникам, часто проводит чтения на религиозные темы среди рабочих на петербургских заводах и фабриках. В 1895 г., на 3-м курсе, он принимает монашество с наречением ему имени Вениамина. В 1896 году он рукоположен в иеромонахи, в 1897 году он оканчивает Духовную академию со званием магистранта и начинает обычную карьеру ученого монаха. Сначала он преподает Священное писание в Рижской духовной семинарии; потом, в 1889 году, – в Петербургской. В 1902 г. он ректор Самарской духовной семинарии, а в 1905 г. становится ректором Петербургской духовной семинарии. Деятель школы Антония Вадковского, он очень походил на своего учителя по характеру. Мягкий, приветливый, вежливый, он отличался особым благочестием; священнослужитель по призванию, он готов служить дни и ночи (особенно он любил ночные богослужения). «Его не останови – он 24 часа в сутки будет служить», – ворчали на него семинаристы. Антоний Вадковский полюбил интеллигентного набожного монаха и решил сделать его своим викарием.

23 января 1910 года, в здании Святейшего Правительствующего Синода, архимандрит Вениамин был наречен во епископа Гдовского. Чин наречения совершали митрополиты С.-Петербургский Антоний, Московский – Владимир, Киевский – Флавиан, архиепископы Литовский Никандр, Ярославский (будущий Святейший патриарх) – Тихон, епископы Оренбургский Иоаким и Полтавский – Иоанн. В воскресенье 24 января 1910 года в Свято-Троицком соборе Лавры была совершена теми же святителями архиерейская хиротония (Прибавление к «Церковным ведомостям», 1910, №5, с.208). С этого времени начинается деятельность епископа Вениамина в качестве петербургского викария. Владыка Вениамин не принадлежал к блестящим людям, поэтому петербургская интеллигенция мало обращала на него внимания. Он был, однако, очень популярен в народе и у низшего духовенства. Отзывчивый, гуманный епископ, чуждый бюрократизма и чванства, которыми отличались многие тогдашние (и не только тогдашние) архиереи, он был многими любим, и этим объясняется тот неожиданный перелом в его карьере, который произошел в 1917 году.

Мы уже говорили выше о епископских выборах, которые впервые в истории Русской Церкви были проведены после февральской революции. Почти одновременно с Москвой увидел эти выборы и Петроград. 23 мая 1917 года в помещении Исидоровского епархиального училища собрался съезд, состоявший из 1950 человек, главной задачей которого было избрание кандидатов на Петроградскую митрополичью кафедру, вакантную после отстранения митрополита Питирима, известного своей близостью к Распутину. С самого открытия съезда наметились три главных кандидата: епископ Уфимский Андрей Ухтомский, архиепископ Финляндский Сергей Страгородский и епископ Гдовский Вениамин Казанский. Епископ Андрей был в чести у либеральной интеллигенции: «сам» М.В.Родзянко, председатель IV Государственной Думы, представлявший на епархиальном съезде

Пантелеймоновский приход, выступил с большой речью, настаивая на избрании Андрея Ухтомского, прославляя его как борца против распутищины и самого прогрессивного из русских епископов. Правые объединились вокруг Сергия, хотя его репутация была сильно испорчена тем, что он, вопреки данному им архиерейскому слову, вошел в новый Синод. Епископ Вениамин был кандидатом простого народа и низшего духовенства. 24 мая 1917 года в колоннаде Казанского собора было поставлено 12 урн. В конце дня архиепископ Платон объявил результаты голосования. Из 1950 членов съезда в голосовании приняло участие 1507 человек. 699 голосов получил епископ Вениамин. 394 голоса – архиепископ Сергий, 364 голоса – епископ Андрей. Остальные 93 голоса распределяются между архиепископом Тихоном, протопресвитером о.Георгием Шавельским и не восстановленным еще тогда в сане бывшим священником о.Григорием Петровым. (См.: Новое время, 1917, 26 мая/7 июня, №14789, с.5.)

«Я знаю хорошо преосвященного Вениамина. Человек он – честный», – сдержанно отозвался на результаты выборов В.Н.Львов. (Биржевые ведомости, 1917, 25 мая, №16249, с.2.) После того как сторонники епископа Андрея выразили намерение опротестовать выборы, «преосвященный Андрей умолял во имя любви к нему не нарушать мира в церкви, не подрывать уважения к духовенству и признать епископа Вениамина, который, по его мнению, является человеком прекрасных душевных качеств». (Биржевые ведомости, 1917, 26 мая, №16251, с.2.)

«Я стою за свободу церкви, – заявил новый митрополит. – Она должна быть чужда политики, ибо в прошлом она много от нее пострадала. И теперь накладывать новые путы на церковь было бы большой ошибкой со стороны людей, истинно преданных церкви. Я приветствую новую жизнь церкви, когда народ призван к живейшему участию в церковных делах. Завтра я открою наш епархиальный съезд. Обычно на съездах бывали делегаты духовенства. Теперь в епархиальном съезде примут участие представители духовенства и мирян, которые участвовали в избрании митрополита. Одной из задач епархиального съезда будет создание церковного епархиального совета применительно к новым началам жизни. Самая главная задача церкви сейчас – это устроить и наладить нашу приходскую жизнь. Еще в качестве управляющего Петроградской епархией я обращался с воззванием к приходскому духовенству об организации приходских советов и собраний для оживления церковной жизни. И встретил самое живейшее содействие как со стороны духовенства, так и со стороны мирян. Отрадно было видеть, когда избранные в состав лица являлись ко мне за благословением. Здесь были представители самых разнообразных общественных слоев: государственные деятели, врачи, педагоги, заводские рабочие и все те, кто живет интересами нашей церкви». (Новое время, 1917, 25 мая, №14789, с.4.)

Во время своего управления Петроградской епархией митрополит Вениамин проводит в жизнь эту программу. Действуя в контакте с епархи-

альным управлением, состоящим главным образом из представителей интеллигенции, митрополит стремится всячески оживить приходскую жизнь. Им поощрялись всевозможные братства и сестричества при храмах, которые были даже объединены особым советом, председателем которого был А.И.Введенский, а секретарем иеромонах Мануил (впоследствии митрополит Куйбышевский и Сызранский). Ночные богослужения, крестные ходы собирали огромное количество молящихся; внедрение в церковную жизнь таких богослужений, как погребение Божией Матери на Успение, чин воздвижения креста и т.д., является несомненной заслугой покойного митрополита перед церковью. Оставаясь либералом, он приблизил к себе А.И.Введенского и покровительствовал другим обновленцам.

Каково было отношение митрополита Вениамина к советской власти? Разумеется, трудно было бы ожидать от него, как и от патриарха, чтобы он стоял в октябре 1917 года на позициях большевистской партии (это поистине было бы чудом из чудес). В первые месяцы после октября в Петрограде произошел ряд острых инцидентов (таких, как убийство в Царском Селе протоиерея Кочурова, столкновение с красногвардейцами в Александро-Невской Лавре, во время которого погиб священник о. Петр Скипетров и т.д.). Однако вскоре между Петроградским Советом и митрополитом наладились довольно мирные отношения. Только в 1922 году митрополит Вениамин оказался в очень затруднительном положении. Желая точно выполнить указ патриарха, он не желал ссориться и с властью. С 1 марта начались длительные, тягучие переговоры с Петроградским Советом об изъятии церковных ценностей. Первоначально владыка-митрополит и проф. Новицкий (председатель Епархиального совета) предъявили три следующих условия: первое – власть должна доказать, что никаких других ресурсов, кроме церковных ценностей, для помощи голодающим у нее нет. Второе – должно быть получено благословение Святейшего патриарха; третье – представители верующих должны иметь возможность контроля за использованием церковных ценностей. Первые два условия отпали в процессе переговоров, а третье условие было принято Петроградским Советом. Тем не менее митрополит продолжал колебаться: в иные моменты он как будто был склонен обратиться к верующим с призывом отдать ценности; в другие моменты он даже выступал с резкими речами (как, например, знаменитая его речь в алтаре Исаакиевского собора в Страстной четверг, которую митрополит произнес, обращаясь к петроградскому духовенству, стоя перед жертвенником с чашей в руках). Атмосфера в Петрограде все более накалялась: принудительное изъятие ценностей сопровождалось острыми инцидентами (в церкви Николы Морского, у Спаса на Сенной и т.д.).

Тут-то и развернули свою деятельность петроградские обновленцы: Введенский и Боярский чуть не ежедневно выступали с докладами, призывая отдать ценности. В.Д.Красницкий ни с какими докладами не выступал, однако он завязывал связи с различными учреждениями; в частности,

с тем, которое находилось тогда на Гороховой улице, 2 (ЧК). Знакомство, завязанное здесь Красницким, доставило большое удовольствие обеим сторонам: крылатая молва приписывала ему (возможно, и не всегда правильно) участие в аресте некоторых церковников. В петроградской группе главным организатором становится Красницкий; под его руководством, которое, однако, оспаривалось Введенским и Боярским, петроградская группа становится центром обновленческого движения в стране. В мае 1922 года она переносит свою деятельность в Москву.

В Москве в это время происходят драматические события. После столкновений, которые произошли в марте и апреле 1922 года, начались аресты среди московского духовенства. Через несколько дней после Благовещения были арестованы протоиерей В.И.Соколов – настоятель церкви Николая-Явленного на Арбате (благочинный центрального района Москвы), протоиерей А.Н.Заозерский – настоятель церкви Параскевы Пятницы (благочинный Замоскворецкого Сорока), благочинный о. А.Ф.Добролюбов и ряд других; 15 апреля был арестован управляющий Московской епархией архиепископ Никандр (Феноменов).

26 апреля 1922 года в помещении Политехнического музея начался судебный процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей в гор. Москве*. Дело разбиралось Революционным Трибуналом гор. Москвы под председательством Бека; обвинение поддерживалось Луниным и Лонгиновым; на скамье подсудимых было 17 человек. Состав подсудимых поражал своей разношерстностью: наряду с известными в Москве протоиереями оо. Заозерским, Добролюбовым, Надеждиным и т.д. на скамье подсудимых был, например, Николай Иванович Брызгалов, инженер и декадентский поэт; наряду со стариком профессором-юристом Е.Н.Ефимовым на скамье подсудимых сидела 22-летняя девушка В.И.Брусилова (родственница знаменитого генерала) и т.д. Все эти люди обвинялись в том, что они распространяли патриаршее воззвание и этим способствовали возникновению беспорядка в московских храмах. Благочинные были привлечены, так сказать, «по должности»: согласно церковному праву они обязаны были сообщить подведомственному им духовенству воззвание патриарха. О. Заозерский – один из популярнейших московских священников – сам в своем храме сдал ценности; однако на суде он считал долгом чести отстаивать правильность патриаршего воззвания; благодаря этому он стал центральной фигурой процесса.

29 апреля 1922 года в заседании суда давали показания эксперт проф. Кузнецов (старый специалист по каноническому праву), епископ Антонин и московские священники-обновленцы: Калиновский и Ледовский. Целью экспертизы было выяснить – задевает ли изъятие из церквей священных сосудов религиозное чувство верующих. На этот вопрос проф. Кузнецов дал компромиссный ответ: каноническое право допускает изъятие и переплавку священных сосудов, однако переплавлять сосуды должны священнослужители. Епископ Антонин, С.Калиновский, И.Ледовский дали отве-

ты ясные и недвусмысленные: все сосуды могут быть отданы во имя любви к ближнему.

Особенно категорически высказался в этом смысле Антонин. Он утверждал, что каноны запрещают лишь использование священных сосудов для личных целей: так, нельзя позвать гостей и угощать их вином из причастной чаши, однако можно и должно продать сосуды в дни национального бедствия, чтобы спасти голодающих. Епископ привел в качестве примера св. Амвросия Медиоланского, отдавшего священные сосуды, чтобы выкупить пленных. Атмосфера особенно накалилась, когда о. Заозерский, спокойный и учтивый, стал возражать епископу, говоря о жертвах, которые верующие приносят Богу, – и Антонин, выпрямившись во весь свой огромный рост, крикнул на весь зал своим зычным, хриплым голосом: «Милости хочу, а не жертвы!»

4 мая 1922 года давал показания архиепископ Никандр (Феноменов). «Где я?» – растерянно спросил у суда архиепископ, привезенный в Политехнический музей прямо из внутренней тюрьмы ГПУ. В своих показаниях архиепископ категорически опровергал все факты, касавшиеся его роли в распространении патриаршего воззвания.

И наконец, 5 мая 1922 года на процессе наступил «большой день». В этот день в зал Политехнического музея вошел для дачи показаний патриарх.

«Следующего свидетеля», – роняет приказ председатель тов. Бек. В дверях слева, откуда красноармейцы пропускают свидетелей, появляется плотная духовная фигура, ничем не отличающаяся от прочих батюшек, фигурирующих на суде. Вместо наперсного креста у него на груди крупный образ (панагия). Окладистая, но довольно редкая борода седее волос на голове. Лицо розово-благодушное, старческие слезящиеся глаза. Поступь мягкая, и сутулые полные плечи. В общем впечатление солидного столичного протоиерея. Но этот «протоиерей» прекрасно понимает свою роль. Сначала он делает легкий поклон в сторону публики и благословляет ее по-архиерейски, сложенными пальцами обеих рук. Три четверти публики безмолвно поднимаются с мест». (*Криницкий Марк* «Русский папа» перед судом Революционного Трибунала. – *Известия ВЦИК*, 1922, 6 мая, с. 2.).

«...И патриарх Тихон начинает негромко рассказывать, если не все, то многое из того, что ему известно. Держит себя с большим достоинством. Во время его показаний председатель по какому-то поводу напоминает ему: Прошу вас, свидетель, особо взвешивать каждое ваше слово, ввиду вашего положения среди верующих и вашей собой ответственности за него. Свидетель и без этого напоминания действительно подолгу взвешивает каждый ответ, скупно тратя взвешенные слова... Мыслит отчетливо и говорит хорошо» (Там же, ст. П. Ашевского «И Святейший и правительствующий»).

В своих показаниях патриарх принял ответственность за воззвание на себя*; на вопросы о том, кто печатал и распространял воззвания, дал совершенно странный, но хороший ответ, что печатал и распространял воззвание якобы он сам лично без чьей-либо помощи; только один раз во

время показаний, длившихся около часа, самообладание изменило патриарху: в ответ на вопрос Лонгинова – могли ли подсудимые священники не выполнять его предписаний, – он неосторожно ответил: «Могли», – затем тут же поправился, заметив, что он один за все отвечает, но было уже поздно, – обвинение подхватило это не совсем удачное патриаршее слово и использовало его против обвиняемых.

6 мая 1922 года в «Известиях» появилась передовица «Генштаб церковной контрреволюции» с резкими выпадами против патриарха; революционный трибунал вынес частное определение о привлечении к уголовной ответственности свидетелей граждан Белавина (Святейшего патриарха) и Феноменова (архиепископа Никандра). Отряд красноармейцев появился вечером около Троицкого подворья (у Самотеки), где проживал тогда патриарх, – и ему было объявлено, что он отныне находится под домашним арестом и не должен покидать своих комнат. Это было в субботу, в 6 часов, когда в московских храмах благовестили ко всеобщей, – и в этот же самый час в здании Политехнического музея суд Революционного Трибунала удалился на совещание. Приговор был объявлен на другой день, в воскресенье 7 мая 1922 года в 2 часа дня.

Согласно этому приговору: Заозерский Александр Николаевич, 42 лет, Добролюбов Александр Федорович, 56 лет, Надеждин Христофор Александрович, 56 лет, Вишняков Василий Павлович, 56 лет, Орлов Анатолий Петрович, 43 лет, Фрязинов Сергей Иванович, 42 лет, Соколов Василий Иванович, 40 лет, Телегина Мария Николаевна, 46 лет, Брусилова Варвара Ивановна, 22 лет, Тихомиров Сергей Федорович, 57 лет, Рохманов Михаил Николаевич, 43 лет, – были приговорены к высшей мере социальной защиты – расстрелу с конфискацией всего имущества; три человека – прот. Кедров, Н.А.Брызгалов и Е.Н.Ефимов были по суду оправданы, три человека были приговорены к различным срокам заключения. Из 11 человек, приговоренных к расстрелу, шесть были помилованы: в отношении 5 человек (протоиерей Заозерский А.Н., Добролюбов А.Ф., Надеждин Х.А., Вишняков В.П., Орлов А.П.) приговор был приведен в исполнение.

*

Смятение царило на другой день в церковных кругах Москвы, родственники осужденных беспомощно метались по различным инстанциям; взволнованный, постаревший и осунувшийся в один день Антонин, на которого за его экспертизу указывали как на виновника гибели осужденных, поехал во ВЦИК ходатайствовать об их помиловании. А в это время к платформе бывшего Николаевского вокзала подходил прибывший из Петрограда поезд; в одном из купе сидели три человека: протоиерей Александр Введенский, священник Евгений Белков, а также псаломщик Стефан Стадник. Все были взволнованы: только что в Клину из последнего номера «Правды» они узнали о состоявшемся в Москве приговоре.

Введенский беспокойно метался по вагону: то выходил на площадку, то возвращался в купе, то открывал, то закрывал окно, священник Белков отхлебывал чай из стакана и взволнованно говорил о последней новости; псаломщик, которого неизвестно для чего захватили с собой батюшки и который, видно, должен был представлять «демократическое низшее духовенство», — робко сидел в углу.

В Москве приезжих ожидали беспокойные дни. Там их встретил прибывший раньше Красницкий.

Члены петроградской группы прибыли в Москву в понедельник 9 мая 1922 года; пятница 12 мая — день, который был впоследствии официально признан днем рождения обновленческого раскола. Что делали петроградцы, прибывшие в Москву, в эти четыре дня, — от понедельника до пятницы?

«— За всем ходом событий в мае 1922 года, — говорил я¹ Введенскому, — чувствуется чья-то дирижерская палочка.

— Безусловно, — получил я в ответ. — Было место, в котором делалась религиозная погода.

— Где же оно было, это место?

— А вас это очень интересует?

— Конечно!

— А я вам не скажу. Сами догадайтесь, раз хотите быть историком, а иначе какой же вы историк, если не понимаете самых простых вещей?»

А.И.Введенский был, конечно, прав: не надо было быть историком, чтоб сообразить, где было это место, «в котором делалась религиозная погода». Это место находилось в кабинете Евгения Александровича Тучкова — одного из руководящих работников ОГПУ, который ведал тогда церковными делами. Умный, хитрый и волевой человек, Е.А.Тучков очень умело проводил правительственную политику в отношениях с церковью. Выдающийся дипломат — он легко находил «ключ к архиерейским сердцам»... Одних умел припугнуть, с другими разговаривал по-дружески, с грубоватой фамильярностью, с третьими был утонченно вежлив. Характерно, что впоследствии, уже будучи не у дел, он с большим уважением отзывался о патриархе Тихоне и с величайшим презрением — об обновленцах. В то время он, однако, считал необходимым всячески поощрять деятелей раскола.

Как раз в это время «случайно приехали» в Москву два саратовских «обновленца» — протоиереи Николай Русанов и Сергей Ледовский. Петроградцы имели встречу с ними и быстро нашли общий язык. Гораздо трудней было договориться с москвичами. Двое священников, которые имели репутацию протестантов и выступали за изъятие ценностей — прот. Вл.Быков и свящ. И.Борисов, — приняли питерцев очень холодно; правда, согласились после долгих уговоров подписать воззвание, но затем совершенно отстранились от обновленческого движения. Совершенно отказался говорить с петроградскими гостями о. Дмитрий Боголюбов — бывший петербургский миссионер, известный в дореволюционное время своим либе-

¹ А.Э. Левитин.

рализмом, на которого поэтому рассчитывали обновленцы. В то же время он был настоятелем московской церкви Девяти мучеников (в Девятинском переулке).

С большим трудом подвигались переговоры с Антонином Грановским. Старик принял петроградскую делегацию очень холодно и небрежно. «Слышал про ваши подвиги, да и про вас лично», – перебил он со второго слова Красницкого, которого возненавидел буквально с первого взгляда. Затем епископ обратился к Введенскому: «Правду говорят, что вы от колена Иисеева?» – «Что вы, владыко, я русский дворянин», – с вымученной улыбкой ответил обновленческий вития. «Как же, видали мы таких дворян!» – усмехнулся грубоватый старик. Введенский, однако, пришлось ему по вкусу больше других гостей. К нему он главным образом обращался во время беседы и, прощаясь, дружески потрепал по плечу. Но после двухчасового разговора с Антонином так и не было достигнуто соглашение: старик заявил, что он «резервирует» свою позицию и будет ожидать дальнейшего хода событий.

Легче всего удалось договориться с С.Калиновским. Настоятель Гребневской церкви, что на Лубянке, который через несколько месяцев снял с себя сан и преобразился в антирелигиозного лектора, информировал своих собеседников о том, что в ближайшее время выйдет из печати первый номер основанного им журнала «Живая Церковь», по поводу которого он уже давно вел переписку с петроградцами. Тут же было решено, что новое движение будет называться «Живая Церковь». Есть что-то символическое в том, что это название, столь сильно скомпрометированное впоследствии, было придумано ренегатом, – правда, обновленческое движение носило официально это название недолго, но в быту эпитет «живоцерковник», как позорное клеймо, остался за обновленцами навсегда.

Наконец наступила пятница 12 мая 1922 года – тяжкий день в истории Русской Церкви. В этот день петроградцы вели переговоры «в различных инстанциях» (как глухо замечает в своей книге «Церковь и революция» А.И.Введенский). В 11 часов вечера к Троицкому подворью, где находился в заключении патриарх, подъехал автомобиль. Из него вышли четверо священников: Введенский, Красницкий, Белков, Калиновский и псаломщик Стадник. У дверей их встретил предупрежденный заранее начальник конвоя. Священники вошли в подъезд. Вдруг какой-то непонятный страх охватил Калиновского. «Нет, я не пойду, идите вы», – и он остался сидеть внизу в передней. Трое петроградских священников и псаломщик стали подниматься в сопровождении начальника конвоя по слабо освещенной лестнице. Впереди всех шел В.Д.Красницкий – он, единственный из четверых, когда-то здесь бывал. Это было четыре с половиной года назад – 22 января 1918 года он так же участвовал в делегации от Петрограда вместе с тремя протоиереями (Ф.Н.Орнатский, В.А.Акимов и С.Н.Руданский). Тогда он приезжал просить патриарха о том, чтобы митрополиту Вениамину, подобно его предшественникам, было позволено носить титул

архимандрита Александро-Невской Лавры (См.: Церковные ведомости, 1918, №13-14, с.160).

В двенадцатом часу ночи непрошенные гости в сопровождении двух работников ГПУ вошли в кабинет, где их встретил поднятый с постели, ошеломленный патриарх. Е. А. Тучков мог бы торжествовать: подготовленный им театральный эффект, казалось, удался. Патриарх, однако, быстро овладел собой; благословив поклонившихся ему в пояс и поцеловавших руку священников, он пригласил их сесть и вежливо осведомился о том, что им угодно. Началась беседа патриарха с основоположниками «Живой Церкви».

Вот как рассказывают они об этой беседе с патриархом в официальном сообщении:

«12 мая группа духовенства в составе прот. Введенского, свящ. Красницкого, Калиновского, Белкова и псаломщика Стадника направилась в Троицкое подворье к Святейшему патриарху Тихону и имела с ним продолжительную беседу. Указав на только что закончившийся процесс Московского Трибунала, в результате которого по делу о сопротивлении изъятию ценностей вынесено 11 смертных приговоров, группа духовенства моральную ответственность за эту кровь возлагает на патриарха, распространившего по церквям свое послание – прокламацию от 28 февраля. По мнению группы духовенства, это послание на местах явилось сигналом для новой вспышки, руководимой церковной иерархией, гражданской войны церкви против советской власти. Священником Красницким в беседе было указано, что с именем патриарха вообще связано вовлечение церкви в контрреволюционную политику, конкретно выразившуюся, между прочим: а) в демонстративном анафематствовании патриархом большевиков 12 января 1918 года; б) в выпуске патриархом послания от 15/28 февраля 1922 года, призывавшего к сокрытию в потайных местах церковного имущества, к набатным звонам и к организации мирян в целях сопротивления советской власти. Это послание, по словам свящ. Красницкого, на местах вызвало 1414 кровавых эксцессов; в) в посылке патриархом Николаю Романову в Екатеринбург через епископа Гермогена благословения и просфоры; г) в рукоположении в священный сан и в приближении к высшим иерархическим должностям целого ряда лиц, определенно выявивших себя в качестве приверженцев старого, монархического строя; д) в превращении церкви вообще в политическую организацию, прикрывшую своей ризой и впитавшую в свои приходские советы те безответственные элементы, кои хотят именем церкви и под флагом церкви свергнуть советскую власть. Указав на то, что под водительством патриарха Тихона церковь переживает состояние полной анархии, что всей своей контрреволюционной политикой и, в частности, борьбой против изъятия ценностей она подорвала свой авторитет и всякое влияние на широкие массы, группа духовенства требовала от патриарха немедленного созыва для устроения церкви поместного Собора и полного отстранения патриарха до соборного решения от управления

церковью. В результате беседы, после некоторого раздумья, патриарх подписал резолюцию о передаче своей власти до поместного Собора одному из высших иерархов». (Живая Церковь, 1922, №2, с.1).

«После Красницкого стал говорить я, – рассказывал А.И.Введенский. – Был я тогда молод и горяч, считал, что я даже стену могу убедить. Говорю, говорю, убеждаю, а патриарх на все отвечает одним словом: нет, нет, нет. Наконец и я замолчал. Сидим мы против него и молчим. Но что же вы от меня хотите, спрашивает он. Надо передать кому-нибудь власть, дела стоят без движения, говорим. Подождите, встал и ушел в другую комнату; через пять минут выносит письмо Калинину, в котором он временно, на время заключения, передает власть одному из митрополитов – Вениамину или Агафангелу. «Я всегда смотрел на патриаршество как на крест; если удастся когда-нибудь от него освободиться, буду благодарить Бога». Благословил нас, и мы пошли».

Таким образом, свидание с патриархом дало, с точки зрения «Живой Церкви», ничтожные результаты: назначение патриархом заместителем одного из архиереев, который по своим убеждениям ничем не отличается от патриарха. Тем не менее пятница 12 мая имела важное значение для обновленческого раскола: устранение патриарха создавало важную юридическую предпосылку для оформления нового правящего центра. На другой день, 13 мая 1922 года, появляется воззвание «Верующим сынам Православной Церкви России» – первый документ, подписанный совместно московскими, петроградскими и саратовскими обновленцами и являющийся программным для «Живой Церкви».

«Братья и сестры во Христе! – писали представители нового движения, рвущиеся к церковной власти. – В течение последних лет, по Воле Божьей, без которой ничего не совершается в мире, в России существует Рабоче-Крестьянское Правительство. Оно взяло на себя задачу устранить в России жуткие последствия мировой войны, борьбы с голодом, эпидемиями и прочее нестроение государственной жизни. Церковь фактически оставалась в стороне от этой борьбы за правду и благо человечества. Верхи священноначалия держали сторону врагов народа. Это выразилось в том, что при каждом подходящем случае в церкви вспыхивали контрреволюционные выступления. Это было не раз. А теперь на наших глазах произошло такое тяжелое дело с обращением церковных ценностей в хлеб для голодных. Это должно было быть подвигом добра к погибающему брату, а превратилось в организованное выступление против государственной власти. Это вызвало кровь. Пролилась кровь, чтобы не помочь Христу – голодающему. Отказом помощи голодному церковные люди пытались создать государственный переворот. Воззвание патриарха Тихона стало тем знаменем, около которого сплотились контрреволюционеры, одетые в церковные одежды и настроения. Но широкие массы народные и большинство рядового духовенства не пошли на их призыв. Совесть народная осудила виновников пролития крови, и смерть умирающих от голода падет тяжким упреком

на тех, кто захотел использовать народное бедствие для своих политических целей. Мы, нижеподписавшиеся священнослужители православной церкви, являющиеся выразителями широких народных кругов, осуждаем действия тех иерархов и тех пастырей, которые виновны в организации противодействия государственной власти по оказанию ею помощи голодающим и в ее других начинаниях на благо трудящихся. Церковь, по самому существу своему, должна являться союзом любви и правды, а не политической организацией, не контрреволюционной партией. Мы считаем необходимым немедленный созыв поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении церковью и об установлении нормальных отношений между нею и советской властью. Руководимая высшими иерархами гражданская война церкви против государства должна быть прекращена. Каждый верный и любящий сын церкви, несомненно, поддержит наше заявление, с коим мы обратились к государственной власти, о предоставлении нам возможности скорого созыва поместного Собора для устроения Церкви и умиротворения народной жизни.

Епископ Антонин.

Представители прогрессивного духовенства города Москвы: свящ. Сергей Калиновский, свящ. И. Борисов, свящ. Вл. Быков.

Представители Петрограда: свящ. Владимир Красницкий, прот. Ал. Введенский, свящ. Е. Белков, псал. Ст. Стадник.

Представители города Саратова: прот. Русанов, прот. Ледовский.

13 мая 1922 года».

(Известия ВЦИК, 1922, 14 мая, №106, с.2).

15 мая 1922 года петроградцы были приняты М.И.Калининым, которому вручили письмо патриарха. Ознакомленный, видимо, раньше с текстом письма, председатель ВЦИК ответил, что «Правительство РСФСР принимает к сведению заявление патриарха о его временном самоустранении; однако взять на себя передачу патриаршего поручения к его заместителю оно не может, так как советская конституция предусматривает отделение церкви от государства». Затем М.И.Калинин, обменявшись рукопожатиями, простился со священниками. (Во время беседы он несколько раз искоса поглядывал на Введенского, видимо, удивленный его странной для православного священника внешностью.)

16 мая днем состоялась вторая встреча петроградцев с патриархом. На этот раз она была очень короткой: патриарх, выслушав сообщение Красницкого об ответе М.И.Калинина, тут же написал следующее краткое письмо митрополиту Ярославскому Агафангелу:

«Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе церков-

ного управления до созыва Собора. На это имеется и согласие гражданской власти, а потому благоволите прибыть в Москву без промедления. Патриарх Тихон» (Церковный вестник, Пермь, 1926, №7, с.3).

17 мая лидеры «Живой Церкви» сделали жест: по настоянию Антонина, еще раньше подавшего от себя лично прошение о помиловании осужденных к расстрелу священников, они составили следующее обращение к председателю ВЦИК :

«Председателю ВЦИК
Нижеподписавшихся священнослужителей
Православной Церкви

Усерднейшая просьба

Среди общей массы православного духовенства, находящегося в зависимости от экономически господствующих классов, появилась за пять лет революции небольшая группа священнослужителей, нашедших в себе силу и смелость подать свой голос о справедливости борьбы советской России с ее классовыми врагами. Выступая ныне на открытое служение народу русскому в деле умиротворения враждующих и объединения всех честных граждан для возрождения Родины, мы, нижеподписавшиеся, обращаемся с горячей просьбой о помиловании всех осужденных на высшую меру наказания по делу московских священников. Пусть дело милосердия ознаменует начало нового периода церкви русской, пусть наша просьба за осужденных справедливо будет началом доброго влияния на русскую жизнь.

Братья – товарищи! Услышите наш голос, дайте людям жизнь.

17 мая 1922 года.

Моск. свящ. Сергей Калиновский.

Делегаты от прогрессивного духовенства Петроградской епархии: свящ. Вл.Красницкий, свящ. Евг.Белков, прот. Ал.Введенский, псал. Стефан Стадник;

от Саратовской епархии: прот. Русанов, прот. Ледовский.

(Живая Церковь, 1922, №2, с.14.)

17 мая вечером В.Д.Красницкий выехал в Ярославль для переговоров с митрополитом Агафангелом.

День 18 мая 1922 года занимает особое место в истории раскола. В этот день совершенно неожиданно, в отсутствие Красницкого, состоялось третье и последнее свидание живоцерковников с патриархом Тихоном*. Это третье свидание имело более важное значение, чем два первых. На этот раз Введенский, Белков и Калиновский вручили патриарху следующий документ:

«ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ, СВЯТЕЙШЕМУ ПАТРИАРХУ ТИХОНУ
Ввиду устранения Вашего Святейшества от управления Церковью впредь

до созыва Собора, с передачей власти одному из старейших иерархов, фактически сейчас церковь осталась без всякого управления. Это чрезвычайно губительно отражается на течении наличной церковной жизни, московской в частности, порождая этим чрезмерное смущение умов. Мы, нижеподписавшиеся, испросили разрешение государственной власти на открытие и функционирование канцелярии Вашего Святейшества. Настоящим мы сыновне испрашиваем благословения Вашего Святейшества на это, дабы не продолжалась пагубная остановка дел по управлению Церковью. По приезде Вашего заместителя он тотчас вступит во исполнение своих обязанностей. К работе в канцелярии мы привлекаем временно впредь до окончательного формирования Управления под главенством Вашего заместителя находящихся на свободе в Москве святителей.

Вашего Святейшества недостойнейшие – слуги: протоиерей А.Введенский, свящ. Евг. Белков, свящ. С.Калиновский».

(Вестник Св. Синода, 1927, №1, с.8).

Патриарх наложил на этом документе следующую резолюцию:

«Пятого (восемнадцатого) мая 1922 года.

Поручается поименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова, а по Московской епархии – Преосвященному Иннокентию, епископу Клинскому, а до его прибытия Преосвященному Леониду, епископу Вернинскому, при участии столоначальника Невского.

Для ускорения моего переезда и помещения в патриаршем доме Высокопреосвященного Агафангела прошу отпустить архимандрита Анемподиста (Алексеева).

Патриарх Тихон».

(Там же, с.9).

Неизвестно, по чьей инициативе произошло это третье свидание с патриархом. Видимо, по инициативе А.И.Введенского, но именно в результате этой встречи появилась юридическая возможность сформировать новое Высшее церковное управление. Оно и было сформировано в тот же день. 18 мая 1922 года родилась на свет новая церковная власть, признанная лишь частью верующих. Церковный раскол в этот день стал фактом.

После раскола

За 900 с лишним лет, прошедших со времени крещения Руси, Русская Церковь знала до 1922 года только один великий раскол, потрясший сверху донизу все здание Церкви, – старообрядческий раскол XVII века. С тех пор давно уже в Русской Церкви никто не думал о возможности нового раскола. Еще полгода назад никто не думал о возможности раскола, еще в апреле, когда уже стали поговаривать о расколе, Введенский и Боярский определенно заявили, что «раскола нет», а есть «разномыслие». И вот раскол стал фактом к вечеру 18 мая 1922 года.

В этот вечер в одном из номеров гостиницы, где остановился Введенский, собралось несколько духовных лиц: помимо Введенского, Белкова и Калиновского, здесь появились еще два человека: один из них – это наш «старый знакомый» В.Н.Львов, бывший обер-прокурор Синода во Временном правительстве. В дни гражданской войны В.Н.Львов отсиживался в Крыму, потом уехал за границу. В 1921 году он становится сменовеховцем и в конце года вновь появляется в Москве. Такой же шумный, крикливый, самоуверенный, как был, В.Н.Львов снова начинает увиваться вокруг Православной Церкви, стремясь заработать на начинающемся расколе политический капитал. Вскоре после Львова в гостиницу прибыл тучный, невысокого роста старик, при его появлении все почтительно встали и подошли под благословение. Это был преосвященный Леонид, епископ Вернинский, который, согласно резолюции патриарха, должен был временно принять дела Московской епархии.

Обновленческое движение Русской Церкви изобилует анекдотами. Неожиданное появление епископа Леонида во главе раскола – это, безусловно, из всех этих анекдотов – самый забавный.

Епископ Леонид (в миру Евгений Дмитриевич Скобеев) был типичным представителем старорежимного епископата. За 72 года своей жизни (он родился в 1851 году) епископ никогда не только не выражал никаких симпатий обновленцам, но, наоборот, всегда был крайним консерватором и убежденным монархистом. «Каждым третьим словом, которое он произносил, было: государь-император», – рассказывал А.И.Введенский. Окончив в свое время Военно-юридическую академию, Евгений Дмитриевич в течение долгого времени был офицером, служба в частях, стоявших в Цар-

стве Польском. Приняв после смерти невесты монашество и став магистром богословия, о. Леонид проделал обычный путь высокопоставленного монаха: будучи в течение длительного времени ректором Виленской духовной семинарии, он был хорошо известен патриарху Тихону. В 1920 году он был рукоположен во епископа – викария Владимирской епархии, а в 1921 году был назначен епископом Вернинским (гор. Верный – Алма-Ата). Он не смог поехать в свою епархию, так как связь Москвы со Средней Азией была в это время из-за гражданской войны крайне затруднена.

Когда возник план церковного переворота, питерцы и примкнувший к ним С.Калиновский оказались перед трудно преодолимым препятствием: не было ни одного епископа, который согласился бы их возглавить. Правда, заядлым обновленцем был издавна епископ Антонин Грановский, но, как мы видели, он до самого последнего времени не давал окончательного согласия на сотрудничество с живоцерковниками. Кроме того, этот человек, независимый, смелый, обладающий темпераментом бунтаря, всегда возбуждал в живоцерковниках чувство, близкое к страху, «никогда нельзя было знать, что он выкинет» (выражался А.И.Введенский). Тут-то и всплыло неожиданно имя захолустного епископа, случайно проживавшего в то время в Москве. Епископ Леонид был удобен для живоцерковников и еще в одном отношении: имя Антонина, «смутьяна» и бунтаря, было слишком одиозным, оно могло сразу насторожить патриарха; имя же решительно ничем не замечательного епископа Леонида придавало всей живоцерковной затее в глазах патриарха сравнительно безобидный характер. Так или иначе теперь епископ Леонид был единственным человеком, который придавал совершившемуся перевороту видимость законности.

А.И.Введенский (от петроградской группы) и С.Калиновский (от имени московского «прогрессивного» духовенства) почтительно приветствовали в его лице главу нового церковного управления. Затем началось «распределение портфелей». А.И.Введенский и В.Д.Красницкий (все еще не вернувшийся из Ярославля) были назначены заместителями председателя, С.Калиновский и Е.Белков были назначены членами Высшего церковного управления. В.Н.Львов дал понять, что он мог бы оказать очень ценное содействие новому Управлению, так как имеет опыт в церковной реформации. Намек, однако, «не поняли» и в состав Управления В.Н.Львова не включили. А.И.Введенский сообщил, что на другой день патриарх должен быть переведен в Донской монастырь и новое Управление начнет функционировать в Троицком подворье. Тут же было решено, что тотчас после водворения в подворье Управление поведет переговоры с епископом Антонином о совместной работе, не включая его, однако, в свой состав. Так окончилось 18 мая 1922 года – первый день раскола Русской Церкви.

Второй день раскола ознаменовался также рядом событий: рано утром из Ярославля явился страшно недовольный тем, что действовали без него, В.Д.Красницкий. Он тут же предложил включить в состав Высшего

Церковного Управления прот. Поликарпова, которого он считал своим сторонником. Это предложение было принято.

В ночь на 19 мая из Троицкого подворья был вывезен Святейший патриарх Тихон. Перевезенный в Донской монастырь, патриарх был заключен под строжайшей охраной, в полной изоляции от внешнего мира, в небольшой квартирке над монастырскими воротами, в которой раньше жили архиереи, находившиеся на покое. Только один раз в день, в 12 часов, заключенный патриарх выходил на балкон; каждый раз при этом он видел вдали группы людей, склоняющих головы при его появлении; им он издали посылал благословение. В таких условиях предстояло ему пробыть ровно год.

Днем 19 мая члены Высшего церковного управления, или, как его начали сокращенно называть, ВЦУ, переехали в Троицкое подворье. Здесь их ждал сюрприз: в розовой гостиной – в той самой, в которой их принимал накануне патриарх, их встретил Антонин Грановский, который безапелляционно заявил, что он решил возглавить новое Высшее церковное управление, открыл первое заседание и сразу начал всем распоряжаться, ведя себя так, точно он находился в завоеванной стране. Инициаторы церковного переворота не решились возражать, а А.И. Введенский даже выразил по этому поводу свою радость. Так начал функционировать новый высший орган Русской Церкви. Не приходится долго говорить о том, что этот орган не имел никаких канонических оснований для своего возникновения. Резолюция патриарха, на которую любили ссылаться обновленческие канонисты, уполномочивала троих священников (Введенского, Белкова и Калиновского) лишь принять канцелярию для передачи ее заместителю патриарха митрополиту Агафангелу. Что касается епископа Леонида, то он был уполномочен только управлять одной Московской епархией до прибытия в Москву епископа Иннокентия, правда, митрополит Агафангел в Москву, как мы увидим, не прибыл; однако живоцерковники даже не подождали возвращения из Ярославля Красницкого – и тут же сформировали свое ВЦУ. Впрочем, идеологи «Живой Церкви» обычно не очень настаивали на ее каноничности – в то время в ходу был термин: «церковная революция». Бывают в истории церкви, говорили живоцерковники, такие моменты, когда канонические нормы неприменимы. Сама грандиозность задачи – обновление церкви вполне искупает все канонические погрешности. Во всем этом идеологи «Живой Церкви», безусловно, были правы*. Беда, однако, в том, что, как увидим ниже, ВЦУ с первых же дней своей деятельности стало проводить глубоко ошибочную, идейно порочную линию.

В первые же дни после формирования ВЦУ перед деятелями раскола встала трудная задача: надо было разъяснить рядовому духовенству и верующему народу смысл совершившегося переворота. 23 мая состоялась первая встреча членов ВЦУ с московским духовенством: в этот день состоялось собрание духовенства Хамовнического района. Введенский и Крас-

никий, выступившие с докладом, были встречены обструкцией; духовенство этого района категорически отказалось поддерживать ВЦУ. Примерно такая же картина наблюдалась и в других районах. Представители питерской группы несколько раз совершали литургию в московских храмах, однако всякий раз, как только кто-либо из них начинал говорить проповедь, слова проповедника перекрывались протестами верующих – каждое подобное богослужение превращалось в скандал; милиция являлась постоянным гостем на этих служениях. Не лучше обстояло дело и на диспутах. Обновленческих ораторов прерывали криками, осыпали ругательствами, бомбардировали оскорбительными записками.

О той атмосфере, которая господствовала тогда на диспутах, дают довольно верное представление два объективных наблюдателя: толстовец Ив. Трегубов, сотрудничавший тогда в «Известиях», и писательница О. Форш.

«– Правительство, объявляемое вами безбожным, – говорил Антонин 10 июня 1922 года в Московской консерватории, – предоставляет нам полную свободу как во внутренней, так и во внешней организации. Оно требует от нас только того, чтобы мы не враждовали против него. Если же Троицкое подворье до сих пор страдало, зажималось в тиски, то только потому, что оно было явно оппозиционно по отношению к советской власти... Широкие массы верующих, воспитанные на старых основах царизма, жалуются на власть, что она прижимиста, но почему? Потому что вы ершитель против нее. И я уверен, что если бы Врангель пришел к нам, то духовенство с хоругвями вышло к нему навстречу.

– Верно! – кричат одни.

– Неверно! – кричат другие. Поднимается сильный шум.

– Вы не хотите сознаться, – говорит Антонин. – ...Особенно много неприятного нам пришлось выслушать о расстреле пяти человек из одиннадцати, приговоренных к расстрелу, и главным виновником сочли меня. Нет, друзья, виноват в расстреле не я, а вы (крики: «Вы»). И доказательство этому следующее: я ставлю себе в заслугу, что я спас по крайней мере шесть человек (громкие аплодисменты). Когда был произнесен приговор, я имел беседу с властями и ходатайствовал о помиловании и смягчении участи осужденных. Мне сказали, что помиловать всех нельзя, и спросили, за кого я ходатайствую. Я ответил, что мне все одинаково дороги и я прошу всех их помиловать. После того здесь, в этом зале, были два диспута. Вы не стеснялись высказывать антисоветские настроения и этим отяготили судьбу осужденных...

В заключительном слове Антонин огласил следующую, полученную им записку: «Лжеепископ Антонин, мерзавец и убийца. Идти против большевиков – это признать Христа и Ему служить». При личном свидании со мной Антонин передал мне и другие записки. Большинство из них ругательные. Но есть и сочувственные». (Известия, 1922, 11 июня, №128, с.3. Трегубов. Задачи новой церкви.)

Не менее колоритно изображает один из диспутов, происходивших летом 1922 года в Петрограде с участием А.И.Боярского и А.И.Введенского, Ольга Форш.

«Темно в окнах. Взволнованы, – читаем мы в ее рассказе «Живцы», – необычайны солдатские лица, бороды староверов рядом с матросами и буденовскими шапками. Полна зала вздохов, волнений. То тут, то там возгласы: «Без Агафангела рукоположение неправильно! Патриарх не благословил...» На эстраде любимый рабочий батюшка (конечно, Боярский). Кричит одна: перекрестись, батюшка, священнику речь крестом начинать. Вскинул назад волосы, чуть улыбнувшись, перекрестился рабочий батюшка, и снова апокалиптическое, как заклинание, имя: А-га-фан-ге-ла».

Говорит главный (Введенский) в черном подряснике, в белых башмаках. Крест кокетливо, на тонкой цепочке, чуть-чуть, как брелок. Революционно – нет, митингово – говорит об изъятии ценностей, о черносотенной пропаганде, о Соборе в Карловцах, где духовенству предложена была тактика белых генералов: восстановить дом Романовых. От быстроты то вздетых, то опущенных рук струятся складки подрясника, широкий рукав обшелкивает запястье, голос пронзительно бьет по слуху. В конце речи он побеждает, большинство вовлекается в истерический его вихрь... Протоиерей кончил речь. Вдруг, побледневший, он выкликнул: «Какая гибель, какая пустота в душе без Христа!» Как-то покачнулся, минуту казалось – упадет и забьется. Нет, дошел. Сел и вдруг жалко улыбнулся. Улыбка, беспомощная и замученная, на миг сделала его похожим на одного из безумных апостолов Врубеля». (Форш О.Д. Летошний снег. М.-Л., 1925, с.113-114.)

Положение ВЦУ, надо сказать, было нелегким: крайне недоброжелательно и недоверчиво встреченное верующим народом, оно должно было выслушивать выговоры и властные окрики и с другой стороны.

«Войдя в стены Троицкого подворья, новое ВЦУ, к сожалению, проявило микроскопическую долю революционной энергии, – свысока поучал ВЦУ расстрига М.Горев в явно инспирированной свыше статье. – В деле полного устранения нынешней правящей клики епископов оно не сделало почти еще ничего. В этом отношении обер-прокурор при Временном правительстве действовал смелее и решительнее. Окруженное контрреволюционным кольцом приходских советов ВЦУ должно было действовать гораздо смелее и решительнее, чем Львов. Конечно, очень хорошо, что священник Красницкий, заглянув под кровать архиепископа Никандра, обнаружил там, вместе с английскими и американскими мешками, очень тонкую ниточку, тянувшуюся из патриаршего подворья к заграничным капиталистам и биржевикам, но было бы еще лучше, если бы тот же священник Красницкий заглянул в провинциальные углы и везде пресек самую возможность со стороны церковных князей контрреволюционных мятежнических посланий и воззваний... Утверждение Президиумом ВЦИК приговора в отношении пяти осужденных из одиннадцати, приговоренных

московским Губревтрибуналом к высшей мере наказания, должно не только отрезвить некоторые горячие контрреволюционные поповские головы, но и преподать уроки элементарной политической азбуки новому ВЦУ. Оно должно почище выметать свои авгиевы конюшни. В дальнейшем оно должно сделать совершенно невозможными какие-либо мятежнические действия со стороны правящей епископской клики...» (Известия ВЦИК, 1922, 2 июня, №121, с. 2, *Горев Мих.* Агония церковной контрреволюции.)

ВЦИК не осталось глухим к «увещаниям» Мих.Горева и его покровителей. Тотчас после формирования нового органа реформаторы принялись за борьбу с контрреволюцией. Главную роль в этой борьбе взял на себя заместитель председателя ВЦУ протоиерей В.Д.Красницкий. Уже в первые дни существования ВЦУ выработался известный шаблон в деятельности заместителя председателя. Обычно о.Красницкий выступал с докладом на собрании духовенства того или иного благочиннического округа. В своем докладе В.Д.Красницкий излагал историю возникновения ВЦУ, его структуру и его задачи. Говорил он ясно, спокойно, хорошим литературным языком, но без всякого пафоса и воодушевления; свою речь он обычно иллюстрировал документами, которые вынимал из объемистого портфеля, лежавшего всегда против него на кафедре. Если бы не ряса и наперсный крест, могло бы показаться – хозяйственник из треста делает доклад на производственном совещании. После доклада начинались прения и предлагалась резолюция. Главные оппоненты Красницкого через несколько дней обычно арестовывались и высылались из Москвы. Таким образом был выслан, например, протоиерей Счастнев, особенно рьяно возражавший Красницкому на собрании духовенства Хамовнического округа 23 мая 1922 года.

Надо сказать, что Красницкий не только не скрывал того, что пишет на своих идейных противников политические доносы, но даже это ставил себе в особую заслугу. Часто он открыто угрожал с кафедры своим противникам, что об их контрреволюционной деятельности будет сообщено гражданской власти. Если учесть, что, согласно живоцерковной фразеологии, ВЦУ являлся органом «церковной революции», а Красницкий, разумеется, главным революционером, то это означало, что Красницкий фактически грозил политическими доносами всем инакомыслящим.

В качестве примера подобных доносов можно привести хотя бы постановление ВЦУ от 6 августа 1922 года, принятое по настоянию В.Д.Красницкого. «В связи с контрреволюционной агитацией, ведущейся около храма Христа Спасителя в Москве и в самом храме, постановлено: а) считать причт храма виновным в допущении агитации и непринятии мер к недопущению таковой; б) протоиереев: настоятеля храма Арсеньева, Хотовицкого и Зотикова перевести в Семиреченский край в распоряжение местного духовного начальства; в) просить Наркомат юстиции произвести следствие о контрреволюционной деятельности при храме Христа Спасителя». (Живая Церковь, 1922, №6-7.) Интересно отметить, что настоятелем храма Христа

Спасителя, на место прот. Арсеньева, был назначен не кто иной, как сам «революционнейший» о. Красницкий.

С июня 1922 года Красницкий, выполняя желание Мих. Горева, начинает «заглядывать» в медвежьи углы, совершать гастроли в провинцию. Здесь он действует теми же методами, что и в Москве. Можно указать, например, что посещение Красницким городов Тулы и Ярославля сопровождалось многочисленными арестами среди духовенства. Если учесть при этом, что арестовывались далеко не все те, на кого доносили Красницкий и его друзья, что из тех, кто был арестован по его доносу, многие потом освобождались, так как органами ГПУ не было найдено причин для репрессий, то вряд ли можно удивляться тому, что имя Красницкого вскоре стало одним из самых ненавистных имен для всей русской церкви. «Никто не компрометирует нас так, как Красницкий», – говорил Введенский.

Между тем именно Красницкий стал главным лидером «Живой Церкви», оттеснив на задний план в первые месяцы после переворота всех остальных руководителей. «Агитация и организация!» – таков лозунг, провозглашенный им с церковной кафедры. По его инициативе был учрежден особый институт уполномоченных ВЦУ, которые назначались фактически самим Красницким из священников-живоцерковников, пользующихся доверием власти, в тесном контакте с которой они действовали. Уполномоченный ВЦУ по Московской области был «сам» В. Д. Красницкий, по Петрограду – прот. о. Михаил Гремячевский и т. д. Такими методами приводили непокорное духовенство к верности новой церковной власти.

О том, насколько принципиальными людьми были «обращенные» таким образом в «Живую Церковь» духовные лица, можно судить хотя бы по двум следующим примерам: в журнале «Живая Церковь» №2 сообщалось, что Ревтрибунал гор. Иваново-Вознесенска постановил привлечь к ответственности за сокрытие церковных ценностей местного епископа Иерофея, «заявшего крайне реакционную позицию». Однако в №3, вышедшем через две недели, уже была напечатана статья Иерофея «Нужен ли патриарх», выдержанная в духе стопроцентной живоцерковной идеологии. Таким образом, для «перемены позиции» епископу понадобилось ровно две недели. Как тут не вспомнить гоголевского зрителя богоугодных заведений, который хвастался тем, что больные у него, «как мухи, выздоравливают». Такой же «победой» главного «зрителя» «Живой Церкви» В. Д. Красницкого было обращение им «в свою веру» епископа Белевского Виталия (будущего обновленческого первоиерарха). Всякий, кто знал пресвященного Виталия в какой бы то ни было период его долгой жизни, может засвидетельствовать, что он всю жизнь был крайним консервативом, который не только никогда не помышлял ни о каком обновлении церкви, но даже (по ограниченности своего кругозора) не мог понять, что подразумевается под этим термином. Это не помешало ему номинально возглавлять обновленческую церковь на протяжении 12 лет. Сразу после посе-

щения Тулы В.Д.Красницким епископ Виталий становится ярым живоцерковником.

Большинство духовенства и рядовые верующие, однако, с негодованием отворачивались от живоцерковников, особенно болезненно была воспринята попытка «Живой Церкви» укорениться в Петрограде.

Здесь мы подходим к одной из самых мрачных и трагических страниц в истории Русской Церкви; к сожалению, долг честных историков не позволяет нам ее пропустить.

Первым вопросом, который встал сразу же после формирования ВЦУ перед вождями «реформации», был вопрос о подчинении Управлению Петроградской церкви. Вопрос этот имел сугубое значение, так как Петроград тогда еще не утратил своего значения церковной столицы, он все еще был главным центром религиозной интеллигенции в России; кроме того, Петроград являлся колыбелью обновленческого движения – и от того, как будут приняты там «московские новости», зависело многое. Между тем из Питера приходили в Москву тревожные вести: говорили о резко отрицательном отношении к перевороту митрополита Вениамина, о сдержанном отношении к нему питерских церковных либералов. А.И.Боярский – самый авторитетный после Введенского лидер обновленчества – не только отказался в свое время выехать вместе с членами петроградской группы в Москву, но и при известии о формировании ВЦУ занял весьма сдержанную позицию.

24 мая было принято решение послать в Петроград А.И.Введенского; при этом ВЦУ рассчитывало не только на популярность знаменитого проповедника в кругах питерской интеллигенции, но и на личную его близость к митрополиту Вениамину. Он выехал в Петроград в тот же день, с вечерним поездом, имея в кармане следующий документ:

«Российская Православная Церковь. Высшее
Церковное Управление. Москва. Троицкое
подворье. №17. 24 мая 1922 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие протоиерею Александру Иоанновичу Введенскому, настоятелю церкви Захарии и Елизаветы в Петрограде в том, что он, согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона, является полномочным членом ВЦУ и командирован по делам церкви в Петроград и другие местности Российской Республики.

*За Пред. ВЦУ: епископ Леонид,
Печать. Секретарь: Невский».*

(См.: *Введенский. Церковь и революция*, Пгр., 1922, с. 23.)

25 мая 1922 года А.И.Введенский, тотчас по приезде в Петроград, явился к митрополиту. Тревожно было в это время в Александро-Невской Лавре, где жил митрополит. Только что происходило вскрытие мощей* святого благоверного князя Александра Невского, которое, впрочем, про-

шло без особых инцидентов. Несколько дней назад митрополит получил известие о том, что он привлечен к суду за сопротивление изъятию из храмов ценностей, и с него была взята подписка о невыезде из Петрограда. Митрополит, однако, был совершенно спокоен и по обыкновению служил почти каждый день литургию в своей крестовой церкви. В тот день был праздник Вознесения Господня, и митрополит служил литургию в соборе. Он казался несколько утомленным; однако принял Введенского сразу; он говорил вежливо, но холодно, без обычной ласки, и, благословив своего когда-то любимого священника, не дал ему обычного целования. Несколько смущенный в начале беседы, А.И.Введенский затем быстро пришел в себя и произнес перед митрополитом целую речь (ее можно было бы повторить и перед десятитысячной аудиторией). Митрополит слушал молча и только тогда, когда А.И.Введенский показал свой мандат, задал вопрос: «А почему здесь нет подписи Святейшего патриарха?» – «Но зато ВЦУ есть, а патриаршая резолюция дана черным чернилом на белой бумаге», – быстро сказал Введенский, но митрополит, поднявшись, молча благословил священника и отпустил его движением руки...

А через несколько дней, в воскресенье 28 мая 1922 года, с церковных амвонов было оглашено следующее послание митрополита к своей пастве:

«ПОСЛАНИЕ К ПЕТРОГРАДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАСТВЕ

Да все едины будут, яко же Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут (Иоанн 17,11).

Тревожно бьются сердца православных, волнуются умы их. Сообщение об отречении Святейшего Патриарха Тихона, об образовании нового высшего церковного управления, об устранении от управления епархией Петроградского митрополита и т.п. вызывает великое смущение. Вместе с вами, возлюбленная паства, переживаю сердечную тревогу, со скорбью наблюдаю волнение умов и великое смущение верующих. Чувствую вашу чрезвычайную потребность слышать слово своего архипастыря по поводу всего переживаемого церковью. Иду навстречу этой потребности. От Святейшего Патриарха никакого сообщения об его отречении и учреждении нового высшего церковного управления до сего времени мною не получено, поэтому во всех храмах епархии по-прежнему должно возноситься его имя. По учению церкви епархия, почему-либо лишенная возможности получить распоряжение от своего Патриарха, управляется своим епископом, пребывающим в духовном единении с Патриархом. Епархиальный епископ есть глава епархии. Епархия должна быть послушна своему епархиальному епископу и пребывать в единении с ним. «Кто не с епископом, тот не в Церкви», – говорит муж апостольский Игнатий Богоносец. Епископом Петроградским является митрополит Петроградский. Послушайся ему, в единении с ним – и вы будете в Церкви. К великому прискорбию, в Петроградской церкви это единение нарушено. Петроградские священники: протоиерей Александр Введенский, священник Владимир Красницкий и свя-

щенник Евгений Белков, без воли своего митрополита, отправились в Москву, приняв там на себя высшее управление церковью. И один из них, протоиерей А.Введенский, по возвращении из Москвы, объявляет об этом всем, не предъявляя на это надлежащего удостоверения Святейшего Патриарха. Этим самым по церковным правилам (Двукр.собор; прав. Вас.Великого) они ставят себя в положение отпавших от общения со святой церковью, доколе не принесут покаяния пред своим епископом. Такому отлучению подлежат и все присоединяющиеся к ним. О сем поставлю в известность протоиерея А.Введенского, свящ. В.Красницкого и свящ. Е.Белкова, чтобы они покались, и мою возлюбленную паству, чтобы никто из них не присоединился к ним и через это не отпал от общения со святой церковью и не лишил себя ее благодатных даров.

Слушайте Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа. Да будете все едины с вашим архипастырем. Чтобы никто из вас не погиб, слушайте своего епископа со слов Господа. «Слушающий вас Меня слушает» (Лк.10,16). Блюдайте единение веры в союзе мира (Ефес.40,3). И Бог любви и мира да будет с вами.

Вениамин митрополит Петроградский,

15/28 мая 1922 г.»

(Петроградская Правда, 1922, 30 мая, №118.)

А на другой день, в понедельник 29 мая 1922 года, Петроград облетела весть об аресте митрополита. Он гулял в этот день, как ежедневно, на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры – побывал на могиле блаженного Матфея, когда запыхавшийся келейник принес ему известие о том, что в митрополичьей канцелярии происходит обыск. Перекрестившись, митрополит пошел в канцелярию, в которой несколько человек рылось в бумагах. А.И.Введенский также был здесь – в качестве представителя ВЦУ он явился принимать канцелярию. Завидев митрополита, он подошел к нему под благословение. «О.Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду», – спокойно сказал владыка, не давая своему бывшему любимцу благословения, а затем все с тем же спокойствием выслушал объявление о своем аресте.

Митрополит был арестован 29 мая 1922 года, и в тот же день вступил в обязанности управляющего Петроградской епархией vicарный епископ Ямбургский Алексей (впоследствии Святейший патриарх).

Историки сродни гробокопателям: им очень редко приходится иметь дело с живыми людьми. «История не любит живых имен», – говорил еще Н.М.Карамзин, основоположник русской историографии. В тех же случаях, когда, в порядке исключения из правила, историку приходится иметь дело с живыми людьми, он обязан, как и всегда, говорить правду и только правду, независимо от того положения, которое занимает здравствующий исторический деятель. Постараемся не отступить от этого принципа и в данном случае¹. Мы не будем излагать здесь биографию патриарха, так как она неоднократно и достаточно полно излагалась на страницах «Жур-

¹ Писалось в 1960 г., при жизни патриарха Алексея (умер в 1970 г.).

нала Московской Патриархии»; укажем, в частности, на статью «Перво-святитель Русской Церкви» (к восьмидесятилетию патриарха Алексия), в которой жизненный путь юбиляра описан достаточно подробно и тщательно. В те дни, когда Русская Церковь праздновала восьмидесятилетие своего предстоятеля¹, были написаны также следующие строки, которые мы ныне считаем целесообразным привести здесь.

«НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТРАНИЦА ИЗ ЖИЗНИ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Я, Анатолий Левитин, православный христианин, отвечая за каждое написанное здесь слово перед Богом и своей совестью, взирая на образ Божией Матери Иверской, пишу следующее. В 1921 году я слышал от Александры Васильевны Волковой, проживавшей в Ленинграде по 3-й Линии Васильевского острова, 10, кв.8, следующее: Александра Васильевна, хорошо и давно знавшая епископа Алексия, рассказывает, что тотчас после его вступления в должность управляющего Петроградской митрополией, он был вызван в некое нецерковное учреждение (помещавшееся по Гороховой ул., 2) и ему был предъявлен ультиматум: трое священников, отлученных митрополитом от церкви, должны быть восстановлены в своих правах – в противном случае митрополит будет расстрелян. Епископ Алексей, ссылавшийся сначала на свою некомпетентность, затем просил дать ему неделю на размышление. Эта просьба епископа была удовлетворена. Затем, на протяжении недели, происходили совещания в Епархиальном совете, причем по указанному вопросу мнения разделились. Викарные епископы – собратья владыки Алексия – также не могли установить по этому поводу единой точки зрения. В конце концов, в Епархиальном совете победила та точка зрения, что необходимо идти на все для спасения жизни владыки-митрополита. Через несколько дней епископ Алексей информировал близких ему людей о том, что им принято решение восстановить в общении с церковью отлученных – А.И.Введенского и его товарищей. При этом родной отец епископа Алексия В.А.Симанский сказал своему сыну: «Ты, Алексей, должен заручиться официальным документом за подписью членов Епархиального совета». Однако епископ отверг этот совет, заявив, что требовать документ означало бы демонстрировать недоверие к духовным лицам. В результате епископ Алексей составил соответствующее послание к петроградской пастве (текст его см. ниже). Когда епископ узнал, что митрополит Вениамин все же приговорен к расстрелу, он разрыдался, как ребенок.

Все сказанное мне А.В.Волковой, умершей в феврале 1932 года, вполне подтверждается тем, что я слышал впоследствии от А.И.Введенского, а также от двух ныне здравствующих иерархов² Русской Православной Церкви.

9 ноября 1957 года».

Как бы то ни было, 4 июня 1922 года в праздник Троицы в Лаврентьевской

¹ В 1957 г.

² Митрополиты Николай и Гурий, ныне умершие.

соборе среди молящихся распространялось следующее воззвание епископа Алексия:

«Обращение к петроградской православной пастве.

В настоящее время петроградская православная паства находится в чрезвычайном волнении, которое в иных местах переходит в открытые выступления, как мне официально сообщено государственной властью и некоторыми представителями духовенства, в выступления, явно нарушающие общественный порядок и тишину, навлекающие подозрения в политических побуждениях.

Такие обстоятельства могут принести губительные последствия для всей церкви. Новые беды и испытания лягут не только на прямых виновников нарушения общественного порядка, но, может быть, и на многих невинных в чужих преступлениях.

Я обращаюсь ко всем верующим с архипастырским призывом к миру. Мир имейте и любовь христианскую между собой и успокойтесь в сознании, что я, как архипастырь ваш, стою на страже блага церкви и уповаю с Божьей помощью это благо охранить и дать мир, к которому так стремится душа христианская.

Одним из поводов к волнениям и смущениям послужило, между прочим, известное послание митрополита Вениамина от 15 мая, где он объявляет отпавшими от церковного общения протоиерея Александра Введенского и всех присоединившихся к нему. Основанием к этому посланию для Владыки была недостаточная наличность доказательств в том, что протоиерей Александр Введенский участвует в Высшем Церковном Управлении, имея на то благословение Патриарха Тихона. Рассмотрев данные, представленные мне прот. А.И.Введенским, и приняв во внимание новые доказательства, что такое благословение имелось налицо, я нашел возможным как непосредственный и законный преемник Владыки Митрополита Вениамина по управлению Петроградской епархией подвергнуть это дело новому рассмотрению. Протоиерей Введенский представил мне прошение, в коем он свидетельствует, что он желает быть верным сыном Православной Церкви, пребывает в каноническом общении со своим епископом и что сам он никогда не прерывал этого общения и просит разрешить то тягостное недоразумение, которое произошло в настоящее время в связи с его действиями. Владыка Митрополит сам считал достаточным для восстановления общения с прот. Введенским и теми, кто с ним действовал, представления ими исчерпывающих доказательств того, что они имели благословение Святейшего Патриарха.

Ввиду исключительных условий, в какие поставлена Промыслом Божиим церковь петроградская, и, не решаясь подвергнуть в дальнейшем мире церковном какого-либо колебания, я, призвав Господа и Его небесную помощь, имея согласие Высшего Церковного Управления, по преемству всю полноту власти замещаемого мною Владыки Митрополита, прини-

мая во внимание все обстоятельства дела, признаю потерявшим силу постановление Митрополита Вениамина о незакономерных действиях прот. Александра Введенского и прочих упомянутых в послании Владыки Митрополита лиц и общение их с церковью признаю восстановленным. В тяжелую минуту церковных смут соединимся в любви друг к другу, будем молиться, чтобы грядущий православный церковный Собор успокоил все мятущееся и дал новые благодатные силы всем нам служить Господу и миру церковному.

«Тем же убо, – по апостолу, – мир возлюбим и яже к созиданию друг ко другу». (Римл.14,19.)

*Управляющий Петроградской епархией Алексий,
епископ Ямбургский.*

Настоящее обращение благословляется прочитать во всех церквях.
Епископ Алексий».

В праздник Троицы 4 июня 1922 года А.И.Введенский уже совершал литургию в своей церкви, а вечером выступал перед многотысячной аудиторией во Дворце Урицкого (бывший Таврический дворец).

Аршинные буквы афиш извещали о предстоящем выступлении знаменитого оратора, имя которого в эти дни облетело всю мировую прессу; толпы людей осаждали подъезд дворца, – в большом зале бывшей Государственной Думы, под восторженные крики «психопаток», выходил на трибуну прославленный вития, а недалеко, через несколько улиц, в тюремных камерах томилась митрополит Вениамин, которому Введенский был в значительной степени обязан своей карьерой, 84 петроградских священника и большое количество представителей религиозной интеллигенции.

Является величайшей загадкой, каким образом А.И.Введенский – добрый, сердечный человек, к тому же – искренне религиозный, мог с такой непостижимой легкостью переступить через людское горе – слезы и кровь. И думается, что разгадка в том опьяняющем действии, которое оказывал на него успех... «А вы знаете, хорошо быть триумфатором, хорошо...» – говорил он одному из авторов как-то с мечтательной улыбкой, видимо, вспоминая свои прошлые «триумфы». Эта болезненная жажда успеха странно сочеталась у него с религиозным порывом. «Если взять мою внутреннюю жизнь, то она вся полна света, и внешним выражением ее является успех, иногда триумфальный успех», – записывал он 12 сентября 1939 года в дневнике, в день своего пятидесятилетия.

Успех был необходим его мятущемуся декадентскому сознанию, как единственное, что могло примирить его с пустотой жизни.

Жизнь пуста, безумна и бездонна,
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ – победно и влюбленно
В снежной мгле поет рожок.

А.Блок

Серебряный рог – рог успеха – пел Введенскому вечером 4 июня

1922 года. В этот день одаренный проповедник превзошел самого себя. Его речь, впоследствии изданная отдельной брошюрой под заглавием «Церковь и революция»¹, звучит даже в стенограмме; произнесенная с кафедры эта речь буквально заворожала слушателей. Оратор начал с праздника Троицы – праздника, который является днем рождения Церкви (мы приводим выдержки из этой речи, так как брошюрка, изданная около 40 лет назад тиражом в пять тысяч экземпляров, уже давно стала библиографической редкостью).

«Церковь Христова, церковь Господня выходит перед нами юной, прекрасной девушкой, – пламенно импровизировал оратор, – в светозарной одежде, с белыми лилиями в руке. Как ясен ее взор, сколько огня любви в ее поступках. И мы видим это победное шествие юной невесты Христовой. Церковь Христова вошла в мир, чтобы из вертепа, из кабака сделать его светоносным чертогом нездешней правды... А ведь в сущности предприятие апостолов – будем говорить языком человеческим – было по своему замыслу безумием: 12 рыбаков, малограмотных, закидывающих свои неводы в спокойные галилейские воды, выходят со всемирным неводом поймать все человечество. Перед ними был гордый Рим, перед ними были культурные Афины, против них была вся цивилизация, все Платоны с их достижениями, вся красота античной культуры, вся мощь римской государственности и, наконец, весь пышный букет мистических и иных ересей и сект, что такой волной заливают римское государство к моменту появления христианства.

Какое новое слово могло христианство сказать миру? Какую новую правду, новую истину могли эти грязные, неученые 12 галилейских рыбаков представить? И помните то слово, с которым вышел к Господину Истины античный мир в лице Пилата? Вот перед ним стоит Истина, сама Истина, вся сплошь написанная огненными заглавными буквами, а скептический, холодный ум много думавшего, много видевшего и ничему не верившего римлянина холодно бросает: что есть истина? И не ожидая ответа, поворачивается Пилат, чтобы осудить Христа. Разве мы не имели все основания полагать, что, когда ученики этой единой Истины, конечно, без конца слабейшие, чем сама эта Истина, войдут и скажут не одному Пилату, а всем Пилатам, всей античности: с нами истина, то вот эта античность должна была бы так же повернуться спиной к этим галилейским рыбакам и сказать: что есть истина? А мы видим, наоборот, мы видим, как шатается престол за престолом в римском государстве, как одна попытка за другой задушить христианство кончается ничем. Мы видим Домицианов и Диоклетианов с сверкающим мечом, чтобы сразить зарвавшихся безумцев, и мы слышим из глубины веков, слышим этот звон, трагический и страшный, с которым падают эти мечи из рук Домицианов и Диоклетианов. Кто вырвал этот меч? Какой новый меч противопоставило христианство этой силе язычества? Та же самая истина, ибо если апостолы были слабы как человеки, если они были иногда просто неграмотны, они были теми, кто верили в

¹ Прот. Введенский. «Церковь и революция». Петр. 1923.

истину, шли за истиной, обладали истиной, и эта истина победила мир. Это была истина любви. Они бросили в мир это благословенное имя Непостижимого Бога – Любовь. Это так просто. Это так просто, но и так трудно; это так трудно, но и так радостно; это так радостно и так пленительно, что весь мир поверил этому, – и к IV веку мы видим у ног Иисуса Христа склоненным весь мир...

Так было. А дальше? Дальше случилось роковое, неизбежное – раз это было, ибо в истории нет ничего случайного. Это знаем все мы – и верующие, и неверующие. Мы видим, как подошли к Церкви Господней льстивые, как подошли к Церкви Господней лукавые, как подошли к Церкви Иисусовой не полюбившие ее, а только сказавшие: люблю тебя. Или, как прекрасно заметил один учитель христианский: «За Церковью Господней стали ухаживать не ради ее красоты, а ради ее приданого». Церковь стала такой огромной силой, что из политических соображений стало в высокой степени важным для византийских императоров видеть в церкви не некоторую, хотя бы и священную оппозицию, но свою сначала союзницу, а потом... пленницу; оковало государство Церковь, и на белоснежные одежды невесты Господней – смотрите внимательно! – накладываются кандалы и цепи. К Церкви Господней подходят все эти византийские, лонгобардские, франкские монархи, они приносят добычу – золото и серебро – и те драгоценности, что в неправедных боях добывали силой воинской, они приносят ей, как дар, они золотят ее купола, они драгоценностями расцвечивают ее стены, они дают ей бесконечное количество земель и рабов, но... Посмотри, разве ты не видишь, когда какой-либо льстивый император целует благоговейным поцелуем руку невесты Господней, он в то же время накладывает на нее кандалы и цепи, пусть золотые... Церковь попадает в плен к государству. Церковь держится скованной, в клетке. Да, эта клетка громадная; она такая большая, что может показаться, что ее нет... Да, кандалы, оковы и цепи, они не железные, не стальные, чтобы сразу было видно их безобразие. Они, может быть, подобны тонкой паутинке золотой ниточки, но она металлическая и держит крепко.

И попала птица Господня в руки человеческие, и не могла она больше взлетать орлиными крыльями своими, не могла парить она больше над миром и возвещать миру правду. Были отдельные голоса святых, праведных и богоносных, здесь и там говорящих и кричащих и убегающих в пустыни, чтобы не видеть этого порабощения Церкви государством. Это были те немногие путеводные огни, что все горели и горят в небе церковном. Но это меньшинство, а большинство – большинство стало благополучно прислуживать, служить и выслуживать милости у всевозможных императоров и королей, будь то Византия, будь то Западная Франция или наша северная русская церковь... И вот в эту минуту проходят передо мной эти богоносные праведники, эти смиренные русские святые: Ионы, Филиппы, Сергии Радонежские, подвигами своими спасавшие себя и других, молящиеся, постыющиеся, забывшие себя и отдающие свою душу в едином

порыве любви к Богу. Радостно знать, что в книге истории нашей есть эти солнечные страницы, такие солнечные, что когда касаешься до них, то потом кажется, что эти грешные пальцы тоже сквозят, тоже светятся их теплом и светом. И все же вспоминается мучительное и мрачное, с чем перемешиваются эти немногие страницы» (с. 5–9).

После этого пламенного предисловия А.И.Введенский рассказал аудитории об уже известных нам из предыдущей главы обстоятельствах раскола. Овации были дружными, не совсем приглядная действительность потонула в волнах пламенного красноречия. Несколько иначе встретили А.И.Введенского на собрании петроградского духовенства, которое происходило в эти же дни в Сергиевом подворье на Фонтанке. Здесь его перебили на первом же слове. Крики и шум заглушили «пламенное красноречие».

«Представьте себе, – вспоминал А.И.Введенский, – я им хотел сказать: в ваших интересах я действовал, ваши глупые головы спасал. Куда там, зарычали, как звери, двинулись на меня с кулаками. Ну, я вижу, надо убираться. Смотрю, вблизи меня знакомый священник, тоже окончивший университет; беру его под руку: о. Серафим, пойдете. А он мне: я с вами никуда не пойду, – вырвал руку и отошел. И вот стою я один перед разъяренной толпой. Тут подскочил ко мне Боярский – старый друг. «Что такое, что такое; я пойду с тобой, о. Александр, иди-ка за мной». Распростер руки и кричит: «Отцы и братья! человека не троньте! человека не троньте!» – и провел меня к выходу. Вышли на лестницу – а там полным-полно разъяренного народа. Какие-то две женщины подскочили ко мне и истерически крикнули: «О.Александр, спасите владыку митрополита!» – я положил им руку на голову – и опрометью бежать – гонятся за мной. Представляете себе картину: какой-то молодой священник в белом подряснике и плисовых сапогах бежит по Невскому, а за ним с диким ревом толпа: «Бей! Лови! Держи его!» Наконец я вскочил на ходу в трамвай и уехал...»

9 июня 1922 года в Государственной филармонии началось рассмотрение дела митрополита Вениамина, а также группы духовных лиц и мирян, привлеченных к ответственности по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей.

Все было по сложившемуся в то время трафарету: зал, битком набитый людьми, выделанно суровые лица судей, представители прокуратуры с картинно-революционной внешностью (нарочитые простые френчи, подпоясанные ремнем) и фигуры старых, буржуазных адвокатов, точно пришедших сюда прямо из старого Петербурга, совершающих (при зевоте судей) глубокомысленные экскурсии в область психологии. В процессе петроградских церковников «в качестве обвинителя» выступал приехавший из Москвы Красиков, главным защитником был старая петербургская знаменитость Бобрищев-Пушкин. На скамье подсудимых сидело несколько десятков человек; состав подсудимых поражал своей разношерстностью еще более, чем на таком же процессе в Москве. Казалось, ничто в мире не могло бы соединить столь различных людей. Наряду с двумя владыками –

митрополитом Петроградским Вениамином и епископом Ладожским Венедиктом (Плотниковым) – на скамье подсудимых находились настоятели Исаакиевского собора протоиерей Л.Богоявленский, Казанского собора – Н.К.Чуков (впоследствии митрополит Ленинградский Григорий), Измайловского собора – о. Чельцов, Троице-Сергиева подворья – архимандрит Сергей (бывший член Государственной Думы от фракции националистов Шеин), благочинный Бычков – цвет петроградского духовенства; далее следует упомянуть крупных представителей петроградской интеллигенции: профессора уголовного права Новицкого (председателя правления православных приходов), бывшего петербургского присяжного поверенного Ковшарова, проф. Военно-юридической академии Огнева и др. – и рядом с ними церковная мелкота – консисторские чиновники и канцеляристы. На месте защиты – рядом с почтеннейшим Бобрищевым-Пушкиным – восседал А.И.Введенский, который еще в своей знаменитой речи в Таврическом дворце публично объявил, что он берет на себя защиту митрополита Вениамина; он также просил отдать ему на поруки митрополита, но ему в этом было отказано. Удалось взять на поруки лишь престарелого протопресвитера Дернова.

– Я думал, – рассказывал впоследствии А.И.Введенский, – построить защиту на психологическом анализе характера митрополита; трудно было представить себе более некомпетентного в политике человека, чем митрополит. Вот я и хотел изобразить трагедию благочестивого, доброго монаха, которым вертели, как хотели, церковники, и думаю, что защитил бы – да вот не пришлось...

Действительно, А.И.Введенскому не пришлось выступить на этом процессе, хотя его речь была бы, вероятно, очень эффектна; однако эффект, который он произвел после первого заседания, превзошел все ожидания. Когда публика спускалась с лестницы, вниз, около дверей, раздался истошный крик и звук падающего тела – это упал с окровавленной головой А.И.Введенский, в которого был брошен какой-то женщиной огромный булыжник; пострадавшего священника увезли в карете скорой помощи, а задержанная женщина оказалась экзальтированной богомолкой. На все вопросы она отвечала, что Введенский – дьявол. Этот случайный инцидент произвел большое впечатление: в журнале «Живая Церковь» была напечатана статья В.Д.Красницкого: «Первомученик живой церкви». Покушение на жизнь А.И.Введенского характеризовалось как акт террора со стороны старой церкви, и, вероятно, это злосчастное покушение значительно усугубило приговор, вынесенный обвиняемым на процессе.

Процесс происходил в накаленной атмосфере – к его концу в качестве свидетелей допрашивались вожди «Живой Церкви»: А.И.Боярский, давший сдержанные показания и избегавший касаться роли отдельных лиц в деле сопротивления изъятию церковных ценностей, и В.Д.Красницкий, использовавший положение свидетеля для произнесения большой речи (суд

его не прерывал), в которой он пропагандировал «Живую Церковь» и обрушивался на контрреволюционное духовенство.

4 июля 1922 года суд удалился на совещание. Через 23 часа, 5 июля, был вынесен приговор, согласно которому митрополит Вениамин, епископ Венедикт, архимандрит Сергей, протоиереи: Н. Чуков, Чельцов, Богоявленский, Бычков, профессора Новицкий и Огнев, присяжный поверенный Ковшаров – всего 10 человек – были приговорены к расстрелу; остальные обвиняемые присуждались к различным срокам наказания¹.

Здесь бы хотелось поставить точку. К сожалению, мы не можем этого сделать: нам предстоит рассказать еще об одном ужасном факте, по поводу которого можно сказать словами Гамлета: «Страшно! За человека страшно мне».

На другой день после того, как были вынесены в Петрограде смертельные приговоры, Высшее Церковное Управление приняло следующее позорное постановление, которое легло отвратительным несмываемым пятном на все обновленческое движение:

«ВЦУ, выслушав приговор Петроградского Ревтрибунала о бывшем петроградском митрополите Вениамине и других вместе с ним обвиняемых священнослужителях и мирянах Петроградской епархии, постановило:

1) бывшего петроградского митрополита Вениамина (Казанского), избличенного в измене своему архиерейскому долгу – в том, что авторитетом своего архиерейского сана он участвовал во враждебных действиях, направленных против умирающего от голода народа, и своими воззваниями волновал пасомых, доверившихся его архиерейскому слову, от чего создавались мятежи и уличные столкновения и, пользуясь своим иерархическим положением, фальсифицируя канонические правила церкви, требовал действий, нарушающих христианский долг помощи, и тем привел к осуждению и тюремному заключению целый ряд подчиненных ему священнослужителей и мирян, лишит священного сана и монашества» (Живая Церковь, 1922, №5-6, с.12).

Этим же постановлением лишались сана все другие осужденные на смерть священнослужители, а приговоренные к расстрелу миряне отлучались от церкви. Трудно подыскать в истории другой пример столь ярко выраженной человеческой подлости. В то же время про это чудовищное постановление можно сказать словами Талейрана: «Это было хуже, чем преступление, – это была ошибка».

Даже самый страшный враг обновленческого движения не мог бы придумать ничего, что в такой степени оттолкнуло бы от обновленчества широкие массы. «Я вас видеть не могу, на вас кровь митрополита Вениамина, если вы дружите с обновленцами», – возбужденно говорила одному из авторов очень религиозная женщина, когда он семнадцатилетним юношей, увлекшись проповедями А.И.Введенского, стал приверженцем обновленческого раскола.

Кто, однако, несет ответственность за это постановление? В журнале

¹ Приговор был приведен в исполнение в отношении митрополита Вениамина, архимандрита Сергея, профессора Новицкого и Ковшарова*.

«Живая Церковь» это постановление напечатано без подписи. Однако на той же странице помещено ходатайство ВЦУ о помиловании осужденных по петроградскому процессу, принятое в том же заседании. Это ходатайство подписано следующими лицами: епископами Антонином и Леонидом, епископом Иоанном, В. Красницким, протоиереями М.Поликарповым и К.Мещерским, управляющим делами прот. Е.Белковым. Нет ни малейшего сомнения в том, что инициатором постановления был В.Д.Красницкий. Возникает вопрос, почему же это постановление появилось без подписей? И тут мы берем на себя смелость высказать одно предположение, конечно, отнюдь не навязывая его нашим читателям. Председателем ВЦУ был в это время епископ Антонин Грановский, совершенно оттеснивший от руководства епископа Леонида. Позиция Антонина в этот период хорошо известна: он с самого начала резко выступал против Красницкого и его методов, отказываясь подписывать многие документы, продиктованные Красницким, — весьма возможно, что он отказался подписать и это постановление. В настоящее время¹ в Москве есть человек, который мог бы пролить свет на все обстоятельства, при которых это постановление было принято. Таким человеком является некий Константин Мещерский², которого считают протоиереем, служащий в храме Всех Святых в Москве на Ленинградском проспекте. Это единственный оставшийся в живых участник этого зловещего заседания ВЦУ 6 июля 1922 года. От него, однако, трудно ожидать, чтобы он рассказал правду. Дело в том, что Константин Мещерский, носящий маску протоиерея, является на самом деле отъявленным провокатором, на совести которого немало жертв. Так, например, во времена Берии благодаря его ложным доносам был арестован и почти отбыл десятилетний срок наказания московский врач Александр Петрович Попов, впоследствии полностью реабилитированный, а также целый ряд других лиц.

Фигура Константина Мещерского символична: в этот первый месяц обновленческого раскола широким потоком потекли к «Живой Церкви» провокаторы и честолюбцы, подхалимы и моральные дегенераты. «Живая Церковь» стала ассенизационной бочкой русской церкви», — с сердечной болью восклицал Антонин Грановский.

*

«А-га-фан-ге-ла!» — такие крики раздавались в те времена на диспутах, как писала Ольга Форш.

Митрополит Ярославский Агафангел действительно был в то время, согласно патриаршей резолюции, юридическим главой Русской Православной Церкви. Это одно уже делает его исторической личностью, и историк церковной смуты обязан рассказать о нем.

Митрополит Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский) родился в 1855 году в семье протоиерея Тульской епархии. Будучи в 1922 году почти семидесятилетним старцем, митрополит Агафангел прошел к этому времени долгий и многотрудный жизненный путь. Окон-

¹ В 1960 г.

² Умер в 1968 г.

чив в 1881 году Московскую духовную академию, Александр Лаврентьевич женится на своей землячке, дочери тульского священника, и 15 августа 1881 года получает назначение в город Раненбург Рязанской губернии в качестве учителя латинского языка местного духовного училища. 7 декабря 1882 года его переводят в город Скопин в качестве смотрителя тамошнего духовного училища. Тихий, ровный по характеру, спокойный человек, Александр Лаврентьевич никогда не помышлял о духовном звании и, вероятно, так и провел бы всю жизнь в каком-нибудь Скопине около своей любимой жены, но вскоре его неожиданно постиг тяжелый удар: в 1884 году в один день умерла его жена и маленький сын. 7 марта 1885 года Александр Лаврентьевич принимает монашество с наречением ему имени Агафангел – вестник любви.

10 марта 1885 года новопостриженный инок был рукоположен в иеромонахи, а 4 декабря 1886 года он назначается в далекую Сибирь, инспектором Томской духовной семинарии; 14 декабря он возведен в сан игумена. Молодой монах оправдывает свое новое имя, отличаясь своей исключительной любовью к детям. «Вы, дети, – трогательно говорил он впоследствии, будучи уже архиепископом Ярославским, при посещении одной из школ, – наша радость, наше счастье и наша печаль. Вы наше будущее. Мы сходим со сцены и передаем нажитое нами вам. Оглядываясь назад, мы видим свои ошибки. Дай вам Бог избежать их». (См.: Ярославские епархиальные ведомости, 1914, №7.) 20 января 1888 года он назначается ректором Иркутской духовной семинарии, а 15 июля 1889 года появляется указ о бытии ему епископом Киренским, викарием Иркутской епархии. 10 сентября 1889 года происходит епископская хиротония. Вопреки обыкновению, эта хиротония происходит не в Петербурге, а здесь же, в Сибири, в монастыре под Иркутском. Хиротония совершена епископом Томским Макарием и местным иркутским владыкой. Вскоре епископ Агафангел назначается в Тобольск. Он остается в Сибири до 1903 года, когда переводится в Ригу. Здесь в 1906 году епископ зарекомендовал себя как либеральный и гуманный архипастырь: благодаря его стараниям была спасена большая группа молодых людей, приговоренных военно-полевым судом к смертной казни. После краткого пребывания затем на Виленской кафедре архиепископ Агафангел указом от 2 января 1914 года переводится в Ярославль на место архиепископа Тихона. «Вы любили его, прошу вас и меня принять в любовь свою», – такими словами начал свою деятельность в Ярославле новый владыка». (Ярославские епархиальные ведомости, 1914, №3, с.139.) Владыка Агафангел действительно пользовался любовью духовенства и мирян Ярославской епархии, которой он правил в течение долгих лет, сначала в сане архиепископа, а с 1918 года в сане митрополита.

Получив известие о назначении его заместителем патриарха, митрополит Агафангел занял (на первый взгляд) странную позицию: не приезжая в Москву и оставаясь в Ярославле, он в течение целого месяца не подавал о себе никаких вестей. Когда в первые дни раскола в Ярославль

приехал В.Д.Красницкий, владыка дал ему уклончивый, ни к чему не обязывающий ответ. Так же уклончиво отвечал он и другим живоцерковникам, которые к нему обращались. В этом отношении интересен разговор, который имел с ним ярославский протоиерей П.Н.Красотин, также прикннувшийся к «Живой Церкви» (впоследствии крупный обновленческий деятель), в присутствии епископа Ростовского Иосифа (Петровых).

«— Правда ли, что вы назначены местоблюстителем патриаршего престола? — спросил я митрополита Агафангела.

— Да, — и показал патриарший указ.

— Каким образом вы станете управлять церковью, когда в Москве учреждено ВЦУ?

Агафангел стал уверять, что там собрались неведомые ему лица, которые через месяц отбудут на свои места, и он с честью займет их место.

— Ваше Высокопреосвященство! Вы как будто живете на другой планете: ужели вы не знаете, как страдает Церковь, и откладываете свой отъезд на месяц?

— Я поеду в Москву через неделю, когда устрою здешние дела.

— Какие дела? Ведь у вас на этот счет есть викарии, могущие управлять в ваше отсутствие.

— Вы, о.Красотин, очень горячи, через месяц я торжественно приеду туда.

— А если случится что-нибудь недоброе?

— Ничего не случится.

— Не следует ли передать управление церковью старейшему епископу, раз вы не можете управлять ею?

— На это патриарх не уполномочил меня, и я не знаю, кто — старейший.

— Оставьте себе на всякий случай преемника.

— Вы беспокоитесь за церковь больше меня, а учить вам меня не следует. Вы предатель церкви».

(Вестник Священного Синода, 1925, 25 января, №1, с. 1-2.)

Поведение митрополита Агафангела действительно является совершенно необъяснимым, если не знать одной детали: в течение месяца велись секретные переговоры между Е.А.Тучковым и митрополитом Агафангелом. Е.А.Тучков, которого ВЦУ считало своей главной опорой, в переговорах с митрополитом выражал желание как можно скорее отделаться от этого несолидного учреждения и поддержать Агафангела. Однако и от Агафангела ожидался ряд уступок; он должен был заявить об отходе от политической линии патриарха Тихона. После месячных переговоров, видя, что дело не сходит с мертвой точки, митрополит Агафангел неожиданно обратился к русской церкви с воззванием, опечатанным в какой-то подпольной типографии и очень быстро разошедшимся по Москве и по другим городам.

«ПОСЛАНИЕ

Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, Митрополита Ярославского Агафангела к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви.

Благодать Вам и мир от Бога и Отца
нашего и Господа Иисуса Христа.

Святейшему Патриарху и Отцу нашему Тихону угодно было от 3–16 мая 1922 года обратиться ко мне со следующей грамотой: (см. выше, в послании приводится текст грамоты. — *Авт.*). Во имя святого послушания и по долгу моей архиерейской присяги, я предполагал немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения церкви и поспешить в Москву, но вопреки моей воле, по обстоятельствам от меня не зависящим, я лишен и донныне возможности отправиться на место служения. Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления русской церковью. От кого и какие полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучения нашей православной веры, священные каноны святых Вселенских Соборов, православные богослужебные уставы, данные великими молитвенниками и подвижниками христианского благочестия, и организовали новую, именуемую ими «Живую Церковь».

Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в служебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были предметом рассмотрения Всероссийского Собора 1918 года, но не получили решения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени. Но во всяком случае возможные изменения и церковные реформы могут быть произведены только Соборной властью, а посему я почитаю своим долгом по вступлении в управление делами церкви созыв Всероссийского Поместного Собора, который правомерно, согласно со словом Божиим и в меру правил святых Вселенских Соборов, этих первых и основных источников нашего церковного строительства, рассмотрит все то, что необходимо и полезно для нашей духовной жизни. Иначе всякие нововведения смогут вызвать смятение совести верующих, пагубный раскол между ними, умножение нечестия и безысходного горя. Начало всего этого мы уже с великою скорбью и видим.

Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри!

Лишенные на время высшего руководства, Вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, священными канонами; впредь до восстановления Высшей Церковной Власти окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешения Святейшего Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смиреннию.

Честные пресвитеры и все о Христе служители алтаря и церкви!

Вы близко стоите к народной жизни, вам должно быть дорого ее преуспеяние в духе православной веры. Умножьте свою священную ревность. Когда верующие увидят в вас благодатное горение духа, они никуда не уйдут от своих святых алтарей.

Братья и сестры о Господе – наши пасомые! Храните единство святой веры в союзе братского мира. Не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца по поводу учений нашей православной веры. Не склоняйтесь к соблазну, которым они хотят обольстить вас, производя изменение в православном богослужении, действуя не законным путем Соборного Постановления, но по своему почину и разумению, не повинуюсь голосу древних Вселенских отцов и великих подвижников, созидавших наши церковные уставы, не обольщайтесь беззаконием путей, которыми хотят повести вас новые люди какой-то новой церкви; ищите законных средств и путей, которыми должно устранять церковные нестроения; держитесь и не порывайте союза со своими духовными пастырями и архипастырями. Повинуйтесь с доброй совестью просвещенной Христовым светом государственной власти, несите в духе мира и любви свои гражданские обязанности, памятуя Завет Христов: воздадите кесарево кесареви и Божие Богови. Наипаче же увеличьте молитвенный подвиг, ограждая себя им от наветов духа злобы, врага нашего спасения.

Итак, возлюбленные о Христе чада, храните учения, чины и уставы веры нашей, храните вся преданная нам, держитесь Церкви Божией, знайте, что уходящие от святой Церкви оставляют своего Спасителя. «Тем же убо, братие, стойте, – говорит апостол, – и держитесь предания, им же научитесь или словом или посланием нашим» (Второе Сол. 2,65)

*5/18 июня 1922 года, №214, Ярославль:
Заместитель Святейшего Патриарха (подпись)
смиренный Агафангел,
Божией милостью Митрополит Ярославский».
(подписи правителя дел и секретаря)*

Это послание было напечатано в типографии на отдельных маленьких листочках.

Вслед за этим по Москве в те дни стала распространяться следующая листовка, подписанная обществом ревнителей православия.

«БРАТСКОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЧАДАМ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ

«Теперь появилось много антихристов...

Они вышли от нас, но не были наши,

ибо если бы они были наши, то остались бы с нами,

но они вышли и через то открылось, что не все наши».

(1-е послание ап.Иоанна 2, 18-19)

1) Несмотря на то что Святейшего Патриарха с угрозами понуждали к полному отречению от Патриаршего престола, он этого не сделал, а 2) За

фактической невозможностью, вследствие своего ареста, стоять во главе церковного управления временно передал свои права старейшему из митрополитов – Агафангелу, митрополиту Ярославскому, который, таким образом, является единственным законным возглавителем высшего церковного управления. Сказанное выше подтверждается: а) письмом Святейшего Патриарха к протопресвитеру Любимову (3 мая 1922 года) и б) письмом на имя соединенного присутствия Синода и Высшего Церковного Совета (21 апреля). 3) Верховное управление Московской епархии также принадлежит митрополиту Агафангелу, так как Московская кафедра связана с патриаршеством. Что касается епископа Леонида, то ему поручено было патриархом временное заведывание делами до приезда в Москву Клинского епископа Иннокентия. По не вполне выясненным причинам епископ Иннокентий доселе не прибыл в Москву, не мог выехать в Москву и митрополит Агафангел. Таким образом, кратковременное, по мысли патриарха, пребывание епископа Леонида управляющим Московской епархией естественно затянулось. 4) Как ни прискорбно это обстоятельство, но с этим можно было бы скрепя сердце мириться, если бы епископ Леонид не выходил в своих действиях за пределы предоставленной ему власти. Но когда он, в сообществе с не имеющим никакого канонического отношения к Московской церкви епископом Антонином и самочинными иереями Калиновским, Красницким и другими, дерзнул присвоить себе права высшей церковной власти и стал поставлять, вопреки основным каноническим правилам, епископов, и даже осмелился уволить на покой митрополита Петроградского Вениамина, чего не имел бы права сделать и ч н о сам Патриарх, то этим он явно ступил на путь нетерпимого беззакония и отделил себя от церковного тела. 5) Поэтому «хранитель благочестия» (говоря языком Послания Восточных Патриархов) – православный народ должен решительно отвергнуть узурпаторов церковной власти, не вступая с ними в общение и не допуская молитвенного возглашения их имен в храмах. 6) Те православные иереи и миряне, которые будут поддерживать церковное общение с самочинно раскольничьей иерархией, тем самым являются вместе с нею извергнутыми из тела церковного, т.е. отлучившими себя от Христа.

Братство ревнителей Православия.

Издание друзей истины».

(Прим.: напечатано в типографии без какого-либо обозначения места и года, мелким шрифтом, листовками).

Е.А.Тучков был совершенно ошеломлен такой неожиданностью. Ошеломлено было и ВЦУ. Митрополит Агафангел был немедленно арестован и отправлен в ссылку, в Нарымский край. Однако появление этого воззвания и листовки указывало на то, что беспринципная линия В.Д.Красницкого и К^о наталкивается на резкий отпор в церковной среде. Впрочем, и среди обновленцев, которых вовсе не следует всех отождествлять с Красницким, назревал протест против политики, которую проводили продажные и случайные лица, неожиданно очутившиеся у церковного руководст-

ва. Была и другая, гораздо более принципиальная и чистая линия в расколе – ее выразителем был искренний и мужественный епископ Антонин Грановский.

Чтобы уяснить себе это переплетение двух линий в расколе, необходимо остановиться на его внутренней жизни. К внутренней жизни раскола в эти бурные дни 1922 года мы и обратимся.

Год 1922-й

Не следовало бы тебе злорадно смотреть на день брата твоего, на день отчуждения его; не следовало бы радоваться о сынах Иуды в день гибели и расширять рот в день бедствия.

Не следовало бы тебе входить в ворота народа Моего в день несчастья его и даже смотреть на злополучие его в день гибели его, ни касаться имущества его в день бедствия его.

Ни стоять на перекрестках для убивания бежавших, ни выдавать уцелевших из него в день бедствия». (Книга пророка Авдия 1,12-14.)

Эти слова древнего пророка, обращенные к единокровному с иудеями народу Едома, вступившему в союз с врагами евреев, невольно вспоминаются, когда речь идет об обновленцах. В час величайшей драмы, которую переживала когда-либо Русская Церковь, часть ее служителей решила воспользоваться несчастьями своих братьев для личных выгод. Это опозорило обновленческое движение в глазах народа, оттолкнуло от него широкие массы и завело его в тупик.

Предательство и карьеризм – воплощением этих главных пороков обновленчества была «Живая Церковь».

Невозможно указать точную дату возникновения «Живой Церкви». Первоначально это было лишь название журнала, придуманное, как мы видели, свящ. С.Калиновским. Уже в первые дни после переворота этим именем стали называть все обновленческое движение в целом; термин «живоцерковник» стал в быту синонимом обновленца – сторонника майского церковного переворота. В это же время в стенах Троицкого подворья, на дверях одного из кабинетов, появилась загадочная надпись: «Центральный комитет группы «Живая Церковь». Это был штаб священника В.Д.Красницкого, который сразу же задался целью создать стройную централизованную организацию, состоящую из особо отобранных людей, по типу политической партии. Самый термин «Центральный комитет» отнюдь не был случайностью. Как популярно объяснял священник Евг.Белков (первоначально ярый сторонник «Живой Церкви»), взаимоотношения между Высшим Церковным Управлением (ВЦУ) и Центральным комитетом (ЦК) группы «Живая Церковь» – были аналогичны взаимоотношениям между ВЦИК и ЦК РКП(б). Что касается самой группы «Живая Церковь», то

она, по мысли ее организаторов, должна была играть роль авангарда обновленческого движения.

Невозможно точно определить первоначальный состав ЦК. Это, вероятно, не смогли бы сделать и сами его руководители. Считалось – или, вернее, – подразумевалось, что в него входят все главные деятели переворота. Однако из этой группы следует прежде всего исключить А.И.Введенского, который хотя формально и входил в «Живую Церковь», но после ранения в июне 1922 года на два месяца вышел из игры и поэтому не принимал участия в организации «Живой Церкви». Это, впрочем, не очень печалило В.Д.Красницкого: он сразу же постарался забыть о своем блестящем соратнике и не включил его ни в один из органов «Живой Церкви». Что касается епископа Антонина, то он с самого начала занял враждебную, резко отрицательную позицию по отношению к «Живой Церкви». Таким образом, путем исключения можно установить, что первоначально ЦК «Живой Церкви» состоял из трех человек: В.Д.Красницкого, Е.Х.Белкова и С.В.Калиновского.

Справедливость требует, чтобы, говоря о «Живой Церкви», мы начали ее характеристику с Калиновского, так как он не только придумал название «Живая Церковь», но, как увидим ниже, был автором первого программного документа этой организации.

Сергей Васильевич Калиновский родился в Москве около 1886 года в семье священника. После окончания Духовной семинарии и академии он был рукоположен в 1910 году в священники одной из московских церквей. Обладая некоторым литературным и проповедническим даром, свящ. С.В.Калиновский вскоре становится оруженосцем митрополита Владимира и известного черносотенца протоиерея Восторгова. Таким образом, о.Калиновский, если и не был непосредственным участником черносотенных организаций, то, во всяком случае, примыкал к наиболее правым кругам дореволюционного духовенства. Революцию о.Калиновский встретил полковым священником. Во время наступления Керенского он подвизался в частях армии, действовавших в западной части Псковской губернии, где он пламенно призывал солдат идти в бой. После октября антибольшевистский вития быстро и незаметно исчезает из армии. В 1918 году мы видим его снова в Москве, где он получает от патриарха лестное назначение – настоятелем одной из центральных московских церквей, храма Гребневской Божией Матери, что на Лубянке. В 1919 году священник С.В.Калиновский пытается создать «Рабоче-Крестьянскую христианско-социалистическую партию». Он опубликовал широковецательную программу; однако партия была запрещена органами власти, как вредная. С.В.Калиновский на время отходит в тень. В 1921 году он снова появляется на свет Божий в связи с голодом в Поволжье. Организация бесплатной столовой при храме и участие в сборе пожертвований в пользу голодающих являются его бесспорными заслугами. В 1922 году он выступает как сторонник изъятия церковных ценностей и один из идеологов надвигающегося раскола.

О роли Калиновского в майские дни мы уже говорили. Первый номер журнала «Живая Церковь», подписанный к печати еще до церковного переворота, открываетея передовой статьей С.В.Калиновского, выдержанной в необычайно воинственном тоне: «Довольно молчать! – восклицает редактор. – Наступил момент, когда православный русский народ ждет решающего голоса Церкви. *По вине старого бюрократического и иерархического строя* (курсив Калиновского) взаимоотношения между ставленниками бывших правящих классов и Советским государством стали абсолютно невозможными. Обнаружено моральное банкротство церковных, ныне существующих порядков. Всякий дальнзоркий сын церкви должен собственными усилиями иметь гражданское мужество («усилиями иметь!» – *Авт.*) и решительность принять меры к торжеству и спасению православной церкви». (Живая Церковь, 1922, №1, с.1.)

Редактором этого номера был С.В.Калиновский, и редакция даже помещалась у него на квартире: Москва, угол Лубянской площади и Мясницкой ул., 2/4 (у Гребневской церкви), кв.5. Заправила ВЦУ были, однако, не очень высокого мнения о талантах Калиновского; поэтому они сразу отстранили его от редакторства, вежливо выразив ему благодарность за инициативу. В качестве редактора следующих номеров журнала фигурируют поочередно Е.Х.Белков и В.Д.Красницкий. Перу С.В.Калиновского принадлежит, однако, чрезвычайно интересный документ, написанный им, как рассказывал А.И.Введенский, еще в начале мая 1922 года и впоследствии опубликованный в №2 журнала «Живая Церковь». Считаю уместным привести его здесь, так как он как нельзя более полно характеризует тот дух, которым была проникнута «Живая Церковь». Документ озаглавлен: «Проект докладной записки во ВЦИК, исходящей от некоторой части духовенства и мирян православной церкви». В тексте документа говорится:

«Желая по мере своего разумения и сил способствовать Государственной Советской Власти в деле возрождения Родины, мы, нижеподписавшиеся, считаем необходимым учреждение при ВЦИК особого Всероссийского комитета по делам Православной Церкви, духовенства и мирян, во главе с главным уполномоченным по делам Православной Церкви в сане православного епископа. На этот Комитет возложено должно быть:

1. Выделение из общей массы православного духовенства и мирян тех лиц, которые признают справедливость Российской социальной революции и лояльны по отношению к советской власти; ограждение их от церковных решений и судебных кар со стороны патриаршего управления.

2. Объединение означенных лиц в общегосударственном масштабе путем выработки общей программы в делах церковных и в отношениях государственных.

3. Наблюдение за деятельностью патриаршего управления.

4. Способствование мирному и закономерному проведению в жизнь государственных мероприятий, не затрагивающих религиозного чувства пра-

вославною человека, не разрушающих его нравственного мировоззрения» (Живая Церковь, 1922, №2, с.10).

Подтекст этого, очень плохо, ужасным канцелярским языком написанного документа таков: надо выделить группу духовенства, которая должна стать частью государственного аппарата. Именно это и было заветной мечтой всех деятелей «Живой Церкви»; если эта мечта не осуществилась, то в этом вина отнюдь не «Живой Церкви». Надо сказать, что идея сращивания церковного аппарата с государственным пережила не только С.В.Калиновского, но и самую «Живую Церковь»; особенно широкое распространение получила эта идея среди церковных людей в первые годы после Отечественной войны. Ее главным носителем в это время был законный наследник деятелей «Живой Церкви» – известный московский священнослужитель, до 1956 года всемогущий протопресвитер Н.Ф.Колчицкий (1893–1961). Эта идея сращивания церкви с государством не является новой. «Живая Церковь» являлась в этом отношении лишь своеобразным рецидивом победоносцевщины в советских условиях.

О том, что эта идея является порождением антихристианского духа, лишний раз свидетельствует судьба С.В.Калиновского. В августе 1922 года он подал в ВЦУ заявление о своем выходе из его состава, а еще через несколько месяцев в газете «Безбожник» появляется его краткое заявление о снятии им с себя сана. Этот свой шаг он мотивирует тем, что под влиянием контрреволюционных выступлений духовенства он разочаровался в церкви. В дальнейшем Калиновский становится профессиональным антирелигиозником. Но и в этом новом амплу ему не удалось стать крупной фигурой. В течение десяти лет он ютился на задворках антирелигиозной пропаганды и умер в полной безвестности в 30-х годах. Народная молва сохранила лишь один анекдот из этой эпохи его жизни, который запечатлел профессор Кузнецов в своей работе «Церковь и государство», относящейся к 1922 году. «Рассказывают, – пишет проф.Кузнецов, – что на одной из фабрик Калиновский старался доказать, что Бога нет. «Каким же образом вы долгое время были священником?» – спросил его один из верующих рабочих. Калиновский не нашел ничего лучшего, как сказать: «Да, я обманывал народ». Тогда рабочий, обращаясь к присутствующим, остроумно заметил: «Вот видите, граждане, он много лет нас обманывал; может быть, он обманывает нас и сейчас, утверждая, что Бога нет?» (См.: Кузнецов. Церковь и государство. По поводу послания митрополита Сергия. Лекция, прочитанная 3 января 1927 года в Москве, с.251.)

Таким образом, С.В.Калиновский принадлежал к числу людей, о которых говорят, что у них охота смертная, да участь горькая. Будучи одержим всю жизнь карьеристским зудом, он не имел, однако, главных качеств, необходимых для крупного карьериста: таланта, энергии и силы воли. «Мелкий человек», – лаконично характеризовал его А.И.Введенский. Вполне естественно, что в первые же дни раскола он был оттеснен на задний план и в организации «Живой Церкви» не играл роли.

Несколько большую роль играл Е. Х. Белков, который занимал после переворота должность управляющего делами ВЦУ. Однако и деятельность Белкова в организации «Живой Церкви» была незначительной: литератор и энтузиаст, он был на редкость сумбурный и беспорядочный человек, и, наконец, у него был еще один крупный недостаток, который мешал ему играть выдающуюся роль в «Живой Церкви»: он был честным человеком – и ему претили методы Красницкого.

Главным организатором «Живой Церкви», ее вождем был В. Д. Красницкий. «Живая Церковь» – это я», – мог бы сказать он про себя с полным правом. Выше мы довольно подробно характеризовали В. Д. Красницкого. К его достоинствам относится, между прочим, то, что он был вполне ясным и определенным деятелем. С поразительным цинизмом, несколько не утруждая себя маскировкой, он заявлял всюду и везде, что он является выразителем сословных (или, как он говорил, классовых) интересов белого духовенства. Идеализируя белое духовенство, он обрушивался на архиереев-монахов. В его изображении все белые священники были ангелами, тружениками, церковным пролетариатом, а высшее духовенство и монахи – это синоним всех пороков, тираническая каста, церковная буржуазия. Белое духовенство должно воспользоваться моментом, чтобы захватить церковную власть в свои руки. Женатый епископат, независимость священников от епископов и поднятие материального уровня духовенства путем создания центральной церковной кассы – таковы основные лозунги Красницкого. Вероятно, он был искренен только в одном: он действительно любил белое духовенство, из среды которого вышел. Блок с советской властью рассматривался им как средство к возвышению белого духовенства. Впоследствии он отказался от предложенного ему Собором высокого сана архиепископа Петроградского и вообще от архиерейства, мотивируя свой отказ желанием сохранить связь с рядовым духовенством. «Агитация и организация» – этот лозунг Красницкого можно расшифровать так: разъяснение белому духовенству его сословных интересов и сплочение его для борьбы с иерархами. К этому по существу сводилась вся программа Красницкого: разговоры о каких-либо более широких реформах вызывали у него, как он сам говорил, головную боль.

Однажды А. И. Введенский внес предложение ввести всеобщее еженедельное причащение. Красницкий возражал яростно и запальчиво. «Но ведь Христос, сам Христос, призывает к себе людей», – патетически воскликнул Введенский. «Ах, подите вы с вашим Христом», – неожиданно ответил Красницкий, сморщившись и раздраженно махнув рукой. Но однажды во время такого же яростного спора Красницкий вдруг неожиданно затих и сказал: «Давайте пойдем и отслужим все вместе молебен пред иконой Иверской Божией Матери: может быть, мы тогда помиримся».

«Вы враг церкви», – неоднократно говорил он Введенскому. Церковью для него было русское белое духовенство. Впоследствии, к концу жизни, Красницкий понял, что его деятельность не принесла пользы церк-

ви, и, умирая, причастившись с благоговением Святых Тайн, просил у Бога прощения за все содеянное им зло и горячо молился в кругу своей семьи о соединении Русской Церкви. Но это было много после, в марте 1936 года, после многих пережитых катастроф.

В 1922 году Красницкий был твердо уверен в своих силах и проводил свою линию с энергией и настойчивостью, заслуживающими лучшего применения. Блестящий организатор, он в течение двух недель, буквально из ничего, сформировал огромную (правда, как потом оказалось, эфемерную) организацию. По своей структуре «Живая Церковь» должна была, по мысли Красницкого, близко напоминать коммунистическую партию и быть как бы ее филиалом среди духовенства. Самый быт церковных учреждений должен был максимально приближаться к быту советских учреждений 20-х годов. В этом отношении представляет интерес зарисовка, сделанная в стенах Троицкого подворья корреспондентом одной из провинциальных газет.

«Вдали от суетного мира, в глухом переулке, стоит Троицкое подворье, – пишет пензяк А. Зуев, – покои последнего патриарха. В соседнем саду все так же шумят дубы и клены. В тихих залах все так же хмуро смотрят со стен портреты давно умерших князей церкви. Все так же ярко блестит навощенный пол. Все в том же чинном порядке стоят кресла. Переменились лишь люди, и за их спокойной внешностью невольно чувствуется кипучее (?) биение нашей жизни. Ушел из покоев великий господин всея великия, малыя и белыя Руси Патриарх Тихон. За ним ушли тихие, бесшумные слуги – келейники. Пришли новые, с новыми думами. Принесли в тихие покои новые, такие чуждые слова. На двери приемной висит вывеска: Центральный комитет. Это комитет группы «Живая Церковь». На дверях следующей комнаты, где восседал сам Патриарх, значится: «Президиум»; по лестнице поднимается священник, под мышкой у него «Правда» и «Известия». На площадке лестницы, под развесистым фикусом, наряду с книжками «Живой Церкви», продаются «Атеист» и «Наука и религия». Тут же висит рукописная стенная газета съезда – «Известия». В ней имеется отдел: «О контрреволюции в приходах». В приемную идут просители. Вот вылощенный столичный иерей с академическим значком на груди. Вот старенький попик из Олонецкой губернии хочет вступить в группу «Живая Церковь». Все спрашивают у секретаря форму, по которой писать заявление. Секретарь подсовывает только что поданное предыдущим просителем заявление, и попик долго без помарок его переписывает» (Трудовая Правда, Пенза, 1922, 18 августа, №189, с.2).

Из этих попиков, запуганных и задерганных, из вылощенных столичных иереев, мечтавших о епископских митрах, Красницкий создал в течение одного месяца свою партию. Именно эти новоявленные реформаторы должны были, по мысли Красницкого, стать тем рычагом, при помощи которого он думал перевернуть православную церковь. К ним он обращался с пламенными призывами.

«Революция изгнала помещиков из усадеб, капиталистов из дворцов, – патетически восклицал он в программной статье, напечатанной в №3 журнала «Живая Церковь», – должна выгнать и монахов из архиерейских домов. Пора подвести итог за все те страдания, какие перенесло белое духовенство от своих деспотов, монахов-архиереев. Пора покончить с этим последним остатком помещичьей империи, пора лишить власти тех, кто держался помещиками и богачами и кто верно служил свергнутому революцией классу. Эту задачу должна взять на себя церковная группа «Живая Церковь» (с.11).

«Елейная проповедь, уснащенная громкими словами: любовь, христианство, добрые дела, – писал по поводу выступления одного из деятелей «Живой Церкви» корреспондент царицынской газеты «Борьба». – А в итоге: надо предоставить доступ священникам на епископские должности и по-новому распределить доходы духовенства. И тогда... церковь оживет и Царствие Божие придет на землю». (Борьба, Царицын, 1922, 19 октября, №831, с.1.)

Если, по замечанию Карла Маркса, исторические явления повторяются дважды – один раз в виде трагедии, а в другой раз – в виде фарса, то «Живая Церковь» была исторической пародией на нидерландское и шотландское пресвитерианство*. Живоцерковное движение было пресвитерианским в своем существе, так как главной его целью была борьба с епископатом. Собственно говоря, Красницкий с удовольствием вообще уничтожил бы архиерейство и сохранил бы лишь две иерархические степени: священство и диаконство. Однако открыто провозгласить подобный лозунг он, разумеется, не мог, не мог даже и заикнуться о чем-либо подобном, так как это означало бы открытый разрыв с православием и автоматически повлекло бы за собой уход Красницкого из церкви. Поэтому, сохраняя для видимости архиерейскую власть, Красницкий сделал все, чтобы превратить ее в фикцию. Абсолютное большинство архиереев старого поставления должно было, по его мысли, лишиться власти; хорошо было бы лишить их также жизни и свободы; но об этом, как рассчитывал Красницкий, позаботится его друг Е.А.Тучков. Взамен этих старых архиереев было намечено рукоположение новых, женатых епископов, обязанных своими кафедрами исключительно ему, Красницкому. Женатость архиерея была верным ручательством того, что он навсегда останется верным «Живой Церкви» (ведь никто, кроме живоцерковников его архиерейства не признает). Однако власть даже этого архиерея должна быть ограничена епархиальным управлением, состоящим из священников – ставленников «Живой Церкви». Архиерею принадлежало лишь право председательствовать в епархиальном управлении. Без санкции управления архиерей не мог даже перевести священника из одного храма в другой или назначить псаломщика. Если учесть, что в каждой епархии был еще особый «духовный чиновник» – уполномоченный ВЦУ (что-то вроде комиссара от «Живой Церкви»), который мог отменить любое решение епархиального управления и по существу сместить архиерея, направив соответствующую рекомендацию

в ВЦУ, то следует признать, что архиерей-живоцерковник играл жалкую роль. Это была лишь декоративная фигура для торжественных церемоний. Управлять за него должны были другие – уполномоченные ВЦУ, а функции премьер-министра русской церкви Красницкий великодушно брал на себя. Причем «сместить», «уволить», «выслать в 24 часа за пределы епархии», «сообщить гражданским властям о контрреволюционной деятельности» – глаголы в повелительном наклонении слетали то и дело у него с языка. Таков был этот курносый, осанистый батюшка, пришедший в революцию прямо из «Союза русского народа».

На кого, однако, опирался Владимир Дмитриевич в своих притязаниях на власть? Отвергнув старую иерархию, он столь же решительно отвергал влияние мирян на церковные дела. «Освободить священника от власти монаха-архиерея и мирянина-кулака!» – таков был крылатый лозунг, который он постоянно повторял и в статьях и в публичных выступлениях. Как мы увидим ниже, термин «кулак» был не чем иным, как вынужденной данью революционной фразеологии. За мирянами программа «Живой Церкви» признавала право играть роль в церковных делах лишь при условии, если они являются членами группы «Живая Церковь»; в то же время подчеркивалось, что мирянин должен безоговорочно подчиняться приходской дисциплине и не смеет ничего предпринимать без санкции своего батюшки. Именно поэтому «Живая Церковь» была не повторением, а лишь пародией на свой западноевропейский прототип, так как пресвитерианство XVI века было великим народным движением. Впрочем, можно указать еще на одно отличие: нидерландские пресвитериане дали вереницу мучеников; единственные митры, на которые не претендовали никогда живоцерковники, – это мученические венцы.

Здесь мы подходим к узловому вопросу: каковы были взаимоотношения «Живой Церкви» с гражданской властью? Незачем много говорить о том, что поддержка (прямая или косвенная) органами власти была единственной надеждой «Живой Церкви». О том, что такая поддержка оказывалась, можно видеть даже из официальных документов. Столичная пресса, пестревшая сообщениями о церковной революции, предпочитала замалчивать этот щекотливый вопрос. Но провинциальная пресса, более простодушная и откровенная, иногда приоткрывала краешек завесы. Особенно откровенной была в этом смысле харьковская газета «Коммунист».

«За сокрытие церковных ценностей, контрреволюционную деятельность и гонение на сторонников Живой Церкви арестован архиерей Геннадий», – сообщается в корреспонденции из Пскова от 15 августа 1922 года под заголовком «Арест архиерея». (Коммунист, 1922, 17 августа, №188, с.3).

«Вчера в 1 час дня, – сообщает та же газета через неделю, – харьковский архиепископ Нафанаил, епископ Старобельский Павел (викарный), члены епархиального совещания протоиереи Буткевич и Попов и протоиереи Воскресенской церкви Иван Гаранин были вызваны в Наркомюст, где,

в присутствии представителя НКЮ тов. Сухоплюева, уполномоченный ВЦУ на Харьковщине гражданин Захаржевский объявил им за подпиской постановление ВЦУ об увольнении их за штат с высылкой их из пределов Харьковской епархии. Уволенный архиерей и его приспешники попробовали было возражать против постановления ВЦУ, но затем дали обязательство подчиниться этому решению (еще бы! – *Авт.*). Затем, в присутствии НКЮ, милиции, уполномоченного ВЦУ, помещение епархиального совещания было опечатано» (Коммунист, 1922, 29 августа, №192, с.4).

Это был отнюдь не единственный случай прямого сотрудничества представителей ВЦУ с органами власти на местах; как увидим ниже, в провинции это сотрудничество проводилось почти в неприкрытой форме. Пресса до сентября 1922 года также освещала события церковной жизни в исключительно благожелательном для «Живой Церкви» духе. Только в сентябре 1922 года намечается перелом в отношениях между властью и обновленческим расколом.

Никто, однако, не скрывал того, что условная поддержка органами власти группы «Живая Церковь» носит конъюнктурный, временный характер. Прекрасно понимали это и деятели «Живой Церкви» – в первую очередь сам Красницкий, которого трудно было заподозрить в наивности. На что же рассчитывали они в дальнейшем? Ответив на этот вопрос, мы сможем легко определить историческую роль «Живой Церкви».

«Современная церковная реформа является своеобразным приспособлением духовенства к нэпу, – говорил 21 ноября 1922 года в лекции на тему «Сменовеховство в церкви», прочитанной в Харькове, некто Яков Окунев (Коммунист, 1922, 22 ноября, №268, с.2).

Вся Россия пляшет нэпа,
Пляшет нэпа Наркомфин,
Залихватски пляшет нэпа
С дьякониссой Антонин, –

пели в это время задорные частушки в популярном среди нэпмановской публики московском кабаре «Не рыдай» на Кузнецком мосту.

Если внести сюда маленькую поправку, заменив имя Антонина именем хотя бы Красницкого, то следует признать, что и антирелигиозные лекторы и шансонетки из «Не рыдай» были совершенно правы. Все претензии «Живой Церкви» на то, чтобы стать частью советского государственного аппарата, имели какой-то смысл тогда, если стать на позиции сменовеховских идеологов, утверждавших, что советская Россия должна будет в ближайшее время переродиться в крепкое, национальное, буржуазное государство. На это рассчитывали тогда многие, очень многие, как в России, так и за рубежом.

«Большевики могут говорить, что им нравится, – писал в берлинской газете «Смена вех» проф. Н.В.Устрялов, – а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству. История идет разными путями».

«Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо, – говорил В.И. Ленин 27 марта 1922 г. в своей речи на XI съезде партии. – История знает превращения всех сортов; полагаться на убежденность, преданность и превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем несерьезная. Превосходные душевные качества бывают у небольшого количества людей, решают же исторический исход гигантские массы, которые, если небольшое количество людей не подходит к ним, иногда с этим небольшим числом людей обращаются не слишком вежливо. Много тому бывало примеров, и потому надо сие откровенное заявление сменовеховцев приветствовать. Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит». (*Ленин В.И., Полн. соб. соч., т.33, с.257.*) «Устрялов в «Смене вех» полезнее сладенького комвранья», – замечает он в своем черновом наброске речи на X съезде (т.36, с.524).

Если допустить такую возможность – все станет на свои места: живоцерковные чиновники в рясах, восседающие в кабинетах и расхаживающие с портфелями по московским улицам, безусловно, могли войти в подобное государство в качестве одного из его компонентов. Окрыленные этими надеждами собирались живоцерковные батюшки во вторник 4 июля, к семи часам вечера, на организационное собрание группы «Живая Церковь». В.Д.Красницкий и Е.Х.Белков выступили с докладами; именно здесь священник Белков сделал свое известное сравнение структуры новой церкви со структурой Советского государства (о чем мы говорили выше). По предложению Красницкого собрание приняло написанный ими устав, в котором нашли наиболее ясное и четкое выражение все основные принципы. Этот документ столь характерен, что мы должны привести его полностью, хотя он и длинен.

«УСТАВ

группы православного белого духовенства «Живая Церковь»

1. Группа православного белого духовенства «Живая Церковь» имеет целью обеспечение православному приходскому духовенству свободы в исполнении пастырского долга и освобождения от зависимости от экономически господствующих классов общества.

2. Для достижения этой цели группа «Живая Церковь» путем организованного выступления на предстоящем Соборе имеет добиться следующих прав духовенства: а) право на занятие епископских кафедр; б) право участвовать в решении дел Высшего Церковного Управления и епархиальных управлений вместе с епископами; в) право распоряжения церковными суммами, объединенными в единую церковную епархиальную кассу; г) право организации в Союз белого приходского духовенства для дальнейшего осуществления своих прав.

3. Членами группы «Живая Церковь» могут быть православные епископы, пресвитеры, диаконы и псаломщики, признающие справедливость

Российской социальной революции и мирового объединения трудящихся для защиты прав трудящегося эксплуатируемого человека.

4. Группа «Живая Церковь» состоит из лиц, подписавших настоящий Устав и вновь вступающих по рекомендации двух членов.

5. В губернских и уездных городах должны быть организованы отделения группы на тех же основаниях, как и в Москве.

6. Как центральная группа, а равно и отделение, начинает свою деятельность при наличии трех членов православного духовенства, признающих вышеуказанные задачи, и прекращает ее, когда их количество станет меньше указанного числа.

7. Местные отделения группы немедленно по своем образовании входят в связь с Центральным комитетом.

8. Во всех случаях нарушения прав своих членов группа берет на себя их защиту.

9. Каждый член группы обязан безусловно подчиняться требованиям групповой братской дисциплины.

10. Средства группы состояются: из дохода от продажи журнала «Живая Церковь» и других повременных и не повременных печатных изданий, от общественных устраиваемых группой и ее отделениями публичных диспутов, дискуссий, лекций, духовных концертов и т.д., из церковных сборов, специальных пожертвований, из процентных отчислений в центральную кассу местных отделений.

11. Как центральная группа, а равно и ее отделения, руководятся в своих действиях общими правилами об обществах и собраниях.

12. Устав этот может быть изменяем и дополняем по желанию 2/3 членов, живущих в данном городе, с утверждения епархиального или центрального комитета.

13. Группа имеет свою печать с изображением голубя с сиянием и со своим наименованием.

14. Все собрания группы «Живая Церковь» начинаются пением стихиры «Днесь благодать Святого Духа нас собра...» и оканчиваются пением кондака Успения Богородицы: «В молитвах неусыпающую Богородицу...»

(Живая Церковь, №4-5, с.18-19.)

Собрание выбрало временный ЦК из десяти человек во главе с Красницким и Белковым.

«Организуйте немедленно местные группы «Живая Церковь», – обращался к своим адептам новый ЦК, – на основе признания справедливости социальной революции и международного объединения трудящихся. Лозунги: белый епископат, пресвитерское управление и единая церковная касса. Первый организационный Всероссийский съезд группы «Живая Церковь» переносится на 3 августа. Выбирать на съезд по три представителя от прогрессивного духовенства каждой епархии. Центральный комитет». (Там же, с.19.)

К тому времени, когда были опубликованы эти документы, был уже

полностью проведен в жизнь второй лозунг «Живой Церкви» – о пресвитерском управлении. Всюду и везде на местах, под руководством комиссаров Красницкого, были организованы епархиальные управления из священников, признавших «Живую Церковь». В некоторых епархиях это управление возглавлял архиерей; в тех епархиях, где архиерей оказывался несговорчивым, он обычно сразу же «исчезал» за тяжелыми воротами местной тюрьмы. Это, конечно, как объясняли живоцерковники, было всегда совершенно случайным совпадением. Затем ВЦУ увольняло его на покой. (Чего уж покойнее! – *Авт.*) Епархиальное управление явочным порядком брало власть в свои руки.

Столь же успешно проводился Красницким в жизнь лозунг о белом епископате. Правда, Красницкому до октября 1922 года не удалось (из-за упорного противодействия епископа Антонина) ввести женатый епископат; однако сразу же после раскола было рукоположено несколько епископов из числа вдовых протоиереев без принятия ими монашества. С октября начали рукополагать также и женатых. Первое рукоположение обновленческого епископа состоялось 4 июня 1922 года, в Духов день, в церкви Троицкого подворья. Епископы Леонид и Антонин рукоположили во епископа Бронницкого священника Ивана Ивановича Ченцова из церкви Воскресения Христова в Барашах. Накануне о. Иоанн был пострижен епископом Антонином в монашеский рясофор с именем Иоанникия. Новый епископ был, так сказать, «беспартийным специалистом»: никогда раньше ни к каким обновленческим группировкам он не примыкал и в дальнейшем никакой активной роли не играл.

11 июня появился первый «партийный» епископ. Это был петроградец протоиерей о. Иоанн Альбинский. Впоследствии он оказался наиболее преданным Красницкому человеком: он не покинул его даже тогда, когда Владимир Дмитриевич, отовсюду изгнанный, всеми покинутый и забытый, находясь в полной изоляции, заканчивал свой жизненный путь в качестве священника захолустного Серафимовского кладбища на ленинградской окраине, в Новой деревне. В небольшой деревянной церкви этого кладбища по праздничным дням служил старичок-архиепископ, придавая каноническую видимость группе «Живая Церковь», не находившейся в каноническом общении ни с патриаршим, ни с обновленческим Синодом. Только в 1934 году Иоанн Альбинский присоединился к обновленческому Синоду и вскоре умер, считаясь обновленческим архиереем на покое.

С Красницким его, видимо, связывала крепкая личная дружба. Начало ее восходит к тем временам, когда о. Иоанн был священником Матвеевской церкви на Петроградской стороне в непосредственной близости от Князь-Владимирского собора. Вместе с Красницким о. Иоанн Альбинский вступил в апреле 1922 года в Петроградскую обновленческую группу. В июне 1922 года Красницкий решил сделать его епископом; это было тем легче, что о. Иоанн Альбинский был вдовцом и, следовательно, его рукоположение не противоречило канонам, которые говорят лишь о неженатос-

ти, а не о монашестве епископа. Епископы Антонин, Леонид и Иоанникий рукоположили его во епископа Подольского. Фигура Иоанна Альбинского интересна тем, что он был образцовым в глазах Красницкого епископом. Благочестивый, кроткий старичок, о. Иоанн ни разу не проявил ни малейшего признака самостоятельности – и даже его речи в храме обычно начинались словами: «Достопочтенный о. протопресвитер Владимир Дмитриевич!», а затем следовал льстивый панегирик Красницкому. Владимир Дмитриевич отвечал обычно в снисходительно-почтительном тоне. «Я с удовольствием приветствую в вашем лице первого белого епископа», – подчеркивал он неоднократно.

За этими двумя хиротониями последовала целая серия новых хиротоний. За 11 месяцев от 3 июня 1922 года до открытия обновленческого поместного Собора в мае 1923 года было рукоположено 53 епископа.

Сами главы раскола в первое время архиерейства не принимали, компенсируя себя тем, что в два месяца получили все награды, какие только возможны. Вот примерный «дневник наград». 15 – 18 июня. 1. Награждены митрой: протоиерей гор. Петрограда Александр Введенский и города Саратова – Николай Русанов. 2. Управляющий делами ВЦУ свящ. гор. Петрограда Евгений Белков возведен в сан протоиерея с возложением палицы. 18 июля – 1 августа. Удовлетворено ходатайство Московского Епархиального Управления о возведении в сан архиепископа епископов Леонида и Антонина. 25 июля – награждены митрой Вл.Красницкий, Евг.Белков, Николай Поликарпов, Михаил Постников и др.

Параллельно произошел ряд изменений в составе ВЦУ. В №№3-4 журнала «Живая Церковь» напечатан циркуляр, в котором состав ВЦУ определяется так: председатель епископ Антонин, заместитель председателя протоиерей Красницкий и члены – управляющий Московской митрополией епископ Леонид, епископ Иоанн Альбинский, гор. Петрограда: прот. А.Введенский и свящ. Евг.Белков, гор. Орла: протоиерей Н.Поликарпов и гор. Москвы: протоиереи С. Калиновский и К.Мещерский (с.23). Если прочесть внимательно этот циркуляр, то легко убедиться, что состав ВЦУ за полтора месяца претерпел ряд изменений: во-первых, епископ Леонид из председателя превратился в рядового члена ВЦУ; во-вторых, А.И.Введенский из заместителя председателя стал также рядовым членом ВЦУ. Наконец, в состав ВЦУ были введены два новых члена: Иоанн Альбинский и Константин Мещерский. Проходит еще неделя, и вот новое изменение.

23 июля/6 августа: 1. Управляющий Московской епархией епископ Крутицкий Леонид назначен архиепископом Пензенским и Саратовским и с этого времени исчезает с исторической авансцены навсегда. 2. Архиепископ Антонин назначен на Московскую кафедру в звании архиепископа Крутицкого. 24 августа он принимает титул митрополита Московского и всея Руси.

Что можно сказать про людей, заседавших в ВЦУ? Так как больной А.И.Введенский в это время никакого участия в делах не принимал, то в

составе этого высшего органа православной церкви было только два человека, которые не были марионетками в руках Красницкого, — Антонин Грановский и Евгений Белков.

Впрочем, от последнего Красницкий вскоре отделался. Стоило ему выступить против всемогущего диктатора, как он был немедленно снят с поста управляющего делами и выведен из состава высшего управления; на его место был назначен никому дотоле не известный мирянин из Ярославля А.И.Новиков.

В августе 1922 года звезда Владимира Красницкого горела ослепительно ярко; готовясь к первому съезду «Живой Церкви», он держал уже в своих руках все нити управления; никому еще несколько месяцев назад не известный священник стал властителем Русской Церкви.

*

И все же торжество Красницкого было преждевременным. С самого начала на его пути возникло препятствие, справиться с которым оказалось не так легко. Этим препятствием оказался Антонин Грановский. Про Антонина Грановского говорили, что он самый высокий человек в Москве; сам он рассказывал про себя, что по своему росту он превосходит Петра Первого на два вершка. Несмотря на преклонный возраст, он обладал огромной энергией и по своей смелости, широте, простоте в быту, резкости, по силе воли, действительно несколько напоминал великого преобразователя.

С необыкновенной настойчивостью епископ Антонин проводил свою линию, резко враждебную как старой иерархии, так и «Живой Церкви». Но прежде чем говорить о его роли в 1922 году, постараемся взглянуть на него глазами его современников.

«Мы встретились с ним в 1905 году, — писал в то время в журнале «Россия» известный либеральный русский деятель Владимир Германович Тан (Богораз), — в те сумасшедшие январские дни, когда русская жизнь впервые перемешалась и дала революционную эмульсию. Было это за обедом у поэта Минского. И вот мы, два иудея, принялись уговаривать православного епископа, чтобы он немедленно ехал к митрополиту Антонию, — он был в то время у Антония викарием. Антония он должен был опять-таки уговаривать, чтоб тот тоже ехал к царю Николаю II и тоже уговаривал царя. К чему должна была привести вся эта лестница поездок и уговоров, я себе теперь не представляю ясно. О. Антонин вздыхал... «Да, Антоний ни за что не поедет, он выгонит меня». Но все-таки поехал к Антонию. И Антоний действительно выгнал, т.е. выгнать — не выгнал, — Антоний был человек довольно мягкий, но, конечно, к царю не поехал. После бойни стали собирать деньги для семейств забастовщиков, а попросту на забастовку. Я тоже собирал, съездил заодно в Лавру к о. Антонину. Он сам дал и от других собрал. И даже на листе прописал своим характерным почерком: «от епископа столько-то».

Выдвинулся Антонин. О нем заговорили. И я по привычке забрел к

нему в келью через 17 лет. С тех пор, как бываю в Москве, зайду, посижу и послушаю. Как бы то ни было, крупная фигура, даже с виду. Огромный и плечистый. Борода лопатой. И посмотришь на него сбоку, когда он выпрямится – целая гора. Но выпрямляться ему не особенно легко. Не то чтоб возраст – его одолела болезнь, довольно мучительная, требующая постоянного врачебного присмотра¹. По росту у него и душа, с пестринкой, положим, пегая, или, скажем, красно-бурая, и довольно-таки бурая, а все-таки большая. У Антонина душа... а рядом лишь мелкие душонки и даже не душонки, а так себе – пар. У нас в Петербурге, например, не церковь, а театр. Не прения о вере, а сплошные фельетоны. С женами и без жен (конечно, намек на Введенского). Их и описывать надо рукою женскою. У о. Антонина живописная фигура, но совсем не театральная, без позы и ломания. Даже статья его в первом номере журнала «Живая Церковь» совсем не похожа на соседок. Он говорит о возрождении духовном, а не только о церковном перестрое.

Приду в Антонинову келью, сяду на диванчик в сторонке и даже не разговариваю. Зачем разговаривать? Смотри и слушай. Словно на экране, проходит вся эта новая, странная, запутанная церковная жизнь. И самый экран, то бишь келья. Во втором этаже, а похоже на подвал. Потолок сводом, старинные узкие окна. Обстановка довольно суровая. Кровать, а над ней деревянная полка для книг, утлая такая, просто дощечка еловая. Гляди оборвется. Шкаф, два стола, заваленных бумагами. Тесно, повернуться негде. Сесть не на чем. Лишний человек придет, изволь постоять. Люди, разумеется, ползут неудержимо. Постарше, рясофорные, меняются братским поцелуем, помоложе, прихожане, целуют лишь в руку, а владыка целует их в голову. Ритуал разработан давно. А иная старушонка еще от порога осунется на пол и ползет на коленях. Владыка ворчит, нагибаясь. Ведь ему нелегко нагибаться. Приезжают рясофоры-крестоносцы из далеких губерний. Первый вопрос: кого поминать? Мы поминаем обоих – и Тихона и вас. Один этак ожесточенно молвил, словно в помутнении ума: «А мы никого не поминаем, ни Тихона, ни вас». И вдобавок обмолвился, и вышло у него: «Никого не понимаем!» Приходят просители и жалобщики. Человек в рубашке растерзанного вида. «Простите, владыко, мой вид! Но я иеродиакон такого-то монастыря». А дальше начинается запутанная повесть. Дележ, грабеж. Все навыворот. И как-то не монахи игумену, а игумен монахам угрожает дележом... Я, говорит, вас произведу, тунецдцев. Я вас экспроприрую. У меня, говорит, есть рука, я связь держу с... Голос понижается и переходит почти в шепот. Иноком пугает, отцом Мисилом. У него полномочия от ЧК... «Да ведь Миську-агента посадили на месяц за всякие художества!» – бросает Антонин с отвращением. «Идите, разберу». Это твердое «идите, разберу, устрой, поговорю» – слышится поминутно. Приходят церковные старосты с жалобой на экономический поход живоцерковников, захвативших церковные сборы. «Мы найдем на

¹ Через пять лет епископ Антонин умер от рака мочевого пузыря.

них управу!» – восклицает с увлечением о. Антонин. Даже его нестяжательное сердце подвластно экономике.

О. Антонин лежит на спине, на кровати, и доктор совершает над ним операцию, довольно неприятную. Немошна плоть наша. «Извините, друзья», – бросает он мимоходом. О. Антонин на кровати. На груди у него картонный пюпитр. В руке у него бумажные листки. Это его минуты досуга для умственной работы. Он переводит урывками церковную службу с славянского на русский. В промежутках он разговаривает с нами, бросает отрывистые фразы: «Враги мои стараются съесть меня, да подавятся, я толстый». И тут же начинает говорить о солидарности пастыря с верующим народом. Культ должен приблизиться к массам. Священник должен сделаться наставником и другом прихожан. Он упоминает о собственных попытках в этом роде. О том, как он служит по субботам в Заиконоспасском монастыре, по-новому, среди храма. А по четвергам и пятницам в Сретенском монастыре, по-старому. Он не договаривает, но я узнаю, что по субботам храм переполнен молящимися. Никак не протолкаться. Всем интересно посмотреть, как это служат по-новому. Узнаю и то, что бывает со всячинкой. На паперти, при выходе, старухи шипят и бранят Антонина. Пробовали даже бросаться всякой дрянью вроде гнилых огурцов. Но теперь это утихло, улеглось. Не знаю, надолго ли». (Россия, 1922, №3, с.17.)

Вот как рисует Антонина московский корреспондент пензенской газеты «Трудовая Правда» – одной из лучших тогда провинциальных газет. «Не только церковная, религиозная, но почти вся Москва бунтует вокруг имени Антонина. Его величают по-русски, без стеснения – прохвостом (своими ушами слышал), самозванцем, сумасшедшим, диким барином; одна благочестивая монашенка серьезно уверяет, что это вовсе не епископ, а лукавый антихрист (слышал из уст самого Антонина). Немногие пока приверженцы считают его как бы русским Лютером, главой русской реформации. Вообще, в связи с личностью Антонина развязались языки и разгорелись страсти. А ведь сыр-бор разгорелся от того, что после церковного переворота, который произошел как бы вдруг и свалился, как снег на голову, Антонин оказался в положении заместителя патриарха.

Теперь дайте мне руку, читатель, как говорил Тургенев, и пойдёмте со мною на Никольскую, в Заиконоспасский монастырь. В воскресенье, часам к одиннадцати утра. Отныне только здесь служит и проповедует еп. Антонин. Сюда к нему стекаются со всех концов Москвы. Здесь приютилась его община. Мы с вами застали литургию в самом начале. Не слишком поместительный храм на втором этаже, освященный при Елизавете Петровне, стиля рококо, битком набит разнородной толпой. Антонин в полном архиерейском облачении возвышается посреди храма в окружении прочего духовенства. Он возглашает; отвечает и поет весь народ; никаких певчих, никакого особого псаломщика или чтеца. С виду, по осанке, по обличию, по ухваткам Антонин – точно Иван Перстень в черном клобуке (разбойничий добродетельный атаман в «Князе Серебряном» у А.К.Тол-

стого). Судите сами: высоченный старик, лет шестидесяти, сутулый, лохматые брови, суровые глаза, худой, длинная борода, голос зычный, с хохлацким акцентом, ходит переваливаясь, как медведь, с боку на бок. Ну, думаешь, хорош батя! Не твоим ли прадедом был инок Пересвет или Ослябя, которые ходили драться с татарами врукопашную? У всех ревнителей служебного благочиния и церковного Устава волосы дыбом становятся, когда они побывают в Заиконоспасском монастыре у Антонина. Не слышать «паки и паки», «иже» и «рече». Все от начала до конца по-русски, вместо «живот» говорят «житие». Но и этого мало. Ектении совершенно не узнаешь. Антонин все прошения модернизировал. Алтарь открыт все время. Но и этого мало. Антонин взял литургию Иоанна Златоуста, кое в чем ее сократил и добавил в ней молитвы из тех древнейших литургий, которые бытовали в восточных пустынях. Но и это еще не все. Он вводит в общее пение стихи современных поэтов. И при мне, в конце службы, он затынул (и просил всех подтягивать) стихотворение Жадовской:

Мира Заступница, Матерь Воспетая,
Я пред Тобою с мольбой.
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью покрой!

Для первого раза это было совсем ошеломительно. В будущем он обещает уничтожить алтарь и водрузить престол посреди храма. По его мнению, самая лучшая реформа та, которая восстанавливает старину. Ну, разумеется, московская благочестивая публика в ужасе. И уже от себя рассказывает невесть что. Будто Антонин мо лится уже не Богу, а луне и солнцу.

Кончается богослужение. И начинается проповедь. Если богослужение у него длится два часа, то проповедь продолжается не меньше. Антонин говорит много и обо всем. Иногда остроумно. Всегда умно, иногда художественно. Иногда интимно. Слушают его, насторожив уши». (Трудовая Правда, Пенза, 1922, 15 июля, №160, с.1.)

Церковные реформы, по мысли Антонина, должны были не только морально оздоровить церковь, вернув ей утерянную чистоту первых веков христианства, но и стать источником всеобщего нравственного обновления.

«Коммунизация жизни» — таков лозунг, который выдвигался епископом Антонином. Какое содержание он вкладывал в этот лозунг? Прежде всего следует отметить, что термин «коммунизация» появился в его богословской системе задолго до Октября и совершенно независимо от коммунистической идеологии.

В основе Божественной жизни, как неоднократно подчеркивал епископ Антонин, лежит принцип множественного единства. «Бог — все — во всем. Бог — синтез всех противоположностей», — любил он повторять слова знаменитого средневекового мистика Николая Кузанского.

Коммунизация жизни — свободное соединение свободных, искупленных кровью Христа индивидуумов, зачатком чего является церковь, это, по мысли Антонина, главная цель христианства. Он приветствовал рево-

люцию, видя в ней один из путей коммунизации жизни. Он был попутчиком революции. Однако его принятие революции не имело и не могло иметь ничего общего с вульгарным приспособленчеством живоцерковников, о которых Антонин всегда говорил с величайшим отвращением, как о беспринципных и морально растленных людях, обличая их многократно с церковной кафедры. Он категорически отвергал методы политического (обычно ложного) доноса, практиковавшиеся живоцерковниками. Сам Антонин никогда такими методами не пользовался. Правда, будучи экспертом во время процесса московских церковников, епископ Антонин вынужден был сказать, что милость выше жертвы и что грешно беречь золотые чаши, когда люди умирают с голоду.

¶ Однако он говорил суровую правду и представителям власти, о чем свидетельствует хотя бы «Докладная записка», поданная им 1 февраля 1923 года во ВЦИК, текст которой мы приводим ниже, прося извинения за грубые выражения, к которым имел особое пристрастие покойный владыка. «Советская власть не только безрелигиозна, но и антирелигиозна, — писал епископ Антонин. — Социалистическое строительство, будучи идейным противником всякой религии — опиума для народа, — по этому самому не может, а значит юридически и административно не должно, пользоваться культом для своих целей. Этой тенденцией был продиктован основной акт, устанавливающий отношение церкви к государству в революционной России, именно декрет об отделении церкви от государства. Брать для себя из признанного зачумленным района не только логически противоречиво, но предосудительно. На этой точке зрения и стоял декрет об отделении церкви от государства, когда предоставлял храмы, ставшие собственностью государства, в бесплатное и бессрочное пользование группам верующим. Но в январе месяце нынешнего года наша государственность изменила свое отношение к церковникам: не отступая от принципа изоляции церкви и бесправия ее в государстве, социалистическое государство стало на путь эксплуатации культа. Клеймя культ, как эксплуатацию народного невежества, власть сама встала на путь корыстного использования церкви. Один из известных правительственных работников (Луначарский) недавно называл на публичном диспуте культ — духовным онанизмом. Новая политика по отношению к церковникам равносильна использованию спермы, извергаемой онанистом; таковы все новые мероприятия по отношению к культу — обложение церквей арендной платой за помещения, выборка промышленных патентов и т.д. И так как для всех этих мероприятий нет ни идеологических, ни юридических оснований, то они применяются приравнительно, а потому и произвольно. Культ приравнен к торгово-промышленному занятию... Ему нет ниоткуда помощи: идейно он отрицается, фактически он разрушается, юридически совершенно незащищен: служение культу — ремесло, перед которым закрывают двери все профсоюзы; организация культа не может получить легализацию... А потому у власти, борющейся за социальную правду, экономическая эксплуатация культа не может

быть допустима. Если это церковный нэп, то он требует и иной церковной юстиции, а вместе с тем и новой церковной идеологии, что и желаем осветить перед ВЦИК – ВЦУ, а до изменения этого просим экономическую эксплуатацию культа, как капиталистическую тенденцию, приостановить».

Докладная записка, подписанная председателем ВЦУ митрополитом Антонином, была подана во ВЦИК 1 февраля 1923 года. ВЦИК вынес следующее решение: «Временно, впредь до коллегиального рассмотрения дела по существу доклада, все налоги, имеющие специфическое отношение к культу, отменяются».

Политическую позицию епископа Антонина можно охарактеризовать как «прогрессивное православие»: все ценное, что революция несет людям, приветствуем, всякую связь с контрреволюцией отвергаем, но приспособленцами и подхалимами не были и не будем.

Искренность епископа Антонина привлекала к нему симпатии людей различных лагерей, в частности, он всегда пользовался уважением в среде интеллигенции. И среди коммунистов у него были друзья. Можно назвать, например, Петра Гермогеновича Смидовича (1874-1935), члена РСДРП с 1898 г., а с 1917 до 1935 г. члена Президиума ВЦИК и члена ЦКК. С давних пор его связывала с Антонином большая дружба, возникавшая, как говорили, еще в гимназические годы. И другие представители власти, например, М.И. Калинин, относились к Антонину с уважением, как к искреннему идейному человеку.

Церковное обновление епископ Антонин понимал прежде всего как духовное возрождение людей церкви, которые должны вернуться к апостольской чистоте нравов, поэтому-то он категорически отвергал реформы «Живой Церкви», которые вели к понижению нравственного уровня духовенства. В эти годы, когда монашество подвергалось всеобщим нападкам, Антонин был единственным церковным деятелем, который поднял голос в его защиту. Вместо уничтожения монашества он предлагал его реформу. «В монастыри, – говорил Антонин в беседе с корреспондентом одной из провинциальных газет, – должны поступать лишь немногие, решившие действительно отказаться от жизни, уйти от мира. В число монахов должны приниматься лишь твердо решившие взять на себя тяжелый обет, а не масса здоровых и жизнерадостных людей, коим жизнь монастыря дает материальные блага. Вся деятельность монашествующих должна быть общепользна и проникнута христианским милосердием помощи несчастным». (Калужская коммуна, 1922, 31 мая, №119, с.1.)

В противоположность пресвитерианским принципам «Живой Церкви», епископ Антонин делал установку на народ православный, который должен в духе древних канонов вершить церковные дела. Проявить горячий интерес к церковным делам, пробудить в народе религиозную ревность и привлечь его к управлению церковью – вот та линия, которую не на словах, а на деле проводил Антонин. Вокруг него никогда не было ни карьеристов, ни подхалимов – они не шли к Антонину, понимая, что здесь

делать им нечего. Антонин охотно рукополагал средних интеллигентов (врачей, учителей, рабочих-самоучек, крестьян-середнячков, начитанных в божественном). Антониновские священники всегда почти бедствовали, продолжали заниматься своим ремеслом, одновременно служа в церкви. Наибольшее количество нареканий вызывала богослужебная реформа Антонина. Будучи человеком на редкость экстравагантным, епископ Антонин вводил в богослужение такие элементы, которые были неприемлемы для церковного сознания. В принципе, однако, богослужебная реформа Антонина была совершенно правильна*. Церковь Христова, учил Антонин, есть живой, развивающийся организм – окостенелость, окаменелость ей чужды. Многообразие форм соответствует напряженной, бьющей ключом духовной жизни. Епископ Антонин не отвергал совершенно византийского богослужения с его пышностью и благолепием. Сам он с большой торжественностью совершал по большим праздникам литургию в храме Христа Спасителя – в сослужении многочисленного духовенства, при протодиаконе Пирогове, с соблюдением всего архиерейского чина. Наряду с этим в Заиконоспасском монастыре он практиковал свои новшества. К числу несомненных достоинств антониновской литургии принадлежало произнесение вслух евхаристического канона, что вызывало необыкновенное воодушевление молящихся, общенародное пение, чтение Апостола и Часов людьми из народа, которым это поручалось владыкой, – так что каждый верующий должен был, идя в храм, быть готов участвовать в богослужении.

«Ныне Пресвятой Дух прелагает дары и сходит к нам», – возглашал перед пресуществлением диакон, обращаясь к народу (этот момент был заимствован владыкой из чина Сирийской литургии).

«Аминь, аминь, аминь», – отвечал весь народ вслух после пресуществления, и затем тысячи людей повергались ниц вместе с предстоятелем – волна религиозного экстаза проходила в этот миг по храму, многие громко зывали к Богу, у многих на глазах были слезы.

Особенно любил Антонин ночные литургии. В Великом Посту литургия Преждеосвященных Даров совершалась им вечером, после вечерни. Все священнослужители целый день ничего не должны были есть; сам Антонин за этим очень строго следил и не допускал к вечерней литургии лиц, внушающих ему сомнение. Постились и сотни людей из народа; в 6 часов вечера совершалось повечерие, служба девятого часа и вечерня; затем в 9 часов вечера начиналась литургия Григория Двоеслова, во время которой бывало всегда много причастников; сам епископ громко читал благодарственные молитвы и произносил двухчасовую проповедь, а затем начинал благословлять молящихся; таким образом, в Великом Посту, по средам и пятницам, богослужение оканчивалось в первом часу ночи. Очень неудачным был русский перевод литургии, сделанный тяжелым, каким-то дубовым языком. Огромной ошибкой Антонина была так называемая евхаристическая реформа – преподание мирянам евхаристии прямо в руки. И хотя этот способ преподания евхаристии соответствовал древним обычаям,

но аргумент, который приводил в его пользу Антонин (гигиенические соображения), оскорблял религиозное чувство, для которого нет и тени сомнения в том, что Христос может своей силой исцелить любого болящего и тем более предохранить любого проходящего к Нему от заразы. Крупной ошибкой Антонина было и уничтожение (в 1924 году) алтаря — престол был выдвинут на солею. Эта реформа тоже не могла быть принята религиозным сознанием, которое привыкло окружать особым благоговением то место, в котором совершается величайшее из таинств. К счастью, сам Антонин практиковал эти формы лишь на протяжении краткого времени, а затем от них отказался, восстановив обычный порядок причащения.

Идеи Антонина были выражены в сжатой форме в написанной им программе группы «Церковное Возрождение».

*

6 августа 1922 года 190 живоцерковников собрались в 3-м Доме Советов — на Садовой-Каретной, в бывшем помещении Московской духовной семинарии. К этому времени «Живая Церковь» могла похвалиться рядом успехов: из 97 правящих епископов 37 признало платформу, 36 высказывались против нее, 24 не высказывались ни за, ни против. В зале 3-го Дома Советов были представлены 24 епархии Русской Церкви. Кроме того, «Живую Церковь» признали Константинопольский и Александрийский патриархи*. Это признание диктовалось, главным образом, политическими обстоятельствами — давлением Кемалья, угрожавшего низложением Вселенскому патриарху. Патриарх Мелетий почему-то считал, что «Живая Церковь» может повлиять через «уважаемое Советское правительство» на Кемалья. Советское правительство, впрочем, не стало вмешиваться в счеты Кемалья с Мелетием, но Красницкий отправился в турецкое посольство и произнес там речь, в которой восхвалял «традиционную веротерпимость турок».

За столом, покрытым красной скатертью, ровно в 12 часов дня появились архиепископы Антонин и Евдоким, епископы Иоанн, Иоанникий, Вассиан, Макарий, Виталий и другие архиереи, признавшие «Живую Церковь». Рядом с ними находились два грека: архимандрит Иаков (представитель Вселенского патриарха) и архимандрит Павел (представитель патриарха Александрийского). В. Д. Красницкий скромно занимал свое место среди делегатов, ожидая того момента, когда он будет избран председателем съезда.

Съезд открыл Антонин. К всеобщему изумлению, его речь оказалась довольно умеренной: он пожелал съезду успеха в работе, приветствовал делегатов и лишь в конце влил ложку дегтя. «Мне бы только хотелось думать, — сказал он, — что вас сюда привели не клерикальные, кастовые, корыстные побуждения, а идейные, христианско-социальные идеалы. Я хочу, чтобы люди объединялись не во имя материальных интересов, а во имя идей».

Затем Красницкий был избран председателем. Взойдя на трибуну бодрым шагом, он произнес обычную для него речь, а затем заявил: «Так

как съезд представляет исключительно белое духовенство, прошу всех присутствующих здесь монахов, во главе с владыкой Антонином, удалиться». Съезд ахнул от такой дерзости, а Красницкий, сделав паузу, картинно поднял руку и молча ждал, пока архиереи и монахи удалятся. Архиереи поднялись со своих мест; по лицу Антонина скользнула усмешка. «Счастливо оставаться – женатые мудрецы», – бросил он на весь зал так, что эхо откликнулось на хорах, и медленно вышел; за ним гуськом потянулись к выходу остальные архиереи-монахи. Красницкий объявил порядок дня.

Первый Всероссийский съезд группы «Живая Церковь» заседал 11 дней (с 6 по 17 августа 1922 года). За это время съезд заслушал 6 докладов и вынес большое количество резолюций. Настроение живоцерковных батюшек было исключительно боевым. «Не разойдемся, пока не добьемся своего!» – говорили они. Пламенные речи лились с трибуны. Посторонних наблюдателей поражало полное исчезновение всех известных деятелей раскола – всех заменил Красницкий и только Красницкий. Докладчики и руководящие деятели съезда были только креатурами Красницкого, и все они были под стать ему: благолепные батюшки с портфелями, ставшие вдруг «отличными революционерами». Характерно, что из шести докладчиков трое (прот. Д.А.Адамов, прот. Алексей Дяконов и сам В.Д.Красницкий) были в недавнем прошлом членами «Союза русского народа»*.

Первый доклад был сделан прот. В.И.Кедровым, еще недавно сидевшим на скамье подсудимых по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Тема доклада: «О современном монашестве». Протоиерей Кедров вылил весь яд, накопившийся в душе, против монахов-архиереев. Съезд принял резолюцию, предписывавшую немедленно закрыть все монастыри, так как они являются опасным орудием контрреволюционных организаций и «отравляют сознание верующих реакционной религией, обещающей счастье только за гробом». «Все монахи вправе, – провозгласил съезд, – снять с себя монашеские обеты и жениться. Те, кто пожелает остаться в монашестве, могут объединиться в трудовые братства, которые могут существовать под надзором белого священника-живоцерковника».

Затем последовал доклад протоиерея Адамова «Об ученом монашестве». «Засилие ученого монашества, – утверждал докладчик, – величайшее зло, язва, разлагающая церковный организм». По докладу была принята резолюция из шести пунктов: 1. «Живая Церковь» должна настаивать на снятии сана с патриарха Тихона. 2. Предписывается немедленно прекратить поминовение его имени за богослужением. 3. Предписывается увольнение архиереев-монахов, которые противодействуют обновленческому движению. 4. Всех остальных монахов-архиереев перевести в другие епархии. 5. ВЦУ выразить одобрение. 6. Архиереям, признавшим ВЦУ, выразить благодарность.

Затем дневное заседание было закрыто. Победа Красницкого была полная: ни одна из резолюций не встретила возражений. Теперь он мог не бояться монахов-архиереев. Перед вечерним заседанием была послана к

ним делегация с просьбой вернуться на съезд. Изгнанные утром владыки любезно приняли приглашение и тут же стали собираться на Садовую-Каретную. Впрочем, среди них не доставало одного – Антонина. Он не только не поехал в 3-й Дом Советов, но даже не принял делегацию; келейник вышел к делегатам в переднюю и сказал, что владыка занят и принимать больше не будет. (Как раз перед этим к нему вошли две нищенки в лохмотьях с паперти Заиконоспасского храма.)

На вечернем заседании съезд заслушал доклады Колоколова и Дьяконова на тему: «О церковноприходской контрреволюции». Съезд принял по этим докладам бессмертную по своему цинизму резолюцию. Согласно этой резолюции предусматривались: 1. Высылка из пределов епархии всех противников обновленческого движения (особенно архиереев). 2. Роспуск приходских советов, не принимающих пастырей, признавших ВЦУ, и формирование новых приходских советов, состоящих из мирян, сохраняющих каноническое послушание своему священнику (56-е правило). 3. Настоятелями храмов бывших мужских и женских монастырей предписывалось назначить священников из белого духовенства – членов группы «Живая Церковь».

Эта резолюция заслуживает того, чтобы войти в историю: трудно более ясно и определенно выразить внутреннюю сущность «Живой Церкви». Выше мы говорили о том, что этой сущностью является модернизированная победоносцевщина. В самом деле, стоит лишь бегло просмотреть резолюции дореволюционных миссионерских съездов, авторами которых обычно являлись известные черносотенцы протоиерей Восторгов, Скворцов и другие, требовавшие высылки сектантов и полицейских репрессий по отношению к инакомыслящим, чтоб стало ясно, из какого источника черпали свое вдохновение живоцерковники.

В следующие дни съезда были заслушаны доклады: воронежского протоиерея Петра Сергеева «О белом брачном епископате», доклады «О внутреннем управлении православной церкви», «О брачном праве» и «О создании единой церковной кассы». По этим докладам были приняты следующие резолюции: 1. Разрешить женатым пресвитерам проходить епископское служение. 2. Разрешить второбрачие священнослужителей. 3. Разрешить монашествующим, по сложении обетов, вступить в брак с оставлением в сущем сане. 4. Не считать брак на честной вдове препятствием к прохождению иерархических степеней. 5. Не считать препятствием для вступления в брак четвертую степень кровного родства и родство духовное.

В резолюциях по докладу о внутреннем управлении православной церкви было признано нужным не только расправиться с архиереями, но и обуздать непокорных мирян. Поэтому в резолюцию был внесен следующий параграф: «Полноправным мирянином следует считать того, кто находится в живом иерархическом общении со своим пастырем, сохраняет каноническое ему послушание и проводит в жизнь принципы группы «Живая Церковь». Наконец, 12 августа съезд заслушал доклад В.Д.Красницкого «О

единой церковной кассе» и принял соответствующую резолюцию. Так как этому вопросу в живоцерковных кругах уделялось особое внимание, необходимо хотя бы вкратце на нем остановиться. Все обновленческое движение в это время переживало жестокий финансовый кризис: народ не только покинул храмы, занятые обновленцами, но и перестал давать деньги, несмотря на все призывы и угрозы. Блюдо, которое носили по храму для сбора пожертвований, возвращалось в алтарь пустым. Тут-то изобретательный ум В. Д. Красницкого составил проект создания единой церковной кассы. Эта касса должна была составляться в каждой епархии из доходов с кладбищ и со свечных заводов; половина чистого дохода должна была поступать в ВЦУ. Таким образом, Красницкий проектировал создание мощного, как тогда говорили, церковно-нэповского треста. Правда, для осуществления этой идеи требовалась «безделица» – передача в руки ВЦУ кладбищ и монополии на свечное производство; Красницкий и рассчитывал этого добиться. Принятие съездом группы «Живая Церковь» его проекта должно было сыграть роль первого шага в этом направлении. Последние дни съезд посвятил менее важным вопросам. 13 августа съезд выслушал просьбу бывшего пензенского архиепископа Владимира Путяты о восстановлении его в сани и о принятии в группу «Живая Церковь». Низложенный епископ утверждал, что он является первым вождем церковной революции в стране, и надо признать, что он имел для этого некоторые основания: ведь в 1919 году, после того, как он был лишен сана за разврат, он откололся от церкви и объявил себя вождем церковной реформы. Фигура Владимира Путяты была, однако, слишком скандальна, чтобы «Живая Церковь» пожелала признать свое с ним родство. Съезд постановил отклонить заявление Владимира Путяты, так как он был лишен сана по мотивам, не имеющим ничего общего с «Живой Церковью». 15 августа съезд выразил пожелание, чтобы будущий Собор снял отлучение с Л. Н. Толстого, а затем выбрал ЦК из 25 человек. Все члены ЦК являлись совершенно новыми, никому дотоле, кроме Красницкого, неизвестными людьми. В ВЦУ подавляющее большинство имели также живоцерковники.

16 августа, по специальному разрешению властей, состоялся молебен в Успенском соборе в Кремле, после которого В. Д. Красницкому было преподнесено особое звание – первого протопресвитера «Живой Церкви». 17 августа съезд закончил свою работу, а делегация съезда во главе с В. Д. Красницким была принята председателем ВЦИК М. И. Калининым.

Съезд «Живой Церкви» сыграл роль поворотного пункта: всеобщая молва назвала его скандальным. Он и действительно был величайшим скандалом в истории обновленческого раскола. Все пороки раскола были выявлены в таком карикатурном виде, что ужаснулись даже самые рьяные его сторонники. Раскол в расколе стал неизбежностью. О расколе в расколе и пойдет речь в следующей главе.

Раскол в расколе

Вторая половина 1922 года – интереснейшее время в истории Русской Церкви. В эти несколько месяцев появляются течения, которые и сейчас, почти через полвека, определяют жизнь Русской Православной Церкви. Всякий, кто интересуется историей Русской Церкви и ее современным положением, должен с пристальным вниманием изучить события 1922 года. Это была тяжелая полоса в истории Русской Церкви.

События сменяются с кинематографической быстротой – новые фигуры появляются чуть ли не ежедневно, иногда для того, чтобы тут же отойти в историческое небытие. Большой интерес представляют документы этого времени; никогда общественная физиономия того или другого деятеля не раскрывалась так полно и определенно, как в эти дни.

Вот, например, мы раскрываем журнал «Живая Церковь» №4-5. На первой странице следующее воззвание:

«Мы, Сергей, Митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким, архиепископ Нижегородский и Арзамасский и Серафим, Архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Высшего Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Высшего Церковного Управления, считаем его единственной, канонической, законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов Церкви, как вверенных нам, так и других епархий.

Митрополит Сергей, архиепископ Серафим, архиепископ Евдоким. 16–20 июня, 1922 года».

Ни один историк не может пройти мимо этого документа. Остановимся на нем и мы.

Итак, первая подпись под этим воззванием принадлежит Сергию, Митрополиту Владимирскому и Шуйскому (впоследствии Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси), общепризнанному родоначальнику переживаемого нами сейчас периода Русской Церкви – это одно уже заставляет нас отнестись к его личности с пристальным вниманием. Объективная характеристика покойного патриарха Сергия тем более необходима, что мы ее не найдем нигде, ни в нашей, ни в зарубежной литературе. Все, что

писалось до сих пор о патриархе Сергии, это либо льстивые панегирики (как, например, изданная Московской Патриархией в 1947 году книга «Патриарх Сергий и его духовное наследство») или злопахотельские памфлеты тех, кто никак не может простить покойному его признания советской власти и его позицию, которую он занял во время Отечественной войны. Историки обычно излагают биографии больших исторических деятелей, уделяя главное внимание основным событиям их жизни, не обращая особого внимания на детали. Между тем иной раз детали больше характеризуют человека, чем его официальная биография. С такой малозначительной детали мы начнем и характеристику патриарха Сергия.

Во время войны митрополит Сергий (тогда еще Патриарший Местоблюститель) принимал иностранного корреспондента. Интервьюер спросил высокого собеседника: «Какова ваша программа?» – «Моя программа, – ответил Сергий, – программа Духа Святого. Я действую по нужде каждого дня» (Патриарх Сергий и его духовное наследство. М., 1947, с. 253).

В.Н.Лосский, который сообщает об этом факте, умиляется; умиляется редакция; должен умилиться, конечно, и читатель. Ну что ж, мы готовы бы и умилиться, но все же нас гложет червь сомнения. С детства мы привыкли ежедневно повторять следующие слова: «Верую в Духа Святого... глаголавшего пророки». Но кто были пророки? Это были люди огненного темперамента, неколебимой духовной силы, необыкновенного мужества. Они всегда и везде шли против течения, глядели по-орлиному далеко вперед и очень мало думали о том, чтоб «приспособливаться к понятиям своего времени» и «действовать по нужде каждого дня». Таковы были они все – от Мойсея до Ильи и от Ильи до Иоанна Крестителя. И Церковь, преклоняясь пред ними, верует, что они вдохновлялись Духом Святым – Духом Истины, которого мир не может принять, потому что «не видит Его и не знает Его» (Св.Иоанн, 14-17).

Попробуйте поставить рядом с этими могучими фигурами патриарха Сергия и его преемников, которые действуют «по нужде каждого дня». Нет, уж лучше поменьше им говорить о Духе Святом... не похожи они на пророков!

И все же, несмотря на все сказанное, мы преклоняемся перед патриархом Сергием и с глубоким уважением относимся к его памяти. Он был человеком великого благочестия и человеком, глубоко преданным Церкви. Всю свою жизнь он думал о ее благе. И оппортунизм патриарха Сергия, который проходит красной нитью через всю его жизнь, объясняется не личными причинами, а соображениями церковного блага. Если искать аналогий в истории Церкви, его можно сравнить с Феодоритом Кирским, который, живя в годину жестокой церковной распри, умел находить равнодействие между враждующими партиями.

Мы не будем подробно излагать биографию патриарха Сергия, так как она подробно (с фактической стороны) изложена в уже упомянутой нами книге «Патриарх Сергий и его духовное наследство», за что следует

выразить благодарность неутомимому и трудолюбивому работнику на ниве Христовой Анатолию Васильевичу Ведерникову. Остановимся лишь на основных фактах биографии патриарха, которые помогут нам уяснить его позицию в 1922 году.

В 1895 году появляется магистерская диссертация иеромонаха Сергия «Православное учение о спасении». Это произведение можно назвать классическим произведением русского богословия. Критика схоластического филаретовского богословия пронизывает всю книгу. Трудно себе представить книгу, столь резко расходящуюся с официальной богословской доктриной, как диссертация иеромонаха Сергия. В 90-е годы, при Победоносцеве, таких вещей не любили. Какова же была судьба автора этой книги? Ответ будет неожиданный – автор сделал блестящую карьеру: через 6 лет (34 лет от роду) он становится ректором Петербургской духовной академии и епископом Ябургским, викарием Петербургской епархии. Чем это объяснить? Объясняется это тем, что автор «Православного учения о спасении» облек свою идею в столь академическую форму, что внутренний смысл его книги был понятен только посвященным.

Другой пример. В период революции 1905 года и в предреволюционные годы позиция епископа Сергия по существу очень мало чем отличалась от позиции епископа Антонина. Человек гуманный и либеральный, он сочувствовал освободительному движению, оплакивал жертвы 9 января, искал связей с интеллигенцией, участвовал в религиозно-философском обществе.

Результат: епископ Антонин попадает после 1905 года на покой, в монастырь, где его единственным занятием является дрессировка медведя, а у епископа Сергия – новый взлет. В октябре 1905 года он назначен архиепископом Финляндским и Выборгским. 6 мая 1911 года он получает назначение постоянным членом Синода, в марте 1912 года он – председатель Предсоборного совещания при Синоде, через несколько лет он награжден бриллиантовым крестом на клобуке.

Почему такая разница в судьбах двух бывших петербургских викариев? Причины следует искать в различии их тактики: человек мягкий, деликатный, умеющий ладить с начальством (но без подхалимства и унижения своего достоинства), епископ Сергей преуспевает там, где его экстравагантный собрат исчезает в пучине житейских бурь. Примерно такую же позицию занимает он и в 1917 году (в львовские времена), и в 1922 году (во время изъятия ценностей). Тихо, осторожно, без крайностей, без нажимов, сохраняя достоинство, но не обостряя ни с кем отношений – такова линия митрополита (впоследствии патриарха) Сергия. Придя в обновленческое движение, митрополит Сергей занял ту же позицию. Признав ВЦУ, он спокойно и тихо сидел у себя во Владимире, пока не наступил «раскол в расколе», а в сентябре выступил в союзе с Антонином Грановским против «Живой Церкви».

Не меньшего внимания заслуживает и второй иерарх, поставивший

свою подпись под воззванием: архиепископ Нижегородский Евдоким, которому предстояло сыграть в расколе очень важную роль. Архиепископ (впоследствии обновленческий митрополит) Евдоким был незаурядной фигурой среди дореволюционной иерархии; человек импульсивный, честолюбивый, талантливый, он сделал блестящую карьеру.

Василий Иванович Мещерский родился в 1869 году. После окончания Московской духовной академии он быстро становится магистром богословия и решает посвятить свою жизнь научной деятельности. Однако кропотливая научная работа оказывается слишком мелким плаванием для Василия Ивановича. Вскоре он принимает монашество с наречением ему имени Евдоким. Искренний религиозный порыв, видимо, сочетается у него с честолюбивыми желаниями. После принятия монашества звезда Евдокима ярко разгорается: в 1903 году, 34 лет от роду, он становится уже ректором Московской духовной академии, а через год – в январе 1904 года – он становится архиереем. Его речь на наречение очень характерна для нового епископа.

«Господи, я хотел бороться с Тобой и боролся, как Иаков, – говорил Евдоким. – Я хотел бежать от Твоего лица, как бежали многие. Ты видел и знаешь это. Мне хотелось еще многие годы не возлагать на себя бремени святительства. Но не смел я противиться Тебе. Да будет же воля Твоя! Я давно бесповоротно отдал всего себя Тебе и дал обет быть верным Тебе даже «до крови». Пусть «живу к тому не аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2,20). Исповедую перед всей вселенной, что я горячо любил Тебя всегда и от дней моей юности и посильно исповедывал всюду Имя Твое Святое. И пастырство, которое я сейчас приемлю, есть самое наглядное и убедительное доказательство моей любви к Тебе. Верю, что в этот единственный день и час в моей жизни вашими освященными руками Сам Христос подает мне жребий пастырского служения. Верю, что Ты со мною, Господи. Не археологическими доказательствами, не филологическими изысканиями, не философскими доводами только убедился я в Твоей всеблагости и всемогущей Деснице. Нет, я зрел Тебя не раз в течение своей жизни. Я даже осязал Тебя. Ты не раз стучался в двери моего сердца. Я знаю, что Ты ближе к человеку, чем окружающий его воздух, ближе его одежды, ближе даже его собственного тела.

Бросая беглый взгляд на прожитую жизнь, теперь только особенно ясно вижу я, как Ты не раз касался таинственных струн моего сердца, как Ты влек меня с раннего детства на путь служения Тебе. Много раз я уклонялся – от Тебя, но Ты неожиданно возвращал меня на путь, с которого, думал я, ушел раз навсегда. Среди каких бедствий провел Ты меня целым, из какой бездны провел Ты меня невредимым! Много раз над моей головой собирались черные тучи, что не было просвета ниоткуда. Иногда казалось, что уже все погибло. И вот в тот самый момент, когда мне казалось, что более не от кого ждать помощи, Ты приходил ко мне и выводил меня снова на свой необъятный Божий простор, наполняя сердце мое радостью, давал

мне силы и бодрость нести свою тяжелую ношу в крутую гору жизни. Но довольно об этом. Не буду приподнимать завесу своей внутренней жизни. Об этом узнают люди впоследствии...»

.. Конец речи делает честь прозорливости Евдокима:

«С Тобою, Господи, не страшны мне и грядущие судьбы Церкви, что бы ее ни ожидало на пути ее исторического существования, а ее многое ожидает...»

Хиротония архимандрита Евдокима во епископа Волоколамского состоялась 4 января 1904 года в большом Успенском соборе в Кремле. Рукоположение совершали митрополит Московский и Коломенский Владимир, архиепископ Ярославский Сергей, состоящие на покое епископы Григорий, Иоанн и Антоний, а также епископы Иркутский Никанор, Можайский Парфений, Дмитровский Трифон, Ямбургский Сергей (Страгородский, будущий Святейший патриарх), Балахнинский Исидор и Алексинский Иннокентий.

Еще несколько лет – и епископ Евдоким едет в Америку в качестве викария архиепископа Тихона. Он прожил в Америке 10 лет, чувствовал себя там как дома и навсегда полюбил эту страну. Под влиянием американских впечатлений у епископа Евдокима пробуждается критическое отношение к русской действительности. Русская отсталость больно ранит его сердце – и он возвращается из Америки не таким, каким ехал туда. Надо же было, чтоб возвращение его на родину пришлось на 1917 год, когда наступила эпоха переоценки всех ценностей.

В 1918 году Евдоким получает назначение в Нижний Новгород, с возведением в сан архиепископа. Здесь он сумел, со свойственной ему «американской деловитостью», наладить приличные отношения с новой властью и оградить интересы подчиненного ему духовенства. О его позиции во время раскола он сам говорит в ряде документов, опубликованных в 1922 году, ярко и красочно, причем и здесь, как в его речи на наречение, искренние ноты, на наш взгляд, чередуются с некоторой декламацией, за которой чувствуется самовлюбленная натура.

Вот перед нами его Послание, обошедшее в то время всю провинциальную прессу, в котором архиепископ определяет свою политическую и церковную позицию. (Живая Церковь №3, с. 18-19.)

«...Всеми православным христианам, пастырям и архиереям
(открытое письмо).

Меня просят открыто высказаться по вопросу о моем отношении к советской власти и по вопросу о состоянии дел Церковного Управления в настоящее время. Отвечаю. Мое абсолютно честное, лояльное отношение к советской власти мною было письменно изложено еще 24 ноября в докладе, поданном в Нижегородский губернский исполком и напечатанном потом в газете.

Мое отношение к советской власти и ныне, в 1922 г., не изменилось

ни в какой мере и степени. Все управление епархией мною строго построено на этом принципе. Никаких сколько-нибудь существенных столкновений с гражданской властью не только у меня, но и у всей Нижегородской епархии за все протекшие четыре года не было, и ничего, кроме чувств благодарности, не могу высказать местной гражданской власти за ее вполне корректное отношение к церкви нижегородской.

Не подлежит никакому сомнению, что наше Высшее Церковное Управление за короткое время своего, обновленного Собором, существования наделало много крупнейших ошибок, просмотров и недомолвок. Ошибки все эти ярко отмечены прессой и отчасти прогрессивной группой духовенства, бывшего у патриарха Тихона с известным докладом. Об ошибках Высшего Церковного Управления я писал в Синод и самому патриарху. В одном из докладов я вынужден был высказаться так: «Вы работаете на разрушение Церкви Божией».

Привести в нормальное состояние крайне расстроены дела церковного управления в настоящее время возможно только поместным Собором. Мы переживаем глубокий мир в Нижегородской епархии. Многие говорят, что в прежнее, дореволюционное время так хорошо не жилось в епархии, как живется в настоящее время. Думаю, что этот мир возможен и для всей Русской Церкви. И как я желал бы, чтобы этот мир скорее водворился для блага и спокойствия всех. Всех верующих, от мирянина до пастыря и архипастыря, я очень прошу в настоящее время сосредоточить все свое внимание на крайне остром моменте, переживаемом Церковью, и всемерно помочь ей выйти на пути мирного, чисто христианского, абсолютно честного строительства жизни.

Помните: каждый из вас будет отвечать за тот или другой исход совершенных церковных дел.

Прошу верить, что, пиша эти строки, я ничего ни у кого не ищу и не домогаюсь, кроме одного мира и блага церковного и общественного, и от всяких почестей решительно отказываюсь.

Архиепископ Евдоким, 19 мая 1922 года».

В соответствии с такой позицией преосвященного Евдокима 19 июля 1922 года собрание духовенства в Нижнем Новгороде, в Дивеевском подворье, приняло резолюцию о признании ВЦУ. Резолюция была подписана архиепископом Евдокимом и Серафимом Костромским, а также викариями Евдокима епископами Михаилом, Варнавой и Макарием. Среди других архиереев, принявших обновленческое движение, следует назвать архиепископов Серафима Костромского, Тихона Воронежского, Иоанна Кубанского, Вениамина Рязанского и других. Все они, разумеется, не могли сочувствовать «Живой Церкви», восставшей против ученых монахов и открыто провозгласившей, что она намерена раз и навсегда покончить с архиерейской властью; все ждали лишь знака, чтоб выступить против живоцерковников.

Наряду со старым архиерейством в оппозиции к «Живой Церкви»

оказался Петроград. А.И.Введенский, А.И.Боярский и Е.Х.Белков – старые признанные вожди обновленчества – обосновались вновь в Петрограде и ждали лишь знака, чтоб восстать против Красницкого.

Обстановка, сложившаяся в это время в Петрограде, заслуживает особого внимания – и мы намерены посвятить ей особую главу. Теперь лишь укажем, что при всех разногласиях, разъедавших тогда петроградскую церковь, можно отметить один пункт, в котором все были согласны: всех объединяла неприязнь к Красницкому, который для всех стал в это время воплощением всего темного, предательского, пошлого, что было в тогдашней церкви.

Единственной надеждой Красницкого могла быть поддержка государственной власти, однако и здесь, как выяснилось, Красницкий сильно обманулся в расчетах. «Мостик не переброшен, каждый идет своей дорогой», – вынужден был признать Красницкий в своем заявлении на съезде после приема у М.И.Калинина.

Таким образом, Православная Церковь после пресловутого живогерковного съезда представляла собой пороховой погреб; достаточно было поднести спичку, чтоб произошел взрыв.

*

Эту спичку чиркнул епископ Антонин.

В августе он получил пышный титул – митрополита Московского и всея Руси. Сам Антонин, однако, относился к этому титулу весьма скептически, а через год и официально снял с себя титул митрополита, поэтому мы будем называть его по-старому – епископом.

20 августа 1922 года епископ Антонин, сразу после окончания съезда, провозгласил с амвона программу «Союза Церковного Возрождения»; одновременно он разразился резкими выпадами против «Живой Церкви» и лично против Красницкого, которого назвал жандармом в рясе.

24 августа он провозгласил свою программу в соборе Заиконоспасского монастыря в присутствии 78 духовных лиц и 400 мирян. Собрание одобрило программу Антонина и избрало свой центральный комитет в составе 5 человек: епископа Антонина, протоиереев Вл.Страхова и Георгия Чижикова и мирян Александра Викторовича Силоваева и Ивана Васильевича Паутина.

Цифра 5 была избрана не случайно: только что перед этим ЦК «Живой Церкви» избрал президиум из 5 человек, который являлся своеобразной пародией на Политбюро. В «политбюро» живогерковников входили: В.Д.Красницкий (председатель), заместитель прот. Ал.Каменский, ответственный секретарь священник Д.М.Соловьев и члены, прот. о.Братановский и протодиакон Покровский. Кандидатами в президиум являлись: прот. о.Алексий Дьяконов (Ярославль), о. Петр Сергеев (Воронеж), о.Красотин (Ярославль), о. Поликарпов (Орел), епископ Богородский Николай Федотов и А.И.Соколов (Москва) и А.И.Новиков (управляющий делами ВЦУ).

Таким образом, две организации – «Живая Церковь» и «Возрождение» – противостояли в Москве друг другу. «Союз» Антонина рос, как снежный ком. Никогда за всю свою долгую жизнь Антонин не был так популярен: его встречали в храмах с неописуемым восторгом; люди, которые вчера еще величали его «прохвостом», теперь целовали ему руку. Выступления Антонина производили потрясающее впечатление: трудно представить себе что-нибудь более язвительное, едкое, остроумное, чем речи Антонина этого периода. Подлая выходка Красницкого, изгнавшего Антонина со съезда, надо прямо сказать, дорого обошлась живоцерковникам. «Держиморды», «подхалимы», «холуи», «Иуды», «шкурники», «мерзавцы» – вот эпитеты, которые сыпались на их головы. Этим, однако, дело не ограничилось. Если учесть, что это говорилось открыто, с кафедры, в такое время, когда всякий выпад против «Живой Церкви» характеризовался как «церковная контрреволюция», со всеми вытекающими отсюда последствиями, и когда большая часть духовенства, терроризованная живоцерковниками, и пикнуть не смела, – то можно судить об эффекте, который производил Антонин.

Если откинуть полемический задор и элементы раздражения, которые имелись у Антонина, то его возражения против «Живой Церкви» сводились к протестам против ее кастовости, к тому, что они пользуются недостойными методами (какими именно, он не расшифровывал, но все и так понимали, в чем дело). Он выступал также в защиту монашества и бичевал живоцерковников за их беспринципность, ярким проявлением которой было требование о снятии отлучения от Церкви с графа Л.Н.Толстого.

В это же время епископ Антонин обратился с конфиденциальным письмом к архиереям старого поставления, призывая их протестовать против «Живой Церкви». Это обращение дало положительный результат: архиепископ Рязанский Вениамин ответил Антонину письмом, в котором выражал одобрение его идеям, а митрополит Сергей опубликовал следующую декларацию, инспирированную и одобренную Антонином.

«Я решительно протестую, – писал митрополит Сергей, – против тех постановлений Живой Церкви, которые приняты в отмену основных требований церковной дисциплины и тем более вероучения. Некоторые из этих постановлений являются для меня недопустимыми безусловно, некоторые нарушают компетенцию нашего Поместного Собора, а некоторые неприемлемы до этого Собора. К первому разряду я отношу снятие отлучения с графа Толстого (другими словами, с толстовцев), отрицавшего Божество Иисуса Христа, Его рождение от Девы, Воскресение плоти и др., что все содержится в Символе Веры. Ко второму отношу разрешение священнослужителям вступать в брак и оставаться в сущем сане, не исключая и архиереев (44 правило 6 Вселенского Собора и 25 Апостол), разрешение священнослужителям вступать в брак после хиротонии (Апост.прав. 26 и 6 Вселенского Собора – 14) – допущение к священнослужению второбрачных (Апост. Пр.17, Вас.Вел., Пр.12) или женатых на вдовах (18 Апост. Пр.).

Так как нарушение указанных Правил влечет за собой безусловное запрещение и даже извержение из сана, то и сознательно участвующий в священнослужении с запрещенным или изверженным или разрешающий такое священнослужение подпадает тому же. Т.о. 1) нарушителям я не могу и не буду давать разрешения священнодействовать в моей епархии, 2) женатые епископы, впредь до разрешения дела на Соборе, не будут мною признаваемы в их сане, а равно и рукоположенные ими, 3) сам я вынужден буду прекратить общение как с нарушителями этих Правил, так и с теми, кто будет разрешать такие нарушения». (Правда, 1922, 23 сентября, №214).

Что касается Евдокима, то он опубликовал письмо Антонина для всеобщего сведения (таким образом, о нем узнали живоцерковники), а затем заявил о создании собственной группировки со следующей программой:

1. Полное отделение Церкви от государства по примеру первых трех веков христианства и полное невмешательство Церкви в дела государства.
2. Полное равенство всех членов Церкви от епископа до последнего верующего мирянина.
3. Реформа церковно-общественной жизни на основе источников лучшей, золотой поры христианства (Св.Писание, предания и др.).
4. Содержание духовенства путем личного труда, совершенно обязательного для всех, и на добровольные пожертвования.
5. Монастыри на службе ближним.
6. Богословское образование для подготовки просвещенных пастырей и мирян в полном соответствии с декретами правительства.
7. Организация церковного управления по взаимному соглашению всех верующих. (См.: Наука и религия, 1922, №12.)

В это же самое время о своей солидарности с Антонином объявила петроградская организация «Живой Церкви» (во главе с Введенским, Боярским и Белковым).

Красницкому было о чем подумать: положение становилось угрожающим, тем более, что выдвинутый им только что на пост управляющего делами ВЦУ А.И.Новиков неожиданно стал поддерживать Антонина и объявил о создании им «левого крыла» «Живой Церкви».

Красницкий, однако, не собирался сдаваться: свой последний козырь он еще не пустил в ход. Он энергично боролся против Антонина и, пользуясь властью заместителя председателя ВЦУ, продолжал рассылать по стране грозные циркуляры. В Москве его главной опорой был выдвинутый им в епископы Николай Федотов.

Николай Владимирович Федотов действительно выделялся в среде живоцерковников по своей эрудиции и кругозору. Ему было тогда 56 лет (он родился в 1866 г.). После окончания Духовной семинарии и Варшавского университета он принял сан священника и был командирован в Италию – в Палермо, где провел большую часть своей жизни. После революции он служил настоятелем собора в Ейске; 24 июля он был рукоположен во епископа Ейского (он был вдовцом), однако через две недели был переведен епископом Богородским (собственно, после хиротонии он из Моск-

вы не уезжал). В это время он служил в храме Христа Спасителя и выступал здесь в защиту «Живой Церкви».

Порой разыгрывались и здесь трагикомические сцены. Так, однажды епископ, защищая принцип женатого епископата, с кафедры говорил о святости брака и заявил, что он гордится тем, что у него есть дочь. Вдруг из толпы раздался возглас: «Родить детей кому ума недоставало!» Растерявшийся епископ ничего не ответил и, прервав проповедь, ушел в алтарь.

Между тем «война холодная» стала переходить в «войну горячую»: после словесной дуэли начались инциденты, которые (благодаря несдержанному, раздражительному характеру Антонина) носили исключительно острый характер. Так, Николай Федотов, злоупотребив своим правом викария, назначил в один из храмов священника без санкции Антонина. Антонин, узнав об этом, пришел в этот храм перед Всенощной, ворвался в алтарь, сорвал с оробевшего священника облачение и буквально вышвырнул его из церкви. «Это буйно помещанный», – говорил, качая головой, узнав об этом, Красницкий. Больше, однако, никого без санкции Антонина никуда не назначали. Инциденты, однако, продолжались. Они были неизбежны при той страстности, с какой велась борьба.

Грандиозный скандал разыгрался в воскресенье 10 сентября в Страстном монастыре. На этот день была назначена хиротония прот. Константина Федоровича Запрудского во епископа Витебского. Хиротонию должен был совершать Антонин. Сослужить ему должны были епископ Николай Федотов, а также представители ЦК «Живой Церкви»: В.Красницкий, А.Ниженский и П.Сергеев. Это была первая богослужбная встреча противников – и вряд ли можно было ожидать от нее что-нибудь доброе. Действительность, однако, превзошла все ожидания.

Уже с самого начала богослужения митрополит вел себя так, как будто он не замечает Красницкого: когда после возгласа Красницкий ему кланяется, Антонин не отвечает благословением. Когда во время малого входа Красницкий хотел (по обычаю) поддержать Антонина, тот резко от него отстранился. Самое страшное случилось, однако, перед Символом Веры; как известно, при словах «Возлюбим друг друга» все священнослужители подходят к архиерею для взаимного лобзания «и глаголет архиерей: Христос посреде нас. И отвечает целовавый: И есть, и будет» (Служебник). «Нет Христа между нами», – проговорил на всю церковь Антонин, когда к нему подошел Красницкий; то же самое сказал он П.Сергееву – одному из самых активных живоцерковников. «Нет и не надо», – единственное, что мог ответить оторопевший Красницкий (такого реприманда даже он, человек, которого трудно было чем-либо смутить, не ожидал).

Это, однако, еще не было концом. 10 сентября, при вручении жезла новому епископу, Антонин произнес, по обычаю, речь. Это был настоящий обвинительный акт против белого епископата и против «Живой Церкви»: все тут им припомнилось – и карьеризм, и доносы, и недостойное поведение в быту. Впечатление было настолько сильное, что Николай Федотов

тут же решил выступить с опровержением. В народе поднялся невообразимый шум. Такого еще не видели стены древнего храма.

.....
 Все рассказываемое нами до такой степени ни с чем не сообразно, что мы считаем нужным подтвердить это подлинным документом. Вот перед нами два заявления, поданные в ВЦУ «пострадавшими» (живоцерковными владыками и батюшками).

«Мы, епископы из белого духовенства, выражаем свой протест против образа действий митрополита Антонина в отношении к нам 6 сентября в Сретенском монастыре. За Всенощным бдением митрополит Антонин выразился так: «...попы закрывают монастыри, сами садятся на жирные места; пусть знают попы, что пропадут монахи пропадут – и они».

В Страстном монастыре 10 сентября митрополит, при вручении жезла новохиротонисанному епископу из белых Константину Запрудскому, выразился так: «Попы лезут в архиереи, чтобы пить и курить». В результате, во время моей речи к народу, поднялся невероятный шум и крик, а при выходе из церкви одна женщина крикнула мне: «Какой ты архиерей?»

А когда я спросил: «А чем я плохой?» Она ответила: «Ты пьяница, слышишь, что о тебе говорят?»

Под влиянием речи митрополита епископ Константин упал в обморок.

Докладывая об этом, прошу ВЦУ предать митрополита Антонина епископскому суду за опозорение нашей чести, за клевету и возбуждение народных масс против нас. В ином случае мы будем вынуждены обратиться к народному суду.

*Епископ Богородский Николай Федотов, викарий
 Московской епархии.*

Преосвященный Николай Гиляровский, уезжая, просил меня присоединить его подпись к настоящему заявлению епископа Николая, что и делаю.

Член ВЦУ протоиерей А.Ниженский.

Епископ Константин Витебский».

«Во ВЦУ протоиерея Владимира Красницкого, протоиерея Петра Сергеева.

10 сентября с.г. во время служения Божественной литургии в Страстном монастыре митрополит Антонин в то время, когда по церковному уставу мы подходили к нему, чтобы ответить приветствием мира на подобное же приветствие с его стороны, громко объявил нам: «Между нами нет Христа». Равным образом преосвященный митрополит Антонин, очевидно, по тому же мотиву, уклонился и от преподания священнослужителям Тела и Крови Господних. Мы, подходившие к преосвященному митрополиту Антонину в этот священный момент с чувством христианского мира и почтения, были глубоко смущены и обижены этим его поступком, а посему просим Высшее Церковное Управление напомнить митрополиту Антонину

слова Спасителя, Мф.5, 22-24 и разъяснить ему обязанности архиерея при совершении литургии.

Прот. В.Красницкий, прот. П.Сергеев.

Никакого результата это обращение живоцерковников в ВЦУ (то есть к самим же себе), разумеется, не дало, и дело продолжало быстро идти к расколу.

*

«Ну, посудите сами, можно ли иметь дело с человеком, который идет на такие штуки», – говорил через 20 лет об Антонине А.И.Введенский, рассказывая об инциденте в Страстном монастыре.

Действительно, епископа Антонина можно упрекнуть в излишней резкости и крайней невоздержанности. Этот инцидент имел, однако, и положительное значение: все больше рассеивался миф о всемогуществе «Живой Церкви», созданной Красницким, который стремился всем внушить, что он и советская власть – одно и то же.

Этот миф был окончательно развеян 22 сентября 1922 года, когда Антонин официально заявил о своем выходе из ВЦУ и о прекращении евхаристического общения с живоцерковниками.

Непосредственным поводом к расколу послужило одно незначительное обстоятельство, очень характерное для той смутной эпохи. Под непосредственным влиянием решений съезда «Живой Церкви» один из викарных епископов заявил о снятии им с себя монашеских обетов. Это отречение было сделано им под давлением живоцерковников: в действительности он сохранил верность своим обетам и в настоящее время является одним из старейших архипастырей Русской Православной Церкви¹. Мы, конечно, ни на минуту не собираемся ставить владыке в вину его минутную слабость и вынуждены об этом упомянуть только в силу необходимости, так как этот незначительный сам по себе инцидент сыграл в начинающемся расколе роль «убийства в Сараеве».

Владыка Антонин, узнав об отречении епископа Сумского, заявил, что отныне его епископом не признает и считает его простым мирянином. Между тем В.Д.Красницкий задался целью во что бы то ни стало ввести отрекшегося от монашества архиерея в ВЦУ – в результате последовала целая буря, и 22 сентября в Заиконоспасском монастыре Антонин официально объявил о расколе.

Стремясь к наибольшей точности, передаем здесь слово самому владыке. Рассказав о том, что в результате идейных разногласий между ним и Красницким возникли трения, епископ Антонин переходит к фактической стороне дела. «Эти трения между нами усилились, – говорит он, – во-первых, потому, что я потребовал от протоиерея Красницкого передать мне печать ВЦУ для того, чтобы он не имел возможности рассылать без моего ведома таких бумаг, с которыми я не согласен, а он отказался исполнить мое требование; во-вторых, потому, что группа «Живая Церковь» ввела в

¹ Митрополит Корнилий (умер в 1962 г.).

состав ВЦУ Сумского епископа Корнилия, отказавшегося от монашеских обетов и тем лишившего себя епископского сана, и, в-третьих, потому, что уполномоченные группы «Живая Церковь» на местах совершают целый ряд насилий над невинными людьми только за то, что они не принимают программы группы «Живая Церковь»... Конечно, эта распря внесет большое смущение в среду православных людей и, быть может, произведет даже целый раскол, но пусть лучше будет это, чем ложь, фальшь и насилие в церковных делах». (См.: Соборный разум, Петроград, 1922, №1, с.7.)

«Епископ Николай Федотов состоит викарием Митрополита Московского, и как член ВЦУ – в канонической солидарности с ее председателем. Между тем епископ Николай занял совершенно вызывающее, фрондирующее положение к своему епархиальному архиерею, а как подписавший антиканонические резолюции съезда, разорвал каноническое и нравственное общение со мной, как с председателем ВЦУ.

Сим заявляю, что он не имеет нравственного права совершать богослужение нигде в Московской епархии как не состоящий в каноническом общении со своим епархиальным архиереем, и все те действия, которые он будет совершать без нравственного согласия со мной, будут для меня антиканоническими. И те хиротонии, которые ВЦУ назначит и совершит без моего ведения и согласия, в обход и игнорирование меня, я не признаю и откажусь войти с новыми ставленниками в общение». (Там же, с.9.)

Это уже был открытый раскол, поскольку епископ Антонин заявил, что он не будет признавать действий ВЦУ, в которых участвует епископ Корнилий (а епископ Корнилий, как член ВЦУ, принимал участие во всех действиях ВЦУ), тем самым Антонин игнорировал все действия ВЦУ. Поскольку Антонин заявил, что он порывает общение с Николаем Федотовым только потому, что тот участник съезда (с Красницким Антонин еще раньше порвал каноническое общение), а большинство ВЦУ – участники съезда, он тем самым порывал общение с ВЦУ.

«Живая Церковь» подняла брошенную ей перчатку. В своем заседании от 23 сентября 1922 года ВЦУ постановило снять Антонина со всех занимаемых им должностей и предложить ему в 24 часа покинуть пределы Московской епархии. И тут Красницкий решил, что настал момент пустить в дело главную козырную карту, в силу которой он верил так же, как пушкинский Герман в силу своих трех карт. 28 сентября Красницкий от имени ВЦУ обратился в ОГПУ с настойчивой просьбой выслать Антонина из Москвы, так как вокруг него группируется вся контрреволюция в приходах и он становится знаменем контрреволюции.

Ответ был получен в тот же день. Красницкому было указано, что, согласно декрету об отделении Церкви от государства, органы власти не имеют никаких оснований вмешиваться в церковные дела, не имеют ничего против Антонина Грановского и нисколько не возражают против организации нового, второго ВЦУ.

Это было ошеломляюще; оказалось, что Красницкий переоценил свои возможности. Его могущество исчезло в один день.

В то же время раскол в расколе стал фактом. Отныне в Москве было уже два церковных центра: один – в Троицком подворье, другой – в Заиконоспасском монастыре.

*

«Нет Христа между нами!» – во всеуслышание заявил епископ Антонин Красницкому. Был ли Христос в Русской Церкви в это время? Такой вопрос, может быть, задаст себе верующий читатель, прочтя эту главу. А что скажет читатель неверующий? «Вот ваша церковь», – с злорадной усмешкой заметит он. Нет, это не наша церковь, ответим ему мы, это только одна часть нашего духовенства. И тут вспоминается старая женщина, которой один из авторов как-то стал рассказывать о церковных делах. «Это все меня не интересует, – с кроткой улыбкой перебила она. – Я люблю ходить в церковь, всегда становлюсь перед Распятием и чувствую, что Христос смотрит мне в душу, а до всего остального мне дела нет».

Именно так и рассуждало подавляющее большинство верующих – они исповедывались, причащались, возносились душой к Богу под звуки чудесных песнопений православной литургии и в эти моменты совершенно забывали (а многие даже и не знали) о шумных спорах между различными церковными направлениями. Они чувствовали около себя Того, Кто сказал: «Аз с вами до скончания века». Поэтому мы отвечаем: «Нет, Христос в Русской Церкви был, есть и всегда будет».

Война всех против всех

Война всех против всех», или всеобщий раскол, – так можно охарактеризовать положение дел в Русской Церкви к концу 1922 года: взаимной ненавистью были охвачены друг к другу тихоновцы и обновленцы, – в не меньшей степени ненавидели друг друга и представители обновленческого движения, расколотого на ряд группировок.

Буря в сентябре 1922 года пронеслась над церковной Москвой, где создалось (после разрыва Антонина с ВЦУ) исключительно острое положение; буря пронеслась и над всей Русской Церковью.

Одним из знаменательных событий, характеризующих сентябрь 1922 года, является то, что отношения между обновленческим движением и гражданской властью вступили в новую фазу. До этого в отношениях между «Живой Церковью» и гражданской властью существовала нарочитая неясность. Пресса сочувственно отзывалась о новом движении, изредка упрекая его в «умеренности», но в то же время подчеркивая его прогрессивный характер. Что касается администрации, то она, как мы видели, в ряде случаев оказывала обновленцам прямую поддержку.

Положение переменилось осенью. Первой ласточкой, предвещавшей перемену, явился доклад И.И.Скворцова-Степанова (видного партийца, члена ЦК, старого большевика) на совещании пропагандистов, который затем был отпечатан отдельной брошюрой, под заглавием «О Живой Церкви». Здесь были поставлены все точки над *i*. В брошюре черным по белому говорилось об отрицательном отношении партии ко всем без исключения религиозным группировкам.

Скворцов-Степанов отмечал, что партийная пресса совершила ошибку, недостаточно подчеркивая это основное положение. Сейчас, говорил он, мы должны занять позицию, аналогичную той, которую мы занимали во времена Циммервальда, когда большевики выступили как против правых социал-демократов, так и против центристов, разоблачая и тех и других. «Мы ничего не имеем против начавшейся склоки. Мы используем ее для полного и решительного отрыва масс от всякого духовенства, от всякой церкви, от всякой религии», – весьма откровенно говорилось в конце брошюры. (См.: *Скворцов-Степанов И.И. «О Живой Церкви», М., 1922, с. 39.*)

Вслед за тем началась антирелигиозная кампания, которая по своему

размаху превзошла все антирелигиозные кампании, которые были как до, так и после 1922 года. Эту кампанию начал крупнейший деятель того времени своей речью на V съезде РКСМ.

«Религия есть горчичник, оттяжка, – восклицал этот знаменитый тогда человек, пользовавшийся славой второго в мире (после Жореса) оратора, дергая себя характерным жестом за мефистофельскую бородку и поправляя поминутно падавшее пенсне. – Религия – отравка именно в революционную эпоху или в эпоху чрезмерных трудностей, которые наступают после завоевания власти. Это понимал такой контрреволюционер по политическим симпатиям, но такой глубокий психолог, как Достоевский. Он говорил: «Атеизм немыслим без социализма, и социализм без атеизма». Вот эту глубину массовой психологии он понял; он увидел, что рай небесный и рай земной отрицают друг друга. Почему? Потому, что если обещан человеку потусторонний мир, царство без конца, то стоит ли проливать кровь свою и своих ближних и детей своих (?) на устройство царства на этой земле. Так стоит вопрос. Мы должны углублять революционное миро-созерцание, и мы должны подходить к молодежи даже с религиозными предрассудками, подходить с величайшим педагогическим вниманием более просвещенных к менее просвещенным. Мы должны идти к ним с пропагандой атеизма, ибо только эта пропаганда определяет место человека во вселенной и очерчивает ему круг сознательной деятельности здесь, на земле». (Троцкий Л. Известия, 1922, 13 октября, №231, с. 3.)

Знаменитому оратору можно было бы многое возразить, например, то, что христианская религия обязывает каждого человека помогать своим ближним (следовательно, бороться за «улучшение условий жизни» – за устройство царства Божия здесь, на земле). Можно было бы прибавить, что бороться за устройство царства, которое увидит лишь лопухи на могилах атеистов и их праправнуков, тоже нет особого смысла.

Можно было бы возразить очень многое. Но никто не возражал. Слова оратора были покрыты громом аплодисментов. А вслед за тем началась кампания.

О характере этой кампании свидетельствует хотя бы такое краткое газетное сообщение: «Суд над Богом». 10 января 1923 года в гарнизонном клубе Москвы состоялся гарнизонный политсуд над Богом. На суде присутствовали гг. Троцкий и Луначарский. Пяти тысячное собрание красноармейцев бурными аплодисментами приветствовало своих любимых вождей (Безбожник, 1923, 11 марта, №5-6, с. 5).

В декабре вышел первый номер газеты «Безбожник». Эта газета пришла на смену журналу «Наука и религия» (весьма расплывчатому и неясному, в котором наряду с атеистами сотрудничали и деятели раскола). Из предшественников «Безбожника» можно назвать журнал «Атеист», вышедший в марте 1922 года под редакцией небызвестного безбожника Шпицберга. Но второй номер журнала не вышел.

Что же касается газеты «Безбожник», то она представляла собой

весьма низкопробный образец низкопробной литературы и всегда служила пристанищем расстриг и всяких литературных неудачников.

В ходе антирелигиозной кампании задевали и обновленцев, о чем свидетельствует ряд резолюций рабочих собраний, печатавшихся в то время в газетах. Приводим, например, следующую резолюцию собрания рабочих Острожских мастерских: «Заслушав доклад о современных течениях в православной церкви, мы, рабочие Острожских мастерских, признали, что русская церковь старается приноровиться к новым условиям жизни, чтобы сохранить гибнущую церковь и организовать эксплуатацию трудящихся в более тонкой форме. Мы, рабочие, знаем, что религия держится лишь благодаря недостаточному развитию народных масс. Мы выносим пожелание, чтобы РКП(б) и культурно-просветительные организации развили максимум энергии в распространении естественнонаучных и политических знаний, по мере которых (?) будут изжиты окончательно все религиозные предрассудки». (Воронежская коммуна, 1922, 28 ноября, №268, с.3.)

Следует, однако, признать, что религиозные люди также могли высказать в процессе антирелигиозной кампании свою точку зрения. Формой сопоставления противоположных точек зрения являлись диспуты на антирелигиозные темы, которые в эти годы приобрели большую популярность.

Эта кампания диспутов началась грандиозным диспутом в Московском театре ГИТИС 27 сентября 1922 года на тему «С Богом или без Бога». Основным докладчиком был А.И.Введенский. В качестве его оппонентов должны были выступать В.Э.Мейерхольд, проф. Рейснер и известный лектор по вопросам марксистской философии Сарабьянов.

А.И.Введенский говорил страстно и эмоционально. Пущена была в ход философия Анри Бергсона, поклонником которой оставался А.И.Введенский до конца своих дней. Понятие творческого импульса, лежащего в основе природы и жизни, раскрывалось оратором на примерах из всех областей знания (неорганической химии, физики, зоологии) – видно было, что докладчик знаком с достижениями науки по первоисточникам. Большую роль в ораторском успехе Введенского играли также остроумие и находчивость. «Это так просто – побеждать на диспутах, – говорил он как-то, слегка, по обыкновению, рисуясь, – надо только узнать, что скажет твой оппонент за пять минут до того, как он это скажет».

Оппонентам Введенского не повезло: проф. Рейснер накануне заболел и потому не явился на диспут. Что касается В.Э.Мейерхольда, то он представил конспект своего выступления, но конспект изобиловал большим количеством «идеалистических рецидивов»: новоявленный защитник материализма шел на невероятные уступки идеалистам. Характерно, что исходной точкой его рассуждений был Метерлинк. Друг знаменитого режиссера посоветовал ему, во избежание скандала, вообще не выступать на диспуте. Поэтому вся тяжесть защиты материалистической философии легла на плечи тогда еще молодого диаматчика Сарабьянова. Надо отдать ему справедливость: основные положения марксистской философии излагались

им талантливо, и он стяжал не меньшие аплодисменты, чем А.И.Введенский. На этом диспуте выступали и другие ораторы: московские священники Щербаков, Ив.Борисов и толстовец Ив.Трегубов.

«Борисов в весьма воинственном и вызывающем тоне, — пишет очевидец диспута, — сетовал на те «гонения», которым якобы подвергается православная церковь, и заявил, что он и его единомышленники уйдут в катакомбы, но не сдадутся... Щербаков весьма задорно и лишь в слегка иносказательной форме обзывал безбожников... «свиньями под дубом», но от такого «полемиического» приема отгородился даже и протоиерей Введенский в своем заключительном слове, констатируя, что представители противоположной стороны (т.е. коммунисты) были гораздо сдержаннее в выражениях». (Калужская коммуна, 1922, 29 сентября, №268, с.2.)

Колоритна была фигура Ив.Трегубова — старого толстовца, который еще в марте 1917 года заявил о своем сочувствии большевикам, назвав себя «коммунистом духоборческо-толстовского толка». В это время он сотрудничал в «Известиях» и писал корреспонденции о «Живой Церкви», выдержанные в исключительно благожелательном тоне.

Его выступления на диспуте производили благоприятное впечатление своим беззлобно-мягким тоном: чувствовался старый, милый, несколько наивный чудак, обладавший большим запасом подлинной доброты. Как бы то ни было, московский диспут на тему «С Богом или без Бога» сыграл определенную роль: он послужил началом гастролей Введенского в провинции. Вслед за ним двинулся в поход А.И.Боярский (разве мог он отстать от своего друга?). Скоро вся русская провинция покрылась афишами, извещавшими о диспутах.

Диспут — это была «высокая форма» антирелигиозной пропаганды; в ней принимали участие «знаменитости», причем дело обычно оборачивалось (особенно, когда выступал Введенский) отнюдь не в пользу антирелигиозной пропаганды.

Наряду с этим существовала и другая, низшая форма антирелигиозной пропаганды, бившая на «народность» (на самом же деле никогда не поднимавшаяся выше лубка): официальная знаменитость Демьян Бедный истекал сатирическими антирелигиозными стихами, грубость которых могла равняться только их бесталанности; по клубам распевались наскоро сложенные частушки.

Картина антирелигиозной кампании 1922 года была бы неполной, если бы мы не упомянули о расстригах. Именно в это время «входят в моду» публичные отречения с опубликованием в газетах. Если сравнивать тех ренегатов с нынешними, то можно констатировать некоторый «прогресс». Расстриги последних лет делают обычно вид, что сначала они были «глубоко верующими»: рассказывают о своих колебаниях, сомнениях, исканиях, через которые они прошли, прежде чем стали атеистами. Расстрига тех лет был грубее, проще; он так прямо и начинал с того, что называл себя обманщиком, и говорил, что никогда в Бога не верил. Вот, например,

перед нами маленькая заметка в провинциальной газете под названием «Советский поп». Сельский священник, некий Иван Кряковцев, пишет: «Хотя поповство мое было не чем иным как дипломатическим обманом на пользу народа, но все-таки я перенес тяжелую нравственную пытку, сознавая, что мой «дипломатический обман» все-таки есть обман». (Калужская коммуна, 1922, 11 июня, №123, стр.2.)

Сравните этого калужского «дипломата» с новейшими его собратьями (типа Дулумана и Осипова) – все течет, все меняется, все совершенствуется, даже жулики и прохиндеи.

Таким образом, во второй половине 1922 года в Русской Церкви создалась даже еще более накаленная атмосфера, чем в первую половину этого года. В этой раскаленной атмосфере и развернулся всероссийский раскол. В Петрограде и в провинции он был не менее болезнен, чем в Москве. К петроградским событиям мы сейчас, в первую очередь, и обратимся.

В июне 1922 года в петроградской церкви царил разброд. Два популярных петроградских vicария – епископ Ладожский Венедикт (Плотников) и епископ Кронштадтский Иннокентий (Благовещенский) содержались в «Крестах». На свободе оставалось три епархиальных епископа: Ямбургский Алексей (Симанский)¹, Лужский Артемий (Ильинский) и Петергофский Николай (Ярушевич).

Ясно и четко определил свою позицию только один из них – епископ Артемий, который почти сразу после ареста митрополита безоговорочно признал ВЦУ. Что же касается двух остальных епископов, то их позиция не отличалась ясностью.

Особенно затруднительным было положение епископа Алексея: обладая формально всей полнотой архипастырской власти, он практически не мог ее осуществить без санкции ВЦУ: если бы он заявил о своем непризнании ВЦУ, он немедленно бы разделил участь арестованных своих собратьев. Между тем, признав ВЦУ, епископ немедленно восстановил бы против себя всю епархию, – и следовательно, власть его все равно оказалась бы фиктивной. В этих условиях епископ Алексей избрал единственно возможную для него тактику «оттягивания»; он всячески медлил с окончательным решением, ссылаясь то на «неясность положения», то на необходимость лично ознакомиться с тем, что произошло в Москве, то почти признавал ВЦУ, то почти брал это признание обратно.

Примерно ту же позицию занимал и его младший брат епископ Петергофский Николай². Молодой, обаятельный архиерей, сделавший блестящую карьеру, пользовался популярностью в народе за свою мягко-лирическую манеру служить, за свои прекрасные, строго традиционные по содержанию проповеди, за свою доступность в обращении. Рукоположенный всего лишь три месяца назад в епископа, преосвященный Николай занимал в то время должность наместника Лавры. Основываясь на праве ставропигии, которым обладают Лавры, епископ Николай также вел непосредственные переговоры с ВЦУ; следует отметить, что тактика отсрочек и

¹ В будущем патриарх.

² В будущем митрополит Крутицкий и Коломенский.

оттяжек применялась им необыкновенно умело и ловко, чему в значительной мере способствовала природная уклончивость его характера.

К счастью для обоих епископов, Петроградский комитет «Живой Церкви» сам занимал весьма умеренную позицию, побаиваясь слишком решительных действий: прот. о. Михаил Гремячевский (из Матфеевской церкви), который был официальным уполномоченным «Живой Церкви», вел переговоры с исключительной медлительностью; умиротворительную позицию занимал А.И.Боярский, отрицательно относившийся к Красницкому и его методам, совершенно отошел в тень раненый А.И.Введенский. Переговоры могли длиться месяцы (именно на это и рассчитывал епископ Алексей, желавший выиграть время).

Но положение изменилось в мгновение ока, когда 24 июня скорым поездом из Москвы прибыл В.Д.Красницкий. Он неожиданно вырос из-под земли, как «призрак беспощадный», перед оробевшим епископом и вручил ему следующий документ.

«Преосвященному Алексию, управляющему
Петроградской епархией.

Прибыв в Петроград, согласно мандату ВЦУ от июня 10/23 дня с.г. №310 – для ознакомления с положением Петроградского епархиального управления – ввиду того, что означенное управление до сих пор еще не вступило в отправление своих обязанностей под председательством Вашего преосвященства, – предлагаю Вам именем Высшего Церковного Управления Православно-Российской Церкви, – немедленно вступить в обязанности председателя Епархиального управления, без чего не может быть осуществлено вами управление Петроградской епархии.

Петроградское Епархиальное управление должно действовать строго по указаниям Высшего Церковного Управления.

*Заместитель председателя ВЦУ
протоиерей Красницкий. 24 июня 1922 г.»*
(Живая Церковь, №4-5, с.9.)

Дав прочесть этот «ультиматум» епископу Алексию, Красницкий (по всем правилам бюрократизма) заставил его сделать на копии следующую подпись: «Настоящая копия с подлинным верна. Епископ Алексей. Печать». Вслед за тем Красницкий нагло потребовал немедленного ответа, не давая даже одного дня на размышление; выбора не было: епископ Алексей должен был стать петроградским Леонидом (марионеточным главой петроградского ВЦУ) или уйти. К его чести надо сказать, что он не колебался. Тут же епископ Алексей составил следующее заявление:

«В Высшее Церковное Управление.

Ввиду настоящих условий признаю для себя невозможным дальнейшее управление Петроградской епархией, каковые обязанности с сего числа с себя слагаю.

*Алексий, епископ Ямбургский.
24/11 июня 1922 г. Место печати». (см. там же.)*

Этого только и надо было Красницкому – поле действий было открыто. С «отречением» епископа в кармане он сразу бросился к «своим». «Свои», однако, приняли его очень холодно и не пришли в восторг от его «достижений». В это время руководящее положение среди питерских обновленцев занимал А.И.Боярский, планировавший, как и Антонин, «вторую церковную революцию». А.И.Введенский, подпавший, по своей бесхарактерности, под его влияние, его поддерживал – оба они отказались вступить в епархиальный Совет. Остальные протоиереи, с которыми пытался вступить в переговоры Красницкий, вообще отказались с ним говорить. Здесь дело обстояло труднее, чем в провинции: публика была здесь дошлая, и запугивания не оказывали особого действия, да и в Смольном уж очень иронически посматривали на московского гостя.

С большим трудом, после четырехдневных переговоров, Красницкому удалось «наскрести» трех священников, которые согласились составить питерское «церковное правительство». Это были протоиереи М.С.Попов, В.К.Воскресенский, а также священник И.Н.Сперанцев. Решено было, что Красницкий и Гремячевский войдут в епархиальный Совет по должности как представители центра. О том, что произошло дальше, имеется рассказ в двух вариантах: один эпический (официальный акт) и другой – лирический (рассказ Красницкого). Начнем с первого.

«АКТ

1922 года июня 28-го дня.

Епархиальное Петроградское Управление открыло свои действия молебном в митрополичьей крестовой церкви и приступило к исполнению своих обязанностей в составе следующих лиц: заместителя председателя Высшего Церковного Управления прот. В.Д.Красницкого, уполномоченного Высшего Церковного Управления протоиерея М.И.Гремячевского и членов его – протоиерея М.С.Попова, священника И.Н.Сперанцева, прот. В.К.Воскресенского».

А вот другой вариант – лирический, или, точнее, лиро-эпический – В.Красницкого: «Петроградский переворот запечатлен тем, что революционные священники не постеснялись одни, без монаха-епископа, войти в митрополичью крестовую церковь, совершить молебен перед началом своего служения своим собратьям и своим духовным детям, потом одним, без того же монаха-архиерея, сесть за стол в митрополичьей гостиной и открыть действия своего революционного Епархиального управления...» (Оба варианта читатель найдет в статье В.Д.Красницкого «В Петрограде», напечатанной в журнале «Живая Церковь», №4-5, с.3-10.)

Первым делом «революционных священников» было избрание епископа. Это на первый взгляд вызывает недоумение, так как в то время у петроградских обновленцев был епископ, права которого не вызывали сомнения. Поскольку епископ Алексей отказался от управления митрополией, все его права автоматически переходили к следую-

щему по хиротонии епископу Лужскому Артемию, который уже признал ВЦУ.

Странно, что о нем Красницкий как бы забыл. Впрочем, объяснить этот внезапный «провал памяти» нетрудно: стоит только вспомнить его установку на белых епископов и органическое отвращение к монахам-архиереям. Долго искать кандидата не пришлось: он был уже найден Красницким на второй день после приезда его в Петроград. Членам Епархиального управления осталось лишь прочесть и принять к сведению следующий документ, представленный Красницким:

«В Высшее Церковное Управление.

Ввиду предложения принять управление Петроградской епархией в сане епископа – имею честь заявить, что я согласен принять сие предложение, если будет на то воля Великого Архиерея Господа нашего Иисуса Христа и назначение Высшего Управления Православной Российской Церкви.

Настоятель Введенской церкви г. Петрограда, протоиерей Николай Соболев. Подпись о. протоиерея Соболева удостоверяю. Зам. председателя Высшего Церковного Управления прот. В.Красницкий, уполн. ВЦУ Мих.Гремячевский. 26 июня 1922 года».

(Там же.)

В.Д.Красницкий и на этот раз поставил на архиерейскую кафедру соседа: если епископом Подольским был настоятель Матфеевской церкви, то архиепископом Петроградским должен был стать настоятель Введенской церкви. Картинный, величавый, высокого роста красавец старик действительно был как будто создан для архиерейской кафедры. Будучи вдов, он не имел канонических препятствий к рукоположению – в качестве креатуры Красницкого он должен был быть таким же слепым орудием в его руках, как и Иоанн Альбинский.

На этот раз Красницкий, однако, просчитался: Николай Васильевич Соболев был человеком твердых моральных правил и не лишенным характера. Шестидесятивосьмилетний старец (он родился в 1854 г.), о. Николай принял священный сан в 1880 г. – и с тех пор прославился в Петербурге как администратор и педагог. Под его руководством была выстроена Введенская церковь (каменная вместо деревянной, на Петроградской стороне). Он пользовался огромной популярностью как законоучитель Введенской гимназии. Он принял архиерейский сан, искренно веря, что это будет способствовать умиротворению Петроградской церкви – и ушел на покой, когда увидел, что его именем творятся темные дела.

Он был рукоположен в Москве 26 июня 1922 года, о чем любезно известил В.Д.Красницкий членов Петроградского епархиального совета; тут же был составлен указ о поминовении в храмах нового архиепископа Петроградского и Гдовского; затем обсуждался вопрос о том, как новому органу войти в контакт с питерским духовенством. Совещания городского духовенства на этот раз решили не созывать (видимо, памятуя печальный

опыт А.И.Введенского), а вместо этого созвали совещание благочинных, состоящее из 19 человек, которые после соответствующей обработки их В.Д.Красницким приняли 14 голосами при 5 воздержавшихся следующую резолюцию:

«1. Собрание благочинных гор. Петрограда, заслушав доклад зам. Председателя ВЦУ прот. В.Д.Красницкого относительно перемен в Церковном Управлении и организации группы «Живая Церковь», признает лозунги «Живой Церкви» – белый епископат, пресвитерское под водительством епископа управление, единая церковная и епархиальная касса и союз белого приходского духовенства – приемлемыми для своего пастырского сознания без обязательства для каждого отдельного лица входить в состав группы.

2. Российскую социальную революцию признает справедливым судом Божиим за социальные неправды человечества, а равно и одобряет мировое объединение трудящихся для защиты прав трудящегося эксплуатируемого человека.

3. Высшее Церковное Управление признает центральным органом управления Российской Церкви до установления Поместным Собором постоянной формы церковного управления с тем, чтобы в наличный его состав были привлекаемы представители провинциальных епархий.

4. Предлагает В.Ц.Управлению воздерживаться от коренных церковных реформ и лишь готовить их к предстоящему Собору.

5. Настоящую резолюцию предложить на очередное пастырское собрание.

Принята 14 голосами при 5 воздержавшихся». (Живая Церковь №5-6, с.10.)

Если внимательно читать эту резолюцию, то можно отметить, что (в отличие от провинции) Красницкий пошел на некоторые уступки (см. 4-й пункт и последние слова 1-го).

Приведа, таким образом, все в надлежащий порядок, премьер-министр «Живой Церкви», даже не простясь с А.И.Введенским и А.И.Боярским, которых он теперь третировал свысока, отбыл в Москву.

Пусть он сам расскажет о своих подвигах; как все люди в таких случаях, он эпичен.

«Ввиду серьезного положения в Петроград был командирован заместитель Председателя ВЦУ протоиерей Красницкий, – повествует с величавой важностью Красницкий, – лично принявший из рук патриарха Тихона его отречение. Печатаемые ниже документы показывают полный успех этой командировки и открывают ту силу, которая победила контрреволюционные замыслы в Петроградской церкви... Революционная стихия победила в Петрограде и на церковном фронте». (Живая Церковь, №5-6, статья В.Д.Красницкого «В Петрограде»).

Так или иначе путь в Петроград для первого обновленческого архиепископа был расчищен. 16 мая 1922 года старец архиерей прибыл в Петроград и совершил свое первое богослужение в Казанском соборе. Необычная для обновленческого архиерея личность старца возымела свое дей-

ствии: никаких враждебных обструкций, типичных для того времени и принимавших иной раз необузданные формы, по отношению к нему не было – единственной формой протеста был массовый отказ подходить к нему под благословение.

17 июля новый архиерей посетил Александро-Невскую Лавру, где был встречен помощником наместника Лавры с братиею.

Отношения между двумя тезками носили весьма деликатный характер. Александро-Невская Лавра, согласно праву ставропигии, не подчинена главе Петроградской Церкви, а подчинена непосредственно главе Русской Церкви (Синоду, патриарху). Петербургские митрополиты правили Лаврой не в качестве епархиальных архиереев, а в качестве ее архимандритов. Николай Соболев архимандритом Лавры назначен не был; следовательно, никаких прав здесь не имел. Это дало возможность молодому епископу Николаю сохранить свою независимость, оставляя вопрос о признании ВЦУ и его ставленника Николая Соболева открытым. Однако 17 июля сам архиепископ прибыл в Лавру. Надо было найти какое-то решение. Епископ Николай вышел из положения со свойственным ему умом и тактом: выйдя навстречу старцу, он публично с ним облобызался, а затем, в качестве гостеприимного хозяина, стал водить его по Лавре – и пригласил к завтраку. Епископ Николай несколько напоминал (по наружности), когда был молодым, портреты Александра I. Еще больше походил он на него внутренне: совершенно очаровательная любезность, ласковость, приветливость – и за всем этим непроницаемая скрытность и тонкий дипломатический расчет¹. На этот раз епископ остался верен себе: он осыпал Николая Соболева ласками, комплиментами, поцелуями, так что тот уехал совершенно очарованный и, возможно, в первый момент не заметил лишь одной детали: наместник не пригласил его служить в Лавре – а без этого вся его ласковость не имела ровно никакого значения и ни к чему его не обязывала (принимают же архиереи англиканских епископов – однако никакого признания это не означает).

Затем, на протяжении месяца, епископ Николай вел ту же ловкую и умную дипломатическую игру, и, наконец, когда эта тактика недомолвок и проволочек стала совершенно невозможной – потребовалось заявить ясно и недвусмысленно о признании ВЦУ и войти с Николаем Соболевым в евхаристическое общение, епископ «разыграл финал». Если можно говорить о дипломатическом искусстве, то епископ может считаться его мастером. Он умудрился одновременно уйти и остаться; и все признать и не признать ничего. В этом легко убедиться, прочтя следующий документ:

«В Петроградское Епархиальное Управление епископа Николая (Ярушевича).

Будучи вполне и безусловно лояльным в отношении ВЦУ и Петрог-

¹ Во избежание недоразумений считаем нужным дать следующее пояснение. Епископа (ныне митрополита) Николая Ярушевича мы считаем безусловно человеком честным. В тот период он пользовался методами дипломатическими и уклончивыми, однако никогда (ни в тот, ни в какой-либо другой период своей деятельности) он не прибегал к методам морально нечестоплотным (доносам, клевете), которыми подчас пользовались другие.

радского епархиального управления, прошу Петроградское епархиальное управление об оставлении меня в должности настоятеля Лавры, чтобы я мог продолжать свою посильную работу на пользу Церкви в новых условиях ее существования. Ввиду же моей болезни и полного переутомления покорнейше прошу о разрешении мне сейчас отпуска в пределах Петроградской епархии на месяц с тем, что я оставляю за собой общее руководство Лаврою во время отпуска.

Епископ Николай (Ярушевич), Александро-Невская Лавра». (См.: Соборный разум, 1923, №1-2.)

Здесь что ни слово, то дипломатический шедевр – помимо «ухода с оставлением» (это давало возможность епископу Николаю не служить с Николаем Соболевым, когда тот с 30 августа стал все-таки служить в лаврском соборе), так и остается открытым вопрос о признании ВЦУ; интересно отметить, что здесь впервые появляется на сцену каучуковый термин «лояльность», который впоследствии сыграл такую огромную роль в истории Церкви двадцатых годов.

Следует указать, что термин «лояльность» (добросовестность), который может характеризовать отношение гражданина к своему правительству – совершенно недостаточен, когда речь идет об отношении духовного лица (да еще монаха) к церковной власти, которой он должен быть сыновне, беззаветно предан.

Как мы увидим ниже, эта тактика епископа Николая была лишь увертюрой к его выступлению через месяц на историческую арену в качестве вождя так называемой петроградской автокефалии.

Между тем жизнь в Петроградской епархии налаживалась: в июле и в августе в Петрограде происходили организационная и идейная консолидации раскола. Уже к августу стало совершенно ясно: обновленческий Петроград противопоставил себя живоцерковной Москве.

Епархиальное управление в том составе, в каком оно было сформировано Красницким, просуществовало лишь месяц. Новый состав: председатель – архиепископ Николай Петроградский и Гдовский (Соболев), уполномоченный ВЦУ – прот. М. С. Попов (с 12 сент. 1922 г. – епископ Детско-Сельский), управляющий делами – прот. Е. И. Запольский, члены: А. И. Боярский и В. К. Воскресенский. С августа в заседаниях Петроградского епархиального управления участвуют А. И. Введенский и прибывший из Москвы Е. Х. Белков.

Все члены Епархиального управления резко отличались от «Живой Церкви» как по идеологии, так и по своей психологии; такие люди, как М. С. Попов, Е. И. Запольский и другие, были типичными либеральными интеллигентами дореволюционной формации. Они с брезгливостью и отвращением относились к таким методам, как политический донос или личные выпады против кого бы то ни было с церковной кафедры.

В идеологическом отношении вождем петроградских обновленцев был А. И. Боярский, имя которого не так гремело в то время, как А. И. Введен-

ского, но удельный вес которого среди питерского духовенства был значительно большим.

Для того чтобы уяснить себе, каковы были цели А.И.Боярского, приведем здесь документ, написанный им еще в апреле 1922 года – обращение в Петросовет. Несмотря на то что под документом стоят две подписи – А.И.Введенского и А.И.Боярского, документ этот принадлежит целиком одному Боярскому.

В обращении провозглашается создание нового религиозного братства. Задачи этого братства следующие: «Объединившись на мысли о необходимости очистить христианство от тех новых наслоений, которые превратили эту единую религию братства и любви в несколько узко националистических враждебных друг другу религиозных мировоззрений, мы решили учредить религиозное братство. Ввиду того что христианство мы мыслим именно как религию всеобщего братства, основанного на любви (христианский интернационализм), мы учреждаемое братство решили назвать «Вселенским христианским братством». При этом считаем нужным сказать, что так понимаемое нами христианство противоположно тому лицемерному религиозному формализму и внешнему благочестию, которые допускают эксплуатацию широких народных масс небольшой кучкой капиталистов и которые давно перестали быть религией Христа, друга всех бедных, угнетенных и униженных. Братство и поставит одной из своих главных задач обличение лицемерия буржуазного христианства и выявление христианства как религии действительного равенства и братства». (Документ был напечатан в выдержках в «Красной газете» в апреле 1922 г. и впоследствии перепечатывался неоднократно в провинциальной прессе – в частности, см. статью проф. Гредескула «Победа Христа и советской власти» в газете «Красный набат», Тюмень, 13 мая 1922 года.)

Установка Боярского была на создание широкого международного религиозного движения, которое должно было поставить своей целью обновление христианства в международном масштабе.

Идея экуменического движения предвосхищалась Боярским, но идея сформулирована несравненно более глубоко и сильно, чем у деятелей этого мелкотравчатого движения, которые умеют лишь ставить маленькие заплатки и согласовывать никому не нужные детали. Конфессиональные различия, по мысли Боярского, должны быть стерты в мощном потоке человеческих сердец, жаждущих обновления христианства. Это движение будет широко народным социальным движением – и в своих отдельных аспектах (борьбе против всякой эксплуатации) оно совпадет с коммунизмом; однако никогда и нигде оно не будет строить своих отношений с коммунизмом по принципу: «Чего изволите?»

Именно поэтому Боярский категорически отказался принять участие в поездке деятелей петроградской группы в Москву в мае 1922 года, категорически отказался дать свое имя ВЦУ и с самого начала поставил себя во враждебные отношения с Краснищим. Такая позиция Боярского обус-

ловила его положение в расколе: будучи одной из ярких фигур, превосходя по своему административному таланту, силе воли, моральному мужеству всех деятелей раскола и уступая как оратор лишь одному А.И.Введенскому, Боярский сознательно отходит на второй план, не желая торговать идеями. Принципиальность Боярского была главной причиной его трагической гибели: из всех деятелей раскола только ему одному суждено было войти в историю в ореоле мученика¹. В этот период Боярский полностью овладел А.И.Введенским (который очень быстро поддадал под влияние), уверенно и энергично шел навстречу «новой революции».

По его инициативе была установлена конфиденциальная связь с Антонином, которому Петроградский комитет «Живой Церкви» обещал оказать полную поддержку, как только он выступит против Красницкого. Одновременно Боярский вел переговоры в Смольном, указывая на то, что пресмыкательская политика Красницкого лишь компрометирует движение в глазах народных масс – и поэтому Красницкий является очень слабой опорой для тех, кто хочет наладить отношения с верующими. По его настоянию (для того, чтоб в надвигающейся борьбе петроградская группа не осталась без епископов) были хиротонисаны два вдовых протоиерея: о. Николай Сахаров и о. Михаил Попов.

С конца августа начинается работа по созданию журнала, который должен был быть органом петроградской группы. Сам А.И.Боярский, будучи в это время настоятелем Спасо-Сенновской церкви, служит по несколько раз в неделю – его глубокие по содержанию и общедоступные по форме беседы привлекали большое количество слушателей. А.И.Боярский продолжал служить и в Колпине, в соборе – здесь он был по-прежнему любим своими старыми друзьями – ижорскими рабочими.

Будучи деловым человеком, отдавая большую часть своего времени административным делам, Боярский никогда не превращался в узкого дельца: идейная работа была для него на первом плане – религиозная молодежь (недавние красноармейцы, еще ходившие в обмотках, студенты питерских вузов и даже поэты-футуристы) шла к нему – и для всех он находил нужное слово: часами беседовал с одними, метко и остроумно срезал других, а иногда осторожно и деликатно вручал деньги. «Иди сейчас же и купи себе штаны, – говорил он одному молодому богоискателю, ныне покойному, вручая ему конверт с деньгами, – и потом возвращайся беседовать о Фейербахе, а иначе никого знать не хочу: ни тебя, ни твоего Фейербаха».

Этот сильный человек умел держать в руках Введенского, и тот под влиянием Боярского воздерживался от многих ложных шагов, на которые его толкала природная слабохарактерность, трусость и детское тщеславие. Только в конце сентября (после приезда в Москву) А.И.Введенский сделал несколько неправильных шагов. Особенного осуждения заслуживает составление им «черных списков»; в ноябре А.И.Введенский подал в одну высокую инстанцию обширный список «контрреволюционного петербург-

¹ Арестованный в 1934 году в г.Иваново-Вознесенске, А.И.Боярский умер в заключении. В 1956 году его жене было объявлено о посмертной реабилитации почившего.

ского духовенства» (впоследствии этот список выборочно использовался при арестах духовенства). Этот шаг Введенского вызвал резкий протест Боярского. В конце своей жизни сам Введенский считал этот свой поступок величайшим грехом.

Одним из своеобразных аспектов деятельности петроградской группы была попытка наладить отношения с сектантами. Прежде всего следует упомянуть в этой связи о воссоединении с Православной Церковью Ивана Алексеевича Чурикова и группирующегося вокруг него движения. Теперь, когда имя Чурикова уже основательно забыто и от его движения сохранились лишь отдельные люди, ютящиеся по ленинградским углам, трудно представить себе все значение этого события.

Иван Алексеевич Чуриков представлял собой необыкновенно цельный тип народного богоискателя. Родом самарец, он в начале своей жизни занимался мелкой торговлей – затем, разорившись, жил в дворниках. В 90-х годах он выступил с проповедью трезвости и религиозного обновления. Надо сказать, что Чуриков никогда не призывал никого покидать Церковь и сам искренно считал себя православным христианином: чтил иконы, соблюдал посты, регулярно посещал храм.

Какая-то непонятная сила была в этом человеке: никто лучше его не умел трогать человеческое сердце; самые закоренелые пьяницы обращались к трезвости после краткого разговора с ним. Глубоко уважаемый народом, он обратил на себя неблагоклонное внимание победоносцевского начальства. Представители местной гражданской и консисторской власти приняли необыкновенно мудрое решение для борьбы с «чуриковщиной»: в 1898 году он был посажен в самарский сумасшедший дом, где подвергся варварскому обращению со стороны доктора Белякова. Впрочем, даже этот ученый муж должен был признать, что никаких оснований считать И.А. Чурикова сумасшедшим нет, и он был через год выпущен на свободу. Тогда, по инициативе епископа Самарского Гурия, науськанного на Чурикова консисторцами, он был в 1900 году заточен в Суздальский монастырь.

К этому времени имя Чурикова попало в газеты; народным богоискателем заинтересовались в Петербурге: либеральные священники о. Григорий Петров и о. Иоанн Альбов выступили в его защиту – одна из великих княгинь (кажется, Елизавета Федоровна) получила от кого-то записочку насчет Чурикова – и сама написала кому-то записочку, – тут уж никакие консистории ничего сделать не могли; Иван Алексеевич был немедленно освобожден и вскоре приехал в Петербург в качестве свободного гражданина и начал здесь проповедывать вполне открыто, на глазах у полиции. Священники присутствовали в качестве наблюдателей на его беседах.

Формально Чуриков проповедовал трезвость, однако на самом деле проповедь его была гораздо шире: Иван Алексеевич призывал обновить жизнь на христианских началах; отсюда его призывы к соединению в общины, к совместному ведению хозяйства, к широкой имущественной взаимопомощи. Как и всякая истинно религиозная проповедь, призывающая к

обновлению жизни, чуриковская проповедь должна была приобрести общественное звучание – несмотря на кратковременный эпизод с покровительством великой княгини, «чуриковщина» была в своей основе демократическим и социальным движением.

Митрополит Антоний (Вадковский) со свойственной ему широтой взглядов и гуманизмом не препятствовал деятельности Чурикова, только пристально наблюдал, чтоб в его проповедь не просачивались сектантские элементы. Петербургский епархиальный миссионер о. Димитрий Боголюбов проявил к Чурикову истинно христианское, человеческое отношение.

Положение изменилось при преемнике митрополита Антония, который наложил запрет на проповеди И.А.Чурикова, от чего, разумеется, их стали посещать еще больше (это была уже эпоха веротерпимости). Однако все это многочисленное движение, состоящее из пламенных энтузиастов, оказалось автоматически отлученным от церкви.

К тому времени, о котором идет речь, чуриковцы не ограничивались одной проповедью: в Вырице (чуриковской «столице») существовала могучая община, которая вела хозяйство на общинных началах; результаты этого хозяйства были блестящими – другого и трудно было ожидать от двух сотен трудящихся русских людей, не пивших и не куривших, плававших горячим энтузиазмом. Кроме того, в Петрограде у «братца» (Чурикова) было 14 отделений – молитвенных домов, в которых раздавалась проповедь трезвости и религиозного обновления.

В сентябре А.И.Введенский и А.И.Боярский начали переговоры с И.А.Чуриковым, которые через несколько месяцев привели к воссоединению его с Православной Церковью.

1 декабря 1922 года, в субботу, в церкви Захарии и Елизаветы, после всенощной, была общая исповедь. В храме присутствовало несколько тысяч человек; впереди стоял высокий широкоплечий старик с умным, мужицким лицом – И.А.Чуриков.

А.И.Введенский неистовствовал: он экзальтированно призывал каяться в грехах и сам в них каялся (всегда как-то невольно, о чем бы ни шла речь, он сбивался к разговорам о себе); он проливал слезы и бил себя в грудь. Как было замечено, Чуриков мало поддавался экзальтации – и даже чем более горячился Введенский, тем спокойнее он становился. Однако после окончания исповеди он первый подошел к аналою и, наклонив голову под епитрахилью, принял разрешительную молитву.

А на другой день, в воскресенье 2 декабря 1922 года, после литургии, И.А.Чуриков и несколько тысяч его сторонников причастились в том же храме Святых Тайн. (Описание воссоединения чуриковцев см. в журнале «Соборный разум», 1923, №1-2.)

Воссоединение Чурикова с церковью является, несомненно, крупным достижением петроградской группы; к сожалению, оно дало мало результатов: последующий раскол не позволил никому заняться всерьез углублением отношений с «чуриковщиной», да и сам Чуриков, разочаро-

вавшись в обновленцах, в дальнейшем избегал входить с ними в какие-либо отношения – и вопрос об отношениях «чуриковщины» с Православной Церковью так и остался открытым до самой ликвидации движения в 1929 году.

Осенью 1922 года была сделана попытка начать переговоры также с «Евангельскими христианами», которые тогда составляли широкую и растущую на глазах религиозную организацию. В Петрограде в это время (на Конюшенной улице) находился их центр. Их собрания происходили в Петрограде более чем в 20 точках; они издавали здесь свой журнал и имели курсы для проповедников.

Их руководящий деятель Иван Степанович Проханов был, несомненно, также незаурядной личностью: инженер по образованию, старый богоскатель, лично знакомый в прошлом с Л.Н.Толстым, В.С.Соловьевым, И.С.Проханов был сильным и темпераментным оратором и большим организатором. Его энергичное, обрамленное львиной бородой лицо и зычный голос производили впечатление даже на слушателей со стороны. В результате переговоров, которые он вел с А.И.Боярским, появилась брошюра «Евангельский клич. Послание Высшему Церковному Управлению Православной Церкви и группе «Живой Церкви» от Свободной Народной Евангелической Церкви (Всероссийского Союза Евангельских Христиан)», 1922. (Мы ее печатаем в приложении к настоящей главе, так как она является сейчас редчайшей библиографической диковиной.) В этой брошюре говорилось:

«Но голос Евангельской Церкви и теперь не замолк. С чувством искреннего доброжелательства и мира он звучит по адресу вновь образуемой церкви.

Из вышеизложенного ясно, что ничто так не может радовать Евангельскую Церковь, как тот факт, что «мертвая» православная церковь делается «живой», и попытки в этом направлении для нее весьма ценны.

Наблюдая, однако, за началом образования и развития «Живой Церкви», Евангельская Церковь находит необходимым сказать представителям ее весьма важное братское слово:

Перед «Живой Церковью» лежат два пути:

1. Она может, подобно многим, прежде «оживлявшимся» церквям на Западе, немного пожить и затем опять умереть.

2. Она может жить, развивать свою жизнь и даже жить этой жизнью неограниченное время.

Любя свой народ, Евангельская Церковь от души желает настоящей и цветущей жизни для «Живой Церкви». (С.2.)

Несмотря на столь благожелательную преамбулу, самый документ не создает решительно никакой основы для сближения. Как выясняется из последующего, Совет Всероссийского Союза Евангельских Христиан (во главе с Прохановым) не нашел ничего лучшего, как потребовать от Православной Церкви полной капитуляции. Православная Церковь должна,

по их мнению, отказаться от православного (единственно правильного) понимания евхаристии, от таинств, от почитания икон – от почитания Пресвятой Богородицы и святых, от иерархии – словом, ото всего, что отличает ее от сектантов. В этом же духе было выдержано выступление И.С. Проханова на заседании «Союза общин древле-апостольской церкви» в начале 1923 года, что вызвало тут же резкий отпор со стороны А.И. Боярского. При такой нереалистической позиции со стороны «евангельских христиан» ни о каком дальнейшем сближении их с православными не могло быть и речи.

Характерно, что в среде евангельских христиан и особенно среди баптистов находились люди, которые считали даже это послание Проханова «слишком либеральным» – их возмущал самый факт общения с Православной Церковью. В одной из своих работ мы с горячим сочувствием отзываемся о сектантах, которые в 90-х годах подвергались репрессиям со стороны Победоносцева. Однако, когда слышишь о вещах вроде тех, о которых идет речь выше, – невольно возникает вопрос – лучше ли бы вели себя «штундо-баптисты» по отношению к православным, если бы они могли опереться на государственную власть?

Видимо, один фанатизм не лучше другого.

*

Сентябрь 1922 года ознаменовался в Петрограде крупным событием, которое сыграло большую роль в положении церкви. В середине сентября, как только в Петроград пришло известие о расколе ВЦУ, было опубликовано следующее заявление корифеев петроградской «Живой Церкви»:

«Из сообщений советской печати (Известия ВЦИК, 2, 5 сентября; Наука и религия, 21, 28 августа) для нас стало очевидно, что группа «Живая Церковь» в последний период своей деятельности (съезд) стала на путь узкословных, кастовых интересов белого духовенства.

Попытка создания единой церковной кассы, похоронных бюро, торговля всякими церковными вещами и т. д., отстранение от учета и распределения хозяйства приходов коллектива верующих (вопреки декретам советской власти) – все это напоминает о некоем церковно-нэповском тресте. Далее – отстранение верующих мирян от всякого действительного участия в церковной жизни есть нарушение церковных и советских законов и, при практическом проведении в жизнь, лишь усилит кабалу (экономическую и моральную) попа-кулака над трудящейся верующей массой.

«Живая Церковь» должна была бы обратить внимание и на другую кабалу: тот гнет религиозных суеверий и лжи, что насквозь пропитал старую церковь. Если к этому добавить некоторые нецерковные методы, которыми пытались, вопреки советской конституции, проводить идеи ответственные руководители «Живой Церкви», то станет понятен тот протест, который возник среди церковного общества, мы имеем в виду прогрессивные круги духовенства и мирян, давно работавшие над освобождением

церкви от мрака религиозных суеверий. Настоящим мы заявляем о своем выходе из квази-революционной группы «Живая Церковь» и об образовании комитета «Союза церковного возрождения».

Николай, архиепископ Петроградский.

Петроградское Епархиальное Управление.

По поручению Комитета «Союза церковного возрождения» (б. Петроградского комитета «Живая Церковь»).

Президиум Комитета: прот. А.Введенский, прот. Е.Белков, прот. М.Гремячевский, священ. И.Кулагин».

(Соборный разум, 1922, №1, с.4.)

Таким образом, в решающий момент Петроградская группа бросила свою гирию на чашу Антонина – и чаша Красницкого стремительно полетела вверх, в безвоздушное пространство. «Горе-воеводой», растерявшим свою армию, назвал в это время Красницкого с кафедры А.И.Боярский.

Пример Петрограда оказался решающим: в 12 епархиях (Тамбовской, Пензенской и других) большинство обновленческого духовенства заявило о своем выходе из «Живой Церкви» и о принятии платформы «Союза церковного возрождения». Это было тем легче, что никто толком не знал, в чем она заключается. В конце сентября капитулировал Красницкий, им было объявлено в особом письме на имя митрополита Антонина, что он готов на любые уступки с целью сохранения единства обновленческого движения и что «Живая Церковь» не претендует на «монополию власти и влияния».

На другой день в Москву из Петрограда прибыл А.И.Введенский. «Празднуем смерти умерщвление, все теперь пойдет по-новому!» – воскликнул он, явившись к Антонину. «Все вы хороши», – ответил несговорчивый старик. «Ну вот вы нами и будете руководить и учить нас умудуму, владыко!» – сказал А.Введенский. «Попробуем!» – усмехнулся Антонин и, благословив Введенского и облобызавшись с ним, изложил ему вкратце свой план действий.

На другой день Красницкому был предъявлен ультиматум: все обновленческие группировки должны быть равномерно представлены в ВЦУ, и «Живая Церковь» не должна иметь никаких привилегий. Красницким эти условия были приняты, и тут же было объявлено о том, что ВЦУ возобновляет свою деятельность под руководством митрополита Антонина.

В число членов ВЦУ были включены митрополиты Владимирский Сергей (в будущем Святейший патриарх) и архиепископ Нижегородский Евдоким, возведенный в сан митрополита. А.И.Введенский вернулся на пост заместителя председателя. Тут же Антонин потребовал произвести денежную ревизию – это требование было удовлетворено. Вслед за тем было принято постановление:

«По заявлению митрополита Антонина о необходимости разъединения касс ВЦУ от организации «Живая Церковь» признано, что касса ВЦУ

должна быть самостоятельной. Число членов пленума ВЦУ определено в 17 человек.

Постановлено, что все бумаги, исходящие из ВЦУ, должны иметь три обязательных подписи: председателя, заместителя председателя и управляющего делами.

Постановлено, что председатель ВЦУ должен жить в стенах Троицкого подворья. Митрополиту Антонину предложили переехать на подворье в ближайшие дни» (см. журнал Соборный разум).

«Стану я им ездить взад и вперед», – заявил Антонин и остался жить у себя, в Богоявленском монастыре. Вообще Антонин не проявил ни малейшего желания сделать свой контакт с Петроградской группой более тесным. «Все они совсем другого духа, чем мы, – говорил он у себя в Заиконоспасском своим сторонникам, – не надо нам растворяться в них, они все загадят своей пошлостью, карьеризмом – пусть нас лучше будет мало, очень мало, но мы сохраним наш огонек, чем мы будем многочисленны и богаты, а духовно бедны».

С особенным недоверием относился Антонин к А.И.Введенскому, зачастую упрекая его публично в честолюбии, духовной неустойчивости, в грехах против нравственности. «Не такой он уж плохой человек, даже хороший, но грешник – большой грешник; где уж такому реформировать церковь – самого себя прежде надо реформировать!» – с искренней болью говорил Антонин. А.И.Введенский спорил, но как-то нерешительно и робко: он побаивался и уважал Антонина.

В начале октября А.И.Введенский попробовал начать переговоры с Антонином – для участия в переговорах приехал из Петрограда А.И.Боярский. Главным предметом спора был белый епископат – Антонин отказался от него наотрез; отказался также признать второбрачие духовенства. Переговоры кончились полной неудачей – Петроградский Комитет «Союза церковного возрождения» объявил о своей независимости от Антонина. К петроградцам присоединились некоторые московские и провинциальные батюшки; так возник «Союз общин древлеапостольской церкви», во главе которого встал А.И.Введенский. Таким образом, возникла третья крупная обновленческая организация СОДАЦ. В соответствии с этим в октябре ВЦУ было окончательно сформировано в следующем составе: митрополит Антонин (председатель); заместители – протоиереи А.И.Введенский и В.Д.Красницкий, митрополиты Сергей, Евдоким и Иоанн, архиепископ Краснодарский; члены: протоиереи Боголюбский и Федоровский («Союз возрождения»); прот. Вдовин и свящ. Эндека (СОДАЦ); епископ Богородский Николай Федотов, прот. Ниженский, Красотин и Покровский (от «Живой Церкви»).

29 октября состоялся первый пленум ВЦУ в новом составе. В порядке дня были поставлены следующие вопросы:

1. Утверждение положения о ВЦУ, о епархиальных управлениях и инструкция уполномоченным ВЦУ. 2. О передаче всех ценностей,

оставшихся в храмах, на ликвидацию последствий голода. 3. Обращение ВЦУ к верующим. 4. Об отмене платы за совершение таинств духовенством. 5. Вопрос об упразднении наград.

При обсуждении всех этих вопросов выявились острые разногласия. Антонин требовал самых радикальных решений: полного отмежевания от административных методов, бесплатного духовенства, живущего трудом рук своих, и полного упразднения каких-либо наград и рангов; должны быть лишь три древних церковных степени: епископ, пресвитер и диакон. Красницкий в ответ на эти предложения мрачно молчал, не считая нужным даже возражать на этот «бред сумасшедшего». А.И.Введенский уговаривал «не идти так далеко, а то мы можем остаться совершенно одни». Ни по одному из этих вопросов не было принято никаких решений.

Единственным практическим результатом пленума ВЦУ было новое распределение портфелей в президиуме ВЦУ. Было постановлено, что общим направлением дел ведают председатель и управляющий делами (митрополит Антонин и А.И.Новиков – недавний сторонник Красницкого, переметнувшийся к Антонину); предсоборными делами – прот. А.И.Введенский; административными – прот. Красницкий, брачными и судебными делами – епископ Николай Федотов (сторонник Красницкого), финансовыми и хозяйственными делами – прот. Вдовин (сторонник Введенского – из Красного Села под Петроградом).

Постановлено было также пересмотреть состав епархиальных управлений и списки уполномоченных ВЦУ, так как все члены епархиальных управлений и уполномоченные фактически были единолично назначены В.Д.Красницким.

Для «чистки» сторонников Красницкого была образована особая комиссия, в состав которой вошли митрополит Сергей, протоиерей А.И.Введенский, Вдовин и прот. Красницкий. Таким образом, Красницкому удалось сохранить важные позиции в новом ВЦУ: в его руках, в частности, остался административный отдел – важнейший нерв, связывающий ВЦУ с периферией. Тем не менее осень 1922 года принесла полное поражение «Живой Церкви» – кратковременный период ее засилия в обновленческом движении и период диктатуры Красницкого ушли безвозвратно в прошлое.

В чем основная причина поражения «Живой Церкви»? Красницкому и его приспешникам удалось, ловко жонглируя политическими лозунгами, при помощи самого низкопробного политиканства отстранить значительную часть духовенства, застрашать и принудить к молчанию – другую. Однако не так-то легко оказалось справиться с народом: гнилые яблоки, летевшие в голову Красницкого, горшки с мочой, которые приносили на паперти храмов старухи для встречи «протопресвитера», милиционеры как главная опора вождя «Живой Церкви» во время его публичных выступлений – все это характеризовало отношение к нему народа.

Ненавидимая и презираемая народом, не имеющая опоры в духовен-

стве, разьедаемая внутренними противоречиями, потому что безыдейность и беспринципность не рожают дружбы между людьми, а порождают лишь животный эгоизм, – группа «Живая Церковь» после нескольких месяцев своего господства пришла к полному банкротству. К сожалению, с уходом «Живой Церкви» от власти не исчез ее дух: этот тлетворный, смердящий дух карьеризма, пресмыкательства и сикофанства остался в обновленческом движении навсегда – и он пережил обновленцев: этот мертвящий дух веет над официальной церковью и в наши дни.

*

В Петрограде исход московского кризиса вызвал серьезное недовольство; особенно тяжелое впечатление производило соглашение с Красницким, благодаря которому он сохранил часть своего влияния и власти. «Введенский всех нас продал», – громко заявлял о. Евгений Белков.

Раскол с Белковым, частичное восстановление «Живой Церкви», появление на авансцене раскола Н.Ф.Платонова – таковы основные события в жизни петроградского раскола в зиму 1922/23 года (о них речь пойдет в следующей главе).

На первом месте, однако, надо поставить образование петроградской автокефалии, которое имеет огромное историческое значение. В одной из предыдущих глав, говоря о позиции митрополита Сергия, мы отмечали, что он в это время осторожно нащупывал какой-то «третий путь» для русской церкви.

Гораздо более конкретные формы приобрело это «прощупывание пути» в Петрограде. Осенью 1922 года здесь возникнет мощное объединение верующих, которые хотят соединить политическую лояльность по отношению к советской власти с верностью канонам.

В сентябре 1922 года, после падения Красницкого, когда стало ясно, что власть не оказывает безоговорочную поддержку живоцерковникам, в Смольный (в Петроградский Совет) было подано заявление, подписанное епископами Алексием и Николаем.

В этом документе, очень умно и дипломатично составленном, основными были следующие три пункта: 1. Авторы заявления стоят на позициях безоговорочного признания советской власти; признают социальную справедливость Октябрьской революции и считают капиталистический строй греховным. 2. Авторы заявления отрекаются от Карловацкого Собора и не имеют ничего общего с духовными вождями, ставшими на путь контрреволюции. 3. Авторы заявления, будучи православными христианами, не могут вступить в общение с ВЦУ и его ставленником – «так называемым архиепископом Петроградским и Гдовским», так как ВЦУ является самочинным, антиканоническим учреждением, и признать его – это означает отступить от православия.

Ввиду отсутствия в Русской Церкви канонического центра авторы заявления от своего имени и от имени своих сторонников объявляют об

образовании автокефальной (независимой) Петроградской церкви и просят зарегистрировать ее в Петроградском Совете (См.: Соборный разум, 1922, №1-2, с.3-4).

День, когда два епископа посетили Смольный, следует признать историческим, – их акция предвосхищала последующий многолетний период в истории Русской Церкви. Первым по хиротонии был епископ Алексей (Симанский), однако вскоре он исчез с петроградского горизонта, переселившись на три года за Урал, – главным вождем автокефалии стал епископ Николай. Отдадим должное этому человеку, деятельности которого мы неодинаково сочувствуем во всех ее аспектах, – автокефалия не могла найти себе более талантливого, более умелого и более умного руководителя. Находясь в невероятно трудном положении: не признанный Смольным, травимый обновленцами, при отсутствии патриарха на свободе, испытывая недоверие со стороны крайне правых элементов в своей собственной среде, молодой епископ осторожно лавировал между Сциллой и Харибдой – и сумел в короткий срок организовать в Петрограде централизованную организацию.

Пользуясь огромной популярностью среди верующих, епископ сумел привлечь на свою сторону также большинство петроградского духовенства. Автокефалия не имела в своей среде людей, хотя бы в какой бы то ни было мере равных по таланту Антонину Грановскому, А.И.Введенскому и А.И.Боярскому. Она не ставила перед собой широких целей обновления христианства, как это порой делали вожди раскола. Автокефалия, однако, была великолепным практическим выходом из положения, так как она давала верующим то, что им более всего нужно – несомненную каноническую церковь вместо обновленческой путаницы, а порой и грязи. И вот к автокефалии потянулся простой русский человек – в короткий срок она стала широким народным движением.

О положении, которое сложилось в это время в Петрограде, дает довольно ясное представление письмо, написанное в это время:

«Картина церковного положения в данное время в Петрограде приблизительно представляется в следующем виде. Со времени образования группы «Живая Церковь» петроградская паства разбилась на два лагеря. Большая по численности населения (около 65 церквей) часть осталась верна старым традициям, меньшая часть (и то не народа, а духовенства) по тем или иным соображениям примкнула к так называемым новаторам. Это расслоение происходило по тому же принципу, что и в Москве, и в других городах, т.е. движущим элементом явились следующие соображения: с одной стороны, группа «Живая Церковь» с идейной стороны, в сущности, стоящая на рационалистической протестантской точке зрения, а с другой – группа духовенства, усталого от преследований и ищущего компромисса с врагами церкви, и с третьей – группа честолюбивых и житейски настроенных лиц, ищущих «реформ» и компромиссов для личных выгод.

Несмотря на такой обширный диапазон запросов, группы эти все-

таки оказались в меньшинстве среди духовенства, а среди народа не имели никакого авторитета, если не считать личного влияния некоторых руководителей.

Словом, роль живоцерковного духовенства оказалась вполне выявленной, народ чутко отозвался на нее, и церкви живоцерковников опустели; морально и материально они терпели урон. Тогда-то и была создана и здесь «Церковь обновления», т.е. «тех же щей, да пожиже влей». Однако и эта форма не нашла сочувствия в массах, и гг. обновленцы должны были приостановить всякие попытки обновления. Таким образом создалось положение, при котором сейчас у нас есть как бы два течения: старое автокефальное и новое, но ничем внешне не отличающееся от старого. Та же служба, те же приемы внешние, а о реформах нет и речи, ибо их не приемлет народ. Вся разница сводится лишь к признанию или непризнанию самочинной власти петроградской епархиальной и ВЦУ. Новая церковь усиленно муссирует и зовет к подчинению, автокефалисты же, не уверенные в православии самочинных церковных властей, игнорируют как ВЦУ, так и Епархиальное Петроградское Управление, «новые», видя, что их моральный авторитет падает все ниже и ниже, что их епископы Николай Соболев, Михаил Попов (из протоиереев) и даже Артемий Лужский – не пользуются не только популярностью, но не решаются служить в городе, ищут теперь путей привлечь к себе народ и остальное духовенство, которое признает каноническим своим руководителем преосвященного Николая (Ярушевича), епископа Петергофского. Это объединение под его духовным водительством до сих пор не оформлено официально, так как до сих пор еще не зарегистрирована автокефальная церковь как самостоятельная организация, несмотря на хлопоты и здесь и в Москве. Тем не менее фактически большинство петроградцев признает только преосвященного Николая Петергофского, и он всюду служит и рукополагает, а рукоположенных «новыми» пока еще не признают, и они служат у себя только в приходах, которые часто захвачены насильно. Ряд епископов изъят. Преосвященный Венедикт в тюрьме по приговору; преосвященный Алексей (Симанский) и Иннокентий (Тихонов) Ладожский высланы: первый в Семипалатинск, второй – в Архангельск.

Имя Святейшего патриарха в большинстве случаев не возносится громогласно, хотя официального приказа об этом не было, поминают же так: «вся святейшие вселенские патриархи православные, митрополиты, архиепископы и епископы». Домовые церкви усиленно закрываются и окончательно разоряются; на все храмы налоги, но пока по милости Божией все уплачивается, и храмы полны, и вера, о которой говорит Псалмопевец «верую, что увижу благодать Господа на земле живых», живет и дает силы мужественно бороться за истину Христову. Так приблизительно было в месяце декабре-январе».

Между тем епископ Николай делает ряд попыток узаконить и легализовать свою власть. В начале января 1923 года епископа Венедикта,

содержавшегося в тюрьме, посетили два духовных лица, которые передали ему секретное поручение от епископа Николая. В результате появилось следующее письмо от епископа Кронштадтского Венедикта к епископу Николаю, писанное из тюрьмы.

«Ваше Преосвященство Возлюбленный о Христе собрат!

Сегодня, 29 декабря 1922 г. (11 января 1923 г.), посетил меня о. прот. В.И.Сокольский с о. архимандритом Досифеем, и после предварительной беседы они предложили мне в письменной форме три следующих вопроса, на которые просили дать незамедлительный ответ, адресуя его на Ваше имя.

Как один из викариев Петроградской митрополии, хотя временно и лишенный возможности принимать активное участие в церковной жизни, считаю долгом совести ответить на эти вопросы следующее.

Вопрос первый гласит: «Считаете ли Вы Преосвященного Николая Петергофского временно правящим епископом со всеми правами епархиального архиерея?» На этот вопрос отвечаю следующее: я считаю Преосвященного Николая епископа Петергофского в настоящее время только законным викарием Петроградской епархии; признать же его и правящим епархиальным архиереем могу лишь в том случае, если:

1) последует предварительное избрание Преосвященного Николая через законно собранных представителей от духовенства и мирян Петроградской епархии и

2) если по избрании его будет выражено согласие на это законных архиереев области как соборное утверждение его в правах самостоятельно правящего архиерея. До тех пор он может быть признаваем лишь временно правящим епархией. Но и в этом случае должен быть сначала выяснен окончательно вопрос о положении старшего викария, епископа Артемия Лужского, а именно:

а) об его отношении к ВЦУ и

б) об его отношении к «Живой Церкви», после какого объяснения он или войдет в братское общение с Преосвященным Николаем, епископом Петергофским, или совершенно отделится от него, и тогда Преосвященный Николай, епископ Петергофский, в порядке очереди, законно вступит во временное управление Петроградской епархией.

Второй вопрос: «Признаете ли Вы необходимым, в целях предотвращения оскудения Православного Архиерейства в Петрограде, поставление новых викариев?» Отвечаю: законно избранный и утвержденный правящий епархиальный архиерей сам усмотрит необходимость и озаботится выбором себе соответствующих викариев в том количестве, какое сочтет нужным для пользы дела. Для целей же, указанных в вопросе, по условиям времени викарии были бы желательны.

Третий вопрос: «В случае утвердительных ответов – кого Вы могли бы наметить в кандидаты в викарии?» Отвечаю: выбор, избрание и утверждение будут зависеть от братского согласия епископов области или, по крайней мере, ближайших из них к Петрограду, по представлению правя-

щего епископа, каковое, по трудности настоящего времени, может быть выражено, если не на Соборе лично, то в письменной форме с мест их пребывания.

Венедикт, епископ Кронштадтский».

(См.: Соборный разум, 1922, №1-2, с.7-8.)

Таким образом, епископ Венедикт на просьбу о признании епископа Николая как главы Петроградской церкви дал вполне отрицательный ответ, обусловив его признание целым рядом формальностей, которые было бы трудно выполнить даже и в более нормальное время. Еще более отрицательную позицию по отношению к своему младшему собрату занял епископ Иннокентий Ладожский, прямо мотивировавший свой отказ в признании, если верить сообщениям тогдашней печати, личным недоверием к епископу Николаю (там же).

Чем объясняется столь отрицательная позиция петроградских архиереев к человеку, взявшему на себя ответственность за Петроградскую церковь в такое тяжелое время? Разгадку надо, очевидно, искать в той двусмысленной позиции, которую занимал епископ Николай по отношению к «Живой Церкви» в бытность свою наместником Лавры; нельзя, впрочем, сказать, чтоб позиция двух епископов, выраженная ими в их заявлении в Смольный, отличалась бы прямою и ясностью.

Несмотря на это, популярность епископа Николая все возрастала; вскоре она переходит пределы Петроградской епархии – в Новгородской епархии ревнители православных традиций обращают к нему свои взоры.

Новгородская епархия, формально «обращенная в обновленчество», возглавлялась живоцерковным епископом Александром Лебедевым. Законный митрополит Арсений находился далеко от своей паствы. Запуганное новгородское духовенство формально признавало епископа-живоцерковника из вдовых протоиереев, хотя почти каждое его служение ознаменовывалось каким-либо скандалом (сам епископ был довольно безобидным стариком, случайно попавшим в эту кашу).

Единственным очагом «тихоновщины» в Новгородской епархии была захолустная Макарьевская пустынь (в 20 километрах от Любани), место подвигов преподобного Макария Римлянина, жившего в XII веке – затерянная среди дремучих лесов и болот. Монахи этой пустыни отказались от каких-либо компромиссов с носителями зловерных новшеств. Настоятелем пустыни был архимандрит Кирилл (впоследствии схиэпископ Макарий), который держался строго православной позиции. Однако среди братьи нашлись два пламенных фанатика – иеромонахи Митрофан и Клеопа, чью огненную ревность не удовлетворил даже строго православный архимандрит Кирилл. Они заподозрили его в тайном пристрастии к расколу: основанием было то, что однажды архимандрит Кирилл совершил где-то литургию с известным петроградским обновленческим протоиереем о. Н. Сыренским. Они подняли восстание против игумена – пламенные речи сотрясали деревянные стены обители.

И вот возмущенная братия нашла мудрого судию в лице епископа Николая. «Владычный суд» был скор и решителен. Епископ полностью оправдал архимандрита и наказал мятежных монахов запрещением в священнослужении.

Популярность владыки росла, но вместе с тем мрачные тучи собирались над его головой. Становилось все более ясно, что, несмотря на его дипломатическую изворотливость, удары судьбы его не минуют. И не мог не встать вопрос о преемнике. В первые месяцы 1923 года состоялось тайное собрание сторонников автокефалии; единогласно был намечен в преемники иеромонах Мануил – настоятель крохотной домово́й церкви Александро-Невского общества трезвости, которому через несколько месяцев пришлось сыграть выдающуюся роль в истории Петроградской церкви. Этот малого роста иеромонах-аскет имел в груди пламенное сердце протопопа Аввакума и был абсолютно непоколебим и негибам в своей религиозной ревности (о его деятельности подробно в одной из следующих глав). Было условлено, что хиротония его во епископа произойдет в тайне в Архангельске, где жил тогда в ссылке митрополит Серафим (Чичагов).

Хиротонию эту осуществить не удалось, однако впоследствии, когда как бы воскрес из мертвых патриарх Тихон, епископу Мануилу суждено было стать одним из самых яростных и самых непримиримых борцов против обновленчества за торжество патриаршей идеи в Петрограде.

Между тем печальные предвидения осуществились: епископ Николай был арестован и выслан в Коми-Зырянский край. Его дело, однако, не прошло даром. Автокефалии распространялись по лицу всей российской земли. В Петрограде они чуть не привели к краху все дело обновленцев.

«Буря проносится над Русско́й Церковью», – писал в своем воззвании «к чадам Петроградской церкви» обновленческий архиепископ Николай Соболев. «Мягутся души верующих. Смущают их сердца пастыри стада Христова, вместо мира и любви старающиеся, по различным побуждениям, сеять недоверие, раздоры и церковную смуту. В это время я призван на святительскую кафедру Петроградской Православной Церкви. Не искал я этого звания, не мыслил о нем, но когда взоры тех, в чьи руки Господу угодно было вручить управление делами Русской Церкви, в тот момент остановились на мне, я не почел возможным отказываться «взять крест и последовать Христу». Знал, что происшедшее в церкви волнует умы; но знаю и то, что «ни один волос не упадет с головы нашей без воли Отца нашего Небесного».

Знаю, что смущает иных огненное дерзновение нескольких архипастырей и пастырей, которые взялись помочь надтреснувшему кораблю церковному избежать крушения среди волн политической борьбы, куда склонны были втянуть церковь иные из ее архипастырей, но знаю и то, что и «теплых изблюет нас Господь из уст Своих», а ошибки можно исправить

общей молитвой, любовью и работой. Вот на эту работу на склоне дней своих вышел и я. Не на себя надеюсь, но на Божью благодатную силу. Так же право верую и право исповедую веру нашу святую, как исповедывал ее, служил ей 47 лет моего священства. Иные из врученной мне Господом паствы склонны видеть во мне чуть не врага Церкви – Бог да простит им, «не ведают они, что говорят». И даже сослужители мои, викарные епископы Алексей и Николай, которые сначала приняли меня, ныне под влиянием каких-то соображений пытаются расхитить овец, не порученных им – Бог поругаем не бывает и взыщет души смущенных от рук их.

Но благодаря Богу – поколебалась, однако не рассыпалась еще петроградская паства, и теперь, когда выяснилось, что большая часть клира и верующего народа Петроградской епархии приняла новое создавшееся положение, вместе с целым рядом видных епископов Церкви Российской, я обращаюсь к вам, возлюбленные собратья и сослужители по городу Петрограду – оставьте разделения, устранили соблазны и выходите дружно на работу по созданию Духа Христова в сердцах верующих членов Церкви. Несите им проповедь мира и любви. Проповедуйте слово Божие. Будьте светильниками в мире. А вы, возлюбленные чада Церкви, народ православный, знайте, что, стоя на грани вечности, я не изменю святому Православию, а сеющих смуту и раздирающих Тело Церкви, по данной от Господа мне архипастырской власти, буду устранять от руководства церковным народом.

Моя молитва о вас – и приемлющих и гонящих меня.

Благодать Всесвятого Духа и мир с Петроградской церковью. Аминь.

Николай, архиепископ Петроградский и Гдовский».

Из-под его пера вышли через несколько месяцев следующие строки, которые представляют собой потрясающий человеческий документ:

«В Петроградское епархиальное управление.

Волею Божиею и стихийными обстоятельствами, хотя и против личного желания и при протесте со своей стороны, я с величайшей грустью и томлением принял на себя сан епископа и обязанности по управлению Петроградской епархией, принеся требуемую от меня жертву во имя умиротворения многострадальной нашей Церкви.

Документы и живые свидетели в будущем выяснят фактическую и правдивую сторону этого исторического в церковной жизни момента.

Во время минувшего полугодия моего пребывания в Управлении в качестве правящего епископа Петроградской епархии я с болью в душе и сердце переносил те нестроения и раздоры, которыми за это время страдала и страдает наша православная паства со своими пастырями. Далее этого тяжелого креста, возложенного на меня, или, грубо говоря, этого духовного ярма, я не в состоянии нести.

Для меня совершенно ясно, что это страшное и грустное церковное разделение идет все далее и далее не только в Петрограде и уездах нашей губернии, но даже и в других епархиях. Кроме того, и в среде своих

ближайших сотрудников я начинаю чувствовать известную долю внутренней отчужденности.

А потому, для пользы Церкви, ради мира церковного, для примирения пастырей и пасомых, я слагаю с себя обязанности правящего епископа и удаляюсь на покой.

В заключение должен сказать, что этой духовной власти я не искал и не ищу. Свидетель тому сам Господь Бог...»

Архиепископ Николай Соболев.

2 января 1923 года.

(Соборный разум, 1923, №1-2, с.7.)

Приложение к главе «Раскол в расколе»

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ КЛИЧ
ОТКРЫТОЕ ПОСЛАНИЕ

ВЫСШЕМУ ЦЕРКОВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ГРУППЕ «ЖИВОЙ ЦЕРКВИ»

ОТ СВОБОДНОЙ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ЦЕРКВИ
(ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН)

1922 г.

МИР ВАМ!
ОТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА.

Приветствуя зародившееся в православной церкви движение, принявшее наименование «Живой Церкви», Свободная Народная Евангельская Церковь (Всероссийский Союз Евангельских Христиан) имеет к тому особое основание.

В 1911 г. Председатель Всероссийского Союза Евангельских Христиан И.С.Проханов обратился к тогда существовавшему Синоду с просьбой расширить распространение Евангелия в народе путем усиления печатания библий, новых заветов и т.п., в частности, путем напечатания портативной библии карманного формата.

Синод, совершенно не заботившийся о духовном просвещении народа, в этом отказал и поручил архиепископу Антонию Волынскому вступить в переписку с Всероссийским Союзом Евангельских Христиан.

В ответ на последовавшее со стороны архиепископа Антония писание последовало исчерпывающее послание Всероссийского Союза евангельских христиан (ВСЕХ).

В этом послании указывалось на бедственное духовное состояние русского народа; и в то же время Синод и все духовенство приглашалось покаяться в вековом грехе, ожить и начать деятельность, соответствующую возложенной на них ответственности.

Вместе с тем предсказывалась судьба руководителей православной церкви, в случае если они не откликнутся на призыв Божий: «ЕСЛИ ПОСМОТРЕТЬ ВНИМАТЕЛЬНО», говорилось в послании, «СУД БОЖИЙ ГРЯДЕТ».

Этот суд пришел на наших глазах и оказался очень тяжелым для руководителей церкви.

Там же говорилось, что возможны такие случаи, что церковь может носить имя будто «жива», а на самом деле мертва (Откр. 3,1), что она может быть «несчастлива, жалка, слепа и нага», что светильник может быть сдвинут и т.д. (Откр. 2,5).

Таким образом, несмотря на вековые гонения со стороны православной церкви, Свободная Народная Евангельская Церковь следует примеру Спасителя и, покрывая все любовью всепрощения, призывала гнавшую ее старую государственную церковь к обновлению, оживлению и очищению.

Это был пророческий голос, внушенный самим Богом. Но, увы, она не увидела дня посещения Его и не услышала голоса Его.

НО ГОЛОС ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ И ТЕПЕРЬ НЕ ЗАМОЛК. С чувством искреннего доброжелательства и мира он звучит по адресу вновь образуемой церкви.

Из вышеизложенного ясно, что ничто не может так радовать Евангельскую Церковь, как тот факт, что «мертвая православная церковь» делается «живой», и попытка в этом направлении для нее весьма ценна.

Наблюдая, однако, за началом образования и развития «Живой церкви», Евангельская Церковь находит необходимым сказать представителям ее весьма важное братское слово:

Перед «Живой церковью» лежат две пути:

1. Она может, подобно многим, прежде «оживляющимся церквям» на Западе, немного пожить и затем опять умереть, и
2. Она может жить, развивать свою жизнь и даже изобиловать жизнью неограниченное время.

ЛЮБЯ СВОЙ НАРОД, ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ ОТ ДУШИ ЖЕЛАЕТ НАСТОЯЩЕЙ И ЦВЕТУЩЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ «ЖИВОЙ ЦЕРКВИ».

В силу этого желания Евангельская Церковь обращает внимание руководителей «Живой церкви» на следующие факты:

В настоящем своем виде, к сожалению, «Живая церковь» еще не проявляет истинной жизни. О ней можно сказать то, что сказано в Откровении, 3,1: «ТЫ НОСИШЬ ИМЯ БУДТО ЖИВА, НО ТЫ МЕРТВА». Это явствует из следующих положений:

а) Ап. Петр призывает всех верующих из самих себя, как «живых камней», устроить «дом духовный», т.е. живую церковь из живых сознательно верующих в НЕГО душ (Петр. 2,5);

б) Живые камни это те, кто сознательно приняли Евангелие, уверовали в Него (Мр. 1,15), покались (Лук. 13,3), обратились, т.е. переменили жизнь (Деян. 3, 19) и возродились (Иоан. 3,5) от воды (т.е. Слова Божия – Иоан. 4,14; Петр. 1,23) и Духа Святого (т.е. усвоили совершенно новую духовную природу: новое сердце, новый дух) и живут праведно и благочестиво (Тит. 2,12) в этом мире.

Руководители «Живой церкви» должны определенно выяснить, удовлетворяют ли члены ее этим условиям. Если нет, то как бы она ни называлась, она не может быть «живой».

Согласно вышеуказанному условию, «Живая церковь» должна иметь следующий строй: в целях сохранения жизнеспособности она должна строго соблюдать следующие установленные Господом правила:

1. В ЦЕРКОВЬ ПРИНИМАЮТСЯ ЧЛЕНАМИ ТОЛЬКО ДУШИ, ИСПОВЕДОВАВШИЕ ФАКТ СОЗНАТЕЛЬНОГО УВЕРОВАНИЯ ВО ХРИСТА, ПОКАЯНИЯ, ОБРАЩЕНИЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ.

2. Таким сознательно уверовавшим во Христа преподается крещение водное (Деян. 2,41), чем исключается крещение детей, не могущих сознательно верить.

3. Такие сознательно уверовавшие затем пребывают в «преломлении хлеба» (Деян. 2,42), т.е. совершают в простоте воспоминание смерти Христа путем установленной вечери (1 Кор. 11, 23-33).

4. Члены Церкви, впавшие в грех, должны, согласно повелению Спасителя, подвергаться увещанию. В случае их исправления они остаются членами; в случае продолжения греха выбывают из церкви, благодаря чему сохраняется чистота и жизнеспособность церкви (Мф. 18,15-16).

5. При этом «Живой церкви» избранные работники (пресвитеры, учителя и диаконы), являясь не начальниками и административными лицами, а служителями, имеют своей главной задачей не исполнение треб и таинств, а смиренное самоотверженное служение духовного воспитания членов (1 Фес. 2,7).

6. Каждый член знает твердо, что благодать Духа Святого принадлежит не пастырю только, а каждому верующему, что все – сыны Божии – водимы Духом Божиим (Римл. 8,9 и 14) и что всякий верующий должен исполняться Духом постоянно (Ефес. 6,18).

7. Каждый верующий имеет непосредственное отношение к Богу. Для него – единый ходатай и посредник Господь Иисус Христос (1 Тим. 2,5); он молится не установленными формулами, а живыми словами от живого сердца (Еф. 6,18; 1 Кор. 14,15), он поклоняется Богу своему в духе и истине, без посредства вещественных предметов (Ин. 4,24)..

8. Всякий член церкви питается чистым словесным молоком (1 Петр. 2,2), т.е. чистым словом Божиим, без примеси человеческих преданий и т.п. (Мк. 7,8).

9. Храмом для верующего становится его сердце, где и утверждается Царство Божие (Лк. 17,21; 1 Кор. 6,19).

НО, КРОМЕ ТОГО, ПОДОБНО ОЖИВШЕМУ ВОСКРЕСШЕМУ ЛАЗАРИЮ, ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ И ВСЯКАЯ ОЖИВШАЯ ЦЕРКОВЬ ДОЛЖНА СНЯТЬ ПЕЛЕНА ВСЯКИХ ОСТАТКОВ ПРЕЖНЕГО МЕРТВОГО СОСТОЯНИЯ.

В силу высказанного ожившая православная церковь должна освободиться от следующих пелен:

10. Необходимо отвергнуть все человеческие предания и постановления, образовавшиеся после Христа и Апостолов и остановиться исключительно на слове Божиим, как едином руководстве в вере, жизни и домостроительстве, достаточном для того, чтобы не только спасти, но и сделать человека совершенным (2 Тим. 3, 16-17).

11. Необходимо отвергнуть

все, что основывается не на слове Божиим, а на преданиях;

толкование таинств, при котором духовное поглощается материальным;

1) крещение детское и заменить его крещением по сознательному уверованию (Мф. 16,17);

2) учение об евхаристии с пресуществлением и заменить его преломлением, или «вечерей Господней» (Деян. 2,42; Кор. 2,20), с воспоминанием смерти Спасителя, совершенной во искупление людских грехов;

3) учение о хиротонии, дающей какую-то особую власть людям и исключительное право обладания Святым Духом – простым рукоположением, т.е. молитвою церкви с возложением рук, знаменующим собою возложение на служителей церкви ее великого бремени.

12. Отменить сложную иерархию из священников, архиереев, митрополитов, патриархов и др. и принять только служителей церкви, указанных в Новом Завете: пресвитеров, учителей и диаконов, избираемых церковью в строгом согласии с указаниями в слове Божиим требованиями (Тит. 1,5-10; Тим. 3,1-14).

13. Упразднить самое учение об особом классе людей, называемых священниками, ибо все верующие суть священники Богу Живому (Откр. 1,6 и 5,10; 1 Петр. 2,5) и устранить всякое понятие о посредничестве между Богом и людьми.

В силу этого отменить всякую исповедь перед священниками, наставляя весь народ, чтобы он исповедывался непосредственно перед Господом (1 Ин. 1,9).

14. Совершенно устранить всякое учение о разделении церкви на духовенство и мирян, об исключительном праве служителей церкви на благодать Духа Святого и наставить весь народ в том, что каждый член должен не только иметь общение с Духом Святым, но возродиться от Него (Ин. 3,5), быть руководимым Им (Рим. 8,14) и исполняться Им (Еф. 5,18) и что без Духа Святого он не может быть христианином (Рим. 8,9).

15. Устранить всякое учение о посредничестве между Богом и человеком святых, Девы Марии и др. и провозгласить единое посредничество Иисуса Христа (1 Тим. 2,5).

16. Устранить всякие посредствующие вещественные предметы, как: иконы, мощи и т.п. и всякие обряды из области поклонения Богу и научить народ молиться в духе и истине (Ин. 4,24).

17. Научить народ молиться не установленными формулами, а молитвами импровизированными, т.е. всякими молитвами и прошениями

ми во всякое время духом (Еф. 6,18), исходящим из сердца соответственно нуждам.

18. Устранить неправильное учение о храмах и научить народ сознавать, что человек верующий есть храм Духа Святого (1 Кор. 6,19) и что Богу поклоняться можно везде и всюду, ибо Он там, где двое или трое собрались во имя Его (Мф. 18,20).

19. Устранить всякие учения, не основанные на слове Божиим, как-то: поминовение умерших и т.д. и т.п.

Но само собою разумеется, согласно тому, что сказано выше, удалению пелен, т.е. всего, что основано на человеческих преданиях, должно предшествовать действительное оживление церкви.

Оно должно начаться, как сказано выше, с оживления каждого отдельного члена через сознательное уверование, покаяние, обращение, возрождение и наставление к святой жизни и затем должно привести к общению с верующими в хлебопреломлении и святом труде для славы Божией.

В силу этого в церкви сами по себе осуществляются следующие нововведения:

20. Равенство всех членов, мужчин и женщин, и одинаковый голос в собраниях церкви при решении всех вопросов, ибо все братья и сестры во Христе имеют одинаковые права (Мф. 20,25).

21. Выборное начало в отношении всех служителей церкви (Деян. 6,1-6).

22. Соблюдение нравственной чистоты в церкви, увещание и исправление виновных в грехе и удаление в случае их нежелания исправиться (Мф. 18,15-18).

23. Полная внутренняя независимость всех поместных церквей наподобие древних: Иерусалимской, Антиохийской, Ефесской и др., при условии объединения их в одном вероучении.

24. Обильное наставление народа словом Божиим на общедоступном языке путем живой проповеди, библейских чтений с разбором писаний и т.д.

25. Правильно поставленное дело духовного воспитания всех членов церкви, и в особенности молодежи и детей.

26. Всякое содействие правильному устройению социальной жизни членов церкви на основах свободы, равенства и братства и устранение всяких видов несправедливости из практических отношений между людьми.

27. Так как Христова церковь есть царство не от мира сего, то устранение церкви от всякого участия в политике и сосредоточение исключительно на деле действительного духовного строительства Царства Божия в сердцах человеческих, что находится в полном согласии с принципом отделения церкви от государства.

НАМЕЧЕННАЯ В СЕМ ПОСЛАНИИ РАБОТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СОЗДАСТ «ЖИВУЮ ЦЕРКОВЬ», КОТОРАЯ БУДЕТ ВОССТА-

НОВЛЕНИЕМ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ И АПОСТОЛОВАМ, Т.Е. ЦЕРКВИ ПЕРВОХРИСТИАНСКОЙ.

Она будет не только живою, но будет иметь в самой себе достаточную сопротивляемость всякому замиранию и сделается постоянно возобновляющимся источником живых сил. ЭТО БУДЕТ РЕФОРМАЦИЯ ПО СЛОВУ БОЖИЮ.

К сожалению, то, что мы слышим о реформах, которые стремятся ввести «Живая церковь», они далеко не соответствуют вышеуказанным требованиям учения Христа. Эти реформы сводятся, главным образом, к небольшим внешним переменам.

Вполне понятно, что окончательная реформа церкви может быть выработана только на Соборе. Во всяком случае, решения Собора будут в значительной мере зависеть от голоса руководителей «Живой церкви».

Им-то Народная Евангельская Церковь напоминает, что в развернувшейся перед нами работе необходимо помнить исторические примеры и брать из них уроки.

Реформация Гуса, Лютера и проч. пошла гораздо дальше по пути обновления строя католической церкви, чем «Живая церковь» в ее теперешнем состоянии, но эта средневековая реформация не сделала церковь живою, потому что не был проведен принцип живого строительства церкви, т.е. принцип строения церкви из живых камней, из душ, сознательно уверовавших, обратившихся и убежденных. В конце концов это было приращение новой заплатки к ветхой одежде (Мф. 9,16), от которой получилось мало пользы.

ТА ЖЕ УЧАСТЬ ЖДЕТ И РУССКУЮ «ЖИВУЮ ЦЕРКОВЬ», если только она ограничится половинчатыми реформами и забудет самое главное, т.е. дело устройства церкви из живых душ.

Народная Евангельская Церковь предвидит легкую возможность уклона группы «Живой церкви» в сторону поверхностного строительства, ибо на самых первых шагах она встретит сильнейшее сопротивление со стороны консервативных и устарелых кругов православной церкви.

В силу этого Народная Евангельская Церковь желает протянуть ей руку братской помощи и содействия и нравственно поддержать ее в настоящей борьбе.

В связи с этим внимание группы «Живой церкви» обращается на следующее:

Под влиянием наветов и извращений представителей мертвой церкви у многих представителей «Живой церкви» могли сложиться неправильные представления о свободной Народной Евангельской Церкви. Эти неправильные представления необходимо рассеять:

1. Вопреки неправильным толкованиям НАЗВАНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ВЗЯТО не от какой-либо прежде существовавшей организации, а непосредственно ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ: «ВЕРУЙТЕ В ЕВАНГЕЛИЕ» (Мк. 1,15) и «ПОДВИЗАЯСЬ ЗА ВЕРУ ЕВАНГЕЛЬСКУЮ» (Фил. 1,27).

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ в России называется народной, потому что она *возникла из недр народа* и ее проповедниками являются рабочие и крестьяне.

Она свободна, ибо никогда не была в соединении с государством.

2. Вопреки утверждениям разных победоносцевских миссионеров Народная **ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ НЕ ИМЕЕТ И НИКОГДА** не имела НИ ВРАЖДЫ и никакого ЧУВСТВА ЗЛОБЫ ИЛИ МЕСТИ ни по отношению к старой православной церкви, ни тем более по отношению к группе «Живой церкви».

Правда, от старой православной церкви евангельские христиане терпели страшные гонения, их требовало черносотенное духовенство от самого народа, и потому евангельские христиане не враждовали – молились за народ, как за не ведавший, что он творит, и за духовенство, как за врагов, которых Спаситель заповедал любить.

При всем этом евангельские христиане молились о пробуждении и возрождении как народа, так и православного духовенства. Евангельская Церковь может радоваться, что молитва ее начинает исполняться. Искренность такого христианского отношения доказывается тем, что теперь, когда православная церковь повержена, евангельские христиане не проявили никаких актов мести или злорадствования.

Тем более по отношению группы «Живой церкви».

НАРОДНАЯ ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ МОЛИТСЯ, ЧТОБЫ ГОСПОДЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СДЕЛАЛ ЕЕ РЕКОЮ ДУХОВНОГО ОЖИВЛЕНИЯ МНОГИХ МИЛЛИОНОВ ДУШ.

3. Вопреки утверждениям пристрастных лиц Народная Евангельская Церковь не есть секта или узкая партия ни по учению, ни по настроению.

ПО СВОЕМУ УЧЕНИЮ Народная Евангельская Церковь воплотила в себе вышеизложенные основы христианской церкви и является восстановленной первохристианской церковью, рожденной в недрах русского народа от духа Божия, растущей и живущей согласно законам, указанным в Слове Божиим.

Эта церковь исчисляет своих членов и сочувствующих уже сотнями тысяч и миллионами. Она уже прошла через огонь испытаний и гонений, укреплена молитвами, слезами и кровью своих мучеников и вышла на путь плодотворного духовного творчества.

ПО СВОЕМУ НАСТРОЕНИЮ Евангельская Церковь отличается от всех существующих вероисповеданий широтой своих взглядов на инаковерующих.

В основе своего мировоззрения она положила слова великого ап. Павла: «Как бы ни проповедывали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь» (Фил. 1,18) и великое изречение одного из христианских мудрецов: «в главном единство, во второстепенном свобода, а во всем любовь». Отсюда понятно, почему Евангельская Церковь с самого начала

призывала к единению все вероисповедания, стремящиеся к насаждению правды Христовой.

В своих органах печати Евангельская Церковь, твердо отстаивая основы своей веры, не позволяла себе никогда оскорблять никакое вероучение.

Дух Евангельской Церкви **ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ, ВСЕЛЕНСКИЙ.**

Движимая этим духом, она приветствует движение «Живой церкви» и готова помочь ей достигнуть поставленных ею целей.

С другой стороны, для «Живой церкви» представляется благоприятный случай принять протянутую ей руку, усвоить глубокие основы веры и духовной жизни, заложенные в фундаменте Свободной Евангельской Церкви, применить их к своему домостроительству и вместе с нею, на началах Евангелия, ревностно воздвигнуть великое здание истинной церкви Христовой.

Деятели Свободной Евангельской Церкви могут с пользой применить свои проповеднические способности в храмах «Живой церкви», а также во всем деле духовного перевоспитания народа.

Тогда порыв «Живой церкви» обопрется на твердую первохристианскую практику Свободной Народной Евангельской Церкви.

Соединенные обновленческие силы окажутся столь великими, что все препятствия будут снесены, а **ГАЛИЛЕЯНИН ЕЩЕ РАЗ ПОБЕДИТ, И ЕГО ПОБЕДА БУДЕТ СОВЕРШЕННОЙ.**

Но Господь говорит: **«БЕЗ МЕНЯ НЕ МОЖЕТЕ ДЕЛАТЬ НИЧЕГО»** (Ин. 15,5), И ПОТОМУ в ожидании радостном такого славного исхода **СВОБОДНАЯ НАРОДНАЯ ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ ПРИГЛАШАЕТ ГРУППУ «ЖИВОЙ ЦЕРКВИ»** начать дело **ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАРОДА.**

В четверг 2 ноября во всех поместных общинах евангельской церкви будет вознесена благодарность Господу за то, что ее многолетнее сеяние доброго плода со слезами в русском народе увенчивается обильной жатвой, которая принимается с радостью, и вместе с тем будет выражена горячая просьба, чтобы движение, стремящееся к жизни, Он сделал воистину живым, живоносным и никогда не умирающим.

Если группа «Живой церкви» пожелает в этот день во всех своих отделениях вознести к Господу такие же молитвы, это будет встречено с большой радостью.

Если группа «Живой церкви» пожелает эти молитвенные собрания сделать совместными, для евангельских христиан это будет большая радость.

Если вся группа «Живой церкви» или отдельные ее члены пожелают получить дополнительные разъяснения некоторых вопросов, то им будут даны ответы исчерпывающим образом.

Все запросы по предмету сего послания просим посылать по адресу: Ивану Степановичу Проханову, Петроград, Всероссийский Союз евангельских христиан, М.Конюшенная, д.3.

Просим писать всех сочувствующих и желающих принять предложение Евангельской Церкви.

ГОСПОДЬ СКАЗАЛ: «ОГОНЬ ПРИШЕЛ Я НИЗВЕСТЬ НА ЗЕМЛЮ И КАК ЖЕЛАЛ БЫ, ЧТОБЫ ОН ВОЗГОРЕЛСЯ» (Лук. 12,49).

Теперь уже возгорелся для России, если мы будем молиться, то он разрастется в великое неугасимое пламя очищения и спасения нашего народа.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми нами.
Аминь.

С приветом во имя великого Учителя Христа, Его ученик

Совет Всероссийского Союза Евангельских Христиан

(Совет Свободной Народной Евангельской Церкви)

Председатель – И.С.Проханов

Члены: Г.М.Матвеев, В.И.Быков, И.П.Баранов, П.С.Капалыгин,

С.А.Алексеев, Ф.С.Савельев, В.Т.Пелевин, А.А.Андреев, И.И.Моторин, В.Е.Егоров, Д.А.Войнов, Н.Д.Нендеровский и др.

6 сентября 1922 года

Общины и собрания евангельских христиан имеются по всем губерниям и уездам России.

Переломанные позвонки

Распалась связь времен,
Зачем же я связать ее рожден?

Эти слова принца Датского люди повторяют всегда в переломные эпохи, когда неожиданно рушатся вековые устои, – и хочется судорожно ухватиться за падающие бревна и связать, починить разрушенное ураганом...

Век мой, зверь мой,
Кто сумеет заглянуть в твои зрачки
И свою кровью склеить
Двух столетий позвонки, –

писал в 1922 году замечательный поэт Осип Мандельштам.

Если исключить из стихов Мандельштама притяжательное местоимение (свою кровь обновленцы берегли), то раскол представлял собою такую попытку – склеить переломанные революцией позвонки двух столетий (вместе крови употреблялась красная краска). Правы ли они были?

«Нет», – ответим мы.

«Нет, – подхватят атеисты, – нет, то, что умерло, того не воскресишь», – и тоже ошибутся, потому что истина не может ни умереть, ни устареть. Но именно поэтому ее нельзя поддерживать политическими сделками и компромиссами.

«Я с трудом понимаю, чего они хотят», – сказал (как нам передавали) недавно один из читателей этой работы.

Отвечаем: мы хотим, чтобы люди всегда и во все времена искали Истину – Правду потому, что только Правда дает жизнь и насыщает, все остальное есть отрава, трупный яд. Мы преклоняемся перед теми обновленцами, которые искали Истину, то к ней приближаясь, то удаляясь от нее. Мы презираем тех из них, кто искал сделок, компромиссов, политических выгод. (Увы! это иной раз были одни и те же лица!)

Мы восхищаемся, когда христиане соединяются во имя борьбы за истину (такое соединение возможно и даже необходимо). Мы презираем тех христиан, которые пресмыкаются перед коммунистами только потому, что они завоевали власть.

Союз христиан с социалистами может быть лишь свободным, идейным, не вынужденным обстоятельствами, при наличии доброй воли с обе-

их сторон, и Истина должна быть превыше всего. В любом случае христианин не может пользоваться нечистоплотными, коварными, жестокими методами – иначе он не христианин. Но большинство людей, примкнувших к расколу в 1922 году, меньше всего думали об Истине, – они думали о том, чтоб чинить «переломанные позвонки» – отсюда тот вечный кисло-сладкий, тухлый привкус пошлости, который примешивается ко всем речам и декларациям обновленческих деятелей.

Особый интерес представляет в этом смысле провинциальный раскол. Провинция в карикатурном виде повторяла то, что происходило в Петрограде и Москве.

Вот перед нами город Калуга. Местный епископ Феофан Туляков в июне признал ВЦУ и возглавил новое Епархиальное управление, в котором главную роль играл живоцерковный протоиерей Некрасов. 29 августа 1922 года, после съезда «Живой Церкви» и протестов Антонина, епископ объявил о неканоничности ВЦУ – и здесь возникла автокефалия.

О дальнейшем ходе событий пусть расскажут сами живоцерковники – передаем слово о Некрасову.

Вот перед нами его статья «Из церковной жизни нашего города», подписанная «Епархиальное управление» и напечатанная в местной газете 9 сентября 1922 года.

«Ну а вы, близорукие собратья-иереи? – обращается почтенный пастырь к калужскому духовенству. – Не за ваши ли права ратует Высшее Церковное Управление, не вас ли хочет «Живая Церковь» освободить из-под векового гнета «князей церкви»? Забыли, что ли, вы, как ваших прадедов по капризу епископов пороли в архиерейских управлениях, как ваших отцов публично ставил на колени епископ Григорий, как вас самих архиерей Георгий величал ослами и дураками? А вы опять в этот хомут лезете. Видно, кто уж холопом родился, тому господином не быть. Одумайтесь, близорукие. Ведь мы переживаем единственный исторический момент – другой, может быть, и не наступит.

Заканчивая настоящее сообщение, мы хотели бы остановить внимание широкой публики на одном досадном для нас совпадении обстоятельств.

29 августа было собрание священников для информирования их о работах Московского Синода, а в ночь на 2 сентября были произведены следственной властью обыски и аресты у епископа и некоторых священников. Феофановские «лампадки» сейчас же приписали эти аресты проискам священников, не подписавших протест (против «Живой Церкви»). И теперь с легкой руки этих кликуш о том же трубят весь город и нас ругают на все корки.

Положим, что по пословице «Брань на вороту не виснет», – но, друзья, будьте хоть капельку логичны. «После того не значит причина того», – гласит элементарное логическое правило... Стыдно, други, руководствоваться бабьей логикой каких-то психопаток». (Калужская коммуна, 1922, 9 сентября, №203, с.2-3)

Мы здесь ставим точку, так как рядом с этими бессмертными по своей пошлости строками любой комментарий был бы слишком бледен...

Столь же шумно и нескладно, со скандалами и подтасовками, прокатился раскол и по другим градам и весям земли русской.

Вот перед нами город Харьков – юридическая столица Украины, на самом же деле в то время (по культуре и жизненному укладу) типичный русский губернский университетский город.

Здесь, как мы говорили выше, возник еще в 1921 году «раскол до раскола». Его представителем был Лебедянский иерей Константин Смирнов – один из самых оригинальных и причудливых людей, которых имело когда-либо в своих рядах русское духовенство. Будучи магистром философии, обладая критическим и пытливым умом, о. Константин считал себя учеником и последователем знаменитого богослова М.М.Тареева. Сидя в своем лебедянском кабинете, о. Константин исписывал горы бумаги, производя (вслед за своим учителем), настоящую революцию в богословии, – чего, разумеется, никто не замечал. Большой эффект производили его литургические реформы, о которых мы говорили выше и за которые он попал под запрещение в священнослужении. К сожалению, по страстности своего характера наш богослов, иной раз сходя с заоблачных высот философии, употреблял такие приемы, от которых содрогнулся бы его учитель М.М.Тареев. Считая почему-то главным виновником своих злоключений Харьковского кафедрального протоиерея о. Тимофея Буткевича (известного сектоведа и духовного писателя), о. Константин обрушивал на него каскады самого язвительного красноречия, обличая его, наряду с другими грехами, в... табакокурении.

В мае состоялась встреча лебедянского Савонаролы с архиепископом Нафанаилом, при которой присутствовал о. Тимофей Буткевич. Беседа началась со следующего диалога:

«О. Смирнов. Мы не хотим говорить в присутствии этого нечестного человека.

Архиепископ. Спокойнее, спокойнее...

Смирнов (*волнуясь*). Владыко, пусть выйдет отсюда этот мерзавец.

Архиепископ. Не трогайте старика.

Смирнов. Владыко, я не могу говорить в присутствии этого взяточника, пьяницы и мерзавца. (Буткевич, не вынеся таких комплиментов, уходит)». (Коммунист, Харьков, 1922, 1 июня. Впоследствии было перепечатано в «Известиях».)

К.Смирнов, однако, отказался признать ВЦУ, поэтому в первые же месяцы раскола он был оттеснен на задний план. Заправилкой «церковной реформы» стал некий мирянин, никому дотоле не известный «гражданин Захаржевский», который был назначен (Бог знает почему) уполномоченным ВЦУ по Харьковской области. После того как ему удалось привлечь на свою сторону прот. Красовского и еще несколько человек из местного духовенства, образовалось местное «епархиальное управление», отстранившее от

власти архиепископа, который вскоре (вместе со всей верхушкой харьковского духовенства) был арестован и предан суду «за контрреволюцию».

Затем Харьков был осчастливлен радостным известием: ВЦУ назначило в Харьков нового архиерея – живоцерковного трибуна прот. Алексия Дьяконова, одного из главных оруженосцев Красницкого, выступавшего на съезде группы «Живая Церковь» с докладом «О контрреволюционности черного епископата».

В Благовещенском соборе, захваченном живоцерковниками, прославляли первого «революционного» харьковского владыку. Проповедники – «живисты» неистовствовали, превознося революционную доблесть смелого борца за обновление церкви.

И вдруг... Вдруг грянул гром среди ясного неба: в местной газете «Коммунист» появилась небольшая заметочка о. К.Смирнова: «Один из признавших справедливость завоеваний социальной революции». Вся эта заметка представляла собой лишь выдержку из статьи священника А. Дьяконова, написанной «революционным владыкой» за семь лет до этого (Миссионерское обозрение, 1915, январь, с. 135-146).

Эти строки, написанные за два года до революции одним из героев «Живой Церкви», действительно, так колоритны, что мы не можем удержаться от искушения привести их здесь.

В статье под заглавием «Победа духа» будущий борец за церковную революцию, а тогда костромской епархиальный миссионер, делился с читателями своими «предвидениями будущего», которое рисовалось ему в следующем виде:

«...наша воскресшая молодежь скажет:

Прочь, прочь от нас, коварство, злоба!
Одни лишь русские душой,
Монарху верные до гроба,
Возвысьте с нами голос свой...

Смотрите и умилитесь: Русь идет, Русь святая, Русь великая в своих заветах! Встали во всем своем историческом значении слова старого гимна:

Три для русского святыни
На земле бывали встарь;
Будут вечно, как и ныне,
Бог, отечество и царь».

(Коммунист, 1922, 13 сентября, №209, с. 3).

Харьковские живоцерковники во главе с «гражданином Захаржевским» лишились дара речи от столь вдохновенных провидений «революционного пророка».

Между тем о.Смирнов, не давая опомниться противнику, нанес новый сокрушительный удар.

В том же номере газеты появилась следующая декларация новой церковной группы.

«Находя, что в церковно-обновленческом движении, выступающем под флагом «Живой Церкви», нет никакого:

- 1) ни действительного обновления,
- 2) ни необходимо обуславливающего его покаяния в своих исторических грехах со стороны белого духовенства, главным образом и уронившего престиж церкви,
- 3) ни сознания необходимости самого широкого распространения просвещения среди народа, заботы и даже речи о том,
- 4) ни действительного церковного демократизма с надлежащим привлечением к делу церковного обновления мирян на началах истинноцерковной соборности, а есть лишь:
 - 1) сведение чисто сословных счетов белого духовенства с черным, со сваливанием всего с больной головы на здоровую и исканием сучка в глазу брата своего,
 - 2) порыв зависти, честолюбия, властолюбия и деспотизма белых батюшек, нисколько в этом не уступающих черному епископату,
 - 3) стремление белого духовенства к еще большей вольготности жизни, угождению плоти и омирщению,
 - 4) еще больше, чем прежде, попрание церковных канонов, принципа соборности и избирательных прав церкви с введением взамен того деспотического олигархизма и держимордства, группа духовенства и мирян во главе с магистром философии свящ. К.Смирновым образовали новую группу со своим, уже утвержденным, уставом». (Там же.)

Вскоре по Харькову пронеслась новая сенсация: «Савонарола примирился с папой». В сентябре священник Смирнов посетил содержащегося в местной тюрьме преосвященного Нафанаила, архиепископа Харьковско-го и Ахтырского (он был приговорен к незначительному сроку заключения), принес ему покаяние и получил от него разрешение от запрещения в священнослужении.

Таким образом, в Харькове во главе автокефалии неожиданно встал один из самых непримиримых раскольников.

18 сентября 1922 года в Троицкой церкви состоялось собрание автокефалистов, на котором была избрана «инициативная группа» из 5 священников во главе с К.Смирновым. Троицкая церковь стала цитаделью «харьковской церкви», которая здесь называлась «свободной». Как и в Петрограде, верующий народ хлынул в объятия автокефалии – «Живая Церковь» сразу очутилась на грани катастрофы. Буквально сразу же началось «бегство с тонущего корабля», о чем свидетельствует следующее любопытное письмо.

«Прошу поместить в вашей газете следующее, – писал в газету «Коммунист» один из местных корифеев «Живой Церкви». – Расходясь с харьковским комитетом группы «Живая Церковь» принципиально во взглядах на сущность и основные вопросы церковной реформы и не соглашаясь с тактикой комитета в отношении инакомыслящих, я в заседании комитета

вечером 15 сентября с.г. сложил с себя звание члена Харьковского епархиального управления и товарища председателя харьковского комитета группы «Живая Церковь» и вышел из состава комитета и группы. *Слюсенко*. (Коммунист, 1922, 17 сентября, №213, с.3).

Руководители «Живой Церкви», экстренно собрав свои силы, решили дать отпор. 21 сентября в Благовещенском соборе живоцерковниками было созвано собрание, которое должно было подтвердить верность народа идеалам «Живой Церкви»; эксперимент, однако, не увенчался удачей и чуть не погубил отважных экспериментаторов: разъяренная паства в бешенстве бросилась на своих пастырей, которые в панике разбежались, пока милиция оттесняла от собора бушевавшую толпу...

Следует отметить, что в Харькове автокефалия была поддержана не только простым народом, но и религиозной интеллигенцией, объединившейся здесь в «Общество ревнителей православия», во главе которого стал профессор местного университета (впоследствии член Академии наук), один из крупнейших представителей советского литературоведения, недавно умерший Александр Иванович Белецкий (См.: Безбожник, 1923, 18 февраля, №10, с.1).

Зигзагообразен путь основоположника Харьковской автокефалии: переехав в Москву, он сблизился с Антонином – вновь вернулся в лоно обновленчества (всегда сохраняя, однако, особую, своеобразную позицию), стал профессором обновленческого Ленинградского богословского института, затем обновленческим архиереем и так же, как Боярский, погиб в тюрьме в качестве одной из жертв ежовщины.

Примерно так же, как в Харькове, разворачивались события в Ростове-на-Дону. В мае 1922 года, как только был арестован за сопротивление изъятию ценностей местный епископ Арсений, сразу появилась группа местных священников во главе с прот. Михаилом Поповым, которая здесь приняла сугубо «революционное» название – «Исполнительное бюро», составившее соответствующее воззвание, которое начиналось словами:

«Епархиальная власть не осознала той свободы, которая предоставлялась церкви государственным переворотом и отделением церкви от государства, а наоборот, непременно старалась ее отдать в рабство то одному, то другому (благоверному) временному правительству страны Российской...»

Далее следовала пламенная декламация о преданности советской власти и о признании ВЦУ.

«Воззвание подписано, – сообщал автор воззвания, – ВСЕМИ церковнослужителями ВСЕХ церквей Ростова и Нахичевани. Кроме того, на собрании находились представители всех церквей Ростовского округа, которые дали подписку о признании исполнительного бюро». (Коммунист, 1922, 1 июня, №123, с.5, статья «Раскол в Ростовской церкви».)

Все эти подписки и одобрения всеми церковнослужителями Ростова и Нахичевани не помешали этим «всем» в полном составе покинуть «Живую Церковь» ровно через три месяца после принятия этой резолюции.

Очень колоритно начался раскол в Царицыне.

Тотчас после появления ВЦУ из Царицына полетела в Москву, на Никольскую улицу, следующая телеграмма: «Москва Богоявленский монастырь. Епископу Антонину. Царицынская группа священников и верующих на своем собрании, ознакомившись с журналом «Живая Церковь» и сочувствуя основной его задаче – обновлению православной Церкви, приветствует Ваше начинание и сообщает Вам об образовании в Царицыне инициативной группы, которая ставит своей целью издание журнала «Обновление церкви».

Председатель собрания свящ. Александр Благовидов. Священники: Николай Руссов, Георгий Владимиров. Диякон Антоненко-Грушевский. Граждане: Новошекова, Пожарский, Сафонов». (Борьба, 1922, №707, с.3).

Дальше все шло, как по маслу: «инициативная семерка», пополнившись еще несколькими членами, отстранила от власти архиепископа Нифонта, который все никак не мог взять в толк, почему священник Благовидов и гражданка Новошекова отныне являются высшим авторитетом в духовных делах, – и организовала «Царицынское Временное Церковное Управление». Ввиду «непонятливости» архиепископа и ареста его викария епископа Николая в Царицыне не нашлось архиерея, который мог бы возглавить управление. Пришлось «призанять» у соседей: в Астраханской епархии нашелся викарный епископ Усть-Медведицкий Модест, который согласился дать свое имя обновленцам. Тут же Царицынское управление решило... что бы вы думали?.. присоединить Усть-Медведицкий викариат к Царицынской епархии; вместе с викариатом присоединили и епископа, который стал, таким образом, «законнейшим» правящим архиереем города Царицына (См.: Борьба, 1922, 3 июня, №716).

Испросив утверждения этих действий по телеграфу у ВЦУ (оно, конечно, не замедлило их утвердить), Епархиальный совет стал готовиться к созыву собрания городского духовенства.

Собрание было открыто 9 июня 1922 года в здании Губпрофсовета; по «странной случайности» (совсем как в Калуге) как раз в этот день и час – в клубе Коммуны (через улицу) – начался судебный процесс над группой духовенства во главе с викарным епископом Николаем Орловым (См.: Борьба, №723, с.4).

Между тем толпа городских батюшек заполнила зал Дворца труда... На эстраде за столом, покрытым красной скатертью, сидели епископ Модест, священник Бурмистров и другие члены Епархиального совета и... рядом с ними некто Соколов – священник-расстрига, снявший с себя еще два года назад сан и выступающий в местной газете как завятый антирелигиозник.

Собрание открыл, как и полагается, епископ. После него священник Бурмистров выступил с докладом и предложил принять соответствующую резолюцию, в которой приветствовали программу «Живой Церкви». Затем было предложено духовенству высказать свое мнение. Тотчас на трибуну вышел священник – грек о. К.Помпадуло, который на ломаном русском

языке признал необходимость реформы церкви и заявил, что духовенство должно идти вместе с «Живой Церковью». Затем водворилось тягостное молчание. Неожиданно его прервал... расстрига Соколов. Бойко вскочив на кафедру, Соколов произнес часовую речь, полную угроз и обвинений. Он патетически говорил о «контрреволюционности духовенства в прошлом и его завзятой реакционности в настоящем», сотрясая своими криками стены. Соколов просил не забывать того, что происходит в этот час в клубе Коммуны. Расстрига закончил свою речь требованием, чтоб царицынское духовенство... признало «Живую Церковь». После этого начались выступления батюшек. Суть этих выступлений кратко выразил священник Строков, который, обращаясь к епископу Модесту, заявил: «Вы являетесь нашим начальством, и я подчиняюсь... с вашего благословения».

В результате, как и в Ростове, все церковнослужители всех городских церквей признали ВЦУ (с теми же последствиями, что и на Дону).

Все рассказанное нами похоже на анекдот; увы! анекдот этот создала сама жизнь, в чем читатель может убедиться, прочтя газету «Борьба» (1922, №723, с.4.)

Несколько иной была ситуация там, где на сторону «Живой Церкви» перешел епархиальный архиерей; здесь приверженцы традиционного православия были поставлены в положение старообрядцев XVII века – были принуждены отстаивать свое дело примерно теми же методами.

В этом смысле характерен Краснодар. Здесь к «Живой Церкви» присоединился местный архиепископ Иоанн, опубликовавший, совместно с 49 представителями кубанского духовенства соответствующее воззвание (См.: Красное знамя, Краснодар, 1922, 16 июля, №159). Единственным человеком, поднявшим знамя протеста против «Живой Церкви» и заявившим о своей преданности православию, являлся священник о. Александр Маков. Ильинская церковь, настоятелем которой он являлся, стала «Анастасией»¹ – единственной православной церковью в городе. Архиепископ наложил на непокорного иерея запрещение в священнослужении и назначил в Ильинскую церковь новых священнослужителей. Однако водвориться в Ильинской церкви обновленческим священнослужителям не удалось: разъяренная толпа выбросила их из храма; милиционеры, пришедшие к ним на защиту, сами были избиты – в результате двери церкви были запечатаны. Однако это не помешало огромным толпам народа заполнить церковный двор; о. Александр Маков совершал богослужение в сторожке, которая служила ему жильем. После того как эти «сборища» были пресечены, литургия в сторожке совершалась по ночам; приверженцы традиционного православия причащались тайно, запасными дарами. (Красное знамя, 1922, 5 октября, №255.)

Историки описываемого нами периода Русской Церкви обычно исходят из следующей концепции: главными противниками обновленчества были классовые враги советской власти. Жизнь, однако, вносит существенные коррективы в эту концепцию.

Как известно, Кубанская, Донская и Терская области были в это

¹ Так назывался храм, в котором совершал богослужения Григорий Богослов. Перед II Вселенским Собором это была единственная церковь в Константинополе, оставшаяся верной православию.

нынешнего раскола¹ всеми зависящими от него средствами в пределах не только вверенного ему Мелекесского, но и смежного Самарского уезда, находя благодарный материал среди «ревнующих по вере» народных масс и сотрудничество монашек Раковского монастыря, при хождении с чтимой иконой Богоматери «Взыскание погибших» по епархии, – пока, наконец, не был вызван в Москву для ответа за свои «деяния» в период бегства на Дальний Восток и Японию». (Самарские епархиальные ведомости, №2, с.11.)

К этому надо прибавить, что самарская автокефалия пользовалась деятельной поддержкой со стороны местной университетской интеллигенции, среди которой существовал тогда особый Христианский кружок, состоявший из 200 человек, среди которых находились профессора и студенты, которые, по их словам, «жили одним стремлением проникнуться как можно больше основами христианства». (Волжская Коммуна, 1922, 4 июня, №1040, с.3. Сообщение о лекции В.А.Поссе «С Богом или без Бога» и последующих выступлениях.)

Впоследствии обновленчество в Самаре искусственно поддерживалось при помощи митрополита Александра Анисимова, который базировался на собор и местное кладбище. Это дало повод одному из местных протоиереев ответить на предложение вступить в «Живую Церковь» следующей фразой: «Но в чем же выражается ваша живость – в том, что вы с кадилами покойников встречаете?»

С таким же трудом обновленчество прививалось и в соседней Ульяновской епархии.

Первый проповедник «Живой Церкви» священник Пельц, приехавший сюда из Москвы, не сумел здесь добиться никаких успехов – так и уехал, не завербовав ни одного сторонника. С несколько большим успехом здесь действовал о. Александр Винецкий, которому удалось организовать группу «Живая Церковь»; однако и она не пользовалась никаким авторитетом ни в народе, ни даже в духовенстве.

Положение изменилось, когда к обновленчеству примкнул протоиерей Иван Васильевич Никольский – настоятель Вознесенского собора – деятельный, энергичный, образованный, популярный в городе священник. На протяжении долгих лет (до 1937 года) он возглавлял ульяновских обновленцев в сане митрополита; в его доме (ул. Ленина, 92) помещалась обновленческая штаб-квартира.

Как объяснял он свой переход к обновленцам?

«Я знаю, что благодаря этому звонит колокол на моей церкви, – и мой древний храм будет возвышаться и через шестьдесят, и через сто лет», – ответил он одной своей старой прихожанке на вопрос о причинах, побудивших его принять ВЦУ.

Если читатель попадет когда-либо в Ульяновск, пусть он выйдет на Гончаровскую улицу, спросит, как пройти к «трем пионерам» – тут ему всякий укажет небольшой сквер со стоящей в центре аляповатой скульптурной группой, изображающей трех мальцов с дудками. Это и есть то

¹ То есть православия.

самое место, где когда-то «возвышался» Вознесенский собор, настоятелем которого был о. Иоанн Никольский...

Если «Живая Церковь» с большим трудом акклиматизировалась в губернских городах Приволжья, то еще хуже обстояло дело в городах уездных. Характерен в этом смысле городок Алатырь (Симбирской губернии).

Здесь церковный раскол пришел лишь через полгода – в ноябре 1922 года, и то лишь под нажимом сверху.

«11 сего ноября, – сообщала местная газета, – в квартире епископа Иоакима состоялось собрание мирян и духовенства. Было решено образовать группу прогрессивно верующих православных христиан». (Трудовая газета, Алатырь, №85, с.3.)

15 ноября епископ официально признал ВЦУ и отдал распоряжение прекратить поминовение патриарха. Как реагировало на этот акт церковной власти низшее духовенство?

«Поп села Поводимова, – сообщала та же газета, – упирает на то, что, вот, мол, какая советская власть – сама отделила церковь от государства, а теперь начинает вмешиваться в религиозные дела мирян, навязывая им какую-то «живую церковь». (Трудовая газета, 1922, 25 октября, №75, с.3.)

Еще большую оппозицию встретила «Живая Церковь» в уездных городах Нижегородской губернии. В Нижнем Новгороде обновленчество утвердилось еще летом 1922 года благодаря энергичному нажиму архиепископа Евдокима. Однако уже осенью возникла так называемая арзамасская автокефалия во главе с местным епископом Михаилом. Собравшееся под его председательством духовенство приняло следующее постановление:

1) на поместный Собор делегации не посылать, так как там будут в большинстве ставленники группы «Живая Церковь»;

2) игнорировать Нижегородский епархиальный съезд;

3) учредить в Арзамасском и Княгининском уездах епископию, самостоятельную управляющуюся, вручить себя благодатному водительству владыки Михаила, учредить при нем «епископский совет» (Безбожник, 1923, №21).

При изучении церковных документов создается впечатление, что «Живая Церковь» сравнительно легко укоренилась на севере – в Вологде. Это объясняется тем, что здесь на сторону «Живой Церкви» перешел местный архиерей, который пользовался огромным авторитетом среди населения, – архиепископ Александр (Надеждин), бывший тверской протоиерей, член Государственного Совета от духовенства, рукоположенный в 1920 году во епископа Кашинского, переведенный в 1921 г. на Вологодскую кафедру.

Осенью 1922 года здесь начинает издаваться журнал «Церковная заря», который по своему духу существенно отличался от других провинциальных церковных журналов того времени: здесь нет ни доносов на «староцерковников», ни личных выпадов, от которых отдает «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«Мы желали бы, – пишет прот. Налимов, – произвести те или дру-

гие изменения в области церковных богослужений и требника с допущением новых обрядов и молитвословий в духе Церкви православной. Главным образом желательны изменения богослужебного языка, весьма во многом непонятного для массы. Эти изменения должны неукоснительно вестись в сторону приближения славянского текста к русскому. Обновление должно идти с постепенностью, без колебания красоты православного богослужения и его обрядов. Мы горячо приветствуем совершение главнейшего богослужения Святейшей Евхаристии открыто на глазах молящихся, с непосредственным участием всего Тела Церкви Христовой – архипастырей, пастырей и мирян» (Церковное знамя, 1922, 15 сентября, №1, с.6).

Наряду с этой группой сторонников идеологического обновления Церкви в Вологде возникла в это время другая обновленческая группировка, так называемая «Российская Народная церковь», которая также заслуживает внимания.

«Народная церковь» состояла из трех человек: протоиерея Рафаила Бурачка, протоиерея Александра Углецкого и диакона Н.Суровцева; «лидером» являлся о. Р.Бурачек – священник Александро-Невской на фабрике «Сокол» церкви.

Как личность, так и «платформа» о. Рафаила, очень характерна для той эпохи. Человек беспокойный, раздражительный и болезненно честолюбивый, о. Бурачек всю жизнь никогда ни с кем не ладил – всегда считал, что его «затирают» и не дают ему развернуться. Будучи по профессии «учителем естественной истории» (биологии), Р.Бурачек до революции мирно преподавал в Вологодском городском училище; однако революция и для него открыла «шлюзы» – он становится заведующим средней школы – широкие перспективы разворачиваются перед ним (он уже видит себя наркомом просвещения). Однако жизнь наносит удар по планам Бурачка: после грандиозного скандала Бурачек уходит с поприща «народного просвещения». Через некоторое время мы видим его священником; кратковременное служение о. Бурачка в фабричном поселке «Сокол» – это история сплошных склок, жалоб, ссор с прихожанами.

Но вот до Вологды доходит весть о расколе – и о. Бурачек, как боевой конь, слышавший звук боевой трубы, устремляется в бой. Он сочиняет витиеватую «платформу», в которой заявляет, что реформы «Живой Церкви» неприемлемы для верующего народа, и предлагает, чтоб Церковь занялась народным воспитанием. Одновременно о. Рафаил сочинил и другую «платформу» для узкого круга лиц, сведения о которой проникли, однако, в печать.

«Во главе Русской Православной Церкви, – пишет журнал «Церковная заря», – Бурачек предлагает поставить трех лиц: председателя ГПУ, архиерея (по религиозным делам) и его – Бурачка. Шестьсот священников епархии он хочет сделать агентами ГПУ, чтобы через них, при дружной сплоченности, в значительной степени расширить информацию с мест и открыть могучую борьбу с антигосударственными элементами».

«Весьма важно, – пишет он, – чтобы нити между председателем ГПУ и Русской Православной Церковью были скрыты от всех глаз, как волны беспроволочного телеграфа». (Церковная заря, №4, с.8-9).

Затея Бурачка закончилась полным крахом: высмеянный за свою болтливость на столбцах как центральной, так и провинциальной прессы, неудачливый реформатор должен был уйти за штат, покинуть Вологду. Однако «откровения» его очень характерны: ведь он лишь выбалтывал то, о чем более умные и скрытные «реформаторы» предпочитали помалкивать...

Колебания и внутренняя неуверенность, апатия и усталость царят в эту трудную эпоху во многих сердцах. В этом смысле характерной фигурой является епископ Смоленский Филипп (Ставицкий) – впоследствии архиепископ Астраханский.

Летом 1922 года, будучи подсудимым на смоленском процессе, епископ выступил со следующим заявлением:

«Да, я сознаю свою вину. Вина моя в отсутствии решительности и в слабости, не позволившей мне порвать с тихоновщиной. Церковь при Тихоне сгнила, превратилась в гроб повапленный, красивый снаружи и полный мерзости внутри. Идеи новой церкви разделяю, жизнь положу за новую церковь, ибо ее идеи – мои кровные». Будучи приговорен к условному наказанию, епископ Филипп получает от ВЦУ назначение в Крым; однако через несколько дней епископ загадочно исчезает из своего дома, оставив историческое письмо, в котором говорится: «Ухожу в затвор. Бегу от мира сего вследствие усталости, расшатанности нервов». (Безбожник, 1923, №8, с.6.)¹

Некоторым своеобразием отличается обновленческий раскол в Сибири. Сибирь, где не улеглось еще возбуждение, вызванное гражданской войной, и где была еще свежа память о колчаковщине, стала ареной ожесточенной борьбы враждующих церковных течений.

В мае 1922 года в Томске был арестован местный архиерей епископ Виктор – и сразу возникла реформатская группа среди местного духовенства. Основоположником сибирского раскола был Петр Федорович Блинов – человек своеобразный и незаурядный.

Коренной сибиряк, уроженец Томской губернии, Петр Федорович был сыном местного крестьянина-охотника. Впоследствии, будучи обновленческим митрополитом, он любил вспоминать о том, как он ходил, бывало, в 12 лет с отцом на медведя. Вскоре, однако, пределы родной деревни становятся для него тесными – смысленный беспокойный паренек отправляется бродить по Сибири. Затем он попадает в один из сибирских монастырей и в течение двух лет живет здесь послушником. Интерес к религии, который ему был свойствен с детства, становится еще более сильным. Уйдя из монастыря, Петр Блинов продолжает свою кочевую жизнь: старообрядцы различных толков, сектанты, странники попадают ему на пути. Наконец 25 лет от роду возвращается он в свой родной Томск, женится и экстерном кончает местную Духовную семинарию, которая доживает последние месяцы перед закрытием.

¹ Однако через несколько дней епископ Филипп был арестован и сослан.

В 1919 году епископ Виктор рукополагает его в священника церкви Иоанна Лествичника. Молодой священник сразу становится популярной фигурой среди верующих людей города Томска. Богатырь ростом, крепкий и плечистый, о. Петр обращал на себя внимание даже своим внешним видом. Он был незаурядным человеком и во всех отношениях: талантливый самоучка-самородок, он пополнял недостаток систематического образования чтением, обильным запасом жизненных наблюдений, почерпнутых им во время его скитаний. Его проповеди и духовные беседы, оригинальные и талантливые, привлекали огромное количество слушателей, людям нравилось также его внимание к простому народу. Характерно, например, что впоследствии, будучи уже архиереем, он, благословляя народ, говорил каждому индивидуальное поучение; например: «Господь да благословит всю вашу жизнь; пусть она будет чистой, как родниковая вода, светлой, как день; ясной, как солнце», всегда все экспромтом и всегда умно и оригинально.

В мае 1922 года Петр Блинов, вместе со своей общиной, объявил, что он отказывается от патриарха Тихона, не признает местного епископа и отныне является главой свободных христиан, объединившихся вокруг церкви Иоанна Лествичника. Тут же началась работа по созданию сибирской «Живой Церкви». Энергичный и напористый настоятель церкви Иоанна Лествичника не терял времени даром: уже в первых числах июня в Томске возникает Сибирское Церковное Управление – или, как его стали называть, СибЦУ.

В томской газете «Красное знамя» №121 от 7 июня 1922 года было напечатано воззвание нового церковного органа и программа «Сибирского движения» за подписями свящ. Блинова и секретаря Толмачевского. Программа отличается необыкновенным разнообразием; здесь, как в универсальном магазине, каждый найдет что-нибудь себе по вкусу. Так, например, о. Петр хочет положить в основу церковной реформы следующие принципы:

«Полная аполитичность в делах церкви; признание советской власти – властью Божией Волей; полная реконструкция (переустройство) церкви; созыв сибирского Собора 8 октября; созыв Всероссийского Собора не ранее декабря; полное присоединение к воззванию, напечатанному в «Известиях ВЦИК» от 14 мая; соединение церквей в единую вселенскую, отнюдь не подчиняя русской церкви какой-либо иной или главе отдельной церкви; улучшение быта духовенства; расширение самоуправления – инициативы (почина) общин-приходов; превращение церковной власти из власти распоряжения во власть надзора; обращение чистотой (?) учения к первым векам христианства; отмена положений, принятых во время подчинения Церкви государству, начиная с Константина». (См.: Советская Сибирь, 1922, 24 июня, №138).

Этот сумбурный документ, вышедший из-под пера бойкого священника-недоучки, становится «манифестом» церковного обновления в Сибири.

Центральный орган Сибири, издающийся в Ново-Николаевске, его перепечатывает. Пресловутый Емельян Ярославский, подвизавшийся тогда в Сибири, помещает в том же номере газеты статью, в которой, захлебываясь от восторга, превозносит инициативу «хорошо известного сибирякам, особенно томичам, священника Блинова!» (См.: Советская Сибирь, 1922, 24 июня, №138, с.1 – передовая статья «Сибирское Церковное Управление»).

По всей Сибири стали требовать от епископов и священников присоединения к томской декларации. В душах некоторых духовных лиц «томские» семена пали на благодарную почву: так, например, епископ Киренский Зосима, временно правящий Иркутской епархией, принял эту декларацию и тут же на радостях поведал миру об отречении от монашеских обетов и о своем намерении жениться. Сибирское Церковное Управление с радостью приняло его в свое лоно: принявший вновь свое мирское имя Александр Александрович Сидоровский был назначен архиепископом Красноярским и Енисейским¹.

В июле 1922 года заявил о своем признании «Живой Церкви» Тюменский епископ Иринарх, только что осужденный по судебному процессу о сопротивлении изъятию ценностей. Владыка, находясь в тюрьме, опубликовал соответствующее воззвание. В городе было создано обновленческое епархиальное управление во главе с прот. Сергием Виноградовым (Красный набат, 1922, 1 августа, №1041, с.1).

Однако архиепископ Тобольский Николай (епархиальный архидиакон) категорически отказался признать СибЦУ, выпустил к своей пастве воззвание, аналогичное возванию митрополита Агафангела, и наложил запрещение на своего vicария епископа Тюменского и Туринского Иринарха. (См.: Красный набат, 1922, 31 августа, №1065, с.1.)

Епископ Новониколаевский Софроний согласился в принципе вступить в СибЦУ; однако новониколаевское духовенство продолжало почитать патриарха Тихона (Советская Сибирь, 1922, 9 августа, №186, с.2).

Таким образом, летом 1922 года по всей Сибири велась лихорадочная, напряженная работа по оформлению сибирского раскола. Следует отметить, что СибЦУ во главе с Петром Блиновым отнюдь не спешило входить в соприкосновение с ВЦУ; осенью же Петр Блинов официально заявил, что Сибирская Церковь является самодовлеющей и ни от кого не зависимой – таким образом, в перспективе вырисовывалось что-то вроде Сибирской автокефалии.

Уже летом 1922 года возник план возглавить Сибирскую Церковь авторитетным лицом в сане Митрополита всея Сибири; в августе СибЦУ избрало на этот пост Александра Ивановича Введенского. Такое избрание вряд ли было очень неприятно знаменитому протоиерею, который уже тогда мечтал об епископской митре. Кроме того, это был первый прецедент – из-

¹ Формуляр епископа Зосимы: епископ Зосима (Ал.А.Сидоровский). Род. в 1876 г. Монах. Окончил Казанскую духовную академию. Инспектор Духовной семинарии. Епископом с 1914 г. С 10 августа до декабря 1918 г. – епископ Киренский, vicарий Иркутской епархии; с декабря 1918 г. по 7/III-20 г. – правящий Иркутской епархией; с сентября 1922 г. по апрель 1923 г. состоял епархиальным архиереем Енисейской епархии со званием архиепископа. С 1923 г. восстановлен в сане епископа. (Вестник Св. Синода, 1927).

брание женатого священнослужителя епископом. Однако, после некоторого колебания, А.И.Введенский прислал отказ (принять епископский сан от совершенно случайных людей – да еще в Сибири – было бы слишком скандальным).

Тогда Петр Блинов твердой рукой повел дело к Сибирскому Собору.

Сибирский Собор открылся 5 октября 1922 года в Томске из представителей духовенства и мирян. Председателем был избран П.Ф.Блинов. Первым делом Собора было одобрить программу СибЦУ, опубликованную летом, и избрать главу Сибирской Церкви.

Петр Блинов единогласно был избран епископом Томским и Сибирским. Вновь избранный архиерей вышел к народу в лаптях и сермяге и дал клятву, что он будет народным, мужицким, рабоче-крестьянским архиереем.

Хиротония состоялась 8 октября – в церкви св. Иоанна Лествичника. Рукоположение было совершено, как и полагается, двумя архиереями, одним из которых был «архиепископ Красноярский» Александр Сидоровский – он же епископ Зосима. 8 октября 1922 года является, таким образом, исторической датой: в этот день впервые в истории Русской Церкви был рукоположен женатый архиерей. 16 ноября 1922 года Петр Блинов принял титул митрополита Томского и Сибирского, а через несколько дней (после переезда СибЦУ в Новониколаевск) он принял еще более громкий титул Митрополита всея Сибири.

Известие о рукоположении первого женатого архиерея прокатилось по всей Руси; большинство обновленцев радостно приветствовали эту новость. С особым удовольствием приняли это сообщение на берегах Невы.

«В Томске состоялось посвящение первого женатого протоиерея Петра Блинова во епископа Томского и всея Сибири, – констатировал журнал «Соборный разум». – Как сообщает «Красное знамя», в губернии идут сейчас перевыборы благочинных и благочиннических советов. Всюду переизбираются приходские советы, из которых выметаются те верующие, которые не могут или просто не хотят понять, что дело церкви вера, а не политика. Обновленческое движение докатилось и до Красноярска. Взамен уволенного на покой епископа Назария Сибирское Управление назначило епископа Александра Сидоровского, бывшего ранее под именем Зосимы епископом Иркутским, но потом вышедшего из монашеского звания и женившегося». (Соборный разум, 1922, №2-3, с.14.)

«Церковная революция» в Сибири между тем «углубилась»; количество женатых епископов все увеличивалось.

28 октября 1922 г. был рукоположен во епископа Красноярского женатый протоиерей Александр Васильевич Адвентов (Александр Сидоровский остался в том же городе с титулом архиепископ Енисейский).

15 ноября 1922 года был рукоположен во епископа Змеиногородского (томского викария) женатый протоиерей из Преображенской церкви Москвы Макарий Павлович Торопов.

За ними последовал Василий Дмитриевич Виноградов, епископ

Щегловский, Петр Андреевич Сысоев, епископ Омский и Тюкалинский, Сергей Павлович Дмитриевский, епископ Томский, и много, много других.

Среди новых архиереев попадались изредка достойные люди (к числу таких принадлежал, например, Макарий Торопов – скромный, искренний, религиозный человек – впоследствии ленинградский викарий); большинство же (карьеристы и авантюристы) были представителями подонков сибирского духовенства.

«Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков», – констатировал епископ Антонин Грановский. Народ, пораженный зрелищем морального разложения, разъедавшего духовенство, толпами покидал церковь, а новые епископы упивались своими «победами». Со «смелостью», достойной лучшего применения, Петр Блинов громил беззащитного, уже полгода как арестованного, патриарха Тихона.

«Мы определенно рассматриваем действия б. патриарха Тихона, как имеющие исключительно контрреволюционные, монархические задачи, – разливался он соловьем перед корреспондентами. – Гнусность их усугубляется тем, что они прикрываются флагом верности православной церкви. Противдействие Тихона изъятию церковных ценностей является результатом влияния контрреволюционных настроений архиереев и монахов, связанных тесными узами с помещиками, капиталистами и княжескими родами. Тихон сам является источником и вдохновителем контрреволюционных выступлений, и советская власть поступила правильно, посадив его на скамью подсудимых». (Безбожник, 1922, 7 марта, №17.)

В декабре (после продолжительных переговоров) было достигнуто, наконец, соглашение между Петром Блиновым и ВЦУ. Сибирь признала над собой юрисдикцию Москвы. Макарий Торопов был назначен уполномоченным ВЦУ при Сибирском Церковном Управлении...

*

Эту главу мы кончаем в неделю Блудного сына – к покаянию, обновлению духовному зовет в эти дни Православная Церковь; и хочется думать, что церковь русская, вспомнив свои исторические грехи перед Богом, скажет – и скажет за всех (и за живых и за умерших): «Отче, согреших на небо и перед Тобою», – и получит прощение всех своих грехов!

Приложение 1

к I тому «Очерков по истории русской церковной смуты»

Истина одна – людей много, и сколько голов, столько умов. Отделить объективное от субъективного; отыскать среди шлама воспоминаний, домыслов, рассуждений золотые крупинки истины – такова задача историка. Стремясь к максимальной объективности, мы обратились ко всем современникам описываемых нами событий с просьбой внести свои коррективы в наш рассказ. Все они откликнулись на нашу просьбу и внесли свои дополнения, особенно много замечаний сделал один из наших читателей, игравший в 20-е годы выдающуюся роль в церковной жизни¹. Так как большинство его замечаний относились к петроградской церковной смуте, то мы и изложим все события так, как они представляются по его рассказам.

После ареста митрополита Вениамина он в течение некоторого времени содержался в Лавре; в эти дни наместнику Лавры назначено было посещать находящегося в заключении митрополита. Во время одного из таких посещений владыка-митрополит рассказал наместнику об обстоятельствах своего ареста; при этом он заметил, что во время своего ареста он мельком видел стоявшего в коридоре А.И.Введенского (который под благословение к нему не подходил). Рассказывая об этом, митрополит сказал: «Как все это похоже на Гефсиманский сад».

После ареста митрополита власть лишь номинально находилась в руках епископа Алексия, который, однако, дела епархии так и не принял, живя в это время у своего отца (на Дворянской улице) в полном «затворе».

Когда встал вопрос о снятии запрещения с А.И.Введенского, состоялось совещание по этому поводу четырех vicariev (епископов Алексия, Венедикта – тогда он был еще на свободе, Иннокентия и Николая). Трое епископов (Венедикт, Иннокентий и Николай) пришли к выводу, что в отсутствие митрополита запрещение не может быть снято. Епископ Алексий, принимая на себя всю ответственность, вопреки единодушному мнению своих собратий, снял запрещение и издал свое известное воззвание. Епархиальный же Совет в это время уже не функционировал.

Когда в Петроград прибыл назначенный ВЦУ архиепископ Николай Соболев, среди братии Александро-Невской Лавры возникли разногласия о том, следует ли его признать и принять. Наместник Лавры епископ Нико-

¹ Митрополит Николай, который в феврале 1961 года просмотрел эту работу.

лай был против того, чтобы принимать обновленческого архиепископа. Однако другая часть иноков во главе с архимандритом Иоасафом (ныне епископом Тамбовским) – тогда помощником наместника Лавры – категорически высказывалась за принятие нового архиепископа. Поэтому, когда Н.В.Соболев прибыл в Лавру, он был встречен в соборе помощником наместника с братией, наместник же лишь наблюдал за встречей из окна. Когда Н.В.Соболев прошел в митрополичьи покои, он встретился с наместником. Облобызавшись с ним, Н.В.Соболев стал жаловаться на тяжелый крест – возглавлять епархию в столь тяжелое время, – который выпал на его долю. Затем Н.В.Соболев спросил наместника, может ли он быть его викарием. На это епископ Николай дал вполне отрицательный ответ. Затем Н.В.Соболев поселился в митрополичьих покоях.

Наместник Лавры ни в какие отношения с ним не входил; равным образом он не вступал ни в какие переговоры с ВЦУ.

После организации Петроградской автокефалии епископ Николай, став вскоре ее главой, никогда не претендовал на то, чтобы стать епархиальным архиереем; речь шла лишь о временном возглавлении Петроградской митрополии. Никаких поручений связаться с находящимся в заключении епископом Венедиктом епископ Николай никому не давал: посещение епископа двумя духовными лицами произошло по их собственной инициативе. Совершенно неправильным является также утверждение тогдашней прессы (журнал «Соборный разум») о том, что епископ Иннокентий выражал недоверие епископу Николаю: наоборот, епископ Иннокентий прислал епископу Николаю из архангельской ссылки письмо с выражением горячего сочувствия.

Во время кратковременного пребывания епископа Николая во главе автокефалии никаких совещаний с целью назначить ему преемника не было. Такое совещание произошло лишь после ареста епископа Николая – весной 1923 года.

Выражая сердечную благодарность нашему читателю за его внимание к этой работе, считаем своим долгом довести его замечания до всеобщего сведения.

Приложение 2

к I тому «Очерков по истории русской церковной смуты»

Стремясь к максимальной полноте и объективности, прилагаем воспоминания одного из современников событий 1922 года. Воспоминания написаны в 1922 году.

Характеристика героев процесса в основном соответствует действительности.

«Процесс митрополита Вениамина.
(К 10-летию со дня смерти владыки)
(13.VIII-22 г. – 13.VIII-32г.).

Митрополит Вениамин пользовался огромной известностью, главным образом среди рабочих. Простой народ его действительно обожал. «Наш батюшка Вениамин», «наш Вениамин» – так звал его народ. Когда при Временном правительстве происходило избрание для замещения петроградской митрополичьей кафедры, высшие слои церковного общества выдвинули кандидатуру епископа Андрея (кн. Ухтомского). Избрание его, казалось, было обеспечено. Но за три дня до срока, назначенного для выборов, неожиданно всплыло имя еп. Вениамина. Он получил большинство голосов.

Трудно в простых и ясных словах достаточно сильно передать, что за человек был митрополит Вениамин. Простое, кроткое лицо, тихий свет прекрасных голубых глаз, тихий голос, светлая улыбка, все освещавшая, полная таинственного веселия и вместе – постоянной грусти. Весь его облик так действовал на душу, что невозможно было сопротивляться его обаянию. Митрополит Вениамин не был выдающимся мыслителем. Не был он, кажется, и специалистом по многим тонким сложным вопросам веры, церковной жизни. Но у него была огромная душа, огромная светлая вера и огромное спокойствие. «Страшно, боишься, – говорили те, кто встречались с ним, – подойдешь к владыке, успокоишься, страх и сомнение куда-то ушли». Не был он и организатором, не отличался и красноречием. Говорил коротенько и все как будто простые слова, а на его проповеди собирались тысячи людей. Каждое слово светилось, трепетало, в нем отражалась вся сила духа митрополита, и слушающие падали к его ногам, целовали края его одежды.

Митрополит обладал выразительной, редкостной, абсолютной апо-

литичностью. Это не значило, что его не трогало все, совершающееся кругом. Он беззаветно любил Родину, свой народ, но это не колебало его аполитичности. Все слабы, все грешны; большевики, совершающие так много зла, еще более слабы и грешны; их следует особенно пожалеть, так можно, неполно, выразить основное настроение владыки. Доброта, кротость, понимание человеческой души, как бы грешна она ни была, принятие ея в самых последних глубинах падения – таков был митрополит Вениамин в отношении к человеку. Он верил в искру Божию в человеке. Настолько все в нем было необычно, что сейчас иногда кажется, что это было что-то нереальное, какое-то светлое видение другой действительности. Прошло, коснулось души и ушло.

Священник А.И.Введенский, сыгравший такую отвратительную роль в процессе – потом деятель обновленческого раскола, митрополит-благовестник, член обновленческого Синода был духовным сыном митрополита Вениамина. Владыка ему покровительствовал, выдвигал. И именно Введенский первый продал митрополита.

Введенский, наделенный незаурядными талантами, умел свою гнусную ярость превращать в перлы красноречия. Он казался самым опасным среди свидетелей против митрополита Вениамина. Защите нужно было найти слабые места свидетеля. Во время длинных свиданий с митрополитом Я.С.Гурович не раз говорил митрополиту: «Мы должны опасаться свящ. Введенского. Вы его знаете. Укажите, как к нему подойти, к этому опаснейшему врагу?» – «Вы его не знаете? – отвечал вопросительно митрополит. – Жаль, жаль. Введенский – прекрасный проповедник. Советую послушать».

Как митрополит относился к изъятию церковных ценностей? Для него и вопроса тут никакого не было: речь шла о спасении голодающих – значит нужно отдать все до последней ниточки. То, что среди этих ценностей были предметы священные, это не смущало его. Он любил священные вещи, образа, по-видимому, был знатоком и ценителем живописи, но отдавал легко, как мать отдает обручальное кольцо для спасения ребенка – легко и радостно. Он полагал, что церковные ценности должны быть отданы не в порядке изъятия, а в порядке жертвы. «Это – Богово, и мы все отдадим сами. И в этом великое утешение для верующего».

В деле обращения церковных ценностей на помощь голодающим он требовал контроля духовенства и верующих; требовал не потому, чтобы не верил, а потому, что считал, что раз верующая масса все отдает в вольном подвиге, то именно верующие и должны сопровождать церковные ценности до последнего момента, когда они превратятся в хлеб для голодающих.

Он жил великой мечтой. Храмы полны народа, возносящего молитву. С амвона раздается призыв к жертвованию. Народная масса вдохновенно с духовенством, митрополитом, идет на подвиг. Церковь будет нищей, но безмерно прекрасной в своей нищете.

Он не знал, что пройдет несколько недель – и мечты будут растоптаны.

Возникновение процесса митрополита Вениамина связано с деятельностью существовавшего в Петрограде «Общества объединенных православных приходов». «Общество объединенных православных приходов» – легальное, совершенно невинное. Среди членов были люди, глубоко, всегда веровавшие, были и такие, что вновь вернулись к вере под влиянием потрясений, были и просто уставшие жить. Так велики были страдания, что в общество потянулись только для того, чтобы найти возможность отдыха. Была ли в деятельности общества политика? Нет. Занимались вопросами мелкими – где достать деревянного масла, как регулировать продажу свечей. Несмотря на мелочность вопросов, общество имело огромное значение – удовлетворяло потребности подышать свежим воздухом хотя какой-нибудь общественности.

Что касается собирательной личности – народа, массы верующих, то она волновалась, подозрительно относилась к духовенству, не прощала ему ни одного слова, обвиняла в слишком большой уступчивости советской власти. Даже митрополита Вениамина не щадили, собирались демонстративно выразить ему неудовольствие. Духовенство скрывалось от массы. Тысячная масса была смела – она чувствовала, что в море людском даже большевики не смогут выловить «нежелательный элемент». Духовенство было между молотом и наковальней.

Теперь несколько слов о властях предрержащих в эпоху, когда разыгались эти события. В составе Петроградского Совета не было людей, имевших влияние. Все, кроме Зиновьева, были люди среднего калибра. Зиновьев же держался в стороне. Петроградский Совет искренно и наивно истолковывал декрет центральной власти об «изъятии ценностей», как выражение желания получить ценности, и только. Он избрал особую комиссию «Помгол» («Помощь голодающим»). Настроение было невеселое. Отовсюду шли известия о беспорядках и бунтах. Население Петрограда волновалось. Среди верующих играли огромную роль рабочие, заявлявшие, что костями лягут, а церковных ценностей не отдадут. «Помгол» искал путей к мирному разрешению вопроса об изъятии церковных ценностей. На беду «Общества объединенных приходов», кто-то довел до сведения «Помгола» о существовании общества. «Помголу» казалось, что общество должно иметь корни среди верующих, что через него можно добиться мирного изъятия ценностей. «Помгол» направил в общество специального эмиссара. Общество психологически почувствовало себя некоторой силой. «Мы сделаем вам, а вы – нам ... Распечатайте храмы, разрешите преподавание Закона Божия...» «Помгол» пошел навстречу.

5 марта 1922 года митрополит Вениамин, во время служения в Исакиевском соборе, получил приглашение явиться на заседание «Помгола». Владыку, когда он прибыл, приняли торжественно, предоставили ему слово. Владыка вынул приготовленное заявление и попросил позволения его огласить. «Православная церковь, – говорил он в заключение, – печалась о нуждающихся, готова все отдать для помощи голодающим, но если цер-

ковные ценности будут изыматься насильно, может быть кровопролитие». Да и сам он, как верующий, усматривает в насильном изъятии ценностей кощунство, никогда его не разрешит. Председатель «Помгола» Канатчиков в ответ на заявление владыки сказал теплую речь, смысл которой сводился к тому, что готовность Церкви помочь голодающим поведет к созданию благожелательного отношения к духовенству со стороны советской власти, что он и в будущем рассчитывает на помощь владыки. Создалось совершенно не «заседальное», теплое настроение. Владыка встал. За ним встали все. Тогда митрополит заговорил. Говорил простые вещи: «Тяжело переживает народ горе – изъятие ценностей, но это лишь одна из тягостей жизни. Гораздо большая тяжесть – существующая политическая рознь и вражда». Но бывают минуты, когда разделенные души сливаются в порыве любви. Верит, что встреча, происшедшая на заседании «Помгола» – прообраз, что будет время, когда сольются воедино русские люди. «Настанет день и час, – закончил он, – и я сам во главе молящихся пойду в храм, сниму ризы с иконы Божией Матери Казанской, сладкими слезами оплачу их и отдам...» Кончив, он широким крестом благословил всех. И большевики – члены «Помгола» склонялись перед ним, с непокрытыми головами провожали до подъезда.

В «Обществе объединенных православных приходов» в связи с событиями на заседании «Помгола» создалось радостное настроение: трудности, казалось, уладились. В одной из петроградских газет появился панегирик в честь митрополита Вениамина. Отмечая жертвенность, обнаруженную митрополитом, автор панегирика говорил о том, что народилось подлинное христианство, поднявшее знамя веры, примирившее с собой самые враждебные христианству слои коммунистической партии. Даже в «Известиях» поместили хвалебную статью в честь митрополита. Идиллия длилась несколько дней.

Центральные власти не того хотели – «Помгол» должен был вызвать столкновение и свалить вину на духовенство. Между Москвой и Петроградом начались переговоры. Когда через несколько дней уполномоченные митрополита явились для переговоров, обстановка была уже иная. Их встретили новые люди. «Никаких переговоров, никаких жертв. Все принадлежит власти, и она возьмет свое, когда сочтет нужным. Духовенство должно лишь призвать к спокойной сдаче». Митрополит, узнав о новом обороте дела, был глубоко возмущен. В своем моральном авторитете он видел опору против провокационного столкновения, а большевики уничтожили эту возможность. Он послал на двух листах заявление «Помголу», где, указав все возможные последствия, говорил, что он обратится к верующим с призывом не оказывать сопротивления при изъятии ценностей, но благословить этот акт, как кощунственный, он не может.

Прошло несколько дней. Начали описывать церковные ценности, начались беспорядки. «Помгол» молчал.

24 марта в «Красной газете» за подписью 12 лиц, между ними свящ.

Красницкого и Введенского, появилось письмо. В письме, написанном очень резко, говорилось, что духовенство вообще, и петроградское в частности, объято контрреволюционными настроениями, что оно, пользуясь удобным моментом, хочет оттянуть сдачу ценностей. Авторы письма требовали немедленной сдачи. Письмо оправдывало советскую власть. Петроградское духовенство было обескуражено. Обвинение в контрреволюции грозило серьезными последствиями. Состоялось общее собрание духовенства, на котором присутствовало около 500 человек. Введенский нагло защищался, Красницкий лишь язвительно улыбался, поглаживая бороду. Страсти разгорались. В это время приехал митрополит. В своем слове к собранию он говорил, что оценивать письмо сейчас не время. На улицах каждую минуту может начаться кровопролитие. «Помгол» молчит. Нужно единение. В заключение он предложил послать в «Помгол» людей, приемлемых для «Помгола», священников Введенского и Боярского.

Начались переговоры. В советских газетах появилось сообщение о договоре между митрополитом и советской властью – советская власть изымает ценности, а митрополит призывает к спокойствию. Советская власть обязуется не допускать никаких кощунств, не чинить издевательств, допустить выкуп деньгами священных предметов и т.д. Настроение было мирное.

В это время совершается церковный переворот. Живоцерковники обманым путем захватывают власть. Введенский пытался утвердить власть ВЦУ (Высшее Церковное Управление) в Петрограде. Он явился к митрополиту Вениамину и потребовал от него подчинения ВЦУ.

Кроток был митрополит, но он почувствовал, что должен, может быть, впервые, сказать властное слово. Он обратился к духовенству и верующим с призывом не признавать ВЦУ, считать участников его похитителями церковной власти. Введенский же был объявлен находящимся вне церковного общения до той поры, пока не раскается и не признает своих заблуждений.

Большевики буквально взбеленились – они знали, что выступление митрополита убьет «живую» церковь. Появились раздраженные статьи, где говорилось о «белогвардейском акте отлучения революционного священника», о том, что «меч митрополита опустил на голову священника». Убить митрополита немедленно не было смысла: надо было попытаться его очернить, пытаясь воздействовать на него страхом, угрозами, сломить его моральный авторитет.

Введенский в сопровождении коммуниста Бакаева¹ вторично явился к митрополиту. Они требовали от митрополита отмены постановления о ВЦУ и Введенском. В случае несогласия угрожали митрополиту гибелью. Митрополит ответил: «Делайте, что хотите, а я ни от одного слова не откажусь».

Митрополит сознавал, что час жертвы приближается. Он созвал близких людей, сделал соответствующие распоряжения. Он просил всех сохра-

¹ Председатель Петроградского ГПУ. Расстрелян совместно с Зиновьевым по приговору в августе 1936 г.

нять спокойствие, просил призвать к этому и народ. В день ареста митрополита у ворот Александро-Невской Лавры, где жил митрополит, разыгралась сцена, навеки памятная всем, кто при ней присутствовал. Митрополит возвращался в Лавру. У ворот Лавры его поджидал бледный человек, старательно прятавшийся в тени. Казалось, он хотел влипнуть в стену. Митрополит приблизился. Лицо притаившегося вынырнуло из мрака. Введенский. Они остановились, глядя друг на друга. Сатанинская злоба и вместе нечеловеческое мучение были в глазах Введенского. Митрополит поднял было руку для благословения, потом опустил и молча прошел мимо. В это время в покоях уже шел обыск. Митрополиту объявили, что он привлекается к ответственности по обвинению в сопротивлении изъятию ценностей. В течение дня митрополит находился под домашним арестом, а ночью его перевезли в дом предварительного заключения.

Комитет Политического Красного Креста узнал об аресте, имел суждение. По делу митрополита Вениамина было привлечено 36 человек. Встал вопрос о защите, и защита была поручена Я.С.Гуровичу. Я.С.Гурович на предложение взять на себя защиту ответил, что, если комитет признает необходимым, чтобы защищал он, Гурович, он согласен, но просит предварительно принять во внимание, что он еврей: всякое упущение, ошибка, с одной стороны могут иметь роковые последствия для подсудимого, с другой – могут стать козырем в руках антисемитов. Власти с делом, по-видимому, не спешили. Процесс должен был начаться через несколько месяцев. Но неожиданно 7 июня заключенным был роздан обвинительный акт и было указано, что дело назначено к слушанию на 10 июня. Митрополит Вениамин из тюрьмы обратился непосредственно к Я.С.Гуровичу с просьбой не отказать от защиты. Митрополит в своем обращении к Я.С.Гуровичу говорил, что нужно защищать не его, митрополита Вениамина, а церковь, что лично он верит ему и просит отложить все страхи и опасения, принять на себя защиту. Гурович дал окончательное согласие. В связи с принятием на себя защиты Гуровичу пришлось долго задержаться в Трибунале. Вернулся домой только около 12 часов ночи. Несмотря на полуночный час, застал дома массу народа – родственники и друзья заключенных пришли просить взять на себя защиту. Гурович ответил отказом. «Я взялся защищать владыку-митрополита и поэтому не могу уже взять ничьей защиты». И присутствовавшие, забыв о своем, просили его приложить все усилия к тому.

10 июня начался процесс. Дело слушалось в помещении бывшего Дворянского собрания. Невский проспект был усеян народом, а от Гостиного двора народ стоял компактной массой. Толпа собралась с утра, ожидая проезда митрополита. Когда увидали, упали на колени, запели: «Спаси, Господи, люди твоя». Митрополит благословлял стоявших. Пройти, казалось, было невозможно. Но, услышав слова: «Дайте дорогу защитнику митрополита», народ расступался. Сияние той огромной любви, которой пользовался митрополит, пало и на защитника...

«Вести подсудимых»... Из двери показалась, извиваясь змеей, вереница людей, а впереди всех – митрополит в белом клобуке. Все, присутствовавшие в зале суда, встали. Это повторялось всякий раз, когда вводили подсудимых. Председатель Трибунала протестовал было, грозил всех удалить, но в конце концов махнул рукой. Митрополит Вениамин и на суде был таким же, каким все его знали раньше.

Другие подсудимые. Среди них следует прежде всего назвать архимандрита Сергия – в прошлом член Государственной Думы Владимир Павлович Шеин. В отношении пламенной веры он походил на митрополита. В остальном же был полной противоположностью митрополиту, начиная с внешности. Огромные, пламенные глаза, аскетическое лицо, громкий голос. Он все силы политического дарования и незаурядного красноречия отдал на служение делу церкви. Митрополит Вениамин на все отвечал кратко. Арх. Сергей при всяком удобном случае произносил пламенные речи. Митрополит Вениамин не боялся смерти, но и не искал ее; арх. Сергей хотел актом мученичества запечатлеть свою веру. Из какой духовной глубины восстали эти два главных героя процесса? Временами некоторые из присутствовавших переживали такое чувство, что вся современность, все совершившееся кругом нереально, а реально то, что внесли сюда эти два человека.

Далее – Юрий Павлович Новицкий, профессор университета, крупный юрист, человек дела, с огромной памятью.

Иван Михайлович Ковшаров – человек умный, убежденный, решительный. Он знал о своей участи, знал, что ему живым уже не уйти. В отношении большевиков держался иронически спокойно, беспощадно высмеивая их при всяком случае.

В качестве прокурора выступал бывший действительный статский советник Драницын, бывший преподаватель истории в привилегированном учебном заведении для девиц. Перепрыгнув к большевикам, он рекомендовал себя в качестве знатока канонического права. Поэтому и был назначен обвинителем. Другим обвинителем был Красиков – бывший присяжный поверенный – пьяница фантастический, в прежнее время выступал по делам об увечьях, и Смирнов – рабочий-булочник. О нем говорили, что это выдающийся самородок, обладающий большим даром красноречия. Оказался полной бездарностью. Даже митинговым оратором его назвать нельзя. Одно было у него достоинство – действительно прекрасный, громкий голос.

Среди обвиняемых был известный специалист церковного права проф. Бенешевич. Обвинители, особенно Смирнов, «допекали» профессора, придирались к мелочам, снова и снова возвращались к одним и тем же вопросам. Если в «Обществе объединенных приходов» занимались мелкими вопросами, говорили обвинители, то зачем вы, крупный ученый, были приглашены туда? Вероятно, там были и более крупные вещи, чем мелкие вопросы? Бенешевич в первый раз спокойно ответил, что он был пригла-

шен в качестве эксперта, потому что считался специалистом по церковным вопросам. Смирнов через несколько минут снова повторил тот же вопрос. Бенешевич, видимо сердясь, но еще сдерживаясь, ответил: «Я уже вам разъяснил...» Смирнов, немного погодя, в третий раз спросил профессора, «почему он оказался экспертом в «Обществе объединенных приходов». Бенешевич, рассердившись, ответил: «Я не понимаю, гражданин обвинитель, что загадочного в том, что меня пригласили экспертом по вопросам моей специальности? Если бы я был булочником, и меня пригласили экспертом по церковным вопросам, это было бы странно». Бенешевич не подозревал, что Смирнов – рабочий-булочник. Бенешевича хотели привлечь к ответственности и «за оскорбление суда». Еле-еле, путем кулуарных переговоров и влияний, удалось устранить новую опасность, нависшую над головой профессора Бенешевича.

Из состава защиты только два лица – Я.С.Гурович и Жижиленко – не входили в состав советской адвокатуры. Остальные были члены советской адвокатуры. Положение их более чем неважное. К защитникам со стороны относились еще с уважением, а к ним – их просто не замечали. Один из подсудимых показал, что Введенский угрожал духовенству карами советской власти. Трибунал заинтересовался. Красотин справился, каково состояние здоровья Введенского и не может ли он явиться в суд. Защита решила было не вмешиваться. Но Бобрищев-Пушкин – член советской адвокатуры – заявил, что вызывать одних свидетелей прежде общего вызова свидетелей значило бы создавать «привилегированных свидетелей». В революционном же трибунале нет и не может быть таких привилегированных положений, закончил он с пафосом... Революционный трибунал усмотрел в заявлении Бобрищева-Пушкина оскорбление и поднял вопрос о привлечении адвоката к ответственности. Гурович от лица защиты возражал. Он подчеркнул, что не может понять, в чем обвиняют Бобрищева-Пушкина: в его словах нет факта преступления. Если бы он сказал, что в революционном трибунале могут быть привилегированные свидетели, это было бы оскорблением. Но он как раз утверждает обратное. Вопрос замяли. Но Бобрищев-Пушкин тут же передал Гуровичу для безопасности бумажник и золотые часы, прося сохранить. «Вы их не знаете, – сказал он при этом, – а я-то их знаю».

Трибунал состоял из 6 человек. Председателем был некто Семенов, молодой человек лет 25, выдававший себя за студента политехнического института. В революционный трибунал не назначали людей выше среднего уровня. Приговор по каждому делу выносился заранее. Средние же люди относились терпеливо и не протестовали против такого предрешения исхода дела.

*

Вход был по билетам, причем билеты давались не более чем на одно заседание. Огромное количество народа прошло через зал. Во время процесса

были аресты и на улице, и в самом зале суда. Целый ряд мелочей свидетельствовал, как народ беззаветно любил митрополита. Лишь замечали, что у защитника митрополита Гуровича нет чаю, чья-то рука доставляла новый стакан сладкого чаю, откуда-то появлялся хороший, сдобный хлеб, на столе всегда лежал букетик цветов. Неведомые люди приносили сахар, конфеты, чай, все говорили только «помогите вам Бог». В это время ни сахару, ни конфет в Петрограде уже нельзя было достать почти ни за какие деньги.

Митрополиту было предъявлено обвинение в том, что он:

1) злонамеренно вступил в соглашение с советской властью, в результате чего получилось смягчение декрета ;

2) действовал в согласии с западной буржуазией;

3) распространял свое обращение к «Помголу».

Добивались узнать, кто автор обращения к «Помголу». Содержание соответствует мыслям митрополита, но – утверждали допрашивавшие – оно написано сухим, канцелярским языком. ЧК не знала, но предполагала, кто написал обращение. Митрополит неизменно отвечал: «Заявление принадлежит мне одному целиком». Ему давали понять, что от этого зависит его участь. Ужасные минуты! Шла страшная игра, где ставкой была жизнь или смерть. Был один момент, когда сердце перестало биться – председательствовавший обратился к владыке со следующими словами: «Призовите на помощь все силы ума, памятуя о последствиях, отвечайте на последний и решительный вопрос – вы ли писали?» Легкий и светлый голос митрополита контрастом прозвучал в напряженной тишине: «Я несколько раз говорил вам, что я написал. Да я никому и не позволил бы вмешиваться в мои распоряжения в такую минуту».

Архимандрит Сергей и на допросе держался непримиримо – обрывал вопросы, говорил: «Я уж отвечал, больше отвечать не буду. Вы рассчитываете на мое утомление – напрасно». Когда Смирнов обратился к нему со словами: «Вы в миру были крупным помещиком, богатым человеком. Неужели вы приняли монашество по убеждению?», архимандрит Сергей выпрямился во весь рост и резко сказал: «Послушайте, вы, очевидно, не понимаете, как оскорбителен ваш вопрос. Я на ваш вопрос отвечать не буду».

Свидетели. Первым выступал Канатчиков, деятель «Помгола». На предварительном следствии он дал показание в пользу митрополита. На суде Канатчиков сказал другое: «Митрополит Вениамин, – говорил он, – произвел хорошее впечатление, но был лицемером, находился в заговоре». Противоречие в показаниях объяснил тем, что он, свидетель, – человек теоретических выводов и схематических построений.

Среди свидетелей наиболее тягостное впечатление оставил Красницкий – священник. В течение процесса было много ужасных минут, но такой удушливой мути, как во время показаний Красницкого, ни разу не

было. Красницкий – лысый, сухощавый человек, с мечтательными глазами, с металлическим голосом. Поверх рясы – золотой наперсный крест. Каждое слово его показания накидывало петлю на кого-либо из подсудимых. Здесь все было – инсинуации, клевета, выдумки. Он сознательно приписал митр. Вениамину выступление еп. Вениамина, епископа армии и флота при войсках ген. Врангеля. Приписал контрреволюционную деятельность последнего митрополиту Вениамину. Красницкий утверждал, что среди духовенства существовал заговор – священники сговорились вызвать на почве голода народное восстание против советской власти. Даже обвинителям было не по себе – члены трибунала сидели с побледневшими лицами. Было так невыносимо духовно мерзостно и душно, что, казалось, лысый батюшка с золотым крестом на груди распухает, заполняет зал, душит: а он все продолжал. Казалось, вот-вот, и неминуемо произойдет какой-нибудь эксцесс. Оставаться спокойным было нестерпимо, нужно было прекратить это удушье, разбить стекло, крикнуть. Вдруг он закончил. Слово взял Гурович и задал свидетелю вопрос: «Свидетель Красницкий! Вам известен журнал «Епархиальные ведомости». Не были ли вы редактором этого журнала? Не вам ли принадлежит статья, где буквально написано: «Большевиков следует уничтожать, утопив их в собственной крови»? Красницкий молчал. Красницкого многое уличало – на одном заседании «Русского собрания» заявил: «Евреи употребляют христианскую кровь». Красницкого отпустили. Он ушел из зала с улыбочкой, пройдя сквозь все ряды сидевших.

Следующим свидетелем был священник Боярский – умный, образованный, талантливый проповедник. Обвинители были уверены, что он даст показания, убийственные для митрополита. Но он произнес пламенный, художественный по своей форме панегирик в прославление митрополита Вениамина.

Злоба разочарованных обвинителей обрушилась на следующего свидетеля, профессора Егорова, человека спокойного, немного американской складки. Когда Егоров заявил, что соглашение состоялось по почину «Помгола», Смирнов яростно заявил, что свидетель соучастник митрополита Вениамина, и потребовал, чтобы Егорова перевели в разряд подсудимых. Защитник митрополита протестовал. Трибунал, посоветовавшись, постановил возбудить отдельное дело против свидетеля Егорова, а пока – заключить под стражу. Егоров предвидел возможность подобного исхода и явился на заседание суда с толстым портфелем – в портфеле были подушка, одеяло, белье, яства и другие необходимые вещи.

Революционный трибунал, выслушав свидетелей обвинения, просто «упразднил» свидетелей защиты, заявив, что объявляется перерыв, а через тридцать минут начнутся прения сторон. Защита протестовала, но тщетно. Драницын с греческими цитатами доказывал, что с канонической точки зрения митрополит Вениамин несомненно подлежит смерти. «Мой отец, – сказал он как-то защитнику митрополита Я.С.Гуровичу, – был сельский

священник, а вы – еврей. Я буду требовать для митрополита смертной казни, а вы будете его защищать. Как играет история!»

Красиков изложил всю историю русского духовенства, как условия, всегда поддерживающего реакционные связи. Что касается митрополита Вениамина, то он, безусловно, повинен в контрреволюционной деятельности – он хотя и не признал постановлений Карловацкого Собора, но он и не заявлял официально о своем отношении к советской власти.

Смирнов требовал в своей речи 16 голов. Часть зала, заполненная специально избранной публикой, заплодировала. Смирнов несколько раз повторял свою фразу о 16 головах.

Начались речи защиты. Жижиленко доказывал отсутствие состава преступления, которое влекло бы приговор к высшей мере. Контрреволюционной организации нет, а поэтому и смертной казни быть не может.

Гурович в своей защитительной речи разбирал шаг за шагом все хитросплетения Красикова. «Русское духовенство, – говорил Гурович, – плоть от плоти и кость от костей русского народа. Красиков ни одним звуком не обмолвился об огромной заслуге духовенства в области народного образования, что духовенство самоотверженно служило делу образования. В дни процесса Бейлиса именно духовенство было против процесса. Эксперты свящ. А.Глаголев и проф. Духовной академии Троицкий решительно отвергли употребление евреями христианской крови. Я, – говорил Гурович, – еврей, счастлив и горд засвидетельствовать, что еврейство всего мира питает уважение к русскому духовенству и всегда будет благодарно последнему за позицию, занятую русским духовенством в деле Бейлиса». В зале послышался плач, некоторые, подбежав к защитнику, обнимали его, целовали. Наконец он получил возможность продолжать речь. «Пережитое волнение, – сказал он, – может быть, прообраз единения всех народов. Митрополит Вениамин немудрый сельский «попик», кроткий, смиренный. Он не похож на гордого «князя церкви». Но это сила, – продолжал он, – перед которой нельзя не склониться. Разве не понятна игра с митрополитом Вениамином, которая здесь велась? Разве не понятно, что ему предлагалось маленькой уступкой купить жизнь? Вы можете его убить, но не можете отказать ему в одном – в уважении к нему, в преклонении перед его моральной красотой. Доказательств в виновности нет, фактов в сущности нет, нет и обвинения. И все же – ужас творится, впереди – пропасть смерти, куда влекут этих людей, и чья-то рука подталкивает их. Процесс исторический. Что скажет история? Было изъятие церковных ценностей. Оно прошло с полным спокойствием, и тем не менее советская власть нашла необходимым посадить на скамью подсудимых петроградское духовенство во главе с митрополитом. Ваш приговор будет записан историей. Основной принцип, подчеркиваемый вами – польза советской власти. Если вы этот принцип примените к этому процессу, весь процесс получает характер зловещей комедии. Решая все с точки полезности, нуж-

но хорошо и очень хорошо все взвесить. Живой митрополит вам кажется опасным, но мертвый он во сто раз опаснее для вас. Не станет ли он стягом, кругом которого объединится вся церковь? Не забывайте, что на крови мучеников растет церковь – не творите же мучеников».

«Красиков старался доказать, что контрреволюционная организация налицо, – это Православная Церковь. Она представляет установление, построенное на принципе иерархии, строгого подчинения низших высшим и, следовательно, она контрреволюционна по своему существу. Собственно, следовало бы посадить в тюрьму всю Церковь». Кто-то из подсудимых подал реплику: «Будет время – посадят».

«Больше нечего сказать, – закончил свою речь Я.С.Гурович, – но и трудно расстаться со словом. Пока говорят, длятся прения – все еще идет процесс. Подсудимые живы. Кончатся прения, воцарится холод молчания, кончится жизнь».

Прения сторон закончились. Председатель объявил, что приговор будет объявлен завтра в 9 часов вечера, и предоставил подсудимым последнее слово.

Митрополит Вениамин встал. День был солнечный, яркий. Вся фигура митрополита была освещена. Говорил просто, как всегда. Он сказал, что к самому обвинению он относится спокойно, но не может отнестись спокойно к тому, что его здесь назвали «врагом народа». «Народ я люблю и отдал за него все, – говорил митрополит, – и народ любит меня». Потом, забыв о себе, перешел к установлению алиби отдельных обвиняемых. Называя каждого по имени, он говорил: «Распоряжения ему были даны мною. Он должен был подчиниться», «такой-то был в командировке и, следовательно, он не мог принимать участия в том, что ему вменяется...» И все так. Ни звука о себе. «Я, – закончил он, – говорю бездоказательно, но ведь я говорю в последний раз в жизни, а такому человеку обыкновенно верят».

Председатель новым голосом, которого нельзя было узнать, – в нем слышалось большое человеческое волнение, – сказал владыке: «Вы подсудимый. Вам дано последнее слово для того, чтобы вы сказали что-либо о себе. Это важно для революционного трибунала». Митрополит встал и в милом – иного слова не придумаешь, несмотря на весь трагизм положения – недоумением сказал: «Что же могу о себе сказать? Я не знаю, что вы скажете мне в своем приговоре: жизнь или смерть? Но что бы вы ни сказали, я осеню себя крестом и скажу – слава Богу за все».

Новицкий в своем последнем слове сказал, что никаких контрреволюционных выступлений не было. Если же власти нужны жертвы, то пусть будет такой жертвой он один. Ковшаров заявил, что процесс – маскировка действительных намерений власти. Архимандрит Сергей (Шеин): «Инок вне мира, он живет в общении с Богом. Делайте свое дело. Я буду жалеть вас и о вас молиться».

ПРИГОВОР

Революционный трибунал постановил обвиняемых митрополита Вениамина, архим. Сергия, Новицкого, Ковшарова, Ненашевича, Чукова, Богоявленского, Чельцова, Огнева – расстрелять.

Красноармейцы, переполнявшие зал, встретили приговор аплодисментами. Владыка обнял своего защитника, усадил с собой, заставил выпить стакан чаю.

Начались томительные дни. 10 августа в «Известиях» за подписью Красикова появилось сообщение, что ЦИК из 10 приговоренных нашел возможным помиловать 6. Помиловать же остальных четырех – митрополита Вениамина, архимандрита Сергия, Новицкого и Ковшарова было бы преступлением против рабочего класса.

В ночь с 12 на 13 августа они были расстреляны*.

Том II

Христианство - религия Свободы!
Христианство - религия Правды!
Христианство - религия Любви!

Избавляя человека от страха смерти, пристрастия к тленным вещам, оно делает его свободным и смелым. Чего бояться тому, кто презирает смерть? Чего страшиться тому, кто ничего не имеет?

Борьба за правду - главная жизненная цель христианина, и жгучая боль охватывает его при виде страданий людей.

Не бояться!

Искать правду!

Таковы основные принципы этой работы.

*Да проникнутся этим все церковные люди – в **этом** Преображение Церкви и исцеление ее язв.*

Авторы.

24 марта 1961 г.

1922 год. Перед Собором

Он умер; был одно мгновенье
В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его мирам мы понесем!

Этими словами Валерия Брюсова можно закончить описание каждого года из тех, которые следовали непосредственно за Октябрем. Каждый год был рывком в неведомое, каждый год рушил то, что создавалось тысячами. Антирелигиозная пропаганда 1922-1923 гг. порой дышит подлинным революционным пафосом; когда комсомольцы того времени с энтузиазмом выкрикивают убогие и плоские антирелигиозные лозунги, пламенное воодушевление расцветивает серую канву, и то, что выглядит комичным, мелким, отвратительным в писаниях нынешних чиновников от антирелигиозной пропаганды, потрясало своей искренностью и силой в устах тогдашних полуголодных и полуодетых безбожников. Так очень большой актер типа Мочалова или Ермоловой может потрясать зрителей, играя в пустой и художественно слабой пьесе.

Нельзя недооценивать огромных успехов антирелигиозной пропаганды тех лет. В эти годы церковь потеряла очень многих людей. Все слабые, неустойчивые, которые по традиции примыкали к церкви, теперь ее покинули. Все те, кто раньше из приличия признавали себя ее сынами, теперь отшатнулись от нее.

Это огненное испытание было необходимо для церкви: только благодаря ему кончился тяготевший веками кошмар, когда в сером тумане официальной церковности невозможно было отличить подлинных православных от тех, кто лишь по паспорту считался таким.

Внешние успехи безбожия производили ошеломляющее впечатление: пустующие церкви; молодежь, для которой кощунство превратилось в привычку; улюлюканье и свист, которые раздавались на улицах вдогонку жалким, робким священникам, — таковы типичные явления тех лет.

Как мы уже отмечали, в первые революционные годы во главе антирелигиозной пропаганды стоял развязный, говорливый и невежественный адвокат Шпицберг. Его непригодность стала, однако, вскоре совершенно очевидной. Беспардонная демагогия, пристрастие к левой фразе и крикли-

вое невежество – таковы основные черты Шпицберга и как человека и как литератора.

«Гипотетически вполне возможно, что христианзм, – заявлял Шпицберг, сочиняя новые словечки, – имел какую-то отдаленную связь с дохристианским культом солнечного бога Иисуса». (Предисловие к книге Джона Робертсона «Евангелические мифы», издательство «Атеист», Москва, 1923, с. 12). При этом Шпицберга очень мало беспокоило то незначительное обстоятельство, что никакого дохристианского культа солнечного бога Иисуса никогда и нигде не существовало.

В том же предисловии мы находим весьма смелое утверждение, что Л. Н. Толстой был «величайшим ханжой, крепостником и реакционером XIX века, сознательно преследовавшим самые низкие цели».

В 1923 году на антирелигиозном поприще выступают уже другие, гораздо более «солидные» фигуры.

Из них следует назвать прежде всего Скворцова-Степанова, старого революционера, выступившего в это время с рядом антирелигиозных брошюр.

Емельян Ярославский – «патриарх антирелигиозной пропаганды» – начинает в 1922 году свою деятельность. Так как этот человек в течение десятилетий был официальным вождем безбожников, следует несколько подробнее остановиться на его биографии.

Миней Израилевич Губельман, известный под псевдонимом Ярославский, родился в 1878 году в городе Чите и в юности работал аптекарским учеником. Увлечшись революционным движением, он с семнадцати лет подвергался многократным репрессиям, а в период колчаковщины был участником сибирского подполья.

В 1922 году, перебравшись в Москву, он избирает своей специальностью антирелигиозную пропаганду. В начале 1923 года, начиная с 5 января, на четвертой странице газеты «Беднота» начинает печататься его известная работа «Библия для верующих и неверующих», выдержавшая с тех пор огромное количество переизданий. Это произведение бойкого и не лишённого литературного дара недоучки задумано как хлесткий памфлет против Библии – в стиле энциклопедистов XVIII века. Совершенно лишённая претензий на какую-либо научность, критика Ярославского сводится к дешевому зубоскальству, рассчитанному на дурной обывательский вкус. Однако как памфлетист автор слишком груб и неуклюж – у него совершенно отсутствует изящная легкость и тонкое остроумие памфлетистов XVIII века. Смеясь над Библией, Ярославский, видимо, не замечает того, что его собственные остроты и рассуждения совершенно карикатурны и производят впечатление литературной пародии.

Так, рассказав о сотворении мира, Ярославский вполне серьезно рассуждает о преимуществах пролетариата над «ветхозаветным Богом»: «Да будет свет! – говорит пролетариат и поворачивает рычажок, выключатель, штепсель». (Ярославский Е. Библия для верующих и неверующих. М., 1958, с. 22.)

Подобные рассуждения, которые кажутся заимствованными у какого-нибудь персонажа «Двенадцати стульев», рассыпаны по всей книге.

«По еврейскому и христианскому вероучению, — заявляет Ярославский на с. 57, — ангелы занимаются тем, что всю ночь напролет поют славу Богу. Шум от этого, должно быть, стоит такой страшный, что старый Бог давно оглох и не слышит воплей раввинов и верующих, которые несутся к нему». Тут же он с апломбом заявляет, что «ангелы безграмотны», пророка Моисея Ярославский упрекает в том, что он женился на «поповской дочке» и т.д. и т.п.

Как известно, это произведение до сих пор является классическим образцом для нашей антирелигиозной пропаганды. Как не вспомнить тут Пушкина:

Фаддей роди Ивана,
Иван роди Петра.
От дедушки болвана
Какого ждать добра.

В 1923 году выходит также перевод книги американского епископа-безбожника Вильяма Монтгомери-Брауна «Коммунизм и христианство» с сенсационным подзаголовком «Гоните богов с небес и капиталистов с земли!». Несмотря на скандал, вызванный этим выступлением Брауна (на это, главным образом, и бил автор), книга ни на Западе, ни у нас успеха не имела: демагогический и совершенно бездоказательный характер ее утверждений был слишком очевиден для всех. Никто не сомневался в искренности и добрых намерениях автора, и никто не придавал его «аргументам» никакой цены.

Усиление антирелигиозной пропаганды в 1923 году, между прочим, выражается в значительном увеличении антирелигиозной литературы: если в 1922 году было выпущено 15 антирелигиозных книг и брошюр, то только за первые три месяца 1923 года было их выпущено 27. Особым постановлением Наркомпроса издание антирелигиозной литературы было сосредоточено в издательстве «Красная новь» (*Эльцин Б.* Год работы. «Журналист». — М., 1923, № 6, с. 31).

Антирелигиозная пропаганда бушевала на столбцах периодической печати. Особенно отличались провинциальные газеты в дни Пасхи, которая в 1923 году приходилась на 8 апреля. Газета «Калужская коммуна» вышла в этот день с ярко расцвеченной первой страницей. В центре был помещен броский плакатный рисунок, на котором рабочий парень властно перечеркивал надпись: «Христос Воскресе!». Под рисунком аршинными буквами лозунг: «Долой богов!» Затем набранные жирным курсивом строки:

«Тысяча лет господствовала над миром черная поповская рать.

Пасха была днем торжества церковной косности и невежества.

Сделаем ее днем раскрепощения освобожденного пролетариата и крестьянства от цепей религии».

Вместо передовой было помещено написанное по специальному заказу стихотворение Маяковского:

Товарищи крестьяне,
вдумайтесь раз хоть:
зачем
крестьянам
справлять
пасху?

На правой стороне – статья «Пасха и 1 мая».

В тульской газете «Коммунар», начиная с 3 апреля, антирелигиозный материал печатался под крикливой подборкой «Штурмуем небеса».

Статьями дело не ограничивалось. В Саратове в пасхальные дни на антирелигиозном митинге железнодорожников «беспартийные рабочие с пением «Интернационала» массами сжигали снятые в своих квартирах иконы» (Коммуна, Самара, 1923, 12 апреля, № 1295, с. 1, «Сожжение богов»).

Нет ничего удивительного в том, что в одном железнодорожном поселке священник говорил верующим: «Прячьте иконы» (Калужская Коммуна, 1923, 1 апреля, № 72, с.5, «Поп-провокаатор»).

Следует, однако, признать, что в рядах партийной интеллигенции находились люди, которые настаивали на более глубоком изучении религиозной проблемы. К числу таких людей принадлежал знаменитый историк-марксист М.В.Покровский, являвшийся в то время центральной фигурой в официальной исторической науке.

В феврале-марте 1923 года на страницах журнала «Под знаменем марксизма» протекала острая дискуссия между ним и Скворцовым-Степановым. В противоположность Степанову, отстаивавшему банальную точку зрения, Покровский высказывал интересные и своеобразные мысли.

«...Чтобы не работать на холостом ходу, – писал он в заключительной статье, – приходится держаться единственной научной гипотезы, какая была выставлена, что в основе религиозной психологии лежит страх смерти. Если бы не существовало явления, называемого смертью, религия не могла бы возникнуть. Тут в буквальном смысле «мертвый хватает живого». И пока мы реально не преодолеем смерть, до тех пор костлявая рука мертвеца будет лежать на живом плече. Самое большое, что мы можем достигнуть, это доказать, что это мертвец, то есть нечто реально не существующее. Но это индивидуалистический и потому весьма несовершенный способ доказательства: мы это видели на примере российской интеллигенции. Массы верят только фактам, а не словам и словесной аргументации. В этом массы правы: ибо верно сказал тов. Степанов – вначале было дело. Реальное завоевание есть материальное завоевание. Говорить об «умственном» преодолении смерти могут не марксисты, а, в лучшем случае, фейербахианцы. Но, конечно, было бы грубым упрощением говорить, что страх смерти объясняет нам не только возможность возникновения религии, а и самую религию во всей ее сложности» (Под знаменем марксизма, 1923, февраль-март, № 2-3, с.209).

Вряд ли это высказывание знаменитого историка было случайностью. В этой связи нам хочется поделиться с читателем одним фактом, который нам стал случайно известен от крупного московского врача, умершего в 1935 году, Акима Яковлевича Шапира.

В 1932 году М.В.Покровский, страдавший раковой опухолью и находившийся на излечении в одной из кремлевских больниц, после жестокого приступа под утро почувствовал некоторое облегчение, ему была введена двойная доза морфия. И неожиданно, к изумлению дежурного врача и санитаров, знаменитый марксист воскликнул: «Слава Богу, слава Богу, слава Богу», и трижды перекрестился широким, истовым крестом. Затем смертельная бледность покрыла его лицо. Через несколько минут Михаил Васильевич умер.

В кругах Коммунистического Интернационала наделала много шума статья известного шведского коммуниста С.Хеглунда, вызвавшая бурную дискуссию в Коминтерне.

«Антирелигиозно ли коммунистическое движение, – спрашивал Хеглунд в своей статье «Коммунизм и религия», – должна ли наша партия проповедовать войну с религией и должна ли она отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями? На все эти вопросы мы должны ответить решительно: нет!

Коммунистическая партия не заставляет своих членов объявлять, что они не верят в Бога или в загробную жизнь. Она не требует, чтобы они покидали свои нынешние верования, христианские, буддийские или еврейские. Она не утверждает также, что верование контрреволюционно или является помехой для участия в пролетарской классовой борьбе. Партия требует лишь принятия и разделения программы деятельности и организационных уставов. Но эта программа и эти уставы занимаются лишь вопросами изыскания метода и средств освобождения пролетариата от капиталистического рабства, но не пытаются давать никакого объяснения вечной тайны жизни и смерти. Коммунизм стремится создать для всех достойную человека обстановку жизни здесь, на земле. Установить, какой распорядок будет на небе – это не входит в круг наших задач. Об этом каждый может думать, что ему угодно, лишь бы только забота о небе не мешала его работе по улучшению жизни на земле. Другое дело, что коммунистическая партия непримиримо воюет с обращением религии в классово-политическое учреждение, каким является государственная церковь. Государственная церковь является не чем иным, как духовной полицией правящего класса и не имеет ничего общего с настоящей верой и даже предпочитает расправляться с ней...

И другое дело, что мы протестуем против каждой попытки той или иной религии защитить рабство, эксплуатацию народных масс и несправедливость или, выражаясь библейским языком, освятить религией грехи мира и очески Господни.

Есть люди, ссылающиеся на марксизм как на защиту основоположе-

ния, что наша партия должна взяться за антирелигиозную агитацию. Но коммунистическая партия вовсе не требует от каждого сочлена марксистского мирозерцания. Мы требуем лишь, чтобы каждый сочлен принимал участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Все дело в практической борьбе, а не в философских или религиозных мировоззрениях». (Молодая гвардия, М., 1923, № 4-5, с.202.)

Не подлежит сомнению, что все эти дискуссии и научные споры политиков и марксистских теоретиков были лишь повторением таких же споров, только простых и безыскусственных, которые велись в то время почти в каждой семье.

Вот, например, перед нами двое молодых сельских интеллигентов, парень и девушка. Во время прогулки между ними неожиданно возникает разговор о религии.

«Сергей взглянул на шагавшую рядом сестренку, повязанную белым платочком, насмешливо процедил:

– Фантазируешь!

– Я часто думаю об этом, закрою глаза, гляжу...

– Куда?

– В будущее... И знаешь, что мне представляется? Громадный, громадный дворец.

– На дворце – флаг?

– Ты только не смейся. Рядом с дворцом церквушка. Маленькая, маленькая, похожая на старуху, повязанную белым платочком.

– Выдумщица!

Валерия остановилась:

– Я иногда делаюсь религиозной, иногда ни во что не верю. Почему это?

Сергей посмотрел на маленькое облачко, плывущее над колокольней.

– Религия – предрассудки».

(Неверов А. Гуси-лебеди. М., Молодая гвардия, 1923, № 2, с. 9).

Диспуты, развертывавшиеся в это время по стране, привлекали огромное количество людей. В частности, билеты на диспуты с участием А.И.Введенского буквально рвали из рук, их раскупали по двойной, тройной цене. Следует отметить, что антирелигиозники шли на диспуты скрепя сердце.

«Вообще к устройству диспутов надо прибегать с крайней осторожностью, – писал известный в то время антирелигиозник А.Лукачевский. – Опыт показывает, что они дают обратный результат, например, разжигают религиозный фанатизм. Стоит только вдуматься в сущность религиозного диспута, и нам логически ясно будет видно, сколько предоставляется возможностей, чтобы диспут получил отрицательное значение. В каждом религиозном диспуте приходится оперировать понятиями и данными различных наук: гносеологии, сравнительного языкознания (например, по крити-

ке Библии), истории и археологии; критического отношения ко всему этому от аудитории, мало подготовленной, нельзя ждать... Вот почему Московский Комитет РКП в одном из своих циркуляров предлагает всем райкомам и уюкам воздержаться от организации диспутов, допуская их лишь в исключительных случаях, не иначе как с согласия Агитотдела МК. Как правило, диспут можно организовать, когда уже имеется подготовленная аудитория. Например, можно провести диспут при участии учащихся Совпартшколы в виде заключительной главы после лекции по истории материализма и религии». (Агитатор-пропагандист, Владимир, 1922, № 5, с. 12-13.)

Тем не менее тяга публики к диспутам была так велика, что приходилось их устраивать. Они повторялись снова и снова во всех крупных городах РСФСР. Все эти дискуссии развертывались на фоне, который никак нельзя было назвать идиллическим: «не облачки», как в повести Неверова, а черные тучи нависали над колокольнями.

По всей стране продолжалось изъятие церковных ценностей. Это будоражило массу верующих и травмировало духовенство. Дело осложнялось тем, что к Комиссии по изъятию ценностей примазались коррупционные элементы. Наиболее характерным примером является процесс Павлицкого — бывшего контролера Гохрана, изымавшего ценности в Рогожско-Симоновском районе Москвы (Известия ВЦИК, 1922, 21 февраля, № 39, с. 5). Как выяснилось в процессе судебного следствия, большая часть ценностей, изымавшихся Павлицким и его товарищами, шла на черный рынок. Жулики в короткий срок нажили миллионное состояние. Если такие факты были возможны в Москве, то что говорить о провинции?

На протяжении зимы 1922/23 гг. по всей территории РСФСР проходили судебные процессы церковников. В это время выработался уже известный шаблон в этих делах: к суду за сопротивление изъятию обычно привлекался местный архиерей в том случае, если он не признавал обновленческого движения. Рядом с архиереем обычно сидело 10-12 человек (несколько почтенных священников и активных мирян).

2 ноября 1922 г. в Москве открылся так называемый «Процесс второй группы церковников», в которую входило 116 человек. Среди обвиняемых находился весь причт храма Христа Спасителя, прот. Арсеньев, настоятель, известный проповедник прот. Хатовицкий, профессора Борисов и Турский. С громовой речью выступил А.Я.Вышинский, который требовал смертной казни главным обвиняемым. Суд, однако, воздержался от смертных приговоров и присудил обвиняемых к кратким срокам заключения, которые, ввиду амнистии, равнялись фактически их освобождению.

Московский процесс дал тон: примерно так же прошли процессы епископов Агапита и Иоаникия в Екатеринославе, Уфимского епископа Бориса, Екатеринбургского Григория, Рыльского Павлина, а также епископов Софрония, Аверкия и Пахомия (Известия ВЦИК, 1923, 27 февраля, № 44, с. 6, «Владыки перед судом народа»).

Весной 1923 года прошел процесс орловских церковников (священ-

ники оо. Всеволод Ковригин, Павел Светицкий и др.) и процесс калужского епископа Феофана (Орловская правда, 1923, 10 мая, №102 с. 5; Калужская коммуна, 1923, 4 апреля, № 72, с. 4).

Все это, однако, было лишь увертюрой: весной должен был состояться процесс патриарха Тихона.

21 марта 1923 года в Москве началось слушание дела петроградских католических церковников во главе с архиепископом Цепляком. Этот процесс, по общему мнению, был генеральной репетицией процесса патриарха Тихона. Аналогия, действительно, напрашивалась сама собою: архиепископ Цепляк (после высылки из РСФСР митрополита Роопа) был официальным главой католической церкви в России. Ему, как и патриарху Тихону, инкриминировалось воззвание с призывом не отдавать церковные ценности в руки атеистов, причем католический архиепископ даже ссылался на те же канонические правила, что и патриарх Тихон. Так же, как и воззвание патриарха, послание архиепископа Цепляка повлекло за собою ряд острых инцидентов.

Разбирал дело Цепляка Верховный Суд РСФСР, и дело слушалось под председательством Галкина (судьи были, таким образом, те же самые, перед которыми в ближайшее время должен был предстать патриарх). Для завершения сходства обвинителем был Н.Крыленко, будущий обвинитель патриарха, а в качестве защитника Цепляка выступал Бобрищев-Пушкин, о котором было официально объявлено как о будущем защитнике патриарха.

В Колонном зале Дома союзов в 12 часов утра начался судебный процесс, о котором писала вся мировая пресса. Выпрямившись во весь рост, перед судом стоял величавый старик в фиолетовой сутане – архиепископ Ян Цепляк. Ровным, спокойным голосом давал он свои показания. Заявив, что, согласно католическому кодексу, всё имущество костелов является собственностью Святого Престола, архиепископ показал, что он не имел права отдавать что-либо из костелов в руки гражданской власти.

Вслед за ним допрашивался прелат (протоиерей) Буткевич. Во время его допроса выяснилось, что он действовал, будучи советским гражданином, в тесном контакте с органами польского правительства.

После трехдневного допроса обвиняемых начались прения сторон. Н.Крыленко выступил с двухчасовой блестящей речью, в которой, однако, как обычно, эмоциональные мотивы заменяли серьезный юридический анализ. Бобрищев-Пушкин выступил в спокойной академической манере. Суд приговорил к расстрелу двух главных обвиняемых: архиепископа Цепляка и прелата Буткевича – настоятеля собора св. Екатерины в Петрограде.

На другой день Президиум ВЦИК заменил Цепляку расстрел длительным сроком заключения (через полгода он был выслан в Польшу). В отношении прелата Буткевича приговор был оставлен в силе, так как прелату инкриминировалась государственная измена.

Сразу после приговора Цепляку началась широкая международная

кампания в защиту Цепляка и Буткевича, процесс Цепляка стал международным фактором.

В Сенате Польской республики с беспрецедентно резкой речью выступил польский премьер Сикорский. Вслед за тем в дело вступило английское правительство: Р.М.Ходжсон – торговый агент (дипломатические отношения между Великобританией и РСФСР еще восстановлены не были) обратился в Наркоминдел со следующей нотой:

«Георгию Чичерину
Народному Комиссару
по Иностранным Дела.

Милостивый Государь!

По поручению Государственного Его Величества секретаря по Иностранным Дела, имею честь обратиться к Вам по поводу смертного приговора, подтвержденного ныне Президиумом Центрального Комитета монсиньору Буткевичу с серьезным и окончательным призывом приостановить исполнение приговора. Я должен указать, что исполнение этого приговора не может не вызвать во всем цивилизованном мире чувство ужаса и негодования, что едва ли может быть желательно для Российского правительства, хотя бы с точки зрения его материальных интересов, помимо прочих соображений.

Пользуюсь случаем еще раз выразить Вам свое глубокое уважение.

Р.М.Ходжсон

30 марта 1923 года».

Ответ не замедлил. На другой день г. Ходжсону была вручена следующая нота:

«Милостивый государь!

Народный Комиссар по Иностранным Дела поручил мне в ответ на Вашу ноту от 30 марта указать, что Россия, являясь независимой страной и суверенным государством, имеет неоспоримое право выносить приговоры, согласно своему собственному законодательству, лицам, нарушающим законы страны, и что всякие попытки извне вмешаться в это право и защитить шпионов и предателей России являются актом недружелюбия и возобновления интервенции, которая была успешно отражена русским народом.

Необходимо указать, что одновременно с Вашей нотой г. Чичерин получил телеграмму от представителя Ирландской республики во Франции по тому же поводу, в которой подписавший эту ноту, прося о помиловании Цепляка, указывает, что он делает это, несмотря на лицемерное вмешательство британского правительства, которое ответственно за хладнокровное убийство в Ирландии политических заключенных, где 14 000 человек, в том числе женщины и молодые девушки, подвергаются самому варварскому и нечеловеческому обращению по воле Великобритании, причем контроль британских властей над телеграфом препятствует осведомлению цивилизованного мира об ужасающих деталях этих зверств.

Если принять во внимание подобные же факты, имевшие место под

британским управлением в Индии и в Египте, вряд ли будет возможно считать призыв британского правительства во имя гуманности и священности жизни достаточно убедительным.

Прошу позволения выразить Вам мое глубокое уважение.

г. Вайнштейн.

*Заведующий подотделом стран Согласия
31 марта 1923 года, г. Москва».*

(Известия ВЦИК, 1923, 1 апреля, № 72, с.2.)

3 апреля 1923 года аналогичная нота была вручена польскому премьеру Сикорскому, и в тот же день был дан последний ответ: 3 апреля 1923 года смертный приговор в отношении прелата Буткевича был приведен в исполнение.

Это был не конец – это было начало. Волна протеста прокатилась по Европе, причем везде и всюду имена Цепляка и Буткевича сплетались с именем патриарха Тихона. Так неожиданно в 1923 году скрестились пути Римско-католической и Русской Православной Церкви.

«Странный интернационал образовался у могилы расстрелянного ксендза Буткевича, – констатировал «Бакинский рабочий» 20 апреля 1923 года. – Либеральный Эррио из Лиона. Неудачный русский концессионер и английский промышленник Лесли Уркарт. Архиепископ Кентерберийский. Пан Сикорский – начальник Польского государства».

3 апреля в Ватикан была подана петиция, подписанная рядом крупных польских католических деятелей, с ходатайством о канонизации прелата Буткевича. 6 апреля 1923 г. в Варшаве произошла манифестация крайне правых организаций, вылившаяся в еврейский погром.

Перекинувшись через Ла-Манш, волна протестов охватила Англию – архиепископ Кентерберийский Томас Девизанан обратился с широковещательным воззванием по поводу предстоящего процесса патриарха Тихона и осуждения Цепляка.

«Не казните епископов: жизнь человека стоит дорого», – писал известный лейборист Ленсбери в своем обращении в Совнарком. 9 апреля 1923 г. в Палате лордов выступил архиепископ Кентерберийский с запросом по поводу предстоящего суда над патриархом.

«С ответом от имени правительства выступил лорд Керзон. Глава Форейн Оффис проследил историю преследования католической церкви в России. Что касается патриарха Тихона, то если бы большевики согласились допустить к присутствию на суде британских представителей, правительство Его Величества сделало бы все от него зависящее для осуществления этой возможности». (Петроградская правда, 1923, 11 апреля, № 78, с.2).

«Английское духовенство во главе с Фомой Девизананом, архиепископом Кентерберийским, выпустило воззвание «Против гонений на религию в России», – писал в «Правде» прославленный острослов, считавшийся в то время непревзойденным мастером дипломатических прогнозов. – Доказательством существования этих гонений являлся для духовной английс-

кой братии процесс католического архиепископа Цепляка, предстоящий процесс православного патриарха Тихона и, – о ужас! – арест гомельского раввина, о котором мы еще не слышали, но о котором трубят вся английская пресса, чтобы показать: если гонят уже и трусливых еврейских раввинов, то какое же может быть сомнение в том, что в России сражается Вельзевул с архангелами». (Радек К. Лекции истории для архиепископа Кентерберийского. – Правда, 1923, 15 апреля, № 92, с.2.)

Предстоящий процесс патриарха Тихона делается все в большей степени узловым событием внутренней политики в РСФСР.

Со страниц газет не сходили резолюции митингов, в которых содержалось требование смертной казни патриарху. «Тихоновщину надо обезвредить», – писала 16 марта в № 57 тульская газета «Коммунар».

Наряду с антирелигиозниками выступал «митрополит всея Сибири» Петр Блинов.

«Московский Поместный Собор 1917 г. и 1919 г., идейно возглавляемый ныне бежавшим за границу карловацким «дельцом» митрополитом Антонием Храповицким с сонмом подручных ему архиереев-монахов и укомплектованный мистически склоненными фигурами бежавших царских холопов, – писал темпераментный и безграмотный сибиряк, – помещиков, князей, банкиров, гг. Бобринских, Олсуфьевых, Родзянко, Гучковых, Васильевых и прочих выброшенных революционным шквалом за борт жизни, дал русской православной церкви патриаршество, как живой и легальный центр побежденной, но не уничтоженной контрреволюции внешней и внутренней. Карловацкий «воин» и его черная рать не ошиблись в расчетах. Около поставленного ими патриарха Тихона сразу сгруппировалась кучка темных дельцов, мозгом и душой которых были черносотенные архиереи – Никандр Феноменов, Серафим Чичагов. Это единение старых, испытанных «политических» работников совместно с примкнувшими к ним единомышленниками породило черносотенное контрреволюционное выступление, завершившееся циклом патриарших воззваний. Патриаршие воззвания в связи с изъятием церковных ценностей вызвали в России 1414 кровавых эксцессов. Бывший патриарх Тихон, как главный виновник этих эксцессов, архиепископ Никандр и Серафим и другие его соратники должны, по мнению Сибирского Церковного Управления, понести должную кару». (Известия ВЦИК, 1923, 15 апреля, № 82, с.6.)

Ровно через 14 лет после этого, в 1937 году, в воротах минской тюрьмы скрылась высокая, статная фигура Петра Блинова. Больше его не видел никто из ныне живущих. Быть может, в последние дни своей жизни «митрополит всея Сибири» понял, что жестокость и беспринципность – это обоюдоострое оружие.

20 апреля 1923 года было днем, когда антитихоновская кампания достигла зенита.

«В 12 часов дня 24 апреля в Колонном зале Дома союзов начинается слушание процесса патриарха Тихона и его ближайших сподвижников», –

сообщили в этот день «Известия» (№ 86, с.6). И на той же странице, подвалом, была напечатана подборка «Обновленческая церковь о процессе Тихона».

Под этим общим заголовком были напечатаны статьи Антонина Грановского, А.И.Введенского и В.Д.Красницкого. Антонин дал тон. Резко осудив контрреволюционную деятельность Тихона, Антонин тут же прибавил, что духовенство боится громко, во всеулышание, отмежеваться от патриарха из опасения отяготить его участь.

«Процесс Цепляка предвосхищает приговор Тихону, так как Цепляк – миниатюра по сравнению с Тихоном». Эта фраза звучит ужасно для современного читателя. Следует, однако, вспомнить следующее обстоятельство: в те дни вся читающая публика находилась под впечатлением неожиданного помилования Цепляка Президиумом ВЦИК, которое последовало за три недели до статьи Антонина. Помилование Цепляка официально мотивировалось его исключительным положением среди верующих польского происхождения и тем, что казнь Цепляка может произвести тяжелое впечатление на это нацменьшинство. Таким образом, выступление Антонина, при всей его грубости, объективно должно было лить воду на мельницу патриарха Тихона.

А.И.Введенский выступил еще более двусмысленно. Он вообще отрицал какую-либо выдающуюся роль патриарха Тихона. Патриарх Тихон, по его мнению, «безвольная, мягкая личность, никогда не пользовавшаяся никаким авторитетом. Он никогда не был известен как выдающийся оратор, – самодовольно смотрясь в зеркало, замечал знаменитый проповедник. – Вообще он совершенно случайный человек».

За что же его тогда судить? – сам собою возникает вопрос у всякого, кто читал статью А.И.Введенского. Статья В.Д.Красницкого, бледная и бессодержательная, также отличалась сравнительно умеренным тоном.

«Вчера в Москве, в Судебной коллегии Верховного Суда началось слушание дела бывшего патриарха Тихона и целого ряда сподручных ему князей церкви», – таким торжественным аккордом начал передовую статью в среду 25 апреля 1923 года редактор газеты «Калужская коммуна» А.Заревой. Статья называлась «Перед судом народа». (Калужская коммуна, 1923, 25 апреля, № 90, с. 11).

Увы! Заревой поторопился: 24 апреля никто не предстал перед судом: совершенно неожиданно (всего за несколько часов) судебное заседание было отменено. Никаких официальных сообщений по этому поводу опубликовано не было.

«У нас еще нет антирелигиозного движения, – констатировал в интересной и умной статье известный азербайджанский деятель С.Ингулов. – Пока антирелигиозная пропаганда была сначала антипоповской, потом антицерковной. Пропаганда против религии, как таковой, развивалась в очень узком кругу. И сейчас та волна антирелигиозного движения, которая делает возможным слушание дела патриарха Тихона при настежь открытых

дверях, все же есть антицерковное движение, которое пришло на смену противополоповской травле.

В самом деле, если проверить пути, по которым крестьянство дошло до отдачи помещения церкви под комсомольский клуб, то бросается в глаза раньше всего частая сменяемость попов в этих деревнях. Можно безошибочно сказать, что священники менялись чаще, чем даже завгубполитпросвета. Эти поиски лучшего были следствием какого-то надлома в самом доверии к церкви. Это были поиски лучшей церкви.

Несоответствие между учением церкви и ее делами слишком било в глаза. Смутное искание этой гармонии жизни и веры и было тем стимулом, который так легко обратил верующее население на путь «Живой Церкви», а сейчас от «Живой Церкви» толкает в сторону сектантства». (Ингулов С. Зуб, который сидел крепко. – Бакинский рабочий, 1923, 17 апреля, № 82, с. 2-3.)

Если отбросить ряд преувеличений, например, об обращении верующего населения к «Живой Церкви», то надо будет признать, что бакинский журналист правильно отметил основную тенденцию развития.

Искание гармонии веры и жизни было характерно для очень многих верующих людей в те дни. Оно наложило свой отпечаток и на обновленческое движение. К его анализу мы сейчас возвратимся.

*

После осенних событий, чуть не расколовших обновленческое движение, между двумя враждующими партиями установилось перемирие. По молчаливому согласию враждующих сторон это перемирие должно было оставаться в силе до созыва нового Поместного Собора. Разногласия, однако, не только не уменьшились, но даже, будучи загнаны внутрь, стали еще более острыми. Красницкий, оставаясь на старых позициях, ждал лишь случая, чтобы ринуться в бой.

«Пережитый месяц после первого нашего съезда, – писал он в журнале «Живая Церковь», – был особенно опасен для живоцерковного движения и его органа – Высшего Церковного Управления.

Твердое и решительное постановление съезда открывало дверь творческим силам церковным выйти на свободное поле работы по обновлению церковной жизни, по преобразованию омертвевшего церковного мирозерцания, по революционному преобразованию народного быта, согласно требованию Святого Евангелия и заветам апостольских времен. Но организованное единодушное и сильное выступление прогрессивного белого духовенства перепугало как темные массы церковной реакции, так и раздробленные кружки интеллигентской сектантщины.

Первые испугались за церковные средства, которыми они пользовались для своих коммерческих оборотов и политической спекуляции, вторые перепугались восстановления церковного единства и окончательного падения своих надежд на церковное разложение. Образовался трогательный союз церковной реакции и общественного лицемерия, в раскрытые

объятия которого пал московский митрополит Антонин. Первые поддержали его как монаха, как известного врага белого духовенства, открыто поносившего и позорившего среду, из которой он вышел и которая его возвысила. Вполне понимая, что открытие свободного доступа к епископскому званию наиболее выдающимся церковным работникам, независимо от их семейного состояния, положит действительный конец темному периоду монашеского господства, союз митрополита Антонина, грозя расколом и организацией другого, уже совершенно реакционного Высшего Управления, задержал рукоположение первого русского архиерея (Алексия Дьяконова), соответствующего апостольскому завещанию, т.е. женатого. «Антоновщина» — это последняя попытка оживить монашество» (Живая Церковь, 1922, 1 октября, № 10).

В этом же номере журнала живоцерковники сделали остроумную попытку отплатить Антонину за его многочисленные личные выпады против живоцерковников и громовые обличительные тирады, бичующие моральное разложение «Живой Церкви». На с. 4 помещена небольшая статья о. Алексия Дьяконова «По поводу откликов из-за границы». О. Дьяконов с наигранным негодованием, якобы обижаясь за Антонина, тем не менее полностью приводит следующий отзыв о нем митрополита Антония Храповицкого из его статьи в белоэмигрантском «Новом времени»: «Я вполне допускаю, что среди сорока тысяч русского духовенства нашлось несколько негодяев, восставших против Святейшего Патриарха, имея во главе известного всем пьяницу, развратника (никто никогда не видел Антонина пьяным и ничего не слышал о его разврате. — *Авт.*) и нигилиста, побывавшего клиентом дома умалишенных еще двадцать лет назад».

Антонин не оставался в долгу. Всюду и везде он поносил живоцерковников, называя их с церковной кафедры шлюхами, публичными девками, продажными тварями и даже еще худшими эпитетами, начинавшимися со второй буквы русского алфавита.

Правда, теперь, соблюдая правила перемирия, он не называл собственных имен. Говорил так, вообще, однако все прекрасно понимали, о ком идет речь, когда грозный владыка, потрясая стены Заиконоспасского храма, говорил о людях, чьи рясы забрызганы кровью.

Отрицание «Живой Церковью» аскетизма и монашества есть, по словам Антонина, зловредная ересь, хула на Пречистую Матерь Божию, Иоанна Крестителя и преподобных отцов.

Вопрос о женатом епископате оставался самым острым вопросом, разделявшим Антонина и его коллег по ВЦУ. В декабре 1922 года начались (несмотря на упорное противодействие Антонина) рукоположения женатых епископов. Первым женатым епископом, рукоположенным в Москве, был протоиерей Николай Соловей, впоследствии сыгравший позорную роль в истории русской церкви. Врач по образованию, хозяин магазина в Замоскворечье по профессии, темный делец по призванию, Николай Соловей как-то странно и внезапно всплыл в это время. За несколько

лет до этого он был рукоположен в священный сан, однако с появлением нэпа оставил священнослужение, увлекшись коммерцией. Кандидатура Николая Соловья в епископы всплыла как-то совершенно неожиданно, никто не мог указать, кто именно его выдвинул. Известно лишь было одно – что новый епископ предназначается для поездок за границу. Рукоположен он был во епископа Кашинского, т.е. с самого начала стал епископом без кафедры, так как в Кашиине не было ни одного храма, который бы принимал обновленцев. Антонин решительно протестовал и категорически отказывался участвовать в его рукоположении. Новый епископ был хиротонисан 17 декабря 1922 года епископом Макарием Пятигорским и Александром, епископом Старобельским, в храме Гребневской Божией Матери на Лубянке.

В связи с этим в начале 1923 года разыгрался очередной скандал. 19 января 1923 года, в день Крещения Господня, Антонин возглавлял торжественное богослужение в храме Христа Спасителя. Во время Часов, когда митрополит стоял в полном облачении на кафедре, посреди храма, к нему подошел иподиакон и что-то шепнул ему на ухо. И вот изумленные богомольцы увидели, как митрополит стремительно сбежал с кафедры и пошел в алтарь. Чтец поперхнулся на полуслове. Вбежав в алтарь через северные двери, Антонин вихрем ворвался в дьяконник, к тому месту, где стоял облаченный в архиепископское облачение Николай Соловей.

«Если этот выйдет, – бешено крикнул Антонин, обращаясь к Красницкому, – я тотчас сойду с кафедры и уйду в облачении прямо в народ – мы пойдем в другой храм совершать литургию».

«Хорошо, хорошо, владыко, все будет так, как вы говорите», – отвечал наученный горьким опытом Красницкий, зная, что в таких случаях лучше не противоречить.

«И чтобы в алтаре его не было!» – воскликнул Антонин и затем, выйдя царскими воротами на солею, извинился перед народом за перерыв в богослужении.

«Я вынужден был прервать Божественную службу, чтобы изгнать из алтаря самозванца», – заявил Антонин при полном одобрении молящихся. А затем спокойно прошел на кафедру, бросив по пути псаломщику: «Читай!»

Между тем изгнанный «самозванец» вышел из алтаря и простоял всю службу на клиросе.

Таким же образом Антонин категорически отказался иметь что-либо общее с прибывшим из Сибири «митрополитом» Петром Блиновым.

Все эти острые инциденты чуть было опять не привели к расколу, и только после новых длительных переговоров было достигнуто соглашение, причем Антонин, наконец, пошел на уступку: согласился признать женатый епископат в том случае, если будущий Поместный Собор примет соответствующее постановление. Между тем пора было, действительно, подумать о Поместном Соборе и вместе с тем и о положительной программе церковных реформ. В журнале «Живая Церковь» № 10 была опубликована

на программа, принятая еще 16-29 мая 1922 года и составленная при участии А.И.Введенского:

«Программа

церковных реформ, намеченных группой духовенства и мирян «Живая Церковь» в развитие своих основных положений, принятых на учредительном собрании группы 16-29 мая 1922 года.

I. Реформа догматическая.

1. Восстановление евангельского первохристианского вероучения, с нарочитым развитием учения о человеческой природе Христа Спасителя и борьбе со схоластическими извращениями христианства.

2. Развитие христианского учения о Боге как об источнике правды, любви и милосердия в противовес древнееврейскому пониманию Бога, как грозного мстителя и карателя грешников.

3. Развитие учения о происхождении мира от творческой воли Божией при участии производительных сил природы.

4. Развитие учения о человеке как венце и завершении премудрых актов творческих сил.

5. Развитие учения о спасении как восстановлении крестной любовью сыновства человека с Богом.

6. Церковь Христова как богочеловеческий союз для осуществления на земле Правды Божией.

7. Вечность, как органическое развитие и завершение нравственного устройства личности человеческой.

8. Страшный суд, рай и ад как понятия нравственные.

II. Реформа этическая.

1. Развитие нравственного учения о спасении в мире, в обычных условиях трудовой жизни человечества.

2. Опровержение монашеского учения о спасении личном, путем отрицания ими мира и попрания естественных потребностей человеческой природы, что ведет к нравственному разложению и уничтожению рода человеческого.

3. Святая Семья как залог общественности и нравственности. Нравственное и общественное равноправие женщины.

4. Труд как радостное проявление полноты жизни и залог общественного благосостояния.

5. Равенство всех трудящихся в пользовании благами мира как основа государственности.

6. Нравственная и материальная поддержка государственных мероприятий, направленных на пользу и улучшение быта обездоленных жизнью инвалидов, вдов и сирот.

7. Справедливость социальной революции и мирового объединения трудящихся для защиты прав трудящегося и эксплуатируемого человека.

III. Реформа литургическая.

1. Пересмотр церковной литургии и устранение тех наслоений, кото-

рые внесены в православное богослужение пережитым периодом союза церкви и государства, и обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения.

2. Устранение обрядов, являющихся пережитками древнего языческого мирозерцания.

3. Борьба с суевением, религиозными предрассудками и приметами, выросшими на почве народного невежества и монашеской эксплуатации религиозного чувства доверчивых масс.

4. Приближение богослужения к народному пониманию, упрощение богослужебного чина, реформа богослужебного устава применительно к требованию местных и современных условий.

5. Исключение из богослужений выражений и идей, противных духу всепрощающей Христовой любви.

6. Широкое вовлечение мирян в богослужение, до церковного учительства включительно.

7. Коренная реформа проповеди как обязательной части богослужения, изгнание схоластики и приближение к евангельской простоте.

IV. Реформа каноническая.

1. Выделение из книги правил тех канонов, которые отжили свой век или созданы были по требованию гражданской власти или содержат в себе резкое националистическое понимание христианства, и признание их необязательными в настоящее время, при современных условиях церковной жизни.

V. Реформа приходская.

Составление нового приходского устава на нижеследующих основаниях:

1. Приход как литургическое общество, объединяемое священником около своего храма.

2. Широкое участие мирян в делах церковно-общественной жизни, проявляющееся:

а) в первохристианском обычае выбора духовных руководителей общины совместно с представителями мирян и духовенства;

б) в распоряжении церковными суммами совместно с членами своего клира;

в) в восстановлении первохристианской общинной благотворительности теми же силами;

г) в христианском просвещении подрастающего поколения соответственно вышеизложенным веро- и нравоучительным принципам.

3. Открытие свободного доступа к епископскому званию пресвитерам, состоящим в брачном сожитии со своими супругами, применительно к практике первых веков христианства.

4. Окончательная ликвидация епископского деспотизма как чуждого первохристианской церкви и утвердившегося в Церкви Российской под влиянием монархического самодержавия.

5. Высшее и епархиальное пресвитерианское управление с участием епископов, клира и мирян – всех на равных правах.

6. Освобождение духовенства от современного унижительного способа содержания, отдающего его во власть кулацких элементов и оскорбляющего его пастырское достоинство. Весь клир, от епископа до причетника, содержится общиной организованным путем.

Поместный Собор.

Поместный Собор Православной Российской Церкви созывается в г. Москве в храме Христа Спасителя в Фомино воскресенье 15 апреля нового стиля 1923 г.»

(Живая Церковь, № 10, с. 17-18).

Как видит читатель, в этой программе, очень четко и ясно составленной, нет ничего, что принципиально противоречило бы православию*. Нареканиям подвергался лишь первый параграф – живоцерковников обвиняли чуть ли не в несторианстве, упрекая их в том, что они отрицают Божественное естество во Христе. Противники «Живой Церкви» объявили ее на этом основании еретической.

Это возражение противников «Живой Церкви» основано, однако, на печальном недоразумении. Никому из деятелей «Живой Церкви» никогда и в голову не приходило, к их чести, сомневаться в божественности Иисуса Христа. В параграфе первом лишь зафиксирован следующий несомненный факт: в обыденной церковной действительности для массы верующих (среди обрядов и благолепия) Христос запечатлевается в основном в ореоле Своего Божественного величия – человеческие черты Христа Спасителя как-то невольно затмеваются этим сияющим ореолом. В этой связи можно говорить о практическом уклоне в монофизитство – евангельский Христос, в Его Божественной, чарующей простоте, остается непонятным для рядового, неграмотного христианина. О необходимости донести до каждого верующего евангельский образ в Его человеческом облики и говорит первый параграф программы. Этим нисколько не отрицается, разумеется, Божественная природа Христа.

Ввиду возникших недоразумений II съезд группы «Живая Церковь» внес в параграф 1-й, поправку после слов: «о человеческой природе Христа Спасителя» были поставлены слова: «в соединении с Его Божественной природой».

Так или иначе опубликование программы в № 10 журнала «Живая Церковь» было, несомненно, положительным шагом. Наконец обновленческое движение выходило за рамки поповских склок и принималось за вопросы принципиального значения.

Эти вопросы также стояли в центре внимания вновь возникшей обновленческой организации, принявшей название «Союз общин древлеапостольской церкви» (СОДАЦ).

Летом 1922 года, сразу после раскола, в Москве появилось множество различных кружков, религиозных братств и группировок. Среди них

была группа, принявшая пышное наименование «Союз общин древлеапостольской церкви». Название было чистой фикцией, хотя бы потому, что никаких «общин» не было, и, следовательно, не могло быть никакого союза, а было просто несколько религиозно настроенных интеллигентов, задумавших соединить христианство с идеей трудовой кооперации, имела место попытка открыть на этих началах артель – по типу мастерской Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?».

Из всей этой затеи ничего не вышло, и Союз влачил к осени 1922 г. жалкое существование, находясь накануне распада. Но вот в октябре 1922 г. неожиданно к нему примкнул А.И.Введенский. Это было время, когда он находился на перепутье: после разрыва с «Живой Церковью» положение его было крайне неопределенным. «Союз церковного возрождения» (во главе с Антонином) закрыл перед ним двери – монашеская, аскетическая идеология, которую проповедовал Антонин, была противна Введенскому до глубины души. Самая личность Антонина, суровая и властная, подавляла мягкого, слабовольного, неврастеничного интеллигента, каким был А.И.Введенский.

Войдя вновь в ВЦУ, он первое время оглядывался по сторонам, не зная, что предпринять дальше. Между тем личная его популярность все возрастала: его ораторский талант в это время достиг своего зенита – как мыслитель и как деятель он находился в расцвете сил.

Введенский-оратор – это тема для специального исследования. Здесь укажем, что, как и всякий большой талант, Александр Иванович не укладывается в стандартные рамки. Все обычные правила гомилетики, риторики отбрасываются им решительно, целиком и полностью. Никаких вступлений, планов, конспектов – безоружный, без всяких вспомогательных средств, стоит он на трибуне, только общий, самому ему еще неясный план зреет у него в голове. Но вот нисходит на него нечто ему самому непонятное – аудитория исчезает из глаз – он ее не видит, не слышит гула голосов и аплодисментов, он только чувствует ее каждым своим нервом. Великая мысль преображает его лицо – он начинает. Без всякого вступления или пролога – прямо с самого главного – содержание определяет форму выступления. Иной раз это лекция; мысль о величии науки, познающей мир, раскрывающей тайны мироздания, приводящей к Творцу, владеет им. Он говорит о великих открытиях, о новых теориях – с поразительной ясностью, простотой и убедительностью. Даты, специальные термины, сложнейшие понятия высшей математики приводятся им легко, свободно, по памяти, без малейшего напряжения. Горячее увлечение, которое владеет оратором, передается в зал. Самые абстрактные, сухие, непонятные для широкой публики понятия становятся интересными, живыми, конкретными – как бы на волшебной ладье, вместе с этим чудесным, обаятельным кормчим, пускается слушатель в широкое, безбрежное море человеческого познания и слушает, как замороженный, чудесную повесть о том, как неустанным трудом человек через понимание видимых вещей приходит к Богу. И голос

оратора крепнет, весь он устремляется вперед, как бы сознавая невидимое. Он говорит уже два часа, и ни в ком ни тени усталости, внимание все возрастает, все более яркой, образной, эмоциональной становится его речь. Глубокая, великая, могучая мысль все более овладевает им.

Но не всегда бывает так. Не всегда оперирует он логическими методами. Вдохновение, бурное и неудержимое, порой овладевает им – высокая страсть сотрясает все его существо, и тогда его речь – уже не лекция, это потрясающий взрыв народного трибуна, вулканическая тирада об обновлении церкви, о необходимости идти к свободе, к свету, к преображению, обновлению жизни во Христе...

А иногда им овладевает тяжелое раздумье о смысле жизни, облачко грусти сходит на аудиторию, и его речь – это задушевная исповедь: с бесстрашной откровенностью повествует он о своих сомнениях, раздумьях, с дрожью в голосе раскрывает он свои надежды, выворачивает наизнанку душу...

Амплитуда Введенского как оратора огромна – от научной лекции до митинговой речи и лирической исповеди, и во всех жанрах он достигает вершин ораторского искусства. Никто не умел так зажигать аудиторию, так овладевать ею и оставлять в слушателе такое неизгладимое впечатление. И мысль об обновлении мира, о Христовой весне, первое веяние которой уже ощущается во вселенной, красной нитью проходит через все выступления Введенского. Он говорил об этом всегда и всюду, мечтал о Царствии Божием, преображении жизни, с юношеской страстью до конца своих дней...

А потом он сходил с трибуны, и пошлые, мелочные, тщеславные интересы овладевали им. Жизнь захлестывала этого слабого человека, наделенного могучим, чудесным, самому ему не вполне понятным даром.

В октябре 1922 г. он раскопал «Союз древлеапостольской церкви», находившийся при последнем издыхании, и увлекся им. Его привлекла к этой группе интеллигентность, отсутствие косности, «поповского элемента», как он выражался впоследствии.

В конце октября он официально вступает в Союз, и вслед за этим к Союзу присоединяется петроградская обновленческая организация во главе с Боярским. В ноябре к нему присоединяются московские обновленцы, отхлынувшие от Красницкого. Союз начинает расти, как снежный ком, к концу года его отделения имеются во всех епархиях. Он имеет в своем распоряжении несколько журналов, по количеству членов он превосходит группу «Живая Церковь» – из мелкой фракции, состоявшей из 10 человек, он превращается на протяжении двух месяцев в мощную церковную партию, возглавляемую самым популярным деятелем обновленческого течения. В соответствии с этим меняются его цели и задачи.

СОДАЦ, как было сказано выше, становится в последние два месяца 1922 г. самой многочисленной обновленческой организацией. Это объясняется не столько особыми симпатиями, которые он вызывает в духовенст-

ве, сколько тем отвращением, которое вызывает у всех «Живая Церковь». Духовенство и миряне льнут к СОДАЦу, видя в нем меньшее зло по сравнению с живоцерковниками. Интеллигенция бросается в его объятия, привлеченная обаятельной фигурой великого оратора, многие лидеры «Живой Церкви» вступают в СОДАЦ. Одно время начинает казаться, что СОДАЦ вытесняет «Живую Церковь» со всех ее позиций.

Этот прогноз оказался, однако, преждевременным: Красницкому удалось удержать ряд своих позиций в столице и провинции благодаря строгой централизации, организованности и железной дисциплине, которая объединяет всех его сторонников. СОДАЦ, наоборот, был всегда рыхлой интеллигентской организацией – со слабой связью между членами, неопределенной программой, с идейным вождем во главе, который был совершенно неспособен к административному руководству.

Примкнув к СОДАЦу, Введенский тут же написал программу. Скорее, это наброски, задушевные мысли талантливого человека, изложенные без всякой системы и связи между собой. Помещаем ее здесь полностью:

«Программа Союза Общин Древле-Апостольской Церкви.

Введение.

1. Христианство есть религиозное движение, а не стояние. Оно – динамика, а не статика. Творческий принцип есть единственный принцип христианства. Из зерна горчичного вырастает гигантское дерево. Незыблема лишь земля (основа), куда брошено зерно это. А зелень жизни дает все новые и новые побеги.

2. Христианство есть религия благодатного труда для устроения жизни на земле. Человечество есть единая семья. Один Отец – Христос, все – братья. А у братьев все общее: вера, душа, любовь, кусок хлеба – отсюда коммунизация (обобществление) жизни согласно идейному примеру апостольской общины. Христианский коммунизм мыслится нами не только как коммунизм потребления, но и как коммунизм производства.

3. Христианство есть религия роста. Поэтому она не может быть задерживающим моментом в общекультурном развитии человечества. Необходимо борьба с религиозными суевериями, поскольку они препятствуют общечеловеческому прогрессу. Все современное, так называемое нравственное богословие должно быть пересмотрено с высоты незыблемых норм великой евангельской истины. Этот пересмотр разрушает, может быть, многое привычное, но человеческое, а зато выявит подлинное божественное.

4. Христианство есть религия любви, а не эксплуатации. Решительная борьба против возможности одной частью верующих (духовенства) эксплуатации другой части (мирян). В церкви все равноправны. Служение в церкви есть радость, а не наемничество. Невозможна и самая мысль об единой церковной кассе. Трудовой принцип обязателен для всех верующих.

5. Христианская церковь принадлежит одному Христу. Она не

красная, не белая – она Христова. Посему Церковь лояльна к государственной власти, не входя в рассмотрение формы данной власти. Поэтому русская церковь, решительно разрывая с контрреволюцией, безусловно лояльна к Советской власти. Но более, поскольку в принципах Октябрьской революции нельзя не усмотреть принцип первохристианства, церковь религиозно принимает нравственную правду социального переворота и активно, доступными ей церковными методами, проводит эту правду в жизнь.

6. Необходима борьба за сплочение всех верующих во Христе в единую семью. Нельзя не видеть, что религиозно-классовое (?) разделение человечества на католиков, православных, лютеран и т.д. есть дело рук человеческих. Надо найти общий язык, который поможет понять всем христианам, что они единая семья. Посему, исходя из вышеизложенных оснований, Союз ставит своей целью:

В основу жизни должно быть положено:

а) принцип равенства, братства и свободы. Равенство мыслится как равноправие всех членов общины во всех проявлениях жизни общин церкви. Вовлечение всех верующих в непосредственное совершение богослужения, чтецы – наиболее грамотные, певцы – наиболее искусные в пении, проповедники – миряне-ораторы. Выборность пастыря.

б) братское отношение верующих не только к одинаково верующим, но и ко всем людям, обязывает нас стремиться к обобщению имуществ.

в) в управлении делами общины, а также и их объединений (епархиальных, уездных, районных) участвуют на равных правах пресвитеры, клирики и миряне.

г) правом председательства на съездах и соборах общин верующих пользуются в равных степенях духовенство и миряне.

д) принадлежность к организации на началах добровольного выхода и входа в нее, а также свободное подчинение братской дисциплине. Для осуществления намеченных целей Союз стремится все свои силы приложить к проведению в жизнь следующих мероприятий:

1. Очищение христианства от всего языческого, наслоившегося в процессе почти двухтысячелетнего существования христианства, борьба с обрядоверием, предрассудками, борьба с темнотой и невежеством, выявление верующим причин тех явлений природы, которые породили многие суеверия и обряды.

2. Пересмотр догматики, этики Собором с целью выяснения подлинных евангельских и апостольских принципов веры, нравственности, затемненных средневековой схоластикой и школьным богословием.

Это будет делом грядущего Собора, но широкое обсуждение этих вопросов должно начаться неотложно на страницах духовной печати и в ряде дискуссий.

3. С этой целью мы стоим за очищение и упрощение богослужения и приближение его к народному пониманию. Пересмотр богослужебных книг

и месяцесловов, введение древнеапостольской простоты в богослужение, в частности, в обстановке храмов, в облачении священнослужителя, родной язык взамен обязательного языка славянского, институт дьяконисс и т. д.

4. Выборность всех пастырей, начиная с дьяконов и кончая епископами. При избрании община руководствуется призыванием, одаренностью и талантливостью избираемых.

5. Отмена всех наград как несоответствующих духу христианского учения.

6. Не должно быть никаких принудительных сборов на нужды культа.

7. Устранение религиозного профессионализма, т. е. отделение труда от заработка – священнослужение.

8. Широкая общественная благотворительность.

9. Признавая, что принципы монашества преследуют задачи самосовершенствования нравственного и развитие духовных сил, а потому, не отрицая аскетизма как пути к достижению высшего христианского совершенства, Союз заявляет, что современное монашество ничего общего с этими условиями не имеет, но имеет лишь стремление к достижению власти, возможность устраивать свое благополучие за счет эксплуатации религиозных чувств верующих, результатом чего является уход в монашество худшей части верующих, монастырский разврат, невежественное толкование учения Господа нашего Иисуса Христа, сеяние суеверий, укрепление языческих обрядов и т. д. Поэтому Союз признает необходимым закрытие всех городских и сельских монастырей, оставив лишь те из них, кои построены на принципе трудового начала и носят характер аскетически подвижнический, например, Оптина Пустынь, Соловки и др.

Монахи отреклись от мира, а потому и не могут править миром. Белый епископат.

10. Признавая, что в основе церковной организации должна лежать соборность, выявляющаяся в форме письменных волеизъявлений (канонов), Союз в то же время считает, что эти волеизъявления, закрепленные в форме канонов (правил), являются продуктом человеческого творения, а потому и не могут признаваться неизблемыми. Союз определенно заявляет, что те, кто стоит за руководство-каноничество, являются потомками фарисеев, предавших Христа на распятие за нарушение подобного рода омертвевших правил иудейской веры.

Пересмотр всех церковных канонов и отмена из них тех, которые потеряли свою жизненность.

11. В вопросе о признании справедливости социальной революции и об отношении к власти Союз всецело разделяет принципы и других обновленческих групп, но в то же время заявляет, что Церковь должна быть совершенно аполитична. Все свои идейные задания в области основных принципов программы Союз предлагает проводить в жизнь не приказами, циркулярами и другими мерами принуждения, а путем показательным, ор-

ганизуя теперь же общины верующих христиан на началах, указанных в программе.

«Вера без дел мертва» (Иак. 2,26).

«Покажи веру от дел твоих» (Иак. 2,18)».

(За Христа, Пермь, 1922, 15-30 ноября, № 1-2, с.22-24).

*

К январю 1923 г. в Троицком подворье организовался ЦК СОДАЦа.

ЦК состоял из 6 человек: архиепископа Иоанна Альбинского (Нижегородского), протоиереев: Введенского, Эндека, Вдовина, Федоровского, и мирянина А.И.Новикова.

Самым интересным из руководящих деятелей СОДАЦа (после А.И.Введенского) является Александр Павлович Эндека – человек морально чистый, бессребреник, энтузиаст-проповедник. Уроженец Крыма, грек по происхождению, Эндека принял священный сан по призванию, уже в довольно зрелом возрасте. До раскола он был священником Скорбященской церкви в Симферополе. В первые дни раскола он возглавил обновленческое движение в Крыму и поместил несколько статей в журнале «Живая Церковь». Однако, пораженный методами Красницкого, о. Эндека категорически отказывается принять должность уполномоченного «Живой Церкви» по Крыму и вскоре перебирается в Москву, к дочери.

После отречения от веры Сергия Калиновского Антонин назначает о. Эндека настоятелем Гребневской церкви. Если митрополит хотел показать прихожанам, что в православной церкви и в обновленческом движении есть не только продажные ренегаты, но и порядочные люди, то он достиг своей цели. Чтобы убедиться в этом, достаточно упомянуть о том образе жизни, который тот вел. Не желая стеснять дочь, жившую с семьей в кошмарных квартирных условиях, о. Эндека обычно во все времена года, кроме сильных морозов, принимал на московских бульварах. Москвичам примелькалась маленькая фигурка пожилого священника, который до позднего вечера бродил от храма Христа Спасителя до памятника Пушкину, погруженный в глубокую задумчивость. В церкви о. Александр обычно оставался целый день. Только в 2 часа дня он переходил Лубянку, чтобы пообедать в вегетарианской столовой.

Каждую службу (утром и вечером) он проповедовал. Беседы о. Эндека привлекали много слушателей. В начале проповеди он обычно читал целиком главу из Евангелия, а потом начинался своеобразный и вдумчивый анализ прочитанного, с большим количеством примеров из жизни. Все свободные от службы часы о. Александр проводил за чтением (сидя у свечного ящика) или в беседах с прихожанами.

Этот человек примкнул к СОДАЦу, надеясь на то, что теперь начнется настоящее, евангельское обновление церкви.

Александр Эндека в 1929 г. был расстрелян за спекуляцию (!). Он организовал мастерскую, в которой делались крестики.

Протоиерей Вдовин (из Царского Села) и Федоровский (из Подмосковья) были порядочными интеллигентными людьми, которые покорно следовали во всем за Введенским.

Колоритной была личность А.И.Новикова. Человек талантливый, великолепный администратор, А.И.Новиков был прирожденным общественным деятелем. Уроженец и житель Ярославля, А.И.Новиков в течение долгого времени был крупным приходским деятелем. Летом 1922 г. Красницкий, встретясь с ним, оценил его способности и перетащил в Москву. С июля он делается управделами ВЦУ. Красницкий, желавший сделать из Новикова слепое орудие, однако, просчитался. Новиков оказался человеком самостоятельным и волевым. В сентябре Новиков примыкает к Антонину, оставаясь в то же время членом ЦК «Живой Церкви». Вместе с несколькими священниками он организует так называемое «левое крыло» «Живой Церкви». Так как практически Новиков всегда в ВЦУ шел вразрез с Красницким, тот видел в нем своего смертельного врага и добился в декабре его исключения из группы «Живая Церковь». После этого Новикову оставался лишь один путь – в СОДАЦ.

Вызывает недоумение тот весьма странный факт, что СОДАЦ номинально возглавлялся архиепископом Иоанном Альбинским – наиболее преданным другом Красницкого. Этот парадоксальный факт имеет, однако, очень простое объяснение. Сразу после организации СОДАЦа его руководящие деятели столкнулись с роковым препятствием: в их рядах не было ни одного епископа. После тщетных попыток убедить хотя бы одного архиерея к ним примкнуть (СОДАЦ не пользовался методами Красницкого, поэтому его аргументы не были столь неотразимы, как у «Живой Церкви») Введенский обратился в ВЦУ с просьбой «дать им архиерея». Этим и воспользовался Красницкий, чтобы навязать СОДАЦу Иоанна Альбинского, которого он, видимо, рассматривал как своего троянского коня. Впрочем, вряд ли архиепископ оправдал его надежды: он и здесь был такой же бесцветной фигурой, как и в «Живой Церкви». Вся его «деятельность» ограничивалась тем, что он подписывал различные документы и служил молебны перед открытием совещаний.

А.И.Боярский, возглавлявший петроградское отделение СОДАЦа, в Центральный комитет не вступил, продолжая держаться по-прежнему особняком.

Сразу после организации Центрального комитета была опубликована декларация, несколько больше напоминавшая программу, чем первый документ, написанный А.И.Введенским, но все же очень неконкретная, хотя и содержащая интересные, оригинальные мысли. Именно поэтому документ этот представляет собой интерес и для современного читателя. Приводим его здесь полностью:

«Союз Общин Древле-Апостольской Церкви.

Союз общин ставит своей задачей показать современности красоту и

силу христианства в подлинном его виде. Основы положения Союза Общин Древле-Апостольской Церкви следующие:

1. Христианство, наиболее чистое и правильное его явление – православие, сейчас переживает глубокий кризис. Из религии творчества оно превратилось в неподвижную закостеленную организацию, не имеющую полноты духа и жизни.

Крайним выражением этого является старообрядческий принцип: «до нас оно положено и лежи во веки веков».

2. Между тем христианство есть жизнь. А жизнь есть движение, прогресс, творчество. Верны, истинны, незыблемы лишь божественные основы христианства, что определенно изложено православным символом веры. Из этих священных зерен истины вырастают многие и разнообразные цветы Господни. Как сказано в Евангелии: Царство Божие подобно зерну горчичному, выросшему в дерево, птиц укрывающему. А дерево ведь несколько не похоже на зернышко – сущность же одна и та же. Поэтому Союз объявляет определенную борьбу пониманию христианства как священной рутины и мертвечины. Христианство есть жизнь и жизнью быть должно.

3. Осуществляя живую жизнь первохристианства в современной жизни, мы не думаем механически копировать апостольскую церковь. Первохристианские идеи должны быть воплощены в современной оболочке. Обновление жизни должно начаться с решительного осуждения не только уклонений от теории, но и на практике. Современный приход должен в образец строительства церковной жизни взять первоапостольскую общину, по имени которой назван и весь наш Союз вообще.

4. Необходимо изгнание из богослужения магизма, превращающего его в механическое воздействие на Божество в целях оказания человеку тех или иных услуг. Оно должно быть понятно народу до конца, прозрачно в своей символике.

5. Но живое и одушевленное, современное по форме, глубокое по своему содержанию богослужение не является исчерпывающим содержанием приходской жизни.

С молитвою должен сочетаться и труд.

Трудовой принцип на общечеловеческие нужды есть благословенный Богом принцип.

Приход должен стать трудовой религиозно-нравственной коммуной. Коммунизация жизни на христианских началах – вот лозунг приходской общины.

Во всей организации церкви как таковой должен господствовать принцип христианской любви и смирения.

Как в идейной, так и в практической жизни все человеческое, все традиции, расходящиеся с подлинным учением, должны уступить место божественному.

6. Христианская церковь не есть мертвая (государственная или общественная) организация, но живой, духом водимый организм. С этой

точки зрения принцип централизации должен быть доведен до минимума. Епископат исключительно белый. Монашество, по самому своему понятию, должно отстраниться от мира, а тем самым и от управления церковью. Епископат должен быть не «деспотией», но каждый епископ, подобно апостолам, есть раб и слуга своего стада.

7. В великой русской революции Союз видит осуществление человеческими методами великой первохристианской правды. Поэтому Союз не только лоялен к Советской власти, но оказывает и активную, всемерную религиозно-нравственную поддержку в государственной работе Советской власти.

Союз имеет ряд ответвлений по всей России. Центральный Комитет находится в Москве и состоит из архиепископа Иоанна Нижегородского, протоиерея Александра Ивановича Введенского, протоиерея Александра Павловича Эндека, протоиерея Вдовина, протоиерея Федоровского и мирянина А.И.Новикова.

Адрес Центрального Комитета: Москва, Самотека, Троицкое подворье. В члены Союза принимаются духовные и миряне обоего пола».

(Пятигорский епархиальный вестник, 1923, 1 февраля, № 1, с. 12.)

Другим программным документом, который был принят новым Центральным Комитетом, был содержательный и интересный «Проект реформ Церкви на Соборе, выдвигаемый Центральным Комитетом Союза Общин Древле-Апостольской Церкви», который мы также рекомендуем вниманию читателя:

«Проект реформ Церкви на Соборе, выдвигаемый Центральным Комитетом Союза Общин Древле-Апостольской Церкви.

Общие положения.

1. Исходя из основной мысли Союза – вернуть подлинное христианство мира в чистейшей его форме первых веков, Союз на Соборе определенно и до конца поведет в этом направлении работу.

Основные вопросы веры.

2. Полная незыблемость Никео-Цареградского Символа Веры. Союз, однако, решительно выдвигает необходимость пересмотра догматики, в которой не только царствует неоплатонизм, но и современный капитализм, перенеся ненормальные отношения классов на самое Небо. Христос, Его небесно-византийский двор, святые в качестве министров и т.д. – вот иллюстрация современного капиталистического устройства неба.

Между тем Евангелие и Апостолы в иных, простых и глубоких чертах говорят нам о горнем клире. Надо вернуться к их пониманию, отбросив человеческие богословские фантазии.

3. Необходимо учесть все завоевания отрицательной критики в смысле филологического, исторического расшифрования евангельского текста. От грубо вербального понимания Евангелия необходимо перейти к более духовному, соответствующему фактической (а не религиозно-политической) истории христианства.

Основные вопросы морали.

4. Современная мораль церкви насквозь пропитана духом рабства, мы же не рабы, но сыны Божии. Изгнание духа рабства, как основного принципа морали, из системы этики есть дело Собора.

5. Также должен быть изгнан капитализм из системы морали, капитализм есть смертный грех, социальное неравенство недопустимо для христианина.

Основные вопросы внешнего положения Церкви.

6. Собор в отношении власти должен поставить Церковь не только в положение лояльной к Советской власти, но и тем более (?) открытое признание того, что эта власть мирскими методами проводит лучшие Христовы идеалы социальных отношений – должно быть религиозно-нравственным делом Церкви.

7. Во внутренней своей жизни Церковь должна до конца проводить принцип апостольского коммунизма. Каждая приходская община есть трудовая коммуна прежде всего.

8. Молитва неразрывно связана с трудом на благо ближнего. Этот принцип должен пройти через все церковное деление.

Основные принципы богослужения.

9. Уничтожение всей шумихи и сложности богослужения. В простоте сердца, в простых одеждах, в храмах бедных внешне, но богатых красотой и любовью ко Христу, должно совершаться богослужение, воспитывающее в членах общины не дух веры в волшебство и магию, но силу быть полезным членом общества, достойным высокого своего наименования христианина.

Введение музыки в богослужение (орган, фисгармония и т.д.).

Положение духовенства.

10. Уничтожение монархического принципа администрирования.

11. Епископы женаты, согласно Апостолу, отцы, а не владыки.

12. Профессионализм, платы за требы должны быть отменены.

Каноны.

13. Каноническое устройство церкви есть неевангелическое устройство церкви. Христос не знает юридических норм.

14. Поэтому должен быть, на основании апостольских традиций, а также требований современной жизни, выработан действующий комплекс правил, которым и надлежит руководствоваться взамен устаревшей «книги правил».

Суд над виновниками церковной разрухи.

15. Все иерархи и другие лица, смешавшие задачи церкви с задачами контрреволюции, подлежат церковному суду в высшей мере.

Центральный Комитет».

(Там же, с. 13.)

После опубликования этих документов и формирования ЦК организационный период СОДАЦа был завершен – стали готовиться к съезду.

Съезд новой обновленческой организации открылся 15 марта 1922 г. во 2-м Доме Советов, там, где происходил и I съезд «Живой Церкви».

Следует признать, что делегаты съезда значительно отличались от живоцерковников. Прежде всего здесь совершенно не было бывших черносотенцев, зато много было священников с академическими и университетскими значками. Интеллигентный, либеральный городской священник – таков превалирующий тип среди членов СОДАЦа.

По местам содацевцы пытались вводить прогрессивные реформы – проводили духовные беседы, внедряли пение акафиста нараспев, вводили фисгармонию, привлекали к богослужению женщин в качестве чтецов (это тогда было новшеством), организовывали религиозные братства и сестричества. Большинство содацевцев были честными людьми, и никто из них не запятнал себя политическими доносами или темными связями. Главным недостатком СОДАЦа была бесхребетность: они отмежевались от живоцерковников, решительно обходили острые углы, избегали конкретных шагов, предпочитая парить в области высокой теории.

В соответствии с давними установками Введенского и Боярского съезд должен был заняться, главным образом, вопросом социальной роли христианства. «Возглавить социализм христианством» – таков конечный вывод, к которому приходили Введенский, Боярский и Егоров во время своих бесед на веранде, на даче Боярского.

В данный момент перед съездом СОДАЦа выяснилось, что между двумя старыми друзьями появилась трещина, которая все более и более углублялась. По мнению Введенского, христианский социализм в данной ситуации должен был выражаться в тесном контакте с советской государственностью. Церковь должна была приближаться к социальным проблемам, «плывя на корабле советского государства». «Я очень далеко пошел по этому пути и пошел бы еще дальше, но жизнь показала, что все это не дает результатов», – говорил Введенский через 20 лет.

А.И.Боярский имел совершенно другие установки. «Церковь ни при каких условиях не должна обезличиваться, ее контакт с марксистами может быть лишь временным, случайным, скоропроходящим. Христианство должно возглавлять социализм, а не приспосабливаться к нему. Для этого христианство должно всеми мерами бороться за массы, за душу народа – оно должно вести самостоятельную линию и быть более социалистичным, чем все социалисты и коммунисты, вместе взятые». «Церкви незачем плыть на каком бы то ни было корабле, когда она может ходить по водам», – перебил он Введенского, когда тот в узком кругу повторил свою фразу о «корабле советской государственности».

Так как Боярский не мог, разумеется, полностью развернуть свою платформу в тех условиях, то победила точка зрения Введенского.

В четверг 15 марта открылся съезд. Осведомленный об основных проблемах, которые должны были быть поставлены на съезде, митрополит Антонин, открывая съезд, заявил:

«Церковь не должна быть неподвижной, аполитичной, по пословице «моя хата с краю, ничего не знаю». Аполитичность – своего рода саботаж. Подобно политическому социальному сдвигу, для водворения правды на земле, Церковь также должна двигаться к той же правде и со своей стороны воплощать ее среди своих верующих». (*Трегубов И.* Всероссийский съезд Союза Общин Древле-Апостольской Церкви. – Известия, 1923, 21 марта, № 62, с.4)

Выступавший затем Введенский сделал большой доклад о церкви, как старой, так и обновленческой. В своей речи он отметил, что решил примкнуть к Союзу Общин Древле-Апостольской Церкви, так как он более отвечает его духовным запросам и отличается более широкими взглядами, чем «Церковное возрождение», хотя в то же время он находится в полном контакте с последним и работает в полной гармонии с ее главой, митрополитом Антонином.

После прений по поводу доклада А.И.Введенского была принята следующая резолюция:

«В великой мировой борьбе труда с капиталом, когда человечество поставлено вплотную к вопросу о необходимости определенно встать на сторону либо труда и правды, либо капитализма и эксплуатации – съезд решительно становится на сторону труда. Христианство не может быть безучастным зрителем в титанической борьбе современности. Церковь должна определенно всему миру сказать: капитализм и связанное с ним угнетение трудящихся масс осуждается Христовым учением. Все верующие во Христа Спасителя должны решительно и безоговорочно разорвать с капитализмом.

Советская власть – сейчас единственная власть в мире, которая в самом деле борется за социальную правду. Поэтому и съезд определенно, всей силой своего нравственного авторитета, поддерживает великие принципы Советской власти, ее начинания, направленные к благу России и всего трудящегося человечества, и зовет к тому же всех верующих Православной Церкви и всего мира.

Нужно определенно церковным людям разорвать с контрреволюцией. Надо бросить все полупризнания власти. Власть Советов мирскими методами выполняет экономическую правду Христову, поэтому Церковь, не вписываясь в партию, всемерно, с высоты своего религиозного авторитета, поддерживает Советскую власть в ее борьбе за правду на земле. Тихоновская церковность, нарушившая все основы подлинной христианской морали, осуждается определенно и до конца, как смешавшая церковные задачи с целями контрреволюционными. Тихоновская церковь стала на стороне эксплуататоров – белогвардейцев, врагов трудового народа, прикрывая Именем Христа Спасителя все свои выступления, вплоть до отказа в хлебе голодающим. Поэтому настоящий съезд осуждает именем Христа Спасителя эту церковность, ничего общего, кроме имени, с церковью Христа Спасителя не имеющую.

Съезд выражает уверенность, что и Собор разделит эту точку зрения по высказанным вопросам». (Там же.)

Приняв большинством эту резолюцию, съезд перешел к другим вопросам.

Следующим докладчиком был А.И.Новиков. Темой его доклада был «Вопрос о мирянских организациях». По этому вопросу съезд принял следующую резолюцию:

«1. Признать необходимым роспуск и реорганизацию всех церковноприходских советов немедленно, так как большинство членов этих приходских советов проникнуто ненавистью к существующему политическому строю и тайной надеждой, что этот строй рухнет.

2. Признать, что во главе церковноприходских советов должны стать лица, не живущие за счет эксплуатации чужого труда». (Безбожник, 1923, 18 марта, с.3.)

Последним докладом, который прослушал съезд, был доклад ярославского протоиерея Красотина «Духовенство и его положение в церкви».

На заключительном заседании разыгрался своеобразный эпизод. С приветствием от имени евангельских христиан выступил Иван Степанович Проханов. Превосходный оратор и человек сильной убежденности, Иван Степанович произнес темпераментную и краткую речь, призывая съезд «найти в себе мужество откинуть исторические наслоения и вернуться к чистому Евангелию». Речь Проханова произвела на съезд большое впечатление. Смущенное молчание воцарилось в зале.

Это молчание было прервано А.И.Боярским. Войдя на трибуну, спокойно и твердо А.И.Боярский сказал:

«Приветствие брата Проханова съезду общин приняло оттенок пропаганды на съезде идей евангельских христиан, а молитва того же брата Проханова в конце речи придала съезду характер объединения с сектантами. Петроградское отделение по этому поводу подчеркивает, что выступление Проханова принимается только как приветствие христианам, а Союз является идейным объединением Святой Православной Церкви.

Сохраняя мир и любовь к христианам всех толков и объединений, Союз Общин не вступает на путь солидаризации в работе с какими бы то ни было сектантскими объединениями».

Съезд принял следующую резолюцию:

«Заслушав заявление петроградской группы, что баптисты под видом приветствия начали свою пропаганду, съезд постановляет: заявить, что съезд есть съезд православный, что мы идейно отгораживаемся от всякого сектантства». (Безбожник, № 17.)

Съезд СОДАЦа был генеральной репетицией Собора – его целью было «сесть на паром советской государственности».

Он представляет интерес для историка и в другом отношении: появление таких организаций, как СОДАЦ, показывало, что в недрах обновленческого движения имеются люди, стремящиеся к действительному об-

новлению Церкви. Стремления этих людей, однако, заглушались и здесь, хотя в меньшей мере, чем в группе «Живая Церковь», ибо политическое приспособленчество это такая почва, на которой не возрастают благоуханные цветы церковного обновления.

*

«Мое творчество это навозная лужа, в которой иной раз плавают золотые рыбки», – говорил про себя В.В.Розанов, известный писатель и публицист дореволюционной эпохи.

Обновленческое движение Русской Православной Церкви 20-х годов – это навозная лужа (сикофанство, шкурничество, приспособленчество). Однако, приглядевшись, мы находим в ней «золотые рыбки» – стремление к истинному духовному обновлению. «Союз общин древлеапостольской церкви», наряду с политическими приспособленцами, объединял в своих рядах многих людей, охваченных искренним религиозным порывом. Много подобных людей было в двух мелких церковных группах, развивавших свою деятельность в те дни в Москве и в Петрограде – в «Свободной трудовой церкви» и в «Союзе религиозно-трудовых общин».

«Свободная трудовая церковь» организовалась в Москве в конце 1922 года. Формально ее главой был архиепископ Иоанникий Смирнов. Однако ее подлинным основателем и вождем был довольно известный тогда в литературных кругах поэт-анархист Алексей Святогор.

Оба эти деятеля очень характерны для того времени – они как бы символизируют те две противоположные тенденции, о которых говорилось выше.

О. Иоанникий Смирнов начал свою деятельность как типичный представитель ученого монашества. Окончив Московскую духовную академию, он уже на третьем курсе принимает монашество. Ко времени его учебы относится также его знакомство с епископом Владимиром (Путятой), которого мы называли в первой части настоящей работы одной из самых омерзительных фигур в истории русской церкви. В годы первой мировой войны иеромонах Иоанникий сопровождает Владимира Путяту после его назначения архиепископом Пензенским к месту его служения. Он является секретарем и самым близким к Преосвященному человеком. В конце 1917 года, когда недостойный владыка за безнравственные поступки был извержен из сана Собором епископов, о.Иоанникий сохранил верность своему патрону и был главным его подстрекателем и помощником в организации сопротивления патриарху.

В возникшем «пензенском» расколе иеромонах Иоанникий является центральной фигурой. Выступая на собраниях, произнося проповеди, издавая листок, являвшийся главным органом группы, о. Иоанникий, по его собственному выражению, вертелся, как бес перед заутреней, чтобы сохранить и упрочить раскольническую группировку. Он был (вместе со своим патроном) одним из первых церковников, нашедших путь в ГПУ.

Политический донос был одним из главных методов этого «борца за обновление».

В 1919 г. иеромонах... женился на местной учительнице, своей однофамилице Смирновой. А через некоторое время происходит его хиротония во епископа. Эта «хиротония» была произведена единолично архиепископом Владимиром в Пензе. Характерно, что Владимир Путята рукоположил своего сподвижника в «епископа» с большой неохотой, лишь уступая воздействию влиятельных друзей Смирнова. Опасения Владимира были вполне обоснованы: через несколько месяцев он был уволен «на покой» собранием своих сторонников и вынужден был уехать из Пензы. Его преемником стал «епископ» Иоанникий.

Деятельность Иоанникия в Пензе была, однако, тоже недолговечной: после появления в Пензе живоцерковников Иоанникий, не признанный обеими сторонами, которые не могли ему простить его неблагодарности Владимиру, оказывается банкротом. После того как Пензенское епархиальное управление «добровольно» постановило отдать местный собор на культурно-просветительные нужды (Безбожник, 1923, 7 марта), Иоанникий потерял свою главную базу в Пензе. Впрочем, еще раньше он перенес свою деятельность в Москву, где началось его сближение со Святогором.

Алексей Святогор был также носителем бурной и запутанной биографии. Сын священника, он еще семинаристом увлекся анархизмом, вступил в подпольный кружок, принимая участие в экспроприациях, и неоднократно сидел в тюрьме. Святогор был талантливым поэтом в футуристическом духе. После революции, сблизившись на короткое время с Мамонтом Дальским, Святогор примыкает затем к более мирной фракции анархистов – к так называемым биокосмистам, которые считали главным путем к анархии культурно-просветительную работу. В то же время Святогор является основоположником нового литературного направления – «вулканизма» (увыл он, кажется, так и остался единственным сторонником этого «течения»).

Святогор был всегда богоискателем. Увлечение Ф.Сологубом, Д.С.Мережковским и другими мистическими литераторами сочеталось у него, как и у самого Сологуба, с анархической идеологией. Наш анархист никогда не переставал быть религиозным человеком и вызывал всеобщее изумление своих товарищей тем, что тщательно соблюдал все православные обряды и говел несколько раз в год.

В 1922 году Святогор решил коренным образом реформировать церковь. Безработный «епископ» Иоанникий Смирнов, встретившийся с ним в то время, оказался подходящим компаньоном. Старый «искатель по верам» Жилкин, полусектант, полустарообрядец, с наружностью эфиопа (как их рисовали в древней Руси), присоединился к этим двум. Затем Святогор написал радикальную программу, провозгласив главной целью новой «Церкви» примирение религии с наукой (колокольни должны были быть обращены в обсерватории), борьбу с суевериями и предрассудками и примирение религии с социализмом.

Сказано – сделано. Святогор облюбовал один из московских храмов – Никола Красный Звон в Юшковом переулке, – водворился там со Смирновым, власти санкционировали этот захват. Затем начала свою деятельность Свободная Трудовая Церковь.

Литургия служилась здесь лишь изредка, 2-3 раза в неделю. Основным же было вечернее воскресное «богослужение». «Епископ» Иоанникий служил краткий молебен, а затем читал сочиненную им самим молитву за Советскую власть. Затем, сняв с себя облачение и рясу, он садился у свечного ящика. Святогор открывал собрание – и здесь начиналось нечто действительно любопытное, или, во всяком случае, необычное. Всякий, кто пожелает, мог войти на кафедру и произнести речь – и кто-кто здесь ни высказывался: поэты-футуристы, студенты, рабочие-самоучки, сектанты, анархисты, актеры, газетчики... «Прения» затягивались до полуночи. После этого выступал Святогор с очередной сумбурной речью и в заключение читал свои последние стихи.

Изредка Святогор выступал со своими декларациями на столбцах столичной прессы. Эти документы представляют собой поразительную смесь экстравагантности, приспособленчества с довольно интересными и глубокими мыслями.

«Массовый голод ликвидирован, – писал он в статье «Свободная Трудовая Церковь», – но тяжкие последствия голода – массовое обнищание, хозяйственная разруха и пр. стоят перед нами и требуют длительной борьбы. Свободная Трудовая церковь в этой борьбе усматривает одну из важнейших задач, вставших перед революционной страной.

Начало коллективной борьбы с враждебными силами природы отвечает, по мысли СТЦ, трезвому евангельскому идеалу в смысле освобождения человека от власти природы.

Эти средства частично можно получить изъятием всех золотых, серебряных и ценных предметов культа и передачей их в соответствующие учреждения. Необходимо помнить, что эти ценности образовались путем принесений, как результат проявления мещанского благополучия... Эти ценности представляют собой не собственность церковников, а достояние трудового народа и поэтому должны быть употреблены на народное дело. Кроме того, наличие ценностей в домах молитвы означает фетишизм, способствует эксплуатации темного религиозного сознания, утверждает и впредь мещанское благополучие лавочников. Во имя освобождения сознания от пут фетишизма и магии, во имя правильного понимания разума и совести Свободная Трудовая Церковь обращается к мирянам и духовенству церкви православной и других вероисповеданий с горячим призывом реально проявить поддержку Советской власти в ее борьбе с последствиями голода, путем передачи всех церковных ценностей, до колоколов включительно, в соответствующие учреждения. Для осуществления этой задачи СТЦ постановила:

1. Из всех храмов, поступивших или поступающих в ведение СТЦ, передать все ценности (включая и колокола) и предложить научным уч-

реждениям использовать храмовые башни (колокольни) под метеорологические пункты для изучения погоды.

2. Обратить внимание мирян, духовенства и церковных обновленческих групп на то, что изъятие представляет удобный повод к борьбе с языческим фетишизмом и тем самым представляется возможность оправдать выкинутые ими лозунги.

3. Обратить внимание прогрессивного духовенства на то, что для него изъятие представляет удобный повод принять общечеловеческий вид – снять свои средневековые одежды и присоединить их к ценным предметам культа.

4. Обратиться в ВЦУ с призывом не ограничиваться половинчатыми мерами, а действовать решительно».

(Известия, 1923, 11 февраля, № 31, с.3.)

Наряду с этим подхалимским документом, от которого веет пошлостью, можно привести одно «откровение» Святогора, имеющее характер программного документа; этот документ носит название «Бездельная вера и реальное дело».

«В христианстве, – пишет Святогор, – как миропонимании и мироотношении необходимо различать две стороны: область веры и область дела. Предмет веры составляет внеразумное, сверхъестественное. Предметом дела является разумное, естественное. Забота веры – в личном спасении души через примирение с реальной смертью. Положительное дело ставит целью коллективную борьбу с натуральным гнетом. Историческая церковь, уйдя в схоластику, мистику, обрядовое, став на сторону имущих классов, т.е. отказавшись от трезвого евангельского идеала, требующего положительного дела в смысле коллективной борьбы с социальным злом и натуральным гнетом, тем самым стала церковью бездельной, глубоко антихристианской, враждебной миру и жизни, стала, по словам апостола Иакова, мертвой и потому излишней в жизни. И всякие попытки оживления ее на основе бездельной веры безнадежны, вредны. Наследие старой церкви в форме схоластики, мистики и тенденции к сохранению господства отживших классов еще не изжито и требует решительной борьбы – последняя возможна при необходимом условии, что основу новой церкви будет составлять не бездельная вера, но положительное дело. Поэтому новая церковь должна искать опору не в далеком прошлом, а в океане живой действительности, должна проникнуться революционным пафосом современности.

СТЦ в основу полагает реальное дело в смысле евангельского идеала любви и борьбы со смертью, но так как всеобщая борьба с натуральным гнетом требует объединения всего человечества, то СТЦ необходимо приходит к активному принятию идеи всемирной революции, имеющей целью через устранение классовых и других разделений слить человечество воедино.

Выводя на первый план реальное дело, СТЦ тем самым утверждает необходимость знания, как верного источника теоретической и практической власти над природой.

Ведя борьбу с основными тенденциями старой церкви, СТЦ считает, что догматические различия как результат бездельной веры не должны препятствовать объединению мирян, духовенства и сектантов. Объединение должно происходить на основе знания, борьбы с натуральным злом при активном принятии идей всемирной революции».

(Известия, 1923, 10 января, № 5, с.5).

Мы привели этот документ полностью, несмотря на небольшой удельный вес Святогора в созданной им группировке, так как он необыкновенно характерен для этой эпохи. Стремление к делу, к активному участию в изменении мира, которое типично для революционных эпох, проявляется в это время у многих религиозных людей. При этом многие из них совершают ту же ошибку, которую в наши дни совершает Джонсон¹: они совершенно вычеркивают из христианства благодатно-мистическую стихию, отчего оно становится беспредметным и превращается в простой придаток к коммунизму.

Но на самом деле нет и не может быть «бездельной веры» — она деятельна, если она истинна.

И не может быть «безверного дела» — настоящее большое дело, направленное на освобождение людей — приведет к вере в Бога или останется бесплодной смоковницей навсегда.

Вера и Дело, Дело и Вера — органически слиты во Христе Иисусе, Единородном Сыне Божиим и Первородном Сыне Человеческом. Ему же слава без конца!

*

В том же русле, что и Свободная Трудовая Церковь, развивается возникшее в это время в Петрограде течение «Союз религиозно-трудовых общин». Его основателем и вождем был известный обновленческий деятель, о котором мы много раз упоминали в первой части нашего труда, Е.Х.Белков.

«Захариевская религиозно-трудовая община.

(Фурштадтская ул., 38.)

1. Накануне воскресных и праздничных дней совершается всенощная на русском языке. Начало в 7 часов вечера.

2. По воскресеньям в 7 часов вечера — акафист Пресвятой Деве Марии на русском языке и после него — беседы на темы о жизни в Боге (Вера и жизнь).

3. По четвергам в 7 часов вечера — акафист Иисусу Христу на русском языке и после него — евангельские беседы (Евангелие в жизни).

Совершает богослужение и ведет беседы о. Евгений Белков».

Такие объявления, отпечатанные в типографии, можно было прочесть в январе 1923 г. на заборах в Петрограде. Текст этого объявления воспроизведен также в журнале «Соборный разум» (1922, № 1-2, с. 24.).

Отец Евгений Белков — ближайший сторонник А.И.Введенского —

¹ Речь идет о Хьюлетте Джонсоне — настоятеле Кентберийского собора, авторе книги «Христиане и коммунизм».

третий священник в Захарие-Елизаветинской церкви, настоятелем которой был Введенский, — поднял в декабре 1922 года знамя восстания против Александра Введенского.

В свое время Белков отошел от «Живой Церкви», так как она не удовлетворяла его стремлениям к обновлению церкви и являлась бюрократической, кастовой организацией. Не удовлетворил его и СОДАЦ, так как трудовой принцип, который декларировала его программа, оказался фикцией.

Носителем религиозно-трудовой идеи в чистом виде должна была стать организация Белкова. И вот он организует из прихожан Захариевской церкви такую общину и тут же публикует в журнале «Соборный разум» следующий документ :

«Устав религиозно-трудовой коммунальной общины.

Общие положения.

1. Община есть союз трудящихся и живущих от трудов своих по завету апостола Павла: «Кто не трудится, да не ест».

2. Целью своей община ставит воспитание в своих чадах жадности и любви к соборной (коммунальной) жизни и ко всякого рода трудам. При чем возвышает труд до молитвы, считает его равноценным последней. Молитву же очищает от ханжески-лицемерного антихристианского элемента, внося в нее истинно христианский, который есть высшая культура земного существования, как веры в Бога, труда над землей и соборности людей в единой совместной жизни.

3. Для осуществления этой цели община развивает деятельность, направленную к созданию единой трудовой семьи (коммуны), подобной общинам первохристианских времен.

Деятельность общины.

4. Деятельность общины прежде всего направлена к обоюдной помощи членов воспитанию себя для новой соборной (коммунальной) жизни в труде и молитве. Отсюда и для всех членов обязательны:

- а) общая молитва по воскресным и праздничным дням;
- б) личные келейные молитвы на дому по особому правилу;
- в) посильное участие в разведении огородной и садовой культуры и в другом соборном труде, различные мастерства;
- г) воспитание в себе любви и жадности усовершенствования в том труде, которым занимается каждый член вне общины;
- д) собрания, общие и групповые, на которых все члены соборно трудятся над изучением первоисточников христианского знания.

Состав общины.

5. Членами общины могут быть все члены обоюбого пола с 18 лет, согласившиеся на проведение в свою жизнь начала истинного христианства, о которых сообщается каждому при вступлении в общину, после чего он и допускается на все собрания и работы.

6. Каждый, согласившийся быть членом общины, обязан принимать участие во всех родах деятельности общины (см. § 46).

Управление делами общины.

7. Управление делами общины принадлежит общему собранию, правлению, хозяйственному совету и духовным руководителям.

8. Общее собрание решает дела, касающиеся всей общины, все продвижение вперед, как в духовном, так и материальном смысле. Собирается оно каждое воскресенье, ввиду пункта 6 считается всегда действительным.

9. Правление состоит из трех членов: председателя, его товарища и секретаря, избираемых общиной на один год. В их обязанности входят всякого рода сношения с гражданской властью.

10. Хозяйственный совет состоит из семи человек, избираемых общим собранием на год. Его обязанности – следить за порядком в общине и вести всю материальную сторону ее жизни.

11. Духовные руководители избираются общим собранием на все время пребывания их в общине. Их долг следить за духовной работой и жизнью общины.

Хозяйственная сторона.

12. Община состоит на принципе бессребренности, а потому не имеет ни членских взносов, ни имущества. Все необходимое принимается членами общины во временное пользование, а все расходы оплачиваются по мере надобности в той сумме, которая необходима.

13. В случае распада общины избирается группа лиц, которая ведет все сношения по сдаче имущества государству, если такое будет взято у него в пользование».

Произошло резкое столкновение с Введенским, который в качестве настоятеля, опираясь на приходский совет, отстранил о. Белкова от службы в Захарие-Елисаветинском храме. Однако Белков подал жалобу в Петроградское епархиальное управление, которое восстановило его в должности.

«ПЕУ поставило на вид члену ВЦУ настоятелю Захариевской церкви в Петрограде прот. А.И.Введенскому незаконное устранение из этой церкви им и реакционным советом члена ПЕУ прот. Е.Белкова», – сообщалось в журнале «Соборный разум» (с. 24).

Будучи учеником о.Егорова, о.Белков питался его идеями. Записки о христианском жизнестроительстве, написанные о. Иоанном Егоровым незадолго до смерти, в 1920 году, были главным источником программы новой организации. Идеи о. Егорова легли в основу воззвания временного совета «Союза религиозно-трудовых общин», опубликованного под названием «О выявлении православия (К пастырям и верующим)».

«Основа православия – богочеловечность, – говорится здесь, – органическое соединение божественного и человеческого в жизни. Мы декларируем соборность в молитве и труде. Приход есть трудовая община, и

богослужение – методология жизни, вводящая каждого человека во все-ленское церковное действие.

Единая же цель всего – богочеловечество людей в соборности, что и есть православие.

Еще надо сказать, почему мы не можем работать ни с одной из существующих церковных групп.

Можем ли мы работать с так называемыми «автокефалистами»? Нет. Они явно стоят за застой, за то, чтобы Церковь оставалась в хвосте жизни, чтобы все в ней было по-старому, без движения в росте. Мы же хотим, чтобы в Церкви кипела жизнь, чтобы все человеческие таланты и силы в ней развивались и раскрывались, чтобы вся жизнь – и наука, и искусство, и общественность – влились в Церковь. Почему же не можем мы идти с так называемыми обновленцами? Да потому, что у них старый подход к церкви – бумажный: хотят они циркулярами создать Церковь Христову. Но знаем мы, что живое от живого... Нельзя циркулярами ничего сделать. Достаточно это было доказано, начиная с «царизма» и кончая последней группировкой обновленцев.

Циркуляры задушили их, митры и награды не дают им спокойно работать на Истину. Страх и трепет лишиться теплых местечек, а также погоня за этими местечками и заставляют их гасить свои лучшие порывы и не переходить от слов к делу.

Мы же за дело, а не за слова...»

(Соборный разум).

Этим декларациям о. Белкова нельзя отказать ни в искренности, ни в проникновенности. Тем не менее и его течение не выходило из руслу тогдашнего обновленчества, дискредитировавшего себя в глазах широких масс. Поэтому народные массы, которые толпами текли к самарскому дворянину Ивану Чурикову, не пошли за образованным, талантливым, культурным человеком, каким был о.Евгений Белков. И это предопределило печальный конец его группировки. Основатель «Союза религиозно-трудовых общин» так и остался генералом без армии. Не признав обновленческого Собора, о.Евгений в июне 1923 г. опубликовал еще более радикальную декларацию:

«Союз осуждает политику руководителей современной Русской Церкви, – писал он в этом документе, – приведшую к церковно-реакционному Собору, не произведшему радикальной реформы Русской Церкви. Церковники стремились к использованию власти в целях поповского карьеризма и организации эксплуатации религиозного чувства верующих и вообще к неиспользованию демократических возможностей в организации Русской Церкви.

Далее Союз выступает против церковного централизма, считая это пережитком византизма и империализма. Вместо митрополий, епархий, приходов как торгово-промышленных предприятий Союз организует религиозно-трудовые общины, при этом каждая община имеет своего епископа.

Выполнять функции последнего в управлении общины могут пресвитеры и даже диаконы. Общественно-церковная платформа Союза – обязательство членов соединить религиозную жизнь с общественно полезным трудом, развитие общежития на основах равенства в общности имущества. В области чисто культовой Союз не производит никаких реформ, за исключением введения русского языка. Вместо существования замкнутых богословских институтов и академий Союз выдвигает общинное самообразование и опытное изучение первоисточников христианства. Борьба с религиозно-империалистическими предрассудками – главная задача честного религиозного сознания».

(Известия, 1923, 18 июля).

Таким образом, как видно из этого документа, о. Белков пришел к крайнему нигилизму – к разрушению церкви. Однако и это не привлекло к нему людей. Чего-чего только не делал о. Белков, чтобы расширить деятельность своего Союза: добился передачи его в ведение Спасо-Преображенского собора (на Литейном), объявил себя осенью 1923 г. епископом, какие-то случайные архиереи совершали хиротонию, сблизился с Антонином, под конец даже признал патриарха Тихона – ничто не помогало: массы к нему не шли. Один, с небольшой кучкой своих сторонниц (интеллигентных женщин), служил он в холодном и пустом соборе. Наконец в 1925 году распалась и эта община.

В течение нескольких лет затем проживал о. Евгений Белков в Петрограде, на квартире у одной из своих сторонниц. Древний русский недуг – запой – поразил его под влиянием неудач. Оборванный, опустившийся, бродил он по Петрограду, изредка заходил в церковь (большую часть в Вознесенский собор). Здесь молился он жарко и мучительно. «Душа моя скорбит смертельно», – вырывались у него иной раз слова...

Так прошло несколько лет.

Однажды в 11 часов вечера по Марсову полю шел очень известный уже тогда в православной церкви человек – Преосвященный Алексей¹, епископ Хутынского-Новгородского. Вдруг он услышал за собой чьи-то быстрые шаги. Обернувшись, он увидел – стоит перед ним, пошатываясь, пьяный, оборванный человек. «Вы, я знаю, епископ Алексей, а я – епископ Евгений. Дайте мне денег». Действительно, это был Евгений Белков.

И вот, стоят они друг против друга – сдержанный, изящный, внутренне собранный князь церкви – и расхристанный, оборванный литератор и церковный бунтарь. Епископ Алексей вынул кошелек и протянул 3 рубля (это было в 1928 году). Евгений Белков исчез во тьме...

Через год он умер.

Так погиб этот талантливый русский человек с чутким сердцем.

Мы проследили все сколько-нибудь заметные обновленческие течения, существовавшие в 1923 году. Все эти течения, рассыпанные и анархические, разрывали обновленчество, и без того слабое, на части. Необходимо было соединить обновленцев воедино. Для этого нужно было созвать

¹ В будущем патриарх Алексей.

Собор. О непосредственной подготовке к Собору и о самом Соборе пойдет речь в следующей главе.

*

Слово «Собор» было на устах у всех с мая 1923 года.

Когда обновленческим лидерам указывали на незаконность ВЦУ, они отвечали магическим словом «Собор».

Когда жаловались на отсутствие подлинных реформ и церковную неразбериху, в ответ раздавалось то же слово – «Собор».

Когда говорили о назревшей необходимости разрешить социальные проблемы христианства – в ответ снова и снова раздавалось слово «Собор».

И великая вещь слово: у всех становилось как-то спокойнее на душе, и все чего-то ожидали от Собора, как будто что-то могло измениться от того, что «красные» батюшки соберутся в Москве и будут произносить здесь те же речи, которые они ежедневно произносят с церковных кафедр по всем городам и весям земли Русской.

Первоначально Собор был назначен на август 1922 года. Однако вскоре эта дата была забыта. Решено было произвести сначала «чистку» епископата.

«Собор, состоящий из епископов старого поставления – это новый Карловац», – писал в «Рабочей правде» Мих. Горев (Горе-реформаторы. – Рабочая правда, 1922, 1 августа).

Епископские хиротонии, посыпавшиеся с августа 1922 г. как из рога изобилия, должны были подготовить «кадры» будущего Собора.

С сентября 1922 г. требования Собора становятся все более настоятельными. Для всех ясно, что только Собор может спаять распадающийся фундамент обновленческой церкви.

25 декабря 1922 года в Троицком подворье Всероссийский съезд ВЦУ и членов Московского епархиального управления принял следующие решения:

а) созвать Собор на Фоминой неделе в 1923 году;

б) просить ВЦУ в ближайшее время создать и опубликовать избирательный закон;

в) считать допустимым немедленное проведение по постановлениям ВЦУ некоторых церковных реформ». (Известия, 1923, 5 января, № 3, с. 1).

Вскоре появился следующий официальный документ:

«Постановление ВЦУ о выборах на Собор.

Поместный Собор 1923 года имеет основной своей задачей преобразование Православной Российской Церкви соответственно новым условиям жизни России. Поместному Собору 1923 года предстоит освободить РПЦ (так сокращенно стала называться в эти дни в официальных документах Российская Православная Церковь. – *Авт.*), соответственно новым условиям жизни России, от материальной и идейной зависимости от миро-

вого капитала и его представителей и служить нравственному пробуждению русского общества. Собор имеет целью провести коренную реформу Верховного Управления».

Выборы в приходах были назначены на 25 марта 1923 г. – в первую неделю Великого поста. Каждый приход избирал по несколько представителей на благочинническом собрании. Благочиннические собрания избирали, в свою очередь, представителей на епархиальное собрание, и только здесь избирались, наконец, делегаты на Собор в количестве пяти от каждой епархии. Делегация от каждой епархии состояла из местного архиепископа, двух клириков и двух мирян. Такая многоступенчатая система выборов обеспечивала возможность разнообразных трюков, которые могли быть использованы против нежелательных для ВЦУ элементов.

С февраля начинаются всевозможные предвыборные собрания. Эти собрания представляют собой характерное зрелище – в них, как в зеркале, отражается тогдашняя церковная жизнь.

Вот, например, перед нами интересная и довольно объективная зарисовка, сделанная корреспондентом «Известий»: «Небольшой зал Троицкого подворья... Предсоборное собрание, созванное по инициативе руководителей «Живой Церкви», с внешней, бытовой и исторической стороны – зрелище довольно любопытное, так и просится на полотно. Какие типы! Древние старцы, со спутанными, с желтизной и зеленью, седыми космами, с иконными испитыми лицами. Тучные, краснолицые, шумно веселые отцы, многие с академическими значками и наперсными крестами. В громадных валяных сапогах, в сермяжных мужицких полушубках, к которым пристала солома – священники из епархий. Прохаживаются коротко подстриженные священники в крахмальных воротничках. Некоторые из них в штатском платье. Новое духовенство – возрожденцы и живоцерковники. Здороваясь, отцы по-родственному лобызаются, но исподтишка внимательно и недоверчиво поглядывают друг на друга. Под внешним смирением и простодушием чувствуется среди духовенства большая смута и церковный раскол. Реакционное духовенство. Автокефалисты перешептываются, ядовито посмеиваясь в бороды, перебивают косточки новому епархиальному начальству и священникам-новаторам. Впрочем, это не мешает им протискиваться вперед и с заискивающими лицемерными улыбочками, вместе с другими, пожимать руку «уважаемому» и «дорогому» о. Красницкому. Большое впечатление производит на рядовое духовенство появление некоторых престарелых и пользующихся большим авторитетом протоиереев. Уже одно то, что они пришли на это собрание и проявляют интерес к Собору – большая уступка современности. Своего рода церковный переворот.

Кто пришел пораньше – расселся по диванам и креслам. Остальным приходится выстоять все собрание на ногах. За столом председателя, рядом с о. Красницким и о. Соловьевым, секретарем ЦК «Живой Церкви», какой-то штатский, бритый, корректный, в коротком заграничном пальто.

Он вызывает всеобщий интерес и всевозможные догадки: агент ГПУ, авторитетно утверждает кто-то из толпы духовенства.

– А в книжечку-то он что же записывает? – наивно интересуется провинциальный попик.

– Вешний сон, чтобы не забыть, отче, – язвительно шутит кто-то.

Штатский оказывается американским протопресвитером. Злословящие о нем священники смущены: своя своих не познаша.

– Отцы и братие, – провозглашает о. Красницкий. – Днесь благодать Святого Духа нас собра...

Все идет, как полагается на духовном собрании, чинно и благополучно. Но после молитвы о. Красницкий, надо отдать ему справедливость, с большим революционным темпераментом произносит «зажигательную» речь, ярко политическую. Он говорит о тяжелом для православной церкви периоде империи, когда она была подчинена дворянскому и военному классу, о Святейшем Синоде – учреждении, направленном к эксплуатации религиозных чувств, о монастырях – рассадниках темноты, и властолюбивых архиереях, о церковном регламенте, введенном вооруженной силой при Петре I, оплотом которого были созданные для духовенства тюрьмы – Суздальская крепость, Флорищева пустынь, Соловецкий монастырь и др., в которых томились и умерли тысячи лиц духовного звания: Чернышевский (?), Добролюбов, Шапов и другие.

– Вспомните ваших пострадавших отцов и свои семинарские годы, – с большим подъемом заканчивает о. Красницкий. – Ваш долг вспомнить тех, кто погиб в революционном движении, и приветствовать Великую Социальную Революцию. Вечная память людям, которые открыли нам дорогу к свету. Многие лета современному нашему революционному строю Советской России.

Невозможно передать – надо было видеть – впечатление от этой речи. Почтенные духовные отцы совершенно растерялись в новой, с такой смелостью им навязанной роли «революционеров». Но тем не менее, озираясь на других и подбодренные примером стариков, довольно дружно, а некоторые даже с энтузиазмом, пропели и «Вечную память» и «Многие лета».

О. Красницкий предлагает приступить к выработке наказа на предстоящий Собор, взяв за основу главные положения, выдвигаемые «Живой Церковью». Снова льется его плавная речь, необычная в устах духовного лица, приводящая почтенное собрание в немалое смущение. О. Красницкий утверждает, что при старом режиме члены (?) Церкви играли унизительную роль слуг капитализма, помогали эксплуатировать трудящиеся массы. Самый кардинальный вопрос, по его мнению, для духовенства сейчас – социальный.

– Духовенство, – говорит он, – должно встать, наконец, на твердую почву, не отговариваясь беспартийностью, выявить свои убеждения. Справедливо ли, что народ берется за оружие, отстаивая свои права? Мы оп-

равдывали, когда народы шли друг на друга, оправдывали бесцельные войны, а этих вопросов почему-то не можем решить...

Интересно выступление о. Боголюбова¹, бывшего петроградского миссионера*, сосланного в один из монастырей за свободлюбие и вредную агитацию среди рабочих.

– Мы, церковники, – говорит он, – до тонкости изучили разные науки: логику, догматику и пр., но ни малейшего понятия не имеем о социологии. За малейшие попытки в этом направлении раньше нас гнали. Пора нам приобрести христианскую социологию.

С трудом поднимается, опираясь на посох, престарелый, пользующийся большим авторитетом среди реакционного духовенства, отец Соболев.

– Вот и я хочу говорить, – начинает он когда-то сильным, но старческим, разбитым голосом.

С ненужными извинениями, подчеркнутым смирением, о. Соболев возражает о. Красницкому на его утверждение, что священство служило капитализму.

– Я думаю, – говорит он, обращаясь к священству, – выражу ваше мнение, если скажу, что мы всегда были аполитичны.

– А колчаковцы? А всем нам известные документы, из которых видно, что духовенство поддерживало белогвардейцев, – раздаются голоса из рядов нового, молодого духовенства...

– Вы забыли, ваше преподобие, как нам правительство запрещало бороться с винной монополией, даже упоминать об этом предмете на проповедях. А на фронтах? Разве нас не вызывали генералы и не указывали нам, о чем и в каком духе говорить?

О. Красницкий напрасно призывает отцов к спокойствию. Страсти разгорелись. Речи становятся все смелее, нападки на живоцерковников – резче. Кажется, еще немного – и духовные отцы, засучив рукава, с Божьей помощью начнут по-бурсацки колошматить. О. Красницкий спокойно ожидает, когда утихнет буря. И, действительно, атмосфера быстро разряжается. Разгоряченные и уставшие, отцы обмахиваются платочками. Неожиданно легко, почти без возражений и единодушно, принимается резолюция, предложенная о. Красницким, которой собрание московского духовенства приветствует Великую Русскую Революцию за низвержение старого помещичьего самодержавия, одобряет главную задачу предстоящего Поместного Собора – преобразовать православную церковь соответственно с современными условиям русской государственной жизни, одобряет основное направление группы «Живая Церковь» и т.д. И т.п.

Собрание закрывается пением «Достойно есть».

Молодые провинциальные священники обступили отца Красницкого. Один из них смущенно о чем-то совещается с его преподобием.

– За чем же дело стало, – смеется отец Красницкий, – поди к соседу и проси повенчать. Архиереи по три любовницы имели, а ты боишься благодать потерять, взяв законную жену.

¹ Умер в 1954 г. профессором Московской духовной академии.

Слышит это и престарелый иерей с тяжелым наперсным крестом и трясущейся не то от старости, не то от раздражения головой и, вероятно, думает о кознях антихриста».

(Известия, 1923, 13 марта, № 50, с. 5).

В апреле прошли епархиальные собрания, избравшие 500 делегатов на Собор.

На этих съездах не было острой борьбы между обновленческими группировками. Две основные партии, «Живая Церковь» и СОДАЦ, заключили между собой соглашение: в епархиях, где церковная власть удерживалась живоцерковниками, проходили кандидаты «Живой Церкви», там, где превалировал СОДАЦ, – проходили содацевцы. Группа «Церковное возрождение» с Антонином во главе по существу отказалась от борьбы за голоса вследствие идейной установки своего вождя, который стремился к созданию небольшого, но тесно сплоченного религиозного течения (типа секты), состоящего из пламенных, морально чистых энтузиастов.

«Мне вовсе не надо попов – пусть попы идут под юбку к живоцерковникам и содацевцам – туда им и дорога, – говорил со свойственным ему грубым юмором Антонин. – Мне надо людей, а не попов».

Результаты выборов были, таким образом, в значительной степени predetermined: голоса на Соборе распределились почти поровну между живоцерковниками и содацевцами (при небольшом крене в сторону «Живой Церкви»).

Борьба на епархиальных съездах была напряженной: так называемые «беспартийные» (автокефалисты) храбро сражались против обновленцев и подчас переходили в наступление.

В Нижнем Новгороде «беспартийные» («тихоновцы», как злобно называли их обновленцы) действовали так дружно, что провалили обновленческие резолюции и не избрали на Собор ни одного обновленца. Уполномоченный ВЦУ тут же распустил съезд как контрреволюционный и самолично назначил делегатов на Собор от Нижегородской епархии.

Довольно энергично (хотя и с меньшим успехом) действовали «тихоновцы» и в других местах. В самой Москве Красницкому пришлось вести напряженную борьбу, чтобы провести своих кандидатов.

Продолжавшийся два дня, 23-24 апреля, Московский епархиальный съезд ознаменовался скандальным выступлением*.

«В первый день съезда в Троицком подворье состоялось собрание тихоновцев, выступавших на съезде под маской «беспартийных», на котором произносились черносотенные погромные речи, – писал корреспондент «Известий», присутствовавший на съезде. – После этого собрания тихоновцы на съезде уже выступили организованно. Когда утром 24 апреля на обсуждение съезда была поставлена резолюция, выработанная группой «Живая Церковь», тихоновцы устроили в храме Христа Спасителя, где происходил съезд, настоящую обструкцию. В течение целого дня, собрание продолжалось с 10 часов утра до 7 часов вечера, тихоновцы каж-

дую четверть часа пели молитвы и заставляли съезд вместо обсуждения резолюции обращаться к иконостасу и молиться.

Когда дело дошло до резолюции, осуждающей Тихона за контрреволюционную деятельность, то припертые к стене тихоновцы устроили такой шум, что председателю съезда прот. Красницкому пришлось прервать заседание.

Поздним вечером обструкция кончилась тем, что тихоновцы в количестве 47 человек ушли со съезда. Громадное большинство съезда (до 250 человек) осталось в храме и огромным большинством приняло резолюцию, предложенную группой «Живая Церковь». (Известия, 1923, 26 апреля, №91, с. 5.)

В другой статье, напечатанной в те дни в «Известиях», содержащей интересные зарисовки, расшифровывается, каким образом было сколочено «огромное большинство».

«В современной церкви, – говорит автор статьи «Резьба на иконостасе» И.См., – налицо все атрибуты парламента: от программы до прогрессивного блока. Церковь революционизируется. Церковь демократизируется. Выступивший на происходившем на днях епархиальном съезде Московской губернии бывший прокурор Святейшего Синода гр-н Львов так и сказал: «Церковь должна быть демократической».

А прот. Красницкий, обращаясь к аудитории, несколько раз начинал со слова: «беспартийный»; беспартийных, кстати, на этом съезде было довольно много. В кулуарах, т.е. на ступеньках церковной лестницы и во дворе, можно было слышать густые, по-семинарски тяжеловесные слова:

- Объединение нужно, отцы, объединение.
- Необходимо, братья, согласовать все наши программы.

Объединения и согласованности, кажется, все же не получилось. Перед началом одного из заседаний у входа в ВЦУ выступил мирянин, взлохмаченный, нервный и порывистый, напоминающий сектанта из Мельникова-Печерского: купальский огонек в сумасшедших фанатических глазах:

- Нельзя подвергать перемене то, что узаконено веками.

В толпе зашумели. Сельские попики (широкополая шляпа, ветхий, бобриковый, цвета вороного крыла, подрясник и мешочек с хлебом в руке) смущенно переглядывались.

Некоторые одобрили:

- Правильно.

Когда успокоились, мирянин продолжал:

– Согласовать церковь с социальной революцией можно постольку, поскольку революция не противоречит христианским началам.

Опять зашумели в толпе. Один из попиков, дососав ароматную трубку, сплюнул:

- Глумной он какой-то.

Другие отошли в сторону, занялись хозяйственными разговорами.

Третьи, только что пришедшие, оглядывались, целовались, сердечком вытянув губы, со знакомыми, прислушивались. Оратор, наконец, ус-

покоился. Выступил новый – из священников. Его прервал вышедший на крыльцо представитель мандатной комиссии, покрутил усики, улыбнулся и широко развел руками.

– Отцы и братья, пожалуйста, пожалуйста, не задерживайте...

Но «отцы и братья» расшумелись. Выкрикивали предложения. Прерывали оратора. Получилось что-то вроде многоголосной декламации, причем главная роль принадлежала отцам, а «братьям» (мирянам) много говорить не приходилось. Если «брат» приехал из деревни, он, в большинстве случаев, одет в нищую сермягу, но у него упитанное лицо и пышная борода. Если же «брат» печется о благосостоянии городского храма, он обычно носит старомодное, с бархатным воротником, пальто, сияющие калоши.

Пришлось мне поговорить с деревенским попиком. Сначала смутился, потом застенчиво потупился: «Мы все хотим нового... Только вот миряне больно жмут на нас. Взять, к примеру, проповедь. Читай так, как они хотят. То же и во всем прочем...»

Заседания происходили в смежной с приемной ВЦУ церкви. Попики, входя, истово крестились, прикладывались к кипарисово-смуглому кресту, группировались согласно убеждениям и наклонностям. В церкви встречались уже иные «миряне»: тихие «мальчики», прозрачные синие глаза, похоронные морщинки у губ, бледнолицые «сестрицы» в скромных косыночках, несколько монашествующих, горсточка сектантского облика крестьян. Деловую часть заседания открыл митрополит Антонин – дряхлый, темнолицый, в белом библейском клобуке, с кряжистым новгородским выговором. Смысл речи: старая церковь умерла – нужна церковь новая. Ее можно создать единственным путем – революционным путем. На такой путь и встало обновленческое движение. Стоящий невдалеке от меня «брат» (угрюмые глаза и суровое лицо) крепко сжал губы и потом поморщился.

– Мда-а-а...

– Ведь и Христос, – продолжал Антонин, – действовал революционным путем, иначе Он не был бы распят.

– Договорился до дела, – поперхнулся мирянин и, повернувшись к иконе, быстро перекрестился.

– Экое богохульство, Господи...

Когда же Антонин, заканчивая, обратился к заседанию:

– Все мы должны стать друзьями Советской власти, – мирянин с несколькими друзьями направился к выходу.

Прот. Красницкий выступил с речью о текущем моменте. Он недурной, очень гладкий, очень спокойный оратор. Часть съезда встретила его возгласами: «Вы бы надели красную ризу!» Но сразу смолкли. Слушали внимательно. Попики, поглаживая волосы, перешептывались. Ну и говорун! Красницкий – безоговорочный революционер церкви. Он сказал в своей речи: «Наш живоцерковный голубь уже перелетел за Черное море». Выступивший вслед за ним священник Боголюбов, искусно прикрывший

тихоновские «заповеди» «сафьяновым переплетом» канонических правил, внес маленькую поправочку:

– Только этому голубю надо бы привязать записочку.

В записочке, как объяснил Боголюбов, следовало бы написать о некотором «нестроении» в церкви, т. е. о нарушении «канонической преемственности» и просьбу к современным корсунским «святителям»: «Благословите (на предмет правомочности) Поместный Собор». Но это в скобках.

Вернемся к Красницкому. Речь Красницкого пересыпана незнакомыми на амвоне словами: революция, Советская власть, иностранный капитал.

– Мы должны служить Советской власти. Мы – народная церковь, должны поддерживать народную власть.

В резолюции, предложенной Красницким, находится пункт, признающий Тихона контрреволюционером. Резолюция в целом вызвала массу выступлений. Многоголосная декламация повторилась в более широком размере.

– Наш съезд, – поднялся на амвон пепельно-седой, снятый с суриковского полотна священник, – не имеет права судить Тихона. Судить его будут в другом месте...

В толпе задрожала фосфорическая зыбь. Некоторые подвинулись ближе, священник взмахнул руками, трубно прогудел:

– Ведь если он будет осужден, кровь его будет на нас и на детях наших.

Зыбь перелилась волной. Волна зашумела. Плеснулась иступленно-истерическим «Хри-сто-с воскре-е-се-е!»

(Известия, 1923, 29 апреля, № 94, с. 4.)

В результате всех этих речей, выступлений, возражений о. Красницкому удалось, после ухода «беспартийных», навязать съезду следующую резолюцию:

«1. Предстоящий Поместный Собор должен ясно и определенно окончить двухсотлетний период подчинения церкви дворянскому самодержавию и положить начало действительной церковной свободе в условиях революционной Советской России.

2. В течение двухсот лет дворянского самодержавия религиозное чувство русского народа систематически эксплуатировалось прежним синодским и консисторским строем в определенных политических целях, и пятилетнее управление церковью патриарха Тихона имело определенную цель сохранить в церкви старый синодальный и консисторский быт в надежде восстановления павшего самодержавия.

А потому Московский епархиальный съезд духовенства и мирян постановил признать контрреволюционную политику патриарха Тихона вредной и разрушительной для церкви, повлекшей за собой великое множество жертв и со стороны духовенства, и со стороны мирян».

(Известия, 1923, 26 апреля, № 91, с. 5.)

Членами Поместного Собора от Московской епархии были избраны: от духовенства – профессор протоиерей Попов, магистр богословия Добронравов, профессор богословия С.В.Богословский, протодиакон С.Добров, протоиереи С.Орлов, Лебедев и Цветков и псаломщик Радонежский. Из мирян В.Н.Львов, Н.К.Опарников, А.М.Коновалов, Н.С.Жемахов. Кандидатами к ним: Торопов и Мамонтов. Все избранные Москвой делегаты были членами «Живой Церкви».

Петроград избрал содацевцев. Здесь царила полная неразбериха. С января 1923 г. Петроградской епархией правил епископ Артемий, заявивший при вступлении в должность, что он намерен организовать комиссию для объединения петроградской церкви. В комиссии должен был участвовать и епископ Николай Ярушевич. Епископ Николай, однако, не пошел в комиссию, и ничего из этой затеи не вышло.

За несколько месяцев до этого, 24 ноября 1922 г. живоцерковники попытались взять реванш. В этот день в Петроград прибыл из Москвы протоиерей В.Д.Красницкий. Выступив в Князь-Владимирском соборе с широковещательной речью, он затем развил бешеную энергию для того, чтобы восстановить в Петрограде живоцерковную организацию. Поставив дело «на широкую ногу», он вовлек в кампанию влиятельных «друзей» с Гороховой улицы. В результате многие священники, отошедшие в сентябре от «Живой Церкви», вернулись вновь в ее лоно. Боярский с трудом отбивал яростные атаки.

Эта смутная беспокойная зима 1922/23 годов ознаменовалась также появлением на исторической авансцене известного Н.Ф.Платонова, который затем на протяжении десятков лет был главным обновленческим лидером в Петрограде.

30 ноября 1922 г., во время очередного приезда в Питер, А.И.Введенский выступил с докладом о церковном расколе на диспуте в филармонии. Одним из самых яростных его оппонентов был Н.Ф.Платонов – настоятель Андреевского собора. Протоиерей Платонов выступил с резкими нападениями на обновленческих вождей, обвиняя их в карьеризме, интриганстве, в полном отсутствии подлинного стремления к обновлению церкви. Говорил ярко и смело – ему долго и громко аплодировали.

Через три месяца Николай Платонов становится ярым живоцерковником и столь же горячо, ярко и смело защищает обновленцев. Такая стремительная метаморфоза удивила даже петроградцев, которые к тому времени уже давно отвыкли удивляться чему-либо. Впрочем, те, кто знал, что из этих трех месяцев пламенный проповедник провел полтора месяца в тюрьме на Гороховой, удивлялись гораздо меньше.

«Я по молодости лет струсил», – сказал он сам однажды в минуту откровенности. Впрочем, такие минуты бывали у него очень редко. Платонов выступал обычно как обновленческий Савонарола – с яростным обличением старой церкви. С этого времени он становится крупнейшей фигурой в расколе – в его истории он оставил заметный след.

Николай Платонов еще на студенческой скамье обнаружил незаурядный талант, проповедуя в петербургских храмах. Он строил свои речи оригинально и смело. Впоследствии, в противоположность Введенскому, Платонов был специфически народным проповедником, – какие бы то ни было религиозные «изыски» были ему чужды: он говорил горячо и свободно (иногда на протяжении 2-3 часов), умея держать аудиторию в состоянии напряжения, однако все его проповеди были обращены к рядовому среднему слушателю. «Церковь не место для особо утонченных религиозных переживаний, – любил он говорить, – она должна давать простую, здоровую пищу».

Следует отметить, что Платонов являлся до революции деятелем с ярко выраженной консервативной окраской: в его статьях то и дело встречаются такие словечки, как: «всемирный кагал», «подозрительная свистопляска, поднятая мировым иудейством вокруг Бейлиса», «либеральные шабестоги» и т. д.

В 1918 г., после революции, Платонов стяжал себе громкую известность в церковных кругах своей речью в Исаакиевском соборе на патриаршем богослужении. В этой проповеди Платонов воспевал патриаршество – тут же молодой священник был награжден камилавкой, которую он получил лично из рук патриарха Тихона. Превратившись в 1923 году из Савла в Павла (или, пожалуй, наоборот, – из Павла в Савла), василеостровский Савонарола примыкает к «Живой Церкви» и быстро усваивает ее методы: первой его задачей является завоевание для «Живой Церкви» Васильевского острова, который отличался тогда обилием храмов.

Эту задачу ему удалось разрешить довольно легко: серьезное препятствие он встретил только в одном храме – в церкви Великомученицы Екатерины, настоятелем которой был протоиерей о. Михаил Яворский. Смелый, глубоко религиозный человек и также прекрасный проповедник, отец Михаил пользовался огромным авторитетом среди народа. Он резко выступил против Платонова и в течение года отстаивал свой храм. Тут впервые проявилась новая «стратегия» Платонова: послав в Екатерининский приход своего агента, некоего Балашова, Платонов начал строчить один за другим доносы и добился ареста и высылки мужественного священника Петрограда (о. Михаил Яворский провел в заключении долгие годы и погиб в дальних лагерях во время ежовщины). Это была первая жертва Платонова – за ней последовали другие: Николай Платонов на протяжении долгих лет был одним из самых деятельных и беспощадных агентов ГПУ.

Благодаря своей энергии, административным способностям, авторитету, который он имел в широких массах, Платонов в короткий срок становится одним из самых главных лидеров обновленчества в Петрограде, уступая по своему влиянию лишь Боярскому. Эти месяцы он примыкает к группе «Живая Церковь». Его методы, его явное ренегатство восстанавливают, однако, против него многих. Не говоря уже о старых друзьях, родная сестра публично от него отрекается и даже перестает здороваться с ним

при встрече. Многие обновленцы смотрят на него с брезгливостью и отвращением. К числу таких людей относятся, между прочим, Введенский и Боярский. Этим и объясняется то, что на епархиальном съезде Платонов потерпел полный провал: его кандидатура на Собор была отклонена подавляющим большинством – Петроград послал содацевцев с Боярским.

Так или иначе, несмотря на все усилия Красницкого и Платонова, «Живая Церковь» потерпела в Петрограде полное поражение. Такой же провал постиг ее в ряде других городов.

В некоторых городах (там, где выборы происходили в сравнительно спокойной обстановке) на Собор были избраны «беспартийные». Примером может служить Самара, от которой были выбраны два консервативных протоиерея проф. Смирнов и о. Ахматов. (Волжская коммуна, 1923, 20 апреля, № 1382.)

Следует отметить, что органы власти отнюдь не всегда оставались безучастными зрителями во время выборов на Собор. Характерный, хотя и анекдотический случай произошел в поселке Александровском Кустанайского уезда (на Урале), где в президиуме епархиального собрания появились представители Укома – Сухарев и Жихарев (Беднога, № 1511, с. 3).

В других местах представители партийных органов на собраниях не появлялись; однако их незримое присутствие ощущалось всеми и всюду.

Как бы то ни было в начале апреля Собор был избран. Он должен был состоять из 500 делегатов от 72 епархий. Кроме того, членами Собора считались 25 специалистов – богословов, по назначению ВЦУ (члены ВЦУ были на Соборе по должности, как и представители центральных комитетов обновленческих группировок «Живая Церковь», СОДАЦ и «Союз церковного возрождения»).

На Светлой Седмице в стенах Троицкого подворья стали появляться отцы Собора. Здесь их ожидала объемистая анкета в 12 вопросов следующего содержания:

1. Отношение к Советской власти.
2. Отношение к деятельности патриарха Тихона и к его запрещению изъятия церковных ценностей.
3. Взгляд на лишение сана патриарха Тихона.
4. Не принадлежал ли к какой-либо политической партии и какой сочувствует?
5. Не был ли членом Собора в 1918 году?
6. Взгляд на деятельность Собора 1917-18 гг.
7. Не подвергался ли репрессиям со стороны патриарха.
8. Взгляд на послание патриарха Тихона в 1918 году об анафематствовании большевиков.
9. Участвовал ли в демократических союзах духовенства, просветительных кружках и проч. в дореволюционное время?
10. Является ли ныне членом какой-либо обновленческой группы?

11. Не подвергался ли наказаниям по суду за уголовное преступление и за политическое во время Советской власти?

12. Не был ли судим по делу об изъятии церковных драгоценностей?

*

«А что скажет новый церковный Собор? – спрашивал известный антирелигиозник И. Флеровский в передовой статье «Всероссийский Собор и Тихон Белавин». – Может ли он обойти молчанием работу своего предшественника, может ли он спокойно похерить все контрреволюционное прошлое церкви и просто перейти к очередным делам?»

Нет, само собою разумеется, не может. В данном случае, больше чем когда-либо в другой раз, молчание означало бы знак согласия. Молчание церковного Собора о прошлой работе церкви, о преступлениях ее патриарха трудовые массы примут за одобрение патриаршей деятельности».

(Коммунар, Тула, 1923, 4 мая, № 95).

«На весенней сессии Собора вопрос о кардинальной реформе русской православной церкви, – говорил, беседуя с интервьюером «Известий» А.И. Введенский, – едва ли будет поставлен; ввиду краткости сессия займется только разрешением вопросов, так сказать, более острых, вопросов текущего момента: об отношении к Советской власти, патриарху Тихону, о создании нового административного аппарата и т.д.

Однако вопросы самой реформы церкви, конечно, если не так срочны, то не менее важны, и на них должно быть обращено внимание Собора. Современное передовое церковное сознание стоит перед несомненным расхождением догматов веры и достижений человеческого разума. Верующий человек не хочет быть слепым человеком. А между тем современное состояние церковности представляет собой невообразимый хаос, где, наряду с подлинно евангельской традицией, навалена грязная куча человеческих измышлений и суеверий. Необходимо критически пересмотреть все церковное учение. Здесь и догматика, и этика. Богослужбная реформа необходима нисколько не меньше. Часто теперешнее богослужение – всего-навсего переодетый в христианские одежды языческий магизм. Уничтожение всего этого язычества, превращение омертвленного богослужбного обряда в живой и творческий процесс – вот основа предлагаемой реформы богослужения.

Должна реформа коснуться и положения женщины в церкви. Сейчас женщина в церкви на положении парии. И идеологически, и фактически в церкви над женщиной тяготеет гнет религиозных суеверий мрачного средневековья. Уравнение женщины в религиозных правах с мужчиной – также важная часть данного вопроса.

Инициатором в вопросе о подлинной реформе церкви является руководимый мной «Союз общин древлеапостольской церкви», поставивший своей задачей борьбу с современной буржуазной церковностью и введение в жизнь церкви подлинных, забытых всеми верующими принципов христианства, каковые особенно ярко и чисто выражены в апостольские времена.

Реформа церкви одними обновленческими группами приветствуется. Другие от всякой подлинной реформы, совершенно неожиданно, открещаются, – такова теперешняя позиция церкви, правда, не всех ее членов.

Конечно, тихоновская церковь тоже не желает реформы: косная по психологии, реакционная политически, она реакционна и в религиозной области.

«Союз общин древлеапостольской церкви», приобретающий с каждым днем новых приверженцев из среды церковников, уверен, однако, что никакие обоснования уже изжитого невозможны и что реформа церкви, реформа самая радикальная, неизбежна».

(Реформа церкви и Поместный Собор. Беседа с протоиереем А.И.Введенским. – Известия, 1923, 28 апреля, № 93, с. 5).

Таким образом, Поместный Собор интересовал многих и вселял во многих большие надежды. О том, как эти надежды он оправдал, пойдет речь в следующей главе.

Собор

Где сиявшие когда-то
В ореоле золотом?
Те, кто шли к заветной цели,
Что на пытке не бледнели,
Не стонали под кнутом?

Эти слова популярной в начале века поэтессы Мирры Лохвицкой приходили, должно быть, на память многим из тех, кто присутствовал на Соборе 1923 года.

Среди собравшегося в Москве духовенства было много людей, напоминающих по своему нравственному облику архиепископа Новгородского Пимена и архиепископа Рязанского Игнатия¹; но не нашлось ни одного, кто хотя бы отдаленно походил на святых митрополита Филиппа и патриарха Гермогена.

Антонин Грановский – самый принципиальный и смелый из деятелей Собора – переживал в эти дни период глубокого духовного упадка и капитулировал (правда, на недолгое время) перед своими идейными противниками.

Второй Поместный Собор Русской Православной Церкви (как его официально в то время называли), назначенный на Фомино воскресенье 15 апреля 1923 года, был отложен на две недели.

Троицкое подворье гудело в эти дни как улей: большинство депутатов прибыло на Собор еще на Святой неделе и никак не могло понять, почему им приходится проводить время в томительном бездействии – в ответ на все вопросы работники ВЦУ только отмахивались или бормотали что-то невразумительное об организационных неполадках.

Приехавший из Петрограда Боярский читал акафисты в храме Христа Спасителя и говорил там проповеди.

А.И.Введенский разливался соловьем на диспутах.

Антонин, суровый и недовольный, принимал посетителей.

Красницкий не выходил от Тучкова. У этого последнего прибавилось работы: по его мнению, Собор должен был продемонстрировать перед лицом всего мира «несокрушимое единство» прогрессивного духовенства, признавшего Советскую власть. Но «единства» как раз и не получилось: помимо трех группировок («Живая Церковь», СОДАЦ, «Возрождение»)

¹ Архиепископ Новгородский Пимен (XVI в.) – иерарх, выступивший на Соборе 1568 г. в угоду Грозному как обвинитель митрополита Филиппа. Архиепископ Игнатий был возведен в 1605 г. Лже-Дмитрием на патриарший престол.

в эти дни в Москве появились еще две – Сибирская «Живая Церковь» и украинские живоцерковники, требовавшие для себя автокефалии. Распря живоцерковников с Антонином, затихшая было в зимние месяцы 1922/23 гг., вспыхнула к весне с новой силой.

Отношения обострились из-за двух постановлений, принятых ВЦУ вопреки протестам Антонина. «ВЦУ признало за благо, – говорилось в первом из этих постановлений, – все монастыри, городские и сельские, за исключением тех, кои носят характер трудовой или строго подвижнический, – закрыть. Храмы превратить в приходы. Настоятелями церквей назначить белых священников».

«О ношении длинных волос и священнических одежд во внеслужебное время» – так было озаглавлено второе постановление.

«ВЦУ, на основании слов апостола Павла (Кор. 11, 96), Правила Вселенского Собора и постановления Поместного Российского Собора 1666 года, – говорилось в тексте, – признало за благо разъяснить, что ношение длинных волос необязательно, а также необязательно ношение присвоенных священнослужителям одежд во внебогослужебное время».

(Пятигорский епархиальный вестник, 1923, № 1, с. 24).

Другим поводом для раздора был вопрос о белом епископате, вновь всплывший на поверхность в связи с Собором. Антонин не только упорно отказывался признать женатых епископов, но грозил выступить на Соборе в защиту канонов и уйти с Собора, если антиканоническое постановление будет принято. Этого-то больше всего боялись: уход с Собора старейшего иерарха, юридического главы обновленческого движения, означал международный скандал.

В течение двух недель Антонина уламывали. После того как потерпели неудачу Введенский и Боярский (Красницкий за это дело не брался), на сцену выступил Тучков. Хорошо известно, что Тучков несколько раз беседовал с глазу на глаз с Антонином – Антонин и после этих бесед не сдался. 29 апреля 1923 года соглашение все же достигнуто не было.

Между тем откладывать больше было невозможно: слухи о крупных разногласиях среди обновленческого движения просочились в мировую прессу. Московский корреспондент одной из польских газет передал сообщение об аресте Антонина.

29 апреля 1923 года, в Неделю о расслабленном, был открыт Поместный Собор. Громогласно звенели в этот день колокола – тысячи москвичей заполнили огромное здание храма Христа Спасителя. Здесь литургию совершало 12 епископов из числа прибывших на Собор, 80 священников и 18 диаконов – богослужение возглавлял митрополит Антонин, рядом с ним стоял митрополит Сибирский Петр Блинов.

Торжественно гремели хоры, с византийской пышностью сверкали митры и праздничные облачения, но не было мира в душах молящихся. Да и мало кто молился в этот день – не было мира и в душах тех, кто совершал богослужение.

Во время литургии снова чуть не дошло, как когда-то в Страстном монастыре, до скандала: Антонин Грановский, упорно не замечая своего женатого собрата Петра Блинова, перед Символом Веры не дал ему обычного целования, не дал ему целования также и после причащения и, отойдя от престола, во всеуслышание заявил, что «Петр Блинов украл евхаристию».

После молебна вышло на солею свыше шестидесяти епископов в мантиях, несколько сот членов Собора заполнили пространство перед алтарем: Антонин, выйдя из Царских врат и благословив молящихся, обратился к Собору с приветственной речью. Он, видимо, был растроган и, утратив обычную суровость, говорил прочувствованно и взволнованно.

«Христос воскрес! – начал он свою речь. – Высшее Управление Российской Православной Церкви, с молитвенным воздаянием мироустроющей Божественной мудрости, – объявляет открытие II Всероссийского Поместного Собора.

Отечество наше совершает переустройство жизни на новых началах. Изменяется уклад народного быта. Недоставало доселе этому перевороту внутреннего благодатного от веры осенения. Отечественная церковь, застигнутая революционной очистительной бурей, ужаснулась ею и не нашла в себе бодрости выйти на путь деятельного участия в общественном строительстве. Под флагом напряженного сопротивления напору действительных событий и прошел недавний Собор 1917 года.

В сей ответственный час, перед живою совестью православно верующих чад Российской Церкви, мы стоим на вершине перевала, откуда открываются дали трогательных упований верующих сердец, ищущих Божией Правды в судьбах человеческих.

Прошлое осталось позади.

В священном трепете за надежды будущего, мы обращаем взор свой к светлому лику Христа, Источнику Правды и Добра в жизни. Да придет же на нас Дух Его Благодати, подымет энергию нашей соборной мысли и согласит биение сердец в нашем соборном начинании утвердить совесть верующих и направить волю их на путь новой, трудовой общественности, созидания счастья и благоденствия общего, т.е. Царствия Божиего на земле, да святится Имя Бога нашего Дивного в совете Своем и Благого в откровении Своем, во веки веков. Аминь».

(Деяния II Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. – Москва, 1923, с. 2.)

Вслед за этим управделами А.И.Новиков огласил текст приветствия Собора Правительству:

«Высшее Управление Российской Православной Церкви в единении со всеми собравшимися на Собор верующими – всеми предстоящими, изъявляет признательность Правительству Российской Республики за разрешение через Собор осуществить православно верующему народу страны свои желания внутреннего устройства религиозной мысли – дух общес-

твенности и трудового быта. ВЦУ в декрете об отделении церкви от государства видит благородный мотив (как можно видеть мотив – это секрет, который так и остался, к сожалению, неразъясненным деятелями ВЦУ. – *Авт.*) предоставления церкви инициативы, т.е. свободы духа в религиозной области, раскрепощения ее от охранно-полицейских обязанностей, почин в освобождении религиозной деятельности из-под служебного подчинения политическим течениям и временным интересам. (А для чего вы собрались, друзья? – *Авт.*)

В принципе свободы совести ВЦУ находит условие роста религиозного авторитета в соприкосновении с группировками разных жизнепониманий и одушевляется желанием, чтобы дальнейшая церковная жизнь направляла энергию православного культа в Российской республике по принципу солидарности церкви и государства в общеморальных достижениях увеличения жизненного блага нашего отечества». (Там же, с. 2.)

Прослушав эти приветствия (автора определить нетрудно – таким тяжелым языком писал только один Антонин), «предстоящие» выразили молчаливое согласие (что им еще оставалось делать?) и разошлись. «Исторический момент» прошел благополучно – торжественное открытие Собора состоялось.

Начало деловых заседаний было назначено на 2 мая; остававшиеся два дня решено было употребить для кулуарных совещаний.

Мы также воспользуемся этим перерывом, чтобы рассмотреть состав Собора.

Собор состоял из 476 человек. Из них 287 были выбраны от епархий. 139 членов Собора были назначены ВЦУ. В эту группу «назначенных» входили 62 архиерея (их список см. в приложении к настоящей главе). 56 епархиальных уполномоченных ВЦУ, 70 представителей от центральных комитетов различных обновленческих групп и членов ВЦУ: 32 – от ЦК группы «Живая Церковь», 20 – от ЦК СОДАЦа, 12 – от ЦК «Возрождения», 6 членов ВЦУ и один (проф. Б.В.Титлинов) получил почетный мандат как представитель богословской науки.

Из 74 епархий русской православной церкви были представлены 72. Партийный состав Собора следующий:

«Живая Церковь»	200 человек
СОДАЦ	116 человек
«Возрождение»	10 человек
Беспартийные	
(так называли «умеренных тихоновцев»)	66 человек
Непартийные обновленцы	3 человека

Перед самым открытием Собора был выдвинут проект объединения групп «Живая Церковь» и СОДАЦ в единую группу под названием «Свободная Православная Церковь». Однако этот проект не был проведен в жизнь. (Известия, 1923, 5 мая, № 98, с. 3).

Как видно из приведенных цифр, группа «Живая Церковь» имела

на Соборе большинство. Большинство это, однако, было очень непрочным, так как в состав группы входило 60 делегатов из Сибири, возглавляемых Петром Блиновым, которые образовывали независимую организацию под названием «Сибирская группа «Живая Церковь», которая имела программу, совпадающую с СОДАЦем. Красницкому удалось лишь с большим трудом удержать сибиряков в своих рядах. Сибиряки это понимали и, лавируя между группировками, играли роль арбитра в партийной борьбе.

Содацевцы также увивались вокруг Петра Блинова: переход сибиряков в их лагерь фактически означал для них победу: 116 содацевцев плюс 60 сибиряков равнялись 176 голосам против 140 живоцерковников.

Этим объясняется то, на первый взгляд совершенно необъяснимое, обстоятельство, что никому дотоле не известный захолустный священник Петр Блинов неожиданно становится ведущей фигурой на Соборе. Эта новая конфигурация определялась в стенах Троицкого подворья в те две недели, которые прошли между Фоминым воскресеньем и Неделей о расслабленном. Во время совещаний, которые происходили в эти дни в стенах Троицкого подворья, было принято сногшибательное решение выдвинуть Петра Блинова на пост председателя Собора, оставив за Антонином лишь почетное председательство. Помимо тех, чисто фракционных соображений, которыми руководствовались деятели ВЦУ, ими руководил также страх перед Антонином, который мог бы повторить на Соборе инцидент Страстного монастыря, на этот раз в грандиозном масштабе. Два дня, оставшиеся между торжественным открытием и началом деловых заседаний, должны были решить, как будут складываться отношения с Антонином в дальнейшем.

Выдвижение председателем Петра Блинова – неизвестного человека, которого Антонин не признавал епископом, было открытым ему вызовом. Перед Антонином, таким образом, стояла следующая дилемма: признать белый епископат и Петра Блинова – и остаться первоиерархом, или остаться на своей старой позиции – и уйти от руководства (не мог же он все время «не замечать» председателя Собора и говорить, что он «ворует евхаристию»).

Прошли два дня – и Антонин не принимал никакого решения. «И умел же поиграть на нервах этот человек», – говорил А.И.Введенский.

Наконец, наступил последний срок: 1 мая вечером в Троицком подворье состоялся Собор епископов. Так как ни Красницкий, ни Введенский здесь присутствовать не могли, то роль партийного лидера играл Петр Блинов. Председательствовал, разумеется, Антонин. Он и на этот раз остался верен себе: предоставив слово докладчику, он назвал его просто Петром Блиновым, без всяких титулов. Во все время собрания Антонин Грановский продолжал «играть на нервах» у своих противников, ничем не выражая своих намерений, и только в самом конце заседания, когда нервы всех были напряжены до крайности, после обсуждения вопросов о белом епископате, когда высказались все, кроме Антонина, первоиерарх выпря-

мился во весь свой огромный рост и сказал: «Ну что ж, нехай, пусть они будут епископы, может, какой-нибудь толк из этого будет». И тут же, обратившись к Петру Блинову, назвал его «Вашим Высокопреосвященством». Вдох облегчения вырвался у многих: несокрушимый впервые в жизни капитулировал.

Это определило его роль на Соборе. В течение всего Собора он играл совершенно несвойственную ему роль «святочного деда». Почему он так поступил? Странно было подозревать Антонина в отсутствии стойкости и смелости. Еще страннее было бы упрекать его в беспринципности. Видимо, главным мотивом, который руководил Антонином, был страх одиночества. Очутиться на старости лет в положении сектанта-отщепенца, имея за собой группу в 10-20 человек, – вот что пугало человека, выросшего в церковных традициях. Чтобы избежать этой участи, он пошел на компромисс со своей совестью и признал все те решения Собора, которые глубоко противоречили его убеждениям.

Как и всякий компромисс, уступка Антонина ничего не спасла и ничему не помогла: через несколько месяцев он отверг постановления Собора, порвал с обновленцами и оказался в том самом положении сектанта-отщепенца, которого он так сильно боялся.

*

На другой день, 2 мая 1923 года, в среду, на праздник Преполовления Пятидесятницы, в 7 часов вечера открылось первое деловое заседание Поместного Собора.

Собор заседал в том самом зале 3-го Дома Советов (бывшем актовом зале семинарии), в котором уже происходила работа съезда группы «Живая Церковь» и СОДАЦа.

Высокий светлый зал с лепными украшениями, построенный еще в XVIII веке, не мог вместить всех желающих попасть на открытие Собора. И это заседание открыл Антонин.

«Священному Собору Российской Православной Церкви – пасхальное радование! – восклицал он с трибуны. – Зарю ныне воссиявшего дня я предвидел еще в 1905 году. Высится алтарь народной святыни, который мы обступили с благоговейным трепетом растроганной души.

Но мог ли я предполагать, что тогдашний трепет моего сердца Господь превратит в расходящиеся круги нашей духовной бодрости и христианской силы, и в мою десницу – тогдашнего vicария Петроградского митрополита, – вложит жезл, чтобы я ударил по волнуемой стихии веры народной и подвел нашу Православную отечественную Церковь на крещение в бурлящих волнах совершающегося революционного очищения».

После этого выступления, отличающегося более пышностью, чем скромностью, митрополит столь же выпендренно говорил о великой миссии Собора. Вслед за тем он был выбран почетным председателем Собора, а деловым председателем был избран «митрополит всея Сибири» Петр Бли-

нов. Вслед за тем был избран президиум из 16 человек (его состав см. в приложении) и почетный президиум из 11 человек.

Петр Блинов зачитал регламент Собора, который тут же был принят. Выписываем из регламента следующие два пункта, характерные для той обстановки, в которой заседал Собор:

«Пункт 9. Собор имеет суждения лишь по тем вопросам, которые значатся на повестке работ Собора, утверждены ВЦУ и на обсуждение которых было получено разрешение от государственной власти.

Пункт 10. Голосование производится на Соборе открытой подачей голосов».

Повестка дня Собора состояла из 10 пунктов:

«1. Открытие, выборы президиума, утверждение регламента и повестки дня. Заслушание приветствий.

2. Доклад об отношении Православной Российской Церкви к Социальной Революции, Советской власти и патриарху Тихону.

3. Вопрос о белом епископате.

4. Вопрос о мощах.

5. Вопрос о монашестве и монастырях.

6. Реформа календаря.

7. Проект административного устройства и управления в Российской Православной Церкви.

8. Выборы во Всероссийский Центральный орган Управления Православной Церковью.

9. Информационные доклады представителей обновленческих групп Православной Церкви о реформах церковной жизни, выдвигаемых группами на предмет обсуждения и рассмотрения их следующей сессией настоящего Поместного Собора.

10. Текущие задачи».

*

Вслед за этим начались приветствия.

Неизвестно, присутствовал ли на Соборе Тучков, но если присутствовал, то он не мог бы не испытать чувства глубокого разочарования. Собор должен был, по его замыслу, явиться трамплином для прыжка в Европу. Не надо забывать, что в это время связи с Западом налаживались с огромным трудом. «Ваш Собор, если представить дело умело, может привлечь в Москву весь Запад», – сказал он однажды А.И.Введенскому.

«Так и будет: «все флаги в гости будут к нам», – уверенно ответил А.И.Введенский.

И вот оказалось, что все «флаги» остались у себя дома: не только не явились представители западных церквей (за исключением представителя методистов), но не явились и представители автокефальных церквей. Мало того, представители Константинопольского и Александрийского патриар-

хов, проживавшие в Москве и присутствовавшие осенью на съезде группы «Живая Церковь», на этот раз блистали своим отсутствием.

Это объясняется, очевидно, широкой кампанией в защиту патриарха Тихона, поднятой на страницах западной прессы. Пришлось поэтому довольствоваться приветствиями Красницкого и Введенского.

Красницкий, по своему обыкновению, произнес краткую деловую речь. «С чувством глубокого удовлетворения я отмечаю, что настоящее заседание Собора происходит ровно через год с того дня, когда родилась группа «Живая Церковь», – говорил Владимир Дмитриевич. – Группа видит в Соболе исполнение своих надежд и оправдание взятого ею курса».

Вслед за тем выступил от имени СОДАЦа А.И.Введенский, который попытался заменить недостаток приветствий ослепительным фейерверком.

«Обновленческое движение в церкви, – говорил он, – вспыхнуло как естественный порыв протеста. Обновленческое движение хотели утопить в клевете, его представителей – побить камнями. Прошел год, и движение окрепло, и представители его со всех концов страны слетелись на Собор».

Прежде всего мы должны обратиться со словами глубокой благодарности к правительству нашего государства, которое, вопреки клевете заграничных шептунов, не гонит Церковь. В декрете об отделении церкви от государства нет гонения на религию. В России, согласно конституции, каждый может свободно исповедовать свои религиозные убеждения. Если представители религиозных учений привлекались и привлекаются к ответственности, то они страдают только за свои контрреволюционные действия.

Я верю, – закончил свою речь А.И.Введенский, – что Собор, осудив контрреволюцию как явление временное и проходящее в церкви, построит на основе декрета чистую религиозную жизнь. Слово благодарности и приветия должно быть высказано нами единственной в мире власти, которая творит, не веруя, то дело любви, которое мы, веруя, не исполняем, а также вождю Советской России В.И.Ленину, который должен быть дорог и для церковных людей как граждан единой Республики». (Там же, с. 3-4.)

Потом от имени СОДАЦа А.И.Введенский предложил Собору принять текст приветствия Правительству, полагая, очевидно, что приветствие, составленное Антонином, слишком «беспартийно».

Приветствие, составленное Введенским, столь характерно, что мы приводим его полностью. Тем более, что оно предвосхищает основные мысли его доклада. В противоположность приветствию Антонина, выдержанному в церковных тонах, документ, составленный Введенским, написан в стиле хлесткой политической прокламации.

«Второй Собор Российской Православной Церкви, – говорится в приветствии, – открыв свои работы, шлет благодарность ВЦИК за разрешение собраться избранным сынам Церкви, чтобы обсудить назревшие вопросы. Вместе с этой благодарностью Собор шлет свое приветст-

вие верховному органу рабоче-крестьянской власти и мировому вождю В. И. Ленину.

Великий Октябрьский переворот проводит в жизнь великие начала равенства и труда, имеющиеся в христианском учении. Во всем мире сильные давят слабых. Только в Советской России началась борьба против этой социальной неправды. Собор полагает, что каждый честный христианин должен стать среди этих борцов за человеческую правду и всемерно проводить в жизнь великие начала Октябрьской революции. Владимиру же Ильичу Собор желает скорейшего выздоровления, чтобы он снова стал вождем борцов за великую социальную правду». (Деяния, с. 4.)

Вслед за тем состоялся «главный номер программы» – слово было предоставлено единственному иностранному гостю, присутствовавшему на Соборе – епископу-методисту Эдгару Блэку, прибывшему накануне из Парижа. Его присутствие не было, конечно, случайным: методизм был всегда демократическим движением, и, быть может, самыми искренними из всех слов, сказанных на Соборе, были следующие слова последователя братьев Вислей: «Церковь не должна отходить в сторону. Ее обязанность идти рука об руку с теми, кто защищает интересы угнетенных масс». (Деяния, с. 4.)

После того как Эдгар Блэк был избран почетным гостем, Петр Блинов закрыл заседание...

*

Четверг 3 мая 1923 года – большой день на Соборе.

Ровно в три часа открылось заседание – задолго до назначенного часа публика заполняет зал, в ложах иностранные корреспонденты, на хорах установлены юпитеры для кино съемки. Они вспыхивают в тот момент, когда Петр Блинов провозглашает: «Слово для доклада по вопросу об отношении Церкви к Социальной Революции, Советской власти и патриарху Тихону предоставляется заместителю председателя Высшего Церковного Управления протоиерею Александру Ивановичу Введенскому».

«Златоуст, наш Златоуст», – раздается с хор женский голос. Все взгляды устремляются к трибуне, на которой стоит высокий худощавый брюнет с восточным смуглым лицом.

Накануне были распространены 13 тезисов его доклада, но сейчас перед ним нет ни одной бумажки. Как всегда экспромтом, начинает он речь – тщетно было бы искать в его речи что-нибудь напоминающее эти тезисы (кроме, разумеется, основного содержания).

Тихо, очень тихо, глубоко прочувствованным тоном он произносит следующую фразу: «С внутренним трепетом стою я перед Священным Собором, ибо сегодня у нас не только Собор, но и суд». Потом голос крепнет, и к концу двухчасовой речи в зале не остается ни одного человека, который не был бы потрясен этой речью – взволнованы все: друзья и враги, содацевцы и живоцерковники, обновленцы и тихоновцы.

Речь А.И.Введенского на Соборе действительно можно считать шедевром ораторского искусства. Мы пытались выписать из нее наиболее яркие места. Это оказалось, однако, решительно невозможным: в докладе Введенского буквально нет ни одного блеклого места – каждая фраза, каждое слово волнует читателя и сейчас, почти через 40 лет, так, как будто речь была произнесена только вчера.

Что сказать о ее содержании? И тут нам вспоминается одно место из повести большого русского писателя Е.Замятина «Знамение»: «Почуял Селиверст: весь он такой же, громадный, наполняющий вселенную. И в то же время – муравьино-крошечный: видел себя в той же дали, как сквозь перевернутую не тем концом подзорную трубу». (*Замятин Е.* На куличках. Москва, 1928, с. 212).

Когда читаешь доклад А.И.Введенского (он был издан в 1923 г. отдельной брошюрой под названием: «За что лишили сана патриарха Тихона?»), кажется, что ты все время переворачиваешь то одним, то другим концом подзорную трубу: столько в этом докладе большого, правдивого – и в то же время столько здесь мелкого, пустого, лживого... И весь этот доклад необыкновенно характерен: в нем, как в зеркале, отразилась вся тогдашняя (и не только тогдашняя) русская церковь.

Но прежде приведем с небольшим сокращением сам доклад.

«С внутренним трепетом стою я перед Священным Собором, ибо сегодня здесь у нас не только Собор, но и суд. Мы приходим сюда на суд Собора для того, чтобы сказать вам, избранным сынам Матери Церкви, о том, почему пошла церковная жизнь так, как она шла истекший год. Сегодня Собор должен благословить или анафематствовать освободительное движение в Церкви. Сегодня Собор должен сказать – иди и живи – нашему течению, или сказать – ты должен умереть, обесславленный, погубивший Церковь, ты – имя которому пусть будет Иуда.

Итак, Собор имеет сказать свое суждение, дать благословение или отвергнуть. Сегодня перед Собором предстанут две правды: правда наша, освободительная, обновленческого движения, и правда традиционная, правда церкви патриарха Тихона и самого патриарха Тихона, как вождя этой церкви. И для того чтобы Собор мог иметь беспристрастное суждение по этому вопросу, важности совершенно исключительной, я имею величайшую честь от лица Высшего Церковного Управления и от лица всех обновленческих групп, представленных на нашем Соборе, доложить вам те материалы, рассказать вам всю ту правду, поведать вам о всей той обстановке, при которой текла наша жизнь. Тогда вы сами будете судить, так ли пошла Церковь, предателями, Иудами ли являются сейчас двигатели обновленческого движения и все движение, или, наоборот, те, от которых отошли мы, они радели не о благе церковном. Русская Церковь переживает мучительный кризис.

Русская Церковь вся изъязвлена ранами. Живая кровь мучающихся душ обагрила белоснежные одежды Церкви. Мы перестали понимать друг

друга, мы стали друг в друге видеть врага, мы боимся общения в молитве и в Евхаристии, мы перестали быть братьями – мы, исповедующие один и тот же Символ Веры, рожденные, воспитанные, вскормленные соками той же Матери, стали как враждующие, непонимающие, негодующие враги. И наш Собор только один в состоянии властно, громко сказать этим враждующим и часто не понимающим, почему враждующим, – перестаньте, здесь правда, идите за ней, уйдите от той правды, хотя бы она облеклась в пышные одежды подлинности православия.

Итак, вы будете лечить, вы преподадите то лекарство бессмертной истины, хранильницей которого является Церковь, вы являетесь выразителями церковного мнения, вы здесь – сама православная Церковь.

Я хочу вам сказать о болезни, ее течении, причине, вы поставите диагноз, вы возьмете рецепт и напишете на нем тростью Истины ваше решение, и снова соберется расточенное, погасится пламя вражды, и будет Церковь тем, чем быть должна, – союзом любви, светящимся от солнца любви Господа Иисуса Христа.

Я сейчас отойду очень далеко от Русской Православной Церкви, я буду говорить о христианстве вообще. Потому что мое глубокое убеждение, что мы больны общей болезнью христианства, что только в нашей церкви с особенной мучительностью прежде всего созрел этот кризис, которого еще как будто не видно, но который уже действительно совершается среди христиан всего мира. В самом деле, сейчас мир усумнился в ценности христианства, сейчас мир хочет, по выражению французских писателей конца XIX столетия, дехристианизироваться, мир, носивший белые крещальные рубашонки, как бы нашел, что рубашки тесны. Они белоснежны, прекрасны, но они тесны. Смотрите, ваши крещальные рубашонки треснули по всем швам, обветшали. Мир уходит от христианской церкви. Общее явление отхода от Христа уже в течение целого ряда последних десятилетий подмечено верующей и неверующей наблюдающей мыслью. Вот передо мной ряд французских писателей. Я беру из них только одного, он мне пришел сейчас на память – де Мелль. Он говорит – было некогда время, и над вселенной сиял мучительный облик Христа. Теперь этот облик угас, померк, стал темнее, но нам и не надо этого света. Вот передо мной вновь Америка, ряд теперешних мыслителей, известный американский анархист Свифт, который пишет памфлет за памфлетом против Бога и Христа. Знаменитый американский романист Синклер говорит, что, правда, теология еще заставляет жить кое-кого, но это теологические мертвецы стучат своими костяшками – это танец смерти.

Ницше, в котором нельзя не видеть одного из крепчайших пророческих умов, сказал, что боги умерли, что по всему миру прокатилось жуткое эхо погребального рыдания над умершими богами. Возьмите его книгу «Антихрист» и вы найдете много мест, часто грубых и шокирующих вас, где Ницше не находил достаточно слов, чтобы выразить свое негодование, презрение и омерзение перед христианством. Ницше утверждает, что Еван-

гелие самая грязная книга, которая когда-либо написана человечеством, после которой всякая книга покажется чище, что, читая ее, нужно надевать перчатки, чтобы не запачкать руки. Наша белоснежная книга в золотых переплетах, которую мы украшаем самоцветными камнями, потому что она драгоценная жемчужина веры нашей. Она, для Ницше и стоящих за ним, книга, которая пачкает. Бред безумного? Нет. Только грубо, резко, но здесь подхвачено настроение масс, масс, которые отходят от Христа, которые не хотят идти за Христом... И самое наше священное собрание для многих является странным анахронизмом. Так, Кольридж, английский писатель, пишет, что проблема церковного строительства – это проблема небесного чревоущания.

Так, мир отходит от Христа, как будто мы начинаем присутствовать при исполнении того жуткого пророчества, которое знаменитый Эрнест Ренан сказал своему племяннику Гийо: «Мир идет к неверию, и с каждым десятилетием это неверие будет расти. Последний народ, который будет цепляться за религию – это турки, но я знаю, что и турки отойдут от веры». Так говорил Ренан Гийо. В чем дело? Что заставляет мир отходить от Христа? Евангелие оказалось мифом, истина оказалась в противоречии с общекультурным философским сознанием?

Да, этот соблазн мысли был. Когда-то Лессинг и многие другие открыли научный поход против веры. Им казалось, что можно штурмом научных бастионов взять твердыню церкви...»

Далее Александр Иванович констатирует полный провал этого похода на христианство.

«В самом деле, я внешне объективно становлюсь критическим исследователем, я делаю сводку, я констатирую, вопреки Штраусу, что совершенное научное сознание не разбило христианской твердыни. Евангелие не система, которой можно опровергнуть другую научную систему, а Евангелие – жизнь... Евангелие имеет две стороны. Оно часть истории души: какая польза, если вы весь мир приобретете, а душе своей повредите? – сказал Господь. С другой стороны, Господь пришел научить людей, как жить здесь. Евангелие не говорит только о горних высотах – оно пришло небо опустить до земли и землю возвысить до небес. Жизнь, Истину, которую не знали мудрецы, владевшие, как им казалось, Мудростью, – а истина так проста – все мы братья.

Все вы братья – здесь Господь дал человечеству как бы тот Архимедов рычаг, которым можно перевернуть весь мир.

Христианство хочет Царства Божия не только в загробных высях, но здесь, в нашей больной, серой, плачущей, страдающей земле. Христос принес на землю социальную правду. Мир должен зажить новой жизнью. Почему ангелы пели в рождественскую ночь, почему ночь преобразилась в день? Почему к Христу стали стекаться десятки, сотни, миллионы, а потом весь мир склонился перед Христом? Потому что мир жаждал – жаждал, что станет покрытым не терниями, а теми лилиями Благовещения, что ан-

гел вручил в час великий Приснодеве Марии. И человечество обманулось... Жизнь стала, может быть, печальней после того, как человек услышал, что может быть другая жизнь, что она жила среди нас, и нет ее... Мир существует круглым счетом после происшествия подвига Христа две тысячи лет, и неправда, жуткая неправда еще наглее существует в мире. Еще жутче тени, еще чернее контрасты после того, как мир прорезал луч от истины Христовой. Эти черные тучи встают над сознанием человека, и человечество не видит солнца, не хочет солнца, говорит, что солнце фальшивое, холодное, сусальное... Да, мир предъявил христианству счет по фактическому исполнению Церковью ее обещаний.

Но Христос по-прежнему приковывает взор. Оскар Уайльд написал в своих письмах из тюрьмы, что Христос – это Тот, при одной мысли о Котором даже у того, кто не пригибает колен у алтаря Иисуса, и у того делается легче на сердце.

Но христиане не Христовы, Церковь не живет Христом. Это трагедия, это боль, это ужас.

Я вспоминаю, четыре года тому назад был диспут: «Воскрес ли Христос?», участником которого был и я. Народ, собравшийся в таком количестве, что буквально яблоку негде было упасть, слушал с напряженным вниманием развертывавшуюся дискуссию. У меня был диспут с известным антирелигиозным агитатором Гидони. И вот, когда я формулировал свои положения, конечно, утверждая, что Христос воскрес, Гидони сказал: «Да, по всем вашим научным данным, Христос воскрес». – «Так вы, может быть, пойдете за Ним?» – спросил я. И он ответил: «Нет, Христос, воскресший там, не воскрес в вас: вы злы, бессердечны, черствы, и я не пойду за Христом, потому что не хочу быть с вами – христианами». Это ответ, на который мне нечего было ответить, потому что здесь была правда.

Мир издыхает в социальных противоречиях. Мир разделился на два класса: жирные, сытые банкиры с тысячами автомобилей, у которых один рот и миллионы завтраков и ужинов, тысячи чертогов, тысячи кроватей, обнаглевшие, победившие, купившие свое счастье страданием, кровью и прежде всего потом трудящихся масс. И другой мир – мир обездоленных, у которых нет крова над головой, у которых нет черствого куска хлеба. Переводя на современную терминологию – капитализм и пролетариат. Мир разделился на два стана: одним – все, другим – ничего. Одни – цари, другие – рабы. Мы знаем, что капиталисты и те, которые живут в банковских конторах, коттеджах и виллах этого капиталиста, они гнушаются прочим. Для них прочие – навоз, рабы. Они пленили науку, государство, они захватили армию, всю человеческую технику и культуру и заставили их служить себе. Как страшные пауки, эти немногие, несколько сот всего, может быть, высасывают посредством невидимых, жутко мохнатых щупальцев всю человеческую энергию и заставляют служить своему нраву. А прочие – обескровленные, исстрадавшиеся, измученные – они тот ковер, по которому идет лакированная изящная ботинка жены банкира. И в этом

неправда, трагическое противоречие теперешней жизни. Наша вера, наша церковь, наше христианство куплено этими банкирами. Наша религия Богом избрала Рокфеллера, а не Христа...

Марксисты, коммунисты, Советская власть не идут за Христом.

Марксисты, коммунисты, Советская власть работают для исполнения заветов Христа. Скажете ли вы: вы – антихристы? Не вспомните ли вы, что вера одна, сама по себе – ничто. Или вы забыли, что великий Апостол говорит, что и бесы верят и трепещут. Они, которые одни во всем мире, полагаясь только на свои силы, пошли и крикнули: «Довольно этой неправды», – я не назову их антихристами, а тем сыном, который пошел и исполнил то, что сказал Христос. Те страдания, та кровь, те тюрьмы, то гонение, которое великая коммунистическая идея испытывала десятилетия, освятили ее и в ее нравственном сознании.

Маркс ни слова не говорит о нравственности, но является бессмертным гигантом нравственности и гигантом, перед которым многие – жалкие болтуны нравственности. А между тем Церковь и до сих пор не выявила своего отношения к этому строительству. Церковь не сказала своего слова правды. Один седой человек покачал головой сейчас, ему не нравится, что я говорю, но тогда ему не нравится Киприан Карфагенский и Иоанн Златоуст. Вспомните отцов церкви, подлинную христианскую традицию, что сказано там: «Всякий богач – вор», слова Василия Великого. Иоанн Златоуст говорит: «Никогда не бывает праведного богатства». Киприан Карфагенский говорит: «Нужно бегать от собственности больше, чем от меча разбойника». Но мир пошел за папами и архиепископами, а не за апостолами и отцами. Нам нужно отвернуться от тех, которые ведут служить мир капиталу, а не Богу.

Почему я думаю (лично для себя), что марксисты не верят в Бога, но творят дела во имя того братства, о котором говорил Христос? Мы переживаем сейчас минуты исключительной исторической важности, когда мир может услышать от церкви, что капитализм – грех. Это неправда, Христос не освящает этого зла, Христос, распятый первосвященниками, и ныне распинается этими первосвященниками. Я полагаю, что нравственная религиозная обязанность – засвидетельствовать, что капитализм есть смертный грех, здесь оскверняются основы Евангелия.

Капитализм хуже, чем блуд, за который семь лет не допускаем к причастию: блуд оскверняет двух, капитализм – всех. Мир должен услышать от Церкви, что те, которые пошли бороться с этим злом, они не прокляты, а благословенны, и мы их, не знающих имени Христа, должны благословлять именем Христа. Мир должен принять через авторитет Церкви правду коммунистической революции.

Это честь, это святыня, это конечная вершина, на которую может взойти Русская Церковь.

Недаром вещал Достоевский – с Востока, мир из России услышит новое слово. Раскаты Октября потрясли вселенную. Пусть Церковь ти-

хостью Святого Духа благословит эти громы, которые для того прогремели, чтобы на земле была рождественская тишина, благоволение человек и мир, чтобы пели архистратиги, когда пришел на землю Отец и Учитель.

Я теперь перехожу ближе к нам, русским, и нашему правительству. Весь принцип тихоновской церкви заключается в ненависти к большевикам, к революции. Вы почувствовали правду этой революции, но тихоновская церковь строилась вся на ненависти к ней...

Бог, который бодрствует над судьбами Церкви, знал времена и сроки. Когда оскудела наша вера, Господь дал нам силы. Еще летом стали проникать тревожные известия о том, что нужно помогать голодным. Родственные души имеют и родственные сознания – и одновременно и у меня, и у А.Боярского возникла мысль отдать все ценности, все, что можешь. От слов перешли к делу. Мною было написано в газету письмо. Голод креп, рос. Кошмар навис над сознанием человека. Испытывали ли вы когда-нибудь ужас, муки за родного, которому нельзя помочь. Ах, здесь ему и врач не помогает – он умирает. Вы все стояли у одра, и в ту минуту, если бы сказали – руку отрежь – лучше будет – что бы вы сделали? Братья и сестры! В то время умирали ваши братья и сестры. Что надо было сделать Матери Церкви – душу продать (?), отдать нитку последнюю, только помочь. А из Москвы декрет – кто будет помогать умирающему голодающему, если священник – будет лишен сана, если мирянин – отлучен от церкви. Помните? Это было... И тогда, тогда мы восстали, тогда нельзя было больше молчать. Тогда молчать – значило в буквальном смысле уйти от Христа. Надо было выбирать, или Христа, или Тихона.

Можно ли было выбирать?! Является массовый протест против Тихона – не пойдем за тобой, пойдем за Христом, нет таких канонов, чтобы не помогать голодающим. Большевики у власти? Бог с тобой, безумец! Они враги – говоришь ты. Но если бы были они и враги – Господь в нагорной проповеди сказал любить врага больше (?) друга¹. Когда в Петербурге 12 священников протестовали против этой неправды Тихона, уже тогда рухнул Тихон.

Я обнажил вам свою душу.

Дальше я буду говорить спокойнее. В это же приблизительно время (в мае) мы приехали из Петербурга в Москву. Здесь к нам присоединились некоторые священники московские – Борисов, Калиновский и другие. Мы составили единую группу, которая добилась аудиенции у Тихона, и сказали то, что сказали. Тихон ушел. Надо было организовать Высшее Церковное Управление. Неканонично? Что ж, проклятие? Господь благословит.

Когда-то от Христа отошли вселенские патриархи, в ересь впали. Тогда дьякон Афанасий Александрийский крикнул: идите за Христом! И за диаконом пошла Церковь против патриархов.

Когда весной прошлого года рядовой русский священник крикнул: «За Христом идите!» – рухнул Тихон.

¹ «Великий оратор» так увлекся, что даже переиначил Евангелие: ничего подобного в Евангелии, разумеется, нет и быть не может, так как это было бы совершенным абсурдом.

Прокляните нас за это. Мы стоим перед вами как подсудимые, но не опускаем глаза потому, что чиста наша совесть. Если бы пошли за Тихоном – отошли бы от Христа.

Собор будет сейчас судьей. Я заранее знаю, что Собор будет судьей милостивым не потому, что разжалобил я, а потому, что милостива правда.

У нас бывают партийные счета – забудем их раз навсегда. Мы собраны здесь Духом Святым благословить обновленческое движение, Высшее Церковное Управление, вызванное жизнью, которая выше тихоновских канонов, а патриарха Тихона извергнуть из сана. (Возгласы: «Правильно!»)

Так высказалось собрание группы «Живая Церковь», «Союз общин древлеапостольской церкви», «Союз возрождения» и Собор всех епископов, здесь присутствующих. Я знаю, иногда церковным людям (в особенности, находящимся за пределами этой залы) этот акт представляется нехристианским, актом сведения личных счетов, актом мести. Неправда. Кто Тихон? Он человек. Как человека его будет судить Бог. Но он и церковный вождь – вождь всех нас. Мы не случайное сборище прогрессивных батюшек, а Собор церковный. Вы вправе высказать свое суждение о любом члене Собора. Тут выбор либо за Тихоном, либо за Златоустом, Павлом и Самим Господом. Они, наши вожди, обязаны идти за ними. А если Тихон наш вождь – идите и требуйте той же кары для себя. Если он мученик – умирайте с ним, а не срывайте головы другим, если исповедуете правду. Если он не вождь – имейте мужество сказать – не вождь! (Голоса: «Верно!») Я не сомневаюсь в том, что Собор, извергая Тихона из сана, сделает это со спокойной совестью, что это не акт мести, а Суд Божий, действующий через наше достоинство. Ибо я верю, что эти мысли мне внушил Святой Дух.

Я кончаю свою речь, выступят после меня мудрые и ученые. Я меньший из братьев. Если я выступил первый, может быть, потому, что у меня наболела душа. Это душа не Александра Введенского – это душа наша с вами, отцы мои и братья, это души тех, кто послал вас сюда.

Изболелись души наши.

Я полагал бы, что, лишая Тихона сана, мы отвергнем и самый институт патриаршества и вернемся к коллегиальному управлению. Как это будет конкретно, мы решим в одном из следующих заседаний, но было бы в высшей степени важно принципиально отменить институт патриаршества (возгласы: «Правильно!»). Итак, новая жизнь загорается. Пасха у нас с вами в душе. Церковь воскреснет. Вы сейчас вашими возгласами, как в пасхальную ночь кликами «Христос Воскресе!» – рождаете радость. Церковь приветствует власть рабочих и крестьян. Она хочет полноты правды, она говорит: все отныне идем за Христом и со Христом осуществим его социальную правду, которая сейчас рождается в мире.

Мы не губим Церкви, мы любим ее и мы снимаем анафему.

Мы говорим: да не будет ненависти, неправды, злобы. Если так, то

да благословит нас Бог на новую жизнь, на всякую работу во имя Христа, и Правда Божия и Церковь древняя, вечная, миру покажет свою красоту.

Христос Воскресе!

(Возгласы: «Воистину Воскресе!»).

(Введенский А.И. За что лишили сана патриарха Тихона? Москва, 1923.)

*

Мы не просим прощения у читателя за то, что привели здесь столь подробно доклад А.И.Введенского на Соборе потому, что здесь поистине узловым пунктом не только истории обновленчества, но и истории всей послереволюционной Русской Церкви.

Мы должны выяснить, что здесь истинно и что здесь ложно с позиции современного духовенства.

Прав ли и искренен ли Введенский, когда с христианских позиций осуждает капитализм? Да, он, конечно, в этом прав, и даже буржуазные идеологи никогда не утверждали, что капиталистический строй соответствует евангельским идеалам. Они лишь ссылаются обычно на несовершенство человеческой природы и невозможность создать здесь, на земле, какой-либо лучший строй. (В этом они, разумеется, также неправы, потому что согласиться с ними – это означает признать учение Христа утопией.)

Далее Введенский предлагает «благословить октябрьские громы тихостью Святого Духа». Принимаем это к сведению. Однако тут же задаем вопрос: кто будет благословлять? Из Библии мы знаем, что пророки часто благословляли царей (Самуил помазал на царство Саула, Нафан благословил Давида, и те очень дорожили их благословением). Примерно так же обстояло дело в средние века в Европе и Древней Руси. Однако это благословение имело такую силу только потому, что исходило от людей, озаренных Божией Благодатью, целиком преданных Правде Божией, от людей, которые умели не только благословлять, но и обличать. Как только русские архиереи превратились из ревнителей правды в государственных чиновников, безразлично одобряющих все действия царского правительства, сразу же их благословение потеряло всякий смысл и всякое значение.

Что делает А.И.Введенский? Он прокликает капитализм и безудержно восхваляет Советскую власть, видя в ней осуществление Правды Божией на земле. Пастырь должен бороться против зверства, озлобленности, произвола, зазнайства, бездумия и бюрократизма. Знал ли обо всех этих пороках советского строя Введенский? Не мог не знать. Почему же он о них упорно молчит, раз он взялся давать всесторонний политический анализ? Ведь ему, как христианскому пастырю, надлежало призывать власть к человечности, внимательному, гуманному отношению к людям.

Ответ может быть только один: Введенский выступает не как христианский пастырь, а как отъявленный лъстец.

Но кому нужно благословение заведомого лъстеца и имеет ли это

благословение какую-нибудь силу? Невольно хочется здесь привести, перефразировав ее, цитату из Пушкина:

... Лъстец лукав,
Он горе на народ накличет,
Он изо всех народных прав
Одну лишь милость ограничит¹.

И эта пушкинская характеристика, справедливая вообще, вдвойне справедлива по отношению к Введенскому. Став лъстецом, он забыл «важнейшее в законе» – милость. Он забыл, что бесчестно судить человека в его отсутствие, вдвойне бесчестно поносить беззащитного арестанта, обреченного на смерть, – тройне бесчестно унижать того, перед которым еще вчера, когда патриарх был в силе, – преклонялся, кому целовал руку и кого славословил.

Независимо от юридических аргументов извержение из сана заключенного патриарха было глубоко безнравственным актом – столь же безнравственным, как лишение сана приговоренного к смерти митрополита Вениамина. Мир с отвращением и ужасом отвернулся от обновленческого Собора.

«Есть зрелища нестерпимые, есть сочетания слов поистине сатанинские, в соблазне своем непереносимые, – писал сотрудник одной из зарубежных газет в статье под названием «Иуды», – служитель Христов, домогающийся убийства с ним единому Богу сослужащего – это предел земного падения, бездна, разверзающаяся в пустоту всяческого отрицания. Не нужно быть церковно-верующим, не нужно быть вообще верующим – нужно только быть существом, не утратившим образ человеческий, чтобы осудить этих потомков Иуды Искаротского». (Известия ВЦИК, 1923, 11 апреля, с. 2.)

С отвращением и ужасом отвернулся народ русский православный от обновленцев и единодушным протестом ответил он на извержение из сана патриарха.

Здесь, на Соборе, однако, все было иначе: требование Введенского не встретило ни единого протеста. После знаменитого проповедника выступил протоиерей Алексей Дьяконов (бывший черносотенец, который в качестве содокладчика занялся «каноническим» обоснованием проекта резолюции о лишении сана патриарха).

Основные аргументы прот. Дьяконова сформулированы в виде четырех «тезисов»:

«1. Патриарх Тихон, превратно истолковавший на процессе московских священников (в мае 1922 года) заповедь о любви к ближнему, осужден уже апостолом Павлом (1 Кор. 3-9).

2. Патриарх Тихон, своими посланиями и своими действиями нарушивший эту заповедь и тем обнаруживший отсутствие в себе любви Христовой (1 Иоан. 2-9, 14-15), уже получил приговор от того же апостола (1 Кор. 16-22).

3. Патриарх Тихон, затворивший свое сердце для умирающих с го-

¹ У Пушкина сказано:

Но нет, о братья, лъстец лукав,
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

лоду бедняков и не желавший отдать церковные сокровища на нужды голодающих, а между тем в 1912 году продавший землю ярославского Спасского монастыря капиталисту фабриканту Корзинкину, подлежит извержению из сана по 12 правилу VII Вселенского Собора и по 26 правилу Карфагенского Собора.

4. Патриарх Тихон, сознательно впутавшийся в политику и убежденно и твердо проводивший в жизнь свои контрреволюционные планы, подлежит извержению из сана по суду 6, 81 и 84 апостольских правил». (Деяния.)

Здесь что ни слово – то шедевр. Патриарх Тихон «обнаружил в себе отсутствие любви Христовой»? Но кто же обнаружил ее присутствие? Уж не Дьяконов с Красницким, пересажавшие за этот год по тюрьмам тьмутьмушую невинных людей и надругавшиеся над приговоренными к смерти людьми?

Далее – патриарх Тихон разрешил в 1912 году продать монастырскую землю. Но разве сейчас речь идет о земле – вся земля уже давно и так отобрана. Речь идет о священных сосудах, которые патриарх не хочет (правильно или нет – это другой вопрос) отдавать в руки безбожников.

И наконец, четвертый пункт – это уже, по выражению Некрасова, «цинизм, доходящий до грации». Патриарх Тихон подлежит извержению из сана за то, что он «сознательно впутался в политику». А чему подлежат тогда Дьяконов с Красницким – или стать официальными агентами ГПУ – это не значит «сознательно впутаться в политику»?

Таким образом, каждое слово о Дьяконове, как бумеранг, бьет по обновленцам – как, кажется, этого нельзя не заметить. Но никто ничего «не заметил».

Собор спокойно, хотя и несколько вяло прослушал Дьяконова и оживился, когда на трибуну взошел Красницкий.

Владимир Дмитриевич не пытался соперничать с Введенским по части пафоса, понимая, что здесь он будет «положен на обе лопатки». В противоположность Введенскому он решил поразить отцов Собора своей почти «математической» точностью и конкретностью. На протяжении получаса он сыпал, как из рога изобилия, цифрами и статистическими данными, перечисляя «кровавые инциденты», которые произошли по вине патриарха. Вдохнув облегченно после конца его речи, слушатели единодушно выразили свое одобрение докладчику.

Далее следует упомянуть об одной любопытной детали: в «Деяниях» после выступления Красницкого отмечено: «Заключает доклад митрополит Антонин, который смело и выпукло обрисовал незначительность и чернотенность фигуры патриарха».

Один из авторов беседовал в свое время с четырьмя членами Собора, которых он просил восстановить всю картину заседания 3 мая. Его собеседниками являлись: В.Д.Красницкий (1924 г.), В.З.Белоликов (1934 г.), А.И.Введенский (1943 г.) и архиепископ Виталий (1943 г.). Все они единодушно заявляли, что Антонин по этому вопросу не выступал.

На вопрос о заметке в «Деяниях Собора» три последних собеседника (В.З.Белоликов, А.И.Введенский и архиепископ Виталий) ответили пожиманием плеч. В.Д.Красницкий был более откровенен: «Да это все очень просто, молодой человек, – сказал он, смеясь, – просто Новиков, который писал протоколы, решил исправить историю – он был человек не из разборчивых, так же, как и все мы тогда, впрочем», – прибавил он со вздохом.

Прений по докладам и содокладам решили, ввиду «ясности вопросов», не открывать – «мудрые и ученые», выступления которых ожидал А.И.Введенский, промолчали, а вместо них взошел на трибуну А.И.Новиков, который огласил постановление Собора и просил соответствующей резолюции, которая была тут же принята поднятием рук единогласно.

Приводим последовательно оба документа:

«Постановление Собора епископов.

По бывшем суждении по делу патриарха Тихона, Собор епископов пришел к единогласному решению, что патриарх Тихон перед совестью верующих подлежит самой строгой ответственности – каре лишения сана и звания патриарха за то, что направлял всю силу своего морального и церковного авторитета на низвержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни, чем подвел под угрозу самое бытие Церкви.

Подлинный подписали 3 мая¹:

1. Митрополит Антонин.
2. Митрополит Николай Харьковский (Федотов).
3. Архиепископ Омский Петр.
4. Епископ Кашинский Николай (Соловей).
5. Архиепископ Барнаульский Гавриил.
6. Епископ Артемий.
7. Архиепископ Ново-Николаевский Александр Сидоровский, он же епископ Зосима.
8. Епископ Василий (Щегловский).
9. Архиепископ Вениамин.
10. Архиепископ Краснодарский Иоанн.
11. Архиепископ Андрей.
12. Архиепископ Пимен.
13. Епископ Виктор.
14. Архиепископ Николай (Орлов).
15. Епископ Николай (Сахаров).
16. Архиепископ Петр (Сергеев).
17. Епископ Никандр (ошибка Новикова – епископ Никанор Пономарев).
18. Епископ Иоанн (Заводкин).
19. Епископ Шатурский Николай.
20. Епископ Гомельский Сергей.

¹ Подчеркнуты имена епископов старого (до раскола) поставления. В скобках имена епископов, написанные неразборчиво, – они восстанавливаются нами предположительно.

21. Епископ Иоанн Моршанский.
22. Архиепископ Алексей (Коронов).
23. Архиепископ Василий (Смелов).
24. Епископ Константин (Спасский).
25. Епископ Новгородский Александр Лебедев (подпись неразборчива).
26. Епископ Александр (Введенский) по Сибири.
27. Архиепископ Михаил (Орлов).
28. Епископ Алексей (Щербаков).
29. Епископ Михаил Смоленский (Постников).
30. Епископ Сергей Добромыслов.
31. Архиепископ Виталий Тульский.
32. Архиепископ Леонид.
33. Архиепископ Иоанникий.
34. Архиепископ Донской – Мельхиседек.
35. Епископ Калужский Владимир.
36. Епископ Игнатий (Кобровский).
37. Митрополит Сибирский Петр (Блинов).
38. Епископ Тверской Иоасаф.
39. Епископ Нижегородский Иоанн Альбинский (подпись неразборчива).
40. Архиепископ Алексей.
41. Епископ Гавриил (Ландышев).
42. Епископ Асташевский Гавриил (Адвентов).
43. Архиепископ Александр.
44. Епископ Иваново-Вознесенский Иерофей.
45. Митрополит Киевский Тихон.
46. Епископ Саратовский Николай (Позднев).
47. Архиепископ Вологодский Корнилий.
48. Архиепископ Иннокентий Екатеринбургский (Орфеев).
49. Архиепископ Казанский Алексей.
50. Епископ Сергей Яранский.
51. Епископ Прибайкальский Гавриил (Асташевский).
52. Архиепископ Таврический Петр (Рождественский).
53. Архиепископ Олонецкий Александр.
54. Архиепископ (подпись неразборчива).

Секретарь А.И.Новиков».

Таким образом, под этим печальной памяти историческим документом имеется 16 подписей епископов старого поставления (подпись семнадцатого неразборчива). Тщетно было бы искать здесь подписи всех преосвященных, присоединившихся в сентябре 1922 года к расколу: митрополит Владимирский Сергей находился в это время в заключении, Серафим Мещеряков на Собор не явился, а Евдоким в это время «случайно» задержался в командировке в Перми и прибыл на Собор только тогда, когда все решения уже были приняты – за два дня до закрытия.

Резолюция, принятая Собором, лишь повторяет в общих чертах основные положения доклада А.И.Введенского, который, очевидно, и является ее автором.

«Заслушав доклад протоиерея А.И.Введенского, – гласит постановление Собора, – Всероссийский Поместный Собор Православной Церкви свидетельствует перед лицом Церкви и всего человечества, что сейчас весь мир распался на два класса: капиталистов-эксплуататоров и пролетариат, трудом и кровью которого капиталистический мир строит себе благополучие. Во всем мире лишь Советское государство вышло на борьбу с этим социальным злом, христиане не могут быть равнодушными зрителями в этой борьбе. Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним – священной для христианина. В Советской власти Собор видит мирового вождя в борьбе за братство, равенство и мир народов.

Собор клеймит международную и отечественную контрреволюцию, осуждает ее всем своим религиозно-нравственным авторитетом. Собор зовет каждого честного христианина-гражданина России единым фронтом, под предводительством Советского правительства, выйти на борьбу с мировым злом, социальной неправдой. Священный Собор Православной Церкви 1923 года, обсудив положение Церкви за время революции, постановляет:

1. Начиная с лета 1917 года, ответственные церковные вожди встали на определенную контрреволюционную точку зрения. «Церковь должна восстановить единство царской России» – вот лозунг, которым начала жить Церковь, так тесно связанная до революции с царизмом.

Собор 1917 года, состоявший, главным образом, из представителей реакционного духовенства, а также крупного дворянства, собственников и членов реакционных политических партий, с самого начала стал определенным политическим и контрреволюционным сборищем, только прикрывавшим все эти деяния именем Христа Спасителя. Собор борется с революцией. Он не признает даже Временного правительства, а после Октября эта борьба доходит до совершенно невероятных размеров.

После Собора патриарх Тихон продолжает контрреволюционную деятельность. Он делается вождем и знаменем противников Советской власти. Он вводит Церковь в контрреволюционную борьбу. Священный Собор Православной Церкви 1923 года осуждает контрреволюционную борьбу и ее методы – методы человеконенавистничества, в особенности, Собор 1923 года скорбит об анафематствовании Советской власти и всех ее признавших.

Собор 1923 г. объявляет анафематствование не имеющим никакой силы.

2. Собор 1923 года осуждает всех тех, кто шел этим путем и других вел за собой. И прежде всего это касается ответственного руководителя церковной жизни – патриарха Тихона, так как патриарх Тихон, вместо подлинного служения Христу, служил контрреволюции и этим, как лицо,

которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы, за что Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви и, на основании церковных канонов, сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирянское положение.

Отныне патриарх Тихон – мирянин Василий Белавин.

3. Деятели обновленческого церковного движения разорвали с контрреволюцией и за это заслужили неодобрение всех реакционных церковников. Священный Собор 1923 года объявляет все эти меры пресечения не имеющими никакой силы. Наоборот, Собор благословляет мужество этих людей и их преданность Церкви, которую они вырвали из рук контрреволюции и отдают Единому Христу Спасителю.

4. Священный Собор призывает всех церковных людей бросить все попытки использовать Церковь в земных политических расчетах. Церковь принадлежит Богу и Ему, Единому, служить должна. Контрреволюция в Церкви не должна иметь места. Советская власть не должна быть гонительницей Церкви. Согласно Конституции Советского государства, всем гражданам предоставляется подлинная религиозная свобода совести. Декрет об отделении Церкви от государства обеспечивает эту свободу. Свобода религиозной пропаганды, наряду со свободой антирелигиозных идей, дает верующим возможность идейно отстаивать ценность своих чисто религиозных убеждений. Поэтому церковным людям нельзя видеть в Советской власти власть антихристову. Наоборот, Собор обращает внимание на то, что Советская власть одна во всем мире имеет осуществить идеалы Царства Божия.

Поэтому каждый верующий церковник не только должен быть честным гражданином, но и всемерно бороться вместе с Советской властью за осуществление на земле идеалов Царства Божия.

5. Осуждая бывшего патриарха Тихона как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом политическим, контрреволюционным. Древняя Церковь не знала патриаршества, а управлялась соборно, поэтому Священный Собор настоящим отменяет восстановление патриаршества, отныне Церковь должна управляться соборно.

6. Осуждая контрреволюцию в Церкви, карая ее вождей, отменяя самый институт патриаршества, признавая существующую власть, Собор создает нормальные условия для мирного течения церковной жизни. Отныне вся церковная власть должна быть построена на двух началах:

1) в отношении к Богу – на подлинной преданности церковных людей подлинным заветам Христа Спасителя;

2) в отношении к государству – на принципе отделения церкви от государства.

Основываясь на этих условиях, Церковь станет тем, чем должна

быть – любовно трудовым объединением верующих в Бога, Его Христа и Его правду».

*

3 мая в 5 часов вечера окончилось историческое заседание Собора, и уставшие участники этого заседания, громко переговариваясь на ходу, отправились на Троицкое подворье обедать (здесь для них был открыт буфет). Вожди обновленчества не могли не испытывать праздничного настроения.

Все сошло как нельзя лучше – главное осталось позади. Особенно радостно был настроен А.И.Введенский. В этот день он стал центральной фигурой на Соборе, его имя прогремело на весь мир – вечернее заседание, на котором будет утвержден белый епископат, принесет ему – в этом не было сомнения – архиепископскую митру.

И думал ли он и его друзья, что этот день является днем смерти обновленчества?

В чем, однако, идейная порочность постановлений 3 мая, которая предопределила в конечном итоге гибель обновленчества? Перечитывая это постановление сейчас, почти через сорок лет, мы находим в нем прекрасные слова, высокие мысли, отдельные строки, продиктованные благородным сердечным порывом...

Однако главное в этих постановлениях человекоугодничество. Заклеймить неправду капиталистического строя не для того, чтобы развернуть перед миром истинные широкие перспективы обновления мира во Христе, а для того, чтобы забежать вперед («петушком, петушком», как Бобчинский и Добчинский) перед автомобилем победителя, – в этом слабость и гнилость и никчемность соборных решений. Не преемники апостолов, имеющие чудную власть вязать и решить, а жалкие, одетые в золотую мишуру прислужники, со страхом и подбострастием засматривающие в глаза хозяевам. «Ибо ты говоришь: я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Апокалипсис, 3, 17).

Вечернее заседание, которое должно было увенчать золочеными митрами победителей, началось ровно в 7 часов. Председатель объявил порядок дня, который состоял из двух пунктов: 1. Брачный епископат и 2. Второбрачие духовенства.

По первому пункту выступал известный живоцерковник Петр Сергиев.

Петр Петрович Сергиев был во всех отношениях характерной фигурой: человек способный, честолюбивый и бойкий на язык, о. Петр в первые же дни раскола стал лидером «Живой Церкви» в Воронежской епархии и вскоре был назначен уполномоченным ВЦУ в своем родном городе. Он прославился как гонитель «неблагонадежных священнослужителей», приобрел доверие Красницкого и вскоре стал членом ВЦУ. Здесь о. Петр стал такой одиозной фигурой, что Антонин (во время знаменитого сканда-

ла в Страстном монастыре) поставил его наравне с Красницким, отказавшись войти с ним в евхаристическое общение.

Прот. Сергиев был всегда ярким сторонником брачного епископата. После того как архиепископ Воронежский Тихон, примкнувший к расколу, был переведен митрополитом в Симбирск, а впоследствии в Киев, о. Петр Сергиев 25 марта 1923 года был рукоположен во епископа Воронежского (через две недели он был возведен в сан архиепископа). Свою приверженность идее брачного епископата о. Петр доказал в 1929 году — будучи в то время митрополитом Ростовским, он решил сочетаться вторым браком с одной из своих прихожанок, в то время он был вдовцом. Свой брак обновленческий митрополит обставил с необыкновенной пышностью: он венчался в Соборе, в архиерейской мантии, и на него была возложена митра в тот момент, когда на новобрачную был возложен венец¹.

Нет ничего удивительного в том, что на Соборе он с жаром, заслуживающим лучшего применения, защищал идею брачного епископата.

В прениях выступал епископ Лужский Артемий, монашествующий архиерей старого поставления. Усиленно заигрывая с лидерами обновленчества, преосвященный горячо ратовал за белый епископат.

Затем, к некоторому изумлению Собора, выступил епископ Волынский Леонтий (монах) с возражениями против белого епископата. Робя и заикаясь от волнения, епископ все же решительно отверг (ссылаясь на каноны) компетентность Поместного Собора в этом вопросе. Нельзя, конечно, не воздать должное смелости провинциального епископа, решившегося выступить против течения в тот момент, когда даже смелый Антонин сдался перед лицом противника, сильного своей закулисной поддержкой.

После выступления А.И. Боярского, выступившего в защиту женатого епископата, прения были закрыты (вообще, надо сказать, на этом «демократическом» Соборе прения закрывались страшно быстро и внезапно, так что из 20 – 30 записавшихся ораторов успевало выступить обычно не более двух-трех).

Затем было принято следующее постановление:

«Исходя из ясного и непреложного свидетельства Священного Писания (Тим. 9, 2-4, Тит 1, 9), являющегося основным источником веры и благочестия, следуя указаниям древнейших памятников христианской письменности, правилам святых апостолов (Прав. 5, 40, 51) и постановлениям Вселенских Поместных Соборов (I Вселенского Собора, 17; Карфагенского Собора, 3, 25, 71; IV Вселенского Собора, 4), принимая также во внимание и практику Восточных Церквей и церкви Греческой даже до XII века, в которых брачный епископат был обычным явлением, учитывая, наконец, и современное положение Русской Церкви, сознать которое монашествующий епископат, за немногими исключениями, оказался неспособен, — II Всероссийский Поместный Собор признает решительно необходимым ввести в жизнь брачный епископат наравне с лицами безбрачного состояния». (Деяния, с. 5.)

¹ Н.Ф. Платонов, будучи «митрополитом Ленинградским», также венчался в 1936 г., однако в узком кругу и в штатском платье.

На другой день в течение сорока минут Собор обсудил краткий доклад протоиерея Попова «О второбрачном духовенстве» и принял следующее постановление:

«Поместный Собор определяет:

- а) разрешить второбрачие священнослужителям, кроме епископов, с благословения епархиальной власти;
- б) разрешить священнослужение женатых на вдовах или разведенных;
- в) допустить к священнослужению тех, кто оставил его лишь вследствие вступления своего во второй брак». (Деяния, с. 9.)

Итак, самые задушевные мечтания обновленцев осуществляются: женатый епископат и второбрачие духовенства были официально признаны Собором. Ликование обновленцев не имело границ.

Совсем иначе отнесся к этим постановлениям народ: чуждые софизмам и плохо разбираясь в канонических тонкостях, простые люди, однако, интуитивно чувствовали фальшь, лежащую в основе всех аргументов от Священного Писания и канонического права, которые приводились защитниками женатого епископата. Народ видел, что инициаторами постановлений Собора руководит не стремление к правде, а шкурные, карьеристские, узкопрофессиональные интересы – и народ отвернулся от женатых епископов.

И действительно, в своем подавляющем большинстве эти епископы не оправдали своего призвания. Более того, люди алчные, безнравственные и беспринципные увидели в постановлениях Собора полную индульгенцию заранее на все грехи против нравственности. С необыкновенной быстротой второбрачие превратилось в многобрачие, разрешение жениться на вдовах – в распутство, брачный епископат – в епископат второбрачный, трехбрачный, цинизм стал стилем обновленческого духовенства.

«Всему обновленческому духовенству свойственно бравирование человеческими слабостями», – признал в 1935 году в беседе с одним из авторов этой работы Н.Ф.Платонов. «Не кажется ли вам, владыко, – спросил его собеседник, – что для этого бравирования человеческими слабостями есть другое, менее красивое название – пошлость и бесстыдство?» – «Быть может», – ответил знаменитый обновленческий иерарх.

4 мая 1923 года Собор перешел к 4-му пункту порядка дня, который был означен как «Вопрос о мощах».

Вопрос о мощах в это время приобрел особое значение в связи с тем шумом, который был поднят в прессе по поводу обследования мощей. Ловко спекулируя на народном невежестве, антирелигиозная пропаганда выдавала народное мнение о нетленности останков святых за учение Церкви и обвиняло духовенство в «вековом обмане и шарлатанстве», тогда как оно было виновно лишь в том, что мало заботилось о религиозном воспитании масс. О том, как трудно бывает идти против течения в общественной жизни, когда оно поддерживается и направляется государственной властью, свидетельствует печальный пример А.И.Боярского.

Его доклад по вопросу о мощах от 4 мая 1923 г. очень мало отличался от антирелигиозных статей, в которых на все лады передавались анекдоты о злоупотреблениях и обманах духовенства. К чести Собора, следует отметить, что доклад вызвал единодушное возмущение. Все выступавшие ораторы резко возражали Боярскому. Тут неожиданно послышались крики: «Антонина, просить владыку Антонина, пусть он сделает доклад по этому вопросу».

Петр Блинов, поднявшись со своего места, почтительно обратился к митрополиту Антонину с просьбой высказать свое мнение. Митрополит дал согласие, и его доклад был назначен на вечернее заседание.

После этого Петр Блинов надел белый клобук и вступил на трибуну: «От имени президиума Священного Собора предлагаю: заместителя Высшего Церковного Управления протоиерея Александра Введенского избрать архиепископом Крутицким, первым викарием Московской епархии».

«Многая лета, многая лета!» – подхватили отцы Собора, и все взоры обратились к Введенскому. Нервы триумфатора не выдержали, и он неожиданно заплакал навзрыд, как ребенок...

А после закрытия заседания к подъезду 3-го Дома Советов был неожиданно подан автомобиль «фордик» – редчайшее явление в те годы, когда в Москве ездили на извозчиках. В автомобиль сел взволнованный Петр Блинов в белом клобуке, рядом с ним уселся невозмутимый епископ Тульский Виталий и столь же невозмутимый Красницкий. С трудом уместился тут же прот. Дикарев. Рядом с шофером уселся протодиакон Добров. «К Калужской заставе, в Донской монастырь», – скомандовал он протодиаконской октавой шоферу, и автомобиль, сделав разворот у подъезда, помчался через всю Москву к Донскому монастырю.

В автомобиле шел тихий, спокойный разговор: Петр Блинов признался, что впервые едет на автомобиле, епископ Виталий признался в том же самом. Слегка посмеиваясь над провинциалами, Красницкий сказал, что с автомобилем часто случаются катастрофы и что он сам в прошлом году в Питере чуть не погиб.

«Нас, сибиряков, не испугаете, – смеясь, заметил Блинов, – и не в таких переделках бывали». И он начал рассказывать о сибирских лихачах, потом вообще о Сибири. Говорил ярко, увлекательно, интересно. В разговор вступил и шофер, который также оказался сибиряком. И только когда автомобиль покотил мимо деревенских домишек, по монастырской слободке, к главным воротам монастыря, все примолкли, вспомнив о цели поездки. Ехали же они вручать заключенному патриарху постановление Собора об извержении его из сана.

Когда приехали, у ворот стоял другой автомобиль, в котором еще раньше приехал Е. А. Тучков. Обменялись рукопожатиями с членами делегации. Тучков ввел их в покои, где находился в заключении патриарх Тихон. Он жил в двух довольно просторных комнатах и сейчас находился в первой из них.

Здесь мы передаем слово епископу Виталию, со слов которого мы до сих пор вели рассказ. Предварительно же скажем, когда и каким образом нам пришлось беседовать об этом с почившим иерархом. Это было ровно через 20 лет после описываемых событий, когда находившийся в Ульяновске в эвакуации Александр Иванович Введенский праздновал юбилей своего рукоположения во епископа. После литургии, которую обновленческий первоиерарх совершал в сослужении с митрополитом Виталием (бывшим первоиерархом), а один из авторов этой работы служил в качестве диакона, – все трое находились вместе. Митрополит Виталий, разговорившись о старине, начал вспоминать о своей поездке к патриарху.

– Приехали мы в Донской, – я один был среди делегатов монахов, потому меня и взяли. Народу собралось с передачами для патриарха – видимо-невидимо. Входим. Впереди Блинов. Тот сейчас: «Василий Иванович, мы вам принесли определение Собора по вашему делу. Не угодно ли вам будет прочесть его?» И подает Тихону определение.

– А что, переменялся ли при этом Тихон в лице? – спросил А.И.Введенский.

– Да нет. Да он, я думаю, и не способен был меняться в лице – всегда был одинаков... Сел к столу, надел очки, прочел и написал свой ответ.

Надпись патриарха на определении Собора была следующая:

«Прочел. Собор меня не вызывал, его компетенции не знаю и потому законным его решение признать не могу.

Патриарх Тихон (Василий Белавин).

22 апреля/4 мая 1923 года».

*

На вечернем заседании 4 мая с докладом по вопросу о мощах выступил Антонин. Это был единственный доклад на Соборе, который шел вразрез с официальным курсом. В эти дни, когда о мощах говорили не иначе как с наглым глумлением, он нашел в себе мужество выступить на защиту вековых святынь православной церкви.

«Мы своих святых любим и чтим, – громко настаивал он в притихшем зале, – это наши герои, наши светочи, нам дорог их прах, их останки для нас хранители и действительные возбудители нравственной энергии в нас, и мы должны хранить их так, чтобы на нас не падало подозрение и укор в подделке святого материала... Мы пережили чувство горечи за неосторожное касание к нашей святыне. Но святыня для нашего сердца осталась. Кутанья эти происходили не из злостных побуждений обмана, а из чувства деликатности и бережного отношения к останкам. Мы должны сказать: останки святых дороги нам, это доказательство наших моральных ценностей. Их выставлять в музеи не следует: это не мумии, а мощи, дорогие нашим сердцам останки, которые доселе возбуждают в нас дорогие чувства любви, которые питают нас».

По поводу нетленности мощей знаменитый реформатор неожиданно высказал строго православный взгляд. «Сохранность мощей, – говорил он, – происходит не от физической причины, а внутренне-нравственной. Нетленность мощей нужна до тех пор, пока люди не уверуют, что умершие подвижники были святы...»

Далее митрополит, говорит протокол, углубляется в решение вопросов, какова сила мощей и действуют ли они на расстоянии. Митрополит решает эти вопросы утвердительно. «По вопросу о мощах, – говорил он, – Собор должен решить, что мощи – останки угодников, которые святостью своей жизни, своим подвигом создали себе большую против обыкновенных людей телонеразложимость, освятили свои тела».

В конце концов была принята следующая компромиссная резолюция: «Собор постановляет:

1. Мощами, по учению Святой Церкви, являются останки святых угодников Божиих, которые почитаются нами за их праведную жизнь.

2. Собор осуждает всякую фальсификацию нетленности, каковые факты ясно установлены в революционное время.

3. Во избежание могущей быть впредь фальсификации мощей – предавать их (в будущем) земле.

4. Сущие останки мощей, по вскрытии, держать в простоте, на вскрытии.

5. Кости и другие реликвии недоуменного происхождения на поклонение не выставлять, а предать земле». (Деяния, с. 10-11.)

В субботу 5 мая Собор рассмотрел вопрос о монастырях и монашестве. Этот вековой вопрос был решен Собором в течение часа.

Выступавший в качестве докладчика ныне здравствующий протоиерей и профессор о. Тихон Дмитриевич Попов¹ – решил этот вопрос в компромиссном духе: монастыри закрыть, но разрешить их существование в виде религиозно-трудящихся коммун. В просторечии это означало: тех же щей, да пожиже влей. То была явная уступка Антонину в обмен на признание белого епископата.

Вслед за о. Поповым выступил В. Белоликов. Этот талантливый и ученый человек отличался, однако, некоторой неуравновешенностью и страдал к тому же пристрастием к Бахусу. Под влиянием винных паров он порой совершал невероятные по своей эксцентричности поступки. Его выступление по вопросу о монашестве отличалось скорее экстравагантностью, чем убедительностью. На протяжении получаса он осыпал монахов грубой бранью, рассказывал самые ужасные вещи про киевских иноков, сам он был родом из Киева.

После него неожиданно выступил мирянин Смагин (представитель Черниговской епархии) в защиту монастырей.

В конце заседания была принята следующая резолюция, внесенная Петром Блиновым:

1. Закрыть монастыри, как уклонившиеся от чистой монашеской идеи.

¹ Умер в 1962 году.

2. Благословить Союз и Братство христианско-трудовых общин в сохранившихся монастырских стенах, вдали от шумных и многошумных городов, как подвиг личного спасения и училище благочестия в единении людей на евангельских началах свободы, любви, равенства, труда и братства. (Деяния, с. 117.)

Заслушав доклад Антонина о переходе на новый стиль, Собор постановил:

«Перейти на григорианский стиль 12 июля 1923 г., причем для этого в воскресенье 21 мая соединить два последующих воскресенья и, кроме того, 10 июня уплотнить два воскресенья в одно».

*

6 мая 1923 года в храме Христа Спасителя во время литургии была торжественно совершена хиротония прот. А.И.Введенского в архиепископа Крутицкого.

В рукоположении участвовало 11 епископов, в том числе:

митрополит Антонин,

митрополит Петр (Блинов),

митрополит Тихон Киевский,

архиепископ Пимен Каменец-Подольский,

архиепископ Леонид (Скобеев),

архиепископ Иоанн (Альбинский),

архиепископ Иоанникий (Ченцов) и другие.

После литургии, вручая новопоставленному жезл, Антонин снисходительно сравнил его с Синезием (епископом философом конца IV века, пытавшимся согласовать христианство с учением неоплатоников; кроме того, епископ Синезий был женатым человеком и имел много детей).

После торжественного благословения растроганный А. И. Введенский стремительно вбежал в алтарь и обратился к Антонину: «Владыко, я люблю вас как отца, вы самый мудрый, самый лучший из нас».

Антонин, не обратив никакого внимания на это заявление, спокойно расчесывал свою бороду и косматую шевелюру.

«Всегда, всегда я буду молиться за вас и буду вашим любящим сыном».

Антонин надел клобук и только тут обратился к Введенскому.

«До рюмки!» – загадочно бросил он и вышел из алтаря.

«Никто почти не подошел ко мне под благословение, – вспоминал через 20 лет А.И.Введенский. – Из собора поехал я на Троицкое подворье. Здесь в мою честь соорудили обед, и о. Николай Розов пел мне панегирики: солнышко ты наше красное...»

7 мая, к шапчному разбору, из Вятки прибыл митрополит Одесский Евдоким. В Вятке он был в течение месяца и послан был туда ввиду того, что захоластная Вятская епархия взбунтовалась: во главе с епископами Виктором и Павлом отложилась от ВЦУ и стала поминать тихоновцев.

Евдокима, приехавшего «усмирять бунт», встретили криками: «Долой еретиков и кровопийц!» Однажды, когда он после литургии благословлял в соборе, одна женщина бросила ему в лицо золу, и он едва не ослеп. (Известия, 1923, 9 мая, № 101, с. 4).

Выслушав эти малорадостные известия, Собор перешел к очередным делам.

Выслушав доклад А. И. Введенского, архиепископа Крутицкого, и содоклад В. Д. Красницкого о духовной эмиграции, Собор принял следующую резолюцию:

«Исполняя долг пастырского служения своей Православной Российской Церкви, мы, Высшее Управление Православной Российской Церкви, всех членов заграничного Карловацкого Собора, бывшего в 1921 г. в ноябре месяце, митрополитов Антония, Платона, Дионисия, архиепископов Евлогия, Анастасия и других, мирян Владимира Маркова, Александра Крупенского, Владимира Бобринского, Василия Скворцова и других всех бывших с ними виновных архиепископов, протоиереев, явивших себя наемниками, а не пастырями, бежавших от своей паствы во время опасности, а всех вместе членов означенного Собора, составивших заговор с целью возбуждения русских людей к новому кровопролитию, гражданской бойне и противодействовавших государственной российской власти в деле спасения умирающих от голода, а потому и виновных в голодной смерти многих миллионов людей, — отлучаем от Православной Российской Церкви, доколе не покаются в грехах своих перед Православным русским народом, не смирятся перед постигшим их гневом Божиим и не придут на честную службу к меньшим братьям своим». (Деяния, с. 1 — 13.)

После этого наступил последний момент в работе Собора — доклад о будущих реформах.

Снова триумф знаменитого оратора.

«В докладе архиепископ Александр излагает свои взгляды на свободу христианства, на необходимость выйти из косных и малосамостоятельных рамок школьной церковной мудрости, на необходимость свободного взгляда на догматы, составленные также людьми, оставляя неизблемым одно Евангелие и святоотеческую традицию. Проекты христианизации мира через приближение священства к народу, необходимость пополнять ряды священства образованными и широко мыслящими людьми, не отстающими от культуры современности. Необходимость богослужебного творчества, приближение к жизни литургийного языка, раскрепощение человеческого в общении с Божеством. Пересмотр ценностей, отменение наносного и формального, углубление внутреннего понимания религии. Необходимость священству выйти из археологического музея на путь свободной религиозной жизни и понять истинное существо религии. Христианство — движение, но оно сковано церковными цепями. Оно должно идти и развиваться наряду с жизнью. Очищение христианства будет в этой свободе. Спасение Церкви в ее входе

в мир, а не стояние на месте в религиозном сне. Жизнь заставит в это поверить!»

Словом, все было очень красиво, очень расплывчато. На Собор так и пахло декадентством, и казалось странным, что этот утонченный эстет и мистический философ два дня назад с этой же кафедры говорил о лишении сана патриарха Тихона, о Советской власти и прочей грубой прозе.

Затем на трибуну взошел Красницкий, и сразу запахло порохом. Он заявил, что будет излагать революционные идеи «Живой Церкви» в противоположность реформационным положениям архиепископа Крутицкого. Его лозунги: сельское священство, близкое к массам, улучшение условий их быта и материалистическое (?) христианство. Необходимо сократить деспотию епископа. Задача демократизации Церкви и обеспечение духовенства. Стремление церкви создать внеклассовое общество и пробудить влечение к Евхаристии. Краткое изложение программы «Живой Церкви». Отношение к Великой Мировой Октябрьской революции. Народ – живые камни, согретые пламенем веры и любви.

После короткой перепалки между живоцерковниками и содацевцами Собор принял резолюцию, которая сводилась к тому, что реформы хороши, но лучше их поменьше.

«Священный Собор Православной Русской Церкви, заслушав доклады о намеченных церковных преобразованиях обновленческими группами, считает необходимым, не вводя никаких догматических и богослужбных реформ, пригласить всех работников церковного обновления всемерно скреплять единство церкви, благословляет творческую инициативу и сделанный почин, направленный на пробуждение религиозного чувства, церковного сознания и общественной нравственности».

На последнем заседании было утверждено по докладу Дьяконова «Положение о ВЦС – Высшем Церковном Совете – ВЦУ с измененным названием».

Затем было предложено возвести В.Д.Красницкого в сан архиепископа Петроградского, от чего о. Владимир категорически отказался. После этого А.И.Новиков (от имени СОДАЦа) по-джентльменски предложил возвести о. Владимира в сан протопресвитера Православной Русской Церкви.

После выборов ВЦС в составе 18 человек (его состав см. в приложении) заседание было закрыто.

В среду 9 мая Собор закончил свою работу молебном в храме Христа Спасителя.

Заключительным аккордом прозвучало после молебна многолетие «Стране Российской и Правительству ее, устрояющему судьбу народа по правилам труда и общего благополучия».

*

«Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его», – так говорил Господь.

Понятие Царствия Божия неразрывно связано с понятием правды,

ибо «Бог любит правду и ненавидит всякое беззаконие». На Соборе 1923 года много говорили о Царствии Божием, о его строительстве на земле.

Но не было правды в делах говоривших – и Господь отвернулся от них.

Так погибнет всякий, кто говорит о справедливости и творит дела беззакония и лжи.

Приложение к главе «Собор»

Список епископов, прибывших на Собор¹.

1. Архиепископ Гавриил Алтайский.
2. Епископ Алексей Брянский.
3. Архиепископ Василий Владивостокский.
4. Епископ Леонтий Вольнский.
5. Епископ Афанасий Вятский.
6. Архиепископ Корнилий Воронежский.
7. Епископ Гавриил Витебский.
8. Архиепископ Петр Воронежский.
9. Епископ Сергей Гомельский.
10. Архиепископ Мельхиседек Донецкий.
11. Архиепископ Иннокентий Екатеринославский.
12. Епископ Никанор Екатеринбургский.
13. Архиепископ Иерофей Иваново-Вознесенский.
14. Епископ Владимир Калужский.
15. Епископ Севастьян Костромской.
16. Епископ Никон Курский.
17. Архиепископ Александр Красноярский.
18. Епископ Константин Курганский.
19. Архиепископ Алексей Казанский.
20. Епископ Михаил Кубано-Черноморский.
21. Митрополит Тихон Киевский.
22. Архиепископ Пимен Каменец-Подольский.
23. Митрополит Антонин Московский.
24. Архиепископ Леонид (Москва).
25. Архиепископ Иоанн Нижегородский.
26. Архиепископ Александр Ново-Николаевский, он же епископ Зосима.
27. Архиепископ Иоанникий (Москва).
28. Епископ Виктор (Ново-Николаевский).
29. Архиепископ Александр Новгородский.
30. Епископ Александр Ново-Николаевский.
31. Архиепископ Петр Омский.
32. Архиепископ Андрей (Омск).

¹ Имена епископов старого поставления подчеркнуты.

33. Епископ Николай (Омск).
34. Епископ Василий (Омск).
35. Архиепископ Александр Олонецкий.
36. Епископ Александр Орловский.
37. Епископ Николай Пермский.
38. Епископ Артемий Петроградский.
39. Архиепископ Алексей Петропавловский.
40. Епископ Николай Павлоградский.
41. Епископ Борис Пензенский.
42. Епископ Гавриил Прибайкальский.
43. Епископ Константин Рыльский.
44. Епископ Феофилакт (Ростов-на-Дону).
45. Епископ Филипп Рыбинский.
46. Архиепископ Вениамин Рязанский.
47. Архиепископ Николай Саратовский.
48. Митрополит Петр Сибирский.
49. Архиепископ Николай Семипалатинский.
50. Архиепископ Михаил Тобольский.
51. Архиепископ Виталий Тульский.
52. Архиепископ Таврический Петр.
53. Епископ Александр Таврический.
54. Архиепископ Сергей Томский.
55. Епископ Василий (Томск).
56. Епископ Иосаф (Тверь).
57. Епископ Димитрий (Тамбов).
58. Епископ Иоанн (Тамбов).
59. Архиепископ Алексей (Тюмень).
60. Епископ Николай Уральский.
61. Митрополит Николай Харьковский.
62. Епископ Георгий Челябинский.
63. Епископ Иоанн Череповецкий.
64. Митрополит Евдоким Одесский.
65. Архиепископ Михаил Смоленский.
66. Архиепископ Александр Крутицкий.

Состав руководящих органов Собора.

Почетный председатель – митрополит Антонин.

Деловой председатель – митрополит Петр Блинов.

Почетные члены президиума: Тихон митрополит Киевский, Николай (Федотов) митрополит Харьковский, архиепископ Вениамин Рязанский, профессор Боголюбский, профессор протоиерей Филевский (Украина), профессор протоиерей Т. Попов, протоиерей Павел Раевский, миряне Захаржевский и Трусович, митрополит Одесский Евдоким (избран в последний день работы Собора).

Деловой президиум Собора: протоиерей В.Д.Красницкий, протоиерей А.И.Введенский, архиепископ Воронежский Петр Сергиев, епископ Сибирской церкви Александр (Введенский), протоиерей А.И.Боярский, протоиерей Д.М.Соловьев, протоиерей А. Дьяконов, протоиерей магистр богословия Г.Добронравов, профессор Киевской духовной академии В.З.Белликов, мирянин Павлов, протодиакон С.Добров, протоиерей П.Красотин, священник Троицкий (из Челябинска), протоиерей Борис Дикарев.

Состав Высшего Церковного Совета, избранный 8 мая 1923 года на Соборе.

1. Митрополит Антонин.
 2. Митрополит Петр Блинов.
 3. Протопресвитер Красницкий.
 4. Архиепископ Александр Введенский.
 5. Протоиерей Г.Добронравов, вскоре епископ Дмитровский.
 6. Протоиерей П.Красотин.
 7. Протоиерей Б.Дикарев.
 8. Протоиерей А.Боярский.
 9. Протоиерей Н.Боголюбский.
 10. Архиепископ Петр Воронежский.
 11. Протоиерей Д.Адамов.
 12. Протодиакон С.Добров.
 13. Протоиерей А.Дьяконов.
 14. Протоиерей Шаповалов.
 15. Протоиерей Д.Соловьев.
 16. Протоиерей С.Коварский.
 17. Мирянин А.И.Новиков.
 18. Епископ Александр (Сибирь).
- (В «Деяниях» – опечатка: архиепископ Димитрий).

В партийном отношении голоса в Высшем Церковном Совете распределяются следующим образом: от группы «Живая Церковь» – 10 человек, от СОДАЦа – 6 человек, от СЦВ – 2 человека.

Кандидаты в члены ВЦС.

1. Протоиерей К.Мещерский.
2. Протоиерей П.Раевский.
3. Протоиерей Рачков.
4. Протоиерей Турбин.
5. Протоиерей Туровский.
6. Митрополит Николай Федотов.
7. Священник Суворов.
8. Проф. Покровский.
9. Псаломщик Радонежский.

Меморандум

Великобританского правительства,
врученный британским агентом г.Ходжсоном 8 мая 1923 г.

... Пункт 21. В течение прошлого года имел место в России ряд событий, приведших к процессу, осуждению и неоднократной казни русских священнослужителей, занимавших высокие посты в иерархии Православной и Католической Церквей в России. В июле 1922 года петроградский митрополит Вениамин с десятью другими священниками судились, были приговорены к смертной казни и, как полагают, были казнены за то, что они воспротивились конфискации церковного имущества.

В конце марта 1923 года архиепископ Цепляк и монсиньор Буткевич, руководящие римско-католические прелаты России, были привлечены к суду за мнимые враждебные действия по отношению к Советскому правительству и были приговорены: первый к 10-летнему заключению, а второй – к смертной казни, каковые приговоры были приведены в исполнение.

Католикос Грузии и Кутаисский епископ арестованы и содержатся в Тифлисе в ожидании суда.

Патриарх Русской Православной Церкви Тихон был в мае 1922 года взят под строгий арест и в скором времени будет судим (процесс, очевидно, временно был отложен) по обвинению в контрреволюционной деятельности.

Правительство Его Величества воздерживалось от высказывания своего мнения по поводу характера и основательности обвинений, выдвинутых против священнослужителей, понимая, что высказываться по этому вопросу – не его дело. В самой России, однако, не делается никакой попытки отрицать, что эти преследования и казни являются частью сознательной кампании, предпринятой Советским правительством с определенной целью уничтожения всякой религии в России и замены ее безбожием. Как таковые, эти деяния вызвали глубокий ужас и негодующие протесты во всем цивилизованном мире. Когда монсиньор Буткевич был приговорен к смерти, правительства и религиозные организации многих стран обратились к Советскому правительству с просьбой о помиловании. В согласии с этим взрывом оскорбленного морального чувства человечества, действуя согласно полученным от правительства Его Величества инструкциям, я обратился к господину Чичерину с соответствующим указанием...

8 мая 1923 г.

Ответ на английский ультиматум.

... Пункт 43. Хотя вопрос о положении церквей в Советских республиках и не входит ни в малейшей степени в область взаимоотношений этих республик с Великобританией, тем не менее, в интересах правильной информации общественного мнения Российское правительство считает необходимым самым категорическим образом опровергнуть неосновательные

утверждения о преследовании им каких бы то ни было религий. Советское правосудие обрушивается только на тех духовных лиц, которые используют свое положение служителей одной из церквей для политической деятельности, направленной против внутренней или внешней безопасности Советских республик...

Заместитель Народного комиссара Иностранных дел

М. Литвинов.

(Известия ВЦИК, 1923, 16 мая.)

Обращение русского духовенства
к Архиепископу Кентерберийскому Примуasu Англии.

Ваше Высокопреосвященство!

Высший Церковный Совет Православной Церкви, ознакомившись с меморандумом Великобританского правительства, врученным 8 мая с.г. Советскому правительству, в той части его, которая касается положения религии в России, и усматривая в нем угрозу, направленную против чад нашей Родины, считает своим христианским долгом, во имя любви и заветов Господа нашего Иисуса Христа, дать соответствующее действительному положению вопросу освещение.

Меморандум правительства Вашего, по существу, является скрытым покровительством обреченным врагам нашей Родины, посягательством на мирную жизнь народа нашего.

Окончивший свои работы Священный Собор Российской Православной Церкви 1923 года признал современное положение Церкви в Советской России вполне благоприятным, выгодно отличающимся от порабощенного положения ее в период царского самодержавия, а посему ссылки правительства Вашего совершенно неосновательны.

Высший Церковный Совет с чувством глубокого душевного удовлетворения считает нужным поставить Ваше Высокопреосвященство в известность, что религиозная жизнь в настоящее время пользуется такой свободой, какой она никогда не пользовалась ни при одном из прежних правительств Отечества нашего.

Вашему Высокопреосвященству уже должно быть известно, что Священный Собор осудил решительно бывшего патриарха Тихона и вместе с ним зарубежную контрреволюцию. Что касается осуждения гражданской властью священнослужителей за нарушение существующих законов Советской республики, то нравственная ответственность за их участь и тяжелое положение падает на них и на тайных вдохновителей их преступных деяний.

Мы уверены, что если бы означенные лица совершили свои преступные деяния на английской территории, то они были бы и в Англии подвергнуты тяжелым наказаниям.

Российская Православная Церковь, верная вечным заветам Евангелия, неизменно молится и учит своих чад братскому единению со всеми

народами. Но в случае посягательства на честь и достоинство их Отечества она благословляла и благословит встать на защиту его и пожертвовать собой для спасения свободы своего государства.

В чувстве братского единения и мира во Христе пребываем к Вашему Высокопреосвященству

Высшего Церковного Совета Российской Православной Церкви председатель митрополит Московский Антонин.

Заместитель председателя протопресвитер Красницкий.

Митрополит всея Сибири Петр.

Архиепископ Крутицкий Александр Введенский.

Архиепископ Леонид.

Митрополит Одесский Евдоким.

Протоиереи: П. Красотин, Г. Добронравов, Дикарев, Дьяконов.

Протодиакон С. Добров.

Управделами ВЦС мирянин А.И.Новиков.

Москва, Троицкое подворье, 12 мая 1923 года.

(Известия ВЦИК, 1923, 15 мая, с.2.)

Контрапункт

Год 1922-й и весна 1923-го – захватывающая трагическая симфония русской церкви. Лето 1923 года и последующие полтора года – контрапункт.

И так же, как контрапункт музыкального произведения есть переплетение различных мелодий и музыкальных тем, так лето 1923 года – это причудливое переплетение самых разнородных тенденций, веяний и религиозных исканий эпохи. И все это группируется вокруг одного события – неожиданного, внезапного освобождения патриарха Тихона и возвращения его к кормилу церковной власти...

В мае, после закрытия Собора 1923 года, положение, казалось, стабилизировалось. Высший Церковный Совет отныне был единственным органом церковной власти, обновленческие епископы служили в полупустых кафедральных соборах, А.И.Введенский совершал пропагандистские туры по стране. Е.А.Тучков принимал у себя в кабинете деятелей ВЦС.

Что думали о религии, какими установками руководствовались по отношению к ней люди, игравшие главную роль в политической жизни страны? Ответом могут быть высказывания двух известных государственных деятелей той эпохи.

«Религия должна являться частным делом для коммунистической партии? – иронически вопрошал на заседании Исполкома Коминтерна 12 июня 1923 года Г.Е.Зиновьев. – Ведь это же вопиющее противоречие с марксистской точки зрения. Из нашей Российской коммунистической партии мы часто исключаем отдельных людей, даже таких, которые пять лет боролись против белых, только за то, что они венчались в церкви. А образованный марксист т. Хеглунд пишет такие странные статьи... Мы не допустим какого-либо необузданного похода против религии, но систематическую марксистскую антирелигиозную пропаганду мы, разумеется, должны вести. Нет никакого сомнения, что делать это надо крайне осторожно и умело. Не далее как сегодня мне в другом собрании пришлось сказать нашим грузинским товарищам: не торопитесь слишком с закрытием церквей в Грузии, ведите антирелигиозную пропаганду гораздо более осторожно и умело и т.д. Само собой понятно, что в городе мы ведем свою пропаганду иначе, чем в деревне.

Но чтобы мы провозгласили религию частным делом по отношению к партии, это просто неслыханно».

(Правда, 1923, 15 мая, № 131, с. 4).

«Тов. Зиновьев задал вчера вопрос: почему теперь вдруг всплыл религиозный вопрос? – вторил своему коллеге Н.И. Бухарин. – Объективно возникновение вопроса в данный момент имеет и может иметь только один смысл: во всей Европе травят Советскую Россию вследствие якобы религиозных преследований, которые будто имеют место в России. Именно в этот момент некоторые европейские коммунисты хотят доказать, что русские коммунисты – варвары, но что они-де не такие, они-де «гуманные» и никогда не будут преследовать попов, не говоря уже о казнях...»

Религия – это проклятая идеология, которая имеет глубокие корни в душе современного человека. Поэтому мы должны и можем терпеть людей, которые еще религиозны, которые еще находятся на полпути к революционному пониманию. Мы можем иметь терпение, пока мы этих людей не сделаем сознательными. Но отсюда нельзя делать вывода, что партия не должна заниматься антирелигиозной пропагандой. Тов. Хеглунд разъяснил мне, что даже в «Азбуке коммунизма» сказано, что мы должны с осторожностью вести борьбу против религии. Это совершенно естественно. Среди рабочих мы должны применять другие методы борьбы против религии, чем среди крестьян, среди которых мы должны быть более терпеливы».

(Правда, 1923, 18 июля, № 132.).

«Спасайте Тихона! – сделалось лозунгом международной контрреволюции, – писал он же в «Правде» 27 июня 1923 года, – той, которая должна была поднять самые темные массы и придать видимость крестового похода против Советской России. Резюме этой кампании мы имеем в знаменитой ноте Керзона, который всей мощью Британской империи вступился за «Божье дело, за мученика-патриарха», стараясь извлечь его из пасти большевиков».

(Передовая статья «Конец гнусной комедии». Правда, 1923, 27 июня, № 141.).

В эти дни антирелигиозная пропаганда как будто затихает. Однако во всем чувствуется, что это лишь затишье перед бурей. Московские храмы открыты. Однако храмы Троице-Сергиевой Лавры, в которых уже два года назад прекращено богослужение, превращены в музей. Монахи, оставленные временно при Лавре, служат в качестве гидов. В Свято-Троицком соборе открыто лежат мощи величайшего русского святого. Комсомольцы и комсомолки издевательски хихикают и отпускают иронические замечания. Парни демонстративно стоят в шапках, и тут же сотни людей, преклоняя колени, молятся у поруганных мощей и благоговейно лобызуют череп преподобного. Среди прикладывающихся не только русские. «Католическая церковь чтит преподобного Сергия!» – воскликнул однажды здесь молодой экзальтированный поляк и тут же благоговейно приложился к мощам, не обращая внимания на улюлюканье комсомольцев. Тут же, у мощей и у порогов храмов, во дворе Лавры, происходят импровизированные, горячие диспуты между верующими и молодыми антирелигиозниками. Стаи голубей мирно реют около утихших колоколен...

Антирелигиозные диспуты, шумные и страстные, не утихают во всех городах и селах России. Имя Введенского приобретает все более широкую популярность. Весной 1923 года в Политехническом музее впервые он скрещивает оружие с А.В.Луначарским. Это был конец мая, и темой диспута была только что вышедшая во Франции книга Анри Барбюса «Иисус против Христа». Диспут был назначен по инициативе ОКС (Общество культурной связи с границей), и председательствовала на этом диспуте руководитель ОКС О.Д.Каменева.

Луначарский приехал за пять минут до начала. У входа он столкнулся со своим оппонентом. Подойдя к нему первым, нарком обменялся с Введенским крепким рукопожатием. Обдав обновленческого Златоуста запахом тонких заграничных духов, он галантно уступил ему дорогу при выходе на эстраду.

Оба оратора импровизировали свои речи. Луначарский говорил легко и свободно, в тоне светской беседы, пересыпая свою речь анекдотами, остротами, не повышая голоса, без жестикюляции и пафоса. Произношение слов на иностранный манер («режиссер», «мебель») завершало впечатление высококультурного человека – европейца.

Введенский начал в том же тоне. Однако в середине речи произошел перелом. Введенский заговорил о главе в книге Барбюса под названием «Кто-то прошел!». И речь Введенского стала порывистой, трепетной, нервной. Взволнованно говорил он о шагах, которые слышатся в истории, о шагах, которые отдаются в каждом сердце... «Кто-то прошел, кто-то прошел! Разве не слышите вы, что кто-то прошел», – восклицал он, как бы пораженный каким-то внезапным видением и как бы прислушиваясь к чему-то. И публика, собравшаяся в обширном зале, ерзала на стульях и беспокойно переглядывалась, где-то уже слышались приглушенные рыдания. О.Каменева пожимала плечами.

«Высококвалифицированный религиозный гипнотизер», – бросил Луначарский реплику, после диспута переданную Введенскому. А оратор уже ничего не слышал и не видел – на него, как он сам любил говорить, – «нашло». От развязной светской манеры не осталось и следа, на трибуне стоял оратор, который говорил большие слова о Христе, единственной светящейся точке в истории. Без него все в мире бессмысленно, хаотично, ненужно. Мир без Христа – это уродливая карусель отвратительных масок, лишь один клубок свивающихся в конвульсиях тел... Размахивая руками и позабыв о прыгавшей и перевертывавшейся у него на груди панагии, Введенский броско и смело рисовал картину человеческих необузданных страстей, от которых содрогаются небо и земля. Он рисовал эту картину и сам как бы пугался ее, восклицая в лихорадочном забытьи: «Но все же кто-то прошел! Кто-то прошел! Разве вы не слышите, что кто-то прошел? Ведь нельзя же жить, если никто не прошел!»

И в конце речи он потряс весь зал, говоря об этом «кто-то». Кто-то – это Христос, Вечный, Живой, Сияющий в нетленной красоте – Единый, Кто указывает человеку истинный путь...

Восторг был всеобщим. Аплодировали все: тихоновцы и обновленцы, сектанты и старообрядцы, свободомыслящие интеллигенты и даже многие атеисты*...

И после диспута, когда Введенский, весь под впечатлением своего выступления и еще ничего не видя и не слыша, столкнулся с кем-то в дверях, его остановили со словами: «Кажется, кто-то прошел!» Это был Луначарский. «Моя жена хочет познакомиться с вами», – любезно заметил он и подвел Введенского к своей молодой жене Н.А.Розенель.

И как раз в эти дни, 23 мая 1923 года, в 11 часов вечера в келью патриарха Тихона вошел коренастый человек с бритой головой: «Я – Крыленко. В интересах следствия я считаю необходимым перевести вас в другое место. Прошу вас подготовиться к переезду».

– Но куда же я еду? – спросил патриарх.

– Вы это увидите. Во всяком случае, ничего плохого с вами не сделается, и вы будете все время находиться под защитой закона.

На другой день народ, собравшийся к воротам Донского монастыря, обнаружил, что покои, в которых жил заключенный патриарх, пусты – исчезли и охрана, и он сам. А через некоторое время донские монахи шепотком сообщили, что вчера вечером патриарха увезли на Лубянку.

23 мая 1923 года начался загадочный тридцативосьмидневный период пребывания патриарха Тихона в тюрьме...

Весть о переводе патриарха («бывшего патриарха», как называли его в это время в официальных документах и в газетах) быстро пронеслась по Москве, всколыхнула церковные круги, достигла ушей иностранных корреспондентов, проникла за кордон. Тучков информировал деятелей ВЦС о том, что в ближайшее время состоится процесс патриарха. Перевод патриарха в тюрьму, считали в Троицком подворье, это непосредственная прелюдия к процессу. Правда, несколько озадачивало странное молчание прессы, которая вдруг как в рот воды набрала и как бы совершенно забыла о существовании патриарха. Зато иностранная пресса была переполнена сообщениями из Москвы. Говорили о том, что Антонин подал докладную записку во ВЦИК с просьбой смягчить участь патриарха. Митрополит опроверг в газетах это сообщение, однако в своем письме в «Правду» сделал несколько замаскированных выпадов против Е.А.Тучкова.

«По поводу заметки в заграничной газете «Дни» от 26 мая 23 г. №171 о моих шагах в сторону б. патриарха Тихона, – писал он в этом письме, – могу свидетельствовать, что никакой записки ни Совнаркому, ни ЦК РКП я не подавал и не находил к тому побудительных мотивов. После принципиального и церковно-общественного решения участи б. патриарха Тихона перед судом Собора подготавливать общественное мнение к гражданскому процессу не могло вытекать из русла церковно-обновленческих движений, а потому и муссирование общественного мнения, особенно в голодных местностях, против б. патриарха Тихона не могло войти в задание обновленческой церкви. «Снявши голову, по волосам не плачут». Осудив-

ши б. патриарха Тихона, обновленческая церковь всякую агитацию за или против осуждения Тихона тем самым сделала излишней».

Последние строки письма станут понятными, если учесть, что Тучков неоднократно указывал деятелям ВЦС на необходимость подготовить общественное мнение к суду над Тихоном, особенно в тех местах, в которых свирепствовал голод. При всей разногласии, которая существовала тогда в общественном мнении относительно патриарха Тихона, все сходилось в одном – патриарх никогда не увидит свободы. О нем говорили уже как о покойном, – в провинции передавали известия о расстреле патриарха. Никто ничего точно не знал. Говорить об освобождении патриарха – это значило говорить о чуде. Впрочем, были и такие, что ждали чуда.

Одним из популярнейших московских священников был в то время о. Алексей Львович Мечев – настоятель церкви св. Николы, что в Маросейке*. О. Алексей ввел у себя строго уставную службу и сплотил вокруг своего храма общину из горящих духом людей, объединенных глубокой религиозностью и евхаристическим общением (частое причащение было нормой религиозной жизни в общине о. Мечева). «Мечевец» – это было в то время синонимом строго православного человека. К общине о. Мечева принадлежало много интеллигентных людей. «Мечевцем» был, между прочим, знаменитый Н. Бердяев.

В 1923 г. о. Алексей был тяжело больным человеком. В день его именин – 30 марта к нему пришли его друзья, и престарелый священник, поблагодарив за поздравление, заявил: «Я скоро умру, но в день моих похорон будет величайшая радость для всей русской церкви».

Эти слова многие вспомнили через четыре месяца, когда тотчас после освобождения патриарх поехал служить панихиду на могиле похороненного в этот день о. Мечева.

Однако в начале июля 1923 г. всякого, кто стал бы говорить об освобождении патриарха, сочли бы сумасшедшим. Ничто как будто не предвещало этого освобождения: 11 июня 1923 г. вышла «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съезда таковых». В этой инструкции имелся следующий пункт, явно направленный против автокефалистов: «Статья 7. Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в указанном порядке в трехмесячный срок со дня опубликования настоящей инструкции в «Известиях ВЦИК», считаются закрытыми». (Церковное обновление, Рязань, 1923, № 11, с.3). Этот пункт, казалось, должен был совершенно покончить со всякими остатками «тихоновщины», так как органы власти категорически отказывались регистрировать какие-либо православные общины, не находящиеся в общении с ВЦС.

Эта инструкция, написанная наркомом юстиции Курским и заместителем наркома внутренних дел, знаменитым Белобородовым¹, имеет, несомненно, историческое значение, так как она устанавливает тот противоречащий Конституции СССР принцип «регистрации» (практически это озна-

¹ «Знаменитый» по екатеринбургскому событию 17 июля 1918 г. и расстрелянный летом 1938 г. в Ростове-на-Дону.

чает прямое вмешательство государства в церковные дела), который, к сожалению, существует до сего дня.

Основной политической тенденцией этих дней является стремление втиснуть церковь в рамки религиозного культа, ограничив ее этими рамками как только возможно, с чем, разумеется, не может согласиться ни один верующий христианин, помнящий Завет Божественного Учителя – не только исповедывать, но и распространять всячески, везде и всюду внедрять Его учение – «проповедывать Евангелие всякой твари».

Не мог, разумеется, согласиться с этим и столь искренний и глубоко религиозный человек, как Антонин Грановский. 17 июня 1923 года им был опубликован программный документ «Союза церковного возрождения» – «Азбука церковной реформы». В этом довольно сумбурном документе отстает совершенно явная тенденция, которую можно выразить словами: «Свободная Церковь в социалистическом государстве», причем «свобода Церкви» здесь мыслится прежде всего как свобода религиозной пропаганды.

«Союз, – говорится в декларации, – ставит целью устройство церковной жизни в условиях советской действительности. Союз принимает советский строй внутренне, считая, что нерелигиозная власть есть лучшее условие подлинной свободы церкви. Союз принимает постановление II Поместного Собора об отношении к Советской власти, признает в ней силу энергии и законность ее, так как она своим мотивом, как власть трудящихся, выставила нравственную квалификацию труда, улучшение быта широких трудовых масс, уравнение всех в обязанности трудиться и в праве на средний достаток жизни. Союз принимает цель революции – создать не одно платоническое, но бытовое братство в человеческом общежитии и рассматривает социализм как подход к этому укладу с внешней технической стороны. Однако, учитывая опасность уклона одних механических и экономических мер в сторону преобладания силы, т.е. этический полурелигиозный фактор, Союз одобряет декрет об отделении церкви от государства, видит в нем освобождение церкви от крепостной службы.

Государство заявляет этим, что оно не хочет ханжиться, а от духовенства и религиозных аппаратов не требует полицейских услуг.

Исходя из декрета об отделении церкви от государства, Союз определяет положение культа в государстве на положении частного сообщества. Союз будет существовать на общих началах, дозволенных и зарегистрированных государственной властью.

Союз обязан принимать и исполнять все распоряжения государственной власти, не содержащие в себе отвержения религиозных принципов.

Союз приветствует разрешение свободной пропаганды, так как столкновение мнений рождает мысль.

Союз создает комитеты действия для возвышения морального действия религии и вызывает силы на состязание с антирелигиозной пропагандой».

(Известия ВЦИК, 1923, 17 июня, с.2.)

Эта декларация, написанная митрополитом Антонином в течение получаса, накануне опубликования, появилась на страницах «Известий» благодаря любезности редактора Ю.Стеклова, широко мыслящего, образованного человека, который уважал Антонина.

В этих заметках великого, хотя и часто ошибавшегося иерарха светит глубокая мысль, и идеалы, им сформулированные («Свободная независимая церковь в социалистическом государстве»), соответствуют религиозным чаяниям, пока еще далеким от осуществления и в наши дни¹.

Между тем идеи Антонина все больше входили в противоречие с повседневной практикой ВЦС, в которой руководящую роль играли теперь В.Красницкий и А.Новиков. А.Введенский в основном занимался в это время идеологическими вопросами. 20 июня он уехал в очередное турне с диспутами. В это время Красницкий, видимо, не без санкции Тучкова, решил покончить с Антонином.

24 июня 1923 г. он вошел в ВЦС с предложением «предоставить владыке долгосрочный отпуск для поправления здоровья». Антонин был, однако, не из тех людей, от которых можно отделаться таким образом. Он ответил настоящей обвинительной речью, в которой назвал Красницкого «подлым интриганом и рясофорным лакеем». Досталось и Введенскому, которому Антонин бросил обвинение в «моральном вырождении». О ВЦС он выразился как о «шайке короткогровых проходимцев», и заявил о своем близком разрыве с этой организацией. Обескураженные этой бурей члены ВЦС не сказали в ответ ни одного слова. Красницкий, который хотел обойтись без скандала, был смущен.

Однако ВЦС в заседании 24 июня приняло решение об освобождении Антонина от всех занимаемых им постов и увольнении его на покой. «Постановлением Президиума ВЦС от 25 июня с.г. митрополит Антонин уволен на покой от должности митрополита Московского и устранен от должности Председателя Высшего Церковного Совета», – сообщалось в циркуляре, разосланном по епархиям за подписями зам. председателя ВЦС Красницкого и управляющего делами Президиума Новикова.

ВЦС, таким образом, 24 июня 1923 года оказался обезглавленным. Красницкий, который стал хозяином положения, подыскивал сговорчивого иерарха в преемники Антонину. Ни он, никто другой не ожидали такого сюрприза, который последовал через два дня.

*

27 июня 1923 года в «Правде» и «Известиях» появился следующий документ:

«Постановление Верховного Суда
об освобождении Василия Белавина (бывш. патриарха Тихона).

16 июня Тихон обратился в Верховный Суд со следующим заявлением: «Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный Суд РСФСР, я считаю необходимым по долгу своей пастырской совести заявить следую-

¹ Оценка личности и идей Антонина Грановского отражает мнение только одного из авторов – Левитина. Уважая чувства соавтора, я не возражаю против включения в работу этих страниц, однако сам никоим образом не разделяю восторга перед Антонином. – В Шавров.

щее: будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен по отношению к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила в активные действия, как то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафематствование в том же году власти и, наконец, возражение против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия за немногими неточностями изложены в обвинительном заключении Верховного Суда.

Признавая правильность решения Суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции.

16 июня 1923 г.

Патриарх Тихон (Василий Белавин)».

Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда от 25 июня 1923 г. в составе председателя т. Карклина и членов тт. Галкина и Челнокова постановила:

Ходатайство гражданина Белавина удовлетворить и, руководствуясь 161 и 242 ст. Уголовно-процессуального кодекса, ранее принятую в отношении его меру пресечения от суда и следствия – содержание под стражей – ОТМЕНИТЬ».

(Известия, 1923, 27 июня, № 141, с. 1.)

*

Еще до того как вышли газеты, всю Москву облетела весть об освобождении патриарха. Верующие и неверующие церковные завсегдатаи и люди, не бывавшие в церкви в течение десятков лет, с одинаковым интересом относились к сенсационному известию. Разводили руками, пожимали плечами, недоверчиво качали головами, и никто не мог сообщить ничего достоверного.

Раньше всего известие об освобождении патриарха пришло в маленький деревянный домик на окраине Москвы, в котором проживал старый московский извозчик Кирилл Иванович, который в течение пяти лет (с 1917 по 1922 г.) возил патриарха. Рано утром сюда явился неизвестный товарищ в кожаной куртке с портфелем в руках и предложил Кириллу Ивановичу быть в 12 часов дня с фэзоном на Лубянке, у гостиницы «Россия» (там тогда помещалась ЧК). На встревоженный вопрос извозчика посетитель, слегка улыбувшись, ответил: «Не бойтесь – своего старого хозяина на волю повезете».

Кирилл Иванович, боясь верить, запряг фаэтон. Тут же он послал сказать об этом Яше Горожанкину – пятнадцатилетнему пареньку, который был до ареста посошником у патриарха. (Яков Евгеньевич Горожанкин умер в 1960 г. в Москве. До конца жизни пользовался всеобщим уважением как глубоко религиозный, честный человек.) Его родители известили об этом знакомых. Когда в час дня патриарх прибыл к Донскому монастырю, его встретила довольно большая толпа.

Впрочем, известие об освобождении патриарха просочилось и другими путями: в 12 часов дня у подъезда ЧК уже дежурило несколько столичных репортеров, один из них сделал исторический снимок.

Ровно в 12 часов из одного из подъездов вышел высокий старик, в патриаршем куколе и шелковой рясе. На груди у него сверкала драгоценная панагия. Однако на ногах были старые галоши без сапог. Он по-прежнему держался величаво и прямо, однако заметное дрожание обеих рук и восковая бледность лица говорили о том, что долгие месяцы заключения не прошли даром.

Выйдя из подъезда, он осмотрелся по сторонам, и в это самое время старый картинный кучер Кирилл Иванович, соскочив с облучка, без шапки повалился в ноги старцу – освобожденному узнику Василию Ивановичу Белавину – Тихону, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси.

Благословив извозчика и трижды облобызавшись с ним, патриарх затем также благословил и облобызался с Яшей и стал усаживаться в фаэтон. В толпе репортеров защелкали аппараты. Люди в кожаных куртках бесстрастно, с каменными лицами, наблюдали эту сцену.

«В Донской монастырь», – тихо сказал патриарх. Кучер тронул лошадей. В этот самый момент за подножку уцепилась какая-то женщина, проходившая откуда-то (видимо, с рынка) с подушкой. «Подушку для Святейшего, – воскликнула она. – Подарок от чистого сердца», – и положила подушку на колени Яше. Святейший издала благословил ее и, улыбнувшись, сказал: «Ну вот, теперь у меня и подушечка есть». Снова повторил: «Поедем, Кирилл Иванович, в Донской монастырь»¹.

Как мы уже указывали, у Донского монастыря патриарха ожидала большая толпа. Почему они пришли в Донской монастырь? Патриарх здесь никогда не жил и лишь находился в заключении. Была ли это народная интуиция, или уже заранее просочились с Лубянки какие-то слухи, но факт остается фактом: не успел патриарх подъехать к воротам монастыря, его буквально забросали цветами, почти вынесли его на руках. Послышались приветственные возгласы и рыдания. С монастырской колокольни раздался трезвон. Архимандрит Алексей – настоятель монастыря в сопровождении нескольких монахов подошел к Святейшему под благословение. Патриарх молча его благословил и с ним облобызался. При желании патриарх мог бы ему напомнить кое о чем: ровно тринадцать месяцев тому назад, когда арестованный патриарх тоже подъехал к Донскому монастырю, по его просьбе его подвели к собору. Он хотел помолиться – архиман-

¹ Все обстоятельства освобождения патриарха Тихона сообщены покойным Яковом Евгеньевичем Горожанкиным.

дрит Алексей, однако, категорически отказался открыть двери храма в неуточный час и не вышел из своих покоев.

Теперь двери собора были открыты настежь. Войдя в храм, патриарх приложился к Престолу, опустившись на колени, помолился перед иконой Донской Божией Матери и затем прошел в свои покои, где он в течение года находился в заключении. Здесь стояла веселая суматоха – во всем чувствовался праздник. В передней патриарха встретил толстый, веселый архимандрит Анемподист и патриарший келейник Яков Сергеевич с женой. Это были до ареста самые близкие, домашние люди. С ними патриарх всегда шутил, балагурил и чувствовал к ним горячую привязанность. Когда однажды о. Анемподиста арестовали, патриарх о нем волновался, ездил хлопотать, однако все же не удержался от шутки: «Вот еще одну церковную ценность изъяли – Анемподиста». Вместе с о. Анемподистом навстречу патриарху вышло еще одно близкое ему существо – кошка, к которой он привязался во время своего заключения в Донском монастыре. Патриарх сидел за самоваром, с кошкой на коленях, а вокруг творилось нечто невообразимое: епископы, священники, миряне проходили через крохотные покои сплошным потоком, отвешивая патриарху земные поклоны. Иностранцы корреспонденты щелкали фотоаппаратами. Весь монастырь, площадь перед монастырем, прилегающие улицы были переполнены народом. Лишь вечером патриарх, уединившись, начал писать.

Написанное, несомненно, им самим его первое воззвание было напечатано в ближайшие дни в газетах всего мира. Написанное впопыхах, среди спешки и суматохи, оно носит на себе следы той обстановки, среди которой оно было написано. Может быть, именно потому в нем нет той приглаженности и искусственности, которой характеризуются все официальные документы. Больше, чем когда-либо, в этом воззвании чувствуется живой человек.

«Архипастырям, пастырям и пасомым Православной Церкви.

Более года прошло, как вы, отцы и братия, не слышали слова моего. Тяжелое время переживали мы, и особенно эта тяжесть сильно сказывалась на мне в последние месяцы. Вы знаете, что бывший у нас Собор месяц тому назад постановил лишить меня не только сана, но даже и монашества, как «отступника от подлинных заветов Христа и предателя Церкви».

Когда депутация Собора 8 мая объявила мне такое решение, я выразил протест, так как признал приговор неправильным, как по форме, так и по существу.

По апостольскому правилу 74 епископ зовется в суд епископами, если он не послушает – зовется вторично через посылаемых к нему двух епископов, и когда не явится, Собор произносит о нем решение, «да не мнится выходу имети, бегая от суда». А меня не только не ввели на суд, а даже не известили о предстоящем суде, без чего формально и приговор не имеет силы и значения.

Что касается существа дела, то мне ставят в вину, будто я «всю силу своего морального и церковного авторитета направлял на ниспровержение существующего гражданского и общественного строя нашей жизни».

Я, конечно, не выдаю себя за такого поклонника Советской власти, какими объявляют себя церковные обновленцы, возглавляемые Высшим Церковным Советом, но зато я не такой враг ее, каким они меня выставляют. Если я в первый год существования Советской власти допускал иногда резкие выпады против нее, то делал это вследствие своего воспитания и господствовавшей тогда на Соборе ориентации. Но со временем многое у нас стало изменяться и выясняться, и теперь, например, приходится просить Советскую власть выступить на защиту обижаемых русских православных в Польше, в Гродненщине, где поляки закрыли православные храмы. Я, впрочем, еще в начале 1919 года старался отмежевать Церковь от царизма и интервенции и в сентябре того же года выпустил к архипастырям и пастырям воззвание о невмешательстве Церкви в политику и повиновении распоряжениям Советской власти, буде они не противные вере и благочестию.

Посему, когда нами узналось, что на Карловацком Соборе в январе 1921 г. большинство вынесло решение о восстановлении династии Романовых, мы склонились к меньшинству о неуместности такого решения. А когда в марте 1922 года стало нам известно обращение Президиума Высшего Церковного Управления за границей о недопущении русских делегатов на Генуэзскую конференцию, мы упразднили самое это Управление, учрежденное с благословения Константинопольского патриарха.

Отсюда видно, что я не такой враг Советской власти и не такой контрреволюционер, каким меня представляет Собор.

Все это, конечно, мною было бы раскрыто на Соборе, если бы меня туда позвали и спросили, как и следовало, чего, однако, не сделали. Вообще о Соборе ничего не могу сказать похвального и утешительного. Во-первых, состав епископов его мне кажется странным. Из 67 прибывших архиереев мне ведомы человек 10–15. А где же прежние? В 46 правиле Двукратного Константинопольского Собора говорится: «По причине случающихся в Церкви Божией распрей и смятений, необходимо и сие определить: отнюдь да не поставляются епископы в той церкви, которой предстоятель еще жив и пребывает в своем достоинстве, разве сам добровольно отречется от епископства, – то подобает прежде привести к концу законное исследование вины, за которую он имеет удален быть, и тогда уже по его низложению вывести на епископство другого, на место его». А у нас просто устранили и назначили других, часто вместо выборов.

Во-вторых, как на бывшем Соборе, так и в пленуме Высшего Церковного Совета, входят только «обновленцы», да и в епархиальных управлениях не может быть член, не принадлежащий ни к одной из обновленческих групп (параграф 7). Это уже насилие церковное... Кто и что такое церковные «обновленцы»? Вот что говорил и писал о них еще в

1906 году мыслитель-писатель, ставший впоследствии священником, Вал. Свенцицкий:

«Современное церковное движение можно назвать либеральным христианством, а либеральное христианство – только полуистина. Душа, разгороженная на две камеры – религиозную и житейскую, не может целиком отдаться ни на служение Богу, ни на служение миру. В результате получается жалкая полуистина – теплопрохладное, либеральное христианство, в котором нет ни правды Божией, ни правды человеческой.

Представители этого христианства лишены религиозного энтузиазма, среди них нет мучеников, обличителей, пророков. И союз церковно-обновленных – это не первый луч грядущей апокалиптической жены, облаченной в солнце, а один из многих профессиональных союзов, и я убежден, – говорит Свенцицкий, – что настоящее религиозное движение будет не это и скажется оно совсем не так». (Вопросы религии, 1906, вып. 1, с. 5-8.)

И с этим нельзя не согласиться, если обратить внимание на то, что занимает наших обновленцев, что интересует их, к чему они стремятся. Прежде всего выгоды, чины, награды. Несогласных с ними стараются устранить, создают себе должности и титулы, называют себя небывалыми митрополитами всея Руси, архипротопресвитерами всея России, из викарных поспешают в архиепископы. И пусть бы дело ограничивалось бы названиями. Нет, оно идет дальше и серьезнее. Вводится женатый епископат, второбрачное духовенство, вопреки постановлениям Трульского Собора, на что наш Поместный Собор не имеет права без сношения с восточными патриархами, причем возражающие лишаются слова. Будем уповать, что и у нас, как говорится в послании восточных патриархов, «хранитель благочестия есть Тело Церковное», т. е. народ, который не признает таких решений бывшего Собора.

Из постановлений его можно одобрить и благословить введение нового стиля календарного и в практику церковную. Об этом мы еще вопрошали Константинопольского патриарха.

Что касается моего отношения к Советской власти в настоящее время, то я определил его в своем заявлении на имя Верховного Суда, которым я прошу изменить меру пресечения, т. е. освободить меня из-под стражи. В том преступлении, в котором я признаю себя виновным, по существу виновато то общество, которое меня как главу Православной Церкви постоянно подбивало тем или иным ходом против Советской власти. Отныне я определенно заявляю всем тем, что усердие их будет совершенно напрасным и бесплодным, ибо я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно ни исходило. Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, что я Советской власти не враг. Я понял всю ту неправду и клевету, которой подвергается Советская власть со стороны ее соотечественников и иностранных врагов и которую они устно и письменно распространяют по всему свету. Не миновали в этом обойти и меня. В газете «Новое время» от 5 мая за № 605 появилось

сообщение, что будто бы мне при допросах чекистами была применена пытка электричеством. Я заявляю, что это сплошная ложь и очередная клевета на Советскую власть.

Бог мира и любви да будет с вами...

Донской монастырь, 28 июня 1923 г.

Патриарх Тихон».

Второй день после освобождения патриарха прошел в каком-то радостном угаре. В этот день патриарх отправился на извозчике через всю Москву на Лазаревское кладбище, к могиле о. Алексея Мечева. Слух о намерении патриарха посетить могилу популярного священника разнесся по Москве еще накануне. Тысячные толпы загрозили кладбище. Обновленческое духовенство было встревожено: как принять патриарха, если он пойдет в церковь. Святейший, однако, прошел мимо храма и последовал прямо к могиле протоиерея. Отстояв панихиду, которую совершал о. Анемподист, Святейший благословил народ и тут произнес свои первые слова к народу: «Вы, конечно, слышали, что меня лишили сана, но Господь привел меня здесь с вами помолиться». И все кладбище огласилось криками: «Святейший! Отец наш родной! Архипастырь, кормилец!»

Такого взрыва народного энтузиазма не видел еще ни один патриарх на Руси. К патриарху бросилась толпа, его буквально засыпали цветами, целовали его руки, одежду. Весь фаэтон патриарха был завален цветами. В течение трех часов патриарха не отпускали с кладбища, сплошным потоком шли народные толпы к нему под благословение. И тут было впервые объявлено, что Святейший будет служить в воскресенье литургию в Донском монастыре.

В тот же день патриарх принял представителя РОСТА (Российского Телеграфного Агентства) и дал свое первое после выхода на свободу интервью.

«В беседе с сотрудником РОСТА он очень хорошо отозвался о своем содержании под стражей.

– Первое время после ареста, – заявил патриарх, – я находился в Донском монастыре. Никаких стеснений я здесь не испытывал, кроме, конечно, одного – мне, как находившемуся под стражей, не позволяли совершать богослужение. В моем распоряжении находились две комнаты, в одной из которых я жил, а в другой обедал.

Был ли я доволен этой обстановкой, вы можете заключить из того, что теперь, будучи на свободе, я поселился в тех же самых комнатах. Как видите, комнаты хорошо обставлены...

– Свободное от молитвы время, – говорит Тихон, – я проводил в чтении. Следовательно приносил газеты.

Так же хорошо Тихон отзывается о своем пребывании в ГПУ, где он провел 38 дней.

– В заграничной печати, – говорит Тихон, – насчет этого носилась масса нелепостей. Сообщали, что меня пытали на электрическом стуле. Все

это, конечно, вздор. Содержание было самое хорошее. У меня была в ГПУ прекрасная светлая комната. По моей просьбе для меня готовили отдельный обед, так как я ничего скромного не ем. Разрешали мне гулять.

Тихон подчеркивает в беседе, что он решительно отмежевывается от внутренней и заграничной контрреволюции.

– Я целиком стал на советскую платформу. В то же время я думаю, что церковь должна быть аполитичной, и в своей деятельности я буду твердо стоять на этом. Я проверю сведения о контрреволюционной деятельности Антония Храповицкого и других заграничных иерархов, я предложу им прекратить контрреволюционную работу, как несогласную со званием пастыря. Я думаю, что они меня послушаются. Ведь они меня еще признают... Ну, а если меня не послушаются, я их предам церковному суду.

– Что вы думаете делать в дальнейшем?

– Мне предоставлена свобода и, следовательно, право совершать богослужение. Я буду служить в Донском монастыре и в других местах, куда меня пригласят верующие. Если народ захочет, он будет ходить ко мне на молитву. Если же не захочет, ничего не поделаешь – буду молиться один. Если у меня найдется достаточное количество приверженцев, то наше церковное объединение примет какие-нибудь организационные формы.

Решение поместного Собора о лишении его патриаршего сана Тихон не признает, считая его неканоничным.

– Собор осудил меня за контрреволюцию, но он этого не мог сделать, ибо судить меня за контрреволюцию может только Советская власть, и она будет меня судить. Кроме того, согласно апостольским правилам, при осуждении епископа церковный суд должен посылать за ним трех епископов по три раза, и только после отказа епископа явиться на суд последний может быть осужден заочно. А меня Собор даже не уведомил о том, что он будет обсуждать мою деятельность.

Я не верю искренности некоторых епископов, подписавших постановление поместного Собора. Как я могу верить, что Пензенский епископ Борис является искренним сторонником левой обновленческой группировки СОДАЦ, когда я знаю, что он в Государственной Думе был в числе националистов¹.

На вопрос сотрудника РОСТА – имеет ли обновленческое движение большое количество приверженцев, Тихон ответил, что сведений об этом пока не имеет, но полагает, что приверженцы имеются. Ведь теперь все епископы переженились. У каждого есть тесть или теща, свояки, девери. Все они, конечно, обновленцы.

В заключение Тихон говорит, что из всех постановлений Собора он согласен только с переходом на новый стиль». (Известия, 1923, 29 июня, с. 5.)

¹ Обновленческий епископ Пензенский Борис (в миру протоиерей Владимир Иванович Лентовский, член IV Государственной Думы от партии П.А.Столыпина). Рукоположен во епископа Пензенского в 1921 г., в 1923 г. официально присоединился к обновленчеству. До своей смерти в 1926 г. был епископом Пензенским. Личность бесцветная и лишенная каких-либо дарований, епископ Борис никакой роли никогда не играл.

Последние три дня недели, четверг, пятницу и субботу, в Донском монастыре шли лихорадочные приготовления к первому богослужению патриарха в воскресенье 1 июля 1923 года.

Сразу же после освобождения к патриарху явился епископ Иларион, который сразу становится в полном смысле этого слова правой рукой патриарха в первые месяцы после его освобождения.

Епископ Иларион Троицкий принадлежал к числу талантливейших и образованнейших деятелей Русской Православной Церкви. Замечательный богослов, своеобразный и оригинальный писатель, иеромонах, а потом архимандрит, Иларион получил широкую известность в церковных кругах еще в дореволюционное время. Будучи инспектором Московской духовной академии, архимандрит Иларион проявил себя как энергичный и тактичный деятель, который умело смягчал непримиримо консервативную линию ректора Академии епископа Феодора. Сам архимандрит Иларион был умеренным консерватором. В своих статьях он разработал особую теорию, согласно которой основой общественного развития является сочетание двух противоположных тенденций – прогресса и преобразования. Прогресс – это понятие, с точки зрения христианства, отрицательное – оно ведет к выращиванию материальных ценностей, к опошлению и огрублению человеческой души. Преобразование – нравственное обновление – является, наоборот, явлением, с точки зрения христианства, положительным, и церковь должна всеми силами ему способствовать.

Концепция архимандрита Илариона была положительно встречена в среде богоискательской интеллигенции. Мысли архимандрита Илариона были очень близки ко многому из того, что в то время писалось и говорилось идеологами символизма. Нечто подобное, в частности, провозглашал А. Блок в одной из своих статей, в которой он столь же четко разграничивал понятия культуры и цивилизации. Под цивилизацией он подразумевал примерно то же, что архимандрит Иларион под прогрессом. В понятие культуры он вкладывал то же значение, что архимандрит Иларион в понятие «преобразование».

О. Иларион был ярким сторонником преобразования Церкви – освобождения ее от оков казенной опеки и восстановления патриаршества.

На Соборе 1917–1918 годов молодой архимандрит был одним из самых ярких защитников идеи патриаршества: «Богохульный Петр кощунственно столкнул Священный Престол российских патриархов, – пламенно провозгласил он на Соборе, – наш Священный Собор должен восстановить и утвердить навеки этот Священный Престол».

После избрания патриарха Тихона архимандрит Иларион становится его секретарем и главным консультантом по богословским вопросам. В 1921 году, за несколько месяцев до раскола, он был рукоположен во епископа Вереяского, викария Московской епархии. Во время раскола, держась в тени, епископ был вдохновителем автокефалии.

Трудно было придумать для патриарха Тихона лучшего помощника,

чем епископ Иларион. Великолепный, пламенный проповедник, умевший говорить просто и эмоционально, ревностный служитель алтаря, владыка Иларион пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа. Самая внешность – богатырский рост, белокурая борода, иконописные тонкие черты лица – импонировали своей величавостью, строгим изяществом, своеобразной картинностью. «Вот настоящий русский святитель», – невольно приходила каждому, кто видел Илариона.

Быстро поняв новую позицию патриарха, епископ сразу стал ее активным проводником. Он в эти дни переговорил с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь. Он договорился с приходами о чине их присоединения к патриарху, разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к патриарху с покаянием.

Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня. И что самое главное – епископ Иларион взял на себя тяжкое бремя переговоров с Е.А.Тучковым. После трехчасовых яростных споров было выработано следующее соглашение: патриарх издает еще одно воззвание к верующим, в котором должно яснее и громче прозвучать его раскаяние в политических грехах, осуждение церковной эмиграции должно быть высказано в более категорической форме, чем в первом воззвании. Однако Е.А.Тучков пошел на большие уступки: он согласился на издание «разъяснения» к инструкции 1 июня, которая фактически сводила на нет самую инструкцию. От принципа «регистрации» епископ Иларион категорически отказался, и Е.А.Тучков на ней не настаивал. Наконец, Е.А.Тучков согласился на значительное уменьшение налогового бремени, которое несли храмы и духовенство.

Обе стороны имели все основания быть довольными результатами переговоров: епископ Иларион тут же засел за сочинение нового воззвания, а Е.А.Тучков, приняв Красницкого, удостоил его краткой официальной пятнадцатиминутной аудиенции, сущность которой сам Красницкий через 11 лет характеризовал следующим образом: «Наш разговор, молодой человек (один из авторов этой работы тогда был действительно еще молод), можно охарактеризовать следующим образом:

Он был титулярный советник,
Она – генеральская дочь.
Он вздумал в любви ей признаться,
Она прогнала его прочь».

Менее удачной была встреча патриарха Тихона с архиепископом Феодором Поздеевским.

Архиепископ Феодор считался в те времена оплотом церковного консерватизма и строгого православия. Еще в дореволюционное время, будучи ректором Московской духовной академии и епископом Волоколамским, Преосвященный прославился своей нетерпимостью. В 1918 году он тотчас после Февральской революции ушел на покой и с тех пор жил в

Даниловом монастыре, замкнувшись в суровой отчужденности*. Строгий монах и безупречный аскет, знаток святоотеческого богословия и канонического права, владыка пользовался большим уважением его бывших учеников – архиереев, в числе которых было много ревнителей церковного благочестия.

Архиепископ Феодор во время своего свидания с патриархом предостерегал его против слишком больших уступок власти и против каких бы то ни было переговоров с обновленцами. (Епископ Иларион считал нужным оставить этот вопрос открытым.) Архиепископ остался недовольным свиданием: патриарх показался ему недостаточно твердым и властным. Самая манера говорить, свойственная патриарху, часто прибегающему к юмористическому тону, раздражала сурового монаха. «Все хи-хи, ха-ха, и гладит кота», – ответил он одному из своих приверженцев на вопрос о том, как он нашел патриарха.

Это первое свидание архиепископа с патриархом определило дальнейшую роль архиепископа Феодора: до самой смерти патриарха Тихона Данилов монастырь играл роль оппозиции справа. Его сторонники были во много раз более «тихоновцами», чем сам патриарх Тихон.

В это время в патриарших покоях появился еще один неожиданный посетитель – А.И.Боярский, экстренно приехавший из Петрограда и выразивший желание вступить в переговоры с патриархом. Визит А.И.Боярского, однако, не был успешен. О. Анемподист, выйдя к нему из патриаршего кабинета, вежливо ответил, что патриарх просит его извинить, но ничего общего он с «Живой Церковью» не имеет и потому вынужден отказать себе в удовольствии видеть ее лидеров.

Наконец, в воскресенье состоялось долгожданное первое служение патриарха. Желая дать наиболее объективное описание патриарших богослужений того времени, мы прилагаем здесь рассказ двух очевидцев, принадлежащих к двум враждебным лагерям.

«В воскресенье 1 июля б. патриарх Тихон совершил в Донском монастыре первую службу после освобождения своего из-под стражи, – писал сотрудник «Известий». – Служил он с двумя епископами. Ожидания «непримиримых», что народ после «повинной» Тихона и заявления его об отмежевании от внешней и внутренней белогвардейщины отшатнется от него – не оправдались.

Верующих пришло на службу много. Храм, коридор и паперть, и весь монастырский двор были усеяны народом.

Так как в церковь прошла только незначительная часть верующих, то по окончании обедни Тихон отслужил молебен на монастырском дворе, после чего в течение нескольких часов благословлял верующих.

В церкви Тихон обратился к собравшимся с кратким словом. Он говорил о необходимости для церкви совершенно отмежеваться от политики, считая крупной ошибкой то, что представители церкви не смогли сделать этого раньше.

– Теперь я освобожден от ареста и получил возможность снова совершать богослужение. Задача церкви – сеять учение Христа о мире, братстве, всепобеждающей любви. Взбаламученное страстями море человеческое теперь особенно в этом нуждается. И церковь должна выполнить эту основную задачу.

Касаясь церковного Собора, Тихон говорит о незаконности его постановлений, в частности, постановления по вопросу о низложении его как патриарха, ссылаясь на каноны, правила. Несколько иронических фраз Тихон бросил по поводу постановления Собора о женатом епископате.

В заключение он выразил радость, что верующие собрались на первое его богослужение в таком большом количестве.

В алтаре храма находились представители некоторых иностранных миссий и иностранные корреспонденты, которые производили фотографические снимки с отдельных моментов процесса облачения Тихона и его службы, говоря, что снимки предназначаются для заграничных иллюстрированных журналов.

– Ведь теперь о Тихоне говорит весь мир.

Молодой священник, говорящий на иностранных языках, давал им пояснения. Тихон дал обещание принять иностранных корреспондентов. Когда в церкви шла служба, на монастырском дворе верующие, разбившись на группы, оживленно комментировали заявление Тихона в Верховный Суд.

Отдельные лица разделяли ту точку зрения, что заявление Тихона – крупная, непоправимая ошибка. Ставили в вину Тихону, что он свое заявление написал по новой орфографии. Номер «Известий ВЦИК» с факсимиле заявления патриарха переходил из рук в руки, так как были скептики, усиленно распространявшие слухи, что Тихон никакого заявления не писал... В большинстве же кружков, групп слышалось иное. Заявление Тихона считалось в высшей степени своевременным и мудрым актом.

– Посмотрите, сколько здесь народа, подлинной демократии, и все только о том, что Тихон принял целиком советскую платформу. Теперь расхождения между народом и церковью нет. Поверьте, что когда Советская власть убедится, что в лице церкви она не имеет контрреволюционной организации, она совершенно изменит свое отношение к ней.

Тем не менее все же говорили, что некоторые епископы недовольны Тихоном и решили от него отмежеваться, а один из видных профессоров богословия, прочитав заявление Тихона, будто бы разрыдался и сказал: «Все кончилось», – и уехал на родину, в Смоленскую губернию.

В одной группе ворчали на толстовца Трегубова:

– И что он шатается, только смуту сеет...

Тихон получил ряд приглашений на служение, как в Москве, так и в подмосковных селах – Косино, Алексеевское и пр.

Тихон решительно отказывается служить в храмах «Живой Церкви», считая, что он ничего не имеет с нею общего.

Из кругов, близких Тихону, сообщалось, что он намерен в ближайшее время выпустить «послание к верующим», в котором изложит свое настоящее мирозерцание, выяснит задачи, стоящие перед церковью, и еще раз подчеркнет то, что он сказал в заявлении в Верховный Суд».

(Известия ВЦИК, 1923, 5 июля, № 146/1883, с. 5.)

Другие воспоминания принадлежат перу одной из восторженных почитательниц патриарха и отличаются панегирическим тоном. Мы приводим их здесь как характерный образчик настроений, охвативших в те дни значительные круги верующих.

«Я увидала его впервые 26 сентября 1923 года, – начинаются воспоминания, – после моего возвращения в Москву, в день храмового праздника у Славущего Воскресения, что в Барашах. Церковь эта построена в память обновления храма Воскресения Христова, в коем находится гроб Господень. Стоит она в Барашевском переулке у Покровки, где сохранился поныне дом графа Разумовского, с которым, по преданию, императрица Елизавета Петровна в ней венчалась. Подтверждается это, между прочим, тем, что на колокольне красуется золотая корона.

Толпа, собравшаяся около церкви, все увеличивается и постепенно заполняет переулок. Ждут патриарха Тихона, обещавшего служить в этот день. Стоят чинно, спокойно и тихо, никто никого не толкает, чтобы пробраться вперед. Более счастливые, в том числе и я, – размещаются по обе стороны притвора, при входе в храм. Эту толпу, благоговейно и радостно ожидающую своего любимого святителя, я также вижу впервые, и настроение ее передается и мне. Меня охватывает чувство напряженного ожидания, и мне кажется, что как только я увижу патриарха, совершится для меня что-то небывало радостное и значительное...

Утро серое, неприглядное. Моросит дождь. Вот подходит с Покровки архиерей. Ряса его внизу забрызгана грязью, в руке он несет круглую коробку со своей митрой. В толпе снимают шапки, его обступают, и все тянутся к нему за благословением. Но и это, к моему удивлению, происходит тихо и мирно. А владыка старается никого не обойти своим благословением, и лицо его также спокойно и радостно.

«Какая разница, – думается мне, – когда наши епископы разъезжали в нарядных каретах, их так не встречали. А если и собирались кучки зевак, то главным образом для того, чтобы полюбоваться на запряженную цугом и разукрашенную золочеными гербами митрополичью карету и бриллиантами на его клобуке. А теперь... смиренно они ходят пешком во всякую погоду. Никаким внешним великолепием они не окружены, а с каким почетом и благоговением встречает их народ... Отошли от них все блага мирские, и сами они стали не от мира сего...»

Владыка проходит в церковь, и вскоре на паперть выходит духовенство и клир и выносят патриарший крест. Этот древний крест всегда предшествовал русским патриархам, как в Москве, так и во время их служения – при каждом их выходе из алтаря. Со времени уничтожения в России

патриаршества, в течение двух веков, патриарший крест, оставаясь без употребления, хранился как историческая ценность. Советские власти не позволили возить или носить его по улицам перед патриархом открытым, и потому его доставляли в церковь заранее и встречали им патриарха Тихона на паперти.

Церковный староста обращается к нам: если вы любите Святейшего, так называли его обычно москвичи, – пожалейте его и не подходите отдельно под благословение. Он еще не оправился после болезни и очень утомляется.

Затрезвонили колокола. Народ встрепенулся. Патриарха ждали с минуты на минуту.

И вдруг охватившее всех благоговейное безмолвие резко нарушается крикливыми, грубыми, нестройными голосами. Я вздрагиваю, точно от неожиданного удара. «Это что?» – вырывается у меня.

«Комсомольцев прислали, – отвечает спокойно сосед. – Вот они горланят безбожные песни. Тоже думают, что слушать мы их станем. Свою встречу задумали устроить Святейшему, да Бог не допустил. Промахнулись маленько – не вовремя затянули».

А убогая старушка крестится широким крестом и молвит: «Прости им, Господи, не ведают, что творят».

«Демонстрация» комсомола не удалась – лишь на несколько минут опередили они патриарха, а остановить свое шествие, повременить... надо думать, побоялись толпы, прошли и замолкли.

И тотчас на извозчичьей пролетке подъехал патриарх с митрополитом Крутицким Петром. Обедню Святейший всегда назначал в 10 часов и никогда не опаздывал.

Мимо нас провели его под руки. И когда мы увидели его старческое, больное, измученное и кроткое лицо, нам самим стало ясно, что ничем его утруждать нельзя. Нельзя было и смотреть на него без боли сердечной, и вместе с тем радостно всколыхнулась душа...

Во время богослужения церковь была битком набита, но и тут царил порядок и тишина. Чувствовалось напряженное молитвенное настроение. Митрополит Петр сказал прекрасную проповедь, сам патриарх проповедей не говорил. После обедни он отслужил молебен, чем всегда заканчивалось его служение, и около 1 часу дня отбыл на том же извозчике к себе, в Донской монастырь...

Когда к патриарху Тихону обращались с просьбой служить в каком-либо из храмов московских, он никогда не отказывался. О патриаршем служении объявлялось в церквях заблаговременно, и радостная для всех весть быстро распространялась. Собравшаяся в этих случаях толпа все увеличивалась, и с наступлением весны, тепла и усиленного притока в Москву странников и богомольцев, эти толпы исчислялись тысячами. Ни один из московских храмов не мог вместить такое количество молящихся, и потому большинство оставалось в ограде церковной и даже вне ее...

Подъезжает патриарх на своем неизменном извозчике. Ему под ноги бросают цветы, и весь путь его ими усеян. Точно сотканный любовью народной ковер стелются они перед ним. А он идет смиренно, замедляя шаги, радостно и любовно осеняя всех своей благословляющей рукой... Радость сопровождала его всегда. Она точно излучалась им и передавалась окружающим. При виде его всяк забывал свои заботы и тяготы – они точно отходили куда-то, а вместе с ними отступали и все попечения житейские – суровая, переполненная скорбями, будничная жизнь.

«Вот он наш, перед Богом молитвенник и заступник и утешение наше», – думалось всем, глядя на Святителя Земли русской.

Не попавши в храм, я, по примеру других, усаживаюсь на зеленую траву в тени развесистой березы и, как всегда, прислушиваюсь... Говорят преимущественно о Святейшем. Рассказывают все, что о нем знают и слышали. Повторяют каждое его слово. Остановившуюся под соседним деревом его пролетку, разукрашенную с детским усердием цветами, обступают со всех сторон. А кучер, с высоты своих козел, с гордостью рассказывает о разных подробностях личной жизни патриарха. Его слушают с напряженным вниманием, как человека, стоящего близко к Святейшему. До революции он служил у княгини Голицыной и, вероятно, от щедроты своей бывшей барыни получил почти новую пролетку и рысистую вороную лошадь. Стал он московским «лихачом», а Святейшего возил по усердию. Патриаршего кучера все знали в лицо, а многие величали его по имени-отчеству...

Кого только не было в этой толпе! Странники, пришедшие со всех концов России поклониться московским святыням и ее Святителю, монахи, сборщики на построение храма, нищие, калеки, убогие, юродивые и кликуши, старцы, старушки, подростки, крестьяне, рабочие, мастеровые и образованные – московские обыватели всех возрастов и кругов и бывших общественных положений и приезжие».

(Вестник культуры, Париж, 1937, с. 50-53.)

Июль и август 1923 г. – время высшего расцвета популярности патриарха Тихона. «Его теперь в Москве на каждом углу засыпают цветами, – нехотя признавал А.И.Введенский, – никогда до ареста он не пользовался такой популярностью».

В первых числах июля состоялось первое переосвящение храма: возведенный в сан архиепископа Иларион освятил собор Сретенского монастыря, перешедший от обновленцев к патриарху Тихону. Освящение производилось по великому чину. Храм как бы освящался заново (все, начиная с престола) – случай, невиданный в истории русской церкви. Этим подчеркивалось, что обновленчество оскверняет храм, подобно безбожии и ереси. Вслед за тем начались публичные покаяния священнослужителей – волна фанатизма прокатилась по Москве. Обновленцев выгоняли из храмов, избивали, говорили о них с большей ненавистью, чем о безбожниках.

Патриарх Тихон становится в это время центральной фигурой в ми-

ровом масштабе. Каждое его слово комментируется на тысячи ладов мировой прессой, его фотографии проникают в самые отдаленные уголки мира.

Наконец в середине июля начинается демонстрация кинофильма «Тихон после раскаяния», в котором запечатлены его служение в Сретенском монастыре, панихида на Ваганьковском кладбище по архидиакону Розове и ряд других служений.

Московские кинотеатры «Арс», «Форум» и «Уран», в которых демонстрировались 17-18-19 июля эти кинофильмы, осаждались толпами с раннего утра. Перекупщики мест продавали билеты по невероятно высокой цене (билет «на Тихона» стоил примерно столько, сколько на Шалапина). Этот кинофильм вскоре перекочевал на европейские и американские экраны и всюду производил сенсацию.

Как относился сам патриарх к своей громкой славе, какой не пользовался ни один русский патриарх, ни до ни после? Он как бы ее не замечал: он по-прежнему принимал почти всех посетителей, со всеми был вежлив и внимателен, и добрая шутка всегда была на его устах. «Нет, нет, я неграмотен, писать не умею», — отвечал он обычно всем, кто добивался от него автографа. Несмотря на сильную усталость и одолевавшую его почечную болезнь, он служил по два-три раза в неделю и каждый раз два-три часа благословлял народ. Он служил просто, без всякой аффектации и внешней экзальтации, но с глубоким религиозным чувством, как, вероятно, служил его отец, скромный торопеевский священник, фотографическая карточка которого стояла у него на столе в его новом кабинете в Донском монастыре. Только в момент причащения лицо его просветлялось большим внутренним чувством, и он надолго больше, чем положено, застывал, склонившись перед Престолом с Телом Христовым на дрожащих старческих руках.

Между тем со всех концов Руси к патриарху стекались новые люди: в начале июля приехал к нему из Средней Азии рукоположенный в его отсутствие епископ Лука (профессор В.Ф.Войно-Ясенецкий). Владыка Лука был рукоположен в домашней обстановке архиепископом Андреем (Ухтомским) и каким-то другим случайным архиереем в тот момент, когда вся православная иерархия была под угрозой. Патриарх признал хиротонию и 18 июля (в Сергиев день) отслужил вместе с епископом Лукой литургию*.

28 августа 1923 года в Донском монастыре принес покаяние митрополит Владимирский Сергей (будущий патриарх Сергей). В те времена покаяния были публичными, он каялся на амвоне. По договоренности с архиепископом Иларионом он пришел в храм перед литургией в простой монашеской рясе, в черной скуфейке и без каких-либо знаков отличия. Он смиренно встал на левый клирос с монахами, из которых ни один не подошел к нему под благословение. После причастного стиха он прочел коленапоклоненно акт своего отречения от обновленческого раскола, подошел к патриарху и поклонился ему до земли. Знаменитейший богослов, православный иерарх и будущий глава Русской Церкви Святейший Патриарх

Сергий, теперь он униженно просил прощения. Патриарх Тихон наклонился к кланявшемуся своему будущему преемнику и ласково тронул его за окладистую густую бороду. «Ну, пускай другие отходят, тебе-то как не стыдно отходить от церкви и от меня», – сказал Святейший и тут же троекратно с ним облобызался и надел на него архиерейский крест и панагию. Иподиаконы накинули на плечи прощенного владыки архиерейскую мантию. Архиепископ Иларион подал ему на блюде белый клобук.

Неизменно, всюду и везде, где появлялся Святейший, его сопровождал епископ Иларион. Всегда на патриарших богослужениях он выступал с проповедями, в которых часто касался актуальных церковных проблем.

Интересна в этом отношении его проповедь во время патриаршего служения в церкви Николы в Кадашах (в Замоскворечье). Эту проповедь он посвятил памяти недавно умершего настоятеля этого храма о. Николая Смирнова – популярного московского священника, известного тем, что он организовал у себя в храме всенародное пение, распустив певчих*.

Нарисовав образ почившего пастыря, архиепископ стал говорить об истинном Христовом духовном обновлении, которое должно выражаться в непрестанном огненном горении, в моральном очищении, в тесной связи пастыря с народом.

«Если бы все пастыри были бы такими, как покойный о. Николай Смирнов, никакие живоцерковники были бы невозможны», – горячо воскликнул архиепископ. В конце своей речи он пламенно призывал пастырей стать вождями народа, который ждет от них слова правды, вдохновения и любви.

Между тем церковные дела шли своим чередом.

1 июля 1923 года появилось следующее воззвание патриарха:

«Божией милостью, Патриарх Московский и всея Руси архипастырям, пастырям и пасомым Православной Церкви Российской.

Возлюбленные отцы и братие, к вам обращаем мы слово в уповании, что оно найдет горячий отклик в сердцах ваших.

Тяжелое время переживает Православная Церковь. Появилось много разных групп с идеями «обновления церковного», о коих мы уже высказывали свое мнение в предыдущем нашем обращении к православному народу. Обновленцы эти, бессознательно или сознательно, толкают Православную Церковь к сектантству: вводят совершенно ненужные церковные реформы, отступая от канонов Православной Церкви. Никакие реформы, из принятых бывших Собором, мы одобрить не можем, за исключением нового церковного стиля и новой орфографии церковной книги, что мы и благословляем.

Наряду с этим, пользуясь происходящей у нас неурядицей в Церкви, Римский папа всячески стремится насаждать в Российской Православной Церкви католицизм, и при поддержке польских властей уже закрываются на территории Польши православные храмы, и многие из них превращены

в костелы. Так, например, в одной Волинщине закрыто более трехсот церквей и оставлено всего лишь около пятидесяти.

Разные сектанты – баптисты, евангелисты и другие, как противники православию, также направляют все усилия, чтобы умалить значение Православной Церкви, привлечь на свою сторону православных людей. Всем им мы заявляем, что Церковь Православная не даст себя превратить в сектантские группы, и уповаем, что не отойдет она ни на шаг от своего учения.

Получив ныне возможность возобновить свою прерванную деятельность служения Святой Православной Церкви и сознавая свою провинность перед Советской властью и народом Российским, выразившуюся в ряде наших пассивных и активных антисоветских действий, как это сказано в обвинительном заключении Верховного Суда, т.е. в сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей, анафематствовании Советской власти, воззвании против Брестского мира и другие, мы, по долгу христианина и архипастыря, в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики.

По существу виноваты в этом не только мы, но и та среда, которая нас воспитала, и те злоумные люди, которые толкали нас на эти действия с самого начала существования Советской власти. Как враги трудового народа, они стремились свергнуть Советскую власть через нашу Церковь Православную, для чего меня, как главу последней, пытались использовать в этих целях.

Будучи бессильны побороть Советскую власть открыто и прямо, они хотели добиться ее уничтожения окольными путями, прибегая к Церкви и ее пастырям.

Сознавая свою провинность перед Советской властью, я желаю, чтобы так же поступили и те священнослужители, которые, забыв свой долг пастыря, вступили в совместные действия с врагами трудового народа православного – монархистами и белогвардейцами и одушевленные одним желанием с ними стремились свергнуть Советскую власть при помощи Церкви и для этого не чуждались даже вступить в ряды белых армий.

Как ни тяжело было сознаться в этом преступлении против трудового народа Российского и Советской власти, но мы должны сказать хотя и горькую, но истинную правду сию. Мы осуждаем теперь такие действия и заявляем, что Российская Православная Церковь аполитична и не желает быть ни «зеленой», ни «красной» церковью. Она должна быть и будет Единой Соборной Апостольской Церковью, и всякие попытки, с чьей бы то ни было стороны они ни исходили, свергнуть Церковь в политическую борьбу должны быть отвергнуты и осуждены.

Исходя из этих соображений, Мы в апреле месяце 1922 года на соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета уже осудили заграничный Церковный Собор Карловацкий за попытку восстановить в России монархию из дома Романовых. Мы могли бы огра-

ничиться этим осуждением владык, бывших на Соборе, во главе с Высокопреосвященным Антонием, митрополитом Киевским, если бы они раскаялись в своих поступках и прекратили свою деятельность в этом направлении, но нам сообщают, что не только не прекратили они своей деятельности, но еще более того ввергают Православную Церковь в политическую борьбу совместно с явными, проживающими в России и за границей противниками народа русского, участниками разных монархических белогвардейских организаций, которые принесли стране немало несчастья и теперь не отказываются от своего намерения восстановить в России монархию.

Пусть они хоть теперь смиряются и покаются перед народом Российским в своих содеянных преступлениях. Иначе придется вызывать преосвященных владык в Москву и просить Советскую власть о разрешении им прибыть сюда.

Господь да умудрит всех нас искать каждому не своих сих, а правды Божией и блага Святой Церкви.

*Смиренный Тихон Патриарх Московский и
всея Руси.*

1 июля 1923 г.»

(Петроградская правда, 1923, 12 июля.)

1 июля была опубликована также следующая инструкция наркомюстиции и наркомвнудела всем губисполкомам:

«При закрытии храмов президиумы губисполкомов должны принимать во внимание религиозные интересы верующих, их привычки и обычаи, статистические данные о количестве населения, пользующегося храмом, вместимости ближайших храмов и т. д.

Отправление культа, а так же произнесение проповедей допускается свободно, без какой-либо предварительной цензуры, также свободно функционируют молитвенные собрания и собрания, посвященные вопросам управления культовым имуществом и вопросам содержания храма.

Распространение и пропаганда буржуазных, анархических и антигосударственных учений под религиозным флагом, направленных против Советской власти, подлежит уголовному суду на общих основаниях.

Запрещается всем государственным учреждениям путем административного вмешательства поддерживать какой-либо культ в ущерб другим культам».

(Красная газета, 1923, 1 июля, вечерний выпуск).

Подчеркнутые слова были косвенной легализацией «тихоновской» церкви и представляли собой значительное отступление от принципов инструкции 1 июня 1923 г., которые настаивали на обязательной регистрации общин.

Читателю может показаться, что мы совершенно забыли об обновленческом движении, которое является основной темой нашей работы.

Действительно, у беспристрастного наблюдателя тех событий, кото-

рые происходили в середине 1923 года, может создаться впечатление, что обновленчество лопнуло в конце июня, как мыльный пузырь.

В первые дни июля никто уже не хотел слышать об обновленцах, и даже самые ярые приверженцы «Живой Церкви» боялись о ней говорить – обновленческих священников разъяренная толпа грубо выдворяла из храмов, нельзя было сказать ни одного слова против патриарха – всякого такого оратора немедленно прерывали негодующие крики, а иногда пускались в ход и кулаки. Растерянное обновленческое духовенство было совершенно дезорганизовано, уполномоченные ВЦС, благочинные, секретари комитетов и тому подобные обновленческие начальники (им же несть числа) только беспокойно переглядывались и пожимали плечами.

В прессе появились отклики на освобождение патриарха представителями различных течений. Официальный комментарий был выдержан в сухо корректном тоне:

«По поводу опубликованного вчера постановления Верховного Суда член президиума этого Суда т. Галкин заявил:

– Содержание под стражей было применено к бывш. патриарху Тихону ввиду его непрекращавшейся активной контрреволюционной деятельности. Нынешнее заявление Тихона о его лояльном отношении к Советской власти устраняет необходимость дальнейшего применения этой меры пресечения. Сейчас, когда я говорю эти слова, Тихон уже, вероятно, на свободе.

Постановление Верховного Суда, конечно, ничего не меняет в самом ходе дела Тихона, следствие по которому будет продолжаться своим чередом».

(Известия, 1923, 18 июня, № 142, с. 4.)

Отзыв Антонина отличается суровостью:

«Если бывший патриарх кается искренно в своей контрреволюционной деятельности, так он должен признать также и правильность приговоров Поместного Собора над собой. Если же он покается только перед гражданским судом, но по-прежнему будет считать себя патриархом и начнет священнослужить, тогда для всех будет ясно, что его исповедь фальшива, неискренна».

Заявление В.Д.Красницкого отличалось уклончивостью. Красницкий намекал на возможность компромиссов и оставлял дверь для переговоров открытой.

«В опубликованном заявлении б. патриарха надо различать три вопроса, которые вместе с тем встают в настоящий момент перед сознанием церковного общества, – говорил Красницкий в беседе с сотрудником «Известий». – С гражданской и юридической точки зрения Тихон своим заявлением признает свою вину перед Советской властью, и, вследствие этого признания, гражданские власти признали возможным освободить его из-под стражи. Но этим самым еще ни в какой степени Тихон не реабилитируется и не восстанавливается в каких-либо правах.

С политической точки зрения заявление Тихона имеет большое зна-

чение в смысле ответа на те инсинуации, которые распространяются заграничной прессой относительно гонения на Православную Церковь со стороны Советской власти. О каком же гонении или преследовании может быть речь, если высший глава Православной Церкви, открыто признающий вину перед Советской властью, по его просьбе немедленно освобождается.

Наконец, в его заявлении есть еще церковно-общественная сторона. Церковный Собор текущего года предъявил б. патриарху Тихону определенное обвинение не политическое, а церковно-общественное. Обвинение в том, что он свой патриарший авторитет употребил вопреки своему долгу и, по собственному признанию, сделал орудием политической борьбы для заграничных контрреволюционеров. Этим он принес неисчерпаемый вред Русской Церкви. Эти обвинения совершенно справедливы. Их не отрицает и сам Тихон. Если это так, то, следовательно, справедливо и суровое постановление Собора о лишении его сана. Теперь перед Тихоном стоит великий долг – принести свое покаяние перед Церковью в том преступлении, которое он перед ней совершил. Как бывший архипастырь, Тихон во избежание колоссального церковного раскола должен иметь такое же мужество признания своей вины перед Церковью, какое он выказал в своем открытом признании своей вины перед Советской властью...

– Считаете ли вы возможным возобновление церковно-общественной деятельности для Тихона?

– Предсказывать что-либо в этой области я затрудняюсь, – ответил протопресвитер Красницкий, – но если он так же открыто признает свою вину перед церковью, раскается в ней, то я считаю вполне возможным соглашение обновленческой церкви с той старой церковью, которая придерживается еще течения, от которого Тихон определенно теперь отказался. Если такое соглашение не последует, то возможен церковный раскол, и тогда уже вина в этом расколе падает всецело на Тихона. В настоящее время происходит расслоение верующих, идет горячая борьба внутри приходов. Обновленческая церковь подняла церковные низы, и вот теперь происходит борьба верующих трудящихся с верующими собственниками. Если этой борьбе не будет положен конец открытым признанием Тихоном своей вины перед Церковью, то на него падет вся вина за раскол Церкви Русской».

В качестве курьеза можно упомянуть о хлестаковском выступлении В.Н.Львова.

«Зная характер Тихона, – с чисто хлестаковской развязностью заявил бывший обер-прокурор Святейшего Синода, – я убежден, что он написал свое письмо искренно и изложенное в письме соответствует действительности. Тихон – сын псаломщика, а известно, что дети псаломщиков всегда были в рядах русской радикальной общественности. (Откуда взял Львов, что патриарх Тихон – сын псаломщика, это тайна, которую он унес с собой в могилу. – *Авт.*) И эта традиция, и семейные воспоминания Тихона должны сделать его восприимчивым к влиянию обновленческих идей.

Я надеюсь, что эволюция Тихона не остановится на этом этапе, и если в добавление к опубликованному письму Тихон примкнет к обновленческому движению, то результаты такого шага будут иметь огромное значение».

Примерно в этом же духе высказывался и А.И.Новиков. «Появление Тихона не было для нас неожиданностью, – говорил управляющий делами ВЦС. – А зная Тихона как верующего человека, мы были убеждены, что чувство христианского долга восторжествует над его политическими заблуждениями». (Известия, 1923, 29 июня, № 144, с. 1.)

Это снисходительное похлопывание по плечу патриарха в первый день его освобождения, когда было еще неизвестно, какую позицию он займет в отношении обновленчества, сменилось, однако, диким озлоблением, как только было напечатано первое воззвание патриарха, в котором он делает резкие выпады против обновленческого духовенства.

Все точки были поставлены над «i», все надежды на примирение патриарха с обновленцами лопнули.

В.Д.Красницкий экстренно созывает центральные комитеты группы «Живая Церковь» и СОДАЦа. Собрать, впрочем, удалось лишь обломки этих организаций: живоцерковный комитет явился лишь в половинном составе. Что же касается содацевцев, то от них остались лишь А.Новиков и А.Боярский, курсировавший в эти дни между Москвой и Питером.

Всего загадочнее было внезапное исчезновение А.И.Введенского, который застрял где-то в провинции и не подавал о себе ни слуху, ни духу. Впрочем, и сами содацевцы не очень желали его возвращения в Москву, считая его слишком одиозной личностью.

Так или иначе, представители «Живой Церкви» и СОДАЦа на этот раз быстро оформили создание «Единого тактического обновленческого фронта», приняв следующую резолюцию:

«Предложить всем обновленческим организациям групп «Живая Церковь» и СОДАЦ сосредоточить все свое внимание на ликвидации «тихоновщины», как организации политически-церковно-контрреволюционной.

Прекратить всякие взаимные публичные споры и обязать всех к взаимной и всемерной поддержке. В целях объединения работы обновленческих церковных групп на местах организовать объединенные собрания комитетов для предварительного обсуждения и решения спорных вопросов.

На епархиальных и благочиннических и всех публичных собраниях представители обновленческих церковных групп выступают объединенно, соединенные списком, по одной программе». (Известия, 1923, 3 июля, с. 2.)

Увы! Фронт был прорван в первые же дни: ни одного собрания «Живой Церкви» и СОДАЦа не удалось даже собрать. Из провинции приходили панические донесения, свидетельствующие о полном развале обновленческой организации на местах. Красницкий экстренно посылал без конца в Одессу телеграфные приглашения митрополиту Евдокиму, избранному председателем ВЦС вместо Антонина, с просьбой поскорее при-

ехать в Москву. Наконец было получено извещение от Евдокима о том, что 3 июля он выезжает в Москву.

4 июля В. Д. Красницкий и А. И. Новиков выехали встречать нового главу обновленческой церкви на Киевский вокзал. Однако, к их изумлению, он в Москву не прибыл. После отчаянных запросов Красницкого 7 июля пришло известие, что Евдоким выехал в Москву, но вернулся назад в Одессу «ввиду болезни».

Это было слишком даже для Красницкого. Кажется, первый раз в жизни он растерялся и выпустил руль из рук. «Не знаю! Не знаю! Не знаю!» – беспомощно отвечал он на все вопросы.

Действительно, стало ясно, что ВЦС не имеет никакого авторитета, что он представляет собой кучку случайных людей и не имеет в своей среде ни одного сколько-нибудь авторитетного человека.

Единственное, на что оказался способным ВЦС, это опубликовать в газетах еще одно воззвание, пропитанное бешеной злобой против патриарха:

«Когда в 1921 году постиг землю нашу неопишумый голод и когда стали поедать трупы и убивать друг друга на пищу себе, он, Тихон, издал призыв всемерно противодействовать сдаче церковных ценностей для спасения умирающих, угрожая лишением сана священнослужителям и отлучением от церкви мирянам, которые пойдут против его распоряжения, – исходили желчью и злобой члены ВЦС. – Его воззваниями и действиями наша православная церковь была втянута в гражданскую войну, и сотни и тысячи православных людей погибли во исполнение его указаний.

При проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства произошло 1414 кровавых столкновений – многое множество епископов, пресвитеров и мирян были расстреляны, погибли в тюрьмах и ссылках за участие в гражданской войне. Наконец, за один 1922 год за исполнение послания (?) б. патриарха Тихона по делу противодействия помощи голодающим было расстреляно 45 человек, в том числе Петроградский митрополит Вениамин, и осуждены на долгие годы тюремного заключения более 250 человек.

Привлеченный, наконец, к суду и лишенный возможности дальнейшего преступного управления церковью, в мае 1922 года он устранился от дел управления и согласился передать высшее церковное руководство другому лицу. Когда собранный в 1923 году новым Высшим Церковным Управлением Поместный Собор лишил его сана и монашества, а с другой стороны, когда гражданским судом он был обличен во всех своих преступлениях, он почувствовал наступление грозного часа расплаты за свои государственные преступления.

Трепеща за свою жизнь и стараясь удержаться на прежнем своем церковном положении, он признался во всех своих государственных преступлениях, признался, что он сознательно и заведомо звал верующих на политические преступления и гражданскую войну и тем самым, спасая себя, предал всех, исполнявших его распоряжения...

Он, б. патриарх Тихон, говорит, что в числе членов Собора он узнал только 10-15 архиереев. Он спрашивает – где остальные? Пусть спросит совесть свою – они погибли, они устранены за исполнение распоряжений его. Кровь их и скорби их падут на него самого и его управление. Он говорит о 16 правиле Двукратного Константинопольского Собора, запрещающего поставлять новых епископов, вместо лишенных сана и чести епископской. Но сам-то он пусть вспомнит живого, разбитого теперь болезнью митрополита Макария*, на место которого он сел и не подумал об этом правиле.

Он обвиняет современное обновленческое движение, ссылаясь на какого-то монархического писателя, высланного из Москвы за контрреволюционную пропаганду. Он обвиняет нас в христианском либерализме, в том, что у нас будто нет мучеников, обличителей, пророков, но он кого создал, он сам какое движение поднял, он какую пользу принес Церкви? Он действительно создал мучеников, действительно подвел под расстрел тысячи народа, действительно обагрил кровью землю Русскую, действительно весь облит слезами вдов и сирот, но эти кровь и слезы всецело падают на него и вопиют о Божией каре и Божиим отомщении...

Верующие православные люди! Многие тысячи братьев ваших б. патриарх Тихон, выполнявший волю своих советников, привел к расстрелу, к тюрьме, ссылке и разорению.

Те же люди окружают его и теперь. Тот же безвольный и преступный старик хочет вести вас и теперь.

Та же участь и те же слезы ожидают вас.

Воззвание подписано:

Председательствующим епископом Георгием Добронравовым.

Зам. председателя прот. В.Красницким.

Членами президиума: прот. П.Красотиным, протодиаконом С.Добровым.

Управделами членом президиума мирянином Александром Новиковым».

(Правда, 1923, 8 июля, № 151, с. 3.)

Этот документ можно назвать лебединой песней Высшего Церковного Совета. Ни разу после этого Совет не собирался, а через несколько дней был и официально распущен. Это также последний документ, написанный и подписанный Красницким в качестве официального лица – после этого о нем услышала русская церковь только один раз, когда он через несколько месяцев опубликовал свое заявление на имя патриарха Тихона с просьбой принять его в общение с собой и с безоговорочным признанием его главой Русской Православной Церкви.

Для того чтобы лучше уяснить себе то положение, в котором очутилось тогда обновленчество, полезно перечитать очерки одного из журналистов того времени, которому удалось хорошо запечатлеть церковные настроения тех дней.

«Первого посетил я Московского митрополита Антонина, руководителя группы «Возрождение», – писал А. Большаков, сотрудник петроградской «Красной газеты». – Двери в келью Антонина не запираются ни для кого, если он дома. Он принимает всех и каждого, когда кто придет.

Антонин старик крепкий и выражения употребляет тоже крепкие.

– Надоели они мне, мерзавцы, – повествует он о представителях «Живой Церкви», имеющей большинство в ВЦУ. – Все гадости «Живой Церкви» взваливают на меня. Я связался с ними, думая, что через эту грубую силу, которая оказалась только способной разрушать, можно провести идейное обновление церкви, в чем она так нуждается. Я ошибся. И я решил порвать с ними. Протестуя против «Живой Церкви», против насилия иерейства над мирянами, что наблюдается теперь, при руководстве церковной жизнью живоцерковцев, я апеллировал к мирянам, предлагая им организовать приходские советы и епархиальные советы, где мирян было бы не меньше 2/3, предлагая мирянам выбрать себе священников, чтобы таким образом поднять моральный авторитет последних¹.

Высшее Церковное Управление, для которого ряд задуманных мною широких церковных реформ не по сердцу, выбросило меня из состава Высшего Церковного Управления, отставило меня от управления Московской митрополией и т.д.

– Следовательно, вы теперь не митрополит Московский и всяя Руси?

– Так как постановление ВЦУ и формально и по существу неправильно, то я его законным не признаю и опротестовал его уже. Себя же я считаю митрополитом Московским и всяя Руси по группе «Возрождение». Епископ Евдоким, назначенный ВЦУ митрополитом Московским, будет им «всяя Руси» от «Живой Церкви».

– А Тихон?

– А Тихон «всяя Руси» – по контрреволюции, так как около Тихона группируются все контрреволюционные силы. Он окружен теми самыми силами, с которыми он творил свои «деяния», приведшие к расстрелу многих лиц, и в их числе Петроградского митрополита Вениамина.

– Что вы предполагаете делать в ближайшее время?

– Буду делать свое дело – попытаюсь идейно обновить нашу церковность и реформировать ее административный аппарат. Буду работать с теми, кто со мной захочет работать. Буду бороться с Тихоном и с «Живой Церковью».

После Антонина разговаривал с Красницким, заместителем председателя Высшего Церковного Управления, руководителем «Живой Церкви».

– Как вы смотрите на деятельность Тихона?

– Тихоновщина охватила всю Москву. Наш причт выгоняют из церквей. Меня самого бабы вчера выгнали из одной церкви. Вчера (я с Красницким говорил 4 июля) Тихон служил панихиду на могиле архиерея

¹ Выборы священников и членов приходских и епархиальных советов вводились епископом Антонином как свободные и невоспрепятствованные выборы при тайном голосовании. Каковы были бы их результаты при враждебном отношении народа к «Живой Церкви» – предсказать нетрудно. Неудивительно поэтому, что Е.А.Тучков и В.Д.Красницкий и слышать не хотели о чем-либо подобном.

Розова¹. На панихиде присутствовали в полном составе польская миссия, торговое представительство Англии и проч. Зачем это? Ясно, что каждое выступление Тихона – смотр контрреволюционным силам Москвы. Удивляюсь Советскому правительству, что оно допускает это. Власти необходимо вмешаться и помочь нам бороться с тихоновщиной.

– Что вы, т.е. ВЦУ, предполагаете делать с Тихоном?

– Что делать? Ничего. Выжидать, выжидать вмешательства власти.

– Скажите, – спросил я, – по постановлению Собора для епископов допускается только один брак?

– Да.

– Ходят слухи, что в Петрограде прот. Белков предлагает опубликовать документы о второбрачии архиепископа Введенского. Как вы к этому относитесь?

– Опубликование этих документов в данный момент повредило бы нам. Вообще нам сейчас трудно. Весь удар последних дней пришлось нам выдержать в числе немногих.

Введенский должен был явиться к 15 числу июня в Москву, но его нет и до сего дня. Где он – неизвестно, где-то читает свои лекции.

У Тихона.

Я направился к Тихону в Донской монастырь.

Тихон далеко не так доступен, как два первых церковных деятеля.

«Святейший устал, благословляя народ до пяти часов вечера. Святейший молится. Святейший собирается служить» и т.д... Но все же, побыв раз в монастыре, другой, приезжаю туда в третий раз.

Добиваюсь ответов на некоторые мои вопросы, хотя ответы даются кратко, осторожно. Из полученных ответов можно выяснить следующее.

Майский церковный Собор не признается. Будет ли созван новый Собор – там видно будет. Сейчас заняты конструированием административного церковного аппарата, будет Синод и прочее.

Кто окружает Тихона? Публика как будто бы прежняя. Епископ Иларион – бывший секретарь патриарха (в сане иеромонаха). Иларион принимает раскаявшихся беглецов из стада Тихона, а таких много. Видел архимандрита Анемподиста, упитанного монаха, человека себе на уме, на лице которого было написано торжество. Мы, мол, победим».

*

Мы изложили, насколько могли подробно, все факты, относящиеся к освобождению патриарха.

Как мы уже указывали выше, освобождение патриарха вызвало много толков в те дни. Отклики были самые разнообразные.

Советская пресса приветствовала покаянное заявление патриарха, видя в этом моральную победу Советской власти, выбившей почву из-под ног международной контрреволюции.

Отзывы эмигрантов отличаются пестротой.

¹ Известный московский архидиакон Розов умер в конце 1922 года от дистрофии, вызванной голодом.

«Я не верю, чтобы старый, больной и измученный патриарх всея Руси просил милости у советской сатаны! – истерически восклицает А. Яблоновский в эмигрантской газете «Руль». – Я не верю, чтобы святитель Русской Церкви зачеркнул сияющий подвиг своей прекрасной жизни... Не верю и никогда не поверю! Это шантаж, это подлог, это обман! Так могла написать только Клара Цеткин, но не смиренный Тихон, патриарх всея Руси». (Красная газета, 1923, 6 июня, с. 1.)

С другой стороны, П. Н. Милюков в парижских «Последних новостях» призывал к более трезвому пониманию воззваний патриарха: «Патриарх нужен не здесь, в Париже, а на Руси. И там он должен жить и действовать – вот основное, что надо понимать, когда речь идет о воззвании патриарха».

Митрополит Антоний Храповицкий в эти дни выпустил специальное воззвание под заглавием: «Не надо смущаться!» Здесь он напоминает, что патриарх всегда призывал повиноваться Советской власти, поскольку она не затрагивает религиозной совести верующих. Воззвание патриарха он объяснял необходимостью «вырвать Церковь из рук неверующих в Бога обновленческих архиереев и лжепопов». В заключение митрополит Антоний объявлял о своем полном каноническом подчинении патриарху.

В России в церковных кругах также существовали в те дни разногласия в оценке поведения патриарха.

Что должен сказать по этому поводу историк?

Наиболее легким выходом было бы ничего не говорить, ограничившись простым описанием событий. Находились люди, которые советовали авторам настоящей работы держаться именно этой линии.

«Не надо ничего оценивать, надо только излагать», – говорил одному из авторов известный церковный деятель, играющий доминирующую роль в современной богословской литературе.

При всем уважении к отдельным лицам, пишущим «историю» в этом духе, самое меньшее, что можно про них сказать, это то, что они трактуют события, причины которых ускользают от их внимания, а последствия которых стоят бесконечно выше их понимания.

«История», трусливо избегающая всех «острых моментов», осторожно умалчивающая обо всех неприятных фактах, история, которая не может «сметь свое суждение иметь» – имеет тысячи достоинств, за исключением одного – это все, что угодно, но только не история.

Историк церкви не выполнил бы своего долга, если бы не пытался разобраться в июньских событиях 1923 года.

Причины, побудившие властей освободить патриарха, ясны и не требуют особых комментариев. Освобождение патриарха было блестящим дипломатическим шагом, благодаря ему отпадал повод для резкой антисоветской кампании, особенно неприятной в тот момент, когда для Советского правительства особое значение приобретала проблема дипломатического

признания, укрепления торговых связей с капиталистическим миром. Освобождение патриарха означало определенный политический выигрыш внутри страны, так как давало некоторую надежду на то, что руками патриарха удастся осуществить ту политику подчинения церкви, которого так настойчиво добивался Е.А.Тучков.

И освобождение патриарха было весьма рискованным шагом, так как непосредственным его следствием была консолидация церкви вокруг патриарха и, следовательно, усиление ее независимости.

Каковы были причины, побудившие патриарха написать свое заявление о признании ошибок?

Мы, разумеется, полностью отвергаем мысль о страхе за жизнь, который мог руководить патриархом в его действиях. Такое объяснение совершенно не соответствовало бы его характеру и всей его прошлой деятельности. Для того чтобы открыто выступать с антисоветскими протестами в 1919 году, в разгар красного террора, в эпоху массовых расстрелов, находясь в Москве, — нужно было иметь гораздо больше мужества, чем придерживаться той же линии в 1923 году, в эпоху нэпа. Не подлежит сомнению, что расстрелять патриарха в 1923 году было гораздо труднее, чем в 1918 году.

В 1918 году расстрел прошел бы почти незамеченным и произвел бы, вероятно, на современников столь же малое впечатление, как расстрел Романовых в Екатеринбурге, Колчака в Иркутске, епископов Ермогена и Андроника и т. д. — просто одной контрреволюционной фигурой стало бы меньше, только и всего.

Между тем в 1923 году, в эпоху гласности, некоторой законности, восстановления международных связей — выстрел в патриарха прозвучал бы на весь мир, отозвался бы в миллионах сердец, потряс бы миллионы людей. В 1918 году никому не приходило в голову за границей поднимать особый шум из-за расстрелянных епископов. В 1923 году имя Тихона не сходило с газетных столбцов во всем мире.

И патриарх об этом знал, знал он и о нотах Керзона (в его защиту) и о сравнительно мягком приговоре лидерам эсеров и Яну Цепляку. Не мог не знать, ибо до мая 1923 года изоляция патриарха была лишь условной: он получал огромное количество передач с воли, получал письма, поддерживал почти регулярную связь со своими сторонниками. Вряд ли патриарх мог поэтому чувствовать себя подавленным и покинутым. Сведения, приходившие с воли, должны были, наоборот, вливать в его сердце надежду и бодрость.

Наконец, если представить себе, что заявление от 27 июня патриарх написал в состоянии минутного малодушия и душевной депрессии, то вполне законно встает вопрос, почему, будучи на воле, окруженный восторженными почитателями, более авторитетный и духовно сильный, чем до ареста, патриарх не только не взял обратно своего «Покаяния», но, наоборот, неоднократно подтверждал его. Не подлежит сомнению, что здесь перед

нами не случайный, минутный приступ малодушия, а вполне сознательная и последовательная линия.

Какова же эта линия?

Цель патриарха можно сформулировать в двух словах: сохранить Русскую Церковь, верную традиционному православию и независимую от государства, на базе «мирного сосуществования» с Советской властью.

О том, что речь шла не о подчинении, а только о «мирном сосуществовании», свидетельствует категорический отказ патриарха от принципа «регистрации» – от согласования с властью назначения епископов и от каких бы то ни было мероприятий, которые означали бы вмешательство государства во внутренние дела церкви.

«Я посылаю епископов на юг, а власть их посылает на север», – так характеризовал создавшееся положение патриарх в 1924 году. (См.: *Троицкий*. По поводу книги протопресвитера Польского. Белград, 1955.)

Патриарх проводил свою линию последовательно и четко, без громких слов и оперных жестов, однако так, что ни у кого не возникало никаких на этот счет сомнений и неясностей.

В первой части нашего труда мы сравнили патриарха Тихона с образом М.И.Кутузова, каким он нарисован в романе Л.Н.Толстого «Война и мир».

Подобно Кутузову патриарх Тихон – простой русский человек – соединял в себе сознание своей правоты с чувством реальности. Подобно Кутузову, он делал великое всенародное дело – сохранял для народа его святыню, драгоценное духовное сокровище – Православную Церковь.

Наконец, когда речь идет о патриархе Тихоне после освобождения из заключения, невольно сравниваешь его с одним простым и сильным духом русским человеком – с Японским апостолом архиепископом Николаем.

«Самая война России с Японией доставила владыке немало душевных страданий, – говорит его биограф. – Как только выяснилось, что эта война неизбежна, возникает вопрос – останется ли епископ при своей пастве или уедет в Россию. Конечно, он остался. Но сердце его вдвойне страдало за родину, которую он так горячо любил, и за Японскую церковь.

От имени японских христиан он прислал русским пленным братское приветствие или послание.

«Возлюбленные братья во Христе! – читаем мы в этом послании. – Примите поздравление православных христиан юной японской церкви с Пресветлым праздником Воскресения Христа.

В свете этого праздника мы обращаемся к вам. В этом свете, свыше сияющем, исчезает различие народностей. Вошедшие в круг сего сияния уже не суть иудей или эллин, русский или японец, но все одно во Христе, все составляют одну семью Единого Отца Небесного».

(Платонова А. Апостол Японии. Петроград, 1916, с. 57, 71.)

Подобно св. архиепископу Николаю во время русско-японской вой-

ны, патриарх Тихон считал (этому научил его горький опыт предыдущих лет), что Русская Церковь должна быть «над схваткой», но для этого было необходимо, чтобы она отмежевалась от контрреволюции и перестала быть «пятой колонной» в Советской России.

Разница между патриархом Тихоном и обновленцами та же, что и между патриархом Тихоном и его преемниками – на первый взгляд несущественная, почти неуловимая, и в то же время неизмеримо глубокая.

Апостол Павел и Победоносцев – лояльность по отношению к государству и порабощение государством церкви. В сопоставлении этих исторических образов постигается та бездонная пропасть, которая разделяет представителей различных течений в 1923 году.

И народ православный понял эту разницу – пошел за патриархом. Дело здесь не столько в личности патриарха, сколько в принципе. «Не позволим насиловать нашу совесть и навязывать нам пастырей, которых мы не желаем», – говорили люди и шли за патриархом. «Тихоновцы» в 1923 г. были, таким образом, стихийно демократическим течением. Именно здесь, около патриарха Тихона, произошло подлинное духовное обновление Церкви – в этом стихийном, всенародном соединении религиозных людей, волне, которая смыла все нечистое, пошлое, своекорыстное, что было в русской церкви.

И по иронии судьбы именно обновленцы оказались в этот момент в роли победоносцевых – чиновников в рясе, которые шли против народной церкви.

Противники патриарха называли «тихоновщину» черносотенным движением, особенно любили они говорить об «охотнорядцах» и сухаревских торговцах, участвовавших в движении. Разумеется, нельзя отрицать наличия черносотенных элементов в рядах сторонников патриарха Тихона. Кстати сказать, немало недавних черносотенцев было и среди обновленцев, однако, конечно, не они играли в этом движении главную роль.

Как известно, «тихоновщина» в течение трех недель охватила не только всю Москву, но и всю Россию. Это значит, что по меньшей мере 50 миллионов человек так или иначе поддерживали патриарха Тихона. Но допустить, что в России в 1923 году было 50 миллионов черносотенцев, может только сумасшедший или совершенный невежда (их и до революции в России было не больше ста тысяч).

Особенной неожиданностью для многих было широкое сочувствие патриарху Тихону, обозначившееся в это время в рабочем классе.

«Религиозности в русском рабочем классе почти нет совершенно, – категорически утверждал в это время знаменитый идеолог, которому никак нельзя отказать ни в огромном таланте, ни в зоркой наблюдательности. – Да ее не было никогда по-настоящему. Православная Церковь была бытовой, обрядовой и казенной организацией. Проникнуть глубоко в сознание и связать свои догматы и каноны с внутренними переживаниями народных масс ей не удалось. Причины те же: некультурность старой России, в том

числе ее церкви. Оттого, приобщаясь к культуре, русский рабочий класс так легко освобождается от своей чисто внешней, бытовой связи с церковью. Для крестьянина это труднее, но не потому, что он глубже, интимнее проникся церковным учением – этого, конечно, нет и в помине, а потому, что его косность и однообразие быта тесно связаны с косностью и однообразием церковной обрядности.

У рабочего – мы говорим о массовом беспартийном рабочем – связь с церковью держится в большинстве случаев на нитке привычки, преимущественно женской привычки».

(Троцкий Л. Водка, церковь и кинематограф. – Петроградская Правда, 1923, 12 июля, с. 1.)

И вот, в полном противоречии с этими словами, огромная тяга к патриарху проявилась именно в районах с рабочим населением. Как характерный пример приведем подмосковный город Серпухов, населенный в основном рабочими.

«В 1924 году в Серпухове разнесся слух, что по просьбе горожан в ближайший праздник придет патриарх и будет служить в соборе. Праздник приходился в будни. Накануне рабочие заявили своему фабричному начальству:

– Мы хотим вас предупредить, что завтра на работу не выйдем, но просим не считать это забастовкой. Этот день мы вам отработаем в воскресенье, а пока патриарх будет с нами, мы работать не будем.

Ошеломленное начальство растерялось и на репрессивные меры не решилось – с рабочими считались.

На следующее утро на вокзале появилась увитая зеленью арка, а по всему пути рабочие стояли шпалерами и при проезде патриарха становились на колени. После богослужения они его обступили, прося остаться еще на один день и служить в церкви, считавшейся фабричной. Святейший остался и просьбу их выполнил.

Перед его отъездом рабочие объявили, что никому своего отца они для обратного пути не доверят, взяли лучший фабричный автомобиль и сами отвезли патриарха из Серпухова в Донской монастырь».

(Вестник культуры, Париж, 1937, с.8.)

В Петрограде в 1923 г. именно в рабочих районах (на Васильевском острове, в Гавани, в Московско-Нарвском и Выборгском районах) было особенно заметно движение в пользу патриарха Тихона. В селе Смоленском, исключительно рабочем районе, обновленцам не удалось водвориться ни в одном храме, примерно так же обстояло дело на Охте. «Тихоновским» было все крестьянство и вся городская беднота (прислуги, приказчики, мелкие ремесленники). Неверно также указание на то, что нэповская буржуазия поддерживала патриарха Тихона в Петрограде (с января 1924 г. он стал называться Ленинградом). Дело обстояло как раз наоборот: здесь главной цитаделью обновленчества являлись церковь Спаса на Сенной и Андреевский собор посещавшиеся в основном, торговцами с Сенного и

Андреевского рынков. Ситный рынок поддерживал Введенскую церковь, которая также являлась обновленческой.

Таким образом, следует подчеркнуть, что «тихоновщина» в основном опиралась на демократические слои населения и не последнюю роль в «тихоновщине» играли рабочие.

Косвенным подтверждением народного размаха, который носило движение патриарха Тихона, явилась реорганизация обновленческого раскола.

Обновленчество очнулось от глубокого обморока, в который повергло его освобождение патриарха, лишь через месяц – в конце июля.

Первым признаком оживления обновленчества явились следующие два документа:

«Разъяснение прокурора Петроградской губернии от 31 июля 1923 г. за № 4318.

На заявление ваше о поминовении за богослужением бывшего патриарха Тихона сим разъясняем, что общественные его выступления предусмотрены ст. 95 и 67 Уголовного кодекса, за каковые он привлечен к суду, то (?) явно проявленное признание его отдельными гражданами и группами в качестве своего духовного руководителя, а равно и публичное поминовение его за богослужением могут дать законный повод к возбуждению уголовного преследования против виновных в пособничестве в контрреволюционных действиях, не связанных непосредственно с совершением означенных преступлений, что предусмотрено ст. 69 Уголовного кодекса».

(Вестник Священного Синода, 1923, 18 сентября, с. 3-4.)

Более грамотно написанное и более пространно мотивированное разъяснение новгородского губернского прокурора:

«За последнее время в прокуратуру стали часто поступать запросы служителей религиозных культов о том, противозаконно ли поминовение бывшего патриарха Тихона за богослужением. Даю следующее разъяснение по этому вопросу.

Вопрос о поминовении во время церковной службы тех или иных лиц, как вопрос внутреннего церковного распорядка, государственной власти сам по себе не касается.

Но торжественное поминовение на ектении, во время великого входа и т. д. заведомых контрреволюционеров, как, например, бывшего патриарха Тихона, находившегося под судом, именование его «Господином нашим» и проч. уже выходит за рамки простой молитвы и является публичным изъявлением хвалы заведомым врагам Советской власти. Поскольку же такое поминовение совершается публично, в торжественной форме от имени Бога и может, таким образом, воздействовать на религиозные предрассудки масс и вызвать у них настроение, враждебное к Советской власти, поминовение это является агитацией. Поэтому никакое торжественное публичное поминовение на ектенях, великом входе или в иные моменты церковной службы заведомых врагов Советской власти и в том числе быв-

шего патриарха Тихона допущено быть не может, и служители культа, которые будут продолжать такое поминование, подчеркивая таким образом свою солидарность с явными контрреволюционерами и вызывая в массах враждебность к Советской власти, как лица социально опасные на основании декрета ВЦИК от 18 августа 1918 года будут представляться в особую комиссию при Народном комиссариате внутренних дел для высылки в административном порядке с заключением на 3 года в лагерь принудительных работ». (Там же.)

Не подлежит сомнению, что эти два разъяснения явились ответом на отчаянные мольбы обновленческих лидеров (как центральных, так и местных) о помощи, обращенные к властям. Надо, однако, сказать, что прокуратуры, блещущие красотами канцелярского стиля, мало помогли обновленцам. Поминование патриарха началось повсюду по требованию народа. Если же отдельные священники подвергались репрессиям, то это только подливало масла в огонь, так как все аресты (даже если обновленцы не имели к ним никакого отношения) неизменно приписывались их проискам.

Еще меньшее впечатление произвело на верующих разъяснение Наркомюста, изданное по настоянию А.И.Боярского.

«Ввиду ходящих слухов о создании б. патриархом Тихоном своего Священного Синода как всероссийской организации, объединяющей и руководящей всей тихоновской церковью в России, группы верующих в Петрограде обратились в пятый отдел Наркомата с вопросом – действительно ли зарегистрирована такая организация.

Пятый отдел ответил, что никакого Священного Синода в смысле всероссийской организации не существует. Такая организация и не может быть зарегистрирована.

Религиозные организации вроде Синода могут быть зарегистрированы только в результате всероссийских съездов «зарегистрированных религиозных обществ». (Там же.)

Поборникам регистрации пришлось зарегистрировать полный провал зарегистрированного шантажа: народные массы, объединившиеся вокруг патриарха, не обращали никакого внимания на все эти циркуляры, разъяснения, инструкции, и власти не могли ничего сделать с мощной народной волной.

Положительное и прогрессивное значение так называемой «тихоновщины» 1923 года состоит хотя бы в том, что она показала ничтожность всяких «регистрационных удостоверений» и прочих канцелярских бумажек, которые гипнотизируют трусов и бюрократов.

*

20 июля 1923 года в Москву наконец прибыл из Одессы митрополит Евдоким.

На вокзале ему была устроена подчеркнута торжественная встреча, и в «Известиях» подали сообщение о его приезде под большим аншлагом, всячески рекламируя его как главу обновленческой церкви.

Краткую характеристику личности владыки Евдокима мы сделали в первой части нашей работы. С самого начала раскола преосвященный Евдоким проявлял необыкновенную активность, выступая с пространными воззваниями, написанными эмоционально и ярко, хотя несколько напыщенно.

На освобождение патриарха словоохотливый иерарх немедленно откликнулся двумя телеграммами, которые напоминали собой стихотворения в прозе.

«Глубоко обрадован публичным отречением бывшего патриарха от своих ошибок, — говорилось в первой из телеграмм. — Теперь у всех спадет пелена с глаз. Работа по созиданию подлинной свободной России и обновлению нашей церкви будет легче.

Всех, от архипастырей до последнего мирянина, зову дружно на работу. Создадим новую, счастливую Россию, которой будут завидовать все страны света. Пусть второй раз засияет свет с Востока. Митрополит Евдоким».

Восторженный тон, созвучный тем розовым надеждам, которые царили среди некоторой части обновленцев в день освобождения патриарха Тихона, сменился вскоре мрачным пессимизмом.

«Попытку б. патриарха Тихона начать совершать богослужения считаю немислмой и противоестественной, — мелодраматически восклицал во второй телеграмме, написанной на другой день после первой, Евдоким. — Тот, кто обагрил себя кровью с ног до головы, потряс Церковь до основания, ввергнул множество людей в тюрьмы и ссылки, содействовал разорению всей Русской земли, поддерживая врагов русского народа за границей, дискредитировал новое наше правительство перед всем светом, — не может и не должен приступать к Божьему Престолу. Слишком велики преступления. Митрополит Евдоким».

(Известия, 1923, № 152.)

Обе эти телеграммы являлись своеобразной декларацией Одесского владыки в качестве будущего первоиерарха обновленческой церкви.

Выше мы уже говорили об избрании Евдокима на пост председателя ВЦС и о его неожиданном возвращении из Москвы в Одессу.

Для московских живоцерковников во главе с Красницким поведение владыки было совершенно непонятно. Столь же непонятно оно и для постороннего наблюдателя.

Все становится гораздо более ясным, если учесть, что владыка Евдоким, находясь проездом в Брянске, имел почти часовой телефонный разговор с Москвой. Собеседником преосвященного был не кто иной, как Е. А. Тучков. Именно после этого разговора обновленческий иерарх спешно вернулся в Одессу и пробыл здесь в течение недели, ожидая какого-то нового таинственного приглашения в Москву.

Красницкий, вероятно, дорого бы дал, чтобы присутствовать в номере брянской гостиницы, в которой сделал привал страстно ожидаемый им

в Москве владыка. И действительно, имя Красницкого не раз упоминалось в этот момент, когда велся телефонный разговор с Тучковым.

В своей беседе с Евдокимом Тучков заявил о необходимости реформирования обновленческой церкви. «С этим я совершенно согласен», — ответил митрополит и тут же произнес в телефонную трубку сорокаминутную речь.

Терпеливо выслушав, Тучков вежливо заметил:

— Благодарю вас, Василий Иванович, за столь подробное сообщение. И надеюсь поговорить с вами в Москве, когда будут для этого подходящие условия.

— А сейчас? Ведь я на пути в Москву.

— Думаю, что сейчас еще рано¹.

Судя по последующим событиям, легко себе представить, о чем говорил митрополит Евдоким. Внутренняя слабость обновленческого раскола после освобождения патриарха стала для всех очевидной. Для того чтобы обновленчество могло импонировать народу или хотя бы стать для него сколько-нибудь приемлемым, следовало его перестроить. Евдоким предложил прежде всего вернуться к традиционным церковным формам, упразднить столь дико звучащие в церковном быту «центральные комитеты», «губкомы» и «райкомы» и назвать верховный орган по-старому Синодом. Затем следовало отмежеваться от наиболее дискредитированных лидеров, в первую очередь от Красницкого. Далее программа митрополита Евдокима предусматривала переговоры с патриархом, которые должны были вестись, однако, «с позиции силы».

Прибыв в двадцатых числах в Москву, новый обновленческий вождь застал здесь подготовленную для реорганизации почву. Прежде всего он обнаружил внезапную пропажу: В. Д. Красницкий бесследно исчез из Москвы, исчез столь же внезапно, как появился. По «чьему-то» совету он уехал обратно в Питер для того, чтобы превратиться в настоятеля Владимирского собора. Затем в Москву было экстренно вытребовано несколько робких растерянных стариков из архиереев старого поставления, которые никак не могли понять, чего от них хотят, и робко жалась к Евдокиму, которого они помнили еще молодым преуспевающим монахом — ректором Московской духовной академии.

Конец июля и начало августа — время наиболее бурной деятельности Евдокима. За две недели ему удалось достигнуть консолидации раскола. Митрополит Евдоким обладал энергией не меньшей, чем Красницкий. Однако манеры у него были другие. Величавый и надменный князь церкви, митрополит Евдоким в этот момент импонировал решительно всем. Обновленческие батюшки подобострастно склонялись перед высоким духовным сановником, почуяв, наконец, привычную для них властную руку старорегимного архиерея. В иностранных посольствах митрополит Евдоким принимал вид образованного европейца, чему очень способствовала его величественная английская речь. Представителям вселенских патриархов и уче-

¹ Сведения об этом телефонном разговоре получены от А. И. Введенского.

ным теоретикам обновленчества из бывших академических профессоров импонировал диплом магистра богословия, полученный еще в 1898 г. Наконец, народ, бесцеремонно выталкивающий из церквей обновленческих батюшек, умолкал при появлении старого архиерея в белом клобуке, с генеральской осанкой, с барской пренебрежительностью в обращении.

В августе 1923 г. в Троицком подворье собрался пленум Высшего Церковного Совета. Решения этого пленума – поворотный пункт в обновленчестве. Приводим поэтому здесь полностью протокол пленума.

«Протокол № 1
заседания пленума Высшего Церковного Совета
от 8 августа 1923 г.

Присутствовали: председатель пленума митрополит Евдоким, митрополиты Симбирский Тихон и Сибирский Петр, архиепископ Рязанский Вениамин, Тульский Виталий, Смоленский Алексей и Пинский Сергей, епископ Дмитровский Георгий, протоиереи В. Шаповалов, П. Красотин, С. Коварский, А. Боярский, И. Журавский, Д. Соловьев, протодиакон С. Добров, управделами А. И. Новиков, В. Н. Львов.

Слушали: доклад управделами ВЦС А. Новикова о происшедших переменах за истекший период со времени прекращения работ Священного Собора Российской Православной Церкви 1923 года.

Постановили: доклад принять к сведению.

Расширить состав пленума вводом в него старейших иерархов в лице здесь присутствующих: митрополита Тихона, архиепископа Рязанского Вениамина, архиепископа Тульского Виталия и имеющих прибыть епископов – Петроградского Артемия и Пензенского Макария.

Слушали: предложение митрополита Евдокима о необходимости безотлагательно для блага Российской Церкви:

1. Восстановить связь с заграничными Восточными Церквами, послать полномочных авторитетных представителей Священного Синода на Восток, а также в Европу, Англию и Америку.

При этом Высокопреосвященным митрополитом Евдокимом было отмечено, что 7 августа к нему на Троицкое подворье являлись с официальным приветствием представители восточных патриархов: Константинопольского – архимандрит Иаков, и Александрийского – архимандрит Павел.

Во время ответного визита архимандритом Иаковым было заявлено митрополиту Евдокиму, что о всех происшедших церковных переменах уже сообщено в благоприятном смысле Вселенскому Константинопольскому Патриарху.

2. Восстановить теснейшую связь с местами и *широкими народными массами*.

3. Впредь до нового Собора верховному органу управления Всероссийской Православной Церкви именоваться не Высшим Церковным Советом, а «Священный Синод Российской Православной Церкви».

4. Объединить все обновленческое движение, забыть навсегда все разделения и разногласия.

Благоговевать в духе мира и любви под единым вековечным знаменем «Единая, Святая, Соборная Апостольская Церковь», руководствоваться постановлениями Вселенских Соборов, Русской Православной Церкви и распоряжениями Святейшего Синода.

5. Обратиться с воззванием ко всем верующим от имени Святейшего Синода и старейших иерархов Православной Церкви с призывом к миру и единению, с осуждением действий бывшего патриарха Тихона, ведущего Церковь по пути раскола церковного и на новую кровавую Голгофу.

6. Приступить немедленно к изданию двухнедельного журнала «Вестник Священного Синода». Первый номер «Вестника Священного Синода» должен быть выпущен в свет не позднее как через 10 дней.

7. Пересмотреть список уволенных на покой, преданных епископов с тем, чтобы воспользоваться их трудами в деле восстановления мира церковного.

Постановили единогласно:

Признать за благо предложения Высокопреосвященного митрополита Евдокима, принять и утвердить их». (Вестник Священного Синода РПЦ, 1923, сентябрь, № 1, с.7.)

Август 1923 года – важнейшая веха в истории обновленчества – начало нового, «синодального» периода.

Каковы особенности этого периода?

Прежде всего следует отметить исчезновение всех экстравагантностей первого года. Ликвидация группировок с их ЦК, фракциями, платформами была, безусловно, правильным шагом не потому, что эти явления плохи сами по себе, а потому, что политическая терминология, перенесенная на церковную почву, производила совершенно карикатурное впечатление. Во всем этом было что-то балаганное, все равно как если бы первый секретарь партии вдруг стал бы называться коммунистическим патриархом.

С этого времени обновленчеству становится присуща внешняя монументальность форм. Грамоты Священного Синода, написанные нарочито архаическим стилем, пышность архиерейских богослужений, византийская терминология: «Изволилось Нашей мерности», «Писана сия грамота в лето от сотворения мира» и т. д. Все это делало обновленчество слепком с официальной церкви и давало определенный положительный результат: таким образом удавалось кое-где примирить с обновленцами старорежимных людей.

Синодальный период был, однако, полным вырождением обновленческой идеи. Первый вопрос, который появлялся у всякого беспристрастного наблюдателя, был следующий: «Да из-за чего сыр-бор разгорелся?» Из-за чего происходит раскол, если ни в чем нет никакой разницы? И

ответить на этот вопрос было довольно трудно. Впрочем, митрополит Евдоким явно вел курс на примирение с патриархом.

Эта тенденция сказалась, между прочим, и на самом составе Синода.

В Синод входили следующие лица:

Председатель Священного Синода – Евдоким, митрополит Одесский и Херсонский.

Тихон, митрополит Симбирский.

Константин, архиепископ Гомельский.

Виталий, архиепископ Тульский и Епифанский.

Артемий, архиепископ Петроградский и Лужский.

Сергий, архиепископ Томский.

Петр, архиепископ Воронежский.

Алексий, архиепископ Смоленский и Дорогобужский.

Георгий, архиепископ Красноярский и Енисейский.

Протоиерей Павел Красотин.

Протоиерей Александр Боярский.

Протоиерей Дмитрий Адамов.

Протоиерей Сергей Канарский.

Протодиакон С.Добров.

В.Н.Львов.

Управделами Священного Синода А.И.Новиков.

(Вестник Священного Синода, 1923, № 1, с. 1.)

Присмотримся пристальнее к лицам, взявшим на себя в эти кризисные дни для обновленчества всю полноту ответственности. Прежде всего бросается в глаза отсутствие в Синоде главных вождей обновленчества: В.Д.Красницкого и А.И.Введенского. Их устранение преследовало двоякую цель: освободиться от наиболее скомпрометированных в глазах народа людей и обеспечить переговоры с патриархом, так как неудобно было иметь в этот момент в составе Синода двух человек, которые еще два месяца назад с пеной у рта требовали низложения патриарха Тихона.

Сразу бросается в глаза наличие в составе Синода нескольких архиереев старого поставления. Наиболее типичным из них является преосвященный Вениамин. Его биография, обстоятельства его перехода к обновленцам, его последующая роль в обновленчестве – все это в высокой степени типично.

Архиепископ Вениамин (в расколе митрополит Вениамин, в миру Василий Антонович Муратовский) родился в 1856 г. в семье сельского священника, около Казани. Окончив духовную семинарию, Василий Антонович сразу же женился на поповой дочке и принял сан священника. Человек спокойный, хладнокровный, добродушный, он, вероятно, так бы и остался священником Казанской Духосошестввенской церкви, если бы не семейное несчастье – смерть жены. Овдовев, духосошестввенский батюшка поступает в Казанскую духовную академию и вступает на стезю духовной карьеры. Принятие монашества, получение кандидатской степени, возведение в сан архимандрита... В 1896 г. архимандрит Вениамин переводится в

Петербург, где в это время митрополитом является его казанский земляк – Антоний Вадковский.

26 октября 1897 г. архимандрит Вениамин был рукоположен во епископа Ямбургского – викария Петербургской епархии. Хиротонию совершал митрополит Антоний в сослужении сонма архиереев, самым младшим из которых был рукоположенный за два дня до этого епископ (будущий Святейший патриарх Тихон).

10 июля 1901 года епископ Вениамин получает в управление Калужскую епархию. 31 декабря 1914 года он становится епископом Симбирским. 1 мая 1915 года он возводится в сан архиепископа.

Ученик митрополита Антония, владыка Вениамин был умеренным либералом, что вполне соответствовало его мягкой добродушной натуре. Как нельзя лучше его характеризует следующий эпизод. Однажды, в предвоенные годы, к владыке пришел один из симбирских священников с отчетом о борьбе с пьянством (тогда начинали входить в моду общества трезвости). Батюшка на этот раз набрался храбрости и написал в отчете, что «начальство лучше, чем требовать отчетов у духовенства, закрыло бы кабаки». Написал, подал архиерею и схватился за голову: «Что я наделал!» За такой отчет вполне можно было ожидать увольнения за штат и запрещения в священнослужении. Через три дня вызывают батюшку к Преосвященному. Идет, как на казнь. Выходит владыка Вениамин с отчетом в руках, отдает его священнику с улыбочкой и говорит: «Нате-ка, отец протоиерей, ваш отчет, перепишите-ка».

Так мягко и либерально управлял своей епархией, в здравии и спасении, в тишине и в ладу со всеми, и дожил бы владыка до глубокой старости, чаруя паству своим почтенным видом (он был удивительно похож на святочного деда), как вдруг налетел революционный шквал.

В 1919 году при отступлении белых из Симбирска владыка не устоял перед искушением – отступил с ними и застрял где-то в Сибири. Эта «эвакуация» и стала для него камнем преткновения – вечно ему все из-за нее угрожали и вечно его этой «эвакуацией» попрекали.

13 июля 1920 года владыка был назначен в Рязань. Здесь и пережил самые тяжелые времена церковной смуты: тут его и в тюрьму сажали, и выпускали, и под суд отдавали, пока владыка не признал «Живой Церкви». Тут только его оставили в покое. Тотчас после освобождения патриарха Тихона архиепископ приехал в Москву, приветствовал его со слезами на глазах и, вернувшись в Рязань, издал указ по епархии о присоединении к патриарху и стал поминать его за богослужением.

(См.: Церковное обновление, Рязань, № 14.)

5 августа у владыки был произведен обыск, и он был арестован и экстренно увезен в Москву. В августе 1923 г. он уже принимает участие в заседаниях Синода, а 9 августа обращается к рязанской пастве со следующим воззванием:

«Духовенству Рязанской епархии.

Внезапно уехав в Москву и будучи приглашен в заседание Высшего

Совета, а ныне Священного Синода Российской Православной Церкви, для активного участия такового как член, я бесповоротно решил идти на встречу церковно-обновленческому движению в духе православной церкви, без всякого тяготения к так называемому тихоновскому движению. На этот путь приглашаю вступить и всех вас, досточтимые отцы и братья.

При сем долгом имею сообщить вам, что отныне в Священном Синоде не существует никаких отдельных обновленческих групп, все они соединились воедино, под именем «Единой Святой Соборной Апостольской Церкви». Молитвенно призываю Божие споспешествующее благословение на всех вас и ваших пасомых.

Божией милостью смиренный Вениамин, архиепископ Рязанский, член Священного Синода РПЦ.

г. Москва, 1923 г., августа 9-го дня».

(Церковное обновление, 1923, № 15, с. 4.)

В Рязань владыка не вернулся: в сентябре он украшает свои седины белым клобуком, который необычайно ему идет, будучи назначен митрополитом Ярославским, впоследствии Ленинградским, 8 января 1924 г. он избирается Председателем Священного Синода, в 1929 г. – митрополитом Московским и Коломенским, в каковом сане он мирно почил в 1930 году.

Совершая торжественные богослужения и благословляя толпы молящихся, владыка не очень утруждал себя управлением церковью, передав все дела А.И.Введенскому, а управление Ленинградской епархией – Н.Ф.Платонову.

Владыка был строгим монахом, кристально честным человеком, никогда в жизни не совершил лично ни одного бесчестного или зазорного поступка. За свою нравственную чистоту он пользовался большим уважением не только со стороны обновленцев, но и со стороны староцерковников, о чем свидетельствует следующий документ, найденный нами в архивах:

«Московская Патриархия

Заместитель патриаршего Местоблюстителя

№ 1180

29 апреля 1929 г.

Москва

Высокопреосвященный Владыко!

На отношение от 18 апреля с. г. за № 1721 имею братский долг ответить, что так как обновленческое общество, возглавляемое Вашим Высокопреосвященством и Священным Синодом, признается нами состоящим вне общения со Святою Православною Церковью Христовою (вследствие разрыва с канонически законным Священноначалием Православной Церкви в СССР, т.е. Московской Патриархией) – всякое рассуждение между нами и переговоры о старом или новом стиле и подобных, сравнительно второстепенных вопросах нам представляются нецелесообразными и излишними.

Прошу верить, что настоящее письмо продиктовано прежними чувствами личного уважения к Вашему Высокопреосвященству и братской

Вам благожелательности, а равно и надеждой на лучшее будущее во взаимных между нами отношениях, которую до сих пор питает в душе

Вашего Высокопреосвященства

покорнейший слуга

Сергий, митрополит Нижегородский».

Кроме митрополитов Евдокима и Вениамина, в Синоде четверо архиереев старого поставления: Тихон, митрополит Симбирский, Константин, архиепископ Гомельский, Виталий, архиепископ Тульский и Епифанский, Артемий, архиепископ Петроградский и Лужский. Всего, следовательно, шесть человек. Из архиереев нового поставления можно отметить трех ярко-красных обновленцев: Петра Блинова, митрополита всея Сибири, Петра Сергеева, архиепископа Воронежского, и Алексия Дьяконова, потерпевшего столь жестокую неудачу в Харькове и все-таки рукоположенного 10 мая 1923 г. в Смоленске, причем, видимо желая вознаградить Алексия за несколько раз уплывавшее от него архиерейство, обновленческие владыки возвели его в сан архиепископа.

Вскоре в Москву прибыл А.И.Введенский, который был немедленно кооптирован в состав Синода.

Сразу после своего формирования Священный Синод обратился к верующим со следующим воззванием:

«Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем членам
Православной Церкви.

Благодать и мир да умножатся.

Глубокою скорбью переполнены сердца наши от всех событий, которые совершаются ныне во Святой нашей Православной Церкви: нестроения, раздоры, разделения, оскудение любви, недоброжелательства обуревают нас. Что же произошло?

Общественное мнение и религиозная совесть верующих на бывшего патриарха Тихона возложила две вины: первую – непризнание им нового государственного строения и Советской власти. Вторую – в приведении в полное расстройство всех церковных дел. В первой своей вине бывш. патриарх Тихон открыто перед всем миром покаялся. Он признал Советскую власть, признал, что он раньше шел против нее. Отмежевался от внутренней и заграничной контрреволюции, осудив ее, и ныне выпущен на свободу, до разбора его дела в суде.

Так он сделал то, что давно уже сделано нами, и тем самым показал, что мы были правы, давно уже признавши Советскую власть.

Но вторая вина его еще по-прежнему лежит на бывшем патриархе Тихоне. Будучи патриархом, он, несмотря на предостережения и протесты виднейших иерархов церкви, потерявши всех своих соратников и оставшись один, единовластно стал управлять Церковью, вопреки канонам и соборным постановлениям и даже Собора 1917-1918 гг.

Тогда в результате его властвования пролилась христианская кровь, погибло много архипастырей и пастырей, плачем и стоном наполнилась

земля наша и даже гибель грозила самой Церкви. Теперь он снова сеет смуту и разъединение.

Осужденный Собором архипастырей, из которых многие избирали его же самого раньше на патриаршество, он в погоне за властью пограл всякие апостольские и святоотеческие узаконения. Сам себя восстановил в епископском сане, сам себя снова объявил патриархом и святотатственно стал совершать священную службу.

Мир и покой им снова нарушены, и снова раздирается Церковь Божия. И это еще более усугубляет его вину перед Церковью.

Болея за страдания ваши и ища мира и единения церковного, мы, старейшие архипастыри и пастыри ваши, в этот великий момент берем на себя святую задачу – вывести Церковь Божию из пучины волнения и человеческих страстей.

Мы объявляем, что во главе правления верховного отныне стоит Священный Синод Православной Российской Церкви. Объявляем, что нет больше группировок, партийных разделений и разноименных церковных организаций, а есть Единая Святая Соборная и Апостольская Православная Церковь. Мы входим в общение со Святейшими Восточными патриархами, мы стоим на страже нашего Святого Православия.

Мы стоим на почве признания необходимых преобразований в бытовом укладе церковной жизни – преобразований, уже давно намеченных нашими лучшими и старейшими архипастырями, учеными профессорами и богословами, предсоборными совещаниями и проводимыми в жизнь на Соборах 1917 и 1923 гг. Но мы свято, твердо и непоколебимо блюдем и будем блюсти до скончания нашей жизни чистоту учения Православной веры, таинства ее и догматы.

Не будьте же детьми умом, не увлекайтесь пышностью имен и титулов, но разумейте – Божие ли творят. Неужели вы не видите, что бывший патриарх Тихон снова ведет вас на путь нового великого горя, страданий и слез. Этот путь уже определенно выяснен на страницах нашей печати и беспристрастным общественным мнением. Над деяниями бывшего патриарха Тихона впереди стоит грозный и неумолимый суд.

Знайте же како опасно ходите.

Священный Синод Православной Российской Церкви.

Председатель: Евдоким, митрополит Одесский.

Члены: Тихон, митрополит Симбирский.

Виталий, епископ Тульский.

Вениамин, архиепископ Рязанский.

Петр, архиепископ Воронежский.

Алексий, архиепископ Смоленский.

Петр, митрополит Сибирский.

Александр, архиепископ Крутицкий.

Протоиереи: А. Боярский, Д. Соловьев, Адамов, Шаповалов.

Протодиакон Сергей Добров.

Управделами Александр Новиков».

(Церковное обновление, № 19, с. 3.)

В августе 1923 года взаимоотношения тихоновцев и обновленцев вступили в новую фазу: представители обоих течений скрестили шпаги на диспутах.

31 июля 1923 г. в Консерватории выступил с докладом А.И.Введенский.

Свои впечатления от этой первой боевой сшибки между Введенским и тихоновцами очень живо и ярко передает Мих.Горев в своей статье «Судьбы церкви. Размышления после религиозного диспута». Статья написана под непосредственным впечатлением диспута и потому (несмотря на свою явную тенденциозность) дает представление об атмосфере диспута в 1923 году.

«Почувствовавшая будто бы праздник на своей контрреволюционной улице тихоновщина обнаглела, распоясалась и где только может показывает свои волчьи клыки, – злобно начинает статью расстрига-антирелигиозник. – Недавно ею был избит толстовец, безобидный 60-70-летний старик И. Трегубов. Каждое собрание, на котором выступают тихоновцы в спорах с обновленцами, грозит перейти в мамаево побоище, где «истину веры» должен восстановить и закрепить кулак тихоновщины. Таким был и первый из намеченных диспутов в Большом зале Консерватории: «Судьбы церкви и раскаяние Тихона». Трудно представить зрелище более мерзкое, более отвратительное, чем этот, с позволения сказать, диспут. Охотнорядье, Толкучий и Хитров – сверху донизу набили громадный зал. Здесь же ушибленный революцией интеллигент – бывший «союзник», бывший пристав, крепостник, Манилов, Ноздрев и Собакевич. Вся эта старая, гнилая, злопахаяющая помещичье-дворянская Россия выползла из своих нор. Извивающаяся шипящая гадина сейчас пробует остроту и яд своего жала на обновленцах. Завтра она может сделать тщетную попытку укусить власть трудящихся...

Опьяненная, затуманенная свечами, колоколами, протодиаконами и ладаном патриарших богослужений толпа воскрешает век Аввакумов и Пустосвятов¹.

На диспуте два битых часа толпа улюлюкала, галдела, стучала, не давала говорить Введенскому. Время от времени какие-то типы «с жезлом» в руках и со сжатыми кулаками грудились против трибуны, и чем бы кончилось дело, если бы тут не присутствовали милиционеры – трудно сказать.

Никакой речи Введенского, в сущности, не было. Было переругивание с толпой, которая галдежом и стуком прерывала оратора на каждом слове и целью которой было зажать оратору рот, сорвать диспут во что бы то ни стало.

И кто был на этом «религиозном» собрании, тот заметил пару десятков Тит Титычей, рассеявшихся по всему залу. Это дирижеры скандала.

¹ Мих. Горев сам себя убил этим сравнением. Старообрядчество XVII века было чем угодно, но только не движением крепостников. У «тихоновщины» 20-х годов имеется сходство со старообрядчеством XVII века лишь в одном пункте: то и другое было всенародным стихийным религиозным движением. И там и здесь стихийно проявлялся народный протест против насилия в делах веры.

Лишь только зал начинал успокаиваться, они вскакивали со своих мест, потрясая кулаками:

– За великого господина нашего Святейшего Тихона, отца нашего, умрем. Постоим, отцы и братья!

И атмосфера союзнических чайных сгущалась, в воздухе повисала брань, погромные настроения росли. Время от времени тихоновщина высылала своих застрельщиков на трибуну.

Вот, например, Потоцкий. Он будто случайно встретился с одним из «столпов» тихоновской церкви, епископом Иларионом, который сказал, что сам-де выступить не может, так как занят «молением преподобному Серафиму за Русь. А тебя благословляю. Говори, что Бог на душу положит».

И в дальнейшем речь Потоцкого – речь Иларионова послушника, который, как попугай, повторял без смысла и выражения вызубренные наизусть чьи-то чужие слова, разжигавшие толпу.

Вот другой тиховец – архимандрит Евгений. Как фигляр, ломаясь и кривляясь, этот «пастух Тихонова стада», этот свидетель двухчасового хулиганства толпы говорит своей пастве буквально следующее (записанное стенографически) :

– Братие и сестры! Ваше поведение, ваша организованность на этом собрании приводят меня в полное восхищение. Говорят, что тихоновская церковь умерла. Нет, она жива (показывает театральным жестом) – вот она.

Громкие аплодисменты. Не крики, а какое-то звериное рычание от удовольствия покрывает его слова.

– Меня просят выступить, – продолжает архимандрит, – но я подчиняюсь дисциплине. Не получив благословения великого господина нашего Святейшего патриарха Тихона, я лучше умру здесь, чем произнесу одно слово.

И этот архимандрит, не смеющий будто без приказа по начальству защищать свою веру, но смеющий одобрять и благословлять хулиганство толпы, удаляется под рев Сухаревки.

Ханжащие интеллигентки, подслеповатые папертницы, просвирни и дьяконицы складывают в проходах ручки под благословение. Кто-то падает в ноги...»

(Известия ВЦИК, 1923, 3 августа, перепечатано в «Вестнике Священного Синода», 1923, № 1, с. 21-22.)

Одновременно на протяжении всего августа шли закулисные переговоры между тихоновцами и обновленцами. Официальное сообщение об этих переговорах было опубликовано в обновленческой прессе лишь через три месяца, когда эти переговоры уже кончились полным провалом.

«Между бывш. патриархом и его представителями, с одной стороны, и представителями Священного Синода, с другой, происходили совещания

по вопросу об объединении в целях удовлетворения Русской Церкви, причем стараниями обеих сторон выработаны следующие условия:

а) удаление б. патриарха Тихона от церковного управления;

б) удаление б. патриарха Тихона на жительство, впредь до Собора, в Гефсиманский скит;

в) перенесение окончательного решения дела б. патриарха Тихона на Собор.

Священный Синод в заседании 20 октября определил считать возможным дальнейшие переговоры на изложенных условиях.

(Церковное обновление, № 16, с. 4.)

Подробности о происходивших в 1923 году переговорах стали известны лишь через четыре года, когда появился в обновленческой прессе интереснейший документ, принадлежащий перу преосвященного Гервасия, епископа Курского и Обоянского.

Епископ Гервасий являлся «тихоновцем» до 1926 года и занимал Ставропольскую (на Кавказе), а затем Рыбинскую кафедру. После перехода в обновленчество епископ Гервасий опубликовал в «Вестнике Священного Синода» свои воспоминания под заглавием «Одна из прежних попыток староцерковников к примирению со Св. Синодом РПЦ». Эти воспоминания, написанные с полным беспристрастием и содержащие в себе ссылки на целый ряд лиц, которые все тогда еще были живы, заслуживают полного доверия. Приводим наиболее интересные из них выдержки.

В начале статьи епископ рассказывает, как в конце сентября 1923 года ему пришлось присутствовать в Михайловском храме Донского монастыря на собрании 27 епископов.

«На этом собрании три тихоновских архиерея – архиепископ Серафим (Александров), архиепископ Иларион (Троицкий) и архиепископ Тихон (Уральский) – по профессии, кажется, врач, – делали доклад о своих предварительных переговорах с митрополитом Евдокимом, бывшим председателем Священного Синода РП Церкви обновленческой организации по вопросу о ликвидации разделения Церкви и о принятии и непринятии тихоновцами проектируемых способов объединения их с обновленцами.

Первым начал доклад архиепископ Серафим (Александров), который начал свой доклад таким образом:

«Богомудрые архипастыри, мы только что сейчас, в качестве трех уполномоченных Святейшим патриархом Тихоном лиц, были у Высокопреосвященного митрополита Евдокима, где около двух часов беседовали с ним обстоятельно по вопросу о ликвидации нашего церковного разделения. Высокопреосвященнейший митрополит Евдоким предложил нам обсудить три вопроса по этому делу безотлагательно, принципиально, с коими мы согласились. Это:

1. Согласны ли мы на примирение с ним. Если мы согласны, то надо:

2. Завести сношения и начать совместную подготовительную работу к предстоящему Поместному Собору.

3. Поместный Собор открывает Святейший патриарх Тихон. На этом Соборе патриарх Тихон должен отказаться от управления церковью и уйти на покой. Если мы согласны будем провести это в жизнь, то высокопреосвященный Евдоким дал нам обещание, что патриарх Тихон будет на Соборе ими восстановлен в своем сане.

Между прочим, архиепископ Серафим (Александров) в конце своего краткого доклада упомянул, что очень желательно было бы присутствие на этом совещании архиепископа Феодора (Поздеевского) как авторитетного ученого и популярного в Москве святителя. Официальное приглашение архиепископу Феодору передано, но он ничего не ответил, сам не явился на это собрание. Но если на этом собрании не было архиепископа Феодора, то были здесь ярые сторонники, почитатели Феодора. Так, некто епископ Амвросий, бывший Винницкий, викарий Подольский, сторонник и единомышленник архиепископа Феодора, выступил с речью по существу доклада архиепископа Серафима. Он начал свою речь приблизительно так: «Меня удивляет, почему вы, ваше Высокопреосвященство, называете Евдокима высокопреосвященным митрополитом. Признаете ли вы его за законного архиерея?» Архиепископ Серафим ответил утвердительно, что пока он признает его за законного архиерея, что этот вопрос спорный. Далее епископ Амвросий продолжал:

«А для меня и, наверное, для других, здесь присутствующих, Евдоким вовсе не высокопреосвященный митрополит, а бывший архиепископ, потому что он присоединился к отщепенцам (самозванному духовенству, отколовшемуся от Святейшего патриарха Тихона и, по его идеологии, от Церкви Христовой).

Сами посудите, кто у них первыми вершителями дел были? Бывший архиепископ Антонин, состоящий на покое в Заиконоспасском монастыре. Он из личных счетов пошел против патриарха Тихона, а к нему примкнули и прочие из духовенства с темным прошлым. Антонин оказался богохульником. Он, как нам известно, идет против почитания угодников Божиих, признает только Святую Троицу и священные события из жизни Христа и Богоматери, иконостас он называет ненужной перегородкой, которую пора, по его словам, сломать. Он не признает крещение младенцев и причащает по-католически¹.

Епископ Леонид нам мало известен, но он, несомненно, подкуплен, дабы расшатывать канонические устои Святого Православия. Введенский, бывший петроградский священник, а ныне женатый архиерей, чуть ли не из евреев. Священник Боярский высказался кощунственно на их незаконном Соборе против почитания святых мощей. Вот эти опороченные лица и восстали против Святейшего патриарха Тихона и Святого Православия. Вот к ним и присоединился архиепископ Евдоким и тем самым отказался от Церкви Христовой, а потому он не может быть законным архиереем».

На это архиепископ Иларион сказал так: «Для нас фактически митрополит Евдоким не является законным архиереем, так как сам отказался

¹ Все сказанное фанатичным и малоосведомленным владыкой про епископа Антонина не соответствует действительности.

от Церкви Христовой, но Церковь-то Христова своими постановлениями юридически ведь еще не санкционировала его отпадения и ниспадение в разряд мирян, она его еще терпит в сущем сане. Вот когда будет Собор, там все это будет рассмотрено, и если Собор признает митрополита Евдокима и других виновными в отпадении и сделает свое окончательное решение о нем, тогда и мы не в праве будем величать владыку Евдокима Высокопреосвященным».

Архиепископ Иларион еще раз высказался за то, что он везде бывал, много говорил по церковным вопросам с компетентными людьми и пришел к выводу, что для них, тихоновцев, другого выхода нет, как только одно – подойти к Священному Синоду РПЦ, договориться с обновленцами, не нарушая канонических устоев Православной Российской Церкви. Все наше разделение, говорил архиепископ Иларион, основано на недовольстве некоторыми иерархами и православными мирянами личностью патриарха Тихона.

Архиепископ Серафим: «Мы ни одного шага не можем ступить в делах без воли патриарха Тихона. Конечно, обо всем этом я Святейшему докладывал и просил его благословения на собрание. Святейший патриарх Тихон ответил мне так (я привожу буквально слова Его Святейшества): «Надоел я вам, братцы, возьмите метелку и гоните меня». По-видимому, патриарх Тихон ничего не имел против того, если бы ему для блага Церкви необходимо было отойти в сторону от кормила правления Русской Церкви».

Закрытой баллотировкой проект примирения и соединения с обновленцами большинством голосов был провален и собрание закрыто».

(Вестник Священного Синода, 1927, № 4, с. 23.)

Как можно видеть из приведенных воспоминаний, в непосредственном окружении патриарха существовало в то время два течения: непримиримое – во главе с архиепископом Феодором, и сторонники компромисса, наиболее тактичными представителями которых были архиепископ Серафим Александров (впоследствии один из главных соратников митрополита Сергия) и архиепископ Иларион.

Епископ Гервасий сообщает о представителях этих течений ряд любопытных сведений: архиепископ Феодор жил тогда, как известно, в Даниловом монастыре, который был тогда местопребыванием еще нескольких, крайне консервативных и очень стойких архиереев школы Антония Храповицкого, епископа Пахомия и других. «Завсегдатаями, – говорит епископ Гервасий, – были архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Гурий (Степанов) и митрополит Серафим (Чичагов). «А, это в конспиративном Синоде», – говорил про них с насмешкой патриарх Тихон. Архиепископ Феодор мне говорил, ругая Илариона, что он погубит патриарха Тихона и Церковь, а в патриархе все спасение. Если же патриарха Тихона не будет, то власть не допустит вообще в России патриаршества, а без патриаршества для Церкви – крах».

Впрочем, и архиепископ Иларион был, по словам епископа Гervasия, убежденным сторонником патриаршества. «В 1923 году, в первых числах октября, – заканчивает он свои воспоминания, – я случайно встретился на прогулке по двору в ярославской тюрьме «Коровники» с архиепископом Иларионом. Иларион обрушился на меня за мой переход к обновленцам. «Восточные патриархи с нами, – сказал он. – Это я знаю документально, обновленцы врут. Введенский ваш изолгался. Ведь я с ним на диспутах выступал в Москве, я его к стенке прижимал, мне все их хитрости прекрасно известны». В заключение архиепископ сказал: «Я скорее сгнюю в тюрьме, но своему направлению не изменю». (Там же.)

Так или иначе, к концу сентября 1923 года стало ясно, что переговоры с обновленцами зашли в тупик. Вскоре после этого была предпринята еще одна попытка в этом роде: Е.А.Тучков настойчиво требовал от патриарха Тихона, чтоб он принял для конфиденциальной беседы митрополита Евдокима. Несмотря на угрозы нового ареста, патриарх ответил категорическим отказом. «Если бы я знал, что обновленцы сделали так мало успехов, я вообще остался бы в заключении», – говорил он близким ему людям (см. работу проф. Троицкого «По поводу книги прот. Польского»). С точки зрения церковной политики, конечно, было бы желательным достижение соглашения между враждующими сторонами. Все дело, однако, в том, что народ, стоящий за патриархом, не хотел и слышать о примирении с обновленцами.

Всенародное движение, объединившееся вокруг патриарха, все ширилось и росло. Оно прокатывалось по всей стране. В сентябре 1923 года оно перекинулось в Петроград, и здесь оно воплотилось в так называемой «мануйловщине» (термин обновленческого Синода), которая представляет собой интереснейший и характернейший эпизод в истории Русской Церкви того времени.

В Петрограде

События, потрясшие Русскую Церковь летом 1923 года, получили в то время название «тихоновщины». В Петрограде их называли «мануйловщина». Эти крылатые термины исходили из обновленческих кругов. Сторонники патриарха Тихона отвергали их с негодованием, заявляя, что они являются православными христианами, единственными законными представителями Русской Православной Церкви.

Это, разумеется, так и есть. Однако одного понятия «Русская Православная Церковь» в данном случае недостаточно. Оно не отражает специфических черт движения 1923 года. Летом этого года возникло беспрецедентно мощное народно-религиозное движение. Ни до 1923 года, ни после него такого массового, всенародного движения не было, и для его обозначения требуются особые термины. Будем пользоваться поэтому терминами, которые в 1923 году были у всех на устах.

Как мы указывали выше, «тихоновщина» прокатилась по всей стране. В Петрограде она переживалась с особой остротой. Объясняется это тем положением, которое занимал тогда Питер в нашем государстве. Несмотря на перенос столицы в Москву, Петроград все еще оставался центром общественной жизни. Здесь находились наиболее культурные слои интеллигенции. Здесь (на Путиловском и других заводах) концентрировался цвет рабочего класса. Интерес к политике, к общественным веяниям, являлся стойкой традицией на берегах Невы. Петроградская церковь также очень чутко реагировала на каждое изменение в церковной ситуации. Освобождение патриарха сразу всколыхнуло Петроград.

А.И.Боярский немедленно отправился в Москву, однако его попытки завязать отношения с патриархом не увенчались успехом. По возвращении в Петроград Боярский пытался закрепиться на старых позициях. «Бывший патриарх, судя по высказанному им в печати, – говорил Боярский, – стоит на той же платформе, что и группа «Живая Церковь» (!), и, таким образом, нам придется вести борьбу с ними одновременно. Священник Красницкий полагает, что бывший патриарх может занять определенное положение в церкви, если принесет покаяние в своих ошибках перед нею, мы же утверждаем, что одного раскаяния мало и что дело бывшего патриарха подлежит рассмотрению Собора. Для нас невозможен путь «Живой

Церкви», ибо хотя она и стала на революционную политическую платформу, но сохранила при этом в неизменности церковное учение, служение и весь строй старой церкви. Опубликованная в печати инструкция, подтверждающая неуклонное применение декрета об отделении церкви от государства, как нельзя более отвечает желаниям и чаяниям «Союза общин».

(Красная газета, 1923, 3 июля, вечерний выпуск, с. 1.)

В то время Петроград был твердыней Синода, а А.И.Боярский – церковным «диктатором» Петрограда.

В феврале 1923 года, после ареста епископа Николая и ссылки его в Коми-Зырянский край, Петроградская автокефалия распалась: лишенные руководителей, не имея четкой и ясной платформы, испытывая нажим со стороны властей, автокефалисты вынуждены были отдать обновленцам почти все свои храмы. Только 5 храмов из 123 не признавали ни Собора 1923 года, ни ВЦС. Самым большим из этих храмов был Спасо-Преображенский собор (на Литейном), который с огромным трудом отражал яростные атаки обновленцев благодаря энергии и стойкости настоятеля о. Сергия Тихомирова.

Непреклонным оставался также приход Спасской крохотной церкви, б. домовая церковь Александро-Невского общества трезвости, настоятелем которой был молодой иеромонах Мануил, и три окраинных храма: Никифоровское подворье, Мало-Охтенская церковь и домовая церковь при убежище для престарелых артистов на Каменном острове. Престарелые артисты вообще оказались самыми закоренелыми «тихоновцами»: они попросту не пустили сюда священника-живца, забаррикадировав церковь. Тень Марии Гавриловны Савиной – основательницы убежища, ревнительницы строгого православия и обрядового благочестия, которое причудливо соединялось у великой артистки с нравами театральной богемы, – реяла над убежищем.

Обновленческая церковь в Петрограде в 1923 году возглавлялась архиепископом Артемием Ильинским. Ничем не замечательный петербургский священник, известный в дореволюционное время как законоучитель гимназии принца Ольденбургского (на Каменноостровском проспекте), владыка Артемий, овдовев, был рукоположен в епископа летом 1917 года. В епископском звании он оставался столь же заурадной фигурой, как и раньше. Примкнув в начале раскола к обновленцам, архиепископ Артемий с января 1923 года номинально возглавлял епархию в сане архиепископа Петроградского и Лужского.

Настоящим руководителем Петроградской церкви был, однако, А.И.Боярский. Совершенно оттеснив живоцерковников, о. Боярский твердой рукой насаждал в Питере СОДАЦ. Личная популярность А.И.Боярского достигла в это время зенита, чему немало способствовала его смелая речь в защиту митрополита Вениамина на суде, куда он был вызван в качестве свидетеля обвинения.

В начале июля 1923 года Боярскому пришлось столкнуться, однако,

с совершенно новой ситуацией. В этом ему пришлось убедиться 10 июля 1923 года в Александро-Невской Лавре, где он председательствовал на собрании верующих, созванном в связи с освобождением патриарха. Каждое слово Боярского прерывалось шумом и криками. Слова же Боярского «о будущих планах Тихона» были прерваны издевательскими криками: «Откуда вы знаете – он же вас прогнал?!», хохотом и шиканьем.

Совершенно неожиданно выступил против Боярского и противник «слева» – некий священник Разумовский, жаловавшийся на «притеснения со стороны Петроградского епархиального управления»¹. Резолюция Боярского, осуждавшая патриарха, была отклонена огромным большинством. Пришлось ограничиться «каучуковой» резолюцией о 2-м Соборе, который должен был разрешить все церковные вопросы.

15 июля 1923 года – к своему престольному празднику – приехал в Петроград В.Д.Красницкий. Его появление ознаменовалось крупным скандалом: когда во время обедни в Князь-Владимирском соборе он появился на кафедре, его встретили оглушительным криком. Несмотря на все попытки, ему так и не удалось сказать ни одного слова. Его священнослужение во Владимирском соборе стало после этого совершенно невозможным. Каждое его слово покрывалось криками: «Мерзавец! Вон! Руки в крови!» В конце концов Красницкому пришлось расстаться с Князь-Владимирским собором: по постановлению Епархиального управления он был переведен в Казанский собор.

В начале августа было опубликовано известное разъяснение заместителя петроградского прокурора Азовского с запрещением поминать патриарха, однако тут же зампрокурора влил в бочку «обновленческого меда» изрядную ложку дегтя.

«Зам. прокурора г. Азовский, – сообщал корреспондент, – добавил, что в некоторых случаях прокурорскому надзору приходится своим вмешательством приостанавливать незаконные распоряжения административной власти по церковному вопросу. Так, например, исполком Центрального района предписал Спасо-Преображенской церкви передать церковное имущество новой живоцерковной «двадцатке». Губпрокурор признал это предписание незаконным и предложил воздержаться от передачи имущества до тщательного выяснения этого вопроса».

(Красная газета, 1923, 8 августа, № 187, с. 2.)

24 июля 1923 года в Петрограде состоялся первый официальный переход храма от обновленцев к патриарху Тихону. 22 июля община Вознесенской церкви (одной из крупнейших церквей, расположенных в центре города) приняла резолюцию о признании патриарха. Настоятель, протоиерей Прозоровский, послал соответствующую телеграмму в Москву.

Летом 1923 года во всех храмах Петрограда прокатилась волна стихийных демонстраций в пользу патриарха Тихона. Демонстрации эти вспыхивали совершенно неожиданно, по случайному поводу, и являлись выражением того настроения, которое владело народными массами в Петрограде.

¹ Эти «притеснения» были вполне оправданы, так как о. Феодор Разумовский был весьма сомнительной личностью. В 1936 г. он снял с себя сан.

Характерен в этом смысле инцидент в Пантелеймоновской церкви, сделавшийся предметом судебного разбирательства. Приводим здесь без всяких комментариев два сообщения об этом инциденте, появившиеся в прессе.

«Вчера, 11 сентября, в Пантелеймоновскую церковь явились два священника, назначенных от «Красной церкви», – сообщила «Красная газета» (1923, 12 сентября, № 217, с. 2), – и приступили к служению всенощной. Тогда толпа тихоновцев, человек в полтора ста, находясь внутри церкви, стала громко кричать, требуя от священников, чтобы они прекратили службу и уходили. Другая такая же толпа «платочков» и «картузов лабазного типа» стояла в это время вне храма, на Пантелеймоновской улице и «агитировала», т.е. уговаривала идущих в храм молиться не ходить в него, а идти в Спасскую церковь, где, слава Богу, пока все по-старому. Когда священник, служивший за причетника, обратился к находящимся в церкви, прося их вести себя потише, тихоновцы устроили ему форменный кошачий концерт. Но, по-видимому, священники оказались уже достаточно «обстрелянными» и как ни в чем не бывало продолжали службу под топот и крики тихоновцев. Всенощная была благополучно доведена до конца».

Стихийный характер этого инцидента еще более выясняется из другого сообщения газеты:

«12 сентября, как у нас сообщалось своевременно, – писала «Красная газета» 22 сентября 1923 года, – при совершении церковной службы в Пантелеймоновской церкви группой истинно верующих был устроен дебош, едва ли не приведший к драке с неистинно верующими. В то время, когда священник-обновленец совершал в церкви богослужение, толпа крикунов во главе с некими Балашевым, Захаровым, Неверовским, Каратаевым и Ивановой с криком и шумом ворвалась в церковь. Со священника было стащено облачение, причем его порядком помяли. Милиция, явившаяся на место скандала, положила ему конец. Главные безобразники были задержаны, причем выяснились их роли. 17-летняя Иванова, едва окончившая среднюю школу, особенно старалась, зазывая в церковь прихожан, а Каратаев, шедший в церковь помолиться, увидев в алтаре «обновленца», бросился на нечестивца и стал стаскивать с него облачение. Неверовский, явившись в церковь для панихиды по ком-то, позабыв про покойника, занялся агитацией и стал призывать верующих к дебошу. Вся эта компания предается суду по 227 статье Уголовного Кодекса – по статье, которая «за публичное нарушение или стеснение религиозных обрядов карает виновных принудительными работами или штрафом в триста рублей золотом».

(Красная газета, 1923, 22 сентября, № 252, с. 3.)

Своеобразным проявлением нарастающего народного движения было появление в это время в Петрограде народных проповедников старой церкви – по углам улиц стихийно возникали религиозные митинги.

«Вчера, на углу Среднего проспекта и Съездовской улицы Василь-

евского острова, – сообщала «Красная газета», – постовым милиционером был задержан неизвестный, собравший большую толпу народа, среди которой он занимался пропагандой идеи «староцерковничества». Задержанный оказался проживающим в доме № 77 по Международному проспекту М. Лукьяновым, 56 лет, который неоднократно привлекался в Ленинграде, а однажды в Саратове, за устройство на улице сборищ, перед которыми выступал в качестве «апостола старой церкви».

(Красная газета, 1924, 11 августа, с. 2.)

Таким образом, в 1923 году почва в Петрограде была готова для возникновения широкого народного религиозного движения. Оформление такого движения задерживалось лишь из-за отсутствия признанного вождя.

Такой вождь появился в сентябре 1923 года – им стал епископ Мануил Лемешевский¹.

*

Руководитель движения – это зеркало движения. В процессе исторического развития происходит как бы естественный отбор деятелей, и в результате на поверхность всплывают люди, наиболее полно и ярко отражающие эпоху. Не случайно именно епископ Мануил оказался во главе Петроградской церкви осенью 1923 года. Вся его жизнь – это сочетание строгого православия со своеобразным демократизмом*.

Епископ Мануил не принадлежал к особо выдающимся богословам, не являлся он и особо замечательным проповедником. По складу своего ума он не теоретик. Однако трудно представить человека более преданного православию и в то же время более чуждого чиновничьей рутине, бюрократизма, чем епископ Мануил.

Человек смелый, правдивый и прямолинейный, он является представителем не «казенного православия», породившего в прошлом и порождающего в настоящем уйму чиновников в рясе, и не православия академического, породившего множество выдающихся мыслителей. Православие епископа Мануила – это то народное, глубинное, воинственное и гуманистическое православие, певцом которого был Ф.М. Достоевский, желавший видеть в нем «русский национализм».

Жизненный путь владыки Мануила также отличен от биографий князей церкви.

Виктор Викторович Лемешевский (митрополит Мануил) родился 1 мая 1884 года в городе Луге Петербургской губернии в небогатой дворянской семье. Отец его – выходец из западных губерний, вероятно, был каким-либо незначительным чиновником. Свое детство будущий иерарх провел в городе Либаве. Там он окончил гимназию. Вероятно, уже в то время Виктор Викторович являлся глубоко религиозным человеком. Монашество является его заветной мечтой. Поступив по окончании гимназии на юридический факультет С.-Петербургского университета, он бросает его, будучи уже на последнем курсе, в 1910 году, и отправляется в глухую,

¹ Впоследствии митрополит Куйбышевский и Сызранский. Умер 12 августа 1968 г.

никому не известную Николо-Столбенскую пустынь Тверской епархии. Здесь он становится скромным монастырским послушником. Каков он был в те годы? К сожалению, нам не пришлось увидеть никого, кто знал его тогда. Однако, вероятно, он напоминал Алешу Карамазова – малорослый, смиренный юноша в подряснике и темном колпачке. 2 июня 1911 года он был пострижен в монашество с именем Мануил, а 10 декабря того же года был рукоположен в сан иеродиакона.

Однако в характере иеродиакона Мануила была одна черта, резко отличающая его от Алеши Карамазова: по натуре он был очень энергичным человеком. Быть может, именно поэтому мы вскоре видим его миссионером. 6 ноября 1912 года он был рукоположен в иеромонаха в Семипалатинске. С августа 1912 года по август 1916 года он занимает пост помощника начальника Киргизской духовной миссии Омской епархии. Не знаем, насколько успешной была работа Духовной миссии среди киргизов. Однако миссионерская работа являлась, вероятно, важным этапом в деятельности митрополита Мануила. Здесь он впервые сталкивается с простым народом, среди которого будет протекать вся его дальнейшая жизнь.

В 1916 году иеромонах Мануил поступает в Петроградскую духовную академию, где он одновременно является помощником библиотекаря. После революции он несет ряд послушаний по Петроградской епархии.

Здесь сразу же следует отметить интересную деталь – крайне медленное служебное продвижение молодого иеромонаха: в 1919 году он, правда, получает лестное назначение – настоятелем Свято-Троицкой Сергиевой пустыни в Петрограде. Однако продержался он на этой должности всего несколько месяцев и был переведен настоятелем домовый церкви Александро-Невского общества трезвости (около Литейного). При этой небольшой церкви был очень бедный приход – настолько бедный, что он не мог даже прокормить своего настоятеля, и о. Мануил с 1919 года работал, одновременно со священнослужением, старшим библиотекарем при Всероссийском Центральном Педагогическом музее Главпрофобра Наркомпроса РСФСР. Таким образом, в 38 лет будущий митрополит был всего лишь скромным иеромонахом на вакансии приходского священника. «Никакого ходу этому маленькому иеромонаху не давали: считали его фанатиком», – вспоминал А.И.Введенский.

В это время о. Мануил с головой окунается в работу среди народа. При своем маленьком храме он организывает братство. В то время в Питере было три братства: братство А.И.Введенского, которое называли «белая кость», так как оно почти сплошь состояло из аристократок (княгинь, графинь, баронесс), братство А.И.Боярского («желтая кость») – здесь было много интеллигенции и небольшая прослойка рабочих, и братство иеромонаха Мануила – «черная кость» (сплошь кухарки и жены рабочих).

Иеромонах Мануил совершенно не пользовался популярностью в интеллигентской среде – для этого ему не хватало внешнего лоска. Он, однако, был очень известен уже в то время среди питерской бедноты. К

нему на исповедь шли простые, обиженные судьбой люди. К нему льнул «мелкий люд», которого так много было тогда в Питере – кухарки, почтальоны, кондукторы, – они знали, что у него они всегда найдут слово утешения и помощи – у этого сгорбленного иеромонаха с быстрыми, порывистыми движениями, с громким молодым голосом.

В начале раскола о. Мануил занял строго православную позицию. Из всего петроградского духовенства он проявил себя как наиболее ревностный и непоколебимый сторонник патриарха. Ни арест, ни угрозы, ни лезть – ничто не могло сломить настоятеля Александро-Невского храма. Он неизменно поминал патриарха Тихона даже в те дни, когда это грозило смертельной опасностью. Об обновленческих лидерах он отзывался с гневом и отвращением. «Вожди» автокефалии также смотрели на иеромонаха Мануила с некоторым опасением: в самом деле, трудно представить себе более противоположные типы, чем тактичный, сдержанный, уклончивый дипломат со светскими манерами – епископ Николай, и порывистый, резкий на язык, фанатичный иеромонах, окруженный питерской беднотой. Он принес сюда, на берега Невы, дух Николо-Столбенской пустыни – дух керженских скитов, ревность Аввакума и непримиримость боярыни Морозовой.

Тем не менее иеромонах Мануил состоял в каноническом общении с епископом Николаем. После его ареста, в феврале 1923 г., на собрании сторонников автокефалии иеромонах был избран епископом, в этот тяжелый для церкви час, когда «благоразумные и осторожные» спрятались в камыши, вспомнили о фанатичном, экзальтированном иноке. Хиротония должна была состояться втайне, подобно хиротонии епископа Луки: в домашней обстановке рукополагать нового епископа должны были находившийся в архангельской ссылке митрополит Серафим (Чичагов) и местный архангельский владыка. Об этом плане, однако, проведали на Гороховой улице, и поездку в Архангельск пришлось отложить.

В июле 1923 года петроградские ходоки явились к патриарху. Встал вопрос о рукоположении епископа на овдовевшую кафедру в Питер – и снова прозвучало (на этот раз в стенах Донского монастыря) имя иеромонаха Мануила.

Его рукоположение во епископа Лужского состоялось 23 сентября 1923 года в Москве – во время одного из тех торжественных служений освобожденного патриарха, которые носили характер всенародных религиозных манифестаций. 8 (21) сентября 1923 года, за два дня до хиротонии, иеромонах Мануил был возведен в сан архимандрита в Даниловом монастыре архиепископом Феодором. Это косвенное участие вождя «непримиримых» в хиротонии иеромонаха Мануила вряд ли было случайным: в июле 1923 года существовал проект о назначении на Петроградскую митрополичью кафедру владыки Феодора. Проект этот, однако, отпал тотчас, так как бывший ректор Московской академии был слишком одиозной фигурой. Руковождение Феодором будущего епископа означало апробацию о. Мануила Даниловым монастырем. В тот же день было совершено наре-

чение архимандрита Мануила во епископа Лужского. Это наречение было меньше всего похоже на обычные церковные церемонии этого рода, носящие официальный парадный характер. Наречение было совершено в небольшой Михайловской церкви Донского монастыря, являвшейся в дореволюционное время усыпальницей Голицыных.

В этой церкви-усыпальнице собралось в этот день тридцать архиереев, съехавшихся со всех концов России к патриарху Тихону. Сам патриарх, больной и слабый (он только что перенес нефрит – болезнь почек), возглавлял собрание.

Речь нарекаемого была простой и очень краткой, да никто и не ожидал от него длинных речей, и для всех было понятно, что этот монах едет в Питер для напряженной смертельной борьбы, и ни для кого не было тайной, что через несколько месяцев он очутится в Соловках, может быть, его постигнет судьба митрополита Петроградского Вениамина. (Большинство архиереев недавно, после освобождения Святейшего, увидели волю и понимали, что недолго им пользоваться ее благами.)

Хиротония была совершена в воскресный день 10 (23) сентября 1923 года на окраине Москвы, в церкви св. Димитрия Солунского в Благущах (там, где ныне находится станция метрополитена «Электrozаводская»). В то время это была полусельская местность, и толпы простых, бедно одетых людей, столь напоминавших питерских прихожан о. Мануила, переполнили церковь.

Богослужение совершали патриарх Тихон, архиепископ Верейский Иларион, главный помощник патриарха в те дни, архиепископ Костромской Севастиан и епископ Иерофей, впоследствии примкнувший к иосифлянскому расколу.

После литургии патриарх обратился к новопоставленному владыке с речью. После освобождения патриарх не говорил проповедей. Единственными его речами были речи епископам при вручении жезла. Эти речи, простые, лишённые аффектации и ораторских украшений, были, однако, всегда проникновенными и глубокими. И в этот момент патриарх, опираясь на посох, произнес простые, но сильные слова, более выразительные, чем сотни самых витиеватых проповедей: «Посылаю тебя на страдания, ибо кресты и скорби ждут тебя на новом поприще твоего служения, но мужайся и верни мне епархию...»

А затем тысячи простых людей, собравшихся в полусельской церкви, потянулись нескончаемой очередью под благословение к новому архипастырю...

*

О. Мануил прибыл в Петроград в субботу 29 сентября 1923 года, рано утром. Уже самое его прибытие потрясло весь церковный Питер – совершенно неожиданно для обновленцев раздался трезвон со всех прилегающих к вокзалу церквей, которые официально числились в ведении ВЦУ.

Духовенство Знаменской Входаиерусалимской церкви (против вокзала), которая также официально не признавала патриарха, вышло в полном составе навстречу новому епископу.

Прямо с вокзала епископ направился в Троице-Сергиево подворье на Фонтанке (так называемое Воронцово подворье), в котором он жил на протяжении трех месяцев своей деятельности в Петрограде. Первую свою всенощную епископ Мануил совершает в храме Косьмы и Дамиана (там, где ныне станция метрополитена «Чернышевская»), который был в юрисдикции обновленческого Синода. Словом, в первый день своего пребывания в Питере епископ Мануил вел себя так, как будто бы никаких обновленцев здесь не было.

Для постороннего наблюдателя пассивность обновленцев в городе, который считался их цитаделью, является совершенно непонятной. Разгадка заключается в том взрыве народного энтузиазма, который в первые дни смел обновленцев. Толпы народа встречали епископа с восторгом, мало сказать – с восторгом, – с обожанием, с кликами радости, со слезами. Ни один митрополит, ни один архиерей (с самого основания города) не видел такого восторженного преклонения. До епископа Мануила только один человек пользовался таким почитанием среди верующих – о. Иоанн Кронштадтский.

4 октября 1923 года было разослано по петроградским храмам воззвание епископа Мануила с призывом присоединиться к патриарху Тихону, который назывался истинным первосвященником. Однако еще до этого воззвания начался массовый переход на сторону патриарха.

Октябрь 1923 года вошел в историю раскола как месяц петроградского разгрома. В этот месяц около трех четвертей петроградских приходов присоединилось к патриарху. В области дело обстояло еще хуже для обновленцев. Здесь можно говорить о почти стопроцентном переходе сельских храмов к патриарху.

Епископ Мануил проявил в эти месяцы совершенно незаурядную энергию. В первые же дни его пребывания в Петрограде им был написан особый «чин» покаяния обновленческих священнослужителей, утвержденный патриархом. Вот как описывает эти покаяния очевидец:

«Форма, которая была избрана епископом Мануилом для покаяния обновленческих священнослужителей, носила своеобразный характер. Большею частью покаяние принималось за всенощным бдением, когда в храмах было много молящихся. Покаяние совершалось так: за вечерним богослужением, перед пением «Хвалите имя Господне», через царские двери на солею выходил епископ и становился лицом к народу. В это время южными и северными дверями выводили священнослужителей также на солею и устанавливали их в ряд, лицом к народу. Затем каждый из них произносил покаянное слово перед верующими, делал три земных поклона на три стороны, просил у верующих прощения за свое заблуждение, и, поклонившись епископу и получив от него благословение, уходил в алтарь.

Такая форма покаяния вполне соответствовала историческому моменту. Нельзя было применить по отношению к обновленцам слишком мягкие меры, поскольку их заблуждения затрагивали религиозное чувство народа. Вот почему и покаяние должно было совершаться и совершалось перед народом».

✓ К этому следует прибавить, что к покаянию обновленческих священнослужителей примешивался один момент, вызывавший в то время серьезные возражения: публичное чтение кающимся священником Символа веры, как будто принимали не раскольника, а еретика.

Все эти эпизоды можно объяснить лишь всеобщим озлоблением против обновленцев. Почти в каждом приходе был священник, арест которого приписывался проискам обновленцев, — народная молва считала их ответственными за кровь митрополита Вениамина.

Народная волна, охватившая Питер, возглавлялась епископом Мануилом, который не знал в эти дни усталости: в течение четырех месяцев он совершал литургию почти каждый день в разных храмах. По праздникам он совершал обычно по три богослужения в день: литургию в одном храме, вечерню с акафистом — в другом, утреню — в третьем. За каждым богослужением он произносил короткие, но сильные проповеди. Темой его проповедей был в это время всегда раскол.

✓ С необыкновенным жаром епископ обрушивался на обновленцев, призывая свою паству стать за Православную Церковь, за Святейшего патриарха, стоять твердо и, если нужно, умереть. И все чувствовали, что это «умереть» не было простым словом в устах епископа.

В противоположность важным, чванным сановникам церкви, к которым привыкли в Питере с синодальных времен, епископ Мануил отличался простотой и общедоступностью: он благословлял богомольцев (каждого в отдельности), приходивших к нему тысячами, сплошным потоком, в праздничные дни по 15 тысяч человек. Толпы народа осаждали его келью. Привлекало народ также бескорыстие епископа, резко контрастировавшее как с обновленцами, так и с автокефалистами. Епископ не только вел скромный, чисто монашеский образ жизни, но и раздавал нуждающимся большую часть своих денег.

Ближайшими помощниками преосвященного были архимандрит Серафим (Протопопов), прот. Николай Вертоградский, прот. Сергей Тихомиров и прот. Иоанн Благодатов. Каждый из них считался духовником одного из питерских округов. В их обязанности входила антиобновленческая проповедь и прием покаяний. Все они, за исключением о. Сергия Тихомирова, выделявшегося своей энергией, были ничем не замечательными, самыми посредственными людьми, однако огненная ревность епископа Мануила восполняла их недостатки. Он был всюду и везде, всюду выступал со страстными речами, обличал, проклинал¹, призывал к покаянию...

Приводя к покаянию обновленческих священнослужителей, он и после покаяния не оставлял их в покое: ежедневно, на протяжении недели, они

¹ «Обличал», но не «проклинал» — это не одно и то же», — заметил митрополит Мануил по прочтении этой главы. (Прим. авт.)

должны были с ним служить литургию. Поэтому с ним всегда служило не менее 30-40 священников и не менее 10-15 диаконов. Эти торжественные богослужения происходили в покаянной атмосфере. Религиозное воодушевление соединялось с яростными проклятиями против обновленцев. В храмах, где еще держались обновленцы, чуть ли не ежедневно происходили эксцессы.

Успехи епископа Мануила были поразительны: 29 сентября, после его прибытия, в Петрограде находилось 93 священнослужителя, не признавших Синода, через две недели к 15 октября среди петроградских клириков насчитывался уже 191 человек, верный патриарху. Отпевание протопресвитера о. Александра Дернова, происходившее 2/15 октября 1923 года, превратилось поэтому в своеобразный смотр успехов епископа Мануила. В этот день на отпевание с епископом Мануилом вышло 144 священника и 47 диаконов.

Непрестанно к патриарху присоединялись питерские храмы. Самым замечательным во всей этой «мануиловской эпопее» было то, что ни у кого (ни у самого владыки, ни у его друзей, ни у его врагов) не было ни малейшего сомнения в том, что в 2-3 месяца епископ со своими помощниками лишатся свободы.

Это и создавало в епископе и среди его ближайшего окружения то особое настроение героического подъема, которое как бы возвышает людей над действительностью и над бытом, обновляет их, смывает все мелкое, пошлое, что есть в каждом человеке.

Такие минуты не могут длиться очень долго; но тот, кто пережил их, всегда будет вспоминать о них, как о лучших мгновениях своей жизни.

Епископ и его помощники работали не покладая рук: следовало использовать конъюнктурный момент, когда обновленцы не оправались еще от первого поражения, а сторонники патриарха пользовались временной свободой, чтобы восстановить в Петрограде православную епархию.

За первый месяц епископу Мануилу удалось присоединить ряд храмов. Однако главнейшие храмы все еще были в руках обновленцев. Казанский и Исаакиевский соборы были прочно заняты обновленцами. Губисполком поддерживал их там твердой рукой – об их переходе к тихоновцам нечего было и думать.

Более уязвимым местом была Александро-Невская Лавра. Лавра – один из главных религиозных центров Ленинграда – занимала в это время своеобразное положение. Опираясь на свою ставропигиальность, лаврские монахи не подчинялись обновленческому ПЕУ. В то же время они не поминали патриарха Тихона. Лавра, во главе с наместником архимандритом Иоасафом, была в это время некоей самодовлеющей церковной точкой. Эта линия соответствовала компромиссным установкам епископа Николая.

Владыка Мануил, однако, со свойственной ему прямолинейностью и фанатической нетерпимостью ко всему, что хоть в малейшей степени напо-

минало раскол, требовал от Лавры покаяния, ссылаясь на то, что здесь не поминалось имя патриарха Тихона.

Келейное покаяние иноков, вместо публичного – вот единственная уступка, на которую пошел епископ, указав при этом, что он делает ее, лишь «снисходя к духовным немощам монахов».

День перехода Лавры в руки сторонников патриарха Тихона был задуман епископом Мануилом как день Торжества Православия. Это, действительно, была кульминационная точка петроградского народного религиозного движения. Надо вспомнить о том, что еще год назад в Петрограде видели казнь митрополита Вениамина, что имя патриарха Тихона, не вполне разрешенное и сейчас, еще два месяца назад было настолько одиозным, что даже самые рьяные его сторонники не решались произносить его вслух, – чтобы оценить то впечатление, какое произвел день 27 октября 1923 г. в Петрограде.

«На 14/27 октября 1923 года было назначено Торжество Православия, – вспоминает весьма авторитетный современник описываемых событий. – Радостная весть о возвращении Лавры в лоно православной церкви неслась из уст в уста. Почти в каждом православном храме г. Петрограда были вывешены объявления, написанные яркими буквами: «Торжество Православия имеет быть 14 октября в Александро-Невской Лавре».

Защитниками чистоты веры велась усиленная подготовка к этому великому и знаменательному дню.

Минуты ожидания, казалось, тянулись очень долго. Но, наконец, наступил день Православия. Вот и 14 октября. Утро. Храм и двор Лавры были переполнены народом. Среди молящихся толпились не только православные, но и обновленцы, которым интересно было посмотреть на «Торжество Православия». Обновленцы, между прочим, с большой критикой относились к этому «Торжеству» и, смеясь, говорили: «Посмотрим, что получится из этого торжества и как будет торжествовать этот махонький, горбатецкий архиерей».

Восходило осеннее солнце над Петроградом, тускло освещая улицы города. Храм все ярче и отчетливее принимал очертания, как бы готовясь к важному моменту. Звонари находились на колокольне, ожидая прихода архиерея.

Туман исчез, и солнечные лучи осветили купол и крест Свято-Троицкого собора. Наступила торжественная минута.

Из лаврских покоев вышел «со славою» на торжество епископ Мануил. Воздух рассек удар колокола. Его быстро подхватили колокола всех присоединившихся к православию городских церквей. Послышался малиновый трезвон. Народное сердце затрепетало от радости. Но зато какой злобой и ненавистью наполнились сердца обновленческих агентов, когда они увидели восходящего на епископскую кафедру маленького ростом, но могучего духом православного архиерея.

Началась Божественная литургия. Своды храма огласились мощны-

ми церковными напевами лаврского хора. Вот закончилась литургия. Духовенство во главе с епископом Мануилом стало чинно выходить на середину храма, на молебен. Порядком руководил старший из протоиереев – настоятель церкви «Общества религиозно-нравственного просвещения» Павел Лахотский. Архиерей взошел на кафедру, а от него в два ряда устанавливалось духовенство, протянувшись через Царские двери в алтарь, за Престол. Ровно пять с половиной минут совершался выход духовенства из алтаря на середину храма. На молебен вышло 49 архимандритов, протоиереев и иереев и 95 архидиаконов, протодиаконов и диаконов. Все были облачены в одинаковое юбилейное лаврское облачение. Царили полная тишина и благоговение. Необычный порядок выхода духовенства на молебен и такое множество священнослужителей поразили обновленческих агентов. В порыве злобы они, смеясь над малым ростом епископа, говорили: «Вот так благодать, от земли не видать».

Теперь перед началом молебна протоиерей П.Лахотский объяснил верующим значение настоящего «Торжества», на которое они собрались.

Торжество Православия закончилось далеко за полдень, в третьем часу дня. Верующие, получив благословение от архипастыря, расходились по домам с полным сознанием, что Православие в Петрограде одержало победу».

Обновленчество, действительно, переживало в это время в Петрограде мучительный кризис.

Обновленческой епархией правил комитет в составе архиепископа Артемия, епископа Михаила (Попова), протоиереев Гремячевского, Боярского, Раевского, Нименского, Смирнова и священника Ларионова.

В.Д.Красницкий, удаленный из Москвы, окопался в Казанском соборе. Неожиданно он объявил о том, что не признает обновленческого Синода. Интриговал, выжидал и что-то подготавливал.

Самым слабым звеном в обновленческой цепи был архиепископ Артемий. В ноябре стали циркулировать слухи о том, что архиепископ Артемий ведет переговоры с патриархом о присоединении. Эти слухи просочились в печать.

«В воскресенье 16 ноября в церкви Киевского подворья в Петрограде тихоновский епископ Мануил сообщил следующее, – писала «Красная газета» от 20 ноября 1923 года. – Мною получено из Москвы сообщение патриарха Тихона о том, что на днях Петроградский епископ Артемий, нынешний председатель Петроградского епархиального управления, был с покаянием у Тихона и просил простить его за принадлежность к обновленческому расколу, ссылаясь на то, что он, Артемий, был посвящен в епископский сан патриархом Тихоном и сохранил к нему сыновьи чувства. Тихон после продолжительной беседы заявил, что он лично прощает Артемия, но по каноническим правилам он должен быть предан епископскому суду за участие в Соборе 1923 года. Поэтому Артемий должен явиться к заместителю Тихона Илариону и ожидать от него решения своей участи, на что Артемий дал принципиальное согласие.

Однако в 10-х числах ноября Артемий списался с обновленческим Синодом и Евдокимом и взял свое раскаяние обратно. После того Артемий был возведен в сан митрополита Петроградского. Духовенство Васильевского острова и Петроградской стороны, принадлежащее к обновленческому движению, постановило затребовать у митрополита Артемия объяснения».

(Борьба епископов. – Красная газета, 1923, 20 ноября, вечерний выпуск, № 276, с. 3.)

Неизвестно, какие именно объяснения давал обновленческий митрополит своей пастве, но декабрь ознаменовался новым грандиозным скандалом. Официальный глава обновленцев Артемий всенародно принес покаяние, при этом он всенародно проклинал свою принадлежность к обновленческому расколу.

«В декабре 1923 г. был обращен в православие видный деятель обновленчества митрополит Петроградский и Лужский Артемий (Ильинский), – вспоминает один из современников. – Поскольку митрополит Артемий являлся обновленческим архиереем Петроградской и Лужской епархии, то к нему епископом Мануилом была применена более строгая форма покаяния. Он должен был приносить покаяние в нескольких храмах, что им и было исполнено. Первое свое покаяние он приносил за всенощным бдением в храме Воскресения, что у Варшавского вокзала. Сколько слез он пролил тогда за свое заблуждение и отступление от Православия! Это были искренние, неподдельные слезы. Плакал вместе с ним и народ.

Такое же всенародное покаяние он принес в день памяти св. великомученицы Варвары, после ранней обедни во Владимирском храме, что на улице Владимирской, и после поздней – в Леушинском подворье, что на ул. Бассейной.

Завершающее свое покаяние он принес в Кафедральном соборе г. Луги перед всем духовенством и верующими.

Принятый в лоно православной Церкви в сане епископа, он остался на покое в Луге».

Таким образом, за два месяца епископ Мануил одержал полный триумф над обновленчеством.

«Если бы мы знали, что ты так активно будешь против нас действовать, ни за что не допустили бы тебя в Петроград», – заметил однажды епископу Мануилу случайно встретившийся с ним А.И.Боярский – его давний товарищ по Совету Братств.

За 144 дня пребывания епископа Мануила в Петрограде им была воссоздана сильная православная епархия, и Питер перестал быть цитаделью обновленчества: из 115 обновленческих храмов 83 прихода перешли в ведение патриарха.

Вслед за Александро-Невской Лаврой перешел к патриарху (в январе 1924 года) Новодевичий монастырь. В православие перешли почти все храмы центральной части города, все храмы села Смоленского, Московско-Нарвского района и Выборгской стороны.

Как мы выше указывали, особенно велики были успехи «мануиловщины» в заводских, фабричных районах, в районах, населенных питерской беднотой. Чтобы не быть голословными, приведем следующие данные: в районе Лиговки (окраинной части города, в которой ютилась питерская беднота, интеллигенция и сколько-нибудь состоятельная часть населения здесь не селилась, так как эта часть города пользовалась одиозной репутацией) все храмы были патриаршими: Волково кладбище, храм Иоанна Предтечи, Пекинское подворье, Покровская церковь на Боровой улице. К патриарху перешел храм Милующей Божией Матери в Галерной Гавани (сплошь рабочем районе, где не было буквально ни одного интеллигента и ни одного буржуа).

Интересно проследить расположение храмов на Васильевском острове: в передней части Васильевского острова, где очень многочисленна была интеллигенция, ввиду близости Университета, и буржуазная прослойка (Андреевский рынок), все храмы были обновленческими (церковь Великомученицы Екатерины, церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и Андреевский собор).

Цитаделью тихоновцев было Киевское подворье (15-я Линия) – храм, который помещался в той части Васильевского острова, которая была населена почти исключительно рабочими.

Подобное же явление можно было наблюдать на Петроградской стороне.

Храмы, прилегающие к Большому проспекту, населенному в основном буржуазной интеллигенцией, были обновленческими: Князь-Владимирский собор, Введенская, Матфеевская церкви; храмы, прилегающие к Малому проспекту и к Петровскому острову, населенным рабочим людом, перешли к тихоновцам: храм Спаса на Колтовской, церкви Алексия Божия человека и Иоанна Милостивого, Иоанновский монастырь.

Таким образом, по своему социальному составу «мануиловщина» была народным движением. Так же, как в крохотном братстве иеромонаха Мануила, в этом большом движении, в масштабах мирового города, доминирующую роль играли кухарки, мелкие служащие, низкооплачиваемые слои рабочего класса. Это было в основном пролетарско-мелкобуржуазное движение.

В деревне же это движение поддерживало крестьянство (среднячко-бедняцкие слои в первую очередь).

Что касается тогдашней интеллигенции и нэповской буржуазии, то они брезгливо сторонились от этого «простонародного» движения, возглавляемого фанатичным монахом, им был больше по сердцу блестящий оратор со своими проповедями в декадентском вкусе с Захариевской улицы и научные изыскания А.И.Боярского. Конечно, не следует упрощать: к «мануиловщине» примыкали и интеллигенты, и даже аристократы. Однако отнюдь не они играли в ней доминирующую роль.

Здесь уместно будет поставить вопрос и о политических тенденциях «мануиловщины». Ее противники любили представлять петроградское дви-

жение как глубоко реакционное и даже черносотенное. Однако уже самый социальный состав этого движения говорит против этого утверждения. Конечно, в составе движения было немало лиц, известных своими крайне реакционными убеждениями (к их числу принадлежал, между прочим, протоиерей о. Павел Лахотский, имя которого упоминалось выше). Этого никак нельзя сказать о самом епископе Мануиле: человек живого темперамента, близкий к народу, епископ Мануил и до революции был своеобразным религиозным бунтарем – врагом рутин и бюрократизма; он, в частности, никогда не был сторонником монархического строя, и в дальнейшем «настоящие» солидные консервативные иерархи типа митрополита Серафима (Чичагова) смотрели на него скептически и недоверчиво. В обновленчестве епископа Мануила отталкивала не политическая прогрессивность, а беспринципное сикофанство и моральное вырождение (Сикофантами в комедиях Аристофана называются доносчики). Епископ Мануил хотел видеть русскую церковь свободной, независимой, чистой в свободной социалистической России. (Все это, разумеется, наши предположения – о мнениях епископа Мануила на этот счет мы ничего не знаем.)

Епископ Мануил понимал, что путь к истинному духовному обновлению церкви лежит через всенародное движение, и сам он был в течение 144 дней главой великого религиозно-народного движения.

Между тем с января 1924 года над головой епископа Мануила начали сгущаться темные тучи.

Январь 1924 года характеризуется стабилизацией обновленчества в Питере. На смену владыке Артемию, никогда не пользовавшемуся популярностью, из Москвы прибыл маститый иерарх Вениамин Муратовский, назначенный митрополитом Петроградским. Тотчас после его прибытия В. Д. Красницкий был изгнан из Казанского собора, и обновленческая епархия официально была восстановлена.

13 января 1924 года последовало разъяснение петроградского прокурора с категорическим запрещением помять патриарха. Циркуляр заканчивался угрозой в адрес тихоновцев.

В это время на всей территории Петроградской области открыто поминали имя патриарха; циркуляр петроградского прокурора означал начало наступления на «мануиловщину».

Как сообщала «Красная газета», после издания циркуляра среди староцерковников обозначились следующие три течения:

1. Поминали Святейшего патриарха Московского и всея Руси (без имени).
2. Продолжали помять патриарха Тихона, с полным именем и титулом.
3. Поминали одного епископа Мануила.

«Красная газета» выражала надежду на то, что церкви Владимирская, Покровская и Борисоглебская, лишь недавно присоединившиеся к патриарху, отойдут теперь к обновленцам. (Красная газета, 1924, 14 января.)

В это время был досрочно освобожден отбывавший в течение полутора лет наказание в ленинградской тюрьме епископ Ладожский Венедикт (Плотников). Это неожиданное освобождение епископа Венедикта, видимо, имело целью парализовать влияние епископа Мануила, на которого смотрели в это время на Гороховой улице как на главную опасность.

«Среди тихоновских епископов происходят раздоры на почве борьбы за первенство», — торжествующе сообщала «Красная газета», возможно, несколько преждевременно, принимая желаемое за действительное.

«Епископ Венедикт недоволен епископом Мануилом и отвергает старшинство последнего. Дабы предупредить эти раздоры, б. патриарх Тихон решил назначить митрополитом Ленинградским митрополита Серафима (Чичагова), бывшего полковника конного полка».

(Красная газета, 1924, 5 февраля, вечерний выпуск, с. 2.)

В конце января епископ Мануил прибыл в Москву и явился к Тучкову для переговоров о делах Ленинградской епархии.

— С такими архиереями, как вы, не разговаривают, таких архиереев к стенке ставят, — перебил его на первом же слове Тучков.

— Вы это сознательно говорите? — спросил его епископ Мануил.

— Да.

— В таком случае, мне с вами не о чем разговаривать, — сказал епископ Мануил и вышел из кабинета. Перейдя через дорогу, он прошел затем в Наркомат юстиции, который помещался тогда с другой стороны Лубянки, и принес официальную жалобу на ГПУ. Красиков, работник Наркомата, заведовавший церковными делами, внимательно выслушал владыку, успокоил, поблагодарил за то, что тот обратился в Наркомат, и обещал принять меры.

В тот же день епископ Мануил вернулся в Ленинград. Через два дня в Ленинград выехал также Тучков. 2 февраля 1924 г. им был арестован епископ Мануил и около сотни человек, которым приписывалось участие в тайной организации. Большинство своих однодельцев епископ Мануил не знал даже по имени. Через некоторое время епископ Мануил был приговорен к трем годам высылки и отправлен на Соловки. Все «дело» было, разумеется, гнусной провокацией типа «дела врачей».

Обновленческий Синод обратился к Ленинградской епархии по этому поводу со специальным воззванием, которое зачитывалось во всех обновленческих храмах. Приводим его здесь полностью:

«Послание Священного Синода
духовенству Ленинградской епархии.

Отцы и братия!

Кончилась церковная «мануиловщина».

То, чем влияли на сознание маловерующих людей: окропление храмов, покаяния архиереев и священнослужителей перед толпой народа, переосвящение антиминов и священных сосудов, сжигание Святых Даров

и др. — все оказалось лишь ширмой, средством, чтобы эксплуатировать религиозное чувство верующих, организовать совершенно нецерковные выступления, мешая дело человеческое с делом Божиим.

Горькое чувство охватывает и тех, кто в простоте сердца доверился им, и тех, кто напрасно пытался остановить их. Они увлекли за собою часть наших братьев, а теперь, как, например, епископ Мануил, публично признают свои ошибки (?). Сколько опять слез и мук из-за прошлой уверенности в непогрешимости, из-за их епископского самоутверждения, вопреки предостерегающим голосам епископов Церкви Российской и многих-многих пастырей!

Братья, одумайтесь, посмотрите, куда вас ведут архиереи, не желающие считаться с голосами пастырства, давящие своим авторитетом сана, толпе, перед которой они имеют «вид благочестия», и вместо руководства покровительствуют низким инстинктам религиозных суеверий, нетерпимости и фанатизма, — эти два начала (?) втягивают вас, пастырей церкви, в политиканство, в нелегальные управления церковные.

Неужели жизнь не учит вас, не заставляет видеть, как гибнет и раздирается Церковь наша?

Неужели те, кто сразу верно учли ценность работы епископа Мануила, как раньше «нейтральность» автокефалистов, и вас предупреждали об этом еще год назад, во время «мануиловской славы», неужели они заслуживают только порицания и недоверия. Нам дороги не отдельные епископы или партии, группы, — нам дорога Церковь Божия, пастыри Церкви — те, про кого Господь сказал: вы соль земли — оставьте свою привычную безличность.

Во имя блага Церкви станьте сами руководителями жизни церковной в общинах ваших, ибо старый епископат потерял Кормчего Церкви, и дух современного монашества так далек от Христовых заветов.

Станьте против архиерейского самовластия, за восстановление древнехристианского епископского служения, не губящего, а спасающего людей.

Возьмитесь за обновление Церкви Русской».

(Церковное обновление, Рязань, 1925, 10 января, № 1, с. 5.)

Имя епископа Мануила осталось, однако, на многие десятки лет памятным верующим ленинградцам. Между прочим, о его пребывании в Ленинграде написано много стихов. Эти простые, безыскусственные стихи, очень слабые по форме, тем не менее хорошо характеризуют тех простых, но искренне верующих людей, которые окружали владыку. Приведем поэтому здесь некоторые из них.

17/30 сентября 1923 г.

Мы помним этот чудный день,
Среди духовного затишья и скорбей
Явился ты, и снова Церкви сень
Собрала заблудившихся детей.
С каким горячим умилением

Мы слушали твой вдохновенный зов –
Он разведал далеко все сомненья,
Беречь свою молитву каждый был готов.
Нет, не забыли мы тебя, родной отец,
В душе звучат святые наставленья.
Прими ж привет из глубины сердец
И осени детей своих благословеньем.

Любовь верующих ленинградцев к епископу Мануилу выразилась с особой силой во время похорон матери Преосвященного, умершей вскоре после ареста и ссылки епископа. Погребение матери епископа Мануила было совершено в Александро-Невской Лавре. Отпевание совершал вновь назначенный патриархом наместник Лавры епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) в сослужении 42 священников и 17 диаконов.

На могиле матери епископа Мануила – такие же простые и бесхитростные, как и приведенные выше, стихи:

Славного сына славная мать,
Окончила путь ты земной.
Окончила сердцем скорбеть и страдать,
Найдя себе вечный покой.
А сын на чужбине далекой,
Изгнанник за веру Христа,
Не знает, что горем сломленная,
Лежишь ты под сенью креста.
Что жалился Бог милосердый
Над горькою долей твоей
И в чертог невечернего света
Укрыл от жестоких людей.
В нем нет ни скорбей, ни печали.
Приди же, родная, скорей
И там, пред престолом Владыки
Молись за своих сыновей.

Козлов А.Н.

Период «мануиловщины» вошел в историю Русской Церкви как период великого религиозного народного движения, как прообраз тех великих религиозных движений, которым предстоит еще в будущем обновить и преобразить Святую Русскую Церковь и весь мир.

И в этом – величайшее историческое оправдание движения и великая заслуга перед Церковью «махонького» архиерея, пламенно религиозного, чистого, правдивого человека – митрополита Мануила.

Между молниями 1924 год

Оглушительный раскат грома, ослепительная вспышка молнии. Пауза. Только серые тучи нависли. Шум ливня. Хлопанье под окнами. Это затишье, но тоскливое и мрачное затишье. Перед новым, еще более страшным ударом. Таким затишьем между молниями была эпоха нэпа. После тяжелых героических дней гражданской войны – плесень быта, мещанства, пошлость – пустота в сердцах.

Подернулась тиной
военная
мещанина.
И сразу полезло
из всех щелей
Мурло
советского
мещанина, –

воскликнул В. Маяковский (стихотворение «О дряни»).

Революционные лозунги, еще недавно потрясавшие мир, становятся в это время составным компонентом мещанской фразеологии. Именно в это время антирелигиозная пропаганда приобретает тот жирный налет пошлости, который присущ ей и в наши дни.

Известная журналистка тех дней З.Рихтер очень тонко уловила эту новейшую фазу антирелигиозной «работы» в своей корреспонденции, присланной из подмосковной деревни.

«Канун Сретения. Ветвистые липы с лицемерной вдовьей скромностью прикрыли затейливым кружевом пылающий румянец заката. Белым голубем, срываясь с деревенской колокольни, плывет над снежными крышами благовест, – рисует она в начале статьи деревенский ландшафт. – А из «изобки» (избы-читальни) как буйный протест отжившим традициям, нарушая благочестивую тишину молитвенного часа, врывается гармонь. Перед освещенными окнами на снегу весело пляшут «карманьолу» световые зайчики. В избе темноликие «боги», расставленные сообразно чину на полках, и не менее строгие, бородатые, с серебряной проседью, мужики и замужние бабы с младенцами на руках, снисходительно расправив жесткие морщины, смотрят, как по-новому веселится новая молодежь.

На лавках, вдоль стен, под вырезанными из газет и журналов фотографиями «Горок», Ленина живого, улыбающегося, и в гробу, – сидят парни. Отдельно – девицы. Посреди избы, друг перед другом – красивая, молодая пара. В неуклюжих больших валенках, с непринужденной грацией, которая милее искусства босоножек, девушка то по-старинному плывет павой, глядя через плечо на парня, то по-новому, с комсомольской удалью выделяет мальчишечьи коленца.

Предложил мне Ванька брак,
Отказала Ване я.
Ванькин тятка есть кулак, –
Не нашего звания.

– Ай да девки пошли, не нам чета! Смотри – вприсядку откальвает.
Лучше буду я с Петрухой
Книжки разные читать,
Чем с мамашенькой-дурехой
В церкви свечки зажигать.

С печки свесила седые космы бабка. Смеется, показывая беззубые десны. «Мамашенька» не без гордости любитесь «озорницей».

– Ишь какая вылупилась. За косы бы тебя, девка!

Девка запыхалась. Выходит парень, лихо тряхнул желтыми, как спелая рожь, кудрями.

Над овечкой поп кадил –
Умерла овечка.
Зря попу я заплатил,
Зря поставил свечку.

Лихо перевернулся турманом, пошел вприсядку. Гармонист заиграл что-то донельзя забытое, знакомое, но удивительно чуждое настоящей обстановке.

Неужели салонный кабаретный фокстрот?» (*Рихтер* 3. Крестьянский быт. – Известия, 1924, 11 марта, № 59, с. 3.).

Пошлость антирелигиозных частушек в этом отрывке выступает тем более ярко, что он написан рукой благожелательного автора, который не только не осуждает антирелигиозную молодежь, но, наоборот, вместе со старой бабкой, любитесь ею.

Не лучше обстояло дело и в городе. Особенно разухабистой пошлостью отличалась в это время группа антирелигиозных литературщиков, объединившихся в это время вокруг газетки «Безбожник у станка». Руководящую роль среди них играли Лонгинов и Полидоров. Статейки, напечатанные в этом органе, пестрели обычно следующими выражениями: «Религия – это сволочь» и т.д. «Не надо скупиться в борьбе с религией на крепкие выражения», – теоретизировал Полидоров. Этим статейкам соответствовали хулиганские карикатуры художника Моора. В общем, этот листок, как две капли воды, был похож на черносотенные газеты, предназначенные для народа и издававшиеся под редакцией известного в дорево-

люционной литературе доктора Дубровина. Главный орган антирелигиозников «Безбожник», редактором которого был Ем.Ярославский, а заместителем редактора Мих.Горев (Галкин), подвергся со стороны Полидорова резким нападкам за свою «умеренность». Ярославского и Горева Полидоров критиковал (между прочим, в своей статье, напечатанной в журнале «Спутник коммуниста») «за сочувствие «Живой Церкви».

«Церковь приспособляется, и каждый коммунист, марксист-ленинец, а не анархист, обязан дать себе отчет, все ли равно ему, все ли равно трудящимся, как будут держать себя церковные организации по отношению к советскому государству, — оправдывался Е.Ярославский, — будут ли они вести яркую политическую борьбу, как вел ее Тихон и руководившая им православная церковь в первые годы революции, или эта церковная организация будет «лояльна» по отношению к Советской власти, не будет выступать враждебно против советского государства. Всякий согласится, что это не все равно».

(Ярославский Е. Марксизм и анархизм в антирелигиозной пропаганде. По поводу статьи т. Полидорова в № 2-3 «Спутника коммуниста». — Большевик, 1924, 15-16 июля, с. 62.)

Среди интеллигенции наблюдался разнობой: в это время еще не замерла богоискательская волна, поднявшаяся в предреволюционные годы.

Религиозные мотивы пронизывали поэзию Н.Клюева, Сергея Есенина и других (их почему-то совершенно необоснованно называли «кулацкими» поэтами). Религиозные мотивы не вполне были чужды также и сугубо пролетарским поэтам группы «Кузница».

В этом отношении характерно, например, стихотворение А.Платонова «Субботник», входящее в сборник «Голубая глубина» (Краснодар, 1922):

Волей рожденный чудесной
 Всечеловеческий труд...
 Люди под ношею крестной
 Счастье себе обретут.
 Братские мощные руки
 Кровью налиты одной...
 Наши грядущие внуки
 Будут семьею родной.
 Мы под железными стенами
 Счастье для мира творим.
 Мы трудовыми подъемами
 Землю сжигаем и сами горим.

Мысль о духовном очищении через страдание за правду воодушевляет многих пролетарских писателей, и в этом их не утерянная связь с христианством.

«Вы, рассуждая, не живете, — писал, обращаясь к своим эстетствующим критикам, тот же, тогда 23-летний, А.Платонов, — ничего не видите, даже Красоту, которая неразлучна и верна человеку, как сестра, как невеста.

... Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.

Но не бойтесь, мы очистимся, мы ненавидим свое убожество, мы упорно идем из грязи. В этом наш смысл. Из нашего уродства вырастет душа мира.

Вы видите только наши заблуждения, а не можете понять, что не блуждаем мы, а ищем».

(Платонов А. Избранные рассказы. Москва, 1958, с. 7.)

Троцкий писал в это время: «Было бы прекрасно, если бы нашелся ученый, способный охватить эти новые обобщения методологически и ввести их в контекст диалектически-материалистического воззрения на мир. Тем самым он дал бы взаимопроверку новых теорий и углубил бы диалектический метод. Но я очень опасаясь, что эта работа – не в порядке газетных или журнальных статей, а в порядке научно-философской вехи, как «Происхождение видов» и «Капитал», будет произведена не сегодня и не завтра».

(Троцкий Л. Партийная политика и искусство. – Правда, 1923, 16 сентября, № 209.)

«Средневековый человек находил полное удовлетворение в своих соборах и в своем театре, т.е. в христианском богослужении и мистериях. В чем найдет он удовлетворение сейчас?» – вопрошал прославленный советский дипломат Г.Н.Чичерин, занимавший тогда пост наркома иностранных дел. (Чичерин Г. Несколько поправок к последней статье. – Правда, 1923, 5 октября, № 245, с. 2.)

Впрочем, недостатка в попытках создать «новые мистерии» не было, начиная от первомайских карнавалов, кончая попытками Михаила Чехова создать религиозный театр, к чему он близко подошел в своем исполнении роли Гамлета, трагедия которого, в трактовке Чехова, должна была символизировать состояние души, оторвавшейся от тела.

Нетрудно себе представить, какая невероятная путаница создавалась от всего этого в голове среднего интеллигента, который жил в это время в каком-то угаре. Большинство интеллигентов находило выход в эклектике – в искусственном соединении религии с атеистической «наукой».

Об этой противоестественной мешанине хорошо говорит знаменитый марксистский теоретик Любовь Исааковна Аксельрод (Ортодокс).

«Современная защита религии ведется поэтому почти что исключительно на субъективной почве, – отмечает она в своей статье «Карл Маркс и религия». – Пусть, – говорит религиозный субъективист наших дней, – религия будет созданием творческой фантазии. Допустим, что Божество, – действительно, лишь гипотеза, и, допуская это, религия все-таки сохраняет всю свою силу, все свои права и все свое прежнее значение. Если созданная своеобразным творческим духом коллективного человечества, небесная, прекрасная и совершенная страна приносит мне наивысшее блаженство, если мое представление о ней придает истинный смысл моему существованию, если я, благодаря этому моему религиозному сознанию, поднимаюсь все выше и выше над текучей, изменчивой, убегающей от меня жизнью, так отчего же, спрашивается, я должна отказаться от такой могучей спасительной силы? И какое мне дело до критического отношения

положительного знания к религии? Наука – мощный культурный фактор в борьбе за земное существование. Этого никто в наше время оспаривать не может и не должен. Но пусть наука займет подобающее место внешнего культурного исторического двигателя, а в сфере моей духовной, интимной, сокровенной жизни ее немой, холодный и равнодушный разум совершенно бессилён.

Людам недисциплинированной мысли, чуждым умственной привычке разбираться до корней вопроса, представляются подобные соображения не только убедительными, но и чрезвычайно оригинальными. В действительности же это в логическом смысле более чем шаткая, а с религиозной точки зрения кощунственная аргументация... Что бы там ни говорили философствующие теологи, а истинно верующему Бог вовсе не представляется отвлеченным Духом, а скорее в виде опытного, бравого капитана, управляющего нашим кораблем, плывущим по бурному океану жизни. Древние пророки верили и видели желаемое будущее, когда сойдет на землю Иегова, уничтожит врагов Израиля и восстановит мир, справедливость и торжество избранного Им народа. И настоящим христианином может быть признан лишь тот, кто проникнут глубокой несокрушимой верой в Царство Божие, в существование милосердного Творца – Хозяина Вселенной и Сына Его – Спасителя, пришедшего на землю не от мира сего.

«Господь – наша несокрушимая крепость!» – повторял Лютер в опасные и тревожные минуты мятежного периода своей жизни.

И в этих немногих словах реформатор с точностью указал на психологический источник его религиозной энергии. Бог, как объективная реальность и надежный покровитель, а не гипотеза Божества, построенная на субъективной потребности, составляет психологическую основу религиозных переживаний».

(Аксельрод-Ортодокс Л. Против идеализма. – Москва, 1924, с. 10.)

*

– Господь – наша несокрушимая крепость! – повторяли миллионы простых русских людей в эти опасные и тревожные минуты, когда Родина переживала переломную эпоху своей истории.

Между тем церковная жизнь шла своим чередом. Непрерывно, начиная с осени 1923 года, делались попытки примирить тихоновцев с обновленцами.

Во всех этих попытках чувствовалась направляющая твердая рука, рука Е. А. Тучкова, мечтавшего об объединении Русской Церкви под руководством послушного правительству церковного руководства.

Под магическим воздействием «обер-прокурора» претерпела знаменательные изменения позиция А. И. Введенского. После своего возвращения в Москву в августе 1923 года А. И. Введенский занял крайне агрессивную позицию по отношению к патриарху.

«Наш корреспондент беседовал в Москве с архиепископом Крутиц-

ким, управляющим Московской епархией Александром (Введенским), – радовала своих читателей «Красная газета».

– Кто идет за Тихоном?

– За Тихоном церковь не идет. Около него группируются торговцы с Сухарева рынка, бывшие торговцы и крупные царские чиновники, меньшевики (?) и прочие контрреволюционеры. Высший Церковный Совет располагает рядом фактов, с несомненностью доказывающих реакционный, более того – контрреволюционный характер поддерживающих Тихона групп.

– Каково положение Обновления?

– Вполне твердое. Если нужна статистика, то из 50 000 православных приходов за Тихоном идет не более 1000. Таким образом, Тихон создает некую новую секту – снаружи она в «красных ризах» (Тихон распорядился молиться за Советскую власть), внутри – душа, исполненная ненависти ко всему новому. Все честное, вдумчивое отвернулось от Тихона. Ведь был Собор. Он осудил Тихона, но судил и Обновление. Явочный характер ВЦУ, о чем теперь кричит Тихон, был определенно отмечен мной лично в моей руководящей речи на Соборе.

Собор опрашивал деятелей Обновления, создал новое, вполне каноническое церковное управление, никакие бунты тоскующих о былой власти Белавиных и Иларионов положения в церкви не изменят. Нужно определенно различать изъманов, продажных попов (вчера – обновленцы, сегодня тихоновцы), увы, такие нашлись и в Петрограде, и подлинную церковь.

Должен отметить, между прочим, что никакого Синода у Тихона нет, нет и никакого Собора. Он, как находящийся под судом, никакой организации созывать и не имеет права. Ваши петроградские толки обо всем этом лишены какой бы то ни было почвы.

– Ваше личное положение?

– Оно несколько не соответствует тому, что обо мне говорят в Петрограде. Никто меня не увольнял. По-прежнему я ношу титул Крутицкого, являюсь старшим заместителем председателя Высшего Церковного Совета. Никто меня не арестовывал, никаких покушений на меня не было. Я привык к сплетням вокруг своего имени и считаю ниже своего достоинства на них реагировать. Но такие выступления, как ложь на меня лжеепископа Белкова (обвинение в двоеженстве), заставили меня принять определенные меры для защиты от инсинуаций моего имени, на что имеет право каждый гражданин республики. Надеюсь, что это отобьет охоту уподобляться названному господину среди многих, забывающих об Уголовном кодексе РСФСР. Я много работаю, пишу книгу об основах религии, получаю профессию в Москве (но, конечно, не сниму ряс), читаю лекции в Москве и по провинции, собираюсь скоро в Петроград к своим многочисленным друзьям».

(Красная газета, 1923, 1 августа, № 181, с. 2.)

Прошло два месяца, и Введенский резко меняет тон. Потеря обновленцами почти всех храмов, полный провал в провинции, непрерывный нажим Тучкова сделали свое дело. Синод выступает с предложением ново-

го Собора. В печати появляется следующее, инспирированное А.И.Введенским, сообщение:

«Ближайшая сессия Всероссийского Поместного Собора созывается Синодом в конце ноября сего года. Главная задача Собора – разрешить окончательно спор между тихоновцами и обновленцами и положить конец расколу в церкви. Весьма вероятно, что вопрос о Тихоне, ввиду его раскаяния, будет пересмотрен и вновь поставлен на обсуждение.

Мнение архиепископа Введенского.

Архиепископ Введенский – член Синода и комиссии по выработке порядка соборной сессии – сообщил нашему сотруднику свое мнение о пересмотре дела бывшего патриарха.

– Я считаю, что в результате длительных споров между тихоновцами и церковью выяснилось, что в основном, в существенных вопросах, между обоими течениями разногласий нет. Основные вопросы христианства и православия одинаково трактуются как Синодом, так и приверженцами Тихона. Позиция тихоновцев по отношению к гражданской власти в настоящее время вполне лояльна, и Декрет об отделении церкви от государства ими принят. Даже пресловутый новый стиль уже не составляет камня преткновения на пути к прекращению раскола, пагубно отражающегося на жизни церкви в целом.

Думается, что вопросы административного управления и другие безусловно второстепенные разногласия могут быть разрешены к обоюдному удовлетворению и что при искреннем желании со стороны тихоновцев прекратить губительные для церкви раздоры новый Собор сможет, наконец, внести столь необходимое спокойствие и ясность в церковную жизнь и восстановить ее нормальное течение. Декрет об отделении церкви от государства дал церкви свободу и возможность самостоятельного, чисто религиозного развития, без всякого загромождения его политическими страстями и без угнетения государством, как это было на протяжении всей русской истории до 1918 года. Теперь эта возможность дана, и церковь должна ее использовать». (Красная газета, 1923, 31 октября, № 260, с. 3.)

Как выше указывалось, уже в ноябре стало ясно, что переговоры зашли в тупик. Патриарх и его окружение отклонили синодальный проект о восстановлении патриарха в сане, уходе его на покой и созыве нового Собора. Однако в 1924 году была сделана новая попытка примирить патриарха с обновленцами – попытка, на этот раз чуть не увенчавшаяся успехом. Это был сногшибательный конкордат между патриархом Тихоном и (даже страшно вымолвить) Красницким.

*

«Это был один из самых счастливых дней моей жизни, когда я самолично сорвал с дверей кабинета надпись «Зам. председателя Священного Синода, протопресвитер В. Д. Красницкий» и прибил гвоздиками новое объявление: «Зам. председателя Священного Синода архиепископ А.И.Введенский».

кий», – вспоминал через двадцать лет с блаженной улыбкой Александр Иванович.

Этот «счастливый момент» произошел в августе 1923 года – в сентябре Владимир Дмитриевич официально объявил о своем разрыве с Синодом, и в январе он вынужден был оставить Казанский собор и, казалось, вернулся в первоначальное положение – стал вновь обыкновенным приходским священником. В быстро меняющейся ситуации, в вихре событий, было не до Красницкого, и вчерашний «живоцерковный диктатор» был уже почти забыт, как вдруг в конце мая вся русская церковь ахнула от изумления: 24 мая 1924 г. в «Известиях» появилось следующее сообщение:

«В связи с происходящими изменениями в церковных делах протопресвитер В. Красницкий заявил следующее:

– Сведения (какие сведения – никто ничего не знал) о том, что патриарх Тихон вошел в общение со мной и с некоторыми другими членами революционной группы духовенства и мирян «Живая Церковь», совершенно справедливы. Группа «Живая Церковь» два года тому назад выступила против церковной контрреволюции и доказала возможность мирных и доброжелательных взаимоотношений между православной церковью и Советской властью при сохранении неизменности как догматов православной веры, так и декрета об отделении церкви от государства.

✓ По этому пути пошла сначала передовая часть церковного общества, которая на Всероссийском Поместном Соборе 1923 года одобрила деятельность нашей группы и от имени Церкви заявила об отмене прежних анафематствований Собора 1917-18 гг. и о желании Церкви жить в мире с Советской властью. На этот же путь стал и патриарх Тихон, признав неправильной свою борьбу с социалистической революцией. Приступив в настоящее время к организации церковного управления при себе до созыва очередного Поместного Собора, патриарх Тихон счел необходимым пригласить к участию в нем членов нашей группы «Живая Церковь», которой предложил половину мест в этом управлении и во всех епархиальных советах на территории всего СССР, если таковые будут разрешены властью, параллельно с уже существующими такими же советами.

В настоящее время при патриархе Тихоне уже организован Высший Церковный Совет, в который вместе со мной вступили члены Центрального комитета нашей группы, в количестве 6 человек.

На вопрос – какие цели намечают патриарх Тихон и В. Д. Красницкий на ближайшее время, Красницкий отвечал:

– Мы ведем решительную борьбу с церковной контрреволюцией, раздирающей церковное единство ради своих, чисто политических целей. В первую очередь намечается послание патриарха и Высшего Церковного Управления о созыве очередного Поместного Собора с определенным признанием справедливости социалистической революции и решительным осуждением ее врагов как внутренних, так и внешних.

Дальше мы потребуем строгого церковного суда над заграничными

церковными контрреволюционерами и отлучения их от церкви. Затем необходим пересмотр состава епископата и удаление из его рядов контрреволюционно настроенных элементов, а также смены приходских советов, так называемых «двадцаток», с той же целью.

Вообще мы будем проводить как политическую, так и церковно-каноническую программу группы «Живая Церковь», установленную нашими двумя съездами». (Известия ВЦИК, 1924, 24 мая, № 117.)

Читая этот документ, способный сбить с толку кого угодно, сейчас, через 37 лет, чувствуешь некоторое головокружение. Что же должны были чувствовать современники, на глазах у которых всего несколько месяцев назад Красницкий с яростью людоеда требовал смерти патриарха и сажал в тюрьмы всех, кто осмеливался поминать имя патриарха, и давал на процессе митрополита Вениамина показания, явившиеся главной причиной смертной казни главных подсудимых?

Представьте себе Римского папу, который назначил бы кардиналом Емельяна Ярославского – эффект будет примерно тот же.

Однако история – эта «глупая сказка, рассказанная пьяным человеком» (как говорил Шекспир), – знает еще и не такие нелепости.

Следует прежде всего понять, что именно кроется за этой «декларацией Красницкого».

А декларация Красницкого (или, как он говорил, «майское соглашение») была лишь результатом сложной, многомесячной политической игры.

Е.А.Тучков с огромным недовольством воспринял отказ архиереев, окружавших патриарха, принять соглашение с Синодом. В ноябре Тучков вызвал к себе лично патриарха, до этого все переговоры велись Иларионом. Легко себе представить, с какими чувствами вновь переступил патриарх порог зловещего здания на Лубянке. Тучков был строг и решителен. В скупых и резких выражениях он предъявил ультиматум: патриарх должен немедленно принять Евдокима и выработать совместно с ним декларацию о примирении. Отказ патриарха от примирения будет рассматриваться как контрреволюционный выпад, и патриарх будет арестован вновь. Этому разговору предшествовал целый день томительного ожидания в приемной Тучкова, куда патриарха ввели под конвоем.

Однако патриарх Тихон неожиданно заговорил еще более резким тоном: категорически отверг требование Тучкова и заявил, что никто в мире не навяжет ему таких действий, которые отвергает его совесть. Видимо, в этот момент проявилась та природная вспыльчивость, которая порой делала неузнаваемым этого, обычно тихого и кроткого, человека. Вообще в это время патриарх Тихон часто говорил, что он никогда бы не стал выходить из заключения, если бы он знал, что обновленчество сделало столь малые успехи, и что теперь (когда он спокоен за судьбы Церкви) он с удовольствием пойдет в тюрьму.

Измученный Тучков быстро сменил тон – стал осведомляться о здоровье патриарха, шутить и вежливо с ним простился.

Через несколько дней после этого был арестован архиепископ Иларион (Троицкий) – главный советник патриарха, наиболее популярный в Москве святитель, на которого Тучков возлагал, видимо, главную ответственность за срыв соглашения с обновленцами.

Осенью 1923 года закончилась навсегда деятельность этого талантливого, широко образованного и деятельного архипастыря. В течение многих месяцев архиепископ Иларион сидел в тюрьме. Молва сохранила рассказ о том (об этом говорили сокамерники архиепископа), как Тучков однажды приехал в камеру, чтобы предложить свободу ценой «добрых услуг». «Я хотя и архипастырь, но вспыльчивый человек. Очень прошу вас уйти. Я могу потерять власть над собой», – ответил владыка.

В 1924 году он был сослан в Архангельск на 3 года. В 1926 году, по возвращении в Москву, тотчас был вновь арестован и сослан в Соловки на 3 года. В 1928 году «старое начинается вновь» – архиепископ в день возвращения в Москву вновь арестован и заточен в страшную Ярославскую каторжную тюрьму – «Коровники» (изолятор для уголовных преступников с особо строгим режимом).

В марте 1929 г. он умер в ленинградской тюрьме «Кресты» в тюремной больнице. Власти отдали тело умершего архипастыря, и он был торжественно, по архиерейскому чину, погребен митрополитом Ленинградским Серафимом и епископами Николаем, Феодосием и Сергием в Новодевичьем монастыре*.

Несмотря на сравнительно малый срок своего святительства, владыка остался в памяти верующих людей со стойким эпитетом – «светильник Церкви».

После исчезновения Илариона главную роль в окружении патриарха стали играть два епископа – Серафим Александров, архиепископ Тверской и Кашинский, и Петр Полянский, архиепископ Крутицкий.

Архиепископ Серафим – старый, многоопытный человек, пронзительный, умный и дипломатичный. У него за плечами пролегал длинный и трудный жизненный путь. Он был рукоположен в епископа из вдовых протоиереев. Большую часть своей жизни он провел в провинции, длительное время был епархиальным миссионером в Самаре.

Сохранив в годы смуты верность патриарху, архиепископ Серафим провел полтора года в заключении. Теперь он усиленно искал путей к «легализации», к соглашению патриарха с властью. На этом основании многие не в меру подозрительные люди обвиняли архиепископа (вскоре он стал митрополитом) в nepзпoвoлитeльных связях с ГПУ. На это, однако, нет никаких оснований: митрополит Серафим Александров, подобно митрополиту Сергию, был честным и убежденным сторонником реалистической политики. Именно поэтому он стал впоследствии ближайшим сотрудником митрополита Сергия, каким оставался до самой своей смерти – он умер в 1936 году в сане митрополита Саратовского в заключении: митрополит был одной из жертв ежовщины.

Более сложным и своеобразным человеком был архиепископ Петр, занимающий по праву столь видное место в истории русской церкви. Особенностью митрополита Петра, которая проходит через всю его жизнь, была страшная способность изумлять людей: он всегда делал как раз обратное тому, чего от него ожидали.

Петр Федорович Полянский родился в 1865 году в семье священника. Здоровый, рослый семинарист, он был типичным сангвиником, среди своих сверстников он отличался физической силой и бесшабашной удалью, которая порой переходила в чисто бурсацкое озорство. Никто никогда не ожидал от него никаких особых успехов ни в учебе, ни в жизни. Поэтому всех поразило, когда Петр Федорович неожиданно подал прошение в Духовную академию и блестяще выдержал труднейшие экзамены. Столь же поразительна была защита им диссертации.

В 1890 году Петр Федорович становится субинспектором Московской духовной академии в то время, когда ректором Академии был молодой блестящий архимандрит Антоний Храповицкий, а инспектором – архимандрит Сергей Страгородский.

Несмотря на усиленные советы Антония Храповицкого, молодой П.Ф. Полянский категорически отказывается от монашества и ведет светскую, открытую жизнь преуспевающего духовного чиновника. Революцию он встречает в чине действительного статского советника.

После революции – служба бухгалтером в кооперативной артели «Богатырь» (под Москвой). В 1921 г. Петр Федорович (с опозданием на 31 год) исполняет совет Антония Храповицкого: в конце года патриарх Тихон рукополагает его в священники и постригает в монахи. Еще два месяца – и он становится епископом Крутицким.

В 1922-1923 гг. епископ Петр скитается по тюрьмам, а осенью 1923 года, после очередного освобождения, является к патриарху, и с этого времени он до самой смерти Святейшего становится ближайшим к патриарху человеком.

Что можно сказать о митрополите Петре? Прежде всего это был человек настоящей русской складки. Какое бы то ни было позерство или аффектация были ему совершенно несвойственны. Это был жизнерадостный и веселый человек: хорошая шутка и звонкий смех были с ним неразлучны. Это был сговорчивый и уступчивый человек – отнюдь не фанатик и не изувер. Он любил хорошо покушать и не прочь был немного выпить. Он оказался самым непоколебимым и стойким иерархом из всех, которых имела русская церковь со времен патриарха Ермогена. 12 лет невероятных мучений (1925-1937), тюрьмы, пытки, ссылка в Заполярье, где он жил с эскимосами¹, – не могли ни на один вершок сдвинуть его с занимаемой им позиции, поколебать хотя бы в малейшей степени: десятки раз ему предлагали компромисс и возвращение к власти – с веселой улыбкой и шутками он отвергал все предложения*.

Таким он оказался впоследствии, а теперь он спокойно и весело уп-

¹ С самоедами – ныне ненцами, на о. Хе, близ г. Обдорска.

равлял Московской епархией. Не прочь был, казалось, договориться с Тучковым. Первой заботой этих двух людей была юридическая легализация патриарха. Для этого нужно было прежде всего снять с патриарха клеймо подсудимого, благодаря которому он мог быть в любой момент вновь водворен в тюрьму, а всякая попытка нормализовать положение церкви парализовалась возражением: «Лица, состоящие под судом, не могут никем править».

Именно вокруг этого пункта – нормализации юридического положения патриарха Тихона – вертелись переговоры, которые от имени патриарха вели с Е.А.Тучковым архиепископы Петр и Серафим.

В начале 1924 года появилась первая ласточка. Общественное мнение стали готовить к «реабилитации патриарха».

«Когда будут и будут ли судить Тихона? – спрашивала газета «Беднота». – На такой вопрос председатель уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда т. Галкин сообщил:

Как известно, бывший патриарх, на основании постановления Верховного Суда, рассмотревшего в свое время заявление Тихона, был освобожден из-под стражи. В своем постановлении Верховный Суд не определил срока, на который откладывается судебное разбирательство этого дела.

Такое положение остается до сих пор без изменений. Вопрос о Тихоне, с момента его освобождения, на заседаниях Верховного Суда более не поднимался.

На вопрос, когда это дело может быть назначено к слушанию, тов. Галкин ответил, что, поскольку, во-первых, поведение Тихона соответствует сущности поданного им заявления, а во-вторых, не представляется каких-либо новых данных о деятельности бывшего патриарха, противоречащих его раскаянию, – постольку Верховный Суд, как не руководствующийся чувством мести, оставляет этот вопрос открытым.

Наблюдающиеся же взаимоотношения чисто церковного характера (старая и новая церковь), поскольку они не отражаются на судебном деле, Верховный Суд совершенно не интересуют». (Беднота, 1924, 15 января.)

Наконец, после многих отсрочек, оттягиваний, «собеседований» было опубликовано сообщение о прекращении дела б. патриарха Тихона и других, в следующей формулировке:

«В заседании Президиума ЦИК СССР от 21 марта 1924 г. под председательством тов. Нариманова вынесено следующее постановление:

Принимая во внимание, что гр. Белавин В.И., бывший патриарх Тихон, публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян, что среди широких масс рабочих и крестьян проявляется усиленная тяга от религиозных суеверий в сторону науки и просвещения, что тем самым влияние так называемой православной церкви на широкие массы рабочих и крестьян решительно ослаблено и что, вследствие этого, гр. Белавин, бывший патриарх Тихон, и привлечен-

ные с ним граждане, не могут быть опасными для Советской власти, Президиум ЦИК Союза ССР постановил:

дело по обвинению граждан Белавина В. И. (б. патриарха Тихона), Феноменова И. Г., Стадницкого А. Г., Гурьева В. А. в преступлениях, предусмотренных ст. 62 и 119 Уголовного кодекса РСФСР – производством прекратить». (Известия, 1924, 22 марта, № 67, с. 4.)

Этим случаем воспользовались также и для того, чтобы покончить еще с одним неприятным делом, которое отравляло отношения Советской России с европейскими странами.

Одновременно с прекращением дела патриарха Тихона появилась следующая заметка:

«Президиум ЦИК СССР постановил: определенное постановлением ВЦИК 29 марта 1923 г. наказание гр. Яну Гиацинтовичу Цепляку – десятилетнее лишение свободы со строгой изоляцией – заменить высылкой из пределов Союза ССР». (Известия, 1924, 22 марта, № 67, с. 4.)

Газеты поднесли прекращение дела патриарха Тихона как акт величайшего милосердия.

«Вчера утром сотрудник РОСТА посетил в Донском монастыре б. патриарха Тихона, – сообщали «Известия». – Тихон еще не знал о решении Президиума ЦИК СССР. Прочтя постановление, он встал, перекрестился и сказал:

– Передайте Советскому правительству и Президиуму ЦИК СССР глубокую благодарность как от меня, так и от моей паствы за такое милосердное отношение к моей деятельности. Правительство может быть вполне уверено, что оно найдет во мне лояльнейшего гражданина Советского Союза, добросовестно выполняющего все декреты и постановления гражданской власти.

В дальнейшей беседе Тихон опроверг сообщение газеты «Накануне» о том, что с ним был удар. Врачи, лечившие его, нашли у него нефрит (болезнь почек) и предписали избегать переутомления. Касаясь планов своей дальнейшей деятельности, Тихон сказал, что он займется теперь организационной стороной своей церкви, считая, что рамки советского законодательства дают для этого широкий простор...

Относительно примирения с Синодом и той частью духовенства, которая стоит за ним, Тихон говорит, что его точка зрения на этот вопрос не изменилась, он по-прежнему ждет покаяния от Синода и молится о том, чтобы Бог вразумил и смягчил сердца его членов».

*

«В беседе с сотрудником РОСТА управляющий тихоновской Московской епархией архиепископ Крутицкий Петр сказал, что на днях будут отслужены благодарственные молебны по поводу милосердного отношения Советской власти к патриарху Тихону». (Известия, 1924, 23 марта, № 68, с. 4.)

Майское соглашение последовало тотчас после прекращения дела патриарха.

«Не было ли здесь какой-либо связи?» – задал один из авторов этой работы вопрос Красницкому в 1934 году.

«Еще бы...» – улыбаясь, ответил Владимир Дмитриевич.

В середине марта В. Д. Красницкий экстренно, под большим секретом, отбыл в Москву. Своим прихожанам и даже своей семье Владимир Дмитриевич объявил, что едет на Украину – выступать на диспутах.

На самом деле он прибыл в Донской монастырь, где для него была отведена келья (его уже здесь ожидали – все было заранее согласовано с Тучковым). Переговоры начались тотчас после прибытия Красницкого в Москву.

Тотчас по прибытии в Москву Красницкий имел встречу с руководителями «тихоновщины». Теперь, кроме двух митрополитов – Петра и Серафима, среди них находился еще третий – Тихон Уральский, также только что возведенный в митрополиты. Врач по образованию, кроткий, тихий старичок, он никогда не имел репутации активного человека и теперь всплыл на поверхность только благодаря полному отсутствию архиерейских кадров (все руководящие владыки были в ссылке).

На другой день Красницкий очутился лицом к лицу с патриархом. Он встретился с ним за последние полтора года в третий раз: первый раз – ночью, в Троицком подворье, во второй – в этой же комнате – десять месяцев назад, когда Владимир Дмитриевич вместе с Петром Блиновым вручил патриарху определение Собора о лишении его сана.

Что подумали, что почувствовали эти два человека, встретившись в столь схожей и столь резко отличной обстановке? Истории не дано знать сокровенных движений сердец – их знает только Бог.

Спокойный и сдержанный Красницкий, совершив обычное метание, подошел к Святейшему под благословение. Тот молча благословил его. Уселся. Митрополит Серафим Александров прервал неловкое молчание словами: «Отец Владимир прибыл вчера из Петрограда и желает изложить вашему Святейшеству свой план искоренения раскола».

В своей обычной деловой манере, с привычными интонациями докладчика, Красницкий начал говорить¹.

Первая беседа патриарха с Красницким не дала никаких результатов. Решено было продолжать переговоры. В течение двух месяцев длились бесконечные дебаты Красницкого с митрополитом Серафимом. Излишне говорить, что при всех этих разговорах всегда невидимо присутствовал третий – Тучков.

Наконец 19 мая 1924 года Красницкий вновь переступил порог патриаршего кабинета и положил на письменный стол следующий документ:

«Его Святейшеству, Святейшему Тихону,
Патриарху Московскому и всея Руси.

Ваше Святейшество!

Милостивый Архипастырь, Отец!

Прилагая при сем обращение к членам основанной мною группы

¹ Краткое изложение беседы и вступительную реплику митрополита Серафима один из авторов знает со слов Н. Ф. Платонова, которому рассказывал об этом Красницкий.

православного белого духовенства и мирян «Живая Церковь», прошу Ваше Святейшество принять меня и моих собратьев, которые пожелают последовать моему примеру, в молитвенно-каноническое общение и благословить потрудиться на восстановление церковного мира и по подготовке очередного Поместного Собора в организуемом при Вашем Святейшестве Церковном Управлении, покрыв своей архипастырской любовью все, чем я прегрешил в период церковно-обновленческого движения.

*Российской Православной Церкви протопресвитер
Владимир Красницкий, председатель ЦК группы
«Живая Церковь».*

Москва, мая 19 дня 1924 года».

Вечером рукой патриарха на прошении Красницкого была наложена следующая резолюция:

«19 мая 1924 года. Ради мира и блага церковного, в порядке патриаршей милости, согласен принять в общение протопресвитера В.Красницкого. Священному Синоду предлагаю обсудить вопрос о включении его в состав образуемого Высшего Церковного Совета.

Патриарх Тихон».

(Известия ЦИК и ВЦИК, № 147.)

Через два дня было принято решение о сформировании Высшего Церковного Управления, на функционирование которого дал согласие Тучков. Официальное сообщение, опубликованное в газетах по этому поводу, гласит:

«На заседании тихоновского Синода от 21 мая в Донском монастыре, по предложению Тихона о восстановлении нормальной деятельности Высшего Церковного Управления применительно к положению, установленному Поместным Собором 1917-18 гг., Синод постановил: организовать присутствие Высшего Церковного Управления в составе обоих органов сего Управления как Священного Синода, так и Высшего Церковного Совета.

В состав Священного Синода, впредь до созыва очередного Поместного Собора, включить следующих лиц, под председательством его Святейшества, Святейшего Патриарха:

митрополита Сергия Нижегородского,
митрополита Кирилла Казанского,
митрополита Тихона Уральского,
митрополита Серафима Тверского,
митрополита Петра Крутицкого,
архиепископа Нафанаила Харьковского,
архиепископа Димитрия Томского,
архиепископа Павла Вятского,
архиепископа Григория Екатеринбургского,
архиепископа Евгения Благовещенского,
архиепископа Иосифа Одесского,
епископа Серафима Орловского.

В состав Высшего Церковного Совета на тот же срок, имея в виду резолюцию его Святейшества на заявлении протопресвитера В.Красницкого, под председательством его Святейшества, ввести нижеследующих членов: митрополита Тихона Уральского, митрополита Серафима Тверского, митрополита Петра Крутицкого, *протопресвитера В.Красницкого*¹, протоиерея А.Смирнова, *прот. Иоанна Артоболевского, прот. Василия Виноградова, прот. В.Неелова, прот. Василия Архангельского*, прот. Д.Боголюбова, прот. Любимова, архимандрита Анемподиста, мирянина А.Рахманова, *мирянину В.Белоликова*, заместителями – гр. Грачева и Апарникова. Постановление это подписано патриархом Тихоном, митрополитом Серафимом и митрополитом Петром». (Известия ЦИК и ВЦИК, № 147.)

Сейчас, через 37 лет, совершенно ясны побудительные причины этого странного, противоестественного братания: «майское соглашение» явилось платой, которую требовал Тучков за «прекращение дела гр. Белавина» и за разрешение организовать Высшее Церковное Управление. Одновременно было получено разрешение на организацию епархиальных советов по местам.

По этому поводу патриарх Тихон опубликовал следующее воззвание:

«Великие расстройства жизни церковной, доходящие до открытой вражды между членами православной церкви, глубокой скорбью исполняют наше архипастырское сердце. Ныне, заботясь о мире церковном и соединении всех чад вверенной нам паствы Российской, призываем всех пресвященных архиереев и управляющих епархиями организовать епархиальные советы по положению, установленному Поместным Собором 1917-18 годов, которые, в первую очередь, озаботятся делом подготовки очередного Поместного Собора Российской Церкви.

В состав означенных епархиальных советов следует избрать представителей духовенства и мирян епархий, как доселе твердо стоявших на канонических основах Поместного Собора 1917-18 гг., так и вошедших ныне в общение с нами лиц, состоящих в революционной группе православного белого духовенства и мирян «Живая Церковь».

Список избранных лиц надлежит представить на наше одобрение и местным органам власти для регистрации по закону».

(Церковное обновление, 1924, № 4, с. 26.)

Таким образом, все как будто входило в свою колею: Тучков, введя «троянского коня» к патриарху, потирал руки, Красницкий – сиял от счастья, готовясь вновь стать властным диктатором, причем роль Иоанна Альбинского, декоративного царька при полномочном премьере, должен был на этот раз играть сам Святейший патриарх Тихон.

Красницкий был на седьмом небе от радости – ничего себе сюрприз преподнес он своим обновленческим коллегам – он бил в литавры и с самоуверенным видом принимал репортеров.

«По поводу документов о примирении Тихона с Красницким, опубликованных в «Известиях» № 147, наш сотрудник имел беседу с Влади-

¹ Члены группы «Живая Церковь» отмечены курсивом.

миром Красницким о фактическом ходе перемирия», – писал один из журналистов.

Красницким он излагается так: в середине марта текущего года им было получено приглашение прибыть из Ленинграда в Москву для особой важности переговоров. В день его приезда состоялось первое совещание с членами Синода – митрополитом Петром Крутицким, Серафимом Тверским и Тихоном Уральским – по поводу ликвидации церковного раскола и создании единого, приемлемого для всех органа центрального церковного управления.

Им же был поставлен вопрос об основной цели всего дела – о созыве очередного Поместного Собора. На следующий день он был приглашен к Тихону. Тут Красницким было отмечено, что вопрос о Поместном Соборе объединил всех и речь была только о каноническом и юридическом оформлении новых органов церковного управления.

Во время переговоров, продолжавшихся шесть недель, выяснилось, что патриарх Тихон совершенно отказался от тех взглядов на отношение церкви к социальной революции, которых он держался до 1923 года и которые принесли церкви такой тяжелый и глубокий вред, что он не только раскаялся в своих прежних деяниях, о чем объявил в прошлом году в своем послании, но что он и члены его Синода полностью признают политические постановления Собора 1923 года о мирных отношениях церкви к Советской власти, об отмене анафематствования Советской власти, выражают желание продолжить и усилить в значительной степени начатую Поместным Собором 1923 года борьбу с заграничной контрреволюцией, не возражают принципиально и против белого епископата и второбрачия духовенства, ставя этот вопрос персонально в каждом отдельном случае. Видя в этом действительное основание для прекращения церковной распри и опираясь на общее и церковное доверие, выраженное мне Поместным Собором 1923 г., я решил взять на себя ответственность и признать патриарха Тихона главой церкви ради церковного мира и созыва очередного Поместного Собора, который один может только авторитетно разрешить все церковные вопросы.

В.Красницкий отметил, что примирение его с Тихоном он считает совершенно законченным и все внимание обращает исключительно на подготовку очередного Поместного Собора.

Далее В.Красницкий заявил, что организация нового Синода и Высшего Церковного Совета на началах его представительства обоих церковных течений оформлена с канонической и юридической стороны и открытие этих органов – только вопрос времени.

Что касается слухов о том, будто бы дело еще не завершено, говорит Красницкий, что между мною и патриархом Тихоном возникли недоразумения, то это исходит из антисоветских кругов, которые недовольны тем политическим направлением, которого держится теперь патриарх Тихон, и которые боятся очередного Поместного Собора, вполне понимая, что этот

Собор возложит на них ту ответственность за церковную разруху, которая на прошлом Соборе была обращена на одного патриарха.

В заключение Красницкий сказал: «Среди широких кругов верующих почин патриарха Тихона встречает полное сочувствие. В Ленинграде церковные круги открыто ориентируются на наш блок. Многочисленное собрание духовенства и мирян 22 июня одобрило действия патриарха и мои и поручило мне просить его прибыть в Ленинград для служения в Казанском соборе. Из многих мест поступают запросы о времени и порядке открытия новых епархиальных советов. В Москве нашей группой органиуются свободные беседы для широкого оповещения и свободного обсуждения намеченного пути к созыву Собора». (Известия ВЦИК, № 1151.)

«В беседе с нашим сотрудником Тихон просит опубликовать на страницах нашей газеты, что он считает долгом опровергнуть все нелепые слухи, которые исходят из уст злонамеренных людей о недействительности его факсимиле (собственноручная резолюция Тихона, наложенная им на обращении Красницкого к Тихону), а также надпись его Синода и Высшего Церковного Совета, – писали в том же номере «Известия». – «Оба эти акта подписаны мною, и я не намерен от них отказаться», – твердо заявил Тихон.

Присутствовавший при беседе архиепископ Крутицкий Петр, со своей стороны, также подчеркнул, что документы эти были подписаны как патриархом, так и членами Синода.

Перейдя далее к изложению хода перемирия с Красницким, Тихон сказал: «Я пошел навстречу искреннему желанию Красницкого поработать со мной в деле водворения церковного мира, принял его покаяние, несмотря на отрицательное отношение верующих масс к прошлой его деятельности и назначил его в Высший Церковный Совет, но там он является лишь министром без портфеля, поскольку сам Совет не может функционировать ввиду объективных условий, а именно – отсутствия помещения. Хотя и вопрос о создании органов церковного управления урегулирован и разрешен, – сказал Тихон, – но эти органы не могут приступить к работе по той простой причине, что еще не найдено соответствующее помещение не только для ведения работы, но даже для размещения членов Синода».

«Да, трудно теперь, – заявил архиепископ Петр Красницкому, – в прежнее время в распоряжении Синода находилось 50 миллионов, а теперь где их найдешь?» (Там же.)

Весть о «перемирии» патриарха с Красницким потрясла многих. Прежде всего эта весть повергла буквально в транс обновленческий Синод. В ночь на 25 мая, ломая карандаши и нервно покусывая губы, Введенский пишет истерическое воззвание, которое затем публикуется за подписями всех обновленческих архиереев. Самый тон возвания, панический и злобный, обнаруживает тревогу автора. Приводим текст возвания полностью.

«Обращение Священного Синода

ко всем православным архиереям, пастырям и мирянам.

Совершился новый, неожиданный акт для всех верующих. Бывший патриарх Тихон примирился с Красницким, примирился с «Живой Церковью». Ее последователей он ставит в своем воззвании равнозначными со своими последователями. И чтобы ни у кого не зародилось сомнения в искренности его примирения с «Живой Церковью», он делает Красницкого членом своего проектируемого управления. Кроме него, в том же управлении дает шесть мест живоцерковникам, не подвергая никого из них покаянию, как он это делал до сих пор.

На что же после этого не способен бывший патриарх Тихон? Вы, верующие, так пугались наименования «Живая Церковь», вы гнали своих пастырей за принадлежность к ней. К этому побуждал вас сам бывший патриарх Тихон, когда с беспримерным унижением архиерейского и пастырского достоинства принимал в общение с собою кающихся живоцерковников, когда по его приказу переосвящали церковь, где служили обновленцы.

Ужели теперь, только потому, что «Живую Церковь» признал Тихон и призвал ее прежних деятелей в свои соправители, и вы признаете «Живую Церковь» и снова будете ждать от бывшего патриарха Тихона спасения для церкви под флагом «Живой Церкви».

Священный Синод еще 8 августа 1923 года упразднил всякие группировки в церкви и во всеуслышание заявил, что он верует в «Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Он не раз подчеркивал, что спасти церковь может только соборный церковный разум, а не отдельные личности, часто своей близорукостью и самовластием расслабляющие ее. Это особенно оправдал своей деятельностью бывший патриарх Тихон. Пора же прозреть, пора понять, за кем вы идете, кого вы считаете главою церкви. Эта глава перестала уже мыслить, перестала отдавать отчет в своей деятельности. Тот, кого вы еще до сих пор считаете патриархом, всей своей деятельностью позором покрыл свое имя в истории церкви. Позором покроет себя и тот, кто отныне пойдет за ним. Придите же – и рассудимся. Спешите на великое всероссийское предсоборное совещание. На нем общим соборным разумом подведем беспристрастные итоги деятельности бывшего патриарха Тихона и Священного Синода.

Пора поставить церковь на правильный путь и положить конец бестактной, неразумной деятельности бывшего патриарха Тихона. Иначе нашей дорогой Матери-Церкви угрожает медленная, но верная смерть. От нее поневоле отойдет все мыслящее, честное и чистое, а останутся в ней лишь близорукие политики, ханжи и авантюристы.

Послушайте нашего голоса и кому дорога церковь – спешите спасти ее общими усилиями под водительством Священного Синода...

... Да просветит Господь ваш разум в познании истины и да соделает она нас свободными от увлечения высоким титулом патриарха, который,

как подтверждает опыт, часто носят люди не по достоинству, а по случайному сцеплению обстоятельств.

Настоящее обращение подписывается членами Священного Синода и пятою частью архипастырей, долгие годы беспорочно служащих Святой Церкви, признавших вред деятельности бывшего патриарха Тихона и идущих за Священным Синодом».

Под обращением 69 подписей. (Церковное обновление, 1924, № 4, с. 26.)

Дело было, однако, не в воплях обновленческого Синода и даже не в оппозиции справа Данилова монастыря, который грозил новым расколом. Против майских соглашений решительно выступил народ, который, по слову известной символической книги, является «стражем православия». Слишком были свежи в памяти у всех злодеяния Красницкого: аресты, доносы, предательство, зловещие речи во время суда над митрополитом Вениамином, чтобы простые люди могли признать Красницкого вновь руководителем церкви.

В Ленинграде епископ Венедикт, сменивший арестованного Мануила, отказался вступить в общение с Красницким. Народ не допускал его по-прежнему в храмы. Настроение в Москве было таково, что патриарх так и не решился ни разу допустить Красницкого к священнослужению. Он лишь дважды присутствовал в алтаре на патриаршем богослужении. Со всех концов России патриарх получал негодующие письма. «Как вы думаете, что делать, – принимать его или нет?» – с таким вопросом обращался в это время патриарх ко многим маститым протоиереям (в том числе и к покойному о. Димитрию Боголюбову).

Наконец, 26 июня патриарх Тихон подписал акт, который «аннулировал его резолюцию от 19 мая. Акт мотивировался отрицательным отношением православного народа к майским соглашениям. Таким образом, широко разрекламированный компромисс между патриархом и Красницким просуществовал всего лишь несколько недель.

Красницкий прожил еще два месяца после этого (все лето) в Москве. Е.А.Тучков употребил все свое влияние, чтобы добиться нового соглашения.

Все было тщетно. Не можем. Не можем. Не можем, отвечал Донской монастырь.

Лишь в сентябре Красницкий вынужден был открыто признать провал своей попытки. Это было сделано им в торжественной обстановке, в Большом зале Консерватории, где состоялся диспут на тему «О кризисе православной церкви». На диспуте присутствовала вся Москва. Газеты опубликовали довольно подробный отчет об этом диспуте, которым закончилась карьера В.Д.Красницкого.

«С докладом на тему о кризисе выступает протопресвитер Красницкий. Остановившись подробно на внешних причинах, вызвавших кризис, докладчик указывает, что за 7 лет церковь полностью потеряла все молодое поколение, которое растет без религиозного воздействия. Далее до-

кладчик переходит к выяснению причин, создавших столкновение церкви с революцией.

— Церковь встретила с революцией во время чрезвычайного Поместного Собора 1917-18 гг., на котором был представлен старый церковный слой. При выяснении отношений Собора к революции нужно подчеркнуть, что церковь не реагировала ни на установление гражданского брака, ни на отмену преподавания Закона Божия в школах. Отрицательное отношение церкви к государству выявилось в двух основных моментах, а именно — когда декретом 1918 г. было национализировано недвижимое церковное имущество, а декретом 1922 года были национализированы движимые церковные ценности. И анафема патриарха Тихона приурочена как раз к этим двум моментам. Таким образом, сущность разногласий между церковью и государством основывалась на экономическом факторе¹.

Что касается до церковного раскола, — продолжал Красницкий, — то он получился в результате того положения, что белое духовенство, сочувствующее современному строю, определенно выявило свое отношение к экономической проблеме и признало справедливость социальной революции. Это движение среди духовенства возглавляла группа «Живая Церковь», которая, тем не менее, в вопросах церковных сохраняет полное единство догматики.

Коснувшись вопроса о тихоновщине, докладчик говорит, что руководящая роль в церкви до освобождения патриарха Тихона принадлежала старой тихоновской партии, которая имела за собой абсолютное большинство верующих, располагала большим количеством храмов и имела на руках солидные суммы.

Эта партия после освобождения патриарха Тихона сгруппировалась вокруг него. Вопрос о создании церковного единства встал и перед старой тихоновской партией, и она стала вести тайные переговоры с Троицким подворьем. По всем пунктам они пришли к соглашению, причем Троицкое подворье охотно отказывалось от введенных им новшеств, но в конечном результате эти переговоры ни к чему не привели, так как главой церкви, с одной стороны, выдвигался патриарх Тихон, а с другой — митрополит Евдоким. После этого в церкви произошли события, известные под именем примирения патриарха Тихона с «Живой Церковью».

— В признании патриарха Тихона «Живой Церковью», — продолжает Красницкий, — нет никакой измены Собору 1923 года. Тихон и его архиереи признали политическую программу «Живой Церкви». Сам Тихон официально заявил, что он «не враг» Советской власти. Примирясь с патриархом Тихоном, «Живая Церковь» руководствовалась при этом желанием изжить церковный раскол и привести церковь к Поместному Собору. И майское соглашение преследовало ту же цель.

— В результате переговоров, — говорит далее докладчик, — были созданы новые органы церковного управления: Высший Церковный Совет

¹ Можно ли представить себе что-нибудь более убогое и фальшивое, чем эта жалкая подделка под марксизм. Не говоря уже о том, что это все и фактически неверно. Анафема патриарха в 1918 г. относилась к репрессиям. О национализации земель он даже не упоминал.

и Священный Синод. Органы эти были юридически оформлены, но на долю «Живой Церкви» выпало новое испытание. Благодаря натиску старой церковной партии патриарх Тихон 26 июня аннулировал резолюцию соглашения. Старая архиерейская группа определенно знает, что ей придется отвечать на очередном Поместном Соборе, и хочет сорвать соглашение. Благодаря руководству массой верующих они вызвали отрицательное отношение к группе «Живая Церковь», и патриарх Тихон, ссылаясь на это недовольство со стороны верующих, написал свою резолюцию разрыва. Но этот шаг является ничтожным с канонической стороны. Согласно постановлениям Собора 1917-18 гг. патриарх не обладает правом ни приостановить, ни задержать постановления Синода. Протоколы высших церковных установлений обязательны для всех.

– Нашу группу обвиняют в ересь кому как вздумается, – говорит Красницкий, – но, в сущности говоря, мы в церковном отношении безукоризненны и безупречны. Мы знаем, что наше имя известно со скверной стороны не только в России, но и за границей. Это нам понятно. Ведь мы являемся первыми церковными пионерами, которые одни во всем мире признали экономические законы социальной революции. Наше отношение к собственности вооружает против нас. Тем не менее наша группа вызывает к себе интерес. Вселенским патриархом Григорием VII посылается специальная комиссия для выяснения характера и сущности «Живой Церкви». Вселенским же патриархом предложено патриарху Тихону отойти на покой и передать церковное управление Священному Синоду, как органу коллегиальному, соборному.

Переходя к указанию пути для создания церковного единства, докладчик говорит:

– Руководящая роль Синода на Троицком находится в руках монахов. Синод этот существует год. Остановить тихоновское движение он не сумел. Вывести церковь из тупика может лишь белое духовенство. Черное духовенство отрицает социальный прогресс. Только при вынесении всей церковью определенного отношения к экономическим законам социальной революции, которые (экономические законы?!) должны быть поставлены на очередном Поместном Соборе, могут быть нормальные взаимоотношения между государством и церковью.

В прениях по докладу выступают сторонники старотихоновского направления и сектанты.

Гражданин Трифонов – тихоновец – заявил, что все церковные группы «перепутались». Выступавшие сектанты констатировали, что русская церковь идет к гибели.

– У церкви есть свои приемы, – говорили старотихоновцы, – и пока есть молитва – церковь жива.

Свою неприязнь к «Живой Церкви» они объясняли отсутствием чувства доверия и симпатии.

Выступил и известный среди церковного и сектантского мира

И.М.Трегубов, который, между прочим, в своей речи отметил, что Тихон в беседе с ним сказал, что между ним и Красницким нет деловых взаимоотношений». (Известия, 1924, 21 сентября, № 210, с. 5.)

Одновременно началось «бегство мышей с тонущего корабля»: почтенные протоиереи, профессора богословия – сторонники Красницкого – покидали его один за другим. Через неделю в его группе осталось 5 человек.

Большинство живоцерковников бросилось к обновленческой церкви.

«19 мая 1924 г. 6. патриарх Тихон (теперь он опять стал «бывшим») включил меня в состав организуемого им по положению 1917-18 гг. Высшего Церковного Совета представителем от мирян, – писал проф. В.Белюков. – Наблюдая за деятельностью патриарха Тихона в течение трех с половиной месяцев, я пришел к непреклонному убеждению, что он не может отказаться от самодержавно-монархического управления в Русской Церкви, вопреки положению Собора 1917-18 гг., что, составив и утвердив список Синода и Высшего Церковного Совета, каковой был опубликован в «Известиях» 1 июня 1924 г., он в течение трех с половиной месяцев не может по неизвестным причинам открыть деятельность этих учреждений или, по крайней мере, дать объективное объяснение этому. Что патриаршие круги как в Москве, так в особенности в провинции, настраивают широкие массы в том, что будто бы указанные выше учреждения и не будут функционировать, потому что патриарх-де отказывается от них, что, следовательно, и Тихону, несмотря на его высокое положение, доверять особенно нельзя, – я настоящим заявляю, что выхожу из состава Высшего Церковного Совета и никакой работы вместе с Тихоном вести не буду. Вместе с тем заявляю, что, стоя всецело на платформе Собора 1923 г. и будучи идейным обновленцем, я считаю, что Священный Синод Российской Православной Церкви является единственно каноническим органом церковного управления, как по соборному избранию своему, так и по соборному составу». (Известия, 1924, 5/18 сентября, № 214.)

*

«Если бы патриарху тогда не отсоветовали принять Красницкого, раскола, может быть, и не было бы», – сказал в разговоре со мной Н.Ф.Колчицкий летом 1943 года.

Действительно не было бы?

Нет, был бы. Был бы, потому что настоящей причиной раскола была бы не борьба за власть, не те или иные личности, стоящие у кормила церкви, а этические принципы.

Народ русский бесконечно мягок и долготерпелив, он может простить и прощает многое. Не простил он одного: грязных методов – предательства и вероломства.

«Всякий грех простит Господь, но иудов грех не прощается!» Печальной иллюстрацией Божественного Правосудия является дальнейшая жизнь Красницкого, о которой кратко расскажем здесь.

После прибытия в Ленинград о. Владимир вновь водворился в Князь-Владимирском соборе. Храм посещался так мало, что Красницкому пришлось обходиться без диакона и даже без псаломщика (Шестопсалмие читали прихожане); ввиду отсутствия отопления Красницкий должен был оборудовать под богослужение подсобное помещение. В соборе служили только по воскресеньям.

К чести Красницкого надо сказать, что он никогда не прекращал проповеди: три раза в неделю в пономарке после вечерни устанавливались скамьи, сам Красницкий садился за небольшой столик. Начиналась духовная беседа (нечто вроде урока Закона Божия). Беседы всегда были интересными и насыщенными материалом. После беседы Красницкий всегда охотно отвечал на вопросы.

Для «кормления» Красницкому была дана часовня у Гостиного двора, которая посещалась многочисленными богомольцами (при ней было два монаха), и Серафимовское кладбище в Новой деревне. Эти три храма (Князь-Владимирский собор, Серафимовское кладбище и Спасская часовня) считались принадлежащими к группе «Живая Церковь». Изредка в соборе служил архиепископ Иоанн Альбинский, получавший от Красницкого 200 рублей в месяц.

В 1925 году Красницкий принял участие в редактировании «Переписки Николая и Александры Романовых». Красницкий составил указатель имен лиц духовного звания, упоминавшихся в переписке, с их краткой биографией.

В 1926 году Красницкого постиг новый удар: ввиду аварийного состояния (храм не ремонтировался с 1914 года) был закрыт Князь-Владимирский собор (вскоре он был передан староцерковникам). В распоряжение Красницкого был передан небольшой храм св. Иоанна Милостивого по Геслеровской улице (раньше это была церковь при богадельне).

Водворение там Красницкого ознаменовалось грандиозным скандалом: народ упорно не допускал Красницкого в храм: его выталкивали из церкви, выволакивали за полы. Не обошлось без вмешательства милиции. Он служил в этом храме в течение 4 лет, а в 1931 году храм также пришел в аварийное состояние и был закрыт (в церкви рухнул потолок). Одновременно была закрыта Спасская часовня на Невском проспекте (в это время власти перестали делать особое различие между церковными течениями).

Последние пять лет своей жизни Владимир Димитриевич провел в качестве единственного священника на Серафимовском кладбище. Каждый день в 6 часов утра он отправлялся на кладбище, служил литургию, а затем в епитрахили, с книжкой в руках, усаживался за ящик (а летом – на кладбищенском дворе) и ждал приглашений на «могилки» – служить панихиды.

Он охотно беседовал в это время с людьми – пережитое заставило его многое переоценить. Неизменным осталось лишь его отрицательное отношение к обновленчеству. О митрополите Сергии он говорил, наоборот, с

мени. Колоритное послание Священного Синода М.И.Калинину по поводу смерти Ленина, написанное рукой митрополита Евдокима, было напечатано на видном месте в «Известиях».

«Священный Синод Российской Православной Церкви выражает Вам свое искреннее сочувствие по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства векового насилия и гнета, на пути полной свободы и самоустроения, – говорилось в послании. – Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства, и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ. Пусть могила эта породит миллионы новых Лениных и соединит всех в единую, братскую, никем не одолимую семью. И грядущие века да не изгладят из памяти народной дорогу к могиле – колыбели свободы всего человечества. Великие покойники часто в течение веков говорят уму и сердцу оставшихся больше, чем живые. Да будет же и эта, отныне безмолвная могила неумолкаемой трибуной из рода в род для всех, кто желает себе счастья.

Вечная память и вечный покой твоей многострадальной доброй и христианской душе.

*Председатель Синода
митрополит Евдоким».*

(Известия ВЦИК, 1924, 25 января, № 20.)

В противоположность этому цветистому и многословному посланию (искренность которого трудно гарантировать – чего стоит попытка объявить убежденного атеиста обладателем «христианской» души) другие соболезнования более кратки и звучат более искренно.

«Объединение верующих Союза Церковного Возрождения почтительно склоняется перед широтой социальной идеи, воплощенной в жизнь почившим Владимиром Ильичом, – писал Антонин, – и соболезнует неожиданной остановке сердца, которое билось за трудящихся бедняков.

*Председатель СЦВ
епископ Антонин».*

(Там же.)

Достаточно сравнить два вышеприведенных документа, чтобы стала ясна разница между поверхностными фразерами из Троицкого подворья и суровым бунтарем Антонином.

Интересно также послание сектантов, движение которых приобретает в это время широкий размах. Приводим его здесь полностью.

«Во Всероссийский Центральный Комитет
тов. Смидовичу

Коллегия Всероссийского Союза баптистов, от лица миллионов трудящихся, входящих в Союз, выражает свою глубочайшую скорбь в сознании тяжелой утраты, понесенной со смертью Владимира Ильича, которого русские сектанты, угнетавшиеся царями и попами, чтут как великого бор-

ца за славные достижения, в числе которых им особенно ценна религиозная свобода.

Председатель Г. Павлов.

Член коллегии Б. Силадин.

Секретарь В. Горин».

(Там же.)

Резко отличается своим тоном краткое соболезнование патриарха:

«Прошу через вашу газету, – лаконично говорится в послании, – выразить мое соболезнование Правительству Союза Советских Республик по поводу тяжелой утраты, понесенной в лице неожиданно скончавшегося Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянова (Ленина). 24 января 1924 г.

Патриарх Тихон».

Это письмо было отправлено Донским монастырем в редакцию «Известий», но появилось оно (неожиданно для патриарха) в газете «Безбожник» (№ 4, с. 9), на последней странице, в издательском оформлении, рядом с антирелигиозными карикатурами.

Такое отношение к патриарху не было случайным: органы советской прессы занимали по отношению к патриарху демонстративно пренебрежительную позицию.

Положение патриарха и его ближайшего окружения было нелегким: теснимое властью, не признанное правительством, обливаемое грязью обновленцами – Церковное Управление, находящееся в Донском монастыре, было окружено как бы правительственной блокадой. После аннулирования патриархом резолюции о мире с Красницким отпала возможность организации Синода, стало невозможным функционирование епархиальных советов. Вся «тихоновская» церковь представляла собой с внешней стороны совершенно бесформенную массу народа, управляемую на местах случайными епископами (архиереи обычно арестовывались каждые полгода, и их место занимали люди совершенно случайные). В противоположность «Синодальной церкви» (так стали теперь называть обновленчество), которая являлась организацией без массы, «тихоновщина» являлась религиозной массой без организации. Единственным духовным центром являлся в это время патриарх Тихон.

Что делал в это время патриарх, каково было его окружение? Корреспондент газеты «Безбожник», проникший за ограду Донского монастыря, дает тенденциозную, проникнутую ненавистью, но все-таки острую и интересную зарисовку патриарха и его окружения.

«В сторону от линии трамвая, в сторону от жизни и шума большого города, глухими переулками направо, налево, через площадь, пробираемся к воротам Донского монастыря, – пишет А.Иркутов в статье «День в черном царстве». – Первое впечатление какой-то игрушечной крепости. Розовые крепостной архитектуры стены с башенками и бойницами. Глубокие ворота с почерневшими от старости иконами. Пересекаю площадь, отделя-

ющую монастырь от ряда окраинных, типично местечковых домишек – и вот я у «врат обители святой».

Было бы странно, если бы жизнь отдала в полное пользование прошлого эту игрушечную крепость. Как она ни мала, места в ней хватит для многих полезных и нужных учреждений настоящего.

Так и есть. Справа бросается в глаза надпись «Детская трудовая колония», а слева смеются красные буквы: «Районный подотдел по борьбе с огородными вредителями».

В ограде сталкиваюсь с двумя жирными монахами.

– Как пройти к патриарху?

Монахи полуудивленно, полуиспуганно изучают меня. Подумав, показывают. Сворачиваю куда-то налево и подхожу к флигелю, на дверях которого записка сообщает мне, что «Патриарх Тихон принимает ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от десяти до двух часов». Поднимаюсь по маленькой деревянной лестнице. Попадаю в крохотную прихожую, пропитанную келейным запахом, который бывает в домах небогатых мещан, где на окне клетка с канарейкой, на окнах – герань, а на стуле – толстый, откормленный кот.

Да, вот и кот здесь. Жирный, сибирский. Жмурит глаза и ласково тянется навстречу посетителю...

Кроме меня, в приемной уже несколько человек. Двое толстых упитанных попов, один из них тут же переодевается в принесенную им новую шуршащую рясу. Монахиня со странным именем «Катована» и бедно одетый узколобий попик, невыносимо нервничающий в ожидании приема. Все еще не усиделись, не приспособились друг к другу. Поэтому молчат, ожидая очереди. Священник, принесший с собой новенькую рясу, кончил переодеваться, застегнул свой наряд на три пуговицы и, достав откуда-то серебряный крест, просунул свою голову в звенящую цепь...

Узколобий попик с вожделием поглядывал на крест, на шуршащую рясу, на счастливого обладателя того и другого. На лице попика написано какое-то сдерживаемое желание. Он несколько раз порывался подойти к своему собрату, делал несколько робких шагов и всякий раз возвращался вспять. Наконец, попик все-таки взял себя в руки.

– У меня просьбица к вам. Крест не одолжите ли? На минутку только. А то без креста к Святейшему, оно как-то не того выходит.

Священник с крестом покровительственно помахал рукой.

– Сие совершенно неважно. Официальности никакой не требуется.

И креста не дал.

Сидим мы уже с одиннадцати часов утра, время перевалило за три, а патриарх все еще с кем-то беседует. Собравшиеся понемногу начинают роптать. Когда нетерпение начинает проявляться слишком громко, из покоев патриарха выбегает маленький сухонький попик с умным живым лицом. На его груди эмалевая панагия. Попы встают и один за другим подходят к нему, склонив головы, сложив чашечкой руки. Быстрым привычным жес-

том он благословляет их, подставляет для поцелуя руку, ответным поцелуем касается лба (?) благословляемого, потом подставляет для поцелуя плечо (?) и так далее, по очереди со всеми.

Во время благословения сыплет налево и направо шутками, задает вопросы, выслушивает ответы и, наконец, хитро улыбаясь и потирая руки, обращается к ожидающим:

– Не волнуйтесь, господа, мы не зря болтали. У нас дела, можно сказать, государственные решаются, да-с!

И, продолжая улыбаться, скрывается...

– Великого ума человек, – сообщает монахиня. – Владыка Серафим это, член патриаршего совета, и недаром его патриарх так возвеличил.

– А за что патриарх его возвеличил, позвольте узнать? – спрашивает кто-то.

– За то и возвеличил, что великого ума человек, правильный человек, заслужил.

– А чем же он заслужил? – не унимается спрашивающий.

– Пятнадцать месяцев на Лубянке сидел, шутка?

– А что это – Лубянка? – наивно вопрошает какой-то провинциал.

На него смотрят, вытаращив глаза.

– Лубянки не знаете? Ну и ну.

Здесь, в ожидальне патриарха, хорошо знают Лубянку. Долгие «государственные» дела патриарха кончились. Серафим и еще какой-то лоснящийся от жира член патриаршего совета (архиепископ Петр) появляются в дверях и объявляют, что патриарх утомился и больше принимать не будет. Среди ожидающих поднимается ропот.

– Господа! Господа! – усевещивает ропщущих жирный епископ. – Креста на вас нет! Замучили его Святейшество!

Ожидающие, что называется, напирают. Жирный епископ довольно бесцеремонно защищает позицию патриарших дверей. Он груб и резок. Серафим, более политичный, ехидно вежлив. Он, вероятно, хороший специалист по улаживанию всяческих конфликтов. Успел нырнуть за дверь и вернуться с согласием принять тех, которые под благословение только.

Человек пять, один за другим, переступают порог. С размаху падают на колени так, что из полуоткрытой двери торчат подошвы их ног, что-то бормочут и выходят обратно. Наконец, очередь дошла до нас. Жирный епископ упирается. Я и сотрудник «Бедноты» наседаем на него вдвоем. Он принимает нас за ищущих благословения. Недоразумение выясняется. Узнав, что мы представители печати, жирный епископ сразу меняет тон и вежливенько уговаривает нас придти завтра. Мы настаиваем на немедленном приеме.

Серафим бежит от нас к патриарху, от патриарха к нам.

В полуоткрытую дверь видна фигура высокого священника, капризно топающего ногами, машущего рукой и по-детски тянущего:

– Не надо! Не надо! Не хочу!

Однако дипломатия Серафима делает свое дело. Нас впускают. Тихон, довольно высокий старик с одутловатым лицом. Говоря, старчески шамкает, добродушно улыбается и хватает собеседника рукой за плечо. Руки пухлые, цепкие. Оба члена его совета стоят рядом с ним и не дают ему отвечать на вопросы. Тихон то и дело говорит: «Вот вам владыка Серафим расскажет».

Когда мой товарищ сообщает, что он из «Бедноты», лицо патриарха сжимается в хитренькую улыбочку:

– Беднота? Это не Демьян Бедный? А то, если Демьян Бедный... – Тихон хмурит брови и грозит куда-то пальцем.

На вступительные вопросы о здоровье отвечает с готовностью.

– Здоров, слава Богу! Молитвами православных.

Но едва спрашиваешь его о видах на будущее, как он поворачивается спиной и, не отвечая, пристально смотрит в окно своей комнаты. В окно виден маленький монастырский дворик, стена, а за стеной полоса заснеженного поля.

Так и не ответил патриарх, каковы у него виды на будущее. Об отношении к обновленцам патриарх много не разговаривает.

– Пусть придут и покаются. Никаких переговоров с ними, никаких соглашений до полного раскаяния.

Члены патриаршего совета жалуются на нечестность и злокозненность обновленцев.

– Напишите вы, пожалуйста, что врут они, обновленцы. Врут! На счет нового стиля патриарх Григорий его Святейшеству письмо прислал, а не им. Им только справочку.

– Да, да, только справочку, – радостно кивает головой Тихон и добавляет: – Вот мы созовем Вселенский Собор восточных церквей...

Последний вопрос:

– Скажите, как вы относитесь к постановлению о прекращении вашего дела?

– А? – Тихон наклоняется ко мне и трубочкой прикладывает ладонь к уху. – А?

До сих пор он мне не казался глухим.

Я повторяю свой вопрос, и отец Серафим сбоку тянет меня за руку:

– Патриарх очень рад и очень благодарен, – отвечает он за Тихона. – Очень, очень благодарен.

Больше спрашивать не о чем».

(Безбожник, 1924, № 15, с. 8.)

*

Что из себя представлял в это время патриарх?

Глядя на то, как равнодушно и спокойно принимал он все безмерные славословия и ядовитейшие ругательства, сыпавшиеся ему на голову, могло показаться, что патриарх по существу отошел от дел, является лишь

подставной фигурой в игре, которую ведут другие. Нет ничего более неверного, чем такое представление.

Выше (в первой части нашей работы) мы сравнивали патриарха Тихона с Кутузовым, как он изображен Л.Н.Толстым в романе «Война и мир». Сходство патриарха с персонажем из прославленного романа делается еще более ярким в эти последние годы жизни патриарха Тихона. Подобно Кутузову, патриарх Тихон не говорил никаких громких слов даже в это драматическое время. Подобно Кутузову, он не придавал никакой цены словам. И, подобно Кутузову, патриарх глубоко верил в русскую народную церковь. Он понимал, что в то смутное время самым важным является сохранить единый центр, объединяющий церковь, и он сам был этим центром. И в этот последний год своей жизни патриарх не утратил своего темперамента и эмоциональности.

«Тут служит паршивый Введенский!» – воскликнул он однажды, проезжая на извозчике мимо одного из московских храмов, где служил в это время знаменитый проповедник. «Ты что опаздываешь?» – воскликнул патриарх, больно хлопнув ладонью по лбу настоятеля одного из московских монастырей, рукополагаемого во епископа Могилевского, когда тот заставил себя ждать, опоздав на свое наречение.

Одним из знаменательных эпизодов, характеризующих покойного патриарха, является его примирение с бывшим Московским митрополитом Макарием, жившим на покое в Николо-Угрешском монастыре под Люберцами.

Митрополит Макарий, уволенный на покой в первые дни февральской революции, благодаря той одиозной репутации «распутинца», которой он пользовался в дореволюционное время, дожил до глубокой старости – он умер лишь в 1926 году. Последние годы своей жизни он провел в Николо-Угрешском монастыре, разбитый параличом, лишившийся дара речи. С патриархом его связывали очень сложные и запутанные отношения: старые знакомые, они разошлись после того, как архиепископ Тихон был назначен митрополитом Московским, т.е. занял место, с которого митрополит Макарий был незаконно, по его мнению, устранен. После избрания Тихона на патриарший престол митрополит Макарий ни разу его не видел и не вступал с ним ни в какие отношения¹.

И вот в августе 1924 г. патриарх неожиданно сказал своему иподiakону Саше Б.:

– Еду в Угрешский монастырь к митрополиту Макарию. Поезжай и предупреди...

24 августа 1924 года патриарх прибыл к воротам монастыря. Встреченный настоятелем, в сопровождении архимандрита Анемподиста и шестнадцатилетнего иподiakона, патриарх в куколе и мантии, войдя в храм и поклонившись престолу, проследовал в покои заштатного митрополита. Как всегда в минуты волнения, движения патриарха стали порывистыми и быстрыми. В небольшом зале навстречу патриарху выкатили в колясочке больного митрополита, чисто вымытого и одетого в белый клубок. Подой-

¹ Уже после написания работы в наши руки попала переписка двух иерархов, относящаяся к периоду 1918-1921 гг.

дя к митрополиту, патриарх поклонился старику до земли – из глаз больного выкатилась слеза... Все присутствовавшие поспешили покинуть комнату. Патриарх оставался наедине с митрополитом Макарием полтора часа – все время иподиакон, находившийся в соседней комнате, слышал не умолкавший ни на минуту голос патриарха.

После посещения митрополита Макария патриарх казался успокоенным: медленно обошел он стены древнего монастыря, построенного еще при Димитрии Донском, затем заходил в келью схимницы Михайлы, жившей около монастыря, пил у нее чай с вареньем и тихо беседовал...

Это был один из немногих хороших и спокойных дней за последний год жизни патриарха.

«У Святейшего есть только одна человеческая слабость – он любит чай с лимоном», – острили в церковных кругах. Действительно, несмотря на все старания, ни один антирелигиозный агитатор (их в то время по одной Москве числилось около тысячи человек), ни один газетчик из «Безбожника», ни один обновленческий поп – никто не мог откопать хотя бы один факт, который мог бы бросить тень на репутацию патриарха. Зато своей единственной слабости – чаепитию – патриарх предавался до конца своей жизни.

Его постоянным собеседником во время этих чаепитий был Яков Сергеевич Полозов – известный всей Москве патриарший келейник. Яков Сергеевич был своеобразным человеком, непохожим на обычный тип архиерейского келейника. Очень религиозный и интеллигентный юноша, мечтавший о монашестве, Яков Сергеевич поселился при патриархе еще в то время, когда тот в сане архиепископа Виленского и Литовского жил в Москве, будучи эвакуирован из своей епархии. Знакомство с княжной Д. и влюбленность в нее несколько охладили его стремление к монашеству. Революция, разрушившая сословные перегородки, сделала невозможное: в ноябре 1917 года молодой «кутейник» женился на княжне. Однако и будучи женатым, Яков Сергеевич продолжает жить при патриархе в качестве его секретаря и иподиакона, именуясь по-прежнему келейником. На самом деле его следовало назвать другом патриарха. Лишенный семьи и общества, престарелый инок патриарх Тихон привязался к Якову Сергеевичу как к сыну – его семья (в 1924 году у Якова Сергеевича было двое детей) стала родной семьей патриарха.

Яков Сергеевич со своей семьей жил в нижнем этаже того помещения, которое занимал Святейший. Целый день он проводил у Святейшего, ведя прием, а вечером участвовал в патриарших чаепитиях.

Однажды вечером, в 11 часов, Яков Сергеевич находился у патриарха, когда в передней кто-то ключом снаружи отпер дверь, и чьи-то торопливые шаги прошли в патриаршие комнаты. На пороге показалось двое мужчин. Один из них остановился на пороге, другой, держа руку в кармане брюк, устремился к патриарху. Яков Сергеевич бросился наперерез, успел загородить своим телом обожаемого им патриарха. Грянул выстрел. Яков Сергеевич рухнул на пол. Дальше все было страшно быстро и необъ-

яснимо. После убийства Якова Сергеевича двое ворвавшихся неожиданно (вместо того, чтобы прикончить патриарха) бросились стремглав в обратном порядке в переднюю. Один из них схватил с вешалки шубу, и затем оба, толкая друг друга, побежали вниз по лестнице. Но что самое непонятное: патриарх бросился за ними в погонию, крича: «Вернитесь, вернитесь! Вы человека убили!» И возвратился к себе только тогда, когда внизу хлопнула дверь. Тут он склонился к телу своего верного друга: пуля прошла почти навывлет в предсердье – Яков Сергеевич был убит наповал.

«Известия» изобразили все дело в юмористическом виде, поместив заметку о краже шубы у патриарха Тихона, и не обмолвились ни единым словом об убийстве. Неожиданная потеря близкого человека страшно поразила патриарха.

Во время отпевания он сказал краткую, но глубоко прочувствованную речь.

Покойного похоронили около наружной стены малого собора Донского монастыря, таким образом, чтобы только стена отделяла могилу Якова Сергеевича от того места внутри собора, которое патриарх избрал для своей могилы. Е.А.Тучков попытался вмешаться в это дело, запретив хоронить Я.С.Полозова в Донском монастыре и предложив похоронить его на Ваганькове, но (как и в ряде других случаев) наткнулся на резкий отпор. «Он будет лежать здесь», – кратко ответил патриарх, когда ему доложили о распоряжении Тучкова.

После сентября 1924 года здоровье патриарха, как и его моральное самочувствие, резко ухудшилось. Новый келейник Иван Пашкевич (бывший келейник митрополита Евсевия, погибшего в 1919 году от отравления рыбой) ни в коей мере не мог заменить Якова Сергеевича. У патриарха стали учащаться болезненные припадки и обмороки. Ничто, однако, не предвещало близкой кончины – патриарх по-прежнему занимался делами и неутомимо работал над консолидацией церкви. В его ближайшем окружении, помимо трех митрополитов – Петра, Тихона Уральского и Серафима, появляется в это время молодой энергичный епископ Борис Рукин (в будущем – крупный деятель григорианского раскола).

Бывший ректор Рязанской семинарии, архимандрит Борис был рукоположен патриархом во епископа Можайского в начале 1924 г. в храме Иоанна Воина на Якиманке. Епископ Борис становится управляющим Московской епархии. Человек блестящих административных способностей, хороший проповедник, он в известной мере (как иерарх и народный деятель) заменял собой незаменимого Илариона. Заменить его в полной мере он не мог благодаря ряду особенностей своего характера. Человек неуравновешенный, честолюбивый, очень ревнивый ко всему, что касалось его авторитета, владыка Борис нуждался сам в постоянном и систематическом руководстве. Выбор патриарха, однако, оказался правилен: молодой епископ был широко популярен в народе.

В последние месяцы жизни патриарха церковная обстановка несколько

стабилизировалась: обновленческий раскол как бы остановился в своем развитии, и большая часть церкви шла за патриархом.

*

Между тем руководители обновленчества, официально признанные в качестве руководителей православной церкви, укрепившись в Троицком подворье, развивали лихорадочную деятельность. С приходом к власти митрополита Евдокима многое изменилось в обновленчестве – изменился и быт Троицкого подворья: исчезла безалаберщина, бестолковая толчея в приемных, окурки. Вновь появились ковры, швейцар в вестибюле – все стало принимать нормальный вид. Старый «международник» (бывший экзарх в Америке) Евдоким обратил свое внимание, главным образом, на «международные связи» Обновленческой церкви и в основном – на связь с патриархом Константинопольским.

Тотчас после своего вступления в должность митрополит Евдоким обратился в Фанар (резиденция патриарха) со следующим посланием:

«Сердца наши давно были преисполнены глубокой скорбью от прекращения общения с нашею Великою Матерью Вселенской Константинопольской Церковью, просветившею нас светом христианского учения.

Причиною тому были катастрофические потрясения в нашей политической и церковной жизни. Ныне, к великой нашей радости, грозные тучи на нашем небосклоне рассеяны, и мы можем снова обратиться со словами привета, мира и любви к Вам.

Сообщаем Вам кратко пережитое нами в это время. Наш бывший Святейший патриарх Тихон не по интригам, а силою вещей, благодаря своим непростительным ошибкам, политическим и церковным, 12 мая 1922 года потерял власть. Грубое, открытое вмешательство его в политику принесло море слез, страданий и горя всей Русской земле. Самовластное, под конец единоличное, и совсем незаконное управление церковными делами привело к полному потрясению всей нашей церковной жизни. Благодаря недальновидной политике патриарха многие из лучших наших архипастырей и мирян преждевременно умерли или оставили свое служение Церкви. Церковная жизнь без надежных руководителей и надлежащего руководства пришла почти в анархическое состояние. Всеми церковными людьми, в особенности нашими пастырями, были вспомнены в это время вековые потрясения и неправды, перенесенные ими от своих непосредственных начальников. Печать лишь в слабой мере отразила бурю негодования, объявшего весь церковный мир, – церковный корабль наш стал как бы объят пламенем буквально сверху донизу.

Когда корабль церковный, объятый весь пламенем, бросаемый из стороны в сторону по волнам бушующего моря, остался без кормчего, небольшая группа духовных лиц, состоящая из епископов, пресвитеров и мирян, твердо взяла церковный руль в свои руки. Что пришлось перенести этим кормчим в течение одного только года управления, чтобы умиротво-

рять мятущихся, сгладить социальную неправду, залечить раны от таких несправедливостей, восстановить отношения с государственной властью, когда разгоревшиеся страсти, подстрекательство злонамеренных людей, изнутри и извне пытавшихся разрушить созидательную работу, — об этом скажет правдивое слово беспристрастная история.

В настоящее время наш церковный корабль уже недалек от тихой безмятежной пристани. Собор 1923 г. в значительной степени умиротворил взволнованные умы. Ныне наши обновленческие группы принципиально признали делом первой необходимости полное примирение, и наша Церковь есть по-прежнему «Российская Православная Церковь», покоящаяся на незыблемом основании Священного Писания и Священного Предания.

Высшим органом управления ныне по-прежнему является Священный Синод, возглавляемый старейшими и лучшими архипастырями, вместе с лучшими пресвитерами и мирянами.

Восстановлен беспартийный, совершенно объективный орган нашего Священного Синода под названием «Вестник Священного Синода Российской Православной Церкви». Восстанавливаются сношения со всеми Восточными православными церквями, а также с православными управлениями церквей, находящихся во всех странах мира. В Москве снова открывается Православная Академия, по местам — пастырские школы, организован учебный комитет, хозяйственное управление. Монашество реформируется на основе преданий древних лучших святых обителей.

Возбуждено ходатайство о возвращении пострадавших архипастырей и пастырей к служению. Восстановлено сношение с гражданской властью, которое отныне дает возможность улучшить социальное и материальное положение духовенства и весь наш церковно-общественный быт. Церковные реформы будут производиться только соборным путем, на незыблемом основании Священного Писания, Священного Предания и материалов, давно уже разработанных нашими лучшими архипастырями и знаменитыми учеными, общественными деятелями в Предсоборном совещании (см.: Церковные ведомости с 1906 г.) и принятых к проведению в жизнь через Собор.

Успокоенная в значительной степени наша церковная жизнь месяц тому назад подверглась новому тяжелому испытанию. Бывший патриарх Тихон, освобожденный до суда из-под ареста, несмотря на полное лишение его Собором 1923 года, состоящим из 73 архипастырей, 500 пресвитеров и мирян, прав священнослужения, начал открыто служить в храмах и раздирать снова Хитон Христов. Около него начали собираться или темные люди или явно вождедеющие возврата прежнего гражданского правления, или даже злонамеренные, или, наконец, совсем не дальновидные люди. Всякий благоразумный человек ясно видит и понимает, что эта затея патриарха кончится снова применением ко всем определенной гражданской меры. Тихон покаялся в первой половине своих ошибок, предъявленных ему, когда признал открыто перед всем миром Советскую власть. Пусть так же открыто он признает и вторую половину своих ошибок, предъявленных ему (полное расстройство

церковных дел), и обратится ко всем – от архипастыря до мирянина – со словами покаяния, просьбою о прощении и примирении со всеми.

Только тогда наша церковная жизнь может умиротвориться и церковный корабль совсем войдет в тихую покойную жизнь. Если слабовольный старец со своими немногими приспешниками не поймет этого и будет продолжать раздирать Хитон Христов, мы встретим это мужественно и выйдем победителями из этого положения потому, что за нами очевидная правда, точное и ясное понимание происходящих общественных и международных событий. Невозможно реки заставить течь вспять, горы превратить в равнины, моря – в сады и огороды.

Доводя обо всем этом до Вашего сведения, мы сердечно просим Вас помолиться за нас, чтобы Господь помог нам свято, честно, самоотверженно исполнить наш долг перед Церковью и Родиной.

Мы – верные сыны Святой Православной Церкви и никогда ни за что не сменяем веры отцов наших, дедов и прадедов ни на какие другие новые веры и никогда не оторвемся от православного Востока. Наш Священный Синод командирует на Восток и в Европу своего полномочного представителя, который подробно изложит перед Вами и всем миром все пережитое нашей Церковью с 1918 года по настоящее время.

Примите его с любовью и выслушайте с должным вниманием.

Мир и любовь и общение между нами да сохраняются нерушимо навеки, как они сохранялись до сих пор уже две тысячи лет».

(Вестник Священного Синода, 1923, 18 сентября, № 1.)

Это послание, написанное митрополитом Евдокимом, было переслано в Ангору через турецкое посольство, а оттуда уже в Константинополь.

Послание Евдокима прибыло в древний город в бурные и опасные времена. Особенно тяжелым было это время для древнего Константинопольского Патриаршего Престола. Даже в летописях многострадальной Константинопольской церкви найдется не много страниц более смутных, более кровавых, более унижительных, чем история пяти лет, прошедших с 1918 по 1923 гг.

Поражение Турции в мировой войне, занятие Константинополя союзными войсками, кемалистская революция и свержение султаната – все эти события так или иначе затрагивали и Церковь. Наиболее болезненно сказалась на положении Вселенского патриархата греко-турецкая война. Военное выступление Греции под лозунгами: «Малая Азия – эллинам», «Отомстим за пятисотлетние страдания христиан», «Вернем Константинополь грекам», победоносное продвижение эллинских войск, всколыхнувшее всех греков, населяющих Турцию, национальный подъем в Турции – неожиданная победа Турции, воспрянувшей из праха, – все эти события потрясли Фанар (резиденцию Вселенского патриарха).

Достаточно сказать, что за пять лет сменилось шесть патриархов. Несколько раз патриарх был выселен насильственно из Константинополя. Неоднократно Фанар осаждался разъяренной толпой. Кемаль и его прави-

тельство разговаривали с Патриархией твердым тоном и властно диктовали ей свою волю. В сентябре 1923 года патриарший престол только что занял престарелый патриарх Григорий, водворенный в Фанар вместо изгнанного турками Константина. Патриарх Григорий вел осторожную, лавирующую политику.

Его кратковременное святительство имело, однако, важное значение в истории Православия. Под влиянием совершившегося за последние годы в области международных событий, а также изменений в положении Константинополя, патриарх Григорий VII и его окружение решительно стали на путь сближения с Западом.

Этапная линия Вселенского престола была намечена еще в 1918 году, во время оккупации Стамбула союзными войсками. Патриарх Мелетий, лишенный престола Кемалем, но продолжавший оказывать большое влияние на дела Фанара, был главным вдохновителем этой новой политики. Перемены, происшедшие в этом направлении за несколько лет, были поистине удивительны.

Как известно, в течение почти 500 лет турецкого господства (1451-1918) Фанар как бы окостенел в традиционном самосознании. Вплоть до XX века в Греции практиковалось перекрещивание христиан западного исповедания как еретиков. Решение Святейшего правительствующего Синода Русской Православной Церкви принять (в середине прошлого века) английского диакона Пальмера через миропомазание чуть не вызвало отлучения Русской Православной Церкви как еретической.

Не только болгарская церковь официально рассматривалась Фанаром как схизматическая, но и сама русская церковь была в Константинополе под подозрением, как не вполне православная: Фанар сносился с Россией крайне неохотно. Послания, направленные в Россию, никогда не выходили за рамки строго официальной вежливости.

И вот при патриархе Мелетии и Григории VII Фанар полностью порвал с этой вековой традицией. Оживленные связи с англиканской церковью, назначение экзарха в Лондон, усиленные контакты с протестантскими церквями, следствием которых было вхождение Греческой Православной Церкви в экуменическое движение – таковы новые вехи Константинопольского престола. В конце 1923 года Вселенский патриарх выступил с двумя грандиозными проектами, которые должны были значительно сблизить Восточную церковь с Западом: переход Православного Востока на новый стиль и созыв Вселенского Собора восточных православных церквей.

По отношению к русской церкви Вселенский престол занял осторожную дипломатическую позицию. В то время как представитель Вселенского патриарха в Москве распинаялся в своих чувствах к Синоду, в чем значительную роль играло турецкое посольство в Москве, представлявшее в то время правительство, связанное дружбой и союзом с РСФСР – Вселенский патриарх в течение нескольких месяцев не отвечал на послание Евдокима.

Наконец, в марте 1924 года архимандрит Василий вручил митрополиту Евдокиму копию послания Вселенского патриарха о введении нового стиля. Не подлежит сомнению, что это было очень дипломатическим шагом со стороны Вселенского патриарха: этот акт мог означать, если угодно, признание Вселенским патриархом обновленческого Синода. Мог не означать и ровно ничего.

Вся советская пресса, равно как и обновленческий Синод, подняли страшный шум вокруг этого послания, расценив его как полное признание патриархом обновленцев. При этом скромно умалчивалось, что точно такое же послание было вручено и патриарху Тихону. Немалую роль во всем этом сыграл Василий Димопуло – архимандрит – патриарший саккелион (посол) в Москве.

Архимандрит Василий является характерным, трагикомическим персонажем этого смутного времени.

Как указывалось выше, Вселенский патриарх в течение веков подерживал с Россией самые холодные отношения и никогда не имел здесь никаких представителей. Появление архимандрита Иакова в роли патриаршего саккелиона в Москве в 1917 году не произвело ни на кого никакого впечатления и осталось совершенно незамеченным даже и церковными кругами. Тихо и мирно проживал обладатель пышного титула на Петровке, служа в греческой церкви около Петровского монастыря, и в Москве никто почти не подозревал его существования. В 1923 году, после кончины престарелого грека, в роли его преемника выступил его племянник, привезенный им из Греции – архимандрит Василий Димопуло.

Собственно говоря, Василий назначил саккелионом сам себя, так как в это время в Константинополе было междупатриаршество. Лишь через несколько месяцев Григорий VII санкционировал его назначение.

Ловкий грек великолепно ориентировался в московских делах и плавал, как рыба в воде, в мутных волнах церковной смуты. Обновленцы уцепились за этого, никому дотоле не ведомого монаха, как за якорь спасения. Они осыпали его почестями, преподнесли бриллиантовый крест на клобук, сделали почетным членом Синода, возили его по всей России как представителя Восточной Церкви – при этом обновленческие иерархи вдруг совершенно забыли, что Русская Церковь с 1448 года является автокефальной, и делали вид, что Константинопольский патриарх является вершителем ее судеб.

Архимандрит Василий с важным видом принимал все эти почести, постоянно служил в обновленческих храмах, раздавал интервью, причем все послания Вселенского патриарха, уклончивые и туманные, толковались им в удобном обновленцам смысле. Впрочем, архимандрит Василий был неглупым человеком. Сильно обрусев, он много читал, говорил проповеди по-русски и с похвалой отзывался о Введенском, называя себя его верным поклонником.

О вручении первого послания Вселенского патриарха митрополиту

Евдокиму в «Вестнике Священного Синода» было опубликовано следующее официальное сообщение:

«По распоряжению Святейшего Вселенского Патриарха Григория VII, представитель его саккелион Василий Димопуло 23 марта 1924 года вручил Высокопреосвященному Евдокиму, митрополиту Одесскому, патриаршее послание по вопросу о введении нового стиля.

Григорий VII, Милостью Божией Архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский Патриарх –

Пресвященным митрополитам, архиепископам и епископам Святейшего Апостольского и Патриаршего нашего Вселенского трона.

Возникшие для православной паствы затруднения, ненормальности и путаница, вызванные официальным введением в последнее время во всех православных государствах в гражданский обиход так называемого нового календаря, побудило великую Христову нашу Церковь и другие братские Церкви по долгу обязанности заботиться о надлежащем церковном разрешении календарного вопроса.

Вследствие сего, заботами Святейшего Патриарха Вселенского трона, летом прошлого года было создано здесь так называемое Всеправославное совещание, которое после серьезного исследования вопроса с церковной и научной точки зрения пришло к единогласному решению, что для общих нужд народа необходимо немедленно согласовать и церковный календарь с употребляемым уже в православных государствах новым гражданским календарем, определяя днем такого слияния календарей 1 октября прошлого года.

Однако, ввиду краткости оставшегося времени, необходимого для общего согласования вопроса и различного обмена мнениями между автокефальными православными церквями, введение нового церковного календаря и определенное совещанием и уже принятое Великою Христовою Церковью, по синодальному постановлению, оказалось тогда невозможным.

Но так как с введением нового гражданского календаря для православной паствы с каждым днем возникали все большие и большие затруднения и наносили ей и церкви существенный ущерб, Священный наш Синод, имея в виду нужды Церкви православного народа и побуждаемый согласным голосом большинства церквей, пришел после недавнего нового обсуждения этого важного вопроса к единогласному решению:

В настоящее время постановляем и синодально определяем, чтобы в каждой епархии, подведомственной нашему Святейшему Вселенскому Патриаршему Трону, с 10 числа текущего месяца марта гражданский календарь, в отношении неподвижных праздников, обязательно был соединен с церковным православным календарем и только Пасхалия должна ныне оставаться как есть, до имеющего быть в будущем определенного установления ее Церковью.

Известив уже об этом циркулярной телеграммой всех возлюбленных во Христе братьев, подтверждаем и настоящим синодальным посланием,

что это решение уже принято в согласии с Элладской Церковью в надежде, что таковое будет принято, как мы не сомневаемся, и всем остальным большинством братских автокефальных церквей, уже принявших принципиальное решение этого вопроса Всеправославным Совещанием.

... Желая, чтобы благополучно совершившееся это календарное исправление послужило источником благополучия для Святейшей нашей Церкви и православного народа, испрашиваем вам от Бога благодать и безраздельную Милость Его, которая да будет со всеми вами.

1924 года февраля 28 дня

Вселенский Патриарх Григорий VII».

(Церковное обновление, 1924, 27 мая.)

*

В ответ на это, чисто деловое послание немедленно последовал синодальный ответ, выдержанный в красочном «евдокимовском» стиле, немедленно опубликованный во всех газетах. Приводим его здесь полностью:

«Грамота Священного Синода
Вселенскому Патриарху Григорию VII

Священный Синод РПЦ¹ извещение Вашего Святейшества о введении с 10 марта нового стиля в церквах Православного Востока выслушал с чувством глубочайшей радости.

Трудно изобразить словами человеческими те неисчислимы страдания, какие перенесли наши архипастыри и православные миряне от колебаний церковной власти на Православном Востоке в области этого вопроса.

Твердое и бесспорное слово Вселенской Церкви о введении нового стиля положило конец всем нашим страданиям и смуте церковной, развившейся на почве календарных недоразумений. Все вздохнули теперь облегченно. Тысяча тысяч благодарностей отовсюду понесется к подножию трона Вселенского патриарха за этот акт мудрой, решительной и дальновидной церковной политики. И наша гражданская власть, имея немалый ущерб от церковной неупорядоченности в области календарного вопроса, встретит этот мудрый акт Вашего Святейшества с чувством признательности и одобрения.

Поэтому шлем Вашему Святейшеству земной поклон и выражение самых глубоких чувств искренней благодарности всей Руси православной, получившей свое Святое крещение от Вселенской Матери Церкви великого града св. апостола Андрея Первозванного и св. Константина Равноапостольного.

Будьте же и впредь мудрым вождем всего Православного Востока. Одни из православных уже ищут спасения у исконного врага православия – папы Римского. Другие – у английской церкви, третьи – даже у протестантской.

Возьмите Ваш высокоавторитетный голос на защиту обуреваемой со всех сторон Церкви Православной. Положите конец всем внутренним смя-

¹ Каким диссонансом врывается это «РПЦ» в торжественно-византийский стиль «Грамоты»!

тениям, укажите пути православного церковного строительства среди новых условий современной действительности, совсем неизвестной нашим предшественникам, а потому ставящей перед нами трудноразрешимые вопросы.

В горячих заботах об умиротворении церковных нестроений и спасения церкви Священный Синод Российской Православной Церкви 11 мая текущего года в г. Москве собирает Великое Соборное совещание. Русский Священный Синод просит Вас, Ваше Святейшество, прислать на это совещание полномочных депутатов, которые помогли бы нам внести глубокий мир в нашу многмятежную жизнь церковную.

Может быть, Господь поможет собравшимся подготовиться к открытию давно и горячо ожидаемого всеми верующими нового Вселенского Собора.

На подлинном подписались:

Митрополит Евдоким Одесский и Херсонский.

Митрополиты: Вениамин Ленинградский, Тихон Воронежский, Макарий Новгородский; архиепископы: Серафим Владимирский, Иннокентий Курский, Виталий Тульский, Алексей Казанский, Александр Таврический, Корнилий Ярославский, Герасим Саратовский и Анатолий Астраханский». (Там же.)

Приведенный документ является характерным образчиком обновленческого пустословия. Здесь все неверно, от начала до конца. Прежде всего никаких «неисчислимых страданий» от календарных неурядиц никто в русской церкви не терпел, так как вопрос о «новом стиле» во всей церковной смуте имел совершенно второстепенное значение. Сам патриарх несколько раз признавал «новый стиль», и вся эта проблема не стоила, грубо выражаясь, выеденного яйца.

Далее, никаких «вздохов облегчения» ни у кого после послания Вселенского патриарха в России не вырвалось. Что касается тысячи тысяч благодарностей, то их также никто в России не выражал. Во-первых, Вселенский престол был почти фантастическим понятием для духовенства, а народ и вообще не знал, что это такое. Во-вторых, «проблема календаря» была к этому времени для русской церкви разрешена на долгие годы.

В самом начале раскола некоторые отдельные священники пытались вводить новый календарь. Однако всякий раз эти попытки наталкивались на obstruction со стороны народа. Молящиеся просто не являлись в праздники по новому стилю. Майский Собор 1923 года принял по докладу епископа (тогда митрополита) Антонина новый календарь. Однако практически это решение не проводилось в жизнь опять-таки благодаря резкой оппозиции верующих.

✓ Патриарх, по выходе из заключения, как известно, признал новый стиль. В сентябре 1923 г. патриарший совет, несмотря на упорное противодействие Петроградского епископа Мануила и нескольких других иерархов, пришел к решению о переходе на новый стиль. В течение двух меся-

цев патриарх служил по новому стилю (Петроград на новый стиль так и не перешел). Однако, ввиду повсеместных протестов, в декабре патриарх Тихон вернулся к старому стилю*.

Обновленческая церковь также вынуждена была, чтобы не отпугивать верующих, вернуться к старому стилю. К 1924 году за новый стиль еще держалась группа Красницкого (в 1929 году и он перешел на старый стиль) и «Союз церковного возрождения» с епископом Антонином во главе. Кроме того, следует назвать еще несколько обновленческих приходов, где новый стиль был введен в порядке эксперимента (в Ленинграде по новому стилю до 1928 года служили в двух храмах: Захарие-Елизаветинском и Пантелеймоновском). Так что все «восторги» Евдокима по поводу признания нового стиля Константинополем оказались, по меньшей мере, необоснованными.

Более интересна вторая половина послания, где речь идет о предполагаемом Вселенском Соборе.

В 1923 году в Константинополе открылось Предсоборное совещание. Вселенский Собор был назначен на 1925 год.

Когда читаешь об этих проектах, как-то внезапно, точно Афродита из морской пены, появившихся на берегах Босфора, невольно чувствуешь какой-то странный пробел. Если бы в 1913 году кто-нибудь предсказал, что через десять лет Константинопольский патриарх выступит с предложением о созыве Вселенского Собора, то такого фантазера приняли бы, по меньшей мере, за шизофреника. Самое понятие «Вселенский Собор» было столь основательно забыто на православном востоке, что для его объяснения надо было бы обратиться к энциклопедическому словарю¹.

Однако мировая война открыла все шлюзы, перемешала все фигуры, неожиданно всплыли на поверхность понятия, казавшиеся похороненными навсегда.

Мировая революция, которую с замиранием сердца ожидали тогда многие, в действительности уже произошла, так как мир стал другим после событий 1914-1918 гг., стала другой и Вселенская Церковь. Это изменение не было медленным и постепенным – оно было быстрым и мгновенным, как вспышка молнии. Говоря словами Гегеля, изменение произошло путем резкого скачка.

И в этом внезапно обновленном мире Церковь впервые за 1100 лет ощутила потребность во Вселенском Соборе.

25 ноября 1924 года в Москве архимандритом Василием Димопуло был получен следующий документ:

«Извещение о Вселенском Соборе

Ваше Высокопреподобие!

Отец архимандрит Василий, настоятель Патриаршего в Москве подворья св. Сергия и представитель Вселенского Престола в России, Ваше Высокопреподобие от души благословляем.

¹ Как известно, митрополит Филарет Дроздов заявлял, что VIII Вселенского Собора быть не может.

Согласно с решением собравшегося здесь, в прошлом году, Всеправославного съезда нашу Великую Христовой Церковью было определено и сообщено ею остальным православным церквам решение о том, чтобы в будущем 1925 году в память 1600-летия 1-го Никейского Собора собрался по общему желанию, выраженному уже единогласному мнению всех братских автокефальных православных церквей, Вселенский Собор для рассмотрения разных вопросов первостепенной важности, разрешение коих является спешным и абсолютно необходимым. Причем местом Собора, согласно с выраженным мнением Святейших патриархов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского, определен церковью святой град Иерусалим.

Сообщая об этом вам и посылая при сем копию программы подлежащих рассмотрению вопросов, выработанных уже нашей церковью и сообщенных уже и другим церквам, поручаем Вашему преподобию довести об этом до сведения тамошних надлежащих церковных кругов и желаем Вам многих лет здравия и спасения.

1924 года ноября 25 дня.

Председатель Священного Синода

Митрополит Никейский Василий.

Вселенская патриархия.

№4500».

(Церковное обновление, 1925, № 2, с. 10.)

К этому документу были приложены следующие тезисы:

«Программа работ
будущего Вселенского Собора 1925 года
во Святом граде Иерусалиме
(Перевод с греческого).

Общие вопросы.

1. Обозрение всего церковного законодательства, канонического права и применение его к настоящему положению церкви.

2. Стремление всеми мерами к общению и соединению в Христовой любви со всеми христианскими церквами.

Частные.

I. Догматические.

1) Догматы 7 Вселенских Соборов остаются незыблемыми.

2) Критика богословов на догматы веры.

3) Символические книги православия (Исповедание Митрофана Критопуло, Петра Могилы, Синода в Яссах, в Иерусалиме и др.), так как они содержат толкования и взгляды на догматы, сложившиеся после Вселенских Соборов, то они требуют точного определения и утверждения Вселенского Собора.

4) Такого же утверждения требуют и различные учения Православной Церкви, до и после падения Константинополя (напр. таинства, о Пресуществлении и др.)

5) Определение официального исповедания православной веры.

6) Крещение еретиков.

II. Административная организация церкви.

1) Значение Вселенского Собора православной Церкви и определение времени созыва такового.

2) Административные и местные соборы поместных церквей.

3) Обмен мнений между поместными церквами относительно возникающих чрезвычайных вопросов и способ выполнения (?) их.

III. Богослужение.

1) О богослужебных и церковных книгах.

2) Божественная проповедь.

3) Типикон.

4) Время молитвы.

5) Посты (вид и продолжительность их).

6) Священные одежды и сосуды.

7) Иконопись и пение.

IV. Священный клир.

1) Образование и хиротония его (достоинства, возраст, авторитет и прочее).

2) Подробнейшее определение обязанностей и прав каждой из трех степеней священства.

3) О браке клириков.

4) Одевание клириков в церкви и вне церкви.

5) Священные монастыри и монахи.

V. Календарь.

1) Определение Пасхалии и календаря на основании совершившихся уже научных работ.

VI. Разные.

1) Национально-канонические церковные вопросы.

Вселенская патриархия.

С подлинным верно.

Представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло.

(Там же, с. 11.)

Стоит лишь прочесть вышеприведенную программу для того, чтобы убедиться в ее совершенной неудовлетворительности.

Авторы программы точно писали ее, находясь в безвоздушном пространстве. Так, совершенно непостижимо, каким образом умудрились они забыть о существовании Российской Церкви. Создается впечатление, что в своем «прекрасном далеке» они совершенно забыли о России и Российской Церкви. Характерно, например, что в параграфе о символических книгах (пункт 3 раздела I) даже не упоминается катехизис митрополита Филарета – наиболее известная символическая книга русской церкви. Тщетно было бы искать во всей программе какого бы то ни было намека на специ-

фические проблемы, волнующие самую многочисленную поросль православной церкви.

Тем не менее в Троицком подворье уцепились за этот проект и подняли вокруг него невероятную шумиху. Совершенно неожиданно митрополит Евдоким решил сделать будущий Вселенский Собор орудием для грандиозной политической спекуляции в целях возвышения обновленчества.

С осени 1923 года непрерывно носились слухи о новой сессии Поместного Собора, официально не распущенного. Сессия неоднократно назначалась и каждый раз вновь откладывалась: помимо ряда чисто формальных обстоятельств (уход главных руководителей Собора – Антонина, Красницкого и др.), Собор был настолько дискредитирован в общем мнении, что всякое возвращение к нему имело бы самые отрицательные последствия для Синодальной церкви.

И вот митрополиту Евдокиму пришла в голову остроумная мысль – созвать новый обновленческий Собор в Москве под именем Великого Предсоборного Совещания. Это было эффектно и оригинально: ведь во всей истории Русской Церкви еще не было столь высокого собрания. Кроме того, по самому характеру совещания от него тянули бы многообразные нити за границу, и прежде всего это был значительный повод для того, чтобы укрепить связь с Константинополем.

Великое Предсоборное Совещание было назначено на июнь 1924 года; в предвидении совещания началась лихорадочная деятельность в Стамбуле. Советское посольство, архимандрит Василий Димопуло, митрополит Евдоким исписывали вороха бумаги, чтобы побудить Вселенского патриарха признать Синод и прямо и недвусмысленно выступить в поддержку обновленческого движения.

После долгих письменных сношений, экстренных депеш Василия Димопуло, широковещательных «личных» посланий Евдокима и т.д. и т.п. 6 мая 1924 года Константинопольский Синод вынес особую резолюцию по «русскому вопросу».

Увы! Резолюция снова не удовлетворила обновленцев. Синод с сожалением констатировал, что в Русской Церкви происходят «нестроения и смуты». Далее в резолюции говорилось, что «Святейшему патриарху Тихону, как любвеобильнейшему пастырю, следовало бы (в целях прекращения смуты) уйти на покой».

Наконец Синод выразил желание послать в Москву комиссию в составе нескольких иерархов для изучения на месте «Живой Церкви»¹, выразил желание поддерживать связь с «церковными кругами в Москве, в том числе и с Синодом», а также порицал тех иерархов-эмигрантов, которые используют церковную кафедру для политических выступлений.

Без сомнения, это был большой крен в сторону обновленцев, но все же это не было тем, чего с таким рвением добивались в Троицком подворье.

И вот здесь совершился гениальный по беззастенчивости трюк, равный которому трудно найти во всей истории церкви.

¹ В Фанаре не знали нового названия обновленческого движения. Этой случайной обмолвкой и воспользовался Красницкий в своем выступлении на диспуте в Консерватории.

1 июня 1924 г. в «Известиях ЦИК» появилось следующее сообщение под сенсационным заголовком: «Вселенский патриарх отстранил бывшего патриарха Тихона от управления Российской Церковью».

«Московский представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий Димопуло сообщил представителю РОСТА следующее, – говорилось в сообщении. – Мною получено только что из Константинополя сообщение о том, что Константинопольский патриарший Синод, под председательством Вселенского патриарха Григория VII, вынес постановление об отстранении от управления Российской Православной Церковью патриарха Тихона, как виновного во всей церковной смуте. Постановление это вынесено на заседании Синода при Вселенском патриархе 6 мая и принято единогласно.

По словам архимандрита Василия, это постановление является результатом неоднократных советов Константинопольскому патриарху со стороны восточных патриархов, и в частности Сербского патриарха.

Вместе с тем Константинопольский патриарх посылает в Москву авторитетную комиссию из виднейших восточных иерархов для ознакомления с делами Российской Православной Церкви. В состав комиссии, выезжающей в СССР, входят: митрополит Никейский Василий, митрополит Феатирский Герман, являющийся управляющим всеми греческими церквями в Западной Европе, митрополит Сартский Герман, являющийся оберсекретарем Константинопольского Патриаршего Синода, и начальник канцелярии Вселенского патриарха Христо Папанну.

Одновременно Вселенский патриарх признал Российский Синод официальным главой Российской Православной Церкви и запретил к священнослужению всех иерархов, бежавших из России в эмиграцию, во главе с Антонием Храповицким. Все эти иерархи предаются церковному суду».

(Известия ЦИК, 1924, 1 июня, № 124.)

Для того чтобы уяснить себе всю «гениальность» проделки Евдокима – Василия Димопуло, следует вспомнить, что резолюция Константинопольского Синода нигде не была опубликована. Мало того, она даже не была переведена с греческого на русский язык.

Фальсификация была настолько грубой, что ей не мог поверить ни один сколько-нибудь богословски грамотный человек. Как известно, Российская Церковь с 1448 года является автокефальной и совершенно независимой от Константинопольского патриарха: «отстранить русского патриарха» Константинопольский патриарх имел примерно столько же прав, сколько английский король – отстранить председателя Совнаркома. Что касается «комиссии восточных иерархов», то она так и осталась на берегах Босфора: из всех перечисленных в Синодском послании лиц только один – Герман Феатирский – прибыл в СССР, однако прибыл с небольшим опозданием – на 21 год: он прибыл в 1945 году, по иронии судьбы, чтобы принять участие в выборах патриарха Алексия.

Тем не менее на неосведомленную в церковных делах публику это

сообщение должно было, по мысли инициаторов проделки, произвести совершенно ошеломляющее впечатление. Понятно, это впечатление могло быть очень непродолжительным. Но этого и не требовалось. Следовало лишь сделать открытие Великого Предсоборного Совещания помпезным, произвести фурор, а там всегда можно было сослаться на неофициальный характер сообщения (газетчик перепутал, телеграф соврал и т. д.), на неточность перевода и т. д.

Одержав эту грандиозную газетную победу, синодалы ринулись во весь опор к открытию Великого Предсоборного Совещания...

*

Для того чтобы уяснить себе характер и значение Совещания, интересно проанализировать его состав, сравнив с Собором 1923 г.

На Предсоборном Совещании было представлено 400 депутатов. На Соборе 1923 г. – 476 человек. Зато на Предсоборном Совещании было 83 епископа, тогда как на Соборе 1923 г. – архиереев было всего 62.

Так же, как перед Собором 1923 года, перед Предсоборным Совещанием происходили выборы по епархиям. Епархиальные съезды избирали по 2 человека на Собор. Архиереи считались членами Совещания, назначенными Синодом, из 83 архиереев восемь носили титул митрополита, 29 – архиепископов, остальные 46 – епископов.

Таким образом, перед нами не «Великое Предсоборное Совещание», а новый обновленческий Собор.

Еще больше это подтверждается порядком дня Предсоборного Совещания. В порядке дня были следующие вопросы:

1. Положение в Русской Православной Церкви. Докладчик – митрополит Евдоким.

2. Тихоновский вопрос. Докладчик – архиепископ Александр Крутицкий (Введенский).

3. О соборности, митрополитанском строе и патриаршестве – проф. Покровский.

4. О борьбе с атеизмом. Докладчик – архиепископ Александр.

5. О борьбе с сектантством. Докладчик – проф. В.З.Белоликов.

6. Доклад о каноничности Собора 1923 года и Синода. Проф. Попов.

И прочие мелкие вопросы.

Уже из этого перечня вопросов, занимающих Предсоборное Совещание, видно, что меньше всего члены Совещания думали о Вселенском Соборе. Если можно употребить сравнение из геометрии, Константинопольское Предсоборное Совещание и Московское – это две параллельные линии, и трудно было думать, что они пересекутся, даже в бесконечности.

10 июня 1924 года распахнулись ворота 1-го Дома Советов. Это уже в пятый раз за последние два года они раскрылись перед духовенством: начиная с августа 1922 года в 1-м Доме Советов происходили два съезда группы «Живая Церковь», один съезд СОДАЦа, Собор 1923 года и вот --

Великое Предсоборное Совещание. О его открытии официальный обновленческий журнал повествует в торжественно-эпическом стиле.

«10 июня 1923 года в Москве открылось Предсоборное Совещание. Утром в храме Христа Спасителя совершено было моление Христу Спасителю 38 епископами и многочисленным духовенством. Вечером же собравшиеся депутаты приглашены в здание бывшей Духовной семинарии.

В двухсветном зале, на возвышенной эстраде, находились все митрополиты, несколько избранных епископов и два греческих архимандрита – представители Вселенского патриарха Константинопольского и патриарха Александрийского. Весь зал наполнен депутатами. На террасах и у входных дверей теснились посетители.

Председатель Священного Синода митрополит Евдоким открыл Совещание такими словами: «Именем Великого Архиерея и Господа нашего Иисуса Христа объявляю Великое Предсоборное Совещание открытым». Почетным председателем Совещания провозгласили Вселенского патриарха Константинопольского Григория VII. Председатель Священного Синода пригласил всех присутствующих к исповеданию веры. Все громко пропели Символ веры.

Письменных и телеграфных приветствий к Предсоборному Совещанию, полученных из России и других стран, оказалось так много, что невозможно было все прочесть.

Приветствие от Константинопольского патриарха Григория VII читал представитель его архимандрит Василий по-русски. Затем огласили приветствия от Грузинской церкви, от Сербской, американских церквей и обществ и много других. Первое совещание началось и закончилось молитвою».

(Церковное обновление, 1924, № 7-8.)

Об обстановке, царившей на Совещании, повествует в гораздо менее почтительной форме наш старый знакомый А.Иркутов из газеты «Безбожник», репортаж которого о дне, проведенном в покоях патриарха, мы приводили выше.

На этот раз в своей статейке «Живой труп» Иркутов дает столь же тенденциозную и пропитанную ненавистью, острую и потому не лишнюю интереса зарисовку Совещания.

«Евдоким, председательствующий на Совещании, – живой символ обновленчества. Он с гордостью носит белый клобук с бриллиантовым крестом, важно подставляет руки для поцелуев и уезжает с заседаний на лихаче. Все как раньше! Председательствуя, неизменно актерствует, подпускает слезу. Битых шестнадцать минут стараюсь вытянуть из него что-нибудь определенное. Куда там! Ни да, ни нет. В глаза прямо не смотрит. Норовит схватить рукой за плечо (у Тихона та же привычка).

– Как вы полагаете, тихоновщина умерла?

– Да... да... конечно...

– Но тихоновщина сильна?

- Несомненно... да... да...
- Ваше совещание будет иметь большое значение?
- О да.
- Но все-таки не решит дела?
- Разумеется.

Что «да», что «разумеется» – никак не поймешь.

Петр Сибирский. Высокий крепкий мужик с умным и хитрым крестьянским лицом. Широкоплечий, здоровый, как бык. Ему бы землю пахать. Во время заседания поглядывает в сторону представителей печати и, подмигивая, улыбается нам. Особенно ехидны и часты его улыбочки во время «ученого» трактата Введенского. Когда я его спрашиваю, встречаю полную готовность и определенные ответы. Нет. В совещание он не верит. Никакого толка! Да, тихоновщина сильна. Особенно в массах. Обновленцы сделали здесь большую ошибку. Они поставили ставку на белых попов. Зря. Они в Сибири сразу построили все на «мирянах». А в общем он здесь так – для виду. Не обновленец он и не тиховец. Просто хороший, хозяйственный мужик. Крепко держится за свою богатую маслом и мясом, широкую, привольную Сибирь.

Миряне.

Спор идет горячий. Толпа попов окружила двух мирян. Одного старого, лысого, с лицом почечника, другого – молодого, зло посматривающего на поповские рясы. Спор идет о том, о чем совещание и не говорило вовсе, но что верующее крестьянство интересуется крепко. Нужно ли согласие прихода при назначении попа? Старик за то, что нужно. Попы, разумеется, против. Молодой молчит и только посматривает. Аргументы старика простые и умные. Приход должен знать, кого ему дают. А то сунут всякую сволочь.

Спорят горячо, шумно, и вдруг старик не выдерживает:

– Что вы мне тычете – благодать, благодать! Христа вы продали, вот что! Никакой благодати на вас, хриstopродавцы вы длиннорясые!

Попы, как стая воронья, разлетаются во все стороны. Старик посылает им вслед нелестные словечки, а молодой, до сих пор молчавший, совершенно неожиданно прибавляет:

– Да что там! Только одна есть власть советская, только советская. – И злые глаза его пронизывают чернорясников, отлично понимающих всю уместность, на первый взгляд, неуместной фразы.

По последнему слову техники.

Был в порядке дня Великого Совещания вопрос о борьбе с неверием. Под таким названием значится официальный доклад епископа Введенского, и думалось, что посвящен этот доклад будет безбожным агитаторам, коммунистам, комсомольцам и методам борьбы с ними. Но не так сложилось, как годилось. О коммунистах и комсомольцах, равно как и об антире-

лигиозной пропаганде осторожный епископ-обновленец предпочел помолчать. Его трехчасовой доклад был посвящен тому, как научным путем, с помощью математики, астрономии и медицины можно доказать существование Бога и историчность Иисуса. Наполнившие зал попы с величайшим вниманием ловили каждое слово докладчика и усердно записывали почти весь доклад целиком. Они, против которых выступают до зубов вооруженные знанием лектора и докладчика, они, для которых наука – могила, учились искусству передергивать, подтасовывать и фальсифицировать научные истины в своих поповских интересах.

Епископ Введенский.

Странный вид у этого человека. Высокого роста, какой-то несуразный, развинченный весь, с нервно подергивающимся лицом. Гладко выбрит. Едва заметная крохотная остренькая бородка и черные квадратики на месте усов. Волосы коротко острижены и кокетливо взбиты сбоку. Белая ряса болтается на нем, как на вешалке, а из-под рясы кокетливо выглядывают острые носки модных белых туфель и франтоватые, наутюженные, «со складкой» синие брюки. Вместо огромной панагии у него на золотой цепочке изящный медальончик.

Говорит, как хороший актер в сильной драматической пьесе. То вышывает голос до крика, то понижает его до шепота. В нужные моменты подпускает слезу. Порой доходит до истерики, порой долго, долго молчит, закатывая глаза к небу, прикрывая лоб рукой. Во все время доклада руки его в широких рукавах рясы ни одной секунды не остаются без движения. Они мечутся вокруг туловища, описывают встречающиеся и расходящиеся круги, взмывают над головой, вытягиваются по направлению к залу. Словом, епископ Введенский учит не только рассказом, но и показом.

Его научный багаж, несомненно, обширен. Епископ Введенский – человек с высшим образованием. Епископ Введенский говорит на нескольких европейских языках. Епископ Введенский читал массу книг и обладает недюжинными познаниями в философии, математике и медицине...

(Далее следует целый абзац грубой ругани Иркутова по адресу А.И.Введенского, который мы, по чувству элементарной брезгливости, опускаем. – *Авт.*)

Когда епископ кончил, попы чествовали его как нового апостола. Поднесли ему титул доктора богословия, просили его открыть для попов школу, выразили пожелание напечатать и распространить епископскую галиматью. А Введенский, человек с высшим образованием, знающий несколько иностранных языков, сведущий в философии, математике, астрономии, медицине, ответил буквально следующее:

– Я одно скажу, отцы и братие. Когда я предстану на Страшном Суде – а все там будем – то скажу Богу: может, я был самым ничтожным из творений Твоих, но я любил Тебя, о Господи!»

Это после трехчасового доклада с математическими формулами и

выдержками из сочинений европейских писателей. Вот уж подлинно сумасшедший дом». (Безбожник, № 23-24, с. 6-7.)

*

В действительности на Совещании происходило следующее: в первый день своей работы, по сложившемуся уже шаблону, Совещание приняло приветствие Советскому правительству. Так как это приветствие было написано Евдокимом, то оно отличалось особо высокопарным и напыщенным стилем.

«Великое Всероссийское Предсоборное Совещание Православной Российской Церкви, открывая свои работы, обращается к Правительству СССР со словами приветия, чувствуя в этом моральную потребность, особо усугубляемую ныне открытым признанием Правительства СССР Вселенским патриархом Григорием VII.

Скованная по рукам и ногам гнетом царизма, Русская Православная Церковь лишь Октябрьской Революцией возвращена в родную стихию свободного развития, которой была лишена многие века. Декрет об отделении церкви от государства дал юридическую и фактическую возможность стоящей на почве безусловной лояльности Церкви создать новые формы жизни Церкви, сохраняя свою вечную сущность. Перед Совещанием стоят многие весьма сложные проблемы. Одной из главнейших является полное и безусловное отмежевание от Тихона и контрреволюции, опасных для правильного развития подлинной христианской работы Церкви.

Православная Церковь, еще на Соборе 1923 года безусловно и окончательно разорвавшая связь со всякими видами реакции (религиозной и политической), никогда не сойдет с этого единственно правильного и канонами Церкви предуказанного пути чисто религиозного своего развития.

Великое Российское Предсоборное Совещание отмечает перед церковно-общественным русским и зарубежным миром, что всему этому оно обязано великим принципам советской государственности, предоставившей впервые за всю Русскую историю действительную свободу совести. Поэтому с глубоким удовлетворением Великое Всероссийское Предсоборное Совещание приветствует Рабоче-Крестьянскую власть трудящихся, единственную во всем мире подлинно давшую своим великим декретом об отделении церкви от государства, планомерно и твердо проводимым в жизнь, ту свободу, которой не имела Церковь при изжитом самодержавии».

(Известия, 1924, 23 июля, № 166, с. 6.)

Это было очень мило: журналисты благосклонно, хотя и несколько насмешливо улыбались в своих ложах, и никто не думал о том сверхнеожиданном сюрпризе, который поднес Евдоким в последний день Совещания.

До последнего дня Совещания было, однако, еще далеко, и день 11 июня 1924 г. прошел гладко и спокойно.

Все шло по заранее намеченной программе: митрополит Евдоким сделал доклад об общем положении Церкви. Доклад митрополита начал-

ся, как это можно ожидать, ругательной характеристикой патриарха Тихона.

Касаясь личности Красницкого, митрополит Евдоким характеризует его как отщепенца, изменившего своему делу, и указывает, что в то время, как Красницкий только думает организовать епархиальные управления, Синод их организовал.

«Отсутствие политиканства и интриганства, характеризующее деятельность Синода, дают ему возможность с успехом проводить те или иные ходатайства перед гражданской властью».

Далее Евдоким выкинул такой фортель, какой буквально ошеломил собрание.

«Так, например, получено разрешение возвратить из Соловецкого монастыря раскаявшихся в своей контрреволюционной деятельности священнослужителей. Митрополит отметил при этом, что уже получено прошение от Илариона, в котором он кается в своих заблуждениях, а также признает Синод».

(Церковное обновление, 1924, 15 июля, №7-8, с. 1.)

В то время имя Илариона в Москве было у всех на устах. Каждый в Москве, когда произносили имя Илариона, понимал, что это идет речь о знаменитом богослове и иерархе – Верейском архиепископе. Весть о присоединении к Синоду одного из столпов «тихоновщины» потрясла съезд, немедленно вышла за стены 1-го Дома Советов и обошла всю Москву. При этом почти никто не заметил, что митрополит Евдоким, говоря об Иларионе, опустил его титул, назвав его просто по имени.

Как выяснилось впоследствии, речь шла всего лишь о совершенно безвестном старообрядческом архимандрите Иларионе, написавшем покаянное письмо из Уфимской пересыльной тюрьмы в Синод.

В протоколе, напечатанном в обновленческом журнале, под именем Илариона появилось сокращенное обозначение титула: «арх.» (что можно понимать и как «архиепископ» и как «архимандрит»). Весть о «покаянии» Илариона продолжала гулять по Москве в течение месяца.

У читающих эти строки может сложиться впечатление, что митрополит Евдоким был беспринципным человеком, шулером и авантюристом. Однако сложна душа человеческая, и нет ничего ошибочнее, как судить о человеке на основании отдельных его поступков. До словам К.С.Станиславского, «важны не отдельные куски жизни, а сквозное действие, которое проходит через жизнь».

«Я, может, только по вторникам и четвергам дурак, а по пятницам я умнее его», – говорит Федька Каторжнй у Достоевского. Тот же Евдоким проявил себя через несколько дней как смелый и честный человек, составив документ с требованиями к правительству, не утратившими значения и сейчас, и затем прожил 12 лет в бедности и забвении, упорно отказываясь пойти на уступки, несовместимые с велениями совести.

Чем, однако, объяснить, что этот образованный и честный человек

пускался порой на такие недостойные приемы? Объяснения следует искать в том «американском» периоде жизни Евдокима, о котором он всегда так охотно и часто вспоминал. «По существу, я русский американец – Америка для меня так же дорога и близка, как Россия», – говорил он неоднократно. И если внимательно читать полемические выступления Евдокима, то очень легко заметить их «американский» стиль. Любая его речь, если изменить собственные имена, могла бы быть с успехом произнесена где-нибудь в Калифорнии или Техасе местным конгрессменом, кандидатом в сенаторы или претендентом на президентское кресло. Отсюда патетика, позерство, неумеренное хвастовство достижениями своей партии. И приемы дискредитирования своих противников такие же, какие употребляются в Америке во время избирательных кампаний, где «блеф» – сеяние сенсационных слухов, которые потом опровергаются, считается (разумеется, в известных пределах) дозволенным делом.

В своем докладе на Предсоборном Совещании «московский конгрессмен» не преминул похвалиться достижениями. Надо сказать, что он имел некоторые основания хвалиться.

«Касаясь церковно-просветительной работы, митрополит Евдоким констатировал, что восстановлен учебный комитет, указал на наличие в Москве и Ленинграде высших духовных семинарий, отметил работу издательского отдела, который уже выпускает два журнала: «Вестник Священного Синода» и «Христианин». Оба эти органа являются беспартийными.

Что касается лекционной работы, то, по словам митрополита Евдокима, ее вел архиепископ А.И.Введенский, который за десять месяцев объездил две трети больших городов России и провел 150 лекций. Далее митрополит Евдоким констатировал создание иностранного отдела и рассказал об успехах обновленчества в Америке (создание особой епархии из 115 приходов во главе с епископом Иоанном Кедровским)».

(Известия, 1924, 5 июня, № 127, с. 6.)¹

После доклада Евдокима, которого слушали невнимательно, так как трескучий пафос первоиерарха быстро надоедал и утомлял, Совещание приняло соответствующую резолюцию, которую мы печатаем в приложении к настоящей главе, и, замирая от предвкушения грядущего наслаждения, перешло ко второму пункту порядка дня «Тихоновский вопрос», докладчиком по которому был А.И.Введенский. Впрочем, этот первый доклад Введенского (через несколько дней был второй – о борьбе с атеизмом) также не отличался особым блеском. Эти два доклада Введенского, сделанные им на съезде, как бы две половины его души: второй доклад – гениальное прозрение и космические глубины. Первый (о Тихоне) – образцовое изложение затрепанных обновленческих пошлостей. Правда, и этот доклад люди слушали, затаив дыхание, но уж таков был этот человек, – делать что-либо неталантливо он просто органически не мог и не умел.

В прениях по докладам Введенского выявились определенные разногласия среди членов Совещания.

¹ О достижениях обновленческого Синода в области учебной и апологетической см. в следующей главе.

«Введенский находит, – гласит газетный отчет о докладе, – что вопрос о ликвидации тихоновщины и выяснение взаимоотношений с той группой, которая идет за Тихоном, является самым животрепещущим в решениях Соевещения. Введенский указывает, что одна часть внутрисоборной группы обратилась к президиуму Соевещения с запиской, в которой требует возвращения Тихону титула патриарха и предлагает посадить его на место председателя Синода «временно... до самой смерти».

От нас ждут мира с Тихоном, продолжает Введенский, но мы не хотим мира с ним.

Введенский констатирует, что желание мира с Тихоном диктуется скорее мотивами экономического характера, нежели церковного. Тихоновские нэпманы, очевидно, привлекают шатающихся обновленцев. Но истинные церковники, по словам Введенского, не могут поступиться истиной, которая для них дороже всего.

Далее Введенский дает следующую оценку общественно-церковной деятельности Тихона:

Будучи епископом царского времени, Тихон всегда пользовался особой симпатией правительственных кругов. Рядовой епископ, с достоинствами и недостатками рядового же епископа, он заслужил эти симпатии своей верностью царю, и не по интеллектуальному развитию, не по моральным качествам он выдвигался, а лишь своей принадлежностью к «Союзу русского народа». Революционным жребием он был вынесен на патриарший престол.

Что было за прикрытием этого престола, об этом надлежащую оценку дал Собор 1923 года, который лишил его всех великих титулов и возвратил в первобытное состояние. Но так было в мае прошлого года, а через месяц-два Тихон кается, условно прощается, лишенный сана патриарха, надевает на себя все его знаки.

Введенский констатирует, что за время его поездок по СССР ему приходилось на диспутах сталкиваться с б. меньшевиками и б. эсерами, которые, будучи людьми нецерковными, горячо ратовали за Тихона¹.

– Но весь секрет полишинеля, – продолжает Введенский, – заключается в уверенности бывших людей, что старое вернется.

– Нас уверяют, что мы красные, – продолжает Введенский, – в таком случае, тихоновцы вдвойне красные.

Однако, несмотря на все перекрашивания, он остается той же самой фигурой, вокруг которой группируются те же графы и князья, правда, несколько вылинявшие и загоревшие. Поэтому мы не можем питать доверия ни к Тихону, ни к тихоновцам.

В прениях по докладу Введенского приняли участие две группы. Первая в подавляющем большинстве выразила сочувствие положениям докладчика, а другая предлагала выискать пути примирения с тихоновщиной.

В заключительной речи Введенский указал на всю несостоятельность выдвинутого положения «шатающихся обновленцев», мотивируя тем, что

¹ Трудно сказать, почему А.И.Введенского, которого в 1917 г. называли «эсеровским Златоустом», теперь приводили в такой ужас б. меньшевики и эсеры.

тихоновщина неразрывно связана с Тихоном, а сам Тихон – с Карловацким Собором, Антонием Храповицким и Кириллом Владимировичем. «А обновленцы, – говорит Введенский, – не питают любви к идеологам реакционных вождений, и ничего общего между ними быть не может».

Далее Введенский, ввиду обращения к нему членов Совещания с просьбой характеризовать личность Красницкого, дал ему следующую оценку:

– Красницкий – бывший член «Союза русского народа». Во время дела Бейлиса он заявил, что евреи пьют кровь христиан. Будучи студентом Духовной академии, он написал доклад на тему «Социализм – от дьявола». И теперь нет ничего удивительного, если один бывший член «Союза русского народа» подал руку другому.

По докладу А.И.Введенского Предсоборное Совещание постановило обратиться ко всей Православной Церкви с воззванием...»

(Известия ЦИК, 1924, 13 июня, № 133.)

После того как было прочитано и принято длинное, блестящее по форме и отвратительное по содержанию воззвание – настоящий политический донос на тихоновскую церковь, Совещание перешло к второстепенным вопросам. В полупустом зале профессор-канонист Покровский читал по конспекту доклад «О соборности, митрополитанском строе и патриаршестве».

«Предсоборное Совещание должно заявить, – предлагал профессор, – что в основу строительства церковного должно быть положено в качестве его незыблемого догматического канонического фундамента соборное начало, которое, будучи построено по принципу активного участия всех элементов церкви (епископата, клира и мирян), должно последовательно и открыто проникать во все церковно-правительственные органы, начиная с «малой церкви» в пределах одного уездного викариата и кончая Поместным Собором целой Русской Церкви.

Исходя из этого, Предсоборное Совещание считает необходимым восстановить древнеканонический митрополитанский строй с его регулярными ежегодными соборами, требуемыми церковными канонами».

Далее предлагалось отменить навсегда патриаршество, как институт, восходящий своими историческими корнями к идеалам языческого Рима, и «коросту на теле церкви».

Члены Предсоборного Совещания остались, однако, довольно холодными к митрополитанскому строю, так и к «коросте на теле церкви» и большую часть доклада в подавляющем своем большинстве провели в прогулках по Москве, так что когда дело дошло до голосования резолюции, в зале осталась столь ничтожная кучка делегатов, что митрополит Евдоким объявил резолюцию принятой без голосования, ввиду отсутствия возражений.

Несколько больший интерес вызвал доклад проф. Попова «О каноничности Собора 1923 г. и Синоде».

По этому докладу разгорелись очень жаркие прения, и здесь выступили с открытым забралом представители различных группировок. Ленин-

градский протоиерей о. Евгений Запольский (из Казанского собора), идеолог «умеренных обновленцев», выступал с пламенным призывом к миру и говорил о необходимости использовать все возможности для ликвидации раскола.

Идеологами крайне левого направления оказались сибиряки – Петр Блинов и Георгий Красноярский. Сибиряки упрекали членов Предсоборного Совецания в реакционности по отношению к Собору 1923 года и предлагали членам Совецания быть более решительными, так как «обновленческое движение подготовлено историей».

Наконец, наступили последние дни Совецания: 16 июня выступил архиепископ Александр Введенский с докладом «О борьбе с атеизмом». Стенограмма этого доклада – одного из самых сильных произведений русской апологетики, к сожалению, не уцелела, как и многие другие произведения (ненапечатанные) Александра Ивановича – стенограмма исчезла в недрах МГБ в 1937 году во времена Ежова, при аресте В.З.Белоликова, который был хранителем и редактором произведений А.И.Введенского.

Исходной точкой концепции знаменитого апологета была система Анри Бергсона. Как и модный тогда французский философ, русский богослов усматривал в основе мира творческий импульс, который познается через интуитивное «знание». Самое понятие «творческого импульса» было у Введенского шире и глубже, чем у Бергсона.

Вселенная является сплетением противоположных, действующих с лихорадочной быстротой, перекрещивающихся и отталкивающих токов. Сумма этих многообразных токов есть динамика бытия. Опираясь на общую и частную теорию Эйнштейна, Александр Иванович математически (в высшей математике он также был представителем своеобразной концепции) показывал, как из переплетения многообразных энергетических лучей создается материя. Основой науки является поэтому высшая математика – она вскрывает высшую закономерность, лежащую в основе природы. Пифагорейство, с его знаменитым тезисом «в основе мира лежит число» – оживало и наполнялось у А.И.Введенского новым содержанием. Высшая математика, по Введенскому, это промежуточное звено между творческим импульсом, который познается лишь интуитивно, и его реалистическим отражением, каким является эмпирическая наука. Математика – не эмпирика и не метафизика – это пограничная область человеческого знания – она имеет дело не с материей и не с духом. Число это нечто среднее между чистой абстракцией и конкретным понятием. Символ и реальность, динамика и статика. Далее идут естественные науки, которые вскрывают оболочку видимого мира, препарируют ее относительность, бренность.

Соприкасаясь с Шопенгауэром, Введенский рассматривает природу как покрывало Майи – светлую лазурь, покрывающую внутренность океана.

С огромной эрудицией, на бесчисленном количестве примеров из физики, химии, биологии (причем привлекались все разделы этих наук, и

работы крупнейших ученых Европы Введенским к этому времени были проштудированы, как это видно из его конспектов, – около 2000 работ на четырех европейских языках) Введенский показывает, как естественные науки в конечном итоге упираются в «число» – в нематериальную закономерность – в высшую математику.

«Именно в силу своей всеобщности, универсальности понятие «Бог» безгранично. Всякое логическое определение Бога, – говорил Введенский, – мы отвергаем потому, что оно было бы ограничением Бога».

«Всюду и везде мы упираемся в бесконечность – и бесконечность есть Бог. Однако, если нельзя логически расшифровать идею Бога и дать логическое определение (логически можно лишь подойти к идее Бога) – то возможно глубинное, интуитивное познание Бога. Богословие, как математика и музыка, является пограничной областью между абсолютной статикой и динамикой бытия, и дальше начинается сама высшая динамика бытия, которая открывается человеку лишь в религии».

Человеческое сознание бессильно проникнуть в эту сферу – туда ведет лишь религиозная интуиция. Бессмысленно отрицать религию, говорил А.И.Введенский, так же как бессмысленно отрицать музыку. Можно опровергать логическое определение – нельзя опровергать интуицию – она является высшей несомненной реальностью.

И далее Введенский переходит к христологии. Иисус Христос есть перекрестная точка Вселенной: живое воплощение Бога. Все пути сходятся в нем: Божественное и человеческое, бесконечное и конечное, абстрактное и конкретное, интуиция и сознание, религия и философия.

И закончил свой грандиозный доклад А.И.Введенский мастерским изложением всех доказательств историчности Иисуса Христа, не оставив буквально камня на камне от «мифической теории».

*

И вот настал последний день Предсоборного Совещания. Большой день.

Митрополит Евдоким после молитвы снял с себя белый клобук, положил на председательский стол, надел пенсне, развернул мелко написанные листки:

– От себя лично имею честь внести проект петиции в Совнарком.

И начал читать.

После преамбулы, составленной в обычных общих выражениях, последовали следующие абзацы:

«Великое Предсоборное Совещание находит, что наступил момент для пересмотра в законодательном порядке взаимоотношений между церковью и государством соответственно изменившимся условиям и выдвинутой самой жизнью требованиям. Наши ходатайства по их содержанию и юридической природе распадаются на две главные группы:

А. Введение того, чего еще нет.

Б. Поправки к тому, что уже существует.

А

1. Дополнение к нормальному уставу религиозных общин в том его пункте, где говорится о праве общин избирать себе служителей культа. Предсоборное Совецание ходатайствует обусловить это право следующим дополнением: «в согласии с внутренним уставом данного религиозного культа», т.е. с согласия епархиального или викариального управления (основание – разъяснение НКЮ от 25 августа 1922 г. № 512).

2. Для ограждения двадцаток и приходских советов от вторжения в их состав кулацких и других отрицательных элементов двадцатки и приходские советы утверждаются лишь с визой епархиального и викариального управлений.

3. Никто из граждан СССР во имя свободы совести за свои религиозные убеждения не подвергается никаким ограничениям, в частности:

а) принятие на себя гражданином СССР обязанностей служителя культа не лишает его общегражданских прав;

б) учащиеся в вузах и других учебных заведениях не исключаются из них за свои религиозные убеждения (основание: мысль незабвенного Владимира Ильича Ленина, нашедшая отражение в письмах председателя ВЦСПС ко всем профорганизациям). (Революция и церковь, 1924, № 1-2.)

4. В согласии с пунктом 3 нашей петиции служители культов и члены их семей имеют право:

а) состоять членами приходских советов;

б) состоять членами профсоюзов;

в) обучать своих детей в государственной школе, наравне со всеми трудовыми гражданами;

г) состоять членами кооперативов, сельскохозяйственных и ремесленных артелей, просветительных кружков и других дозволенных для граждан СССР трудовых объединений;

д) организовывать кассы взаимопомощи;

е) открывать епархиальные и викариальные попечительства для бедных духовного звания.

5. Необходимо в срочном порядке пересмотреть и законодательно урегулировать больной и острый вопрос о так называемых церковных домах и квартирах для священнослужителей, а также и о сторожах при церквях. Вопрос этот не имеет до сих пор единообразной практики, почему на местах разрешается произвольно и служит источником неудовольствия широких масс. В означенных домах крайне нуждаются и органы епархиальных и викариальных управлений.

6. Налоговая система в отношении к церковным общинам и служителям культа должна быть радикально переработана. До настоящего времени налоговая система не считается с действительными поступлениями как в церковных общинах, так и с доходностью служителей культа, игнорируя массовую отчетность и запись братских пожертвований, чем и объясняется непомерное взыскание и совершенно неправильные ставки обложения общин и духовенства. Установление ставок фининспекция должна производить в

общегосударственном порядке, т.е. с привлечением общин и духовенства, как обычно практикуется в отношении других свободных профессий. Применительно к государственным налогам взимаются сборы на местные нужды.

7. Присутствие детей до 18-летнего возраста вместе с родителями за богослужением и участие их в качестве певчих, прислуживающих в алтаре и т. п. не рассматривается как нарушение принципа свободы совести и потому допускается беспрепятственно. Инструкционное разъяснение о преподавании Закона Божия на дому и об исключении псаломщиков из категории служителей культа (Известия ВЦИК, 1924, № 131) необходимо оформить в общегосударственном законодательном порядке.

8. Открытие пастырских школ и издание духовных книг и журналов, по постановлению епархиальных съездов, допускается беспрепятственно.

9. Для успокоения широких народных масс в распоряжение Всероссийского Священного Синода возвращается обратно Троице-Сергиева Лавра, а равно чудотворные иконы и мощи, взятые в музей.

Б

1. Все граждане СССР за одну лишь принадлежность к числу религиозных общин и приходских советов не должны подвергаться никаким незакономерным ограничениям и в своих общегражданских и профессиональных правах. Сюда входят:

- а) увольнение со служб и работ;
- б) лишение избирательных прав;
- в) исключение из профсоюзов;
- г) лишение прав на пенсию;
- д) лишний налог на посеы.

Незаконное ограничение граждан, избираемых в приходские советы и двадцатки, имеет своим последствием подневольный уход из приходских советов лучших людей и отдает руководство церковной жизнью в руки кулацких, нэпмановских и других отрицательных элементов.

2. Служители культов и члены их семейств получают право:

- а) поступления на гражданскую службу (основание: НКЮ и НКВД, 1923 г., 14);
- б) на социальное обеспечение (Революция и церковь, 1922, с. 47);
- в) на нарезку земельного надела (циркуляр НКЗ № 20 от 23 февраля 1923 г.);
- г) освобождение от принудительного привлечения к трудовой повинности (декрет СНК от 10 декабря 1918 г. и циркуляр НКЮ от 3 января 1919 г.).

3. Необходимо строго подтвердить всем органам власти на местах о беспрепятственном отправлении публичных религиозных обрядов и церемоний, которые строго вытекают из потребности культа и основываются на обычаях верующих. Сюда относятся:

- а) крестные ходы при проходах покойников на кладбище, крестные ходы к рекам, прудам и колодцам в особые установленные дни, как то:

Крещение, Преположение, первый Спас, а также хождение причта по домам прихожан с молитвою перед Рождеством и Пасхою, в праздники Рождества и Пасхи и другие местные праздники;

б) совершение богослужений в ночное время, т.е. от 12 часов ночи до 6 часов утра в праздники Рождества, Крещения, Пасхи, Нового года, Страстного четверга и субботы;

в) совершение треб и молитвословий по домам прихожан, что уже по ходатайству Всеукраинского Православного Синода осуществлено в пределах УССР (циркуляр Укр.НКВД от 11 марта 1924 г. за №788).

4. На основании постановления ВЦИК от 6 октября 1924 г. освобождаются от гербового и местного сбора все первичные справки из ЗАГСов о рождении, браке, смерти и разводе.

5. Служители культов и приходские советы беспрепятственно ведут приходскую книгу записей церковных актов: крещение, венчание и отпевание умерших.

6. Постановления власти на местах о закрытии храмов производятся не раньше, как они будут утверждены ВЦИК.

7. Согласно действующим узаконениям, днями отдыха считаются воскресные дни и замена их другими днями не допускается.

Празднование Пасхи и других церковных праздников происходит одновременно с Православной Церковью, согласно с распоряжениями Всероссийского Священного Синода.

8. Сборы на содержание храма и за отправление культа, производимые особо уполномоченными от религиозных общин лицами, согласно инструкции НКВД и нормальному уставу, допускаются беспрепятственно (циркуляр НКВД УССР от 11 марта 1924 г. №777, § 4).

9. Церковные библиотеки находятся в ведении группы верующих, без их согласия, произвольно, не могут быть отчуждаемы.

10. Церковь и служители культа в законодательном порядке ограждаются от публичных оскорблений и издевательств (основание – Инструкция НКЮ и НКВД 1923 г.)». (Церковное обновление, 1925, №1, с.46-47.)

*

Спокойным и размеренным тоном, без обычного пафоса, читал первоиерарх петицию.

По широкому охвату вопросов, по глубокому пониманию церковной жизни, по смелой постановке насущных вопросов эта петиция была действительно выдающимся документом.

Принятием этой петиции закончилась работа Великого Предсоборного Совецания.

От А.Краснова-Левитина.
Выражаю сердечную благодарность пастору Евгению Фоссу, без чьей инициативы не могло бы быть осуществлено настоящее издание, а также Сергею Баньковскому за дружескую помощь.

Том III

Вместо пролога

1925 год открыл новый период в истории церковной смуты, и прологом к нему явилась Смерть.

9 апреля 1925 года в газетах появилось следующее краткое сообщение:

«7 апреля в 23 часа 45 минут умер в лечебнице Бакунина (Остоженка, 19) бывший патриарх Тихон в присутствии постоянно лечивших его врачей: Е.П.Бакунина, Н.С.Щелкан и послушника Тихона – Пашкевича.

Смерть произошла от очередного приступа грудной жабы. Кроме перечисленных врачей, Тихона консультировали профессора: Кончаловский В.П., Шервинский, Плетнев К.К. и ассистент – доктор Покровский (бывавший у Тихона ежедневно). В день смерти у Тихона была консультация специалистов по уху, горлу и носу из профессора Свержевского и докторов Генкина и Мещерского.

Утром 8 апреля Тихон был, после предварительного обряда, доставлен архиереями на свою квартиру в Донском монастыре, где и предположены похороны». (Известия, 1925, 9 апреля, №81, с. 4.)

Это сообщение, как громом, поразило всех – и верующих, и неверующих. Никто не ожидал смерти патриарха, хотя уже давно в его здоровье замечались тревожные симптомы. Нефрит – болезнь почек, которой патриарх страдал очень давно, обострилась после заключения. Кроме того, под влиянием постоянного нервного напряжения у патриарха развивалась грудная жаба, проявлявшаяся в довольно редких припадках. Все эти болезни не мешали, однако, патриарху совершать по несколько раз в неделю длинные богослужения, благословлять тысячи верующих, принимать посетителей и вести текущие дела.

30 декабря 1924 года патриарх совершал богослужение на окраине города – на Пятницком кладбище (за Крестовской заставой). В этот день в кладбищенском храме было положено начало мироварению. В эти годы, после освобождения патриарха из заключения, освящение мира совершалось обычно в Рождественский сочельник. В 1923 году пришлось изменить принятой в Русской Церкви традиции освящать миро в Страстной четверг, ввиду полного оскудения мира. После длинного богослужения патриарх в алтаре упал в обморок. Иподиаконы обомлели от испуга – им показалось,

что Святейший умер. Однако патриарх быстро пришел в себя. «Да нет, нет, я еще жив», – с улыбкой сказал он, увидев испуг на всех лицах. С большим трудом добрался он, однако, до дому – ехать надо было на извозчике через всю Москву – до Донского монастыря. Впервые после освобождения патриарх должен был лечь в постель. Первый раз в жизни он не смог совершить рождественских и крещенских богослужений. Врачи настойчиво советовали патриарху лечь в клинику для исследования. При этом они ссылались на то, что в Донском монастыре – в атмосфере вечной суматохи, среди несметных толп народа, от которых трудно было изолировать патриарха, невозможен ни полный отдых пациента, ни тщательное исследование его здоровья.

Раздавались, однако, и другие голоса: так, известный специалист по болезням сердца проф. Плетнев категорически настаивал, чтобы патриарх не ехал в больницу. В связи с этим разыгрался драматический эпизод: когда 13 января 1925 года патриарх, утомленный и издерганный непрерывной суетой, все же решил переехать в клинику доктора Бакунина на Остоженке, профессор упал на колени перед постелью патриарха. «Ваше Святейшество! Не соглашайтесь на больницу, – со слезами на глазах воскликнул профессор, – неизвестно, в чьи руки вы там попадете!» – «Да, но вы же там будете, профессор. И все мы будем около Святейшего», – сказал митрополит Петр. Святейший молча кивнул головой. В тот же вечер он переехал в прекрасно оборудованное помещение в клинике Бакунина (Остоженка, 19). Это было одно из первоклассных медицинских учреждений Москвы и одна из немногих частных больниц, еще оставшихся в годы нэпа.

Алеша Б. – семнадцатилетний иподиакон, сердечно преданный патриарху, поспешил вечером в больницу – поздравить Святейшего с Новым годом (в это время еще живы были старые традиции, и вечер 13 января для большинства москвичей был новогодним вечером). «Алеша, у меня здесь нет иконы, достань мне, пожалуйста, образ», – тихо сказал Святейший.

Алеша бегом направился в конец Остоженки – в Зачатьевский монастырь. «У Святейшего в больнице нет иконы, дайте, пожалуйста, икону», – сказал он монашкам. Матушки заохали, и одна из них побежала к себе в келью и сняла со стены небольшой образ Благовещения Пресвятой Богородицы в серебряном окладе.

«Спасибо, голубчик», – сказал патриарх, когда образ Благовещения был водворен над его кроватью. Об этом эпизоде многие вспоминали через два с половиной месяца, когда в праздник Благовещения умер патриарх.

В тихой, спокойной обстановке частной больницы здоровье патриарха начало быстро поправляться. 31 января 1925 года патриарх совершил свой первый выезд из больницы – в этот день он совершил панихиду по митрополите Евсевии (своем старом друге и помощнике, умершем в 1919 году) в Новодевичьем монастыре.

1 февраля 1925 года он совершил литургию в Донском монастыре.

На протяжении февраля и марта патриарх совершал богослужения в самых отдаленных концах города, благословляя, как обычно, тысячи молящихся. В феврале им были совершены литургии в храме Трифона Мученика (у Рижского вокзала), в храме Богоявления (в Елохове) – в праздник Сретения Господня и всенощная в храме Взыскания Погибших в Палашах, литургия в храме святой Софии на Софийской набережной.

Патриарх, однако, не торопился выписываться из больницы – здесь он чувствовал себя лучше и спокойнее по сравнению с крохотными комнатами женского монастыря, битком набитыми народом.

Лишь на первой неделе Великого поста решил Святейший выйти из клиники, чтобы провести эту седмицу по-монашески, поговорить и не пропустить ни одного богослужения.

В прощенное воскресенье, 1 марта 1925 года, он служил литургию в храме св. Ермолая на Садовой улице. Вечером он совершил прощеную вечерню в Донском монастыре и на протяжении всей первой недели служил каждый день. Затем патриарх вновь переехал на Остоженку.

На протяжении Великого поста патриарх служил каждое воскресенье. 8 марта 1925 года он совершил литургию в храме св. Николая на Песках.

16 марта – в храме Зачатьевского монастыря.

21 марта – всенощную с выносом креста в храме Воскресения на Остоженке (рядом с клиникой).

22 марта – в воскресенье Крестопоклонной недели – Святейший служил литургию в храме Сорока Мучеников, при которой совершил последнюю в своей жизни хиротонию, рукоположив архимандрита Тихона во епископа Гомельского.

29 марта патриарх Тихон совершил литургию на далекой московской окраине – в храме Петра и Павла на Преображенской площади, обычно этот храм называли Малым Преображением.

В шестое воскресенье Великого поста патриарх совершил литургию в храме Вознесения на Никитской улице.

Служба была длинная, торжественная. Несколько тысяч москвичей переполнили огромный храм, который был в то время любимым храмом московской интеллигенции. Многие видели стены просторного, красивого здания: в феврале 1831 года здесь венчался А.С.Пушкин с Н.Н.Гончаровой. В 1918 году здесь происходило отпевание юнкеров, погибших в 1918 году – 180 гробов заполняли храм. В 1920 году здесь венчалась дочь Ф.И.Шаляпина, и могучий бас великого артиста, читавшего Апостола, сотрясал стены.

5 апреля 1925 года, за два дня до смерти, патриарх Тихон совершил здесь свою последнюю службу.

Между тем церковная политика, жестокая и равнодушная к страданиям отдельных лиц, как и всякая политика, продолжала развиваться своим чередом в эти весенние месяцы. Митрополит Петр имел несколько встреч

с Тучковым. Беседы касались юридического положения «тихоновской церкви». Каждого из собеседников тревожило свое.

В это время одной из главных забот Советского правительства было налаживание дипломатических и торговых связей с Англией – лейбористская партия, в 1924 году побывавшая у власти в течение нескольких месяцев, и английские тред-юнионы были главной опорой СССР в его надеждах на установление нормальных отношений между двумя великими державами. В этой связи придавалось большое значение визиту М.П.Томского, возглавлявшего тогда ВЦСПС, в Лондон. М.П.Томский, приехавший в Англию в качестве гостя профсоюзных деятелей, много раз выступавший на рабочих митингах, стал, однако, объектом очень неприятных демонстраций. Представителю советских профсоюзов пришлось выслушать много неприятных вопросов относительно положения Церкви в СССР, немало вопросов касалось патриарха Тихона. «Оздоровление атмосферы» было главной заботой Е.А.Тучкова.

Митрополит Петр говорил об открытии Духовной академии, о преподавании Закона Божия детям, о нормализации положения духовенства. В конце концов был выработан проект патриаршего воззвания, в котором глава Русской Церкви должен был в самой категорической форме отмежеваться от всех антисоветских происков и осудить эмигрантское духовенство. В то же время в воззвании должны были быть сформулированы основные требования Церкви.

Митрополит Петр, которому предстояло выработать документ, очутился перед трудной задачей: «просоветская» часть документа вызывала возражения патриарха, а патриарх Тихон, мягкий по характеру, больной и слабый, умел в известных случаях становиться непреклонным. С другой стороны, «требования Церкви» вызывали бурный протест со стороны Е.А.Тучкова. Предстояло соединить несоединимое – сблизить точку зрения патриарха Тихона с точкой зрения Е.А.Тучкова.

К концу марта 1925 года документ был выработан. Однако патриарх Тихон все время откладывал его подписание.

Наконец в праздник Благовещения митрополит Петр после литургии – патриарх Тихон в этот день служить не мог – настойчиво потребовал от патриарха подписания воззвания. Колебания патриарха продолжались. Однако железная воля митрополита Крутицкого одержала верх: митрополит заявил, что отказ патриарха от подписи будет воспринят, как враждебная демонстрация, что он, митрополит Петр, вынужден, в таком случае, снять с себя всякую ответственность за последствия и просить уволить его на покой. Лишь под вечер патриарх дрожащей рукой поставил неровную подпись под воззванием (автограф был впоследствии опубликован в «Правде» и «Известиях»).

А через несколько часов, в 11 часов 45 минут, патриарх скончался.

«Доктор Бакунин, в больнице которого скончался Тихон, сообщает следующее о болезни и смерти Тихона, – передавала «Вечерняя Москва»

23 апреля 1925 г. в заметке «Болезнь и смерть Тихона» (с. 2). – Патриарх Тихон поступил в нашу лечебницу 13 января 1925 года с хроническим воспалением почек и перерождением мышцы сердца (миокардит). Кроме того, еще до поступления в больницу в Донском монастыре у него было несколько приступов грудной жабы. Лечили Тихона проф. Кончаловский и доктор Покровский. На консультациях бывал проф. Плетнев. Кроме того, ежедневно больного посещал доктор Щелкан. До первой недели Поста в состоянии здоровья больного было отмечено заметное улучшение – отсутствие припадков, здоровый пульс и нормальное самочувствие. В начале первой недели Поста Тихон выписался на 4-5 дней из лечебницы для совершения служб в московских церквях, после чего вернулся в лечебницу очень утомленным, как со стороны сердца, так и почек.

Наступившее временное улучшение продолжалось недолго. Тихон регулярно выезжал по праздничным дням, что не могло не отразиться на состоянии его здоровья.

2 апреля 1925 года врачом Виноградовым была произведена у Тихона экстракция нескольких гнилых корешков из нижней челюсти. После удаления корней у больного появилось довольно обычное незначительное воспаление десны, распространившееся на соответствующую сторону глотки до миндалевидной железы. Был вызван специалист, доктор Генкин, который, хотя и не нашел ничего серьезного, все же, не желая брать на себя ответственность, настоял на консультации, состоявшейся накануне смерти и в десять часов вечера 7 апреля. В консультации принимали участие, кроме доктора Генкина, профессор Свержевский, доктор Мещерский и врачи больницы. В воскресенье 5 апреля, несмотря на боль в горле, больной выехал служить, что привело к сильному раздражению глотки. В день смерти Тихон принял митрополита Петра, с которым имел продолжительную деловую беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным. В половине двенадцатого ночи состоялся последний обход врачом лечебницы, во время которого Тихон чувствовал себя, в общем, удовлетворительно, но не успел врач подняться в свою квартиру, как раздался тревожный звонок фельдшерицы, сообщавшей по телефону, что больному нехорошо. Немедленно был вызван доктор Щелкан. Врачи застали Тихона в ясно выраженном припадке грудной жабы (задыхание, падающий под рукой пульс, холодный пот). Больной указывал на сердце и жаловался на боль. Были впрыснуты обычные в таких случаях камфора и морфия, но пульс продолжал падать, и через 5-7 минут больной скончался. Между прочим, на следующий день из лаборатории «Т-ва врачей» возвратился анализ мочи, отправленный на исследование в день смерти, показавший резкое ухудшение со стороны почек.

В течение всей болезни при Тихоне неотлучно, по очереди, дежурили два келейника».

Как говорят, со слов одного из этих келейников, Т.Пашкевича, почувствовав после камфоры улучшение, патриарх спросил, сколько сейчас

времени. После того как ему ответили, патриарх трижды перекрестился и воскликнул, как во время благодарственных (по причащении) молитв:

«Слава Тебе, Боже,
Слава Тебе, Боже,
Слава Тебе, Боже!» –

и это были его последние слова здесь, на земле.

*

15 апреля 1925 года, через неделю после смерти патриарха, появился во всех газетах текст подписанного им воззвания под заголовком: «Предсмертное завещание Тихона». Приводим ниже газетный текст этого воззвания.

«Предсмертное завещание Тихона.

Печатаемое ниже завещание Тихона, написанное им в день его смерти (7 апреля 1925 года), доставлено в редакцию митрополитами Петром Крутицким и Тихоном Уральским с просьбой опубликовать его в печати. Ниже приводим полностью просьбу митрополитов и завещание Тихона.

«В редакцию газеты «Известия».

Гр. Редактор!

Просим не отказать поместить в газете «Известия» при сем прилагаемое воззвание патриарха Тихона, подписанное им 7 апреля 1925 г.

Петр митрополит Крутицкий

Тихон митрополит Уральский

14 апреля 1925 г.»

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея Церкви Российския. Благодать вам и мир от Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

В годы великой гражданской разрухи, по Воле Божьей без которой ничего в мире не совершается, во главе русского государства стала Советская власть, принявшая на себя тяжелую обязанность – устранение жутких последствий кровопролитной войны и страшного голода.

Вступая в управление русским государством, представители Советской власти еще в январе 1918 года издали декрет о полной свободе верить во что угодно и по этой вере жить. Таким образом, принцип свободы совести, провозглашенный Конституцией СССР, обеспечивает всякому религиозному обществу, в том числе и нашей православной церкви, права и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованиям своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан. А поэтому мы в свое время в посланиях к архипастырям и пастырям и пасомым всенародно признали новый порядок вещей и Рабоче-Крестьянскую власть народов, правительство коей искренне приветствовали.

Пора понять верующим христианскую точку зрения, что «судьбы народов от Господа устроятся», и принять все происшедшее как выражение Воли Божией.

Не погрешая против нашей веры и церкви, не переделывая чего-либо

в них, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок внешней церковной жизни и деятельности с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее.

Вознося молитвы наши о ниспослании благословения Божия на труд народов объединенными силами своими во имя общего блага, мы призываем всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага.

Призывая церковноприходские общины и особенно их исполнительные органы не допускать никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности, не питать надежд на возвращение монархического строя и убедиться в том, что Советская власть – действительно народная Рабоче-Крестьянская власть и потому прочная и непоколебимая, – мы призываем выбирать в церковноприходские советы людей достойных, честных и преданных Православной Церкви, не политиканствующих и искренне расположенных к Советской власти.

Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги святого православия – сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные – стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей. Враги церкви прибегают ко всякого рода обманым действиям, понуждениям и даже подкупам в стремлении достигнуть своих целей. Достаточно посмотреть на происходящее в Польше, где из 350 находившихся там церквей и монастырей осталось всего лишь 50. Остальные же или закрыты, или обращены в костелы, не говоря уже о тех гонениях, коим подвергается там наше православное духовенство.

Ныне мы, Милостью Божией, оправившись от болезни, вступая снова на служение Церкви Божией, призываем вас, возлюбленные братья – архипастыри, осудив еще раз всякое сопротивление власти, злонамеренные против нее умышления, мятежи и всякую против нее вражду, разделить наш труд по умиротворению паствы нашей и благоустройению Церкви Божией. В сознании лежащей на нас обязанности – блюсти чистоту жизни Церкви, первее всего ищущей спасения людей и осуществления вечных Божественных начал, мы не можем не осудить тех, кто в забвении Божьего, злоупотребляя своим церковным положением, отдается без меры человеческому, часто грубому, политиканству, иногда носящему и преступный характер, а потому, по долгу Первосвятительского служения нашего, благословляем открыть действия особой при нас комиссии, возложив на нее обследование и, если понадобится, и отстранение в каноническом порядке

от управления тех архипастырей и пастырей, кои упорствуют в своих заблуждениях и отказываются принести в них раскаяние перед Советской властью, предавая таких суду Православного Собора. Вместе с этим с глубокой скорбью мы должны отметить, что некоторые из сынов России и даже архипастыри и пастыри по разным причинам покинули Родину, занялись за границей деятельностью, к коей они не призваны, и во всяком случае вредной для нашей Церкви. Пользуясь нашим именем, нашим авторитетом церковным – они создают там вредную и контрреволюционную деятельность. Мы решительно заявляем: у нас нет с ними связи, как это утверждают враги наши, они чужды нам, мы осуждаем их вредную деятельность.

Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам нашей Церкви действуют от нашего имени и от имени Святой Церкви, прикрываясь заботами о ее благе. Не благо принес Церкви и народу так называемый Карловацкий Собор, осуждение которого мы снова подтверждаем и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с нашей стороны крайние меры, вплоть до запрещения в священнослужении и предания суду Собора. Во избежание тяжких кар Мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами народа нашего деятельность и иметь мужество вернуться на Родину и сказать правду о себе и Церкви Божией. Их деяния должны быть обследованы. Они должны дать ответ церковному православному сознанию.

Особой комиссии мы поручаем обследовать деяния бежавших за границу архипастырей и пастырей, и в особенности митрополитов: Антония, бывшего Киевского, Платона, бывшего Одесского, а также и других, и дать деятельности их немедленную оценку. Их отказ подчиниться нашему призыву вынудит нас осудить их заочно. Наши враги, стремясь разлучить нас с возлюбленными чадами, вверенными Богом Нам пастырями, распространяют ложные слухи о том, что Мы на патриаршем посту несвободны в распоряжении словом Нашим и даже Совестью, что мы заполонены мнимыми врагами народа и лишены возможности общения с паствою, Нами ведомою.

Мы объявляем за ложь и за соблазн все измышления о несвободе Нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово.

Неболезненно и с великим упованием взирая на грядущие пути Святого Православия, Мы смиренно просим вас, возлюбленные чада наши, блюсти Дело Божие, да ничто не успеют сыны беззакония.

Призывая на архипастырей, пастырей и верных нам чад Благословение Божие, молим вас со спокойной совестью, без боязни погрешить против Святой Веры, подчиниться Советской власти не за страх, а за совесть, памятуя слова Апостола: «Всякая душа да пребудет покорна вышшим властям, ибо нет власти не от Бога, – существующие же власти от Бога установлены». (Римл. 13,1.)

Вместе с этим мы выражаем твердую уверенность, что установка чистых, искренних отношений побудит нашу власть относиться к нам с полным доверием, даст возможность преподавать детям наших пасомых Закон Божий, иметь богословские школы для подготовки пастырей, издавать в защиту православной веры книги и журналы.

Всех же вас да укрепит Господь в преданности Святой Православной Вере, Церкви и ее иерархии.

(Далее рукой Святейшего Патриарха.)

Патриарх Тихон.

7 апреля 1925 года. Москва, Остоженка».

(Известия, 1925, 15 апреля, № 86, с. 1, Правда, 1925, 15 апреля.)

«На смертном одре Тихон был окружен исключительно своими преданными поклонниками, иерархами православной церкви, духовенством тихоновского толка, – писал А.И.Межов в передовой статье «По поводу тихоновского завещания». («Известия» посвятили воззванию патриарха передовую статью).

«Говорить о каком-либо давлении на его совесть совершенно не приходится. Его завещание является вполне свободным волеизъявлением (подчеркнуто «Известиями») и, по-видимому, соответствует действительному настроению его последних дней. И как бы теперь противники Советской власти не пытались извратить действительный смысл завещания Тихона, им это не удастся. Завещание им составлено совершенно самостоятельно и свободно, передано им своему ближайшему помощнику, митрополиту Петру за несколько часов до смерти, и передано именно с целью опубликования (подчеркнуто «Известиями»). За последнее время враги Советской власти, в связи с приездом нашей профсоюзной делегации в Лондон, пытались снова разыграть басню о «преследованиях» Тихона и о мнимых религиозных «гонениях» в Советской республике. Особенно усердствовали в этом направлении реакционные газеты, и среди них орган богатой консервативной буржуазии – газета «Таймс». Завещание Тихона бьет в лицо клевете, распространяемой врагами русского народа, и вскрывает ее истинную цену. С этой точки зрения, завещание Тихона будет иметь и международное значение, поскольку оно наносит сильнейший удар бессовестным сплетням продажных писаек и продажных политиканов о мнимых насилиях Советской власти над совестью верующих и о несуществующих в Советской республике гонениях на религию». (Известия, 1925, 15 апреля, № 86, с. 1.)

Что может сказать о воззвании патриарха православный историк? Это последнее воззвание патриарха, подписанное при столь драматических обстоятельствах, заслуживает, несомненно, пристального внимания.

В смысле признания Советской власти оно мало что прибавляет к ряду предшествовавших воззваний. Следует, однако, отметить, что признание патриархом Советской власти носит отнюдь не безусловный, а условный характер. Не случайно в воззвании усиленно подчеркивается принцип свободы совести. Осуждая эмигрантское духовенство за политиканст-

во, призывая способствовать восстановлению разрушенного хозяйства, патриарх, однако, подчеркивает, что никаких компромиссов в области вероучения быть не может. Наконец, в заключительной части воззвания формулируются основные требования православных христиан к Советскому государству. Патриарх требует свободы печати для защиты веры и свободы религиозного преподавания. Эти требования патриарха и в наши дни полностью сохраняют свою актуальность. Именно благодаря этому верующие люди, прочтя последнее патриаршее воззвание, с уважением почтили его память и он остался в народном сознании навсегда как мужественный защитник православной Церкви.

Уважение к памяти патриарха с особой силой проявилось во время его похорон 12 апреля 1925 года в Донском монастыре.

*

Патриарх умер во вторник шестой седмицы Великого поста. Его погребение было назначено на Вербное воскресенье.

В среду, 8 апреля 1925 года, гроб с телом патриарха был установлен в Соборном храме Донского монастыря. Тотчас потянулись к монастырю длинные очереди, начались самые многолюдные в истории Русской Церкви похороны.

Год и три месяца назад, в январе 1924 года, Москва видела другие похороны – похороны В.И.Ленина. Аналогия напрашивается сама собой: в похоронах патриарха приняло участие не меньше людей, чем в похоронах Ленина. Прощание с покойным продолжалось и в том, и в другом случае в течение пяти суток – и в том, и в этом случае ни на минуту не прекращался нескончаемый поток народных масс к гробу. Очередь к Колонному залу Дома союзов протянулась от Охотного ряда к Страстной площади, очередь к Донскому монастырю тянулась к Калужской заставе. Каждый желающий проститься с покойным должен был в обоих случаях посвятить пять или шесть часов. И в январе 1924 года, и в апреле 1925 года многие москвичи проводили в очереди бессонные ночи. Следует отметить, что и социальный состав провожающих обоих покойных деятелей в последний путь не был столь различен, как это могло бы показаться на первый взгляд: многие участники похорон патриарха отмечают большое количество «бывших», как тогда любили выражаться, в очереди, тянувшейся к Донскому монастырю. Однако нельзя забывать и о большом количестве рабочих, подмосковных крестьян, советских служащих.

«Вагоны трамвая переполнены. Линия №1, в этой части Москвы обычно пустующая, берется с боя. Массовый психоз – иначе не назовешь того, что творится у самого монастыря, – писал корреспондент «Вечерней Москвы». – Длиннейшая лента паломников, по 4 человека в ряд, раскинулась версты на полторы от монастырских ворот. Вся эта масса людей, облепленная тучами слетевшихся со всех концов Москвы нищих, гнусавым голосом распевающих псалмы, черепашьим шагом подвигается впе-

ред. Чтобы попасть в монастырь, простаивают по 5-6 часов – и все это лишь для того, чтобы наспех приложиться к чему-то, покрытому золотой парчой, и быть вежливо выпровожденным рукой одетого в парадную ризу послушника. Стоящий посреди церкви гроб с телом Тихона плотным кольцом окружен духовенством. По обеим сторонам гроба – два узких прохода для публики, соблюдающей строжайшую очередь. Как и всегда в «хвостах», толпа ревниво следит, чтобы более предприимчивые как-нибудь не пробрались вне очереди. То тут, то там вспыхивают на этой почве ссоры, прекращаемые быстро прилетающим послушником. С жаром молятся: «И прости ему прегрешения, вольные и невольные». При этих словах все духовенство опускается на колени, как бы подчеркивая особую важность именно этой просьбы. Мирно раскачиваются паникадила. Певчие тонкими голосами оплакивают смерть последнего патриарха – Тихона... «Великому господину патриарху Московскому и всея Руси вечная память!» – провозглашают по очереди сменяющие друг друга диаконы. Им вторят разногласные хоры одетых в какую-то послушническую форму певчих». (В Донском монастыре. – Вечерняя Москва, 1925, 13 апреля, № 84, с. 2.)

Во время похорон патриарха Тихона верующие люди проявили не только свою преданность Церкви, но и необыкновенную сплоченность и организованность. 8 апреля 1925 года, на другой день после смерти патриарха, Е.А.Тучков милостиво предложил, чтобы органы милиции поддерживали безопасность. Однако епископ Борис (Рукин Можайский), назначенный председателем погребального комитета, категорически отклонил предложение Е.А.Тучкова. «Мы сами обеспечим образцовый порядок на похоронах», – заявил он.

Действительно, епископ Борис проявил в эти дни незаурядные административные способности и исключительное трудолюбие: в течение шести суток он почти не спал – почти все время был на ногах, непрерывно распоряжался, улаживал недоразумения, появлялся всюду и везде, где была толпа. Епископ Борис организовал специальную дружину из рабочих, которые с красными повязками на руках бдительно следили за порядком. Малейшая попытка посеять панику, организовать какую-либо демонстрацию пресекалась твердо и неуклонно. Московская жительница, написавшая интересные воспоминания о патриархе Тихоне, напечатанные в парижском «Вестнике культуры» за 1937 год (во II томе нашей работы мы их цитировали), рассказывает о следующем интересном эпизоде:

«Около монастыря пересек площадь и направился к воротам какой-то гражданин с портфелем. К нему подошел пожилой рабочий с повязкой на рукаве: «Там, где столько людей, необходимо соблюдать порядок», – сурово, но вежливо сказал он. «Я работник ОГПУ», – ответил гражданин. «Тогда вам здесь не место», – был ответ рабочего. Помолчав минутку, гражданин нырнул в толпу и скрылся».

Наконец наступило 12 апреля – самый день похорон.

«Небольшой собор Донского монастыря битком набит духовенст-

вом, — отмечает корреспондент «Вечерней Москвы». — Кроме бесчисленного количества священников, протоиереев, здесь присутствуют 56 архиереев и 4 митрополита, съехавшиеся со всех концов России. «Мирян» здесь очень мало, да и те оттеснены к самым стенам. Чтобы попасть сюда, в этот собор, куда уже к 10–12 часам дня не пропускали даже священников без облачения, многие из этой истерически настроенной толпы дежурили с 5–6 часов вечера предыдущего дня. Немудрено, что в спертый, невероятно тяжелой атмосфере, которая тысячами свечей доведена до атмосферы бани, то тут то там слышатся крики, и очередная жертва религиозного фанатизма падает в обморок. Объединенный хор Чеснокова и Астафьева тянет «Со святым покой». Целые пять часов продолжается отпевание. Один за другим читают архиереи и митрополиты, стоящие двойной цепью вокруг гроба. На каждом из них дорогое облачение, расшитое золотом, серебром и шелком. Особенно любопытны митры — тяжелые серебряные и золотые головные уборы со вделанными в них драгоценными камнями.

В начале шестого часа начался, наконец, вынос. Перед гробом — патриаршее облачение. Шествие замыкается духовенством. Процессия обходит вокруг собора и направляется к склепу, еще накануне приготовленному в зимней церкви». (Похороны Тихона. — Вечерняя Москва, 1925, 13 апреля, № 84, с. 1.)

«12 апреля 1925 года в Донском монастыре состоялись похороны б. патриарха Тихона, — сухо сообщали «Известия». — Погребальный обряд, начавшись утром, закончился только в 7 вечера. Среди венков выделялся большой венок из лавров и пальм с английской надписью на ленте: «От архиепископа Кентерберийского». Тихон похоронен в склепе одной из церквей монастыря». (Известия, 1925, 14 апреля, № 84, с. 8.)

*

Когда умирает частный человек, его близкие предаются скорби о нем, и все остальное отходит для них на задний план. Не так бывает, когда умирает крупный деятель: история не оставляет ему ничего — даже в момент смерти она стоит у его гроба, исторический деятель лишен того, что имеет последний нищий — возможности быть оплаканным своими близкими. Что будет дальше? Кто преемник? Каково будет теперь положение Церкви? — вот вопросы, которые задавал себе каждый из пришедших на похороны, начиная от архиереев, кончая нищими старушонками, протягивающими руку у ворот Донского монастыря.

В толпе ползли всевозможные слухи, назывался ряд различных имен, в опустевших покоях покойного патриарха непрерывно шли совещания. В Вербную субботу (накануне похорон) здесь собрались четыре митрополита (Петр Крутицкий, Тихон Уральский, Сергей Нижегородский, Иосиф Ростовский). К ним присоединились несколько архиереев. Перед этим Тучков принял Петра Крутицкого. Было известно, что он непрерывно обменивался телеграммами с Коми-Зырянской республикой (там жил в ссылке

митрополит Кирилл) и с Нарымом, где так же в ссылке находился митрополит Агафангел.

Во время всенощной, накануне погребения, митрополит Петр был сильно взволнован: во время полиелея, отправившись по храму для каждения, он с размаху задел кадиллом подсвечник – послышался резкий металлический звук, толпа вздрогнула от неожиданности.

13 апреля 1925 года в Великий понедельник в одном из храмов Донского монастыря собрались 60 архиереев, приехавших на похороны патриарха. О том, что происходило здесь, за плотно затворенными дверями храма, рассказывает следующий документ:

«На другой день после погребения Святейшего патриарха Тихона, когда пребывающие в Москве епископы и прибывшие к ним на погребение из провинции собрались вместе в Донском монастыре для обсуждения содвигшегося положения, митрополит Петр после отчета о похоронах торжественно заявил, что у него на руках находится завещание патриарха Тихона, которое он и вскрыл из запечатанного конверта.

Присутствовавшие при оглашении сего документа архипастыри Русской Церкви, по ознакомлении с завещанием патриарха, сделали следующее, закрепленное собственноручной подписью, заключение:

Убедившись в подлинности документа и учитывая:

1) то обстоятельство, что почивший патриарх при данных условиях не имел иного пути для сохранения в Российской Церкви преемства власти и 2) что ни митрополит Кирилл, ни митрополит Агафангел, не находящиеся теперь в Москве, не могут принять на себя возлагаемых на них вышеприведенным документом обязанностей, – мы, архипастыри, признаем, что Высокопреосвященный митрополит Петр не может уклониться от данного ему послушания и, во исполнение воли почившего патриарха, должен вступить в обязанности патриаршего Местоблюстителя».

Сейчас же был выработан циркуляр о поминовении его как Местоблюстителя Патриаршего престола». (Церковное обновление, Рязань, 1925, 15 июля, № 11, с. 88.)

Самый текст патриаршего завещания, датированного 7 ноября 1923 года, гласил следующее:

«В случае нашей кончины наши патриаршие права и обязанности, до законного выбора нового патриарха, предоставляем временно Высокопреосвященному митрополиту Кириллу. В случае невозможности ему по каким-либо обстоятельствам вступить в отправление означенных прав и обязанностей, таковые переходят к Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу. Если и сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то наши патриаршие права и обязанности переходят к Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому». (Красная газета, 1925, 12 апреля, № 84, Ленинград, утренний выпуск, с. 1, статья «Завещание бывшего патриарха Тихона» – от нашего московского корреспондента.)

Таким образом, 13 апреля 1925 года в обязанности патриаршего

Местоблюстителя вступил митрополит Петр. В истории Русской Церкви начался новый долголетний период – период междупатриаршества.

Смерть патриарха Тихона всколыхнула церковные круги. Обновленческий Синод откликнулся на смерть патриарха следующим воззванием:

«Воззвание Священного Синода Православной Российской Церкви.

Архипастырям и пастырям и всем верным чадам Церкви Православной.

«Умоляю вас... поступать достойно звания... со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением снисходя друг к другу любовью, стараясь сохранять единство духа и в союзе мира.

Всякие раздражения и крик и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас»

(Еф. 5; 1-5,31).

7 апреля скончался бывший патриарх Тихон, с именем которого связано много печальных событий русской церковной жизни последнего времени. Событие это поразило скорбью почитателей бывшего патриарха. Но скорбь об усопшем, как о человеке, не должна вытеснять скорби об общем церковном деле, о котором приходится думать особенно в настоящий момент.

Всем известны обстоятельства церковной распри последних трех лет, глубоко нарушившей церковный мир. Умиротворение этой распри – главная задача церковных деятелей: о ней надо прежде всего подумать ответственным церковным руководителям. Такие руководители должны помнить, что та церковная борьба, которая возникла вокруг патриаршества с 1922 года, вызвана не личными мотивами, а серьезными внутренними церковными причинами. Движение против патриарха, начавшееся известными событиями мая 1922 года, имело в виду не его личность, а направление возглавляемой им церковной политики, гибельность которой осознал потом и сам бывший патриарх Тихон. Но, к сожалению, бывший патриарх Тихон, первоначально сам устранившийся от управления церковью и предоставивший другим церковным деятелям заняться организацией церковного Собора для разрешения церковного кризиса, не подчинился решению этого Собора.

В результате возникло длительное и болезненное церковное разделение.

Высшее Церковное Управление, созданное Собором в 1923 году и ставшее в вынужденное расхождение с той частью церковного общества, которая стала на сторону бывшего предстоятеля церкви, осужденного Собором и не пожелавшего каноническим путем доказать свою правоту, все время тяготилось возникшим церковным разделением.

Теперь кончина бывшего патриарха, имя которого было знаменем

церковных пререканий, нравственно обязывает всех церковных людей настоятельно и серьезно вдуматься в создавшееся положение в церкви и спокойно, в духе Христовых любви и мира, обсудить снова, как изжить церковное разделение, тягостное для православного общества.

Дальнейшее разделение православной русской церкви чревато еще более тягостными последствиями для верующих.

В сознании исключительной важности настоящего момента в жизни русской церкви Священный Синод, как правомочный орган высшей церковной власти и состоящий в каноническом общении со Вселенской Церковью в лице православных восточных патриархов, призывает всех архипастырей и пастырей Православной Русской Церкви отложить пререкания, создавшие в связи с церковным разделением, и миролюбиво готовить свои паствы к предстоящему в скором времени Поместному Собору, который мог бы внести в православную церковь умиротворение. Чтобы предстоящий Собор мог действительно осуществить столь великую задачу, Священный Синод братски призывает всех архипастырей и пастырей, обособившихся от него, к совместному с ним предварительному выяснению всех путей, которые привели бы к благополучному соборному разрешению церковной распри.

16 апреля 1925 года, Москва».

(Церковное обновление, 1925, № 11, с. 1.)

*Змеи ползучей ужасно жало,
Но нет спасенья от кинжала.
Теофиль Готье.*

1925-й

Почему умер патриарх Тихон? – этот вопрос шепотком, вполголоса, во весь голос, задавали на похоронах патриарха.

Трудно сказать, кто его задал первым. Может быть, епископ Борис, который первым вошел в палату, где лежал только что умерший патриарх. Может быть, монашки из разогнанных монастырей, толпившиеся дни и ночи около Донского монастыря. Может быть, папертная старуха, просившая милостыню у монастырских ворот. Только этот вопрос обошел всю Москву, перекинулся в провинцию, обошел всю Россию.

И до сих пор этот вопрос повторяется почти всеми церковными людьми, как только речь заходит о смерти патриарха Тихона. Этот вопрос имеет в устах огромного количества людей вполне определенный смысл. Те, кто спрашивают, подразумевают ответ: патриарх Тихон умер неестественной смертью, отравленный врачами.

По долгу добросовестных историков, мы задавали этот вопрос многим компетентным людям: ни один не мог ответить ничего определенного. В свое время отец одного из авторов (старшего по возрасту) – беспартийный человек, но ответственный работник, занимавший в 20-х годах крупный пост в Ленинграде, обратился с этим вопросом к Злате Иовне Лилиной, старому члену партии (близкому товарищу Ленина) и жене Зиновьева. «Захотели разобраться в такой кровавой каше, которую представляет собой ГПУ», – ответила Лилина.

И в настоящее время трудно ответить что-нибудь определенное. Все обстоятельства смерти патриарха вполне соответствуют тому, как умирают престарелые, больные люди. Однако ряд загадочных совпадений наводит на размышления. В тот момент, когда Церковь консолидировалась вокруг патриарха, а обновленчество очутилось перед полным крахом, – единственное, что могло «спасти положение», – это устранение единственной, объединяющей Церковь, фигуры. Размолоть, разбить и, таким образом, обессилить Церковь, сделав ее совершенно беззащитной перед лицом антирелигиозной пропаганды, – такова основная цель Тучкова и стоящих за ним людей.

¹ «Нам нужен новый «раскол в тихоновщине», – категорически заявил он епископу Борису в декабре 1925 года – во время появления так

называемой «григорьевщины». Но этот раскол был бы совершенно невыносим и невозможен при наличии патриарха. Для того чтобы добиться разброда в Церкви и навязать ей «легализацию» (то есть фактически подконтрольность), пришлось устранить митрополита Петра. Однако то, что оказалось возможным по отношению к митрополиту Петру, было совершенно невозможно по отношению к патриарху: новый арест патриарха возбудил бы такое негодование во всем мире, которое очень затруднило бы международное признание Советского правительства.

В годы нэпа в органы ГПУ просачивается огромное количество авантюристов, карьеристов и шкурников. При разветвленной системе, при часто меняющихся работниках, при постоянной коррупции (в это время то и дело приходится снимать, а иногда и расстреливать работников ГПУ, уличенных во взяточничестве) в системе ГПУ создается полная неразбериха («кровавая каша» – по выражению Лилиной), которой не было в годы гражданской войны. В это время всплывают на поверхность такие люди, как Ягода, который вскоре после смерти Дзержинского становится центральной фигурой в ГПУ, Агранов – будущий заместитель Ягоды, Заковский – в будущем правая рука Ежова. Сам Е.А.Тучков представлял собой фигуру весьма сомнительную и нравственно, и политически* – как увидим, через девять месяцев он не остановился перед такой грязной провокацией, как «письмо Николая Соловья».

В этой ситуации вполне был закономерен вопрос о причинах смерти патриарха. Мы не в состоянии дать на него ответ, но не можем умолчать о том, что такой вопрос задавался в то время многими и верующими, и неверующими людьми.

Покойный настоятель храма Ильи Пророка в Обидинском переулке в Москве, о.Александр Толгский, умерший в 1962 г., говорил одному из авторов: «После признаний, сделанных мне во время исповеди одной из врачей больницы Бакунина, у меня нет ни малейших сомнений в том, что патриарх Тихон был отравлен».

*

В это время антирелигиозная пропаганда после нескольких лет поисков и нащупывания методов окончательно стабилизировалась.

В это время грубые, административные методы нажима на «религиозников» несколько смягчаются. О том, что такие методы имели место, свидетельствует следующий документ, подписанный тогдашним главой ВЦСПС – М.Томским. Этот документ, чрезвычайно характерный для той эпохи, мы приводим здесь с небольшими сокращениями: это письмо ВЦСПС, разосланное во все профсоюзные организации: «Об антирелигиозной пропаганде».

Всем профсоюзным организациям.

Дорогие товарищи!

За последнее время с мест стали поступать сведения, что некоторые профессиональные организации, идя по пути антирелигиозной пропаганды,

стали проводить ее в уродливых формах, проводя, например, постановления о закрытии всех церквей, о замене обычных дней отдыха другими днями и даже, правда, в весьма редких случаях, доходя до исключения из союзов отдельных членов за принадлежность к сектам и религиозным общинам. Были случаи, когда рабочие исключались из союза за венчание в церкви.

Все эти факты говорят о том, что некоторые руководители местных профессиональных организаций неправильно понимают роль и задачи профессионального союза – всего движения в целом, почему ВЦСПС и считает необходимым дать по этому вопросу следующие руководящие указания:

4. Профессиональные союзы, проводя во всей своей работе марксистскую точку зрения, должны относиться с полной терпимостью и тактом к религиозным убеждениям своих членов и не отталкивать их от союза, оскорбляя их религиозные чувства необдуманными бестактными выступлениями.

ВЦСПС убежден, товарищи, что профессиональные организации и их руководители отнесутся к настоящему письму с величайшим вниманием и, идя указанным путем, найдут методы действительной борьбы с религиозными суевериями своих членов, не освободившихся еще от духовного наследия прошлого, не оскорбляя их религиозного чувства и не отталкивая от союза, так как только при условии внимательного отношения к ним, поднимая их постепенно, но настойчиво, на высший культурный уровень, профессиональные союзы выполняют свою великую задачу школы коммунизма, не ослабляя и не расстраивая рядов профессионального движения.

С товарищеским приветом

Председатель ВЦСПС – М.Томский.

Зав. культотделом,

член президиума ВЦСПС – Ф.Сенюшкин».

(Церковная жизнь, Владимир, 1924, № 1, с. 12. Ссылки на газету «Труд» за июнь 1923 года.)

Впрочем, «методы действительной борьбы с религиозным суеверием» очень мало отличались от методов, осужденных ВЦСПС. В это время в газете «Беднота» и затем в газете «Правда», печатается пресловутая поэма Демьяна Бедного «Евангелие без изъяна апостола Дамиана». Это грязное произведение продажного писака было затем отпечатано отдельной книгой и широко распространялось по всей России. Эта «поэма», беспомощная и злобная, пыталась доказать, что Христос был нравственно нечистоплотной личностью. Мало известное религиозным людям, которые не интересовались «творчеством» Демьяна Бедного, это произведение вызвало негодование в тогдашних литературных кругах. Для настроения тогдашней интеллигенции характерен «Ответ на Евангелие Демьяна Бедного», принадлежащий перу неверующего автора и приписывавшийся Сергею Есенину. Этот «ответ» начал ходить по рукам сразу же после появле-

ния «Евангелия без изъяна», проник в самые широкие массы и стал более популярен, чем само «произведение» Демьяна Бедного.

Приводим полностью это «нелегальное» стихотворение:

Ответ на Евангелие Демьяна Бедного.

Я часто думаю, за что Его казнили,
 За что Он жертвовал Своею головой,
 За то ль, что, Враг суббот, Он против всякой гнили
 Отважно поднял голос Свой!
 За то ли, что в стране проконсула Пилата,
 Где культом кесаря полны и свет, и тень,
 Он с кучкой рыбаков из бедных деревень
 За кесарем признал лишь силу злата.
 За то ли, что, Себя на части разрывая,
 Он к горю каждого был милосерд и чуток
 И всех благословлял, мучительно страдая,
 И маленьких детей, и грязных проституток.
 Не знаю, но в евангелии твоём
 Я не нашел, Демьян, правдивого ответа,
 В нем много бойких слов, ах, как их много в нем,
 Но есть ли хоть одно, достойное поэта?
 Я не из тех, кто признает попов,
 Кто безотчетно верит в Бога,
 Кто лоб свой расшибить готов,
 Молясь у каждого церковного порога.
 Я не люблю религии раба,
 Покорного от века и до века,
 И вера у меня в чудесное слаба,
 Я верю в знания и силы человека.
 Я знаю, что, стремясь по чуждому пути,
 Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
 Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
 Воистину к божественным пределам.
 И все ж, когда я в «Правде» прочитал
 Неправду о Христе блудливого Демьяна,
 Мне стало стыдно так, как будто я попал
 В блевотину, изверженную спьяна.
 Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос,
 Сократ – все миф. Мы это понимаем.
 Но все-таки нельзя ж, как годовалый пес,
 На все и вся захлебываться лаем.
 Христос – Сын плотника – когда-то был казнен,
 Пусть это миф, но все ж, когда прохожий
 Спросил Его: «Кто Ты?» – ему ответил Он:
 «Сын человеческий», – и не сказал: «Сын Божий».
 Ты испытал, Демьян, всего один арест,
 И то скулишь: «Ах, крест мне выпал лютый!»
 А что ж, когда б тебе голгофский дали крест
 Иль чашу с едкою цикутой?
 Хватило б у тебя величья до конца

В последний час, по их примеру тоже,
 Благословлять весь мир под тернием венца
 И о бессмертии учить на смертном ложе?
 Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил
 И не задел Его своим пером нимало,
 Разбойник был, Иуда был,
 Тебя лишь только не хватало.
 Ты сгустки крови у креста
 Копнул ноздрей, как жирный боров,
 Ты только хрюкнул на Христа,
 Ефим Лакеевич Придворов.
 Но ты свершил двойной тяжелый грех
 Своим дешевым, балаганным вздором,
 Ты оскорбил поэтов вольный цех
 И малый свой талант покрыл большим позором.
 Ведь там, за рубежом, прочтя твои стихи,
 Небось злорадствуют российские кликуши:
 «Еще тарелочку Демьяновой ухи,
 Соседушка, мой свет, пожалуйста, откушай».
 И русский мужичок, читая «Бедноту»,
 Где «образцовый» стих печатался дуплетом,
 Еще сильнее потянется к Христу,
 А коммунизму мат пошлет при этом.

Это стихотворение до сих пор имеет хождение среди читающей публики, хотя вряд ли кто-нибудь из современной молодежи имеет какое-нибудь понятие о злосчастном произведении Демьяна Бедного.

Широкая молва до сих пор приписывает это стихотворение С. А. Есенину. Техническое несовершенство вышеприведенного стихотворения и несколько тяжеловатый дактиль говорят как будто против этого предположения. Однако обилие характерных есенинских интонаций (например, первая и третья строфы) и не менее характерная для Есенина стилизация стиха под размер Демьяна Бедного (сравним другие стихотворения, посвященные Демьяну Бедному, которые имеются в собрании сочинений С. Есенина) говорят в пользу этого предположения.

В пользу этого предположения говорит также весь нравственный и идейный облик покойного поэта. Человек мятущийся и раздвоенный, Сергей Есенин всегда был близок к религии, хотя, конечно, он отнюдь не был ортодоксальным верующим человеком. В эти, последние, годы своей жизни (его самоубийство последовало 28 декабря 1925 года) он неожиданно начинает читать В. С. Соловьева. Прочтя его «Чтение о богочеловечестве», Есенин сказал одному из своих близких людей: «Если бы я разделял какую-нибудь философию – это была бы философия В. С. Соловьева. Но я – поэт, и мне не нужно никакой философии».

*

После смерти патриарха церковная смута, которая как будто несколько утихла в 1924 году, разгорелась с новой силой.

Согласно патриаршему завещанию, в качестве первого кандидата на пост временного главы Русской Церкви назывался митрополит Кирилл.

Это имя, конечно, не случайно возглавляло список возможных кандидатов. Это была действительно наиболее крупная личность из числа тогдашних иерархов.

Митрополит Кирилл (в миру – Константин Смирнов) родился в 1862 году. По окончании Духовной семинарии и Академии, женившись, о. Константин становится священником петербургской Воскресенской церкви «Общества трезвости» (у Варшавского вокзала). Уже в это время (в 90-е годы) он проявляет себя как энергичный и деятельный пастырь – проповедник и администратор. После смерти жены, приняв монашество, он принимает имя Кирилл. Это имя было дано новому иноку по его усиленной просьбе. Учитель Славянский, отважный и неутомимый миссионер, являлся любимым святым энергичного священника. В 1907 году, по инициативе митрополита Антония, вновь постриженный иеромонах был рукоположен во епископа Нарвского – викария Петербургской епархии. Будучи епископом Нарвским, владыка Кирилл часто служит и проповедует в эти годы в Александро-Невской Лавре. К числу его неоспоримых заслуг принадлежит введение общенародного пения.

В 1910 году владыка Кирилл был назначен епископом Тамбовским и Борисоглебским.

Деятельность епископа отличается рядом своеобразных особенностей: человек консервативных, монархических убеждений, епископ Кирилл никогда не был, однако, человеком одиозным: он никогда не примыкал к черносотенцам, никогда не одобрял никаких погромных настроений, никогда не разрешал никаких эксцессов.

Большую часть своего времени он посвящал объездам своей обширной епархии. При этом он охотно посещал сельские храмы, заглядывая в самые медвежьи уголки. Обычно епископ «налетал» на село внезапно, к большому смущению местного духовенства, приезжая всегда в тот момент, когда его не ждали. Войдя в храм, владыка смотрел на местный образ Спасителя и громко читал слова, написанные на раскрытом Евангелии, которое держал на иконе Христос. С этих слов начиналась импровизированная проповедь. Темы проповедей епископа Кирилла также резко отличались от обычных проповедей тогдашних иерархов. Чувствовалось хорошее знание народной жизни: пьянство, матерщина, предубеждение против грамотности и школьного обучения – вот тот круг тем, которые затрагивал в своих речах владыка. Просвещение народа в духе Православной Церкви – такова была его главная жизненная цель.

Человек волевой и строгий, он был очень требователен к духовенству – требовательность его, однако, была разумной. Он был нетерпим ко всякой небрежности во время богослужения: стоило ему заметить, что два диакона разговаривают друг с другом в алтаре, – и сразу их имена появ-

лялись в приказе по епархии с опубликованием в «Тамбовских епархиальных ведомостях».

Человек живой, практичный, чуждый рутины, епископ Кирилл порой умел находить своеобразный, оригинальный выход из положения. К числу интересных идей епископа надо отнести телефонизацию собора. Происхождение этой идеи таково: владыка узнал о том, что несколько тяжело больных прихожан не могут посещать богослужения. И вот по распоряжению Преосвященного у них на квартирах были установлены телефоны. Поскольку телефонные аппараты были установлены и в соборе, таким образом, больные, лежа в постели, могли по телефону слушать службу.

Хорошо зная, как бывший приходский священник в районе, населенном питерской беднотой, что такое нужда, – епископ занимался широкой благотворительностью. Монархист по убеждениям, владыка обладал независимым и смелым характером, и, может быть, поэтому его не жаловали при дворе. Впрочем, он и не искал у сильных мира сего, будучи целиком погруженным в дела своей епархии.

В 1914 году, перед войной, по инициативе епископа Кирилла было совершено прославление мощей св.Питирима, первого епископа Тамбовского, – и владыка был возведен в сан архиепископа.

После февральской революции архиепископ Кирилл – один из самых деятельных отцов Поместного Собора. Он, в частности, возглавляет делегацию от Собора к А.Ф.Керенскому и излагает ему требования Церкви о восстановлении патриаршества. Избранный на Соборе членом Синода, архиепископ в конце 1917 года назначен митрополитом Тифлисским и Бакинским. Патриарх и Синод рассчитывали на то, что митрополит Кирилл сумеет с присущей ему твердостью и практическим умением разрешить сложные проблемы, связанные с автокефалией грузинской Церкви.

Митрополиту Кириллу не пришлось, однако, выехать в свою новую епархию, так как Кавказ оказался отрезанным от Москвы в первые же дни после Октябрьской революции. В 1918 году владыка Кирилл был переведен на Казанскую кафедру.

Впрочем, в советское время митрополиту Кириллу не пришлось святительствовать: на протяжении 23 лет (он умер в 1944 году) он почти не выходил из тюрем и лагерей. Смерть патриарха застала его в Коми-Зырянской республике, в ссылке.

Вскоре митрополит был доставлен в Москву – к Тучкову. Евгений Александрович был очаровательно любезен с митрополитом: он выразил надежду, что судьба митрополита вскоре изменится. Заявил, что он несколько не сомневается в том, что говорит с будущим патриархом, заговорил затем о «легализации» Церкви (под этим термином подразумевалась тогда подконтрольность Церкви органам власти).

«Евгений Александрович, – спокойно сказал митрополит Кирилл, – вы не пушка, а я не снаряд, чтобы мной стрелять в Православную Церковь». – «Конечно, конечно! Вы очень остроумны», – ответил Е.А.Тучков.

Затем, простившись с митрополитом, Е.А.Тучков проводил его до передней. В тот же день митрополит Кирилл был возвращен на место ссылки. Больше он не увидел свободы никогда.

Изложив этот знаменательный эпизод, о котором мы знаем со слов одного священника, лично близкого митрополиту (священник о.Николай Пульхеридов, умер в 1969 г.), считаем необходимым рассказать о дальнейшей жизни митрополита.

После появления у кормила Церкви митрополита Сергия митрополит Кирилл резко разошелся с ним во взглядах. Он, однако, никогда не был в расколе. Его установка была следующая: порываю с митрополитом Сергием и лично с ним в евхаристическом общении не нахожусь и главою Церкви его не признаю; однако не порываю общения с подведомственным ему духовенством, которое ни в чем не повинно. На этой позиции митрополит Кирилл остался до самого дня своей смерти, которая последовала в 1944 году в казахстанских лагерях.

Характеристику второго кандидата на пост патриаршего местоблюстителя, митрополита Агафангела, читатель найдет в первом томе нашего труда. В 1925 году митрополит все еще отбывал ссылку в Нарымском крае. К нему Е.А.Тучков даже не обращался: он никак не мог ему простить его знаменитого воззвания, написанного в июне 1922 года (об этом смотри также в первом томе нашего труда).

Не радовал Тучкова также и третий кандидат – митрополит Петр, со вступлением которого в должность патриаршего местоблюстителя волей-неволей пришлось примириться. С самого начала митрополит Петр отказался говорить о «легализации». Между тем «легализация» Церкви была в это время главной заботой Тучкова.

Под «легализацией» тогда подразумевали «регистрацию» общин, архиереев и священнослужителей, то есть фактическое полновластное хозяйничанье в Церкви безбожников, которые могли налагать вето на любого священнослужителя, – словом, тот безобразный, антиконституционный и противоестественный порядок, который существует и в наши дни. (См.: Диалог с церковной Россией. – Париж, 1967, с. 87-113.)

Митрополит Петр также занял непримиримую позицию по отношению к обновленцам. Обновленческая церковь между тем в это время консолидировалась и приняла тот вид, в котором она просуществовала затем двадцать один год до своего исчезновения.

*

Обновленческая церковь по количеству своих чад, разумеется, сильно уступала патриаршей Православной Церкви, однако также представляла собой многочисленную, мощную организацию.

«В ведении Священного Синода РПЦ к 1 января 1925 года находилось 92 епархии, – гласит официальный отчет Синода. – Соответственно гражданскому делению Союза ССР, Православная Церковь в администра-

тивном отношении разделялась на составные части, имевшие различную степень самоуправления. Составные части следующие: собственно Российская Православная Церковь, Украинская Церковь, Сибирская Церковная область, Дальневосточная Церковная область. Все эти части единой Российской Церкви имели свои высокие административные органы, находившиеся в каноническом подчинении Священному Синоду РПЦ. Во главе Украинской Церкви стоял Всеукраинский Священный Синод во главе с Высокопреосвященным Пименом, митрополитом Харьковским, имевший права автокефалии по положению, утвержденному Всероссийским Предсоборным Совещанием 1924 года с незначительными ограничениями.

Во главе Белоруссии стоял Белорусский Священный Синод во главе с митрополитом Владимиром Могилевским. Во главе Сибирского Областного Церковного Управления – Сибирский Областной Церковный Совет (СОПП) в городе Новониколаевске с митрополитом Сибирским во главе.

Во главе Дальневосточной области – Дальневосточный Областной Церковный Совет под председательством архиепископа Василия (Хабаровск).

Белорусский Святейший Синод, СОПС и ДВОПС – управляли на основании положения о митрополитанских управлениях, утвержденных тем же Предсоборным Совещанием 1924 года.

В ноябре 1924 года на юге России был организован новый митрополитанский округ из 9 епархий Северо-Кавказской области.

92 епархии по составным частям Православной Церкви на территории СССР распределялись следующим образом:

1. Россия 57 епархий
2. Америка 1 “
3. Украина 9 “
4. Белоруссия 4 “
5. Сибирь 16 “
6. Дальневосточная область . . 5 “

В указанных 92 епархиях существует 95 викариатств: в России – 52, Америке – 1, Белоруссии – 1, Сибири – 9, Дальневосточной области – 4, Северо-Кавказской области – 7.

В 92 епархиях и 95 викариатствах в ведении Священного Синода находится 167 епископов, состоящих на службе, один митрополит – апологет – благовестник Александр (Введенский) и 8 епископов заштатных.

В ведении Свящ. Синода в России (с Сев. Кавказской областью) и Собора находится церквей – 10 049 (Россия – 8 389, Сибирь – 1 650), монастырей – 19, священников – 9 378 и диаконов – 187.

По епархиям:

	Церкви	Епископы	Свящ-ки	Диаконы
1. Америка	33	1	35	2
2. Астраханская	44	1	52	12
3. Архангельская	85	1	78	9

4. Брянская	83	1	115	25
5. Бакинская	16	1	28	4
6. Вологодская	167	2	186	78
7. Воронежская	746	7	818	146
8. Владимирская	390	4	440	30
9. Вятская	137	2	183	53
10. Велико-Устюжская	139	1	146	27
11. Владикавказская	85	2	95	21
12. Донская	312	2	329	30
13. Джентсуйская	119	1	99	10
14. Екатеринбургская	163	1	178	29
15. Иваново-Вознес.	86	1	88	10
16. Кубано-Черноморс.	482	2	679	157
17. Калужская	83	1	86	2
18. Курская	323	2	335	112
19. Казанская	320	2	350	15
20. Костромская	15	3	21	18
21. Курганская	115	1	115	3
22. Московская	95	5	163	13
23. Нижегородская	61	1	73	31
24. Новгородская	20	2	35	5
25. Олонецкая	110	1	114	—
26. Оренбургская	74	2	сведений нет	
27. Орловская	388	3	478	120
28. Ленинградская	74	4	80	35
29. Пензенская	78	2	125	20
30. Псковская	15	1	сведений нет	
31. Ростов-на-Дону	56	1	100	81
32. Рязанская	49	1	62	21
33. Саратовская	224	1	270	14
34. Смоленская	386	3	438	99
35. Ставропольская	55	1	88	20
36. Ульяновская	309	3	315	29
37. Самарская	190	2	164	45
38. Таврическая	55	1	сведений нет	
39. Тульская	709	1	824	134
40. Тверская	16	2	17	—
41. Туркестан	111	1	120	17
42. Тифлисская	40	—	40	—
43. Таганрогская	36	1	50	18
44. Уральская	35	1	40	5
45. Уфимская	124	2	135	25
46. Царицынская	299	1	394	63
47. Череповецкая	106	1	106	—

48. Ярославская	7	1	10	3
49. Ирбитская	115	1	120	27
50. Чувашская	159	2	160	18
Итого:		94	9378	1871

Сибирь:

1. Алтайская	127	1	129	14
2. Бийская и Ойратская	77	1	67	–
3. Иркутская	101	5	101	15
4. Ишимская	77	1	82	–
5. Каменская	56	1	52	12
6. Курган-Камская	68	1	78	9
7. Красноярская	263	2	317	42
8. Новониколаевская	91	1	124	19
9. Омская	111	2	81	–
10. Семипалатинская	142	1	144	20
11. Тобольская	10	1	12	1
12. Томская	227	2	245	28
13. Тюменская	17	1	18	2
14. Челябинская	212	3	220	80
15. Петропавловская	81	2	81	–
Итого:	1650	25	1679	254

✓ Что из себя представляла эта многочисленная армия обновленческих священнослужителей?

Мы знаем, что среди обновленцев было много недобросовестных людей – карьеристов, стяжателей, агентов ОГПУ. Глубокой ошибкой было бы, однако, считать, что таких было большинство. Большинство обновленческих священников были честными верующими людьми.

Среди них были люди, попавшие в обновленчество случайно – было, однако, и немало идейных обновленцев.

Как признают все, без исключения, беспристрастные наблюдатели, материальное положение низшего духовенства в обновленческой церкви было в большинстве случаев совершенно невыносимым: бойкотируемое местным населением, обложенное налогами, превосходящими заработок, обновленческое духовенство вело жалкое, полуголодное существование, служило в холодных, полуразвалившихся церквях, непрестанно подвергалось оскорблениям со стороны фанатиков староцерковного и антирелигиозного лагеря. На этом жалком фоне особенно выделялись откормленные, упитанные фигуры священников-богатеев, обычно связанных с ОГПУ. Однако, подчеркиваем, их было ничтожное меньшинство, и нельзя по ним судить обо всем многочисленном обновленческом духовенстве.

«Я готов плакать от того, что вижу здесь вас, собравшихся вместе, потому что я видел, как вы работаете... – говорил А.И. Введенский в своем

заключительном слове на Соборе 1925 года. – Знаю, как епископы обедают по одному разу в три дня, знаю, как священники живут на 10 рублей в месяц. Когда вижу епископов, работающих, седовласых, которым подносятся злословия, когда гляжу на мирян, постигнувших ценность обновления Церкви, я им всем поклоняюсь. (Кланяется Священному Собору в ноги и встает.) В этом наша сила моральная и это радость свободной Православной Церкви». (Церковное обновление, 1925, № 15–16, с.128.)

«Обновление выявило героев даже в глухих уголках, – говорил А.И.Введенский в другом месте, – во Владимире, в Череповце и в других местах, откуда приходили ко мне священники и диаконы пешком за 30-40 верст.

Жуть берет: вот идет диакон Иванов. Тихоновцы изгнали его из прихода. Все у него отнято. Нет у него хлеба, одна картошка, нет керосина, за 4 месяца один раз пил чай в праздник Рождества Христова. Все продано. Осталась одна рубашка, в ней и ходит. Одна женщина сжалилась и подарила ему другую. Он – в лаптях, в одном подряснике, пришел из деревни на диспут, чтобы послушать и порадоваться, как развивается наше обновление. Издевается над ним кулачье, а он стоит, горит огнем. Тихоновцы издеваются тоже: «Иди к нам, и все у тебя будет: и рубашка, и обувь, и кусок хлеба». Если что его и вооружило, так это правда в нашем обновлении...» (Церковное обновление, 1925, 2 апреля, № 5, с. 35–36.)

Многие читатели нашего труда отнесутся к этим строкам с недоверием: они скажут, что вождь обновленчества преувеличивает. Заодно заподозрят в тенденциозности и авторов, про одного из которых хорошо известно, что он был обновленческим диаконом.

Обратимся поэтому к беспристрастному свидетелю.

Вот перед нами рассказ советского (умершего в 1963 г.) талантливого и, безусловно, честного писателя Всеволода Вячеславовича Иванова «Счастье епископа Валентина», вышедший в 1928 году. В этом рассказе неверующий писатель, которого трудно заподозрить в каком-либо пристрастии к обновленцам, изображает захолустного обновленческого епископа (одного из тех 95 викариев, о котором говорится в официальном отчете Синода).

✦ Епископу Валентину (умилявшему граждан молодой своей малостью, от которой казалось, что голос епископа звучит как бы во вчерашнем дне) председатель церковного совета Трифон Николаевич Архипов сообщил, что паства, собрав последние крохи и скорбя сердцем за епископа, жившего у мужика, отремонтировала светелку, где ранее помещалась ризница...

Паства уважала епископа, епархия была маленькая, недавно образованная: в церковном центре не знали, что уездный городишко вот уже полгода превращен за ненадобностью в волость. Добро, если епархия насчитывала полтора десятка сел. Все же епископ приехал в епархию свою с радостью, исполненный надежд и любви. Дело в том, что уже как год

епископ полюбил девушку, назовем ее Софьей, – ничего в ней, отделяющего ее от толпы других девушек, не было...

Каждый день епископ Валентин писал ей письма, длинные, со вздохами, со следами слез и с подписью в конце каждой страницы: «продолжение на обороте».

Шапка епископа, высокая, потертая, из поддельного котика, была починена ее руками. Епископ тихо любовался неровно лежащими синими нитками, привык за последнее время часто снимать шапку: перевернет ее в тонких и белых ладонях, вдохнет холодный и необозримо широкий воздух пустынного городка, – печальные мысли все чаще и чаще посещали его голову».

Таков образ обновленческого епископа. Далее писатель необыкновенно правдиво рисует быт обновленческого духовенства.

«А от него требовалось, – читаем мы далее, – постоянно мыслить, что он – епископ Валентин, слуга Бога и Живой Церкви, борется с тихоновщиной в своей крошечной епархии; что епархии такие крошечные открывают для прельщения глупых и неразумных чад блеском архиерейского служения. Хлеб и паства доставались с трудом: даже песнопения из великих церковных композиторов надо было назначать с выбором, ибо постоянно стоял возле хора агент, бравший налог за исполнение песнопений, а миряне в кружку опускали мелкие монеты, и больше всего раздражало, что вот уже год, но каждый день в кружке находят николаевский даугривенный и никак не удавалось уследить, кто так озорничает, и кроткая радость медленно угасала в нем...

Архипов, берясь за выпачканную известкой скобу низенькой двери, воскликнул:

– Нам ли, ваше преосвященство, не понимать ваших мучений. Живете вы у мужика, спите на досках, у Митрия клопов-то, поди, больше гвоздей, Господи!..

Митрий, квартирохозяин епископа, был сапожник, и клопов, действительно, было много. Помимо клопов, епископа мучила духота: кроме Митрия, в комнате спало трое детей, телянок, стояли вонючие кадушки с огурцами и капустой. Митрий, сутулый, с грудной жабой, сильно некрасивый, настаивал перед епископом и перед Живой Церковью, чтобы требовали христиане уничтожения икон. «Больно святые ликами прекрасны», – озлобленно хрипел он. Тоже, должно быть, любви в своей жизни не встретил...

Епископ смущенно осмотрелся... Он с умилением думал, что вот: собор дряхл, служат в одном зимнем притворе, через весь притвор тянется к алтарю ржавая труба железной печки, и ладану никак не удается осилить запах сырых дров, а колокол гремит так, будто ему надо сзывать тысячную паству».

И заключительный взгляд на епископа: «Он глядел на епископа – и тоже ничего не замечал в нем: не замечал острого, усталого лица, красных, пухлых век, длинного пальто с отрепанными рукавами и шапки в

руках, шапки, снятой, несмотря на мороз, и на то, что волосы у попа жидкие, серые... Шея епископа, закутанная грязным оренбургским платком, казалась необычно длинной, а голова (все от того же пухлого платка) испуганной и больной». (Иванов В.В. Счастье епископа Валентина. Сб. рассказов. Госиздат, 1928.)

Кроме материальной нужды*, обновленцам порой приходилось страдать от эксцессов фанатичной толпы: масса, инстинктивно чувствующая неправду, лежащую в основе обновленческого раскола, но совершенно бессильная разобраться в сложной ситуации, обычно срывала свой гнев на первых попавшихся людях. На этой почве порой происходили бурные инциденты. Об одном из таких инцидентов рассказывает А.И.Введенский в своей речи на пленуме Священного Синода:

«В Череповце сокрушали и черепа, – говорит он. – В прошлом сентябре 1924 года по улицам Тихвина началась охота тихоновцев за двумя обновленцами, охота, в буквальном смысле этого слова. По внушению тихоновского епископа, указаны были, как предмет облавы, священник Борисов и священник Мальцев. Начали их бить. Вся толпа в 500 человек, в буквальном смысле, била их. Оба священника бежали по полю около монастырских стен... Один священник засунул свою голову в частокол, чтобы сохранить ее от проломов, а свое тело предоставил побоям. Мальцев поехал с забинтованной головой». (Церковное обновление, 1925, №6-7, с.36.)

Если отбросить ссылку на «тихоновского епископа», якобы подстрекавшего людей, что совершенно неправдоподобно, то картина представляется близкой к действительности. Впрочем, А.И.Введенский говорил со знанием дела: ведь он сам подвергся избиению в Минске, куда он поехал сразу после архиерейской хиротонии.

«Приехал я в Минск, – рассказывал он однажды. – В воскресенье должен я служить в соборе. Утром говорит мне местный архиерей: «Владыко! Служить невозможно – толпа возбуждена, помолитесь дома». Я отвечаю: «Владыко! Как старший по сану, прошу вас служить – и сам непременно буду служить». Иду в собор, навстречу – разъяренная толпа. Кричит мне: «Какой ты архиерей?» Говорю: «А чем я не архиерей?» – «А какой ты архиерей, у тебя на груди икона, а не крест!» Ну, думаю, что говорить с дураками – пошел напролом. Ну, тут и дали мне жару...»

В других случаях А.И.Введенскому приходилось вести словесную дуэль. Он парировал словесные удары мастерски. «А где же ваш белый клобук, отец Александр – вы его потеряли?» – с таким вопросом подошла к нему однажды женщина на одной из ленинградских улиц (это было в 1933 году – мы шли с ним по Верейской улице, и А.И.Введенский был одет в модный однобортный пиджак). «Лучше, милая, без клобука, чем со злобой в сердце», – не задумываясь ни на минуту, без запинки ответил он. «Как вам не стыдно, товарищ Введенский, забирать наши церкви?» – с таким вопросом обратились однажды к А.И.Введенскому при выходе из храма три хорошо одетые девушки. «Извините, я не знал, что вы митропо-

литы», – последовал мгновенный ответ. «Как митрополиты?» – «Я митрополит, и мои товарищи – митрополиты».

Один из пишущих эти строки сам стал однажды объектом язвительного остроумия А.И.Введенского, сказав однажды с мальчишеской резкостью: «Недаром народ так не любит попов. Что может быть хуже попа?» – «Дьяконы некоторые, которые осуждают старших», – не глядя на автора, быстро ответил Александр Иванович.

*

«Священный Синод слушал доклады с мест о деятельности тихоновцев, – говорилось в одном из синодальных циркуляров. – По докладам выяснено с очевидностью, не подлежащей никакому сомнению, что «смирные» тихоновцы-епископы:

1) врываются в православные храмы во время богослужения и, не взирая ни на что, произносят погромные речи, к великому смущению молящихся (город Симбирск);

2) захватывают православные храмы, врываясь в них с кучкой своих сторонников хитростью, обычно за час до звона и начала богослужения (г. Вольск);

3) в своих проповедях, уподобляясь псам лающим, изрыгают на тех, кто отдал все силы своего ума, громадного административного опыта, глубокого и всестороннего образования исключительно на дело спасения потрясенной до основания Церкви, такие хулы и клеветы, которые не могут иметь место ни в разуме, ни в совести самого простого, но действительного христианина (г. Рязань);

4) в своих распоряжениях доходят до такой дерзости, что сами, будучи только вчера, и притом незаконно, рукоположены, запрещают в священнослужении тех, которые рукоположены старейшими, сильнейшими, лучшими архипастырями Православной Церкви (город Новгород);

5) будучи сами, по меньшей мере, сомнительно благодатными, объявляют неблагодатными священнодействия тех, в благодатности, каноничности хиротонии коих никто, нигде и никогда до сих пор не сомневался (Москва);

6) наводняют всю нашу землю сотнями темных агитаторов, массу сбили десятками ложных воззваний со ссылками: или на несуществующих патриархов (Лазарь), или на никогда не получающиеся грамоты восточных патриархов (Петрозаводск);

7) бросают в темные массы средства или подкупают всякого рода дельцов для организации различных бесчинств (г. Воронеж);

8) при появлении своем везде и всюду производят такие смуты и волнения в дотоле мирном и спокойном населении, что долготерпеливой власти (гм! гм!) иногда приходится выселять из губерний этих новых «апостолов» мира и любви (гм! гм! почтеннейшие, как писал в таких случаях В.И.Ленин);

9) величайших контрреволюционеров-эмигрантов – Платона, Антония, Евлогия, Анастасия – благословляют управлять русскими православ-

ными церквями за границей* и, следовательно, вести известную политику;

10) больше чем когда-либо теперь стало видно и ясно, что «тихоновцы» ведут русский народ на кровавую Голгофу, хотят утопить русскую землю в море новых слез и страданий, развеять ее новыми пожарищами и уничтожить остатки народного достояния.

Постановили:

1) Относиться к своим недалновидным противникам с христианской кротостью и долготерпением.

2) Отвечать на хулы и клеветы их усердной молитвой за них.

3) Всякие их запрещения, распоряжения и назначения считать совершенно недействительными и ни для кого, и ни в какой мере и степени обязательными.

4) Окончательное суждение о каноничности «тихоновских» епископов и священников, более чем сомнительных по своей каноничности, иметь на предстоящем Соборе.

5) Сбитых с толку духовенство и народ всемерно звать к единению со Священным Синодом, который поставил своей задачей спасти Русскую Церковь, давши ей возможность благополучно существовать среди новых создавшихся условий жизни. По выяснившимся несомненным данным, в настоящее время один только Священный Синод может вывести Церковь на путь мирного и плодотворного устройства всей нашей церковной жизни, только соборный разум спасет Церковь, но не монархический». (Самарские епархиальные ведомости, 1924, апрель, № 1, с. 11.)

Бессильная злоба, которой проникнуты вышеприведенные строки, принадлежащие, видимо, митрополиту Евдокиму, вполне понятна: в провинции обновленцев буквально сживали со света. Даже в тех храмах, в которых они как будто прочно укоренились, всегда следовало ждать каких-либо сурпризов.

Так, например, в Троицком соборе г. Клина, находившемся в руках обновленцев в течение двух лет, вдруг однажды, после обедни, хор грянул многолетие патриарху Тихону и местному «тихоновскому» епископу Гавриилу, — и никакими мерами нельзя было запретить хору делать это и в дальнейшем. Так продолжалось в течение полугода.

«В мае текущего года Троицкий собор перешел в ведение обновленческой общины, канонически подчиненной Священному Синоду Православной Российской Церкви. Этот переход разразился (?) целую бурей благородного и неблагородного негодования по адресу обновленцев. На них вылиты так много грязи, что ни единого чистого, казалось, не осталось», — писал клинский обновленческий деятель прот. Фаворский. (Вестник Клинского викариального управления, 1924, 13 октября, с. 4–9.)

*

В резком контрасте с захудалой жизнью обновленческих провинциалов находилась жизнь обновленческих верхов в Москве. Храм Христа Спаси-

теля, являвшийся в это время главным религиозным центром обновленчества, придавал помпезность торжественным богослужениям.

Священный Синод находился по-прежнему в Троицком подворье. По инициативе митрополита Евдокима Синод превратился в солидное учреждение со сложной бюрократической структурой, представлявшей собой причудливую смесь старого синодального устройства со структурой ЦК ВКП (б). Священный Синод разделялся на Президиум Синода и Пленум.

Президиум Синода до января 1925 года состоял из 8 человек (Политбюро ЦК также состояло из 8 человек).

В состав Президиума входили: митрополит Евдоким Одесский и Херсонский – председатель. Члены: митрополит Ленинградский Вениамин, архиепископ Владимирский, потом, митрополит Московский и Северо-Кавказский Серафим, митрополит Александр (Введенский), епископ Георгий (Добронравов), прот. П.Н.Красотин, протодиакон С.А.Добров, мрянин А.И.Новиков.

Кроме Президиума, в Синоде был еще Пленум, собиравшийся два раза в год.

Членами Пленума являлись: митрополит Александр Введенский, митрополит Петр Блинов, епископ Георгий Добронравов, протоиерей Красотин, протоиерей А.И.Боярский, архиепископ Петр Сергеев, архиепископ Сергей Беляев (Томский), прот. Д.А.Адамов, протодиакон С.А.Добров, архиепископ Алексей Диаконов (Смоленский), прот. С.Коварский, прот. П.В.Раевский, митрополит Николай Федотов (Ташкентский) и профессор А.И.Покровский.

При Синоде функционировало 6 отделов: иностранный – под председательством митрополита Евдокима, административный – под председательством митрополита Серафима, миссионерский – под председательством митрополита Вениамина, просветительный – под председательством митрополита Александра (Введенского), церковно-юридический – под руководством епископа Георгия, хозяйственный – протоиерея П.Н.Красотина.

Канцелярия возглавлялась также прот. П.Н.Красотиным, который сменил слишком скомпрометировавшего себя своими «перелетами» из одной группировки в другую А.И.Новикова.

Красой и гордостью обновленческой Церкви являлась Московская богословская академия.

Официальное открытие Московской богословской академии, занимавшей в Троицком подворье две комнаты, состоялось 6 декабря 1923 года. Это открытие вряд ли могло бы произойти, если бы не щедрая помощь американского епископа Нильсена, собравшего средства со своей паствы – несколько десятков тысяч долларов – в пользу Московской академии. Ректором Академии был епископ Георгий (Добронравов). Вскоре его сменил сам А.И.Введенский.

Профессорский состав Академии состоял из: митрополита Евдокима, читавшего курс «Теория проповеди» и греческий язык.

Митрополита Александра, читавшего курс «Сущность и философское обоснование христианства».

Епископа Георгия – «Священное Писание Нового Завета».

Проф. Н.Г.Попова – «История христианской Церкви».

В.В.Шаповалова – «Гомилектика».

Проф. Юл.Фед.Геккер – «Христианская этика и социология».

Прот. П.Н.Красотина – «Практика проповеди».

Преподавательницы М.Н.Богословской – немецкий язык.

1 октября 1924 года начался второй учебный год. Профессорский состав значительно увеличился, были введены курсы:

«История Русской Церкви» – проф. В.З.Белоликов.

«История религий» – епископ Антоний Семигановский.

«Западные исповедания» – арх. Михаил Попов.

«Догматическое богословие» – А.И.Вознесенский.

«Экзегетика» – П.В.Богословский.

Таким образом, Богословская академия насчитывала 13 преподавателей. Эта цифра приобретает особую пикантность, если учесть, что студентов было всего 24 да 2 вольнослушателя. Правда, в 1924 году было подано 53 прошения и принято 47 человек. Однако большинство принятых не смогли приехать в Москву из-за отсутствия средств.

Не лучше обстояло дело в Ленинградском богословском институте, который начал функционировать в 1924 году в бывшем помещении Общества религиозного просвещения в духе Православной Церкви на Стремянной улице. В Ленинградском богословском институте обучалось 25 человек (из них 17 мужчин и 8 женщин). Количество преподавателей в Ленинградском институте было значительно меньше, чем в Московской академии.

Апологетическое богословие здесь читали Н.Ф.Платонов и И.Д.Халонов; Священное Писание – прот. Н.Ф.Платонов; историю Церкви – Б.В.Титлинов; христианскую этику – прот. П.В.Раевский; практическое богословие – А.И.Боярский; патрологию – Е.И.Запольский; «Церковь и государство» – Д.Ф.Стефанович.

Ректором Ленинградского богословского института был прот. П.В.Раевский.

Что сказать о преподавании? Оба учебных заведения скорее напоминали студии свободных художников. Религиозные люди с самой разнообразной подготовкой – парни в возрасте от 19 до 27 лет – студенты подрабатывали тем, что чистили трамвайные пути, кололи дрова, мыли посуду в ресторанах. Каждый парень мнил себя будущим Лютером или на худой конец А.И.Введенским и сочинял потрясающие проекты церковных реформ. Почти все говорили о второй церковной революции. Об учебе думали мало – тем более, что никаких экзаменов и никаких зачетов в Академии не было.

Организаторы Академии больше всего боялись «семинарской схоластики» и в результате ударились в другую крайность: в обновленческой

Академии не столько преподавали, сколько читали лекции, причем читали их в таком духе, как когда-то в Религиозно-философском обществе в Петербурге.

Из поля зрения организаторов Академии выпали такие необходимые для будущих пастырей предметы, как литургика и церковный устав.

Результаты такого преподавания были самыми плачевными. «Псаломщика не могут выучить, ничего не знающих людей выпускают», – говорил одному из пишущих эти строки про обновленческую Академию почтенный ленинградский протоиерей.

Больше оснований для гордости давало обновленческим деятелям издательское дело: в годы нэпа обновленцам удалось возродить (с огромным трудом) религиозную прессу.

Официальным органом Обновленческого Синода считался «Вестник Священного Синода», выходивший в Москве под редакцией проф. Зарина. В журнале печаталось много апологетических статей, и он содержал в себе много ценного материала. Издававшийся в Москве в количестве 5000 экземпляров, журнал продавался в обновленческих храмах и обычно расхватывался немедленно после выпуска в свет.

Пожалуй, еще более содержательным был журнал «Церковное обновление», выходивший с 1924 г. по 1927 г. в Рязани под редакцией Михаила Попова и выпускавшийся также в количестве 5000 экземпляров.

История этого органа такова: когда в 1924 году на рязанскую кафедру был назначен бывший ленинградский vikарий Михаил Попов – старый петербургский священник-общественник, он задумал издавать там журнал. Не имея для этого средств, рязанский обновленческий владыка обратился за содействием к своему старому питерскому земляку и другу А.И.Введенскому. И вот А.И.Введенскому пришла в голову блестящая идея – превратить «Церковное обновление» в свой личный орган. С этого времени рязанский журнал становится одним из лучших церковных журналов послереволюционного времени. Не уделяя особого внимания вопросам богословия, журнал широко освещает церковную жизнь того времени: в этом отношении он является неоценимым пособием для истории церкви этого периода. Все статьи, печатавшиеся в этом журнале, отражают точку зрения А.И.Введенского. В этом журнале летом 1925 года была напечатана, в частности, его статья «Пастырство», чуть не повлекшая за собой раскол в Обновленческом Синоде.

Остальные печатные органы, выпускавшиеся в это время в провинции, носили эфемерный эпизодический характер: издание обычно прекращалось на втором или третьем номере за отсутствием средств.

В 1924 году в городе Владимире вышел тиражом 1000 экземпляров журнал «Церковная жизнь» под редакцией архиепископа Серафима Руженцова. Изданный на прекрасной бумаге, что было тогда редкостью, он содержал ценные документы, в нем, в частности, был в сокращении напечатан доклад А.И.Введенского на Предсоборном Совецании.

Значительно хуже отредактированы «Тульские епархиальные ведомости» (тираж – 1000 экземпляров), вышедшие в 1925 году под редакцией В.М.Никольского. Журнал невыразимо скучный, он почти весь наполнен указами епархиального управления о переводе священников и псаломщиков из одного прихода в другой.

Несколько иной характер носит «Ульяновский епархиальный листок», вышедший тиражом в 500 экземпляров под редакцией интеллигентного, энергичного архиерея Иоанна Никольского. Оформленный так, как в то время обычно оформлялись массовые агитлистки, журнал был испещрен броскими лозунгами, напечатанными жирным курсивом: «В единении – духовная сила Церкви!» (с.9)¹, «Хотите блага Церкви и себе, идите за Священным Синодом!» (с.13), «Забитое и обезличенное духовенство может встать на ноги только при помощи Синода» (с.11), «Ссоры и смуты церковные погубят нас» (с.20), «Объединяйтесь духовно вокруг Священного Синода, ибо он один на правильно-каноническом пути!» (с.21), «Бывший патриарх Тихон не спасет Церкви, им уже расшатанной» (с.23).

Дела журнала шли, однако, плохо. Второй номер запоздал на месяц – в начале сдвоенного номера 2–3 редакция вынуждена была обратиться к читателям с паническим призывом:

«От редакции.

Поддержите «Листок» своим сочувствием!

С этим призывом редакция обращается как к духовенству епархии, так и к сознательным верующим, а сочувствие с их стороны желает встретить в содействии распространению «Листка», в широком осведомлении о нем, в материальной помощи изданию и участию в нем своим бесплатным литературным трудом.

Редакция начала издание «Листка», располагая лишь незначительными средствами, в надежде, что понимающие и сознающие необходимость для епархии своего печатного органа сердечно отзовутся на это начинание и облегчат ей труд выполнения поставленной задачи тем или иным участием. Не откажите же в поддержке с большим трудом положенному изданию «Листка», существованию которого, как осведомительного по современным церковным вопросам печатного органа, весьма необходимо в настоящее время церковного развала».

Однако даже и столь красноречивый призыв не подействовал. Сдвоенный номер журнала «Ульяновский церковный листок» оказался последним.

Не пережил своего второго номера также и другой церковный журнал, издававшийся в Поволжье, «Самарские епархиальные ведомости», вышедшие в Самаре в 1924 году под редакцией пресловутого самарского обновленческого иерарха Александра Ильича Анисимова. Между тем этот журнал в свое время рекомендовался как образцовый: второй номер журнала открывается следующим отзывом митрополита Евдокима, содержа-

¹ Перифраза популярного в те дни лозунга потребительской кооперации: «В единении сила!»

шемся в письме на имя Александра Ильича: «Не нахожу слов, как мне благодарить Вас за дивное издание «Ведомостей». Вы так умело подобрали материал, что Ваше издание является прекраснейшим справочником по всем текущим вопросам». Трудно, впрочем, сказать, что именно привело в такой восторг владыку Евдокима: журнал не выходит за рамки обычного епархиального органа того времени.

Один из курьезов, которыми так обильна эпоха церковной смуты, является журнал «Вестник Клинского викариального управления», носящий следующий подзаголовок: «Церковный журнал. 13 октября 1924 г. Выходит два раза в месяц. Адрес: г. Клин, Красный тупик, 5». В действительности вышел только один номер тиражом в 340 экземпляров. Журнал открывается статьей, написанной высоким слогом, которая сильно напоминает пародию. Эта статья столь характерна для того, как преломлялась обновленческая фразеология в устах провинциального духовенства, что мы здесь приводим ее полностью.

«К читателям.

В тяжелую годину церковной смуты родилось Клинское викариальное управление. Родилось не от прелюбодеяния, а от законных родителей Собора 1923 года.

Как новорожденное, оно немногочисленно по числу единомышленников, но жизнеспособно. Здоровые соки очищенного от царского самодержавия православия и новая, открывающая необъятные горизонты, революционная деятельность, намечающая перелом общественного сознания в сторону признания правоты социальной революции, служат залогом мощного и здорового роста ВЦУ в будущем.

Ныне же оно, молодое, бодро одушевленное чувством жизнерадостности, не взирая на свою материальную слабость, выступает в виде печатного своего органа «Вестник». Вестник в толщу церковной жизни пойдет вестью о том, что для христианства после долгого застоя настала благоприятная пора раздуть в человеческих сердцах евангельский огонь и согреть стосковавшуюся о мире душу человека, подобно тому, как было в золотое время первохристианства.

Священное Писание, чистое православное учение, вместе с богатыми уроками протекшей истории и обильным революционным опытом, будут источниками нашего «Вестника».

Голос его будет громко слышен во обличение того христианства, которое, в утешение богатых, говорило красивые слова о бедности, мирно уживалось со всеми видами рабства и в качестве придворного поставщика давало самых покорных рабов. Цепи разбиты, но не убраны.

Долг христианина вместо рабских цепей образовать братский союз, разбитые же цепи перековать в серпы.

Дорогой читатель, пойдем с нами на общую работу трудящегося класса, который Христос с такой нежной любовью звал к Себе, говоря: «При-

идите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я упокою Вас» (расстановка заглавных букв сохраняется нами так же, как в журнале).

С Богом, в добрый путь!

Редакция».

Следует также упомянуть о попытке митрополита Евдокима наладить издание научно-богословского журнала «Христианин», а также о нескольких церковных журналах, издававшихся на Украине.

*

Важнейшим событием церковной политики был вынужденный уход с арены митрополита Евдокима. Уход был обставлен с максимальным соблюдением этикета: в 1924 году, после Предсоборного Совещания, митрополиту был предоставлен долгосрочный отпуск для «поправления здоровья». Январский пленум Священного Синода прошел без него. Однако он был избран «отсутствующим председателем», а митрополит Вениамин – действующим, и лишь на Пасху 1925 года было официально объявлено об уходе его на покой.

Главной причиной ухода митрополита Евдокима было, однако, все не «расстроенное здоровье». Главной причиной его ухода был первый (хотя и не последний) скандал с епископом Николаем Соловьем. Епископ Николай Соловей, явившийся впоследствии главным виновником гибели митрополита Петра, принадлежит к числу наиболее загадочных и наиболее темных фигур этого смутного времени. О начале его карьеры мы рассказали в 1-м томе нашего труда.

В 1923 году было решено послать епископа Николая за границу в качестве полпреда Обновленческой Церкви. Надо сказать, что кандидатура Николая Соловья появилась не сразу: вначале должен был поехать А.И.Введенский в Англию, чтобы занять там фантастическую кафедру митрополита Лондонского. На эту кандидатуру, однако, в последний момент было наложено вето. После этого предлагалось послать в Западную Европу делегацию в составе трех митрополитов: Евдокима, Вениамина, Александра. Этот проект также отпал. Наконец, Евдоким предложил кандидатуру Соловья – его предполагалось послать в Уругвай (гор. Монтевидео) с титулом епископа всея Южные Америки. В течение пяти месяцев кандидатура Николая Соловья внимательно «изучалась» соответствующими инстанциями. Наконец, в мае 1924 г. епископ выехал в Южную Америку. Тучков смотрел на поездку Соловья, как на интересный эксперимент: епископ-агитатор за дружбу с Советским Союзом – это было новое, оригинальное и пикантное кушанье. В то же время командировка Николая Соловья означала политический экзамен обновленцам. Ведь это был первый обновленец за границей. Как-то заговорит он там и будет ли проклинать капитализм, живя под властью капитала.

Увы! Новинка восточной кухни на этот раз оказалась неудачной. Не прошло и двух месяцев, как в Москву пришли самые неприятные сведе-

ния: «полпред» опубликовал за границей письмо, выдержанное в духе самой стопроцентной черносотенной идеологии.

В связи с этим положение Евдокима сильно пошатнулось: начали циркулировать слухи об его уходе.

В связи с этими слухами был разослан по епархиям циркуляр, в котором говорилось следующее:

«Председатель Священного Синода митрополит Евдоким остается на своем посту до тех пор, пока его не сменит, с общего согласия, более опытный руководитель церковной жизни. Не верьте никаким измышлениям и злоухищрениям наших противников, верьте только тому, что подтвердит Священный Синод, неослабно стоящий на страже ваших интересов и ведающий все точно и документально.

Положение Священного Синода, бывшее твердым и прежде, ныне стало незыблемым. Никто никогда не раскается, кто пойдет и идет за Священным Синодом, который готов отечески принять всякого, грядущего к нему. Славные исповедники Святой веры Христовой – бодрее и смелее смотрите в будущее.

Подлинный подписал:

*Председатель Священного Синода
митрополит Евдоким».*

(Церковная жизнь, 1924, № 2, с. 11.)

Одновременно начали обостряться отношения между митрополитом Евдокимом и А.И.Введенским. Установка митрополита Евдокима на водворение порядка в Церкви, на переговоры с патриархом и на полный отказ от каких-либо реформ, никак не соответствовала линии А.И.Введенского.

Наконец, 1924 год принес еще одно разочарование митрополиту Евдокиму: выяснился полный крах его надежды на соглашение с патриархом. Все это, вместе взятое, определило уход митрополита от активной деятельности.

Уйдя на покой, владыка поселился в Хосте: там он служил в небольшой церкви без диакона и даже без псаломщика; обходясь без старосты, он сам иной раз продавал свечи.

Еще худшие времена наступили для владыки в 30-е годы: небольшой храм, в котором он служил, был закрыт. Владыка вынужден был заняться подпольной юридической практикой – писанием исковых заявлений. Когда и эта возможность заработка отпала – местные судебные органы энергично запротестовали – митрополиту было предложено снять с себя сан, на что он, разумеется, не мог согласиться. Не пошел он также на примирение с Синодом.

В последние годы его жизни жители Хосты видели почтенного старца, который, сидя в городском сквере, торговал конфетами и пряниками. Это был митрополит Евдоким, когда-то известный в Русской Церкви своими барскими замашками.

Митрополит Евдоким умер в марте 1936 года. По странной случайности почти одновременно с ним умерли (на одной неделе) три его знаменитых современника: митрополит Арсений Стадницкий, епископ Андрей Ухтомский и бывший архиепископ Владимир Путята.

*

Митрополита Евдокима сменил на посту Председателя Синода митрополит Ленинградский Вениамин Муратовский – дряхлый, добродушный и почти впавший в детство старец. Вся власть отныне безраздельно сосредоточивалась в руках А.И.Введенского. Только один раз, летом 1925 года, имела место попытка убрать нового обновленческого диктатора. Нельзя сказать, чтобы Александр Иванович злоупотреблял властью, он даже не давал ее почувствовать: человек мягкий и слабохарактерный, А.И.Введенский охотно предоставлял распоряжаться другим, а сам «парил в эмпиреях», занимаясь высокими теориями.

Правда, в веселую минуту он иногда говорил, что «любит, чтобы ему льстили». Однако и к тем, кто ему не льстил, он никогда никаких мер не принимал и никогда не сводил ни с кем личных счетов. Он не принадлежал к мстительным и злопамятным людям, и даже когда отзывался о ком-нибудь дурно, тотчас прибавлял: «Впрочем, я это говорю в состоянии раздражения и, конечно, вероятно, по обыкновению, я не прав».

В конце января 1925 года в Москве был созван расширенный Пленум Синода, который должен был подготовить почву для предстоящего в октябре Поместного Собора. После слабого и бледного отчетного доклада прот. Красотина начались интересные выступления с мест. Во всех этих выступлениях звучит ужас перед «тихоновщиной». В то же время ораторы, явно инспирированные Синодом, отвергают всякую мысль о переговорах с патриархом.

«Никаких соглашений с тихоновщиной быть не может, – говорит архиепископ Воронежский Петр Сергеев. – К сожалению, на местах еще и теперь слышатся голоса – когда же мир? Ответ заключается в докладе прот. Красотина. Самая мысль о примирении должна быть изгнана, и это положение является теперь одной из главных основ Святейшего Синода, поэтому, я полагаю, что мы должны одобрить курс, которым держится Священный Синод, и самим неуклонно следовать за ним».

«На чем закончил архиепископ Петр, с того я начну и подчеркну: необходимо одобрить деяния Священного Синода и держаться его, – вторил архиепископ Смоленский Алексей (Дьяконов). – Примиренчество – пораженчество: свет не может быть закрыт мраком. Соглашение – ложная позиция. Говорят, что нам нужно объединение около одного центра и патриарх будто бы представляет церковное единство. Святейший будто бы все устроит. В чем секрет? Потеря церковного центра? А этот центр – будто бы Тихон? Но ведь он подвергает критике самое общение с Востоком. Разговоры о соглашении исходят из намерения возвысить и возвеличить фигуру

Тихона. Но это лишь попытка воскресить мертвеца. Я дерзаю поставить точку над «i», именно: нужно обновленцам идти в народ и всех объединить под единым обновленческим флагом и, таким образом, из положения статического стать в положение динамическое».

«Докладчик говорил о равнодушии провинции, не помогающей Священному Синоду своими средствами, но это сделать было невозможно, потому что даже заговорить о средствах в иных епархиях было невозможно. В заключение я не могу не сказать и докладчику, и Священному Синоду русское спасибо!» (Церковное обновление, 1925, № 5-6-7, с. 35.)

В резком противоречии с этим тоном инспирированных ораторов звучали речи захудалых епископов типа епископа Валентина, изображенного Вс.Ивановым.

«Тихоновцы не стесняются, – жалобно причитал архиепископ Иоанн Череповецкий, – у нас они всех уверили, что крещенская вода у обновленцев прогнила, тогда как у них – чистая. Народ был возмущен, но на проверку оказывается, что все их наговоры оказываются ложными. Приемы их были еще грубее. Тихоновцы прибегали к помощи кулаков и расправлялись с обновленцами, грозили тем же и мне...» (Там же.)

«Церковь теперь в параличе, – пессимистично замечал архиепископ Красноярский Георгий, – но кто пробуждает и как? – Митрополит Александр. Да, это будильник наш. Но кто еще есть? Есть ли кому сменить его? Москва? Но здесь говорят о событиях с насмешками: долго ли вы продержитесь? Эти разговоры парализуют многих. Митрополит Александр, во всеоружии своего таланта, будит во всех нас сознание ответственности, поощряет работников и деятелей на ниве Христовой. А если бы в разных местах, под руководством его, были бы другие будильники, то работа пошла бы повсеместно. В Красноярске от митрополита Александра получили вызов на диспут. Явилось до 15 тысяч верующих и неверующих слушателей. Успех оказался огромным.

Многих удивило, что обновленцы защищают Бога. В Синоде есть миссионерский отдел, но он молчит. Работа ведется одним лицом. Я прошу обратить внимание на город Москву. Если красноречивое слово везде убеждает людей, то этот пример найдет себе подражателей». (Там же.)

30 января 1925 года состоялся доклад А.И.Введенского «Апологетическое обоснование обновленчества». Доклад знаменитого апологета также вызвал ряд откликов.

«Мы стонем от тихоновщины, – восклицал снова Алексей Дьяконов. – В одном из уездов моей епархии на благочинническом собрании обсуждался план, как ныне работать? Священники, все до одного, записались в миссионеры, изыскивая духовно-материальные средства для создания обновленческого дела. Они вынесли решение собираться чаще. Каждый из них обязался составить доклад на одну какую-нибудь тему: о лице Иисуса Христа, есть ли Бог, как бороться с сектантами... У них происходят собрания, где обсуждения идут, указываются дефекты. Всем этим на-

мечаются точки, где нужно пробудить церковную жизнь. Присматривающиеся к их делу начинают говорить, что священники – работают, и судят о своих пастырях уже в новой плоскости. Значит, где есть работа, там есть и продуктивность.

Перед нами доклад апологета-благовестника. Задача, изложенная в докладе, должна быть возложена на каждого религиозного деятеля, побудить людей идти вперед и работать. Планомерная катехизация и приходов, и масс, начинающаяся с ячеек, несомненно, даст плоды».

«Даже теперь, когда умолкла речь великого Златоуста нашего, – восклицал Николай Федотов, – когда сердце, объятное восторгом перед мастером слова, перестало дрожать, трудно оспаривать существенную пользу доклада». (Там же, с. 39.)

Мы не знаем, знали ли процитированные нами выше ораторы о любви Александра Ивановича к лести (один из пишущих эти строки слышал от него об этом почти через 20 лет – в 1943 году). Вероятно, догадывались – такие вещи чувствуют интуитивно. Однако, если даже отбросить все преувеличения, содержащиеся в выступлениях обновленческих ораторов, доклад А.И.Введенского представляет собой – безусловно – событие в развитии русской богословской мысли.

Так как этот доклад, затерянный среди пожелтевших листов старого журнала, недоступен большинству читателей, мы приведем из него пространные выдержки.

«Апологетическое обоснование обновленчества.

(Доклад на Пленуме Священного Синода 27 января 1925 года)

... Обычно в обновленческом движении прощупывают только его верхние слои. Прежде всего обывателю бросается в глаза его внешняя окраска, его политическая ориентация. В массы пролилась кличка «Красная Церковь». Этому наименованию контрреволюционные круги придают одиозный, сугубо одиозный характер. Конечно, одиозность вообще вещь не особенно доброкачественная. Одиозная интерпретация клички «Красная Церковь» – есть вещь не желательная и, по существу, неверная. Вот почему мы энергично протестуем, когда нас нарочно, одиозно, именуют красными. Но в то же самое время мы не боимся слова. И самое слово «красный» нам, у которых политическое сердце вовсе не струит белую кровь, не представляется страшным. Как выразился однажды митрополит Серафим Руженцов, «красный цвет – пасхальный цвет». Словом, «красный цвет» – в этом нет ничего страшного. Конечно, если в этом хотят видеть наше пресмыкательство перед властью, о... тогда мы протестуем. То правда, что еще Достоевский метко сказал: «русский человек ищет, у кого бы сапоги почистить». Но мы не принадлежим к породе чистильщиков хотя бы красных сапог. Лакействующая психология тихоновщины объектируется ими в душу обновленчества с совершенно напрасной затратой энергии. Если тихоновцы нас называют красными (в одиозном смысле это-

го слова), то надо полагать, что сами тихоновцы красны в квадрате или в кубе. Когда Тихон осенью 1923 года на стенах своей кельи вывешивал: «Контрреволюционерам вход воспрещается!» – это квадрат церковной красноты. Когда Иларион на стенах церкви в Москве же вывешивал: «Активным контрреволюционерам вход воспрещается» – это куб церковной красноты»¹.

Так что и для тихоновщины оказался прав бессмертный Достоевский. Мы признаем правоту революции. За это – злопыхательство.

Мы признаем правоту революции. Но правы ли мы? Еще раз надо осознать мотивы, по которым обновленчество сделало в области политической то, что сделало.

В истории церковь, в подавляющем большинстве, была не только в союзе, но и преступной связи с государством.

Так в нехристианских религиях, так и в христианстве. Законы Ману установили в Индии существование каст, ряд христианских писателей за границей и у нас обосновали монархизм. Боссюэ называл королей «богами». Ришелье требовал держать народ в невежестве, дабы не трогались устои монархизма.

Проф. Киреев в «Общих основах социологии» совершенно справедливо пишет:

«Обожествление политической власти, в форме ли возведения генеалогии царей к богам или прямого обоготворения царей или учения о божественном происхождении власти, о наделении ею царей свыше – обычное явление в истории догматизации абсолютизма как политической формы. В этом проявлялось отрицательное влияние религии на политику, которое наблюдается и тогда, когда и другие стороны социального и политического быта санкционировались богословскою догматикой, как это было по отношению к рабству и к крепостному праву. Был ли царь и главою религии, или между алтарем и троном существовал только союз, духовенство играло роль реакционной силы, к ущербу не только государства, в котором освящался деспотизм, но и к невыгоде для самой религии, которая из интимного дела индивидуальной души делалась, главным образом, орудием властвования по «Божьей милости» и по своему произволу».

У блаженного Августина мы находим любопытную мотивировку необходимости союза Церкви с государством. Вот отрывок из послания бл. Августина к Викентию: «Те, которые не хотят видеть законов против нечестия, говорят, что апостолы не просили помощи у земных царей. Кто так говорит, тот забывает, что тогда было иное время, а что все должно делаться в свое время. Ибо какой император тогда уверовал в Христа и хотел служить Ему изданием законов в пользу благочестия против нечис-

¹ Надпись на дверях патриарха гласила: «Лиц, обращающихся к Святейшему Патриарху с различными контрреволюционными предложениями, просят не входить». Надпись, необходимая, чтобы обезопасить патриарха от провокаций, а политиков, обращающихся к патриарху с различными предложениями (таких в Москве была уйма), от опасности, так как каждое слово патриарха подслушивалось, и все лица, бывавшие у патриарха, немедленно попадали и под особый надзор. Что же касается надписи в храмах, то это, видимо, плод воображения А.И. Введенского: ни одного человека, который видел такую надпись, мы не нашли.

ти? Тогда исполнялось еще пророческое изречение: «Вскую шаташася, языцы, и людие научившася тщетным». Предсташа цари земстии и князи собрашася всеу на Господа и на Христа Его» (Пс. 2,1-2). Тогда еще не проводилось в действие то, о чем говорится в том же псалме ниже: «И ныне, царие, разумеите, накажитесь вси, судящие земли. Работайте Господеву со страхом и радуйтеся Ему с трепетом». Каким же образом, если не воскрешая и не наказывая с благовестивой строгостью то, что проверено, а противное сему воспрещая с приличной строгостью «Так Господу служил Иезекия (4 Царств. 18,4), который разрушал и дубравы, и капища языческие»... Аналогичные мысли бл. Августин приводит в послании к Бонифацию!

Отсюда «гармоническое соединение, симфония» царской и духовной власти, как поэтически писал в XII столетии император Иоанн Комнин папе Григорию, отсюда – неразрывность союза Креста и нагайки царского стражника – вот проклятый символ взаимоотношений Церкви и государства во дни и годы дореволюционного кошмара в русской действительности.

Передо мной анонимная брошюра 1906 года: «Власть самодержавная по учению Слова Божия и православной Русской церкви». Цитируя блаженного Августина, по которому царь «второй по Боге и высший над всеми и меньший единого истинного Бога», брошюра говорит: «Наш царь избран на служение Самим Богом...» Это не слово оголтелого монархиста. Это общее учение дореволюционной церкви. Недаром же такой ученый и тонкий богослов, как Флоренский, требовал на страницах светской печати объявления самодержавия догматом православной веры. И когда на Соборе 1917–18 гг. священник Востоков говорил, что лишь в добром, мудром русском царе – спасение всего, он повторял то же учение всей русской дореволюционной церкви.

И. С. Аксаков писал в свое время: «Наша церковь, со стороны своего управления, представляется чем-то вроде бюро или какой-то колоссальной канцелярии, прилагающей – с неизбежною канцелярскою официальною ложью – порядки немецкого канцеляризма к несению стада Христова с организацией церковного управления по образу и подобию департамента светского правительства, с причислением служителей церкви к сонму слуг государственных, сама Церковь вскоре превращается в одно из отправлений государственной власти, или, говоря проще, она сама поступает на службу к правительству...»

Царизм опирался на всю русскую иерархию. Приравняв епископат к генералитету, царизм действовал через безличный и безвольный Синод. Но идут годы, и в дни церковных революционных потрясений рождается мысль о патриаршестве. Что такое патриарх? Высказывались различные мотивы этого, но, как часто бывает, умалчивался единственный истинный повод всех этих «либеральных» требований. В брошюре москвича Е. С. «О патриаршестве и дворянском представительстве. Мысли русского человека» (1915, с. 6-7) читаем: «Итак, утверждение веры, народности, государственности – вот три задачи, решение которых всегда заботит патриарха... Все

это ясно само по себе и не требует никаких подтверждений: в государственных времена патриарх – верный спутник благоверного государя, в безгосударственные – сберегает народ в его народном духе и исторических особенностях».

Тихон, его избрание на Соборе и вся тихоновщина есть осуществление этого литературного требования, этой политической задачи. Неразрывность связи государства и Церкви обусловило массовый отход от Церкви интеллигенции и трудящихся масс. Погодин еще в 70-х годах прошлого столетия предупреждал, что, как только в России будет объявлена свобода религиозных убеждений, половина крестьян отойдет в раскол, а половина «высшего света» (в особенности, по словам Погодина, женщины) перейдут в католичество. До революции Мережковский засвидетельствовал какую-то мистическую, органическую ненависть нашей интеллигенции к православному христианству. Гнушались заходить в чайные «Союза русского народа», гнушались заходить и в храмы, где, наряду с чудотворными Ликами Христа и Пречистой, на голубых шелковых стягах знамени «Союза русского народа» были запечатлены эмблемы алкогольно-прусацкого самодержавнического держимордстроя*.

Мне говорил покойный наш великий египтолог, проф. Борис Ал. Тураев, что ему стыдно ходить в храм, хотя он верующий, ибо его засмеют коллеги, как если бы он в самом деле пошел в чайную «Союза русского народа».

Народ, пусть в диких, кошмарных, с точки зрения подлинной религиозности, формах так называемого нашего раскола, отходил от церкви именно за ее связь с царем, которого в лице Петра Первого определенно именуют Антихристом. Правда, это не был политический бунт, политически себя держал он более или менее лояльно, – это был религиозный протест, но отсюда его значимость, с точки зрения церковной, делается еще больше.

Отлив народа в раскол, в сектантство, следовательно, вызывался той же основной причиной, что и отход от Церкви интеллигенции – тем, что Церковь потеряла свой собственный, подлинный лик.

Обновленческое движение, разорвав раз и навсегда союз с государством, совершило колоссальный апологетический подвиг. Церкви поработенной, Церкви, скованной золотыми кандалами самодержавных тюремщиков, обновленчество противопоставляет Церковь – свободную от единения с черной сотней, Церковь – подлинно Христову.

В этом такое колоссальное значение обновленчества, что, не будь всего прочего, одно это дало бы ему право быть вписанным золотыми буквами на страницах священной церковной истории. Эта же заслуга немало не уменьшается тем соображением, что, так сказать, сама жизнь разорвала связь любодейной церкви и самодержавия. Да, это правда, беспощадный революционный огонь распилил церковные кандалы. Рука, обогретьная кровью насильников восставшего народа, вырвала Галилейскую

Девушку – Церковь из сластолюбивых объятий монархического Рамоли.

Но... не осталось ли у этой, продавшей свою верность Христу, официальной церковности жажды новых поцелуев с тем же господином? Я разумею то казенное православие, православие Собора 1917-18 гг., православие тихоновщины считает – поскольку оно находит в себе смысл говорить то, что думает, – современный революционный разрыв между церковью и государством явлением ненормальным, вредным, временным.

Любопытны те прения, которые развернулись на Соборе 1917-18 гг. по поводу этого разрыва, отделения Церкви от государства. Приведу здесь выдержки из заседания Собора от 31 января 1918 года...

«Революция спасительным своим вихрем разметала и эти профессорские и политические бредни, сбросив их в пропасть небытия. Но «бессмысленные мечтания» остались, осталась тоска по союзу с государством... Поэтому, если революция расплавила металлические цепи, державшие Церковь в плену у государства, то остались еще следы от тех вековых цепей на Теле Церкви, в самой ее душе. И обновленчество, которое делает внутренний принципиальный разрыв между церковью и государством, совершает колоссальное апостольское дело. Вырвать Церковь из рук жадных, земных, слишком человеческих, вспоминая изречение Ницше, – это еще для многих Церквей вопрос завтрашнего дня. Для обновленчества – это вопрос вчерашнего дня – и какое это благословенное, священное вчера!

Итак, Церковь, заслугой обновленчества, сделалась внеполитичной, или, точнее, надполитичной... Церковь не солидаризуется ни с одной политической партией, Церковь не превращает себя ни в какую партию. Или, если уж угодно говорить о «партийности» Церкви, то «Церковь» – партия Христа. Все государственное – временное и относительное. Церковь же носительница вечного и безусловного. Все текуче и изменчиво в государстве. Все неизменно, во внутреннем значении этого слова, в Церкви. Вечное – временное. Абсолютное – относительное. Безусловное – условное. Таковы антитезы Церкви и государства. Так ясно поэтому – почему не может быть Церкви в политике, почему Церковь и государство лежат, так сказать, в разных плоскостях, разноплоскостны.

Но это не значит, что Церковь тем самым делается силой индифферентной в смысле том же, политическом. Поскольку под политикой мы разумеем строительство реальной человеческой жизни, постольку Церковь не может быть индифферентной силой. Ибо – она есть дрожжи, согласно Евангелию, которые должны выквасить все тесто жизни. Поскольку Церковь не может солидаризироваться, слить себя с определенной, той или иной политической группировкой, она вне политики. Так что вернее говорить, Церковь вне политической партийности. Но Церковь обязательно принимает участие в реальной жизни. Иначе она теряет свое собственное лицо. Участие Церкви в жизни, конечно, должно осуществляться совершенно своеобразными, церковными методами. Церковь ни в коем случае не

есть механическая, внешне организующая сила. Поэтому и церковное переустройство жизни ни в коем случае не должно носить внешнего характера.

Церковь не может быть внешней силой. Христос и этому учил многократно и достаточно ясно. Поэтому мы отказываемся от всякой попытки внешне, церковно-государственно, разрешать проблемы жизни. Но это ни в коем случае не есть отказ от попытки воздействовать на жизнь. Мы должны лишь действовать нашим церковным методом, а этот метод есть путь религиозно-моральной оценки, религиозно-морального указания. Это Церковь может и должна сделать. С высоты надмирного евангельского идеала, имея, так сказать, абсолютно правильные перспективы, Церковь властна и должна указать путь жизни, одно – благословить, другое – отстранить. Если не так, то Церковь превращается в какую-то область мистического квиетизма, фатализма, прострации, если угодно, дурмана. Но Церковь, как я буду указывать еще дальше, есть движущая, влекущая за собой религиозно-моральная сила. Обновленчество, памятуя сей религиозно-моральный, указующий характер Церкви – на Соборе 1923 года провело религиозное принятие правды социальной революции. В этом моменте видят наиболее слабое место наше. А между тем, наоборот, здесь как раз наибольшая мощь, наивысший пафос, наибольшая историко-церковная заслуга обновленчества.

Существует страшный конфликт между религиозным и революционным сознанием. Фридрих Энгельс заявляет: «Первое слово религии есть ложь». А отец коммунизма Маркс категорически утверждает: «Понятие Бога необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизации». Любопытны также следующие строки из труда Баха «Религия и социализм»: «Было бы бесполезно отрицать факт, что в настоящее время высшее нравственное чувство оскорбляется христианским учением более, чем в свое время совесть первых христиан оскорблялась сатурналиями в культе Прозерпины».

Ницше в «Антихристе» пишет: «Новый Завет есть самая грязная книга, надо надевать перчатки, читая его, чтобы не запачкаться». Почему? – в недоумении спрашивает себя верующий. И ответ Э.Вандервельда: «Потому – что Церковь заключила союз с золотом». А В.Либкнехт добавил: «Христианство есть религия частной собственности и знатных людей. Христианская Церковь оправдала все то, что Христос запретил». Это слова не только политических деятелей. Это, между прочим, объективное заключение ряда выдающихся исследователей христианской истории.

Естественно, что у тех, кто борется с социальным злом, создается глубоко отрицательное отношение и сказывается даже в суждениях о первичном христианстве, учение которого, например, Энгельс объявляет самым «обыкновенным вздором». А Бебель в «Христианстве и социализме» называет христианство «религией ненависти, преследования и угнетения, стоившей миру больше крови и слез, чем какая-либо иная». И вот Аксельрод в «Философских очерках» требует замены христианства «здоровым и

светлым языческим духом наслаждений, исчерпываемых земным бытием». Создается новый идеал на место христианского идеала. О нем Дицген говорит: «Наш идеал не бедность, не воздержание, а богатство, богатство неизмеримое, неслыханное богатство – это реально осязательное благо всего человечества, его святыня, его святая святых. На овладении им, – добавляет он, – построены все наши выводы».

Возможно было бы привести еще множество подобных иллюстраций, но остановлюсь на сказанном... Основной лейтмотив всех отрицателей христианства с точки зрения практического предопределения социального зла может быть сформулирован опять-таки словами Энгельса, по которому религия является «величайшей консервативной силой».

Человечество выдвигает вместо этой консервативной силы новое понимание жизни, разорвавшей с гнетом старопреступных заветов. Ряд мыслителей зажигают яркие огни. Ренувье бросает лозунг свободы: «социальный прогресс должен измеряться только количеством индивидуальной свободы, представляемой в данном обществе». Прудон, в противовес христианству, утверждает принцип рациональности, справедливости, на основе которой и должна быть реорганизована жизнь. Проповедует имморализм Ницше, выставляющий человека как «чудовище и сверхживотное». С разных сторон несет энергичный протест против христианства, этой религии соглашательства с несвободой, неравенством, несправедливостью, обыденщиной, серостью повседневно безрадостного бытия... Наконец, в наши дни победоносный коммунизм реально рвет с христианством, с какой бы то ни было формой религии.

Попытка Хеглунда примирить коммунизм и религию, если религиозники революционно настроены, как известно, встретила энергичный протест РКП. Об этом Е.Ярославский пишет: «Под статьей Хеглунда обеими руками подписались бы не только глава древнеапостольской церкви, протоиерей Введенский, но и вся древнеапостольская, обновленческая, живоцерковная братия». А нас, как известно, в РКП не примут как религиозников – компартия отвергает всех церковников как таковых...

Бунтующая, рвущаяся мысль неверия отменяет христианство как соглашение со всем тем, что Христос на самом деле запретил. Вот почему обновленчество, напомнившее миру, что на самом деле Христос уже давно запретил то, против чего идет современная воля, сделало колоссальное апологетическое завоевание. Знаменитая формула Собора 1923 года: «Капитализм есть смертный грех» – положила массовый и коллективный, благодатный предел всем фальсификациям Христовой истины. Нет, не Бог установил разделение людей на богатых и бедных, как кощунственно осмеливается богохульствовать папа Лев XIII в знаменитой своей майской энциклике 1891 г.: «*Regum novum*». Нет, социализм и коммунизм, зовущий к преодолению этого неравенства, не есть «самая ужасная тирания», как обозвал коммунизм Мартенсон. Нет, к нравственной правде социальной жизни взметнула и свои красные знамена русская революция. И благо-

дателью движимое обновленчество, устами боговдохновенного Собора, благословило этот порыв. Это сделано не из мимикрических соображений. Это мы сделали не для них, не нуждающихся и не верящих в наше благословение. Это мы сделали для Церкви, которая лжевождями была брошена в тьму приспособленчества и к мировому злу всечеловеческой неправды. Церковь – русская Святая Церковь – неповинна в оправдании страшнейшего зла современности. В этом – центральной заслугой обновленчества. В сущности, мы еще мало осознали этот кульминационный момент обновленческого подвига. Русская Церковь это сотворила. В этом ее призвание. Русская Церковь нашла свое лицо. Оно не в том, чтобы поддерживать пьяно-глупую морду Романовых, не в том, чтобы сокрушать во имя религиозных моментов германский империализм, как это вещал в годы войны Сергей Дурылин (символическая фамилия!) и прочие остроумцы, не в чем-то земном, человеческом, относительном. Ее обязанность, Богом возложенная, в годы всеобщего христианского распада, вызванного забвением историческими церквями подлинного Лица и Духа и Заветов Христа, снова, как бы во второй раз, явить миру Христа.

Не Христа Германского, Русского или другого националистического Сверхгероя, но Христа – Вселенского, уничтожающего, сжигающего в огне любви все национальные перегородки. Поэтому и христианство, по своему существу, враждебно национализму, патриотизму государственному и патриотизму классовому.

А между тем отдельные религиозные организации хотят во что бы то ни стало видеть Христа именно католического, капиталистического и т.д. Освобождение Христа от национальных объятий, от конфессиональных алтарей и от капиталистических и золотых цепей – вот величайший дар любви, который обновленчество положило к подножью Вселенского Престола Вседержителя. Христос – Освободитель реальный, революционный, свободный от этого зла.

Христос – Осудитель всего мирового современного зла». (с.18-21.)

Обновленчество есть православие. Это – простая, короткая, но – увь! – не для всех ясная формула. А между тем другой и нет, и быть не может. И мы должны со всей решительностью этой формулы держаться, нимало не боясь упреков с той или другой стороны – со стороны левых, со стороны правых. Я сейчас разъясню, в чем дело. Но прежде всего я хочу объяснить философские методы, по которым оправдывается наша философия суровости и беспощадности в деле отстаивания нашего принципа религиозного миропонимания, на основе которого мы цепко держимся этой формулы: обновленчество есть православие.

Ригоризм в области формулы есть само собой вытекающее следствие обладания истиной. Истина всегда точна. Истина – там, где точность доведена до степени абсолютности. Мир неорганической жизни характеризуется цифрами – там владычествует математика. Математические формулы паутиной неразрываемой охватывают все материальное бытие, в математи-

ческих формулах осуществляется нигде не нарушаемая «закономерная непрерывность вселенной», по выражению проф. В.Феггера. Отыскивание этих формул, точных до абсолютности, является и задачей всей науки, как это справедливо указывал в свое время еще Огюст Конт. Борьба за формулу есть борьба за практическое преодоление противоборствующих средостений: покорение стихий и т.д. Инженер должен найти совершенно точные формулы, прежде чем построить мост. Расчет чертежей должен быть с математической законченностью сделан, иначе, по неточным чертежам построенный, мост рухнет, и страшная катастрофа может увенчать ошибочность формулы. Здесь – борьба за догмат, формула математики есть формула математической истины. Здесь математическая ересь может повлечь за собой совершенно реалистическую катастрофу. Шпенглер прямо говорит: «Современная механика есть точь-в-точь сколок с христианских догматов». Конечно, здесь замечательный парадоксалист наших дней устанавливает, может быть, связь вещей не вполне точно, но, во всяком случае, догматический характер современных математических истин не подлежит сомнению.

В области религии мы вправе искать, находить и фиксировать те же самые (того же, точнее, порядка) истины, формулы, догматы.

Мы должны со всею решимостью отстаивать наш взгляд на религию, как на нечто, совершенно аналогичное науке. Правда, наука и религия не связаны и не сводимы одна на другую, но в то же время и наука, и религия – есть постижение бытия, реального сущего; и наука, и религия постигают это сущее одинаково правомочно и одинаково точно, истинно.

Религия, в конечных достижениях, идет дальше науки, но процесс постижения (точнее, осмысления) осознания полученного в своем существе – один и тот же.

Нет противоречия, взаимоисключения между верой и знанием. С научной точки зрения попытался установить расхождение веры и знания Кант. Знанию принадлежит то, что непосредственно воспринимается человеком вследствие того, что предмет известным образом действует на душу; основой постижения, таким образом, является опыт. Но ведь и в основе религии лежит опыт. Правда, Кант считал и сверхчувственное откровение, и сверхчувственную способность восприятия мистиков и представителей философии чувства – воображением, или, в лучшем случае, – мечтательностью. Но ошибка Канта – вне всякого сомнения. Ведь мы веруем на основании и по свидетельству нашего внутреннего опыта, но и в наши дни величайший комментатор Канта Коген утверждает, что все наше знание, что весь состав нашего сознания складывается из психологических элементов, что даже так называемый внешний опыт состоит из внутренних процессов.

Религиозный, внутренний наш опыт совершенно и полностью аналогичен опыту химическому и физическому. Здесь такая же реальность. Вот почему я вполне согласен с определением Шпенглером атеизма, как совершенно непонятого в своих последних основаниях и исторических условий

феномена. Я также совершенно согласен со Шпенглером, утверждающим, что атеизм «прекрасно уживается с живой, страстно ожидающей потребностью в истинной религиозности». Действительно, атеизма, по существу, не может быть, так же, как не может быть принципиально химии, физики. Коль скоро есть материя, то есть и физика, и химия, изучающие эту материю. Возможно не принимать те или иные физические или химические теории, но нельзя отрицать самое постижение материи, данное нам в опыте, через науки, именуемые физикой и химией. Так – и в области религиозной. Коль скоро Бог открывается в области духа, то атеизм – принципиальное отрицание Бога – уже невозможен, ибо Бог дан в опыте. Можно не принимать те или иные теистические системы, но не самого Теоса, – вот почему атеизм научно невозможен. И здесь я разумею данность Бога не в понятии или логическом ракурсе, но в непосредственной близости. Современная католическая мысль (Гут Берлет) полагает, что Бога можно обосновать логикой, «диалектикой», как говорил еще католический мыслитель эпохи XI века Перигор Турский (999-1088) ... дальше идет резкое отрицание рационалистического богословия...

Пути рационализации – это не пути религии. И недаром сам Христос не дал нам никакой рационалистической системы Бога. Но если у нас нет этого пути, если здесь мы вступаем в область схоластики, в дурном смысле этого слова, область царистской семинарщины, то это не значит, что мы отказываемся от реального постижения Бога. Наоборот, отказ от силлогизации Божества есть привлечение сознания к иному, уже воистину реальному, постижению. Бог не познается силлогизмами, как не силлогизмами постигаемы, скажем себе, электроны.

Религия – есть мистический факт.

Мы Бога можем переживать чувством, в частности – чувством любви. Как свидетельствует св. Тереза в своем собственном жизнеописании: «Я чувствую, что моя душа воспылала горячей любовью к Богу, и эта любовь, несомненно, сверхъестественная, потому что, как загорелась она во мне, я не знаю, но я сама ничего не привнесла сюда от себя». Это постижение Бога через любящее сердце совершается лишь при известных условиях, о которых великий мистик – сапожник Яков Беме в своей «Авроре» (XVII век) так говорит: «Закрой здесь немного твои плотские глаза, ибо они здесь тебе ни к чему не пригодны, будучи слепы и мертвы, но открой глаза твоего духа, и я поистине покажу тебе творение Божие». Здесь нет самостоятельности человека, здесь нужна Промыслительная Десница. «Человек, – говорит Сен-Мартен, – находится в столь несчастном состоянии – что не может не только достигнуть цели, но даже и ступить шага на этом пути, если совсем иная, нежели его, рука не откроет ему входа и не поддержит его во все время пути».

Познание Бога интуицией, чувством есть путь, указанный самим Христом. Он осудил тех, кто приближается к Нему устами только. Уста, слова, разум, силлогизмы, наука, философия – здесь можно найти только

«задняя Божества», а сердце приводит к Евангелию, к самому Богу. Сердце, чувство, интуиция. В научной литературе за последние десятилетия появился ряд работ, деятельно постигающих этот путь Богопостижения. Таковы работы Джемса, Старбека, Лейба, Рассажака, Грассера, Мюратье и др.

С этой точки зрения их христианство является не только историческим, но и мистическим фактом... Это отлично выразил Штейнер в труде «Христианство как мистический факт и мистерии древности», говорит – я возвышаю мою внутреннюю глубину до Божественного созерцания. Свет же, делающий для меня возможным такое созерцание, дан в явлении Христа. Через него я могу подняться к высшему». Таким образом, основой Богопостижения является опыт. Здесь полная аналогия с опытом естествознания. Конечно, здесь у нас иные методы познания, но ведь и в естествознании нельзя астрономически изучать бактерии, а микроскопически – акустику. Всюду – своя методология познания, при одном условии, делающем знание – знанием: упирания в непосредственную гущу восприятия и опыт. Имея этот опыт, мы на нем уже строим формулы этого опыта. А схоластика начинает с обратного: формула там сама довлеет из первичных формул, висящих в эмпирической пустоте, строит целые здания, воистину на песке видимые. Божество также нельзя разложить на формулы, как живое тело на атомы. На атомы распадается – труп, зловонный, потому что мертвый. И разложенный на атомы-мысли Бог не есть Бог живой и неизреченный. Поэтому-то, со всей возможной решимостью, и протестуем мы против схоластики веры. И в то же время мы не впадаем и в спенсеровский религиозный агностицизм.

Здесь надо бояться Сциллы всезнайства и Харибды немогузнайства. Средний, золотой путь истины заключается в обладании религиозным опытом (более или менее гипотетическим, тусклое стекло Павла!), интерпретации опыта. При этом углубление опыта тем самым вызывает и уяснение теоретических моментов Богопознания. Одно обуславливает другое.

Полнота опыта превращает гипотезу в аксиому. А Церковь обладает различными опытами. Опыты одиночек, пусть очень почтенных (святые), и все же гипотетических подходов к Богу, и опыт всеколлективный, соборный, всецерковный – здесь полнота возможного и для человека опыта, и полнота резюме этого опыта – аксиомы, формулы, догматы. Соборное – всеенское – сознание Церкви, опыт, руководимый самим Духом («Изволился Духу Святому и нам»), дает чеканные, религиозно-математические догматы – формулы истины Богопознания. И то, что здесь добыто, то добыто до конца. Здесь нет нюансов полуистины, здесь нет теней человеческого домысла. Здесь – сверкающие алмазы абсолютной достоверности. И здесь мы не можем отступить ни на йоту. Это так же немислимо, как математика просить считать условной истиной: дважды два – четыре.

И здесь обновленчество – это стрела математической тоски по Боге – не уступит и 0,001 части истины. Пусть упрекают в отсталости. Здесь надо все воистину оставить – какие угодно культурные и либераль-

ные популярности и привилегии, чтобы не отступить от Христа – Истины.

И обновленчество со всей решимостью принимает догматику Церкви, не дерзая подправлять то, что находится в свете абсолютной достоверности.

Первый принцип христианства есть признание Божественного Начала.

Религию в наши дни хотят свести на систему экономических взаимоотношений. С этой точки зрения прав Росси, утверждающий, что религия есть «флирт с Богом», то есть нечто в высокой степени несерьезное. Вся религия есть волшебное отражение в зеркале фантазии социальных взаимоотношений. Конечно, это совершенная неправда. Несомненно, что в деталях исторических религиозных концепций можно отыскивать отражение социально-политических моментов данной эпохи. Так, некоторые исследователи находят аналогию между византийским двором и представлением о небесном мире у богословов той эпохи. Но если даже мы согласимся, что кое в чем эти исследователи и правы, то здесь затрагивается именно только одна деталь. Существо проходит вне этих экономико-материалистических сетей. Идея Божества, Верховного начала мира, прирожденна человеческому сознанию и, при всех модификациях экономических взаимоотношений, остается неизменной в своем существе».

Далее – о порядке во вселенной на основе открытий Резерфорда, Ферсмана и т.д., и вывод:

«Материя, приблизительно одинаково расположенная (порядково и объемно) в мироздании, вся подчинена закону чисел. Математика царствует в мироздании. Что такое математика? Кант видел в ней завершающую, идеальную научную дисциплину. Шпенглер утверждает, что математика есть искусство... Не будем вдаваться в длительные споры. Математика есть отражение порядка мироздания, фотографический снимок, план материального бытия. И какой здесь всесовершенный, до иоты и иоты иот рассчитанный порядок!

Нет возможности беспорядка в мировой машине... Она сложена по одному плану, из единого материала. Всюду единый математический принцип... Мысль рвется к заключению сама собой – Единый Строитель. С точки зрения придиричливой критики разума, как показал это Кант, вполне возможно от планового устройства бытия умозаключить к Устроителю мира (не Творцу – делаем эту уступку Канту. – *Прим. А.И.Введенского*).

Плановость бытия, отсутствие в нем случайностей, открытие в нем законов математики... приводит нас к метафизике, которую не надо понимать как противо-физику, а именно за физику – после физики мысль не останавливается, а идет далее, за физику, разрушая условный забор, за который некоторые не хотят пускать свободной человеческой мысли... Путь физического исследования приводит нас к определенным аспектам на бытие, религия ведет дальше – как сказал Ричль: «всра видит дальше и глубже». Современное естествознание дает нам математически законченную картину, план бытия. Испытующая мысль – руководимая магнитной стрел-

кой религиозного чувства – находит конечный и исходный момент: Центральную Звезду Бытия – Бога. Здесь логика дополняется чувством. Нужно сверлить серостную поверхность бытия рентгеновскими лучами веры. И серое станет иным. Это – как сказано у Фета: «Оглянись – и мир вседневный многоцветен и чудесен».

Или у Новалиса: «Только от слабости наших органов и нашей слабостью возбуждаемости происходит то, что мы не видим себя в волшебном мире». И в нашем сознании, обостренном вниманием, которое является необходимым условием постижения... вспыхивает ответ на вопрос: кто этот устроитель жизни. Скажем ли с Кантом – дальше мысль не смеет идти – или пойдем и найдем? Так, Шуппе утверждает, что нередко мы без всякой индукции узнаем причины наших чувственных восприятий. Шуппе же полагает, что мы в сознании имеем дело с непосредственным усмотрением необходимой связи, которая дана нам подлогически (в акте восприятия). В своем сознании верующий человек находит этот узаконенный современной гносеологией ответ на природу, на исток своих религиозных переживаний. Верующий человек постулирует Бога в плане бытия и констатирует Его в своем сознании. Таким образом, единство познания всей целокупности бытия разрешает основную проблему бытия. Бытие зиждется на своем Абсолютном Принципе, на Боге.

На аналогичной точке зрения стоит Оливер Лодж, известный английский физик, который утверждает, что вере, религии, мистицизму «должно отвести соответственное место, хотя его отношение к науке пока еще не установлено. Они не согласны между собой и не имеют связи, но между ними не должно быть вражды». Оливер Лодж допускает научную возможность чуда, о чем он достаточно убедительно пишет в своей книге «Жизнь и Материя».

Необходимое соотношение науки и религии устанавливается при осознании наукой ее ограниченности. Цель науки – описание, а не объяснение явлений природы», – совершенно правильно замечает Густав Кирхгор в своем «Физическом обозрении». Религия ведет дальше и устанавливает то, что наука только прощупывает...

«Конечно, сейчас едва ли можно говорить о крушении нравственности. Я полагаю, что сейчас происходит крушение некоторых формул нравственности... Ах, как мы еще находимся под властью этих формул! Еще Фихте сказал, что формула есть самое великое благодеяние для человека. Значимость формул в области мысли, как рассуждали мы выше, не отрицается и нами. Не пора ли, однако, бросить смотреть на мораль, как на кодекс правил, формул и параграфов – благоповедения? Ведь единой морали в этом отношении, как известно, никогда не было. Наоборот, кодексы морали разных религий всегда не совпадали, да и прямо противоречили друг другу. Я полагаю, что формулой морали является отсутствие формул у нее... Во всяком случае, такова христианская мораль. Если Ветхий Завет есть собрание священных параграфов и правил благоповедения, до вирту-

озности разработанных талмудом, если вы почитаете «Мозжечок нравственного богословия» католика Бузенбаума (выдержавший более 55 изданий) – вы тотчас же инстинктивно почувствуете, насколько христианство диаметрально противоположно всей этой морали скрупулезности. Текучесть морали есть основа христианской этики. Поэтому-то мы не хотим навязывать современности никаких точно размеренных условностей морали. Нельзя в этом видеть, однако, моральный анархизм. Нет, если мистики правильно утверждали, что для любящего Бога морали нет, если они отрицали параграфичность, каноничность морали, то этим они не принижали моральный уровень (и, конечно, не уничтожали морали), но ставили ее выше нелепых сантиметров ханжеской условности. Мораль ведь, по существу, не может измеряться сантиметром: столько-то сантиметров – ну, это морально, меньше – неморально. Ибо всякое измерение, всякая регулировка идет извне, тогда как всякая мораль есть «изнутри». Внешне приличное – не есть еще моральное. Мы продолжаем мысль о легальном и моральном. Нет – да и не надо заботиться о параллелизме внешнего благоповедения с внутренней моральностью. Очень часто они параллельны, но не в этом дело. Моральное состояние души есть состояние, в котором в нашем сознании светится Свет Христов... Мы о морали судим по букве моралистов, часто даже по возвышенной букве моральных предписаний Писания, забывая, что в Писании есть буквы, но оно само не есть только буква.

Писание, даже давая нам буквальные предписания, не обязывает нас к буквалистической их интерпретации. «По нужде и закону применение бывает», – вот коррелят всем предписаниям Писания. Христианство – именно есть религия свободы и религия власти. Как-то это совершенно забывалось, а между тем напоминание именно об этом есть большое апологетическое задание обновленчества. Условность нашей церковной морали, тихоновщина в этике, отталкивает от нас тысячи молодых и честных, глубоко-моральных сердец. Не к принижению, конечно, моральной высоты должна привести эта отмена условностей этики. Нет, мы выдвигаем основную формулу морали, данную не Мартенсонами и Янышевыми, но Самим Богом.

Вот почему узнаем, что мы от истины, и успокаиваем перед Ним Сердца наши. Ибо, «если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог, потому что Бог больше сердца нашего и знает нас. Возлюбленные, если сердце не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1 Посл. Иоанна 3,19-21).

Здесь – чрезвычайная высота, здесь нам дан безусловный термометр душевного здоровья. Да, подобно тому, как температура тела свыше 37 градусов есть свидетельство болезни тела, так и в духовной жизни. Если душа ощущает дерзновение перед Богом, зрит Его, значит – моральное здоровье в порядке: душа не впала в смертный грех, ибо смертный грех есть грех, влекущий за собой смерть, утрату Богоощущения. Дозволено все то, что повышает (или сохраняет) чувство Богоощущения, и, наоборот, хотя бы формально, это были моменты, как будто нравственно индифферентные. Богоощущение утеряно – моральный термометр показывает,

что душа больна, и немедленное лекарство – покаяние. Вот формула безусловной морали Христа, правильного жизненного понятия. Это не означает отмены привычных нравственных моментов. Но это есть индивидуализация моральных норм. Если у нас тела индивидуальны, как свидетельствует медицина тела, то индивидуальны и нравственные сознания.

Единая мера здесь не приложима. Здесь потому необходимо провозглашение принципа свободы, что, конечно, не означает моральной неустойчивости. Христос дал совершенно безусловный метод нравственного совершенства – это путь беззаветно сердечной любви к Богу и к братству. Это и есть единственно правильный регулятор моральной устремленности. А индивидуализируется этот метод сообразно с данной психологической организацией, при соблюдении конечной цели морального развития – повышения религиозного тонуса. Такое духовное понимание духовного пути Христа апологетически очень плодоносимо.

Мы избегаем обвинения в закоснении нравственном. Нам предложено нравственное абсолютное совершенство, идеал, недостижимый в условиях земного странствования: «Един свят, един Господь Иисус Христос», – поет Святая Церковь. Поэтому жизнь создала различные типы приближенного нравственного совершенствования. Эта моральная многотипность должна учтена быть, потому что она коренится на вариациях человеческого сознания вообще, на индивидуальном характере наших душ. Аскетический идеал, с этой точки зрения, не упраздняется, но все же перестает быть единоспасующим. Есть и другие, не менее целесообразные, подходы к нравственному совершенству. Жизнь мирская, как жизнь монашеская, – не антиподы, а разнотипы. Это то, о чем учил св. Мефодий Потарский, говоря о религиозной равноценности брака и безбрачья. Многотипность моральных совершенствований, не исключających, но сопутствующих друг другу при конечной задаче, – вот формула этики обновленческой апологетики». (Вестник Священного Синода, 1925, № 2, с. 18-28.)

*

Доклад А.И.Введенского, как мы сказали выше, представляет собой выдающееся произведение русской богословской мысли.

По своему содержанию доклад распадается на три очень неравноценные части. Первая (социологическая) часть представляет собой известный прогресс по сравнению с речью Александра Ивановича на Соборе. Речь знаменитого богослова отличается большой убедительностью, когда он говорит о «противоестественной связи Церкви с государством». Освящение Церковью государства является, действительно, одним из величайших грехов Церкви. Правда, существование государства является на определенных этапах исторической необходимостью, поэтому Священное Писание признает государство как неизбежное зло, точно так же как на определенных этапах исторической необходимостью является рабство. Однако признавать рабство и государство как некую необходимость, которую следует

терпеть до поры до времени, – это еще не значит его освящать, как это делало русское духовенство.

Заслуживает одобрения также и заявление А.И.Введенского о том, что он «не хочет чистить никаких сапог, хотя бы они были и красные». К сожалению, это заявление так и осталось платоническим: говорить о достоинствах того или иного строя, совершенно умалчивая о его пороках и недостатках, – это и означает «чистить сапоги».

Огромную познавательную ценность представляет собой вторая, философская часть речи А.И.Введенского. Совершенно правильно определив соотношение науки и религии, А.И.Введенский дает классическую формулу.

Читая философские рассуждения Александра Ивановича, поражаешься мощи его таланта. Учение о целокупности бытия, сформулированное А.И.Введенским, предвосхищает весь современный экзистенциализм – учение всеми тогда забытого датского философа Кирхгора, который теперь стал одним из самых модных философов, к родникам творчества которого принакает вся современная философская Европа – от Ясперса до Сартра, от персоналистов до Рассела.

Понимание целокупности бытия, которое схватывается одновременно интуицией и разумом, у А.И.Введенского шире и глубже, чем у его учителя Анри Бергсона. Из всех учеников великого французского философа А.И.Введенский, вероятно, один из самых талантливых и творческих. Однако он, как и почти все современные европейские философы, исходя из Бергсона, не имеет силы перешагнуть через него. И отсюда полное непонимание диалектики как принципиально нового метода познания мира.

А.И.Введенский считал диалектику разновидностью рационализма. Как неоднократно говорил А.И.Введенскому его нижайший ученик – один из пишущих эти строки, – нет ничего более неправильного: диалектика – это и есть то новое мировосприятие, в котором синтезируются логика и мистическое восприятие... Поэтому Гегель должен считаться Колумбом нового мира – и не его вина, если диалектика попала в руки индейцев, которые, совершенно не понимая, что с ней делать, превратили ее в блестящую погрешку.

Целый ряд возражений вызывает также заключительная часть доклада.

Когда А.И.Введенский говорит о динамичности моральных критериев, он совершенно прав. Когда он говорит о равночестности брачного состояния и безбрачия – он также вполне прав. Тем не менее самый принцип условности морали не может не вызвать очень серьезных возражений. Заповеди Моисеева закона, как и все нравственные заветы, являются обязательным условием для спасения: «Сотвори заповеди», – говорит Господь евангельскому юноше, отвечая на вопрос, как спастись.

В самом рассуждении А.И.Введенского об условности морали чувствуется влияние эпохи. «Реабилитация плоти», о которой говорили в 20-х годах многие идеологи половой распущенности. Рассуждения А.И.Вве-

денского о морали в этом пункте подозрительно напоминают, например, рассуждения знаменитой А.М.Коллонтай, которая примерно в это время писала следующие строки:

«Для женщины прошлого величайшим горем являлась измена или потеря близкого человека; для современной героини – потеря самой себя, отказ от своего «я», в угоду любимому, ради сохранения любовного счастья. Новая женщина восстает уже не только против внешних цепей, она протестует против самого «плена любовного», она боится тех оков, которые любовь, при нашей современной искалеченной психологии, налагает на любящих. Привыкшая растворяться – вся, без остатка – в волнах любви, женщина, даже новая, всегда трусливо встречает любовь, опасаясь, как бы сила чувства не разбудила в ней дремлющие атавистические наклонности «резонатора» мужчины, не заставила отречься от себя самой, отойти от «дела», отказаться от призвания, жизненной задачи. Это борьба уже не за право «любви», это протест против «морального плена» даже внешне свободного чувства. Это «бунт» женщин переходной эпохи, еще не научившихся совмещать внутреннюю свободу и независимость с всепоглощающей властью любви». (Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М., 1919, с. 26.)

И так же, как «новая мораль» А.М.Коллонтай была лишь прикрытием животного эгоизма, не желающего связывать себя никакими нормами, – так и рассуждения А.И.Введенского об «условности моральных эталонов» прикрывали такой же эгоизм недостойных мужей Церкви, не желавших налагать на себя никаких обязательств.

В заключение Пленуму Синода пришлось возвратиться с философского Олимпа на грешную землю – заняться практическими вопросами, волновавшими тогда всех церковных людей.

Пленум принял текст обращения к Правительству СССР, в котором, наряду с узкокастовыми требованиями, продиктованными обновленческими фракционными интересами, нашли отражение вопросы, которые волновали тогда массы верующих людей. В заключительной части обращения говорилось:

«Декрет об отделении церкви от государства дает нам всю полноту возможности свободы церковной работы, предоставляя нам действительную свободу совести.

Недаром основная мысль декрета принадлежит гению В.И.Ленина. Но именно во имя этой свободы совести верить или не верить, возвращенной Лениным, мы хотим, чтобы во всех моментах религиозной жизни соблюдался этот «религиозный ленинизм», ленинский подход к религиозным людям. Ведь декрет Ленина именно оберегал верующих от каких бы то ни было воздействий на их совесть теми или иными репрессиями. Конечно, физических репрессий у нас нет за веру, но иногда верующий подпадает под действие косвенных репрессий.

Зная, как Советское правительство стоит на страже ленинизма во всех сферах государственной работы, мы уверены, что и нижеследующие наши пожелания – идущие в развитие декрета об отделении церкви от государства, встретят благожелательное отношение Советского правительства.

1) Мы просим, чтобы нам было разрешено обучать детей Закону Божию, как это практиковалось в первые годы революции, либо путем создания домашних школ, под ответственностью священника.

2) Мы просим облегчить правовые и экономические положения духовенства. Правительство пошло уже нам навстречу в этом отношении, облегчив наше налоговое положение, но духовенство крайне стеснено в ряде других вопросов, например, в квартирном. Духовенство сейчас приравнено к лицам свободной профессии. Подавляющее большинство духовенства находится в чрезвычайно трудном экономическом положении. Наилучшим исходом для нас было бы приравнение духовенства к служащим в частных предприятиях, поскольку священнослужитель является на работу по найму в той или иной общине.

3) Мы просим не обременять духовенство непосильной платой за обучение их детей в школах.

4) Мы просим изменить нормальный приходский устав, так как в настоящем своем виде он дает возможность кулацким элементам приходского совета держать в кабале священника из-за экономической нужды, под давлением церковного совета, уходящего в тихоновщину.

5) Мы просим о возвращении нам заграничных православных храмов, находящихся сейчас в руках эмигрантов, которые превращают их в базу для монархической антисоветской агитации. Мы просим о возвращении нам и Троице-Сергиевской Лавры, которая является вековой святыней России.

6) Мы просим не отбирать у обновленцев их храмов и не передавать их тихоновцам. Такое явление на местах бывает зачастую и подрывает наше дело. Замечается также, что иногда обновленческим группам не дают никакого храма (Москва, Ковров, Муром и другие города), – необходимо устранить это сугубо ненормальное явление.

7) Мы просим о разрешении нам беспрепятственно совершать установленные крестные ходы и ношение чудотворных икон. Осуществление этих наших пожеланий даст нам возможность все свои силы бросить на дальнейшую борьбу за обновленческую церковь, единственно, подчеркиваем, лояльную по отношению к Советской власти. Наша работа в течение этих лет в тихоновском (экономически очень серьезном) окружении, наши достижения в поставлении себе задач – политически перевоспитать церковников, в смысле их принятия Советского строя, а также несомненная государственная значимость этой работы дают нам надежду, что эти просьбы будут, при соблюдении незыблемости основ декрета о религии, уважены, что будет, несомненно, способствовать и еще большему поднятию авторите-

та Советского правительства даже среди его внешних врагов, и окончательному закреплению Советского строя внутри страны». (Вестник Священного Синода, 1925, № 1, с. 4.)

Пленум не ограничился принятием этого обращения: 1 февраля 1925 года депутация от Пленума Синода была принята Председателем Совнаркома СССР А.И.Рыковым.

«Депутацию возглавляли трое: митрополит Вениамин с Серафимом и я, – все мы в белых клобуках, – и еще десять человек. Привезли нас в Кремль, подъехали к зданию Совнаркома – лестницы там тогда не было – покатая плоскость и лифт – поднялись на второй этаж», – вспоминал А.И.Введенский.

Приемная комната около кабинета Председателя Совнаркома увидела в этот день странных гостей: белые клобуки, шуршащие шелковые рясы, сапоги и камилавки – все это заполнило обширное помещение, оттеснило на задний план обычных посетителей. К А.И.Введенскому подошел солидный, пожилой, франтовато одетый джентльмен.

«Что значит флюиды и родство душ – все время нас тянет друг к другу!» Это был Луначарский. За последние два года они скрещивали с Введенским оружие несколько раз, причем между ними установились своеобразные, полуиронические-полуприятельские отношения: была область, где идейные враги становились союзниками – гонорары от диспутов делились пополам, в это время они собирались совместно издать отдельной книгой стенограмму двух диспутов. Деловые вопросы часто обсуждались за ужином у Луначарского после диспута. Хозяйка дома Наталия Александровна Розенель была очаровательно любезна с А.И.Введенским, и вино к столу подавалось изысканное, заграничное.

И сейчас два «друга» вступили в свой обычный – шуточный – разговор, причем Александр Иванович, позабыв про белый клобук, пустился в детальнейшее обсуждение выступления Айседоры Дункан – модной гастролерши – балерины, от которой А.И.Введенский был без ума, тогда как Луначарский (сторонник классического балета) относился к ее искусству скептически. «Я не принадлежу к обновленцам, и в балете я «тихоновец», – сострил А.В.Луначарский, – и не могу присоединиться к вашим восторгам».

В это время депутацию пригласили к Председателю Совнаркома. Человек среднего роста, с длинной бородой и учтивыми, несколько старомодными манерами (по внешности он был похож на православного священника гораздо больше, чем А.И.Введенский), принял делегацию любезно и ласково. Он усадил их у длинного стола, причем сам сел не на председательское место, а в стороне. А.И.Введенский тут же произнес потрясающую речь. В ярких красках он обрисовал тяжелое положение священнослужителей, которые превращены в бесправных париев. Он привел также ряд фактических данных, характеризующих произвол и несправедливые притеснения духовенства на местах.

А.И.Рыков отвечал кратко, ясно и умно. Изложенная им точка зрения была сформулирована в следующем коммюнике:

«К правительственной власти от съезда (подразумевается Пленум Синода) была направлена особая делегация для выяснения положения церковных деятелей. Депутация была принята, и доклад был выслушан. Ей объявлено, что, по мере развития государственной жизни, власти всемерно будут заботиться о положении духовных лиц в современных условиях и уже приступила к этому делу, так, например, последовал уже декрет о взимании налогов согласно действительной доходности. Депутации предложено обжаловать все затруднения в проведении просветительных, издательских и других предприятий.

В частности, на заявление депутации съезда, что обновленцам, несмотря на их просьбы к местным властям, в иных местах, городах и селах не предоставлено ни одного храма, которые беспрепятственно и всецело отдаются верующим тихоновского толка, — ей заявлено, что государственная власть находит такое положение ненормальным. Точно так же она считает ненормальными те случаи, когда провинциальные власти подвергают ограничению гражданских прав тех лиц, которые несут обязанности при храмах, по избранию прихожан, например, церковного старосты, членов приходского совета, церковных сторожей и т.д. Зная нелегкое положение в современных условиях служителей церкви, правительственная власть, в общем, сознает, что теперь в духовенстве могут быть деятельными только люди идейные». (Церковное обновление, 1925, № 5-6-7, с. 56.)

Последний день Пленума ознаменовался резким столкновением между представителями женатого и монашеского епископата. Петр Блинов, рассказав о положении в Сибири, отметил, что все сибирские архиереи женаты.

«Наша задача состояла в поставлении женатых епископов, — сказал он, — съезд сибирского духовенства пошел и на это обновление церкви. Простите за откровенность: мы думали, что если теперь течет иной ток, то нужны и другие проводы. Правильным проводником обновления мог быть только женатый епископат... Только он мог переработать церковную жизнь в железные формы. Нам предстояло выдержать бурю в Москве, в Троицкой церкви, в 1923 году. Мы оказались стойкими. Сначала, когда мы явились в Москву, в 3-й Дом Советов, на Собор 1923 года, в своих треуголах и поместились рядом с другими депутатами, слышались удивленные вопросы: откуда эти появились? Все сообразили, насколько полезен этот сибирский чернозем. И сибирский чернозем не поддавался обработке москвичей». (Там же, с. 4.)

Когда пришло время избирать Президиум, митрополит Серафим Руженцов снял свою кандидатуру, заявив о том, что он потрясен выпадами против монашества, он также ссылаясь на расстроенное здоровье. Петр Блинов сделал красивый жест — также снял свою кандидатуру в Президиум.

А.И.Введенский выступил в качестве примирителя. Заявив о равно-

почетности монашества и брачного состояния, А.И.Введенский предложил избрать обоих отказавшихся. «Разрешите не увещевать, но воззвать к здравому смыслу, – говорил он. – Митрополит Серафим за время служения в Синоде нажил несколько болезней, и я приобрел уже склероз сердца, каковая болезнь бывает только у шестидесятилетних стариков. Кроме преосвященного Вениамина, все тут готовы отказаться от служения и хотят полежать, но как трудятся люди на войне и спать им тоже хочется. Но они не имеют права уступить своим немощам». (Там же, с. 55.)

Президиум Священного Синода был избран в прежнем составе.

*

Между тем вести, приходившие с мест, не радовали сердца. «Когда начинают говорить о Священном Синоде и о подчиненных ему, – писал «Ульяновский епархиальный листок», – то известного направления люди делают это «со скрежетом зубным». С ненавистью слышится: «живист», «духовная чека» и подобное, – и если кто станет возражать и защищать, затыкают уши, не желая ничего слышать...» (Ульяновский епархиальный листок.)

В панических и злобных тонах говорили обновленцы о покаяниях обновленческих священнослужителей.

«Бывший в Сызрани монах – архиерей Серафим, явившийся сюда на кормление, не так давно подвергал пытке покаяния молодого священника села Н-го Сызранского уезда, о. А-ва. При большом стечении народа в Ильинской церкви г. Сызрани, как на средневековый костер, вышел бедный священник на амвон, смущенный, растерянный, и начал каяться в том, чему глубоко и от души верует. (Ничего себе, глубина! – *Авт.*) Сколько терзаний душевных, мук сердечных пережил несчастный кающийся священник – и видно было – передает очевидец – с каким удовлетворением и удовольствием принимал покаяния изувер, монах-архиерей...

Пользуясь реакционными элементами в приходах, они гонят священнослужителей синодальной ориентации из приходов, обрекая их в настоящее тяжелое время прямо-таки на голодную смерть, на скитание, полное отчаяние, в то же время слагая с себя всякую вину в изгнании, говоря, что гонит народ». (Там же, с. 15.)

«Прозрите, отойдите от бездны, в которую влекут вас эти властолюбивые и честолюбивые, отжившие свое время вожди Церкви, мнящие себя слугами Божьими, – отчаянно взывал ульяновский обновленческий архиерей. – Все эти руководители церковной жизни – б. патриарх Тихон и сотрудничавшие ему епископы – единомышленники сойдут со сцены, и вам придется потом нести на себе последствия за ту доверчивость, которую вы им оказываете и которою они пользуются не во благо вам и Церкви, а для удовлетворения своего властолюбия, честолюбия, а пожалуй, и корыстолюбия». (Там же. Статья архиепископа Иоанна «Пора одуматься, прозреть».)

В этой обстановке мрачного отчаяния рождаются химерические надежды на... греческих архиереев, которые приедут из Константинополя и все

устроят. Обновленцы утешаются документами, полученными из Константинополя, поднимают оглушительную шумиху вокруг постановления Константинопольского Синода.

Летом 1925 года был, наконец, получен и отпечатан следующий документ, вселивший неизъяснимую радость в обновленческие сердца.

«№4-5, 15 сентября – 1 октября 1924 года
Вселенская Патриархия
Канцелярия Священного Синода.
Перевод с греческого №3

Григорий VII, Милостью Божию Архиепископ Константинопольский, Нового Рима и Вселенский Патриарх утверждает:

Вступительная речь Его Святейшества Вселенского Патриарха Григория VII и постановления Священного Синода об основах работы отправляющейся в СССР Патриаршей Миссии.

«Святые братья! В основание возложенной на Нас церковной обязанности, по примеру святейших предшественников наших, приняли Мы, как известно, по приглашению со стороны церковных кругов СССР, Нам предложенное дело умиротворения происшедших в последнее время в тамошней братской Церкви смут и разногласий, назначив для этого особую Патриаршую комиссию из архиереев нашего Трона, имевшую отправиться туда, чтобы содействовать с Божию Помощью словами любви и путем разных указаний восстановлению согласия и единения в братской Церкви ко благу всего Православия.

Чтобы серьезнейшее дело Комиссии, имеющей такое важное значение по ее правам и по всецело исключительным обстоятельствам, увенчалось успехом, согласно желанию и надеждам благочестивого народа СССР, и чтобы одновременно предупредить во что бы то ни было неожиданного на пути деятельности у этой Комиссии, необходимо, по нашему мнению, чтобы прежде всего ясным и чуждым колебаний образом были определены и установлены точные основания, в пределах которых будет достигнуто умиротворение, единение тамошних дел.

Как бы там ни сложились церковные дела, Мы полагаем, что будущая работа Комиссии не может быть иной, как именно опираться на тамошние церковные течения, которые верны Правительству СССР, что всецело отвечает духу Православной Церкви.

Из сего разумеется, что совершенно невозможно, чтобы со стороны нашего Святейшего Вселенского Трона ожидали сочувствия и поддержки лица, вмешивающиеся в политические течения и борьбу противоцерковного характера и не подчиняющиеся существующей политической власти или колеблющиеся в вере и церковной своей деятельности.

Наша комиссия, опираясь на те именно течения, которые находятся в каноническом законном порядке перед Церковью и Государством, будут

преследовать путем надлежащих предложений и указаний в общее согласие и церковное единение, в целях полного соглашения со всеми течениями, не противными церковным канонам и верными существующему Пр-ву СССР, вследствие чего нет никаких сомнений, что этого желает совесть всех истинных чад тамошней Церкви, к каким бы группам они ни принадлежали.

Ввиду возникших церковных разногласий мы полагаем необходимым, чтобы Святейший Патриарх Тихон, ради единения расколовшихся и ради паствы, пожертвовал собою, немедленно удалившись от церковного управления, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы единовременно упразднилось, хотя бы временно, патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения.

Вместо упразднившегося патриаршества Высшее и Верховное Управление там должно принять ныне свободно и канонически избранный Синод, который выработает детали Синодального Управления Церковью в СССР.

Священный Синод, выслушав со вниманием вышеизложенную речь Его Святейшества, вполне разделяя его взгляды, как основывающиеся на священных канонах и преследующие умиротворение Святой Церкви в СССР, – единогласно постановил, чтобы комиссии определенно были даны три главные основания, на которые она должна опираться в своей деятельности и от которых она никоим образом не должна отступать:

1) Чтобы комиссия эта определенно опиралась на церковные течения, верные Правительству СССР, и руководствовалась в своей деятельности догматами и канонами Православной Церкви.

2) Чтобы Комиссия эта сделала надлежащим образом известным взгляд Его Святейшества и Священного Синода относительно необходимости удаления Святейшего Патриарха Тихона и упразднения, хотя бы временно, в СССР патриаршества, с этим взглядом сообразовала бы свою деятельность.

3) Чтобы сделала известным взгляд Вселенского Патриарха, что новое положение о Высшем Церковном Управлении должно опираться на основы чисто церковной соборности и иметь форму свободно и канонически избранного Соборного Синода.

С подлинным верно:

Обер-секретарь Патриархии:

Митрополит Сардский Герман

Представитель Вселенского Патриарха в России

Архимандрит Василий Димопуло»

(Тульские епархиальные ведомости, 1925, №1, с. 4-5.)

Другой надеждой обновленцев являлся новый Поместный Собор, открытие которого было назначено на июнь 1925 года. От Собора ожидали разрешения жгучих проблем того времени.

В преддверии Собора совершенно ясно обозначались в обновленчестве две партии: правая и левая. Обновленческая «правая» во главе с монашествующими архиереями предлагала держаться линии Евдокима – искать соглашения с Патриархией и воздерживаться от каких-либо реформ.

Обновленческая «левая», во главе с А.И.Введенским, занимала непримиримую позицию по отношению к Патриархии, отвергала всякую возможность примирения, призывая к бытовой «модернизации» духовенства, – в первую очередь, к замене монашеского епископата женатым.

Летом 1925 года «левая» перешла в решительное наступление. 15 июля 1925 года в журнале «Церковное обновление» была напечатана статья «О пастырстве», принадлежащая перу А.И.Введенского. Эта статья является программой. Нигде так ясно и четко не высказаны и основные установки обновленчества, как оно сложилось после периода исканий 1922–1924 годов, как в этой статье. Приводим ее поэтому здесь полностью.

«О пастырстве».

Вопрос о пастырстве стоит сейчас очень остро... Жизнь вырабатывает новый тип пастырства. Уже совершился колоссальный сдвиг в психологии человечества вообще, в религиозной стороне этой психологии – в частности. Мы еще недостаточно учли эту новую психологию человечества. Я знаю, что церковники подчас готовы даже враждебно отнестись к этой новой психологии человеческих масс, видя в ней какой-то губительный уклон от нормального развития. Я полагаю, что нет основания для такого пессимизма. Жизнь, как это правильно указывал еще Гегель, есть раскрытие Божественного Духа...

Пастырство, по самому своему смыслу, есть уловление человеческого сознания в объятия Христа. Но для того чтобы уловить человеческую душу, нужно эту душу понимать. Я должен обратить самое серьезное внимание на то обстоятельство, что атеистическое окружение влияет и на так называемую верующую душу, создавая в ней подчас состояние внутренней неустойчивости. И это иногда влияет и на отношение даже верующих душ к глубочайшим и важнейшим проблемам веры. Все это нам надо учесть во всей широте масштаба. Только поняв современную душу, дух эпохи, со всеми его нюансами и заострениями, мы сможем реагировать на его болезненное состояние, да дарует Христос ему евангельское здравие.

Следовательно, пастырю нужно приобщение к современному духу жизни. Значит ли это омирщение пастыря? Но что есть омирщение? Омирщение есть признание «мира» за нечто самодовлеющее, субстанциональное. Когда в сердце все заполнено «миром» – тогда нет места Христу. Внутренняя прилепленность к миру. В этом смысле, конечно, пастырь не может быть омирщен. Но принятие мира в смысле понимания мира – это должно быть у пастыря непременно.

Старый пастырь, пастырь тихоновского толка, воистину есть пастырь мертвецов, а не живых, как это утверждал и приснопамятный протои-

ерей Иван Федорович Егоров. Да, этих непогребенных трупов много толпится у церковных наших ворот, но они-то и превращают дворы живого Бога в трупарни, где кладбищенское растление отравляет атмосферу. Наши миряне, точнее миряне тихоновского толка, очень часто являются не творцами истории, ее активными деятелями, но либо не угнавшимися за победным бегом колесницы жизни, либо, того печальнее, инвалидами живой жизни, израненными, раздавленными этой чудесной колесницей.

Отсюда-то такое частое, на первый взгляд непонятное, отвращение живых людей к Церкви: у кого здоровые легкие, тому нелегко дышать спертым воздухом.

Не спору, что старый пастырь, по своему внешнему облику часто напоминающий не столько священника Господа Бога, сколько орангутанга Всевышнего, с психологией, еще больше одичавшей, чем его наружность, для кладбищенских христиан есть нечто близкое и понятное: рыбак видит рыбака издалека.

Но Церковь Христова не есть кладбище. И горе нам, если пастыри наши превратятся в могильщиков типа шекспировского Гамлета (увы! – у меня часто возникает именно такая ассоциация). Пастырь – господин и творец новой жизни. Поэтому культурность пастыря в буквальном и общепринятом смысле этого слова есть нечто само собой разумеющееся и необходимое. Здесь дело касается и культурной внешности (я, лично, принципиально бреюсь и ношу во внебогослужбное время обычную человеческую одежду). Но, главное, во внутренней общечеловеческой культурности. Необходимо возбудить в пастырях интерес – живой и действенный – к науке, к искусству, к проблемам общественности и даже (страшно сказать!) скажем себе – физкультуре. Мы ведь должны утвердиться в сознании, что весь мир есть обнаруживание Божественного принципа. Что, приобщаясь к миру, проявлению мирской жизни, мы приобщаемся Божеству в его творческом явлении...

Я – принципиальный противник монашества и сейчас допускаю его в Церкви лишь из соображений так называемой церковной экономии.

Но, почитая монашество за порождение буддийского язычества, а не евангельского христианства, я зову к строжайшей аскезе и пастырей, и мирян. У нас создалось убеждение: мне это можно, я не монах. Да нет! Что греховно, то недопустимо никому, а не тем, кто надел на себя черные клобуки и опутал свои руки четками, изобретением буддийской Индии. Самая беспощадная внутренняя борьба с грехом, самый суровый в этом смысле аскетизм – не аскетизм формы, а аскетизм духа – должен быть уделом каждого христианина, полюбившего Христову чистоту.

Итак, священник – это тот, кто в сердце имеет Бога и Богом приемлет мир, но не грех мира ... Однако для того, чтобы принять в свое сердце Бога и жить в Боге, священник должен дисциплинировать свое сердце. Но пастырская дисциплина не есть дисциплина в тривиальном понятии этого слова...

Жизнь выработала отрицательный тип «новоцерковного» пастыря, хлыщеватого квазиинтеллигента, бонвивана второго сорта. Пастырское разгильдяйство, конечно, недопустимо.

Истинная пастырская дисциплина есть самодисциплинирование пастыря, не путем сличения своих поступков с трафаретной планировкой пастырских «наказов», но, исключительно, соотношением внешнего своего поведения с внутренней преданностью и любовью ко Христу...

Митр. Ал. Введенский.

Москва 18 мая 1925 г.»

(Церковное обновление. Рязань, 1925, 15 июля, № 11, с.86-87.)

Как мы указали выше, эта статья А.И.Введенского является любопытнейшим во всех отношениях документом: никогда еще программа обновления не высказывалась так ярко и так полно. Это была по существу глубоко оппортунистическая программа – приспособиться к жизни, ко времени, к популярным идеям. По мнению Александра Ивановича, таким путем духовенство могло овладеть молодым поколением и повести его за собой.

Нет ничего более ошибочного, чем эта мысль: никогда приспособленцы никого за собой не вели; как показывает опыт истории, ведут за собой сильные духом люди, которые смело идут против всех общепринятых обычаев и понятий...

Резкие выступления против монашества возбудили целую бурю в Синоде: после часового бурного заседания в редакцию журнала «Церковное обновление» было послано следующее письмо, напечатанное в следующем номере:

«В редакцию журнала «Церковное обновление»

Священный Синод Р.П.Церкви, согласно постановлению своему от 17 сего июля, просит редакцию журнала «Церковное обновление» напечатать в ближайшем номере, что Священный Синод не имеет никакого отношения к редакции журнала «Церковное обновление», что все статьи в указанном журнале, кому бы они ни принадлежали, не выражают мнения Священного Синода РПЦ и что резких выражений в №11 журнала в статье митрополита Александра «Пастырство» Синод не одобряет». (Церковное обновление, 1925, № 12, с. 100.)

Второй обновленческий Собор

Год 1925-й год – «второй год без Ленина по ленинскому пути» – как высокопарно называли его газеты. Год необыкновенного урожая – крестьянская и деревенская Русь отъедалась, отлеживалась, плясала под гармошку и пела песни.

Год нэпа – Русь городская покрывалась лавчонками, торговцами, частными фабричками.

Год лютой безработицы, год деклассированных людей и беспризорников.

«Все, как было, только немного хуже», – резюмировал В.В.Шульгин, побывавший нелегально в Москве, Ленинграде и Киеве, свои впечатления.

1925-й год – XIV съезд РКП. Ленинградская оппозиция.

Ожесточенная борьба за власть четырех претендентов: знаменитого организатора («основателя Коминтерна»), знаменитого теоретика (автора «Азбуки коммунизма»), знаменитого оратора. Четвертый – кавказец-победитель ничем не был знаменит и никому не был известен.

1925-й год – год Айседоры Дункан и Всеволода Мейерхольда – войдет в историю театра, как золотой год, говорил старый театральный критик Кугель.

1925-й год – год гибели Сергея Есенина и год его величайшей славы. Но не радовала его эта слава:

Товарищи, сегодня в горе я,
Проснулась боль
В угасшем скандалисте!
Мне вспомнилась
Печальная история –
История об Оливере Твисте.
Мы все по-разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,
Кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь
Попы и дьяконы
О здравии молятся
Всех членов Совнаркома.

В этих словах – боль и упрек: великий поэт-гуманист, очень плохо понимавший события, очень плохо формулировавший и обобщавший, интуитивно же почувствовал пошлость и фальшь того политического приспособленчества, которым была охвачена значительная часть русского духовенства.

Интуитивно чувствовала фальшь и пошлость этого приспособленчества и вся многомиллионная, разноликая рабоче-крестьянская, мещанская, мелкобуржуазная масса. Отсюда – глубокое отвращение подавляющего большинства верующих к обновленцам.

Смерть патриарха Тихона не оправдала надежд, возлагавшихся на нее обновленцами.

Митрополит Петр, выселенный из Донского монастыря, поселившийся в Сокольниках, занял по отношению к обновленцам жесткую и твердую позицию, во много раз более жесткую, чем сам патриарх.

Отстранение от власти Серафима Александрова – сторонника «умеренной» компромиссной политики, который уехал к себе в Тверь, категорический отказ вести переговоры о «легализации» на условиях Тучкова, непримиримый тон по отношению к обновленцам – таковы основные черты политики митрополита Петра в течение его восьмимесячного пребывания у кормила церковного правления.

Ко всеобщему удивлению, веселый сангвиник, еще семь лет назад служивший бухгалтером в артели «Богатырь», оказался для обновленцев и для Тучкова во много раз худшим контрагентом, чем покойный патриарх.

Если патриарх Тихон (по человечески мягкий и уступчивый) был склонен порой поддаваться влиянию окружающих его людей, то митрополит Петр был человеком твердой и сильной воли. («Он был упрям, как бык; прямо невозможно было к нему приступить», – говорил о нем А.И.Введенский.)

Все попытки обновленцев заключить «соглашение» с митрополитом Петром и «завзять» его на Собор кончались полным провалом.

Самое большее, на что согласился митрополит Петр – это принять архидиакона С.Доброва, посланного к нему Синодом с посланием. Архидиакон С.Добров был избран для столь ответственного поручения не случайно: это была самая безобидная и ничем не замечательная личность, не вызывавшая никаких неприятных ассоциаций. Архидиакон передал письмо от митрополита Вениамина – Председателя Синода.

Встреча митрополита Петра с С.Добровым состоялась 29 июля 1925 года. Прочтя письмо от митрополита Вениамина, содержащее предложение о встрече и о готовности «вести беседу в духе Христовой любви и взаимного уважения», митрополит Петр холодно ответил: «Нет – встреча состояться не может».

Руководствуясь данной ему инструкцией, архидиакон С.А.Добров спросил, желает ли он прекращения церковного разделения и какие меры для этого необходимы. С.А.Добров от имени Синода предложил создать комиссию на паритетных началах для совместной подготовки к Собору.

Митрополит Петр категорически отклонил и это предложение, сославшись на недостаточность своих полномочий. (он не патриарх, а лишь административное лицо). Далее митрополит Петр обусловил всякие переговоры возможностью консультации с заключенными и сосланными епископами (их в то время было более семидесяти). О. архидиакону осталось лишь ответить: «Мы к этому не имеем никакого отношения», и откланяться. (См.: Вестник Священного Синода, 1926, №7, с.5.)

25 июля 1925 года появилось воззвание митрополита Петра, в котором указывалось, что подготовляемый обновленцами Собор является самочинным, «лжесобором», и категорически воспрещалось принимать кому бы то ни было, из клириков или мирян, в нем какое бы то ни было участие.

В воззвании отмечалось, что все, совершенное без благословения митрополита Петра, неканонично, и что обновленцы должны принести раскаяние в своих заблуждениях в виде всенародного раскаяния каждого в отдельности. При том вновь перечислялись вины обновленцев: «введенное ими самочинное учение» (в №1–2 журнала «Живая Церковь»), отвержение власти патриарха, антиканоничные реформы – брачный епископат и второбрачие клириков.

В это же время, когда стало ясно, что договориться с митрополитом Петром не удастся, Синодом была дана команда на места: попытаться договориться с местными церковными властями, пригласив их на Собор. Однако и эта попытка окончилась полным провалом: настроение на местах было такое, что даже наиболее примиренчески настроенные владыки не решались на сепаратные переговоры.

20 июля 1925 года епископ Ладожский Венедикт, освобожденный из заключения и вступивший в управление Ленинградской епархией, категорически отказался принять направленную к нему делегацию в составе трех человек. В течение двух часов делегация вела переговоры с секретарем, и лишь после томительного ожидания удалось уговорить владыку принять протоиерея Н.Ф.Платонова (в качестве частного лица). Аудиенция, данная Платонову, также окончилась безрезультатно: епископ лишь вновь заявил о том, что без благословения митрополита Петра он не может входить в какие бы то ни было переговоры с обновленцами.

В Нижнем Новгороде митрополит Сергей также отказался принять делегацию от обновленцев. Обновленческому архиепископу Александру было отвечено через секретаря, что митрополит может его принять лишь как желающего принести всенародное покаяние. Воззвание Синода, посланное по почте митрополиту и трем его викарным епископам, было без комментариев возвращено адресату.

Епископ Никон в Туле издал официальное предписание подведомственному духовенству, чтобы оно ни в какие отношения с обновленцами не входило, в Смоленске, в Пензе – местные преосвященные, как и в Нижнем, категорически отказались говорить с обновленцами.

Управляющий Самарской епархией, епископ Сергей (Зверев) Бугу-

русланский, через несколько лет трагически погибший в качестве жертвы произвола местных властей, дал на предложение местного обновленческого епархиального совета следующий ответ: «Не нахожу надобности вести переговоры с вашим управлением и принять поэтому делегацию не нахожу нужным».

В Оренбурге и Ульяновске также отказались говорить с обновленцами. Уфимский преосвященный Иоанн (Поярков) дал следующий ответ: «Мы готовы принять обновленцев в общение при «условии полного отречения от всех новшеств, вошедших в жизнь обновленческой церкви, начиная с 1922 года».

Наиболее колоритен ответ управляющего Вятской епархией Яранского епископа-фанатика Нектария. В ответ на предложение о переговорах епископ обратился к епархии со следующим воззванием:

«Богомерзкого обновленческого движения отрицаюсь и анафемствую оно. Богомерзкий разбойничий, так называемый, Собор 1923 года в Москве со всеми его постановлениями анафемствую; со всеми примкнувшими к сему обновленческому соблазну обещаюсь не имети церковного общения. Православные вятичи! Волк в овечьей шкуре, обновленец архиепископ Иосиф обратился к верующим... Бдите, православные, како опасно ходите. Дние лукавы суть».

Далее епископ Нектарий, выражая крайний «тихоновский» взгляд на обновленчество, экзальтированно объявил, что обновленческая церковь – еретическая, что синодальное священство – безблагодатно, что таинства, совершаемые обновленческими священниками, недействительны, молитвы не имеют силы, евхаристия – простые хлеб и вино, исповедь не разрешает грехов, и призывает не ходить в Собор, как еретический.

Аналогичное заявление сделал омский епископ Виктор, утверждавший, что «синодально-обновленческая и еретическая церковь отрицает божество Христа Спасителя и выбрасывает иконы» (?).

В Красноярске, в ответ на предложение синодального архиепископа Александра, епископы Амфилохий и Димитрий заявили: «Наше соединение с вами возможно лишь тогда только, когда вы отречетесь от своих заблуждений и принесете всенародное покаяние».

В Семипалатинске отказались от переговоров на том основании, что «противоречия между староцерковниками и обновленцами может разрешить лишь Вселенский Собор».

Ответ епископа Иркутского Кирилла гласит следующее:

«Ваша иерархия... представляется в нашем сознании самозванною, узурпирующей и лжеправославною. Поэтому все ваши призывы нас к какому-то миру и единению с вами нами отвергаются и отвергаются даже с негодованием.

Поэтому благоволите в будущем не утруждать себя какими-то ни было посланиями к нам, разве только, если пожелаете единения на началах существующего и известного вам для сего случая чина».

В Баку епископ Арсений отклонил переговоры, заявив, что без санкции Москвы он не имеет права их вести.

В Туркестане епископ Сергей (Лавров), через два года сам присоединившийся к обновленчеству, выпустил «Смирненное Послание к пастырям и чадам Православной Церкви Семиреченской и Туркестанской епархии, уклонившихся в обновленческий раскол». В послании заявлялось, что обновленческие священники и епископы лишены благодати священства и не имеют власти передавать другим благодать.

Несколько по-иному повел себя Владимирский епископ Афанасий¹, который самолично явился на обновленческий епархиальный съезд. Вот как описывает его появление на съезде 25 сентября 1925 года один из обновленческих руководителей Владимира в своем донесении Синоду:

«Епископ Афанасий, не помолившись во время пения молитвы и не благословив собрания, сделав только общий поклон, заявил, что ему на этом собрании быть не следует, что он пришел на него лишь после усиленных просьб прибывших к нему мирян, что ему можно только быть на таком собрании, которое получит благословение от митрополита Петра. После усиленных просьб епископ Афанасий согласился побыть на собрании несколько времени, оговорившись, что за это свое присутствие на съезде он должен просить прощение у митрополита Петра. Затем, выслушав доклад архиепископа Герасима о предстоящем Соборе, епископ Афанасий стал говорить о том, что все обновленцы должны покаяться перед патриархом или его преемником, что Синодальное церковное управление неканонично и безблагодатно, что новорукоположенные синодальные архиереи – не архиереи. Совершаемые ими хиротонии недействительны, и посвящаемые должны быть перерукополагаемы, что он, епископ Афанасий, и делает.

На Собор 1 октября они (староцерковники) не пойдут. Для них авторитетен только Собор, созданный митрополитом Петром.

В случае искреннего покаяния, пожалуй, можно будет принять обновленцев и в сущем сане.

Изрекши эти «истины» и выслушав гостеприимно пропетое ему «исполла», епископ Афанасий удалился из собрания».

Очень характерны также переговоры, которые велись между обновленцами и староцерковниками в Курске.

В это время Курской епархией (староцерковной) управлял митрополит Назарий. Обновленцев здесь возглавлял монашествующий архиерей Константин Спасский. Вот как передает протоиерей Мусатов содержание беседы, происходившей между митрополитом и обновленческой делегацией:

«При встрече – стереотипные фразы: «Грядущего ко Мне не изжену вон. Чем могу служить?..» Я объяснил, что мы явились не по личной инициативе, а по поручению епархиального Управления и с обращением от него, и начал читать текст обращения. Митрополит Назарий с первых же слов своими репликами стал, как говорится, обрывать чтение...

¹ Владимирский епископ Афанасий почил в Бозе 2 ноября 1962 года, находясь на покое в Петушках, погребен во Владимире.

«... Священный Синод...» – начинается чтение. «А разве такой существует? – прерывает митрополит Назарий. – Я этого не знаю».

«Курское епархиальное управление», – читал я. «А разве такое есть?» – возражает он...

«Под председательством архиепископа Константина». – «Я, – прерывает митрополит Назарий, – такого не знаю, я знаю только Константина Константиновича...»

Мною была приведена справка о хиротонии архиепископа Константина и об епископах, его поставлявших. Далее я попросил митрополита Назария выслушать до конца обращение, а потом дать ответ. Митрополит Назарий до конца чтения сохранял молчание. Но затем, при видимом спокойствии, заговорил довольно резким тоном о событиях и лицах недавнего прошлого, рисуя близких своему сердцу в одних красках, чуждое – в других, а в заключение сказал: «Передайте преосвященному епископу Константину, если он хочет соединиться с нами, пусть приходит в нашу Ильинскую церковь, откажется от всего, что связано с Собором 23 года – это будет зафиксировано особым известным официальным актом, который и будет препровожден к митрополиту Петру Крутицкому».

Единственная епархия, в которой удалось уговорить староцерковников послать делегатов на Собор, была Тамбовская епархия, от которой было послано в составе делегации четыре мирянина (два от староцерковников и два от обновленцев).

Тверской и Кашинский митрополит Серафим (Александров) остался верен себе. Он любезно принял обновленческого архиепископа Игнатия, дал понять, что он всей душой сочувствует примирению с обновленцами, а затем издал следующий приказ по епархии: «Ввиду того, что обновленческие самозванные архиереи рассылают повсюду приглашения к миру и объединению и к подготовке к их Собору, настоящим объявляю, чтобы духовенство не имело никакого решительно общения с обновленцами, так как они схизматики. Они должны придти к нам и придти с покаянием, причем прием каждого из них быть имеет рассматриваем особо, в зависимости от вины кающегося, ему будет назначено то или иное покаяние».

В Астрахани смиренный и кроткий архиепископ Фаддей вежливо ответил: «Имею честь сообщить, что на принятие участия в организационной работе по созыву III Всероссийского Поместного Собора я не имею канонически законного полномочия»*.

Несколько своеобразную позицию занял староцерковный Томский архиепископ Димитрий (Беликов) – независимый, смелый архипастырь – в прошлом крупный деятель Святейшего Синода (последний председатель Учебного комитета. В его непосредственном подчинении был в то время П.Ф.Полянский – митрополит Петр).

Архиепископ Димитрий... «прибыл, по приглашению, на заседание расширенного Пленума Томского епархиального совета 27 июля 1925 года, но вел себя уклончиво. На вопрос, примут ли староцерковники участие в

организационной предсоборной работе, архиепископ Димитрий заявил, что об этом надо спросить сначала народ; затем стал ссылаться на то, что не имеет права управления, не может созывать приходские собрания и проч. Спутники архиепископа Димитрия вели себя вызывающе, не стеснялись оскорблениями по адресу обновленцев, шумели и т.д. На устроенный затем Епархиальным советом публичный доклад архиепископ Димитрий прибыл с массой староцерковников, которые вели себя так, что собрание пришлось закрыть.

Наконец, архиепископ Димитрий не отказался прибыть и на Епархиальный съезд 28 августа, хотя никакой подготовительной работы, как обещал, не сделал. Но участие его выразилось лишь в том, что он заявил, что он не согласен с постановлениями Собора 1923 года, а когда на предложение его тут же поставить вопрос об условиях примирения ему было разъяснено, что об этом будет речь на Соборе, а теперь надо обсудить лишь условия участия на Соборе, то архиепископ Димитрий удалился со съезда» (материал взят из содержательной статьи Б.В.Титлинова «Что было сделано для церковного мира» – см.: Вестник Священного Синода, 1926, №7, с.5-10).

Таким образом, к сентябрю 1925 года стало ясно, что всякие надежды на присутствие староцерковников на Соборе лишены всякого основания. Но в этом случае самый Собор становился беспредметным: ведь он был задуман как Собор примирения. Однако при отсутствии староцерковников примирения не получилось, не получилось даже диалога со староцерковниками.

Летом 1925 года лопнули также химерические надежды на Константинополь.

После вступления на Патриарший Престол в Константинополе нового патриарха Василия III, о котором архимандрит Василий Димопуло сообщал, что он якобы друг обновленчества, в Фанар немедленно полетело из Москвы послание, в котором было больше воплей о помощи, и не было оно похоже на послание главы автокефальной церкви к равному себе по сану. Во всяком случае, можно смело сказать, за время автокефалии Русской Церкви Фанар никогда не получал из России послания, составленного в столь унижительном тоне.

«Его Святейшеству, архиепископу Константинопольскому, Нового Рима и Вселенскому Патриарху Василию III» – гласит заголовок этого послания.

«Три года тяжелый недуг обуревают Русскую Православную Церковь. Почивший Патриарх Тихон не уразумел «знамения времени» и лишил ее внутреннего мира и внешнего благополучия. Напрасно обращался к нему с мудрым словом вразумления ближайший предшественник Вашего Всесвятейшества Блаженный почивший Патриарх Григорий VII.

Он не только не внял братскому призыву, но и надменно отверг право Отца Отцов на участие в делах Русской Церкви.

Тщетно и мы ждали обещанной Патриархом Григорием VII миссии

для расследования недугов нашей церковной жизни. В настоящее время, когда Вы, Ваше Всесвятейшество, из возглавляющего предполагаемую миссию стали Патриархом всей Вселенной, у нас вновь ожила надежда на помощь от нашей Матери, Церкви Восточной.

Смерть Патриарха Тихона (Патриарха, а не бывшего Патриарха, как обычно в обновленческих документах. – *Авт.*) не объединила разъединенный им верующий народ. Все меры, предпринятые Священным Синодом Российской Православной Церкви, не приводят к желанному миру. У всех истинно верующих и любящих Церковь Божию осталась одна надежда на Собор. Но и Собор едва ли умирит разбушевавшиеся страсти. Нужен авторитет, который мог бы стоять выше заинтересованных сторон. Таким единственным авторитетом могли бы быть Вы, Ваше Всесвятейшество. И Святейший Синод Российской Православной Церкви умоляет Вашу Святыню отечески попечительно призреть на нашу церковную скорбь и подвигнуться на спасение болящей дочери – Церкви Русской.

Нам – верным сынам Церкви – особенно важно излечиться теперь, когда приближается время Вселенского Собора, а Вам, Ваше Всесвятейшество, особенно бесполезно посетить Церковь Русскую в преддверии грядущего Собора, чтобы правильно судить о положении ее в современных условиях нового государственного строя.

Святейший Синод Российской Православной Церкви уже принял зависящие от него меры к беспрепятственному въезду Вашего Всесвятейшества в столицу СССР.

Собор имеет быть 1 октября нового стиля 1925 г. в городе Москве.

Все мысли и сердца многомиллионного верующего народа русского обращены на Ваше Всесвятейшество, как на единственного спасителя и Отца нашей Матери Церкви (в таких выражениях никто никогда не обращался даже к Римскому папе. – *Авт.*)».

«Верим и уповаем, что Отец Отцов не оставит мольбы своих детей неуслышанной и, как некогда Христос – Спаситель прикосновением исцелил горячку тещи апостола Петра, так и Вы, Ваше Святейшество, своим прибытием в наш Поместный Собор и прикосновением к язвам нашей страждущей Церкви поможете врачеванию соборным разумом ее недугов.

Братски приветствуя и целуя Ваше Всесвятейшество, Священный Синод Российской Православной Церкви испрашивает молитв и благословения Вашего Всесвятейшества, Первостоятеля Церкви Вселенской.

Председатель Св. Синода

Митрополит Вениамин.

(Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви, 1925, №4, с.3-4.)

Сомнения быть не может, это отказ от автокефалии: безоговорочно признавая за Вселенским Патриархом его право верховного суда над Русской Церковью, Синод – тем самым – признает его Верховным Главой Русской Церкви.

Нет сомнения – только крайне бедственное положение обновленчества побудило его на такой крайний шаг. Однако и этот отчаянный шаг не дал никаких результатов: к этому времени в Фанаре, видимо, смекнули, что обновленцы являются маловлиятельным меньшинством в Русской Церкви – поэтому Вселенский Патриарх в ответном письме попросту отклонил как приглашение на Поместный Собор, так и предложенную ему роль верховного судьи Русской Церкви. В этом легко убедиться, прочитав следующий документ:

«Письмо Вселенского (Константинопольского)
Патриарха Василия III.

Божиею Милостию, Вселенский Патриарх Василий, Архиепископ Константинопольский и Нового Рима.

Высокопреосвященный Митрополит Кир Вениамин, Председатель Священного Синода Православной Российской Церкви, возлюбленный Наш во Христе брат и сослужитель – Вашу во Христе мерность лобызаяем.

Благосклонно получили Мы письмо Ваше от 30-го, прошлого месяца июля и с особенным вниманием прочитали его, как лично, так и в собрании Синода.

Радуемся и почерпаем весьма твердую из него в том уверенность, что дух любви и мира Христова по благословию Бога глубоко укоренились и укрепились в Вас. Сердце наше и всех совершенно наполняет ясное сознание о единомыслии разделившихся, что является первым шагом к непоколебимой наших предложений правости. Мы не можем иметь никакого сомнения в том, что одинаковое благолюбивое сознание и желание направляет к объединению божественного предвозвещения сердца и всех остальных, досточтимейших иерархов, боголюбивых клириков и всего благочестивого собрания Вашего. Надеемся и веруем, что на сделанное предложение все охотно откликнутся и с любовью, совестью и готовностью – после долгих обсуждений и рассмотрений, бывших в Вашей Церкви, принять участие в предстоящем в начале октября в Москве Поместном Соборе для совместной работы на восстановление мира и правды.

Желаем и уверены, братие, что к Вашему благомыслящему призыву присоединятся и мнение, и веление всей церковной иерархии. Заочно поприветствуем с Вами и, поскольку можно, посодействуем ко скорейшему и полному уничтожению печального разделения, которое, будучи вредно для Православной Церкви Вашей, глубочайшею печалью исполняет и Великую Матерь – Церковь. Радость же и похвала по примирении Вашем сообщится и всем другим Церквам православным.

Личное наше присутствие не может быть в настоящее время исполнимо по многим основаниям, и, по нашему же мнению, оно не столь уже необходимо. Ваше благочестие и искреннейшее желание поможет Вам исправить все дела Церкви. Когда всеми управляет благодать Божия и у всех одинаковое единодушие, тогда найдется и путь к примирению.

Шествуйте, братья, твердо по стопам благочестия и твердо держитесь канонических правил в духе мира и любви Господа Бога. Он поможет Вам найти способ успокоения в волнующих вас вопросах, примирение в разъединившихся и возвратит вас в спасительное и совместное единение. Дух и любовь нашей и прочих братских церквей смотрит на Вас и поможет Вам благополучно закончить дело.

Бог мира, возведый из мертвых Пастыря овцам Великого Кровию завета вечного Господа нашего Иисуса Христа, да утвердит Вас во всяком деле благе, да совершите Волю Его, сотворив в вас благоугодное перед Ним во имя Иисуса Христа, Ему же слава во веки веков... Аминь. 1925 года сентября 11.

*Вселенский Константинопольский Патриарх
Василий, во Христе возлюбленный брат.*

Перевод с греческого языка. Верно:

*Представитель Вселенского Патриарха архимандрит
Василий Димопуло». (С. 7.)*

Предсоборное воззвание Синода к верующим также отличается истерическим, взвинченным тоном.

«Послание Священного Синода.

Божией Милостью, Священный Синод Российской Православной Церкви всем архипастырям, пастырям и чадам Православной Церкви.

Благодать, мир и любовь Господа нашего Иисуса да пребудет со всеми нами.

Уже долгие месяцы и годы раздиралась св. Мать – наша Православная Церковь. Не стало мира в среде нашей, забыто братское общение наше. Раздражение и подозрительность, подчас и явно обнаженная ненависть терзают и отравляют благодатное Тело Христово – св. Церковь. Мы разделились, мы враждуем, мы перестали понимать друг друга. Кто измерит глубину – пагубности болезненного состояния Церкви Христовой? Чье сердце, любящее Господа и помнящее Его заветы единства всех верующих в Него, не сжималось многократно от скорби по поводу этого тяжкого и страшного нашего разделения. И сколько искренних молитв несло к Престолу Всевышнего – да прекратит Всемогущий это разделение наше. И ныне настало время благоприятное и, верим, близок день спасения.

Мы уверены, что чувство братской всепобеждающей любви, а также сознание неизмеримой гибельности в продолжающемся расколе для всей Церкви, обуреваемой волнами неверия и сектантства, понудят всех православных верующих склониться перед необходимостью все тяжелое простить, забыть и всем нам – верующим во Единого Спасителя, Распятого за всех – Богочеловека, объединиться для спасения Церкви. Это возможно лишь общей молитвой, общим разумом, общей волей – это может совершить лишь всецерковный и руководимый по апостольскому и отеческому разумению Благодатью Св. Духа Собор.

Для успокоения церковной жизни, для умиротворения враждующих сторон, для спасения веры Св. Синод постановил созвать 1 октября 1925 года в богоспасаемом граде Москве III Всероссийский Православный Собор.

Оповещая о нем преосвященных архипастырей, честных пастырей и боголюбивых мирян, Св. Синод умоляет всех, во имя Господа, во имя Блага Св. Церкви, во имя спасения души, с пламенеющим молитвой сердцем – немедленно же приступить к осуществлению сего святого начинания. Пусть каждая православная община, невзирая на те или иные взгляды на течение церковной жизни, поспешит принять участие в сем великом и святом деле.

Пусть отойдут со стыдом раздорники, желающие во что бы то ни стало продолжать церковный раскол. Им судьей будет нелицеприятный Господь, и праведное Его возмездие не минует главы их. Вы же, любящие Св. Церковь, страдающие о ранах ее, проливающие слезы и над страданиями ее, все вы, верующие и верные чада Святой Церкви Православной Христовой, поспешите на Божие дело, ратуйте о спасении Церкви. И окончится раздор братский и сплотится по-прежнему воедино вся Христова семья.

Св. Синод молитвенно испрашивает у Господа всем деятелям церковным сил на подвиг соборный. Словами Самого Спасителя Нашего Господа Иисуса Христа: «Отче Святой, да будут все едины как Ты, Отче, во Мне и я в Тебе, так и они да будут в нас едино, да уверует мир, что ты послал Меня» (Ев. Иоанна 7,21).

11 июля 1925 года».

Наконец, перед самым Собором Синод сделал весьма курьезную попытку распространить свое влияние на русскую церковную эмиграцию.

Об этом свидетельствует следующий любопытный документ, напечатанный в «Известиях»:

«Святой Синод и заграничное духовенство.

Наркоминделом получено от Святейшего (?) Синода следующее сообщение:

Святейший (?) Синод просит Народный Комиссариат иностранных дел довести до сведения всех иностранных правительств и иноверных церквей, что духовенство – бежавшее из России или оставшееся за границей в церквях при посольствах или миссиях, не имеет права говорить от имени православной русской церкви, так как у него нет на то никаких полномочий от центральной и церковной власти. Вмешательство в политику епископов, утративших свои кафедры, и следующих за ними священников, которые стали орудием заграничных монархических организаций и ведут всюду агитацию против своей родины и народного правительства, является каноническим преступлением, за которое они подлежат церковному и гражданскому суду и запрещению. Церкви, церковные дома и церковные земли, приобретенные в свое время за границей Российским правительст-

вом, Святейшим Синодом или пожертвованные частными лицами, составляют собственность советских республик, которые передают их Святейшему Синоду. Св. Синод требует от всех заграничных священников и церковнослужителей немедленного заявления через генеральное консульство СССР о том, что они признают политическую и Св. Синода власть. При этом они должны представить подробный отчет об их деятельности за годы с начала русской революции.

За Председателя Св. Синода

Митрополит Московский Серафим.

Зав. адм. отделом

Митрополит Александр Введенский».

(Известия, 1924, 21 сентября, №266, с.4.)

В этом документе все любопытно: прежде всего обращает внимание совершенно неожиданное изменение титула Синода (Святейший вместо Священный). Это, конечно, не случайная обмолвка: Синод хочет усилить представление о том, что он является единственным законным правопреемником дореволюционного Синода.

Цель этого документа также вполне ясна: церковное имущество, отобранное у эмигрантского духовенства, должно было послужить для них своеобразной приманкой. Излишне говорить, что решительно ничего из этого «мероприятия» не вышло: за границей никто не обратил никакого внимания на этот наивно-нахальный документ.

Единственным успехом обновленцев за границей была передача в руки обновленцев кафедрального Никольского православного собора в Нью-Йорке.

Несмотря на то что приглашение было послано заграничному духовенству, ни один представитель заграничного духовенства на Собор не явился.

*

За два месяца до Собора был опубликован следующий документ, устанавливающий программу работ Собора:

«Вестник Священного Синода.

1. Общее положение.

Две великие задачи предстоят III Поместному Собору 1925 года:

1) благоустройство Церкви и 2) подготовка к предстоящему Вселенскому Собору.

По отношению к первой задаче Собор должен:

а) выработать меры к объединению Православной Церкви и ликвидации разделения в связи с личностью б. патриарха Тихона и направлением его церковной политики;

б) упорядочить строй жизни Церкви в условиях современной действительности и

в) провести в жизнь неотложные церковные реформы.

По отношению ко второй задаче Собор должен вынести авторитетное решение от лица Российской Церкви по всем вопросам программы предстоящего Вселенского Собора и выбрать делегатов на этот Собор.

Поместный Собор 1925 года состоит из священнослужителей и мирян: а) по должности; б) по выборам соответствующих избирательных собраний и в) по приглашению Синода.

Членами Собора не могут быть лица, опороченные по суду гражданскому.

Поместный Собор 1925 года открывается Священным Синодом в г. Москве в храме Христа Спасителя 1 октября 1925 года (нового стиля).

Члены Собора содержатся в Москве на средства их пославших епархий.

Для жительства их в Москве будет предоставлен 3-й Дом Советов за определенную плату».

(Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви, 1925, №4, с. 1.)

30 сентября 1925 года вновь, в последний раз, широко открылись перед духовенством гостеприимные двери 3-го Дома Советов. На этот раз в Доме Советов было устроено также общежитие для членов Собора: в различных комнатах бывшей Духовной семинарии были расставлены койки на 15-20 человек в комнате. При этом не разбирались в чинах: епископы, священники, миряне – все были перемешаны ... Все вместе жили и вместе столовались.

Как отмечают все участники Собора, на этот раз не было среди приехавших одушевления. Никто не ожидал ничего серьезного от Собора. Особенное разочарование вызвало отсутствие на Соборе восточных гостей.

Достаточно было сравнить два документа, опубликованных Синодом в преддверии Собора, чтобы понять полный крах всех надежд, возлагавшихся первоначально на Собор.

Первый документ был опубликован 2 августа 1925 года, за два месяца до Собора. В этом, инспирированном Синодом, документе говорилось следующее:

«1 октября с.г. Синодом созывается в Москве, в храме Спасителя, 3-й Всероссийский Поместный Собор православных церквей на территории СССР. В Соборе примут участие, помимо сторонников Синода, представители восточных патриархов и делегаты от других автокефальных церквей (грузинской, армянской, старообрядческой и др.). Синодом разослано специальное обращение всем тихоновским епископам с предложением принять участие в Соборе. Злобой дня церковников является вопрос о том, примут ли они или отвергнут эти предложения. В случае их согласия предполагается создать специальную паритетную комиссию из представителей Синода и тихоновцев для организации созыва Собора.

Второй кардинальный вопрос – это приезд Вселенского патриарха. 15 июля в Синоде была получена телеграмма об избрании нового Константинопольского Патриарха Василия, бывшего митрополита Никейского.

Синод предполагает возбудить вопрос о приглашении нового патриарха на Поместный Собор и рассчитывает, что авторитет, которым он пользуется, будет способствовать объединению с тихоновцами.

В программе Собора 1925 года поставлен в первую очередь вопрос о создании единой Церкви. Затем, среди других вопросов, подлежащих решению, любопытен пункт «об устройении церковной жизни в условиях современной государственности» и об участии русской церкви во Вселенском Соборе».

(Известия, 1925, 2 августа, №175, с.7.)

Совершенно иначе определяется цель работы Собора и его задачи в документе, опубликованном 1 октября 1925 года, в день открытия Собора.

«Центральным местом в занятиях Собора является и вопрос о современном положении в церкви, – говорится в статье «Наши беседы». – В этом вопросе Синод выявит свое отношение к тихоновцам. Им будет занята позиция отказа от примирения с тихоновцами, так как тихоновцы не признают даже самого принципа мира с обновленцами. Уже сейчас митрополитом Петром Крутицким, местоблюстителем патриаршего престола, выпущено воззвание, которое называет предстоящий 1 октября Собор – лжесобором. Момент разрыва с тихоновщиной определяется желанием последней во что бы то ни стало восстановить патриаршество. Синод не доверяет тихоновщине, имеет в своих руках факты, которые доказывают примесь политического момента в работе тихоновщины. Несмотря на завещание Тихона, тихоновщина не выявила свою политическую физиономию и еще до сих пор не организовала комиссию для производства следствия над зарубежными, монархически и антисоветски настроенными архиереями.

Верхушка тихоновщины не только не ослабляет своей политической деятельности, а занимается особым разжиганием масс. Характерно, что на первых порах зарубежные архиереи в высшей степени сдержанно отнеслись к избранию Петра Крутицкого. Еще недавно Антоний Храповицкий высказывал мысль о непризнании Петра как местоблюстителя. Между тем теперь этот же самый Антоний находит, что Петр должен пока быть на этом месте. Это очень симптоматично. Что касается разногласий по вопросам о женатом епископате и второбрачии духовенства, то этот момент в расколе и не играет никакой роли, так как имеется целый ряд фактов, когда тихоновские архиереи женятся путем гражданских регистраций (?!).

Политическая атмосфера среди тихоновцев отталкивает от нее церковную интеллигенцию.

В церковной практике уже имеется вновь образованная группа «нейтральных христиан» (?), которая оторвалась от тихоновщины, но еще не примкнула к Синоду. Всего на Соборе будет присутствовать до 400 человек. Собор откроется в храме Христа. В служении будут принимать участие старейшие иерархи... Обращение к членам Собора будет зачитано митрополитом Вениамином. Собор продолжится десять дней». (Известия, 1925, 1 октября, № 224, с. 6.)

Это сообщение, опубликованное в день открытия Собора, было во всех отношениях зловещим прологом: оно свидетельствовало не только о крушении всех надежд на примирение, но и о том, что в Синоде восторжествовала крайне левая партия, которая вступила на путь политических доносов и открытого сикофанства.

Как это ни печально, приходится признать, что главой этой партии был в это время А.И.Введенский. Фракционные счеты и честолюбивые стремления довели его в этот период его жизни до той самой роли сикофанта, которую он так искренне осуждал, когда речь шла о Красницком.

В жизни А.И.Введенского имеются две постыдные страницы: его некрасивая роль во время ареста петроградского митрополита Вениамина и Собор 1925 года.

Этот Собор является также одним из самых постыдных эпизодов в летописи обновленческой церкви.

Собор открылся 1 октября 1925 года в храме Христа Спасителя торжественной литургией, которую совершали семь архиереев (по числу 7 таинств православной Церкви). Священнодействовали митрополиты Вениамин Ленинградский, Серафим Московский, А.Введенский, архиепископы Петр Закавказский, Петр Томский, Иосиф Изюмский, Сергей Пермский. На молебне присутствовали 90 архиереев, 109 клириков, 133 мирянина. Всего на Соборе присутствовало 106 архиереев.

На первом заседании был избран Президиум.

Председателем был единогласно избран митрополит Ленинградский Вениамин. Почетным Председателем – Вселенский патриарх Василий III (заочно).

Почетные члены Президиума: представитель Вселенского патриарха архимандрит Василий, представитель Александрийского патриарха архимандрит Павел, митрополит Харьковский Пимен, митрополит Белорусский Владимир.

Товарищи Председателя: митрополит Серафим, митрополит Александр (Введенский) митрополит Петр Сибирский, митрополит Воронежский, митрополит Петр Закавказский, протопресвитер П.Н.Красотин, протоиерей Н.Ф.Платонов, профессора С.М.Зарин, Б.В.Титлинов, крестьянин И.Е.Кузнецов (Владикавказская епархия).

Секретарь Собора – проф. Б.В.Титлинов.

Помощники секретаря – архиепископ Александр Алтайский, прот. М.А.Князевский, мирянин А.Ф.Шишкин, И.Н.Уфимцев, прот. А.И.Лашков, Т.Н.Михайлов.

Сразу после открытия заседания слово (по установившемуся шаблону) было предоставлено А.И.Введенскому для доклада на тему: «О современном положении в православии».

Речь А.И.Введенского, по словам всех отцов Собора, выступавших в прениях, была блестящей.

На самом деле доклад А.И.Введенского был, конечно, очень талант-

лив. Однако даже и великий оратор не может выступать без конца на одну и ту же тему: после третьего, четвертого раза он неминуемо начнет повторяться.

Речь А.И.Введенского на Соборе 1925 года значительно слабее аналогичных выступлений в 1923 году, на Предсоборном Совещании 1924 года и на пленуме Синода весной 1925 года. И впечатление, произведенное на слушателей, во много раз меньше (хотя бы потому, что они слышали подобные речи из уст Введенского уже в пятый или шестой раз). В самом построении доклада чувствуется уже сложившийся трафарет: сначала длинная тирада о «кризисе христианства», затем вывод: причина кризиса – социальная позиция, занятая Церковью, – переход Церкви на сторону власть имущих, и, наконец, заключение: обновленческая церковь, переходя на сторону прогресса, показывает выход из кризиса.

Наиболее острый момент наступил в конце. В то время, когда оратор, сотрясая стены семинарского зала, подводил доклад к закругленному концу, а отцы Собора готовились к аплодисментам, А.И.Введенский оголошил слушателей сенсационным документом.

Это было письмо епископа Николая Соловья, посланного, как мы говорили в предыдущей главе, от обновленческой церкви за границу. Письмо, адресованное на имя митрополита Евдокима и помеченное городом Монтевидео, было следующего содержания:

«Ваше Высокопреосвященство!

Дорогой Владыко Евдоким!

После пятнадцатимесячного молчания и моего безумия приветствую Вашу Святыню. К тихоновцам – подобным варварам – я до настоящего времени не принадлежал. Теперь я прошу Вашей любви и Вашего прощения. Прошу вспомнить Христа и Его отношение к раскаявшемуся разбойнику.

Мое преступление перед Святейшим Синодом заключается в следующем:

12 мая 1924 года, за четыре дня до моего отъезда за границу, я имел двухчасовое совещание с патриархом Тихоном и с Петром Крутицким. Патриарх Тихон дал мне собственноручно написанное им письмо следующего содержания:

1) что я принят и возведен в сан архиепископа,

2) что Святая Церковь не может благословить великого князя Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола – великий князь Кирилл. Распоряжение это он сделал на первом листе моего «чиновника» (служебная книга), который был подклеен к переплету и заклеен двумя другими листами. Листы эти были для этой цели вплетены в «чиновник», как с передней, так и с задней стороны.

Когда мне стало достоверно известно, что митрополит Антоний благословил великого князя Николая Николаевича на ведение борьбы против ныне существующей Советской власти России, я узнал также, что благословлено и оружие в руках тех, кто должен перебить всех, не признающих монархию и постановления Карловацкого Собора.

Тут чаша моего терпения переполнилась, и я сказал: нет, извините, я не с вами, ибо, раз от вас пахнет кровью, так я не хочу участвовать в убийстве тех, кого считаю друзьями народа. Одновременно с этим я сделал всем, находящимся в сослужении со мною епископам, распоряжение о том, чтобы они прекратили всякую работу как против Синода, так и против ныне существующей в Советской России власти. Одновременно с этим я послал письмо Председателю ВЦИК М.И.Калинину, в котором все подробно изложил.

*Смиренный Николай (Соловей)
архиепископ всея Южной Америки.
Монтевидео.*

7 августа 1925 г. »

(Церковное обновление, 1926, №15-16, с.1, Красная газета, 1925, 1 октября – напечатано с сокращениями. Полный текст приведен в речи А.И.Введенского, см.: Вестник Священного Синода, 1926, №7, с. 4.)

Этот документ, трагический и зловещий, был причиной ареста митрополита Петра 15 декабря 1925 года. Арестованный митрополит, погибший при неизвестных обстоятельствах в 1937 году, так и не увидел, как известно, свободы. Этот документ послужил также причиной ареста многих людей в Москве.

Первый вопрос, который стоит перед историками, вопрос о том, насколько факты, изложенные в письме, соответствуют действительности. Но прежде всего следует вернуться несколько назад и выяснить: кто такой был Николай Соловей?

Соловей всегда пользовался в среде обновленческих архиереев сомнительной репутацией: его считали авантюристом и лицом, не заслуживающим доверия. «Стыдно быть архиереем, если такие типы, как Соловей, получают архиерейство», – сказал алтайский епископ Александр Введенский витебскому епископу Александру Щербакову в 1923 году.

Все в этом человеке было сомнительно: он называл себя Николай Соловей, между тем как настоящая его фамилия была Соловейчик. Он называл себя русским, между тем как был крещеным евреем.

Он называл себя врачом, между тем как он был всего лишь провизором. Рукоположенный вопреки ожесточенному сопротивлению Антонина и посланный за границу по инициативе митрополита Евдокима, Николай Соловей вскоре выступил с резко антисоветским заявлением; никто из эмигрантов ему, однако, не доверял и с ним не общался.

Его политическое ренегатство обошлось очень дорого его покровителю митрополиту Евдокиму, который, вызванный к Тучкову, пропал на несколько дней. Вернулся домой митрополит в ужасном состоянии, все лицо у него было в синяках. До сих пор живы несколько человек, которые видели престарелого митрополита в этом состоянии.

Вскоре после этого последовала отставка митрополита Евдокима.

В августе 1926 года появилось новое письмо Николая Соловья, которое было приведено нами выше.

Заслуживает ли доверия письмо Николая Соловья?.. Прежде всего кажется совершенно невозможным следующий факт: человек, получивший заграничную командировку, отправляется к патриарху Тихону за четыре дня до отъезда. Проводит с ним наедине несколько часов, и этот факт так и остается неизвестным органам власти.

Не следует забывать при этом, что вся жизнь патриарха и митрополита Петра проходила у всех на виду – и ни один его шаг не был тайной для ГПУ.

Далее удивляет странная доверчивость патриарха к человеку, которого оба они видят в первый раз в жизни и который, уже по самому своему положению (обновленческий архиерей, едущий за границу по командировке от обновленческого Синода), должен был вызывать подозрение. Такие документы, о которых говорится в письме Николая Соловья, обычно не вручают первым встречным.

Далее изумляет самое содержание документа: прежде всего кому он адресован? Если этот документ носил какой-то адрес, то почему об этом молчит Николай Соловей. Видимо, это должен был быть кто-то очень близкий к патриарху, знающий его руку, – такими могли быть митрополиты Антоний, Платон или Евлогий. Тем более следовало указать имя адресата – тогда возможно было бы проверить, входил ли Соловей с этим лицом в общение.

Вызывает удивление также самая тема письма: раз уж патриарх и митрополит Петр решили подвергать себя смертельной опасности, сносаясь с заграницей через сомнительного человека, так можно бы найти тему более актуальную для Церкви, чем вопрос о кандидатуре претендента на русский престол, восстановление которого уже тогда (в 1925 году), по меньшей мере, было проблематичным.

Не совсем понятен также мотив, побудивший Соловья принести «покаяние», его объяснение не выдерживает никакой критики: прежде всего (если он входил в общение с эмигрантами) почему для него было такой неожиданностью, что от белогвардейцев «пахнет кровью.» Они же никогда и не делали никакой тайны из того, что намерены добиваться свержения Советской власти кровавыми методами – на то они и белогвардейцы. Николай Соловей, однако, намекает на то, что ему якобы известно о готовящемся покушении на жизнь руководителей обновленческой Церкви. Если это так, почему он ничего более конкретного об этом не говорит; из его письма неясно, на кого это покушение. Не может же быть, чтоб хотели убивать действительно «всех, не признающих решения Карловацкого Собора». Этак пришлось бы перебить 99,9% всего населения России (вряд ли о Карловацком Соборе знало в России больше 0,1% ее населения).

Можно предполагать, что дело обстояло не совсем так, как рассказывает Николай Соловей. Дело в том, что после своего отъезда за границу

Николай Соловей попал в очень тяжелое положение. Эмигранты ему не доверяли и его не признавали. В России обновленцы от него отвернулись. В Монтевидео (где и эмигрантов-то почти не было) странный иностранец, именующий себя архиепископом неизвестно какой церкви, никого не интересовал. Таким образом, Николай Соловей очутился в тяжелом положении генерала без армии, архипастыря без паствы, священника без прихожан. Фраза о «сослужащих ему епископах» не что иное, как пыль в глаза. В этой ситуации Николай Соловей, видимо, стал подумывать о возвращении в Москву. Какие-то «друзья», видимо, подсказали ему возможность выхода из положения. Так родилось знаменитое письмо. Все факты, сообщенные в нем, видимо, представляют собой лишь досужую выдумку изголодавшегося авантюриста, попавшего в трудное положение.

Для Николая Соловья характерно, что он несколько лет назад (он был жив до самого последнего времени) обратился из Америки в Московскую Патриархию с просьбой принять его в общение с Русской Православной Церковью (с «тихоновцами» – подобными варварам) в сане епископа.

К счастью, в Русской Православной Церкви места для Николая Соловья не оказалось...

*

Речь А.И.Введенского и сделанные им сенсационные разоблачения ошеломили Собор. Впрочем, не все были ошеловлены: один за другим стали подниматься на трибуну ораторы присяжные, которые солидаризировались с докладом А.И.Введенского. Список сторонников Введенского на Соборе – это худшая рекомендация для его тогдашней позиции. Петр Сергеев, Алексей Дьяконов, Николай Платонов – все трое, заведомые агенты ГПУ – такова «партия» Введенского.

К чести Собора, не все соглашались с позицией А.И.Введенского. Сразу же после открытия Собора в Президиум была подана петиция, подписанная 42 членами Собора. В петиции содержалось требование – немедленно послать делегацию к митрополиту Петру Крутицкому и начать переговоры о немедленном примирении двух враждующих течений. Главным выразителем взглядов 42-х стал ленинградский протоиерей о. Евгений Запольский ... Старый священник из Казанского собора, о. Евгений был честным, мужественным человеком и глубоко религиозным пастырем. Его речь на Соборе, а также реплика по личному вопросу хорошо передают взгляды наиболее честных обновленцев того времени.

«Чувствую, что говорить после и против блестящего доклада митрополита Александра Введенского – очень трудно, но пастырский долг не позволяет мне молчать, – так начал свою речь о. Запольский. – Кажется, если не ошибаюсь, мы собрались сюда со всех концов республики для обсуждения и разрешения животрепещущих вопросов церковного порядка, и прежде всего для умиротворения нашей церкви, для ликвидации нашей церковной распри. К этому усиленно, в течение шести-семи месяцев,

нас призывал сам Священный Синод, поставив вопрос о мире в основу всей соборной программы. К этому усиленно зовет нас Святейший Вселенский Патриарх, на авторитет которого мы привыкли так часто ссылаться. Наконец, к этому призывает нас голос пастырской совести, болеющей не за себя, а за тех, кто пока еще идет за нами, кто еще пока верит нам. За весь исстрадавшийся в церковной распри, пока еще верующий в простоте сердца русский народ. Но что же мы здесь услышали? Блестящий и вместе с тем ошеломляющий, потрясающий доклад члена Священного Синода, митрополита Александра Введенского, который не только переворачивает вверх дном все наши чаяния в деле умиротворения церкви, но идет вразрез и со всею политикой Священного Синода в последнее время.

От доклада невольно получается такое впечатление, что Священный Синод как бы только показывал вид, что зовет к миру, а на самом деле готовил настоящий удар. Если — о, ужас! — это правда, то, кажется, дальше идти некуда. Но если даже допустить, что все в докладе митрополита Александра сущая правда, не возбуждающая никаких сомнений, то мне все же кажется, что большая часть доклада никакого отношения к делу умиротворения церкви не имеет. Кажется, что мы, все собравшиеся здесь, не контрреволюционеры и давно, не только на словах, но и на деле доказали, что никогда контрреволюции не сочувствуем и ни с какими контрреволюционерами: ни местными, ни зарубежными, якшаться не собираемся.

Все мы прекрасно знает также, что Советская власть достаточно сильна и обладает такими могучими средствами для искоренения контрреволюции, безразлично, кто бы ее ни разводил (митрополит Петр Крутицкий или какой-либо другой человек), что в нашей помощи, в нашем подслуживании, вовсе не нуждается.

А потому не лучше ли нам, во всей широте и полноте, воспользоваться великим актом Советской власти о свободе совести и отделении Церкви от государства.

Мое предложение: заслушав доклад митрополита Александра Введенского, принять его к сведению и немедленно перейти к обсуждению мер по скорейшей ликвидации нашей церковной распри, ибо я убежден, что без мира церковного и без генеральной чистки и в обновленчестве вся дальнейшая работа и труды Собора будут совершенно напрасны. Никаких реформ мы провести не сможем, а только будем свидетелями нового массового отхода от нас верующего народа и целого ряда обновленческих церквей». (Церковное обновление, №14, с.118.)

О. Евгений Запольский выразил в своей речи убеждение не только значительной части членов Собора, но и мнение огромного числа честных обновленцев, находящихся за стенами 3-го Дома Советов, которые искренне, всей душой, стремились к миру церковному. Речь о. Евгения вызвала яростные нападки как со стороны сторонников докладчика, так и со стороны сторонников «ленинградской левой». Однако о. Евгений мужественно, с достоинством отпарировал сделанные против него выпады.

«Вчера митрополит Александр Введенский после моей речи бросил мне вдогонку: «Это – тихоновец», – говорил он, взяв слово в конце прений для объяснения по личному вопросу. Но я не контрреволюционер и не тихоновец, в чем вас могут заверить все мои коллеги по Ленинграду и все, кто знает меня. Может быть, я не похож на некоторых обновленцев – это другое дело, но я старый обновленец и чистому обновлению останусь верен до гробовой доски. Еще вчера один из ораторов нашел нужным провести неожиданную параллель между мною и митрополитом Александром Введенским в деле понимания пастырского долга, сказав, что у меня этого понимания на аршин, а у митрополита Александра – на целую версту. А я думаю, что это сравнение неудачное. Если бы речь шла об ораторском таланте, эрудиции и диалектических способностях митрополита Александра, то я готов эту разницу увеличить еще в десять и сто раз. Но эта область – совершенно иная, которая измеряется не метрами и аршинами, а внутренним чутьем пастырской совести, не поддающейся действию никаких манометров, ибо кто из людей знает, что в сердце другого человека?» (Там же, с.127.)

В прениях выступили мирянин Плотников (единственный на Соборе «тихоновец», посланный Тамбовом), который призывал Собор к «покаянию».

Другой мирянин – Балашов – выступил зато с речью против староцерковников, которую можно назвать, в полном смысле этого слова, «погромной»... «Нам не надо сатрапов вроде Петра Крутицкого, и нам с ним не по пути!» – злобно восклицал Балашов.

Для характеристики крайних обновленцев следует сказать несколько слов о Балашове. Мелкий хозяйчик, содержатель портняжной мастерской (в те времена он скромно именовал себя «ремесленником»), Балашов в течение долгого времени был старостой церкви св. Великомученицы Екатерины на Васильевском острове. Примкнув к обновленчеству, он быстро «включился» в работу, стал правой рукой Платонова. Именно он (вместе с Платоновым) был главным виновником ареста и гибели настоятеля храма св. Екатерины о. Михаила Яворского.

Из выступавших в прениях, кроме о. Евгения Запольского, только протоиерей Никулин (Ташкентская епархия) высказался за посылку делегации к митрополиту Петру. Особенно рьяно выступали против переговоров архиепископ Георгий Жук и прот. Розанов (Ростов-на-Дону).

Любопытно, что во время Собора была сделана и еще одна попытка завязать переговоры с митрополитом Петром. Инициатором этой попытки был прот. А.П.Эндека. 4 октября 1925 года в вечернем заседании он выступил с внеочередным заявлением:

«На днях три обновленческих прихода г. Москвы решили, по своей инициативе, отправить делегацию к митрополиту Петру и запросить его: почему он отказывается от участия в Соборе?»

Делегация была принята Петром Крутицким 1 октября 1925 года. Делегатка Е.Я.Досина, лично говорившая с Петром, докладывает, что Петр на вопросы их дал следующие ответы:

Собор этот – не Собор, а лжесобор. На вопрос, в чем же он обвиняет обновленцев, Петр ответил:

1. Они самочинно захватили власть.
2. Епископ Антонин в свое время, как находившийся на покое, не имел права организовывать ВЦУ.
3. Высшее Церковное Управление в 1922 году уволило на покой ряд епископов, на что не имело никакого права.
4. Женатый епископат неканоничен, поскольку он был учрежден еще до Собора 1923 года.
5. Второбрачие духовенства неканонично.
6. Собор не имел права лишать Тихона патриаршества и монашества.
7. Собор 1923 года извратил церковные правила.
8. В журнале «Живая Церковь» в 1923 году проповедовалось «самочинное учение».

На вопросы, что он требует, Петр ответил: покаяния обновленцев.

Подписать свои ответы Петр отказался».

(Вестник Священного Синода, 1925, №6, с.11-12.)

Заключительная речь А.И.Введенского – шедевр ораторского искусства. Взволнованно и пламенно говорил он о скромных провинциальных работниках, которые голодают, ходят раздетые и разутые (это место мы цитировали в одной из предыдущих глав).

Особенно эффектен был момент, когда Введенский воскликнул: «Клянюсь вам, героические труженики» – и вдруг, сорвавшись с места, бросился на пол в земном поклоне. Все члены Собора вскочили с мест, у многих на глазах были слезы – это была единственная минута, когда на Соборе царил энтузиазм.

Собор принял по докладу следующее постановление:

«Постановление Св. Собора по докладу митрополита Александра.

Выслушав доклад митрополита Александра и суждения по нему:

1. Св. Собор приходит к убеждению, что все попытки Св. Синода примирить церковное разделение и привести сторонников покойного патриарха Тихона к совместному соборному обсуждению церковных разногласий встретили себе упорное сопротивление в руководителях той части Церкви, которая шла за патриархом Тихоном.

2. Св. Собор свидетельствует, что в громадном большинстве случаев, как показывают донесения с мест, представители тихоновского епископата не только отказались вступить в какие-либо переговоры с синодальными епископами, но и всячески удерживали свое духовенство и паству от каких бы то ни было шагов к примирению и участию в Соборе.

3. Из послания так называемого местоблюстителя патриаршего престола Петра Крутицкого явствует, что такое непримиримое настроение так называемых тихоновцев поддерживается определенными указаниями центра.

4. Углубляясь в причины такой непримиримости, Св. Собор прихо-

дит к убеждению, что церковно-канонические основания, на которые ссылаются сторонники покойного патриарха, не являются действительной причиной их явной вражды к синодальной церкви, а только внешним предлогом, под прикрытием которого вожди тихоновцев ведут за собой малосознательную церковную массу, пользуясь ее неосведомленностью в канонах, церковном прошлом и обстоятельствах церковной жизни последнего времени.

5. Действительной же причиной непримиримости руководителей так называемой тихоновской части Церкви является их упорное стремление навязать Церкви политическую роль хранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождедений. Доказательством тому служат и неопровержимые документы, подтверждающие непрекращающуюся связь наших тихоновских вождей с зарубежными монархистами и свидетельствующие об их старорежимных симпатиях.

6. Признавая подобное стремление навязать Церкви несвойственную ей политическую роль, противоречащую ее христианским задачам и религиозной сущности, и считая преступными непрекращающиеся попытки тихоновской иерархии ввергнуть церковь вновь в водоворот политической борьбы, в коем уже однажды, при Тихоне, едва не погибла наша Церковь, Св.Собор считает своим долгом обратить внимание верующих на те грозные последствия, к которым может привести подобная политическая деятельность заправил так называемой тихоновщины, и выявить перед всем церковным народом истинный смысл непримиримости, обнаруживаемой тихоновской иерархией.

7. Со своей стороны, Св. Собор, считая исчерпанными все меры церковного убеждения, приходит к сознанию, что всякие дальнейшие призывы, обращенные к тихоновской иерархии, бесполезны, пока она не откажется от своей политической деятельности и не вернется к христианскому пониманию церковного дела.

8. Поскольку значительная часть староцерковников остается непосвященной в политику своих вождей и не разделяет ее, постольку Св. Собор по-прежнему с миром и любовью призывает эту часть верующих к миру и единению и к совместному обсуждению всяких чисто церковных разногласий в духе любви Христовой.

9. Вместе с тем Св. Собор восхваляет и убажывает подвиги и труды тех мирян, клириков, иерархов и православных христиан, кои в эти годы церковной разрухи и смуты не потеряли доблести своего духа, но, невзирая на тысячи затруднений, право правили слово истины, отстаивая достоинство Св. Церкви от всяких покушений людей, ищущих раздора: от раскольников и сектантов, безбожников и других врагов Христовой Истины.

10. Св. Собор зовет всех верующих к твердому за свою веру стоянию, за идейную защиту ее, и верует, что Благодать Господня поможет всем верным сынам Церкви, а Св. Церковь преодолет все тяжелые препятствия, которые ей ставят своей работой люди, раздирающие Ризу Христову».

(Вестник Священного Синода, №6, с.13-14.)

Приняв эту резолюцию, Собор прослушал бледный и слабый доклад протоиерея о. П.Н.Красотина «О деятельности Синода». Докладчик предлагал осторожную линию в проведении решений Собора 1923 года.

Столь же бледным был доклад митрополита Серафима «О Высшем Церковном Управлении», предлагавшего «умеренную церковную конституцию» – слегка ограниченную власть епископата при совещательном голосе мирян.

Приняв ряд соответствующих резолюций, Собор обратился также с воззванием к верующему населению и 10 октября 1925 года в торжественной обстановке был закрыт.

*

Собор 1925 года – это серьезная веха в истории обновленческой Церкви. Этим Собором заканчивается «романтический» период обновленчества – период «бури и натиска», революционных порывов и дерзновенных исканий.

В 1925 году начинается прозаический период, для которого характерны канцелярско-бюрократические и чиновничьи методы руководства.

«Почему не говорят сейчас о церковной революции и окончена ли она или ей суждено возродиться?» – спросил однажды один из авторов у А.И.Введенского. «Она не кончена, а перешла в другие формы – в формы официального руководства», – получил он в ответ.

На самом деле для обновленческого Синода после 1925 года характерен, как мы сказали выше, бюрократический, мертвенный стиль руководства, представляющий собой синтез дореволюционной консистории и провинциального исполкома.

Одним из самых катастрофических последствий Собора 1925 года было увековечение раскола на долгие годы – это значительно ослабило сопротивляемость Церкви антирелигиозной пропаганде и грубому нажиму на нее власть имущих.

Кто несет ответственность за раскол Церкви, который после второго обновленческого Собора длился два десятка лет?

Конечно, главную ответственность несут синодальные деятели во главе с А.И.Введенским, настаивавшем на наступательной стратегии по отношению к староцерковникам.

Вряд ли может быть признана разумной также и «твердокаменная позиция» митрополита Петра, отвергавшего всякую возможность для каких бы то ни было переговоров. Такая политика, независимо от желания ее инициаторов, лила воду на мельницу крайних элементов в обновленчестве.

Миролюбивые и преданные Церкви люди (типа о. Евгения Запольского) были оттиснуты в сторону, и их голоса были заглушены звоном мечей и грохотом литавр.

Братоубийственная война еще долгие годы раздирала многострадальную Русскую Церковь.

Приложения к главе «Второй обновленческий Собор»

I. Список членов Священного Синода, избранного III Поместным Собором

1. Митрополит Вениамин Ленинградский.
2. Митрополит Пимен Украинский.
3. Митрополит Тихон Воронежский.
4. Митрополит Евдоким Одесский.
5. Митрополит Алексей Казанский.
6. Митрополит Корнилий Уральский.
7. Митрополит Серафим Московский.
8. Митрополит Виталий Тульский.
9. Митрополит Алексей Крымский.
10. Митрополит Владимир Белорусский.
11. Митрополит Александр Введенский.
12. Митрополит Петр Сибирский.
13. Митрополит Николай Ташкентский.
14. Митрополит Петр Закавказский.
15. Митрополит Василий Дальневосточный.
16. Архиепископ Герасим Владимирский.
17. Архиепископ Анатолий Астраханский.
18. Архиепископ Михаил Рязанский.
19. Архиепископ Михаил Кубано-Черноморский.
20. Архиепископ Иоанн Сталинградский.
21. Архиепископ Константин Курский.
22. Архиепископ Георгий (Председатель Учебного Комитета).
23. Один епископ по избранию Украинского Синода.
24. Протопресвитер П.Н.Красотин.
25. Протоиерей Н.Попов.
26. Протоиерей Н.Платонов.
27. Протоиерей А.Боярский.
28. Протоиерей П.Раевский.
29. Протоиерей Т.Попов.
30. Протоиерей Д.Адамов.
31. Протоиерей М.Князевский.

32. Протоиерей Н. Розанов.

33. Протоиерей А. Эндека.

Миряне:

34. А. И. Покровский.

35. Б. В. Титлинов.

36. С. М. Зарин.

Список членов Президиума Св. Синода, избранных общим собранием
Св. Синода 10 ноября 1925 года

Председатель – митрополит Вениамин Ленинградский.

Почетные члены:

Архимандрит Василий Димопуло и архимандрит Павел (представители Константинопольского и Александрийского патриархов).

Члены:

1. Митрополит Серафим, зав. административным отделом (с иностранным подотделом).

2. Митрополит Александр (Введенский), зав. просветительным отделом (с подотделом учебным, издательским и миссионерским).

3. Протоиерей Красотин, заведующий хозяйственным отделом.

4. Проф. С. М. Зарин, секретарь Синода и зав. юридическим отделом.

II. Документы, принятые Собором

Постановление Собора

1. Св. Собор подтверждает необходимость устранения в 1922 году бывшего патриарха Тихона от управления Церковью для церковного блага и считает образованное тогда высшее церковное управление закономерным, созданный им Собор 1923 года каноническим и законным, преемственно связанным с первым Поместным Собором 1917 года, установившим, что высшее управление Русской Церковью принадлежит регулярно созываемому Поместному Собору.

2. Признавая соответствующими церковному моменту постановления Собора 1923 года и данное им направление церковных дел, Св. Собор признает отвечающим церковной пользе упразднение церковных группировок, произведенное августовским съездом 1923 года и одобряет переименование Высшего Церковного Совета в Св. Синод и признает целесообразной деятельность Св. Синода, направленную к церковному укреплению.

3. Св. Собор считает необходимым установить, что Православная Церковь, возглавляемая Св. Синодом, решительно отгораживается от таких безответственных групп и деятелей, как прот. Красницкий, давно отошедший от основного церковного руслу, или епископ Антонин, столь же давно не имеющий отношения к Св. Синоду, и не отвечает ни за какие их выступления и действия, иногда даже бесславящие достоинство церковного сана.

4. Св. Собор одобряет ту осмотрительность, с какой Св. Синод, во имя церковной экономии, проводил в жизнь постановления Собора 1923 года не механически, а считаясь с условиями церковной действительности.

5. По условиям церковной деятельности, ввиду медленного восприятия верующей массой древнецерковного института брачного епископата наряду с безбрачным и древнецерковного же снисхождения к человеческой немощи в форме дозволения второго брака – клирикам, Св. Собор, считая безбрачный и брачный епископат равноценными, в целях подготовки церковно-народного сознания к восприятию нового порядка, признает за благо поставлять брачных епископов и разрешать второй брак с особой осмотрительностью, с согласия местной паствы и во уважение достоинств кандидатов епископата или особых обстоятельств вдовых священнослужителей.

6. Считая Поместный Собор, согласно церковным канонам, полномочным для разрешения таких церковно-практических вопросов, как брачное состояние клира, ибо каноническая практика в этом отношении была в древней церкви разнообразна и брачный епископат известен со времен апостольских, и второбрачие духовенства допускалось в церкви во времена Вселенских Соборов, Св. Собор в то же время считает долгом представить постановление Соборов 1923 и 1925 годов по этому предмету на благорассуждение предстоящего Вселенского Собора и выражает готовность подчиниться решению сего Собора, поскольку оно будет обязательным для всех Православных Церквей.

7. Считая, вместе со Вторым Поместным Собором, более целесообразным применение в практике Православной Русской Церкви нового стиля, но в то же время принимая во внимание бытовые условия русской жизни, при коих немедленный переход на новый стиль вызывает часто неблагоприятные осложнения, III Поместный Собор благословляет применение той или другой практики, нового или старого стиля, по местным условиям, полагая, что авторитет предстоящего Вселенского Собора разрешит окончательно этот вопрос и установит единообразное церковное времяисчисление во всех Православных Церквях».

(Там же, №6, с.18.)

«О высшем церковном управлении» (доклад митрополита Серафима) – нецелесообразность патриаршества.

«Положение о высшем управлении Православной Церкви в пределах СССР»

Общие положения:

1. Высшая власть – законодательная, административная и судебная в Православной Церкви в СССР принадлежит Поместному Собору, созы-

ваемому, по возможности, ежегодно, но не менее одного раза в три года, в составе епископов, клириков и мирян.

2. Св. Собор избирает из своей среды свой исполнительный орган, который ведает всеми делами Православной Церкви на территории СССР в междусоборный период. Этот исполнительный орган носит название Св. Синода Православной Церкви, находящейся в пределах (на территории) СССР.

Положение о митрополитанских округах православной церкви на территории СССР

Постановление III Всероссийского Поместного Собора в октябре 1925 года по докладу об автокефалии Украинской Православной Церкви.

III Всероссийский Поместный Священный Собор, заслушав «Деяния II Всеукраинского Поместного Св. Собора 12 мая 1925 года», провозглашающие автокефалию Украинской Православной Церкви, с братской любовью приемлет и благословляет сей акт своей родной сестры – Украинской Православной Церкви. Со своей стороны, III Всероссийский Собор также осуждает то насилие, которое было допущено в 1685 году, и присягу киевского митрополита Гедеона, князя Святополк-Четвертинского, вменяет, яко не бывшую. III Всероссийский Поместный Священный Собор выражает глубокую уверенность в том, что связанные свободною, братской любовью в Союзе мира две родные сестры – Российская и Украинская Православные Церкви сохранят на вечные времена в своих взаимоотношениях заветы Христовой любви, мира и правды». (с. 21.)

Постановление Собора по докладу о Высшем Церковном Управлении

Заслушав доклад митрополита Серафима и суждения по нему:

1. Св. Собор подтверждает верность Русской Православной Церкви соборному началу, преемственность которого была восстановлена Собором 1917 года.

Священный Собор исповедует древнецерковное сознание, что соборность составляет основу церковного строя и связующее звено церковного единства, ибо лишь соборный разум Церкви является надежным хранителем церковных преданий и праведным судьей могущих возникнуть в Церкви пререканий и разногласий.

2. Считая соборное начало основой церковного строя и признавая соответственным ему соборное построение всех органов Церковного Управления, – Св. Собор находит, что Высшее Церковное Управление Православной Церкви в пределах Советского Союза должно быть также построено соборно, из уполномоченных представителей иерархии, клира и мирян, осуществляющих волю Поместного Собора, их избравшего, до сле-

дующего Собора, регулярно созываемого, согласно принятому Собором постановлению.

3. Так как история, каноны и многовековой опыт Православной Церкви свидетельствует, что патриарший институт не составляет необходимого учреждения в Церкви, а лишь временное явление, возникавшее и исчезающее в силу временных исторических обстоятельств, у нас же патриаршество, восстановленное Собором 1917 года, по обстоятельствам нашей церковной жизни, оказалось не отвечающим условиям государственной жизни и чреватым опасностями для церковного мира, то Св. Собор подтверждает определение Собора 1923 года об отмене патриаршества и признает патриаршую форму управления не полезной для блага нашей Церкви.

4. Св. Собор одобряет представленный ему проект Положения о Высшем Церковном Управлении Православной Церкви в пределах Советского Союза и о митрополитанских округах и постановляет принять его и утвердить с принятыми поправками».

Воззвание III Поместного Собора

Божией Милостью Священный Собор Православной Российской Церкви всем архипастырям, пастырям и мирянам православным.

Благодать вам и мир да умножатся.

Приидите, чада, послушайте Мене,
страху Господню научу вас.

Великое нестроение переживает наша родная Православная Церковь. Освобожденная от уз государственной опеки декретом об отделении Церкви от государства, она еще до сих пор не может найти единого пути в устроении своей внутренней жизни. Сначала вовлекалась она призывами своего бывшего вождя патриарха и Собора 1917 года в пучину гражданской междоусобицы и кровью иной раз и неповинных сынов своих – малых сих, послушных голосу власти церковной, обагрила ризы свои...

Потом восстали в ней мужи дерзновения, поднявшие голос свой против «книжничества» на седалищах апостольских, против того епископата, который увлекал в бурю страстей человеческих Русскую Церковь.

В неразрывном единении с Церковью Восточной, через первых по чести Предстоятелей ее – патриархов Константинопольских Мелетия, Григория VI, Константина VII и Василия III, эти сыны Церкви – сейчас уже многомиллионная масса архипастырей, пастырей и верующих мирян – напрягали и напрягают все силы, чтобы соборным разумением найти путь жизни церковной в условиях нашего времени.

Твердо держат и исповедуют они веру православную на святых всех Вселенских и Поместных Соборах утверждают, сберегают они чин церковный – богослужебный, любовно приемлют предания святоотеческие, не порочат они канонов Церкви Святой. Не отступают они от духа жизни церковной. Непонятые еще, хулимые, часто лишенные куска хлеба злобой нетерпимостью человеческой, предо всем миром без суда церковного

объявленные врагами Церкви Божией – «еретиками и раскольниками», они сгорают на живом деле церковном, принося свои таланты, знания, силу и веру на дело строительства дела Церкви, «в обновлении духа», на началах мира, любви и согласия всех.

Ибо в чем обвиняют нас? В самовольном захвате власти церковной? Но ее выпустил из рук покойный патриарх Тихон, отказавшись до Собора от управления церковью еще 5/18 мая 1922 года. Выпустил из рук заместитель патриарха митрополит Агафангел, не предусмотрев указать себе заместителя...

Помня Апостола, чтобы «все в церкви было благообразно», те, кто имел «ревность Илиину», взяли временно церковное управление в свои руки, с целью привести вновь к Собору Российскому (1923 года).

Строгое слово сказал Собор о том вдохновителе и руководителе жизни церковной, который сам потом признал, что всю силу своего патриаршего авторитета он употребил на то, чтобы втолкнуть народ церковный в водоворот политической бури.

Сказал – и призвал иных деятелей.

Эти вожди Церкви Христовой, не держась за власть в Церкви, но трепеща ответственности, возлагаемой ею, вновь собрали ныне Священный Собор, чтобы проверить и наперед определить пути делания своего – это не захват власти.

Всех звали на этот Собор – но не все пошли. Убоялись многие страха там, где «не было страха». Испугались, не погрешат ли, приняв участие в Соборе церковном, испугались потому, что многие иерархи Божии во главе с тем, кто ныне именуется заместителем патриарха, Крутицким митрополитом Петром, – выступили с обвинениями против епископов, жен имеющих, и против второбрачия клириков. Свидетельствует Священный Собор Православной Церкви Российской, что, согласно 12 правилу, св. Отец, в Трулле собравшихся, дозволено это «не ко отложению или превращению апостольского законоположения, но в попечении о лучшем, ради пользы церковной».

Бесчестится ныне у нас святой брак церковный и для христианского сознания святости таинства брака, благочестно восприятие его и для носителей высшей благодати, для епископов Божиих. Но, видя смущение иных, Священный Собор впредь определяет поставлять во епископы лиц, жен имеющих или не имеющих, лишь по избранию будущей паствы их.

И второй брак клириков Церкви допущен по снисхождению к немощи человеческой, ибо «брак честен» – благословил его Бог, а по слову Апостола: «лучше есть ожениться, нежели разжигаться», да умолкнут хуления на служителей Церкви, часто падавших под тяжестью возложенного на них бремени неудобноносимого. Священный Собор всем чадам Церкви Христовой напоминает слова св. Благовестника Павла: «Хочу, чтобы все были, как я», – но «друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов».

Отказался митрополит Петр Крутицкий эти вопросы обсудить на

Соборе, отверг все попытки в этом направлении Св. Синода и группы московских приходов, и есть ныне разделение, раскол в нашей Церкви на две крупные части. Совершенно в сторону отошли те, кто самолично ломает уставы, богослужение, учение Церкви, безумствуя в попытке своей, презрев многовековой соборный опыт Церкви, по своему измышлению «возродить» Церковь, и те, кто, увлекаясь революционной стихией нашего века, пытается влить в эту стихию несродный ей поток, несродной Благодати Христовой, и этим смешением создать какую-то «Живую Церковь» – предстоит две великие силы русской жизни церковной – друг перед другом, исполняя великим смущением верующих и вызывая «покивание главами» от сынов века сего... Стоят и недоумевают... Священный Собор видит упорство тех, кто стоит на верхах одной из групп. Другая зовет к единению, зовет к согласному обсуждению, к миру церковному, а руководители первой требуют покаяния, и сами не хотят сделать ни шагу к примирению всех. Бог им судья. Покаяние по обвинениям недоказанным или ложно предъявленным – было бы источником еще больших недоразумений, еще больших нестроений церковных. А объединение всех верующих около тех, кто и до сих пор не может разорвать с государственным и общественным прошлым, как документально выяснено на Соборе, подвергало бы Церковь новым скорбям и вновь было бы изменой делу Св. Православия, которое чуждо политике и устремляется ввысь.

Священный Собор никому не предъявляет никаких обвинений, – но, взирая на увлечение иными делами мирских управлений, просит и молит архипастырей и пастырей и мирян: не связывайте судьбу Церкви с тем, кого считают своею главою архиереи, бежавшие от народа своего в годину страданий за границу, чтобы готовить новые беды трудовому народу и заливать поля родины кровью детей ее. Отходите скорее от тех, кто заражен болезнью омирщения Церкви и хотел бы сделать ее одним из орудий, при помощи которых вернется «старая жизнь».

Порывайте с теми, кто не останавливается ни перед клеветой, ни перед насилием, ни перед забвением соборного начала в жизни Церкви, ни перед разжиганием религиозной нетерпимости и фанатизма – лишь бы только удержаться у власти Церкви Русской для нецерковной работы.

Священный Собор Российской Православной Церкви и к ним непосредственно обращает свой голос.

«Приидите, чада, послушайте меня, страху Господню научу вас». Имейте страх перед Богом: Его рука владеет народами. Его Святая воля утвердила Церковь на основании Апостола и пророков. Его Божественная Заповедь определила бытъ соборному началу в Церкви. Его завет: если с вашей стороны возможно – будьте в мире и любви со всеми. Его слова ко всем кичащимся и множеством народа и мощью средств, и внешнею славою и блеском: «И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься» (Лук. 10,15).

И ты, удел Господень, Православный народ церковный, попомни

страх Господень и бойся отступить не от людей, а от Бога, от заветов, от Воли Его...

Священный Собор Российской Православной Церкви верит, что близок день, когда уйдут с церковных кафедр люди, «неправо правящие Слово Истины», и призывает к молитве всех, да даст Господь народу Своему и архипастырей и пастырей, могучих разумом, святящихся добродетелью, палящих словом, смиренных духом, подчиняющих себя соборной воле, забывших о борьбе мирской и любящих Христа всем сердцем и всей душой...

Собирайтесь воедино.

Друг к другу близко.

Один к другому любовнее.

Все вместе в послушание Собору Русской Церкви и избранному им Священному Синоду, за Божию, за Православную Святую Веру, за Христа.

И Бог, Своєю Благодатью, по молитвам всех угодников земли Российской и заступлением Пречистой Св. Девы Богородицы, «да укрепит нас всех во всяком деле блазе, творя в нас всех благоугодное пред Ним». Ему же честь и слава во веки веков. Аминь.

Богоспасаемый град Москва. Октября 9 дня 1925 г.» (с.31-32).

«Послание III Поместного Собора
всем автокефальным православным церквам.

Божиею милостью, Священный Собор Православной Российской Церкви, собравшись в Богоспасаемом граде Москве 1 октября 1925 года, с братской любовью, лобызает Боголюбезнейших предстоятелей Святых Божиих Автокефальных Церквей, содержащих в непорочности Святую Православную Веру. Верный Святой Вере Православной, утвержденной из семи Вселенских и девяти Поместных Соборов, переданной нам от Святых Отец и учителей Церкви, Священный Собор Церкви Российской, созида церковную жизнь в условиях действительной религиозной свободы, предоставленной народам в пределах СССР декретом Всесоюзного Правительства, поставил своей задачей организовать всю жизнь православно-верующих людей на началах исконного православия, чуждого «политиканству» и освящающего честную трудовую жизнь народа.

Священный Собор всемерно стремился к объединению всех сынов Церкви для осуществления этой задачи. Но с великой скорбью свидетельствуем, что это оказалось недостижимым ввиду политических убеждений у тех, кто подмешивает дело Церкви мирскими устремлениями и, по данным, имеющимся в руках Собора, и ныне противостоит существующей власти.

В целях достижения поставленным задачам, Священный Собор в своей работе устремил внимание на выработку «церковных уставов» (соборного управления и местных органов церковного управления).

Ради этой же цели Священный Собор для нужд своей Поместной Церкви признал равночестным безбрачный и брачный епископат, по выбо-

ру их будущю паствою, и второбраче клириков, при согласии на то приходов, где они проходят свое служение.

Для той же цели Священный Собор дал свое благословение на продолжение и развитие религиозно-просветительной борьбы за веру. Сего же ради благословил Священный Синод автокефалию родной нам по духу, Православной Украинской Церкви. Ныне, избрав Священный Синод Российской Православной Церкви, как постоянно действующий орган Высшей Церковной Власти по «Положению», которое при сем братски прилагаем для сведения Вашей Святыни, Священный Собор сим извещает Вас о всем, бывшем у нас, и просит всех Боголюбивых архипастырей, пастырей и православных наших братий в общении любви и мира молитвами своими споспешествовать устроению и утверждению Святой Церкви нашей.

Христос посреди нас». (с.34.)

Резолюция Собора

1. Поручить Президиуму Священного Синода, по получении окончательного извещения о сроке созыва Вселенского Собора, собрать общее собрание Священного Синода для избрания делегатов от РПЦ на Вселенский Собор.

2. Будущей делегации вменить в обязанность доложить Вселенскому Собору о современном положении Русской Церкви и тех обстоятельствах, которые вызвали некоторые изменения в нынешней практике Русской Церкви по сравнению с прежней, как то: по вопросам о брачном епископате и второбрачии духовенства.

3. Поручить означенной делегации представить Вселенскому Собору мнение русских богословов по тем вопросам, которые вызывают богословские разногласия.

Епископ Антонин и «Союз Церковного Возрождения»¹

Читатели нашей работы обратили внимание на полное исчезновение с ее страниц имени Антонина Грановского.

Летом 1923 года, после ухода Антонина из состава Высшего Церковного Совета, он действительно уходит из «большой церковной политики».

Тихо и сумрачно в его монашеской келье в Богоявленском монастыре. Лишь изредка сюда заходят посетители: забредет сюда студентик-богоискатель, из тех, кто посещает религиозные диспуты, – поговорит о марксизме и религии; заедет провинциальный сектант – затеять состязание, уснащенное библейскими текстами. И снова тихо и одиноко в келье – гулко отдаются шаги в небольшом коридорчике, зайдет поставить самовар келейник, живущий напротив... И опять тихо, одиноко и мрачно у старого, больного владыки.

Богоявленский монастырь, в котором жил владыка, опустел – церковь закрыта, оставшиеся монахи ждут с минуты на минуту выселения, ходят молиться в уцелевшие церкви Китай-города – этого своеобразнейшего уголка старой Москвы, тогда еще сохранившегося в полной неприкосновенности.

И напротив, в Заиконоспасском монастыре – разгром: монахов выселили, вселили новых людей – с семьями, с детьми, с примусами.

Но церковь открыта, и в ней по-прежнему служит Антонин. Каждый день пересекает Никольскую улицу его высокая фигура.

В эти последние годы своей жизни он остался таким же: грубая монашеская ряса, черный клобук, панагия... Широкая седая борода, суровое лицо и большие пронизательные умные глаза. «Необыкновенные у него были глаза, – вспоминал протоиерей о. А.Щ., – таких глаз я еще ни у кого не видел: умные, зоркие, молодые».

«Появляется Антонин в черной грубой рясе, с образком Пресвятой Девы на груди, его суровое лицо изредка озаряется улыбкой», – нехотя замечает большой недоброжелатель Антонина, заезжий аббат Д'Эрбиньи*.

Он по-прежнему совершает длинные богослужения и говорит по несколько часов проповеди. Часто выступает епископ и на диспутах, хотя его имя затмевается именем Александра Ивановича Введенского, популярность которого достигает в это время зенита. 20-е годы XX века – это эпоха великих ораторов – и Антонин был первым из них.

¹ Эта глава выражает точку зрения лишь одного из авторов – Анатолия Левитина. Точка зрения Вадима Шаврова на Антонина Грановского и возглавляемое им движение дается в конце главы.

Интересно сравнить оратора Антонина с оратором по имени А. Введенский. Противоположные во всем, эти два человека были противоположны и как ораторы.

В противоположность пылкому, эмоциональному А. И. Введенскому Антонин в своих проповедях очень редко апеллировал к чувству: говорил он ровно, спокойно и без выкриков и ораторских украшений. Никто, однако, не умел так заставить себя слушать, как Антонин. Громкий, мощный голос, отчеканивающий каждое слово, как бы гвоздями заколачивал мысль оратора в головы слушателей. Не слушать было невозможно, когда крижистый, могучий старик говорил медленно, с оканьем, делая паузу после каждого слова: «Кадило... и кропило... и трепник... должны т-теперь... отойти на задний план».

Трудно было не слушать, еще труднее было с ним спорить: непоколебимая уверенность слышалась в каждом слове, казалось, протопоп Аввакум воскрес из мертвых. Но это был Аввакум, возросший на дрожжах русской общественной критической мысли; универсальная образованность Антонина не уступала эрудиции Введенского. Спокойно, ясно, все тем же окающим, громяющим голосом приводил он имена всемирно известных ученых, биологов, физиков, богословов. Легко и свободно, без запинки, цитировал их на трех языках. В этом не было ни щегольства, ни фатовства... Он вел себя в науке как в своем хозяйстве... И тут же, легко и просто, он спускался к обыденной жизни, приводя простые кухонные примеры, говоря языком, понятным каждой кухарке.

Блестящий популяризатор, епископ Антонин не боялся грубых, обыденных, неожиданных оборотов, сравнений, режущих ухо, привыкшее к тому, что о Боге говорят медоточивыми, елейными оборотами. Так мог говорить только глубоко религиозный человек, который видеть привык Бога не только в храме, но и в жизни, который сумел пронизать Им всю свою обыденную жизнь и быт.

Наибольшее нареkanie вызывало у Д'Эрбиньи знаменитое в то время популярное объяснение Антонином догмата Пресвятой Троицы (сравнение с экипажем). Между тем это сравнение, несмотря на свою кажущуюся экстравагантность, живо напоминает святоотеческие образы – те времена, когда люди еще не заперли религию в стенах храма, окружив там Бога внешним почитанием – очевидно, для того, чтоб как можно реже вспоминать о нем в жизни. Пример Антонина близко напоминает сравнение св. Спиридона, епископа Тримифунтского, который на Никейском Соборе привел известный пример с глиняным горшком (глина, вода и огонь, соединенные в неразрывном единстве).

✓ Антонин, проповедовавший в Москве 20-х годов, где улицы были заполнены пролетками, привел пример также из обыденной жизни. «Что такое экипаж? – спрашивал он. – Соединение трех: кучера, лошади и коляски. Отнимите одного из них – и экипажа не будет, ехать он не может... Вот вам пример триединства из обыденной жизни». Это многих шо-

кировало, но запоминалось навсегда и было понятно каждой папертной старушке. И тут же неожиданный взлет: проповедник приводил другие примеры (из Канта и Гегеля) – и лились вдохновенные речи о Предвечной, глубокой Тайне Троиединства.

Введенский имел много подражателей. Антониному подражать было немислимо – так говорить мог только он один.

Изумительный оратор, епископ Антонин был и замечательным литератором. Стил Антонина, тяжелый, шероховатый, избилующий безграмотными (с точки зрения обычной) оборотами, великолепно передает его мысль, оригинальную, самобытную, которая не укладывается ни в рамки приглаженного журналистского языка, ни в елейные обороты семинарского красноречия, ни в бюрократические канцелярские параграфы.

Когда читаешь Антонина, невольно вспоминаются и следующие строки из тургеневского письма Л.Н.Толстому: «Вы всегда безграмотны: иногда, как гениальный писатель, преобразующий язык, – иногда, как пехотный офицер, пишущий письмо своему другу в окопах».

Безграмотность Антонина – это безграмотность и Л.Н.Толстого, и Ф.М.Достоевского, – безграмотность гениального мыслителя, для которого тесны грамматические рамки.

Антоиновский юмор, тяжеловатый, народный, соленоватый, тоже не имел подражателей. Часто обвиняют Антонина в пристрастии к грубым выражениям, но этого пристрастия не было: Антонин прибегал к ним лишь тогда, когда надо было разоблачить лицемерие и фальшь. Когда на пути Антонина вставали предательство, подлость, корысть под маской елейного пустосвятства, Антонин одним рывком, не стесняясь в выражениях, срывал маску лицемерной святости.

Здесь нам хочется вспомнить один эпизод, вернувшись несколько назад, к 1922 году.

Летом 1922 года, когда Антонин был председателем ВЦУ, а Красницкий сколачивал «Живую Церковь», в Москве собрались губернские уполномоченные ВЦУ.

Тут же произошел острый конфликт между Антонином и Красницким. Красницкий требовал включить уполномоченных (своих ставленников) в состав ВЦУ. Антонин категорически выразил свое несогласие – самое большее, на что он соглашался – предоставить уполномоченным совещательный голос.

В этой накаленной атмосфере открылся съезд уполномоченных в Троицком подворье. Появившись за столом президиума, Антонин спокойно сказал:

«Заседание ВЦУ с участием уполномоченных с совещательным голосом считаю открытым»... В ответ – свистки, топот ног, крики: «Решающего голоса!..»

«Заседание ВЦУ с участием уполномоченных с совещательным голосом считаю закрытым»... И Антонин затянул «Достойно». Так заседание

открывалось и закрывалось 18 раз. Антонин с бесстрастным лицом произносил эти две стереотипные фразы, и чувствовалось, что он их будет произносить еще сотню раз.

В девятнадцатый раз Красницкий не выдержал:

«Дорогой владыко! – начал он вкрадчиво. – Прежде чем вы откроете заседание, разрешите от всех нас обратиться к вам со словами любви и уважения – ибо мы все бесконечно вас любим... Мы все знаем, сколько страданий вы приняли за обновление Церкви; мы знаем, в какой нищете вы жили в 1919-1920 годах, когда вы вынуждены были даже ходить по дворам и стучаться в двери квартир со словами: «Подайте безработному архиерею»... (Красницкий умел смешать яд с елеем.) И теперь мы видим в вас нашего любимого вождя – мы хотим вознести вас на такую высоту, на которой не стоял еще ни один архипастырь. Не огорчайте же нас, дорогой владыка!»

Спокойно выслушав Красницкого, Антонин не спеша ответил своим окающим голосом: «У нас на Украине говорят: «Онисим, а Онисим, мы тебя повысим, посадим в терем, а потом об.....» Взрыв хохота заглушил слова Антонина, а он все так же бесстрастно произнес в 19-й раз свою стереотипную фразу. На этот раз никто не протестовал. И заседание открылось...

*

Новый, последний период в жизни Антонина открылся 29 июня 1923 года. В этот день – праздник святых апостолов Петра и Павла – Антонин Грановский, уволенный Высшим Церковным Советом на покой, провозгласил с кафедры храма Заиконоспасского монастыря следующую декларацию:

«Господи, дай укрепление Церкви Твоей – Петрову твердость и Павловы разум и светлую мудрость. В день святых Первоиерархов апостолов я утверждаю в Заиконоспасском храме автокефальную кафедру свою на возрождение силы Христовой в душах верующих.... Возрождение помимо народа и без народа – бессмысленно и безнравственно. Я, вместе со своими единомышленниками, отхожу от старой «тихоновской» церковности, склерозно-паралитичной и социально – клерикально контрреволюционной – и осуждаю ее. Мы отворачиваемся от хищно-поповской «живой» церкви и презираем ее за ее аппетиты. Мы отделяем себя и от малосильного, подменяющего импульс рационализмом и живущего безвольным пафосом и впадающего в истерику малоимпонирующего и маломорального «Древнеапостольского союза» и согреваемся кровообращением Христовым во всех тканях тела церковного, наипаче мирян; мы отвергаем жестокость монархизма иерархии (архиерейства и олигархического пресвитерианства) и ищем благодати Христовой в целом организме общины, выдвигаем благо верующего народа, для которого только и существует иерархия. Мы именуем свою общину «Церковь Возрождения» и раскрываем объятия всем, простира-

ющимся к нам на исповедание Устава «Союза Церковного Возрождения».

Господи, благослови начало благостью Твоею».

(Труды Первого Всероссийского Съезда или Собора «Союза Церковного Возрождения». Торопец, 1925, с.17.)

Таким образом, день 29 июня 1923 года – день провозглашения автокефалии Антонина, должен был, по мысли Антонина, явиться днем рождения новой Церкви.

Здесь будет уместно дать краткий очерк «Церкви Возрождения» в интерпретации ее основоположника.

«Союз «Церковное Возрождение», – рассказывает Антонин, – возник в августе 1922 года, как противовес и защита церковно-нравственных основ от потрясения их клерикальным материализмом и нигилизмом организовавшейся тремя месяцами раньше группы «Живая Церковь». Союз «Церковное Возрождение», с момента возникновения, составлял коалицию с группировками «Живая Церковь» и последующим СОДАЦем в Высшем Церковном Управлении, но, по малочисленности своего представительства, играл в нем только пассивную роль. «Живая Церковь», в сущности своей, классовая и ремесленная, все время подсживала и не раз открыто замахивалась на Союз Церковного Возрождения, желая его уничтожить, но соображения ожидавшегося Собора сдерживали ее покушения и берегли Союз. Когда Собор 1923 года перекатил через пороги церковной контрреволюции, «Живая Церковь» отбросила сдержанность и разинула пасть на Союз Возрождения. 25 июня 1923 года живоцерковники и содацевцы составили заговор и ударом в спину, заочно, втихомолку от митрополита Антонина, председателя ВЦУ, уволили его в отставку от всех должностей. (Указ от 26 июня за №1125.) А через два дня, замывая кровь учиненного душегубства, Красницкий с компанией собрали живоцерковническое московское духовенство в числе 97 человек и вынесли резолюцию в оправдание содеянного злодейства: «Признать преступной и крайне вредной для церкви деятельность митрополита Антонина, ставшего на путь реформации». Но так как по нынешнему времени чисто церковные гнев не влекут за собой внешних административных действий, а живоцерковники, морально нечистоплотные, совершенно не импонируют своим авторитетом, то они служат в доносах и в шпионаже. Для привлечения внимания «кого следует» на Антонина в резолюции было прибавлено – будто Антонин объединяет вокруг себя приходских контрреволюционеров. Но тут сорвалось: донос не подействовал.

Эмоциональная взаимоисключенность «Живой Церкви» и «Союза Возрождения» выступила со всей выпуклостью, и движение их в одном вагоне, но в разные стороны, было невозможно. Идеологически отрицаемый, фактически парализуемый и физически угрожаемый Союз Церковное Возрождение, спасаясь от погублений, унес от «Живой Церкви» ноги. 29 июня 1923 года, в день св. Первоверховных апостолов Петра и Павла, в Заиконоспасском храме после литургии, с церковного амвона была огла-

шена защитно-оградительная автокефальная грамота, полагавшая формальное начало самобытию Союза «Церковное Возрождение». (Там же, с.16-17.)

В этом кратком историческом очерке Союза Возрождения содержится ключ к пониманию трагедии антониновского движения: «Союз Возрождения» был задуман как широкое народное движение – однако народ его не понял и не принял.

В одной из своих статей Антонин, говоря о различии между «попом» и «священником», прибегает к яркой метафоре. «Представьте себе, – говорит он, – что дирижер внезапно оглох и продолжает дирижировать тогда, когда оркестр молчит. Дирижер будет производить странное и жуткое впечатление. Поп – это кривляющийся, махающий, уродливый клоун, потерявший доступ к людским сердцам». По иронии судьбы, именно Антонин в последние годы жизни оказался в роли оглохшего дирижера. Антониныевские реформы, осуществлявшиеся для народа, не находили доступа к народному сердцу – а без этого они были ненужным и странным вывертом, отдающим порой балаганом.

Кто виноват в этом?

Никто – и в этом трагедия Русской Церкви.

Вся беда в том, что русская иерархия, воспитанная в традициях консервативного обрядоверия, органически не могла (да и теперь еще не может) принять и даже понять религиозного творчества, в чем бы оно ни выражалось – в богословии, литературе, в социальных вопросах. Это определило отход Антонина от патриарха и поставило его во главе обновленческого движения. А это и определило плачевную судьбу Антонина – как он ни отмежевывался потом от обновленцев, как ни ругал и поносил их – он в глазах народа оставался все-таки обновленцем – и это определило отрицательное и предвзятое отношение к нему масс. Именно благодаря этому Антонин остался в стороне от великого народного движения, охватившего Церковь после освобождения патриарха летом 1923 года.

«Тихон клейменный или Тихон прощенный – он нам одинаково не нужен», – таков первый отклик Антонина на освобождение патриарха.

7 июля 1923 года была опубликована развернутая декларация Антонина по поводу освобождения патриарха Тихона. Приводим полностью эту декларацию, которая и является самым слабым и ошибочным документом из всех когда-либо вышедших из-под пера Антонина.

«Союз Церковное Возрождение о Тихоне
(Единомышленникам и всем ревнителям Правды церковной.
Разъяснение тихоновского обращения).

Около года назад глава Русской Церкви отказался от управления Церковью до Собора. Два месяца назад Собор, обсудив виновность его в церковной разрухе, упразднил и прежний аппарат церковной власти, покарал и главного кормчего церковного корабля за то, что тот довел Церковь до крушения.

Ответчик недоволен Собором и решением о нем, и первое слово его к верующим, как только он получил возможность говорить, – это слово протеста и охулки Собору. Решение Собора, объявляет он, неправильно и по форме, и по существу. Изрекши так, он опрокинул Собор ногою и стал действовать так, как будто Собора и совсем не было. Даже если быть на точке зрения подсудимого, считая, что Собор его осудил неправильно и несправедливо, если согласиться с ним, что самый Собор был корявый и большинство участников Собора можно опорочить и заявить против них отвод, то все это не дает никому и даже патриарху права единолично, самодержавно ниспровергнуть Собор, топнув ногою.

Если бывший патриарх оспаривает решение Собора, потому что не было соблюдено 14-е апостольское правило, то ему следует напомнить также 12-е правило Антиохийского Собора, по которому епископ, низверженный Собором, получает право жаловаться большому Собору, – и то, в чем он считает себя правым, предложить большому числу епископов и от них принять исследование и окончательный суд! Патриарх, низложенный и опротестовавший постановление, не имел никакого права восстанавливаться единолично и самочинно, не имел никакого основания собственным личным почином восхищать себе право священнодействия. Он должен был искать себе апелляционной инстанции в новом Соборе епископов, на котором и изложил бы все те доводы, которые приводит в своем обращении. И этот Собор, разобравши дело, усмотрел бы, допустим, нарушение правды и процессуальные отступления, «неправильности по существу и по форме», допущенные бывшим судом, и отменил бы постановление о лишении его сана и восстановил бы его в чести и достоинстве и вернул бы ему церковную власть. Вместо этого бывший патриарх, поставленный в свое достоинство своею братией, соепископами, избранный ими, как первый среди равных, презрел 34-е апостольское правило, самонегодующе плюнув на 67 епископов, бывших на Соборе, и не заручившись даже согласием единомышленников из епископов, безапелляционно, самодержавно, единовластно и бесцерковно начал патриаршествовать как ни в чем не бывало.

Если ему из 67-ми прибывших на Собор архиереев ведомо только человек 10-15, то и этим 15 человекам плевать в лицо негоже. Ты добейся того, чтобы против этих 15 собралось 30, тебе ведомых, и пусть эти 30 тебя оправдают и обелят и вернут тебе и честь, и достоинство, а тех 15 осудят. Это будет для тебя и почетно, и церковно, и для тех 15-ти порицательно и уничтожительно. Но до этого оправдания сиди тихо и неси наложенное лишение и не бунтуй, решения плохого Собора не преступай, ищи, когда новый Собор отменит «несправедливый» приговор и, может быть, аннулирует и самый Собор в целом. Единоличное, монархическое, автократорское, узурпаторское аннулирование хотя бы и плохого Собора бывшим патриархом для него как для необновленца, не имеет никакого канонического оправдания и делает его перед лицом Церкви виновным и безответным.

«Не соблюдена процессуальная сторона, без чего, – говорит бывший патриарх, – приговор не имеет силы и значения».

Если убийцу осудили на каторгу, но позабыли к приговору приложить печать, то, выходит, убийца, по существу, не виноват. Но и это формальное нарушение должна установить объективная сторона, а не сам заинтересованный осужденный. Иначе зачем бы тогда и существовала апелляция. Если бы сам обвиненный плевал на судей и своими действиями опрокидывал их приговор, – как и зачем существовал бы самый суд.

«Все мною было бы раскрыто на Соборе, если бы меня туда позвали и спросили, как бы следовало, чего, однако, не сделали». Так ответчик признает принципиально за бывшим Собором право судить его, звать и спрашивать, и говорит, что пошел бы. Выходит дело, что Собор-то был Собором, только не угодил бывшему патриарху, и последний «в сердцах» старается теперь опорочить этот Собор.

На Соборе 1918 года, утвердившем патриаршество и посадившем митрополита Тихона, определением от 2/15 августа постановлено:

1) лица, лишенные священного сана приговорами духовных судов, правильными по существу и по форме, не могут быть восстановлены в священном сане;

2) приговоры суда о лишении священного сана, признанные высшим церковным судом неправильными по существу или по форме, подлежат пересмотру и могут быть отменены за признанием недействительными».

Кто же этот высший церковный Суд? В данном случае, конечно, новый Собор, а не единоличная, да еще и подсудимая же особа патриарха.

Кто должен отменить этот приговор и объявить его недействительным? Опять Собор епископов, а не самодержец-патриарх. Теперь, по примеру Тихона, все лишенные сана духовные лица объявят вынесенные о них приговоры неправильными и по форме, и по существу и сами себе вернут право священнодействия, и пойдет церковно-судебная чехарда. Церковный суд будет в корне уничтожен. Бывший патриарх, почувствовав, что его обидели, имел право жаловаться и искать восстановления поруганной правды, но искать церковно, соборно, епископски-товарищески, судом коллегии епископов, членом которой он состоит, а не юпитерски, монархически, самокапризно.

Этот смысл и имеет подписываемое обычно епископами титуло «смирный», то есть признающий над собой власть епископской коллегии, братскую дисциплину, в противоположность самодержавной неприкосновенности. По 4-му правилу Антиохийского Собора, если епископ, низверженный из сана Собором, дерзает совершать опять какую-либо священную службу, таковому непозволительно надеяться на восстановление в прежний чин, но даже от него не принимается апелляции, и все сообщающиеся с ним должны быть отлучены от Церкви. Бывший патриарх тем, что плюнул на Собор, не только проявил бесчинное монархическое ослепление, но упразднил апеллирование и кассацию и даже друзей своих подвел под отлучение.

Зачем и куда ему теперь жаловаться после того, как он сам себя оправдал и сам себя восстановил? Зачем ему Церковь, организованный, канонический, верующих голос, когда он стал выше Церкви, «папой» — и обиду, нанесенную ему, хотя бы и одною группою, но организованно, то есть канонично, отразил собственным кулаком, а не голосом церкви. Оплечиванием Собора бывший патриарх не только показал свой неисправимый, и в церковной области недопустимый, монархизм, но и подтвердил Собору правду соборного решения о нем, как «воспитанном в монархическом обществе» и неспособном к восприятию революционного (антимонархического) общественного, соборного чувствования и действия. И если бы Николай Романов неожиданно появился в Москве и задумал бы выявить свое самодержавие, он действовал бы точь-в-точь, как бывший патриарх Тихон. К нему, конечно, потянулись бы монархисты, образовалось бы управление и стало бы развивать свою деятельность. Он выпустил бы манифест, в котором о Советской власти, как бывший патриарх о Соборе, не мог бы сказать ничего похвального и утешительного. Что сделал бы Романов, то осуществил на церковном фронте «воспитанный в монархическом обществе» бывший патриарх Тихон.

Виновность свою перед Советской властью бывш. патриарх перелажает на то общество, которое его как главу православной церкви постоянно подбивало на активные выступления против Советской власти. А между тем Советской властью не прощенный и формального права в революционном порядке не имея, патриарх производит в советских условиях монархически-церковный переворот, то есть контрреволюционный. Но не только мнит себя патриархом персонально, но возвращает себе единолично уничтоженное патриаршество (как административный аппарат) демагогическим путем, не через Церковь, не через организованный, законно звучащий голос Церкви, а монархическим мятежом в Церкви, демагогическим ударом по чувствам верующего народа, одобрением толпы. В расчете на «патриарший гипноз» толпы, в целях использования религиозных чувств народа, одобрением толпы, для утверждения выдернутого из-под него (патриарха) всероссийского престола, он, до неприличия вызывающе, с места в карьер из заключения, садится на лошадь и едет на кладбище оказать церковную честь погребенному, скончавшемуся, популярному в Москве священнику Мечеву, которого он сам, год назад, будучи патриархом, осуждал и называл «юродствующим». Не входит в оскверненную церковь и служит на могиле панихиду. Толпа забрасывает его цветами. Через два дня он с еще большей торжественностью служит с двумя епископами литургию в Донском монастыре, принимает в алтаре «иностранный дипломатический корпус» и шествует в свои покои по ковру, усыпанному живыми цветами. Он не только не отмежевывается от зарубежной церковной контрреволюции, а делает то, за что Храповицкий и «иже с ним» ему рукоплещут. Все это бесцеремонная и гордая, чванная, самолюбивательная, раздорническая и спесивая манифестация. Не эту ли предосудительную и церковно-монархи-

ческую провокацию бывший патриарх объявляет надеждой, что у нас хранитель благочестия – народ – не признает постановлений бывшего Собора.

С того момента, как бывший патриарх, сложивший в мае прошлого года власть до Собора, Собором окончательно упраздненный, вышедши из заключения, игнорируя бывший Собор, пренебрегая решением о нем епископов, уничтожая их гордым презрением, стал именоваться и действовать как «Патриарх Московский и всея Руси», он стал раздорником, отщепенцем, вождем тихоновского толка. Осудившие его 67 епископов не осуждены правильным церковным голосом, а отвергнуты и попораны ногами превысившего свои епископские и патриаршие полномочия «громовежца» Тихона. И отседе голос «смиранный» гордого Тихона и всех епископов, которые потянутся за ним, для этих 67-ми не осужденных законно, а просто отброшенных, пресекая, и не имеет никакой силы и обязанности. Бывший патриарх в тот момент, когда монархически отшвырнул от себя Собор, сам подрезал основу для своего титула «всея России». Он морально сузил себя, ограничил и территориально. Он может титуловаться патриархом не только «всея России», но и «всей Азии» и «всей Африки», если у него там найдутся единомышленники и признающие его своим главой. Но рядом с ним получают такое же моральное право (и с точки зрения советского закона и гражданское право на титул «всея России» и его конкуренты). Глава всякого религиозного объединения, улья которого разбросаны по всей России, имеет право на титул «всея России». От Святейшего Тихона Патриарха Московского и всея Руси – до Парамона Сидорова – наставника секты вертидырников, если ячейки ее имеются в разных местах России.

Единоличным, априорным отвержением бывшего Собора и суда Тихон отмежевался от единства Церкви и стал главою секты или толка, быть может, многочисленного, но граждански существующего пока подпольно, «тихоновского», с главою неосвободившегося от политического прошлого, еще тяжелого и свежего, на словах отвергаемого, а в действиях – осуществляемого...

Председатель Совета

митрополит Антонин.

Секретарь Иван Паутин».

(Известия, 1923, 7 июля, №156, с.4.)

Эту пространную декларацию всякий почитатель Антонина Грановского (а он вполне достоин за многие свои заслуги почитания) прочтет с глубокой душевной скорбью. (Только тяжелый долг историка заставил нас привести эту декларацию здесь полностью.)

Безусловно, эта декларация несостоятельна. Более того, каждое слово бьет по самому Антонину.

Прежде всего поражает всякого знающего Антонина то, что знаменитый реформатор становится на путь юридического, формалистического крючкотворства. Он словно забывает, что история Церкви знает так называемые «разбойничьи» Соборы, которые отвергались и единодушно всей

Церковью еще до их официального дезавуирования. Таковы все арианские Соборы, многократно осуждавшие св. Афанасия Великого, таков Эфесский Разбойничий Собор и многие другие Соборы.

Можно спросить у Антонина: неужели были неправы те верующие, которые бы не приняли гнусного Собора, лишившего сана митрополита Филиппа по указке Грозного?

И здесь, как всюду, моральный фактор имеет перевес над юридическим, – и сборище предателей, подобных Иуде Искаротскому, не становится Собором епископов, хотя бы оно состояло не только из 67-ми, но даже – 6700 человек.

Далее Антонину, конечно, хорошо известно, что подавляющее большинство епископов старого поставления, как и подавляющее большинство духовенства, верующих, не признавало Собора 1923 года. На Соборе присутствовало 15 епископов старого поставления, но 60 епископов на нем не присутствовало, так как не было допущено на Собор теми людьми, которых он сам неоднократно называл «поповско-торгашеской кликой».

Наконец, как мы сказали выше, декларация Антонина бьет по самому автору – он ведь так же отстранен, а затем (в октябре) запрещен в священнослужении десятью обновленческими епископами, теми самыми, которые осудили патриарха Тихона. Почему же вы, дорогой владыка Антонин, не собрали двадцати епископов, которые отменили бы несправедливое решение, а продолжаете служить как ни в чем не бывало? Ведь вы уже, наверное, признавали закономерность церковного органа, председателем в котором являлись. Почему же теперь вы его опрокидываете ногою? Видимо, только потому, что он вам «не угодил».

Особенно неприятное впечатление производят политические выпады Антонина против патриарха; тут уж начинает пахнуть Красницким – это, конечно, еще не донос (здесь нет непосредственного осведомления властей в политическом «преступлении», а лишь политическая оценка всем известных действий) – однако нечто, очень похожее на донос... (особенно там, где делается намеренное сближение личности патриарха Тихона с личностью Николая Романова).

Примерно в том же духе выдержана лекция Антонина «О церковном шовинизме», прочитанная им 20 августа 1923 года в театре Зимина. Основные тезисы этой лекции следующие:

«Мораль политического покаяния, всем известного, покаяния без раскаяния, революция и реформация, надежды церкви». (См.: Известия, 1923, 18 августа.)

В том же духе выдержаны и другие выступления Антонина против патриарха, печатавшиеся в «Известиях» на протяжении 1923 и 1924 годов.

Таким образом, Антонин Грановский находился в состоянии острого конфликта с патриаршей церковью, который был формально закреплен определением патриарха Тихона от 17 апреля 1924 года, налагавшим запрещение на епископов Евдокима и Антонина (как руководителей рас-

кольничьих сообществ) – и тем самым на всех, кто находится с ними в общении.

Следует, однако, сказать, что ни у патриарха Тихона, ни у тогдашней иерархии личность Антонина не вызывала особого озлобления. Особую веселость патриарха вызывала одна статья Антонина, в которой он жалуется на то, что в глазах тихоновцев он – «безблагодатный мужик».

«Ну, как там наш безблагодатный мужик поживает? – спрашивал часто патриарх Тихон. – Все куролесит старина? Ложился бы лучше в больницу, дряхлый уж, больной ведь...»

В еще более обостренных отношениях находился Антонин с Синодальной Церковью; официальный разрыв у Антонина с обновленцами был зафиксирован постановлением Священного Синода от 9 октября 1923 года за №2374.

Характерно, что указ Синода, в противоположность краткому патриаршему определению, отличается развернутым изложением «вин» Антонина.

«Бывший Председатель ВЦУ Московский митрополит Антонин, – говорится в постановлении, – по докладу архиепископа Крутицкого Александра, за присвоение им титула митрополита «Московского и всея Руси», за переноску Святого Престола из алтаря, за особый способ преподавания Святого Причастия, за служение литургии в 8 часов вечера, а также за совершенно беспочвенные публичные выпады против Священного Синода – временно запрещается в священнослужении с приглашением его в Священный Синод для дачи объяснений по поводу его действий».

(Вестник Священного Синода, 1927, №2, с.26.)

Антонин не заставил долго ждать ответа.

«Компетенции Синода над собой не признаю, – пишет он со свойственной ему резкостью и категоричностью, – и, конечно, подчиняться Синоду не буду ... Еще 29 июня я заявил, что считаю деятельность Синода вредной для Церкви, и провозгласил свою автокефалию (и, следовательно, не зависящую от Синода Церковь, назвав ее Церковью Возрождения). Я твердо стою на реформистском пути.

В общем же, у меня коренное расхождение с другими церковными группировками. С Тихоном у меня нет ничего общего, ибо я опираюсь на совершенно иные социальные слои. Синодальную Церковь я считаю чисто поповской, кастовой организацией. Я отвергаю церковную иерархию, будь она монархической, как у Тихона, или олигархической, как у Синода, я на ее место ставлю общину». (Известия, 1923, 3 октября, №234, с.4.)

*

Таким образом, осенью 1923 года Союз Церковного Возрождения начал свое существование в качестве самодовлеющей церковной общины.

Что же из себя представляла эта община?

«Основанная Антонином церковь, – писала Большая Советская Энциклопедия, – отличается, главным образом, упрощениями и нововведени-

ями в обрядах, как то: перенесением богослужений непосредственно в среде молящихся, употреблением русского языка вместо славянского и т.п.

В этой обновленной церкви насчитывается всего несколько сот последователей: в Москве (центр – б. Заиконоспасский монастырь), в Ленинграде, во Владимирской и Харьковской губерниях.

Социальный состав ее – по преимуществу мелкая буржуазия, отчасти интеллигенция, много деклассированного элемента. Средняя и особенно крупная буржуазия отнеслась к церкви Антонина очень враждебно» (БСЭ 1926 год – статья «Антонин»).

Наиболее крупной общиной Союза Церковное Возрождение является Московская община, группирующаяся непосредственно вокруг Антонина: двухэтажный храм был всегда наполнен молящимися, и у Антонина было очень много слушателей и почитателей.

В Ленинграде возрожденческую общину составляли последователи прот. Иоанна Егорова, примкнувшие к Антонину, и осколки общины Евгения Белкова. Одно время (в течение полугода) община занимала Спас-Преображенский собор (на Литейном проспекте).

В Харькове лидером местного Союза Церковного Возрождения был протоиерей о. Константин Смирнов – единственный крупный церковный деятель и высокоталантливый человек, примкнувший к Антонину.

Во Владимирской епархии к Союзу Церковного Возрождения примыкало несколько сельских приходов – центром «Возрождения» было волостное село Ворогово, а настоятель вороговской церкви, о. Василий Лебедев, был лидером Возрождения на территории Владимирской епархии.

Первым актом Антонина Грановского в качестве руководителя автокефальной церкви было снятие с себя звания митрополита. Он заявил об этом во время литургии – 26 октября 1923 года – и официально прокламировал отмену Союзом Церковного Возрождения любых титулов, отличий и званий. Отныне священнослужители лишь трех степеней, известных в апостольские времена, – епископы, священники и диаконы – должны признаваться на Руси.

Не довольствуясь этим, епископ Антонин (отныне он снова воспринял этот титул) сложил с себя митру, заявив, что больше никогда не будет употреблять этот суетный знак людского тщеславия. Он сложил с себя также архиерейскую мантию, заменив ее простой монашеской, и архиерейский саккос, заменив его фелонью. Из знаков архиерейского достоинства он оставил лишь панагию, посох и омофор, как имеющие мистическое, символическое значение.

Он отменил торжественную церемонию архиерейских встреч и облачения, как несовместимые с монашеским смирением.

Еще до этого Антонин предложил избрать еще одного епископа. Это было совершенно необходимо, чтобы, в случае смерти Антонина, Церковь Возрождение имела законное иерархическое преемство.

Однако при избрании епископа Союз Возрождение тут же столкнул-

ся с рядом трудностей. Наиболее желательным кандидатом был бы талантливый и просвещенный о. Константин Смирнов. Однако Антонин твердо решил не рукополагать женатых епископов. Пришлось остановиться на о. Василии Лебедеве – вороговском священнике – неуравновешенном, нервно больном, но верующем батюшке. Правда, он был также женат, но соглашался разойтись с женой – и жена против этого не возражала и обязалась также не вступать более в брак.

Далее встал вопрос о способе рукоположения: по церковным правилам, архиерейскую хиротонию совершают два епископа – налицо был только один – Антонин. Конечно, в крайнем случае можно было бы совершить хиротонию единолично (подобно хиротониям, совершенным Амвросием Босно-Сараевским, Делингером и Николаем Поздневым и положившим начало белокриницкой, старокатолической и беглопоповской иерархиям), – однако на такое прямое нарушение канонического права Антонин не решился. Начались поиски второго архиерея. И вот, по иронии судьбы, единственным архиереем, который согласился участвовать в хиротонии, оказался пресловутый Николай Соловей, носивший тогда титул епископа Верейского. Это был сильнейший компромисс с совестью: Николай Соловей был в свое время рукоположен вопреки воле Антонина. Антонин еще в начале 1923 года не признавал его епископом (как известно) и даже выгнал его однажды из алтаря. Правда, теперь Николай Соловей был вдов (жена у него умерла за два месяца перед этим). Нравственные качества Соловья не могли, разумеется, внушать уважения Антонину. Тем не менее, скрепя сердце, Антонин пригласил этого глубоко антипатичного ему человека.

19 октября 1923 года была назначена хиротония постриженного накануне в рясофор о. Василия. Николай Соловей во время литургии неожиданно заболел. Это была какая-то очень странная «болезнь», потому что (как указывается в акте) Николай Соловей почувствовал себя дурно после Малого входа, то есть тогда, когда до хиротонии оставалось всего лишь пять минут – пение тропаря и Трисвятое. Трудно сказать, что именно произошло с Николаем Соловьем, однако можно предполагать, что в последний момент он почувствовал какие-то колебания и сомнения. Это тем более вероятно, что Тучков относился крайне отрицательно к Союзу Церковного Возрождения, к Антонину и к Василию Лебедеву (вскоре после смерти Антонина Василий Лебедев был арестован и погиб в Соловках).

Только 22 октября, в день Казанской Божией Матери (все праздники праздновались СЦВ по новому стилю), удалось совершить хиротонию.

Приводим здесь ставленническое дело епископа Василия Лебедева.

«Ставленническое дело епископа Василия,
рукоположенного 22 октября 1923 года
в храме Заиконоспасского монастыря в г. Москве:

Совет Союза «Церковное Возрождение», заслушав заявление иерея Василия Лебедева, уполномоченного Союза по Вороговскому округу, о

фактическом прекращении его семейной жизни, оттого, что жена его Софья Александровна, урожденная Орлова, безнадежно заболела тяжелыми припадками, что супруги Лебедевы более пяти лет живут раздельно, большая жена живет при родителях, что священник Василий Лебедев желает принять монашество, что супруга его и родители ея на прекращение брака изъявляют добровольное согласие – *постановляет:*

брак супругов Лебедевых прекратить и предоставить Председателю Союза митрополиту Антонину, как лицу иерархическому, бракоблагословение снять и иерею Василию Лебедеву безбрачное житье утвердить, что и приемлет силу подписанием сего акта.

Подписали:

*Председатель Совета Союза
митрополит Антонин.
Член Совета прот. А. Волков.
Секретарь Ив. Паутин.
19 октября 1923 года
№44.*

К подлинному приложена подписка жены священника Василия Лебедева Софьи Александровны, урожденной Орловой, в освобождении мужа от супружеских обязанностей на предмет принятия им монашества. Подписка заверена отцом ея, священником Александром Николаевичем Орловым 16/3 сентября 1923 года.

Верно:

Секретарь Союза Ц.В. Ив.Паутин.

19 октября 1923 года в пятницу на Малом входе вечернего богослужения в Заиконоспасском храме совершено пострижение в «начаток Святого Образа», то есть в рясофор, иерея Василия Лебедева.

Сим пострижением запечатлено его обещание пребыть в безбрачии до конца дней своих и в подвижническом житие, в знамение чего над ним совершено пострижение власов и возложение клобука.

Подписали:

*Председатель Совета Союза Митрополит Антонин.
Член Совета Прот. А.Волков.
Постриженный иерей Василий.
Секретарь Союза И. Паутин.
№45.*

Уполномоченному Главного Совета Союза «Церковное Возрождение» по Владимирской губ. священнику Общины села Ворогова рясофорному иерею Василию Лебедеву.

Согласно ходатайству Вороговского комитета Союза «Церковное Возрождение» и принимая в рассуждения чрезвычайные условия деятелей Союза

Возрождения, начинающих почти апостольское делание, и нужду в ответственных сотрудниках в предстоящем подвиге устройства церковной жизни на новых началах – Главный Совет Союза Возрождения постановил возвести Вас в сан епископа, с оставлением и руководителем Владимирского отделения Союза и настоятелем Вороговского прихода, руководясь примером первых веков христианства, когда предстоятельские места в селениях занимали епископы, именовавшиеся «хорепископами», когда даже такой светильник Церкви, как Святитель Григорий Богослов, был посвящен первоначально во епископа бедного селения Сосимы.

Да содействует Вам благодать святительства против всех современных церковных деятелей, старающихся разрушить благочестие.

Подписали:

Председатель Союза Ц.В. Митр. Антонин.

Член Совета Прот. А.Волков.

Секретарь И.Паутин.

19 октября 1923 года.

№46.

Наречение избранного во епископа.

Честный иерей Василий.

Председатель Совета Союза «Церковное Возрождение» благословил и Совет Союза постановил: Вам, настоятелю Богоспасаемой общины верующих селения Ворогово во Владимирской губернии, быть епископом Вороговского округа Союза Возрождение.

Председатель Союза «Церковное Возрождение» благословил и Совет судил меня поставить на дело церковного служения в сане епископа – не отказываюсь, принимаю и благодарю.

Постановление объявил член Совета Союза Возрождения прот. А. Волков.

Определение Совета Союза Возрождения выслушал перед Заиконоспасской общиной Союза Возрождения и двумя епископами: митрополитом и епископом Николаем.

Ответ дал: иерей Василий.

Наречение совершено 19 октября 1923 года перед литургией в Заиконоспасском храме Союза «Церковное Возрождение».

Подписали:

Председатель Совета Союза Митрополит Антонин.

Епископ Николай Соловей.

Секретарь Совета И.Паутин.

19 октября 1923 года.

№47.

Чин

архиерейского исповедания, произведенного избранным
во епископа пред литургией во время хиротонии
в Заиконоспасском храме
19 октября 1923 года.

Исповедание

Вышеизложенное архиерейское исповедание пред литургией и в положенное по чину время хиротонию нареченного иерея Василия Лебедева во епископа Вороговского округа Союза Возрождения совершили.

Чин исповедания в подлиннике скреплен по верху подписями митрополита Антонина и епископа Николая, а по низу по листам подписан иереем Василием Лебедевым.

№48. Копия верна:

Секретарь И.Паутин.

Акт

19 октября в пятницу перед литургией новоизбранный произнес исповедание и началась литургия, после Малого входа Епископ Николай Соловей почувствовал себя нехорошо и отошел от служения, почему хиротония не состоялась и была отложена.

Подлинный подписали:

Председатель Союза митрополит Антонин.

Член Совета прот. А.Волков.

Секретарь И.Паутин.

№50.

19 октября 1923 г.

Акт

22 октября, в праздник Казанской иконы Божией Матери, за литургией в Заиконоспасском храме было закончено начавшееся 19-го и прерванное по указанной в предшествующем акте причине посвящение во епископа иерея Василия Лебедева, после пропетия Трисвятого совершена самая хиротония и все следующие по чину. Хиротонию совершили митрополит Антонин и Николай, епископ Верейский.

Заверил Прот. А.Волков.

Священник И.Павлов.

*Представители Общины: И.Карпов, Н.Морозов,
С.Подольская, А.Ковалева.*

Член Комитета диакон А.Кудрявцев.

Секретарь И.Паутин.

№51.

22 октября 1923 года.

Союз Церковного Возрождения

Любовию Бога Отца, щедротами Господа нашего Иисуса Христа и благодатию Всесвятого Духа в Заиконоспасском храме г. Москвы 22 октября 1923 года в праздник Казанской иконы Божией Матери, за литургией был посвящен во епископы Вороговского округа Союза Возрождения настоятель Вороговского прихода Юрьевского уезда Владимирской губернии священник Василий Лебедев с предварительным пострижением в рясофор.

Что свидетельствует подписями и приложением печати Заиконоспасского храма, служащей печатью Союза,

*Председатель Союза митрополит Антонин.
Член Совета
секретарь Ив. Паутин.*

При посвящении присутствовал в храме член Вороговской общины Алексей Наумов.

23 октября 1923 г. №52».

*

Важнейшим событием в истории Союза Церковное Возрождение был Первый съезд (или Собор), открывшийся в Заиконоспасском монастыре 30 июня 1924 года.

После вечерней литургии и молебна, глубоким вечером, несколько сот человек запели гимн Церкви Возрождения, сложенный Антонином:

«Христе, Источник утешения, к Тебе несем свои прошения, Союз Церковный Возрождения Своей Десницей утверди.

Кто злобою нас душит черной,
Кто жизнь сльвет позорной,
Кто жалит клеветой глетворной,
От тех нас, Боже, сохрани.

Что вере дорого и мило,
Что воскрешает дух унылый,
Незримой возрождает силой
Ту мощь нам, Боже, ниспошли.

Мы все сливаемся в одном,
Молитвы пламенной огнем,
Горя в сердцах пред алтарем,
Союз наш, Боже, утверди.

Глубоко растроганный епископ Антонин озирает полутемный храм и собравшихся простых, бедно одетых людей – и ему кажется, что осуществилась, наконец, мечта его жизни – перед ним подлинная апостольская, святоотеческая, Христова Церковь.

«Кому, как не мне, первому приветствовать наш Съезд, желанный

день в строительстве Церкви Возрождения, – прерывающимся от волнения голосом говорит он, – пустыня церковная процветает только тогда, когда корни ее оросит живая вода. И Собор 1923 года был созван затем, чтобы вызвать эту, историческую подрубную, живую воду. Мне судил Бог открывать Всероссийский Собор в 1923 году, на который уповали, что он даст этот родник живой воды, наполняющий жаждущие души. Но из этого источника тогда пробилась и потекла мутная вода, которая не могла утолить жажды и не принесла никакого удовлетворения. В июне, 29 числа прошлого года, в день св. апостолов Петра и Павла, СЦВ устроил плотину заграждения, автокефалировался, чтоб сохранить чистоту своего ручейка. Сотрудники, которые окружали меня в 22-23 годах, которые на Соборе 23 года пели мне многие лета, потом прокляли и анафемствовали. И я год, как насадка, собирал птенцов под крылья свои, пригревая пламенеющие о славе Божией сердца. И Господь утешил меня нынешним днем, когда мы, представляющие сравнительно малую группу, стеклись сюда с разных мест на эту конференцию, чтобы общим сердечным устремлением строить дело Божие на благо тем душам, которые находят в нашем почине удовлетворение и сладость. Приветствую присутствующих здесь истинных детей своих, которые притекли в этот храм на первый Всероссийский съезд или Собор СЦВ.

Первому Всероссийскому СЦВ многие лета». (Поют «многие лета».)

Затем на кафедре восходит епископ Василий Лебедев (в недавнем прошлом – сельский священник).

Приветствие Василия Лебедева также очень характерно. Приводим его полностью.

«Позвольте мне приветствовать наш первый Возрожденческий Всероссийский Собор. Только не от многих городов, не от имени горожан я привез вам это приветствие. Я привез его из глухих деревень, от простых крестьян. Нынешний день, открывший первый наш Возрожденческий Собор, всколыхнул деревню. Когда организовался СЦВ, деревня очень интересовалась этим. Мы решили тоже объединиться. Три недели назад собрали свой предсоборный съезд. Я видел, как эти простые крестьяне – жаждущие чего-то, чего они не находили ни в одном религиозном течении, хотели объединиться. Они выделили из своей среды и отпустили сюда такого же мозолистого рабочего, как они сами. Они просили сказать, что их деревня нуждается в религиозном просвещении. Мы дали им твердую уверенность, что их просьба для нас – закон. Они просили, чтобы здесь позаботились об их интересах, интересах темной русской деревни. И мы приехали на этот съезд для этого. Когда я шел сюда в храм, мне повстречался один гражданин, который шел и рассуждал: «Вот что делает Антонин в своем Заиконоспасском монастыре. Бог знает что! Служит литургию на русском языке, вынес престол на середину!» Этот гражданин не знает для чего, а деревня знает... Я – первый деревенский епископ, посланный епископом Антонином в глухую деревню, куда не вступала нога епископа.

Но мы там основали епископскую кафедру. На нас указывают пальцами: в деревню послали епископа. В деревне говорят: «Когда к нам приезжают епископы, мы раньше видели только их кареты, а епископов не видели». Христос послал своих учеников всему народу, а не сказал: идите только к дворянам и купцам. Во многих деревнях епископа не видели никогда. Вот сколько времени, говорят они, основали наш храм, а ни одного епископа не было еще. Теперь, слава Богу, СЦВ первый послал, никто не послал в деревню епископа. Почему послали мы? Потому что у нас нет кастовых интересов; у нас интересы верующей народной души – нам все равно, что граждане, населяющие города, что мужики, населяющие и деревню. Русский темный народ понимает, хорошо взвешивает это, и, разбираясь в современных церковных течениях, он видит, что действительно в СЦВ есть истина. Мы стремимся обновить церковную жизнь, но не болтовней. Хотя другие религиозные объединения называются обновленческими, но там все по-старому. В СЦВ мы видим другое. Ко мне часто приходят верующие из общин. Сначала идут посмотреть, а потом увлекаются и просят своих батюшек: «Служите так, как у возрожденцев». Батюшка спрашивает: это от Антонина? Нет, мы служить не будем, не то с нас снимут сан. Этот призрак пустования храмов пугает батюшек. И те, кто раньше обегали меня, теперь начинают забегать и спрашивают, как и что? Они также возлагали большую надежду на этот Собор и, между прочим, спрашивают: сколько к нам прибудет епископов? Мы этого не знаем, но, во всяком случае, мы, вдвоем с владыкой, будем. «Мало», – говорят. Но дело не в количестве, а в единодушной преданности идее. Мне кажется, что таково и должно быть настроение Собора: единодушный, единомысленный. По крайней мере, я льщу себя надеждой. Так вот от глухой деревни, от мужика-пахаря, я приношу приветствие Первому Всероссийскому Собору СЦВ. Примите привет и низкий поклон и многие лета!» (Поют «многие лета».)

Сельского епископа сменяет магистр философии о. Константин Смирнов – выходец из богатых харьковских дворян. Он говорит:

«Примите и мой привет. Я привез его из сравнительно далекой Украины. Я с детства хотел в храм войти, но был только около церковных стен, поскольку я был мирянином, ибо каждый мирянин не в храме, а только около храма. И когда я вошел в этот храм в качестве его служителя, то, к своему удивлению, не увидел того, что ожидал. Я не увидел там молитвы и присутствия Божия в сердцах людей. Я увидел там граммофон и торговый прилавок. Я не видел глубокого душевного интереса. Я не видел возвышающих мыслей и настроений. Я почувствовал себя там тяжело. Я стал там задыхаться, искать выхода и света. И в это время как будто повеяло свежим воздухом, как будто открыли окно или форточку. Но вот прошло несколько моментов, как из этой форточки повеяло той же затхлостью, мертвечиной. Пришлось эту форточку если не захлопнуть, то прикрыть и искать другого просвета, другого свежего воздуха. И такая форточка нашлась: я ее считаю – СЦВ. Она, правда, еще мала – это маленькая щель,

маленькая брешь. Но ему тем не менее, вероятно, принадлежит большое будущее. Когда начиналось христианство, носителями веры Христовой было всего двенадцать рыбаков, однако, эти рыбаки победили мир, весь свет и заставили его повернуться лицом ко Христу. Что в СЦВ сейчас мало духовных особ, это вполне понятно. СЦВ хочет возродить жизнь на аскетических началах. Он динамичен, он не стоит на месте, его движения идут по линии поднятия аскетического роста. Для духовенства это непосильно и невыгодно. Это могли бы сделать миряне, но масса еще косна, она слишком несознательна, она не сознает интересов своих. Но тогда, когда они это сознают, они заставят духовенство пойти навстречу СЦВ.

На одном из церковных собраний минувших дней пели многолетие матери одного из видных участников этого собрания¹. Это характерно, это знаменательно.

Мать – это символ земли. Говорят – мать-сыра-земля. Отец является символом Неба, отец Небесный.

То церковное объединение доказало, что оно – от земли.

Союз Церковного Возрождения имеет стремление в небо, устремление ввысь, и нужно приветствовать это, нужно на него надеяться.

Нужно пожелать Союзу, чтобы он распространялся на всю Россию.

СЦВ – многая лета».

(Труды первого Всероссийского Съезда или Собора Союза Церковного Возрождения», Торопец, 1925, с.7-10.)

Приведенные выше приветствия являются зеркалом и отражением церкви возрождения.

Выступившие иногда принимают желаемое за действительное (епископ Василий Лебедев), иногда сгущают краски, говоря о несовершенстве старой церкви (о. К. Смирнов). Однако все трое безусловно искренни: ни у одного из них не слышно ни одной фальшивой нотки.

Самым искренним и морально чистым из обновленческих религиозных объединений был Союз Церковного Возрождения.

Самым искренним из всех многочисленных обновленческих Соборов и съездов был съезд Союза Церковного Возрождения.

Очень трогательны также выступления священника Алексея Аргамакова, Николая Васильевича Байкова и Ивана Васильевича Паутина. Так как эти выступления очень характерны для настроения многих русских людей того времени, мы приводим их полностью.

«Свящ. о. Алексей Аргамаков:

От имени единомышленников Ефремовского уезда Тульской губернии я привез приветствие Первому Всероссийскому Съезду. Я всем сердцем желал, чтобы случилось то, что должно случиться. Я страстно желал, чтобы мы, верующие во Христа, слились воедино, без разделения на группировки. Многие верующие и неверующие, видя происходящее в Церкви, и особенно раздоры, недоумевают. Нас называют сектантами за то, что мы отделились. Некоторые говорят, что не хотим идти вместе с ними из гор-

¹ Речь идет о матери А.И.Введенского.

дости и потому отмежевываемся от тихоновской и синодальной церкви. Но подлинная народная церковь требует, чтобы мы дали народу богослужение на его родном языке. И вот СЦВ дает то, что требуют от него миряне. А за удовлетворение этих требований его называют сектантом. Мы сливаемся с народом в одно и стремимся выполнить его требования. А раз мы все заодно, то верующие будут там, где единение и любовь. Мало нас очень, правда, в настоящее время, и именно поэтому от духовенства требуется, чтобы оно было таким, каким оно было в первые два века христианства. Там церкви были бедные, потому что не было денег, не было драгоценных сосудов, — да это и не нужно, были бы пастыри добродетельные, которые сияли бы красотой веры и любви христианской и распространяли бы веру во всей окружающей среде. Вера Христова распространилась сперва по всей земле, и ничто в то время не называлось своим. Все было общее. И вот в настоящее время от нас требуют, чтобы и были пастырями, какими были пастыри первых веков, ибо в настоящее время можно встретить блестящую обстановку храма, подобные солнцу сосуды, митры, но встретить пастыря, увы! не золотого. От нас требуют, чтобы мы стали золотыми. Это нам очень трудно. Но нам говорят миряне: если вы не захотите трудиться над собою, то мы не пойдем за вами, мы уйдем в сектантство, и вы будете за нас отвечать. Боязнь этого сознания заставляет вас пойти на все, принять насмешки, укоры, но мы, надеясь на Христа, уповая на Его помощь, идеи, идем, несмотря на то, что нас ругают люди, в которых нет любви ко Христу, но которые именуют себя членами церкви православной. Мои единомышленники Ефремовского уезда Тульской губернии просили меня, чтобы я провозгласил Первому Всероссийскому Съезду многая лета». (Поют «многая лета».)

Реплика епископа Антонина:

«В Евангелии рассказывается, как Господь узнал внутренний мир Нафанаила, высказал ему, что он видел его под смоковницей. И это Господне указание в душе Нафанаила вызвало порыв восторга. Вчера ко мне «утру глубоко», в 7 часов, явился сей иерей и привез мне от себя и от единомышленников своих чувство великого упования нам, СЦВ. Приезжал он затем, чтобы ухватиться за наш якорь, и я усмотрел в этом Господнее одобрение для нашего слабого начинания. Я с радостью принял его в общение. Он меня утешил тем, что, по возвращении отсюда, его благовестническое и дело, и слово внесут большую отраду в смущенные души и сердца, которые не находят себе в старой Церкви одобрения, духовного питания и услаждения. Он сказал, что там, месяца через два, создается большое и сильное возрожденческое движение. Преосвященный Василий приехал с тремя крестьянами из своей деревни, уполномоченными, и вчера один из них, встретивши меня на улице в первый раз, поздоровался и сказал: «Ах, нашего преосвященного замучили диспуты». Там, куда направляется острейшая критика, пастырь должен быть прежде всего. В районе епископа Василия действует и бывший член «Живой церкви» и СОДАЦа,

живший в часовне Спасителя и творивший там пьяные безобразия, сложивший сан Григорий Колоколов. Преосвященный Василий и ходит за ним по пятам, и его побивает. И души верующих, как мотыльки на огонь, тянутся к нему, чувствуя опору в нем. Так и отец Алексей Аргамаков тоже пламенеет к миссионерскому труду, чувствуя, что в этом главный подвиг, главная заслуга и труд в данное время. И он говорит мне с прискорбием, что когда он обратился в так называемый обновленческий Синод с просьбой поддержать это направление и использовать с пользой его силу, то ему ответили: «Это нам не нужно». Таким образом, в Синоде отмахиваются от миссионеров, и только мы берем на себя эту тяжесть – поддержку, выяснение истины и дать опору верующим сердцам и ищущим пытливым умам»¹.

За спиной о. Алексея Аргамакова стоят еще несколько священников. Один из них лично мне известен по моей деятельности в Туле, и я очень тронут тем, что оттуда потянулись к нашему свету и потянулись именно иереи, которые в большинстве случаев чуждаются нашего Союза... Я от души приветствую бодрых и смелых пастырей, идущих вместе с о. Алексеем к нам. Ему, как предводителю, провозгласим «многия лета».

Николай Васильевич Байков:

«Позвольте мне приветствовать вас от имени Московской общины. Община Московская особенно остро, больно переживала все нестроения церковные и горячо верила, чтоб наступило время, когда все неправды церковные должны быть размежеваны, устранены. Мы пережили и то время, когда на нашего дорогого вождя, честного архипастыря Антонина за его проповедь истинного учения Христова была направлена ненависть и вражда, окружающая нас со всех сторон. Мы знаем, что если это было лет семь назад, нашу маленькую сплоченную семью послали бы в Архангельск, Сибирь и т.д. Мы верим, что этот Всероссийский съезд действительно найдет возможность уврачевать наши церковные раны, откроет пути к истинному учению Христа и истинным служителям Христа, а не тем, которые на коленях ползают за этими мантилиями. Нашему вождю великому, сильному и смелому, в обстановке вражды и ненависти, окружающей его, ведущему борьбу за истинное учение Христа, многая лета». (Пение «многия лета».)

Епископ Антонин:

«Только что говоривший принадлежит к самым энергичным работникам нашего религиозного объединения и представляет собой такого живчика, который толкает нас на решительные шаги. Его энергии надо приписать то расширение Союза Церковного Возрождения, которое мы имеем в Москве. Мы ценим его энергию, и потому нашему брату Николаю «многия лета». (Поют «многия лета».)

Иван Васильевич Паутин:

«Я осмеливаюсь сказать приветствие и несколько слов членам Союза

¹ Прекрасные слова! Их надо читать и перечитывать каждый день, утром и вечером, каждому церковному работнику. Жалко лишь, что от них веет фракционной предвзятостью. В Синоде не всегда отмахивались от «миссионерской работы». Достаточно упомянуть хотя бы таких замечательных миссионеров, выдвинутых обновленчеством, как А.И.Введенский, А.И.Боярский, А.М.Щербаков и многие другие.

Церковного Возрождения, собравшимся здесь сегодня, нашему Первому Всероссийскому Съезду. Я, маленький работник этого церковного объединения, я осмеливаюсь сказать это слово потому, что я встретился с нашим уважаемым вождем епископом Антонином, когда наш Союз был только в мечтах у него, а мы шли под лозунгом «Живой Церкви». И тогда в его душе возник план самостоятельного объединения, и в прошлом году в августе я был одним из тех, которые в этом храме организовали Союз. Я очень рад, что могу это говорить, но у меня есть горькое чувство в душе – это то, что сегодня здесь с нами не участвует Москва, моя любимая Москва. Мне больно, что наша передовая Москва не почувствовала Бога, Исходящего из этих стен. Но я уверен, что хотя наше объединение и стоит сейчас обособленно и малочисленно оно, но граждане поймут свою ошибку и придут к нам. Мне пришлось беседовать с одним гражданином, который говорил, что он неверующий, но из всех существующих церковных объединений он считает СЦВ самым чистым. И все, кто посещает наш храм, говорят мне это. У всех у них есть маленькое «но», но оно не мешает им приходить к нам. Почему вождю и руководителю – «многие лета». (Поют «многие лета».)

Епископ Антонин:

«Говоривший сейчас собрат наш Иван был долго технической силой аппарата, действующей в нашей организации. И еще больше – он был там горевшим углем, который не только шевелит, но который и сам дает тепло. Я утешаюсь тем, что вижу в настоящий день сошествие дарования языков на тех, которые чувствуют пришествие настоящего дня. Они сегодня пожинают плоды трудов скромных своих. Брату нашему Ивану «многие лета». (Поют «многие лета».)

(Труды Первого съезда, с.10-13.)

1 июля 1924 года съезд избрал Президиум в следующем составе: епископ Антонин, епископ Василий, свящ. Константин Смирнов, миряне: Байков Николай Васильевич, Кириллов Никандр Васильевич, Соколов Николай, а также Наумов Алексей Павлович, Борисов Никита Васильевич, Исаева Евдокия Захаровна, Кувалдина Александра Романовна, Жирнов Сергей Алексеевич. Председателем был избран епископ Антонин и секретарем С.А.Жирнов.

Регламент съезда носит на себе все характерные и размашистые черты антониновского почерка. Удивительной способностью обладал этот человек: буквально все, что выходило из-под пера его (самые шаблонные, чисто деловые документы), становилось ярким и оригинальным. От регламента так и веет Антонином – несмотря на весь демократизм, властный игуменский окрик слышится в каждом слове.

«1. Заседание Съезда, или по-церковному термину – Собора, открывается гимном Союза Возрождения – «Христе, Источник Утешения».

2. Докладчики по вопросам повестки выставляются Президиумом съезда.

3. Докладчики имеют неограниченное время для доклада. Ораторы

по докладам имеют 20 минут. Заключительное слово докладчику – 30 минут (характерно, что единственным докладчиком по всем вопросам был Антонин).

4. В порядке прений ораторы получают слово не больше двух раз: первый – 20 минут, второй раз – 10 минут.

5. По вносимым предложениям слово предоставляется 2 ораторам: первый – 20 минут, второй – 10 минут.

6. Члены Съезда, желающие высказаться по докладам, подают в Президиум записку с обозначением имени, фамилии, района, который они представляют, и времени, с какого они состоят в Союзе Возрождения.

7. Члены Съезда имеют одинаковое право голоса. Каждый член Собора пользуется одним голосом. Согласно иерархической идее всей практики русских Соборов, кроме последнего демагогического Собора 1923 года, епископату принадлежит право вето, но не перерешения. Вопрос, опротестованный епископатам, или пересматривается в следующих заседаниях, или отлагается до следующего законодательного Собора.

8. Заявления в устной форме, особенно с места, равно и знаки одобрения или неодобрения, не допускаются.

9. Съезд имеет суждения по тем принципиальным вопросам, которые назначены повесткой, рассмотренной гражданской властью.

10. Голосование производится на Съезде открыто – подсчет голосов.

11. Нарушение регламента членами Съезда, исключение из деловых собраний на несколько заседаний». (С.19.)

Порядок дня для Собора следующий:

1. Отношение Союза к другим религиозным объединениям Православного культа, старой тихоновской организации и обновленческой синодальной.

2. Отношение Союза к Собору 1923 года: пересмотр канонических перемен, произведенных Собором 1923 года.

3. Обсуждение произведенных уже Союзом реформ церковного обряда.

4. Проекты назревших обрядных реформ.

5. Трудовой принцип и извлечение средств к жизни у духовенства.

6. Вопрос об ограничениях, вызываемых вхождением в корпорацию служителей культа.

7. Ратификация устава Союза Церковное Возрождение.

8. Выборы исполнительного органа.

9. Текущие дела. (С.16.)

Съезд Союза Церковного Возрождения продолжался пять дней (открылся в понедельник 30 июня и закрылся в пятницу 4 июля). Согласно сообщению епископа Антонина, съезд состоял из 120 человек, в том числе из 2 епископов, 3 священников и 110 мирян.

Председатель съезда выражал свой восторг таким составом съезда.

«Прежде чем начнутся доклады, – говорил епископ Антонин, – я не

могу не высказать своего удовлетворения, не могу не приветствовать настоящего заседания в качестве его председателя. Достаточно окинуть взглядом картину нашего заседания, чтобы увидеть разницу между ним и теми собраниями, которые два года подряд происходили под церковным флагом. В то время как все прежние собрания представляли собой духовенческие оговоры или стачки и состояли из одних рясоносцев, у нас духовенство совершенно теряется в массе мирян. На сто двадцать участников нашего съезда – духовенства только десять человек.

Наше собрание по составу своему есть подлинно церковный соборик (не Собор, а соборик. – *Подчерк. нами. Авт.*). Ибо в нем представлено пропорциональное тело церковное: массы церковные – миряне, и руководители-пастыри – духовенство.

В этом признак нравственного равновесия и залог твердости постановлений нашего съезда. Да благословит Христос Бог наши труды». (С.15.)

Что сказать о съезде?

Сам Антонин назвал его не Собором, а собориком. Было бы трудно возразить что-либо против этого съезда, если бы он представлял собой одну из организаций, входящих в Православную Церковь в качестве автономной и независимой единицы. «В доме Отца Моего обители многи суть», – сказал Господь в своей прощальной беседе. И думается, что эти слова выражают многогранный, универсальный характер христианства.

И воинствующая Церковь, существующая на земле, как и Церковь Небесная, должна иметь многие обители. Церковь тем и отличается от всех остальных течений и институтов, создаваемых людьми, что она, как основанная Сыном Божиим, обнимает собой все эпохи, все народы и все проявления человеческой жизни.

Нет ничего более ошибочного, чем замыкать Церковь в стенах храма, – этого хотят безбожники, и этого никогда не было и, конечно, не будет.

Назначение Церкви – проповедовать Евангелие всей твари (даже не всем людям, а всей твари), – преобразовывать мир по Христовым заповедям, по Божественным велениям, Божественным Законам.

Церковь должна включить в себя множество различных сообществ, братств, союзов – как это делает на Западе католическая церковь и как это (в зародыше) было и у нас, хотя государственная опека и мешала Русской Православной Церкви развернуть свою деятельность в этом направлении (дело ограничилось лишь обществом трезвости и различными благотворительными братствами). В рамках Церкви почетное место должно принадлежать и союзам, подобным Союзу «Церковное Возрождение».

Союз «Церковное Возрождение», однако, смешон, как самодовлеющая величина, как замена автокефальной Церкви. Это, несомненно, понимал и сам Антонин, не случайно он называл съезд не Собором, а собориком.

Но «соборик» не может заменить собор, как одна личность (даже такая грандиозная, как Антонин) не может заменить собой Церкви.

На 1-м съезде Союза Церковного Возрождения, между прочим, выявилась в полной мере одна специфическая черта Антонина Грановского – затмевать и подавлять всех своей фигурой – из 120 человек, участвовавших в съезде, выступило, кроме Антонина, 6 человек, причем и эти шесть человек играли по существу лишь роль хора в древнегреческой трагедии, – они восторженно комментировали действия главного героя.

Даже такой неисправимый бунтарь и яркий, самобытный человек, как свящ. Константин Смирнов, играл совершенно несвойственную ему роль духовного адъютанта.

Весь «соборик» превратился, таким образом, в монолог Антонина, все доклады принадлежат ему, все резолюции и документы Собора написаны им, даже гимн, которым начинались заседания. Ему же принадлежит Песнь Союза Возрождения, которой заканчивались заседания Собора, – причем Антонин выступает здесь и как поэт, и как композитор. Надо сказать, что композитор он был более оригинальный и талантливый, чем поэт.

Даже наиболее враждебно настроенные и равнодушные посетители заседаний Союза проникались умилением, когда под сводами храма раздавался протяжный своеобразный мотив:

Христе, двенадцать рыбаков
Приняли свет, Твои законы,
Прошли без войск, без обороны
И стали пред лицом народов.

О правде Божьей пламеня
И пред Тобой благоговея,
Громоглагольные витии
Свои орудия раскрыли.

Весь древний мир поколебался,
И цепи рабства падать стали.
Они в испорченные нравы
Порядки новые, уставы

И новой жизни дух ввели.
Господь, Ты их и наш Учитель,
В борьбе с неправдой Вдохновитель,
И нас их силой осени.

Первый доклад, который был заслушан: «Отношение СЦВ к другим религиозным объединениям православного культа старой тихоновской организации и квазиобновленческой – синодальной».

В этом докладе епископ Антонин кратко рассказывает историю своих взаимоотношений с тихоновской и обновленческой ориентациями.

– Те интердикты и отлучения, которые сыплются на Союз, – говорит епископ, – вытекают из ненависти, зависти, корысти и ремесленничества, не имеют в себе Христовых мотивов благожелательства и заботы о широ-

ком благе Церкви. Стремление малых церквей поддерживать в первые века общение с церквями главными было и подсказывалось интересами единства, ради большой мощи. СЦВ, вдохновляемый счастьем верующих душ, находящихся в его почине себе удовлетворение и утешение, защищаясь от погромных замахов староцерковников-тихоновцев и синодалов, с твердой решимостью утверждает свою автокефалию. Душу и энергию Союза составляет освежение обряда и изживание механического поповства. Тихоновщина, как и синодальщина, страдает конституционной боязнью новшества и за дерзание и почин проклинают, – СЦВ с надеждой глядит вперед. Он дорожит новыми приобретениями обряда, введенными им уже в богослужебную практику, и ни в коем случае не намерен пятиться назад и сдаваться на милость церковной косности и реакции. Он почитает Даром Духа Святого и доблестью то, что тихоновщина и синодальщина признают грехом и преступлением, как то: вдохновение, инициативу и творчество. Он благоговеет перед великим творческим духом литургизма, во время первых трех веков христианства, когда даровитость и талант почитались харизмою, благодатностью и били ключом в Церкви Божией, прогоняя тупость и начетничество, когда единение церковных общин скреплялось их солидарностью и магнетизмом таланта и подвига, а не держалось централистической опекой и полицейским злостным охранничеством...

Итак, вся наша вина в том, что мы воодушевляемся на примере Церкви Христовой первых трех веков и хотим мы двигаться вперед, хотим жить живой работой мозга и сердца, а нас за это христиане хватают за горло и душат. Все кары и проклятия, обрушивавшиеся на нас, не повредят нам, ибо, как говорит премудрый Соломон, как воробей улетит, как ласточка вспорхнет и улетит, так несправедливое проклятие не сбудется. Нас будет хранить Божественная Сила. Настоящий, радостный для нас день, когда мы имеем утешение беседовать не только с нашими постоянными московскими общинниками, но и с теми нашими друзьями, которые прибыли к нам из других мест. Изложенное мною перед вами представляет нашу краткую сжатую идеологию.

Это наш паспорт, по которому всякий может судить и видеть наши особые приметы и, соответственно этому, может судить, написан ли он на веленовой бумаге или на затрепанной, обветшавшей. Я изложил, а вы судите». (с.21 – 22.)

Из выступлений в прениях следует отметить речь епископа Василия, который говорил о крестьянстве как о главной религиозной силе будущего. «Симпатии деревни, широких крестьянских масс будут на нашей стороне, – настаивал деревенский епископ, – а на стороне других религиозных объединений останется мещанство, которое часто в погоне за благами материальными глушит в себе религиозное, действительное чувство. У крестьянства религиозное чувство более действительное, оно не смешивает никогда вопросы чисто церковные с политическими. Это заслуга деревни, это центральный вклад с ее стороны. Правда, само сознание деревни имеет

свои недостатки – это невежество, но для чего же мы? Мы должны очень осторожно очищать эту кору. Но когда снимешь этот слой, там окажется ясная чистота и искренность религиозного самосознания деревни». (с.23.)

Свящ. Аргаматов говорил об общности СЦВ с сектантством.

Съезд принял по докладу следующую резолюцию, которая представляет собой изумительно талантливую и яркую декларацию взглядов Антонина.

«1. Союз «Церковное Возрождение» по стилю своему есть Православное объединение действенного обряда. Он стоит на догматической и нравственной основе вселенского православия, не колебля и не отвергая ни цареградского Символа веры, ни действующих во всем православном мире нравственных канонов. Он обращает свою энергию на усовершенствование техники культа.

2. Союз «Церковное Возрождение» констатирует слепую органическую враждебность к себе тихоновского и синодального лагеря, вытекающую из тупости и корысти определенных слоев. Чувствуя свою нравственную правоту, Союз героически преодолевает проволочные заграждения у староцерковной традиции, злоупотребляющей каноническими сплетнями для запугивания верующих – и с душевной опорой на Основоположника и Источника Веры, Господа Нашего Иисуса Христа, утверждает свою автокефалию, как защитную броню от удушения церковною рутинной, реакцией и корыстью.

3. Союз не считает себя виновным перед Христом Богом за то, что ему хочется жить тем духом почина, вдохновения и свободы творчества, который составляет драгоценный дар Христа Своей Церкви и которым жила и цвела апостольская и святоотеческая Церковь, и надеется в своих судьбах на помощь Божию.

4. Союз считает советскую гражданственность для себя более благоприятной и защитной, чем прежняя, царистская, так как она гарантирует Союзу свободу дыхания и функционирования и защищает Союз от удушения ватагами злопыхающих церковников других лагерей.

5. Союз клеймит и осуждает корысть и леность клерикалов, которые играют на народной темноте и невежестве, воспитывают доверчивые массы в идолопоклонстве букве и обряду, убивают дух, предприимчивую пытливость, бодрость, инициативу, засушивают мозги, парализуют волю и прививая раболепство, робость и тупость. Вместо того чтобы будить мысль и шевелить нравственную чуткость, они убаюкивают механикой магии и вохлования, чем глушат живое чувство и плодят одно пустосвятство.

6. Союз считает тихоновский и синодальный клерикализм ответственным за всю народную «комаровщину»¹ – обрядничество и позлащенное идолопоклонство, в котором каменеет православная Русь.

7. Союз находит в тихоновщине и синодальщине эксплуатацию народной простоты и доверчивости, прививкой народным массам наркотической

¹ Термин «комаровщина», который часто фигурирует в это время в речах епископа Антонина, происходит от фамилии извозчика Комарова, расстрелянного в 1923 году, систематически убивавшего и грабившего своих клиентов. Как выяснилось из материалов процесса, Комаров исполнял религиозные обряды.

пассивности, а духовенству – усвоение внешне магического, механического фактора.

8. Союз усматривает в староцерковническом клерикализме паразитизм, поскольку он крепостнически охраняет неприкосновенность царской буквы, держит в своей цепкой власти мысли и чувства, монополию обряда и тем закабляет себе живую силу – верующие массы в самом внутреннем их состоянии.

9. Союз относится с крайним сожалением к цеховому, не сознающему своего хронического недуга и не желающему учиться, староцерковничеству. Угашение духа, оскудение пророческих прозрений и доблести, нравственное вырождение, оживотнение, превращение в механическое и деревянное поповство – вот главный недуг, которым болеют тихоновщина и синодальщина. У них гудят колокола, но сморщились мозги и остыли превратившиеся в бездонные карманы их сердца.

10. Союз принимает в дружеское, задушевное и каноническое общение всех на основе своего исповедания и устава, и возвещает, что к сонной и разлагающейся тихоновщине и синодальщине, внешними революционными громами потрясаемым и Богом осужденным, нет возврата.

Количественно незначительный СЦВ, одушевшись Господним ободрением: «не бойся, малое стадо, ты ищешь путей к стонущим сердцам человеческим. Будущее должно быть твоим, стойкостью ты защитишь правду твою, в страдании – твой ореол, в доблести – победа». (с. 26-27.)

Следующий доклад, сделанный Антонином 2 июля 1924 г. – отношение Союза к Собору 1923 года. Пересмотр канонических перемен, произведенных Собором 1923 года.

Двумя документами, имеющими наибольшее историческое значение, являются два следующих доклада Антонина: «Отношение Союза к Собору 1923 года. Пересмотр канонических перемен, произведенных Собором 1923 года» и доклад о литургических реформах.

Эти два доклада, яркие и исключительно талантливые, приводим здесь полностью, так как во многом они сохранили актуальность и в наши дни:

«Отношение Союза к Собору 1923 года. Пересмотр канонических перемен, произведенных Собором 1923 года.

Союз «Церковное Возрождение» участвовал представительством своим на Соборе 1923 года и на пропорциональных началах сохранил представительство и в учрежденном Собором Высшем Церковном Совете. В пленуме последнего из восемнадцати мест десять получила «Живая Церковь», шесть – СОДАЦ и два – «Возрождение», а в президиуме из 9 человек – пять живоцерковников, три содаца и один возрожденец. Не сладко было возрожденцу в этой неприятной компании. В одном из первых заседаний ВЦС «митрополит всея Сибири» Петр Блинов откровенно заявил, что «Возрождение» надо душить, чтобы оно умерло от худосочия. Живоцерковники и содацы, обеспечившие за собой в пленуме большинство, отбросили

всякое приличие и перешли к прямой тактике насилия. В президиуме Собора рассматривалось представление группы СОДАЦ о посвящении в епископа в Пермь некоего Михаила Турбина, подвизавшегося дотоле в роли уполномоченного ВЦУ по Пермской епархии, 28-летнего выскочки, со слабым образовательным цензом, неудержимого карьериста не без теней на нравственном облике. Представление было отклонено с оговоркою, чтобы оно, под тем или иным видом, не было повторено после Собора.

Нисколько этим не стесняясь и ничуть с этим не считаясь, содацы через несколько дней после закрытия Собора вносят вторичное представление о Турбине в Президиум ВЦС и стараются провести его наглостью. Митрополит Антонин, председательствуя в заседании, именем Собора заявляет энергичный протест и подкрепляет постановкой на карту своего пребывания в ВЦС. Не столько авторитет Собора, сколько нежелание ссориться с Антонином на этот раз остановило содацевцев. Приблизительно через неделю живоцерковники вносят подобной же развязности предложение о посвящении в епископа в Ташкент также довольно яркого типа, уполномоченного ВЦС по Ленинграду, протоиерея Николая Коблова. Ленинградские представители прот. Боярский и Раевский заявляют компрометирующий Коблова отвод, который производит на всех членов ВЦС впечатление скандала. Не краснеют лишь Красницкий и Новиков.

Представление живоцерковников Высшим Церковным Советом отклоняется, но Красницкий и Новиков, игнорируя постановление ВЦС, угрожая митрополиту Антонину насилием и шантажируя его, самоуправством проводят свое домогательство и, используя постыдную закулисную услугу митрополита Евдокима, сидевшего, как тигр в засаде, нагло совершают хиротонию Коблова в епископа Ташкентского и с ним незрелого 26-летнего интригана, попа Александра Шубина в епископа Пятигорского, глумясь над ВЦС и превращая церковный орган управления в орудие своих произволов и бесчинства. На последнем предсоборном совещании этого самого Шубина, от которого отшатывается на месте население, возвели в сан архиепископа. Митрополит Антонин стал задыхаться в этой атмосфере...

Ватага своевольников, дорвавшись до власти, вообразивши себя повелителями человеческих душ и совестей, распоясалась вовсю и безудержно покатила под гору. Тогда же они осуществили в отклонение вету Собора и ВЦС епископство Михаила Трубина. Митрополит Антонин был несказанно рад, когда вслед за тем эти же самоуправцы конспиративно выставили его из ВЦС, и ограничился только литературным протестом против насилия и неправды. Мог ли для таких диктаторов иметь какое-либо значение и авторитет только что закончившийся Собор? Надо было предвидеть, что начатое спустя неделю после закрытия Собора игнорирование его скоро разразится целостным его ниспровержением. Так и случилось. Собравшийся через три месяца после Собора очередной якобы пленум ВЦС опрокидывает Собор. На этот пленум не собралось даже квору-

ма: явилось всего девять из шестнадцати. Тогда эти смельчаки объявляют себя учредительным собранием и производят, как об этом развязно распишываются в протоколе, коренную реформу церковного Управления¹ и даже больше – разрывают всякую каноническую и юридическую преемственность с предшествующей Историей обновленчества, объявляя, что Синод снимает с себя всякую ответственность за действия и распоряжения ВЦУ и ВЦС по всем вопросам административного, хозяйственного характера и др.² Для подобного деяния в 1918 году была приведена в движение вся православная Русь, собирався целый Поместный Собор. Для этого же в 1923 году составлялся с особым напряжением церковно-революционных сил живоцерковнический Собор, а оказалось, эти дела делаются гораздо проще: достаточно собраться теплой и дружной компании приблизительно в девять человек, позвать случайных прохожих с улицы, приблизительно столько же, и начать законодательствовать. Так и было разыграно. Эти 9 человек – членов Пленума, чувствуя, что у них даже арифметически слабовато, позвали к себе в компанию около десяти знакомых ватажников и вообразили, что они составили кем-то уполномоченный, закономерный, законодательный орган для всей Русской Церкви, и стали ею командовать и вертеть. Они уничтожили Высший Церковный Совет и учредили Священный Синод, насажав туда приятелей по знакомству и кумовству.

Так называемый Священный Синод, с момента своего возникновения, представляет собой каноническую безграмотность, издевательство над церковно-общественной совестью и глумление над Собором 23 года, и так скоро, всего через два месяца после Собора. Если ВЦУ 1922 года организовалось явочным добровольческим, революционным путем, то другого выхода не было, это диктовалось исторической необходимостью спасения церкви. Церковная власть патриаршим путем вела церковь по гибельному для нее пути контрреволюционного, антиправительственного протеста против хода революции и подводила церковников под удары революции, революционного негодования и уничтожения. Церковная власть в лице патриарха Тихона и его Синода в мае 1922 года была физически ликвидирована, церковь осталась без головы и управления и очутилась в тяжелой общественной опасности анархии и смуты. Рыцари, учредители Синода, не учли своих сил. И, отменив Собор 1923 года, рубят тот сук, на котором они сидели. Они, кроме того, к этому времени имели против себя негодующего Тихона, освобожденного из-под стражи, последствием чего явилось усиление позиции Тихона. Не имея под собой никакой нравственно-канонической и церковно-правовой почвы, представляя собой рискованную авантюру двух десятков охотников до церковной поживы, Синод к тому же вздумал заложить свое основание на лжи и обмане. Выросший из живоцерковнического и содацевского рода, Синод, стыдясь своего происхождения, решил уничтожить в своем паспорте графу особых примет, заявил об уничтожении группировок и назвал себя представителем единой Соборной Апостольской Церкви. Это было надувательство... Уничтожение группиро-

¹ Вестник Священного Синода, 1923, 18 сентября, №1, с.16.

² Там же, с.14.

вок было сделано фиктивное, для отвода глаз. Если в банке сулема, а на банке наклеен ярлык «сахарный сироп», то это будет злостный и опасный уголовный обман. Новообразовавшийся Синод и повинен в таком злоумышлении. Уничтожить группировки – это означало не только сорвать ярлыки «Живая Церковь» и СОДАЦ, но и ликвидировать возникшие на их идеологии новообразования. Практически это означало выбросить за борт женатых епископов, многобрачных клириков и монахов, преобразившихся в женатых попов, все то, чего сейчас нет в Соборной Апостольской Церкви – греческой, антиохийской, черногорской, сербской, болгарской и др., равно не только удалить из Синода, но исключить из клира лиц, обязанных двумя женами одновременно и величающих себя архиепископами, хозяев сомнительных заведений, митрофорных и тому подобных протоиереев. Доколе все эти сюрпризы «Живой Церкви» и СОДАЦа будут пользоваться благосклонностью Синода, дотоле Синод, как вывески не меняй, а нравственного чутья верующих не проведешь.

«Живая Церковь», под флагом которой орудовала церковная власть, была слишком одиозна для верующих. Синод, стыдясь своего родства с нею, решил перед публикой отречься от нее, но он только прилепил фиговый лист, из-под которого выглядывала все та же живоцерковническая нагота. ВЦУ 1922 года выполнило огромную общественно-народную задачу. Оно организовало и дрессировало церковников и по линии примирения с революцией, оторвало их от нравственной связи с заграничной эмигрантской контрреволюцией. Оно делало патриотическое и спасительное для церкви дело, оно тушило внутренний огонь гражданской междоусобицы, выходявшей из церковных тайников. Если бы «Живая Церковь» делала церковь, делала свое спасительное и церковно-народное дело во имя революции, полюбив революцию и раскрывая мораль ее, она покрыла бы себя торжествующими лаврами. Но, к великому сожалению и к вечному позору вожаков «Живой Церкви», они оказались мародерами. Прибежавши на церковный пожар, они стали растаскивать церковное имущество, думая не о церкви, а о себе. На поставленный моментом диагностический вопрос, что надо для блага церкви, духовенство марки «Живая Церковь» ответило цинично: нам жен, безмерного количества наград и денег. Проф. Урсылович в одной из публичных лекций в Политехническом музее, разбирая «Живую Церковь», нашел в ней и все признаки нравственного вырождения. Духовенство, сказал он, потребовало себе жен и денег, не хватало еще – вина и карт. Но если слушать, добавил он, Антонина – то живоцерковники снабжены в достатке этим. Вот этот откровенный цинизм «Живой Церкви», ее полный материализм и алчность омерзили ее и сделали для народа ненавистной. «Живая Церковь», борясь против церковной политики Тихона и направляя в сторону параллелизма с революцией сознание верующих, спасала церковь и общество от потрясений, но, выпячивая свою бесцеремонность и свои зоологические аппетиты, она становилась противною для верующих и отшатывала их от себя, как от заразы. Выступая

против Тихона, против губительного для церкви его антигосударственного поведения, она в действительности только содействовала усилению симпатий к Тихону. Раскрывая перед верующим церковно-общественную и государственную преступность п. Тихона, живоцерковники лично погрязали в нравственных пороках и животности, которыми смердили себя перед верующими. Тихон, после покаяния, принесенного перед правительством, получил облегчение своей участи и возможность общения с верующими, верующие массы, терроризированные цинизмом «Живой Церкви», ринулись в панике от «Живой Церкви» к Тихону, хотя государственно и общественно виновному, но лично – морально не оскандаленному. Это вовсе не означало политической солидарности с Тихоном, это означало только страхование себя от нравственной заразы, внесенной «Живой Церковью» внутрь церковного тела. «Живая Церковь» сделала свое дело, и мавр должен был уйти. «Живую Церковь» надо было ликвидировать всю и без остатка не только в физических ее представителях, но и в ее идеологии. Это и сделал Союз Церковного Возрождения, когда в свою архиерейскую присягу ввел следующее исповедание: «Живую Церковь» признаю антихристовым, иудино-торгашеским порождением. Отвержение ею аскетизма и поношение самой аскетической идеи считаю подрывом самого главного нерва христианства, отрицанием главной силы его и поношением святому Иоанну Предтече, Божией Матери и великим героям христианского духа. Программа «Живой Церкви», как она выразилась на августовском съезде 1922 года, говорящая только о материальной власти, деньгах и женщинах для духовенства, свидетельствует об окончательном падении до уровня животности этого сословия.

Всю живоцерковническую программу и животные, безыдейные домогательства ее целиком осуждаю и отметаю. Отвергаю и беспутную программу СОДАЦа, разъедающую основы нравственного строительства уничтожением канонической силы, то есть солидарности верующих на основе общности нравственного сознания, и ведущую к нравственному анархизму и цинизму...» Но у Синода на это не могло найтись мужества. Так как он наскоро и случайно составил из фруктов, выросших на полях орошения «Живой Церкви» и СОДАЦа, то он мог предстать пред верующими только обманом и лицемерием. Уничтожить группировки – это означало уничтожить клерикальные новообразования, прорвавшиеся явочно в поповский быт и Собором 1923 года подтасовочно зафиксированные, но это означало для Синода вынуть из-под себя последний туф фундамента, полететь в пропасть и оставить на церковном экране фигуру освобожденного Тихона.

Самодельным анархическим, произвольным появлением на свет словом Собора 1923 года, Синод повис над бездною, разъедаемый к тому же внутренним противоречием. Вот где корни затяжной церковной смуты. «Живая Церковь» в лице Красницкого пришла в покорность патриарху Тихону, этим она взорвала свое собственное дело. Красницкий опрокинул Собор 1923 года и превратил его в грандиозную провокацию. Но он только

продолжил подрыв, начатый Синодом. Собор 1923 года имеет две стороны: революционно-общественную или государственную или канонически организационную. Синод взорвал второй бык Собора, а Красницкий – первый. Красницкий превратил Собор 1923 года в поповскую стачку против Тихона для расширения поповских аппетитов и прекратил эту стачку, когда почуял он проигрыш, нарастание мирянского негодования. Синод, как ослепленный Самсон, потряс кое-как налаженное каноническое основание Собора и этим приготовил себе гибель под развалинами Собора. В конце концов от Собора остались одни руины. Тихон и тихоновцы – лагерь наиболее многочисленный – отмечает Собор, как будто его совсем не было.

Творцы Собора, живоцерковники и содацы, пройдя через Собор, сломали Собор, превратив его в политическую авантюру и выгодную для попов временную стачку. Остается одна самая малочисленная группа Возрождения. Как мы должны себя чувствовать перед лицом этого Собора? Можем ли мы упрочить его авторитет? Должны ли мы принимать этот Собор и имеем ли право его отвергнуть?

Союз Возрождения возник до Собора, прошел через Собор, едва не задушенный физической силою живоцерковников и содацев, утвердил свою автокефалию после Собора и без Собора и тем установил право самостоятельного критического отношения к Собору. Идеологически Собор на три четверти был неприемлем возрожденцам. Одни голые сословные домогательства, откровенный поповский материализм всегда был и будет мерзок. В программе Союза Возрождения стояло и стоит охранение одинокого, бессемейного епископа и половой выдержки клириков. Ниспровержение вселенской и ныне действующей дисциплины по этой части прошло на Соборе 1923 года насильем и нахальством живоцерковников, причем всякие протесты и особые мнения подавлялись и даже не фиксировались. Распоясавшееся поповство нахрапом и наглостью формулировало себе новое публичное право, не считаясь ни с крепостью норм по этому предмету у Соборной Апостольской Церкви, ни с нравственным сознанием паствы или мирян. Это, собственно, был не Собор в церковно-каноническом смысле, а поповский заговор или поповская стачка, поповский трест, формулировавший не волю и чаяния церкви, верующего народа, мирян, а сговор поповской шайки на удовлетворение классовых домогательств. Что насильственно, то безнравственно, значит, неканонично, а потому и не крепко. Собор 1923 года в части поповских сексуальных льгот всегда был несимпатичен и неприемлем, а потому неканоничен для возрожденцев, и отвергнуть его – это значит – просто установить и протоколировать свое наличное, неизменное психологическое и моральное отвращение к этой стороне его. Но отвергнув Собор 1923 года, не значит ли повергнуться к стопам и патриарха Тихона, к чему он призывает отошедших от него обновленцев. Отвергнуть Собор 1923 года не будет ли означать принять Тихона в его контрреволюционном окружении и одобрить его прежнюю, гибельную для церкви в стране деятельность? Ответственность Тихона перед церковным

сознанием в этом пункте остается на нем, и беспокоянность его и самовосстановление во власти служит облачным столпом, разделяющим от него возрожденцев. Утверждение Тихона, что он, потерявши церковную власть и физически, и активно, и сложивши ее формально, в то же время пассивно и морально не терял это право на управление церковью внутреннею непрерывностью, нравственно – оно всегда оставалось за ним, он был временно в каком-то легальном отпуску, а упорное стояние Тихона на своей церковно-канонической непогрешимости пред церковью – ущемляет болью сердца возрожденцев и парализует его призыв к возрожденцам покаяться пред ним. Мы ему говорим: «врачу, исцелися сам». Но Тихон не с нами и по другой, более внутренней причине. Не мы непримиримо настроены к нему, а он к нам. Мы, возрожденцы, с технической стороны богослужения, отошли от нынешней общей установки рутины. Мы, если можно так выразиться, пионеры-новообрядцы. Вот эти новые формы нашего ритуала, наши новшества Тихону завидны, а потому ненавистны и неприемлемы. Нынешний сотрудник Тихона, Петр Крутицкий, еще в 1920 году дознавшись о новшествах епископа Антонина, в раздражении говорил: «Антонин хочет быть богомольнее нас, запретить ему служить». Если бы Антонин стал пьянее или же вислouxее их, это было бы ничего, это сошло бы, но когда он требовал делать нечто лучше их, сейчас – зависть, ненависть и преследование.

Мы, к примеру, молимся на родном, живом языке. Пред Богом тут нет никакого преступления и греха, напротив, одна душевная свежесть и сила; нарушения стиля вселенности и апостоличности тут нет никакого, напротив – его утверждение. Но Тихон, по своей поповской профессиональной узости и корыстному крепостничеству, это запрещает и пресекает, и тут он сто раз неправ, употребляет свою церковную власть во зло и реакционный вред для страждущей Церкви Божией, и нам нет никаких резонов потакать его преступному ожесточению против нашего русского языка и становиться соучастниками его греха и против Христа.

На Украине выявилось желание молиться по-родному, по-украински. Антонин Храповицкий, тогдашний митрополит Киевский, ярый патриархист, обрушился на инициаторов всею силой нравственного и административного негодования. Он обозвал украинский язык собачьим, а пионеров-священников подверг интердикту. Но это не помогло. Самому Антонию Храповицкому пришлось эмигрировать, а тенденция украинизации пошла шириться и захватила массы. Тогда сама патриархистская иерархия осознала свою ошибку и пошла на попятную, уступила, и даже была образована ученая комиссия для перевода славянского богослужения на украинский язык. Но было уже поздно. Тупое упрямство Храповицкого породило в украинской церкви бедствие – уродливое самосвятство.

Православие, поддерживаемое царизмом, 200 лет свирепело против двоеперстия и рубило руки тем, кто крестился двумя перстами, и только в начале 19 столетия в правилах единоверия создало свою неправоту и благословило одинаково, как троеперстие, так и двоеперстие.

Тихону ненавистны наши богослужебные порядки, он душит в нас ту свежесть обряда, которой мы дышим и живем. Он наш душегуб, как представитель, покровитель закостенелого, отупевшего, омеханизировавшегося, выдохшегося поповства. И мы отходим от его злобы, отрясая прах его от своих ног. Во имя мира и для единения в духе любви не мы должны, в угоду тупости Тихона, отказаться от русского языка богослужения, а он должен благословить одинаково и славянский, и русский. Тихон неправ, сто раз неправ, преследуя наш обряд и называя нас сумасшедшими, и мы во имя священного воодушевления своего, во имя жизненной и нравственной правоты своей, не можем уступить ему и сдаться. Это значило бы потворствовать человеческой близорукости, узости, обскурантизму, корыстничеству и отдать правду и свежесть Христову на поприще отупевшему поповству.

Когда апостолов Петра и Иоанна вызвали в синедрион и всей силой авторитета законной власти потребовали прекратить их деятельность, апостолы ответили: «судите – справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога» (Деян. 4,18 – 19).

Тихоновщина и синодальщина – одного цехпоповского стиля, враждебны и злы против нас, преследуют нас морально насилием и клеветой, объявляют нас сумасшедшими, лезут к нам со своими интердиктами и запрещениями. Мы отходим от них, спасая свою жизнь. Между ними и нами – вихрь вражды, которою злопыхают и отравляют нас они. Мы только защищаемся и спасаемся. Не нам идти к ним с повинною, а пусть они к нам подойдут и примирительно. Тогда мы станем с ними разговаривать.

А предварительно наши речи таковы. Ответственность за происшедший в церкви раскол падает не на нас, а на монархиста и реакционера Тихона. Обновленческий раскол спас русскую церковь от окончательного разгрома ее революционным гневом и самому Тихону сохранил жизнь и обеспечил Донской монастырь. Обновленческий раскол подошел искренне и сердечно, не так, как Тихон – лукаво и двоедушно, к революции и нашел с нею общий язык. Обновленческий же раскол в реформационной тенденции своей силен и правдив мощью своего протеста против тех церковных мерзостей, которые культивируются под поповскими рукавами в церковных недрах. Обновленческий раскол был также законен, как законен был в руках Христа, очищающего храм. «Очищайте Христову церковь», – взывают верующие миряне из Нижнего Новгорода, – от вековой небрежности и рутины». А Тихон не дает снимать даже поповской паутины. Ровно год, как Тихон, мало проученный режимом одиночного заключения, хитро и осторожно, но и постыдно, и лукаво, боясь бить по коню, продолжает лупить по оглоблям, твердя о формальной незаконности той единственно спасительной для церковного положения инициативы, которой удалось вырваться из его цепкости и спасти церковь и его самого от суда и гибели. Клеймо раскольника должно быть усвоено не нами, а Тихоном... Кто не хотел устраивать церковной жизни среди новых условий

современной действительности, неведомой нашим предкам? Не обновленцы, а Тихон.

При патриархе Никоне последовал некоторый реформистский сдвиг в сторону обновления обрядов, образовалось раздвоение церковного быта на старообрядцев и новообрядцев. Благодаря и поддержке правительства правою организацией была признана новообрядческая, а старому укладу была усвоена кличка старообрядцев-раскольников, и на них пала государственная опала. В данных революционных условиях обновленческий сдвиг произошел по линии внешнего приближения церковников к государственности, и, соответственно этому, церковники, ассимилирующиеся с новой гражданственностью и прозревающие мораль ее, должны быть названы церковниками-гражданами, а тихоновцы – церковниками-раскольниками.

Возрожденцы не довольствуются одним внешним поворотом по революционному течению, они вносят революционный динамизм в свою внутрицерковную сферу, омолаживают церковный организм в его внутренней секреции... Для синодалов возрожденцы-сектанты – отщепенцы, а для тихоновцев того более – мятежники, еретики; для возрожденцев же синодалы – только политические соглашатели, сменовеховцы, оппортунисты, христообманщики, а тихоновцы – обскуранты, реакционеры, черносотенцы, упрямы, христоненавистники. Тихоновцы – раки, черные насквозь, глаза которых смотрят уповательно назад, а синодалы – раки, ошпаренные кипятком, покрасневшие поневоле и только снаружи.

Тихон – узлоб и слеп, как крот, синодалы – оборотни, хамелеоны. Подойти плотнее к новому – синодальному, государственному укладу – это значит не примазываться, а самим начать революционизировать, активно творить. На это способны лишь наиболее свежие и сильные элементы, наиболее искренние и нравственно чистые. Но ведь и живоцерковники, и содацы тоже хвастаются своей революционностью. Их революция – не революция, а стачка, налет и грабеж. Попы, используя момент и свою силу, ринулись на захват исключительно себе побольше гостинцев, пренебрегая общим благом и общецерковной совестью. Тихон – косен и упрям, он – тормоз общественного прогресса, синодалы – волки, хищники, норвят в происходящей суматохе обмануть и революцию, и верующих, и больше натаскать в свои поповские берлоги.

Петр Первый, заслуга которого пред облагораживанием Руси – несомненна, в своем почине реформ и улучшения общественности наткнулся на инерцию и оппозицию церковников и патриарха, это побудило Петра уничтожить патриаршество, чтобы сдвинуть тот камень, который авторитетом религии давил совесть у церковников и не позволял им ассимилироваться с новым бытом, морально отрицая его. И в 1918 году патриаршество явилось на оппозиционно-враждебных революции мотивах, как надежда и оплот старого общественного уклада и быта. Но как петровский Синод был ширмой гражданского монархизма, так сейчас, на фоне пролетарской революции, за неприемлемостью патриарха, как монархической, хотя и

более слабой, чем самодержавие, консистенции, нынешний Синод представляет олигархическую организацию Иисусовых дворян, то есть попов, революционной бесклассовой нивелировке не отвечающую. На фоне пролетарской революции Синод – это притворяющаяся белогвардейщина.

Для возрожденцев ни поповская конституционная монархия, то есть патриаршество, ни поповское временничество, или олигархия, то есть синод Троицкого подворья, – неприемлемы. Мы говорим: епископа поставляет Дух Святой через коллегия. Это значит: каждый епископ получает совершенно одинаковый дар и право инициативы, и ни один не конденсирует себе власти больше против другого. Дух Святой количественно не дробится и юридически не дифференцируется. Он не дает одному епископу прав генерала, а другому – прав полковника. Он дает разнообразие качества, талантливости, даровитости, вдохновения, а не чинов и окладов жалования. Потому разделение на епископов правящих, с полными административными правами, и на епископов – викариев, этих епископов-париев, епископов рядовых и епископов митрополитов, епископов патриархов – деление, абсолютно чуждое Христову стилю и природе Духа Святого. Это чужеродные переносы в духовную область гражданской количественной таблицы о рангах... Что сказал Христос Иакову и Иоанну, когда они запросили себе у Него белых клобуков, юридического закрепления чести за собой, права занять первые места рядом с Ним, справа и слева? Он назвал домогательство их не обдуманым и не духовным. Мы уничтожаем не только патриаршие куколки, но и белые, и пестрые, и меченные крестами клобуки. Мы утверждаем эссенциальную равнозначимость епископов, освобождая епископов-батраков от унижения перед епископами-сатрапами. И первенство одного из епископов, как того требует 34-е апостольское правило, не есть династическое закрепление административного преимущества, а лишь право организующего почин и распорядки. Что может делать 1-й епископ, то может делать и другой, и сегодня он, положим, регентирует в коллегии епископов, а завтра он уступает свою роль другому и становится в общий черед епископов, не унося никаких привилегий, не получая никакой пожизненной правоты, династической ренты. Что один бездарный и бесталаный Николай II, что десяток и таких же неспособных сатрапов на местах, горе одно и то же. Мы даем свободный выход природной одаренности, талантливости, призванию и харизме. Мы устраняем эти подлоги при помощи архиепископских и митрополичьих титулов, покрывши ими тупости, глупости и порока.

К уравнению епископских полномочий Союз Возрождения приходит с учетом того огромного зла, которое махрово раскинулось на живоцерковнических и содацевских плантациях. Живоцерковники и содацы проявили огромнейшую погоню за наградами и знаками отличия. Открыли у себя с патентом от ВЦУ огромную фальшивомонетную фабрику, производство фальшивых поддельных ценностей, в смысле покрытия титулами и митрами явных пороков и беспутств. Награды, отравы царизма, дававшиеся в

дореволюционное время не раньше как через 3 года, в период существования ВЦУ и ВЦС, давались через три дня. К церковному управлению присосались повсюду духовенческие отбросы дореволюционного времени, пустившие свою нравственную грязь в спекуляцию и заслугу перед новой, их не знающей, революционной общественностью. В церковные управления, особенно в уполномоченные ВЦУ, всюду на местах пролезла поповская мразь и грязь и старалась золоченой мишурой поскорее закрыть свою нравственную омерзительность. Многие озорные работники «Живой Церкви» и СОДАЦа требовали себе наград с бесстыднейшим нахальством, вырывая награды у ВЦУ угрозами и наглостью. Безусый Михаил Трубин в сентябре требовал себе палицы, а в декабре – митры, а еще больший недоросль, интриган Шубин за шесть месяцев возложил на себя девять наград. Ко времени Собора 1923 года не осталось ни одного пошляка, ни одного пьяницы, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Живоцерковнические и содацевские архиереи не хотели посвящаться в епископы, их производили сразу во второй чин архиепископа. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков. Наплодилось невероятное и невиданное количество архиепископов, митрополитов, которым не хватает белого крепу на клобуках. Открылась чудовищная безудержная, хищная, ненасытная поповская свистопляска, какой-то наградный садизм. Тихоновщина не отстает от Синода в погоне и изобретательности по части оснащения поповского честолюбия, лицемерия и тщеславия. В царское время церковные знаки отличия перемежались с гражданскими лентами и орденами. Когда царизм погиб и с поповской груди упали ордена и звезды, поповское тщеславие затосковало. Тихон стал изобретать для него гостинцы, стал искусственно умножать скалу церковных наград, злоупотребляя и церковным обрядом. Ритуал – открытие царских врат – стал жаловать в качестве регалии поповскому благоутробию. Если священник попытается открыть царские врата в неположенное по уставу время, но для большей назидательности от совершающегося в алтаре богомольцам, то это будет каноническое преступление. Но если поп упитает себя на полпуда тучнее других и пожелает, чтобы верующие созерцали его живот непосредственно, без помехи дверной перегородки, то Тихон в качестве награды дает ему привилегию совершать службу при открытых царских дверях. Вот почему попы так ревниво охраняют царские двери в иконостасах. Без них Тихону нечем будет отличать брюхатых попов от тощих. Разве это не пошлость? Как вы назовете тех докторов, которые, будучи призваны к постели больного, пользуясь его беспомощностью, станут пихать себе в карманы лежащие в комнате больного драгоценности? В то время как Церковь Христова, потрясаемая гражданской революцией, терзаемая внутреннею смутю и шатанием умов, рыдает кровавыми слезами, попы всех рангов пустились в скандальнейшую наградную чехарду, ни о чем так напряженно не думают, как лишь о том, как бы поскорее перескочить один другому через голову.

Во всех этих пачках тихоновских, а особенно синодальных, митрополитов, фланирующих по Москве в рубашечках «фантази», и архиепископах, сотнях митрофорных протоиереев, которых стало больше, чем шишек в сосновом лесу, одна пошлость, мерзость и гадость. Носить митру стало признаком порока, а величаться громким титулом стало и признаком интеллектуальной пустоты и духовной низости. Глядите на всю эту толпу галопирующих перед вами белокобучников и размашисто величающих себя митрополитами без митрополий и без паств, на всех этих митрофоров, и представьте себе пред ними величавого в своей простоте и скромности, исполненного непосредственного достоинства добродетели Христа, и спросите себя: как Он отнесется к этой золотоголовой своре? Конечно, Он отвернется от нее с нравственным омерзением и с сердечной болью. Антонин еще в октябре 1923 года и сложил с себя живоцерковнический титул митрополита, и сбросил митру, ставшую теперь знаком пустоголовия и порока. Епископ Василий также не употребляет митры.

Собор 1923 года узаконил, между прочим, и переход на новый стиль. Но кто теперь соблюдает это постановление Собора? Тихон, в первом после освобождения обращении к верующим, признал единственно приемлемым – постановление Собора о новом стиле и через три месяца ввел в своей юрисдикции новый стиль, но не по уважению к Собору, а по примеру Константинопольского патриарха. Однако продержался на нем только две недели, отъехал на старую позицию. Тихоновский толк и держался и держится теперь старого стиля. Туда же за ним попятился и Синод, превратив стиль, в лучшем случае, в аферу, собирать попам пироги дважды вместо одного раза, и по-новому, и по-старому. Значит, постановление Собора о новом стиле в жизнь не прошло. Те, кто берут смелость говорить от имени всей русской церкви – и тихоновцы, и синодалы – соборного постановления не хотят проводить в жизнь. Союз Возрождения в Московском районе держится нового стиля неизменно, но во Владимирском районе, в сельском окружении тихоновщины и синодальщины, он недостаточно мощен, чтобы внедрить новый стиль в жизненный обиход. Итак, Собор 1923 года постановлением о новом стиле реальной силы, покоряющей волю верующих, бытовой этому стилю не дал. Мы, возрожденцы, не отступая принципиально от практики нового стиля, обопремся на живую практику православного Востока, известную из послания Константинопольского патриарха Григория VII. На тихоновцев и это не действует, и они продолжают коснеть по инерции – не желая делать никакого сдвига в сторону согласования церковных времен с ходом реальной жизни, и тем только расширяя пропасть между повседневным режимом труда и удовлетворением религиозных запросов. За Тихоном хромает и виляет Синод.

Выводы:

1. Собор 1923 года тихоновцами игнорируется целиком, синодалами опрокинут. Постановления Собора – ниспровергающие вселенскую, ныне

действующую, каноническую дисциплину о клириках, как то: женатый епископат, многобрачие клириков, женитьбу священномонахов отвергнуть, вычеркнув эти постановления для возрожденцев из норм церковного права.

2. Осуждение идеологии «Живой Церкви» и СОДАЦа в архиерейскую присягу Союза Возрождение утвердить, ввести чин принятия в Союз для всех, переходящих в него из тихоновского и синодального лагерей.

3. Тихоновщину и синодальщину за вражду и ненависть к новым обрядам Союза Возрождения считать, применительно к исторической квалификации, староверами, раскольниками. Архиереев тихоновского толка принимать через покаяние во вражде к новому обряду Союза Возрождение и со сложением наградных знаков и отличий и титулов, с удержанием апостольского именованья «епископ» и с сохранением единственного органического старшинства, порядка хиротонии.

4. Постановление о лишении Тихона сана ввиду того, что Тихон, при объявлении ему этого решения, считаясь тогда с Собором, заявил кассационный протест; ввиду того, что судьи Тихона – живоцерковники – в лице Красницкого и его единомышленников, от этого осуждения, хотя произвольно, но отказались, а также, ввиду того, что Тихон свою общественную вину принесением повинной пред правительством смягчил и правительством прощен, – это постановление пересмотреть и признать Тихона в достоинстве епископа. Но, вменяя ему его самовольное захватное возвращение к власти, а особенно его вражду к новому обряду Союза Возрождения, – считать его раскольником, принимаемым в Союз Возрождения через покаяние.

5. «Живую Церковь» признать христубийственным поповским синедрконом, душегубным для Церкви Христовой скопищем. Тихоновщине вменить и гибельное малодушие и позор ее единения с «Живой Церковью». Тихоновщину за примиренчество с программой или идеологией «Живой Церкви» считать отпавшей от чистоты православия и впавшей в христугубительную несторианскую ересь.

6. Синодальный толк за лицемерное и обманное отвержение «Живой Церкви» и СОДАЦа, за содержание в недрах своих живоцерковнических и содацевских развратителей Церкви Божией, этой нравственной гнили и тли, – презрителей обетов Божьих и хульников Божией чистоты и славы, – считать скопищем, нравственно опасным и душегубным, так же, если не больше, чем тихоновщина, отпавшим от чистоты православия. Архиереев синодального толка, общеправославного канонического поставления, принимать через осуждение и отвержение ими программы или идеологии как «Живой Церкви», так и СОДАЦа, отмечая епископов живоцерковнической и содацевской марки. Женатых архиереев и клириков, ими рукоположенных, не принимать. Переживших вторично и третично клириков, равно оженившихся священномонахов, за духовных особ не признавать и их священнодействия считать недействительными.

7. Существующие в тихоновском и синодальном лагерях награды и отличия для духовенства, особенно обновленчеством опошленные, по Со-

юзу Возрождения уничтожить, митры и камилавки отложить. Единственная награда пастыря – это веяние Духа Святого в его сердце – радость за успех его дела.

8. Практику нового стиля по области Союза Возрождения укреплять и расширять в согласии с православным Востоком. Пасху праздновать одновременно со староцерковными объединениями тихоновской и синодальной юрисдикции».

В этом документе особенно ярко выразились сила и слабость Антонина: несмотря на неумеренное сгущение красок и крайнее личное раздражение, которое сквозит в каждом его слове, критика церковного карьеризма вполне правильна и обоснованна. Совершенно правильной является также критика Собора 1923 года. Можно также отметить как известный прогресс признание патриарха Тихона в епископском достоинстве.

Однако самые главные, коренные пороки обновленчества – беспринципное приспособленчество, предательство, раскол, производимый в Церкви в тот момент, когда она находится в тяжелейшем положении, в блокаде у антирелигиозников, – все эти пороки остаются вне поля антониновской критики, а без этого самая критика остается беззубой и неудовлетворительной, и в этом – величайшая антониновская трагедия; никто сильнее Антонина не выступал против карьеризма, безнравственности, шкурничества обновленцев, однако у него все же не хватило мужества перерезать последнюю нить, связывавшую его с обновленчеством, – признать безнравственность и гибельность раскола 1922 года.

Выступая яростно против обновленчества, Союз Церковного Возрождения все-таки оставался его детищем.

Большой интерес представляет также доклад Антонина о церковных реформах. Приводим его также полностью:

«Реформационная тенденция – это основа, нерв и душа СЦВ. Мы вносим дрожжи во внутренний церковный уклад, наблюдаем их действие.

Наша храмовая архитектура и литургическая техника значительно отличается от тихоновских и синодальных. Богомольцы входят в Заиконоспасский храм, видят здесь обстановку, для них необычную. Мы совершаем службу на русском языке при открытом алтаре. Мы произвели изменения в чинопоследованиях таинств – крещения, бракосочетания и исповеди, изменили способ преподания причастия.

Реформистская деятельность инициатора СЦВ, епископа Антонина, началась еще при благополучном самодержавии патриарха и тогда вызвала его недовольство и репрессии. Если бы Златоуст пришел сейчас в тихоновский или синодальный храм и послушал, как совершается его литургия, то он не только не узнал бы ее, но от нее всемерно бы отрекся. Профессор Московской духовной академии Певцов говорит, что Златоустова литургия превратилась в нелепость. Одним из таких ярких показателей этой нелепости является глотание, закупорка молитв. Если мы обратимся к практике первых семи веков, то мы увидим, что ни обособленности священника

от мирян в молитве, ни какого-либо секретничества не было. От первого слова до последнего, все произносилось вслух, и торжественнейшие молитвословия священник не только произносил вслух, но речитативом, а народ за ним повторял. Важнейшая часть литургии, так называемый литургический канон, так именно и произносился. Об этом свидетельствует Златоуст в 18 проповеди на 1 послание к Коринфянам. Но если мы от времени Златоуста перенесемся ко времени Стоглавого Собора, то увидим, что этот Собор боролся с многогласием. Литургия совершалась в две, три руки. Священник начитывал свою часть без остановки, дьякон свою без остановки, а псаломщик свою. Служба шла втрое скорее, хотя во сто раз нелепее. Понятно, что это уродливое явление вызвано поповской леностью и механическим одеревяниванием, желанием отделаться лопотанием языка, а не душою и сердцем. Отсюда и произношение молитв вслух, общая молитва превратилась в комканье этих молитв, бормотанье про себя, магическое отчитывание. В Ленинграде в 1905-1906 гг. один придворный священник пробовал возвратом к древней практике читать все молитвы вслух, и это ему сходило с рук только благодаря сильному покровительству. Епископ Антонин стал практиковать это в Москве, ходя по храмам в 20-е и 21 годы. Читал молитвы вслух, не отступая от книжного текста и читая по-славянски. Не прошло и двух месяцев, как все духовенство взбудоражилось. И Тихон прислал официальный запрет: не отступать ни в чем от общей практики, служить, как все, иначе грозил репрессиями. Эти репрессии выразились в секретном приказе по приходам бойкотировать епископа Антонина и не пускать его служить. Так, первая попытка слабой реформы вызвала гнев и месть со стороны попов. Когда СЦВ обосновался в этом храме и явилась фактическая возможность реформизма, эта практика прежде всего получила здесь свое осуществление. Вот первое наше нововведение, возвращение к древней литургической практике, встреченное поповством враждебно. Второе – это переход на русский язык богослужения, чтобы освободить службу от вековой и засохшей замаски и сделать ее понятной и живой. Была и переделана славянская наша литургия.

Теперь твердят, что без Собора нельзя ничего делать, а между тем Златоуст составил свою литургию, когда был всего только маленьким антиохийским священником. Вдохновляясь этим примером и чувствуя потребность освежения молитвенных формул, я в 1922 году приступил к пересоставлению литургии. Так как после падения царизма у нас из ектений выпала политика, то у нас из ектений осталась одна шелуха. Учитывая косность церковников, особенно суеверие москвичей, я не дерзнул на составление своей собственной и новой литургии, а только скомпилировал, проработывая по изданию Ленинградской духовной академии чины древних литургий. И как только открылся Заиконоспасский храм – эта литургия совершается здесь неизменно. Когда Провидению угодно было кормило правления вложить в мои руки, когда живоцерковники и содацы вынуждены были со мною и считаться, последние напечатали мою литургию,

и на Соборе 1923 года она была рекомендована к совершению. Было постановлено: благословить то, что сделано до сих пор в литургической области, и провинциальные батюшки стали совершать ее; но потом ремесленная, лицемерная и фарисейская «Живая Церковь» лукаво обернулась, и то самое, что на Соборе благословляла, в июне 1923 года вменила мне в преступление, когда вынесена была резолюция: признать преступной и крайне вредной деятельность епископа Антонина... нарушившего вселенскую литургию. Тем не менее, по свидетельству непредубежденных людей, эта литургия, совершаемая вся вслух, производит более сильное впечатление, чем старая славянская исковерканная литургия Златоуста, и свидетельствовать об этом может епископ Василий, который скажет, что христиане тихоновских приходов от своих священников требуют: служите нам так, как служат в селе Ворогово. Введенский несколько раз служил со мною эту литургию и говорил: эта литургия производит потрясающее впечатление. Это наше приобретение держится только на оазисах СЦВ и в провинциях проводится более смелыми батюшками. От непредубежденных богомольцев идут свидетельства добрые утешительного и благотворного действия русской литургии на их религиозные чувства.

Но почему духовенство противится введению русского языка? Очень просто. Если бы дворяне изгнали из своего классового обихода французский язык, тогда и гувернерам, и гувернанткам французам нечего было бы делать. Если совершать богослужение на русском языке, тогда пропадет вся магия слов, тогда совершитель богослужения и все присутствующие будут принимать одинаковое участие своими мозгами и умами. А это духовенству невыгодно. Пропадает обаяние, преимущественное значение служителя культа, как волхва и чародея, одного знающего словесные секреты. Поповство и держится за славянский язык как за средство рабовладельческого командования умами верующих, как за средство укрепления этим своего колдовнического, магического влияния. Когда вы пойдете к иерею и он начнет причитать большею частью бессмыслицу, вы проникаетесь, и это всегда, к нему почтением, что в этом секрете непонятности и заключена вся целительность. Охранением и спасением человеческой бессмыслицы духовенство желает спасти свое влияние. Вот на этом коренится вековая цепкость, что попы, как клопы, держатся за обряд. И все свежие религиозные течения прорываются протестом против старых обрядовых форм. Христианство вошло в мир и свежестью народной речи, отвергнув тогдашний условный, клерикальный богослужебный язык. Чтение молитв вслух и послужило камнем преткновения, на который наткнулась и тихоновщина, разинувшая пасть на СЦВ, с другой стороны – тем камнем, которым СЦВ закрыл эту пасть. Месяца три тому назад относительно одной церкви, теперь закрытой, явилась слабая возможность для верующих получить ее в свое пользование. Верующие обратились к епископу Антонину: похлопочи. Прежде чем предпринять и начать что-либо, епископ Антонин предложил условия – согласны ли вы принять русский язык и открытый

алтарь? Купцы, разговаривавшие с епископом, ответили согласием. Но потихоньку, за спиной епископа Антонина, сбежали в Донской монастырь к Тихону: благослови получить через Антонина церковь, но на двух условиях – с русским языком и открытым алтарем. Тихон сказал: пусть лучше церковь провалится, а на этих условиях не берите. Таким образом, русский язык и открытый алтарь для Тихона – тошнотворные пилюли. К открытому алтарю СЦВ пришел помимо исторической справки, с учетом того загрязнения и замусоривания алтаря, которое наблюдается в тихоновских церквях, а главным образом, учетом той закулисной распущенности и безобразий, которыми духовенство сквернит алтари, закрываясь иконостасами и от взоров мирян. Алтарь стал что Сухаревский рынок.

О. К. Смирнов в своем предисловии к издаваемой им литургии говорит сдержанно, что алтарь превратился у нас в место совсем не церковных разговоров... У нас алтарь превратился в чулан: там и шкафы, и вешалки, и зонты, и галоши, там и ковры, и метлы, и лопаты... Это самое укромное место храма, куда складывают все требующее сбережения, а престол посреди этой рухляди чувствует себя затерянно и сиротливо. А подойдите вы в любой торжественный праздник в московский многопрестольный храм и посмотрите, как ведет себя набившийся туда народ, особенно в так называемых приделах, и вы ощутите невыразимое негодование от неряшливости и кощунства, которыми окружаются престолы в этих приделах. Желая очистить алтарь, вернуть ему чистоту и неприкосновенность, желая подтянуть духовенство, дабы оно не мнило себя на рынке под прикрытием, а чувствовало себя перед лицом Божиим и на виду у всех – СЦВ и открыл алтарь изнесением престола по сю сторону иконостаса. Эта реформа и ударила по поповской и расхлябанности, и лени, и вызвала такое раздражение. Тут пошла игра на народном неведении. В одну из первых служб в церкви Николы на Ямах один присутствующий, желая сразить епископа Антонина, задал ему вопрос: а разве Святой Николай служил при открытом алтаре? Епископ ему ответил: ты, друг, попал в самую точку – именно Святой Николай и все-то наши великие литургисты-святители служили в открытых алтарях, на открытых престолах. Первые намеки на иконостасы появились в конце VI века. Первым додумался увеличить столбики предалтарной решетки аршина на два вверх император Юстиниан. Потом на эти столбики стали вешать иконы, алтарь стал загораживаться. А у нас в Москве вместо дощатых решеток стали прокладывать и двухаршинные толщиной кирпичные стены между алтарем и храмом, сделали то, что из алтаря перестало не только быть что-либо видно, но и слышно. Духовенство замуравилось, и пошло суеверие, что в этой замураванности именно вся и благодать, что благодать действует только из физического закрома, из тайника, как из камеры-обскуры. А попам это на руку: сила не во внутреннем настроении священнослужителя, а в географической потаенности и скрытности, а ты, поп, потому можешь в алтаре и в поведении распоясаться. Алтарь превратился, в мнении верующих, в лабораторный кабинет, где

духовенство, по одному ему ведомым рецептам, выделяет эссенцию спасения, а вы, верующие, приходите и покупайте это поповское патентованное средство. Вы видите, как извратилось самое понятие таинства.

Таинство – это не действие икс-лучей, незримая химическая реакция, это субъективно-моральное слияние, динамизация индивидуума общинностью. Когда в древности совершалась литургия, священнослужитель молился перед лицом всей церкви и со всею церковью, вся церковь пылала молитвой. Литургия была раздуванием общемолитвенного пламени. Это был сплошной молитвенный костер. Вот это слияние душ и сердец, однотонность их настроения и есть таинство. Теперь же, когда у нас поп, спрятавшись за кулисы, мымрит только для себя и свое, а верующие стоят вдали, не втягиваясь в совместную с ним молитву и только чешут затылки, где это интимное слияние, таинство? Здесь таинства нет никакого. Вы приходите в церковь, как в аптеку, и предъявляете требование на дозу лекарства. Вам попы говорят: подождите и займитесь чем-нибудь, попойте концерты, пока мы вам приготовим. Через некоторое время открывают свой потаенный кабинет и говорят: пожалуйста, кушайте да хвалите. Прав проф. Экземплярский, когда говорит, что в этом пункте произошло существенное извращение евхаристического момента. И можно поставить вопрос: в тихоновских церквях совершается ли в такой обстановке таинство? СЦВ вынес престол и стал вовлекать верующих в общее литургическое делание, поднимая их общее воодушевление, вызывая их активное участие. Попы – ремесленники и механики – завопили, и пошла травля. Между тем соборный храм, в котором совершал службу святой Василий Великий в Кесарии, и теперь стоит без всякого иконостаса с открытым алтарем, и вы знаете, что Василий Великий первый стал применять занавески, отделявшие алтарь от храма, когда заметил, что его клирики-то ведут себя рассеянно, заглядываясь назад. Церковь великомученицы Екатерины на Синайском полуострове до сих пор хранит устройство открытого алтаря, даже без отделяющей решетки. Церковь св. ап. Марка в Венеции, сохраняя греческий стиль, имеет иконостас из плетеной решетки. Наш семярусный иконостас – специально русское изобретение и стал входить в архитектуру храмов с XVII века. Вся христианская древность, вся пламенность, присущая молитвам великих святителей-литургистов, велась в обстановке открытых алтарей. Алтарь – это возвышенное место, не доступное для мирян, но открытое для взоров всех. Посмотрите на сектантов всех толков. Никто не устраивает в своих молельнях скворешников. Все католичество, вся реформация держит алтари отгороженными, но открытыми. Вот этих два наших приобретения: русский язык и открытый алтарь, представляют два наших разительных отличия от старого церковного уклада. Они так претят Тихону, то есть поповству, что он рад, чтобы такие церкви проваливались, чем богослужение будет совершаться понятно и открыто-назидательно.

Когда из предсоборного совещания ко мне зашел один священник и я стал объяснять ему смысл наших реформ, он в недовольстве сказал:

помилуйте, разве можно ставить у верующих на виду священника? Ведь священник часто приходит в храм усталый, ему не выстоять, надо и посидеть. Да, говорю я, здесь, в Москве, дьяконы не только сидят, но и чай пьют в алтаре.

Прежде чем вынести престол из закрытого алтаря, я раза три-четыре совершил литургию на солее – на выносном столе, а потом спрашивал своих общинников: ну, теперь я опять спрячусь в алтарь? Они мне говорят: ну, нет, мы вас не пустим. Ни один священник не выразил никогда своего одобрения, а миряне назад в загородку не пускают. На предсоборном совещании, когда зашла речь о богослужебных реформах, епископ Иосиф с Украины сказал: на Украине во многих церквах миряне требуют, чтобы священники выносили престолы и совершали службу открыто – довольно играть в прятки. Под влиянием этого было впопыхах постановлено разрешить совершение литургии на выносных престолах там, где этого пожелают верующие. Протоиерей из Ленинграда о.Боярский категорически потребовал: дайте нам русский язык богослужения, если не дадите, мы от вас отойдем. Под влиянием этой угрозы постановили: разрешить переход на русский язык. Но эти требования, в которых отражался голос мирян, продержались только несколько часов. Вечером постановили, а наутро перерешили и отменили, отложили до будущего Собора... Когда попам понадобились жены, то это без Собора, подай сейчас, а когда верующие попросили того, что их души наполняет отрадой, то попы притиснутые сначала им сказали: нате вам, а потом, под шумок, эту подачку назад отобрали.

Итак, ни одно улучшение, ни одно нововведение, полезное для верующих, не может пройти, не преодолевши поповских баррикад. СЦВ, вводя эти реформы, нигде не действует напором и насилием. В районе Владимирской губернии, во всех десяти храмах, нигде престолы не вынесены, и епископ Василий совершает службу так, как я совершал на первых порах в тихоновских храмах, – выходя на солею и прочитывая все молитвы здесь, перед народом.

Когда СЦВ пошел по линии освежения религиозного молитвенного чувства, то в практике частных служб он наткнулся также на затверждение и на улетучивание смысла, как в общелитургическом укладе. Нами изменены и переделаны чины крещения, бракосочетания. Псалом 103 изображает картину миробытия, величие Божие, открывающееся в космосе. Псалмопевец изображает морскую ширь и говорит: раскинулось море пространное и великое, там плавают корабли, там кит на воде играет! Грек перевел последнее место так: там змей ругается. Из кита стал змей, из игры – ругань. Попам на руку. Какой же этот – змей в воде? Конечно, решили, сатана. Гони его из воды. И все крещение построено на этом. Выгоняют отчитыванием чертей на просушку, а потом в этой дистиллированной воде ребенка купают. Мы вложили совсем новый смысл и содержание в крещение. По-нашему, крещение – согласно заповеди Христа, есть возведение новорож-

денного существа в небесное гражданство, опробирование его вечною ценностью и ограждение его жизни от посягательства и истребления. Перед началом заседания о. К.Смирнов, обмениваясь со мною мыслями насчет чинопоследования при венчании, сказал: обыкновенно на свадьбах не молятся ни жених с невестой, ни присутствующие. А я ответил, что там и молиться не о чем. Прочтите внимательно чин нашего венчания и вы увидите, что там все вертится около физиологического акта и весь чин больше подходит к животным, чем к людям. Все содержание молитв обращено на воспевание физического момента воспроизведения. Мы это бросили и вложили другое содержание, сосредоточили внимание на психологическом и моральном моменте, на укреплении нравственной спайки брачующихся, ибо в этом суть таинства. И когда епископ Василий венчает у себя по нашему чину, то окружающие крестьяне говорят своим батям – венчайте нас так, как венчают в Ворогове.

Но особенно кличку «сумасшедшего» заслужил епископ Антонин за изменение техники преподания причастия. Неверующие указывают нам на антигигиеничность причащения всех из одной ложечки. Чтобы освободить церковную практику от этого упрека, я стал причащать по примеру того, как на преждеосвященной литургии, как и доселе причащают у яковитов или у нас, при причащении больных. Вещество таинства твердое, предварительно напоенное жидким, берется щипчиками и кладется в руку причастнику. Изоляция полная. Введенский негодует: Антонин с ума сошел, он извращает понятие о таинстве, он допускает возможность заразы через причастие! Сколько угодно!* История знает факты, когда травили, посыпая яду в евхаристию. Тайны Христовы – не обладают бактерицидными свойствами, иначе ими было бы можно торговать, как универсальным лекарством. Таинство совершается в духе, а не в физических клеточках тела. И если вы нальете в чаши сулемы и выпьете, то, конечно, помрете. Мы кушаем ложкой, а китайцы – палочками. Важно положить питательный продукт в рот, а то каким способом – это дело второстепенное.

Поповская придирчивость в том и состоит, что существенное затеняет, а хватаются за второстепенное. Вся суть по-ихнему в ложечке, других способов нет, и если вы, скажем, обойдетесь и без ложечки, и без щипцов, а просто руками, то это по-поповскому будет недействительно. Один сибирский архиерей рассказывал мне, как он преодолевал страх заразы от причастия в колонии прокаженных. Он привозил с собой столько деревянных ложечек, сколько предполагалось причастников, и каждого причащал отдельною ложечкой. Так что у него одна и та же ложечка не возвращалась вторично в чашу. И я чувствую, что у нас этот страх заражения должен быть так или иначе преодолен. Мы не утверждаем, как содацы, физического действия таинства. В таинстве исповеди мы отбросили неправославный момент единоличного разрешения кающегося священником, перешедший к нам через требник Петра Могилы из католичества, и совершили его в третьем, соборном, лице. Это меняет позицию духовника. Вот, в общем, те очище-

ния обряда, которые нами были проведены доселе. Но мы не намерены на этом останавливаться. Наше дальнейшее задание – ослаблять значение внешней обрядности выдвиганием внутреннего содержания в смысле священнодействий. Это особенно нужно для обрядовой деревни. Надо переходить от всего механического, от всего громоздкого, подавляющего, действующего на фантазию и подавляющего мозги и сердце. Вот дальнейший путь реформизма СЦВ. Мы пересмотрим весь требник, перетрясем смысл его чинопоследований и вместо отжившего, одряхлевшего вложим новый смысл, более содержательный, чем простой, натуралистический. На очереди пересмотр содержания таинства священства, ибо до очевидности ясно, что живоцерковническая теория неизгладимости благодати, трактующая о физической неутрачиваемости прав священнодействия, несмотря ни на какое нравственное бесстыдство и преступность, содержит в себе разложение и гибель священства. В общем, мы видим одно: физикацию таинств поповством, и реформизм должен пойти по линии возвращения таинствам, согласно их природе, одухотворения и морализации».

По этому докладу Антонина съезд принял следующую резолюцию:

«1. Переход на русский язык богослужения признать чрезвычайно ценным и важным приобретением культовой реформы и неуклонно проводить его, как могучее орудие раскрепощения верующей мысли от магизма слов и отогнание суеверного раболепства перед формулой. Живой, родной и всем общий язык – один дает разумность, смысл, свежесть религиозному чувству, понижая цену и делая совсем ненужным в молитве посредника, переводчика, спеца, чародея.

2. Русскую литургию, совершаемую в московских храмах Союза, рекомендовать к совершению и в других храмах Союза, вытесняя ею практику славянского, так называемой – Златоустовской литургии, от которой Златоуст отрекся бы, если бы услышал, как ее совершает духовенство теперь, превративши ее, по выражению проф. Певцова, в нелепость.

3. Благословить литургические дарования людей искреннего религиозного чувства и поэтической одаренности, не заграждая и не пересекая религиозно-молитвенного творчества. Вводить же в общее употребление по испытанию на практике с епископского благословения. Приветствовать литургические труды священника К.Смирнова и иметь о них суждение после их напечатания.

4. Благословить составление нового требника, по намеченному уже Союзом пути, углублением и одухотворением содержания и чинопоследования таинств в противоположность физикомагическому смыслу нынешних чинопоследований.

5. Храм считать центральным пунктом, единственным для удовлетворения всех религиозных нужд верующих, как общих, так и частных, упраздняя частные требы на домах.

6. Совершение частных религиозных треб, сосредотачиваемое в храмах, соединять с общественным богослужением, дабы этим хронологичес-

ким единением готовить психологическое и нравственное сближение членов прихода.

7. Открытый алтарь приветствовать, как возвращение к той внутренней архитектуре храма, которая была единственной в течение первых шести-семи веков и давала слиянность и задушевность молитвы священнослужителя с присутствующими; как обстановку, завещанную нам великими святителями-литургистами, открытым предстоянием с народом, воспламеняющим народ в общей молитве. Открытый алтарь – один оздоровит распушенность духовенства, которое, спрятавшись за перегородки, ведет себя суетливо и бесцеремонно, выветривая совершенно благоговение. Открытие алтаря возвращает алтарю чистоту и свежесть, освобождая алтарь от загроужения, как теперь, церковной рухлядью и скарбом.

8. Для утверждения в вере ввести торжественный обряд конфирмации, как общинно-церковное свидетельство о духовной зрелости лица.

9. Рекомендовать в восприимчивости возвращение к практике времен Златоуста и бл. Августина, то есть на себя принятие обязанностей восприимчиками плотскими родителями.

10. Заклеймить позором злоупотребление анафемами или отлучением, производимым административно, механически... Действие благодати не механическое, а психологическое, и потому лишение сана может быть и только самолишение и самоотлучение, церковными органами констатируемое.

11. Общее направление борьбы с обрядоверием: ослабляя все подерживающее младенческие, дикарские вкусы народа, усиливать духовное содержание и смысл обряда.

12. В ослабление внешней декоративной стороны богослужения, заставляющей нравственно-назидательный смысл его, а также мистикопитательный смысл, изживать из церковного обихода предметы громоздкие, рассчитанные в действие на глаза и воображение, а не на мозг, и чувство в частности:

1) Не употреблять на входах и выносах при богослужении огромных размеров евангелий, которые рассчитаны на диаконские мускулы, на глажение, но не на внимание присутствующих.

2) Отменить изнесение евангелия в качестве иконы, для лобызания его деревянной или металлической обложки; вместо этого употреблять евангелие малых размеров, без всякой отделки, и внушать его почаще и читать.

3) Златотканые парчовые ризы, держащиеся на священнослужителе лубком и сообщающие последнему истуканность, изживать, заменяя их приличными матерчатыми или холщовыми.

4) Сократить до минимума колокольный звон, оставив его только в качестве призывного к богослужению и совершенно упраздняя бесконечные трезвоны во время самого богослужения, как, например, трезвон перед заутреней и трезвон во время чтения евангелия на утрени и т.п., так как эти звоны колеблют воздух и заглушают смысл совершающегося в храме.

5) Отменить за всенощной потерявший смысл обряд благословения

хлеба и вина, как специально монастырский и не имеющий никакого значения в приходских условиях, и к тому же иностранный, к русскому быту не подходящий. А применительно к русскому быту надо бы благословлять ржаной хлеб и квас.

б) Сокращать приобретение предметов культа геркулесовских размеров, саженных распятий, неудобноносимых, поражающих, но не назидających, икон.

7) В отношении живописи рекомендовать к преимущественному употреблению в храмах сюжеты исторической живописи перед символизмом».

2 июля 1923 года состоялось соединение с Союзом Церковного Возрождения ленинградской «Общины сочетания религии и жизни», основанной прот. Иваном Егоровым. Сообщение по этому поводу Антонина представляет собой большой интерес.

«Я прошу приехавших к нам сделать о себе подробную рекомендацию, а со своей стороны сделаю введение. Отец Иван Егоров, лично мне известный в бытность мою епископом Нарвским в Петрограде, в 1920 году совершенно по своему внутреннему почину и самостоятельно, по психологическому назреванию приступил к церковной реформе в стиле Возрождения. Бросил славянский язык и перешел на русский, вынес престол из алтаря на середину храма. Он писал мне: я хочу уничтожить всякое выделение священника. Если поставить престол впереди, то священник как-то выделяется, превозносится, а я хочу поставить и его в самую гущу народа. Затем он стал редактировать и вытравлять из молитв старый быт: вычеркивает слово — «раб», вычеркивал некоторые символы, которые наводят проф. Рейснера на предположение о половом основании религии. Он изменил литургию, разделив ее на две: литургия для причастников, литургия Св. Духа, и другую литургию без причастия, которую назвал Панагией. Конечно, скоро между нами должно было установиться радио, о. Иван обращался за советами и указаниями. К великой скорби его общины, разделяемой мною, неожиданная смерть похитила его. Он заразился сыпным тифом и умер в ноябре 1921 года. Его община осталась без главы и руководителя. Она почувствовала тогда, что к ним ближе всего епископ Антонин, и прислала ко мне присутствующего здесь юношу, которого любил о. Иван, с просьбой рукоположить его в священника. У меня тогда еще не было этого храма. СЦВ не имел еще фактического обособления, а оно только еще намечалось. Я не нашел во внутреннем своем сознании препятствия, чтобы удовлетворить их просьбу, и наметил совершить посвящение в церкви Гребневской Божией Матери. Но Провидению угодно было создать тогда запятие. Я не отличался тогда здоровьем, и болезнь часто укладывала меня в постель. Около недели этот юноша жил в Москве, ожидая того просвета, когда я поднимусь с постели и приду в храм. На протяжении недели такого просвета не оказалось. Он не мог дольше прожиться и уехал отсюда ни с чем. Община оказалась в пучине, без оснащения. И вот в таком затруднении община решила на героический шаг: она сама, со-

бственной молитвою и собственным упованием, возложила на этого юношу руки и рукоположила в пресвитера. Это совершилось в Фомино воскресенье 1922 года. Таким образом, у них явился пресвитер, рукоположенный собственным вдохновением, собственным молитвенным напряжением. Через некоторое время был рукоположен таким же способом другой пресвитер, и община получила некоторую организацию под руководством и этого пресвитера. Вот эти два пресвитера егоровской общины и присутствуют сейчас среди нас. Но церковь не может быть без епископа, как здание не может быть без кровли. Община скоро почувствовала это и обратилась ко мне с просьбой дать им епископа. Я на это ответил им приблизительно так: крышу надо класть на стены, и прежде чем давать епископа, вы должны пресвитера взять у нас. Свяжитесь с нами нервами, а то выходит так, что вы приходите к нам, как в лавочку, и, взяв нужный вам товар, уходите. Ваши пресвитеры, рукоположенные кружковым способом, подлежат перерукоположению общецерковным действием. Тогда они обратились в Синод и предстали пред синодальным предсоборным совещанием с просьбой принять их пресвитеров в их сущем достоинстве только с воцерковлением. Ихнее желание было отклонено. У тихоновцев они добиться, конечно, не смогут ничего. Осталось только идти к нам. И вот они пришли. Прерванные переговоры были продолжены и привели нас к соглашению. Они говорили: требуя перерукоположения, вы заставляете нас наполненный стакан вылить и наполнить вновь. Мы, говорили они, не можем же зачеркнуть психологически пережитого нами акта общинного рукоположения. Я им ответил: я вашего стакана не буду выливать на землю, а волю его в большой общецерковный резервуар. Если вы выпили стакан воды с одним куском сахара, то я дам вам сиропу со ста кусками. Вы будете иметь реальную историческую связь с общехристианским потоком благодати. Они на это просили: нельзя ли в самом чине хиротонии упомянуть о бывшем у нас общинном поставлении, чтобы не вышло, что оно у нас вытравляется. Я сказал, что можно, и на том мы согласились».

Представитель Ленинградской общины Лев Бунаков:

«Наша община, как сказал епископ Антонин, основана протоиереем о. Иваном Егоровым, бывшим настоятелем Введенского собора в Ленинграде. В 1919 году он начал свою работу сперва беседами о литургии, затем совершением самой измененной литургии и постепенно объединял прихожан в организованную общину. Нам пришлось уйти из собора, это было осенью 1920 года. Некоторый промежуток времени мы были без храма, и нам приходилось собираться на частных квартирах и проделывать работу организационного характера. Наконец, весной 1921 года нам удалось получить дом, который и отремонтировали мы своими силами, и в этом доме мы собираемся и посейчас. Мы зарегистрировались, как трудовая религиозная община под наименованием «Община сочетания религии и жизни». Это название выражает наш основной принцип, а в области догматической и нравственной мы принимаем кодекс и догматы православной церкви».

Мы проповедуем церковную жизнь не одною молитвою, но самим бытом, как отметил епископ Антонин.

Нас постигла великая утрата: скончался о. Иван. Мы обращались к епископу Антонину с просьбой дать нам священника, но это нам не удалось. Мы обратились к патриарху Тихону, и здесь получили отказ. Войти в старую общецерковную жизнь мы не могли, потому что мы вкусили уже освежение и на могиле пастыря поклялись продолжать нашу работу в том же духе, насколько хватит наших сил. Мы не хотели тогда самосвяинства, но другого выхода в тот момент не оказалось. Мы стали вести переписку с епископом Антонином, которая прервалась, и мы обратились в Синод. К нам прислали представителей, которые ознакомились с нашей деятельностью, передали наше заявление в епархиальное управление, и мы получили приглашение на соборное совещание. На этом совещании нас выслушали и заявили, что путь только один – обычный: зачеркнуть то, что у нас было, и принять все сызнова. Некоторые представители на этом совещании пробовали выступить в нашу защиту, приводя к тому исторические факты. Но это напрасно. Нам предлагали зачеркнуть то, что уже произошло в нашей душе. Это было для нас невозможным. На этом совещании мы встретились с одним из лиц, близко стоявших к Антонину, который советовал нам идти к епископу Антонину, что мы и сделали. Результат этих переговоров вы слышали».

Епископ Антонин:

«После того как они были отринуты Синодом, два из них, бывших на предсоборном совещании, посетили меня и имели со мной переговоры. Достигши разрешения, они просили разрешения отправиться в Ленинград и подкрепить свое соглашение ободрением всей общины. Я только приветствовал. И вот я получил от них 26 июня следующее заявление: «Община сочетания религии и жизни» настоящим просит вас, владыка, поставить на предстоящем съезде Союза вопрос о воссоединении общины с Русскою Поместною Церковью, а также о вхождении общины в состав СЦВ. Вопрос, который у нас вызвал разногласия, это вопрос о женатом епископе. Они наметили себе кандидата в епископы из женатого состава. Я заявил, что СЦВ женатых в епископы не посвящает. Я убеждал их во имя общего блага этот вопрос не превращать сейчас в принципиальный, а считать его вопросом тактическим, и они на этом согласились, и этот вопрос отодвинулся. В отношении вхождения общины в СЦВ предоставляется местная автономия. По первому пункту о посвящении пресвитеров нами сегодня достигнуто полное соглашение. Я выработал формулу посвящения и предложил ее на одобрение иерархическим лицам Президиума: епископу Василию и священнику о. Константину Смирнову. Они нашли эту формулу совершенно удовлетворительной. Я предложил эту формулу заинтересованным лицам, и они ее подписали. Вот эта формула: «За Руководителя ленинградской «Общины сочетания религии и жизни», держащегося догматико-нравственного Православного исповедания, избранного и постав-

ленного своею общиною в пресвитера, но в разрыв целостности всеединого церковного иерархического преемства, теперь имущего присоединиться к вселенскому потоку иерархического священничества, благоговейнейшего брата нашего... Божественная Благодать, всегда немощное врачующая и оскудевающее – восполняющая, покрывая любовью смирение Ленинградской общины и самого... пресвитерствующего в общине, но теперь поклоняющего высь свою под иго вселенского священничества, пред лицом СЦВ, принявшего в Союзе хиротонию чтеца и иподиакона, проручествует в дьякона (а в следующую хиротонию – в пресвитеры).

Итак, помолимся о нем, чтобы пришла из него вселенским потоком орошающая, через живую преемственность передаваемая и действующая Благодать Святого Духа».

Все четыре представителя Ленинградской общины подписали так: означенная формула нас, представителей «Общины сочетания религии и жизни», вполне удовлетворяет... Итак, все, что лежало помехою на пути, устранено, и открылись врата милосердия, через которые мы с любовью и протягиваем руки приходящим к нам. Принципиально дело устранено, но для большей задушевности и для большего взаимного радования я предлагаю представителю общины засвидетельствовать перед нами свое исповедание».

*

Мы приводим наиболее характерные документы, вышедшие из-под пера Антонина Грановского в последний период его жизни. Сейчас, через 38 лет, наступила пора дать им объективную оценку. Принимая в общение Льва Бунакова, епископ Антонин говорил: «Я вашего стакана не буду выливать на землю, я волю его в большой общецерковный резервуар. Если вы выпили стакан воды с одним куском сахара, то я дам вам сиропу со ста кусками. Вы будете иметь реальную историческую связь с общехристианским потоком благодати».

Здесь Антонин говорит, как православный епископ, и в этих его словах мы находим четкую и ясную формулу отношения Церкви к раскольническим обществам.

Но что такое реальная историческая связь с общехристианским потоком благодати – можно ли такую связь ограничивать лишь одним актом рукоположения?

И на это епископ Антонин дает ясный и четкий ответ: «Крышу надо класть на стены... Свяжитесь с нами нервами, а то выходит так, что вы приходите к нам в лавочку, берете нужный вам товар и уходите».

Но не относится ли это к самому Союзу «Церковное Возрождение»?

«Крышу надо класть на стены» – чтобы возродить Церковь, «надо быть связанным с ней нервами», жить ее жизнью, находиться внутри нее. Только при этом условии дело возрождения Церкви может быть действительным и плодотворным.

Иначе поступил епископ Антонин: он ушел из Церкви. Надо ли осуждать его за это?

Вряд ли. Или если и осуждать, то, во всяком случае, не одного его. На протяжении полувека чиновники в вицмундирах и рясах травили, изгоняли, издевались над Антонином. Его не понимали и не хотели понимать. Точно так же преследовали и всякий проблеск творческой мысли. Не могли и не хотели понять, что без творческой живой искры Божией нет и не может быть Церкви. И заставили Антонина подать руку в 1922 году тем, кого он не уважал и не любил...

Это определило печальную судьбу Антонина. Пребывание вне Церкви отразилось в некоторой степени и на сознании великого богослова, и на его литургийном творчестве.

Создатель замечательной литургии, великий молитвенник, строжайший монах, аскет и бесребреник – Антонин неожиданно подпал под власть самого плоского и вульгарного рационализма.

При всем уважении и даже преклонении перед Антонином невозможно без отвращения читать его рассуждения о негигиеничности православного способа Причащения. В глазах всякого верующего Евхаристия – это чудо и величайшее из чудес. Подходить к нему с человеческими мерками немислимо и невозможно.

И все православные христиане твердо и несомненно веруют в страшные, животворящие Тайны – никогда, ни в коем случае, не согласятся на изменение (в угоду антирелигиозным пошлякам) благодатного братского способа причащения всех из единой чаши.

Отвергая и осуждая постыдные рассуждения епископа Антонина о «негигиеничности православного способа причащения», мы с радостью и удовлетворением констатируем, что он сам через год восстановил обычный способ.

*

Патриарх Сергей в своей известной статье об инославных исповеданиях говорит об общинах, оторвавшихся от церковного общения, как о пересаженных ветвях, которые (несмотря на то, что они оторвались от ствола) могут и зеленеть, цвести и плодоносить.

Это в величайшей степени относится к антониновскому движению и к самому Антонину. Союз Церковного Возрождения состоял из чистых, бескорыстных людей, в нем совершенно отсутствовали, между прочим, агенты ГПУ – епископ Антонин их узнавал с первого взгляда и прогонял со свойственной ему резкостью и беспощадностью ... «Иди, иди, нечего тебе здесь околачиваться!» – такова обычная его формула обращения к сомнительным людям, сильно нами смягченная.

Глубокая религиозная жизнь общины выражалась в ежевечернем служении чудесной антониновской литургии. Эта литургия, сложенная епископом Антонином в 1921 году и отпечатанная в количестве 5000 экзем-

пляров в 1923 году, является самым выдающимся литургическим произведением, появившимся в Русской Церкви за всю ее тысячелетнюю историю (мы ее печатаем полностью в следующей главе).

В подзаголовке литургии значится: «Божественная литургия, рецензированная по чинам древних литургий митрополитом Антонином». Автор неоднократно утверждал, что он не внес сюда от себя ни слова.

В свое время известный литературовед В.М.Эйхенбаум назвал М.Ю.Лермонтова «гениальным сплавщиком». Эта формулировка вполне применима и к Антонину Грановскому.

Литургия смонтирована из древних сирийских литургий, из эфиопской и других древних чинов. Все эти разнородные молитвы, великолепно переведенные Антонином с подлинников, соединены в единое целое и влиты в каноническую форму литургии Иоанна Златоуста. Единство стиля объединяет всю литургию, ни в одном месте не чувствуется интерполяции.

Очень интересен также перевод: общепонятость сочетается со строгостью стиля – в отдельных словах сохранены славянские падежные окончания (однако они не режут уха, гармонируют с общим стилем богослужения).

Несколько урезана литургия оглашенных. Однако значительно расширен евхаристический канон (что, конечно, соответствует самой идее литургии). Литургия владыки Антонина – это глубоко церковное, оваянное религиозным вдохновением произведение великого мастера. Во всей жизни Союза «Церковное Возрождение» ощущается строгий аскетический дух его основоположника.

За все три с половиной года антониновской автокефалии не было ни одного скандального инцидента, почти не бывало никаких склок и ссор. Авторитет основоположника был очень велик среди его сторонников: каждому его слову безусловно повиновались, хотя он никогда никому не грозил, никогда ни к кому не применял никаких мер строгости. Сам он жил в полнейшей бедности, хотя (благодаря диспутам и любви своих сторонников) мог бы иметь большие средства. Он, однако, отказывался от денег, брал только минимум: «Бабы у меня нет, шить ей платья не нужно, зачем мне деньги», – шутил он обычно.

«Извините, гости, угощать мне нечем, – сказал нам Антонин (как вспоминает один из его посетителей). – Ох, нет, – тут же поправился он, – вот есть печенье – принесли. Ну-ка, нагрей-ка чайник – мы нынче попируем».

В эти годы его антагонизм с тихоновцами несколько смягчается. После смерти патриарха он служит по нем панихиду, помяная его новопреставленным епископом Тихоном – никаких других титулов он не признавал. Зато обновленцы по-прежнему его раздражают. Особенно остро и болезненно он реагирует на деятельность «Сашки» Введенского. Раздражительный, больной владыка теряет всякую меру в своих нападках на Введенского.

«Владыко, только, пожалуйста, без грубых слов», – говорили ему

обычно священники перед его выступлениями по поводу обновленцев. «Да, да, не буду», – обещал он и тут же, нарушая обещание, раздражался бранными эпитетами и язвительнейшим остроловием.

Не довольствуясь обличениями с кафедры, епископ Антонин часто вывешивал своеобразные прокламации или «объяснительные листы» на дверях храма, в которых больше всего доставалось А.И.Введенскому. Вся Москва собиралась читать эти листы, и каждое их появление имело характер скандала.

«Ну, что я могу сделать – не тащить же в суд больного старика», – говорил А.И.Введенский, когда ему передавали о бешеных ругательствах Антонина в его адрес.

Введенский, впрочем, не питал злобы к епископу Антонину и до конца своих дней поминал его за каждой литургией, именуя «приснопамятным митрополитом Антонином», и в день своего юбилея (двадцатилетия архиерейской хиротонии) – 6 мая 1943 года – помянул за упокой митрополита на Великом входе.

Несдержан и резок был Антонин, впрочем, не только тогда, когда речь шла об обновленцах. Однажды, в конце проповеди, епископ сказал: «Мы видели – сейчас отпевали женщину. Это жена коммуниста. И сам он стоял около гроба. Все атеистические гипотезы хороши, пока все живы-здоровы. Когда умирает человек – нужна Церковь».

«... Закрыли публичные дома на Трубе, – сказал он в другой раз, – и открыли в Сокольниках под каждым кустом. В сердцах надо закрыть б-ки, а не на улицах и площадях».

К концу своих дней епископ Антонин мучительно ощущал свой отрыв от церковного общения: обновленческий Синод в своем первом отклике на смерть Антонина утверждает, что якобы в последний год своей жизни епископ Антонин изъявлял согласие на примирение с Синодом, при условии сохранения духовной автономии за его общиной, и вел с Синодом об этом переговоры. Такие переговоры велись, видимо, через о. Константина Смирнова, который в это время, с согласия епископа Антонина, воссоединился с Синодом и стал профессором Ленинградского богословского института.

Из написанного карандашом документа, который публикуется нами ниже, хранящегося в нашем личном архиве, видно, что в конце 1926 года епископ Антонин пытался завязать переговоры с митрополитом Сергием – своим старым другом, пришедшим в это время к кормилу церковного правления. Эти переговоры были сорваны не по вине обоих иерархов – как видно из документа, когда епископ Василий Лебедев был послан владыкой Антонином в Нижний Новгород к митрополиту Сергию, митрополит был арестован. Тяжелая болезнь Антонина помешала дальнейшим переговорам.

Между тем болезнь, которой в течение долгих лет страдал владыка Антонин, делала свое страшное дело. В начале 1927 года епископ Антонин

решился на операцию. Как было установлено, рак мочевого пузыря распространился на почки.

14 января 1927 года епископ Антонин скончался.

Смерть епископа Антонина примирила с ним многих...

Примирились с ним и обновленцы.

15 января 1927 года обновленческий Синод принял следующее постановление:

«Протокол №3 заседания Священного Синода
от 15 января 1927 года.

Присутствовали: митрополит Вениамин, митрополит Серафим, протопресвитер А.П.Красотин и проф. С.М.Зарин.

Слушали: Извещение о смерти Председателя Союза Церковного Возрождения епископа Антонина (Грановского), последовавшей в ночь на 14 января с.г., и ходатайство делегации Союза (епископ Василий и два мирянина) о том, чтобы Священный Синод принял участие в погребении епископа Антонина.

Справка:

1. Бывший председатель ВЦУ митрополит Московский Антонин по докладу архиепископа Крутицкого Александра за присвоение им титула митрополита «Московского и всея Руси», за переноску св. Престола из алтаря, за особый способ преподания св. причащения, за служение литургии в восемь часов вечера, а также за совершенно беспочвенные выпады против Священного Синода – постановлением Священного Синода от 9 октября 1923 года за №2374, временно запрещен в священнослужении с приглашением его в Священный Синод для дачи объяснений по поводу его действий.

2. Указ Священного Синода от 23 декабря 1924 года, на имя Владимирского епархиального управления за №4351, в коем, на основании постановления Священного Синода от 17 декабря 1924 года, положено: что бывший митрополит Московский Антонин запрещен в священнослужении, но не лишен сана, что хиротония священника Василия Лебедева во епископа совершена правильным чином и действительна, и потому Василий Лебедев признается епископом, запрещенным в священнослужении.

3. В период времени с 9 октября 1923 года по 1926 год митрополит Антонин прервал общение со Священным Синодом, сложил с себя титул митрополита и именовался епископом Союза Церковного Возрождения.

4. В 1926 году, во время постигшей его болезни тяжелой, епископ Антонин неоднократно искал общения с членами Священного Синода, сожалел о своих резких выступлениях против Священного Синода, восстановил общий способ причащения и просил принять его в каноническое общение, оставив возглавляемому им Союзу право служить на русском языке при открытом (вне алтаря) престоле.

5. Мучительные страдания, операция и неожиданная смерть – помеша-

ли епископу Антонину формально, письменно завершить дело примирения.

Постановили:

Принимая во внимание, что бывший митрополит Московский, а ныне усопший епископ Союза Церковного Возрождения Антонин Грановский был выдающимся ученым и апологетом; с честью носил епископское звание в тяжелые дни Русской Православной Церкви (1905 и 1922 гг.) и перед смертью своей высказал примирение со Священным Синодом и желание восстановить каноническое общение с ним, — *запрещение* в священнослужении его за смертью *считать прекращенным*.

Членам Священного Синода и синодальному духовенству разрешить принять участие в отпевании, без евхаристического общения со священнослужителями Союза Церковного Возрождения, как остающимися под запрещением — до их принятия в каноническое ведение Священного Синода.

Председатель Св. Синода

митрополит Вениамин.

Митрополит Серафим.

Члены Св. Синода:

Протопресвитер Красотин,

Секретарь, член Св.Синода

профессор С.Зарин».

(Вестник Священного Синода, 1927, №2, с.5.)

19 января 1927 года состоялись похороны.

В последний раз храм Заиконоспасского монастыря был переполнен молящимися.

Посредине, в гробу, в простом монашеском одеянии, епископ Антонин. Около гроба венки — на одном из них лента с надписью: «Старейшему работнику Помгола — М.И.Калинин». Огромный венок от обновленческого Синода, венки, венки, венки...

После литургии на середину храма выходят митрополиты Вениамин и Серафим.

К гробу подходит протоиерей о. Константин Смирнов. Он произносит речь, которая достойна занять свое место среди лучших образцов церковного красноречия. Образ епископа Антонина обрисован в ней выпукло, ярко и правдиво. Приведем ее здесь полностью.

«Умер Антонин. Умер Антонин... Да, именно Антонин!.. Важно не то, что умер епископ, даже не то, что умер митрополит... Московский и всяя Руси, а то, что умер Антонин, церковный колосс, гигант... Епископов и митрополитов много, Антонин один... Умер Антонин... Умер великий ум — глубокий, оригинальный, меткий. Мысль и слово его были *бесподобны*: их можно было узнать всюду и всегда сразу. И ему не надо было подписывать своих речей, статей. Так, как писал и говорил он, не писал и не говорил никто. Здесь было оригинально, глубоко, метко все — и содержание, и форма.

Умер Антонин... Умерло великое церковное прозрение, и умер прозорливец и пророк, который видел далеко, видел и чувствовал то, чего не видели и не чувствовали, даже не подозревали, другие. Он шел на десятки, если не на сотни лет впереди тех, кто шел и работал, служил вместе с ним, – и потому шел и ушел непонятный, неоцененный, даже – оклеветанный и заклеянный массой. Судьба пророка, прозорливца среди пигмеев и мещан! §

Умер Антонин... Умерла искренность и прямота... Слово его часто было жестоко, характер тяжел, он неуживчив и неприятен, неудобен – все оттого, что был бесконечно искренен и прям. Это был бич, без оглядок и стеснений бивший всех и все, что было не так, – начиная от царя, кончая мелкими служителями Церкви. И это при бесконечной доброте и ласке в то же время.

Умер Антонин... Умерло великое смирение. Он был митрополитом, митрополитом всея Руси, и сам, по своему же почину, стал «епископом просто», как в древней Церкви.

Едва ли в нашей иерархии есть еще кто-либо, кто добровольно отложит митру, саккос, белый клобук, почетный титул, оставит зал алтаря и высоту кафедры и снизойдет к народу, в молитве станет рядом с ним, как сделал это Антонин, принципиально отвергнувший все награды, титулы, средостение между Церковью пасомых и пасущих, Церковью учащей и учимой.

Умер Антонин... Умер Василий Великий наших дней... Главной заботой, как того, так и сего, было: «человеческие (церковные) обычаи (обыряды) украсить». Творить здесь, создавать... Церковное богослужбное творчество было одной из главных задач и забот почившего. И он оставил нам целую кипу своих опытов, иногда бесподобных по силе и красоте, по ритму, мысли, чувству, форме. И как Василий, был бесстрашен!

Умер Антонин... Умер Иоанн Златоуст наших дней – Златоуст не только потому, что это был блестящий оратор – но и потому, что это был церковный революционер и демократ, возмущившийся социальной несправедливостью – угнетением неимущих. Вечная, до последних изгибов революционная натура, как Иоанн Златоуст, бывший подобным на Босфоре.

Умер Антонин... Умер Григорий Богослов наших дней, глубокий богослов, выдающийся ученый и по складу, и по трудам, и по знаниям. Чтобы его печатать, нужно было отливать неведомые раньше шрифты. При постановке и решении вопросов он смотрел в корень их, ставил их совершенно неожиданно, глубоко и оригинально. Таковы и решения были его, и определения, и сближения.

Умер Антонин... Слово это пронеслось вмиг по всей и Руси Великой, и Белой, и Малой, и вызвало скорбь, сожаление у одних, радость, облегченный вздох у других: одним смутьяном меньше стало. Слепые! Застывшие в самоправедности своей, фарисействе, невежестве и темноте! Года

два тому назад РСФСР и Москву посетил один профессор-немец, пришел в Заиконоспасский монастырь – увидел, говорил и, уходя, сказал: «Пришел посмотреть на русского Лютера, а увидел апостола Павла». Вот отзыв беспристрастный, вдумчивый, серьезный.

Умер Антонин... Но умрет ли с ним его дело, принципы, думы, идеи и идеалы, его СЦВ? Если говорить о церковной автокефалии последнего, тогда, несомненно, да, ибо нет уже самой головы, а всякая голова иная на месте этой – будет безглавие лишь. Но если речь идет о принципах, идеях, идеалах, не умрут они. Если и умрут, то оживут, воскреснут, возродятся. Если зерно пшеничное не умрет, то останется одно, если же умрет, то принесет плодов много. Антонин индивидуальный родился раньше, чем то было нужно, прежде «часа своего», но Антонин собирательный родится в свое время, и непременно он родится. Еще будет возрождение Союза Церковного Возрождения. Когда? Потом...

А пока от меня, как от твоего ближайшего единомышленника и соратника, и от той высшей школы, где я преподаю Божию Правду – от Ленинградского высшего богословского института, и от того ленинградского духовенства, среди которых много рукоположенных тобой, тебе, почивший архипастырь и отец, земной поклон, последнее прости и благослови!

Прот. проф. К. Смирнов

Примечание. Епископ Антонин (Грановский) умер 1/14 января 1927 года от рака почек. Отпевание его сонмом духовенства состоялось в храме Заиконоспасского монастыря при огромном стечении народа 3/16 января. Погребен он на кладбище Новодевичьего монастыря, за алтарем соборного храма. Некролог и портрет будут даны в ближайшем номере «Вестника Священного Синода». (Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви, 1927, №2, с.26.)

«Если мою книгу, при выходе ее в свет, все хвалят – значит, она плохая. Если ее все ругают – значит, в ней что-то есть. Но если одни хвалят, а другие ее ругают – значит, она великолепна», – говорил один из французских писателей.

Видимо, с известными оговорками, это применимо и к людям.

Ни к одному деятелю нет такого противоречивого отношения, как к епископу Антонину. И сейчас, через 35 лет после его смерти, для него еще не наступило потомство, – и очень трудно найти такую формулу оценки епископа Антонина, с которой согласились бы все или, по крайней мере, наибольшая часть церковных людей.

И даже два человека, пишущие эту работу, согласные почти во всем, – резко расходятся между собой, когда речь идет об епископе Антонине.

Приведем здесь поэтому две разные оценки его деятельности.

Однако прежде чем дать заключительную оценку деятельности епископа Антонина, мы должны рассказать о судьбе его детища – «Союза Церковного Возрождения».

Как предсказывал о. Константин Смирнов, Союз Церковного Возро-

ждения не надолго пережил своего основателя... Через несколько месяцев после смерти епископа Антонина Грановского у общины был отобран храм Заиконоспасского монастыря.

Союзу Церковного Возрождения был предоставлен другой храм. Председателем Союза Церковного Возрождения стал неуравновешенный и нервнобольной епископ Василий Лебедев. Впрочем, и для епископа Василия было ясно, что дни возглавляемого им Союза Церковного Возрождения сочтены: начиная с 1927 года он делает непрерывные судорожные попытки присоединиться к церковному кораблю. Несмотря на то что для епископа Василия были широко открыты двери обновленческой церкви, которая признавала его епископом, он постучался в другие двери.

3 августа 1927 года им было подано следующее заявление на имя заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия:

«3/VIII-27 г.

Высокопреосвященнейшему Сергию,
Митрополиту Нижегородскому
Преосвященного Василия, Епископа
Общин Союза «Церковное Возрождение»

Заявление

Я давно болею сердцем и тоскую по объединению с общим массивом Православной Церкви, но теперь не стало и сил больше переносить это тягостное отчуждение от церкви. Святитель Антонин посылал меня к Вам в Нижний Новгород (в декабре минувшего года) в качестве своего делегата, но это поручение выполнить, конечно, не мог по причине, Вам, конечно, известной.

Усопший Владыка умер фактически в мире с Вами и болел душой, что не мог закрепить сие формальным актом, и на мою долю выпало дело закончить и закрепить сие воссоединение. Вот я и обращаюсь к Вам со смиренной и покорной просьбой ввести меня в единство с Православной Церковью и дать мне возможность «честно и здраво, и право править слово Божией Истины».

Я получил рукоположение от епископа Антонина до его запрещения, последовавшего в марте 1924 года. Суда над Святейшим не признаю и отметаю все определения синодальных (обновленческих) квази-Соборов, за что и был своевременно жестоко гоним со стороны Синодального Владимирского Епархиального Управления, и это-то и сблизило меня с епископом Антонином и привело меня к архиерейству.

Не опасайтесь принять меня, клянусь Вам архиерейской совестью, что я не являюсь тростью, ветром колебаемой, и буду находиться у Вас в полнейшем послушании, и буду самым надежнейшим проводником Ваших мудрых волеизъявлений.

Только переосвящению я подвергнуть себя не могу, ибо против сего протестует моя епископская совесть, не эгоизм – его здесь нет, я подхожу

искренне и мною себя погрешающим лишь в области церковных обрядов и дисциплины, а сие не изгладило благодати у святителей, меня рукоположивших, а посему меня, недостойнейшего, не лишило благодати архиерейства. Да Вы, конечно, сами и отлично знаете, не мне, многонемощему духом, напоминать Вам. Своего диакона-посланца уполномочиваю я передать Вам сие, и, что сочтете нужным, сообщите мне через него устно, а формальное решение, вероятно, последует письменно.

*Искренне любящий Вас
Епископ Василий.*

Адрес: Смоленский рынок, Решиков пер., д. 9, кв. 15».

(Настоящий документ, как и все цитируемые ниже документы, находится в подлиннике в личном архиве А.Э.Левитина, который получил их из рук митрополита Николая незадолго до его смерти.)

Этим заявлением начинается период мучительных мытарств епископа Василия. В канцелярии митрополита Сергия у него затребовали прежде всего справку о каноничности рукоположения и епископа Николая Соловья, и архиереев, его рукополагавших.

О положении несчастного епископа говорит следующее его письмо, написанное на маленькой бумажке бледными чернилами:

«Дорогой архипастырь!

Квасисвященный синод Троицкого подворья озорничает и не дает нужной справки. Цель понятная – удержать меня от единения с Вами. Еще в то время, когда не был погребен епископ Антонин, они задумали завербовать меня, но не удалось, а тут вдруг я уйду к Вам. Ведь это же для них большой конфуз. А что я уйду к Вам – они прекрасно знают. Я уверен, что Е.А.Тучков их информировал. Нахалы, они меня отсылают за справкой к самому епископу Александру Старобельскому, а где его искать? Что мне делать, дорогой Владыко?

А тут еще епископ Борис спит и видит, как бы завладеть мною, и пустил в ход всякого рода интриги через ГПУ. Спасите! Ведь вот положение создалось, впору «караул» кричать.

Уберегите меня от алчных раздоров и пошлите в глухую провинцию и ... страсти, разгоревшиеся около моей персоны, улягутся.

Покройте все формальные изыскания всеобъемлющей любовью христианской.

*Искренне преданный и любящий Вас
Епископ Василий.*

16/X-27 г.».

Лишь через месяц злополучный епископ достал, наконец, нужную справку. Снова заявление – записочка на сложенном вдвое листике.

«Дорогой архипастырь!

Нужную для своего дела справку из «синода» я получил сегодня,

которую при сем и прилагаю. Из личной беседы с проф. Зариным я узнал, что епископы Макарий и Александр – монахи старого рукоположения. Убедительно прошу Вас дать мне возможность честно послужить родной многострадальной Церкви.

Против лишения меня сана епископа протестует мое самосознание. Ведь я не в состоянии буду зачеркнуть акт хиротонии.

Я уже пережил таинственный момент касания Божественной Благодати архиерейства, учил многих внимательно, но лично-то я ее ощутил и как я могу разуверить себя в этом? Подайте мне руку помощи. Здесь ведь решается и вопрос моей (моральной) жизни или смерти, наставьте, вразумите. Буря сомнений и душевных смятений клокочет во мне – я не нахожу себе покоя. При отказе принять меня в сане епископа – мне ведь снова придется остаться вне Корабля Христова, ибо остаться на всю жизнь с раздвоенным самосознанием – кошмар. Я настрадался и, кажется, вправе рассчитывать на Ваше сожаление. Я все силы свои положу, чтобы оправдать доверие к себе, я чувствую, что еще в силах принести пользу Церкви...

Мое вероисповедное кредо чисто – где я допустил дерзание, так это в области обрядов. Но Вы, глубоко образованный Первосвятитель Русской Церкви, прекрасно понимаете, что сие дерзновение не могло изгладить во мне благодати архиерейства. Откройте двери своего милосердия и примите меня как кающегося блудного сына и по примеру Небесного Отца примите не в качестве работника, а именно, как сына.

Искренне любящий Вас

Епископ Василий.

19/X-27г. »

Нельзя сказать, что митрополит Сергей остался безучастным к этим слезным мольбам. Он предложил епископу Василию следующее компромиссное решение: принять его в сущем сане с запрещением в священнослужении впредь до решения вопроса будущим Собором.

В 1928 году, однако, началось наступление на епископа Василия с другой стороны. Чтобы дать читателю о создавшейся ситуации представление, вновь предоставляем слово документам.

«Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Архипастырь и Отец!

После долгих и упорных переговоров с надлежащими в данной ситуации представителями Сов. Власти, я сегодня, 12 сентября, получил, наконец, согласие на переход к Вам.

Но у меня после аудиенции 6 сентября сложилось такое мнение, что известный орган Соввласти намерен сделать давление на Вашу Святительскую волю, чтобы Вы не принимали меня в сущем сане. Возможно, что это ложные страхи и Вы останетесь при своем прежнем решении принять меня. Я сделал все, зависящее от меня – совесть моя спокойна.

Если же Соввласть встала на пути и не позволяет Вам принять меня, то и в сем я готов усматривать Волю Божию. Отпишите, и если страхи мои ложны, то назначьте и время аудиенции, тогда я Вам подробно передам обо всем, что за последнее время мне пришлось пережить... Мне желательно было бы поскорее закончить формальности и подойти к церковной деятельности. Бездельничать ведь теперь преступно.

Искренне любящий Вас Епископ Василий
13/XII-27 г., г. Москва».

«Ваше Высокопреосвященство,
Дорогой Архипастыр!

Получив уведомление из Вашей канцелярии, что я могу быть принят в сущем сане, но лишь запрещенным до выяснения вопроса о моей хиротонии на грядущем Поместном Соборе, я прошу уведомить меня еще и о том – могу ли я, запрещенный епископ, занимать пост апологета христианства, и можете ли Вы, по моей просьбе, дать мне возможность занять сей пост. Решение сего вопроса для меня весьма важно. Я живу в сфере Апологетики и готов принести на алтарь защиты Веры Христовой все. Не отклоните.

Любящий Вас епископ Василий.
27/IV-28 г.»

«В канцелярию Заместителя
Местоблюстителя Патриаршего Престола
Преосвященного Василия, Епископа Союза
«Церковное Возрождение»

По поводу возмутительной статьи на страницах газеты «Правда», компрометирующей мой моральный облик, я, свидетельствуясь своей архиерейской совестью, могу одно лишь сказать – это гнусная месть антирелигиозников за мою апологетическую работу.

В пасхальном номере «Комсомольской правды» они уже забили тревогу относительно моей успешной апологетической деятельности и объявили лозунг «Беглым огнем по наступающей поповщине».

Вот в целях дискредитировать меня и появилась эта пасквильная заметка. В действительности же дело обстоит так. Одна аферистка просилась ко мне в общину, но я в приеме ей отказал ввиду ее зазорного поведения, и она затаила злобу и решила предложить свои гнусные услуги антирелигиозникам. Эта же аферистка одновременно опорочила личность Настоятеля Иверской Часовни прот. В. Богатырева, возводя на него те же обвинения.

Епископ Василий.
11/X-28 г.»

В конце 1928 года епископ Василий Лебедев был арестован и сослан в Соловки. Оттуда он откликнулся следующими двумя документами:

«Его Высокопреосвященству
Высокопреосвященнейшему Сергию
Митрополиту Нижегородскому.

Прошение

Ваше Высокопреосвященство,
милостивейший Отец и Архипастырь!

От имени сосланного в Соловки епископа Василия Лебедева, состоящего в Союзе «Церковное Возрождение», обращаемся к Вам со всепокорнейшей просьбой о воссоединении епископа Василия с истинною Православною Патриаршей Церковью.

Еще до своего ареста Епископ Василий сожалел о своей отторгнутости от истинной Православной Церкви, неоднократно раскаивался в своих заблуждениях и обратился к Высшему Высокопреосвященству с ходатайством о принятии его в лоно нашей Церкви.

Арест, а затем высылка, прервала все его начинания в этом направлении. Но и находясь в тюрьме, Епископ Василий болел об этом душой и при единственном свидании перед высылкой он настойчиво просил нас, своих друзей, ходатайствовать перед Вами, Владыко, о содействии к скорейшему принятию его в Тихоновскую Церковь.

Зная Ваше внимательное, чисто отеческое отношение к каждому из пасомых, просим Ваше Высокопреосвященство не отклонить ходатайство, тем более, что Епископ Василий – человек глубоко религиозный, неоднократно терпевший и гонения за свои убеждения (настоящая высылка является 6-м по счету заключением за время его пастырской деятельности), которые он безбоязненно высказывал на диспутах с антирелигиозниками, причем нам известны факты обращения – под влиянием его бесед, людей абсолютно неверующих.

Просим, Владыко, Ваших молитв и благословения.

Екатерина Блумберг

Рудольф Блумберг

Клавдия Датова

14 марта 1929 г., г. Москва.

При сем прилагаем Ставленническое дело Епископа Василия (в копии)».

И, наконец, последний потрясающий человеческий документ – письмо епископа Василия из лагеря.

Приводим полностью это письмо, написанное 33 года тому назад полустершимся от времени карандашом:

«Воскресенье, Вышерский концлагерь №2
210 пункт Тифозная палата.
16/VI-29 г.

Единственно законному и Православному
Первоиерарху Русской Церкви,
заместителю Местоблюстителя Патриаршего

Престола, Высокопреосвященному
Митрополиту Нижегородскому,
страждущего Епископа, бывшего
архипастыря Религиозного объединения
«Союза Церковного Возрождения»,
смиреннейшего Василия

Заявление

Находясь еще на свободе, я возбуждал вопрос о моем объединении со Святой Православной Русскою Церковью, но так и остался невоссоединенным. Ко времени предполагавшегося нами в ноябре месяце 1928 года съезда я был лишен свободы. Здесь, в изгнании, я, исполняя священные обязанности (и добровольно) брата милосердия, видимо, заразился и слег в постель. Смерть не страшна при твердой вере в бессмертие, но кошмарно – умирать вне единения с Православной Церковью. Припадаю к Вам, любвеобильный Владыко, имеющему власть вязать и решить с Возглавляемым Вами Синодом от церковно-канонических преступлений.

Я – преступник, раздирающий хитон Христа, но горячо любящий Веру Православную – простите и отпустите меня с миром, если Богу будет угодно переселить меня в вечные обители. На ссылку и на свою тяжелую болезнь смотрю, как на горнило, очищающее мою святительскую совесть.

Поспешите на помощь, дайте спокойно умереть. Мне дадут в руки Вашу грамоту, когда закрою глаза...

Слава Богу за все!

*Искренне преданный и любящий Вас,
просящий Ваших молитв Епископ Василий.*

Адрес: город Чердынь, Вышерский концлагерь ОГПУ №2,
Лебедеву Василию Петровичу.

От прежних заблуждений я категорически отказываюсь и их категорически порицаю. Лгать Епископ, смотрящий в глаза возможной смерти, я полагаю, не может.

Пишу при высокой температуре, но при ясном сознании.

Е.В.

В цензуру.

Убедительно прошу пропустить по адресу это заявление и тем самым выполнить мою, быть может, последнюю просьбу. Я нахожусь здесь исключительно за свои убеждения. К Соввласти с самого начала ее бытия я добросовестно относился. Но это не значит, что я должен разделять и материалистическую идеологию, да и среди преподанных свобод есть и священная свобода индивидуальных убеждений. Я не враг власти и приветствую ее мероприятия, направленные к улучшению народа, и только борьба с индивидуальными убеждениями меня смущает. Я считаю это... (Последние три слова неразборчивы. – Авт.) *Лебедев*».

Подпись красным карандашом рукой митрополита Сергия: «В Синод».

Надпись зеленым карандашом (той же рукой): «Принять, обсудить потом».

Этим документом кончаются все сведения об епископе. Известно лишь, что болезнь, о которой он пишет, не была последней. Уже в тридцатых годах его видели в Вологде, в пересыльной тюрьме (он спал под нарами). Далее его следы теряются... видимо, он погиб в лагерях, так и не увидев свободы.

После ареста епископа Василия Лебедева (в ноябре 1928 года) деятельность Союза «Церковное Возрождение» прекращается навсегда...

Божественная литургия, рецензированная по чиnam
древних литургий митрополита Антонина
Москва, 1923 г.

Божественная литургия

Царские врата открываются.

Диакон: – Благослови, Владыко.

Священник: – Благословенно Царство Отца и Сына, и Святого Духа, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Диакон: – В мире Господу помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – О мире свыше, об оставлении грехов наших и спасении душ наших Господу помолимся. О благосостоянии во всех городах святых Божиих церквей и единении между собою всех верующих Господу помолимся.

О Церкви нашей, о народе нашем и стране, о граде нашем, о нашей общине, даровать нам благоденствие и преуспевание и сохранять нас провозжающими жизнь в добродетели по вере Господу помолимся.

Об имеющих власть, чтоб под их управлением умножались правда, любовь и благоденствие в стране, Господу помолимся.

О святом храме сем, с верою, благоговением и образом Божиим входящих в него Господу помолимся.

О православном епископстве, верно преподающих слово Господней истины, о священниках, исполняющих священство в чистоте и святости, о диаконах, служащих в благоговении и честности, Господу помолимся.

О всечестном отце нашем (епископе имярек) и о священном клире храма сего, о здравии и спасении их, Господу помолимся.

О подвизающихся в девстве и чистоте, о вдовствующих и сиротах, о живущих в супружестве и чадородии, воспитывающих чад в страхе Божием, Господу помолимся.

О младенцах и детях Церкви, да усвоит их Господь в страхе Божием и приведет в меру возраста Церкви Своей на полноту и процветание, Господу помолимся.

О всей полноте Церкви, да сохранит ее Христос Бог и соблюдет всех в православной вере до последнего издыхания, Господу помолимся.

О предстоящих и по благословным причинам отсутствующих брати-

ях наших и прочих православных, где бы они ни были, да будет Христос Бог благостен к ним и защитою воинства святых сил сохранит их, Господу помолимся.

Об успокоившихся отцах и братьях наших, в истинной вере во Христа скончавшихся, о покое, тишине и блаженной памяти их, Господу помолимся.

Друг о друге, да сохранит нас Христос Бог и соблюдет Своей милостию до конца, избавит нас от всякого зла, от соблазна людей, творящих беззакония, и введет в Царство Свое Небесное, Господу помолимся.

О благорастворении воздуха, изобилии плодов земных, о временах мирных к довольству жития и благоденствию – Господу помолимся.

Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатью.

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми призывая, самих себя и друг друга, и все житие наше Христу Богу предадим.

Народ: – Тебе, Господи.

Примечание. Все молитвы священник читает вслух.

Священник: – Господи, Боже наш, Твоя Держава безмерна и человеколюбие неизреченно. Сам, Владыко, по милосердию твоему, призри на нас и на святой храм сей и окажи нам обильные милости твои. Ибо Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Поется 1-й антифон. (Пс. 102. ст.1,2,3,4,8.)

Благослови, душе моя, Господа и все силы мои Имя Святое Его.

Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его. Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои. Избавляет от могилы. Венчает тебя милостью и щедротами. Щедр и милостив Господь. Долготерпив, многомилостив.

Благослови, душе моя, Господа и все силы мои Святое Имя Его. Благословен Ты, Господи.

Малая ектения

Диакон: – Еще и снова в мире Господу помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею Благодатью.

Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Богородицу нашу Владычицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми призывая, сами себя и друг друга и все житие наше Христу Богу предадим.

Народ: – Тебе, Господи.

Священник: – Господи, Боже наш, спаси народ Твой и благослови достоинство Твое, полноту Церкви Твоей сохрани любящих благолепие дома Твоего, и прославь их Божественною Твоею Силою и не оставь нас, уповаю-

щих на Тебя. Ибо Твоя держава и Твое царство, и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Поется 2-й антифон. (Пс. 145, ст. 1,2,5,10.)

Хвали, душа моя, Господа.

Малая ектения

Священник: – Даровавший нам общие и согласные молитвы, обещавший двоим или троим, согласившимся во Имя Твое, исполнять прошения, Сам и ныне исполни прошения тружеников Твоих, доставляя нам и в настоящем веке разумение жить по правде и в будущем жизнь вечную даруя.

Ибо Ты благой и человеколюбивый Бог и тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу теперь и всегда и во веки веков.

Аминь.

Народ: – Во царствии твоём помяни нас, Господи.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радайтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

Малый вход

Диакон: – Господу помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Священник: – Владыко, Господи Боже наш, оставивший на небесах сонмы ангелов и архангелов и служение Твоей славе. Да будет со входом нашим вход святых ангелов – сослужащих нам и сославословящих Твою благодать. Ибо Тебе подобает всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Диакон: – Благослови, Владыко, святой вход.

Священник: – Благословен вход во святой алтарь теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Диакон: – Возденьте руки ваши в святилище и благословите Господа.

Народ: – Приидите, поклонимся и припадем ко Христу, Сыне Божий, воскресший из мертвых, спаси нас, поющих Тебе.

Аллилуйя.

Тропарь (при архиерейской службе выклички).

Диакон: – Господу помолимся.

Священник: – Боже Святой и достохвальный, Крепкий и Бессмертный, во святых почивающий и благочестивых сердец не оставляющий, в трисвятой песни воспеваемый Серафимами и славословимый Херувимами, поклонением почитаемый всеми небесными силами. Удостоивших нас, смиренных и недостойных тружеников Твоих, в час сей предстать – пред Лицом Твоим и должное Тебе поклонение и славословие приносить.

Сотвори так, чтобы возносили Тебе не только небесное песнопение, но и чистоту души, и заменяли, как песнь, так и место ангелов, даруй, чтобы мы, употребляя песнопение горных сил и Твое прославление, приобрели и любовь и добрую жизнь через исправление и дай нам во благодати служить Тебе все дни жизни нашей во молитвах святой Богородицы и всех святых, от века Тебе благоугодивших, ибо Ты Свят, Боже наш, и Тебе славу мы посылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и всегда.

Диакон: – И во веки веков.

Народ: – Аминь.

Народ: – Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас (трижды).

Слава и ныне, Святой Бессмертный, помилуй нас.

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас.

Архиерейский возглас: – Приинки с неба, Боже, и воззри, и посети этот виноградник. И будь покровом над тем, что насадила десница Твоя.

Диакон: – Внимание.

Священник: – Мир всем.

Чтец: – И духу Твоему. Прокимен, глас...

Народ: (Поет прокимен.)

Чтец: – К ... послание Святого Апостола Павла чтение.

Диакон: – Внимание.

Чтец читает Апостола, по окончании которого:

Народ: – Аллилуйя (трижды).

Диакон: – Благослови, Владыко, благовестителя Святого, славного всехвального Апостола и Евангелиста (имя) да даст тебе, благовествующему, многую силу к действию Евангелия возлюбленного Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа.

Диакон: – Аминь.

Священник: – Мир всем.

Народ: – И духу твоему.

Диакон: – От (имя) Святого Евангелия чтение.

Народ: – Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

Диакон: – Внимание.

(Читает Евангелие, по окончании которого.)

Народ: — Слава Тебе, Господи, слава Тебе.

Диакон: — Воззовем все от всей души и от всего помышления нашего воззовем.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Господи, Вседержатель, Боже отцов наших, молимся Тебе, услышь и помилуй.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: — Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молимся Тебе, услышь и помилуй,

Еще молимся о недугующих братьях наших, да избавит их Господь от болезни и немощи и возвратит здоровыми Церкви Своей.

Еще молимся о всякой душе христианской, страждущей и бедствующей, в милости и помощи Божией нуждающейся, даровать ей ослабу и избавление. Еще молимся о враждующих и ненавидящих нас, да умягчит Господь ярость их и рассеет гнев их против нас, и о друзьях наших, которых мы знаем и которых мы не знаем, да помянет их Господь в благости Своей и явит им милосердие Свое.

Еще молимся о всех, заповедовавших нам помянуть их в молитвах и прошениях наших, да избавит их Христос от всякого зла.

Еще молимся о путешествующих, привестись им на место благополучно, возвратиться к родным радующимися и здоровыми. О находящихся в плену и ссылках, в темницах и во узах, помиловать их и избавить всех.

Еще молимся о делающих приношения и творящих добро во святых церквах, в общине нашей, дающих бедным милостыню, да вознаградит их всеблагий Бог пренебесными Своими Дарами и ниспошлет благодать благословения на все их дела.

Еще молимся о блаженных и приснопамятных создателях святого храма сего и о всех, прежде почивших, отцах и братьях наших, здесь лежащих и повсюду, православных.

Еще молимся о трудящихся и служащих во святом храме сем, поющих и предстоящих людях, ожидающих от Бога великой и богатой милости. *Священник:* — Господи, Боже наш, прими усердное моление сие от Твоих тружеников и помилуй нас по множеству милости Твоей и ниспошли щедроты Твои на нас и на весь народ Твой, ожидающий от Тебя обильной милости... Ибо Ты милостивый и Человеколюбивый Бог и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: — Аминь.

Ектения

Диакон: — В наступающий час жертвоприношения еще в мире Господу помолимся.

Народ: — Господи, помилуй.

Диакон: – Да примет прошения сердца нашего, простит грехи наши и помилует нас, Господу помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Священник: – Благодарим Тебя, Господи Боже сил, и сподобившего нас предстать и ныне пред святым Твоим жертвенником и припасть к щедротам Твоим о наших грехах и грехах людского неведения. Прими, Боже, молитву нашу, сделай нас достойными приносить Тебе молитвы и моления и бескровные жертвы от лица всего народа Твоего.

И нас, поставленных Тобою на эту службу, содейлай способными силою Святого Духа Твоего неосужденно и непреткновенно, с чистым свидетельством совести нашей, призывать Тебя на всяком месте, дабы, внимая нам, Ты был милостив к нам по множеству благодати Твоей. Ибо Тебе подобаает всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Диакон: – Еще и снова взыдут молитвы наши и прошения наши к Престолу Господня владычества.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – Да дарует нам Господь в вере и правде – подвизаться в добрых делах и преуспевать в исполнении Святой воли Его.

Народ: – Господи, помилуй.

Священник: – Опять и многократно припадаем к Тебе и молимся Тебе, благой и человеколюбивый, дабы Ты – призрев на моление наше – очистил наши души и тела от всякой скверны плоти и духа и даровал нам неповинное и неосужденное стояние перед святым Твоим жертвенником. Даруй же нам, Боже, преуспевание в жизни и в вере и в наставлении духовном. Дай нам, чтобы мы со страхом всегда и любовью служа Тебе, неповинно и неосужденно причащались Святых Твоих Таин и сподобились небесного Твоего Царства.

Дабы мы, под державою Твоею всегда хранимые, Тебе славу воссылали Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Херувимов таинственно изображающе и Животворящей Троице трисвятую песнь воспевающе, всякое ныне житейское отложим попечение.

(Во время пения священник молится тайно, а диакон совершает каждение.)

Священник: – Никто из связанных плотскими похотями и наслаждениями недостойн приступить или приближаться или служить Тебе, Царю славы: ибо служение Тебе велико и страшно самим небесным силам. Однако, по неизреченному и безмерному Твоему человеколюбию Ты непреложно и неизменно сделался человеком и стал Архиереем нашим и предал священнодействие сей литургийной и бескровной жертве, как Владыка всего. Ибо Ты один, Господи Боже наш, владычествуешь небесным и земным, на престоле херувимском носимый, Господь Серафимов и Царь Израиля, Един

Святой и во святых почивающий. Посему, умоляю Тебя, единого, благого и благопослушливого, призри на меня, грешного и непотребного труженика Твоего, и силою Святого Духа содейлай меня, облеченного благодатью священства, достойным предстать пред сею Святой Твоей Трапезой и священнодействовать Святое и Пречистое Твое Тело и драгоценную Кровь. Я прихожу к Тебе, преклонив свою главу и молю Тебя, не отврати лица Твоего от меня и не отвергни из служителей Твоих меня, но удостой, чтобы Дары сии и от меня были принесены, смиренного и грешного и недостойного служителя Твоего. Ты – приносящий и приносимый, принимающий и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со безначальным Твоим Отцом и Пресвятым и благим и Животворящим Твоим Духом ныне и всегда и во веки веков.

Великий вход

Диакон: – Всечестного отца нашего (епископа имя рек) и честный клир святого храма сего да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков.

Священник: – Плодоносящих, добротворящих и трудящихся во святом храме сем, общину святого храма сего и вас всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царстве Своем, всегда, ныне и присно и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Дабы принять Царя всех, невидимо ангельскими чинами сопровождаемого. Аллилуйя. (Трижды.)

Просительная ектения

Диакон: – Исполним молитву нашу ко Господу.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, твоей благодатью.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – Настоящий день провести весь в совершенстве, свято, мирно и безгрешно, у Господа просим.

Народ: – Подай, Господи.

Диакон: – Ангела мира, верного наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим.

Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим. Доброго и полезного душам нашим и мира миру у Господа просим. Остальное время жития нашего в мире и покаянии окончить у Господа просим.

Христианской кончины жития нашего, безболезненной и непостыдной и мирной, и доброго ответа на Страшном Суде Христовом просим.

Диакон: – Единение веры и общение Святого Духа – прося, сами себя и друг друга и все житие наше Богу Христу предадим.

Народ: – Тебе, Господи.

Молитва из литургии св. Амвросия Медиоланского

Священник: – Да будет умиловительно и благоприятно Тебе сие приношение, которое мы приносим Тебе о спасении и благосостоянии тружеников Твоих, за кого мы умоляем милостью Твоею и за всех православных христиан, как живых, так и умерших; дабы они по милосердию Твоему сподобились получить прощение грехов и воздаяние вечного блаженства, верного пребывания в хвалах Твоих к славе и чести Имени Твоего, щедротами Единородного Сына Твоего, с ним же Ты благословен со Пресвятым и Благим и животворящим Духом ныне и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Священник: – Мир всем.

Народ: – И духу твоему.

Диакон: – Возлюбим (облобызаем) друг друга, чтобы единомыслием исповедать.

Народ: – Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную, как исповедуем.

Чтец: – Верую во Единого Бога Отца и т.д.

Диакон: – Будем стоять благопристойно, будем стоять со страхом, будем со вниманием святое возношение в мире приносить.

Народ: – Плод (или елей) мира, жертву хваления.

Священник: – Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога и Отца и общение Святого Духа да будет со всеми нами.

Народ: – И со духом твоим.

Священник: – Горе вознесем сердца.

Народ: – Мы ими ко Господу.

Священник: – Будем благодарить Господа.

Народ: – Достойно поклоняться и Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной.

Священник: – Достойно и праведно Тебя воспеть, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего, ибо Ты – Бог неизреченный, неведомый, невидимый, непостижимый, всегда сущий, одинаковый, Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святой. Ты привел нас из небытия в бытие и ниспадших восстановил опять и не перестал совершать все, доколе нас на небо возвел и даровал Царство Твое будущее.

За все сие благодарим Тебя и Единородного Твоего Сына и Духа Твоего Святого, за все, что мы знаем и чего не знаем, явные и сокровенные

благоденствия, бывшие на нас. Благодарим Тебя и за службу сию, которую ты благоволишь принять из наших рук, хотя тебе предстают тысячи архангелов и сонмы ангелов, херувимы и серафимы шестикрылатые, многоочитые, превышние, окрыленные.

Победную песнь поюще, внимающе, взывающе и глаголюще.

Народ: – Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, небо и земля полны славы Твоя. Осанна в вышних, благословен грядущий во Имя Господне. Осанна в вышних.

Священник: – С сими блаженными силами, Владыко Человеколюбче, и мы возглашаем и говорим: Свят и Пресвят Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святыи Свят и Пресвят и великолепна Слава Твоя. Ты мир так Твой возлюбил, что Сына Своего Единородного отдал, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Он пришел, и все устроев исполнив, в ночь, в которую был предан, скорее Сам Себя предал ради жизни мира, взяв хлеб во святые Свои и Пречистые непорочные руки, благодарив и благословив, освятив, преломив, преподал святым Своим ученикам и Апостолам, сказав:

Приимите, едите, оно есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов.

Народ: – Аминь.

Священник: – Также и Чашу, после вечери взяв и растворив в ней вино и воду, благословил и, освятив, преподал Святым Своим ученикам и апостолам и сказав:

Пейте из нее все, сия есть Кровь Моя Нового Завета, за вас и многих проливаемая во оставление грехов.

Народ: – Аминь. Отче наш, отдавший Сына Своего на смерть за нас, ради изливаемой Крови Его, помилуй нас.

Священник: – Сие творити в мое воспоминание, ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете Чашу сию, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедуете.

Народ: – Смерть Твою, Господи, возвещаем, воскресение исповедаем и второго пришествия Твоего ожидаем. Да будут, Господи, милости Твои на нас.

Священник: – Итак, Владыко, вспоминая сию спасительную заповедь и все ради нас совершается: Крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса вознесение, второе и славное опять пришествие.

Твое из Твоего, Тебе приносяще, о всех и за все.

Народ: – Тебя воспеваем, Тебя благословляем, Тебя благодарим, Господи, и молимся Тебе, Боже наш, пожалей и помилуй нас.

Диакон: – Великий и святыи час: Живыи и Святыи! Дух нисходит с горных небесных высот и почиет и пребывает на сей предложенной Евхаристии и освящает ее. Помолимся в благоговении.

Народ: – Господи, помилуй. (Трижды.)

Священник: – Приносим Тебе сию словесную и бескровную службу и просим, молим и умоляем: Господи... Пресвятого Твоего Духа в третий час

Апостолом Твоим ниспославший, Того, Благий, не отыми у нас, но обнови нас, молящихся Тебе, и ниспошли Его со святой высоты Твоей из неопи- санных недр на предлежащие дары сии.

Диакон: – Боже, создай во мне чистое сердце и дух правый обнови внутри меня.

Священник: – Господи, Пресвятого Твоего Духа...

Диакон: – Не отвергни меня от Лица Твоего и Духа Твоего Святого не отними от меня.

Священник: – Господи, Пресвятого Твоего Духа...

Диакон: – Благослови, Владыко, Святый хлеб...

Священник: – И сотвори хлеб сей честным Телом Христа Твоего.

Народ: – Аминь.

Диакон: – Благослови, Владыко, Святую Чашу...

Священник: – А то, что в Чаше – честною Кровью Христа Твоего.

Народ: – Аминь.

Диакон: – Благослови, Владыко, обое.

Священник: – Преложив Духом Твоим Святым.

Народ: – Аминь. (Трижды.)

Диакон: – Помяни меня, святой Владыко.

Священник: – Да помянет тебя Господь Бог во Царствии Своем теперь и всегда и во веки веков.

Диакон: – Аминь.

Священник: – Да будут Дары сии для причащающихся к плодотворности добрых дел, в бодрость души, во оставление грехов, во общение Святого Твоего Духа, к достижению царства, к дерзновению перед Тобой, не в суд или во осуждение. Еще приносим Тебе сию словесную службу и жертву хвалы, имея через Христа общение и – ублажая Праотцев, Отцов, Патриархов, Пророков, Апостолов, Проповедников, Евангелистов, Мучеников, Подвижников и всякого праведника, в вере достигшего совершенства. Особенно же, Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу Нашу Богородицу и Приснодеву Марию.

Народ: – Достойно ублажить тебя действительную Богородицу, присно- блаженную и непорочную и Матерь Бога Нашего. Честнейшую Херуви- мов, Славнейшую без сравнения Серафимов, без истления Бога Слово ро- дившую, сущую Богородицу Тебя величаем.

Священник: – Еще приносим Тебе словесную сию службу и жертву хвалы, ублажая Святого Пророка Предтечу и Крестителя Иоанна, святых, слав- ных и всехвальных Апостолов, Святого (храма и дня), его же память ныне совершаем и всех святых Твоих, их же молитвами посети нас, Боже ты, Господи, принял их в сонм святых Твоих, в славные, невестественные и превышние обители. Сотвори, Блаже, и нас участниками их в Церкви пер- вородных. И так как они, подражая Твоему всехвальному милосердию и любви Твоей к роду человеческому, возносят Тебе за нас непрестанные прошения и моления, то и мы воспоминанием призываем их, дабы нам под

кровом памяти и ходатайства через них иметь смелость приступить к Тебе и совершать сие страшное и всяческое служение. Очисти же наши грехи, как ради их святых молитв, так ради Святого Твоего Имени, которое наречено на нас.

Народ: — Аминь.

Диакон: — Еще поминаем всех усопших верных, в истинной вере скончавшихся, почивших и перешедших к Тебе, Богу духов и всякой плоти. Просим, припадаем и молим Тебя, Христе Боже, принявшего к Себе их души, по множеству милосердия Твоего яви их оправданными, получившими оставление согрешений и отпущение грехов.

Народ: — Господи, помилуй. (*Трижды.*)

Священник: — Помяни, Господи, также прежде почивших священнослужителей и всех, трудившихся в церквах, отшедших от сей жизни, даруй им упокоение, избавь их будущего вечного осуждения и сотвори их достойными радостей во Свете Лица Твоего, через Господа нашего Иисуса Христа, Единородного Сына Твоего, через которого и мы надеемся получить помилование и прощение грехов, даруемые нам и им ради Его.

Народ: — Господи, помилуй. (*Трижды.*)

Священник: — Помяни, Боже, всех усопших в надежде воскресения и жизни вечной и всех их души упокой в обителях Святых Твоих, даровав им в царстве Твоем обещанные Тобою блага, каких глаз не видел и ухо не слышало и на сердце человеку не приходило, какие Ты, Боже, уготовал любящим Имя Твое. (*Тут молящиеся творят про себя поминание.*)

Помяни, Господи, имена всех тех, имена которых мы перечисляем, и тех, которые не приходят нам на память. Их души упокой, где ласкает Свет Лица Твоего. Даруй им место прохлады, света и мира через Христа Бога нашего.

Народ: — Упокой, Боже, их, помилуй и прости согрешения всех нас.

Священник: — Еще молим Тебя, помяни, Господи, всякое епископство православных, верно преподающих слово Твоей Истины, всякое пресвитерство во Христе, диаконство и весь церковный чин и всякую службу на благо церкви Твоей.

Еще приносим Тебе сию словесную службу о вселенной, о святой, соборной и апостольской Церкви, пребывающих в чистоте и честной жизни, о всех предстоящих, вера и любовь которых известна Тебе и благочестие ведомо Тебе, за которых мы приносим Тебе сию жертву хвалы или которые приносят Тебе моление за себя и за всех своих же близких, за избавление душ своих, за надежду спасения, и благополучия своего.

Дай нам, Господи, проводить тихую и безмятежную, во всяком благочестии и чистоте, жизнь.

Во первых, помяни, Господи, всечестного отца нашего епископа (имярек), даруй его святой Твоей церкви в мире, целым, честным, здоровым, долгоденствующим, верно преподающим слово Твоей Истины.

Народ: — И верных всех.

Священник: – Помяни, Господи, город, в котором мы живем, и всякий город и страну, и верою живущих в них. Помяни, Господи, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, в темницах заключенных, в изгнании пребывающих, лишения терпящих, бедствующих всех, нуждающихся в Твоей помощи, Господи, помоги всем, терзающимся скорбями и тяжкими недугами и спаси их. Находящихся в нуждах избавь, голодных напитаи, вдов поддержи, сирот защити, малодушных утешь, заблудших обрати, омраченных просвети, колеблющихся утверди, больных уврачуи всех, Благий, приведи на путь спасения. Нас же всех – очисти от беззаконий наших, став Защитником и Покровителем нашим во всем.

Помяни, Господи, творящих приношения и делающих добро во святых Твоих церквях и заботящихся о бедных... Приими их жертвы, велики они или малы, тайны или явны, и тем, которые хотели бы принести, но не имеют откуда взять, вместо тленного нетленным, вместо земного небесным, вместо временного вечным. Благослови их духовными благословениями, утешь их неоскудевающими же благами и надеждою обетований данных Святым Твоим.

Помяни, Господи, всех заповедовавших нам поминать в молитвах их, о ком мы всегда совершаем поминание и кого каждый из нас имеет в уме, и тех, поминовение которых мы совершаем сегодня. Будь им стеною крепкою и утверждением от злых людей. И на всех нас милости Твои ниспошли.

И дай нам едиными устами и единым сердцем прославлять и воспевать всечестное и великолепное имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа теперь, всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Священник: – И да будут милости Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми нами.

Народ: – И со духом твоим.

Ектения

Диакон: – Всех святых помянувши, снова и еще в мире Господу помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – О принесенных и освященных честных Дарах Господу помолимся.

Очиститься нам от всякой скверны и нечистоты, мстительности, зависти и злопамятования и неосужденно небесные и бессмертные принять Дары Господу помолимся.

Да взойдет приношение наше на горный жертвенник – пред Лицо Божественного величества – и будет благоприятно и умилостивительно и низведет нам милосердие Божие, помолимся.

Человеколюбец, Бог наш, приняв Дары сии во святыи и пренебесный и мысленный свой жертвенник, как аромат духовного благоухания, да ниспошлет нам Божественную Милость и дар Святого Духа, помолимся.

Да будут Святые Дары всем, принимающим их, к утверждению веры, нелицемерной любви, совершенного терпения, твердой надежды, уверенности, ограждения здравия, радости и обновления духа и крепости тела к исполнению благодати и всякого небесного благословения, помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – Дабы, насытившись Божественного Дара и Святых Тайн, обновиться нам житьем своим в блаженное общение жизни вечной и нетленной и во оставление грехов, помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Диакон: – Святые Тайны да дарует нам небесное врачество и очистят пороки сердца нашего, помолимся.

Народ: – Господи, помоги нам.

Диакон: – Святые Дары да исполнят нас и духовной пищей и телесною помощью да послужат нам, помолимся.

Народ: – Господи, сотвори так.

Диакон: – Единение веры и общение Святого Духа испросившие, сами себя и друг друга и все наше житье Христу Богу предадим.

Народ: – Тебе, Господи.

Священник: – Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отче щедрый и Боже всякой утехи, носимый херувимами и прославляемый серафимами, Ему же предстоит сонм ангелов, горное небесное воинство, благоволивший принеженные Тебе от нас честные Дары свершить и освятить Телом и Кровью Христа Твоего, сошествием Святого Духа Твоего освяти, Господи, и наши души, и тела, и сподоби нас, Владыко, иметь смелость с чистым сердцем, светлою душою и без стыда, со дерзновением, неосужденно сметь Тебя призывать, Небесного Бога Отца, и глаголать:

Народ: – Отче наш, пребывающий на небесах, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле. Хлеб наш насущный дай нам сегодня и остави нам долги наши, как мы оставляем должникам нашим. И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

Священник: – Ибо Твое Царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Священник: – Мир всем.

Народ: – И духу твоему.

Диакон: – Пред умилоостивительным жертвенником Господним, пред Телом и Кровью Христа Спасителя нашего – главы ваши преклоните.

Народ: – Тебе, Господи.

Священник: – Благодарим Тебя, невидимый Царь, создавший все неизмеримую Твоею силой и по множеству милости Твоей приведший все из небытия в бытие. Сам, Владыко, призри с небес на преклонивших Тебе главы свои. То, из чего слагается наша жизнь, устрой всем нам во благо соразмерно с собственною нуждою каждого, благодатию и щедротами и

человеколюбием Единородного Сына Твоего, с Ним же Ты благословен, со пресвятым и благим и животворящим Твоим Духом, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Диакон: – Силы небесные стоят с нами во святилище и совершают служение Тайнам Сына Божия, заклавшегося за нас. Приступите и примите от Него оставление грехов.

Народ: – Аллилуйя.

Царские врата закрываются.

Священник: – Внемли, Господи Иисусе Христе Боже наш из Святого лица Твоего и прииди освятить нас, горе сидящий вместе с Отцом и здесь невидимо с нами пребывающий, сподоби державною Рукую Твою преподать нам Пречистое Тело и Честную Кровь и через нас Твоему народу.

Диакон: – Внимание.

Священник: – Святое Святым.

Народ: – Един Свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь.

И поется причастный стих.

Диакон: – Со страхом Божиим и верою приступите.

Народ: – Благословен грядущий во имя Господне. Бог Господь, Он явился нам.

Священник: – Спаси, Боже, народ Твой и благослови и достояние Твое.

Народ: – Мы увидели истинный свет, приняли Духа Небесного, обрели веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся: Она спасла нас.

Священник. (Тайно.): – Благословен Бог наш. *(Потом вслух.)* Всегда ныне и присно и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Да исполнятся наши уста хваления Твоего, Господи, – чтобы нам воспевать Славу Твою, тем, кого Ты сподобил причастить Святых Твоих Божественных Бессмертных и Животворящих Тайн. Соблуди нас в Твоей Святости, весь день научаться правде Твоей.

Аллилуйя.

Ектения

Диакон: – За совершение Святого Таинства и ниспослание благодати Святого Духа возблагодарим Господа.

Народ: – Благодарим Тебя, Боже, вовеки.

Диакон: – За дарованные нам Тело и Кровь Христовы во спасение и блаженной жизни наслаждение благословим Господа.

Народ: – Благословен Ты, Боже, вовеки.

Диакон: – За то, что мы сподобились приносить перед Его величием Христову жертву и наши моления, прославим Господа.

Народ: – Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе.

Диакон: – Испрашивая проведение дня свято, мирно и безгрешно, сами себя и друг друга и все житие наше Христу Богу предадим.

Народ: – Тебе, Господи.

Священник: – Ты даровал нам, Владыко, освящение в причащении всесвятейшего Тела и драгоценной Крови Единородного Твоего Сына. Сохрани же нас непорочными в жизни и введи в совершенное искупление и усыновление и в будущие вечные наслаждения. Ибо Ты освящение наше и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Священник: – В Мире выйдем.

Народ: – Во имя Господне.

Диакон: – Господу помолимся.

Народ: – Господи, помилуй.

Священник: – Благословляющий благословляющих Тебя, Господи, и освящающий надеющихся на Тебя, спаси народ Твой и благослови достояние Твое. Полноту Твоей Церкви сохрани, освяти любящих красоту Твоего храма. Ты их прославь божественною Твоею Силою и не оставь нас надеющихся на Тебя. Даруй мир Твоему миру, Твоим Церквам, священникам и всему Твоему народу, ибо всякое доброе даяние и всякий совершенный дар нисходит свыше от Тебя, Отца светов, за то и воссылаем Тебе славу и благодарение и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда и во веки веков.

Народ: – Аминь.

Да будет имя Господне благословенно отныне и до века. *(Трижды.)*

Священник: – Благословение Господне на вас, Того, благодатию и человеколюбием, теперь и всегда и во веки веков...

Народ: – Аминь.

Священник: – Слава Тебе, Христе Боже наш, слава Тебе.

Народ: – Слава и ныне. Господи, помилуй. *(Трижды.)* Благослови.

Священник: Обычный отпуск.

Народ: Многолетие».

(Главлит №8189, Москва. Тираж 5 000. Типография Моск. полиграфического и-та. Б.Лубянка, 16).

Епископ Антонин Грановский и его значение в истории Русской Церкви

Одним из самых больных вопросов богословия является проблема «Церковь и прогресс». Особенно болезненно эта проблема всегда воспринималась в России. В древние времена христианская церковь была синонимом прогресса: все самое гуманистическое, светлое и передовое (в философии, литературе, социальной и политической жизни) опиралось на церковь. Идет ли речь о рабстве – его свержению помог не Спартак, а воины Константина Великого. Резкая критика рабовладельческого строя не у Платона, Марка Аврелия – стоиков и неоплатоников, а у Григория Нисского¹. Идет ли речь о богатстве – его сокрушительную критику мы находим у Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста.

Такую же роль играла Церковь и в Древней Руси, когда она собирала Русь, создавала письменность и национальную культуру, боролась против княжеских усобиц и царского деспотизма (митрополит Филипп).

Не то – в XIX веке: идет ли речь о борьбе против крепостного права – мы не видим, чтобы Церковь была среди борцов против него. Идет ли речь о борьбе с произволом, телесными наказаниями («Письмо Белинского к Гоголю») – мы не видим, чтобы Церковь была среди борцов против этих темных явлений русской жизни. Идет ли речь о борьбе за свободу – Церковь осуждала эту борьбу.

Атеист скажет: «Это потому, что христианство отжило свой век и превратилось в реакционную силу». Консерватор скажет: «Это потому, что вся эта борьба не нужна для спасения душ». Церковный оппортунист предложит: «Это было ошибкой иерархов, и не будем это и вспоминать – давайте лучше приспособимся ко всяким условиям».

Но христианская совесть с негодованием отвергает и все три ответа.

Совершенный абсурд говорить о том, что христианство отжило свой век: проповедь любви и правды, которая является сущностью Евангелия, не может ни отжить, ни устареть. Если же отживет христианство, то отживет и человечество, превратившееся в стадо диких зверей, ибо нельзя строить общество на основе учения, которое проповедует, как высшую муд-

¹ Могут указать на то, что апостол Павел не призывал к восстанию рабов и даже признавал в известной степени рабство. Он действительно поступал таким образом – и поступал правильно. Как показал опыт Спартака и других восстаний, революция рабов была совершенно невозможна. Однако, мирясь с существованием рабства, апостол сделал все максимально возможное, чтобы его смягчить. Раб – такой же человек, как рабовладелец: такова основная мысль апостола.

рость, дикарский тезис о том, что «умрет человек – и лопух вырастет» и «человек – это ученая обезьяна».

Совершенно несостоятельной является и точка зрения обскурантов, считающих, что кнут, розги, оковы совместимы с христианством, потому что так могут рассуждать лишь люди, в которых нет любви, сострадания к человечеству. Вряд ли таких людей можно признать истинными христианами, «Глаголет себе во свете быти, а брата своего ненавидя, во тьме есть доселе». (Посл. Иоанново 2-9.)

Худшей из всех является третья точка зрения, это точка зрения лакея, который готов целовать руки любому барину, имеющему власть и деньги, чтобы немедленно повернуться к нему спиной, как только он разорится. Но Яшка из «Вишневого сада», который грубит обедневшему Гаеву, перед которым он лишь вчера пресмыкался, – неважный прототип для православного христианина.

Из всех трех решений последнее – самое худшее, потому что нет в нем искренности. К счастью, нет никакой необходимости выбирать между этими тремя решениями.

Есть одно – и единственное – решение, это следовать за Христом, ибо он есть Путь, Истина и Жизнь, что соответствует евангельскому учению – помощь бедным, нуждающимся и обремененным (улучшение их жизни и их полная материальная обеспеченность), демократизация жизни (ограждение прав людей, справедливость и равенство всех перед законом), трудовое братство – должно быть принято и одобрено. Все, что не соответствует Евангелию (жестокость, зверское отношение к любому человеку, кто бы он ни был, ложь и безнравственность), должно быть отвергнуто.

И во внутрицерковной жизни христианин исходит из той же точки зрения: все реформы, которые способствуют моральной чистоте членов церкви, их нравственному обновлению и общению с Богом, – хороши.

Все реформы, которые не способствуют этому (женатый епископат, второбрачие духовенства и т.д.), – должны быть решительно отвергнуты. Приемлемы также только те течения, которые действуют христианскими же методами, все те иерархи, священники, миряне, орудиями которых являются безнравственность, ложь, жестокость, – должны быть изгнаны из церкви. Ибо нельзя, как нас в этом убеждает Библия, касаться святыни нечистыми руками – даже имея благую цель поддержать ее¹.

И вот перед нами вырисовывается новый образ – образ христианина. Всюду, где борются за правду, где *освобождают обремененных*, где кормят алчущих и жаждущих, – там христианин. И всюду, где раздается слово Истины, где люди обновляются духовно, становятся добрее, умнее, чище, ближе к Богу – там христианин.

Но духовное обновление – это и есть движение вперед – прогресс. И христианин – всегда поэтому поборник истинного прогресса.

Этому учил епископ Антонин. Воплощению этих заветов он посвятил всю жизнь – и сам он был таким – всегда и везде, *от рождения до смерти*.

¹ «И когда дошли до гумна Нахонова, Оза простер руку свою к ковчегу Божию (чтобы поддержать его) и взялся за него, ибо волы наклонили его.

Но Господь прогневался на Озу: и поразил его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчегу Божию». (Вторая Книга Царств, 6-6,7.)

«Не ошибается тот, кто ничего не делает», – такова известная, стершаяся от времени, прописная истина. Но это не мешает ей быть истиной.

Поэтому Церковь признает своими учителями людей чистых, праведных, богомудрых – даже в тех случаях, если в отдельных вопросах они ошибались. (Таковы Тертуллиан, Евсевий Кессарийский, Григорий Нисский и Блаженный Августин).

Великим учителем Церкви в деле ее обновления является русский человек, епископ Антонин Грановский.

Пресвященному епископу Антонину вечная, вечная, вечная память!

Вадим Шавров

Епископ Антонин Грановский

Мой друг и соавтор в своем панегирике епископу Антонину все же (правда, нехотя и вскользь) упоминает об его ошибках.

В чем же эти ошибки?

Главной ошибкой епископа Антонина (как признает А.Э.Левитин в другом месте) является раскол.

Случайна ли эта ошибка у Антонина? Не случайна. Сам Антонин всюду и везде подчеркивал, что всю жизнь он стремился к «обновлению церкви», воевал не с безбожием, а со своим законным священноначалием, сделал это смыслом своей жизни. Этой цели он отдал свой талант и всю свою энергию. Благодаря этому, он с самого начала раскола (с 1922 года) стал одним из главных его инициаторов. Правда, впоследствии он порвал и с обновленческим Синодом. Но почему и зачем? Не для того, чтобы вернуться к Церкви, а для того, чтобы стать на путь безудержного, нигилистического сектантского отрицания каких бы то ни было канонических норм. Если обновленцы – это раскольники, люди, нарушившие церковную дисциплину, то Антонин – это уже почти сектант – человек, который противопоставляет Церкви свою собственную личность. Чему же, спрашивается, у Антонина учиться? Искусству раскалывать и разрушать Церковь? Обливать грязью архипастырей? Или, может быть, анархии и необузданному своеволию и сумасбродству?

Все это, конечно, знает и понимает Анатолий Эммануилович. Он, однако, считает, что другие заслуги Антонина перевешивают его ошибки. Но для нас, православных христиан, нет и не может быть таких заслуг, которые перевешивают сознательное разрушение Церкви.

Антонин Грановский – это, быть может, великий расколоучитель, но ни в коем случае не учитель Церкви. Поэтому, желая епископу Антонину, как и всякому человеку, получить прощение его грехов от Милосердия Божия, мы не можем, однако, провозгласить ему Вечную Память.

*Ветер форточку приоткрыл,
Не задев остального здания.
Он подслушать, верно, хотел
Твои подошедшие воспоминания.*
Светлов М. «Рабфаковке»

Закат обновленчества

*А.Краснов
Из воспоминаний*

Кавказ. Пятигорск. Горы. Там воздух чист и небо близко, а далеко, далеко внизу – муравейник: маленькие, маленькие люди...

Я всхожу в горы, одинокий, усталый и больной... Как хорошо в горах ранней весной: солнце над головой, а под ногами хрустит снег. И отчетливо и ясно встают в голубоватой дымке давно ушедшие, полузабытые, замолкшие навсегда.

.....

1938 год. Над Россией пролетел ураган. Огромные опустошения произвел он во всех областях. Особенно пострадала Русская Православная Церковь: десятки иерархов, тысячи священников, огромное количество верующих мирян – ушли из жизни. Ежовщина уничтожила подавляющее большинство русского духовенства. Девяносто пять процентов церквей, существовавших в 20-е годы, были закрыты, и огромное количество их было снесено. Самое понятие «церковь» в умах большинства населения звучало анахронизмом. Незапрещенная официально, Церковь практически была нелегальной организацией, так как малейшее соприкосновение с «церковниками» считалось верным признаком политической неблагонадежности, со всеми вытекающими отсюда последствиями (а последствия были страшные).

«Церковники и сектанты пытаются отравить ядом религии наших детей. Дадим отпор враждебной работе церковников и сектантов», – этот лозунг, выдвинутый впервые в майские дни 1937 года, неизменно появляется среди других лозунгов ЦК ВКП (б) в майские и октябрьские дни на протяжении четырех лет – с 1937-го по 1941-й годы.

Обновленчество разделило судьбу всей Православной Церкви. Власти в это время совершенно перестали делать какое-либо различие между представителями церковных ориентаций.

«Мавр сделал свое дело – мавр может уйти», – этими словами одного из персонажей шиллеровской трагедии «Заговор Фиеско в Генуе» можно охарактеризовать официальную линию по отношению к обновленцам в те годы.

В 1937-1938 годах были арестованы и физически истреблены наибо-

лее видные лидеры обновленчества: Петр Блинов – глава сибирских обновленцев, Петр Сергеев – обновленческий митрополит Ростовский, Василий Челябинский – обновленческий глава Урала. Еще раньше, в 1934 году, был арестован вскоре умерший в заключении Александр Иванович Боярский – виднейший лидер обновленчества, в последние годы своей жизни митрополит Иваново-Вознесенский. В эти годы обновленчеству был нанесен удар в самое сердце: в 1935 году последовал «самороспуск» Синода. Единственным духовным центром обновленчества с этого времени является митрополит Виталий Введенский – бывший председатель Синода. По инициативе проф. Зарина (своего секретаря), митрополит Виталий принимает пышный титул «Первоиерарха Московского и всех православных церквей в СССР». Ему присваивается небывалый титул: «Ваше первосвятительство», и к его имени прилагается эпитет: «первосвященнейший». Однако вся эта внешняя pompa не может скрыть той парадоксальной ситуации, в которой очутилось обновленчество. Ярые противники единоличной власти и сторонники «соборного начала» вынуждены отныне перейти сами к единоличному управлению.

В том же, правда, положении находилась и Православная Патриаршая Церковь, возглавляемая митрополитом Сергием. Власти считали в это время неприемлемым любой коллективный орган церковного управления – соратники Ежова приходили в ужас при одном слове «соборное» управление и совершенно так же, как купчиха у Островского, падали в обморок при слове «жупел».

Однако с ликвидацией Синода отпадал всякий осмысленный повод для раскола, и отныне вся церковная распря сводилась к борьбе лишь за власть между двумя иерархами. Впрочем, мало кто думал в это время о церковных разногласиях. Уцелевшему духовенству было не до теоретических споров. С другой стороны, резкое сокращение храмов исключало возможность выбора для верующих: ходили в тот храм, который уцелел в данной местности, причем принадлежность этого храма к той или другой ориентации определялась чисто случайными факторами. В Средней Азии, на Северном Кавказе и на Кубани все без исключения храмы были обновленческими просто в силу инерции – такими они стали в 20-х годах, благодаря умелой работе местных деятелей. В России, наоборот, обновленческие храмы попадались лишь изредка, а в Сибири (после ареста Петра Блинова) обновленческая организация фактически распалась.

В Москве после 1937 года было семь обновленческих храмов – Воскресенский собор в Сокольниках, Старо-Пименовская церковь и все московские кладбища (Ваганьковское, Дорогомиловское, Пятницкое, Калитниковское и Даниловское) да несколько церквей в пригородах. Засилие обновленческих церквей на московских кладбищах было остатком тех славных времен, когда обновленцы находились в фаворе: тогда кладбища были даны им на «кормление» и были главной статьёй дохода в бюджете обновленческой церкви.

В Ленинграде, после массового закрытия церквей, оставались после 1937 года от бывшего обилия обновленческих храмов лишь две церкви: Спасо-Преображенский собор и небольшая церковка на Серафимовском кладбище.

В обновленческой иерархии также произошли большие и важные изменения: большинство иерархов было арестовано, другие иерархи тихо и скромно ушли на покой и сидели тише воды – ниже травы, по глухим углам, больше всего на свете желая, чтобы про них забыли. В это время происходит совершенно скандальный уход из церкви знаменитого обновленческого деятеля Николая Федоровича Платонова.

Н.Ф.Платонов в 30-е годы начинает занимать в обновленческой иерархии более заметное место и не только спорит за влияние с А.И.Введенским, но уже оттесняет его на задний план. Еще будучи до 1934 года архиепископом Лужским – викарием Ленинградской митрополии – Н.Ф.Платонов держит в своих руках все нити Ленинградской епархии. Будучи настоятелем Андреевского собора на Васильевском острове, Николай Федорович по-прежнему огромной популярностью пользуется среди народа. Снискав жгучую ненависть среди приверженцев строгого православия, которые говорят о нем как об агенте ГПУ и о предателе Церкви, он тем не менее является кумиром для огромной массы прихожан Андреевского собора. Настоятель служит почти каждое воскресенье и каждый праздник. Его ораторский талант достигает в это время своего зенита, и его яркие и эмоциональные речи волнуют слушателей. Его ораторское мастерство все совершенствуется. Если раньше Платонов во время речи не всегда соблюдал определенную меру, доходя в конце речи до истошного крика, то теперь ритм его речи становится все более четким и ясным. Он является в это время хозяином своего темперамента – и пламенные концовки его речей не имеют больше крикливых интонаций. Путем упорной работы над собой Платонов в это время преодолевает свои природные дефекты: гнусавость и шепелявость, его голос звучит во время проповеди мужественно и энергично, лишь в отдельные моменты, по тому напряжению, с которым произносятся отдельные фразы, внимательный слушатель чувствует, как трудно оратору преодолевать свой природный порок речи.

По своему содержанию речи Платонова также представляют собой большой интерес. Летом 1933 года Платонов выступил с кафедры Андреевского собора с целым циклом речей на тему: «Единая Святая Соборная и апостольская Церковь». На эту тему им было произнесено шесть речей, из которых каждая продолжалась не менее двух с половиной часов, а три речи продолжались в течение трех часов с минутами. Речи произносились по воскресеньям, после вечерни с акафистом Спасителю. Облаченный в мантию оратор произносил их, стоя на проповеднической кафедре (слева от алтаря). Не менее 2 тысяч слушателей с пристальным вниманием ловили каждое его слово, каждую интонацию. Четыре речи из шести раскрывали смысл четырех эпитетов девятого члена Символа Веры. Две речи – первая

и последняя – представляли собой вступление и заключение. Шесть речей Платонова не только содержали глубокий богословский анализ учения о Церкви, но и касались широкого круга проблем, связанных с Церковью. Все речи оратора были произнесены с огромным подъемом, и в отдельные моменты чувствовалось искреннее воодушевление. Внимательный слушатель, однако, мог бы услышать в речах оратора нотки пессимизма и неверия в Русскую Церковь, по которым можно было бы догадаться о будущей судьбе оратора. Так, толкуя учение Спасителя о Церкви, как о Камне, который не одолеют врата ада, Платонов даже особо подчеркнул, что обетование Спасителя относится лишь к Вселенской Церкви, а не к отдельным поместным церквам.

«Поместная Церковь, – настойчиво повторял оратор, – может совершенно исчезнуть!» Далее следовали примеры карфагенской и александрийской церкви. Перейдя затем к русской церкви, оратор продолжал: «Еще вопрос очень и очень большой – сумеет ли русская церковь найти себе место в новом, строящемся мире – не исчезнет ли она в водовороте революционных бурь?»

Такие заявления не были редкостью в то время в речах Платонова: «Пройдет немного времени, и жизнь, быть может, не оставит ничего из того, что для нас священо – из того, чем мы еще дорожим по привычке...» Еще более определенно высказывался он в частных разговорах. «Церковь, видимо, идет у нас к концу, – сказал он однажды одному из своих прихожан, – религия будет существовать, вероятно, в каких-то других, новых формах».

Чувство сомнения и неверия медленно, но верно делало свое страшное дело – постепенно подтачивало этого блестящего проповедника и большого талантливого человека. Летом 1934 года Н.Ф.Платонов произнес цикл столь же блестящих проповедей на тему: «Таинства церкви». Эти проповеди также охватывали широкую тематику многообразных церковных проблем.

Человек вдумчивый и глубокий, Платонов порой бросает с кафедры смелые, оригинальные мысли.

«Из далекой Византии пришла к нам Владычица светозарной иконой Своей на Святую Русь, – говорил он за Всенощной под праздник Тихвинской Божией Матери в 1934 году, – и из Владимира пришла она в Тихвин – учили наши предки и делали из этого вывод: первый Рим пал от ереси, второй Рим – от турок, а Москва – есть третий Рим, а четвертому не бывать. А что скажем мы сегодня? Сюда ходила Владычица – туда пришла Царица Небесная – видим мы и не гордимся тем, что Она к нам пришла, а страшимся, как бы не ушла она от нас. Не шовинизм, не гордость, а страх перед Богом – желание нравственного обновления и очищения рождает в нас сегодняшний праздник...»

Порой он поднимался до настоящего пафоса.

«Как трудно говорить сегодня, когда лежит перед нами бездыханное Тело Спасителя, – восклицал он в Страстную пятницу в 1935 году, –

хочется лежать у Плащаницы и плакать, а не говорить. И все-таки надо говорить – надо говорить, чтобы не случилось снова того, что происходило две тысячи лет назад.

Умер на Кресте Христос, – и ведь главный ужас в том, что в это время люди собирались праздновать Пасху, готовили пасхального агнца, искренне желали служить Богу и как-то случайно, незаметно, убили божественного Агнца».

Все эти отдельные блестящие проповеди Платонова представляли собой, однако, лишь отдельные яркие вспышки большого таланта.

Повседневные его проповеди были обычно посвящены иной теме: он все чаще и чаще использовал кафедру проповедника для сведения фракционных счетов со «староцерковниками»: личные выпады, мелкие, грязные, ничтожные сплетни, «сенсационные» открытия из жизни православных иерархов, выискиваемые со старанием сыщика, – таково основное содержание его проповедей. И этот, несомненно, крупный человек вдруг мельчал, – и пламенный проповедник вдруг превращался в какого-то героя кухни в коммунальной квартире.

«Мне незачем анализировать скандальных выступлений Вашего Высокопреосвященства, посвященных внутрицерковной тематике, – с мальчишеским задором заканчивал письмо обновленческому владыке 5 мая 1935 года пишущий эти строки, – эти Ваши выступления не имеют никакого отношения ни к религии, ни к социализму, ни к христианству, они имеют отношение лишь к Гоголю, к «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

1933 и 1934 годы – переходные, кризисные годы в жизни Н.Ф.Платонова. 31 октября 1933 года умерла его первая жена – Елизавета Михайловна Платонова, религиозная, глубоко порядочная, одухотворенная женщина. Она умерла после продолжительной долголетней болезни, и Н.Ф.Платонов делал все для того, чтобы ее вылечить и облегчить ее муки. Он любил свою жену искренне и сердечно, и лишь одно интимное обстоятельство – невозможность иметь от жены детей – отравляло его двадцатилетнюю семейную жизнь. Платонов был искренне потрясен смертью жены. Трогательно и просто рассказывал он об ее предсмертных муках, о том, как она просила его расчесать ей волосы, и, как бы уже чувствуя приближение смерти, сказала: «Как хорошо, но только что-то совершенно новое».

Со смертью жены ушел единственный близкий Платонову человек, единственный любимый им человек...

«А люблю я все-таки Ленинград!» – воскликнул однажды Александр Иванович Введенский со свойственной ему экспансивностью, когда подъезжали оба они (Введенский и Платонов) к Ленинграду – ехали они в купе экспресса «Красная стрела» из Москвы. «Я ничего не люблю», – вырвалась вдруг у Платонова унылая фраза.

Одиночество и духовная опустошенность характерны для Платонова в начале 30-х годов: разрыв с ближайшими родственниками (братом и

сестрой), причем молва настойчиво приписывала Платонову участие в их арестах; тайная служба в органах ГПУ с 1923 года, выразившаяся в непрерывных доносах, в результате чего погибло много людей, — все это наложило мрачные блики на душу этого человека.

Особенно острым был разлад Н.Ф.Платонова с его сестрой — Александрой Федоровной Платоновой (в монашестве Анастасией), известной духовной писательницей, последней игуменьей Ивановского монастыря. «Стоим мы с Александрой Федоровной на трамвайной площадке, — рассказывала пишущему эти строки А.В.Волкова (в первой части нашей работы мы на нее ссылались), — и вдруг входит в трамвай Платонов. Александра Федоровна на него посмотрела и отвернулась. А он к ней: «Что ты, Шура, или брата не узнаешь?» А она ему: «И ты меня спрашиваешь, Коля? Наши родители в могиле переворачиваются. Что ты делаешь, ведь ты дьяволу служишь».

В том, что Н.Ф.Платонов был непосредственным агентом ГПУ, имело возможность убедиться на своем печальном опыте огромное количество людей (в том числе и пишущий эти строки).

Сейчас, почти через тридцать лет, мне трудно себе и представить, что семнадцатилетний парнишка с некрасивым угреватым лицом, который впервые переступил порог квартиры Платонова в понедельник 3 июля 1933 года, был действительно я. Жил Н.Ф.Платонов на 6-й Линии Васильевского острова во дворе Андреевского собора, во втором этаже церковного дома. В его квартире помещался Епархиальный совет, который носил громкое название «Ленинградское митрополитанское управление». Это учреждение со столь блестящим титулом умещалось, однако, в столовой Н.Ф.Платонова. Здесь, рядом с буфетом, стояла пишущая машинка, на которой бойко отстукивала «Указы по митрополии» быстрая, маленькая пожилая женщина в пенсне — Александра Ивановна Тележкина. У окна рылся в делах также не блещущий красотой молодой человек — здравствующий ныне А.Ф.Шишкин¹ — довольно известный церковный деятель, полученный Патриархией по наследству от Н.Ф.Платонова. На обеденном столе лежала раскрытая книга, в которую посетители должны были вписывать свои имена. Каждый лист в этой книге был разделен на три графы:

1. Фамилия, имя, отчество.
2. Ориентация.
3. По какому делу.

А.Ф.Шишкин бдительно следил, чтобы какой-нибудь посетитель не проскользнул мимо этой почтенной книги. Важно в ней расписавшись, я поставил в графе «Ориентация» — «Христианский социалист».

Платонов принял меня тотчас же и удостоил меня беседой, которая длилась более двух часов. Беседа носила теоретический характер, касаясь взаимоотношений между христианством и социализмом. Я вышел из кабинета, совершенно очарованный умом, любезностью и широтой взглядов хозяина, который настойчиво приглашал меня заходить как можно чаще.

Между тем более опытный наблюдатель, чем я, обратил бы внимание

¹ Умер в 1966 году, когда был профессором Ленинградской духовной академии.

на целый ряд странностей в поведении собеседника. Во-первых, всякого бывалого человека удивила бы поразительная откровенность собеседника: он не только не избегал говорить на политические темы с незнакомыми посетителями (да еще с семнадцатилетним мальчишкой), но, наоборот, сам охотно задевал самые острые вопросы. Помню, в частности, совершенно невероятную по своей откровенности фразу Платонова: «Я не думаю, чтобы этот эксперимент увенчался успехом». Во-вторых, всякий обратил бы внимание на то, с какой настойчивостью высокий собеседник расспрашивал, спускаясь с теоретических высот, о весьма конкретных вещах – главным образом о знакомствах, единомышленниках, друзьях. Но, находясь под обаянием высокого саза, я, конечно, поспешил открыть Платонову всю свою душу и выложить ему все, что я знал.

Результат приятных и высокопоучительных бесед с Высокопреосвященным владыкой (таких бесед было несколько) сказался через девять с лишним месяцев: 24 апреля 1934 года я был арестован и мне было предъявлено политическое обвинение. Обвинение оказалось совершенно вздорным, и вскоре я вышел из тюрьмы. Однако, несмотря на всю свою неопытность, я убедился в том, что содержание моих бесед с Платоновым до мельчайших деталей известно следователю.

При всей моей приверженности и, я бы сказал, влюбленности к знаменитому проповеднику – у меня не могло быть ни малейших сомнений в том, что он является осведомителем...

Вскоре после моего освобождения, в праздник Троицы, я пришел в Андреевский собор к литургии. Богослужение было торжественным, и совершал его сам архиепископ ... После вечерни и положенных коленопреклоненных молитв, прочтенных с необыкновенной проникновенностью, обновленческий иерарх, разоблачившись, величественно направился к выходу; с колокольни раздался неумолчный трезвон колоколов, толпа верующих устремилась к владыке под благословение. Когда он поравнялся со мной, я шагнул прямо к нему.

«А вы напрасно сказали, что Михаил Яворский был моим духовником – он никогда моим духовником не был», – резко бросил я ему в лицо с запальчивостью бурша, не подходя под благословение.

«Что такое, кому я сказал?» – после минутного молчания произнес Николай Федорович.

«Сказали тем, кто вас расспрашивал обо мне», – бросил я столь же резко.

Иерарх отвел глаза и промолчал.

«А я не был духовным сыном Михаила Яворского», – с глупым упорством повторял я.

«Не помню, не помню», – прогнусавил Платонов, обходя меня.

Впоследствии мне приходилось неоднократно встречаться с Платоновым. Я говорил с ним в обычном почтительном тоне, ни он, ни я никогда не упоминали о прошлом.

В сентябре 1934 года Платонов взлетел на вершину обновленческой церкви. Указом Священного Синода от 1/IX-34 г. «Препосвященный Николай, архиепископ Лужский, назначен митрополитом Ленинградским взамен ушедшего на покой митрополита Серафима (Руженцова)». Это назначение явилось результатом длительных закулисных маневров и интриг Н.Ф.Платонова.

«Бывало, приедет в Москву – и сразу же начинаются разговоры о митрополите Серафиме – и малоактивен и что-то еще, и чего-чего только о нем не говорит», – вспоминал в 1943 году митрополит Виталий. Действительно, между митрополитом Серафимом и Платоновым существовала давняя антипатия. Истоки этой антипатии, быть может, скрывались в коренной противоположности их характеров.

Трудно себе представить двух более отличающихся людей, чем митрополит Серафим и Н.Ф.Платонов. Митрополит Серафим был выходцем из придворного духовенства, и большую часть своей жизни он провел в качестве священника дворцовой церкви в Стрельне. Это оставило неизгладимый след. Изящные, аристократические манеры и величаявая осанка важного барина, утонченная вежливость, но с оттенком снисходительности, – таков был протоиерей Руженцов (будущий обновленческий митрополит).

В 1919 году, овдовев, он принимает монашество и возводится на архиерейскую кафедру в одном из северорусских городов. Присоединившись с самого начала к обновленческому расколу, епископ Серафим принадлежал к числу так называемых «тихих обновленцев» – ни к каким группировкам не примыкал, ни на кого не доносил – он спокойно и с обычным своим достоинством управлял различными русскими епархиями, пока в 1925 году не был назначен обновленческим митрополитом Московским.

В 1929 году, после перевода в Москву митрополита Вениамина (председателя Синода), митрополит Серафим был переведен в Ленинград. Здесь он сразу же столкнулся с Н.Ф.Платоновым.

Морально чисто плотный и безукоризненно порядочный человек, любивший называть себя джентльменом, митрополит Серафим относился с брезгливым отвращением к своему старшему vicarю, который был фактически при нем «комиссаром». Понимая свое бессилие в борьбе с Платоновым, митрополит соблюдал в отношениях с ним внешний такт и вежливость. Всем, однако, было известно, что между двумя ленинградскими иерархами существуют холодные напряженные отношения. И стиль митрополита был совсем иной, чем у его собрата: он никогда не позволял себе в проповедях личных выпадов против кого бы то ни было – никогда никого не задевал и ни перед кем не подхалимствовал.

Уволенный в сентябре 1934 года на покой, митрополит отдыхал всего лишь полгода – он умер 6 марта 1935 г. и был погребен на Смоленском кладбище (после торжественного отпевания в церкви св. великомученицы Екатерины).

Между тем Н.Ф.Платонов 9 сентября 1934 года принял Ленинградскую епархию.

В первые же дни своего управления новый иерарх всячески старался повысить свой авторитет: имея кафедру в Спасо-Сенновском Успенском соборе, он присвоил Андреевскому собору название Митрополичьего крестового собора. Торжественные поездки в Карелию, Псков, Новгород и Боровичи должны были повысить его авторитет в провинциальных епархиях. Наконец, к сентябрю 1934 года относится первая акция Платонова во всероссийском церковном масштабе. Осенняя сессия Священного Синода, которая назначила Платонова митрополитом Ленинградским, одновременно приняла решение об избрании комиссии по изысканию средств борьбы против староцерковничества. Председателем комиссии был избран А.И.Введенский, а в качестве членов в состав комиссии входили митрополиты: Петр Блинов, Николай Платонов, Михаил Орлов, Петр Сергеев, Василий Кожин и другие.

С первого же момента инициативу в комиссии захватил Н.Ф.Платонов. Он выступил с сенсационным планом, основой которого был лозунг: «Бить врага его же оружием». Согласно плану Н.Ф.Платонова, обновленческий Синод должен был объявить себя единственным законным хранителем православия. Староцерковничество должно было быть объявлено «еретическую расколом». В соответствии с этим все «староцерковные хиротонии», произведенные после 10 мая 1922 года (день «отречения» патриарха Тихона), должны были быть объявлены недействительными и все духовные лица, приходящие из «староцерковничества», могли быть приняты только через публичное покаяние. Все храмы, которые переходили в обновленческую ориентацию, подлежали переосвящению (через чин малого освящения).

Самым пикантным во всей этой платоновской затее было то, что всего лишь за несколько лет до этого обновленческие иерархи (в первую очередь, сам Платонов) с пеной у рта доказывали «неканоничность» и «незаконность» перерукоположений священнослужителей и переосвящений храмов. А.И.Введенский (следует к его чести отметить) выступил вначале против «плана Платонова». Однако после нерешительного сопротивления быстро сдал свои позиции. Другим обновленческим иерархам, которые выражали свое недоумение по поводу новоявленного «плана», было под сурдинку указано, что «план Платонова» согласован с некоторыми авторитетными инстанциями, которые желают оживления церковной борьбы.

Уже через месяц, 3 октября 1934 года, была созвана новая экстренная сессия Синода (это была его последняя сессия, так как весной 1935 года он уже был распущен). Синод, заслушав доклад Н.Ф.Платонова, принял так называемые «октябрьские указы», написанные Н.Ф.Платоновым... Следует, впрочем, отметить, что, кроме нескольких и театральных покаяний, поставленных Платоновым в Ленинграде, никаких практических последствий «октябрьские указы» не имели.

Сам Платонов очень громко в своих речах кричал о своем «православии». 8 января 1935 года он выступил в Андреевском соборе с двухчасовым докладом о «новом этапе в истории обновленчества». Стоя на кафедре, Н.Ф.Платонов в течение двух часов обливал грязью «староцерковников». Облаченный в стихарь А.Ф.Шишкин, стоя на ступеньках, подавал своему «владыке» нужные документы.

Какова была деятельность Николая Платонова в качестве митрополита Ленинградского? Смешно, конечно, отрицать блестящие административные способности Н.Ф.Платонова. «Как администратор, он был бесподобен: им можно было любоваться, так у него все было продумано, разумно, ясно», — говорил в прошлом году в беседе с пишущим эти строки о. С.Р. — один из ближайших помощников Платонова в последние годы его жизни. Трудно, однако, было сделать что-нибудь существенное в эти годы, когда церковная организация стремительно летела под откос.

Ровно через три месяца после вступления Платонова в должность был убит С.М.Киров. В марте 1935 года, на первой неделе Великого Поста, начались массовые высылки из Ленинграда духовенства. Обновленческое духовенство разделило общую участь: был выслан из Ленинграда один из старейших протоиереев о. Константин Шахов — духовник Николая Федоровича. Известный обновленческий деятель и проповедник о. Федор Разумовский остался в Ленинграде только благодаря тому, что снял с себя сан. В июне 1935 года раздался первый тревожный сигнал: был закрыт (и вскоре снесен) ленинградский Вознесенский собор. Правда, Платонову удалось на этот раз взять «реванш»: вскоре в его ведение был передан Спасо-Преображенский собор на Литейном проспекте. Вскоре, однако, последовал ряд новых закрытий: в 1936 году были закрыты Благовещенская и Екатерининская церкви на Васильевском острове, Захарие-Елизаветинская, Пантелеймоновская, Космодамиановская церкви — в центральном районе города. Вскоре от обновленческой епархии осталось лишь несколько храмов — и над ними нависла угроза закрытия. После самороспуска Синода было распущено и Ленинградское митрополитанское управление. Платонову было предложено сдать пишущую машинку, вся переписка отныне велась в его канцелярии от руки, причем в качестве писца подвизался А.Ф.Шишкин.

Духовенство было охвачено пессимизмом и безнадежностью. Впрочем, про самого Платонова этого сказать нельзя. Лето 1936 года он счел наиболее удобным временем для своей новой женитьбы. Избранницей митрополита Платонова оказалась Марья Александровна — певчая в хоре Андреевского собора. В июле 1936 года Н.Ф.Платонов объявил о предстоящей женитьбе ленинградскому обновленческому духовенству, а в августе того же года протоиерей о. Константин Томилин (ключарь Андреевского собора) обвенчал Николая Федоровича и Марью Александровну. Свадьба происходила в соборе при наглухо закрытых дверях, в присутствии лишь небольшого числа прихожан. Новобрачный был одет в штатское — в синий

шеовитовый костюм, священник и диакон поминали брачующихся как «равов Божиих Николая и Марию» – без всяких титулов.

Своеобразный характер носили отношения между Н.Ф.Платоновым и А.И.Введенским. Старые товарищи, хорошо знавшие друг друга в молодости, они никогда друг друга не любили. «Легкомысленный человек», – говорил часто Платонов про Введенского. «Да ведь он сумасшедший!» – сказал он однажды про своего знаменитого собрата в присутствии большого количества мирян. Отзывы Введенского отличались большим добродушием. «Умница, талантливый человек, но только – бездушный, совершенно, совершенно бездушный», – говорил неоднократно Введенский.

Отношения между двумя иерархами не ограничивались, однако, обменом колкостями. Были и более серьезные и важные вещи. В 1931 году Н.Ф.Платонов читал курс лекций по гомилетике в Московской богословской академии. Весь этот курс был целиком направлен против А.И.Введенского. Платонов с пеной у рта протестовал против жонглирования именами ученых, против психологических экспериментов и импровизаций, вторжения проповедника в несвойственные ему области – словом, против всего того, что являлось характерным для проповеднической манеры Введенского. Самая линия Платонова в церковных вопросах резко противоречила линии Введенского: враг какого бы то ни было новаторства и экспериментаторства, глубокий консерватор в прошлом, Платонов выступал в качестве «ревнителя православия», и всякие разговоры о реформах всегда вызывали в нем раздражение. В то же время он был отъявленным политическим приспособленцем и сикофантом (доносчиком). Короче говоря, «платоновщина» – это живоцерковничество 30-х годов. От Красницкого Платонов отличался лишь большей скрытностью (он действовал более коварно и конспиративно) и меньшим размахом деятельности своей. Вся беда Платонова заключалась в том, что в 30-х годах власти считали для себя неприемлемой какую бы то ни было церковь и не нуждались в услугах даже таких раболепных холопов из числа церковников: эпоха нэпа (век Красницкого) уже прошла, а послевоенная эпоха (век Колчицких) еще не наступила, – пресмыкающиеся политиканы остались не у дел.

Не у дел остался Платонов в 1937 году. В сентябре этого года он был вызван в здание на Шпалерной улице – в ленинградское отделение МГБ. Он пробыл там два дня. Жене, которая в ужасе металась около здания МГБ, обрывая телефоны, было отвечено: «Вашего мужа здесь нет». – «Где же он?» – спросила упавшим голосом несчастная женщина. «Не знаем», – последовал лаконичный ответ. Однако через двое суток, под вечер, Платонов пришел домой, осунувшийся, побледневший, но в хорошем настроении. «На днях уезжаем в Сочи», – объявил он с места в карьер испуганной жене. Действительно, через три дня Платонов уехал отдыхать с женой в Сочи (обычно он ездил в Крым).

И сразу же после отъезда уставшего обновленческого владыки в Ленинграде начались поголовные аресты обновленческого духовенства. В

один день было арестовано более сотни человек. Среди арестованных находились: протопресвитер о. Николай Сыренский – настоятель (или, как называли, «наместник») Кафедрального собора Спаса на Сенной; прот. Константин Томилин – ключарь Андреевского собора, и много других глубоко порядочных священнослужителей, которые навсегда исчезли за роковыми стенами Шпалерной тюрьмы. От всего многочисленного ленинградского духовенства сразу осталась лишь жалкая горсточка, не более 10-15 человек.

Н.Ф. Платонов не подавал никаких признаков существования: как говорили, он вел в это время идиллический образ жизни, живя в маленьком домике на берегу Черного моря вместе с молодой женой. Приехал он в Ленинград только в ноябре. По-прежнему он управлял остатками Ленинградской епархии. Однако некоторые его поступки вызывали всеобщее недоумение. Так, он совершенно перестал служить (в течение полугода, от августа до своего отречения, он служил лишь однажды – в Николин день).

В начале января 1938 года двое обновленческих священников (о. Михаил Бакулев – настоятель Смоленского кладбища и о. Сергей Румянцев – настоятель храма Спаса на Сенной) были вызваны к митрополиту.

«Покой» обновленческого митрополита в это время еще уменьшились. Большая квартира была разделена на две части. Квартира Платонова состояла из двух комнат – столовой и спальни, соединенных большим коридором. Николай Федорович, со свойственными ему практицизмом и вкусом, сумел, однако, выкроить приемную, достойную и для его сана: часть коридора была отделена от остальной части, получилась крохотная комната. Большое окно было обращено прямо на Андреевский собор, в углу висела старинная икона и стоял облаченный архиерейский посох. Сам хозяин обычно сидел за раскрытым бюро в глубоком кресле, а рядом стояла фортепианная табуретка для посетителя.

Войдя к митрополиту, оба священника подошли к нему под благословение. Митрополит, одетый в рясу, но без каких-либо знаков отличия (без креста и пангии), однако, отстранил руки, протянутые к нему за благословением, и лишь облобызался с ними по обыкновению. Затем, усадив их, дал каждому из них по листку, отпечатанному на машинке, и сказал: «Прошу вас прочесть указ по епархии», – и ушел в другую комнату, затворив за собою дверь. В указе, под которым стояла подпись: «Николай Митрополит Ленинградский», говорилось, что Ленинградская епархия, вплоть до назначения нового митрополита, разделяется на две части: в управление одной ее частью (Андреевский собор, Смоленское кладбище, Серафимовское кладбище) вступает прот. о. Михаил Бакулев. В управление другой ее частью (Спасо-Сенновский собор, Спасо-Преображенский собор и церковь св. князя Владимира – на станции Лисий Нос) вступает о. Сергей Румянцев.

Священники переглядывались в полном недоумении: так что же, значит, он уже не митрополит? В это время из соседней комнаты вышел хозя-

ин (уже без рясы, одетый в штатский костюм). «Итак, теперь я не имею к Церкви никакого отношения, и сегодня мною подано заявление о снятии сана – работайте без меня, желаю вам успеха». Бывший митрополит, проведив их до лестницы, по-светски подал им на прощание руку.

«Вышли мы, как в воду опущенные, – вспоминает один из участников этой встречи, – написали сразу рапорт в Москву митрополиту Виталию, получили ответ о том, что будут даны указания, – и все: ни указаний, ни привета и ни ответа».

Через несколько дней в «Известиях» и в «Правде» было опубликовано отречение Н.Ф.Платонова. Текст его отречения мы здесь не приводим, так как он недавно перепечатан полностью в книге «Правда о религии» (М., 1959, с.368-369).

На этом можно было бы поставить точку. С этого времени Николай Платонов уже не существует как церковный деятель – и не должен интересоваться историком церкви. Но есть еще один фактор – психологический – и с этой точки зрения последние четыре года жизни Н.Ф.Платонова представляют собой захватывающий интерес. О чем думал, что чувствовал этот недавний религиозный вития, став антирелигиозным пропагандистом?

*

Первое время после отречения Н.Ф.Платонов бравировал своим новым положением. Часто он выступал с докладами в заводских и фабричных клубах. Советская власть благосклонно отнеслась к «кающемуся»: его отречение было напечатано в «Известиях» и в «Ленинградской правде». Вряд ли можно считать случайностью то, что сразу после отречения Платонова началось новое наступление на Церковь: через месяц после отречения Платонова был закрыт храм Спаса на Сенной – обновленческий кафедральный собор. Сразу после Пасхи был закрыт Андреевский собор. Еще через несколько месяцев была закрыта и церковь Смоленского кладбища – от всей обновленческой епархии в 1939 году остались лишь Спасо-Преображенский собор и Серафимовское кладбище. Весь этот разгром был осуществлен, однако, исключительно административными методами: нам неизвестен ни один случай ухода из Церкви кого-либо из прихожан Андреевского собора. Самые верные почитатели Платонова, самые ярые его поклонники – такие, как Александра Ивановна Тележкина, без колебаний покинули Платонова – и он остался совершенно один.

Уныло и одиноко жили супруги Платоновы в маленькой квартирке на 6-й Линии. Правда, в 1939 году, на закате жизни, Платонова посетила последняя радость, в пятьдесят лет, за три года до смерти, он стал отцом: худосочный, слабый, полуживой ребенок был назван Андреем. «Все-таки, кажется, вам навеки остался памятен Андреевский собор», – сказал Н.Ф.Платонову один из его старых прихожан. «Да это не потому, это в честь... Жданова», – ответил бывший настоятель Андреевского собора.

Однако и эта запоздалая радость не украсила унылой жизни ре-

негата. «Живем мы одни, никто к нам не ходит, никто у нас не бывает», – жаловалась его супруга. «Ребенок слабый, ну, вдруг он умрет – а крестить нельзя», – печально говорила в другой раз Мария Александровна.

В это время Н.Ф.Платонов работал хранителем Музея истории религии. Ежедневно по ступенькам Казанского собора пробирался одетый в серое потертое пальто, с поповской шапкой на голове и с портфелем под мышкой, человек. Светлая бородка и очки – вид старого учителя. Это был бывший митрополит Ленинградский, много раз служивший в Казанском соборе в бытность свою архиепископом Гдовским – старшим викарием Ленинградской епархии. Выступления Платонова, собиравшие вначале довольно большое количество народу, постепенно перестали кого-либо интересовать – его доклады сплошь и рядом срывались по причине отсутствия слушателей. В газете «Безбожник», которая вновь стала выходить в это время в Москве и большим форматом, под редакцией Е. Ярославского, изредка печатались небольшие статьи Н.Ф.Платонова. В частности, перед Великим Постом, в 1941 году, была напечатана небольшая статья «Исповедь», вульгарная и плоская, в которой повторялись затхлые мещанские, обывательские сплетни о священниках, под видом исповеди назначающих свидания женщинам.

Так дожили до войны – и война одним ударом разрушила унылое существование Платонова.

В августе 1941 года совершенно неожиданно и непонятно была арестована Мария Александровна – его жена (причины ареста неясны – говорят, что она обвинялась в спекуляции). Через месяц умер от голода двухлетний ребенок, отданный отцом кому-то на воспитание. В это же время эвакуировался из Ленинграда Музей истории религии. И хранитель музея в течение нескольких суток не спал, упаковывая фонды. Все было бережно упаковано и вывезено из Ленинграда – документы, картины, диаграммы, плакаты. Забыли вывезти лишь один ценный экспонат – самого злополучного хранителя музея. Подобно госпоже Раневской, хозяева забыли в оставленном доме своего старого и уже ненужного слугу...

Я увидел его в последний раз в ноябре 1941 года, в самое тяжелое время блокады, когда еженедельно уменьшалась продовольственная норма и на улицах Ленинграда появлялись первые трупы. В декабре Ленинград был уже завален ими. В небольшой столовке для научных работников (в Этнографическом переулке) я увидел его, сидящего в вестибюле, исхудавшего, бледного, жалкого... Я ни разу и не говорил с ним после его отречения и, встречая его на улице, демонстративно с ним не здоровался, но сейчас меня почему-то потянуло к нему, и, подойдя, я окликнул его по имени: «Николай Федорович». Встав, он вежливо поздоровался. Мы обменялись рукопожатием. «Как вы поживаете, Николай Федорович?» – спросил я. «Плохо, очень плохо, голубчик, семья распалась, а сейчас съел карточку, до двадцатого ничего не дадут», – сказал он упавшим голосом. Это значило, что он получил по продовольственной карточке ту мизерную

норму, которая полагалась на десять дней. «С сердцем плохо – аорта...» – жаловался он. Я попробовал (со свойственной мне бестактностью) заговорить на идеологические темы – он устало махнул рукой: «Не знаю, не знаю, ничего я теперь не знаю».

«Конченный человек», – подумал я, отойдя от него.

Конец наступил через несколько месяцев, весной.

В феврале, всеми оставленный, одинокий, голодный, он постучался к Александре Ивановне Тележкиной – своей старой прихожанке, обожавшей его всю жизнь. Она открыла перед ним свои двери и приютила в своей маленькой комнатке своего бывшего владыку – и поделилась с ним последним куском хлеба.

И еще в одни двери постучался отверженец – в двери Церкви. На третьей неделе Великого Поста, в среду, во время литургии Преждеосвященных Даров, в Николо-Морском соборе происходила общая исповедь. Исповедовал престарелый протоиерей о. Владимир Румянцев. Неожиданно в толпу исповедников замешался Н.Ф.Платонов – и начал громко каяться, ударяя себя в грудь. Затем в общей массе он подошел к священнику. О. Владимир молча накрыл его епитрахилью и произнес разрешительную молитву.

«Господи, благодарю Тебя за то, что Ты прости меня! Веровал, верую и буду веровать!» – воскликнул он, отходя от Святой чаши.

Он умер на другой день, в холодную ленинградскую мартовскую погоду, и погребен на Смоленском кладбище в братской могиле, среди беспорядочной груды трупов умерших от голода людей.

«Он был человеком большого ума и большого сердца», – сказал о нем в 1946 году митрополит Николай – его старый товарищ и друг.

«Царство ему небесное!» – тихо молвил, перекрестившись, А.И.Введенский – его старый противник, в году 1946-м – также больной, разбитый параличом – за месяц до смерти, после того, как я рассказал ему об обстоятельствах смерти Н.Ф.Платонова.

«Царство ему небесное!» – восклицаю и я, прощаясь навсегда с Н.Ф.Платоновым, и да послужит его судьба грозным предостережением для всех колеблющихся, сомневающихся, стоящих на грани предательства.

О самих предателях мы не говорим, на них никакие не действуют уже предостережения.

«Нет существа более презренного, чем предатель, – в свое время говорил А.М.Горький, – и даже сыпно-тифозную вошь можно оскорбить, сравнив ее с предателем».

*

Тридцатые годы были тяжелой полосой в жизни А.И.Введенского. В 1929 году он последний раз выступил на диспуте в Политехническом музее. Этим выступлением заканчивается продолжительный, самый блестящий период его деятельности. 30-е годы – годы непрерывных стеснений. В 1931 году, после закрытия храма Христа Спасителя, начинается период кочевья

А.И.Введенского по московским храмам. Вначале он служит и проповедует в храме св. апостолов Петра и Павла на Басманной улице (здесь же помещалась Богословская академия). В 1934 году – новый страшный удар: закрытие храма Петра и Павла, одновременно закрывается Академия, без формального запрещения, «за отсутствием помещения...». А.И.Введенский переходит со всей паствой в Никольский храм на б. Долгоруковской (Новослободской) улице. 1935 год – «самороспуск» Синода. А.И.Введенский остается в самом неопределенном положении. Его официальной должностью была должность заместителя председателя Синода.

1936 год – закрытие Никольского храма. А.И.Введенский переходит в церковь Спаса во Спасской, на Б.Спасской улице. Здесь он прослужил полтора года. В 1938 году он переходит в свою последнюю резиденцию, в Старо-Пименовскую церковь, стены которой увидели его погребение.

Самый страшный удар из всех, какие испытал когда-либо в жизни А.И.Введенский, был нанесен ему 6 декабря 1936 года. На другой день после принятия «сталинской» Конституции знаменитый проповедник был вызван в «церковный стол при Моссовете». Здесь третьестепенный чиновник, с невыразительным, не запоминающимся лицом, сухо сообщил, что, поскольку новая Конституция разрешает отправление религиозного культа, но не религиозную пропаганду, служителям культа запрещается произносить проповеди. Впоследствии такое толкование Конституции было официально опровергнуто, но в тот момент для А.И.Введенского это был удар грома среди ясного неба. Представьте себе Ф.И.Шалапина, которому запретили петь, Шопена – которому запретили играть, Врубеля – которому отрубили правую руку – эффект будет примерно тот же.

Впоследствии, правда, было разъяснено, что проповеди могут произноситься тогда, когда они являются «неотъемлемой частью богослужения». Однако от этого было не легче: знаменитый проповедник и апологет превратился в «учителя церковноприходской школы», и единственной дозволенной ему темой стало объяснение праздников. И странно, внезапно и непостижимо чудесный проповеднический дар покинул его. Все проповеди, которые произносил А.И.Введенский после 1936 года, оставляли досадное и тягостное впечатление: вдруг погас огненный темперамент, исчезли гениальные озарения и дивные взлеты – на кафедре стоял заурядный священник, который неимоверно длинно и скучно излагал давным-давно всем известные истины. А.И.Введенский является блестящим примером того, как под влиянием внешних стеснений тускнеет и гибнет даже самый яркий талант. И психологически А.И.Введенский сильно деградировал.

В 1937 году Александр Иванович чудом избежал ареста. В течение всего года он жил под дамокловым мечом. Однажды ночью в передней раздался звонок. Что тут началось! Домашние суетились в паническом ужасе, наскоро жгли какие-то бумаги, сам хозяин второпях одевался. Мертвенно бледный, он отправился открывать дверь. Вдох облегчения – его духовная дочь, почувствовав себя тяжело больной, послала за своим духовником.

Во главе обновленческой церкви стоял тогда митрополит Виталий – Первоиерарх.

Я хорошо знал владыку. Он был исправным, истовым – как обычно говорят, «благоговейным» – священником. Он был, безусловно, искренне верующим человеком – и человеком добропорядочным (в обывательском смысле этого слова). Однако всякий раз, когда я с ним говорил, когда слушал его изложение догматов веры (мы часто говорили с ним о богословии), – у меня всегда мелькала в голове невольная ассоциация – «бухгалтер».

Человек аккуратный, скрупулезно пунктуальный в служебных делах, почтительный по отношению к начальству, митрополит Виталий действительно чем-то смахивал на провинциального бухгалтера средней руки. «Так и остался белевским протоиереем», – говаривал часто про него Александр Иванович.

По своему кругозору и образованию владыка за всю жизнь так и не ушел дальше Белева: главным источником его познаний были «Епархиальные ведомости» Тульской епархии. На них он обычно ссылался как на высший авторитет, всякий раз когда речь заходила о философских и социальных проблемах... Трудно было себе представить больших антиподов, чем митрополит Виталий и его знаменитый собрат и однофамилец (мирское имя митрополита Виталия – Владимир Васильевич Введенский).

В свое время владыка Виталий стал председателем Синода милостью А.И.Введенского. Об этом избрании Александр Иванович, со свойственным ему юмором, рассказывал так: «Умер митрополит Вениамин, и мы не знаем, кого избрать вместо него. И вот, вспоминаю – в Туле есть архиерей, монах, борода длинная-длинная, седая, картинная... Подумали и решили – быть ему предом в Синоде...»

Став в 1937 году господином положения, владыка Виталий сразу стал прибирать к рукам А.И.Введенского. «В это время достаточно мне было что-нибудь предложить – можно было сказать с уверенностью – сделают наоборот».

Таким образом, в период с 1937-го по 1941 год А.И.Введенский растерял все то, что было смыслом его жизни – ораторская и апологетическая деятельность стали невозможными, о реформационной деятельности не могло больше быть и речи. Административная деятельность (жалкая и урезанная) стала невозможной. Сильный человек, возможно, вырос бы духовно, пошел бы на подвиг, поднял бы над головой огненный факел страдания и любви...

Но Введенский не был сильным человеком и не был из числа тех, которые способны на подвиг.

И вот в этот период он сразу опустил плечи, потускнел, неуловимые раньше мещанские, пошленькие черточки, которые есть у всякого, у Введенского в это время выступили особенно выпукло и резко. Семейная ситуация, и всегда запутанная, в эти годы обострилась до крайности, и его личная жизнь превратилась в бедлам...

Равнодушный раньше к житейскому комфорту, Александр Иванович в это время становится страстным приобретателем – коллекционером. Каких только коллекций он не собирал в это время: и коллекцию картин, и коллекцию бриллиантов, и даже коллекцию панагий. Коллекции он собирал неумело, ловкие предприниматели обманывали его, как ребенка. Все «старинные» картины фламандских мастеров оказывались сплошь и рядом произведениями Толкучего рынка. Бриллианты оказывались стекляшками. Возраст «древних» панагий не превышал пятидесяти лет. Но он не хотел верить этому, страшно гордился своими коллекциями, по-детски радовался каждой находке.

Покупка собственного автомобиля (тогда собственные автомобили были редкостью) радовала его сердце. Он начал полнеть и сразу заметно постарел.

Лишь музыка и литургийная молитва, искренняя и пламенная – были единственными светлыми просветами в его жизни.

Между тем на Западе в 1939 году уже слышались грозные раскаты. В конце 1939 года грянула кровопролитная и жестокая финская война. Надвигался 1941 год – год великой войны, великого Суда!

*О, сколько тайной муки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.*

Сологуб Ф.

Суд

Перо историка – меч.

Перо мемуариста – секира палача.

И самое ужасное, когда эта секира направлена против любимых и близких, против самого себя. Ибо историк и мемуарист – оба слуги истории – и в качестве судебных исполнителей им часто приходится выполнять человеческие функции.

Война 1941 – 1945 годов – это суд над народами и над правительствами, над партиями и над церквями.

Обновленчество предстало в эти годы перед судом истории и услышало грозный приговор: «Да погибнет!»

А.И.Введенский любил вспоминать, как в неделю «Всех Святых в земле Российской просиявших» – 22 июня 1941 года, после литургии, благословляя молящихся, он узнал от иподиакона о начале войны.

А.И.Введенский в первые же дни войны выступил с рядом патриотических деклараций. Искренни ли они были? Безусловно, да. Старый интеллигент, воспитанный в либерально-демократических традициях, Александр И.Введенский питал прямо физиологическое отвращение ко всем человеконенавистническим теориям и партиям. И гримаса отвращения передергивала его гладко выбритое лицо (незадолго до войны он сбрил усы), когда он произносил такие слова, как «черносотенцы», «Союз русского народа», «фашизм». Глубокий интернационалист (пожалуй, в известном смысле, его можно назвать и космополитом), для которого одинаково были дороги Анри Бергсон и Достоевский, Шопен и Рахманинов, Введенский не переносил какого бы то ни было шовинизма. Всякие национальные предубеждения ему были чужды. «Я имел двух великих современников, – говорил он часто. – Альберта Эйнштейна и Рабиндраната Тагора» (конечно, за «Гитанджали»).

Для А.И.Введенского война была не только и не столько борьбой за отечество, Отечественной, сколько борьбой против темного, человеконенавистнического, дьявольского начала, воплотившегося в фашизме. И ему казалось, что в горниле войны сгорят все те пороки, которые были присущи сталинско-ежовской системе.

Мне вспоминается один очень откровенный разговор, который мы

вели с ним весной 1943 года в Ульяновске. «Быть может, мы не понимаем Сталина, – говорил он. – Он прежде всего военный человек, и вся его политика неразрывно связана с предвидением войны. Победой в войне эта политика исчерпает себя».

Я выразил несогласие. Победа в войне вскружит голову и Сталину и тем, кто стоит за ним, – и они увидят в этой победе оправдание своих методов. После победы над фашизмом, говорил я, предстоит упорная война у нас на родине – против самодурства и произвола, и единоличной власти. «Может быть, может быть, – сказал он задумчиво, – это уж вы боритесь – а я устал, с меня довольно». И он замолк надолго, смотря куда-то вдаль... Мы стояли с ним на Венце – на самом возвышенном месте Ульяновска, чудесная, широкая-широкая Волга расстилалась перед нами. Вдали догорал закат, легкий ветерок трепал его курчавые волосы (он был без шляпы). «Видите, какой закат и какая красота, а вы говорите – боритесь», – сказал он наконец. «А фашизм?» – «Да, победить фашизм – это большая задача, и хватит на одно поколение. Поймите, крови у людей мало, и ее надо жалеть!»

Я закусил удила – природная вспыльчивость взяла верх над иерархической субординацией. «Антонин Грановский говорил бы не так!» – брякнул я вдруг запальчиво. «Антонин... так ведь он всю жизнь мучился с печенью, умер от рака желчного пузыря. Вы тоже будете в старости болеть печенью, предсказываю вам это, мой милый борец».

Сейчас, в Пятигорске, глотая горячую противную воду, которая якобы должна помогать от болезни печени, я часто вспоминаю разговор на Волге и сделанное мне предсказание...

Религиозно-патриотическая деятельность во время войны была единственным, на что, как оказалось, был еще способен А.И.Введенский. Война снова выдвинула его в первые ряды: в эти дни все люди с популярными именами пошли в ход. В августе 1941 года митрополит Виталий – растерявшийся и совершенно беспомощный (его секретарь, проф. Зарин, умер незадолго до войны) – по чьему-то совету отказывается от власти и передает ее А.И.Введенскому. А.И.Введенский берется за дело с необыкновенной энергией (это, кажется, последняя вспышка энергии в его жизни).

Свое вступление на вершину духовной власти он решил сделать импозантным – прежде всего он ввел новый титул: «Святейший и блаженнейший Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР». Эпитеты «Святейший» и «блаженнейший» были заимствованы Александром Ивановичем из титула Грузинского Патриарха Католикоса. Что касается титула «Первоиерарх», то Александр Иванович со свойственным ему юмором говорил следующее: «Не знаю, не знаю, это новый сан. Поэтому я и сам не знаю своих полномочий. Вероятно, они безграничны». Некоторые, правда, указывали на то, что этот сан был принят, мягко выражаясь, неканоническим путем – без санкции Собора. Следует, однако, отметить, что все имеющиеся в наличии обновленческие епископы одобрили этот титул.

Во время войны были следующие правящие обновленческие епископы:

1. Александр Иванович Введенский – Первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР.
2. Митрополит Первоиерарх Виталий – с правами правящего архиерея.
3. Митрополит Корнилий Ярославский и Ростовский.
4. Митрополит Мельхиседек Архангельский.
5. Митрополит Василий Кожин Ворошиловоградский и Орджоникидзевский (Северо-Кавказский).
6. Архиепископ Петр Турбин (Тульский).
7. Митрополит Филарет Свердловский (назначен в 1942 году – проживал в Ирбите).
8. Архиепископ Владимир Иванов Краснодарский.
9. Архиепископ Андрей Расторгуев Ульяновский и Мелекесский (в 1943 году в апреле переведен в Москву с титулом архиепископа Звенигородского).
10. Епископ Сергей Ларин (в октябре 1941 года рукоположен во епископа Звенигородского), в 1943 году – епископ Ташкентский и Среднеазиатский.
11. Епископ Дмитрий Лобанов Рыбинский – рукоположен в 1942 году.
12. Епископ Сергей Румянцев (управляющий Ленинградской епархией – рукоположен в 1943 году).

Кроме того, во время войны были призваны с покоя: архиепископ Анатолий Синицын (в 1943 году назначен архиепископом Алма-Атинским), архиепископ Сергей Иванцов (бывший Запорожский, с 1944 года – управляющий делами при Первоиерархе).

Пребывая на покое, служил, в качестве приходского священника, в одном из киргизских сел архиепископ Гавриил Ольховик.

Все эти архиереи, в своей значительной части, были совершенно посредственными людьми. Лишь четверо из них возвышались над средним уровнем.

Сам Александр Иванович Введенский был наиболее высокого мнения о Северо-Кавказском митрополите Василии Ивановиче Кожине. «Вот, кого я хотел бы видеть после себя Первоиерархом, – часто говорил он, – он управлял бы Церковью не хуже, а может быть, и лучше меня».

В.И.Кожин (впоследствии митрополит Ермоген) был действительно великолепным администратором, человеком веселым, общительным, обладателем живого, сангвинического темперамента. Умный и тактичный, он добился крупных успехов на Северном Кавказе. Однако, читая его донесения, рапорты, письма Первоиерарху, я всегда испытывал тягостное чувство. «Как же бедна Русская Церковь, – думал я, – если это самый выдающийся из епископов». Как сейчас вижу эти ровные строчки, написанные четким, крупным почерком, – бесконечные жалобы на соседа – Владимира Иванова, благодаря которому (если верить Василию Ивановичу) гибнет

обновленчество на Кубани. Бесконечные восхваления Северо-Кавказской епархии, где, если опять-таки верить Василию Ивановичу, обновленческое дело идет семимильными шагами вперед и закреплено на столетия. Ни одного живого слова, ни одной своеобразной мысли, ничего такого, что возвышалось бы над местническими провинциальными интересами.

Своеобразным и энергичным человеком являлся Андрей Иванович Расторгуев (и ныне здравствующий, популярный московский протоиерей)¹. «Мужик с характером», – сказал про него однажды митрополит Виталий. Действительно, все обнаруживало в архиепископе Андрее властного, деловитого, крепкого хозяина, начиная от синей бархатной рясы, кончая кучерски выбритым затылком. Волжская окающая речь (он был выходцем из весьма известной на Волге старообрядческой торговой семьи), властные окрики на причетников – и наряду с этим елейность, степенность, уставная строгость – от него так и веяло Мельниковым-Печерским. Он любил служить, служил истово, чинно. Его заветной мечтой было построить службу точно по типикону.

Впрочем, Андрей Иванович являлся интеллигентным, начитанным человеком. Он хорошо знал В.С.Соловьева, интересовался искусством, хорошо знал живопись, театр. Человек солидный и рассудительный, архиепископ Андрей питал непреодолимое отвращение ко всему экстравагантному, эксцентричному. Уже через неделю после моего рукоположения во диакона Андрей Иванович рапортом №11 за 1943 год предлагал лишить пишущего эти строки сана, как «неспособного к священнослужению». Не знаю, предвидел ли тогда мой непосредственный начальник (он был им, впрочем, лишь формально, так как я считался диаконом при Первоиерархе и зависел исключительно от А.И.Введенского), что Александр Иванович передаст этот рапорт мне в руки со словами: «С каким удовольствием он лишил бы сана и меня».

Я всегда спрашивал себя, что привело к обновленчеству этого устойчивого, консервативного человека. Однажды я задал этот вопрос своему шефу. «Ну, что вы, какой он обновленец, – получил я быстрый ответ, – просто семейные обстоятельства, но и большинство обновленцев теперь такие». – «Где же настоящие?» – спросил я. «Ну, что в жизни есть настоящего!» – отшутился Первоиерарх.

В самом деле – типикон и обновленчество. Каких только парадоксов не рождает жизнь.

Следует также отметить епископа Сергея Ларина (ныне архиепископа Пермского)².

Как увидим ниже, С.И.Ларин стал на короткое время чуть ли не главою обновленчества.

Обладатель бурной и запутанной биографии, человек страстный, темпераментный и честолюбивый, епископ Сергей был единственным из обновленческих архиереев, который противопоставлял себя А.И.Введенскому и имел свое суждение.

¹ Умер в декабре 1970 года.

² Умер в сентябре 1967 года в Москве в сане архиепископа Ярославского.

Епископ Сергей был самым талантливым после А.И.Введенского архиереем: хороший оратор, человек, не лишенный литературных способностей, пытливый, острый ум – он мог бы стать выдающейся фигурой в истории Русской Церкви. Но, к сожалению, недостаточная разборчивость в средствах, связь с некоторыми одиозными органами власти, скомпрометировали честолюбивого, хотя, несомненно, искренно верующего, владыку в глазах духовенства и мирян.

Самым чистым и порядочным из обновленческого епископата являлся, несомненно, сын почтенного ленинградского протоиерея (староцерковника), интеллигентный и начитанный о. Сергей Румянцев (ныне он проживает в Ленинграде на покое). В ранней юности он стал обновленцем по глубокому внутреннему убеждению. Благоговейный священнослужитель, искренно религиозный человек, о.Сергий в свое время подвергался репрессиям и пользовался уважением со стороны верующих ленинградцев. Он никогда не искал епископства и был рукоположен во епископа Ладожского в 1943 году, как самый популярный из обновленческих священнослужителей, переживших ленинградскую блокаду.

Все эти архиереи на протяжении войны смиренно сидели по местам, произносили патриотические речи, собирали пожертвования на армию и писали почтительные донесения своему Первоиерарху. Больше всего они боялись упоминания о своем обновленчестве – о нем не говорили ни с церковной кафедры, ни в частных разговорах. Как однажды выразился Александр Иванович, обновленчество стало чем-то вроде венерической болезни – о нем неприлично упоминать в обществе, и его пытаются тщательно скрывать. По существу уже в начале Отечественной войны обновленчество умерло, так как обновленцы сами от него отказались – старались как можно меньше отличаться от староцерковников.

Переломным моментом в жизни обновленческого руководства явилась эвакуация высшего духовенства из Москвы. В октябре 1941 года, в дни самых горячих и упорных боев в Подмосковье, в которых решалась судьба столицы, в квартире А.И.Введенского, в Сокольниках, раздался телефонный звонок. Приятный мужской голос с некоторой картавостью вежливо попросил А.И.Введенского, чтобы он прибыл в Московский Совет, в отдел эвакуации. Там, в отделе эвакуации, одетый в форму МГБ генерал, с совершенно очаровательной любезностью сообщил, что А.И.Введенский со своей семьей и митрополит Виталий сегодня вечером эвакуируются в Оренбург. «Там, в глубоком тылу, вам будет удобнее управлять Церковью», – вежливо заключил он разговор.

Как огорошенный, вышел А.И.Введенский – вышел и снова вернулся, стал указывать на полную невозможность оставить Москву без епископа – то, что он не может с семьей собраться так быстро, что это совершенно невероятная вещь – эвакуировать высшее духовенство из центра в тот момент, когда по всей стране разворачивается грандиозная религиозно-патриотическая кампания.

На все эти возражения генерал отвечал одним словом: «военная необходимость». Что же касается отсутствия епископов, он сказал: «Рукоположите. Кандидат тем более у вас есть, ну, хотя бы этот молодой священник у вас в Сокольниках». Речь шла о С.И.Ларине.

День эвакуации из Москвы был, вероятно, самым хлопотным днем в жизни Александра Ивановича. Предстояло в один день собраться в дальний путь вместе с большой семьей, собрать вещи... и рукоположить епископа.

Это рукоположение состоялось в тот же день в Воскресенском соборе (в Сокольниках) самым необычным образом. Ввиду полной невозможности совершить литургию, наречение и хиротония должны были состояться в 4 часа дня. Чин наречения и хиротонии должны были совершить А.И.Введенский и митрополит Виталий. Виталий, однако, опоздал к началу. А.И.Введенский начал чин наречения один. Он рассеянно слушал цветистую речь рукополагаемого, когда с трамвайной остановки прибежал запыхавшийся Виталий и занял свое место рядом с А.И.Введенским. Сразу же после наречения архиереи облачились в ризы и, став у Престола, возложили руки на посвящаемого – небольшой хор пропел «Аксиос». Хиротония совершилась¹.

В тот же вечер к запасным путям Казанского вокзала подъехал автомобиль, из которого вышел эlegantный, взволнованный, интеллигентный человек с внешностью киноактера, в модном осеннем пальто и мягкой шляпе, а с ним, седобородый, высокий, богатырского вида старик: А.И.Введенский и митрополит Виталий. С ними рядом стояли миловидная, хорошо одетая молодая блондинка и пожилая женщина в черном платье, похожая на монахиню. Пижонистый молодой человек с усиками, похожий на Александра Ивановича, и другой молодой человек с рыжей бородкой и с безумными, дико блуждающими глазами, от которого пахло водкой, хлопотали около багажника. Это была семья Первоиерарха. Появившийся невесть откуда генерал быстро усадил их в вагон. Там уже сидело несколько скромно одетых людей – руководители баптистской общины – и такой же скромный бородатый человек – старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх.

Едва уселись по местам – в дверях суматоха, внесли чьи-то вещи, почтительно раскрылись двери вагона и в вагон вошел среднего роста старичок с седой окладистой бородой, в золотом пенсне, с подергивающимся от нервного тика лицом, одетый в рясу и монашескую скуфейку. «Какая встреча!» – бросился к нему А.И.Введенский. Улыбнувшись, старичок дружески с ним облобызался. «Да, да, какая встреча!» – сказал пожилой блондин профессорского вида, сопровождавший старичка, и тоже троекратно облобызался с А.И.Введенским.

Вошедшие были старые знакомые А.И.Введенского: в последний раз А.И.Введенский видел старичка в скуфейке 19 лет тому назад, осенью 1922 года. А.И.Введенский был тогда молодым преуспевающим протоиереем – заместителем председателя ВЦУ, а старичок был членом ВЦУ, и на

¹ Описание хиротонии дается мною со слов А.И.Введенского.

осенней сессии в 1922 году они сидели рядом. Теперь А.И.Введенский, уже немолодой и не преуспевающий, был первоиерархом обновленческой церкви, а вошедший носил в это время титул: «Патриарший Местоблюститель Блаженнейший Сергей, Митрополит Московский и Коломенский», а рядом с ним стоял петроградский товарищ юношеских лет А.И.Введенского – митрополит Киевский и Галицкий Николай.

Полный, осанистый протоиерей¹ с благообразным лицом, которое очень портили косые, хитренькие и злобные глаза, стоял рядом и любезно улыбался. Генерал МГБ улыбался снисходительно и иронически, братья-баптисты и старообрядческий архиерей, скромно потупившись, искоса наблюдали за лобызаниями «друзей». Прелестная блондинка нервно пеленала ребенка.

Так началось не имеющее прецедентов в истории Русской Церкви путешествие иерархов вглубь страны. Чего-чего только не было во время этого путешествия. Под Рузаевкой митрополит Сергей почувствовал себя плохо. Люди в белых халатах забегали вокруг него. Здесь было получено из Москвы сообщение об изменении маршрута: по просьбе патриаршего местоблюстителя вагон вместо Оренбурга отправили в Ульяновск. В этот день впервые шепотком было произнесено имя: «Алексий Симанский» (это было тогда, когда митрополиту Сергию было особенно плохо)... Вскоре, однако, митрополиту стало лучше – путь продолжали. Под Ульяновском произошла бурная ссора между братьями – сыновьями А.И.Введенского, перешедшая в бой, который по своей ожесточенности не уступал настоящей битве. Подавленный бурным темпераментом своих сыновей А.И.Введенский растерянно молчал. Митрополит Сергей робко жался в угол. За окнами мелькали сосны и ели...

Наконец, через неделю поезд прибыл в Ульяновск – город, который в течение двух лет (1941 – 1943 гг.) был русским Ватиканом – церковной столицей, местопребыванием высшего русского духовенства. В это время Ульяновск был районным городком Куйбышевской области...

До смешного мало изменился городок со времен Гончарова, он жил тихо, сонной жизнью: в городе почти не было ни заводов, ни фабрик, отсутствовала трамвайная линия, автомобили насчитывались единицами.

Война, однако, вторглась и сюда, в эту тихую волжскую заводь: плачущие матери, первые эвакуогоспитали и эвакуированные москвичи, фантастические цены на рынке...

Здесь была одна маленькая церковка на кладбище, похожая на часовню, в которой служил молодой иеромонах с весьма сомнительной репутацией, много кочевавший по различным течениям, в прошлом григорьевец, потом – обновленец, ныне и сам хорошо не знавший, кто он такой. После прибытия поезда с патриаршим местоблюстителем молодой иеромонах немедленно изъявил свою покорность, и кладбищенская церковь стала первым форпостом Московской Патриархии на ульяновской земле. Однако форпост был слишком жалкий: патриаршему местоблюстителю негде было даже остановиться – начались лихорадочные поиски храма.

¹ Н.Ф.Колчицкий.

Эту проблему разрешить оказалось не так просто: в Ульяновске, городе, когда-то богатом церквями, не осталось не только церквей, но даже храмовых помещений. Гигантская статуя В.И.Ленина возвышалась на самом высоком месте города, там, где когда-то был собор. Сквер был разбит на месте древнего Воскресенского храма. Две городские церкви – Ильинская и Германовская – не были еще снесены, хотя уж давно бездействовали. Однако были они настолько исковерканы, что привести их быстро в сколько-нибудь сносный вид, да еще в военное время, было совершенно невозможно. После долгих совещаний в горсовете Колчицкого озарила блестящая идея – переоборудовать под Патриархию бывший костел на улице Водников (б. Шатальная) с примыкающим подсобным помещением, где жил когда-то ксендз. Вскоре в бывшем костеле открылась небольшая церковь с громким названием Казанский собор, а в бывшую квартиру ксендза въехал патриарший местоблюститель. Таким образом, на берегах Волги православие одержало грандиозную победу над католицизмом – увы! – кажется, это единственная победа за последние сто лет.

Что касается А.И.Введенского, то первые два дня он сидел в вагоне. «Ульяновск так меня ошарашил, что я буквально не мог себя заставить сдвинуться с места», – вспоминал он. Наконец, ему было сказано: «Ищите любое помещение, которое вам понравится, отдадим под храм». После этого Александр Иванович предпринял экскурсию по городу и после долгих поисков забрел в самый отдаленный район Ульяновска – на Куликовку. Здесь он увидел странное помещение: деревянный дом (без купола), но несколько напоминающий церковь. «Бабушка, что здесь раньше было?» – спросил он у первой попавшейся старушки. «Церква, церква здесь была, гражданин. Неопалимая Купина», – ответила бабушка.

«Вот здесь будет наш храм», – подумал Первоиерарх. Стал узнавать, что же находится здесь теперь. Энтузиазм Александра Ивановича значительно остыл, когда он узнал, что теперь здесь находится склад МГБ. Однако то, что ему обещали – было выполнено: на другой же день весь скарб был выброшен из помещения, и на дверях появилось следующее объявление: «Ввиду предстоящего открытия храма просят верующих жертвовать иконы». В городском музее Александр Иванович разыскал царские двери и образ Неопалимой Купины. Митрополит Виталий договаривался со столяром насчет Престола, высчитывал с карандашиком в руках длину и ширину. Новый храм был вскоре освящен: на Престоле был положен антиминос из какого-то давно закрытого храма, на котором корявым почерком было написано черными чернилами: «Божией Милостью, митрополит Александр Введенский». Полусельский деревянный храм неожиданно стал религиозным центром обновленчества на Руси. Довольно поместительный внутри, он совершенно не отапливался. Дары часто замерзали в Святой Чаше. Иней лежал на стенах. Зимой там был почти полярный холод. Одетый в шубу с поднятым воротником и в валенках, на клиросе читал и пел, исполняя обязанности псаломщика, недавний Первоиерарх, митрополит

Виталий. В храме обычно присутствовало десять-пятнадцать бабушек, укутанных вместо шуб в одеяла. По воскресеньям народу было больше: иной раз набиралось свыше сотни человек. Все они с некоторым изумлением смотрели на бритого, горбоносого проповедника, который сотрясал своим прославленным голосом деревянные стены и поражал молящихся своеобразной манерой служения.

И сейчас, в старости, манера служить у него осталась прежняя: полудекадентская – от каждого слова, от каждого жеста веяло Блоком, Солугубом – дореволюционным, декадентским Петербургом.

Он жил недалеко, на улице Радищева, 109, снимая две комнаты в деревянном доме. И здесь, в Ульяновске, он не изменял обычного образа жизни: рояль был главным украшением скромной комнатки. День начинался с Шопена, вечером обычно вступал в свои права Лист. «Ваше величество, нельзя ли играть потише, а то у нас дети...» – обратилась однажды к А.И.Введенскому соседка. Александр Иванович без малейшего изумления обещал играть потише. «Почему она вас так титурует?» – спросил я. «Ну, она же знает, что у меня есть какой-то экзотический титул, только не знает какой», – со свойственным ему юмором отвечал А.И.Введенский...

Для меня всегда останется памятен день 26 декабря 1942 года – морозный, солнечный день, когда я впервые переступил порог маленького дома на улице Радищева. Я приехал сюда из Томска, куда был эвакуирован мой институт (я был преподавателем Ленинградского театрального института).

«Это очень, очень приятно, что вы приехали. Я так рад вас видеть», – этой фразой встретил меня в передней хозяйин дома.

Я не видал его перед этим девять лет (с 1933 года). Ему исполнилось 53 года, но выглядел он на редкость молодо: быстрые, нервные движения, быстро меняющееся выражение лица, хорошо сшитый однобортный пиджак. Лишь седина мелькает в черных курчавых волосах и немного больше грусти в чудесных глубоких глазах.

Этим утром начался знаменательный период моей жизни – время интимного сближения с человеком, которого я с детства считал своим учителем и вождем, которого я всю жизнь любил и которым безгранично восхищался. Здесь, в Ульяновске, началось наше близкое знакомство, оставившее неизгладимый след в душе навсегда.

*

Я хотел написать о нем все, что я знаю. И почувствовал, что не могу этого сделать. Слишком дорог мне этот человек и сейчас, чтоб я мог писать о нем объективно, и слишком острую боль вызывают у меня некоторые воспоминания. Не говоря уж о том, что еще живы многие близкие к А.И.Введенскому люди и я должен щадить их чувства.

Буду писать только то, что представляет собой общий интерес.

В памяти всплывают различные, разрозненные картины.

Вот идем мы в воскресенье на Красную горку, в теплый майский

день к литургии. Он в белом клобуке. Я иду рядом. «Смотрите, мотыльки – вот будете писать обо мне воспоминания – не забудьте написать про то, как мы шли с вами служить литургию, а вокруг порхали белые весенние мотыльки», – говорил он.

Исполняя желание покойного, высказанное двадцать лет назад, скажу от себя: и в душе у него всегда была чистая и ясная весна.

Суров и несправедлив суд человеческий – милосерден и праведен Суд Божий, ибо человек всегда субъективен – вполне объективен лишь Бог. И в справедливости выражается богоподобие человека.

Много упреков люди адресуют А.И.Введенскому. В начале этого тома мы и сами говорили о многих предосудительных поступках. Здесь мы скажем: душа у него была красивая и чистая – душа артиста, поэта, гуманиста и музыканта, впечатлительная и восприимчивая ко всему прекрасному.

Он вставал в воскресенье в шесть часов утра – он часто вспоминал Андрея Белого, который за всю жизнь не пропустил ни одного солнечного восхода. После прогулки он садился за рояль и долго играл, а потом переставал, сидел, задумавшись, над роялем. Я любил смотреть на него в это время: молодое, прекрасное лицо – хорошие и глубокие глаза, проникновенные и лучистые. Но вот – резкое движение: он встает из-за рояля, захлопывает у него крышку и идет в соседнюю комнату читать Правило перед причащением. К Евхаристии он относился с особым чувством: «Евхаристия – это основа моей духовной жизни, всей моей религии», – часто говорил он.

А потом он шел служить литургию. Я часто (постоянно почти в тот период) служил вместе с ним. Служил он по-разному: он всегда был человеком настроения. Одно можно сказать: он никогда не служил механически. Я помню одну литургию Преждеосвященных Даров, когда он был настроен лирически и грустно. Митрополит Виталий густым басом пел: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою», – а владыка Александр стоял и кадил у Престола. И вдруг он начал плакать – так и плакал всю литургию, плакал и утирал слезы и снова плакал, и прерывающимся от слез голосом произносил и возгласы. И какое-то дуновение прошло по храму: у диакона, у певчих, даже у сдержанного и холодного владыки Виталия, у молящихся – у всех на глазах были слезы.

Просто и искренно, без византийской пышности, совершал он эту литургию. «Древнехристианское богослужение, обедня в катакомбах», – подумал я.

Большей частью его служба была, однако, порывистая и эмоциональная. Человек повышенной страстности и горячего темперамента, притом чуткий и впечатлительный, он обычно служил в состоянии особого нервного подъема.

В момент Пресуществления он находился в состоянии особой экзальтации. Громко, каким-то особым захлебывающимся голосом он читал тай-

ные молитвы евхаристического канона. Во время «Тебе поем» он с каким-то надрывом, напоминающим декадентские стихи, произносил призывание Святого Духа. Потом взволнованно, не слушая диакона, произносил слова благословения Даров. На всю жизнь осталась у меня в памяти интонация, с которой он с мучительным надрывом, не видя и не слыша ничего вокруг, восклицал: «Преложив и Духом Твоим Святым», а затем падал плашмя у Престола и долго лежал и плакал, а потом вставал просветленный, успокоенный, добрый...

Он часто говорил о своих грехах, каялся в них публично... всегда был готов заглазить каждый свой грех... Увы! Не всегда их можно было заглазить...

Он был широким человеком – интерес к искусству, к науке, к общественно-политическим вопросам был присущим ему органически – он не мог не думать об этих вопросах. Он был христианским социалистом: «Я могу понять – лишь религиозное обоснование социализма», – говорил он часто.

Вернее, его социализм был религиозно-эстетическим социализмом. «Музыка и религия, религия и музыка – вот что в жизни главное, и надо, чтоб жизнь была наполнена этими двумя божественными стихиями», – часто говорил он.

И отсюда – Анри Бергсон. Он был убежденным последователем французского философа – в Бергсоне его привлекала, как мне кажется, не столько сама философская система, сколько общая религиозная эстетическая окраска, свойственная произведениям великого философа.

Я часто спорил с А.И.Введенским в это время. Мне, идущему от Гегеля, была неприятна та антирационалистическая струя, которой проникнуты произведения Бергсона. Однако Александр Иванович твердо стоял на позициях интуитивизма: по его глубочайшему убеждению, в основе жизни лежит не разум, а мощные жизненные стимулы, их стихийное течение и сплетение – это есть жизнь.

Христианство и сам Христос есть воплощение мощных и прекрасных стимулов – реализация божественной стихии, которая действует в мире. Тогда как дьявол есть субстанция, в которой воплощены все темные, уродливые стихии мира сего.

Оба начала, однако, начала стихийные, иррациональные, в этом был непоколебимо уверен Александр Иванович.

«Каково же место человеческого разума в этом мире?» – спросил я однажды. «Это нечто временное, срединное, равновесие между стихиями», – услышал я в ответ, и он с чувством процитировал мне В.Соловьева:

И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Мы часто разговаривали с ним о смысле жизни и философии, гуляя весной 1943 года по берегу Волги. Свежий ветер дул с реки – стояла чудесная русская весна...

Между тем шла кровавая истребительная война. Жизнь ставила новые и новые вопросы – в церковной жизни назревали важные перемены.

«Обновленчество потерпело крах», – сказал однажды с присущим ему чувством реализма митрополит Виталий.

Конечно, и Александр Иванович не мог не видеть того, что крах недалек. Однако слишком дорого ему было дело всей его жизни, чтоб он мог легко примириться с его провалом. Он не мог и не хотел принять этого несомненного факта. Конечно, и для него было ясно, что обновленчество не может стать господствующим течением в Русской Православной Церкви. При этом он не обманывался насчет действительных причин этой невозможности: «Вся беда в том, – говорил он неоднократно, – что в глазах народа мы являемся, говоря языком Великой французской революции, присяжным духовенством. Нас больше всего компрометирует Красницкий, тогда как Антонин Грановский, несмотря на все свои сумасбродства, нас несколько не компрометирует».

Введенский, однако, считал, что можно сохранить обновленчество, но в качестве своеобразного течения – типа старообрядческого толка, или, если угодно, секты.

Я помню один из его примеров: Армяно-Григорианская Церковь. «Она существует полторы тысячи лет, как своеобразное подобие Вселенской Церкви, – сказал он однажды. – Вот видите, насколько самодовлеющей может быть ересь. Почему бы и нам не сделать нашу, так сказать, «ересь» столь же самодовлеющей, как Армяно-Григорианская Церковь?» – задал он риторический вопрос.

Я промолчал. Тогда я еще не понимал, почему нельзя этого сделать, но мне не нравился провинциализм религиозного течения, живущего местническими интересами и на отшибе от Вселенской Церкви.

Увы! Теперь я ясно и отчетливо понимаю, почему предположение А.И.Введенского было нереально и утопично.

Религиозное течение (раскол, ересь, секта) может существовать действительно тысячелетия («Тому в истории мы тьму примеров слышим»). Однако при одном непременном условии: это течение должно отвечать заветным, сокровенным чувствам какого-то более или менее многочисленного слоя людей. Так, например, армяно-григорианская церковь существует полторы тысячи лет потому, что она (независимо от монофизитской доктрины) стала национальным знаменем многострадального, рассеянного по миру народа. Лишь держась на гребне религиозного фанатизма, может выплыть на историческую поверхность любое религиозное течение.

Такая возможность была у обновленчества в двадцатых годах – и эта возможность могла бы осуществиться, если бы обновленчество пошло путем, которым призывал идти Антонин – путем смелых литургических и канонических реформ. Получилось бы малочисленное, но влиятельное своеобразное течение, и оно нашло бы своих энтузиастов и фанатиков. Однако обновленчество во главе с А.И.Введенским отвергло Антонина. О причи-

нах очень откровенно сказал мне однажды А.И.Введенский: «Я вам скажу правду: я испугался, что останусь один». Но, отказавшись от всяких реформ, обновленчество стерло само с себя всякое своеобразие и превратилось в узкопрофессиональное «поповское» движение, совершенно неспособное вызвать в ком-либо энтузиазм, и этим предопределило свой конец.

Конец наступил весной 1944 года. Меня в это время в Ульяновске уже не было, но, по многочисленным рассказам непосредственных участников событий (в том числе и самого Александра Ивановича), я хорошо знаю обстоятельства катастрофы, которая постигла обновленцев.

Осенью 1943 года состоялась знаменитая встреча И.В.Сталина с тремя митрополитами – после восемнадцатилетнего перерыва Русская Церковь вновь увенчалась патриархом. И Александр Иванович, в здоровье которого проявился перед этим первый тревожный симптом – парез, вскоре также вернулся в Москву, оставив митрополита Виталия и семью в Ульяновске.

В Москве он вступил в управление епархией и каждое воскресенье служил с большим торжеством в одном из обновленческих храмов. В провинции все было спокойно, лишь носились какие-то неясные слухи. В Октябрьский праздник 1943 года А.И.Введенский, по установившейся уже традиции, послал приветственную телеграмму И.В.Сталину, которая была опубликована в прессе. Неясным оставалось лишь юридическое положение обновленчества: в это время были учреждены две правительственные инстанции – Совет по делам Русской Церкви и Совет по делам религиозных культов. А.И.Введенский хотел поставить бы обновленчество в ведение Совета по делам религиозных культов – это создало бы религиозную легализацию, и, наряду с католиками, протестантами, баптистами, могло бы существовать и обновленчество. А.И.Введенскому, однако, без каких бы то ни было оснований было отказано в его просьбе – по-прежнему он оставался в ведении Карпова (в Совете по делам Православной Церкви). Получался юридический нонсенс, который не предвещал ничего доброго: власть упорно отказывалась рассматривать обновленчество как независимое религиозное течение – обновленчество оставалось частью Православной Церкви.

Между тем ранней весной в семейной жизни А.И.Введенского произошло радостное событие: у него родилась дочь Ольга – в Ульяновске, где проживала его семья. Заботливый и нежный семьянин, А.И.Введенский в Ульяновск поехал. Карпов достал ему пропуск – с возвращением в Москву (напомним, что во время войны все переезды из одного города в другой совершались только по пропускам или по командировочным удостоверениям).

Охотник до каламбуров мог бы сказать: день рождения Ольги стал днем смерти обновленчества – действительно, поездка А.И.Введенского в Ульяновск очень облегчала дело ликвидации обновленческого раскола.

После благополучного появления на свет дочери и ее крестин Александр Иванович стал собираться в обратный путь. Здесь следует упомя-

нуть об одном незначительном, но очень характерном эпизоде: в то время в Ульяновске подвизался некий иеромонах Феодосий. Человек морально растленный и во всех отношениях нечистоплотный, Феодосий побывал во всех течениях и, изгнанный отовсюду с позором, примазался к обновленцам. Как всем было известно, Феодосий был штатным агентом МГБ. И вот приходит пьяненький иеромонах к одному из сыновей А.И.Введенского накануне отъезда Первоиерарха в Москву и заявляет: «А владыко-то в Москву не уедет, а пропуск-то окажется недействительным. Вот увидите!»

Никто не обратил тогда внимания на эту пьяную болтовню. И вот на другой день выяснилось, что пьяненький иеромонах оказался провидцем. Когда Первоиерарх в поезд уже сел, к нему подошел проводник в сопровождении двух работников МГБ и попросил предъявить пропуск. После того как пропуск был предъявлен, один из работников его перечеркнул и, сунув в карман, вежливо заявил: «Извините, но пропуск вызывает у нас сомнение, и нам придется запросить Москву. Тотчас после проверки вам будет выдан новый пропуск». И, козырнув, он прошел в следующее купе, а Первоиерарху ничего другого не оставалось, как выйти из вагона за пять минут до отхода поезда. Когда-то, в 20-х годах, Александр Иванович в одной из своих речей назвал «тихоновцев» пассажирами, опоздавшими на поезд советской государственности. Теперь в роли злополучного пассажира (и в буквальном, и в переносном смысле) оказался он сам.

В течение недели сидел А.И.Введенский в Ульяновске и каждый день говорил по телефону с архиепископом Андреем (Расторгуевым), и каждый разговор приносил ему какой-нибудь сюрприз. В первый же день Первоиерарх узнал о том, что в Патриархию отошло Ваганьковское кладбище, затем последовало Дорогомиловское, затем – Пятницкое, Калитниковское, Даниловское. Еще два дня молчания – и Первоиерархом была получена телеграмма от А.И.Расторгуева о том, что он со всем приходом Воскресенского собора в Сокольниках отходит к патриарху. Дом №34 по Сокольническому переулку, принадлежащий А.И.Введенскому, в котором проживал архиепископ Звенигородский, будет, сообщал он, им немедленно покинут. Таким образом, в течение одной недели в Москве остался лишь один обновленческий храм – Пименовский.

Не радовали и вести из провинции: совершенно прекратились всякие известия из Средней Азии. Отчаянные телеграммы А.И.Введенского епископу Сергию Ларину, Гр.Брицкому и И.Е.Лозовому оставались без ответа. Наконец, пришла сухая телеграмма от прот. Лозового (личного эmissара А.И.Введенского), в которой сообщалось, что Средне-Азиатская епархия признала патриарха, «в связи с чем поминовение вашего имени за богослужением нами прекращено».

Это был страшный удар: ведь Средняя Азия была главной цитаделью обновленческой церкви, насчитывавшей 90 с лишним храмов и молитвенных домов. Как мне удалось выяснить впоследствии, из Средней Азии (из Киргизии, из Казахстана) летели в Москву и в Ульяновск к

А.И.Введенскому сотни писем и телеграмм от священников и мирян с запросами – однако ни одного письма А.И.Введенский не получил.

Вслед за Средней Азией пали две другие обновленческие епархии и твердыни – Кубань и Северный Кавказ. Таким образом, обновленческая церковь рассыпалась вся в течение десяти дней. После этого срока А.И.Введенский получил из транспортного отдела МГБ обратно свой пропуск с извинением и с извещением, что в результате проверки пропуск «подтвержден».

Печальным было возвращение А.И.Введенского в Москву. Оно было подобно возвращению хозяина, который по возвращении нашел вместо дома пепелище.

В ведении А.И.Введенского остались всего два епископа: митрополит Виталий и митрополит Северо-Уральский Филарет (все остальные принесли покаяние перед Патриархией и отошли от обновленчества). В его ведении не осталось ни одной епархии, и в самой Москве у него остался лишь один храм: Пименовский. Зато Карпов встретил прибывшего из Ульяновска гостя с утонченной любезностью: он сердечно поздравлял с рождением дочери, передавал привет супруге, подробно расспрашивал о здоровье и т.д. Тут же он обещал оказать содействие в возвращении в Москву семьи А.И. и митрополита Виталия – и он сдержал это слово: через несколько дней пропуск был получен.

Таким образом, взамен утерянной Церкви А.И.Введенскому было предоставлено право наслаждаться семейными радостями. Впрочем, при возвращении семейства произошел характерный эпизод, который не предвещал ничего доброго. В это время А.И.Введенский проживал в Сокольниках, в доме №34 по 3-й Сокольнической ул. Здесь помещался когда-то обновленческий Синод, и, так как Церковь тогда не имела права юридического лица, дом был куплен на имя А.И.Введенского. Проживал он здесь до войны совместно с митрополитом Виталием. Но семейные обстоятельства А.И.Введенского были таковы, что совместное проживание с кем бы то ни было, а особенно с другим иерархом, было очень тягостно. И вот при возвращении ульяновских беженцев в Москву разыгрался следующий эпизод. А.И.Введенский встретил своего собрата и свою семью на вокзале. Однако, к изумлению митрополита Виталия, для приезжих был подан не один, а два автомобиля. Второй автомобиль предназначался для владыки Виталия, и тут Александр Иванович со смущенной улыбкой объяснил, что из «соображений ваших удобств, владыко, я договорился с матерью Анны Павловны о том, что она пока предоставит вам помещение». Сдержанный Виталий молча наклонил голову и поехал в свою новую резиденцию, которая помещалась в полуподвальном этаже.

Затем начались церковные будни. Отныне московский быт обновленческого руководства мало чем отличался от ульяновского. Так же имелся только один храм. Митрополит Виталий, фактически превратившийся в заштатного священника, так же исполнял обязанности псаломщика и тща-

тельно делил кружку. Наконец, так же, как в Ульяновске, причт состоял главным образом из сыновей А.И.Введенского: трое из шести.

Через две недели, перед Великим постом, произошло, однако, новое завершающее и окончательное событие: неожиданно исчез митрополит Виталий – вдруг перестал ходить в церковь (обычно он аккуратно посещал богослужения утром и вечером). После нескольких дней отсутствия Александр Иванович в сопровождении сына отправился его навещать. Войдя в комнату, они увидели митрополита, сидящего в шубе (в 1944 году паровое отопление в Москве во многих домах еще не действовало). Поднявшись навстречу Первоиерарху, митрополит Виталий сказал: «Владыко, я перешел к патриарху». – «Вы каялись?» – спросил А.И.Введенский. «Да, надо мною прочли молитву», – ответил Виталий. Через несколько минут закончилась последняя встреча двух обновленческих Первоиерархов.

Уход митрополита Виталия (теперь он получил от патриарха Сергия титул архиепископа Тульского и Белевского – впоследствии архиепископа Димитровского) был последним, завершающим ударом по обновленчеству. Совершилось то, чего всю жизнь боялся А.И.Введенский, – он остался один.

Между тем, пока А.И.Введенский переживал очень тяжело и мучительно крах своего дела, на периферии завершался процесс ликвидации обновленчества. Из обновленческих архиереев лишь двое – архиепископ Виталий и епископ (впоследствии митрополит) Корнилий были приняты в сущем сане. Несколько до раскола женатых и рукоположенных архиереев были приняты как протоиереи: Василий Кожин, Петр Турбин (бывший Тульский и Белевский), Андрей Расторгуев, Владимир Иванов, Анатолий Синицын. Трое – С.И.Ларин, С.В.Румянцев и Дмитрий Лобанов, получившие все священные степени в обновленчестве, были приняты мирянами (Сергий Ларин – монахом) и должны были начать с пострижения в псаломщики и иподиаконы. Правда, через некоторое время все опять встало на свои места. Женатые архиереи преобразились в протоиереев, а неженатые – снова получили епархии.

В это время возвращаются из ссылки еще несколько обновленческих архиереев, которые также соединяются с патриархом: Сергей Иванцов, бывший архиепископ Запорожский, был принят протоиереем, Тихон Ильич Попов – бывший митрополит Воронежский – принят протоиереем и назначен ректором Богословского института.

Михаил Постников (архиепископ б. Царицынский) принят в сущем сане и вскоре назначен епископом Пензенским и Инсарским.

Александр Щербаков, архиепископ Витебский, принят протоиереем. Покаяния обновленческих архиереев происходили в Патриархии, а покаяния рядового обновленческого духовенства также были келейными (происходили в алтаре).

Епархии, бывшие сплошь обновленческими, принимались архиереем, специально назначенным для этого Патриархией. Так, Средне-Азиатс-

кую епархию принимал архиепископ Куйбышевский Алексей, а Северо-Кавказскую и Кубанскую – епископ (впоследствии митрополит) Ставропольский и Бакинский Антоний.

Вскоре из числа обновленческого епископата осталось три человека: митрополит Северо-Уральский Филарет (Яценко), архиепископ Алексей (Курилев) и архиепископ Гавриил (Ольховик). Из этих трех архиереев самой колоритной и характерной фигурой был митрополит Филарет. К этому времени ему было уже около 80 лет, однако владыка почему-то любил преувеличивать свой возраст и говорил, что ему 86 лет. Бывший гусарский офицер, принявший монашество задолго до революции, Филарет Яценко в течение долгого времени был архимандритом в различных украинских монастырях. Присоединившись в 1923 году к расколу, он был рукоположен во епископа. В 1931 году он совершенно исчезает с арены – что он делал, где он в это время был – никому не ведомо. Появляется он вновь лишь в 1942 году в Ульяновске. Здесь происходит характерный эпизод – митрополит Филарет подает заявление А.И.Введенскому о том, что он просит призвать его с покоя и предоставить ему кафедру. Тут же он был назначен митрополитом Свердловским и Северо-Уральским. Впоследствии, однако, выяснилось, что одновременно с заявлением А.И.Введенскому Филарет Яценко подал заявление и патриаршему местоблюстителю. Не знаю почему: вследствие ли этого опрометчивого шага или вследствие каких-либо других причин, – но когда Филарет Яценко после развала Северо-Уральской епархии постучался в двери Патриархии, он нашел их наглухо закрытыми. Поэтому-то он и оказался единственным обновленческим архиереем, которому было категорически отказано в приеме в Православную Церковь.

Приехав в Москву, Филарет занял вакантное место, оставшееся после ухода Виталия, он стал также безместным священником при Пименовском храме – с громким титулом митрополита Крутицкого.

В это время неожиданно появился в Москве Алексей Курилев (бывший епископ Петропавловский). Типичный сельский священник и по своему характеру, и по своему кругозору, о. Алексей совершенно случайно в двадцатые годы попал в провинциальные обновленческие епископы, а в 1930 году – в эпоху колхозного переворота – тихо и незаметно покинул архипастырскую работу и занимался где-то в глуши физическим трудом. Теперь, после войны, Алексей Курилев поселился под Москвой у сына. Изредка он служил вместе с А.И.Введенским (у Пимена), тщательно скрывая это от своих детей (сына и дочери), которые каждый раз, узнавая совершенно случайно о служениях отца, устраивали ему безобразные скандалы.

Где-то в глубине Средней Азии до 1947 года в киргизском селе служил в качестве сельского священника епископ Гавриил Ольховик. Вот все, что осталось от обновленческой организации к концу войны.

Единственным обновленческим храмом, признанным официаль-

но, был Пименовский храм в Москве. Лицо Пименовского прихода того времени – это лицо умирающего, слабо тлеющего, догорающего обновленческого раскола.

Я вспоминаю об этих последних днях обновленчества, как о каком-то кошмаре. Кошмарное впечатление производил даже самый внешний вид храма: долгие годы не ремонтировавшийся, с осыпавшейся штукатуркой, с потускневшей живописью, храм носил на себе печать «мерзости запустения».

Нерачительный хозяин, человек богемы, А.И.Введенский был совершенно беспомощен в роли настоятеля. Было и еще одно обстоятельство, определявшее плачевное состояние приходского хозяйства: доходы прихода должны были восполнить исчезавшие доходы, стекавшиеся в кассу Первоиерарха еще недавно со всей страны.

Еще более кошмарное впечатление производил причт Пименовского храма: около А.И.Введенского в это время оставались лишь одни обновленческие подонки. Наиболее популярным в приходе священником был некий отец Никита – безграмотный старенький попик, рукоположенный из псаломщиков, – он остался с А.И.Введенским по причине второбрачия. В 1944 году А.И.Введенскому пришла в голову безумная мысль рукоположить его в епископа несуществующей епархии (Бог знает зачем – видимо, чтоб сохранить на всякий случай обновленческую иерархию). И совместно с Филаретом Яценко А.И.Введенский произвел чин наречения. Однако накануне хиротонии, долженствующей произойти в ближайшее воскресенье, на квартиру к А.И.Введенскому позвонил некто Трушин (уполномоченный по делам Русской Православной Церкви по Московской области). «Передайте Александру Ивановичу, – сказал он секретарю, – что я категорически запрещаю служить Филарету Яценко, как незарегистрированному». Хиротония, таким образом, отпала автоматически.

О. Никита, однако, носил после этого панагию и выходил на Малом входе с посохом, считая себя «нареченным» епископом.

Другим священником был о. Андрей Введенский – один из сыновей Александра Ивановича. Человек психически и умственно ненормальный, хронический алкоголик, о. Андрей был знаменит своими скандалами. Его богослужения производили жуткое впечатление: казалось, служит человек, находящийся в белой горячке и сбежавший из сумасшедшего дома. Об этом неудачном отпрыске Первоиерарха, носящем на себе скорбную печать вырождения, можно было бы сказать многое. Есть, однако, обстоятельство, которое несколько примиряет с его памятью: он погиб трагической, страдальческой смертью. Выгнанный отовсюду после смерти отца, несчастный пьяненький священник по Москве скитался еще долго, живя за счет панихидок, которые он служил на кладбищах. В 1948 году за какие-то пьяненькие высказывания Андрей Александрович был арестован, несмотря на то, что психическая ненормальность была совершенно очевидна. Бериевская мясорубка заработала – А.А.Введенский получил стандартные де-

сять лет и был заключен в Каргопольском лагере (в Архангельской области). Через три года он трагически погиб во время безумной попытки к бегству: в тот момент, когда заключенные шли строем на работу, Андрей Александрович вырвался рывком из строя и побежал по направлению к лесу. Восемь выстрелов в спину, изрешетившие несчастного, – такова была расправа МГБ с психически ненормальным человеком.

Таковыми были два священника, служившие у Пимена с А.И.Введенским вместе.

Полусумасшедший пьяница, диакон Рождественский – лишь немногим отличающийся от о. Андрея – А.А.Введенский также служивший диаконом¹, и еще несколько причетников довершали картину. Справедливости ради, надо отметить, что на этом же фоне промелькнуло все ж два порядочных человека. О. Иван Андреевич Попов – бывший учитель, пришедший в Церковь по призванию, глубоко религиозный человек, рукоположенный А.И.Введенским в священника, и Владимир Александрович (Володя) – третий сын А.И.Введенского, добрый, бесхитростный мальчик, служивший в это время диаконом, – представляли собой некоторый – на темном, мрачном фоне обновленческих подонков – просвет.

Сам А.И.Введенский находился в это время в состоянии тяжелой моральной депрессии – наступил самый страшный, тяжелый период его жизни. Его проповеди, ничем не напоминавшие прежнего А.И.Введенского, собирали, однако, огромное количество людей: искорки гения, хотя и потухшего и почти бессильного, все же согревали людские души.

Последние два года жизни А.И.Введенского – это период непрерывной тоски и непрерывных унижений. Оставшись совершенно один, теснимый со всех сторон, А.И.Введенский сделал в это время несколько попыток примирения с Церковью. Эти попытки, совершенно бесплодные, лишь отравили его душу, унизили его в собственных глазах.

Первоначальная попытка была сделана А.И.Введенским на Пасху 1944 года, когда он послал пространную телеграмму патриарху Сергию. Патриарх упоминает об этой попытке в одном из своих писем епископу Александру, напечатанном в книге «Патриарх Сергей и его духовное наследство» (М., 1947).

«А.И.Введенский решил сделать нечто великое или, во всяком случае, громкое, – пишет патриарх. – Прислал мне к Пасхе телеграмму: «Друг друга обьемем» – себя именует руководителем меньшинства в православии, меня – руководителем большинства. Телеграмма подписана: доктор богословия и философии, Первоиерарх православных церквей в СССР. Я ответил: А.И.Введенскому. За поздравление благодарю. Воистину Воскресе. Патриарх Сергей. Дело, мол, серьезное и дурачиться не полагается...» (с.228).

Перед Собором 1945 года А.И.Введенский через Карпова пытался получить приглашение на Собор – тщетная попытка. В дни Собора А.И.Введенский делал несколько попыток встретиться с прибывшими в Москву

¹ Ныне здравствующий. Агент КГБ с 1943 года, виновный в гибели многих людей.

восточными патриархами. Снова неудача. Наконец, после Собора А.И.Введенский капитулировал: помянул на Великом входе патриарха Алексия и стал публично молиться об успокоении патриархов Тихона и Сергия.

В июне 1945 года он написал письмо патриарху Алексию. Начались тягучие, заранее обреченные на неудачу, переговоры с Патриархией.

Получив приглашение, А.И.Введенский в белом клобуке, в панагии направился в Чистый переулок, в Патриархию. Патриарх Алексей, однако, его не принял: он в это время сидел в саду и не вышел к посетителю. А.И.Введенского принял Н.Ф.Колчицкий. Любезно показав гостю помещение Патриархии, Н.Ф.Колчицкий усадил его в зале – начались переговоры. Первоначальный проект А.И.Введенского – быть принятым в сане епископа (причем А.И.Введенский изъявлял готовность изменить свое семейное положение) отпал сразу. Тогда был выдвинут новый проект: вопрос о сане оставить открытым и принять А.И.Введенского в качестве профессора Духовной академии. Однако и этот проект не удовлетворил Н.Ф.Колчицкого, разыгравшего из себя этакого «неусыпного стража православия». Он потребовал покаяния. На этом первое свидание было окончено.

В ближайшие месяцы у А.И.Введенского появился сильный союзник – митрополит Николай, который высказывался за компромиссное решение. Однако твердокаменная преданность православию Н.Ф.Колчицкого, видимо, думавшего, что таким образом можно заставить людей поверить в его идейность (Н.Ф.Колчицкий и идейность!)¹, и глухая антипатия патриарха, оставшаяся с 1922 года, – сделали свое дело. В сентябре Колчицкий объявил по телефону окончательное решение. А.И.Введенский после покаяния может быть принят лишь мирянином, и единственное место, которое ему может быть предоставлено – это место рядового сотрудника «Журнала Московской Патриархии».

Все было кончено: судьба А.И.Введенского была определена – отныне он был осужден на полное одиночество до конца своих дней. При характере Александра Ивановича, при его потребности в триумфах, при его жажде разнообразия – это был смертный приговор.

И вскоре наступила смерть.

Тревожные симптомы, говорившие о тяжком заболевании, обозначились еще в Ульяновске осенью 1943 года. «Гипертония в тяжелой форме» – таков был диагноз, поставленный ульяновскими и подтвержденный московскими врачами. Тяжелые переживания, связанные с распадом обновленчества, тяжелые семейные неурядицы, при нервной, импульсивной натуре Александра Ивановича, усилили болезнь: в ночь на 8 декабря 1945 года его разбил паралич.

Очень медленно стал он поправляться после удара. Я видел его во время болезни трижды. Я пришел к нему Великим постом в 1946 году, он принял меня ласково и невесело провел по комнатам, указал на постель.

¹ Протопресвитер Н.Ф.Колчицкий был с 1930 года и по момент смерти в 1961 году крупным работником (агентом) КГБ.

«Вот мой враг, – сказал он, – как ужасно лежать здесь одному, бессонной ночью – как ужасно!» – повторил он еще раз.

Грустен он был и на Пасху: он служил (несмотря на болезнь) всю Страстную неделю, а на Пасху не мог. Он вышел ко мне в светлом праздничном костюме. «Христос Воскресе, – сказал он и тут же прибавил: – Последняя Пасха».

Особенно врезалась в память последняя наша беседа – 20 июня 1946 года. Мы сидели с ним в саду, он в глубоком плетеном кресле, я – около, на скамеечке. Он был настроен нервно и все время метался, порывался куда-то идти. Болезнь страшно изменила его – передо мной сидел уже старый, седой человек.

Речь его, больная и путаная, однако сверкала блесками таланта – того чудесного таланта, который всегда так радовал собеседника.

«Я предпочитаю общество автомобилей обществу людей, – бросил он мельком, – уж они-то не меняют своих убеждений». И, чувствуя на себе насмешливый, скользящий взгляд собеседника, я смущенно ответил: «Но ведь они и не любят, и не привязываются, владыко».

«Да, да, это правда, не любят и не привязываются. А вы меня любите?» – глаза смотрят так же насмешливо и иронически, теперь прямо в упор.

Серьезно и несколько смущенно я отвечаю: «Да, люблю». И начинаю говорить о том, как много значил он в моей жизни и что он был предтечей того, кто еще должен придти, и вдруг смущенно замолкает, заметив, что употребил глагол «был».

«Ну, да, да! – отвечает он. – Лютер пришел не сразу. У него были предшественники», – замечает он, делая ударение на «были».

Чтобы переменить тему разговора, я рассказываю, как недавно я прочел его юношескую работу «Причины неверия русской интеллигенции» и о своем впечатлении от нее. Он внимательно слушает, опускает голову, и его побледневшие губы произносят латинскую фразу: «Я сделал, что мог, кто может, – пусть сделает больше».

После обеда быстро начинаю прощаться, чтобы не утомлять больного.

Провожает меня до дверей – и в дверях обнимает, трижды целует, а я целую его руку: чудесную тонкую руку, руку пианиста, артиста, гения, теперь – слабую и жалкую, бормочу что-то нечленораздельное, чувствуя комок, подступающий к горлу.

И он снова меня целует, и бледные губы шепчут: «В последний раз!»

Он умер 25 июля 1946 года в жаркий летний полдень. За несколько дней до смерти был новый, последний уже, удар.

Он был в сознании до самой последней минуты и смотрел прямо перед собой блестящими, осмысленными глазами.

«Хотите причаститься?» – спросил священник о. Иоанн Попов.

«Хочу», – твердо ответил он – и до последней минуты все смотрел куда-то вдаль, как бы всматриваясь в наступающую новую жизнь.

26 июля я видел его мертвого. На смертном одре он снова помолодел и теперь был почти таким, каким был в последние годы. Белый подрясник, епитрахиль и малый омофор (он еще не был облачен), густые, черные ресницы и печать тихого раздумья на челе – такое лицо у него было во время наших вечерних волжских прогулок, во время задушевных дружеских бесед.

Я поцеловал его мертвое лицо, а потом долго стоял около смертного одра и думал, и, помню, мелькнуло у меня в голове определение: «Романтик в рясе! Романтик...»

Серая, скучная, прозаическая жизнь никогда не удовлетворяла его – все яркое, необычное, прекрасное привлекало. И он хотел, чтобы жизнь была яркой, необычной, красивой.

Его похороны состоялись в воскресенье 28 июля 1946 г. в Пименовском храме. Служили два архиерея – митрополит Филарет Яценко и архиепископ Алексей Курилев и 12 заштатных священников.

Желая воздать последнюю почесть покойному, я облачился в этот день (в первый и последний раз после Ульяновска) в диаконский стихарь и стоял с рипидой у гроба во время отпевания. А потом я нес гроб – гроб с телом покойного внесли через царские двери в алтарь и затем трижды обнесли вокруг храма.

Он погребен на Калитниковском кладбище, за алтарной стеной, в одной могиле с Зинаидой Саввишной – своей горячо любимой матерью...

И наступил конец. Через два с половиной месяца, 9 октября 1946 года – в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в Пименовском храме была отслужена последняя обновленческая литургия. Накануне было получено предписание от Совета по делам Русской Православной Церкви о передаче Пименовского храма в ведение Патриархии. В середине обедни в храм вошел вновь назначенный настоятель о. Николай Чепурин в сопровождении новой двадчатки. Он сердито договаривался, стоя у свечного ящика, об условиях передачи храма. Горстка молящихся сиротливо жалась к алтарю. О. Никита в алтаре торопливо читал молитвы евхаристического канона... Через полчаса обновленцы покинули храм – обновленчество прекратило свое существование на 25-м году своей истории...

Эти воспоминания я начал на Кавказе, у подножья Машука и Бешту. Я заканчиваю их в Москве, у себя, в пригороде. И сюда, на север, пришла весна – солнышко ярко светит, капли падают с крыш, тает снег...

И хочется верить, что скоро придет весна в мир, наступит весна Церкви – эпоха Преображения, обновления, возрождения душ человеческих.

Об этой весне говорили, проповедовали, писали многие: Федор Достоевский, Владимир Соловьев, Антонин Грановский – все они предчув-

ствовали наступление весны. И о духовной религиозной весне человечества мечтал тот, кому посвящены эти страницы, – великий оратор, проповедник, искатель – Александр Иванович Введенский.

И еще два слова.

Эту главу я озаглавил «Суд» и предчувствую, многие обидятся на меня. Пусть не обижаются... Это суд прежде всего над самим собой. Одни говорят о радости творчества, другие говорят о его муках.

Для меня оно – прежде всего – суд.

Я не придавал никогда никакого значения суду человеческому, будь то суд государства, общества или отдельных лиц, не признаю и не принимаю никакого суда, кроме Суда Божия и суда совести. И творчество – проявление этого суда.

Творить – это значит снова
С троллями в сердце – бой.
Творить – это суд суровый,
Суд над самим собой.

Ибсен Г. (пер. Адмони).

*Пятигорск – Москва
5–21 марта 1962 г.*

Примечания

К стр.30. Рассказ митрополита Нестора (Анисимова) о епископе Антонине (Грановском) интересно дополнить свидетельством митрополита Евлогия (Георгиевского).

«На общем бледноватом фоне преподавательского состава выделялась одна лишь фигура – мрачная, жуткая, всех отталкивающая – иеромонах Антонин. Что-то в этом человеке было роковое, демоническое, нравственно-преступное с юных лет. Он был один из лучших студентов Киевской Духовной Академии, но клобук надел только из крайнего честолюбия, в душе издеваясь над монашеством. Мой товарищ о. К.Агтеев (тоже Киевской Духовной Академии) рассказал мне, как Антонин вечером уходил потихоньку из Академии и, швырнув обратно в комнату через открытую форточку клобук, рясу и четки, пропадал невесть где... Впоследствии он проявлял странности, похожие на ненормальность.

В московском Донском монастыре, где он одно время жил, будучи смотрителем духовного училища, завел медвежонка – от него монахам житья не было: медведь залезал в трапезную, опустошал горшки с кашей и пр. Но мало этого. Антонин вздумал делать в Новый год визиты в сопровождении медведя. Заехал к управляющему Синодальной конторой, не застал его дома и оставил карточку «иеромонах Антонин с медведем». Возмущенный сановник пожаловался К.П.Победоносцеву. Началось расследование. Но Антонину многое прощалось за его незаурядные умственные способности. Он был назначен инспектором моей родной Тульской семинарии. В этой должности он проявил странное сочетание распущенности и жандармских наклонностей. Завел в семинарии невыносимый режим, держал ее в терроре; глубокой ночью на окраинах города врывался ураганом в квартиры семинаристов, чтобы узнать, все ли ночуют дома, делал обыски в сундуках, дознавался, какие книги они читают, и т.д. И в то же время его келейник устроил в городе что-то предосудительное, вроде «танцкласса», где собиралась молодежь обоего пола. Семинаристы не выдержали и решили с Антонином покончить. Набили порошу в полено – и ему в печку. Но взорвало одну печку: Антонин куда-то ушел обедать, это его спасло. Началось дознание, приехал ревизор, темные дела инспектора раскрылись... Его бы следовало сослать в какой-нибудь глухой монастырь на покаяние, а его назначили преподавателем в Холмскую семинарию...

Огромный, черный неуклюжий, он производил тяжелое впечатление. Инспектор, наш добрый о. Игнатий говорил о нем:

– Смотрите, злобой, злобой от него смердит!

И верно – к ученикам он относился с какой-то холодной жесткостью, беспощадно осыпая их «единицами». (Он преподавал Священное Писание Ветхого Завета.) Чувствовалось в нем что-то трагическое, безысходная душевная мука. Помню, уйдет вечером к себе и, не зажигая лампы, часами лежит в темноте, а я слышу через стену его громкие стенания: ооо-

ох... ооо-ох... ооо-ох... Мы за него боялись, приходили проведать. Заставали в темноте на койке, расспрашивали, утешали; он упорно стонал...

Когда к нам приехал В.К. Саблер, Антонин повеселел, и даже добродушно пожаловался на нашего воителя с бесами, о. Игнатия:

– Скажите, Владимир Карлович, о. Игнатию, чтобы он бесов не посылал ко мне. Они к нему запросто ходят...

Саблер смеялся.

Как-то отошел и повеселел Антонин тоже, когда мы гостили на святках у архиепископа Флавиана в Варшаве (это было в первый год моего приезда в Холм). Прожили там одну неделю, в архиерейских покоях; вместе с владыкой обедали, потом в гостиной пили кофе и в совместной дружеской беседе проводили вечер. Душою общества был молодой викарный епископ Тихон. Восхитительные вечера! И до того не похожа была их теплая, родственная, веселая атмосфера на ледяную температуру во владимирском архиерейском доме! Я не знал, как мне за эти светлые дни Бога благодарить... Архиепископ Флавиан ласково говорил с Антонином, и это, по видимому, его обрадовало: он как-то встрепенулся, повеселел.

Впоследствии он отпросился у архиепископа Флавиана в отпуск и поехал в Рим. Владыка очень за него боялся и жалел что отпустил. Антонин всем казался человеком, за которого поручиться нельзя. Но из Рима он благополучно вернулся.

Помню странную выходку Антонина на прощальном обеде в клубе, по случаю отъезда архиепископа Флавиана, назначенного Экзархом Грузии. Дело было Великим постом. За столом велись оживленные беседы, были речи... Антонин сидел сумрачный, и вдруг – его бас на весь стол: «А котлетки-то были телячьи...». Неловкое молчание. Архиепископ Флавиан, устроители, гости, – все сконфузились.

Летом 1898 г. незадолго до отъезда епископа Тихона в Америку, Антонина возвели в сан архимандрита и назначили ректором Благовещенской семинарии. На Пасхе там случайно не было архиерея, и следовательно, высшим духовным лицом в городе был ректор. Заменяя архиерея, он служил в соборе. Возникла у него какая-то ссора с губернатором, которую, однако, тот желал поскорей уладить. После обедни губернатор подошел ко кресту, но Антонин передал крест сослужащему священнику – и ускользнул из храма. Губернатор – к нему на квартиру. Антонин его не принял. Начались объяснения, переписка... Все это Антонину надоело, и он, внезапно бросив семинарию, уехал в Петербург; явился к Саблеру и заявил: «Я больше не хочу!» Его назначили в цензурный комитет. Жил он в Александро-Невской Лавре, написал исследование о «Книге Варуха», бывал на собраниях в «религиозно-философском обществе», водил знакомство с Розановым, который ему подарил свои сочинения с надписью: «Нашему Левиафану». Потом Петербургский митрополит Антоний, во внимание в его таланту и ученым трудам, сделал его своим викарием, епископом Нарвским. Все его за это назначение порицали – и не без основания. В

1905 г. Антонин самочинно выкинул из богослужения слово «самодержавнейшего» и стал писать в «Новом Времени» о конституционном соотношении законодательной, исполнительной и судебной власти, как о подобии Божественной конституции во Св. Троице. Св. Синод и особенно обер-прокурор возмутились и Антонина уволили заштат, в Сергиевскую Пустынь, с запрещением выезда за ее пределы. Эта репрессия его озлобила. Митрополит Антоний вновь над ним сжалился: он снова появляется в Петербурге, а затем назначается епископом Владикавказским. Там он заболел белокровием. Мне, на Вольнь, пришел указ – отправить в помощь больному моего викария, преосвященного Фаддея. Это было в конце февраля 1917 г., перед самым началом революции; преосвященный Фаддей едва смог добраться: на железных дорогах уже шли забастовки. Прямо с вокзала он приехал в собор, а после обедни направился к болящему епископу. Позавтракали. И вдруг – келейник с докладом:

– В приемной повесился священник...

Антонина по болезни уволили на покой в Богоявленский монастырь (в Москве). Во время Церковного Собора я его навещил. Он ходил в рваном подряснике, подчеркивал свое униженное заштатное положение и мне жаловался: «Меня забыли... меня все бросили...». Я узнал, что он иногда бродит по улицам Москвы и, как бездомный, валяется на скамейках перед монастырем. Когда у нас с ним зашла речь о митрополите Тихоне, нашем сослуживце по Холму, он высказался против него. Потом митрополит Тихон мне говорил, что Антонин ничего слушать не хочет, что с ним не знаешь, что и делать... Дальнейшее известно: Антонин порвал с Православной Церковью и возглавил какое-то объединение, именовавшее себя «церковью» (кажется «церковью возрождения»); вскоре он скончался.

Жуткая, мрачная фигура...» (*Евлогий, митрополит*. Путь моей жизни. М.: 1994, с. 99-101.)

К стр.34. Исследование о архиепископе Андрее (Ухтомском) вышло из печати в Москве в 1990 г. (*Зеленогорский М.Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея.)

К стр.42. Здесь фактическая ошибка. Иеросхимонах Алексей (Соловьев) не был слепым ко времени избрания Патриарха. См. мемуары митр.Евлогия (Георгиевского), а также книги «Старец Алексей Зосимовой пустыни» (Париж, 1989); *Четвертухин Илья, протоиерей, Четвертухина Е.* Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни (Сергиев Посад, 1995).

К стр.53. Съезд эмигрантского духовенства и мирян в г.Сремски Карловцы в 1921 г. положил начало деятельности карловацкого раскола, последователи которого именуют себя «Русской зарубежной церковью». См.об этом в трудах профессора *Троицкого С.В.* Размежевание или раскол (Париж, 1932), «О неправде карловацкого раскола» (репринт Московской Патриархии 1992 г.), а также – *Митрофанов Георгий, священник* «Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы» (СПб.,

1995), *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке (М., 1995), Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии (М., 1995).

К стр.63. Материалы, связанные с судебным процессом над Петроградским духовенством в связи с изъятием церковных ценностей в 1922 г., опубликованы в кн. «Дело митрополита Вениамина» М., 1991 г.

К стр.64. Н.С.Гордиенко в книге «Русское православие. Вехи истории» (М., 1989) на с.622 пишет, что, выступая в качестве свидетеля на Петроградском процессе 1922 г., Патриарх Тихон «пытался уйти от ответственности за те эксцессы, которые были спровоцированы духовенством во исполнение его предписаний, и переложить всю вину на непосредственных участников эксцессов». Публикации протоколов допроса Патриарха (см., например, кн. *Вострышева М.* Патриарх Тихон. – М., 1995, с.192-219) ярко демонстрируют наглую ложь, на которой было основано «научно-материалистическое мировоззрение», взятое на вооружение «советскими исследователями» в их борьбе с религией.

К стр.71. Профессор С.В.Троицкий указывает, что свидание обновленцев с Патриархом 18 мая 1922 г. было вторым, а не третьим. (*Троицкий С.В.* Живая церковь. Варшава, 1927, с.6.) Об обстоятельствах этого посещения говорит послание Патриарха Тихона, опубликованное 15 июня 1923 г.

К стр.75. Нарушение канонического строя церковного устройства едва ли можно оправдать задачей обновления церковной жизни. Всякое своевольное покушение на церковную дисциплину (независимо от того, исходит оно от мирянина или от епископа) не только порождает анархию, но и является произволом, ущемлением прав церковного сообщества в целом, подрывает соборность – важнейший принцип организации церковной жизни.

К стр.80. О кампании вскрытия мощей см. недавно вышедшую книгу *Кашеваров А.Н.* Государство и Церковь. Из истории взаимоотношений советской власти и Русской православной церкви 1917-1945 гг. СПб., 1995, с. 69-89.

К стр.90. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 31 марта – 4 апреля 1992 г. прославил Священномучеников Вениамина, митрополита Петроградского, архимандрита Сергия (Василия Павловича Шеина) и мучеников Юрия (Юрий Петрович Новицкий) и Иоанна (Иван Михайлович Ковшаров). Их краткие жития см. Православный церковный календарь. 1994, (издание Московской Патриархии), с.6.

К стр.104. Интересно привести здесь отрывок из книги Н.А.Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». «Никакого реформационного движения во время революции у нас не было. Руководители живой церкви (...) лишены были всяких творческих религиозных идей. Это было лишь приспособление части православного духовенства к существующей власти, не реформация, а конформизм. Тут сказывалась традиция старого рабства церковной иерархии у государственной власти. Живоцерковники потому

уже не заслуживают никакого уважения, что они делали доносы на патриарха и иерархов патриаршей церкви, занимались церковным шпионажем и приспособлялись к власти имущим, они имели связь с ГПУ. Никогда никакое обновляющее реформационное движение не начиналось с приспособления и конформизма, с доносов и шпионажа, оно начиналось с того, что его глашатаи сами несли жертвы, а не делали жертвами других. Живоцерковное движение никаких новых религиозных идей не имело, оно ничего другого не говорило кроме того, что церковь должна приспособляться к советской власти. Но это не есть религиозная идея» (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990, с.147.)

К стр.117. Точка зрения авторов не совпадает с мнением Издательства Крутицкого Патриаршего Подворья.

К стр.118. Проф.С.В.Троицкий, разъясняя в своей книге отношение Вселенского и Александрийского Патриархов к «Живой Церкви», указывает на эмигрантские источники, наверняка бывшие недоступными для А.Э.Левитина и В.М.Шаврова во время их работы над книгой в 1960-х гг. По данным, приводимым в книге проф.Троицкого, Константинопольский Патриарх Мелетий IV и его Синод постановили на заседании 24 апреля 1923 г. рекомендовать русским иерархам воздержаться от общения с «Живой церковью». Преемник Патр.Мелетия – Григорий VIII называл «живцов» незаконными захватчиками церковной власти в России. В то же время С.В.Троицкий признает, что «наблюдались факты и другого порядка». (Троицкий С.В. Что такое «Живая церковь», с. 34-36.) Во всяком случае неизвестен никакой официальный документ, свидетельствовавший об официальном признании Константинопольским и Антиохийским Патриархами движения «Живой церкви».

К стр.119. Историк-эмигрант М.Агурский, используя свидетельства А.Левитина и В.Шаврова, пишет в своей книге «Идеология национал-большевизма»: «На стороне обновленцев оказалось немало активных участников крайне правых партий (дореволюционной России. – И.С.). Одной из ключевых фигур и главным резидентом ГПУ в обновленчестве стал прот. В.Красницкий, до революции священник церкви С<оюза> Р<усского> Н<арода> в Петербурге, читавший в период процесса над Бейлисом публичную лекцию об употреблении евреями христианской крови. Активным членом СРН был и другой видный обновленец, св<ященник> С.В.Калиновский. Вообще на первом соборе Живой Церкви из шести докладчиков трое были бывшие члены СРН: В.Красницкий, Д.Адамов, А.Дьяконов. Последний стал обновленческим епископом Харькова. Среди активных обновленцев некоторые были депутатами Думы от СРН или же выставлялись на выборы в Думу от этой партии. Депутат Думы 2-го созыва прот. С.Маньковский стал обновленческим епископом Фотием. Депутаты Думы 4-го созыва протоиерей Т.Попов и В.Лентовский стали соответственно обновленческим митрополитом Воронежским и епископом Казанским. Прот.А.Надеждин, выставлявшийся на выборах в Думу от СРН, стал обнов-

ленческим еп. Вологодским». Приводя эти факты, М. Агурский считает, что обновленчество «по иронии судьбы (...) способствовало усилению национал-большевизма, поскольку расширило часть населения, признавшего большевизм и с национальной, и с религиозной точек зрения» (Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980, с.109-110).

К стр.205. Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 31 окт.1990 г. приговор Петроградского Революционного трибунала от 10 июня–5 июля 1922 г. и определение Кассационной коллегии Верховного трибунала ВЦИК от 26 июля 1992 г. в отношении осужденных по делу об изъятии церковных ценностей отменены, и уголовное дело производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

К стр.224. Программа церковных преобразований «Живой церкви» едва ли может быть названа «принципиально не противоречащей православию». Так, например, в ней говорится о догматической и канонической реформах. Догматы есть определения истины, признанные Церковью, протекающие из Священного Писания и Апостольского Священного Предания. Истина же остается неизменной, т.е. неподверженной влиянию времени. Поэтому «догматическая реформа» есть не что иное, как «реформа истины», невозможная в принципе. Каноны по церковному учению есть предписания, относящиеся к церковному строю и церковному управлению. Они являются обязанностями членов Церкви – священнослужителей и мирян, вытекающими из нравственных основ Евангельского и Апостольского учения. Правила Церкви, установленные на Вселенских Соборах, не могут быть изменены (реформированы) Поместным церковным собором, не имеющим таковой компетенции (см. об этом в кн. Помазанский М. Православное догматическое богословие в сжатом изложении. Н.У., 1963).

К стр.242. Речь идет о Хьюлетте Джонсоне, настоятеле Кентерберийского собора, лауреате международной ленинской премии «За укрепление мира между народами», стороннике идеи «близости» коммунизма и христианства. Эта мысль была высказана Джонсоном в книге «Христианство и коммунизм» (М., 1957 г.), составленной на основе его проповедей, произнесенных в Кентерберийском соборе.

К стр.250. Д. Боголюбов, являясь Петербургским епархиальным миссионером, публиковал в годы первой русской революции в обновленческих журналах свои статьи, в которых он критиковал социалистическое учение, указывая на его несовместимость с Христианством (см., например, «Церковный голос», 1906, №1, с.19-21).

К стр.251. Парижский религиозно-философский журнал «Путь» в своем первом номере, вышедшем в 1925 г., поместил статью участника Московского епархиального съезда для выборов членов собора 1923 г. мирянина П.К. Иванова. «Я, – говорилось в статье, – (...) свидетельствую здесь правду о том, как происходил этот съезд, правду, попорченную в газетных сообщениях из Москвы». Автор статьи сообщил читателям о настроениях многих делегатов съезда, особенно из крестьян, которые категоричес-

ки отвергали идею о необходимости каких-либо «догматических реформ» в Церкви. Он рассказал также о давлении, которое было оказано на депутатов с целью избрать в состав участников предстоящего собора членов «Живой церкви». Общая картина съезда и подготовительных к собору собраний действительно не совпадает с описаниями, данными в советских газетах. (См. *Иванов П.К.* Епархиальный съезд в Москве 1923 г. – Путь, 1925, №1, с.106-112)

К стр.302. В 1925 г. католический священник Мишель Д'Эрбиньи провел три недели в большевистской Москве, где стал свидетелем одного из диспутов с участием А.Введенского и А.Луначарского. Сам Д'Эрбиньи, как это видно из оставленных им записок, имел некоторое сочувствие к деятелям советского «обновленческого движения», которое он разделял на «красные Церкви» и «синодальную церковь» (имея в виду сторонников Синода, образованного под руководством обновленческого митрополита Евдокима (Мещерского). Интересно привести здесь отрывок из книги Д'Эрбиньи «Церковная жизнь в Москве» с описанием диспута между Введенским и Луначарским, имевшим место 6 октября 1925 г.

«В самый день моего прибытия я увидел большие белые афиши, которые возвещали, что 6-го октября комиссар народного просвещения Луначарский даст противорелигиозную конференцию. Митрополит А.Введенский записался оппонентом. Идеализм и материализм должны были, таким образом, вступить в борьбу перед московской публикой в большом Экспериментальном театре, в котором насчитывается 6000 нумерованных мест. Получить место было нелегко. Несмотря на то, что билет стоил полтинник золотом, т.е. около 6 франков, все места были раскуплены. Конференция была назначена на 8 часов, но уже с семи часов большая толпа окружала подступы к театру, мешала трамвайному движению и под натиском конной полиции то отливала, то прилиwała под дождем и снегом. (...) Нам отводят места в первом ряду за президиумом. Вся остальная сцена занята группами молодежи, может быть, комсомолами, студентками и служащими девицами в красных платочках, рабочими, солдатами. С наших мест превосходно видна вся зала и каждое движение слушателей. Театр битком набит, но публика спокойна. Во время речей слушатели хранят почти набожное молчание. Зала залита ослепительным электрическим светом и натоплена. Почти все слушатели в рабочем платье, и декольтированных мало. Курить воспрещается, так же, как и в трамвае, и никто не осмеливается нарушить запрещение городского совета, какова бы ни была страсть к неугасимой русской папиросе... В течение долгого заседания несколько молодых людей очень приличного вида с именами крупной аристократии находятся в расположении президиума для исполнения поручений. (...) Луначарский один старается подделаться под народ и умышленно небрежничает. Он входит, он говорит, руки в карманах; его вестон слишком короток и помят; галстук съехал на бок, воротничок не первой свежести. Комиссар народного просвещения, известный больше в качестве смело-

го, антирелигиозного драматурга, как кажется, играет немножко комедию... Он входит около девяти часов. Его встречает горячая овация. По меньшей мере три четверти слушателей, стоя, долго аплодируют ему. Другие, может быть, побольше тысячи, молча сидят; среди них множество православных священников в рясе с наперсным крестом и несколько епископов с пангией, которые пришли подбодрить защитника веры христианской. В общем, зрелище очень странное и мое присутствие на этой сцене, сзади председателя, немало удивляет и меня. Большинство слушателей не видали римского одеяния. Луначарский долго с удивлением смотрит на французского профессора, бритого священника, сидящего рядом с русским митрополитом с длинной бородой. Зал переполнен. Председатель без всякой речи дает слово «товарищу комиссару». Речь эта была очень длинна. В течение почти двух часов Луначарский, прогуливаясь по сцене взад и вперед, с видом доброго малого, в разговорном тоне «доказывает» бессмыслицу религии и ценность материализма... Будучи совершенно беспристрастным, я должен все же сказать, что речь его была просто жалка. Он много читал, как говорят, он говорит на нескольких языках, иностранные дипломаты считают его очень остроумным рассказчиком. Его апология материализма, вероятно, слишком часто повторяемая, перестала его интересовать, если он когда верил во все это сам. Он не зажигает публики. Его тема, длинно развиваемая, в том, чтобы отыскать в анимизме причину религии, а в империалистическом и буржуазном капитализме – причину ее развития. (...) Бесконечные доказательства развивали это положение, но публика, видимо, уже слышала их не раз и не реагировала на них. Ни единого раза аплодисменты не прерывали этой длинной речи, только раз улыбка пробежала по внимательным лицам слушателей. Их браво в конце были более похожи на выполнение обряда, чем на энтузиазм. (...) Митрополит А. Введенский сумел с первых же фраз привлечь к себе внимание, завладеть симпатией аудитории и, дав ей немножко посмеяться, тем обеспечить себе успех. В легком тоне и широкими штрихами резюмировав речь комиссара, скромно он спросил, какие же перемены диктатура пролетариата могла внести в науку, каким образом «рабочая» истина и наука могли заменить собою науку «буржуазную», каким образом Совет может когда-нибудь придумать иную арифметику, чем дважды два – четыре. Если, таким образом, истина остается непоколебимой, вопреки всем революциям, политическим и социальным, то научно ли измерять ценность религии переменами в правительственном аппарате? Чтобы разрешить проблему материализма и идеализма, сила, число не имеют никакого значения: только истина... Сразу вся речь Луначарского рухнула. Митрополит говорил легко и очень просто. Широкие складки его черной рясы подчеркивали его высокую, стройную фигуру: на груди у него виднелись знаки его епископского и митрополичьего достоинства и крестик доктора богословия. Очень молодой – ему только 36 лет, безбородый, с орлиным носом, он стоял более часа на авансцене, не разгуливая, как его противник, и сперва не жестику-

лируя; простая и проникновенная речь его постепенно оживлялась и к концу зазвучала горячими тонами могучего и страстного красноречия. Аудитория была сразу зачарована и взята в руки. Странное зрелище представляла эта атеистическая толпа, которую покорял силою своего слова епископ. Шесть раз вырывал он ее почти единодушные аплодисменты, когда он вознес хвалу Богу, религии и Божественности Христа. Насмешкам по поводу анимизма он противопоставил научное и философское исследование о природе человека: одно тело или тело и душа? (...) Рабочие, солдаты, студенты аплодировали вместе со священниками: две молоденькие, очень декольтированные стенографистки бросили запись: они слушают. Луначарский, который до сих пор сосал свой длинный карандаш вместо папироски, чуть не проглатывает его целиком: на лице его слабая улыбка, взгляд потерялся в пространстве. А со всех концов сцены и зала летят в президиум тучи маленьких беленьких билетиков: одни слушатели просто просят потушить сзади оратора свет, который мешает им видеть лицо митрополита, другие предлагают свои опровержения. Председатель, его помощники, его курьеры то и дело встают, чтобы поднимать эти записки, читать их, складывать на стол. Свет тушат, а Введенский продолжает. Религия, о которой он будет говорить, не гипотеза, не абстрактные выводы философии. Бог, Отец человеческой души и высший Дух, любит души и приближает Себя к человеку. Он принял в Себя человеческую душу. Он воплотился. Рожденный человеком и оставаясь Богом, Христос воплощает для человека конкретный и живой идеал. С огнем, словами веры и любви митрополит говорит о Христе, о Его Божественности, о Его служении. Эта проповедь, на этой сцене, в этом театре, перед зрителями посреди Москвы 1925 года – поразительна! Аудитория, кажется, симпатизирует оратору все больше и больше, Луначарский загнал свой карандаш в рот почти весь, – только маленький кончик его виднеется между губами... Напомнив, какие изменения произвело дело Христово в мире, главным образом, для блага рабочих и бедных, оратор готовится резюмировать. Товарищ комиссар с радостью заявил, что уничтожение царской власти было триумфом атеизма. Но русские люди, которые не посещают теперь церквей, разделяются на три категории. Во-первых, это очень немногие образованные люди, вроде товарища Анатолия Васильевича, наука которых, как я показал, не оправдывает ни материализм, ни атеизм, во-вторых, класс более многочисленный, которые мало учились сами, но которые говорят себе, что товарищ Анатолий Васильевич здорово умен, что много он учился, а раз он атеист, то и они, в свою очередь, могут быть атеистами. Наконец, в-третьих, много есть таких, которые не ходят в церковь поневоле; чтобы жить, чтобы поддерживать свои семьи, они сделались чиновниками и бояться быть выгнанными, если они пойдут в церковь. Это не атеисты, но христиане. Конец фразы теряется в оглушительном гвалте: аплодисменты и ругательства смешиваются. Со сцены, с партера, из лож бешеные голоса требуют, чтобы оратор отказался от своих слов: «Вы оскорбляете нас, возьмите свои слова

обратно! Вы злоупотребляете свободой, которую вам дают! Довольно! Вон его!» Справа, бешено жестикулируя и крича, к митрополиту бросается какой-то гигант. Тот, тонкий, спокойный, бесстрастный, лицом к зрителям, спокойно ждет конца шума. Председатель звонит. Маленькие билетки сыплются вокруг него частым дождем. Луначарский грызет конец карандаша... Один из епископов, слева, поблуднев, хватая меня за руку: «Мне кажется, он не осторожен. Он раздражает их...» По истечении нескольких минут шум затихает. Митрополит не шевельнулся, не сделал ни единого жеста. Председатель, от которого требуют призвать оратора к порядку, отказывается: «Вы хотели выслушать оппонента, прекрасно, слушайте...» Митрополит возобновляет свою речь. Гигант, который угрожал ему только что в спину, снова бросается к нему и подает ему лист бумаги, покрытый ругательствами и угрозами. Митрополит, приняв бумагу, рвет ее, бросая на сцену и с растущей силой продолжает (...) Аудитория глубоко взволнована. «У нас нет никого, кто говорил бы так, как этот епископ...» – говорит сзади меня женщина в красной повязке. Аплодисменты гремят повсюду. Даже на сцене. Большинство аплодирует стоя. Многие, которые при входе считали себя атеистами, трепещут всей своей славянской душой и чувствуют себя христианами. Уже почти полночь. Вытирая пот, Введенский садится. Луначарский, закинув голову за спинку стула и вытянув ноги, все курит свой карандаш. Глаза его закрыты, руки в карманах и кажется, что он спит» (*Д'Эрбиньи М.* Церковная жизнь в Москве. Париж, 1926, с.56-62).

К стр.303. См.о нем: «Отец Алексей Мечев. Воспоминания, проповеди, письма» Париж, 1989; «Храм св.Николая в Кленниках». М., 1991.

К стр.315. По воспоминаниям С.Волкова 13 марта 1917 г., согласно указанию тогдашнего обер-прокурора Синода В.Н.Львова профессор Б.В.Титлинов произвел ревизию Московской духовной академии, «...в результате которой были признаны незаконными многие действия ее ректора, епископа Феодора (...) В апреле академию навеситил сам Львов, беседовал со студентами и профессорами, а 1 мая состоялось увольнение епископа Феодора от должности ректора...» (См. *Волков С.* Последние у Троицы. М.–СПб., 1995, с. 52.) Волков указывает, что еп.Феодор был близок к Московскому митрополиту Макарию (Невскому), поставленному на Московскую кафедру по протекции Г.Распутина. Сразу же после отрешения еп.Феодора от ректорства всеми делами академии фактически управлял архимандрит Иларион (Троицкий). Летом 1917 г. в академии проходил съезд ученого монашества. Важнейшую роль на съезде, высказавшемся против реформы в духовных академиях на началах автономии, играл епископ Феодор. Здесь проявилось резкое расхождение позиций будущего архиепископа Илариона (Троицкого) с епископом Феодором (там же с.54). С.Волков пишет также, что в 1909 г., после назначения еп.Феодора на ректорскую должность, «... часть прогрессивно настроенных профессоров была вынуждена покинуть ее стены» (с.67). Он упоминает о гонениях со

стороны еп. Феодора на проф. М.М.Тареева, которому в свое время покровительствовал еп. Евдоким (Мещерский).

К стр.320. См. книгу его воспоминаний: *Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Я люблю страдания.* М., 1995.

К стр.321. Об о. Николае Смирнове см. в кн. *Арсений (Жадановский), епископ.* Воспоминания. М., 1995, с.32 – 42.

К стр.328. Митрополит Макарий (Невский), бывший алтайский миссионер, был поставлен на московскую кафедру благодаря влиянию Г.Распутина. Это обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе престарелого иерарха после падения самодержавия. Вместе с петроградским митрополитом Питиримом (Окновым) он был уволен на покой с проживанием в подмосковном Николо-Угрешском монастыре. Сюда к нему приезжал его преемник на московской кафедре – Патриарх Тихон.

К стр.357. О жизни и деятельности митр. Мануила см.: *Иоанн (Снычев), митрополит.* Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1993.

К стр.381. Архиепископ Иларион (в миру Владимир Алексеевич Троицкий) скончался от сыпного тифа 28 дек.1929 г. и был погребен на Новодевичьем кладбище Петербурга. Могила преосвященного пользуется большим почитанием православных жителей северной столицы. В 1991 г. в Москве переиздана книга архиеп. Илариона «Христанства нет без Церкви».

К стр.382. В последние годы исследованием жизни и деятельности митр. Петра (Полянского) плодотворно занимается иеромонах Дамаскин (Орловский). См., например, его статью «Жизнеописание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского)» в «Вестнике РСХД» №166, 1992, с.213-243, а также раздел в книге: *Орловский Дамаскин, иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1996, т.2, с.341-369.

К стр.413. Об отношении Св.Патриарха Тихона к т.н. «новому стилю» см. «Заявление Святейшего Патриарха Тихона во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (относительно реформы календаря) (30.09.1924)» в книге: «Русская Православная Церковь в советское время», М., 1995, т.1, с.237 – 241.

К стр.448. Тучков Евгений Александрович (1892-?) окончил четырехклассную сельскую школу, с 1907 г. служил конторщиком в Иваново-Вознесенске, в 1915 г. – призван в армию, после 1917 г. заведовал «юридическим отделом» в Иваново-Вознесенской ЧК. Затем занимал должность в Уфимском губернском комитете ВКП(б), состоял управляющим делами 1 Уфимского коммунистического батальона. После перевода в Москву являлся особо уполномоченным по надзору над церковными делами в ОГПУ-НКВД (до 1939 г.), имел прозвище «Игумен». По некоторым данным скончался, лишившись зрения, и похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Интересные сведения о личности Тучкова можно почерпнуть из воспоминаний монахини подворья Серафимо-Дивеевского монастыря в Москве

Анфий (см. в книге «Патриарх Тихон и история русской церковной смуты», М., 1994, т.1, с.192-205).

К стр.460. Посетивший Москву в 1928 г. митрополит Литовский и Виленский Елевферий (Богоявленский) был изумлен, увидев на паперти одного из переполненных московских храмов нескольких жалкого вида священников, просящих милостыню. Впоследствии ему разъяснили, что это, вероятнее всего, живоцерковники, вынужденные прихожанами оставить приход и перебивающиеся милостыней в Москве (см. *Елевферий (Богоявленский), митрополит. Неделя в Патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву.* – в кн. «Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии». М., 1995, с.191).

К стр.462. Из вышеперечисленных в обновленческом документе имен эмигрантских архиереев лишь митрополит Евлогий (Георгиевский) был уполномочен управлять русскими заграничными приходами (в Западной Европе). В то же время деятельность митр. Антония (Храповицкого) и Анастасия (Грибановского) не только не получала одобрения со стороны руководства «тихоновской» Церкви, но, наоборот, рассматривалась как раскольническая.

К стр.475. В дореволюционной России существовали строгие правила благоустройства православных храмов. Особенное значение придавалось недопущению в храмы несвойственных святости места предметов, «нарушающих достоподобное к дому Господню уважение и пристойнейшее для оного благолепие». Так, например, запрещалось помещать в церквях какие-либо посторонние символы или изображения, не исключая и портретов членов царствующего дома. (См., например, *Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей.* М., 1993, (репринтное издание), т.1, с.745).

К стр.503. Об Астраханском архиепископе Фаддее (Успенском) см.: «Патриарх Тихон и история русской церковной смуты». СПб, 1994, с.290 и далее. Здесь же можно подробнее ознакомиться с историей борьбы архиеп. Фаддея с обновленцами в вверенной ему епархии.

К стр.531. По оценке Д'Эрбиньи, «митрополит Антонин обнаруживал странные тенденции: он шел дальше, чем классический протестантизм и самые странные секты, которые кишат в России с давних пор. Он «...не пользуется ни престижем, ни влиянием. (...) Он потерпел крушение, теперь это только развалина. Он мечтал председательствовать на новом соборе, но ничтожное число его приверженцев свело на нет его претензии: по его собственному признанию, его всероссийская церковь возрождения признается только четырнадцатью приходами» (Д'Эрбиньи, указ.соч., с.45 – 46). Характеристику еп. Антонина в послереволюционные годы можно найти также у С.Волкова в его книге воспоминаний, см. *Волков С. Последние у Троицы.* М.–СПб., 1995, с.234 – 236.

К стр.579. Факты, свидетельствующие о справедливости кощунственных высказываний еп. Антонина по поводу способа преподания Св. Таин, трудно найти даже в атеистической литературе.

Книги серии «Материалы по истории Церкви»

Работа над серией начата в 1991 году, первая книга выпущена в 1992 году.

Кн. 1. Митрополит Гедеон (Докукин) «История Христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России». На основании многочисленных источников, исторических свидетельств и ряда архивных материалов автор рассказывает об истории Христианства на Северном Кавказе, охватывая период с первых веков от Рождества Христова до начала XX века.

Кн. 2. Протоиерей Сергей Гаккель «Мать Мария». Простой и правдивый рассказ о жизни и деятельности выдающейся подвижницы современности — монахине Марии (Е. Ю. Скобцовой), мученически погибшей в фашистском концентрационном лагере Равенсбрюк в 1945 г., за несколько дней до освобождения узников. Светлый образ, подвижническая жизнь и праведная смерть м. Марии свидетельствуют не только о подлинной святости, самоотверженной любви к Богу и человеку, но и о красоте и величии нашей Церкви. Переиздание книги о. Сергея Гаккеля, до этого дважды выходившей в Парижском издательстве «ИМКА-ПРЕСС», было посвящено мученикам и исповедникам Российским XX столетия.

Кн. 3. Митрополит Евлогий (Георгиевский) «Путь моей жизни». Уникальный источник, повествующий о целом ряде важнейших событий светской и церковной истории России конца XIX — нач. XX столетий. Речь идет о системе до-революционного духовного образования, быте и нравах духовенства той поры, революциях 1905 и 1917 гг., Японской, Первой мировой и гражданской войнах, о деятельности церковной организации на территориях, контролируемых Белой армией, о церковных и государственных событиях на Украине, в Польше и Западной Европе, куда вместе с остатками разгромленных белогвардейских соединений эмигрировал Владыка-Митрополит. Много внимания уделяется в книге деятельности Государственной Думы, работам Предсоборного присутствия, заседаниям Поместного Собора 1917—1918 гг., а также др. историческим событиям и фактам.

Кн. 4. Протоиерей П. Смирнов «История Христианской Православной Церкви». Учебное и справочное пособие, охватывающее период от Сошествия Св. Духа на апостолов до второй половины XIX в. Отличительная особенность труда, выдержавшего свыше 30 изданий — краткость и доступность изложения. В приложении к книге дано краткое историческое описание Крутицкого Патриаршего Подворья в г. Москве. Книга выпущена летом 1994 г.

Кн. 5. «Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии». В нее вошли работы А. В. Карташева «Временное Правительство и Русская Церковь», проф. И. А. Стратонова «Русская церковная смута (1921—1931)» и Митрополита Елевферия (Богоявленского) «Неделя в Патриархии». Впечатления и наблюдения от поездки в Москву.

Кн. 6. Протопресвитер В. Зеньковский «Пять месяцев у власти». Воспоминания. Автор рассказывает о своей деятельности на посту Министра Исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского на Украине в 1918 г., о церковной жизни этого времени, русско-украинских взаимоотношениях, дает характеристику некоторым видным иерархам.

Кн. 7. Митр. Нестор (Анисимов) «Мои воспоминания». Материалы к биографии, письма. Живой и увлекательный рассказ миссионера о просвещении народов Камчатки светом Христова учения и о жизни Церкви в кон. XIX — нач. XX столетий.

Кн. 8. Российская Церковь в годы революции (1917—1918 гг.). Сборник. Впервые опубликованны дневники протопресвитера Н. А. Любимова «О заседаниях вновь сформированного синода. 12 апреля — 12 июня 1917 г.» и прот. Г. Голубцова «Поездка на Всероссийский Церковный Собор. 29 января — 18 апреля 1918 г.». Документальные свидетельства современников о жизни Церкви в условиях государственного переворота.

Выходит из печати: Проф. П. В. Знаменский «История русской Церкви» (Учебное руководство). (Кн. 10). Рекомендуются для учащихся духовных школ, православных гимназий, а также светских учебных заведений в качестве перwokлассного пособия по истории Церкви.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Соловьев. Предисловие к Российскому изданию	3
Предисловие к Швейцарскому изданию	14
Том 1	16
Том 2	206
Том 3	432
Примечания	659

ЛР № 061218 от 21 мая 1992 г. Подписано в печать 11.03.96 г. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Тираж 3000. Зак. 111.

Крутицкое Патриаршее Подворье, 109044, Москва, ул. Крутицкая, 13.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИПО Профиздат,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18. Плр № 050003 от 19 октября 1994 г.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Книга 9

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ
СМУТЫ

